ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ АН РТ
КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РАН
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СО РАН

Т Р У Д Ы

IV (XX)
В С Е Р О С С И Й С К О Г О
А Р Х Е О Л О Г И Ч Е С К О Г О
С Ъ Е З Д А

в К а з а н и

Том I

Ответственные редакторы:
А.Г. Ситдиков, директор ИА АН РТ, зав. кафедрой археологии и этнологии К(П)ФУ, д.и.н.;
Н.А. Макаров, директор Института археологии РАН, академик РАН;
А.П. Деревянко, директор Института археологии и этнографии СО РАН, академик РАН.

Казань, 2014

УДК 902/904
ББК 63.4
Т78

Утверждено к печати Ученым советом Института археологии Академии наук Республики Татарстан

Проведение IV (XX) Всероссийского съезда в Казани и подготовка к печати материалов съезда осуществлены при финансовой поддержке Кабинета Министров Республики Татарстан и проекта РГНФ №14-11-16502 г(р) /2014

Редакционная коллегия

Х.М.Абдуллин (редактор-составитель), С.И.Валиулина, П.Г.Гайдуков, А.Н.Гей, А.П.Деревянко (ответственный редактор), Е.Г.Дэвлет, А.Р.Канторович, И.Р.Каримов, Д.С.Коробов, Г.Г.Король, Н.Н.Крадин, Е.В.Кузьминых, Н.А.Макаров (ответственный редактор), А.В.Мастыкова, М.Б.Медникова, А.А.Сайфуллин, А.Г.Ситдиков (ответственный редактор), Н.М.Чаиркина, М.В.Шуньков, А.В. Энговатова

Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани.
Том I Казань: ……., 2014. 698 с.: илл., вклейка.
ISBN ……

В I том собрания трудов IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани, который проходил в октябре 2014 г., включены доклады, прозвучавшие на заседаниях первых четырех секций, отражающих историю России от палеолита до позднего бронзового века и перехода к раннему железному веку.

Для археологов, историков, специалистов по смежным дисциплинам.

УДК 902/904
ББК 63.4

ISBN ……..

© Обособленное структурное подразделение ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан» Институт археологии АН РТ, 2014
©Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии РАН, 2014
© Авторы докладов, 2014



Организаторы IV (XX) Всероссийского археологического съезда
(Казань, 20-25 октября 2014 г.)

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ АН РТ
КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РАН
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СО РАН
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН

Оргкомитет IV (XX) Всероссийского археологического съезда

Сопредседатели Оргкомитета -
академик А.П. Деревянко, академик РАН Н.А. Макаров, д.и.н. А.Г. Ситдиков.

Секретариат Оргкомитета - к.и.н. Х.М. Абдуллин, В.А. Харитонович

Члены Оргкомитета - академик В.И.Молодин, чл.-корр. РАН Х.А.Амирханов, чл.-корр. РАН П.Г.Гайдуков, чл.-корр. РАН Г.А.Кошеленко, чл.-корр. РАН Н.Н.Крадин, чл.-корр. РАН Р.М.Мунчаев, чл.-корр. РАН Е.Н.Носов, чл.-корр. РАН М.Б.Пиотровский, чл.-корр. РАН В.В.Седов, чл.-корр. РАН Е.Н. Черных, чл.-корр. АН Татарстана Ф.Ш.Хузин, д.и.н. Л.А. Беляев, д.и.н. М.С.Гаджиев, д.и.н. Н.И.Дроздов, д.и.н. Е.Г.Дэвлет, д.и.н. М.А.Дэвлет, д.и.н. Ю.Ф.Кирюшин, д.и.н. С.И.Кочкуркина, д.и.н. Д.Г.Савинов, д.и.н. А.А.Тишкин, д.и.н. М.В.Шуньков, к.и.н. О.И.Богуславский, к.и.н. С.И.Валиулина, к.и.н. А.Р.Канторович, к.и.н. Н.В.Лопатин, к.и.н. И.К.Решетова, к.и.н. Н.М.Чаиркина, к.и.н. А.В.Энговатова.

СТРУКТУРА ИЗДАНИЯ «ТРУДОВ IV(XX) ВСЕРОССИЙСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СЪЕЗДА»

Том I

Пленарные доклады

Секционные доклады

1. Развитие культурных процессов в палеолите Северной Евразии
2. Культурные процессы в раннем голоцене - мезолит, неолит, энеолит
3. Энеолит – эпоха средней бронзы
4. Финал эпохи средней бронзы, поздний бронзовый век и переход к раннему железному веку

Том II

Секционные доклады

5. Археология античного мира
6. Культурные общности скифской и сарматской эпох в степях Евразии и на сопредельных территориях
8. Ранний железный век в лесной зоне Евразии и на Дальнем Востоке
7. Этнокультурные процессы в Евразии в I тыс. н.э.

Том III

Секционные доклады

10. Средневековая археология Восточной Европы
11. Археологическое изучение средневекового города
12. Археологическое изучение Золотой Орды
21. Особенности урбанизационных процессов в степных империях Евразии
9. Средневековая археология Сибири и Дальнего Востока
18. Археология Северо-Восточной Евразии в исторический период XVI-XVIII вв.

Том IV

Секционные доклады

13. Первобытное искусство: проблемы и перспективы исследований
14. Мультидисциплинарные подходы в изучении древних и средневековых технологий и производств
20. Антропологические данные как исторический источник по реконструкции жизнедеятельности
17. Компьютерные технологии и современные методы полевых исследований в археологии
19. Естественнонаучные исследования и палеогеографические реконструкции в археологии
16. История археологических исследований: люди, памятники, идеи
15. Археологическое наследие: сохранение, менеджмент, музеефикация, реставрация и проблемы общественного признания

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

НОВЕЙШИЕ ОТКРЫТИЯ НА АЛТАЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ РОДА HOMO В ЕВРАЗИИ

© 2014 г. А.П. Деревянко, М.В. Шуньков

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
(derev@archaeology.nsc.ru, shunkov@archaeology.nsc.ru)

***Ключевые слова**:* палеолит, палеогенетика, денисовец, неандерталец, мультирегиональная эволюция человека.

Резюме. Новейшие палеогенетические и антропологические данные, полученные при исследовании Денисовой пещеры свидетельствуют, что носителем верхнепалеолитических традиций на Алтае был ранее неизвестный науке ископаемый человек, который по месту обнаружения антропологических останков получил название человек алтайский или денисовец. Популяция денисовцев существовала на Алтае вместе с наиболее восточной группой неандертальцев, выявленной по данным анализа останков ископаемого человека из пещер Окладникова, Чагырской и Денисовой.

В настоящее время на Алтае, расположенном на границе Северной и Центральной Азии, сосредоточены наиболее информативные археологические комплексы, характеризующие древнейшую историю огромного пространства от Урала до Тихого океана и от Монголии до Северного Ледовитого океана. На территории Алтая наиболее интересные результаты в изучении первобытной истории получены для его северо-западной части по материалам междисциплинарного изучения многослойных палеолитических памятников в долине верхнего течения р. Ануй. В этом районе исследованы многослойные объекты с наиболее протяженной во времени стратиграфической колонкой нижнего, среднего и верхнего плейстоцена, соответствующей развитию культуры первобытного человека и окружающей природной среды от ранней до заключительной стадии палеолита. На многослойной стоянке Карама, в отложениях возрастом 800–600 тыс. лет, обнаружены древнейшие в Северной Азии орудия раннепалеолитического человека, характерные для галечных индустрий олдувайского типа. В Денисовой пещере прослежено развитие палеолитических культурных традиций в течение как минимум 280 тыс. лет и автохтонное становление культуры верхнего палеолита на местной среднепалеолитической основе в хронологическом интервале 50–40 тыс. лет назад, без заметных признаков внешних влияний. При этом наборы каменных и костяных орудий, а также предметы символической деятельности из кости и поделочного камня, свидетельствуют о достаточно высоком уровне материальной и духовной культуры обитателей Алтая в начале верхнего палеолита. Кроме того, новейшие антропологические открытия на Алтае связаны с основными проблемами формирования человека современного физического облика.

Палеогенетические исследования антропологических находок из культурного слоя начальной стадии верхнего палеолита в Денисовой пещере, датированном 50 тыс. лет назад, проведены в Институте эволюционной антропологии Макса Планка в Лейпциге интернациональным коллективом уче-

ных под руководством профессора С. Паабо (Krause et al., 2010; Meyer et al., 2012). Расшифровка сначала митохондриальной, а затем и ядерной ДНК из костных образцов показала, что они принадлежат ранее неизвестному науке ископаемому гоминину, который по месту обнаружения антропологических останков получил название человек алтайский, или денисовец. Анализ секвенированного генома представителей новой группы древних гомининов показал их сестринскую близость неандертальцам, т.е. сначала ветвь их предков отделилась от общего с человеком современного физического вида эволюционного ствола, а потом произошло и их разделение.

Популяция денисовцев существовала в северо-западной части Алтая вместе с наиболее восточной группой неандертальцев, установленной по данным палеогенетического анализа останков ископаемого человека сначала из пещер Окладникова и Чагырской (Krause et al., 2007), а затем из Денисовой пещеры (Prufer et al., 2014), т.е. в период 50–40 тыс. лет назад на этой территории обитали две разные группы первобытных людей. При этом неандертальцы пришли на Алтай, скорее всего, из западных районов Центральной Азии, а корни культуры, носителями которой были денисовцы прослеживаются в древнейших горизонтах Денисовой пещеры. Способы и приёмы жизнедеятельности денисовцев не уступали, а в некоторых аспектах превосходили поведенческие характеристики человека современного физического облика, жившего в одно и то же время с ними на других территориях.

Новейшие палеогенетические данные показали также, что от 1,5 до 2,1% генома современного человека «принадлежит» неандертальцам, что свидетельствует о возможном скрещивании этих двух видов на определенном эволюционном этапе. Что касается денисовцев, то 3–6% их генома несут современные жители южного полушария: коренное население Австралии, островов Меланезии и Филиппин. Отметим, что на протяжении плейстоцена уровень мирового океана значительно колебался, и острова Юго-Восточной Азии, Австралия и Папуа-Новая Гвинея периодически представляли собой части протоматериков Сунда и Сахул. Поэтому в период от 60 до 40 тыс. лет назад были этапы, когда человек мог передвигаться из Азии в южном направлении и заселять эти территории вплоть до Австралии, о чем и свидетельствуют современные генетические данные.

Таким образом, и неандертальцы, и денисовцы получили право войти в число предков современного человека. Эти открытия позволяют говорить о новой модели становления человека современного физического облика в противовес теории моноцентризма, согласно которой единственным очагом становления современного человека являлась Восточная Африка, откуда потом и произошло его расселение по территории Евразии.

Новая версия полицентризма или мультирегиональной эволюции человека (Деревянко, Шуньков, 2012) основана, прежде всего, на данных археологии – если бы коренное население везде замещалось человеком разумным, пришедшим из Африки, то и культурные проявления ранней стадии верхнего палеолита должны были быть достаточно однородными на территории всей первобытной ойкумены. Однако археологические материалы свидетельствуют, что это далеко не так – каменные индустрии начальной поры верхнего палеолита в Африке, в западной части Евразии, на юге Сибири и на востоке Азии принципиальным образом отличаются друг от друга, что подразумевает культурную и, следовательно, генетическую непрерывность у первобытного населения в каждом из этих регионов.

Наглядный пример мультирегиональной эволюции человека представляют палеолитические материалы из восточных регионов Азии, где *Homo erectus*, пришедший с первой миграционной волной, а затем его потомки в течение сотен тысяч лет развивали свои приемы обработки камня, отличные от технологий, характерных для остальной части Евразии. Отсутствие внешних инноваций в каменных индустриях так называемой китайско-малайской зоны в период от 100 до 30 тыс. лет назад, когда в других областях первобытной ойкумены происходил переход от среднего к верхнему палеолиту, позволяет предположить, что миграционная волна людей современного типа из Африки не дошла до побережья Тихого океана. На этих территориях происходило автохтонное формирова-

ние человека современного физического типа путём эволюции азиатской формы *Homo erectus*. Кстати, это предположение подтверждается и новыми данными о возрасте некоторых палеоантропологических находок с сапиентными чертами в Китае, свидетельствующими, что анатомически современные люди появились здесь не позднее 100 тыс. лет назад (Shen, Michel, 2007).

Согласно археологическим, антропологическим и генетическим материалам из древнейших местонахождений Африки и Евразии можно говорить о том, что на земном шаре существовало несколько зон, в которых шел самостоятельный процесс эволюции популяций *Homo erectus* и развития технологий обработки камня (Деревянко, 2011). В каждой из этих зон складывались свои культурные традиции, свои модели перехода от среднего к верхнему палеолиту и происходило независимое становление ранних форм человека разумного – африканской в Восточной и Южной Африке, ориентальной в Восточной и Юго-Восточной Азии, неандертальской и алтайской на территории остальной части Евразии, которые в разной степени внесли вклад в формирование анатомически современного человека. Неоспоримым подтверждением правомерности этой концепции стали новейшие данные палеогенетических исследований, показавшие наличие в генофонде современного человечества генетического материала, унаследованного как от неандертальцев, так и от денисовцев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Деревянко А.П. Верхний палеолит в Африке и Евразии и формирование человека современного анатомического типа. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2011. 560 с.

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Новая модель формирования человека современного физического вида // Вестник РАН. 2012. Т.82. № 3. С. 202–212.

Meyer M., Kircher M., Gansauge M.-T., Li H., Racimo F., Mallick S., Schraiber J.G., Jay F., Prüfer K., de Filippo C., Sudmant P.H., Alkan C., Fu Q., Do R., Rohland N., Tandon A., Siebauer M., Green R.E., Bryc K., Briggs A.W., Stenzel U., Dabney J., Shendure J., Kitzman J., Hammer M.F., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Patterson N., Andrés A.M., Eichler E.E., Slatkin M., Reich D., Kelso J., Pääbo S. A High-Coverage Genome Sequence from an Archaic Denisovan Individual // Science. 2012. Vol. 338. P. 222–226.

Krause J., Orlando L., Serre D., Viola B., Prüfer K., Richards M.P., Hublin J.J., Hänni C., Derevianko A.P., Pääbo S. Neanderthals in Central Asia and Siberia // Nature. 2007. Vol. 449. P. 902–904.

Krause J., Fu Q., Good J., Viola B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Pääbo S. The complete mitochondrial DNA genome of an unknown hominin from southern Siberia // Nature. 2010. V. 464. P. 894–897.

Prüfer K., Racimo F., Patterson N., Jay F., Sankararaman S., Sawyer S., Heinze A., Renaud G., Sudmant P. H., Filippo C. de, Li H., Mallick S., Dannemann M., Fu Q., Kircher M., Kuhlwilm M., Lachmann M., Meyer M., Ongyerth M., Siebauer M., Theunert C., Tandon A., Moorjani P., Pickrell J., Mullikin J.C., Vohr S.H., Green R.E., Hellmann I., Johnson P.L. F., Blanche H., Cann H., Kitzman J.O., Shendure J., Eichler E.E., Lein E.S., Bakken T.E., Golovanova L.V., Doronichev V.B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Viola B., Slatkin M., Reich D., Kelso J., Pääo S. The complete genome sequence of a Neanderthal from the Altai Mountains // Nature. 2014. Vol. 505. P. 43–49.

Shen G., Michel V. Position chronologique des sites de l'homme moderne en Chine d'aprés la dation U–Th // L'Antropologie. 2007. № 111. P. 157–165.

КАЗАНСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ: ИТОГИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

© 2014 г. А.Г. Ситдиков[1], Ф.Ш. Хузин[2]

[1]Институт археологии АН РТ, Казань
(sitdikov_a@mail.ru)
[2]Казанский федеральный университет, Казань
(khuzinfayaz@mail.ru)

Ключевые слова: История археологии, *Институт археологии АН РТ, перспективы и* направления археологических исследований.

Резюме. Статья посвящена истории, современности и перспективах казанской археологической науки. В исследовании выделены основные исторические вехи зарождения и роста археологической науки в Казани. Уделено внимание современному состоянию археологии в Республике, обозначены основные направления движения археологической науки в будущем.

Археология в Казани впервые получила определенную организационную форму в 1878 г., когда при Казанском императорском университете по решению IV Археологического съезда было создано Общество археологии, истории и этнографии. Общество, существовавшее до начала 1930-х годов, выступило инициатором и организатором первых археологических раскопок на территории региона. Активными членами ОАИЭ были С.М. Шпилевский, А.Ф. Лихачев, П.А. Пономарев, Н.Ф. Высоцкий, Г. Ахмаров, В.Ф. Смолин, М.Г. Худяков и др., труды которых послужили фундаментом, на котором сложилась археологическая наука в Татарстане.

С образованием в 1939 г. Казанского института языка, литературы и истории, вошедшего в 1945 г. в состав Казанского филиала АН СССР, связано формирование местной археологической школы, прославившейся впоследствии именами Н.Ф. Калинина, А.Х. Халикова, Т.А. Хлебниковой, Р.С. Габяшева, П.Н. Старостина, Р.Г. Фахрутдинова, Е.П. Казакова и др.

В 1962 г. из сектора истории ИЯЛИ КФАН СССР выделились археологи и этнографы, создав самостоятельный сектор. Почти четверть века спустя, в 1986 г., сектор археологии и этнографии был разделен на два отдела. Отдел археологии, насчитывающий 11 археологов с 5 лаборантами, Постановлением Кабинета министров РТ № 746 от 16.10.1995 г. был преобразован в Национальный центр археологических исследований (НЦАИ) со статусом головной организации с правом осуществления контроля и координации всех археологических исследований на территории республики.

Специфика многонационального региона, где издревле, еще до появления здесь представителей тюркоязычных племен, проживало финно-угорское население, требовала изучение проблем этногенеза и этнической истории современных народов края, особенностей формирования культур различных этносов в условиях их тесного контактирования. В целом же археология Татарстана развивалась по трем ключевым направлениям: 1) сплошное разведочное обследование региона в целях создания наиболее полного свода археологических памятников Среднего Поволжья; 2) стационарные исследования памятников эпохи первобытности и средневековья, в первую очередь, исторически известных болгарских городов, поселений сельского типа и некрополей; 3) исследования в области этногенеза и этнической истории, взаимодействия культур тюркоязычных и финно-угорских народов региона.

Итогом работ по первому направлению стала Археологическая карта Татарстана в

6-ти томах под редакцией А.Х. Халикова, изданный в 1981-1990 гг. Результаты археологического изучения важнейших памятников эпохи камня, бронзы, раннего железа и раннего средневековья, а также Болгара, Биляра-Великого города, Джукетау, средневековой Казани, Алабуги, других поселений городского и сельского типов опубликованы в десятках тематических сборников и монографий. Третье направление исследований, демонстрировавшее сложную картину этногенеза народов региона, представлено в основном трудами А.Х. Халикова, Т.А. Хлебниковой и Е.П. Казакова[1].

В связи с новыми общественно-политическими процессами в стране, происходившими в начале 1990-х годов, значительно повысился интерес широкой общественности к истории татар, истокам его государственности, что отразилось в повышении статуса археологической науки, способной решать самые сложные, спорные и жизненно важные для будущности татар проблемы его древней и средневековой истории. В 1996 г. из ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ выделился самостоятельный Институт истории им. Ш. Марджани. За последние 10–15 лет происходил неуклонный рост численного состава сотрудников НЦАИ в составе Института истории АН РТ, обусловленный все возрастающими потребностями в выявлении, изучении и сохранении огромного археологического наследия народов Татарстана.

Предложение о возможности создания самостоятельного Института археологии на базе НЦАИ, впервые высказанное московскими и петербургскими коллегами (Р.М. Мунчаев, В.В. Седов, А.Г. Векслер, А.Н. Кирпичников) еще в период нашего сотрудничества по определению возраста Казани, нашло поддержку руководства АН РТ. Президиум АН РТ своим решением от 30 июля 2013 г., одобренным Кабинетом министров РТ, возвестил о создании на основе Национального центра археологических исследований и Музея археологии Татарстана Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ с имеющимися штатными единицами.

Сегодня в отделах первобытной археологии, средневековой археологии, естественнонаучных исследований и музееведения по специальности «археология» работает около 60 сотрудников, в том числе – 2 член-корреспондента АН РТ, 6 докторов наук, 6 лауреатов Государственной премии РТ, 4 заслуженных деятеля науки РТ. Созданы межведомственные и межрегиональные центры: естественнонаучных исследований в археологии (совместно с КФУ, Институтом археологии РАН и др.); Центр изучения болгарской цивилизации (совместно с Институтом археологии НАН Украины, Варненским музеем Института археологии АН Болгарии, Астраханским, Болгарским и Билярским музеями-заповедниками). При Институте создана лаборатория антропогенетических исследований. С начала 2000-х годов совместно с КФУ ведется большая работа в области изучения генетики древнего и современного населения региона. Данное направление исследований соответствуют передовым мировым стандартам и является приоритетным.

Впервые в регионе организована работа по созданию Геоинформационной системы для памятников археологии Татарстана (около 3 тыс. объектов). Разработки могут быть применены и при создании ГИС для объектов культурного наследия Татарстана и включением данных в кадастровую систему РТ. Подобные управляемые базы данных являются важным условием эффективной работы и взаимодействия различных государственных структур по сохранению культурного наследия.

Функционируют восемь археологических экспедиций, финансируемых за счет программных и грантовых средств: Первобытная, Раннеболгарская, Болгарская, Билярская, Нижневолжская, Волго-Окская, Охранно-спасательных работ, экспедиция в зонах Куйбышевского и Нижнекамского водохранилищ.

С 2010 г. при финансовой поддержке республиканского фонда «Возрождение» реализуется комплексный проект «Культурное наследие: древний Болгар и остров-град Свияжск». Он предусматривает реализацию про-

1 Более полную библиографию см.: Указатель трудов ученых Института языка, литературы и истории Академии наук Татарстана. 1939-1986 гг. / Под ред. А.Г. Каримуллина. Казань, 1997; Национальный центр археологических исследований. Библиография трудов научных сотрудников (1987-2006 гг.) / Отв. ред. и сост. Ф.Ш. Хузин. Казань, 2007.

граммы по сохранению археологического наследия и созданию современной музейной и туристической инфраструктуры в Свияжске и Болгарском музее-заповеднике. Археологи Института истории АН РТ за короткий срок организовали и проводили масштабные раскопки этих двух памятников, разработали научную концепцию и создали экспозиции открывшегося в 2013 г. Музея болгарской цивилизации в г. Болгаре.

Одновременно проводятся раскопки золотоордынских памятников в Нижегородской (Курмыш, Нижегородский кремль) и Астраханской областях (Старый Сарай – Селитренное и Самосдельское городища), совместные исследования в Алтайском крае, Рязанской, Ульяновской областях, Республиках Чувашия и Марий Эл. По приглашению археологов Болгарии наши антропологи и археозоологи участвуют в раскопках и обработке материалов средневековых городов Плиски и Преслава.

Музейный археологический фонд Института археологии РТ включен в число Государственного музейного фонда Российской Федерации. В этом году планируется открытие Музея археологи Республики Татарстан, что позволит новому Институту стать основой Государственного депозитария для археологических коллекций, происходящих с территории Татарстана. Подобные формы организации музейного хранения в мире рассматриваются как перспективные, такие структуры планируется реализовывать и в РФ.

Большая работа ведется в области современных методов реставрации. Создаются новые методики реставрации, основанные на применении нанотехнологий. Реставрационные лаборатории по предметам археологии являются уникальной научной центром, которые выполняют не только передовые исследования, но ведут обширную работу по сохранению археологических предметов для музеев Татарстана и Поволжья.

Нельзя не упомянуть о нашей довольно активной издательской деятельности. Начиная с 2007 г. опубликовано 16 солидных выпусков в серии «Археология евразийских степей», 4 выпуска серии «Археология и естественные науки Татарстана». С 1997 г. выходит журнал «Finno-Ugrica», в 2012 г. основан журнал «Поволжская археология», получившие положительные отзывы наших российских коллег. Последние достижения археологов Татарстана нашли отражение в первых трех томах семитомной «Истории татар с древнейших времен» (2002; 2006; 2009), Атласах «Tartarica», «Bulgarica» и «Великий Болгар», в составлении которых приняли участие наши российские и зарубежные коллеги. Все это способствует поднятию престижа казанской археологической школы в России и за рубежом, превращению Института археологии АН РТ в действенный координационный центр для археологических учреждений Поволжского региона.

Имеющийся потенциал археологических подразделений, преобразованных в новую организационную структур в рамках Академии наук РТ, дает возможность реализовать научный потенциал Республики в данном направлении. Создание Института археологии АН РТ включает науку Татарстана в современные процессы формирования археологии с внедрением новых методов исследований в археологии и сохранения культурного наследия, соответствующих мировым стандартам.

Появление нового научного академического учреждения дает возможность Татарстану стать одним из ведущих центров археологии, способных координировать деятельность российских и международных научных учреждений, разрабатывающих проблемы древней и средневековой археологии Евразии. Самостоятельный академический Институт археологии, объединяющий исследователей специализирующихся на особой научной дисциплине, может повысить и эффективность организации археологических (в том числе охранно-спасательных, новостроечных) работ в Республике Татарстан, в том числе по реализации программы «Возрождение историко-культурного наследия народов поволжского региона».

СЕКЦИЯ 1

РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ В ПАЛЕОЛИТЕ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ

ТРАСОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ГЕОМЕТРИЧЕСКИХ МИКРОЛИТОВ ИЗ РАННЕМЕЗОЛИТИЧЕСКОГО СЛОЯ ПЕЩЕРЫ ДВОЙНАЯ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ[1]

© 2014 г. О.И. Александрова

Институт археологии РАН, Москва
(adamena@mail.ru)

Ключевые слова: каменные век, мезолит, Северо-Западный Кавказ, Губское ущелье, трасологический метод, геометрические микролиты, метательный износ, органические остатки.

Резюме. В результате трасологического анализа каменных изделий второго мезолитического слоя пещеры Двойная удалось установить различные трудовые операции, производившиеся этими орудиями и связанные с обработкой шкур и кожи, кости, дерева, камня. На основании изучения макроповреждений и сопутствующих им микроследов, ассоциируемых с метательным износом на геометрических микролитах, реконструируется их использование в качестве косолезвийных и поперечнолезвийных наконечников стрел. На орудиях были зафиксированы остатки, предположительно, органического происхождения. Стоянку, приуроченную ко второму мезолитическому слою, можно охарактеризовать как сезонное охотничье поселение.

Трасологический анализ каменного инвентаря из раскопок стоянок конца палеолита – мезолита в Губском ущелье на Северо-Западном Кавказе ранее не производился. Благодаря новым материалам, полученным в ходе изучения Губской археологической экспедицией под руководством Е.В. Леоновой в 2008–2013 гг. стратифицированных памятников пещера Двойная и навес Чыгай, появились перспективы для масштабного трасологического анализа эталонных для региона материалов. На данный момент на памятниках исследованы слои, относящиеся к верхнему палеолиту и мезолиту (навес Чыгай и пещера Двойная) и энеолиту (навес Чыгай) (Леонова, 2012; Леонова, Александрова, 2012а).

Функциональная характеристика каменных материалов, происходящих из двух слоев мезолитического времени в пещере Двойная, на основе проведенного трасологического анализа демонстрирует явную охотничью направленность хозяйственной деятельности на стоянках: присутствуют орудия со следами различных трудовых операций по разделке добычи, обработке полученных в результате охоты шкур, костей, изготовлению охотни-

1 Работа выполнена в рамках Программы Президиума РАН «Традиции и инновации» и проекта РФФИ № 12-06-00202-а.

чьего вооружения. Немаловажную роль в трудовых операциях на стоянках играла обработка дерева (Александрова, 2014).

Каменный инвентарь мезолитических слоев пещеры Двойная включает значительное количество геометрических микролитов. На основании изучения материалов удается проследить направление развития (или смены) мезолитических индустрий от более ранних (раннемезолитический слой), без трапеций и с большим количеством сегментов, к более поздним, где среди геометрических микролитов доминируют трапеции (Леонова, Александрова, 2012б). В этой связи чрезвычайно интересным представляется изучение макроповреждений на геометрических микролитах, а также изучение их поверхности на микроуровне при помощи микроскопа.

Коллекция каменных предметов, происходящих из второго мезолитического слоя пещеры Двойная, демонстрирует весь спектр производственной деятельности на памятнике. Среди морфологически выраженных орудий преобладают скребки – 68 экз. (более 20% от всех орудий), большинство из которых относится к концевым формам. Также в коллекции второго слоя присутствуют два скребла на массивных отщепах. Резцы составляют менее 10% орудий (24 экз.) коллекции и представлены преимущественно различными ретушными формами. Кроме этого в коллекции хорошо представлены выемчатые (28 экз.) и зубчато-выемчатые (11 экз.) орудия; острия разнообразных форм (23 экз.); пластины с ретушью (35 экз.), пластины и пластинки с притупленным краем (24 экз.), а также долотовидные орудия. Геометрические микролиты представлены трапециями (всего 10 экз.), единичными находками прямоугольников (3 экз.), а также серией сегментов, насчитывающих 34 экз. Изделия из кости единичны: два костяных острия и три подвески из зубов животных со сверленными биконическими отверстиями на корнях, а также обломок трубчатой кости с удаленной губчатой массой и заглаженными краями сломов, предположительно служивший в качестве муфты, и обломок трубчатой кости с пазом.

Группа охотничьего вооружения и орудий разделки добычи для второго мезолитического слоя пещеры Двойная на основании трасологического анализа составляет 30% от общего числа предметов со следами износа (всего со следами использования было выявлено 328 предметов). Среди орудий этой группы наиболее многочисленна серия цельных наконечников стрел, представленных геометрическими микролитами (сегменты, трапеции), симметричными остриями и их обломками, а также несколькими экземплярами пластинок и микропластинок с притупленным краем, в общей сложности насчитывающими 65 экз.

Изучению геометрических микролитов посвящено значительное количество работ, опирающихся на эксперименты, трасологический анализ, этнографические параллели (Odell, 1979; Fischer, Hansen, Rasmussen, 1984; Нужный, 1992; Суворов, Васильева, 2003; Yaroshevich et al., 2010; и др.). Экспериментальные исследования отмечают значительное разнообразие типов повреждений, связанных с метательным износом, находящихся во взаимосвязи со способом фиксации наконечника на древке (Fischer, Hansen, Rasmussen, 1984; Нужный, 1992). Благодаря детальному анализу макроповреждений, ассоциируемых с метательным износом, приводятся многочисленные реконструкции их использования в качестве единичных наконечников стрел, а также в составе метательного вооружения. Исследователями прослеживается взаимосвязь между морфологией микролита и способом его фиксации на древке. Вариабельность форм геометрических микролитов связывается с изменениями в технологии изготовления метательного вооружения, а также с культурными отличиями. Изменение типа вооружения может свидетельствовать о наличии адаптивных механизмов в условиях изменений окружающей среды (Yaroshevich et al., 2010, p. 368).

На основании макроанализа поверхности геометрических микролитов, происходящих из второго мезолитического слоя, удалось выделить три типа повреждений, ассоциируемых с метательным износом (рис. 1):

Повреждения, ориентированные параллельно длинной оси микролита (рис. 1А):

Сломы части корпуса, заходящие на дорсальную либо вентральную поверхность, либо срезающие часть края;

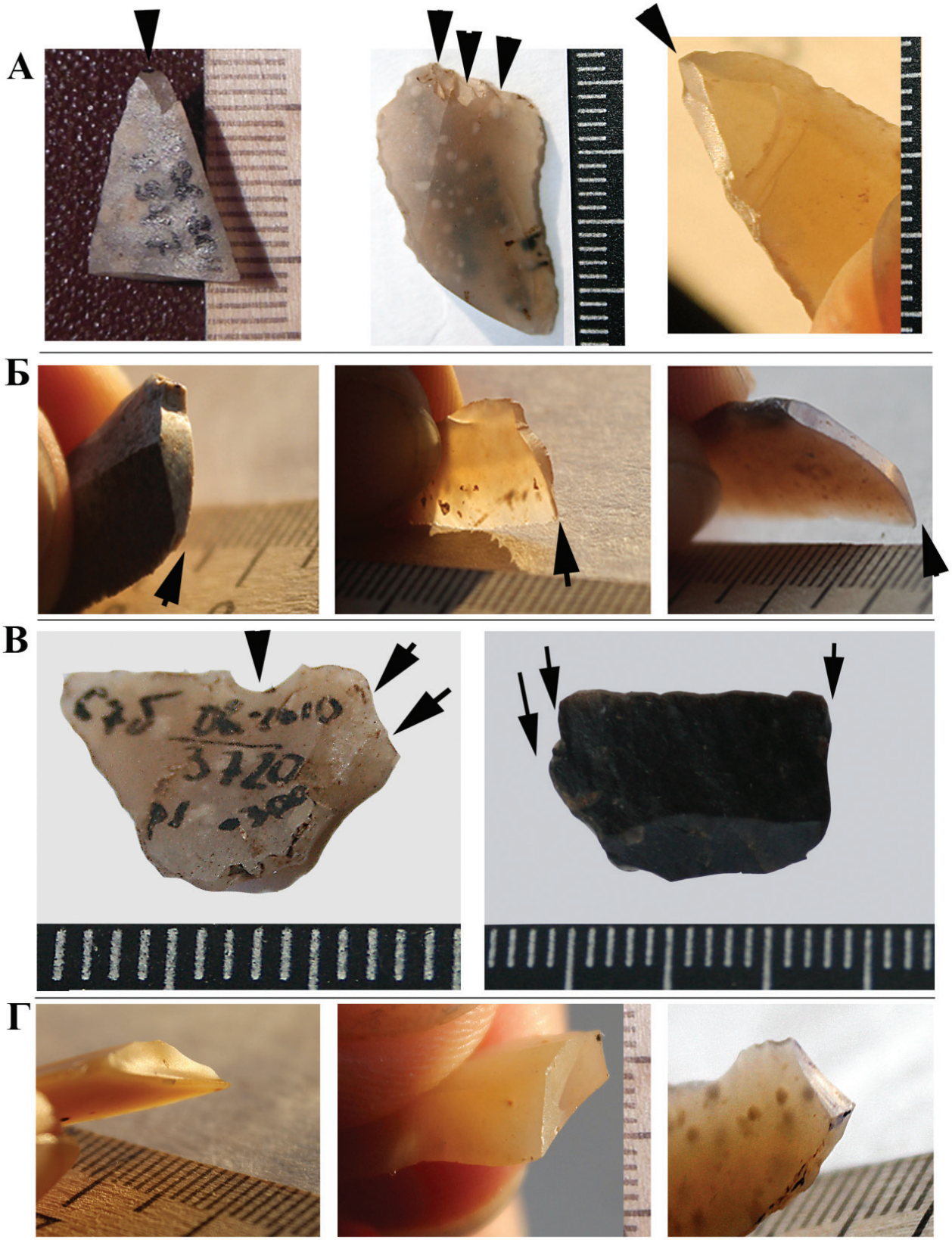


Рис. 1. Макроповреждения на поверхности геометрических микролитов из второго мезолитического слоя пещеры Двойная на Северо-Западном Кавказе.

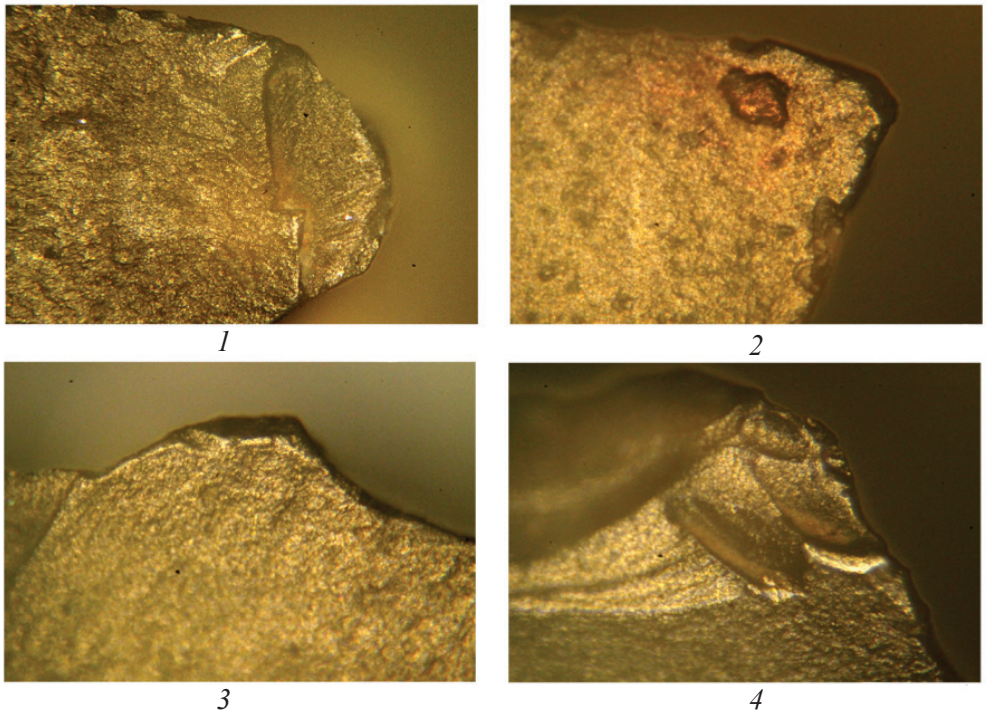


Рис. 2. Микроследы, зафиксированные на остриях геометрических микролитов из второго мезолитического слоя пещеры Двойная на Северо-Западном Кавказе (микрофотографии имеют увеличение 100 крат).

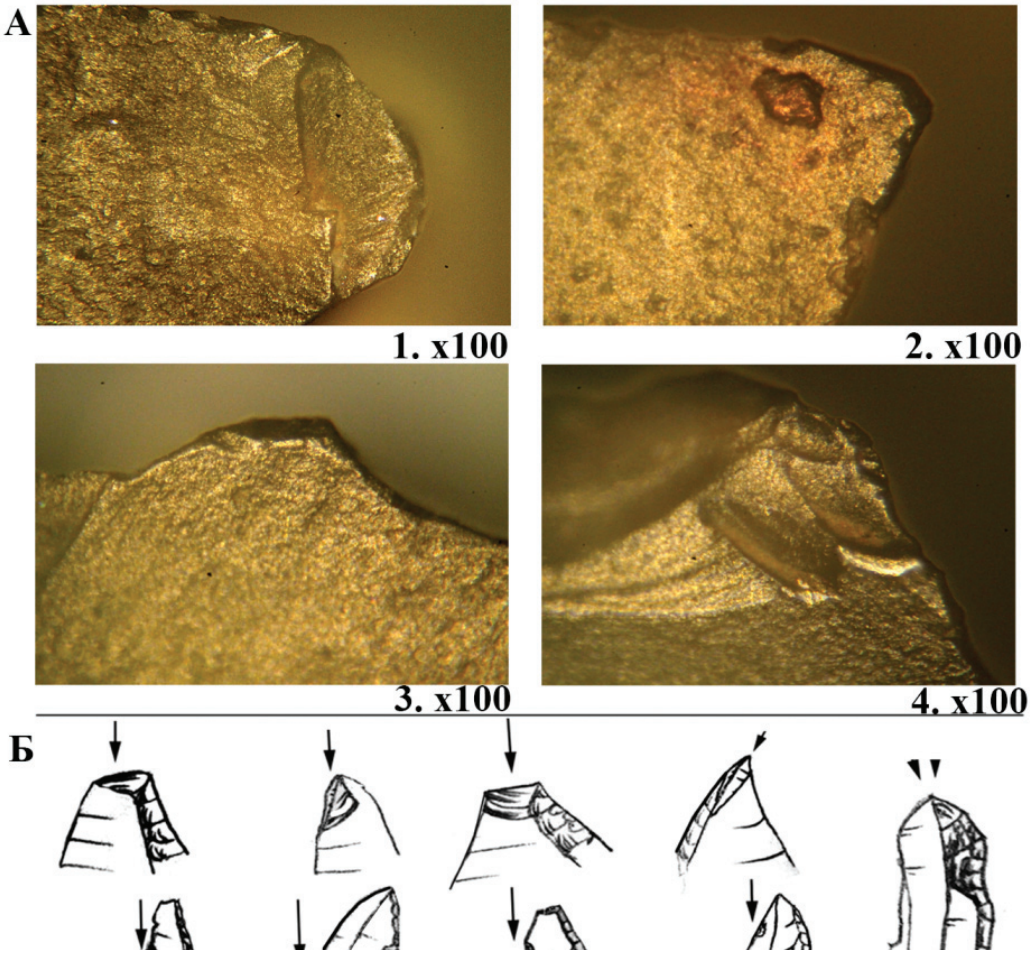


Рис. 3. Реконструкция способа крепления сегментов и трапеций в качестве косолезвийных наконечников стрел, трапеций – в качестве поперечнолезвийных наконечников, а также микропластинок с притупленным краем – в качестве симметричного наконечника.

Резцовые сколы, удаляющие часть одного из концов микролита и заходящие на ретушированный край;

Резцовые сколы, удаляющие острый край микролита.

Повреждения, ориентированные под углом либо перпендикулярно к длинной оси микролита. Эти повреждения начинаются с острого края микролита и, как правило, представляют собой резцовые сколы, удаляющие часть одного из концов микролита и срезающие ретушированный край, заходящие на дорсальную и вентральную поверхности, а также разноразмерные фасетки на дорсальной либо вентральной поверхности микролита по нересушированному краю (рис. 1Б, 1В).

Поперечные сломы корпуса микролита (рис. 1Г).

В ряде случаев на поверхности геометрических микролитов встречены комбинации повреждений, ассоциируемых с метательным износом, как правило, располагающиеся на противоположных концах микролита и представленные следующими комбинациями:

Серии параллельных длинной оси микролита повреждений на одном или двух концах;

Серии перпендикулярных либо располагающихся под углом по отношению к длинной оси корпуса микролита повреждений на одном или обоих концах;

Сочетание параллельно и перпендикулярно расположенных повреждений на противоположных концах.

Наиболее часто встречающийся тип повреждений на микролитах представляет собой резцовый скол, начинающийся на остром краю микролита и дугообразно срезающий часть ретушированной стороны орудия. Этот тип повреждений зафиксирован на 15 сегментах и 3 трапециях. На пяти сегментах этот тип повреждений отмечается в сочетании с параллельными краю острия резцовыми сколами, либо плоскими фасетками на дорсальной или вентральной поверхностях на противоположном конце микролита. Подобное сочетание признаков метательного износа характерно для микролитов, зафиксированных на древке в позиции косолезвийного наконечника (Нужный, 1992).

Второй тип перпендикулярных длинной оси микролита повреждений по острому краю в виде фасеток выкрошенности и в виде резцовых сколов, удаляющих концы микролита, зафиксирован исключительно на трапециях (5 экз.) и ассоциируется с повреждениями при ориентации микролита в качестве поперечнолезвийного наконечника стрелы (Там же). Наблюдаются также различия в морфологии трапеций и способе их фиксации: для косолезвийных наконечников использовались низкие симметричные трапеции, тогда как для поперечнолезвийных использовались разные вариации с преобладанием высоких и средневысоких.

На микроуровне на поверхности микролитов на одном из концов по кромке, а также на вентральной и дорсальной сторонах был зафиксирован комплекс микроследов в виде линейно направленных легких заполировок (рис. 2, *1, 2*). Края острия на микроуровне имеют скругление и облегающую заполировку, характерную для контакта с мягким материалом (Коробкова, Щелинский, 1996) (рис. 2, *3, 4*). Реже зафиксированы линейные следы в виде неглубоких тонких рисок, повторяющих направление заполировки. Подобный комплекс микроследов мог образоваться при попадании наконечника стрелы в тушу добычи. Таким образом, на основании выявленных микроследов и макроповреждений на геометрических микролитах, ассоциируемых с метательным износом, можно говорить об использовании большинства изученных сегментов и трех низких симметричных трапеций в качестве косолезвийных наконечников стрел, либо их фиксации в составном метательном вооружении в качестве косо-ориентированных «шипов» (Yaroshevich et al., 2010). Также в качестве поперечнолезвийных наконечников стрел были использованы трапеции. Три прямоугольника из второго мезолитического слоя не несут на себе повреждений и не содержат диагностирующих микроследов. Серия повреждений, ассоциируемых с метательным износом, была зафиксирована также на 11 остриях, 2 микропластинках с притупленным краем, 3 пластинках с притупленным краем и одной пластинке, которые функционально были определены как наконечники стрел с вертикальной ориентацией на древке.

В процессе изучения поверхности микролитов на макроуровне были зафиксированы

полосы смолоподобного вещества, которые предварительно интерпретируются как остатки клеящей массы и обмотки, при помощи которых микролит фиксировался на древке. В настоящий момент проводятся анализы по установлению состава этих остатков. На основании комплекса повреждений, ассоциируемых с метательным износом, были произведены реконструкции способа крепления микролитов на древке (рис. 3). Таким образом, предварительно можно говорить о том, что различия в форме геометрических микролитов, происходящих из двух слоев времени мезолита в пещере Двойная, отчасти обусловлены изменениями в ведущих формах охотничьего вооружения. Очерчивая направление дальнейших исследований, необходимо отметить, что для материалов первого мезолитического слоя пещеры Двойная и материалов навеса Чыгай также проводится трасологический анализ, в связи с чем первостепенным представляется сопоставление функциональных групп орудий из различных по времени бытования, палеоклиматическим условиям и облику каменного инвентаря стоянок, что, в конечном итоге, позволит проследить адаптационные механизмы взаимодействия человека с окружающей его средой на примере памятников конца палеолита – мезолита на Северо-Западном Кавказе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Александрова О.И. Функциональный анализ каменных орудий второго мезолитического слоя пещеры Двойная на Северо-Западном Кавказе // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения: мат-лы Междунар. науч. конф. Москва, 21–25 апреля 2014 г. М.: ИА РАН, 2014. С. 48–50.

Коробкова Г.Ф., Щелинский В.Е. Методика макро-микроанализа древних орудий труда. Ч. 1. СПб.: ИИМК РАН, 1996. 80 с.

Леонова Е.В. К вопросу о тенденциях развития мезолитических индустрий Северо-Западного Кавказа и Горного Крыма // Человек в истории и культуре. Вып. 2: Мемориальный сб. мат-лов и исследований в память лауреата Гос. премии Украины академика РАЕН, проф. В.Н. Станко / Отв. ред. А.А. Пригарин. Одесса: СМИЛ, 2012. С. 201–205.

Леонова Е.В., Александрова О.И. К характеристике мезолита Северо-Западного Кавказа (по материалам пещеры Двойная) // КСИА. 2012а. Вып. 227. С. 207–215.

Леонова Е.В., Александрова О.И. Динамика культурных процессов в верхнем палеолите – мезолите Северо-Западного Кавказа (по материалам многослойных памятников навес Чыгай и пещера Двойная) // Историко-культурное наследие и духовные ценности России / Отв. ред. А.П. Деревянко, А.Б. Куделин, В.А. Тишков. М.: РОССПЭН, 2012б. С. 21–28.

Нужний Д.Ю. Розвиток мікролітичної техніки в кам'яному віці. Київ: Наук. думка, 1992. 185 с.

Суворов А.В., Васильева Н.Б. Два вкладышевых орудия из погребения III памятника Минино II на Кубенском озере // Петербургская трасологическая школа и изучение древних культур Евразии / Отв. ред. В.М. Массон. СПб.: ИИМК РАН, 2003. С. 287–292.

Fischer A., Hansen P.V., Rasmussen P. Macro and Micro Wear Traces on Lithic Projectile Points // *J. of Danish Archaeology*. 1984. № 3. P. 19–46.

Odell G.H. A New and Improved System for the Retrieval of Functional Information from Microscopic Observations of Chipped Stone Tools // *Lithic Use-Wear Analysis* / Ed. B. Hayden. N.Y.: Academic Press, 1979. P. 329–344.

Yaroshevich A., Kaufman D., Nuzhnyy D., Bar-Yosef O., Weinstein-Evron M. Design and performance of microlith implemented projectiles during the Middle and Late Epipalaeolithic of the Levant: experimental and archaeological evidence // J. of Archaeological Science. 2010. № 37. P. 368–388.

ПАЛЕОЛИТ ПРИМОРСКОГО ДАГЕСТАНА

© 2014 г. А.А. Анойкин

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
(anui1@yandex.ru)

Ключевые слова: палеолит, мелкоорудийные индустрии, ашель, технокомплекс, плейстоцен, Дагестан.

Резюме. Статья посвящена итогам комплексных исследования последних лет, проводимых на территории прикаспийской предгорной равнины в Южном Дагестане. Раннепалеолитические индустрии стоянок Рубас-1 и Дарвагчай-1 дают основание рассматривать Кавказ как один из очагов существования доашельских микроиндустрий на самых ранних этапах человеческой истории. Более поздние материалы (Чумус-Иниц, Дарвагчай-карьер, Дарвагчай-залив-1 и др.) демонстрируют появление на этой территории комплексов с классическими ашельскими рубилами. Развитые среднепалеолитические индустрии (Рубас-1 (средний комплекс), Рубас-2–5) характеризуются применением двух разновидностей леваллуазской техники, а также присутствием в ассамбляжах интенсивно ретушированных скребел и мустьерских остроконечников. Для рубежных верхнему палеолиту технокомплексов (Тинит-1, Рубас-1 (верхний комплекс)) характерна призматическая (или близкая к таковой), а также простая параллельная техника получения пластинчатых заготовок с редуцированием ударной площадки подтеской и пришлифовкой.

В ходе первоначального заселения Евразии, которое началось около 2 млн л.н., одним из основных транзитных коридоров являлся Кавказ. Наиболее ранние памятники на этой территории принадлежат палеомагнитной эпохе Матуяма, т.е. относятся к периоду древнее 0,68 млн л.н. При этом большинство известных стоянок сосредоточено в ее центральной части, в Закавказье или вдоль черноморского побережья. Территория Северо-Восточного Кавказа, особенно прибрежные районы Каспийского моря, до недавнего времени была изучена крайне слабо. Новые археологические изыскания позволили значительно увеличить объем наших знаний о древнейшей истории каспийского побережья Кавказа (см. *рисунок*).

В настоящий момент можно выделить три основные проблемы палеолитоведения Дагестана и всего Кавказа в целом: первоначальное заселение данной территории, появление и развитие здесь ашельских индустрий, а также переход от среднего палеолита к верхнему и его возможная связь с освоением Кавказа человеком современного типа.

Наиболее древние комплексы в Приморском Дагестане были обнаружены на стратифицированных памятниках Рубас-1 (нижний комплекс) и Дарвагчай-1.

Рубас-1 расположен в Табасаранском р-не Республики Дагестан, в среднем течении р. Рубас, на 30-метровом террасовидном уступе. Археологический материал на местонахождении зафиксирован на трех высотных уровнях. Наиболее ранний комплекс артефактов обнаружен в гравийно-галечной прослойке (сл 5), залегающей в основании разреза (глубина 16–18 м), накопление которой проходило в бурунной зоне древнего пляжа в одну из фаз древней трансгрессии Каспийского моря. Среди обломков кремня в слое часть предметов была определена как артефакты. Этот комплекс находок Рубаса-1 характеризуется изделиями малых размеров (~ 2–4 см), а также слабой типологической выраженностью и неустойчивостью орудийных форм. Последнее может быть связано как с примитивной техникой обработки камня, так и с использованием нестандартизированных заготовок (осколки, обломки). Среди орудий преобладают предметы с разнообраз-

ными выемками, шиповидными выступами и скребловидные изделия. Изделия крупнее 5 см малочисленны. Предполагаемый на основании комплекса естественно-научных данных возраст вмещающих отложений, который соотносятся с финалом акчагыльского времени (1,8–2,0 млн. л.н.), а также специфический характер артефактов позволяют отнести эти материалы к числу мелкоорудийных индустрий начальных этапов раннего палеолита. На сегодняшний день наиболее близкие аналогии им прослеживаются в археокомплексах расположенной в 30 км стоянки Дарвагчай-1.

Археологические материалы многослойной стоянки Дарвагчай-1 (Кайтагский р-н Республики Дагестан) приурочены к прибрежно-морским осадкам бакинской террасы (~750–550 тыс. л.н.). Как и на Рубасе-1, облик индустрии определяется, в первую очередь, небольшими размерами артефактов. При этом микролитический облик индустрии, судя по всему, не зависит от размерности и особенностей расщепления исходного сырья. Набор основных категорий орудий включает скребловидные (скребки, скребла) и остроконечные (шиповидные, клювовидные, острия) формы, а также зубчато-выемчатые изделия и практически не изменяется по культурно-литологическим подразделениям. Стоит отметить только появление в верхнем культурном слое (сл. 8) ручных рубил.

В настоящее время наиболее древние каменные мелкоорудийные ассамбляжи известны в Восточной Африке, на стоянках Омо 57 и Омо 123, возраст которых, по геологическим данным, определяется в 2,3–2,4 млн л.н. Эти древнейшие индустрии характеризуются наличием определенной системы в первичном расщеплении, но отсутствием серийности в конечных продуктах, а также большим количеством предметов, относящихся к отходам производства (осколки, обломки) и, возможно, получавшихся намеренно (техника дробления). Орудийный набор был еще не сформирован, и ретуширование заготовок носило случайный характер.

На территории Евразии до последнего времени наиболее древним памятником с такими мелкоорудийными наборами была стоянка Бизат Рухама (Израиль) (ок. 1 млн л.н.).

Индустрии Рубаса-1 и, отчасти, Дарвагчая-1, при их типологической невыраженности и наличии орудий, выполненных слабоорганизованной ретушью, занимают промежуточное хронологическое и технологическое положение между африканскими и ближневосточными мелкоорудийными комплексами. Особенности используемого каменного материала, а также наличие в коллекции крупных сколов и отдельных орудий «стандартных» размеров не позволяют утверждать, что миниатюрность основной массы изделий определяется исключительно культурной традицией.

Появление и дальнейшее распространение более поздних, ашельских индустрий, наиболее характерная черта которых – присутствие ручных рубил (бифасов), также является одной из наиболее обсуждаемых тем в археологическом сообществе. Первое появление комплексов с ручными рубилами фиксируется в Африке ок. 1,7–1,5 млн. л.н. и знаменует начало длительной (более 1 млн. лет) ашельской эпохи. В последующее время индустрии с бифасами распространяются на Ближний Восток и далее – в Индию, на Кавказ и в Европу.

Проявлением этой миграционной волны следует, видимо, считать «поверхностные» местонахождения с ашельским инвентарем в Западной Туркмении, Западном и Центральном Казахстане, а также в Мугоджарах и Северном Приаралье. При этом предполагается вероятным появление ашельских индустрий Мангышлака, Мугоджар и, возможно, Приаралья в результате миграций с Северного Кавказа. Такие миграции могли осуществляться вдоль северных и южных берегов Каспия в условиях трансгрессивного уровня моря. С открытием ашельских рубил в Дагестане (Дарвагчай-1, Дарвагчай-залив-1, -2, -4, Дарвагчай-карьер и др.) эта гипотеза получила дополнительное подтверждение.

Исходя из палеогеографических реконструкций четвертичной истории Каспия и расположения палеолитических местонахождений с бифасами, гипотеза о миграциях носителей ашельских традиций с Кавказа в Центральную Азию не имеет принципиальных препятствий. Продвижение популяций, владеющих ашельскими технологиями, могло осуществляться вдоль северного берега моря

в периоды глубоких регрессий среднего плейстоцена (изотопно-кислородные стадии 11, 9 и 7). Кроме того, более древние миграции с Кавказа в Центральную Азию могли осуществляться и по Апшеронскому порогу в период глубокой (-150–200 м) тюркянской регрессии Каспийского моря (изотопно-кислородные стадии 20–18). Другим важным фактором возможности таких миграций является подтвержденное комплексом естественно-научных данных наличие источников литоресурсов на шельфе Северного Каспия, пригодных для изготовления палеолитических орудий.

Развитые среднепалеолитические индустрии, известные в настоящее время по материалам группы памятников Дарвагчай-залив, среднему комплексу находок на Рубасе-1, а также по подъемным материалам (Рубас-2–5, Чумус-Иниц и др.), характеризуются широким применением леваллуазской техники расщепления наряду с простой параллельной и радиальной; наличием в ассамбляжах интенсивно ретушированных скребел и мустьерских остроконечников.

Еще одним из важнейших направлений в исследованиях палеолита является определение региональной специфики перехода от среднего к верхнему палеолиту и становления культуры человека современного физического типа. На Северо-Восточном Кавказе этот рубеж характеризуют, в первую очередь, стратифицированные комплексы стоянок Рубас-1 (верхний комплекс) и Тинит-1.

Всего на стоянке Тинит-1 (Табасаранский р-н Республики Дагестан) зафиксировано 11 горизонтов залегания археологического материала (а.г.). По своим технико-типологическим характеристикам технокомплексы верхних культурных горизонтов (а.г. 1–4) соответствуют рубежу среднего/верхнего палеолита, а нижних (а.г. 5–11) – финалу среднепалеолитического времени. Выводы о таком культурно-хронологическом делении материалов стоянки подтверждаются результатами абсолютного датирования. В AMS-лаборатории Аризонского университета (г. Тусон, США) получено пять дат в интервале от 39200±740 л.н. (сл. 2, а.г. 2) до 47800± 1500 л.н. (сл. 8, а.г. 10).

К тому же культурно-хронологическому интервалу, что и индустрии Тинит-1, относятся, видимо, и материалы верхнего комплекса Рубаса-1. Здесь зафиксировано семь уровней залегания археологического материала, также делящегося на две группы – финальносреднепалеолитическую и переходную к верхнему палеолиту.

В целом, археологические комплексы нижних археологических горизонтов стоянок Тинит-1 и Рубас-1 характеризует наличие выразительных леваллуазских форм для отщепов и остриев, одновременно с которыми использовались и торцовые разновидности нуклеусов. На более поздних этапах на смену леваллуазской приходит своеобразная параллельная объемная техника раскалывания, в продольном и бипродольном пластинчатых вариантах. В орудийном наборе стоянок преобладают изделия с режущими и скребущими лезвиями. Следует отметить полное отсутствие бифасиальных форм и признаков двусторонней обработки среди группы орудий, что является нехарактерным для Кавказского региона. По совокупности признаков, в первую очередь, по наличию развитой леваллуазской техники, в т.ч. и в вариантах, направленных на производство удлиненных заготовок, а также по отсутствию бифасиальных изделий, материалы нижних археологических горизонтов стоянок наиболее близки инвентарю леваллуа-мустьерской группы памятников Восточной Европы, выделенной по материалам стоянок Крыма и Пруто-Днестровья. Вместе с тем следует отметить наличие среди орудий, хоть и в единичных экземплярах, таких форм, как скребки высокой формы, скребки с плечиками, тронкированно-фасетированные изделия, многогранные поперечные резцы. Присутствие этих типов является характерным для многих археокомплексов финальной стадии среднего палеолита в индустриях Западной Азии (стоянки Загроса, Северо-Западного Тянь-Шаня и др.).

Исследования последних лет, проводимые в Приморском Дагестане, позволили получить новый массовый материал по древнейшей истории региона и представить общую картину эволюции каменных индустрий на этой территории в палеолитическое время, начиная с самых ранних его этапов.

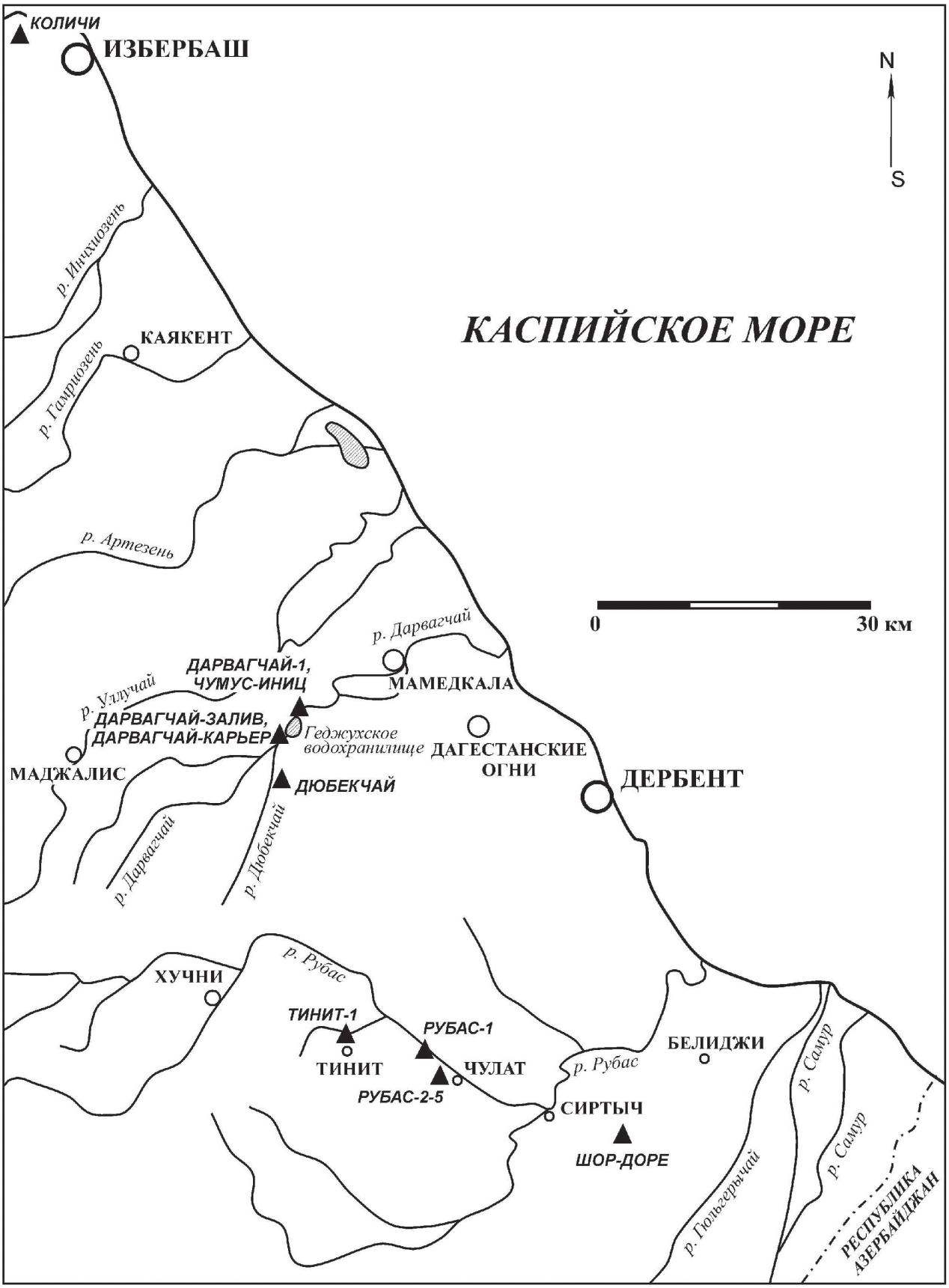


Рис.1 Карта-схема расположения основных палеолитических памятников Приморского Дагестана.

ВЕРХНИЙ СЛОЙ ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ БЫКИ-7: К ПРОБЛЕМЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ИЗМЕНЧИВОСТИ ИЛИ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ

© 2014 г. Н.Б. Ахметгалеева

Курчатовский государственный краеведческий музей, Курчатов (achmetga@mail.ru)

***Ключевые слова*:** верхний палеолит, развитие материальной культуры, функциональная изменчивость, индустрии с геометрическими микролитами.

Резюме. На позднепалеолитических стоянках Быки (Посеймье) исследуются с помощью сравнительного анализа каменные индустрии с треугольными геометрическими микролитами. Вскрытие новых участков верхнего культурного слоя Ia на стоянке Быки-7 показало, что количественные и качественные прогнозы относительно некоторых изменений в каменном инвентаре этих памятников нужно делать осторожно. Определенно можно говорить о продолжении развития индустрий с геометрическими микролитами. Инвентарь стоянок Быки-7 (сл. Ia и I) отличает от других быковских стоянок резко возросший индекс треугольных микролитов. В то же время последние исследования показали прямую зависимость уровня микролитизации инвентаря от функционального назначения вскрытого участка стоянки и в меньшей степени – от типа сезонного стойбища.

Исследования на разновременных, но однокультурных позднепалеолитических стоянках Посеймья Быки позволили внести коррективы не только относительно вариаций развития материальной культуры поздней поры верхнего палеолита на Русской равнине, но и относительно различий, связанных с функциональной изменчивостью в рамках одной культуры (Григорьева, Филиппов, 1978; Чубур, 2001; Ахметгалеева, 2005, 2007, 2009). Большой потенциал для решения подобных вопросов предоставило изучение материалов стоянки Быки-7 (сл. Ia), радиоуглеродные даты которого находятся в диапазоне 14–17 тыс. л.н.

Ранее проведенные исследования соотношения фауны, качественного состава каменного инвентаря, трасологические и зооархеологические наблюдения привели к выводу о существовании в Быках нескольких типов поселений (Ахметгалеева, 2009). Вариации в составе остеологических коллекций указывают скорее на разницу в хозяйственном направлении вскрытых участков, нежели свидетельствуют о существенном изменении охотничьего уклада. Хорошо изученные зимние стойбища, представленные жилыми объектами Быков-1 (18 тыс. лет) и I культурного слоя Быков-7 (17 тыс. лет) характеризуются присутствием следов первичной и вторичной разделки туш животных, полного цикла утилизации костного сырья и шкур животных. Представлена разнообразная хозяйственная деятельность. Разница проявляется в том, что в слое I стоянок Быки -7 превалируют работы по разделке туш животных и обработке шкур.

Что касается изучаемого более молодого культурного слоя Ia Быков-7, занимающего несравненно большую площадь, чем жилые объекты Быков, то это, вероятно, остатки базового стойбища в летний период. При этом рассматривается возможность частичного наложения следов разных обитаний на данном участке. Дальнейшие исследования памятника перспективны, поэтому окончательные выводы делать еще рано.

В настоящее время вскрыто 240 м^2. Залегает культурный слой в основании покровной толщи лессовых супесей. Жилая площадка не найдена, искусственных углубленных объектов нет. Как и на других Быковских стоянках, в остеологической коллекции преобладают кости копытных животных и пушного зверя. Доминирующий вид отсутствует. Однако есть характерные черты, выделяющие данное поселение. В целом, здесь преобладает первичная разделка туш животных, но есть и элементы вторичной разделки. Остеологическая коллекция характеризуется присутствием анатомических групп костей мелких и копытных животных, большой степенью фрагментации костных остатков, в т.ч. и с целью добычи костного мозга, наличием фрагментов краниального скелета животных (Ахметгалеева, Бурова, 2008). Костяные изделия единичны и устойчивых групп, связанных с домашним хозяйством, не образуют. Нет и полного цикла утилизации костного материала, шкурок животных. Трасологические наблюдения дают основание полагать, что основные работы здесь могли быть связаны с охотничьим промыслом, в т.ч. с разделкой туш животных. В типологическом и технологическом плане кремневый инвентарь почти идентичен каменной индустрии I культурного слоя Быков-7.

Озвучим основной вывод, который касается общего развития материальной культуры индустрий с микролитами: наблюдаются изменения в сторону увеличения в орудийном составе доли вкладышей охотничьего вооружения (Ахметгалеева, 2005). Последние данные по верхнему культурному слою этого не изменили, но показали, на мой взгляд, прямую зависимость уровня микролитизации инвентаря от функционального назначения вскрытого участка и стоянки в целом. Треугольные микролиты в сравнении с жилым объектом слоя I уменьшаются с 57,0 до 40,7%. Но это несравнимо с 11,4% их на Быках-1 и 1,6% в Пенах. Таким образом, происходит резкий скачок в сторону увеличения количества микролитов, которые служат вкладышами охотничьего вооружения. Также в обоих слоях стоянки Быки-7 происходит значительное уменьшение процента резцов, в среднем до 6%. Процент скребков примерно одинаков по стоянкам комплекса, но на разных участках он сильно варьирует. Колебания индексов остальных орудий не существенны.

Что касается различий между разными участками верхнего слоя Быки-7, то они наблюдаются даже при поверхностном анализе типологического соотношения групп каменных орудий. Связаны они с соотношением двух главных категорий орудий – треугольных микролитов и скребков, а также появлением/увеличением или, наоборот, исчезновением/уменьшением других категорий. Остеологический материал различается лишь своей концентрацией на участках, немногочисленные предметы обработанной кости только дополняют, но не меняют функциональной составляющей участков.

На данном этапе исследований выделено несколько зон, отличающихся по насыщенности культурных отложений и качественному составу инвентаря.

На западном участке стоянки (линии квадратов 2–5) большую часть площади можно достаточно уверенно отнести к периферии. Здесь самая минимальная концентрация находок (1–3 предмета на квадрат), окрашенность культурного слоя отсутствует. Большинство костных остатков было представлено анатомическими группами костей зайца, песца и птиц, залегавших в мерзлотных трещинах, в то время как каменных орудий практически не было. Количество найденных здесь микролитов в 2,5 раза превышает скребки. Остальные категории орудий единичны. К данному участку отнесена и центральная часть вскрытой площади, сильно пострадавшая во время строительных работ. Возможно, не все важные структуры сохранились. Квадраты Б-Г/2-III выделялись большей степенью концентрации материалов, фиксировались включения охры. Интересно, что процент треугольных микролитов здесь доходит до 58%, что соответствует проценту их в жилом объекте культурного слоя I.

Юго-восточный участок (линии IV–VII) характеризуется появлением слабых углисто-охристых пятен и средней для памятника концентрацией артефактов. Здесь расщепленный кремень значительно превосходит количество костных остатков. Отмечены небольшие скопления и единичные находки относительно

крупных костных фрагментов, например, ребра мамонта, продольно расчлененного рога северного оленя и т.п. В рамках этого участка выделены квадраты З-Г/VI-VII, структурные характеристики которых те же, но состав орудийного набора существенно отличается. Только здесь индекс скребков (48,1%) в два раза превосходит индекс микролитов треугольных форм (22,2%) при отсутствии резцов.

Основная концентрация находок слоя Ia приходится на северный участок, связанный с залеганием культурных остатков по бортам и внутри природной западины, образовавшейся в результате крупных мерзлотных деформаций. Благодаря проведенной В.Г. Бездудным геофизической разведке с помощью магнитометра и радара, мы можем предположить, что ее ширина около 15 м, а длина может превышать 40 м.

Древняя поверхность здесь хорошо читается ввиду большого количества элементарного культурного наполнителя. Значительно увеличивается количество остеологического материала, залегавшего на сопредельных кремневым скоплениям участках. Можно говорить об определенной выборке костей копытных животных. Найдены ребра, расколотые метаподии, другие трубчатые кости, а позвонки – единичны. Вскрытый участок характеризуется присутствием анатомических групп костей нижних конечностей песца, зайца, и разнесенных по пространству фрагментов челюстей широкопалой лошади, разрозненных зубов копытных животных. Промывка углистой массы приносила большое количество мельчайших кремневых чешуек и фрагментов косточек. На некоторых костных остатках и кремнях фиксируются следы пребывания в огне или в неостывшей зольной массе. Соотношение каменных орудий близко к среднестатистическим данным по стоянке.

Северо-западные квадраты этого участка характеризуются залеганием максимального для стоянки количества остеологического материала в золисто-углистом пятне мощностью до 15 см по южному борту природной западины. Пятно захватило полосу шириной около метра с юго-запада на северо-восток через квадраты Л-I/1, М-1, М-I, Н-II/IV. На соседних участках фиксировались скопления кусков минеральной краски и заготовок для нее. В орудийном наборе присутствует близкое количество микролитов и скребков, в углисто-золистом пятне их количество одинаково.

Центральная северная часть участка характеризуется равномерным по площади залеганием находок. Мощность золисто-углистой линзы, распространяющейся практически по всей площади, в среднем 3–5 см (максимально до 7 см). Культурные остатки распределялись относительно равномерно. На этом участке количество расщепленного кремня увеличивается почти в два раза в сравнении с западной зоной. Здесь опять соотношение скребков и микролитов становится среднестатистическим, соответственно преобладают треугольные микролиты. Обращено внимание на появление большого количества широких пластин и их фрагментов по сравнению с предыдущими коллекциями. Также встречено большое количество отщепов, пластин и пластинок с ретушью утилизации. В основном – это зубчатая ретушь, возникающая при пилении твердых материалов и выемки от скобления.

Вскрытие северо-восточных квадратов подтвердило наблюдаемые в орудийном наборе северных участков тенденции постепенного уменьшения с запада на восток позиций скребков и возрастания роли зубчато-выемчатых орудий. На линиях IX–XIII преобладают треугольные микролиты (41,3%) и их заготовки. Главной особенностью становится полное исчезновение скребков и возрастание роли резцов до 17,2%.

Заключение. Вскрытие новых участков на стоянке Быки-7 (сл. Ia) показало, что количественные и качественные прогнозы относительно некоторых изменений в каменном инвентаре памятников Быки нужно делать осторожно. Особенно, если учесть, что часть стоянок повреждена и уничтожена. Определенно можно говорить о продолжении развития индустрий с геометрическими микролитами. Инвентарь стоянок Быки-7 (сл. Ia и I) отличает от других быковских стоянок резко возросший индекс треугольных микролитов. Значительно уменьшается доля резцов, которые перестают быть ведущей категорией. Данные устойчивые изменения отражают, на наш взгляд, эволюцию в материальной культуре древних обитателей. В то же время по-

следние исследования показали прямую зависимость уровня микролитизации инвентаря от функционального назначения вскрытого участка стоянки и в меньшей степени – от типа сезонного стойбища. Продолжение работ на памятнике будет способствовать дальнейшему решению рассматриваемых вопросов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ахметгалеева Н.Б. Использование кости на верхнепалеолитических стоянках комплекса Быки Курской области: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. 28 с.

Ахметгалеева Н.Б. О перспективе исследований взаимодействия окружающей природы и верхнепалеолитических коллективов по материалам стоянок Быки в Посеймье // Проблемы археологии каменного века (к юбилею М.Д. Гвоздовер) / Отв. ред. Н.Б. Леонова. М.: Дом еврейской книги, 2007. С. 155–169.

Ахметгалеева Н.Б. Эволюция природных комплексов и смена типов верхнепалеолитических поселений на заключительных этапах последнего оледенения (по материалам стоянок Посеймья Быки) // Актуальные проблемы первобытной археологии Восточной Европы / Отв. ред. В.П. Чабай. Донецк: Донбасс, 2009. С. 231–246. (Археол. альманах; № 20).

Ахметгалеева Н.Б., Бурова Н.Д. Зооархеологические наблюдения и реконструкция функционального назначения вскрытых участков стоянки Быки-7 // Человек. Адаптация. Культура / Отв. ред. А.Н. Сорокин. М.: Гриф и К, 2008. С. 44–55.

Григорьева Г.В., Филиппов А.К. Пенская позднепалеолитическая стоянка // СА. 1978. № 4. С. 168–175.

Чубур А.А. Быки: Новый палеолитический микрорегион и его место в верхнем палеолите Русской равнины. Брянск: Брянск сегодня, 2001. 132 с.

РАННЕВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ КАМЕННЫЕ ИНДУСТРИИ СТОЯНКИ КАРА-БОМ (ГОРНЫЙ АЛТАЙ)[1*]

© 2014 г. Н.Е. Белоусова

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
(consacrer@yandex.ru)

Ключевые слова: стоянка Кара-Бом, ранний верхний палеолит, метод ремонтажа, культурный горизонт, технология обработки каменного сырья.

Резюме. Работа посвящена исследованию технологий обработки каменного сырья в индустриях эпохи раннего верхнего палеолита стоянки Кара-Бом (Горный Алтай) в свете новых планиграфических и стратиграфических данных. На основе изучения пространственной локализации продуктов расщепления отдельных кусков каменного сырья, очагов, кострищных пятен и каменных плит была предложена новая культурно-стратиграфическая схема членения отложений раскопа 4 и пересмотрены результаты технологических реконструкций, касающихся ранневерхнепалеолитических материалов памятника.

В контексте исследования технологий обработки каменного сырья, существовавших на территории Северной Азии в эпоху становления культур верхнего палеолита, особенное внимание заслуживают материалы многослойного палеолитического памятника открытого типа Кара-Бом, расположенного в центральной части Горного Алтая. На основе анализа выразительных археологических комплексов, происходящих из стратифицированной части отложений стоянки, были выявлены отдельный вариант среднего палеолита и особая «линия развития» раннего верхнего палеолита Горного Алтая; была обоснована преемственность между средним и верхним палеолитом региона (Деревянко и др., 1998; Деревянко, Петрин, Рыбин, 2000; Деревянко, Шуньков, 2004).

В силу слабой изученности планиграфической ситуации на памятнике, археологические комплексы верхнепалеолитических «уровней обитания» ранее рассматривались как независимые единицы, а «при попытке решения проблемы логики, динамики и направленности развития» индустрий и их сопоставлении объединялись в два «макрокомплекса» – 1–4 и 5–6 (Деревянко и др., 1998. С. 25; Zwyns et al., 2010). Индустрии были определены как направленные на массовое получение пластинчатых сколов. Первичное расщепление более древнего макрокомплекса 5–6 было охарактеризовано как сочетающее в себе три компонента: леваллуазский для остриев, переходный (широкая плоскость/торец) и торцовый (Деревянко и др., 1998; Деревянко, Петрин, Рыбин, 2000). На основе анализа первичного расщепления и орудийных форм уровней обитания 5–6 и 1–4 было высказано предположение об эволюции более древней индустрии в более молодую при сохранении всех основных черт системы утилизации нуклеусов. Леваллуазский компонент, по мнению авторов, в макрокомплексе уровней обитания 1–4 сохранялся лишь как элемент подготовки фронта скалывания. Относительно него отмечается усиление роли биполярного расщепления, уменьшение размеров заготовок, увеличение количества микропластин, сокращение доли подправленных ударных площадок.

В результате нового этапа исследований был выявлен ряд обстоятельств, определяющих необходимость верификации и переоценки существующих технологических реконструкций.

Во-первых, в результате пространственного анализа верхнепалеолитических отложений на основе широкой базы аппплицирующихся изделий и анализа сырья была

1 Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 13-06-12039-офи-м-2013.

скорректирована принятая до настоящего времени схема членения культурных отложений. При реконструкции динамики заселения стоянки было установлено, что выделяемые ранее шесть уровней обитания представляют собой два отдельных культурных горизонта (ВП1 и ВП2), контактирующих на небольшом участке (Белоусова, Рыбин, 2013). Отложениям горизонта ВП1 соответствуют следующие даты: 30, 33, 34 тыс. л.н. Горизонту ВП2 соответствуют две даты ок. 43 тыс. л.н.

Во-вторых, была осуществлена дифференциация археологических материалов согласно новой схеме культурно-стратиграфического членения посредством индивидуального анализа координат залегания каждой находки, а также с учетом локализации групп связанного дебитажа. Особое значение имеет тот факт, что около 50% коллекции уровня обитания 4, ранее анализируемого в рамках верхнего «макрокомплекса» 1–4, в результате исследования были соотнесены с нижним горизонтом ВП2.

В-третьих, на основе данных ремонтажа и анализа сырья были расширены коллекции каменных артефактов за счет материалов из смежных раскопов. Приобщено 185 артефактов, преимущественно технологически выразительных.

В-четвертых, на основе данных ремонтажа была пересмотрена технологическая идентификация ряда каменных изделий, а из фрагментов полностью или частично восстановлено значительное количество сколов. В целом, коллекция каменных изделий, вошедших в склейки, составляет около 13% от общего числа находок.

В свете полученных данных стало возможным и необходимым осуществление новых исследований технологий обработки каменного сырья на стоянке. К горизонту ВП2 в процессе исследования были отнесены (помимо отщепов размером <3 см и неопределимых фрагментов сколов) 1100 артефактов, к культурному горизонту ВП1 – 264 артефакта.

Производство сколов пластинчатых пропорций в период накопления культурного горизонта ВП2, наиболее насыщенного археологическим материалом, происходило в рамках трех стратегий, различающихся, в первую очередь, характером локализации фронта скалывания на расщепляемой заготовке. Получение крупных и мелких сколов пластинчатых пропорций осуществлялось в рамках каждой из стратегий, однако при этом была ярко выражена специализация. Коллекция каменных артефактов ВП2 включает серию остаточных нуклеусов – 15 экземпляров сохранили негативы крупных сколов (пластин), 28 экземпляров несут негативы мелких сколов (пластинки, реже микропластины).

Широкофронтальное расщепление (23,5%) осуществлялось в рамках объемной концепции (призматические и подпризматические нуклеусы) посредством бинаправленного скалывания и было ориентировано на получение крупных заготовок пластинчатых пропорций. Изделия данной группы можно интерпретировать как «протопризматические». Характерной чертой утилизации широкофронтальных нуклеусов является противопоставление фронта скалывания продольному ребру контрфронта.

Расщепление переходных форм (37 экз.) осуществлялось последовательно в рамках смежных плоскостей торцового фронта и широкого; как и в предыдущем случае, заготовки расщеплялись посредством параллельного скалывания с противолежащих ударных площадок. Расщепление в рамках данной стратегии было в равной степени направлено на получение крупных сколов пластинчатых пропорций и мелких сколов; фактором, определяющим параметры будущего скола, являлся тип заготовки для нуклеуса: это мог быть массивный скол или отдельность сырья. Естественно, что в первом случае реализовывались исключительно пластинки и микропластины. На основе изучения редукционных последовательностей можно выделить два типа утилизации полезного объема заготовки: ситуативное скалывание в смежных плоскостях торцового и широкого фронта и скалывание от торца на широкий фронт. Нуклеусы переходной морфологии могли иметь на начальных этапах утилизации просто торцовые формы, а при сильном срабатывании становиться плоскостными.

Торцовое расщепление (39,5%) было направлено почти исключительно на реализацию пластинок и микропластин посредством бипродольного и однонаправленного скалывания, заготовками для нуклеусов в большинстве определимых случаев выступала пластина. Доминируют так называемые нуклеусы резцового

типа (нуклеусы-резцы), однако часть изделий группы торцовых нуклеусов близка по морфологии к клиновидным. Возможно, как и предполагалось ранее, здесь зафиксирован процесс зарождения на основе торцового расщепления этой верхнепалеолитической стратегии получения мелких пластинчатых заготовок (Деревянко, Петрин, Рыбин, 2000).

Коллекция каменных артефактов горизонта ВП1 включает девять нуклеусов. Сопоставление технологий обработки камня, существовавших на разных этапах заселения стоянки в эпоху раннего верхнего палеолита, позволяет говорить как об определенном сходстве, так и значительной разнице между ними. Стратегия утилизации изделий переходной группы, во многом определяющей облик индустрии горизонта ВП2, абсолютно не характерна для индустрии горизонта ВП1. Торцовое расщепление, разнообразное в нижнем горизонте ВП2, представлено несколькими невыразительными или спорными формами. На фоне минимального (до 5%) присутствия микропластин и пластинок в индустрии сколов горизонта ВП1 этот факт кажется особенно значительным. Основное сходство между технологиями двух уровней состоит в реализации стратегии расщепления широкофронтальных нуклеусов с целью получения пластин. Подобные формы являются наиболее представительной категорией ядрищ в индустрии горизонта ВП1 (впечатление усиливают данные ремонтажа и технические сколы), но по сравнению со своими аналогами в индустрии ВП2 обладают признаками более развитого призматического расщепления: значительно более вытянутыми пропорциями при сильной сработанности ресурса заготовки, большими значениями объема дуги скалывания и др. При общем сходстве приемов подправки нуклеусов можно отметить, что только в индустрии горизонта ВП1 фиксируется прием создания продольного ребра контрфронта посредством поперечных снятий от плоскости фронта. Как показали данные ремонтажа, индустрии горизонтов ВП1 и ВП2 не содержат леваллуазского компонента, присутствие которого отмечалось ранее и придавало индустриям памятника более архаичный облик. Фиксируемые на остаточных ударных площадках сколов приемы подправки и редуцирования одинаково разнообразны в рамках индустрий двух уровней. Распространенными приемами являлись редуцирование ударной площадки ретушью, снятие карниза мелкими сколами, дробление области дуги скалывания нуклеусов инструментами из этого же сырья; зафиксирована комбинация приемов снятия карниза и дробления. Исследование орудийного набора двух индустрий позволило выявить ряд общих черт, однако таких специфических и «руководящих» для индустрии горизонта ВП2 форм, как острие на пластине с вентральной подтеской, тронкированно-фасетированное орудие, ножи кара-бомовского типа, в горизонте ВП1 не зафиксировано.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белоусова Н.Е., Рыбин Е.П. Новая схема культурно-стратиграфического членения ранневерхнепалеолитических отложений стоянки Кара-Бом (на основе пространственного анализа и данных ремонтажа) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2013. Т. 10; Вып. 7: Археология и этнография. С. 87–99.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П. Характер перехода от мустье к позднему палеолиту на Алтае (по материалам стоянки Кара-Бом) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 2. С. 33–52.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П., Чевалков Л.М. Палеолитические комплексы стратифицированной части стоянки Кара-Бом (мустье – верхний палеолит). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. 280 с.

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Становление верхнепалеолитических традиций на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 3. С. 12–40.

Zwyns N., Rybin E.P., Hublin J.-J., Derevianko A.P. Burin-core technology and laminar reduction sequence in the initial Upper Paleolithic from Kara-Bom (Gorny Altai, Siberia) // Quaternary International. 2012. Vol. 259. P. 33–47.

К ВОПРОСУ О ПОГРЕБАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЯХ В ПАЛЕОЛИТЕ: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЧЕЛОВЕКА ИЗ МАРКИНОЙ ГОРЫ (КОСТЁНКИ XIV)[1]

© 2014 г. А.П. Бужилова

НИИ и Музей антропологии Московского государственного университета им. Ломоносова, Институт археологии РАН, Москва (albu_pa@mail.ru)

Ключевые слова: палеолит, погребальный обряд, биоархеология, палеоантропология, Костёнки.

Резюме. Антропологические останки взрослого индивида со стоянки Костёнки XIV (Маркина гора) отличаются хорошей сохранностью и комплектностью скелета. Скелет взрослого человека располагался в погребальной яме на левом боку, в скорченном состоянии. Кости скелета, как и дно погребальной ямы, были окрашены темно-красной охрой. Никаких сопутствующих артефактов не обнаружено. Проведенный впервые анализ патологических особенностей скелета выявил нарушение целостности тел двух поясничных позвонков из-за очевидных дегенеративных патологических процессов, две зажившие травмы черепа, также как и возможную травму левой подвздошной кости, которую индивид получил незадолго до смерти. Кроме того, есть косвенные свидетельства вероятной посмертной манипуляции с телом погребенного. Результаты антропологического анализа обсуждаются со сходным случаем эпохи верхнего палеолита в контексте семантики погребальных традиций.

Изучение особенностей погребального обряда у наиболее ранних представителей верхнего палеолита имеет важное значение в решении вопросов, связанных с пониманием характера первобытной культуры. Наличие или отсутствие инвентаря в могиле, свидетельств украшений одежды и тела, использования охры и угля в погребальной конструкции, трупосожжения или намеренного трупоположения умершего, посмертных манипуляций с останками – все это, как и многие другие элементы погребального обряда, результат проявления сложных религиозных представлений и верований человека каменного века.

В анализе развития той или другой стороны погребального обряда крайне важно детальное изучение антропологических останков, что в некоторых случаях позволяет обсудить возможные причины смерти, характер занятий и питания, т.е. социальный статус, физический облик и состояние здоровья, а также пол и возраст погребенного. Часто антропологи находят свидетельства посмертных или прижизненных манипуляций с телами умерших. Таким образом, для успешного решения задачи важно использовать различные методы и подходы, сопоставляя полученные результаты антропологического исследования в контексте археологического знания.

Антропологические останки взрослого индивида, обнаруженные А.Н. Рогачевым в 1954 г. на стоянке Костёнки XIV (Маркина гора), отличаются хорошей сохранностью и комплектностью скелета. В ходе раскопок его фрагменты были извлечены, а затем отреставрированы М.М. Герасимовым (1964. С. 122–124). В 1955 г. результаты предварительного антропологического анализа были опубликованы Г.Ф. Дебецем. Позднее, в специальных публикациях, посвященных антропологическим находкам из Костёнок, к этим данным обращалась М.М. Герасимова (1982, 2006). В настоящее время останки хранятся в антропологических фондах Музея антропологии и этнографии РАН (Кунсткамера).

Как отмечает А.Н. Рогачев (1955), Маркина гора представляет собой многослойный

1 Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 13-06-12035.

памятник, расположенный недалеко от поймы Дона. Он входит в число известных для этого региона верхнепалеолитических стоянок открытого типа. Погребение было обнаружено в разрезе шурфа, который практически не повредил могилу и останки погребенного. Культурный слой, перекрывающий заполнение ямы, представлял скопления черного гумуса, насыщенного остатками мелких фрагментов костей животных, расщепленного песчаника, незначительными находками черного кремня, фрагментами скребков, простейших резцов и другими свидетельствами присутствия людей в этом регионе. Верхняя часть заполнения могильной ямы и часть ее северного края были нарушены естественными по природе западинами. В заполнении ямы не было линз вулканического пепла, остатки которого в изобилии отмечены на том же уровне за пределами периметра ямы. Однако при зачистке стен могилы линзы пепла[1] были обнаружены почти повсюду (Рогачев, 1955. С. 35).

Погребальная яма имела правильную овальную форму и отличалась небольшими размерами (99 х 39 см) и глубиной (до 48 см). Скелет взрослого человека располагался на левом боку в скорченном состоянии: ноги, согнутые в коленях, подтянуты до уровня груди; руки, согнутые в локтевых суставах, прижаты к середине груди; голова опущена вниз и подбородок (нижняя челюсть) прижат к груди. Такое положение тела значительно уменьшало общие размеры. Как отмечает А.Н. Рогачев (1955. С. 36), ширина скелета на уровне груди с прижатыми коленями, т.е. в самой высокой точке была около 28 см, что не оставляло сомнений, что человек был погребен в связанном/спеленатом состоянии. Кости скелета и особенно череп были окрашены темно-красной охрой. Подобной по цвету охрой было посыпано все дно погребальной ямы. Никаких сопутствующих артефактов не обнаружено.

Для датировки погребения автор раскопок применил тщательный сравнительный анализ и пришел к заключению, что общая датировка определяется геологическими условиями залегания в отложениях, имеющих полное сходство в строении со второй надпойменной террасой Дона. В результате погребение из Маркиной горы наиболее близко по времени с известным захоронением на Городцовской стоянке (Костёнки XV) и слоями II, III Тельманской стоянки, т.е. относится к раннетельманскому времени по периодике П.П. Ефименко. Некоторые исследователи считали это погребение более поздним.

В наше время предпринимались неоднократные попытки радиоуглеродного датирования различных слоев памятника, в т.ч. погребения; в последнем случае даже использовались костные останки человека, т.е. был применен метод прямого датирования, который не дал ожидаемого результата из-за очевидных посмертных загрязнений (Sinitsyn, 2003). Самая последняя попытка прямого радиоуглеродного датирования из образца большеберцовой кости методом оценки 10% коллагена углерода оказалась успешной, и у исследователей есть основание утверждать, что скелету из Маркиной горы не менее 33,250 ± 500 л.н. (Marom et al., 2012). Эта датировка хорошо согласуется с датой, полученной методом молекулярных часов при анализе митохондриальной ДНК индивида, которая дает величину 32,700 л.н. (Krause et al., 2010). Если соотносить это погребение в рамках западноевропейской хронологии, то это единственная самая ранняя и полная по комплектности скелета обрядовая ингумация из известных антропологических находок раннего ориньяка в Центральной и Западной Европе, также как и синхронного периода в Восточной Европе. По хронологии и комплектности скелетов к этому случаю приближаются более поздние находки из Сунгиря (одиночное и двойное погребение), которые по последним данным датируются не моложе 30,000 л.н. (Marom et al., 2012; Nalawade-Chavan, McCullagh, Hedges, 2014). Таким образом, антропологические останки человека из Маркиной горы – это уникальный источник для оценки особенностей образа жизни, возможной причины гибели этого молодого человека, а также обсуждения особенностей погребального обряда самой ранней комплектной ингумации этого периода.

Пол и возраст был определен Г.Ф. Дебецем как мужской молодой. Это, несо-

1 Культурный слой, покрытый залежами вулканического пепла, был достоверно подтвержден в ходе последующих раскопок в 2000 г. (Sinitsyn, 2003).

мненно, молодой половозрелый индивид, однако достаточно грацильный для представителей мужского пола. Г.Ф. Дебец (1955) и В.П. Алексеев (1978), каждый в свое время, отмечали относительную миниатюрность размеров этого индивида, которая определяется по общим размерам костяка (минимальным для известных палеолитических находок мужского пола), однако не выражали сомнения в его принадлежности к мужскому полу. Предпринятая нами оценка баллового развития признаков на костях черепа и тазовых костях, диагностирующих пол, указывает, что большая часть из них лежит в границах средних баллов, т.е. в максимальной зоне трансгрессии (перекрывания), характерной как для мужского, так и женского пола. Размеры головок плечевой и бедренных костей также не выходят за пределы интервала трансгрессии величин признаков, характерных для мужского и женского пола. Очевидное развитие костного рельефа в местах прикрепления некоторых глубоких мышц и связок на ключицах и трубчатых костях конечностей указывают на серьезные физические нагрузки индивида: реконструируются элеваторные нагрузки, регулярные долгие пешие переходы, вторичный венозный застой из-за серьезных нагрузок на нижние конечности. Все это наиболее характерно для представителей мужского пола, однако не исключает возможности тяжелых физических нагрузок для молодой здоровой женщины. Видимо, оценка пола методами молекулярной генетики может окончательно поставить точку на этом вопросе.

Впервые проведенный анализ патологических особенностей скелета выявил нарушение морфологии тел двух поясничных позвонков из-за очевидных дегенеративных патологических процессов, две зажившие травмы черепа, также как и возможную травму левой подвздошной кости, которую индивид получил незадолго до смерти. Кроме того, есть косвенные свидетельства вероятной посмертной манипуляции с телом погребенного. Последнее хорошо согласуется с наблюдениями археологов, указавших, что тело индивида было погребено в спеленатом состоянии.

Особенное внимание уделено обсуждению поведенческих реакций молодого человека из-за травмы головы и вероятной причины смерти. Травма подвздошной кости индивида обсуждается с известным сходным случаем эпохи верхнего палеолита в контексте семантики погребальных традиций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев В.П. Палеоантропология земного шара и формирование человеческих рас: Палеолит. М.: Наука, 1978. 284 с.

Герасимов М.М. Люди каменного века. М.: Наука, 1964. 167 с.

Герасимова М.М. Палеоантропологические находки // Палеолит Костёнковско-Борщевского района на Дону (1879–1979). Некоторые итоги полевых исследований / Ред. Н.Д. Праслов, А.Н. Рогачев. Л.: Наука, 1982. С. 250–257.

Герасимова М.М. Осевой скелет, плечевой пояс и стопа человека из верхнепалеолитического погребения Костёнки-14 (Маркина Гора) на Среднем Дону // Вестн. антропологии. 2006. Вып. 13. С. 24–30.

Дебец Г.Ф. Палеоантропологические находки в Костёнках // СЭ. 1955. № 1. С. 43–53.

Рогачев А.Н. Погребение древнекаменного века на стоянке Костёнки XIV (Маркина Гора) // СЭ. 1955. № 1. С. 29–39.

Krause J., Briggs A., Kircher M., Maricic T., Zwyns N., Derevianko A., Paabo S. A Complete mtDNA Genome of an Early Modern Human from Kostenki, Russia // Current Biology. 2010. № 20. Doi: 10.1016/j.cub.2009.11.068.

Marom A., McCullagh J., Higham T., Sinitsyn A.A., Hedges R. Single amino acid radiocarbon dating of Upper Paleolithic modern humans // PNAS. 2012. № 109 (18). P. 6878–6881. Doi: 10.1073/pnas.1116328109.

Nalawade-Chavan S., McCullagh J., Hedges R. New Hydroxyproline Radiocarbon Dates from Sungir, Russia, Confirm Early Mid Upper Palaeolithic Burials in Eurasia // PLoS ONE. 2014. № 9 (1). e76896. Doi:10.1371/journal.pone.0076896.

Sinitsyn A.A. The most ancient sites of Kostenki in the context of the Initial Upper Paleolithic of Northern Eurasia // The Chronology of the Aurignacian and the Transitional Complexes: Dating, Stratigraphies, Cultural Implications / Eds. J. Zilhao, F. d'Errico. Lisbon: Instituto Portuges de Arqueologia, 2003. P. 89–108.

НОВЫЕ ФИНАЛЬНОПЛЕЙСТОЦЕНОВЫЕ ЖИЛИЩА ПОСЕЛЕНИЯ УСТЬ-МЕНЗА-1 (ЗАБАЙКАЛЬЕ)

© 2014 г. С.Б. Верещагин

Забайкальский государственный университет, Чита
(forevich@inbox.ru)

Ключевые слова: финальный плейстоцен, аллювий, терраса, жилище, очаг, обкладка, поведенческие стратегии.

Резюме. Статья освещает результаты последних исследований финальноплейстоценовых жилищ поселения Усть-Менза-1 в Забайкалье. В аллювиальных отложениях 1-й надпойменной террасы выявлены остатки конструкций двух жилищ из культурных горизонтов № 14 и 18. Возраст горизонтов, возможно, предварительно определить временем около 12 тыс. л.н. Обнаруженные конструкции представляли собой остатки временных, одноочажных наземных жилищ типа чума. Все элементы конструкции жилища и связанный с ними представительный археологический материал зафиксированы в инситном состоянии.

Многослойное поселение Усть-Менза-1 расположено на юго-западе Забайкальского края в среднем течении р. Чикой (12,5 км юго-западнее с. Архангельское Красночикойского р-на Забайкальского края). Поселение связано с отложениями высокой поймы (высотой 5 м) и 6-метровой 1-й надпойменной террасой, вытянутой вдоль правого берега р. Менза. Поселение изучалось ежегодно с 1982 по 1991 гг. Л.В. Семиной (Екимовой) (Верещагин, 2011. С. 35).

Поселение Усть-Менза-1 многослойное (25 культурных горизонтов), горизонты 11–25 связаны с плейстоценовым аллювием, горизонты 1–10 – с полигенетичными покровными отложениями голоценового возраста (Константинов, 1994. С. 105)

За годы исследований в позднеплейстоценовых отложениях поселения зафиксированы и изучены остатки конструкций пяти наземных одноочажных жилищ (Там же).

С возобновлением работ на поселении в 2008 г. (руководитель М.В. Константинов) были выявлены остатки конструкций еще двух жилищ. Жилища были зафиксированы при изучении культурных горизонтов 14 и 18. Данные культурные горизонты приурочены к илистым прослойкам аллювиальной толщи террасы на глубине 2,3–2,6 м от современной поверхности. Несмотря на принадлежность к разным культурным горизонтам и уровням залегания, в поле раскопа жилища расположены рядом друг с другом. Возраст горизонтов возможно предварительно установить временем около 12 тыс. л.н. По углю из горизонта 14 имеется радиоуглеродная дата 11820± (ГИН-7161).

Обнаруженные конструкции представляли собой остатки временных, одноочажных наземных жилищ типа чума. Все элементы конструкции жилища и связанный с ними археологический материал зафиксированы в инситном состоянии (рис. 1).

Жилище из горизонта 14 представлено внешней обкладкой и очагом. Внешняя обкладка состоит из 16 валунов образующих дугообразную кладку, замыкающуюся в овал. Валуны примерно одинаковых размеров (от 30 до 50 см), большинство из них имели удлиненные пропорции. Камни обкладки длинной осью ориентированы вдоль края жилища, точно определяя его границы. Размеры жилища (замеры по внешней стороне камней обкладки) по линии С–Ю – 5,6 м, по линии З–В – 4 м. Очаг занимал в конструкции жилища центральное место. Он представлен семью камнями, образующими дугообразную кладку овальной формы. Габариты кам-

ней очага аналогичны камням из обкладки. С очагом было связано углисто-сажистое пятно овальной формы размерами 2,25 х 1,00 м. Мощность пятна колеблется от 2 см до тончайшей пленки. В пятне и в приочажном пространстве найдены отщепы, осколки костей, отдельные артефакты. К наиболее выразительным находкам относится плоско-выпуклый бифас лавролистной формы (рис. 2, *17*) проколка со сломанным острием на пластинчатом отщепе, костяная поделка в виде стержня, предположительно использовавшаяся в качестве отжимника или ретушера.

В южной части жилища у камней обкладки обнаружена серия артефактов, заслуживающих отдельного внимания. К ним относятся:

– нож на первичном отщепе из микросланца. Рабочий край изделия выпуклый, сформирован по правому маргиналу (рис. 2, *12*);

– унифасиальное дорсальное скребло на отщепе эффузива. Рабочий край расположен по всему периметру изделия и подправлен полукрутой дорсальной ретушью. Дорсальная поверхность сформирована серией радиальных снятий, расположенных по всему периметру орудия, большинство из них заканчивается ступенчатыми заломами (рис. 2, *12*);

– нож на пластинчатом отщепе из микрокварцита Рабочие края оформлены на маргиналах орудия плоской и полукрутой дорсальной ретушью (рис. 2, *13*). Вероятно, данные изделия были специально оставлены или забыты обитателями жилища.

Остатки конструкции жилища из горизонта 18 также представлены внешней обкладкой и очагом. В отличие от обкладки жилища из горизонта 14, обкладка данного комплекса сильно разряжена и включала в себя семь крупных речных галек и гнейсовых глыб. Они располагались одиночно или сдвоено по периметру и определяли границы жилища. Размеры камней от 20 до 40 см. Исходя из местонахождения камней, обкладка, предположительно, имела округлую форму с диаметром около 3,5 м (замеры по линии З–В, включая внешнюю сторону камней) (см. рис. 1).

Очаг с обкладкой округлой формы занимал центр жилища. Он представлен шестью камнями (речные валунчики и гнейсовые глыбы) различных размеров (от 15 см до 40 см) и углисто-сажистой массой. Наибольшую концентрацию углисто-сажистая масса имела во внутриочажном пространстве. Вне обкладки очага она представляла пятно темно-серого цвета, мощностью до 0,5 см, овальной формы, размерами 1,8 м по линии З–В и 1,2 м по линии С–Ю. Основное количество находок связано с приочажным пространством.

Коллекция археологического материала представлена интересными изделиями. Условно коллекцию можно разделить на три группы.

К первой группе относятся пять крупных изделий:

– нож на первичном отщепе овальной формы, краевой ретушью покрыто около 90% периметра изделия на вентральной поверхности (рис. 2, *1*);

– нож на первичном отщепе подтреугольной формы, с прямым рабочим краем (рис. 2, *15*);

– остроконечник на подтреугольном сколе, рабочие лезвия оформлены краевой ретушью с вентрального фаса, правосторонняя кромка сильно сношена (рис. 2, *16*);

– нож на плоском первичном отщепе овальной формы (рис. 2, *8*);

– скребло на отщепе подтреугольной формы (рис. 2, *9*);

– скребло на отщепе овальной формы, с дугообразным рабочим краем (рис. 2, *10*).

Перечисленные выше изделия оформлены на первичных, галечных, плоских (до 1,5 см) отщепах и сколах овальных и подтреугольных форм. Рабочие края подработаны краевой ретушью, преимущественно с вентрального фаса. Заготовки для орудий скалывались с галек микросланца и микрокварцита, являющихся наиболее пригодными для расщепления сырьем в долинах р. Менза и среднего течения р. Чикой. На всех изделиях зафиксированы следы сильной утилизации в виде затертостей, выкрошеностей и заломов на кромках рабочих краев. Предположительно, данные изделия выработали свой ресурс и были сознательно оставлены обитателями жилища.

Ко второй группе относится серия микролитических орудий, по тем же причинам, что и вышеперечисленные изделия, оставленных обитателями жилища. К ним относятся:

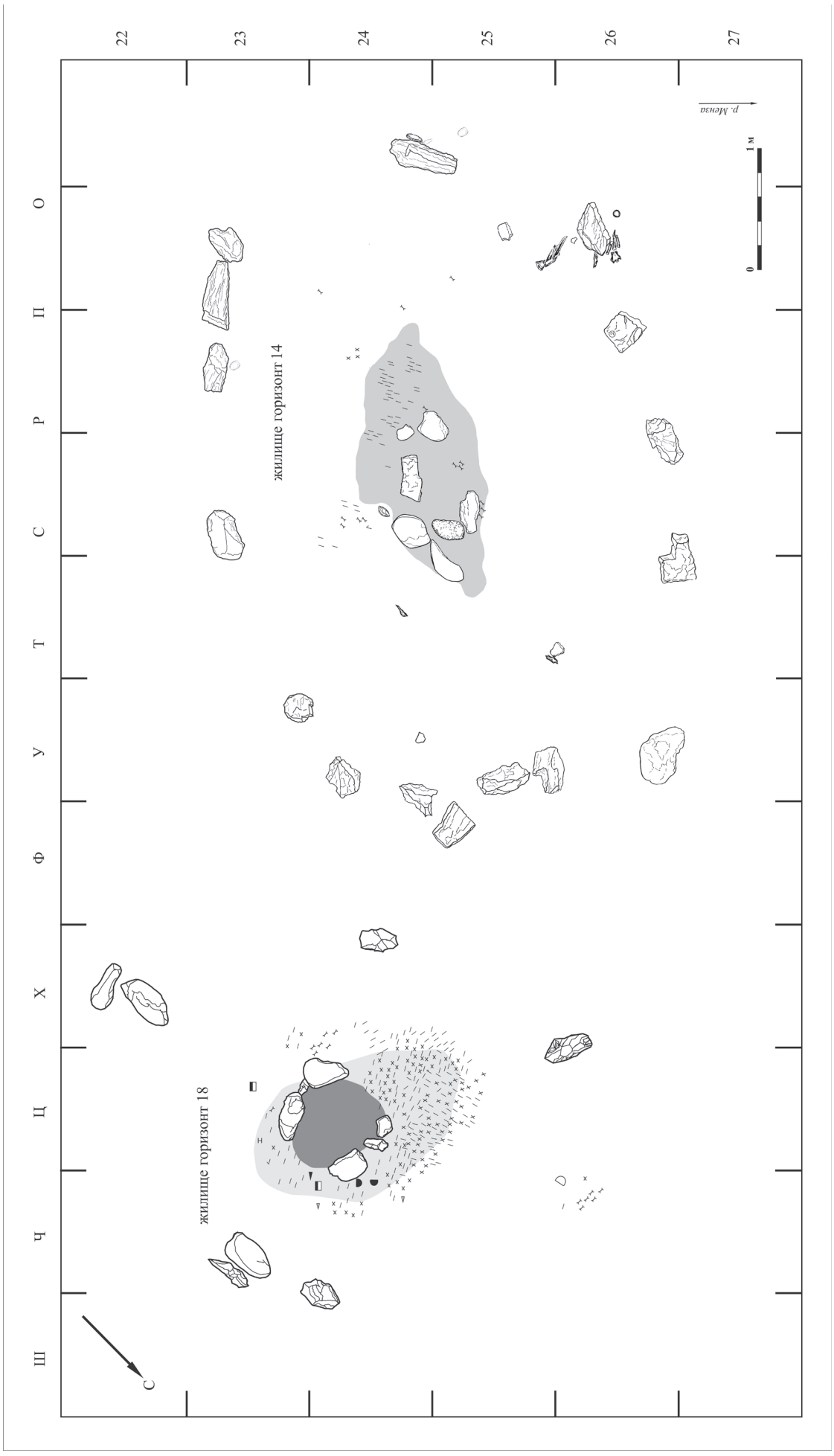


Рис. 1. План жилищ. Поселение Усть-Мензa-1.

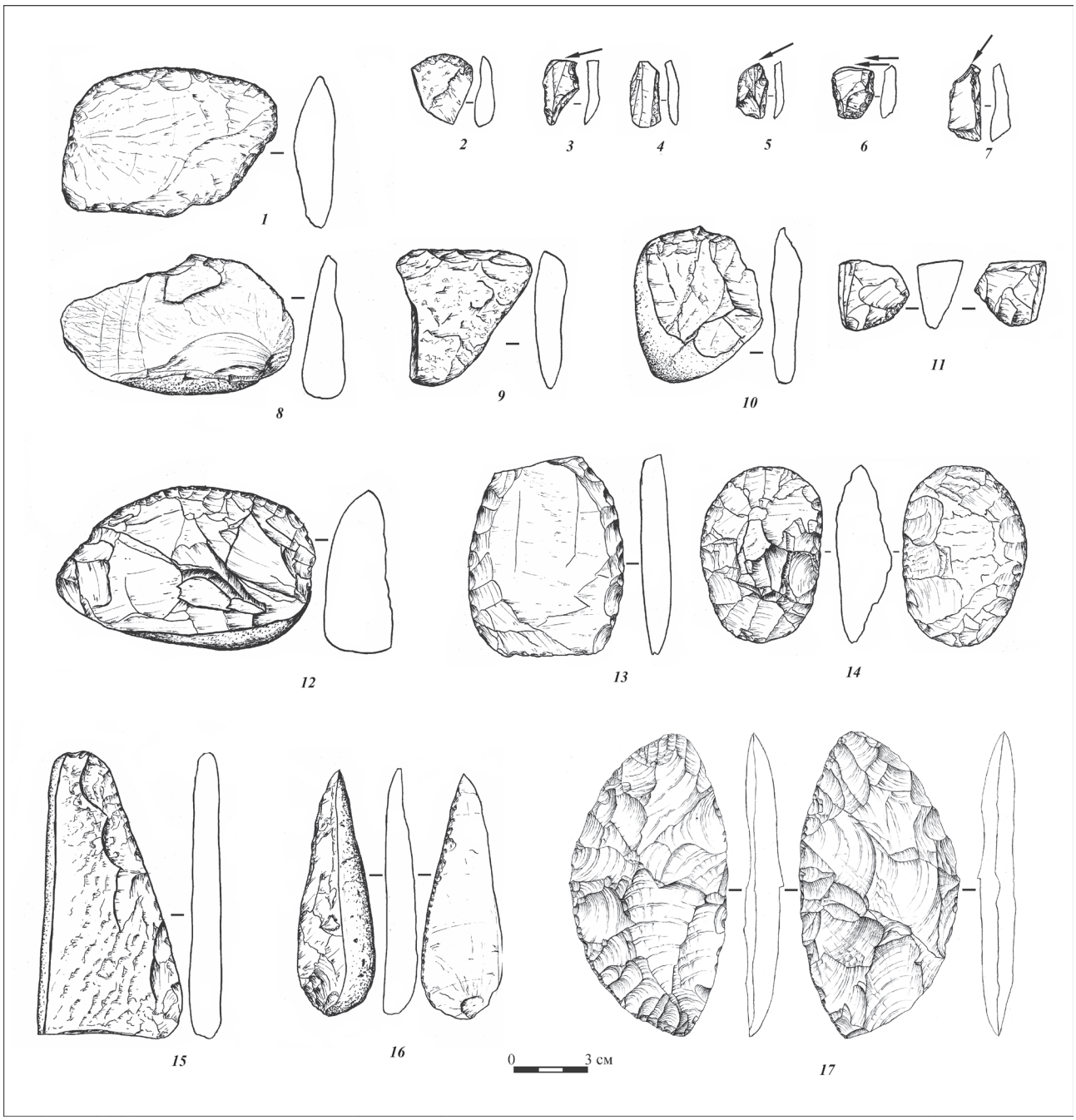


Рис. 2. Археологический материал. Поселение Усть-Менза-1.
1 – нож; *2* – фрагмент скребка; *3* – резец; *4* – пластинка с ретушью; *5–7* – резцы; *8* – нож; *9, 10* – скребла; *11* – нуклеус; *12, 13* – ножи; *14* – скребло; *15* – нож; *16* – остроконечник; *17* – бифас.
1–11, 15, 16 – находки из жилища горизонта *18; 12–14, 17* – находки из жилища горизонта 14.
1–16 – рисунки Л.В. Семиной (Екимовой);
17 – рисунок П.В. Мороза.

– фрагмент «даурского» острия с отломленным «жальцем»;

– проколка на подтреугольном отщепе, острие изделия обломлено;

– правосторонний фрагмент концевого скребка на отщепе (рис. 2, *2*);

– комбинированное орудие (проколка-резец) (рис. 2, *2*);

– проксимальный фрагмент изделия с мелкой утилитарной ретушью с дорсальной поверхности;

– проксимальный фрагмент трехгранной пластинки с утилитарной ретушью по краям (рис. 2, *4*);

– поперечный и два трансверсальных резца на пластинчатых отщепах (рис. 2, *5–7*).

Вся серия микролитических изделий изготовлена из яшмы и цветного кремня, являющихся приносным минеральным сырьем (Мороз, 2011. С. 74–75).

Третью, самую многочисленную в количественном отношении, группу составляют продукты расщепления и обработки камня:

– торцово-клиновидный микронуклеус со слегка скошенной ударной площадкой (рис. 2, *11*);

– 2 боковых скола с клиновидного нуклеуса, сохраняющих фрагмент фронта;

– 2 скола с основания торцового микронуклеуса;

– 40 отщепов из яшмы;

– 7 отщепов из микросланца и микрокварцита;

– 81 фрагмент микропластинок из яшмы и кремня;

– 119 микроотщепов, чешуек из яшмы и кремня.

В целом, элементы конструкций исследованных жилищ и археологический материал, связанный с ними, представительны и уникальны. Данные объекты наиболее полно иллюстрируют особенности каменной индустрии и поведенческих стратегий обитателей долины р. Менза и среднего течения р. Чикой в финале плейстоцена.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Верещагин С.Б. Результаты изучения 25-го горизонта поселения Усть-Менза-1 // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. Т. 1. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. С. 35–36.

Константинов М.В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. Улан-Удэ; Чита: Изд-во БНЦ СО РАН; Изд-во ЧГПИ, 1994. 180 с.

Мороз П.В. Результаты петроархеологических исследований в Забайкалье // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. Т. 1. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. С. 74–75.

ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КАМЕННОГО ИНВЕНТАРЯ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ КАМЕННАЯ БАЛКА II (ОСНОВНОЙ СЛОЙ)

© 2014 г. Е.А. Виноградова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва (vinogradovae@mail.ru)

Ключевые слова: верхний палеолит, каменная индустрия, каменнобалковская культура.

Резюме. Привлечение новых материалов для изучения инвентаря основного культурного слоя верхнепалеолитической стоянки Каменная Балка II подтвердило ранее выделенные особенности орудийного набора памятника.

Каменная Балка II (основной слой) – самое большое поселение каменнобалковской верхнепалеолитической культуры, исследуется с 1958 г. и представляет собой остатки долговременного поселения (базовой стоянки), датируемого в пределах 15,5–16,8 тыс. л.н.

К вопросу о культурных особенностях инвентаря основного слоя КБ II мы решили обратиться потому, что за долгие годы исследований накопился огромный материал. Основные характеристики инвентаря культуры были выделены еще в 1960-е гг. М.Д. Гвоздовер, ею были определены и истоки культуры. Памятники каменнобалковской культуры очень тесно связаны (сходны) с определенной стадией развития имеретинской культуры, а через нее – и с палеолитом Ближнего Востока (Гвоздовер, 1967; Амирханов, 1986; Leonova, 1994).

Поскольку многие опубликованные М.Д. Гвоздовер соображения о характере каменнобалковского инвентаря базируются на изучении материалов стоянки не позднее середины 1980-х гг., мы дополнили общую картину материалами последующих лет раскопок – с 1985 по 2012 г.

Площадь поселения по данным раскопок и шурфовки составляет около 2500 кв.м. Раскопками в настоящее время вскрыто около 1800 кв.м. площади стоянки. За все время раскопок собрана огромная коллекция каменных изделий – более 150 тыс. предметов, из них примерно 10 тыс. орудий – изделий с вторичной обработкой.

В кремневой коллекции основного культурного слоя представлено все многообразие каменной индустрии, начиная от первоначальных этапов раскалывания до широкого спектра изделий с вторичной обработкой и дебитажа. Другой чертой, характерной для базовых стоянок, является избирательность представленности различных категорий инвентаря в зависимости от характера производственной принадлежности участка памятника.

Количество орудий варьирует в среднем от 6 до 8% на 1 кв.м. Основу орудийной коллекции составляют обычные для этой культуры категории орудий: микропластинки с притупленным краем (МППК), резцы, скребки, тронке, пластины и отщепы с участками ретуши, комбинированные орудия, острия и проколки, стамески и чешуйчатые орудия, зубчато-выемчатые орудия (рис. 1, 2). Среди орудий количественно преобладают МППК (более 30%) и резцы (более 20%). Третью по численности категорию орудий составляют пластины и отщепы с участками ретуши (11%). Также многочисленны скребки (10%). Остальные категории – комбинированные орудия, тронке, острия, проколки, стамески, чешуйчатые, зубчато-выемчатые и выемчатые орудия – составляют от 1 до 4% от общего числа орудий на определенном участке.

Микропластинки с притупленным краем имеют различные формы и степень обработки краев и концов (рис. 1, *1–5, 7–11*). Вслед за М.Д. Гвоздовер можно утверждать, что именно они составляют характерную особенность орудийного комплекса основного культурного слоя КБ II (Гвоздовер, 1967; Виноградова, 2011). Среди МППК около 20% целых экземпляров, что позволяет хорошо проследить их морфологические особенности. Более половины всех МППК имеют обработанные ретушью концы (один или оба).

МППК имеют устойчивые характеристики первого продольного края: он прямой, обработан регулярной притупливающей ретушью, ретушь находится на дорсальной стороне орудия. Второй край часто бывает прямым, но нередко слегка выпуклым или вогнутым. Чаще всего он частично обработан.

Концы орудий обычно линейные. Верхний конец бывает точечным. В большинстве случаев концы орудия поперечно срезаны, реже – косо срезаны притупливающей ретушью, редко встречаются дугообразные окончания.

Выявление устойчивых форм МППК (по типам концов и форме орудия) и их количественное соотношение по материалам последний лет раскопок (2005–2011 гг.) подтвердили и уточнили выводы, полученные в предшествующих исследованиях (Виноградова, 2011). Подтвердилось, что «четырехугольники» – самая многочисленная группа среди целых МППК (они составили 62% от всех целых МППК), и что среди них больше всего «косоугольников» (83%). «Прямоугольники» и «треугольники» представлены немногочисленными экземплярами (10,5 и 5%). Анализ пластинчатых заготовок показал, что у большинства микропластинок отсекался нижний конец (с ударным бугорком).

К МППК тесно примыкает другая категория микроинвентаря – *острия*, симметричные орудия с ретушью по одному или обоим краям (рис. 1, *6, 12*). Доля остриев и микроостриев в коллекции основного слоя стоянки составляет около 5%. Микроострия представляют собой изделия на микропластинках с острым точечным концом и краем/краями, полностью обработанными притупливающей ретушью. Более крупные экземпляры остриев изготовлены на пластинах и представляют граветтоидный тип, очень характерный для позднепалеолитических слоев имеретинских памятников (Гварджилас-клде, Девис-Хврели).

Резцы можно разделить на четыре группы: ретушные, двугранные, резцы на углу заготовки и полиэдрические (рис. 1, *14–19, 21–24*). Преобладающими в категории являются ретушные резцы (более 60%), особенно высок процент косоретушных форм (более 45%). Примерно одинакова доля поперечноретушных, двугранных, резцов на углу сломанной пластины и резцов на естественной грани (каждая группа чуть более 10%).

Группа резцов на углу составляет примерно четверть от всех резцов и очень неоднородна. Встречаются резцы на углу сломанной пластины, резцы на боковой или естественной грани и др.

Полиэдрические резцы составляют самую малочисленную группу резцов (ок. 3%). Как правило, они имеют две-три резцовые кромки, и изготовлены не только на нуклеусах или нуклевидных обломках, но также и на отщепах, пластинах и сколах оживления.

Двойные резцы встречаются во всех группах (их ок. 10%), но больше всего их среди косоретушных форм.

Чаще всего резцы изготовлялись на пластинах, преимущественно на верхнем конце заготовки. Преобладают орудия с левосторонней ориентацией резцовой кромки. Можно отметить некоторую стандартизацию заготовки для резцов. Как правило, ширина пластины не выходит за рамки 1,0–3,5 см. У многих резцов обнаружена вторичная обработка крутой ретушью края, противоположного резцовой грани.

Скребки составляют около 10% орудий, в основном они сделаны на конце отщепа, реже пластины (рис. 2, *1–4*). Иногда использовались сколы оживления площадок нуклеусов. Преобладают скребки с довольно широким лезвием и слегка сходящимися к основанию краями. Классификации каменнобалковских скребков посвящена специальная работа (Гвоздовер, Деопик, 1984), в которой выделяется ряд устойчивых разновидностей их форм. Некоторые скребки имеют крутую ретушь по одному или обоим краям. Часть таких орудий (с двумя обработанными краями)

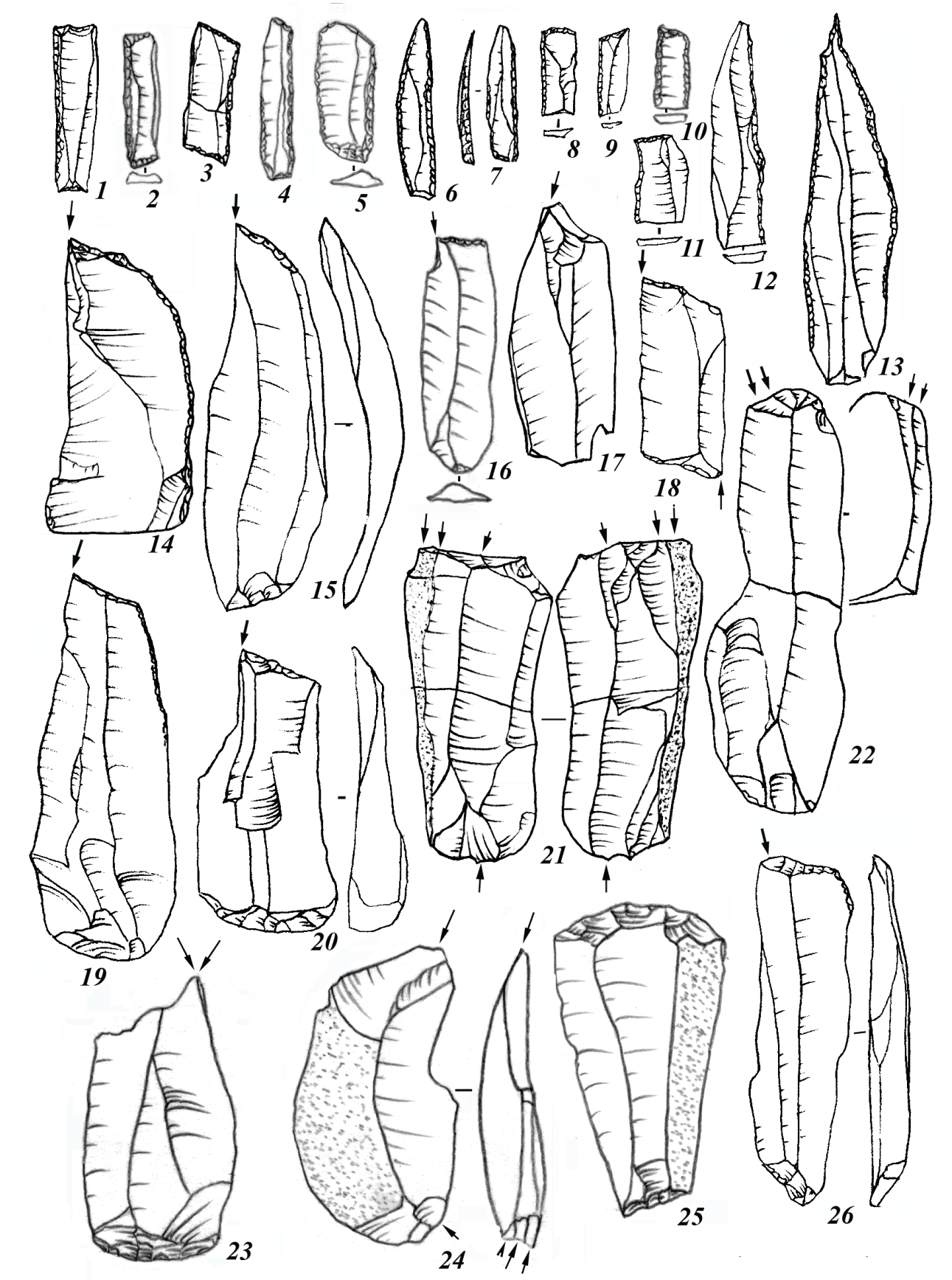


Рис. 1. Орудия основного культурного слоя стоянки Каменная Балка II
(материалы раскопок 2010– 2012 гг.)
1–5, *7–11* – микропластинки с притупленным краем; *6, 12* – острия; *13* – проколка; *14–17, 19, 23* – резцы; *18, 26* – двойные резцы; *20, 25* – комбинированные орудия; *21, 22, 24* – полиэдрические резцы.

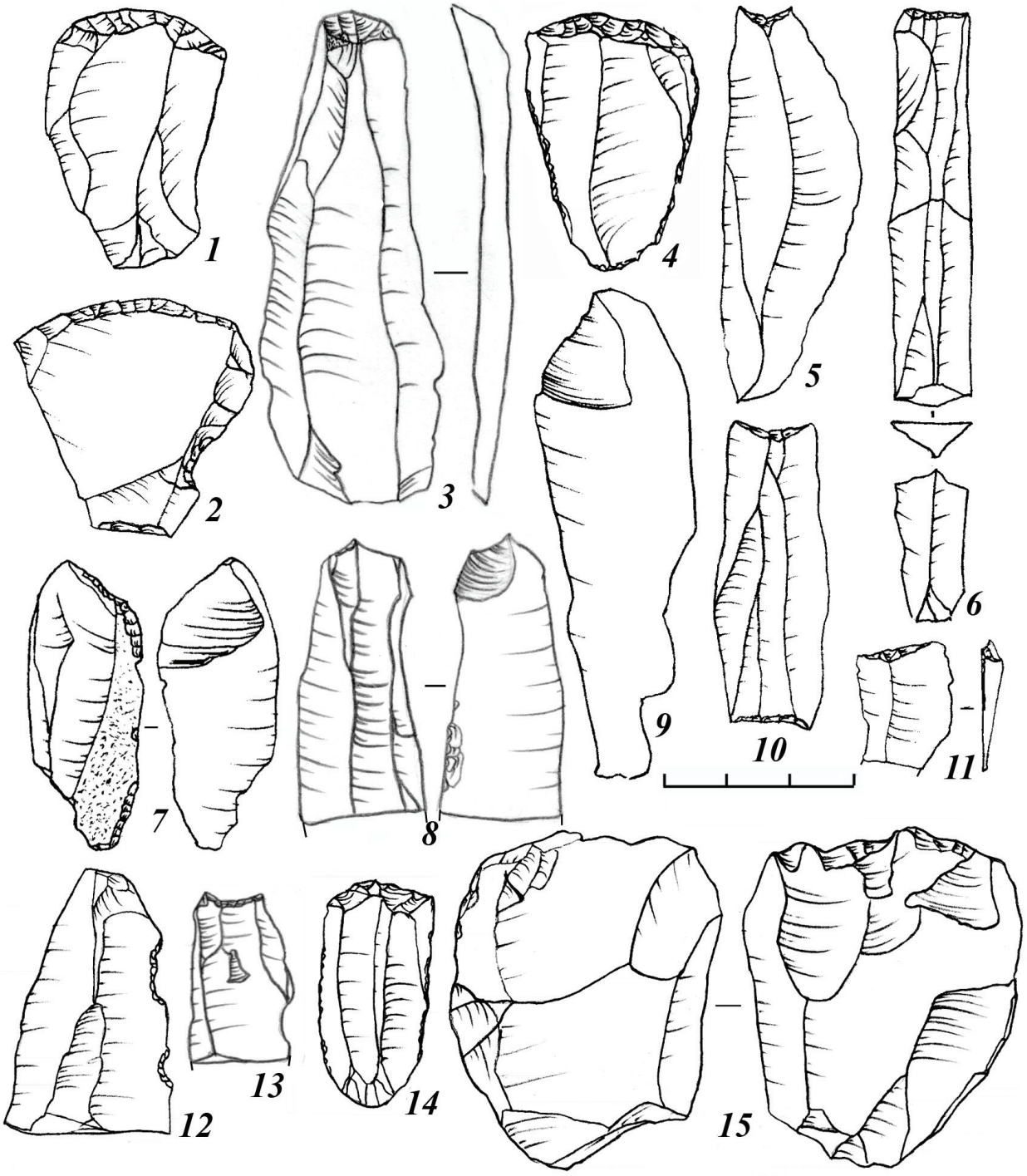


Рис. 2. Орудия основного культурного слоя стоянки Каменная Балка II (материалы раскопок 2010–2012 гг.).
1–4, 14 – скребки; *5, 6, 10, 11, 13* – тронке; *7–9* – стамески; *12* –фрагмент пластины с выемками; *15* – орудие с подтеской.

М.Д. Гвоздовер выделила в особый, каменнобалковский тип скребков (Гвоздовер, 1967). Но подобные орудия встречаются на ограниченной территории стоянки (центральная и юго-восточная часть), на других участках эта группа изделий практически не представлена. Очень редко встречаются скребки укороченных пропорций и скребки с высоким рабочим лезвием.

Среди орудий также представлены *тронке* (3%), сделанные на пластинах или крупных пластинках, не обработанных ретушью по краям (рис. 2, *5, 6, 10, 11*). Конец орудия усечен крутой или притупливающей ретушью и имеет чаще прямую или выемчатую форму, реже – косо срезан. М.Д. Гвоздовер считала, что отдельного типа пластин с поперечной ретушью не существует, и срезание концов ретушью – это просто технический прием для изготовления различных орудий. Однако встречающиеся узкие и длинные тронкированные (часто на обоих концах) пластины, как мне кажется, предполагают определенный тип работы с ними. Именно двойные тронке, по мнению Н.П. Оленковского (2008), отображают специфику приазовского восточного эпиграветта.

Комбинированные орудия составляют примерно 4% от всех орудий и представлены различными комбинациями резцов, скребков, тронке, проколок или остриев (см. рис. 1, *20, 25*).

Стамески и орудия с подтеской, объединяемые М.Д. Гвоздовер в одну категорию чешуйчатых орудий, составляют вместе около 4% орудий (рис. 2, *7, 8*). Стамески сделаны, как правило, на пластинах, у которых снят ударный бугорок, и образовавшаяся от этого острая кромка может быть еще уплощена с дорсальной стороны. Орудия с подтеской (собственно чешуйчатые) изготовлены на крупных отщепах, толстых в сечении, часто на нуклевидных обломках. Их лезвие образовано плоской подтеской (крупными фасетками) с одной или двух сторон. Угол этого лезвия гораздо больше, чем у стамесок и, видимо, предполагает несколько иное рабочее употребление.

Небольшим количеством в коллекции представлены *выемчатые и зубчатые орудия* (менее 2%). Как правило, это орудия, изготовленные примерно в равной доле на пластинах и отщепах, имеют одно лезвие или рабочую кромку, оформленную полукрутой ретушью.

Проколки составляют менее 1% всех орудий, изготовлены в основном на пластинах и пластинках (см. рис. 1, *13*). Всегда имеют тщательно обработанной мелкой крутой или притупливающей ретушью жальце. Бывают как с выраженными плечиками, так и без них.

Привлечение новых материалов для анализа каменной индустрии основного слоя КБ II не изменило общей картины выделенных ранее особенностей орудийного набора. Как процентное соотношение категорий орудий на различных участках стоянки, так и морфологическая характеристика орудий различных зон поселения позволяет говорить о едином в рамках каменнобалковской культуры комплексе кремневой индустрии.

Инвентарю основного культурного слоя КБ II присущи яркие индивидуальные черты, отличающие его от более ранних или поздних однокультурных слоев. Это, прежде всего, подавляющее большинство МППК с поперечно или кососрезанными концами и притупливающей дорсальной ретушью по обоим краям. Обработка ретушью МППК с вентральной стороны встречается чрезвычайно редко, тогда как в более раннем нижнем культурном слое стоянки этот прием является ведущим при оформлении концов орудий.

Особенностью орудийного набора основного культурного слоя является и абсолютное преобладание боковых ретушных резцов, сделанных на стандартизованной заготовке, наличие двусторонних тронкированных пластин, значительное разнообразие форм концевых скребков, при отсутствии кареноидных типов.

Среди родственных памятников Северного Приазовья наибольшее сходство у индустрии Каменной Балки II прослеживается с 1-м и 2-м слоями стоянки Федоровка и стоянками Янисоль и Ямы (формы и технология изготовления МППК, изготовление резцов на стандартизованной пластине, преобладание ретушных форм) (Кротова, 1986).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Амирханов Х.А. Верхний палеолит Прикубанья. М.: Наука, 1986. 113 с.

Виноградова Е.А. Микропластинки с притупленным краем в инвентаре Каменной Балки II // Археологические источники и культурогенез. Таксоны высокого порядка в системе понятий археологии каменного века: Тез. конф. СПб., 2011. С. 24–26.

Гвоздовер М.Д. О культурной принадлежности позднепалеолитических памятников Нижнего Дона // Вопр. антропологии. 1967. Вып. 27. С. 82–103.

Гвоздовер М.Д., Деопик Д.В. Опыт классификации каменных орудий (на материалах верхнепалеолитических скребков) // Типология основных элементов традиционной культуры. М.: Наука, 1984. С. 115–120.

Кротова А.А. Культурно-хронологическое членение позднепалеолитических памятников Юго-Востока Украины // Неприна В.И., Зализняк Л.Л., Кротова А.А. Памятники каменного века Левобережной Украины. Хронология и периодизация. Киев: Наук. думка, 1986. С. 6–73.

Оленковский Н.П. Эпиграветт Восточной Европы. Культурно-исторический аспект. Херсон: Наддніпрянська правда, 2008. 432 с.

Leonova N.B. The Upper Paleolithic of the Russian Steppe Zone // J. of World Prehistory. 1994. Vol. 8. № 2. P. 3–50.

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ХРОНОЛОГИИ СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА РУССКОЙ РАВНИНЫ

© 2014 г. Л.Б. Вишняцкий[1], А.К. Очередной[1], П.Е. Нехорошев[1], Е.В. Воскресенская[2], Дж. Хоффекер[3], В.Т. Холлидэй[4], В.А. Бурлаку[5]

[1]Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
(lvishn@yandex.ru; mr_next@rambler.ru; paleolithic@yandex.ru)
[2]Институт географии РАН, Москва
(kavosk@mail.ru)
[3]Университет Колорадо, Боулдер, США
(john.hoffecker@colorado.edu)
[4]Университет Аризоны, Тусон, США
(vthollid@email.arizona.edu)
[5]Институт культурного наследия, Кишинев, Молдавия
(burlacu_vitale@mail.ru)

Ключевые слова: средний палеолит, Русская равнина, хронология, абсолютные даты.

Резюме. В докладе излагаются и анализируются новые данные по хронологии стоянок Хотылёво I, Бетово, Шлях и Тринка-3. Особое внимание уделяется абсолютным датировкам, полученным для перечисленных памятников в последние годы.

В последние годы достигнут значительный прогресс в установлении возраста древнейших верхнепалеолитических памятников Русской равнины, прежде всего нижних слоев Костёнок-12 и -14. Можно считать доказанным, что их древность превышает 40 тыс. лет. Естественно, возникает вопрос о хронологическом соотношении и возможности генетической связи между этими комплексами и среднепалеолитическими индустриями региона, но датированию последних уделялось до недавнего времени очень мало внимания.

Единственным среднепалеолитическим памятником, для которого была осуществлена комплексная программа определения возраста, включавшая разные методы абсолютного датирования, являлась стоянка Шлях в Волгоградской обл. (Нехорошев, 2006), тогда как представления о хронологии других местонахождений базировались в лучшем случае на стратиграфических или фаунистических корреляциях, а часто просто на характере археологических находок. В 2008 г. авторами этого сообщения был начат цикл работ, имеющих в качестве одной из основных целей выяснение возраста памятников среднего палеолита бассейна Верхней Десны (Хотылёво I, Бетово и др.) и уточнение возраста стоянок в бассейне Среднего Дона (Шлях), а в перспективе и Нижней Волги (Сухая Мечетка). Попутно предпринимались шаги для проверки обоснованности отнесения к среднему палеолиту некоторых комплексов из сопредельных регионов (слой 3 Тринки-3, Молдавия). Работы проводились и продолжаются при финансовой поддержке РФФИ (проекты № 08-06-00213а, 11-06-00380а и текущий проект № 14-06-00139а), а также фонда Лики и ИИМК РАН. В докладе суммируются основные результаты, полученные к настоящему времени для каждого из исследуемых памятников.

В Бетово работы проводились в 2009 г. К раскопу Л.М. Тарасова 1977 г. был прирезан участок площадью 2 м^2, давший новый археологический материал и образцы для серии естественно-научных анализов. По совокупности полученных в результате стратиграфических, литологических и палеомагнитных данных сделано предварительное заключение, что единственный культурный слой памятника относится скорее не к раннему валдаю, как предполагалось ранее, а к первой половине средневалдайского мегаинтерстадиала (Ocherednoi et al., 2014). В настоящее время в одной из радиоуглеродных лабораторий в работе находятся два образца кости из этого слоя.

В Хотылёво I работы были возобновлены в 2010 г. К настоящему времени на двух участках, прилегающих к 6-му раскопу М.Ф. Заверняева, исследована площадь около 25 м^2. На участке, обозначенном как Хотылёво I-6-2, выявлено четыре культуросодержащих горизонта (далее КСГ) среднего палеолита, один из которых (КСГ 2) включает четыре подгоризонта. Для этого разреза, помимо стратиграфических наблюдений и результатов литологических и палеомагнитных анализов, получена серия радиоуглеродных дат, причем все имеющиеся пока данные указывают на средневалдайский (первая половина мегаинтерстадиала) возраст КСГ 1 (9-й литологический слой) и 2 (12 литологический слой). Для КСГ 1 в 2013 г. по древесному углю получена AMC-дата 49 780 ± 3710 л.н. (CURL-17368). Для КСГ 2.2 в 2011 г. по образцу гумуса получена дата 42 270 ± 3300 л.н. (GIN-14414) (Воскресенская и др., 2011), а в 2013 г. по древесному углю – AMC-дата 47 160 ± 2680 л.н. (CURL-17369). При подготовке образцов в 2013 г. применялась методика ультрафильтрации, и, видимо, именно поэтому новая дата для КСГ 2.2 несколько древнее полученной ранее. Тем не менее, если учесть значительное стандартное отклонение, то все три имеющиеся сейчас датировки можно признать вполне совместимыми и реалистичными. Они показывают, что в первой половине средневалдайского мегаинтерстадиала (OIS 3) запад Русской равнины был частью неандертальского ареала, причем Хотылёво I маркирует его северную границу. Важной задачей на будущее является выяснение соотношения хроностратиграфической позиции комплексов, выявленных раскопками М.Ф. Заверняева, и комплексов, обнаруженных Верхнедеснинской экспедицией ИИМК РАН.

Дополнительные исследования стоянки Шлях проводились в 2013 г. Были заложены два шурфа-зачистки (№ 21 и 22) шириной по 2 м (доведены до отложений верхнего карбона, подстилающих четвертичные) и взяты образцы для различных анализов, включая ОСЛ, радиоуглеродный и на наличие криптопеплов. На момент написания этого текста для основного среднепалеолитического (технологически переходного к верхнему палеолиту) слоя 8 получена одна AMC-дата по образцу кости из старых (1990 г.) раскопок – 32 230 ± 460 л.н. (UCIAMS-133290), которая значительно моложе двух уже имевшихся дат (45–46 тыс. л.н.). Для этого же слоя С.Л. Форманом (университет Иллинойса в Чикаго, США) полу-

чено 4 ОСЛ-даты. Из них лишь одна (45 960 ± 3785 тыс. л.н.) вполне отвечает имевшимся ожиданиям, а остальные три оказались чрезмерно древними. В частности, согласно им, возраст нижней части слоя 8 должен быть порядка 133 тыс. лет. Еще две радиоуглеродных АМС-даты получены по образцам погребенной почвы слоя 7, давшего небольшую коллекцию, которую нельзя с уверенностью отнести ни к среднему, ни к верхнему палеолиту: 25 770 ± 230 л.н. (CURL-17626) и 26 020 ± 240 л.н. (CURL-17631). По замечанию П. Кэппы, проводившего анализ, содержание карбона в обоих образцах было чрезвычайно низким, так что даже минимальное «просачивание» углерода из вышележащих отложений могло привести к значительному искажению (омоложению) итоговых результатов.

В 2011 г. С.И. Коваленко провел дополнительную шурфовку отложений грота Тринка-3, чтобы получить данные для уточнения их возраста. В 2012 г. по предоставленному им образцу рога северного оленя из 4-го литологического (3-го культурного) слоя памятника в радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН была получена дата 19 700 ± 250 л.н. (ЛЕ-9735). Ранее материалы этого слоя считались среднепалеолитическими. Особый интерес среди находок всегда вызывал треугольный бифасиальный наконечник с вогнутым основанием, по форме и характеру обработки подобный стрелецким. Поскольку коллекция каменных изделий, происходящих из слоя, невелика (всего 18 предметов), и других типологически выразительных вещей в ней нет (кроме дистального фрагмента еще одного бифасиального наконечника), возникает вопрос о правомерности отнесения комплекса к среднему палеолиту. Имеющиеся фаунистические остатки не позволяют оценить возраст отложений в сколько-нибудь узких рамках. Полученная дата, хотя и не решает вопрос окончательно, но все же склоняет чашу весов в пользу мнения, согласно которому индустрия слоя является верхнепалеолитической. Более того, возможно, она относится даже не к ранней, а к средней поре верхнего палеолита.

Таким образом, впервые для Русской равнины получены абсолютные датировки и иные данные, свидетельствующие о сосуществовании или, как минимум, хронологической близости среднепалеолитических индустрий разного типа. В бассейне Верхней Десны это группа комплексов с двусторонне обработанными орудиями, а в бассейне Среднего Дона – пластинчатое мустье. Между ними располагаются примерно одновременные им, или даже более древние (по крайней мере по отношению к стоянке Шлях, слой 9 которой синхронен палеомагнитному экскурсу каргаполово), памятники верхнего палеолита: Костёнки-14, слой IVб (лежит ниже горизонта со следами экскурса каргополово) и Костёнки-12, слой V. На сосуществование средне- и верхнепалеолитических индустрий в пределах Русской равнины указывают и первые результаты сравнительного изучения погребенных почв Хотылёво I и Костёнок-14 (Voskresenskaya, Korkka, Otcherednoy, 2013).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Воскресенская Е.В., Вишняцкий Л.Б., Зюганова И.С., Новенко Е.Ю., Очередной А.К. Новые данные об условиях формирования и возрасте отложений среднепалеолитического памятника Хотылёво I (бассейн р. Десна) // Мат-лы VII Всерос. совещ. по изучению четвертичного периода «Квартер во всем его многообразии: фундаментальные проблемы, итоги изучения и основные направления дальнейших исследований» / Ред. О.П. Корсакова, В.В. Колка. Апатиты: ГИ КНЦ РАН, 2011. С. 116–119.

Нехорошев П.Е. Результаты датирования стоянки Шлях // РА. 2006. № 3. С. 21–30.

Ocherednoi A., Salnaya N., Voskresenskaya E., Vishnyatsky L. New geoarcheological studies at the Middle Paleolithic sites of Khotylevo I and Betovo (Bryansk oblast, Russia): Some preliminary results // Quaternary International. 2014. Vol. 236–237. P. 250–260.

Voskresenskaya E.V., Korkka M.A., Otcherednoy A.K. Comparison of Middle Valday interstadial weak-developed paleosol at the sites Khotylevo I and Kostenki 14 // *Paleosols, pedosediments and landscape morphology as environmental archives. Materials of the XIIth International Symposium and Field Workshop on Paleopedology (ISFWP). Kursk, Russia, August 10–15. Kursk, 2013. P. 47.*

К ПРОБЛЕМЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ВОСТОЧНОГО ГРАВЕТТА НА РУССКОЙ РАВНИНЕ[1]

© 2014 г. **К.Н. Гаврилов[1], Е.В. Воскресенская[2]**

[1]Институт географии РАН, Москва
(k_gavrilov.68@mail.ru)
[2]Институт археологии РАН, Москва
(kavosk@mail.ru)

Ключевые слова: верхний палеолит, Хотылёво-6, лессово-почвенные отложения позднего Валдая, ориньяк, граветт.

Резюме. В докладе дается характеристика результатов раскопок третьего культурного слоя стоянки Хотылёво-6, относящегося к ранней поре верхнего палеолита. Сделан вывод об ориньякоидном характере каменной индустрии, которая одновременно содержит в себе элементы, присущие граветтскому технокомплексу.

Вопрос о происхождении восточного граветта на Русской равнине традиционно рассматривался в рамках гипотезы миграции носителей этой традиции – верхнепалеолитических охотников на мамонтов – на территорию Восточной Европы из Европы Центральной (Соффер, 1993; Аникович, 1998). Между тем в Костенковско-Борщевском районе давно известен памятник, также относящийся к граветтскому технокомплексу, который синхронен моравским стоянкам, относящимся к раннему граветту. Речь идет о втором слое стоянки Костенки-8 (Sinitsyn, 2007). Этот факт, а также культурное разнообразие более поздних граветтских памятников, расположенных на Восточно-Европейской равнине, дают основание для предположения, что появление восточного граветта на этой территории могло быть результатом более сложного исторического процесса, чем миграция населения из одного региона в другой. Гипотетическая возможность автохтонного происхождения восточного граветта на Русской равнине недавно была признана Я. Козловским (Kozlowski, 2013). Высказывая эту точку зрения, исследователь отталкивался от хорошо известного факта своеобразия кремневой индустрии стоянки Хотылёво-2. Однако ни технико-типологические характеристики каменного инвентаря, ни хронологическая позиция этого памятника не позволяют относить его к ранней стадии восточноевропейского граветта (Гаврилов, 2008).

В окрестностях с. Хотылёво расположен многослойный памятник Хотылёво-6. Его третий культурный слой имеет более древний возраст по сравнению со стоянкой Хотылёво-2, чей кремневый инвентарь позволяет проследить некоторые особенности в оформлении каменных изделий, которые характерны именно для индустрий памятников восточного граветта.

Стоянка Хотылёво-6 приурочена к западному мысу в приустьевой части крупной балки, прорезающий правобережье р. Десна и носящей среди местного населения название Кладбищенская. Памятник расположен на площадке мыса, который с северной и восточной стороны ограничен крутыми (до 20°) склонами. Бровки склонов подняты над уре-

1 Работа выполнена в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», направление «Преемственность и трансформации в развитии древних и средневековых обществ по археологическим и антропологическим данным», проект «Развитие материальной культуры верхнего палеолита на территории Центра Русской равнины».

зом на высоту 18 м, подошва восточного склона опирается на днище балки в его приустьевой части, северного склона – на поверхность высокой поймы р. Десна. В юго-восточном направлении, в сторону водораздела, прослеживается плавный подъем.

Венчающий разрез профиль голоценовой почвы (слои 1–4) развит по типу светло-серых лесных почв и состоит из следующих горизонтов: A_1 – нарушенный пахотой редуцированный гумусовый горизонт современной почвы, переходный горизонт A_2-B и мощный горизонт иллювиирования B_t. Верхние горизонты почвы A_1 и A_2-B_t сильно нарушены биотурбацией. Иллювиально-глинистый горизонт B_t представлен чередованием прослоев темно-ржавого ожелезненного суглинка (ортзанды) и пятен и линз белесовато-желтой пылеватой кременеземистой присыпки. Для лессовидных суглинков (слои 5–7), которые послужили материнской породой для голоценовой почвы, характерно достаточно неоднородное строение. На глубине 2,25–2,30 м отмечается прослой буровато-коричневого гумусированного материала, заключенный между двумя тонкими песчаными линзами. Уровни слаборазвитого почвообразования имеют профиль, который развит по типу A-B_{ca}, и отвечают различным по протяженности этапам снижения скорости лессовой аккумуляции или незначительного смягчения климатических условий, на завершающей фазе развития которых возобновлялись процессы лессонакопления и мерзлотного растрескивания (Воскресенская, Морозова, 2009). Нижележащая брянская ископаемая почва (слои 8-10) имеет общую мощность до 0,6 м и состоит из горизонтов A_1, AB-B_{ca} и $B_{ca\text{-}g}$. Гумусовый горизонт A_1 в значительной степени деформирован мерзлотно-солифлюкционными процессами и представлен отдельными пятнами изометричной формы и прослоями темно-серого обогащенного органическим веществом материала. Весь почвенный профиль разбит на блоки несколькими системами трещин, в плане образующих изометричные полигоны. Трещины проникают в подстилающие отложения до гл. 3,6 м. Нижняя часть разреза (слои 11–13) представлена рыжеватыми ожелезненными алевритами и тонкозернистыми песками с редкими включениями гравия и обломков кристаллических и местных пород. В слое 12 отмечались заполненные темно-бурым гумусированным материалом округлые кротовины, а также темные гумусированные линзы, содержание гумуса в которых достигает 0,4%. По нашим представлениям, данная толща представляет собой педоседименты горизонтов A_1 и B_t мезинского почвенного комплекса. В основании разреза, на глубине 3,5–4,4 м залегают светло-серые мелко- и среднезернистые пески с прослоями и линзами ожелезнения (слой 14).

Культурный слой 3 связан с гумусовым горизонтом погребенной брянской почвы. Основанием для такого заключения послужили характерные морфотипические признаки профиля данной почвы, которые отмечены на ряде опорных разрезов Подесенья (Морозова, 1981). Расколотые кремни, кремневые гальки и желваки залегали в линзах гумусированного материала и были приурочены к их верхам.

Коллекция находок насчитывает более 367 экземпляров, из которых 33 предмета – это окатанные фрагменты мелких размеров различных пород камня. Остальные 334 предмета относятся к кремневым артефактам. Сырьем служил местный плиточный кремень темно-серого цвета, однако использовался также валунный кремень коричневого и черного цветов. Почти четверть расколотого кремня представлена обломками и осколками, полученными в результате первичной обработки сырья. Выраженных нуклеусов, характерных для более поздних памятников верхнего палеолита на этой территории, нет, хотя встречены пре-нуклеусы: фрагмент плитки кремня с односторонней обработкой ребра крупной ретушью, а также обломок кремня с подготовленными ударной площадкой, латералями и ребристым краем. Кроме того, имеется экземпляр, который может быть атрибутирован как нуклевидный скребок – нуклеус для снятия микропластинчатых сколов. Характерно также присутствие в каменном инвентаре третьего культурного слоя ребристых пластин.

Доля отщепов и пластин составляет 20,9 и 8,75% от общего количества инвентаря соответственно. Чуть более 4% приходится на неопределимые фрагменты сколов. Для отщепов характерны широкие плоские ударные площадки, пластины отличаются присутстви-

ем предметов с фасетированными и ретушированными ударными площадками, и изогнутым профилем. В коллекции значительна серия кремневых галек (14,7%), большинство которых расколото. Кремневые гальки использовались в качестве наковаленок, отбойников и ретушеров, что, очевидно, и обусловило присутствие в составе коллекции значительного количества расколотых предметов. Набор каменных орудий характерен для ориньякоидных комплексов, о чем свидетельствуют кареноидный скребок и нуклевидный резец, скребла и широкие массивные пластины с крупной ретушью. Однако в коллекции имеются два предмета, которые аналогичны изделиям, характерным для граветтийских памятников. Это пластина, у которой регулярной подтеской обработана поверхность слома – черта, характерная для вторичной обработки ножей костенковского типа, хотя, разумеется, данный предмет не относится к названной категории и может быть атрибутирован как пластина с подтеской конца. Не исключено, учитывая макроследы износа на одном из его краев, что данный предмет мог использоваться и в качестве ножа. Кроме того, в коллекции имеется один экземпляр ножа с обушком, оформленным притупливающей встречной ретушью. Плоским вентральным сколом у этого предмета подновлен режущий край в проксимальной части. Имеется в коллекции и краевой скол. Возможно, что последний экземпляр как раз связан с утилизацией ножей данной категории.

Большинство каменных орудий изготовлено на отщепах. Доля орудий на пластинах также велика и заметно увеличивается среди предметов с вторичной обработкой. Наличие в инвентаре ребристых пластин (13 экз.) свидетельствует о целенаправленном характере производства пластинчатых заготовок.

Однако инвентарь нижнего слоя Хотылёво-6 пока не содержит специфические типы орудий, которые позволили бы более детально определить культурную специфику этого комплекса. Наличие подтески на фрагменте скола, очевидно, пластинчатого, оформление обушка на ноже при помощи встречной притупливающей ретуши, а также присутствие в кремневом инвентаре краевого скола дают основания для предположения о том, что расширение площади раскопок может существенным образом уточнить наши представления о культурной принадлежности этой стоянки. Не исключено, что отсутствие в инвентаре третьего культурного слоя пластин с притупленным краем отражает лишь фациальные особенности, связанные с функциональной спецификой данного участка.

Особенности кремневого инвентаря позволяют сделать вывод о том, что индустрия третьего слоя Хотылёво-6 типологически может быть отнесена к ранней поре верхнего палеолита. Такое определение вполне согласуется и со стратиграфическим положением культурного слоя 3. Ориньякоидный характер кремневой индустрии нижнего слоя Хотылёво-6 также хорошо вписывается в общий для заключительного этапа ранней поры верхнего палеолита Русской равнины культурно-исторический контекст, который характеризуется сосуществованием памятников с индустриями ориньякского и позднеселетского облика (Аникович, Анисюткин, Вишняцкий, 2007).

В таком контексте неслучайным выглядит присутствие в инвентаре нижнего слоя Хотылёво-6 пластины с подтеской конца, а также краевого скола. Все это дает основание для постановки вопроса о возможных культурных связях между памятниками ориньякоидного и граветтоидного технокомплексов (по терминологии М.В. Аниковича) на территории центра Русской равнины в брянское время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аникович М.В. Днепро-Донская историко-культурная область охотников на мамонтов: от «восточного граветта» к «восточному эпиграветту» // Восточный граветт. М.: Науч. мир, 1998. С. 35–66.

Аникович М.В., Анисюткин Н.К., Вишняцкий Л.Б. Узловые проблемы перехода к верхнему палеолиту в Евразии. СПб.: Нестор-История, 2007. 336 с.

Воскресенская Е.В., Морозова. Т.Д. Микростроение культурного слоя и особенности почвообразования в районе верхнепалеолитической стоянки Хотылёво-2 // Тр. V Междунар. конф. «Эволюция почвенного покрова: история идей и методы, голоценовая эволюция, прогнозы». Пущино: Изд-во ИФ-ХиБПП РАН, 2009. С. 227–228.

Гаврилов К.Н. Верхнепалеолитическая стоянка Хотылёво-2. М.: Таус, 2008. 256 с.

Морозова Т.Д. Развитие почвенного покрова Европы в позднем плейстоцене. М.: Наука, 1981. 281 с.

Соффер О.А. Верхний палеолит Средней и Восточной Европы: люди и мамонты: сб. статей // Проблемы палеоэкологии древних обществ / Под ред. Н.Б. Леоновой, С.А. Несмеянова. М.: Изд. Рос. открытого ун-та, 1993. С. 99–118.

Kozlowski J.K. The origin of the Gravettian // International Conference World of Gravettian Hunters. Krakow, Poland, 25th – 28th June 2013. Abstracts and Guide Book / Ed. P. Wojtal. Krakow: Institute of Systematics and Evolution of Animals, Polish Academy of Sciences, 2013. P. 38–39.

Sinitsyn A.A. Variabilité du Gravettien de Kostienki (Bassin moyen du Don) et des territoires associés // Paleo. 2007. № 19. P. 181–202.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ТРАСОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НОЖЕЙ КОСТЁНКОВСКОГО ТИПА

© 2014 г. Е.Ю. Гиря

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург (kostionki@narod.ru).

Ключевые слова: трасология, морфология, ножи костёнковского типа.

Резюме. Экспериментально-трасологический анализ ножей костёнковского типа из второго жилого комплекса стоянки Костёнки-1 (слой I) указывает на то, что эти орудия представляют собой пластины, использовавшиеся для резания, строгания и скобления таких материалов, как мясо, шкура, дерево, кость и мягкий камень. Это были многоцелевые орудия с преобладающей функцией резания. Морфологическое разнообразие ножей объясняется применением специфического приема их приострения путем ретуширования и производства плоских резцовых сколов вдоль изношенного края пластины.

Ножи костёнковского типа (НКТ) являются одним из важнейших культуроопределяющих типов орудий каменных индустрий костёнковско-авдеевско-зарайского культурного единства. Они были выделены в начале XX в. П.П. Ефименко (1915) в материалах коллекции стоянки Костёнки-1, слой I, старый жилой комплекс. П.П. Ефименко (1958. С. 222–227, 230–233) определил следы износа на рабочих лезвиях НКТ и в целом правильно интерпретировал их как следы резания мягких материалов, преимущественно мяса. Костёнковские НКТ входили в число орудий, с анализа которых в 1934 г. С.А. Семёнов (1957. С. 7) начал разработку экспериментально-трасологической методики. Исследователь зафиксировал наличие микроследов от резания на НКТ из Костёнок-1.1 и впервые показал, что орудия данного типа действительно являются ножами (Там же. С. 81).

Начиная с 1972 г., в ходе изучения материалов Авдеевской стоянки, М.Д. Гвоздовер исследовала НКТ, применяя комплексный подход, представлявший собой комбинацию морфографического и морфометрического описаний в сочетании с функциональными характеристиками, полученными в результате трасологических исследований В.Е. Щелинского. К сожалению, результаты данных исследований были опубликованы лишь четверть века спустя (Гвоздовер, 1998. С. 243–259).

Мое знакомство с НКТ началось в середине 1980-х гг. по инициативе Н.Д. Праслова и М.Д. Гвоздовер. В конце 1980-х гг. и особенно в сезон 1990 г. была осуществлена большая серия (более 30) экспериментов по дли-

тельному (до 18 ч.) использованию НКТ в различных операциях, связанных в основном с обработкой дерева и в меньшей степени – бивня, рога и кости. Эксперименты по долговременному использованию НКТ в функции строгания и пиления-резания непересушенного бивня мамонта, произведенные на о. Жохова в 2001–2004 гг., показали, что кремневые орудия можно эффективно использовать при обработке слоновой кости в течение 12 ч. и более.

В 1989 г. по просьбе М.Д. Гвоздовер я изучил клад пластин из Авдеево и определил их как НКТ без краевых сколов приострения (Гвоздовер, 1998. С. 257). Авдеевский набор «кладиковых пластин» (как именовала их М.Д. Гвоздовер) по характеру следов износа и месту расположения рабочего края оказался аналогичным ранее изученным пластинам из кладов, найденных в ходе раскопок Костёнковской стоянки в 1982–1984 гг. При этом различные (формально-типологически) изделия – простые пластины с частично ретушированными краями, пластины с подтеской и изделия с уже произведенными краевыми (плоскими резцовыми) снятиями – и в коллекции Костёнок, и в Авдеево, были отнесены мною к единому типу – НКТ (точнее – к единому функционально-технологическому контексту НКТ). Следует отметить, что мой вывод основывался не только на опыте анализа нескольких кладов пластин из нового жилого комплекса Костёнок-1 (слой I), но и на суждениях П.П. Ефименко, основанных на наблюдениях, сделанных в ходе анализа пластин из кладов старого жилого комплекса Костёнок-1 (слой I).

Не соглашаясь с таким толкованием, М.Д. Гвоздовер твердо придерживалась мнения, что изделия без краевых сколов, но с уже готовыми площадками (с подтеской) не являются НКТ. Она видела в них особый тип изделий. Результаты этих работ и дискуссий многократно обсуждались на различных рабочих совещаниях, однако долгое время (более 10 лет) оставались неопубликованными.

Получив результаты, подтверждающие выводы П.П. Ефименко и С.А. Семёнова в их функционально-трасологической части (Семёнов, 1957. С. 81 и 130), я полагаю, что мы имеем дело со специфическим приемом обработки края заготовок – специальной технологией производства плоского резцового снятия. Данный прием использовался древними костёнковцами не только для приострения лезвий НКТ, но и при производстве и переоформлении орудий иных типов и назначений (Giria, Bradley, 1998; Гиря, Ресино Леон, 2002. С. 182).

«Чтение» и толкование морфологии НКТ возможно через анализ причинно-следственных связей между различными элементами формы этих изделий. Доступные современной экспериментальной проверке связи имеют технологическую и/или функциональную природу (Гиря, 1997. С. 45–47, 58–60). Объективность результатов морфологических исследований НКТ целиком и полностью зависит от правильности определения функциональных и/или технологических необходимостей, определявших в основном их формообразование.

В коллекции нового жилого комплекса Костёнок-1 (I) на 200 НКТ, включая все виды их форм и обломки, приходится около 150 сколов приострения лезвий (краевых сколов с НКТ). Рабочие участки большинства этих изделий – угол площадки ножа и прилегающий к нему участок продольного края – имеют выразительные следы использования.

Отдельные орудия имеют поразительно высокую степень сработанности, что более полувека назад особо отмечалось П.П. Ефименко и С.А. Семёновым: «В Костёнках I была исследована серия тупоконечных ножей, интенсивно заполированных от долгого употребления, возможно, длившегося годами» (1968. С. 155). Результаты современных исследований подтверждают наблюдения С.А. Семёнова (1957. С. 81): НКТ – это самые обыкновенные «ножи бытового назначения,

Сколы со следами резания мяса и/или свежей шкуры	42 шт.	60% (здесь и ниже – % от всех, имеющих следы использования)
Сколы со следами резания и строгания-резания дерева	12 шт.	17,2%
Сколы со следами резания, строгания и скобления кости	8 шт.	11,4%
Сколы со следами скобления-резания мягкого камня	2 шт.	2,8%
Сколы со следами неясного происхождения, морфология которых труднообъяснима (неизвестный тип и/или наложение следов обработки различных материалов на одном лезвии)	6 шт.	8,6%
Некраевые сколы с НКТ (все без следов использования)	7 шт.	
Краевой скол на котором не обнаружены признаки следов износа	1 шт.	
Всего	78 шт.	

служащие для резания мяса, кройки кожи и строгания дерева».

В этой статье я представляю промежуточные итоги трасологического анализа небольшой коллекции сколов с НКТ из новых материалов стоянки Костёнки-1 (слой I). Исследование было направлено на анализ участков рабочих лезвий ножей, сохранившихся на данных сколах. К анализу была привлечена случайная выборка, состоящая из 78 экз. Результаты этого исследования вполне определенно указывают на то, что следы использования, прослеженные на НКТ, в целом совпадают с таковыми на краевых сколах. То есть, и до снятия краевых сколов, и после их снятия, ножи использовались одинаковым образом для выполнения аналогичных видов работ.

Спектр функций НКТ несколько расширился. Кроме указанных С.А. Семёновым следов от резания мяса-шкуры и обработки дерева, на краевых сколах с НКТ обнаружены следы обработки твердых органических материалов (кость, рог, бивень) и мягкого камня:

На некраевых сколах с НКТ обнаружены только следы неутилитарного износа (Гиря, Ресино Леон, 2002. С. 179–182; Гиря, 2004. С. 203–205; Giria, 2004. P. 151–153). Эти следы расположены на ребрах и гранях дорсальных поверхностей. Они свидетельствуют о том, что НКТ, с которых они были сняты, достаточно долго служили в древнем обиходе. Следов использования на этих сколах не найдено.

Не прослежено никаких признаков использования НКТ в качестве стамесок или тесел. У нас нет каких-либо оснований полагать, что поперечные кромки, образованные схождением плоскостей ретуши усечения ножа (подтески площадки) и дорсальной поверхностью, являлись лезвиями орудий типа НКТ. На всех орудиях рабочим участком являлся угол площадки ножа и прилегающий к нему участок продольного края. В описываемой выборке лишь на одном из краевых сколов с НКТ не обнаружено никаких уверенно определимых следов износа.

Наибольшая часть сколов с НКТ (60%) имеет следы от резания мяса и/или свежей шкуры, то есть они представляют собой сколы с рабочих участков орудий, которые служили для разделки туш животных. Не вызывает сомнения, что упоминая ножи, долговременно (годами) использовавшиеся древними костёнковцами, С.А. Семёнов имел в виду именно эту группу орудий.

Причины многочисленности сильно изношенных орудий в костёнковской каменной индустрии традиционно объясняют недостатком сырья ввиду удаленности месторождений кремня. Однако в авдеевской индустрии и, что особенно странно, – в зарайской, располо-

женной практически на выходах кремня, орудия с очень развитым износом также нередки. Это указывает на пока еще недостаточную изученность данного феномена.

Специалистам известно, что следы от работы по мясу, свежей шкуре – один из наиболее слабых видов износа среди всех известных археологической трасологии. В наших экспериментах пока еще ни разу не удалось достичь столь же сильного развития этого типа следов, как мы наблюдаем на артефактах из Костёнок-1 (слой I). Даже в ходе экспериментов по разделке туши слона, мясо которого очень жесткое, нам не удалось получить износ сопоставимой степени развития. В другом эксперименте по долговременному использованию орудия из кремня более 100 кг мяса различных животных было превращено в бефстроганов. Однако рабочий участок лезвия данного НКТ даже после столь долгого использования не приобрел сопоставимую с археологическими образцами степень изношенности.

В сравнении со следами от обработки иных, более плотных материалов износ от мяса в наименьшей степени изменяет микрорельеф поверхности камня. Именно эти следы легче и быстрее других следов использования могут быть уничтожены в результате самых различных причин: смены материала обработки, в ходе приострения рабочего края ретушью и т.д. Поэтому, принимая в расчет эту особенность следов от резания мяса, следует особо отметить факт, что большая часть изделий, с которых были сняты изученные нами трасологически сколы с НКТ, действительно долговременно служила именно в качестве мясных ножей и ни в каких иных функциях не использовалась. Однако нельзя исключать возможность, что имеющиеся в коллекции НКТ со следами иного износа ранее могли использоваться также и при разделке туш животных.

17.2% сколов с НКТ сняты с орудий, использованных для работы по дереву: строгание-резание и пиление. В отличие от следов от работы по мясу-шкуре, на данных сколах эти следы чаще представлены в неполном виде. Наиболее развитая полоса заполировки на большинстве из них отсутствует, она удалена ретушью приострения края. Перед снятием данных плоских резцовых сколов с НКТ рабочие участки этих орудий предварительно приострялись ретушью. Данными орудиями, также как и мясными ножами, древние костёнковцы работали достаточно долго. Сопоставимая степень износа была получена на нескольких экспериментальных орудиях, использованных для строгания-резания дерева в течение 10–12 ч.

Около 10% сколов с НКТ имеют следы от работы по твердым материалам животного происхождения – кости, рогу или бивню мамонта. Это следы пиления-резания, на нескольких орудиях – следы скобления. Все эти виды работ органически вписываются в функциональный контекст костяной индустрии Костёнок-1 (слой I), где широко представлены разнообразные изделия из бивня мамонта и кости.

Несколько неожиданным оказалось обнаружение следов скобления-резания мягкого камня сразу на двух сколах с лезвий НКТ. Орудий, связанных с обработкой этого материала, в костёнковской коллекции крайне мало, причем все они имеют случайную форму. Поэтому на сегодняшний день НКТ можно определить как единственный в костёнковской индустрии устойчивый тип орудия, связанный с обработкой камня. Как и в случае со следами резания твердых органических материалов, функциональный контекст следов резания камня известен – в коллекции представлены многочисленные изделия из мергеля (в основном неутилитарного назначения) и мягкого сланца (так называемые ретушеры и др.).

На шести сколах с НКТ (8,6%) не удалось достичь желаемой точности в определении материала обработки. Это наиболее интригующая часть нашего трасологического исследования. Во всех указанных случаях следы, имеющие признаки износа от работы по твердым и мягким органическим материалам, очень хорошо выражены, но не поддаются уверенному определению. Не исключено, что на данных изделиях представлены следы, возникшие в результате применения одного и того же лезвия в различных функциях для обработки различных материалов. Поскольку систематические эксперименты по моделированию «наложения» следов от различных видов работ на одном лезвии нами не производились, допустимо лишь предположить, что

данными орудиями могли в неизвестной нам очередности производить обработку мягких и твердых материалов растительного и животного происхождения, например дерева и кости, или дерева и мяса.

Принято считать, что основной причиной изменения морфологии НКТ в ходе их функционирования в древней костёнковской культуре было затупление рабочего края в результате интенсивного использования. Древние костёнковцы приостряли рабочий край НКТ вначале ретушью, а потом, когда это становилось уже невозможным, с помощью производства плоского резцового снятия. На сегодняшний день – это в целом логичное и вполне правдоподобное суждение, однако следует признать, что пока еще никто не продемонстрировал его справедливость на достоверно установленных археологических фактах. Результаты решения данной проблемы могут оказаться неоднозначными.

Принимая сказанное выше в качестве основной рабочей гипотезы, нельзя исключить, что необходимость переоформления НКТ могла быть вызвана и иными причинами. Например, – необходимостью изменения угла рабочей кромки в зависимости от предстоящего вида работы. В сравнении с гипотезой о необходимости приострения это ничуть не менее весомое объяснение, ведь для успешной работы по столь различным материалам, как мясо, дерево, кость и камень, функционально необходимы различные углы заострения лезвия. Нельзя априори исключать возможность того, что ретуширование края и снятие краевого плоского резцового скола с НКТ являлись специальными и в какой-то мере обособленными приемами, позволяющими контролируемо задавать (затуплять или заострять) угол режущей кромки костёнковских ножей.

Результаты трасологических исследований НКТ из нового жилого комплекса Костёнок-1 (слой I) на данном этапе в основном совпали с итоговыми выводами С.А. Семёнова, полученными в результате изучения старого жилого комплекса Костёнок-1, раскопанного П.П. Ефименко в 30-х гг. XX в. Выборочный анализ отдельных НКТ старого комплекса Костёнок-1 также не дал противоречащих этому выводу результатов. На рабочих участках большинства НКТ обнаружены следы резания мягких материалов животного происхождения – мяса и свежей шкуры. Несколько меньшая часть ножей имеет следы от обработки дерева, кости и камня.

Несмотря на несистематический характер и ограниченный объем сделанных наблюдений, результаты анализа артефактов из Зарайской и Авдеевской стоянок в целом пока вполне соответствуют тем, что получены для Костёнок-1 (старого и нового жилых комплексов). Однако этот вывод не совпадает с результатами трасологического исследования НКТ Авдеевской стоянки, произведенного В.Е. Щелинским в начале 70-х гг. прошлого века, которые были изложены в статье М.Д. Гвоздовер в конце 90-х (1998. С. 256). В ходе этих исследований было установлено преобладание на авдеевских НКТ следов от обработки твердых материалов растительного и животного происхождения. По мнению самого В.Е. Щелинского, отличие результатов трасологических исследований авдеевских НКТ от результатов, полученных в ходе изучения костёнковских и зарайских, может быть объяснено как различием памятников, так и различиями в критериях отбора орудий, предназначенных для анализа под микроскопом (В.Е. Щелинский, личное общение, январь 2014 г).

Таким образом, морфографическое разнообразие ножей костёнковского типа получает непротиворечивое и доказуемое объяснение именно в результате экспериментально-трасологического анализа их морфологии – благодаря интерпретации, разъяснению, толкованию следов обработки (негативов и позитивов сколов, следов абразивной обработки) и следов использования (выкрошенности рабочего края, линейных следов, заполировки и т.д.).

Все формы ножей технологически взаимосвязаны (более простые формы являются технологически необходимыми для создания более сложных). Они представляют собой единый технологический контекст, в который входят как сами ножи, так и сколы с них (краевые – плоские резцовые сколы и некраевые – сколы, обеспечивающие правильное направление снятия краевых). Разнообразие этих форм очень велико:

– пластины со следами использования в качестве ножей;

– пластины с краевой ретушью на дистальных и/или проксимальных концах со следами использования в качестве ножей;

– пластины с краевой ретушью и площадками (подтеской) на дистальных и/или проксимальных концах, со следами использования в качестве ножей;

– пластины с негативами плоских резцовых сколов и площадками (подтеской) на дистальных и/или проксимальных концах, со следами использования в качестве ножей;

– пластины с негативами плоских резцовых сколов и некраевыми дорсальными продольными пластинчатыми снятиями, с площадками (подтеской) на дистальных и/или проксимальных концах, со следами использования в качестве ножей;

– пластины со следами использования в качестве ножей и иными вариантами сочетаний перечисленных видов «вторичной» обработки.

Все эти формы изделий отражают различные стадии «жизни» единого типа орудия – ножа костёнковского типа. Все они являются результатом единого типа поведения, единого комплекса действий представителей костёнковской культуры, представляющего собой особый способ, прием (технологию) управления углом заострения продольного края пластины-ножа. Навыки и знания, связанные с применением данной технологии, являлись культурной нормой носителей костёнковско-авдеевско-зарайского единства, поэтому данная технология является одним из основных отличительных признаков достаточно широкого круга указанных каменных индустрий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гвоздовер М.Д. Кремневый инвентарь Авдеевской верхнепалеолитической стоянки // Восточный граветт. М.: Науч. мир, 1998. С. 234–278.

Гиря Е.Ю. Технологический анализ каменных индустрий: Методика микро-макроанализа древних орудий труда. Ч. 2. СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 1997. 198 с.

Гиря Е.Ю. Трасологический анализ среднепалеолитических кремневых артефактов слоя В Буран-Каи III // Грот Буран-Кая III, слой В – эталонный памятник киик-кобинского типа индустрии крымской микокской традиции. Комплексный анализ кремневых артефактов. Киев; Симферополь: Шлях, 2004. С. 203–219.

Гиря Е.Ю., Ресино Леон А. С.А. Семенов, Костёнки, палеолитоведение // Археологические вести. 2002. Вып. 9. С. 173–190.

Ефименко П.П. Костёнковская палеолитическая стоянка // Ежегодник Русского антропологического общества при СПб. университете. 1915. Т. 5. С. 13–25.

Ефименко П.П. Костёнки I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 483 с.

Семенов С.А. Первобытная техника. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 240 с.

Семенов С.А. Развитие техники в каменном веке. Л.: Изд-во АН СССР, 1968. 362 с.

Giria E.Yu. A Use-Wear Analyses of Some Middle Paleolithic Flint Artifacts from Buran-Kaya III, Layer B // Middle paleolithic and Early Upper Paleolithic of the Eastern Crimea / Eds. V.P. Chabai, K. Monigal. Liège: ERAUL, 2004. P. 151–174. (The Paleolithic of Crimea; Vol. III. Etudes et Recherches Archeologiques de L'Université de Liège; Iss. 104).

Giria E., Bradley B. Blade technology at Kostenki 1/1, Avdeevo and Zaraysk // Восточный граветт / Под ред. Х.А. Амирханова. М.: Науч. мир, 1998. С. 191–213.

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ В ВЕРХНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ КАВКАЗА

© 2014 г. Л.В. Голованова

Лаборатория доистории, Санкт-Петербург
(labprehistory@yandex.ru)

***Ключевые слова**:* верхний палеолит, эпипалеолит, Кавказ.

Резюме. Ранние верхнепалеолитические индустрии появляются на Кавказе после похолодания Хенрих 4 как полностью сформировавшиеся культурные традиции, к началу максимума последнего оледенения они приобретают определенное своеобразие в контексте Западной Евразии. После ледникового максимума, в эпоху эпипалеолита, происходит расцвет имеретинской культуры, памятники которой распространяются от Имеретии на юге до Приазовья на севере.

Индустрии раннего верхнего палеолита на Кавказе появляются в интервале от 40 до 35 тыс. л.н. Если до середины 90-х гг. прошлого века общепринятым было мнение, что локальные культуры неандертальцев плавно эволюционируют в индустрии верхнего палеолита, то новейшие исследования обнаруживают хронологический разрыв между концом среднего и началом верхнего палеолита. На Северо-Западном Кавказе (в Мезмайской пещере) этот разрыв документируется отложениями вулканического пепла, фиксирующими активный вулканизм в данный период на Кавказе. Исследования в Мезмайской пещере впервые выявили синхронность извержения CI в Италии с извержением на Центральном Кавказе (вулкан Казбек) и исчезновением неандертальцев в Кавказском регионе (Golovanova et al., 2010).

В последние годы опубликованы новые результаты, которые указывают на еще большие масштабы распространения пепловых отложений извержения CI в Южной и Восточной Европе и его более серьезное влияние на климат и популяции гоминид (поздних неандертальцев и ранних современных людей), обитавших на этой территории, чем это считалось ранее. Результаты генетических исследований указывают на отсутствие контактов поздних неандертальцев и ранних современных людей в Европе и Азии (Prufer et al., 2014) и свидетельствуют, что популяция поздних неандертальцев в Западной Европе потеряла разнообразие митохондриальной ДНК и достигла грани исчезновения ко времени около 39–38 тыс. л.н. независимо от влияния современных людей.

Ранние верхнепалеолитические индустрии появляются на Кавказе как полностью сформировавшиеся культурные традиции. На стоянках раннего верхнего палеолита Кавказа найдены высокоразвитые каменные индустрии с преобладанием микропластинчатого компонента. Основная или значительная часть орудий изготовлена на пластинках, среди них много пластинок с ретушью. Скребки, резцы и особенно долотовидные орудия немногочисленны, особенностью является использование технических сколов для изготовления скребков и резцов. На всех стоянках найдены костяные орудия, преимущественно проколки и двухконечные острия. В Мезмайской пещере из ранневерхнепалеолитического слоя 1С происходит фрагмент иглы с ушком, который на сегодняшний день является древнейшей находкой в Европе. В пещерах Мезмайская и Бонди найдены украшения.

В настоящее время все исследователи раннего верхнего палеолита Кавказа пишут о его левантийских корнях и сближают с ахмарием (Голованова, 2000; Bar-Yosef et al., 2011). Направление движения ранневерхнепалеолитических индустрий подтверждается результатами изучения транспортировки обсидиана.

В Мезмайскую пещеру на Северо-Западном Кавказе обсидиан поступал с юга Грузии, а в пещеры Бонди и Ортвале-Клде в Западной Грузии – из Южной Грузии и более удаленных южных источников в Восточной Анатолии, Армении и Азербайджане (Golovanova, Doronichev, 2012). Эти данные могут служить указанием на миграцию части носителей ахмарской традиции из Леванта в северном направлении – на Кавказ.

Микролитоидные индустрии Кавказа, имеющие большое сходство с ахмарием, развиваются вплоть до максимума последнего оледенения. В эпоху поздней (30–20 тыс. л.н.) поры верхнего палеолита они приобретают все большее своеобразие среди других индустрий Западной Евразии. К этому периоду в настоящее время относятся только материалы четырех стратифицированных памятников: Мезмайской пещеры (слои 1А1–1А3), верхние горизонты пещеры Короткая на Северо-Западном Кавказе, комплекс С пещеры Дзудзуана и, возможно, слой Vb пещеры Бонди на Южном Кавказе.

В целом, индустрии позднего верхнего палеолита Мезмайской пещеры характеризуются преобладанием пластинок и микропластинок, на которых также изготовлено большинство орудий. Среди орудий основную группу составляют пластинки с притупленным краем и пластинки с ретушью. Преобладают острия граветт. Также представлены острия фонт-ив и симметричные острия. Скребки и резцы немногочисленны. Характерны многочисленные и разнообразные изделия из кости: острия, иглы, проколки. Показательны подвески из молочных зубов оленя. Яркой чертой являются уникальные для верхнего палеолита Кавказа нашивки-бусины, сделанные из бивня мамонта или кости. Найдены морские раковины с отверстиями. Наконец, в этот период появляются изделия с геометрическим орнаментом. Уникальная для верхнего палеолита Кавказа игольница была найдена на контакте слоев 1В и 1А, еще один фрагмент обнаружен в слое 1А3.

Материалы из пещеры Дзудзуана (уровень С) также характеризуются высоким содержанием пластинчатого компонента, но здесь исследователи отмечают наличие кареноидных нуклеусов. Среди орудий преобладают пластинки и пластины с ретушью, присутствуют немногочисленные острия граветт и микрограветт. Особенно показательно наличие острев типа Сакажиа. Скребки многочисленны, резцы и долотовидные изделия – единичны. Характерно наличие многочисленных орудий из кости (острия, проколки, иглы с ушком, лощила), а также украшений (подвески из зубов копытных, в т.ч. из зубов оленя). Найдены фрагменты с геометрическим орнаментом. Исследователи отмечают две каменные подвески (Bar-Yosef et al., 2011).

Оценивая индустрии позднего верхнего палеолита в контексте одновременных памятников, и исходя из сложившихся типологических традиций, их можно было бы назвать граветтоидными. Однако в кавказских материалах полностью отсутствуют такие показательные для европейского граветта формы, как острия фон-робер и флешетты (flechettes). Среди одновременных индустрий Ближнего Востока поздний ахмариен (30–20 тыс. л.н.) выделяется развитой микропластинчатой технологией, но в нем почти полностью отсутствуют пластинки с притупленным краем и острия граветт и многочисленны острия эль-вад, которых нет на Кавказе. В индустрии лагаман (датируется 40–25 тыс. л.н.) преобладают острия с притупливающей ретушью, но технология расщепления направлена преимущественно на получение крупных пластин.

Таким образом, можно отметить, что индустрии поздней поры верхнего палеолита Кавказа (30–20 тыс. л.н.) имеют определенное своеобразие в контексте Западной Евразии. Материалы северного и южного склонов Кавказа имеют как черты сходства, так и различия. Наличие контактов населения обоих регионов подтверждает поступление обсидиана с юга Грузии на Северо-Западный Кавказ.

Воздействие на популяции современного человека глобального экологического кризиса времени последнего ледникового максимума отмечается во многих регионах Евразии и в Африке. Экологический кризис на Кавказе был связан с перестройкой экосистем в результате масштабного роста ледников, после которого в эпоху эпипалеолита происходит расцвет имеретинской культуры, памятники которой распространяются от Имеретии на юге до Приазовья на севере. Связи Северо-

Западного Кавказа с Центральным и Южным Кавказом в этот период подтверждает анализ поступления обсидиана в Мезмайскую пещеру из Кабардино-Балкарии и Южной Грузии. Индустрии этого периода отличает высокоразвитая микропластинчатая технология расщепления. Характерной формой является имеретинское острие с боковой выемкой. Широкое распространение получают типы остриев на пластинках, характерные для граветта и эпиграветта Европы, и геометрические микролиты, развитые в эпипалеолите Ближнего Востока. Геометрические микролиты известны на Кавказе со времени 15–14 тыс. л.н., т.е. примерно в то же время, когда в Леванте получают распространение индустрии геометрического кебариена. Также появляется техника биконического сверления кости, использовавшаяся для изготовления украшений и игл. Яркой стилистической чертой является распространение нашивок-бусин из наземных моллюсков, которые в этот период были широко распространены на территории Западной Евразии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Голованова Л.В. Рубеж среднего и позднего палеолита на Северном Кавказе // Stratum plus. 2000. № 1. С. 158–177.

Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A., Mesheviliani T., Jakeli N., Bar-Oz G., Boaretto B., Goldberg P., Eliso Kvavadze E., Matskevich Z. Dzudzuana: an Upper Palaeolithic cave site in the Caucasus foothills (Georgia) // Antiquity. 2011. № 85. P. 331–349.

Golovanova L.V., Doronichev V.B. The Early Upper Paleolithic of the Caucasus in the West Eurasian Context // L'Aurignacien de la grotte Yafteh et son contexte (fouilles 2005–2008) / Eds. M. Otte, S. Shidrang, D. Flas. Liège, 2012. P. 137–160. (ERAUL; № 132).

Golovanova L.V., Doronichev V.B., Kulkova M.A., Cleghorn N., Sapelko T.V. Significance of ecological factors in the Middle to Upper Paleolithic transition // Current Anthropology. 2010. № 51 (5). P. 655–691.

Prufer K., Racimo F., Patterson N., Jay F., Sankararaman S., Sawyer S., Heinze A., Renaud G., Sudmant P.H., Filippo C. de, Li H., Mallick S., Dannemann M., Fu Q., Kircher M., Kuhlwilm M., Lachmann M., Meyer M., Ongyerth M., Siebauer M., Theunert C., Tandon A., Moorjani P., Pickrell J., Mullikin J.C., Vohr S.H., Green R.E., Hellmann I., Johnson P.L.F., Blanche H., Cann H., Kitzman J.O., Shendure J., Eichler E.E., Lein E.S., Bakken T.E., Golovanova L.V., Doronichev V.B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Viola B., Slatkin M., Reich D., Kelso J., Paabo S. The complete genome sequence of a Neanderthal from the Altai Mountains // Nature. 2014. № 505. P. 43–49.

ФИНАЛЬНОЕ МУСТЬЕ ВОСТОЧНОЙ АДРИАТИКИ: КАМЕННАЯ ИНДУСТРИЯ СТОЯНКИ БИОЧЕ[1]

© 2014 г. А.П. Деревянко, К.К. Павленок, А.В. Кандыба

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
(pavlenok-k@yandex.ru)

Ключевые слова: Восточная Адриатика, финальный средний палеолит, микромустье, скальный навес Биоче.

Резюме. Скальный навес Биоче в Черногории ранее относился к региональной «микромустьерской» фации финала среднего палеолита. Новый этап исследования позволил пересмотреть культурно-хронологический интервал стоянки в сторону его увеличения. Также был установлен факт существования нескольких технологически различных комплексов. Эти наблюдения позволяют отнести данный объект к наиболее информативным памятникам в изучаемом регионе.

Балканский регион, занимающий стратегическое положение между Европой и Ближним Востоком, играет ключевую роль при изучении преистории континента на рубеже среднего и верхнего палеолита (КИС 3; от 59 до 24 тыс. л.н.). История разных частей этого региона в означенный период времени складывалась неодинаково. Восточное побережье Адриатического моря отделено от внутренних районов полуострова Далматинским орографическим массивом и Динарским нагорьем. Внутренний и прибрежный районы значительно отличаются друг от друга по палеогеографическим и палеоэкологическим параметрам. Горные системы высотой до 2 тыс. м, вероятно, были естественными преградами для активных культурных контактов (Karavanić, 2007). Это привело к выработке у мустьерских обитателей прибрежной зоны специфических адаптационных механизмов, нашедших отражение в материальной культуре.

Долгое время считалось, что универсальной характеристикой финально-мустьерских памятников Восточной Адриатики, причем как экспонированных комплексов (Вели Рат, Равно Котари и др.), так и стратифицированных стоянок (скальные навесы Црвена Стена в Черногории (к.с. 11–18) и Муйна Печена в Хорватии), является преобладание в инвентаре орудий мелких размеров (Там же; Црвена Стијена, 1975). Это стало основанием для выделения отдельной «микромустьерской» фации, существовавшей во время КИС 3, каменное производство которой являлось неизменным на всем протяжении ее существования. Большая часть сколов-заготовок мелких размеров была произведена с помощью леваллуазкой техники в ее отщеповом варианте. Заготовки преобразовывались в различные типы скребел и скребков, мелкие мустьерские острия, рокклеты, зубчато-выемчатые формы и другие орудия в основном с помощью интенсивной дорсальной ретуши.

Скальный навес Биоче в Черногории также изначально был отнесен к микромустьерской фации финального среднего палеолита (Đuričić, 2006). Деревня Биоче, давшая наименование памятнику, расположена в небольшой, окруженной горами долине в месте слияния рек Мороча и Мала река. Скальный навес располагается в основании высокого известкового массива на кромке этой долины, на высоте 30 м над современным уровнем р. Морочи.

Стоянка периодически исследовалась в период с 1986 по 1997 г. Толща четвертичных отложений была разделена первым исследователем стоянки Л. Дуричич на три серии (I–III) (Там же). Первая серия слоев (I), с заметной

1 Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 14-31-01200.

долей гумуса, содержала прослои золы и угля. К ней было приурочено основное количество археологического и остеологического материала. Так как навес использовался в годы Второй мировой войны в качестве укрепленной позиции, а в дальнейшем в нем располагался загон для скота, данные отложения были повреждены. Ко второй серии (II) были отнесены слои глины и песка с многочисленными отдельностями известковой породы и редкими артефактами. Третья стратиграфическая серия (III) была представлена слоями глины, стерильными в археологическом отношении. По мнению Л. Дуричич (Там же), вне зависимости от глубины залегания и характера вмещающих отложений, вся каменная индустрия стоянки была однотипной и соответствовала характеристикам микромустьерской фации.

Результаты возобновившихся исследований скального навеса Биоче российско-черногорской экспедицией ИАЭТ СО РАН (с 2010 г.) (Деревянко и др., 2010) позволили в значительной степени скорректировать устоявшиеся представления о данном объекте и его культурно-хронологической атрибуции.

Раскопки непотревоженной части отложений в глубине навеса указали на сложный характер их формирования. В стратиграфическом разрезе выделено 12 литологических подразделений – слои 1–7. В основании залегают плотные пластичные красновато-коричневые глины (слой 7), стерильные в археологическом отношении. Далее в разрезе фиксируется пачка тяжелых суглинков светло-коричневого и коричневого цвета (слои 5 и 6), насыщенных щебнистым материалом и выветрелыми натечными образованиями. Слой 4 представляет собой коричневато-серую супесь с прослоями щебнисто-дресвянистого материала в легкосуглинистом заполнителе. Выше по разрезу располагается мелкощебнисто-дресвянистый горизонт с супесчаным заполнителем (слой 3), сильно сцементированный карбонатным цементом. Слой 2 объединяет все отложения, значительно потревоженные поздним антропогенным вмешательством, со смешанным археологическим материалом. Слой 1 включает шесть отдельных чередующихся подслоев одресвяненной и опесчаненной супеси и легкого суглинка коричневого или черного цвета, неравномерно насыщенных щебнистым материалом.

Проведенное радиоуглеродное датирование образцов кости и угля из прослоев 1.1.2 и 1.2 указало на то, что накопление слоя 1 происходило в диапазоне от 32 до 40 тыс. л.н., что частично согласуется с наблюдениями предыдущих исследователей, поместивших всю каменную индустрию стоянки во вторую половину КИС 3. Однако литологические характеристики слоев 1.4 и 3 дают основания предполагать, что между образованием верхней и нижней пачек отложений существовал значительный хронологический перерыв.

Анализ полученного археологического материала дал новые характеристики каменной индустрии. В нижних слоях стоянки (слои 5–6), которые ранее считались стерильными, запечатлен этап «привыкания» к местной сырьевой базе, о чем говорит частое использование низкокачественной известковой породы. В первичном расщеплении, базирующемся на галечном сырье, использовались максимально простые схемы. Нуклеусы в основном одноплощадочные однофронтальные плоскостные, предназначены для изготовления отщепов. Ортогональные, дисковидные и двуплощадочные нуклеусы очень редки. Доминирующей категорией орудийного набора являются одно- и двулезвийные скребла. Показательны редкие заготовки лимасов. Скребки, ножи, шиповидные и зубчато-выемчатые орудия, чоппинги единичны. Все категории инвентаря представлены в вышележащих слоях, что, возможно, указывает на близкую специализацию стоянки на всем протяжении ее функционирования.

В слое 4 большее распространение получает техника радиального расщепления. Также впервые появляются тронкированно-фасетированные ядрища и единичные леваллуазские нуклеусы. В орудийном наборе фиксируются первые орудия на пластинах. Это пластины с ретушью, проколка, изделие с приостренным кончиком. Появляются комбинированные формы орудий (скребок-шип, скребок-нож) и редкие острия леваллуазского облика.

Коллекция слоя 3 помимо традиционных для индустрии элементов содержит изделия, которые демонстрируют развитие нехарактерных для стоянки технологий. Об этом гово-

рит серийное изготовление пластин средних размеров и преобразование их в удлиненные остроконечники и тщательно ретушированные по продольным краям изделия.

Основная часть археологического материала (ок. 90%) была обнаружена в пределах слоя 1. Среди нуклеусов наиболее многочисленны радиальные ядрища для мелких отщепов. К ним типологически близки ортогональные формы. Среди однофронтальных одноплощадочных нуклеусов преобладают изделия, утилизируемые по длинной оси. Среди них есть редкие экземпляры с объемным фронтом. Также встречаются простые формы торцовых нуклеусов с единичными пробными сколами. Доминирующей категорией инвентаря являются скребла, чаще одинарные продольные с прямым или выпуклым лезвием. Второй крупной категорией являются скребки, подготовленные в той же манере, что и скребла, но несколько уступающие им по размерам. В категории ножей, третьей по численности, представлены в основном однолезвийные продольные формы, чаще с выпуклым лезвием. Остроконечные формы немногочисленны. В группе комбинированных орудий представлены изделия, сочетающие рабочие элементы, свойственные скреблам, скребкам, ножам, резцам, а также шиповидным, долотовидным и выемчатым формам. Как показал анализ коллекции этого слоя, каменная индустрия не в полной мере соответствует прежним представлениям. Так, судя по всему, предшествующими исследователями была существенно завышена роль леваллуазской техники. Кроме того, были выделены новые черты комплекса, выраженные в присутствии немногочисленных нуклеусов верхнепалеолитических типов.

В итоге можно заключить, что новый этап исследования скального навеса Биоче позволил пересмотреть культурно-хронологический интервал отложений стоянки в сторону его увеличения. Вопреки представлениям о полном единообразии каменной индустрии стоянки, было выявлено существование технологически различных комплексов, отображающих постепенное вызревание оптимальных стратегий камнеобработки с учетом специфики сырьевой базы. Этот комплекс наблюдений позволяет отнести скальный навес Биоче к наиболее информативным памятникам в изучаемом регионе и в дальнейшем использовать его в качестве одного из опорных объектов при культурно-исторических реконструкциях. Исследования памятника продолжаются, и получение новых данных (в т.ч. дат для нижней пачки отложений) позволят вписать данный объект в общую картину развития культуры человека в означенном пространственно-временном срезе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Деревянко А.П., Булатович Л., Цыбанков А.А., Ульянов В.А., Кандыба А.В., Кривошапкин А.И., Бакович М. Исследования скального навеса Биоче (Черногория) в 2010 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: (мат-лы Итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2010 г.). Т. XVI / Отв. ред. АП. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. С. 52–57.

Црвена Стијена. Зборник радова. Никшић, 1975.

Đuričić L. A contribution to research on Bioče Mousterian // J. of the Serbian Archaeological Society. 2006. Vol. 22. P. 179–196.

Karavanić I. Le Moustérien en Croatie // L'Anthropologie. 2007. Vol. 111. P. 321–345.

КУЛЬТУРЫ КАМЕННОГО ВЕКА ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКОВ ВЬЕТНАМА)[1]

© 2014 г. А.П. Деревянко, А.А. Цыбанков, А.В. Кандыба

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
(arhkandyba@gmail.com)

Ключевые слова: Северный Вьетнам, пещера Конмонг, верхний палеолит, неолит, каменная индустрия, предметы символической деятельности.

Резюме. На территории Северного Вьетнама были получены археологические и геохронологические данные, свидетельствующие о непрерывном существовании единой технологический традиции обработки камня в течение последних 100 тыс. лет и автохтонном развитии *Homo sapiens orientalensis* в данном регионе. На основании сравнительного анализа археологических и естественно-научных данных была проведена корреляция между культурными слоями пещеры Конмонг. Использовались реперные виды палеонтологических и палинологических коллекций, которые позволили охарактеризовать климат и ландшафты времени накопления культурных слоев пещер. На основе археозоологического анализа материалов Конмонга рассмотрены трофические приоритеты обитателей. Возможно предположить, что в результате палеоэкологических катастроф (похолодания и т.д.) ареал древних популяций человека в Китайско-Малайской зоне сужался, однако архантропы никогда ее не покидали. Здесь без каких-либо существенных влияний извне эволюционировал и сам человек, и его индустрии. Изменения, повлекшие за собой значимую культурную трансформацию, происходили уже в рамках сложившихся общностей людей современного типа и местных технологических традиций.

Вплоть до недавнего времени основной в палеолитоведении являлась точка зрения, что важнейший эволюционный скачок в культурном и технологическом развитии человека современного типа произошел около 40 тыс. л.н. в результате так называемой верхнепалеолитической революции. Однако по мере интенсификации палеолитических исследований за пределами европейской ойкумены данная парадигма утратила свою универсальность. Полученные в последние годы данные уверенно указывают на то, что, с одной стороны, современная анатомия человека появилась гораздо раньше, с другой – ряд основных культурных признаков эпохи верхнего палеолита фиксируется в археологических комплексах значительно большей древности. А в некоторых областях Евразийского континента, таких как территория Северного Вьетнама, революционных изменений в культурном и технологическом развитии человека не происходило.

Впервые изучение палеолита на территории Вьетнама было предпринято французскими геологами. В 1909–1923 гг. А. Мансюи проводит исследования в пещерных объектах пров. Лангшон и на данных материалах выделяет ранненеолитическую культуру бакшон (Mansuy, 1924; Mansuy, Colani, 1925). В 1926–1931 гг. М. Колани проводит раскопки пещерных памятников в провинциях Хоабинь, Ниньбинь, Тханьхоа и Кванбинь, по итогам изучения которых выделяет хоабиньскую археологическую культуру, отнесенную к финалу позднего палеолита – началу неолита (Colani, 1927). В 1960-х гг. были начаты исследования палеолита собственно вьетнамскими археологами. Им принадлежит открытие более древней культуры позднего палеолита – шонви (Ha Van Tan, 1971; Ha Van Tan, Nguyễn Khắc Sử, Trình Năng Chung, 1999).

Несмотря на сделанные открытия, проблема происхождения этих культур, их развития и преемственности еще далека от решения.

1 Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 13-06-12008.

Поэтому в качестве опорного памятника для исследований была выбрана многослойная пещера Конмонг, археологические комплексы которой относятся к выделенным ранее культурно-хронологическим диапазонам эпохи финала плейстоцена – начала голоцена.

Пещера Конмонг (N20°40’860’’; E 105°65’164’’) общей площадью 230 м², была открыта в 1974 г. и исследовалась вьетнамскими археологами в 1975–1976 гг. и 2008 г. (Nguyễn Khắc Sử, 2009). По результатам этих раскопок, а также последующих исследований российско-вьетнамской экспедиции в 2010–2013 гг. в пещере было подробно изучено три основных культурно-хронологических периода.

Отложения, отражающие самый ранний культурный период, обладают в среднем мощностью до 2,5 м. Слой темно-коричневого цвета, встречаются целые раковины улиток, главным образом вида *Cycloporus*. Были найдены такие типы артефактов, как чопперы, обломки гальки, ретушированные отщепы и кости животных со следами обработки. Эти орудия характерны для культуры шонви и датируются позднепалеолитическим временем. ^{14}C-даты, полученные по нескольким раковинам, относятся к периоду от 11,0 до 15,3 тыс. л.н.

Мощность отложений второго культурного подразделения в среднем составляет 1,2 м. Отложения черновато-коричневого цвета, плотно насыщены сильно фрагментированными раковинами, главным образом *Cycloporus*. В отличие от шонвинских орудий первого культурного подразделения, во втором появляются орудия типа Суматра миндалевидной и дисковидной формы, короткие и длинные топоры, костяные острия и скребла из раковин. Эти артефакты характерны для культуры хоабинь, типичный орудийный набор для широко распространенных в этом регионе позднепалеолитических памятников. Кроме того, в данном культурном подразделении фиксируется слой, вмещающий захоронения с каменным инвентарем, раковинами устриц и охрой. Скелет лежит на боку с поджатыми ногами. ^{14}C-даты периода входят в диапазон от 9,3 до 12,0 тыс. л.н.

Мощность отложений третьего культурного подразделения в среднем составляет 1,2 м. Подразделение представлено известняковой глиной различных цветов, изменяющихся от коричневого в нижних уровнях до желтого в верхнем уровне. Следы целых и сломанных раковин, в особенности *Cycloporus* и *Antimelani*, представлены как включения. В отличие от хоабиньских чопперов, здесь встречаются каменные топоры с заточенным полированным лезвием, заточенные костяные острия, ножи для резки раковин устриц и керамика. Каменный инвентарь подобного вида часто встречается в позднепалеолитическом хоабине и на ранненеолитических бакшонских памятниках. ^{14}C-даты из третьего культурного периода относятся к диапазону от 8,5 до 9,2 тыс. л.н.

Большинство планиграфических элементов и артефактов, обнаруженных в пещере включают в себя очаги, кости животных, остатки растительности, захоронения и костные останки людей. Очаги встречаются в каждом культурном периоде. Количество очагов снизу вверх по стратиграфической колонке увеличивается, но при этом уменьшается размер, и их площадь распространения сдвигается в сторону входа.

Палинологический анализ позволил выявить, наряду с семенами *Canarim nigrum Engler* и *Thea* sp., следующие виды спор и пыльцы. В первом культурном периоде были найдены споры *Polypodiaceae*, *Cyatheaceae*. В отложениях второго и третьего культурных периодов было найдено множество растительной пыльцы, принадлежащей *Chenopodiaceae, Leguminosae, Rubiaceae, Myricaceae, Meliaceae* и *Fagaceae, Meretrix meretrix*. Компоненты флоры показывают, что местный климат на границе эпох плейстоцена и голоцена (11–10 тыс. л.н.) был жарким и влажным.

Анализ малакофауны позволил зафиксировать в отложениях первого культурного периода в основном *Cycloporus fulguratus, Camaena vayssierei* и *Hybocystis srossei*. Во втором культурном периоде были дополнительно к *Cycloporus* найдены *Antimelania swinhoei, Antimelania siamensis, Antimalania costula, Lanceolaria laevis, Lanceolaria gray, Lanceolaria frustorferi, Oxynaria diespiter, Oxynaia* sp. и *Sinohyriopsis cumingii*. Видовой состав меняется от моллюсков, средой обитания которых являются ручьи и реки горных районов,

к морским видам, чаще использовавшихся в эпоху бакшон.

Фаунистический комплекс представлен остатками животных, характерных для тропического муссонного климата: *Rhinoceros, Cervus* sp.*, Rusa unicolor Kerr, Mintiacus muntjac Zimmernann, Bividae, Capricornis sumatraensis Bechtein, Macaca of mulata Zimmernann, Sclur-idae* gen. et sp. indet*, Cannidae* gen. et sp. indet.*, Aretoryx collaris F.Cuvius, Sus scrofa L., Pradoxurus hermaphroditus Pllas, Anser. Lophuru* sp.*,* и *Rattus* sp. Кости в основном фрагментированы, иногда сильно обожжены.

Опираясь на ^{14}C-даты, можно предположить, что жители Конмонга оставались здесь в течение 8 тыс. лет, с 16 до 8 тыс. л.н. На настоящий момент самым ранним компонентом являются артефакты шонвинской культуры, соответствующей позднему палеолиту, за ней следует типичный ранний хоабинь, и далее бакшонский материал.

Антропологический материал пещеры свидетельствует о расселении в ней человека современного анатомического вида, однако его технология первичной и вторичной обработки мало чем отличалась от индустрии, типичной для палеолитических стоянок раннего палеолита Вьетнама (Деревянко, Кандыба, Цыбанков, 2012). Сравнение с другими памятниками Юго-Восточной Азии показывает относительную стабильность района Конмонга, слабые видовые изменения в фауне, в то время как подобные памятники на Борнео, в Таиланде и Малакке претерпевают изменения видового состава с вымиранием или замещением в течение плейстоцена – начала голоцена.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Деревянко А.П., Кандыба А.В., Цыбанков А.А. Древнейшие этапы освоения человеком Юго-Восточной Азии: археологические и палеоэкологические данные // Мегаструктура Евразийского мира: основные этапы формирования: мат-лы Всерос. науч. конф., Москва, Ин-т археологии РАН, 4–6 декабря 2012 г. М.: ИА РАН, 2012. С. 27–30.

Co1ani M. L'âge de la pierre dans la province de Hoa-Binh // Mémoires du Service Geologique de L'Indo-Chine. T. XIV. I. Hanoi, 1927.

Ha Van Tan. Văn hóa Son Vi // Khảo cổ học. 1971. Số11-12. T. 60–69.

Ha Van Tan, Nguyễn Khắc Sử, Trình Năng Chung. Văn hóa Son Vi. Hanoi: Nhà Xuất bản Khoa học xã hội, 1999. 150 t.

Mansuy H. Contribution à l'étude de la préhistoire de l'Indo-Chine. IV. Stations préhistoriques dans les cavernes du massif calcaire de Bac-Son // Mémoires du Service Geologique de L'Indo-Chine. T. XI. Hanoi, 1924.

Mansuy H., Co1ani M. Contribution à l'étude de la préhistoire de l'Indo-Chine. VII. Néolithique inférieur (Bacsonien) et néolithique supérieur dans le Haut-Tonkin // Mémoires du Service Geologique de L'Indo-Chine. T. XII. 3. Hanoi, 1925.

Nguyễn Khắc Sử. Con Mong cave: new data and new perceptions // Vietnam Archaeology. 2009. № 4. P. 40–52.

ПРЕМУСТЬЕРСКИЙ ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС В ЕВРОПЕ

© 2014 г. В.Б. Дороничев

Лаборатория доистории, Санкт-Петербург
(labprehistory@yandex.ru)

Ключевые слова: премустьерский комплекс, ашель, Европа.

Резюме. Автор рассматривает индустрии премустьерского комплекса нижнего палеолита, представленного в регионах Центральной и Восточной Европы вне зоны распространения ашельских индустрий. Исчезновение этого комплекса связывается с распространением индустрий финального ашеля и раннего среднего палеолита в эти регионы.

Последние открытия в изучении нижнего палеолита Западной Евразии приводят к пересмотру устоявшихся представлений. Они свидетельствуют, что древнейшими представителями рода *Homo*, пришедшими в Евразию 1,8 млн л.н., были гоминиды, представленные *Homo georgicus* (или *H. erectus georgicus*) из Дманиси в Грузии. За ними следуют *H. erectus* из Козарники (1,6–1,4 млн л.н.) в Болгарии и Кочабас (1,3–1,1 млн л.н.) в Турции и позже – *H. antecessor* из Атапуэрки TE9 (1,2 млн л.н.) и TD6 (1,0–0,8 млн л.н.) в Испании (Mgeladze et al., 2011; Bermudez de Castro et al., 2013; Lebatard et al., 2014). Эти древнейшие люди делали каменную индустрию без рубил преолдованского или олдованского типа, определяемую также как Модус 1. Это единственный тип каменной индустрии в нижнем палеолите Европы до 0,75–0,70 млн. лет. Гоминиды с технологией ашельского рубила пришли в Европу из Африки (через Гибралтарский пролив) не ранее 0,9 млн л.н. (Куева Негра в Испании), а более вероятно около 0,75–0,6 млн лет. Древнейшие в Европе ашельские рубила найдены в Солана (0,75 млн л.н.) в Испании и несколько более поздних (0,7–0,6 млн л.н.) комплексах из Араго, слои H–P, Ноара и Морандьер во Франции и Нотаркирико, слой F в Италии. Все ископаемые останки гоминидов, найденные на ашельских памятниках в Европе, определяются сейчас как *H. heidelbergensis*. Он наиболее полно представлен черепами из Араго, Сима де лос Уесос в Атапуэрка, Чепрано в Италии и считается общим предком *H. neanderthalensis* в Европе и *H. sapiens* в Африке.

С началом интенсивной экспансии ашеля в Западной Евразии около 0,80–0,75 млн л.н. граница распространения ашельских индустрий смещалась по мере того, как ашельская популяция *H. heidelbergensis* продвигалась к северу в Западной Европе и Западной Азии. Одновременно зона распространения неашельских индустрий без рубил сокращалась и смещалась в том же направлении. Важно отметить, что эта аборигенная неашельская популяция людей, которые, судя по преемственности традиций камнеобработки, являются потомками древнейших преашельских гоминидов, впервые заселивших Западную Евразию, была отделена в Европе временем около 1,0 млн лет от пришедшей позже из Африки ашельской популяции *H. heidelbergensis*. Не вызывающие сомнения специалистов археологические источники свидетельствуют, что неашельские гоминиды были первыми людьми, которые заселили континентальную Европу к северу от Альп и между Альпами и Кавказом со времени около 0,7–0,6 млн л.н., а возможно и ранее. Территориально-хронологическое распределение памятников нижнего палеолита указывает на существование в Центральной и Восточной Европе и на Балканах, за пределами зоны распространения ашеля в Западной Европе и Западной Азии ко времени около 0,4–0,3 млн л.н., области расселения другой (аборигенной) популяции людей. Эти люди не имели практики производства

ашельских рубил, а делали индустрии, состоящие только из орудий на отщепах и чопперов. Данные индустрии определяются как премустьерский индустриальный комплекс – термин, производный от понятия «премустьерская культура», которое ввел в научный оборот немецкий ученый Х. Обермайер в 20-е гг. прошлого века (Doronichev, Golovanova, 2010).

Сейчас палеоантропологические и палеогенетические исследования пока не в состоянии определить антропологические или генетические различия между ашельскими людьми (*H. heidelbergensis*) и жившими одновременно с ними, но в другом географическом регионе аборигенными европейцами – изготовителями индустрий премустьерского комплекса на обширной территории от Альп до Кавказа. Современные исследователи просто объединяют все ископаемые находки гоминидов первой половины среднего плейстоцена в Европе в один таксон (*H. heidelbergensis*), как раньше объединяли их в другой таксон (*H. erectus*). В данной ситуации, только археологические источники позволяют провести различие. Они показывают, что на поздней стадии нижнего палеолита, между 400–250 тыс. л.н., когда ашельская экспансия достигла почти максимального размера в Европе, вплоть до бассейна р. Рейн в Северной Европе и бассейна р. По в Средиземноморской Европе и вплоть до Большого Кавказа в Западной Азии, исключительно памятники премустьерского комплекса обнаруживаются в Центральной и Восточной Европе. Ашельские стоянки здесь не известны. Премустьерские каменные индустрии представлены находками *in situ* на стратифицированных памятниках, таких как комплексы I–III в пещере Треугольная на Северном Кавказе, аллювиальные комплексы стоянок Хрящи и Михайловское на Русской равнине, пещера Яримбургяз на Балканах, комплекс VI стоянки Королево-1 в Карпатах, Вертешсоллош на р. Дунай, стоянки Шонинген-12 и -13, Бад Канштат, Валлендорф, Шебница, Руско, Бильцингслебен на севере Центральной Европы и др., а также переотложенными материалами более многочисленных местонахождений (Дороничев и др., 2007; Koulakovska, Usik, Haesaerts, 2010; Haidle, Pawlik, 2010).

Каменные индустрии премустьерского комплекса различаются по составу, в зависимости от функциональной дифференциации стоянок и по другим причинам, но в целом включают следующие три основных компонента. 1. Технику расщепления характеризуют простые (в основном первичные и ортогональные и редкие одноплощадочные и радиальные) нуклеусы с короткими редукционными циклами, состоящими в скалывании 1–3 отщепов с одной площадки с последующим поворотом ядрища для продолжения редукции или его выбрасыванием. 2. Орудия на отщепах, которые изготовлены в основном на сколах небольших размеров с наклонными площадками, включают разнообразные простые скребла, зубчатые, выемчатые, массивные скребки, проколки и конвергентные орудия, а также в небольшом количестве орудия с плоской вентральной ретушью или бифасиально ретушированными краями. 3. Орудия крупных размеров представлены почти всегда и включают односторонние чопперы, а также более редкие двусторонние чоппинги и протобифасы (или конвергентные чопперы) с частичной бифасиальной отделкой. Тем не менее, несмотря на отсутствие сложных технологий производства заготовок и оформления орудий, люди, которые делали индустрии премустьерского комплекса, имели хорошую поведенческую пластичность и высокий уровень адаптаций. Они впервые заселили наиболее некомфортные (в Западной Евразии) лесные и лесостепные зоны Центральной и Восточной Европы с холодными зимами. Они выработали наборы каменных орудий, приспособленные для деревообработки, делали настоящие деревянные копья, представленные известными находками в Шонингене-13, и составные орудия с деревянной рукоятью, известные по находкам в Шонингене-12.

В отличие от ашельского комплекса, индустрии премустьерского комплекса не показывают перехода (помещаемого в рамках кислородных стадий 8 и 7, ок. 300–200 тыс. л.н.) к среднему палеолиту. Этот переход завершился асинхронно в разных регионах Европы и Западной Азии с появлением индустрий ранней поры среднего палеолита, характеризующихся появлением сложных технологий производства заготовок с подготовленных нуклеу-

сов и развитого набора конвергентных орудий (прежде всего леваллуазских и мустьерских остриев), либо технологий производства бифасиальных наконечников. Во время перехода от ашеля к среднему палеолиту, который ассоциируется с финальной неандертализацией *H. heidelbergensis* и появлением *H. neanderthalensis* в Европе и Западной Азии, индустрии премустьерского комплекса исчезают с началом распространения неандертальцев в Центральную и Восточную Европу. Премустьерский комплекс замещается в этих регионах индустриями, которые одни исследователи называют финальным ашелем, а другие – ранним средним палеолитом. Подобный сценарий позволяет предполагать, что исчезновение премустьерского комплекса, вероятно, представляет первое полное замещение населения в истории Европейского континента.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Дороничев В.Б., Голованова Л.В., Барышников Г.Ф., Блэквелл Б.А.Б., Гарутт Н.В., Левковская Г.М., Молодьков А.Н., Несмеянов С.А., Поспелова Г.А., Хоффекер Д.Ф. Треугольная Пещера. Ранний палеолит Кавказа и Восточной Европы. СПб.: Островитянин, 2007. 270 с.

Bermudez de Castro J.M., Martinon-Torres M., Blasco R., Rosell J., Carbonell E. Continuity or discontinuity in the European Early Pleistocene human settlement: the Atapuerca evidence // Quaternary Science Rev. 2013. Vol. 76. P. 53–65.

Doronichev V.B., Golovanova L.V. Beyond the Acheulean: A view on the Lower Paleolithic occupation of Western Eurasia // Quaternary International. 2010. Vol. 223–224. P. 327–344.

Haidle M.N., Pawlik A.F. The earliest settlement of Germany: Is there anything out there? // Quaternary International. 2010. Vol. 223–224. P. 143–153.

Koulakovska L., Usik V., Haesaerts P. Early Paleolithic of Korolevo site (Transcarpathia, Ukraine) // Quaternary International. 2010. Vol. 223–224. P. 116–130.

Lebatard A.-E., Alcicek M.C., Rochette P., Khatib S., Vialet A., Boulbes N., Bourles D.L., Demory F., Guipert G., Mayda S., Titov V.V., Vidal L., Lumley H. de. Dating the *Homo erectus* bearing travertine from Kocabas (Denizli, Turkey) at least 1.1 Ma // Earth and Planetary Science Letters. 2014. Vol. 390. P. 8–18.

Mgeladze A., Lordkipanidze D., Moncel M.-H., Despriee J., Chagelishvili R., Nioradze M., Nioradze G. Hominin occupations at the Dmanisi site, Georgia, Southern Caucasus: Raw materials and technical behaviours of Europe's first hominins // J. of Human Evolution. 2011. Vol. 60. Iss. 5. P. 571–596.

МОДЕЛИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КАМЕННОГО СЫРЬЯ В СРЕДНЕМ И ПОЗДНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА[1]

© 2014 г. Е.В. Дороничева

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

(edoronicheva@hotmail.ru))

Ключевые слова: палеолит, каменное сырье, мобильность, Северный Кавказ.

Резюме. Проведенное автором исследование каменного сырья для стоянок среднего и позднего палеолита на Северном Кавказе показывает, что в разные периоды палеолита человек по-разному добывал, транспортировал и использовал каменное сырье. Это нашло отражение в расселении, мобильности и адаптациях человека.

Вопросами использования каменного сырья в эпоху палеолита интересовались давно, однако активные исследования в этом направлении начали проводиться с 1970-х гг. Многолетнее изучение археологических материалов с применением методики петроархеологии показало существование разных моделей использования сырья в среднем и позднем палеолите Западной и Центральной Европы, Ближнего Востока (Géneste, 1988; Féblot-Augustins, 1997; Lieberman, Shea, 2004). Наше исследование позволило доказать, что это утверждение верно и для стоянок Северного Кавказа (Дороничева, Кулькова, 2011; Doronicheva, Kulkova, Grégoire, 2012; Дороничева, Кулькова, Шекли, 2013).

Автором было проведено изучение сырьевых стратегий древнего человека в среднем и позднем палеолите Северо-Западного Кавказа. Были исследованы месторождения каменного сырья (в первую очередь – кремневого), проведены петрографические и геохимические анализы образцов. В результате была сформирована эталонная коллекция кремневого сырья для месторождений региона. На все изученные археологические коллекции составлены базы данных, проведен технико-типологический анализ индустрий.

Согласно подходу, который принимают большинство исследователей, для охотников-собирателей первостепенными являются ежедневные потребности коллектива, а обеспечивающие их виды деятельности, такие как изготовление орудий, имеют подчиненное значение и, скорее всего, будут от них зависеть. Сырье, в этом случае, будет приобретено «по пути», это называется «включенное приобретение» (Binford, Stone, 1985). Считается, что добыча сырья предполагала и некоторую степень планирования, чтобы ресурсы были в достатке, когда они потребуются (Roebroeks, Kolen, Rensink, 1988).

Добыча сырья может зависеть от разных факторов, например: обилия, качества, размеров сырья, его распространения и условий залегания. Принимая во внимание все эти факторы, можно предположить, что в разных ситуациях человеческие коллективы по-разному приспосабливались к меняющимся условиям. В то же время современные данные позволяют выделить несколько обобщенных моделей использования каменного сырья, которые могут быть применимы к эпохе палеолита.

Средний палеолит

Автором были проанализированы коллекции каменных изделий пещер Мезмайская (коллекции 1987–2001 гг.) и Матузка (1986–

1 Работа выполнена в рамках проектов РГНФ № 12-01-00348, National Geographic Society № 8300-07, а также при поддержке гранта Музея Университета Пенсильвании.

2003), стоянок Баранаха-4 (1996) и Хаджох-2 (2009–-2010) общей численностью 6 550 экз. Данные по другим памятникам привлечены из публикаций.

Сырье. Основным сырьем для изготовления орудий был кремень. В результате проведенных исследований было определено 11 месторождений кремня и одно – обсидиана (Дороничева, Кулькова, 2011; Дороничева, 2013а). Кроме того, в небольшом количестве неандертальцы использовали такие породы, как известняк, песчаник, алевролит, гранит, кварц, сталактит и др. Лимониты, сланцы, песчаники, как правило, происходят из аллювиальных россыпей. Сталактитовые натеки и известняки в большом количестве встречаются в пещерах. В основном эти виды сырья представлены орудиями.

Добыча. Проведенное исследование показывает, что стоянки неандертальцев всегда располагались в непосредственной близости от источников кремневого сырья (0–5 км), даже если оно было плохого качества (трещиноватость, много органических включений). Исключение составляет только пещера Матузка, около которой месторождений кремня обнаружено не было, и где во все периоды ее заселения человеком существовали лишь кратковременные стоянки (Голованова и др., 2006).

Кроме местных пород неандертальцы всегда использовали высококачественный кремень, который добывали из источников, расположенных на расстоянии 5–100 км. Некоторые месторождения использовались наиболее активно. Так, цветной кремень из бесленеевского месторождения был выделен в материалах Мезмайской пещеры (50–60 км) и стоянки Баранаха-4 (ок. 70 км), а коричневый кремень из шаханского месторождения – в пещерах Мезмайская (30–40 км) и Матузка (ок. 30 км). На таких месторождениях организовывались специальные мастерские (Хаджох-2, Бесленеевская; Дороничева, 2013б).

Транспортировка. В среднем палеолите транспортировка сырья из удаленных источников осуществлялась, преимущественно, в виде сколов и орудий. Нуклеусы из приносного сырья единичны во всех изученных коллекциях.

Мобильность. В результате проведенных исследований были выделены три зоны эксплуатации каменных ресурсов и разные варианты мобильности, для каждого из которых характерна определенная модель использования сырья.

Первая зона включает ближайшие 5 км в радиусе от стоянки. Это местное сырье составляло основу сырьевой базы в индустрии (70–98%). Было выделено два варианта использования местного сырья.

Вторая зона включает месторождения, удаленные на 5–100 км. Это сырье составляло от 10 до 50% в индустрии.

Третья зона включает выходы сырья, удаленные от 100 до 200–300 км. Такое каменное сырье составляет не более 1%.

Так, проведенное исследование обсидиановых изделий из Мезмайской пещеры позволяет предполагать перемещения неандертальцев Северо-Западного Кавказа в Центральный Кавказ (месторождение Заюково, 200–250 км). Кроме того, в материалах пещер Мезмайской и Матузки был выделен кремень, который, вероятно, происходит из Приазовья (месторождение в Лысогорке, ок. 300 км).

Ранний верхний палеолит

Автором были изучены коллекции Мезмайской пещеры (2001 г.), Короткой пещеры (2006 г.) и Губского навеса-1 (коллекции 1962–1963 гг. и 1975–1976 гг.) общей численностью 5 744 экз.

Сырье. В сырьевой базе абсолютно преобладает кремень. Также сапиенсы использовали известняк, песчаник, сланец. Эти породы они могли собирать в аллювиях ближайших рек и, чаще всего, использовали их в качестве отбойников, ретушеров и терочников.

Добыча. Для раннего верхнего палеолита в настоящее время изучено пять месторождений кремня и два – обсидиана. В отличие от среднего палеолита, сапиенсы предпочитали преимущественно использовать высококачественное кремневое сырье, даже при необходимости транспортировать его на большие расстояния. Так, бесленеевский кремень был выделен в материалах Мезмайской пещеры (50–60 км), пещеры Короткая (ок. 60 км) и Губского навеса-1 (20–30 км).

Селекция. В верхнем палеолите сапиенсы начинают отбирать разные виды сырья для изготовления разных категорий изделий. Так, местное низкокачественное сырье в Мезмайской пещере использовалось только для изготовления ретушированных отщепов, и почти никогда из него не делались пластинки, микропластинки, скребки и резцы, изготавливавшиеся из приносного высококачественного сырья.

Транспортировка. В верхнем палеолите транспортировка сырья осуществлялась, главным образом, в виде нуклеусов и пренуклеусов. Можно предположить, что это было связано с внедрением пластинчатой техники расщепления.

Мобильность. На основании проведенного исследования можно предположить, что ареал освоения ресурсов в верхнем палеолите обычно достигал 100 км от стоянки. Кроме того, данные геохимических анализов обсидиановых изделий из Мезмайской пещеры показывают, что это сырье происходит из двух источников: выходов у селения Заюково (Центральный Кавказ, 200–250 км) и выходов в Куюн-Даг (Южная Грузия, ок. 400 км), что дополнительно подтверждает культурные связи населения этих территорий (Golovanova et al., 2010).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Голованова Л.В., Дороничев В.Б., Левковская Г.М., Лозовой С.П., Несмеянов С.А., Поспелова Г.А., Романова Г.П., Харитонов В.М. Пещера Матузка. СПб.: Островитянин, 2006. 194 с.

Дороничева Е.В. Сырьевые стратегии древнего человека в среднем и позднем палеолите на Северо-Западном Кавказе: автореф. дис. … канд. ист. наук. СПб., 2013а. 26 с.

Дороничева Е.В. Исследование палеолитической мастерской Хаджох-2 на Северо-Западном Кавказе // АО 2009 года. М.: ИА РАН, 2013б. С. 172–174.

Дороничева Е.В., Кулькова М.А. Петрографическое исследование кремня из месторождений и стоянок среднего палеолита на Северо-Западном Кавказе // Stratum plus. 2011. № 1. С. 153–169.

Дороничева Е.В., Кулькова М.А., Шекли М.С. Использование каменного сырья в верхнем палеолите на Северо-Западном Кавказе // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 2. С. 40–53.

Binford L.R., Stone N. “Righteous rocks” and Richard Gould: some observations on a misguided “debate” // American Antiquity. 1985. Vol. 50. P. 151–153.

Doronicheva E., Kulkova M., Grégoire S. La grotte Mézmayskaya (Caucase de Nord): exemple de l’utilisation des matières premières lithiques au Paléolithique Moyen et Supérieur // L’anthropologie. 2012. Vol. 116. P. 378–404.

Féblot-Augustins J. La circulation des matières premières au Paléolithique. T. 1. Liège, 1997. 230 p. (ERAUL; № 75).

Géneste J.M. Les industries de la Grotte Vaufrey: Technologie du débitage, économie, et circulation de la matière première lithique // Grotte Vaufrey: Paléoenvironnement, Chronologie, Activités Humaines. Paris: Société Préhistorique Française, 1988. P. 441–518.

Golovanova L.V., Doronichev V.B., Kulkova M.A., Cleghorn N.E., Sapelko T.V., Shackley M.S. Significance of Ecological Factors in the Middle to Upper Paleolithic Transition // Current Anthropology. 2010. Vol. 51, N. 5. P. 655–691.

Lieberman D.E., Shea J.J. Behavioral differences between archaic and modern humans in the Levantine Mousterian // American Anthropologist. 2004. Vol. 96. P. 300–332.

Roebroeks W., Kolen J., Rensink E. Planning Depth, Anticipation and the Organization of Middle Palaeolithic Technology: The “Archaic Natives” meet Eve’s Descendants // Helinium. 1988. Vol. XXVIII/1. P. 17–34.

СОПОСТАВЛЕНИЕ ЖИЛЫХ КОМПЛЕКСОВ КОСТЁНОК-4 НА ОСНОВЕ ДАННЫХ ПЛАНИГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА[1]

© 2014 г. М.Н. Желтова

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург (mpraslova@mail.ru)

Ключевые слова: верхний палеолит, жилища, культурные горизонты, планиграфический анализ, каменные индустрии.

Резюме. Несмотря на то что результаты изучения Костёнок-4 были фундаментально опубликованы А.Н. Рогачёвым, остался неразрешенным ряд вопросов, главным из которых является соотношение культурных остатков так называемых верхнего и нижнего горизонтов северного жилого комплекса. В решении проблемы горизонтов можно использовать планиграфический анализ. Хотя материалы северного комплекса было трудно разделить в профиле, они на больших участках были разделены в плане. В южном же комплексе в жилищах имеется лишь один нижний горизонт. Таким образом, опираясь на эталонный набор находок, предполагалось вычленить посторонние компоненты в северном комплексе. Однако проведенный анализ состава и пространственного распределения остеологических остатков не выявил существенной разницы между длинными и круглыми жилищами, как следовало бы ожидать, а показал определенные отличия между северным и южным длинными жилищами нижнего горизонта. Результаты анализа каменного инвентаря также оказались весьма интересными.

Памятник Костёнки-4 залегает в отложениях первой надпойменной террасы. Его литологически единый культурный слой подразделяется в северной части стоянки на два горизонта. К нижнему горизонту относятся два длинных жилища, каждое с рядом очагов по продольной оси. К верхнему – два округлых жилища, вплотную примыкающих к северному длинному жилищу. Три полученные радиоуглеродные даты позволяют отнести рассматриваемую стоянку к хронологической группе, датируемой 21–23 тыс. л.н. К ней же относятся Костёнки-3 и -21 и верхний слой Костёнок-1. Костёнковские памятники этой хронологической группы отличаются существенным разнообразием индустрий, типов жилищ, планировок поселений.

В изучении Костёнок-4 в настоящее время основной является проблема горизонтов (Желтова, 2013. С. 87). Костёнки-4 введены в научный оборот А.Н. Рогачёвым (1955) как двухслойное поселение, два горизонта обитания которого оставлены совершенно разнокультурным населением в разное время. При этом осталось много вопросов и сомнений. В большой степени эта ситуация спровоцирована своеобразной стратиграфической позицией культурных остатков. Жилища так называемых верхнего и нижнего горизонтов аккуратно пристроены друг к другу. Перекрытие одного культурного слоя другим не зафиксировано, как и стерильная прослойка между ними на тех квадратах, где мощность культурного слоя превышает среднюю, что, по мнению А.Н. Рогачёва, происходит от наложения друг на друга культурных слоев разных поселений. Исходя из этого, главной задачей планиграфического анализа стало подробное изучение структур и объектов, установление их сходства и различия, что позволило бы выделить участки, относящиеся к разным этапам заселения памятника. За эталон был принят южный жилой комплекс, поскольку на его территории нет культурных остатков и объектов, относимых А.Н. Рогачёвым к верхнему культурному горизонту. Южный комплекс состоял из длинного жилища и трех внешних скоплений культурных остатков. К сожалению, большая часть западной секции южного длинного жилища была букваль-

1 Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 13-01-00292.

но разрушена раскопками С.Н. Замятнина и П.П. Ефименко в 1927–1928 гг. Находки из этих раскопов имеют поквадратные шифры, и это практически вся информация о раскопанном участке. Нет ни планов, ни других сведений об объектах и структурах культурного слоя. А.Н. Рогачёв (1955. С. 10) ссылается на устное упоминание С.Н. Замятниным «остатков костров». К сожалению, судя по количеству и составу находок, западная секция была самой насыщенной и интересной. Поэтому первой задачей стала реконструкция этого участка западной секции. Она осуществлялась на основе поквадратной фиксации находок, изучения их количественного и качественного состава, сопоставления этих данных с данными других секций южного комплекса. После изучения метрических параметров очагов южного и северного длинных жилищ, стало возможным предположить на реконструируемом участке наличие трех очагов, что косвенно подтверждается повышенным количеством обожженного кремня именно там, где они должны были бы располагаться. Из коробок с образцами слоя коллекций 1928 г. происходят несколько сформованных шариков белой краски, кусочки глиняной обмазки и фрагмент сланцевого стержневидного орудия. Первые две категории находок полностью отсутствуют в коллекциях 1937–1938 гг. из раскопок А.Н. Рогачёва, третья же считалась присущей исключительно индустрии верхнего культурного горизонта.

Анализ пространственного распределения фаунистических остатков всего поселения показал хорошо выраженные различия между северным и южным длинными жилищами и не показал такового между комплексами верхнего и нижнего горизонтов (Желтова, Бурова, 2014. С. 142). Наиболее существенны результаты анализа пространственного распространения каменного инвентаря, однако они, к сожалению, слишком громоздки для изложения в формате тезисов, учитывая, что раскопанная площадь южного и северного жилых комплексов Костёнок-4 составляет в совокупности 766 м^2, а общее количество находок достигает 90 тыс. единиц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Желтова М.Н. Место каменных индустрий Костёнок-4 в контексте верхнего палеолита Европы // Проблемы заселения Северо-Запада Восточной Европы в верхнем и финальном палеолите (культурно-исторические процессы) / Ред. Г. В. Синицына. СПб.: ЭлекСис, 2013. С. 86–109.

Желтова М.Н., Бурова Н.Д. Сопоставление жилых комплексов Костёнок-4 на основе изучения остеологических коллекций // Stratum plus. 2014. № 1. С. 111–145.

Рогачёв А.Н. Александровское поселение древнекаменного века у села Костёнки на Дону. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 164 с. (МИА; № 45).

КРАСОЧНЫЕ ПИГМЕНТЫ КАПОВОЙ ПЕЩЕРЫ: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ[1]

© 2014 г. В.С. Житенев

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва (macober@mail.ru)

Ключевые слова: Южный Урал, верхний палеолит, Капова пещера, охра, пигмент.

Резюме. Изучение красочных пигментов пещерных памятников Южного Урала, в т.ч. Каповой пещеры, тесно связано с задачами изучения развития верхнепалеолитической культуры региона. Применение тщательных методик при полевых археологических работах и широкого спектра естественно-научных методов изучения полученных материалов, в частности охр, позволяет проводить анализы для выявления способов получения сырья, рецептуры приготовления краски и, в конечном итоге, выстраивания относительной хронологии как настенных изображений, так и их связи с культурными горизонтами пещерных напластованиях памятника.

Открытия свидетельств новых форм использования охры в верхнем палеолите Южного Урала (нанесения изображений на освещенные дневным светом стены привходовой части пещеры Сикияз-Тамак X и преднамеренного окрашивания черепа пещерного медведя из пещеры Сикияз-Тамак I) выявило острую необходимость широкого исследования и минеральных красок из разных памятников региона (Житенев, 2006; 2007) .

Первоначально изучение минерального состава образцов красных красок, обнаруженных в результате исследования позднеплейстоценовых слоев ряда памятников Сикияз-Тамакского пещерного комплекса (р. Ай), было связано с необходимостью сравнения охр между собой и с естественными пигментами, встречающимися на остеологических материалах и стенах карстовых полостей. После получения первых результатов аналитического изучения красочных пигментов (в т.ч. сканирующая электронная микроскопия, рентгенофлуоресцентная спектрометрия, рентгеноструктурные методы) стала очевидной значимость сравнения образцов охр с большего числа памятников.

В качестве сравнительного материала на следующем этапе были изучены образцы охры из культурного слоя и погребения Бурановской пещеры, заведомо не палеолитического возраста, а также красочного пигмента из писаницы Бурановская I (Бибиков, 1950). Во время новых археологических исследований в пещере были обнаружены несколько галек, которые имеют следы сильного термического воздействия[2], а цвет и микроэлементный состав идентичны охре из погребения и пигменту писаницы.

В связи с необходимостью увеличения сравнительного материала, помимо использования опубликованных данных, были отобраны для предварительного исследования мельчайшие образцы пигментов из Игнатиевской, Серпиевской-2 и Мурадымовской-2 пещер (Пальчик, 1992).

С 2008 г. по предложению В.Е. Щелинского, озвученного в ходе II (XVIII) Всероссийского Археологического Съезда, ежегодные исследования в Каповой пещере начал проводить коллектив Южно-Уральской археологической экспедиции МГУ. Основные работы сосредоточены в залах Купольный, Хаоса и Рисунков. В Купольном зале выявлено несколько пунктов распространения культурных слоев как позднеплейстоценового, так и

1 Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 13-06-00277.

2 Немаловажно, что в результате изучения культурного слоя у писаницы Бурановская II рядом с развалом сосуда энеолитической эпохи «зафиксировано скопление галек длиной от 2 до 9 см. Многие из них расколоты, вероятно, вследствие нагрева: их поверхность обожжена» (Широков, 2004, с. 309).

голоценового времени (Житенев, 2012а, б). Следует особенно подчеркнуть, что ни в одном из 12 голоценовых культурных горизонтов, открытых в шурфе около Западной ниши Купольного зала, не было обнаружено никаких следов охры. В пачке позднеплейстотценовых отложений здесь на сегодняшний день зафиксировано восемь горизонтов посещений с культурными остатками эпохи верхнего палеолита[3], демонстрирующих неоднократность посещения пунктов с настенными изображениями.

Основной целью изучения пигментов является определение минерального состава и рецептуры краски для выявления и выстраивания относительной хронологии изобразительных ансамблей как внутри пещеры, так и в региональном контексте (Clottes, 1997; Hameau et al., 2001).

В связи с отсутствием банка данных по красочным минеральным пигментам Каповой пещеры, проводятся лабораторные исследования образцов, полученных как из культурных слоев, так и с настенных изображений (Pakhunov, Brandt, Chikishev, 2014). Основные методы анализа пигментов – рентгенофлуоресцентная спектрометрия, инфракрасная спектроскопия, рамановская спектроскопия, электронная микроскопия.

Основным источником образцов служат пигменты из культурных слоев. Подавляющая часть – это охры, зафиксированные в процессе разборки культурных горизонтов, или выбранные из концентрата промывки крупинки пигмента размером не более 10–15 мм. Разнообразие типов охр (разных оттенков красного и желтого цветов и гетерогенных по минеральному составу), происходящих из промывки, заметно контрастирует с менее представительным набором типов пигментов – крупными (30–50 мм) комками слипшейся массы или цельными кусками.

Комки охры представляют собой пигмент красного цвета с хорошо различимой структурой – затвердевшая масса некогда пластичного пигмента с включением мелких древесных угольков. Наличие древесных угольков в комках охры позволяет напрямую датировать рецептуры приготовления краски (Житенев, 2012а).

Цельные куски охр известны в верхнепалеолитической коллекции культурных остатков Каповой пещеры, в основном из культурного слоя в зале Знаков. Структура этого типа пигментов аналогична структуре поверхности ряда средних и малых глыб известняка из зала Хаоса.

Следующим важным открытием при исследовании зала Хаоса стали небольшие глыбы известняка со специфической физико-химической коррозией, крайне похожие на некоторые типы охр. И сегодня по имеющимся данным ясно, что в верхнем палеолите для производства краски для нанесения изображений на стены Каповой пещеры частично использовалось сырье, собранное непосредственно в пещере.

Находки в культурных горизонтах позднеплейстоценового времени Купольного зала фрагментов бурого железняка со следами термического воздействия[4] на корке (максимальные размеры 24×17 мм) наглядно демонстрирует, что часть пигментов изготавливали из приносного сырья. Сейчас в районе Каповой пещеры известно несколько мест выходов бурых железняков. Вопрос о возможности их доступности и использования в верхнем палеолите сейчас решается с помощью аналитических методов.

Неожиданной и пока единственной находкой стал обнаруженный в культурном слое около Восточного панно настенных изображений в зале Рисунков маленький фрагмент черного минерального пигмента – магнетита.

Важным направлением работ является сравнение рецептуры краски с настенных рисунков и плиток известняка с отдельными фрагментами геометрических знаков, обнаруженных на поверхности современно-

3 Культурные горизонты (горизонты посещений) № 2–5 верхнепалеолитического возраста по характеру археологического материала и стратиграфическому положению хорошо соотносятся с исследованным В.Е. Щелинским в зале Знаков культурным слоем, для которого по древесному углю получены даты от 13 930±300 л.н. (ГИН-4853) до 16 010±100 (KN-5023) (Щелинский, 1996; Scelinsky, Sirokov, 1999. С. 73).

4 В очагах из верхнепалеолитического слоя зала Знаков обожженной охры не зафиксировано, как, например, в Костенках I/1 (Ефименко, 1958; Щелинский, 1996).

го пола пещеры. Кроме того, готовится проведение сравнительных анализов монументальных изображений и обнаруженных в непосредственной близости от них следов художественной деятельности (капель краски, палитр, «кладиков» запасов охр) палеолитического человека.

Необходимо отметить, что на основании результатов работ экспедиции В.Е. Щелинского и современных наблюдений в различных залах и пунктах распространения культурных остатков верхнепалеолитического времени в Каповой пещере можно уверенно говорить о том, что значительное количество неиспользованной в художественной деятельности, по сути брошенной охры, свидетельствует об отсутствии ее дефицита (Житенев, 2012а; Щелинский, 1996). Более того, хорошо видно, что особого (бережного, почтительного) отношения к красочным пигментам не было. В противном случае, подобная растрата охры была бы невозможна.

Целенаправленные археологические и естественно-научные исследования пигментов позволяют расширить наши представления и решить ряд важных задач в изучении хозяйственно-бытовых и неутилитарных аспектов жизнедеятельности человека верхнего палеолита.

Комплексные методические подходы и результаты исследований красочных пигментов Каповой пещеры позволяют более детально рассмотреть вопросы относительной хронологии использования конкретной карстовой полости, а также культурного родства и возможной генетической взаимосвязи ряда памятников региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бибиков С.Н. Неолитические и энеолитические остатки культуры в пещерах Южного Урала // СА. 1950. Т. XIII. С. 95–138.

Ефименко П.П. Костенки I. М.; Л.: ИИМК АН СССР, 1958. 484 с.

Житенев В.С. Череп пещерного медведя с нарезками и следами охры из пещеры Сикияз-Тамак I (Южный Урал) // Современные проблемы археологии России: Мат-лы Всерос. археол. съезда. Т. 1. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. С. 201–203.

Житенев В.С. Верхний палеолит бассейна реки Ай (Южный Урал): перспективы исследований // XVII Уральское археологическое совещание: Мат-лы науч. конф. Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 2007. С. 92–93.

Житенев В.С. Новые исследования свидетельств художественной деятельности в Каповой пещере // КСИА. 2012а. Вып. 227. С. 304–313.

Житенев В.С. Капова пещера – многослойный памятник археологии: предварительное сообщение // Первобытные древности Евразии. К 60-летию А.Н. Сорокина. М.: ИА РАН, 2012б. С. 155–178.

Пальчик Н.А. Рентгенографическое исследование образцов красок и пород из Игнатиевской пещеры // Петрин В.Т. Палеолитическое святилище в Игнатиевской пещере на Южном Урале. Новосибирск: Наука, 1992. С. 163–164.

Широков В.Н. Уральские писаницы // Культовые памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. С. 281–314.

Щелинский В.Е. Некоторые итоги и задачи исследований пещеры Шульган-Таш (Каповой). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 1996. 30 с.

Clottes J. New Laboratory Techniques and Their Impact on Paleolithic Cave Art // Beyond Art: Pleistocene Image and Symbol / Eds. M. Conkey, O. Soffer, D. Stratmann, N.G. Jablonski. San Francisco: California Academy of Sciences, 1997. P. 37–52. (Memoirs of the California Academy of Sciences; № 23).

Hameau Ph., Cruz V., Laval E., Menu M., Vignaud C. Analyse de la peinture de quelques sites postglaciaires du Sud-Est de la France // L'anthropologie. 2001. T. 105. P. 611–626.

Pakhunov A.S., Brandt N.N., Chikishev A.Y. Raman Microscopy and IR Imaging of the Paleolithic Paintings from Kapova Cave, Southern Ural, Russia // Proceeding of International Workshop "The conservation of the Subterranean Cultural Heritage". Seville, 2014. (In press).

Scelinsky V.E., Sirokov V.N. Hohlenmalerei im Ural: Kapova und Ignatievka; die altsteinzeitlichen Bilderhohlen im sudlichen Ural. Sigmaringen: Thorbecke, 1999. 171 S.

ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ИЗ ВОСТОЧНОЙ ГАЛЕРЕИ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ

© 2014 г. М.Б. Козликин

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск (kmb777@yandex.ru)

Ключевые слова: Горный Алтай, Денисова пещера, верхний палеолит, каменная индустрия, предметы символической деятельности.

Резюме. Комплексные работы в Денисовой пещере на протяжении последнего десятилетия направлены на исследование рыхлых отложений в восточной галерее. К настоящему времени наиболее полно изучена верхняя часть плейстоценовой толщи, содержащая материалы раннего (слой 11) и заключительного (слой 9) этапов верхнего палеолита. Каменная индустрия из слоя 11 характеризуется преимущественно плоскостным параллельным расщеплением с небольшими сериями подпризматических и торцовых нуклеусов. Основу орудийного набора составляют разнообразные типы скребел, представителен зубчато-выемчатый компонент. Орудийные формы, характерные для верхнего палеолита, немногочисленны. Индустрию сопровождает набор костяных орудий и украшений, изготовленных из бивня, зубов животных и различных пород поделочного камня. Набор ядрищ из слоя 9 не имеет принципиальных отличий от нуклеусов из нижележащего слоя. Спецификой орудийного набора является сочетание верхнепалеолитических форм (микропластины с притупленным краем) и изделий, характерных для среднего палеолита (скребла, леваллуазские острия).

Денисова пещера, расположенная в низкогорной зоне Северо-Западного Алтая, в настоящее время является одним из наиболее перспективных палеолитических объектов для изучения древнейших культур на территории Северной Азии. Многолетние комплексные исследования рыхлых отложений в центральном зале, на предвходовой площадке и в южной галерее пещеры имели первостепенное значение для построения культурно-хронологической схемы палеолита региона и реконструкции условий природной среды в среднем и позднем плейстоцене Алтая (Природная среда…, 2003).

Новый этап археологических работ в Денисовой пещере связан с началом изучения в 2004 г. рыхлых отложений в восточной галерее. В стратиграфическом разрезе восточной галереи выделено 17 основных литологических подразделений. Формирование слоев 1–8 происходило в эпоху голоцена. Плейстоценовая толща представлена слоями 9–17, которые в целом соответствуют слоям 9–22 опорного разреза в центральном зале пещеры. В пределах слоев 17 и 16 археологический материал не обнаружен. Слои 15–12 содержали артефакты среднепалеолитического облика. Слои 11 и 9 характеризуются индустриями начальной и заключительной стадий верхнего палеолита соответственно. Слой 10 маркирует длительный перерыв в осадконакоплении и археологически стерилен.

На сегодняшний день в восточной галерее наиболее полно изучена верхняя часть плейстоценовых осадков (слои 11–9), содержащая верхнепалеолитические материалы (Деревянко и др., 2006; 2008; 2010). Отложения слоя 11, сложенные глыбово-щебнистым материалом с суглинистым заполнителем, имеют более дробное членение на литологические горизонты 11.4–11.1. Границы между горизонтами проведены по изменению цвета и состава заполнителя. Слой 10 представляет собой тонкий горизонт плотно уложенного сильновыветрелого известнякового щебня с участками фосфатных и железомарганцевых новообразований. Отложения слоя 9 (горизонты 9.3–9.1) демонстрируют иной тип осадка: легкие лессовидные суглинки с единичными включениями дресвы, мелкого щебня и глыб.

Горизонты сохранились фрагментарно, границы между ними зачастую нечеткие.

Вещество слоя 11 накапливалось в условиях относительно влажного и прохладного климата. Слой 10 маркирует поверхность длительного экспонирования и несет следы подавления седиментационного процесса.

Формирование слоя 9 соответствует сухим и холодным условиям позднеплейстоценового похолодания, во время которого возросла роль эолового переноса и аккумуляции лессовых частиц внутри пещеры.

Согласно серии радиоуглеродных дат, полученных для разрезов на разных участках пещеры, возраст отложений слоя 11 находится в широком хронологическом интервале от 50 до 29 тыс. л.н., что соответствует первой половине стадии 3 кислородно-изотопной шкалы. Отложения слоя 10 маркируют длительный перерыв в осадконакоплении. На основе литолого-стратиграфических и палеогеографических данных установлено, что формирование осадка слоя 9 происходило в период изотопной стадии 2.

Верхнепалеолитические комплексы восточной галереи представлены преимущественно изделиями из камня. Большое влияние на облик индустрий оказал характер местного галечного сырья из русла р. Ануй, отличающийся довольно низким качеством. Для производства каменных орудий, как правило, использовались осадочные (алевролит, песчаник) и вулканические (афировые и порфировые эффузивы) породы, реже употреблялись роговики и яшмоиды.

Коллекция артефактов из слоя 11 насчитывает около 16 тыс. экз. Сравнительный анализ археологических материалов из литологических горизонтов 11.4–11.1 демонстрирует неоднородность каменной индустрии из слоя 11 в целом. Условно можно выделить два комплекса: первый, включающий материалы из горизонтов 11.4 и 11.3, и второй, объединяющий материалы из горизонтов 11.2 и 11.1. Для первого комплекса характерны нуклеусы, утилизируемые в системе плоскостного параллельного или радиального расщепления, реже объемного. Подготовка ядрищ минимальная. Удельный вес сколов небольшой, отщепы преимущественно коротких и укороченных пропорций, пластины малочисленны, доля площадок с подправками карниза низкая. Основу орудийного набора составляет группа зубчато-выемчатых изделий. Типологический состав нуклеусов второго комплекса не имеет принципиальных отличий, однако оформление ядрищ более тщательное. Удельный вес сколов возрастает, вместе с тем увеличивается доля отщепов удлиненных пропорций и пластин. Распространение получают сколы с подправленной площадкой. В орудийном наборе преобладают изделия, оформленные на удлиненных заготовках. Возрастает число орудий верхнепалеолитического облика (концевые скребки, резцы, ретушированные пластины, орудия с подтеской). Помимо каменной индустрии, второй комплекс включает набор предметов символической деятельности и костяные орудия. Разнообразные подвески, пронизки, бусины, кольца изготовлены из зубов и костей животных, бивня мамонта, скорлупы яиц страуса и различных пород поделочного камня. При обработке этих материалов использовались такие технические приемы, как резание, скобление, простое и скоростное станковое сверление, полировка.

Важно отметить, что различия между описанными выше индустриями не являются кардинальными и не устанавливают четкую границу между палеолитическими комплексами из разных стратиграфических подразделений слоя 11. Вероятнее всего, данные различия могут быть объяснены изменениями в адаптационных стратегиях палеолитического человека на протяжении достаточно длительного периода, во время которого формировалась толща слоя 11 и, таким образом, отражают процесс линейного развития в рамках единой индустрии.

Наиболее близкими в технико-типологическом отношении к индустрии из горизонтов 11.4 и 11.3 в восточной галерее являются материалы из слоя 11 в устьевой части южной галереи. Облик каменной индустрии, набор индивидуальных украшений и костяные орудия из слоя 11 в центральном зале в большей степени соотносятся с материалами из горизонтов 11.2 и 11.1 в восточной галерее. Синхронные материалы с предвходовой площадки отличаются как от коллекции из восточной галереи, так от комплексов из южной галереи

и центрального зала высоким удельным весом верхнепалеолитических форм орудий.

Более позднему культурно-хронологическому этапу верхнего палеолита соответствуют археологические материалы из слоя 9, насчитывающие более 2 тыс. экз. В данном комплексе, по сравнению с индустриями из слоя 11, значительно увеличивается удельный вес сколов, в числе которых возрастает доля отщепов удлиненных пропорций и пластин, появляются микропластины, вероятно, полученные отжимом. Пластины отличаются более правильной формой и огранкой. Зафиксированы следы применения рогового отбойника. Большинство орудий оформлено на удлиненных отщепах и пластинах. Вместе с тем в индустрии сохраняется ряд архаичных черт в виде представительного набора разнообразных скребел и серии леваллуазских остриев.

Наибольшее сходство индустрия из слоя 9 в восточной галерее обнаруживает с материалами из слоя 9 в южной галерее. Синхронные индустрии из центрального зала и с предвходовой площадки отличаются от комплексов из галерей более развитой пластинчатой и микропластинчатой технологией, выразительным верхнепалеолитическим орудийным набором и сопровождающей серией костяных орудий и индивидуальных украшений.

В целом, для верхнепалеолитического комплекса восточной галереи, как и синхронных материалов из других участков пещеры, характерно сочетание верхнепалеолитических типов орудий с изделиями, характерными для среднего палеолита. Различия между верхнепалеолитическими комплексами на разных участках памятника обусловлены, вероятнее всего, спецификой организации жилого и производственного пространства в пещере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Цыбанков А.А., Ульянов В.А. Изучение верхнепалеолитических слоев в восточной галерее Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Т. 12. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. С. 121–126.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Цыбанков А.А., Ульянов В.А., Волков П.В. Изучение верхнепалеолитических слоев в восточной галерее Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Т. 14. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. С. 60–66.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Цыбанков А.А., Ульянов В.А., Чеха А.М. Исследование верхнепалеолитических слоев в восточной галерее Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Т. 16. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. С. 93–98.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Анойкин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. 448 с.

КУЛЬБУЛАКСКАЯ КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ОРИНЬЯКСКИХ ИНДУСТРИЙ АЗИИ[1]

© 2014 г. К.А. Колобова

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
Алтайский государственный университет, Барнаул
(kolobova@yandex.ru)

Ключевые слова: верхний палеолит, ориньякские индустрии, кульбулакская культура.

Резюме. На территории западной части Центральной Азии была выделена кульбулакская верхнепалеолитическая культура, характеристики индустрий развитого этапа которой демонстрируют значительное количество черт ориньякского технокомплекса. На основе корреляционного анализа с ориньякскими индустриями Ближнего и Среднего Востока делается вывод, что комплексы кульбулакской культуры развивались в общем тренде формирования и эволюции ориньякоидных технокомплексов, но при этом кульбулакскую культуру нельзя причислять к ориньяку *sensu stricto*.

Изучение в западной части Центральной Азии новых (Додекатым-2, Кызыл-Алма-2) и ранее известных ключевых (Кульбулак, Шугноу) верхнепалеолитических объектов позволило объединить их в рамках кульбулакской верхнепалеолитической культуры.

Комплексы данной культуры ориентированы на мелкопластинчатое скалывание, осуществляемое в рамках трех основных схем: кареноидное расщепление, торцовое клиновидное и призматическое моноплощадочное. На разных этапах существования культуры доля данных схем направленно изменяется. При этом кареноидная технология является наиболее яркой и типичной для кульбулакской культуры. В орудийных наборах комплексов кульбулакской культуры присутствуют специфичные типы орудий: вентральные скребки, скребки с шипом, ортогональные долотовидные орудия, пластинки дюфур, пластинки с притупленным краем, микроострия (типа арженех), треугольные микролиты.

Развитый этап кульбулакской культуры (слой 2.1 Кульбулака, слой 1 Шугноу и слой 5 Додекатыма-2) характеризуется преобладанием призматического раскалывания для получения пластинчатых и мелкопластинчатых заготовок. При этом среди призматических ядрищ ведущую роль играют нуклеусы кареноидного облика для производства пластинок с непрямым профилем. Кареноидные ядрища утилизировались в рамках одной технологической схемы. Пластинки, в т.ч. и с непрямым профилем, составляют значительную долю индустрии сколов. При этом в орудийных наборах по сравнению с ранним этапом культуры возрастает роль отщепных заготовок для производства формальных орудий. Доминируют скребки различных модификаций, отмечаются вентральные варианты скребков, различные модификации скребков с шипами, в некоторых комплексах содержится значительное количество долотовидных орудий. Возрастает доля микроинвентаря, в котором основную роль играют пластинки с ретушью, а также пластинки дюфур; представлены пластинки с притупленным краем, микроострия (типа арженех) и единичные треугольные микролиты. Учитывая имеющиеся радиоуглеродные датировки, возраст (некалиброванный) данного этапа определяется как превышающий 23 тыс. лет, предположительно от 30 до 25 тыс. лет.

Характеристики и определение возраста индустрий развитого этапа кульбулакской культуры позволяют коррелировать их с ори-

1 Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление № 220), полученного Алтайским государственным университетом (проект № 2013-220-04-129); в рамках проектов РФФИ № 12-06-33041, 13-06-12039 и РГНФ № 12-31-01322.

ньякскими комплексами Ближнего и Среднего Востока.

Левантийский ориньяк является одним из самых распространенных культурных подразделений на Ближнем Востоке. К нему относятся памятники КзарАкил (сл. VIII–VII), Ябруд II/1–4, Хайоним D, эль-Вад D, Кебара D (I–II), Ракефет, эль-Хиам, Сефуниум (уровень 8) и др. Большинством исследователей время существования данной культуры определяется в пределах от 36 до 27 тыс. л.н. (Belfer-Cohen, Bar-Yosef, 1999; Marks, 2003).

Левантийский ориньяк *sensu stricto* рассматривается как индустрия, направленная на производство отщепов и утилизирующая кареноидные нуклеусы для производства пластинок. В орудийных наборах ориньякских комплексов присутствуют концевые скребки, резцы, пластинки дюфур, ориньякские пластины и острия эль-вад (Bar-Yosef, Belfer-Cohen, 1996).

Сходство классических левантийских комплексов (*sensu stricto*) с комплексами развитого этапа кульбулакской культуры прослеживается как в общих приемах первичного расщепления (кареноидная технология, значительная доля нуклеусов для отщепов), так и в составе орудийного набора (пластинки дюфур, острия эль-вад (аналогичны остриям арженех), значительная доля орудий на отщепах). Интересно, что и хронологические рамки обеих групп достаточно близки. Стоит, однако, отметить, что нельзя говорить о полном тождестве индустрий. В комплексах кульбулакской культуры содержатся далеко не все элементы, свойственные технокомплексу левантийского ориньяка. Например, отсутствуют специфические костяные изделия, пластины с перехватом и резцы бюске.

До последнего времени самым восточным форпостом распространения ориньякских комплексов являлась территория Загроса, где был выделен загросский ориньяк. В список памятников барадостской культуры входят комплексы стоянок Варвази, Шанидар-С, Яфтех, Па-Сангар, Гар Арженех, Гаре-Хар, Шекафт-и, Барм-и Шур. Индустрии характеризуются преобладанием пластинчатого расщепления со значительным присутствием кареноидной технологии в первичном расщеплении. В орудийном наборе доминируют острия арженех, барадостские пластинки (типологический аналог пластинок дюфур), концевые скребки и остроконечные ретушированные формы. Время существования загросского ориньяка – в хронологическом интервале от 36 до 24 тыс. л.н. (Olszewski, 1993; Otte et al., 2011).

В целом нами предполагается, что ансамбли развитого загросского ориньяка подобны комплексам кульбулакской культуры в той же мере, что и комплексы ориньяка левантийского. В то же время прослеживаются и определенные различия: малочисленность в кульбулакских комплексах пластинок дюфур, ретушированных острий на пластинках (типа арженех/эль-вад/фонт-ив) и резцов; в развитых кульбулакских комплексах пластинки имеют преимущественно изогнутый, а не закрученный профиль.

На наш взгляд, достаточно очевидно значительное сходство комплексов развитого этапа кульбулакской культуры с материалами ориньякоидных индустрий Ближнего и Среднего Востока. Соответственно, встает вопрос, можно ли причислить развитые кульбулакские индустрии к ареалу ориньякского технокомплекса? Как показали результаты проведенного нами анализа, из базовых (общих для всех ориньякских индустрий) компонентов ориньякских технокомплексов, в индустриях кульбулакской культуры лишь применение кареноидной технологии является достаточно презентабельным как в количественном, так и в качественном отношении. Ориньякские орудийные типы представлены, но в минимальных количествах, да и не во всех кульбулакских индустриях. Более того, полностью отсутствуют некоторые значимые составляющие ориньякского технокомплекса, такие как ориньякские пластины, костяная индустрия и украшения. В то время как отсутствие, например, костяных изделий или украшений можно было бы объяснять особенностью сохранности костного материала в Средней Азии, заметное отличие выявляется в устойчивом присутствии в кульбулакских индустриях типологически выраженных орудий, несвойственных классическому ориньяку (прежде всего, пластинки с притупленным краем). Таким образом, достаточно очевидно, что индустрии кульбулакской культуры раз-

вивались в общем тренде формирования и эволюции ориньякоидных технокомплексов Ближнего и Среднего Востока, но при этом кульбулакскую культуру нельзя причислять к ориньяку sensu stricto, что свидетельствует, на наш взгляд, либо о достаточно регулярных культурных взаимодействиях между сравниваемыми регионами, либо об общей логике последовательного развития близких по происхождению культур в схожих эколого-ландшафтных ситуациях. То, что предпочтение в нашей интерпретации событий отдается признанию пользу повторяющегося (разнонаправленного) межкультурного взаимодействия, обусловлено культурно-технологическими характеристиками позднего этапа кульбулакской культуры, значительно совпадающими с таковыми у средне- и ближневосточных культур, что не может, как нам кажется, объясняться только конвергентной траекторией развития, но требует достаточно регулярных культурных взаимообменов (аналог генному обмену между различными подвидами человека во время формирования современного вида).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A. Another look at the Levantine Aurignacian // Proceedings of the XIII Conference of the International Congress of Prehistoric and Protohistoric Sciences, UISPP. Colloquium XI – The Late Aurignacian. Forlì: A.B.A.C.O., 1996. P. 139–150.

Belfer-Cohen A., Bar-Yosef O. The Levantine Aurignacian: 60 years of research // Dorothy Garrod and the Progress of the Paleolithic. Studies of Prehistoric Archeology of the Near East of Europe. Oxword: Oxbow Books, 1999. P. 118–134.

Marks A. Reflections of the Levantine Upper Paleolithic studies: Past and Present // A More than Meet the Eyes. Oxford: Oxford Books, 2003. P. 249–265.

Olshewski D. The Late Baradostian Occupation at Warwasi Rockshelter, Iran // The Paleolithic prehistory of the Zagros-Taurus. Philadelphia: Univ. Museum, Univ. of Pennsylvania, 1993. P. 187–206.

Otte M., Shidrang S., Zwyns N., Flas D. New radiocarbon dates for the Zagros Aurignacian from Yafteh cave, Iran // J. of Human Evolution. 2011. Vol. 61. P. 340–346.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПАЛЕОЛИТЕ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ

© 2014 г. М.В. Константинов

Забайкальский государственный университет, Чита (mk-rus@mail.ru)

Ключевые слова: Забайкальский край, средний и верхний палеолит, жилища, каменная индустрия, произведения искусства.

Резюме. В Забайкальском крае выявлены памятники среднего палеолита – Усть-Менза-5, Приисковое, Коврижка, Сухотинская мастерская (Сухотино-12). Продолжается изучение поселений верхнего палеолита Толбага, Усть-Менза, Студеное и др., отмеченных сериями жилищ, выразительными технокомплексами каменных индустрий и уникальными произведениями искусства.

Благодаря систематическим исследованиям научной реальностью стал средний палеолит Забайкальского края. Первый памятник этого времени – Усть-Менза-5 (терраса IV) – был открыт еще в 1985 г. Дальнейшими исследованиями подтверждено, что в разрезе отложений этого памятника культурный слой 4 залегает ниже подошвы каргинского педокомплекса (ок. 60 тыс. л.н.). На этом же памятнике выявлен слой с артефактами и костями животных в средней части муруктинского аллювия. Планомерные раскопки на поселении Приисковое (терраса IV р. Чикой) позволили получить коллекцию, насчитывающую около 6 тыс. артефактов. Культурный слой залегал в основании каргинского педокомплекса. Его возраст определяется в пределах 55–50 тыс. лет. Основа индустрии – ортогональная техника расщепления камня, изготовление орудий из крупных отщепов, преобладание в инструментарии скребел. Около 100 артефактов залегали в основании аллювиальных отложений, непосредственно на цоколе террасы IV р. Чикой на поселении Коврижка. Их возраст – начало муруктинского оледенения (ок. 80 тыс. л.н.). Новая оценка ранее изученных памятников (раскопки И.И. Кириллова) позволила отнести к концу среднего палеолита Сухотино-1 (р. Ингода). В 1966 г. на этом памятнике выявлено около 600 артефактов; они переотложены, но составляют единый технокомплекс, включающий в себя нуклеусы и пластины леваллуа. В том же районе, но на более высокой склоновой отметке (ок. 90 м) начато изучение Сухотинской мастерской (Сухотино-12), где в делювиальных отложениях выявлено несколько сот крупных, с высоким сечением пластин и соответствующих им по типу нуклеусов и тысячи отщепов, из которых изготавливались скребущие, выемчатые и шиповидные орудия. Предварительная датировка нижнего слоя этого памятника – около 100 тыс. л.н. Где-то близко к этому времени располагается коллекция подъемных архаичных каменных артефактов со стоянки Русло Гыршелунки (сборы М.Н. Мещерина).

Полагаем, что настоящие глубины древности забайкальской истории остаются пока неизведанными. Возможно, этому будет способствовать разработка отложений на террасах V и VI, которые ранее фактически не идентифицировались и не изучались. На террасе V раскапывается поселение Усть-Менза-6 (Груздевая), где выявлено семь культурных слоев, из них пять – палеолитические. Нижний слой залегает на глубине 3,5 м (как минимум – каргинское время), а ниже (по данным бурения) предстоит вскрыть еще 10-метровую толщу отложений. На террасе VI на поселении Усть-Менза-15 культурный слой 2, расположенный на глубине 2,0 м, содержит столь архаичные по морфологии переотложенные артефакты (рубящее орудие с носиком, чопперы, скреб-

ла, массивные отщепы), что об их подлинном возрасте можно только догадываться, но он вполне может превосходить среднепалеолитический. На этом памятнике отложения вскрыты до отметки 8,3 м (тазовский аллювий), тогда как бурение показало, что даже на глубине 24 м еще нет «материка».

Ранняя пора верхнего палеолита (35–25 тыс. л.н.) представлена в Забайкальском крае поселением Толбага. Дополнительные геологические исследования в северной части поселения подтвердили взаимосвязь культурного слоя со слоем лессовидного суглинка с очевидными следами педоседиментов каргинского возраста. Сотрудничество с американскими и японскими коллегами (Й. Бувит, М. Изуха) позволило получить новые корректные даты для поселения в пределах 35–36 тыс. л.н. Данное поселение замечательно своими выразительными планиграфическими структурами, включающими в себя 3-, 4- и 12-очажные жилища, в т.ч. с тамбурами у входа. Эти жилища относятся к числу древнейших во всей Азии. В одном из толбагинских жилищ около очага найдена скульптура головы медведя, являющаяся, на наш взгляд, миниатюрным повторением возможно существовавшего натурального макета, изображающего этого тотемного зверя. Технокомплекс Толбаги характеризуется преобладающей пластинчатой техникой расщепления камня; частым использованием такого технического приема как фрагментация пластин; высоким орудийным индексом (43%), поскольку первоначальная обработка речной гальки производилась в основном за пределами поселения; разнообразным набором орудий, включающим в себя ножи, остроконечники, проколки, резцы, долота, скребла, концевые скребки, чопперы, отбойники и др. Корреляция каменной индустрии Толбаги с индустриями таких памятников, как Арта-2, -3, Мастерова Гора, а также Подзвонкая, Каменка А, Варварина Гора в Бурятии позволили уверенно выделить толбагинскую культуру. В свою очередь, она входит в обширный ориньякоидный культурный круг, представленный памятниками от Ордоса до Алтая (Шуйдунгоу, Макарово-4, Малая Сыя, Кара-Бом).

Технологическим антиподом Толбаги в пределах Забайкальского края выступает Усть-Менза-14 (Лагерная), новый палеолитический памятник с культурным слоем, залегающим в основании перегляциального аллювия террасы II. Возраст этого слоя порядка 24 тыс. лет. Этот памятник уступает Толбаге в древности; тем удивительнее, что он представлен иной, внешне более архаичной, ортогональной техникой расщепления камня с производной от него отщеповой основой орудий. Немалое число орудий изготовлено также из целых и расколотых галек. Усть-Менза-14 (Лагерная), вероятно, является заключительным звеном куналейской культуры, выделенной нами первоначально по поселению Куналей в Бурятии.

Если Толбага с ее пластинчатой техникой восходит к среднему палеолиту, представленному Сухотино-1 и Сухотинской мастерской (Сухотино-12), то Усть-Менза-14 (Лагерная) и Куналей с их ортогональной линией – к среднепалеолитическому поселению Приисковое. Заметим, что прежде при поисках корней забайкальских палеолитических культур приходилось обращаться к территориям Монголии и Китая. Теперь же эти корни вполне увязываются с древнейшими стратифицированными памятниками самого Забайкальского края.

Средняя пора верхнего палеолита Забайкальского края (25–18 тыс. л.н.), представленная такими памятниками, как Танга, Читкан (слой 2), Мастеров Ключ (слой 4), Усть-Менза-2 (слои 18–25), пополнилась материалами культурного слоя 1 поселения Усть-Менза-15 (Кедровая). В карбонатизированных супесях, отмеченных гумусированными включениями от разрушенной позднекаргинской почвы, найдены орудия из пластинок средних размеров «мальтинского» характера, скребки высокой формы, скребла и т.д. Важным дополнением является комплекс из трех одноочажных жилищ, расположенных в основании песчано-суглинистого аллювия, на поверхности галечника террасы II на поселении Студеное-2 (слой 8). В такой стратиграфической ситуации берегового поселка с жилищами, возраст которого не менее 20 тыс. лет, более нигде не находили.

Поздняя пора верхнего палеолита (18,0–10,8 тыс. л.н.) известна по многочисленным

культурным слоям поселений Студеное-1, -2, Усть-Мензa-1, -2, -3, -4, Сухотино-4. Главным богатством этих памятников периода сартанского оледенения являются жилища с обкладкой из камней. Так, на поселении Студеное-1 выявлены одноочажные жилища в 11 слоях подряд, при этом они расположены друг над другом или с небольшим смещением в сторону. Особый интерес представляют два жилища из слоя 19/4. Они расположены на поверхности галечника террасы I и как бы спрятались от речного потока за прирусловым валом высотой до 1,5 м.

Отметим, что жилища под толщей отложений на поверхности галечников – это уникальные палеоэкологические объекты, поскольку свидетельствуют об особых условиях организации жизненного пространства древним человеком.

Весьма выразительные жилища располагаются в аллювиальных отложениях террас I и II. В культурном слое 4/5 поселения Студеное-2 расчищено жилище с шестью очагами в одну линию и внешней обкладкой из камней. Еще одно жилище выявлено на этом памятнике на 1 м. ниже (слой 5); оно отчасти деформировано, но зато с ним связаны две удивительные находки: орнаментированный жезл начальника и скульптура головы лося. Большой поселок из 16 жилищ в виде чумов изобразил гравировкой на ребре сайгака древний художник, обитавший на поселении Сухотино-4.

Новый образец жилища происходит из слоя 14 Усть-Мензы-1. Внешняя обкладка – дискретная, состоит из 16 камней, по форме овальная, в центре очаг. По соседству вскрыто жилище из слоя 18 с одним очагом, но оно может иметь продолжение под вышеописанным жилищем из слоя 14. Отсюда возникает известная всем археологам дилемма: сохранить и по возможности музеефицировать выразительный жилищный комплекс из слоя 14 или же разобрать его и раскрыть полностью новый, отчасти уже обозначившийся в слое 18.

В жилищах поздней поры верхнего палеолита выявлен выразительный каменный инструментарий, свидетельствующий об использовании разнообразных по формам основ, как первичных (гальки, желваки), так и вторичных в виде пластин и отщепов. Широко употреблялись микропластинки, чаще всего служившие вкладными лезвиями. Типичная форма нуклеуса – торцовый клиновидный. Редкими, но выразительными формами представлены костяные вкладышевые основы и роговые и костяные рукояти с пазами для цельных орудий.

В рамках верхнего палеолита происходит бесспорное развитие каменной индустрии с общим трендом в сторону уменьшения массивности орудий и расширения использования вкладышевых и составных орудий. Вместе с тем сохраняется традиционный облик поселений, состоящих из больших и малых жилищ, обитатели которых с успехом охотились на лошадей, носорогов, оленей, сайгаков, дзеренов и винторогих антилоп. Символами абстрактного мышления и эстетического развития ранних забайкальских *Homo* являются оригинальные, отмеченные высоким творческим умением мастеров произведения искусства из кости; к тому же они являются самыми восточными в палеолитическом мире, что существенно расширяет евразийскую географию палеолитического искусства.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О РАННЕМ ПАЛЕОЛИТЕ АЗЕРБАЙДЖАНА

© 2014 г. С.А. Кулаков[1], А.А. Зейналов[2], И.А. Идрисов[3], Т.М. Эйбатов[4], И.М. Мустафаев[4], Т.Я. Сулейманов[4], И.Н. Авшарова[2]

[1]Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург (kazvolg@yandex.ru)
[2]Институт археологии и этнографии НАН Азербайджана, Баку (azad2007@mail.ru; iradaavshar@mail.ru)
[3]Институт геологии ДНЦ РАН, Махачкала (idris_gun@mail.ru)
[4]Институт геологии НАН Азербайджана, Баку (t_eybatov@mail.ru; ilgar_mm@inbox.ru; tima-bio@mail.ru)

Ключевые слова: Кавказ, Азербайджан, ашель, Гараджа, рубила, топорик.

Резюме. На западе Азербайджана, на южном берегу Мингячевирского водохранилища открыт новый раннепалеолитический памятник – стоянка Гараджа. Каменные изделия и фаунистические остатки были обнаружены на террасовой площадке, где выявлено семь пунктов залегания материала. Все предметы изготовлены из местного галечного сырья. Условия обнаружения, а также сохранность и морфология артефактов позволяют считать индустрию местонахождения Гараджа гомогенной. Стратиграфия отложений, распределение артефактов и фауны свидетельствуют о двух разновременных комплексах находок от конца апшеронского яруса до начала бакинского яруса.

Открытие и исследования на рубеже веков раннепалеолитических памятников на Кавказе и юге Русской равнины (Деревянко, 2009) заставили палеолитоведов обратить более пристальное внимание на территорию Азербайджана. Один из древнейших памятников Южного Кавказа – Азыхская пещерная стоянка (слои VII–X) – известен еще с 60-х гг. XX в., но, к сожалению, его раннепалеолитические слои вскрыты на чрезвычайно малой площади (Гусейнов, 2010). Обилие находок раннеплейстоценовой фауны на западе Азербайджана, в Куро-Араксинской низменности, в первую очередь вызвали интерес археологов. В 2012 г. на южном берегу Мингячевирского (Мингечаурского) водохранилища на р. Кура, недалеко от плотины ГЭС на хребте Боздаг, в районе горы Гараджа было зафиксировано новое местонахождение плейстоценовой фауны, содержавшее зубы слона (рис. 1, *1*), рядом с которыми были собраны каменные артефакты: сколы, оббитые гальки (рис. 2, *1–5*). Пункт получил название «Гараджа». В сентябре 2013 г. Гянджа-Газахский азербайджано-российский отряд палеолитической археологической экспедиции Института археологии и этнографии НАН Азербайджана целенаправленно произвел тщательное обследование местонахождения Гараджа. В результате был открыт новый раннепалеолитический памятник в Азербайджане – ашельское местонахождение Гараджа. Работами было выявлено семь пунктов сборов артефактов и фауны на протяжении около 2 км вдоль берега водохранилища с юго-запада на северо-восток, которые предварительно были названы Гараджа, Гараджа-1–6 (см. рис. 1, *1*). Наибольший интерес представляют пункты Гараджа, Гараджа-1, -2, -3, -5, давшие не только ашельский инвентарь, но и возможность проведения комплексных естественно-научных исследований: геологических, геоморфологических, биостратиграфических и др., необходимых для определения хронологии и прочих аспектов жизнедеятельности первобытных коллективов.

Первые же сборы на местонахождении дали представительную коллекцию артефак-

тов (табл. 1). Наиболее богатыми оказались пункты Гараджа и Гараджа-1 (рис. 2). Работами на них было предварительно выявлено два уровня залегания находок: южный (нижний) и северный (верхний). Локализация этих уровней, несмотря на сходство по использованному местному сырью и сохранности поверхности изделий, подтверждается стратиграфическими и технико-морфологическими показателями. Последние четко проявляются (Кулаков, Зейналов, 2014). А индустрия нижнего уровня может рассматриваться в рамках конца раннего – среднего ашеля.

Ручные рубила местонахождения разнообразны по морфологии и степени сохранности. Предварительное изучение их показывает, что среди ручных рубил выделяется группа обушковых форм, которые, возможно, несут культурообразующую нагрузку.

Наиболее богата в коллекции категория груборубящих орудий, в которой, наряду с

Таблица 1. Распределение артефактов по пунктам сборов

Артефакты	Пункты сборов					
	Гараджа	Граджа-1	Гараджа-2	Гараджа-3	Гараджа-5	Итого
Ручные рубила	–	7	2	1	3	13
Чопперы	5	24	–	3	5	37
Колуны	–	1	–	–	–	1
Скребла	1	4	–	–	1	6
Ядрища	1	1	1	–	3	6
Сколы	2	12	–	1	–	15
Всего	9	49	3	5	12	78

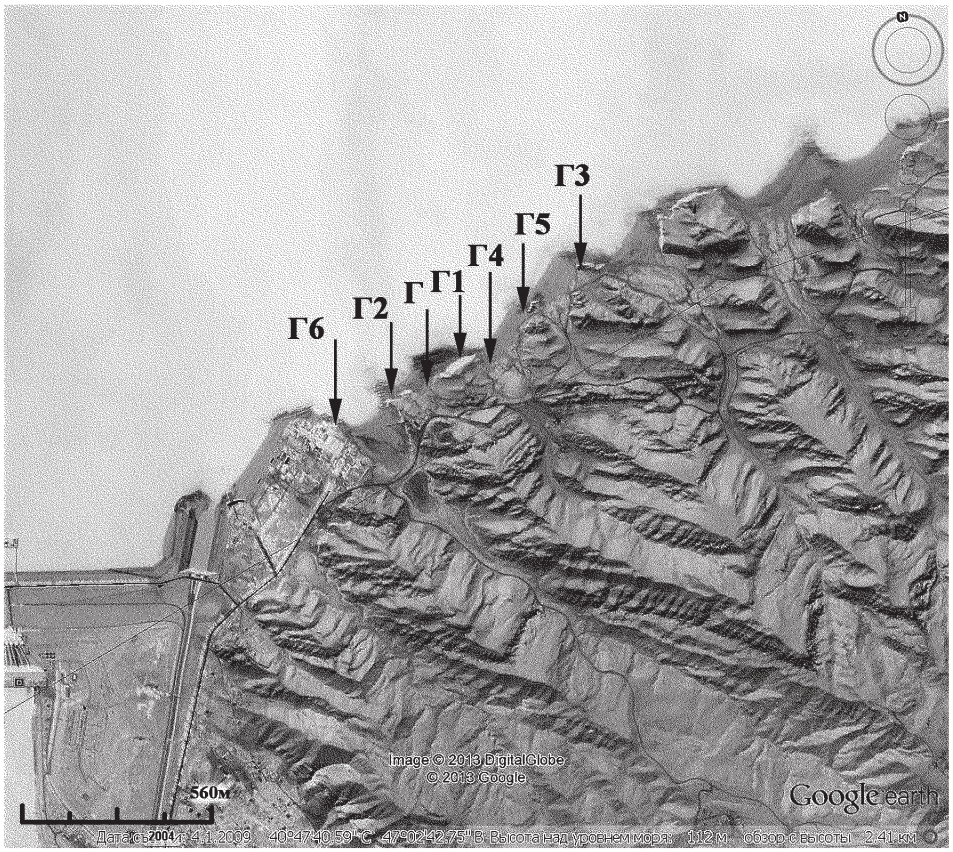
как в составе коллекций, так и в орудийном наборе.

В верхнем уровне сборов, приуроченном к песчано-глинистой толще на контакте берега и воды (по состоянию на сентябрь 2013 г.), наряду с законченными, прекрасно оформленными ручными рубилами (рис. 2, *6, 7*), были найдены скребло кина на крупном отщепе и типичные леваллуазские ядрища. В эту же группу хорошо вписывается и выразительное клиновидное изделие (рис. 2, *3*), найденное в 2012 г. Морфологически эта индустрия ближе всего концу среднего – позднему ашелю.

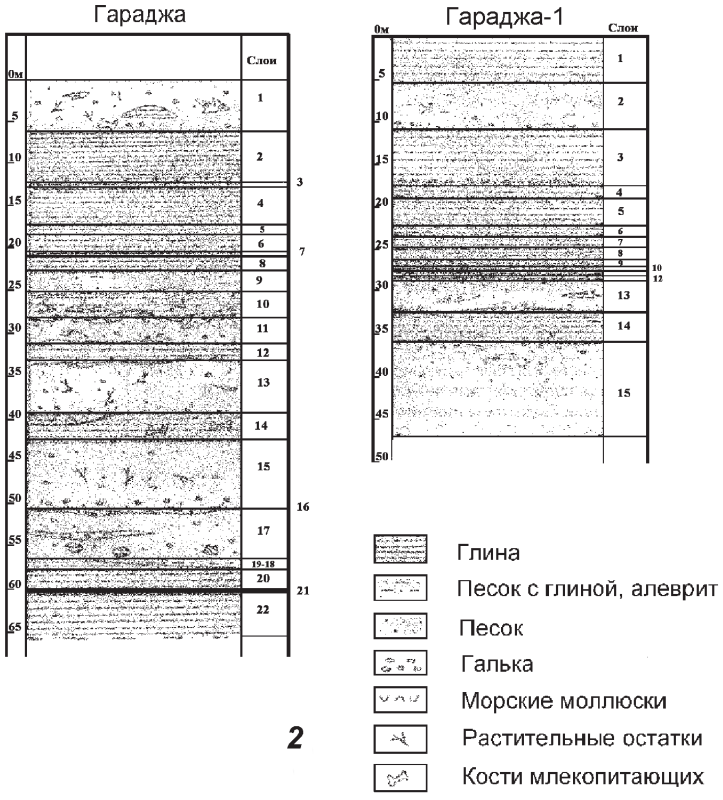
Коллекцию нижнего уровня сборов, также приуроченного к песчано-глинистой толще, примыкающей к стене берегового обрыва, в основном составляют ручные рубила и чопперы. Наряду с ними было найдено одно уникальное изделие на пункте Гараджа-1. Это топорик (колун) (рис. 2, *8*), полностью соответствующий критериям, предъявляемым к данным формам, – орудие, которое имеет бесспорные корни в африканском ашеле субкатегорией разнообразных чопперов, выделяется особая субкатегория орудий, условно называемых ударниками. Это гальки, разбитые практически пополам. Полученный таким образом искусственный край тщательно обработан сколами и ретушью по всему периметру.

Большую перспективность показывают естественно-научные исследования памятника.

Местонахождение Гараджа находится на северо-западной периферии хребта Гараджа (Караджа), иногда именуемого Бозда г. В западной части хребта расположена гора Гараджа (208,6 м). Пункты Гараджа и Гараджа-1–6 находятся в 1,8 км восточнее края плотины (поверхностного водослива) Мингячевирской ГЭС, в зоне южного абразионного берега водохранилища, представленного в основном клифом и бенчем. В балках и долинах, выходящих к водохранилищу, идет интенсивная аккумуляция и формируются бухты с аккумулятивными пляжами (см. рис. 1, *1*).



1



2

Рис. 1. Местонахождение Гараджа (Азербайджан). *1* – расположение пунктов сборов на южном берегу Мингячевирского водохранилища; 2 – стратиграфия отложений на пунктах Гараджа и Гараджа-1.

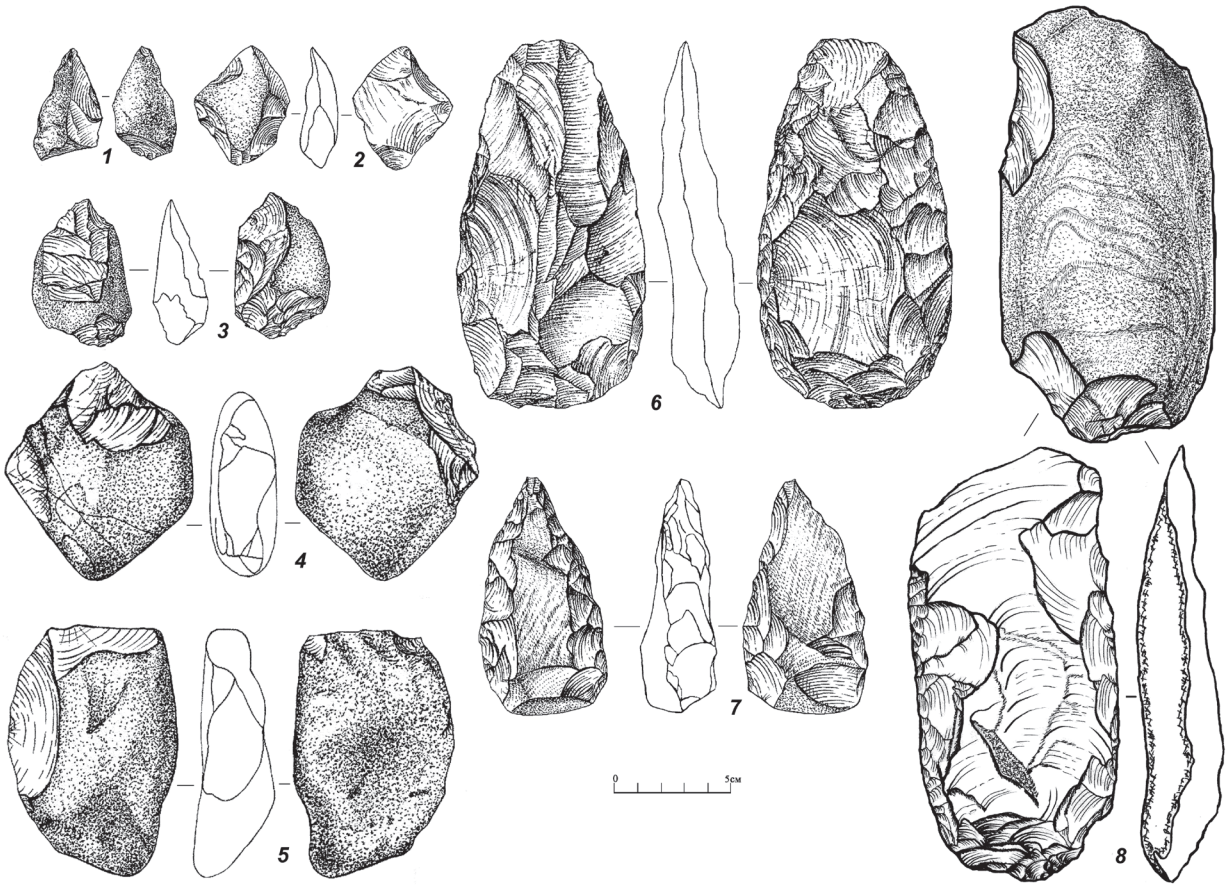


Рис. 2. Артефакты с местонахождения Гараджа. *1, 2* – отщепы; *3* – клиновидное орудие; *4, 5* – оббитые гальки (чопперовидные изделия); *6* – лиманд; *7* – субсердцевидное ручное рубило; *8* – топорик (колун).

В разрезах Гараджа и Гараджа-1 (см. рис. 1) вскрываются породы северо-западного крыла (перехода к периклинали) Гараджинской антиклинали, состоящей из терригенных разностей плиоцен-плейстоцена. Непосредственно в разрезах, вероятно, вскрываются породы рубежа эоплейстоцена-неоплейстоцена, имеющие простирание 88–90º и падение на север под углом 40º. Следует отметить, что антиклиналь эродирована по касательной, что приводит к тому, что с продвижением к западу в береговую зону водохранилища выводятся все более древние породы.

Разрез Гараджа расположен западнее, а Гараджа-1 – восточнее, расстояние между профилями 150–170 м (см. рис. 1, *1*). Разрез Гараджа мощностью порядка 66 м включает 22 литологических уровня, разрез Гараджа-1 – 47 м, 15 слоев, верхние части разрезов опускаются ниже уровня воды водохранилища, нижние части их поднимаются в сторону осевой части хребта Гараджа.

Согласно первой рабочей интерпретации, в разрезах Гараджа и Гараджа-1 вскрываются снизу вверх (см. рис. 1, *2*):

1) нижняя морская толща – в нижней части разреза Гараджа (слои 19–22) – 8,0 м;

2) нижняя континентальная толща – сложно построенная пачка континентальных либо прибрежных отложений – слои 9–18 разреза Гараджа (35,3 м) и слои 13–15 разреза Гараджа-1 (18,4 м);

3) верхняя морская толща – пачка слоев 2–8 разреза Гараджа (15,8 м) и слоев 3–12 разреза Гараджа-1 (16,7 м);

4) верхняя континентальная толща – слой 1 разреза Гараджа (6,5 м) и слои 1, 2 разреза Гараджа-1 (11,0 м).

Морские отложения в разрезах представлены глинами либо суглинками, среди которых доминируют разности серо-желтого цвета. В верхней морской толще обоих разрезов такие глины разделяются тремя маломощными прослоями опесчаненных глин серого цвета. По-

добные же серые опесчаненные глины лежат в подошве верхней морской пачки. Вероятно, эти горизонты фиксируют обмеление бассейна и формирование прибрежных отложений в условиях недостатка кислорода.

В верхней части нижней морской толщи (слой 21 разреза Гараджа) располагается слой вулканического пепла (см. рис. 1, *2*). Он прекрасно обнажается на поверхности и к западу от разреза Гараджа выражен в виде гривки высотой до 1 м над поверхностью, протягивающейся более чем на 300 м. Здесь для слоя пепла в целом характерен розовый цвет.

В верхней морской толще выявлена фауна моллюсков, залегающая одним прослоем, переполненным раковинами дидакн (низы слоя 2 разреза Гараджа и слоя 3 разреза Гараджа-1) (см. рис. 1, *2*). В остальной части верхней морской толщи идентифицировать морских моллюсков не удалось. По предварительным определениям А.Л. Чепалыги, моллюски этой пачки диагностированы как бакинские.

Для верхней и нижней континентальных толщ разреза характерным является чередование глинистых и песчаных слоев, которые отличаются выклиниванием по простиранию и сложным соотношением друг с другом.

В нижней континентальной толще разреза Гараджа, в верхней части слоя 14 и средней части слоя 17, выявлено два маломощных горизонта с морскими осадками, включающими горизонты с моллюсками (см. рис. 1, *2*). В слоях 13, 14 разреза Гараджа были заложены шурфы 1 и 2, в слоях 14, 15 разреза Гараджа-1 также были сделаны шурфы 3 и 4. Находок, кроме мелких неопределимых фрагментов костей, в зондажах не было. В слое 14 найдена верхняя челюсть слона с зубами (см. рис. 1, *2*). Нижняя континентальная толща, кроме этого, насыщена многочисленными ожелезненными остатками стволов деревьев диаметром до 0,7 м и длиной до 3–4 м.

Верхняя континентальная толща насыщена остатками сухопутной фауны. В слое 1 разреза Гараджа (6,5 м) найден череп носорога без нижней челюсти с полным набором зубов.

Фаунистические остатки (60 экз.), собранные и расчищенные на всех пунктах сборов местонахождения Гараджа (табл. 2), находятся на исследовании в Естественно-историческом музее им. Г. Зардаби Института геологии НАН Азербайджана.

Таблица 2. Распределение фаунистических находок по пунктам сборов

Фаунистические определения	Пункты сборов					
	Гараджа	Гараджа-1	Гараджа-3	Гараджа-6	Гараджа-7	Итого
Слон южный (*Archidiskodon meridionalis*)	1	–	–	–	–	1
Слон (*Archidis-kodon* sp.)	16	1	–	–	–	17
Носорог Мерка (*Diceros merki*)	1	–	–	–	–	1
Благородный олень (*Cervus elaphus*)	3	4	1	–	1	9
Мелкий олень	1	–	–	–	–	1
Лошадь	1	–	–	–	–	1
Птицы	–	–	1	–	–	1
Капролиты копытных (*Cervus* sp.)	5	–	–	–	–	5
Неопределимые фрагменты костей	4	14	3	1	–	22
Неопределимые капролиты	2	–	–	–	–	2
Всего	34	19	5	1	1	60

Обращает на себя внимание неравномерность в распределении находок: как и в случае с артефактами наибольше количество фауны дали пункты Гараджа и Гараджа-1. Благородный олень во всех пунктах сборов представлен фрагментами рогов. Как уже отмечалось выше, непосредственно из отложений были извлечены верхняя челюсть слона и череп носорога. Таким образом, южный слон открывает (подстилает) стратиграфию нижней континентальной толщи, а носорог Мерка открывает (подстилает) стратиграфию верхней континентальной толщи (см. рис. 1, *2*).

Итак, стратиграфия отложений, распределение артефактов и фауны свидетельствуют в пользу двух разновременных комплексов находок. Можно предположить, что нижняя континентальная толща – это время конца апшеронского яруса, а верхняя континентальная толща – время начала бакинского яруса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гусейнов М.М. Древний палеолит Азербайджана. Баку: ТекНур, 2010. 220 с.

Деревянко А.П. Древнейшие миграции человека в Евразии в раннем палеолите. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. 232 с.

Кулаков С.А., Зейналов А.А. Первый топорик (hachereau sur éclat, flake cleaver) в ашеле Кавказа // Stratum plus. 2014. № 1. С. 17–27.

ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ КАМЕННОБАЛКОВСКАЯ КУЛЬТУРА СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПРИНЦИПЫ ВЫДЕЛЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ УРОВНЕ

© 2014 г. Н.Б. Леонова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва (nbleonova@gmail.com)

Ключевые слова: археологическая культура, инвентарь, тип памятника, комплексный анализ, палеоэкология.

Резюме. В докладе рассматриваются вопросы, связанные с процессом выделения археологических культур верхнего палеолита на современном уровне. Выделяется ряд проблем, и предлагаются подходы, могущие помочь их решению.

Предвосхищая последующую характеристику верхнепалеолитической каменнобалковской культуры, следует сказать несколько слов об общих проблемах культуровыделения в современной археологии каменного века. Первая и основная трудность заключается в том, что, являясь одним из важнейших понятий в археологии, этот термин до сих пор не имеет точного определения. Несомненно, что все в той или иной мере согласны с тем, что «это такая совокупность материалов (комплексов и отдельных находок) одного или, чаще, множества памятников, которая, с одной стороны, характеризуется внутренней однородностью, а с другой – заметно отличается по характеру и составу представленных в ней видов артефактов от комплексов, не включаемых в нее. Иногда археологические культуры могут в той или мере отражать определенные культурные традиции минувших эпох, иногда (и чаще) это всего лишь условные единицы деления археологического материала, границы которых определены пробелами в наших познаниях, геологической летописи и т.д.» (Археология…, 2008).

Проблемы, связанные с культуровыделением, очень полно отражены в истории отечественной археологии. Яркая и очень интересная дискуссия 50-х гг., отраженная в работах С.Н. Замятнина (1951), А.Н. Рогачева (1957), который разрешил нам не ходить по ступеням «стадиальной лестницы», А.А. Формозова (1959) актуальна до сих пор. При этом мы понимаем, что очень многое при подходе к выделению культуры как некоего особого феномена и локуса сильно изменилось.

Так, например, при выделении каменнобалковской культуры во второй половине 60-х гг. ее исследователь М.Д. Гвоздовер (1964, 1967) очень убедительно показала сходство ее инвентаря с памятниками имеретинской культуры в Грузии. Дальнейшее исследование этих памятников показало ее правоту на гораздо более широких и объемных материалах (Амирханов, 1977; 1995; Леонова и др., 2006). Однако она была убеждена, что большинство материалов в позднем палеолите не позволяют связать вид культуры с формами хозяйства и определенными условиями природной среды, какой-то специализацией охоты и пр. (Гвоздовер, 1967).

Прошло почти 50 лет исследований – и перед нами стоит все тот же вопрос: так что же мы выделяем и на каких основаниях объединяем выделенные единицы анализа в некие единства?

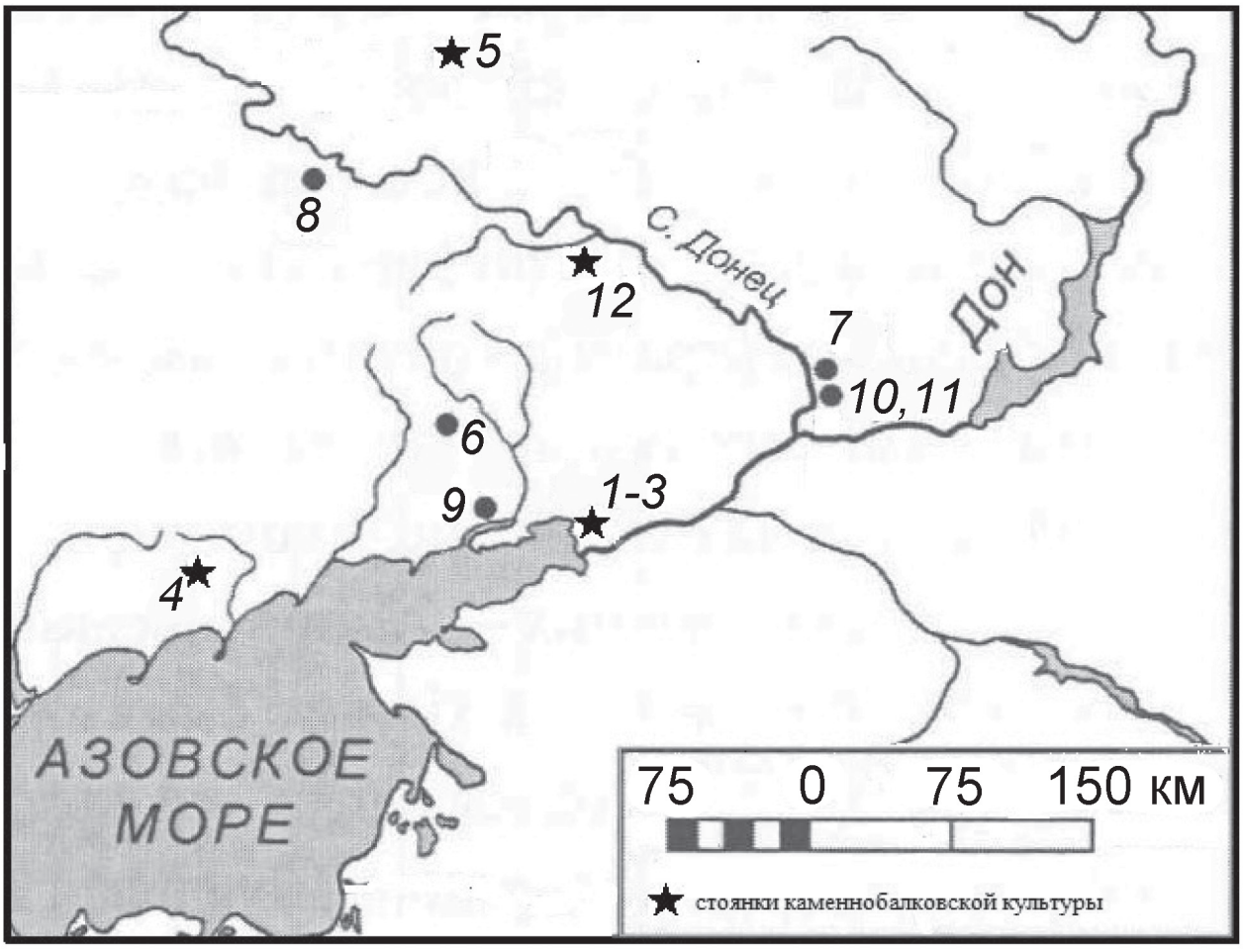
С одной стороны, теперь мы знаем гораздо больше об условиях окружающей природной среды, о возможностях и системах природопользования, составе и использовании охотничьей добычи, путях получения и использования сырья, устройстве поселений, имеем данные абсолютного датирования. В результате чего можем анализировать гораздо более

широкие и объемные материалы, которые позволяют значительно глубже проникать в процесс выявления сходств и различий между отдельными памятниками, областями их распространения, регионами и т.п. С другой – отсутствие корректных дефиниций позволяет авторам выделять «археологические культуры» по материалам одного памятника (раскопанного на малой площади), не задумываясь о его хозяйственном типе, природном окружении и прочих, весьма важных, деталях.

Возвращаясь в проблеме выделения и определения места расположения памятников каменнобалковской культуры, следует сказать, что получены убедительные данные о дальнейшем продвижении носителей этой культурной (технологической) традиции на запад-юго-запад: Федоровка на побережье Азовского моря, Янисоль, Ямы в Севером Приазовье (Кротова, 1986; 2013) (см. *рисунок*). С другой стороны, исследования Переднего Востока, Центрального и Северного Кавказа показывают еще большую и глубинную связь всех этих территорий (Амирханов, 1977, 1995; Леонова и др., 2006; Дороничева, 2013).

Но не следует забывать, что при перемещении человеческих коллективов на дальние расстояния и приспособлении к разным условиям окружающей среды многие характеристики материальной культуры должны были претерпевать определенные изменения, что и наблюдается в материалах конкретных памятников. Именно здесь и проявляется важность изучения палеоэкологии региона или района обитания. Знание условий обитания в самом широком спектре позволяет увидеть и объяснить эти изменения.

Кроме того, необычайно важно определить характер и хозяйственный тип памятника, который исследован. Охотничий лагерь и базовая стоянка могут дать абсолютно различный



Карта распространения памятников верхнего палеолита в Приазовье. *1–3* – Каменная Балка I–III; *4* – Федоровка; *5* – Ямы; *6* – Мураловка; *7* – Золотовка I; *8* – Яр; *9* – Амвросиевка; *10* – Бирючья балка-2; *11* – Бирючья балка-1а; *12* – Говоруха.

набор материальных предметов, которые могут повлиять на определение культурной принадлежности памятника.

Наличие или отсутствие выходов каменного сырья также может очень сильно влиять на характер каменной индустрии, способствуя либо сохранению традиций, либо определенным технологическим изменениям, связанным с экономией хорошего сырья.

И каким же способом мы, исследователи, можем получить качественные сведения о культурной принадлежности того или иного объекта?

Исключительно в результате проведения комплексных палеоэкологических исследований, которые включают, помимо собственно археологических, разнообразные естественно-научные исследования, показывающие, где и в каких условиях жили насельники этих районов, что могло быть их основными пищевыми и сырьевыми ресурсами и пр.

Что может быть основной источниковой базой для таких исследований? Только раскопки памятников широкими площадями и сбор всех соответствующих анализов для проведения естественно-научных исследований. Малая изученность площади памятника зачастую приводит к неверной его интерпретации.

При изучении развития той или иной культуры исследователь видит вариативность в исходном наборе инвентаря. Это вполне естественно, тому есть всегда естественные объяснения и причины. Например, стоянки Каменная Балка II и Третий Мыс разделяются интервалом где-то в 1500 лет. Естественно, что и в инвентаре, и в устройстве жизни на поселении наблюдаются изменения, но основной характер и поселения, и инвентарей остается похожим.

Я думаю, что на современном уровне развития палеолитоведения (и археологической науки вообще) вопросы о выделении культур, их вариантов, культурных областей должны решаться только после проведения достаточно подробных исследований памятников широкими площадями в совокупности с подробными палеоэкологическими исследованиями, включающими исследования климата, растительного покрова, животного мира, минеральных ресурсов и пр.

Мы – группа исследователей комплекса стоянок Каменной балки – постараемся показать, сколь разносторонними могут быть пути для выявления сходств и различий разнообразных археологических материалов, которые помогают осознанию и определению того, что может быть названо археологической культурой. Она действительно существует на определенной территории, ее развитие наблюдается и характеризуется определенными признаками, которые находят свое отражение не только в каменном инвентаре.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Амирханов Х.А. Верхний палеолит Северного Кавказа и его соотношение с верхним палеолитом смежных территорий: автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1977. 28 с.

Амирханов Х.А. Адаптация и некоторые аспекты культурогенеза (на примере голоценовых памятников Кавказа) // Археологические вести. 1995. № 4. С. 181–187.

Археология: Учебник / Под ред. В.Л. Янина. М.: Изд-во МГУ, 2008. С. 608.

Гвоздовер М.Д. Позднепалеолитические памятники Нижнего Дона // Борисковский П.И., Праслов Н.Д. Палеолит бассейна Днепра и Приазовья. М.; Л.: Наука, 1964. С. 37–41. (САИ; Вып. А1-5).

Гвоздовер М.Д. О культурной принадлежности позднепалеолитических памятников Нижнего Дона // ВА. 1967. Вып. 27. С. 82–103.

Дороничева Е.В. Сырьевые стратегии древнего человека в среднем и позднем палеолите на Северо-Западном Кавказе: автореф. дис. … канд. ист. наук. СПб., 2013. 26 с.

Замятнин С.Н. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода // Происхождение человека и древнее расселение человечества. М.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 89–152. (ТИЭ АН СССР; Т. 16).

Кротова А.А. Культурно-хронологическое членение позднепалеолитических памятников Юго-Восточной Украины // Неприна В.И., Зализняк Л.Л., Кротова А.А. Памятники каменного века левобережной Украины. Киев: Наук. думка, 1986. С. 6–73.

Кротова О.О. Пізднепалеолетичні мисливці Азово-Черноморских степів. Киев: Видавец О. Філдж, 2013. 420 с.

Леонова Н.Б., Несмеянов С.А., Виноградова Е.А., Воейкова О.Е., Гвоздовер М.Д., Миньков Е.В., Спиридонова Е.А., Сычева С.А. Палеоэкология

равнинного палеолита. М.: Науч. мир, 2006. 342 с.

Рогачев А.Н. Многослойные стоянки Костенковско-Борщевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине // Палеолит и неолит СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 9–134. (МИА; Т. 3, № 59).

Формозов А.А. Этнокультурные общности на территории СССР в каменном веке. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 126 с.

КУЛЬТУРНАЯ СТРАТИГРАФИЯ ГРАВЕТТА В КОСТЁНКОВСКО-БОРЩЕВСКОМ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОМ РАЙОНЕ НА ДОНУ[1]

© 2014 г. С.Н. Лисицын

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург (serglis@rambler.ru)

***Ключевые слова**:* граветт, каменный инвентарь, многослойные памятники, культурные группы, Костёнки.

Резюме. Костёнковско-Борщевский район сосредоточения местонахождений верхнего палеолита знаменит, прежде всего, памятниками восточного граветта типа Костёнок-1/I. В недавнее время здесь была изучена новая обособленная группа граветтийских комплексов. На основании типологических особенностей слои 1а и 1б стоянки Борщево-5 имеют аналоги в соседних памятниках Костёнки-9 и -4/I-II. Яркая черта всех этих комплексов – присутствие изделий из сланца, обработанных техникой шлифования. Представляется, что данная индустрия не имеет культурных связей с классическим восточным граветтом (костёнковско-авдеевская культура). По особенностям первичного расщепления, а также по типам орудий индустрия может быть охарактеризована как позднеграветтийская или ранняя эпиграветтийская. Культурные корни этой группы населения могут восходить к центральноевропейскому культурному контексту типа Миловице (верхний слой), представленному такими же ^{14}C-датировками и аналогичной каменной индустрией.

Со сравнительно узким хронологическим периодом средней поры верхнего палеолита связано появление и расцвет на территории Русской равнины памятников граветтийского технокомплекса. К общеграветтийским атрибутам могут быть отнесены: выраженный пластинчатый облик каменного инвентаря, дифференциация техники расщепления для получения заготовок орудий (пластин, микропластин), разнообразное применение техники резцового скола, появление стандартизованных остриев и вкладышей с притупленным краем и пластинчатых наконечников метательного вооружения.

Классификацию граветтийских комплексов центра Русской равнины по степени типологической близости каменного инвентаря ранее произвел Х.А. Амирханов. На кластерной дендрограмме, построенной им на основании характеристик ведущих типов орудий (наконечники с боковой выемкой, листовидные наконечники и ножи ко-

1 Работа выполнена в рамках проектов РГНФ № 13-01-00292а, 12-01-00345а и Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре».

стёнковского типа), памятники фактически сгруппировались попарно. Так, им были выделены костёнковско-авдеевская, хотылёвско-гагаринская, костёнковско-борщевская и костёнковско-александровская группы памятников. М.В. Аникович переосмыслил содержание понятия восточнограветтийское «культурное единство», разработанное ранее Г.П. Григорьевым, в контексте субпараллельного развития из одного дунайского корня двух вариантов граветта на Русской равнине: виллендорфско-костёнковско-зарайского и павловско-хотылёвско-гагаринского – в общих хронологических пределах 24–16 тыс. л.н. При этом им было дополнительно обосновано существование на Дону аносовско-гмелинской археологической культуры (Костёнки-11/II, -21/III, -5/III) с радиоуглеродными датировками 22–21 тыс. л.н. К поздним граветтоидным памятникам с выраженными ориньякскими чертами были отнесены Костёнки-4/I, -9 и Борщево-5/I. Особняком, согласно М.В. Аниковичу, стоят также позднеграветтийский комплекс Костёнки-4/II и раннеграветтийский Костёнки-8/II. Последний традиционно считается наиболее древним памятником с аналогами в средиземноморским граветте типа Пагличчи, однако он также получил недавно серию омоложенных датировок 23–25 тыс. л.н., что фактически исключает его из раннего граветта.

Таким образом, вариабельность граветта является в настоящее время наиболее сложным вопросом, не имеющим однозначного решения. Фактически, восточный граветт стал аршином, с помощью которого в традиции отечественной историографии и оказался измерен весь граветтийский эпизод. Менее явная картина реконструируется для других групп граветтийского населения. Широкий географический разброс памятников граветта на территории Русской равнины имеет одно единственное исключение: Костёнковско-Борщевский район (КБР) сосредоточения памятников верхнего палеолита на Дону. Поэтому данный район может претендовать на статус полигона, где культурная стратиграфия граветта демонстрирует возможность систематизации сразу нескольких компактных групп памятников. Регион тем более важен, что типологические особенности каменного инвентаря памятников, раскопанных здесь на широкой площади, могут отражать не только культурную специфику, но и функциональные и иные особенности вариабельности комплексов.

Многообразие памятников граветта в КБР имеет следствием проблему поиска внешних аналогов. За исключением достоверно восточнограветтийских комплексов (Костёнки-1/I, -13, -18, -14/I), давно встроенных в общеевропейский культурный контекст, остальные костёнковские «граветтоидные» комплексы остаются, по сути, локальными. Следует отметить, что присутствие типологически специфических изделий в культурных слоях памятников КБР, на которые редко обращают внимание, свидетельствует о том, что культурная монолитность выделенных ранее комплексов нуждается в серьезной источниковедческой верификации. Например, в Костёнках-8/II присутствует резко выделяющееся на фоне миниатюрного граветтийского инвентаря изделие типа рабо, а также костяные изделия городцовского облика. В граветтийском по облику комплексе Костёнки-11/III присутствует стрелецкий наконечник, а в типичном костёнковско-авдеевском инвентаре Костёнок-14/I – ланцетовидное острие аносовского типа. Аналогичное изделие выпадает из контекста замятнинской археологической культуры на стоянке Костёнки-2, точно также как и единичные микропластинки с притупленным краем, в целом не характерные для замятнинской индустрии на Костёнках-19. В поздневалдайском по возрасту и типологическому облику комплексе Борщево-1 чужеродными выглядят мелкие наконечники с боковой выемкой гмелинского облика. В нижнем культурном слое на самой Гмелинской стоянке (Костёнки-21/III) микролитоидный граветтийский инвентарь южного жилого комплекса резко контрастирует с остальной крупнопластинчатой коллекцией, которая имеет параллели в Аносовке (Костёнки-11/II).

Наиболее выпукло проблема разделения разнокультурных и/или разновременных материалов стоит для двухслойной стоянки Костёнки-4, учитывая, что смежные ^{14}C-датировки 22 и 23 тыс. л.н. получены без привязки к культурным слоям I или II. Поми-

мо крупных бифасиальных наконечников копий, возможно находящих аналоги в материалах эпохи бронзы, которые представлены на памятнике многочисленными фрагментами керамики, а также ямами, впущенными в палеолитический слой, имеются примеры находок типов изделий, характерных для слоя II на уровне культурного слоя I памятника и, аналогичным образом, – орудий нижнего в верхнем слое (особенно в Северном пункте). На большей части памятника материалы фактически были стратиграфически нерасчленимы: оба культурных слоя со слабо углубленными жилищами разных типов оказались наложены друг на друга, за исключением двух участков, где А.Н. Рогачев проследил разделяющую их тонкую прослойку суглинка.

Разделение инвентаря на два культурных слоя проводилось после окончания раскопок Костёнок-4 в камеральных условиях, поэтому чистота каждого из них относительна. Например, это заметно при сопоставлении опубликованных А.Н. Рогачевым данных. При четырехкратно различающемся статистическом весе коллекций верхнего (14,5 тыс. предметов) и нижнего (~60 тыс. предметов) культурных слоев, бросаются в глаза их непропорциональные категориальные соотношения. Так, для слоя I Костёнок-4 количество резцов (260 экз.) в 1,5 раза превышает их количество для слоя II (158 экз.). А число скребков (76 экз.), напротив, уступает почти в три раза (212 экз.). Все без исключения микропластинки и микроострия с ретушью (404 экз.) отнесены к верхнему слою, а пластинки и острия с притупленным краем (2 604 экз.), как и долотовидные орудия (1 210 экз.), – только к нижнему. Во времена раскопок А.Н. Рогачева на Костёнках-4 (1937–1938 гг.) наличие нескольких культурных слоев на памятнике само по себе было открытием, позволявшим строить периодизацию костёнковского палеолита на надежных стратиграфических и археологических основаниях. Александровская стоянка явилась одним из основных памятников, на материалах которой А.Н. Рогачев подвергал сомнению стадиальную теорию П.П. Ефименко и разрабатывал новаторскую концепцию археологических культур палеолита. Вместе с тем тогда не были еще известны случаи выделения однокультурных слоев на одном памятнике. Теперь таковые, благодаря дальнейшему углублению методики раскопок (заложенной собственно П.П. Ефименко и А.Н. Рогачевым), известны, например, в Зарайске, Пушкарях, Юдиново, Гонцах, Борщево-5, Каменной Балке и на других стоянках. Таким образом, оба культурных слоя Костёнок-4 в совокупности, скорее всего, относятся к единому граветтийскому комплексу. Это единственное объяснение, которое устраняет отмеченные диспропорции инвентаря на категориальном уровне, приближая состав коллекции к обычному показателю распределения орудий на граветтийских памятниках.

В таком случае для Костёнок-4, как единого комплекса, обнаруживаются полноценные аналоги в других памятниках КБР, в частности, в материалах Борщево-5/I и Костёнок-9, выглядящих почти полными типологически двойниками (фактически однокультурными). В Борщево-5 граветтийский культурный слой состоит из двух слоев Iа и Iб, точно так же не всегда стратиграфически четко отделенных один от другого. Для верхнего слоя Костёнок-4 в данной индустрии находят соответствие такие типологические маркеры, как микроострия с вентральным оформлением основания, крупные листовидные острия на пластинах, в т.ч. александровского типа (острия-резцы), а также шлифованные предметы из сланца (в т.ч. двояковыпуклые диски в Борщево-5 и в Костёнках-9). В нижнем культурном слое Костёнок-4 обращают на себя внимание аналогичные долотовидные изделия (в т.ч. на пластинках) и микропластинки с притупленным краем (острия и четырехугольники). Особняком стоят ассиметричные треугольники, а также притупленные пластинки с пильчатым краем из Костёнок-4/II. Такие предметы, вместе со шлифованными формами Костёнок-4/I, полностью вписываются в характеристики павловской индустрии, что позволяет наметить внешние аналоги данным материалам уже за пределами КБР – в Центральной Европе.

Наиболее перспективным в плане типологических аналогий представляется сопоставление комплексов типа Борщево-5/I, Костёнок-9 и -4/I-II с хронологически наиболее поздним граветтийским комплексом в павловской последовательности – стоянкой

Миловице в Моравии. Верхний культурный слой Миловице, датированный по ^{14}C от 25,9 до 17,5 тыс. л.н. с основной группировкой дат в пределах 22–24 тыс. л.н., дает полный типологический набор, характерный для Борщево-5, Костёнок-4 и -9, включая и предметы со шлифовкой. Аналоги прослеживаются и на других территориально намного более близких, но не столь ярких памятниках, которые считаются переходными от граветта к эпиграветту. Например, восточнословацкая стоянка Кашов имеет два культурных слоя с почти идентичным набором типов орудий. По верхнему культурному слою Кашова имеется радиоуглеродная дата 18 600±390 л.н., и он относится к эпиграветту, а нижний с датой 20 700±350 л.н. – к финальному граветту. В Сербии переходный от граветта к эпиграветту комплекс, вероятно, представлен 4-м культурным слоем пещерного памятника Салитрена Печина. Таким образом, на территории КБР, где ранее была известна лишь одна культурно монолитная группа граветта (костёнковско-авдеевская, она же восточнограветтийская) в окружении не находящих аналогов за пределами региона граветтоидных комплексов, на настоящем этапе исследований может быть предварительно обоснован еще один вариант позднего граветта или раннего эпиграветта центральноевропейского облика. Хронологическое соотношение группы данных комплексов с восточным граветтом в КБР, за неимением памятников, на которых такая последовательность была бы зафиксирована, нуждается в дополнительном исследовании.

КАМЕННЫЙ ИНВЕНТАРЬ ВЕРХНЕГО СЛОЯ КАМЕННОЙ БАЛКИ II: ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

© 2014 г. С.П. Медведев

НИИ и Музей антропологии Московского государственного университета им. Ломоносова, Москва
(stas-roi@mail.ru)

Ключевые слова: верхний палеолит, Каменная Балка, каменнобалковская культура, кремневый инвентарь, типология.

Резюме. Анализ морфологии основных категорий кремневого инвентаря из верхнего слоя Каменной Балки II подтвердил его отношение к каменнобалковской культуре. Были прослежены все типичные группы орудий. Имеются отдельные отличия в доле содержания некоторых категорий орудий от других однокультурных памятников. Выделены характерные для верхнего слоя типы орудий.

Верхний культурный слой представляет самое молодое поселение на многослойной позднепалеолитической стоянке Каменная Балка II. В литературе он упоминается как первый слой или верхний горизонт находок. Впервые был выделен М.Д. Гвоздовер в 1965 г. Он приурочен к нижней половине буровато-палевого лессовидного суглинка наиболее поздней плейстоценовой литологической пачки, выделяемой на стоянке. К сожалению, из-за низкого содержания в слое угля и фаунистических остатков не получилось собрать образцы, достаточные для абсолютного датирования. По данным геолого-геоморфологических, палеопедологических и палеоботанических исследований, верхний культурный слой можно отнести к временному интервалу около 13,5–12,0 тыс. л.н.

В результате исследования микростратиграфии залегания находок верхнего культурного слоя нами были подтверждены его самостоятельный характер в качестве отдельной

стратиграфической единицы и достаточно гомогенное залегание находок на участках скоплений. На основе пространственных координат находок была реконструирована поверхность залегания слоя (Медведев, 2012а, б).

Находки верхнего слоя распространяются на большую часть раскопанной площади стоянки. На данный момент это 1 800 из примерно 2 500 кв.м. Кремневый инвентарь распределяется неравномерно, образуя скопления находок в центральной, южной и юго-западной частях стоянки. В целом, верхний слой, по сравнению с основным, беден находками. В нем не прослежено остатков строительных конструкций, очагов и мало фаунистических находок. Поэтому основными структурными элементами на стоянке являются скопления кремня.

Коллекция кремневых артефактов верхнего культурного слоя насчитывает около 8 400 предметов. В ней представлен полный цикл обработки кремня от оформления нуклеусов до изготовления орудий, присутствуют следы их утилизации и подправки. Доля орудий относительно общего количества находок достаточно высока – 11,6%, что немного превышает подобный показатель для основного слоя (6–8%). Среди орудий представлены все категории, характерные для каменнобалковской культуры. Наиболее часто встречаются резцы (23,8%) и скребки (18,5%), пластинчатые сколы с участками ретуши (15,2%) и микропластинки с притупленным краем (далее МППК) – 10,7%. Дальше следуют зубчато-выемчатые формы (7,3%), отщепы с ретушью (6,8%), тронке (3,2%). Мало (по 2%) остриев, проколок, комбинированных орудий, стамесок.

Можно проследить различия с основным культурным слоем в процентном содержании некоторых категорий орудий. В верхнем слое содержится относительно больше скребков и пластинчатых сколов с ретушью и значительно меньше МППК, в то время как это самая распространенная категория в основном слое.

Резцы (см. *рисунок,8 , 9, 10*) по технике оформления рабочей кромки делятся на три основные группы: ретушные (56%), резцы на углу заготовки (24%) и двугранные (17%). Среди ретушных преобладают скошенные формы (75%). В качестве заготовок для них преимущественно использовались пластины и пластинки (до 67% от всех заготовок).

Встречаются орудия, оформленные плоским резцовым сколом. В целом же резцы верхнего слоя не отличаются от аналогичных орудий из других памятников каменнобалковской культуры.

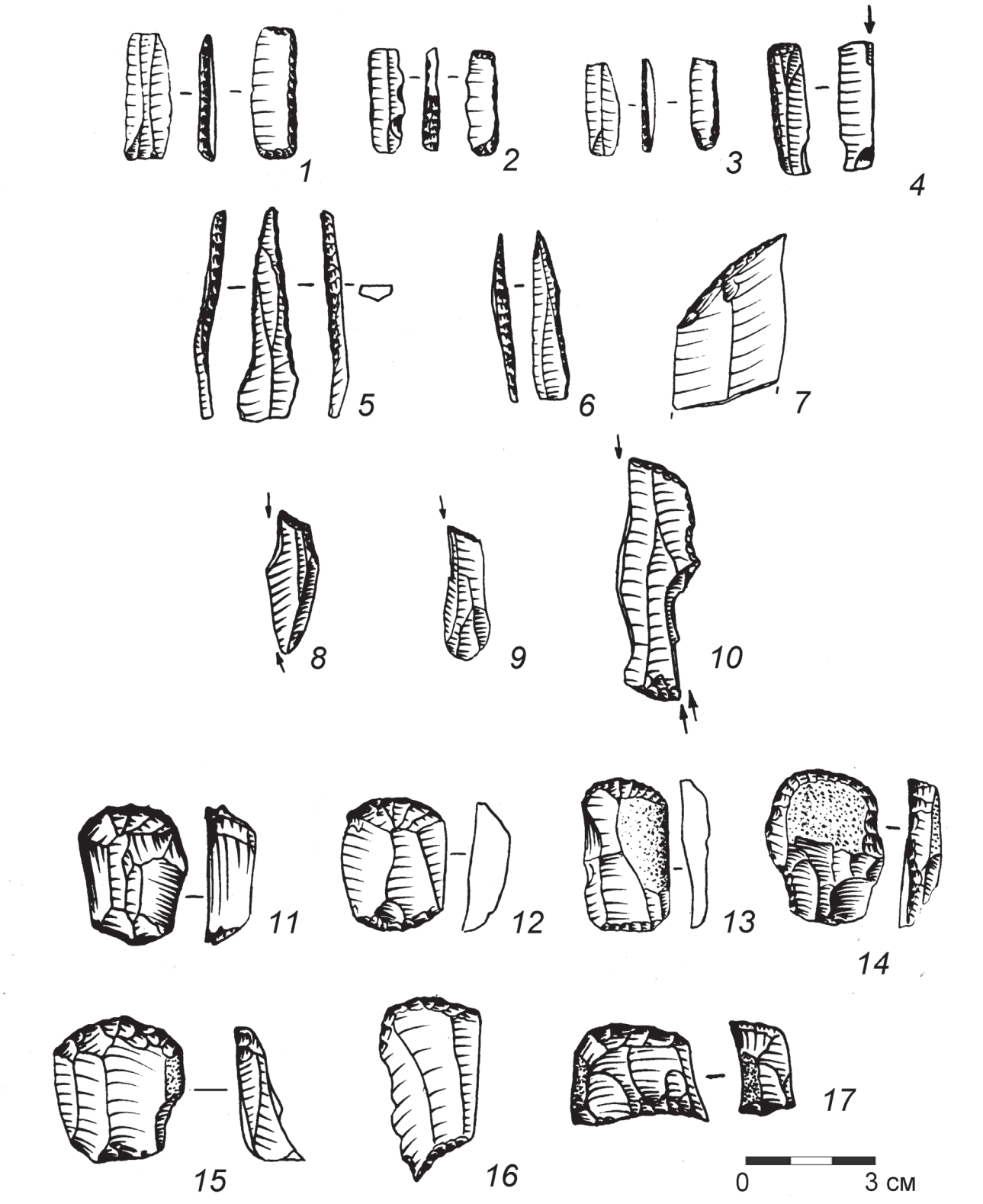
Скребки (см. *рисунок,11–17*) – вторая по численности категория орудий. В свое время М.Д. Гвоздовер для сравнения с другими памятниками каменнобалковской культуры была рассмотрена небольшая выборка скребков верхнего слоя. Она отмечала неустойчивость форм орудий. Около 30% заготовок имели «случайную» форму (аморфные отщепы, первичные сколы и сколы подправки нуклеусов). Были представлены далеко не все устойчивые разновидности форм, выделенные ею для культуры в целом (Гвоздовер, Деопик, 1984).

С увеличением выборки орудий, с одной стороны, были подтверждены некоторые из ее наблюдений, а с другой – было расширено разнообразие форм скребков.

Преобладают концевые скребки (до 97%). В качестве заготовок использовались отщепы (24%), сколы оживления (17%) и пластинчатые сколы (14%). Можно отметить, что почти в трети случаев на орудии присутствует меловая корка. В 45% случаев сложно достоверно установить параметры первоначальной заготовки. Малая длина предмета не позволяет определить, относилась ли заготовка к отщепам или пластинам. В процессе утилизации, в результате нескольких подправок, корпус скребка мог стать существенно короче.

Среди устойчивых разновидностей форм больше всего скребков «вытянутых» пропорций (59%). К ним относятся орудия, различные по своим размерам. Как правило, они изготовлены на удлиненных заготовках: пластинах, пластинчатых отщепах или сколах оживления нуклеуса. Представлены обе морфологические группы: скребки с видимым схождением краев к основанию и без видимого схождения. Отсутствуют скребки с крутой ретушью по краю, характерные для основного слоя Каменной Балки II.

Достаточно много скребков укороченных пропорций (41%). Этот высокий процент от-



Орудия верхнего культурного слоя Каменной Балки II. *1* – пластинка с притупленным краем; *2–4*–микропластинки с притупленным краем; *5–7*– острия; *8, 9* – резцы; *10* – двойной резец; *11–15, 17*– скребки; *16*– комбинированное орудие (скребок-острие).

личает скребки верхнего слоя Каменной Балки II от других памятников культуры.

Кроме того, встречаются двойные скребки. Это орудия укороченных или близких к ним пропорций, где рабочие кромки располагаются на противоположных концах заготовки.

К категории МППК (см. *рисунок, 1–4*) относятся микропластинки или пластинки, один край которых притуплен отвесной или крутой ретушью. Они широко встречаются во всех культурных слоях памятников каменнобалковской культуры. М.Д. Гвоздовер выделила и основные формы этих орудий, встречаемых на памятниках Каменной Балки (Гвоздовер и др., 1974). В микролитическом инвентаре верхнего слоя встречаются почти все эти формы. Однако мало четко выраженных форм, больше переходных вариантов от одного к другому.

Достаточно много целых орудий (58%). Один край заготовки всегда целиком обработан отвесной, реже крутой ретушью. Второй край, дистальный и проксимальный концы тоже ретушировались в 60–70% случаев. Отличительной чертой для предметов из верхнего слоя является широкое применение вентральной ретуши (от 33 до 59% случаев) для оформления разных конструктивных элементов орудия.

Можно выделить форму МППК, характерную для верхнего слоя (см. *рисунок, 1–3*). Это относительно крупныемикроорудия. Первый продольный край обычно прямой, сформированный вентральной ретушью. Второй – выпуклый, часто встречается небольшой участок вентральной полукрутой ретуши в проксимальной части МППК. Дистальный конец, прямой или немного скошенный, обработан вентральной крутой ретушью. Проксимальный конец либо срезался подтеской с вентральной стороны, либо оставлялся необработанным.

Острия (см. *рисунок, 5–7*) относительно малочисленны на памятнике. Чаще всего они выполнены на дистальном конце пластинчатой заготовки. Могут быть сформированы ретушью одного или двух обработанных краев. Есть группа острев, близкая по технике изготовления к категории МППК (см. *рисунок, 6*). У них один край полностью обработан отвесной притупливающей ретушью, со второго края небольшой участок крутой ретуши, оформляющей кончик орудия. Дистальный конец точечный. Проксимальный конец необработан, либо обработан вентральной подтеской. Подобные предметы встречаются на граветтийских памятниках.

В кремневом инвентаре верхнего слоя Каменной Балки II встречаются все типичные для каменнобалковской культуры группы орудий. Кроме сходных черт, были прослежены различия, которые выразились в несколько отличном от других памятников Каменной Балки составе орудий. Надо отметить более высокую долю содержания скребков и низкую МППК. Это может указывать на иную хозяйственную специализацию на территории стоянки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гвоздовер М.Д., Григорьев Г.П., Деопик Д.В., Леонова Н.Б. Морфологическое описание пластинок с притупленным краем и статистический анализ их совокупности на этой основе // Древняя история народов юга Восточной Сибири.Вып. I. Иркутск: Изд-во Иркут.гос. ун-та, 1974. С. 7–59.

Гвоздовер М.Д., Деопик Д.В. Опыт классификации каменных орудий (на материалах верхнепалеолитических скребков) // Типология основных элементов традиционной культуры. М.: Наука, 1984. С.115–120.

Медведев С.П. Использование палеорельефа на верхнепалеолитической стоянке Каменная Балка II (верхний слой) // Проблемы локальной палеоэкологии стоянок открытого типа на примере комплекса стоянок Каменная Балка в Северном Приазовье / под ред. Н.Б. Леоновой, С.А. Несмеянова. М., 2012а.С. 59–64.(Палеоэкология и региональная геология палеолита;Вып. А2(2)).

*Медведев С.П.*Планиграфический анализ кремневого инвентаря верхнего культурного слоя стоянки каменная Балка II // РА. 2012б. №2. С.60–66.

СРЕДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ АЛТАЯ ПО ДАННЫМ ЭВОЛЮЦИОННОЙ АНТРОПОЛОГИИ[1]

© 2014 г. М.Б. Медникова

Институт археологии РАН, Москва

(medma_pa@mail.ru)

Ключевые слова: Алтай, денисовцы, неандертальцы, сапиенсы, археология,палеогенетика, антропология.

Резюме. Главным открытием в области эволюционной антропологии последних лет стало обнаружение реликтового, ранее неизвестного человечества в результате раскопок Денисовой пещеры на Алтае. Палеогенетическими исследованиями установлено, что линия денисовцев отделилась от общего ствола неандертальцев и современных людей около 1 млн л.н. и ранее могла иметь широкое распространение. Гипотеза о весьма широком ареале денисовцев в Азии подтвердилась после того, как их генетическое наследие было выявлено в 33 других современных популяциях из Азии и Океании. Но 50–40 тыс. л.н. денисовцы были не единственными обитателями Южной Сибири. Археологическими, генетическими, антропологическими исследованиями установлено, что в этот период на Алтай проникают неандертальцы, следы которых в настоящий момент фиксируются в трех местонахождениях, включая саму Денисову пещеру. В этот же период в азиатской части континента обнаружены находки представителей современного человека (Усть-Ишим и Тяньюань).

Главным открытием последних лет стало обнаружение реликтового, ранее неизвестного человечества. Принадлежавшая девочке концевая фаланга мизинца кисти из слоя 11 Денисовой пещеры на Алтае стала источником для выделения митохондриальной палеоДНК. В этом исследовании обнаружилось, что алтайский гоминин демонстрирует почти в два раза больше отличий от современного человека, чем неандертальцы. Филогенетический анализ свидетельствовал, что эта линия отделилась от общего ствола неандертальцев и современных людей гораздо раньше – примерно 1 млн л.н. (или, если быть точными, 779 300–1 313 500 л.н.).

Обладатель мужского зуба, найденного позднее в слоях Денисовой пещеры, имел митохондриальный геном, очень похожий на тот, что исследован у девочки. Расшифровка ядерной ДНК этого человека позволила скорректировать выводы: данная группа гоминин разделяла общего предка с неандертальцами, дивергировав около 600 тыс. л.н., после чего история этой популяции развивалась независимо. Денисовцы получили устойчивое наименование, правда, не обрамленное линнеевской номенклатурой, поскольку сейчас говорить о ранге этого таксона было бы преждевременно, как, собственно, и о ранге неандертальцев. Самым поразительным результатом стала констатация присутствия денисовских генов у современных жителей Меланезии. Следовательно, сапиентные предки последних в какой-то момент вступили в генетический контакт с денисовцами, и вряд ли это случилось в Южной Сибири.

Гипотеза о весьма широком ареале денисовцев в Азии подтвердилась после того, как их генетическое наследие было выявлено в 33 других современных популяциях из Азии и Океании. К потомкам денисовцев принадлежат австралийские аборигены, полинезийцы, жители о. Фиджи, восточные индонезийцы, одна из групп негритос (Маманва с Филиппин). Эти данные были восприняты как доказательство потока генов от денисовцев к общим предкам аборигенов Новой Гвинеи, австралийцев и Маманва. В то же время боль-

1 Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 13-06-1224.

шинство современных восточноазиатских народов не имеют денисовского наследия, и это значит, что их предки могли заселить эту территорию позднее. Исследователи приходят к выводу, что денисовцы имели исключительно широкое географическое распространение от Сибири до тропической Азии.

В другом модельном исследовании был сделан аналогичный вывод: подтверждено смешение денисовцев (или, скорее, родственных им групп) и предков современных жителей Восточной Азии.

Пока трудно оценить все возможные последствия гибридизации древних сапиенсов с азиатскими обладателями реликтового генома. Но, в частности, П. Пэрэм и большая группа соавторов, исследуя человеческую лейкоцитарную систему антигенов (HLA), описали редкий вариант B-73. У денисовской девочки на соответствующем участке 6 хромосомы имелось два аналогичных варианта. Из этого был сделан вывод, что за пределами Африки адаптивная интрогрессия архаических аллелей могла оказать существенное влияние на иммунную систему современного человека.

50–40 тыс. л.н. денисовцы были не единственными обитателями Южной Сибири. Благодаря археологическим, палеогенетическим и морфологическим исследованиям материалов из пещер Окладникова и Чагырской факт заселения неандертальцами Горного Алтая можно считать доказанным.

Так, Чагырская пещера в Горном Алтае – недавно открытый, но активно исследуемый археологический памятник, в слоях которого обнаружена мустьероидная индустрия. Благодаря размерам, пропорциям, присутствию характерной патологии, маркерам типичной двигательной активности обнаруженной здесь левой локтевой кости, сделан вывод о ее возможной принадлежности неандертальцу. Это был крупный вариант строения, присущий, в частности, некоторым ближневосточным неандертальцам мужского пола. С неандертальцами человека из Чагырской пещеры роднит и вероятная предрасположенность к болезни Форестье.

Возникал закономерный вопрос: если выявлены результаты генетических контактов анатомически современного и денисовского населения, нельзя ли предположить возможность аналогичной гибридизации денисовцев с неандертальцами в контактной зоне Южной Сибири около 40 тыс. л.н.? В частности, это могло бы объяснить присутствие отдельных, более архаических особенностей у неандертальцев из пещеры Окладникова.

Гипотетическая возможность гибридизации двух архаических ветвей человечества нашла свое подтверждение после изучения мтДНК неандертальской женщины из Денисовой пещеры. Ранее проксимальная фаланга стопы, из которой выделена эта ДНК, была идентифицирована морфологическими методами как близкая неандертальцам. Как оказалось, неандертальцы и денисовцы сосуществовали не только в пределах Алтая, но даже обитали в одной пещере.

Кроме того, исследование высококачественной ДНК, экстрагированной из этой проксимальной фаланги, способствовало выявлению у некоторой части современных людей реликтового гаплотипа, ответственного за развитие диабета второго типа. Доказывается, что произошла интрогрессия этогогенапри гибридизации неандертальцев и сапиенсов.

Монография, посвященная находке скелета Тяньюань, обстоятельно описывала особенности этого человека с анатомических позиций. В небольшой пещере в 6 км от всемирно известного местонахождения 1 Чжоукоудянь в 2001 г. были обнаружены останки индивидуума, по данным прямого радиоуглеродного датирования, скончавшегося около 40 тыс. л.н. Исследователи находки классифицируют ее как раннего современного человека, в частности, благодаря строению нижней челюсти, трубчатых костей верхней и нижней конечностей, лопатки, таранной кости. Впрочем, «останки Тяньюань 1 лучше всего определяются как современные, но не целиком». По сочетанию некоторых признаков в строении кисти китайский человек располагается в неандертальском поле значений.

Поэтому большой интерес вновь привлекают результаты экстракции ДНК, выполненной на базе лаборатории Института Макса Планка в Лейпциге. Так, митохондриальная ДНК человека из Тяньюань оказалась в пределах вариаций мтДНК современного человека. Мало того, благодаря четырем заменам нуклеотид-

ных последовательностей она представляет вариант, являющийся предковым для современных носителей гаплогруппы B, древность которой в предшествующих модельных исследованиях оценивалась около 50 тыс. л.н. Радиоуглеродная датировка тяньюаньского скелета сопоставима с этой датой, полученной в результате моделирования. МтДНК гаплогруппы B сегодня присутствует у индейцев, в аборигенных популяциях Дальнего Востока, Центральной Азии, Кореи, Тайваня, Меланезии и Полинезии. Тяньюаньский человек, как обладатель потенциально предковой мтДНК, доказывает, по крайней мере, частичную преемственность части населения Земли (Азии, Америки, островов Тихого океана) от ранних сапиенсов.

В этом же исследовании строение хромосомы 21 тяньюаньского человека сопоставлялось с 11 современными группами и с денисовцем. Он отличается по 21 944–23 756 заменам от современных евразийцев, по 30 297–35 938 заменам – от африканцев и по 43 893 заменам – от денисовца. Т.е. человек из Тяньюань дальше всего от денисовца и ближе всего к современным людям за пределами Африки. Далее, среди евразийских популяций Тяньюань сближается с азиатским, а не с европейским населением.

Этот анализ продемонстрировал, что 6,7% 21-й хромосомы современных папуасов унаследовано от денисовцев, что подтвердило предыдущие оценки. Однако денисовское наследие у Тяньюань и у современных жителей Азиатского континента не столь значительно.

Сенсационной стала находка бедренной кости анатомически современного человека из Усть-Ишима, датируемая временем около 45 тыс. л.н. По словам проф. С. Паабо, присутствие неандертальской примеси у этого сапиенса выше, чем у современных людей, что свидетельствует в пользу относительно недавней гибридизации.

Таким образом, палеоантропологические находки последних лет на территории Сибири уже изменили и продолжают менять представления об этапах становления человечества. Очевидно, что в среднепалеолитическую эпоху здесь встречаются представители трех разных, давно дивергировавших таксонов – денисовцев, неандертальцев и сапиенсов. Возможно, результаты их контактов запечатлены в геноме современных людей.

Благодарности. Автор пользуется случаем принести глубокую благодарность академику А.П. Деревянко, д-ру ист. наук М.В. Шунькову и д-ру ист. наук С.В. Маркину за возможность работать с уникальными находками.

О ХАРАКТЕРИСТИКЕ КАМЕННОЙ ИНДУСТРИИ МАЛЬТЫ «КЛАССИЧЕСКОЙ» (ПО МАТЕРИАЛАМ СОБРАНИЯ ГИМ 1956–1958 ГОДОВ)

© 2014 г. М.Н. Мещерин

Институт археологии РАН, Москва
(mnm16@yandex.ru)

Ключевые слова: каменный инвентарь, сырье, палеотехнология, морфология, ориньяк, классическое звено верхнего палеолита, восточный граветт.

Резюме. Коллекции каменного инвентаря, обнаруженного в классическом слое стоянки Мальта (1956–1958 гг.), хранятся в фондах ГИМ. В музейной описи значатся 1 898 предметов, в числе которых изделия из кости и камня, фаунистические останки. Каменный инструментарий Мальты определяется исследователями как «сибирский вариант ориньяка» (Герасимов, 1958) или «классическое звено позднего палеолита Сибири» (Медведев, 1983). Технолого-морфологический анализ коллекции позволяет рассмотреть сочетание архаичных и инновационных элементов индустрии. Рассмотренная «гимовская» часть мальтинской коллекции каменного инструментария находит аналоги в известных комплексах средней стадии верхнего палеолита юга Сибири. Для данной коллекции характерно сочетание типичных для сибирских культур «архаических черт» – орудий из целых галек – с «ориньякскими» кареноидными формами, «восточнограветтскими» элементами в виде «притупленных пластинок» и разнообразных остриев.

На карте евразийского верхнего палеолита стоянка Мальта занимает одно из ключевых мест, поскольку представляет собой необычайно богатый комплекс свидетельств из прошлого. Трудами М.М. Герасимова и его коллег основные характеристики данного памятника стали хрестоматийными. Такие аспекты как планиграфическая структурированность и стратиграфия культурных образований, антропологическая принадлежность палеонаселения, предметы неутилитарного назначения и мобильного искусства являются объектами многолетних дискуссий и служат мотивами для общетеоретических разработок. Спорадически обсуждаются вопросы технолого-морфологической атрибуции каменной и костяной индустрии «классического» слоя Мальты. За время изучения на стоянке вскрыто не менее 1 500 кв.м и обнаружено, по разным подсчетам, от 12 до 15 тыс. артефактов.

С длительной историей изучения памятника (с 1928 г.) накапливались некоторые неблагоприятные факторы. В частности судьба распорядилась так, что к настоящему времени коллекции и полевые описи разных лет хранятся как минимум в пяти научных учреждениях трех городов России. Имеются данные, что унаследованный уровень музеефикации памятника не позволяет оперировать безупречными статистическими выкладками в отношении предметов «основного фонда» и, вероятно, в отношении мелкого массового материала (Кимура, 2003).

В «московский» период жизни М.М. Герасимова (1950-е – 1970 г.) археологические материалы, полученные в ходе раскопок Мальты 1956–1958 гг., были переданы в ГИМ (фонды № 1820, 1822, 1830, ГИМ[1]). В описи насчитывается 1 898 предметов, в числе которых значатся экземпляры, экспонируемые на выставке, массовый остеологический материал, прочие предметы, обнаруженные в слое, но не атрибутированные. Около 15% вещей, согласно описи, к настоящему времени частично или полностью депаспортизированы.

Набор каменного инструментария, хранящийся в собрании ГИМа, в целом соот-

1 Автор благодарит дирекцию ГИМ и сотрудников Отдела археологии за предоставленную возможность и содействие в работе с коллекцией Мальты.

ветствует общепринятым представлениям о памятнике. На протяжении длительного времени различные исследователи отмечают одни и те же ведущие морфологические типы и технологические модели. Определяющий облик индустрии соответствует «сибирскому варианту ориньяка» (Герасимов, 1958. С. 52) или «классическому звену позднего палеолита Сибири» (Медведев, 1983. С. 38–40). К сложившимся представлениям сложно добавить что-либо принципиально новое. Вместе с тем в многочисленной литературе, связанной с «мальтинским феноменом» и его окружением, наблюдаются определенные авторские разночтения различной степени значимости. Одной из важнейших тем дискуссии является сочетание архаичных и инновационных технолого-морфологических элементов индустрии.

Несмотря на обозначенные сложности в изучении Мальты, считаю целесообразным составление типолого-статистической картины материалов раскопок трех указанных сезонов (1956–1958 гг.), поскольку артефакты следуют в контексте определенных планиграфических структур – в виде реконструируемых жилищ, очагов и иных объектов хозяйственной активности (Герасимов, 1958). Весьма показательны соотношения мелких групп внутри основных категорий, которые демонстрируют нам частоту встречаемости тех или иных разновидностей изделий, олицетворяющих «культурные нормы».

На диаграмме (рис. 1) показано, что в составе коллекции довольно высокий процент сохранившейся кости млекопитающих, бивня и рога северного оленя. В списке суммированы готовые изделия из этих материалов, их обломки, заготовки и образцы остеологии без обработки. Безусловно преобладающим элементом является каменный инструментарий. В абсолютном большинстве случаев использовалась кремнистая разноцветная (от серовато-белой до сургучно-коричневой) мелкозернистая порода. Исходная форма чаще плитчатая или желвачная – слабоокатанная. Среди каменного инвентаря заметна группа немногочисленных специализированных изделий (отбойников и чопперов), выполненных из хорошо окатанных галек твердых пород – кварцита, андезита. Встреченные образцы из мягких минералов – песчаника, сланцев, кальцитов использовались как сырье для художественных поделок мелкой пластики, а при необходимых кондициях формы служили абразивными инструментами и ретушерами. В целом использование некремнистых пород в коллекции представлено не более чем на 10%.

Исходная форма сырья повлияла на технологию каменного производства. Технику расщепления характеризуют четыре варианта преформы (53 экз.) и 11 разновидностей нуклеусов (92 экз.). В коллекции фиксируются три типа отбойников (29 экз.). Нуклевидные формы (нуклеусы, преформы и узнаваемые обломки) в коллекции камня составляют чуть более 9%. Среди технических сколов практически не встречены «реберчатые пластины» первичных торцовых снятий. Зато нередки боковые и краевые сколы, связанные со сменой плоскостей скалывания на подъобъемных ядрищах. Скалывание было направлено на получение пластинчатого скола более или менее удлиненных пропорций, с параллельными краями и симметричной огранкой спинки. Практически каждый второй пластинчатый предмет имеет ретушь утилизации или специальное вторичное оформление. Рассматриваемая коллекция сколов согласуется с общепринятым представлением о мальтинской технологии как о технологии призматического скалывания с целью получения пластины: мелкой (1,5–3,0 см в длину и менее 0,7 см в ширину); средней (3–6 и 0,8–2,0 см соответственно) и крупной (7 см и более и 1,5 см и более).

Многообразие вторичной обработки, помимо краевого ретуширования дополняется мелким частичным фасиальным оформлением – уплощающей подтеской, вентральной плоской ретушью. К элементам интенсивной модификации изделий следует отнести фрагментирование (или использование прямоугольных сломанных пластин), а также усечение пластинчатой основы сломом или отвесной ретушью. Обращает на себя внимание минимальное присутствие приема «углового» резцового скола.

Орудия составляют 40% среди всего расщепленного камня (рис. 2). В категории ретушированных пластин основную массу со-

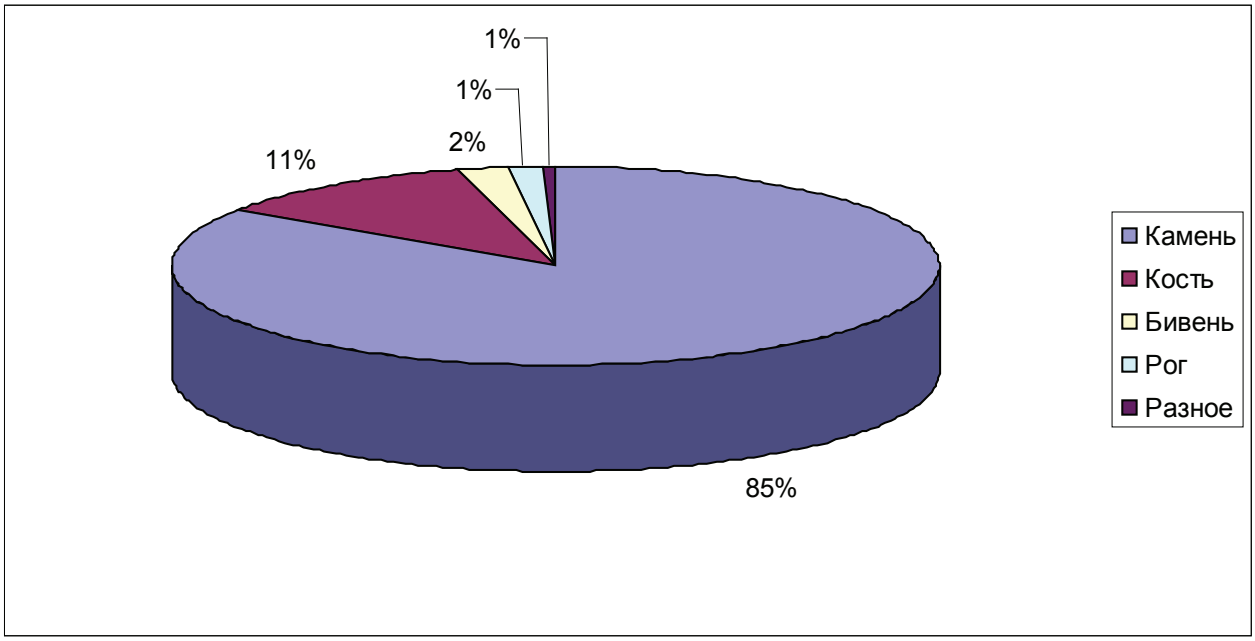


Рис. 1. Состав сырья для артефактов, встреченных в коллекции.
В группе «разное» приводятся экстраординарные образцы в виде кусочков «медной руды», полевого шпата, минеральной краски, не подлежащие серийному использованию.

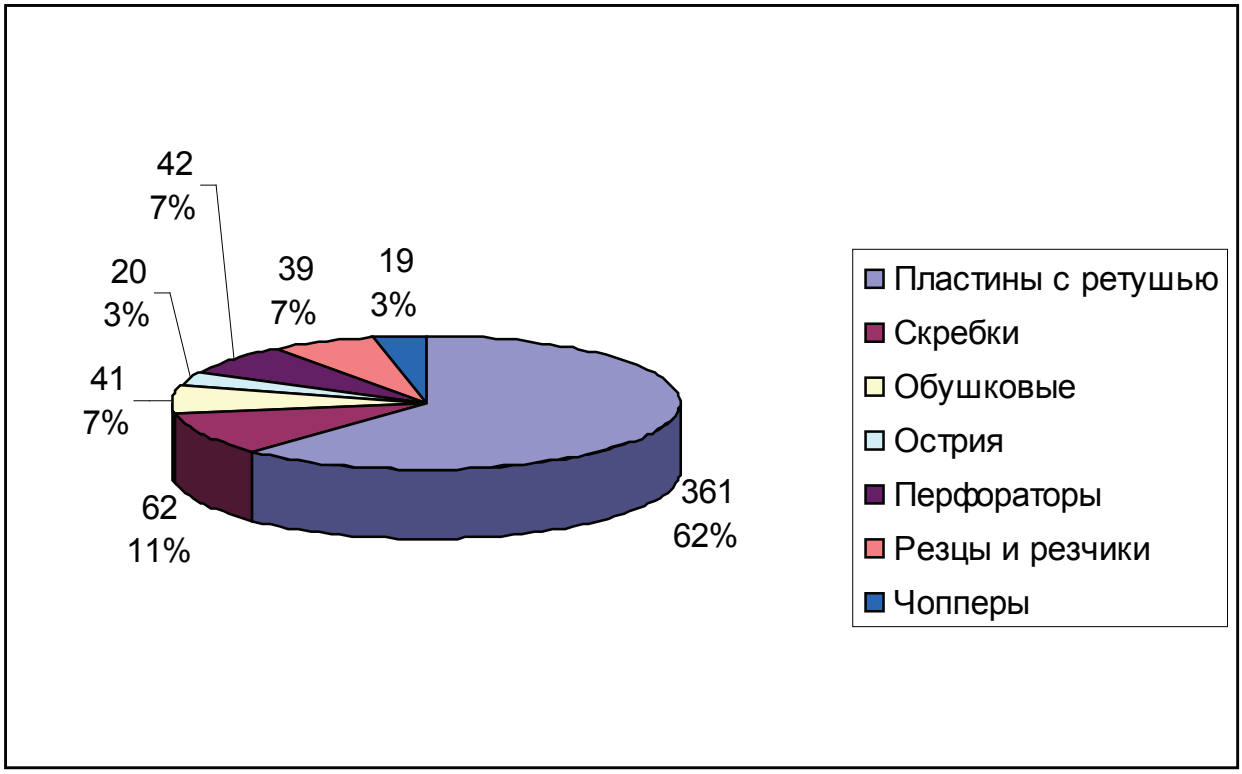


Рис. 2. Количественные и процентные показатели основных категорий орудий.

ставляют пластины (фрагменты) с крутой и полукрутой краевой ретушью («пластины с притупленным краем»), а также редкие пластины, оформленные дорсальной или вентральной уплощающей ретушью (подтеской) и мелким вентральным краевым ретушированием. Длина в среднем не менее 2 см и не более 6–7 см.

Среди скребков – преобладают концевые, в т.ч. с ретушированным продольным краем. Выразительны концевые скребки с асимметрично расположенным лезвием, иногда с шипом между продольной и поперечной плоскостью лезвия. Отдельно отмечаются скребки высокой формы, как узкие ладьевидные, так и с широким лезвием массивным лезвием (скребла). Складывается впечатление, что некоторые предметы данной группы следует отнести к заготовкам мелких «вторичных» нуклеусов. Фигурные, круговые и боковые скребки, а так же их комбинации с другими элементами орудий – частое явление.

Важным элементом обушковых изделий является наличие перпендикулярной грани расположенной по краю противоположному лезвию, сохранившему следы нерегулярной ретуши. Заготовки таких орудий, ассиметричные в сечении, получались в результате краевого скалывания, типичного для мальтинского расщепления. Вероятно, эта форма заготовки устойчиво использовалась в орудийной деятельности как альтернатива симметричной призматической пластине, на которой обушковую грань необходимо было оформлять отвесной притупляющей ретушью.

Острия отличаются морфологическим разнообразием. Три предмета, имеют форму близкую к наконечникам.

Перфораторы объединяют изделия, контуры которых имеют остроугольные очертания, оформленные за счет совмещенных выемок и выступающих меж ними частей – шипов. Почти половина изделий этой категории (19 экз.) имеет более удлиненное проникающее лезвие, полученное тонким краевым ретушированием остроугольной подосновы (проколки).

Резцы и резчики весьма самобытны. Типичные для верхнего палеолита «двугранные» резцы единичны. Оформление резцовых кромок осуществлялось преимущественно за счет плоского (продольного фасиального) скола или с использованием плоской краевой ретуши, как правило, по брюшковой поверхности на углу заготовки, в сопряжении с поперечным изломом.

Чопперы выполнены на целых гальках и валунах. Имеют крутые или приостренные лезвия с выпуклым, прямым или вогнутым контуром, расположенные по продольному, поперечному краю или на углу. Лезвия отличаются многоярусным оформлением, разноразмерными сколами и ретушью.

Рассмотренная часть мальтинской коллекции каменного инструментария находит аналоги в известных на сегодняшний день комплексах средней стадии верхнего палеолита юга Сибири. Для данной коллекции характерно сочетание типичных сибирских «архаических черт» – орудий из целых галек – с «ориньякскими» кареноидными формами, «восточнограветтскими» элементами в виде «притупленных пластинок» и разнообразных остриев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Герасимов М.М. Палеолитическая стоянка Мальта (раскопки 1956–1957 гг.) // СЭ. 1958. № 3. С. 28–52.

Кимура Х. Индустрия пластин стоянки Мальта // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 1. С. 11–33.

Медведев Г.И. Палеолит Южного Приангарья: автореф. дис. … д-ра ист. наук. Новосибирск, 1983. 44 с.

КАМЕННАЯ ИНДУСТРИЯ МНОГОСЛОЙНОЙ РАННЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ МУХКАЙ II (ДАГЕСТАН)1

© 2014 г. Д.В. Ожерельев

Институт археологии РАН, Москва
(dim_as_oj@mail.ru)

Ключевые слова: ранний палеолит, Северо-Восточный Кавказ, каменная индустрия, типология.

Резюме. В работе изложены основные характеристики каменной индустрии многослойного раннепалеолитического памятника Мухкай II, расположенного на территории среднегорного Внутреннего Дагестана. Работы на памятнике проводятся в течение шести лет (2008–2013 гг.). На данный момент разведочными траншеями вскрыта вся 73-метровая толща культуросодержащих отложений. В 35 литологических слоях обнаружены археологические и фаунистические находки. Каменная коллекция насчитывает 2 450 предметов. В культурно-историческом отношении памятник датируется эпохой олдована.

Многослойная стоянка Мухкай II находится в Акушинском р-не Республики Дагестан. Памятник был обнаружен в 2006 г. Х.А. Амирхановым в ходе работы Северокавказской палеолитической экспедиции Института археологии РАН. Стоянка приурочена к мощной толще (до 80 м) раннеплейстоценовых отложений водораздела рек Акуша и Усиша (Амирханов, 2007. С. 6–7). Археологические раскопки на памятнике проводились в 2008–2013 гг. в двух основных направлениях: вскрытие разведочной траншеей всей толщи памятника и раскопки базовой стоянки в слое 80 на глубине 33,5–34,2 м от условного нулевого репера (Амирханов, Ожерельев, 2011; Амирханов и др., 2012. С. 217–220; Ожерельев, 2010. С. 217–220; 2012. С. 110–111).

За шесть лет исследований разведочными траншеями в виде врезки в склон вскрыто 72,7 м коренных раннеплейстоценовых отложений и выделено 129 литологических слоев. Получена полная стратиграфическая колонка для памятника, являющаяся на данный момент наиболее полной и изученной для континентальных раннеплейстоценовых отложений Северо-Восточного Кавказа.

В 35 слоях обнаружен многочисленный каменный инвентарь с характеристиками, присущими индустрии олдована. Общая коллекция находок включает 1 558 предметов из разведочных траншей и 892 изделия из раскопок стоянки Мухкай II, слой 80. По характеру залегания находок в культурном слое в рамках всей толщи выделяются стоянки с рассеянным в слое находками (слои 25, 34, 63, 74 и др.) и стоянки с культурными находками *in situ* (стоянка Мухкай II, слой 80; Мухкай IIа). Вторые содержат в себе также многочисленные фаунистические останки.

Мощность культурных слоев толщи различна: от 5–10 см (слои 40, 53, 80) до 2–4 м (слои 82, 117, 127). Основная часть археологических находок связана со слоями с крупнообломочным материалом. При этом окатанность на кремневых находках отсутствует. Незначительная часть изделий несет на себе патину белого цвета, чаще в виде локальных участков или пятен. Обработанные кремневые изделия имеют различную количественную представительность как по слоям, так и по концентрации находок на 1 кв.м между слоями. Наиболее насыщенными по находкам являются слои 25, 34, 63, 74, 82. С точки зрения литологической характеристики данные слои имеют свои особенности, в общих моментах схожие. Технико-типологический

1 Работа выполнена в рамках проектов РФФИ № 11-06-00293-а, 14-06-00042-а.

состав инвентаря, представляющего полный технологический цикл обработки от опробывания кремневого сырья до получения законченных орудий, его структурированность, типологическое и категориальное разнообразие индустрии позволяют считать каждый из этих слоев остатками долговременных стоянок мастерских.

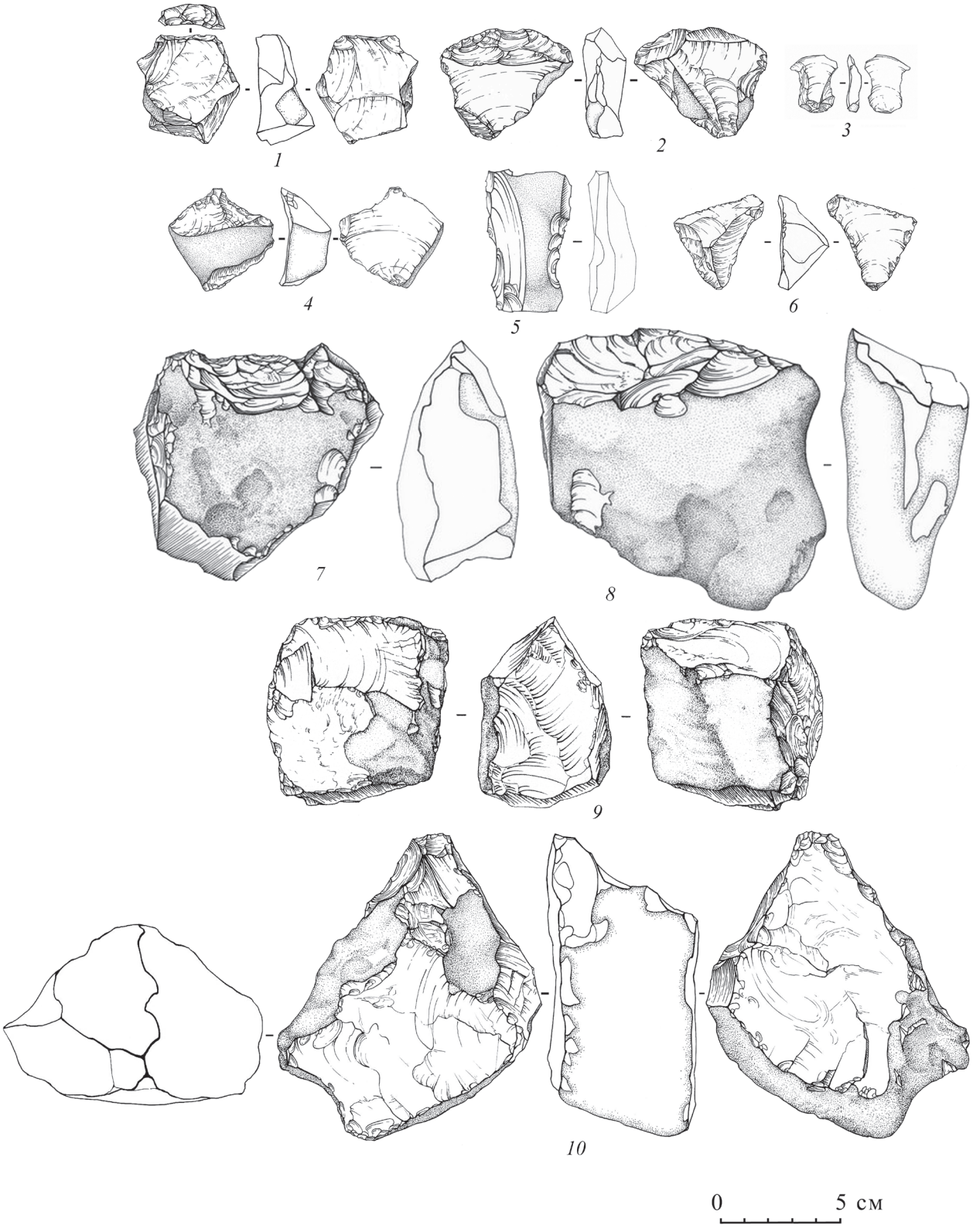
В качестве сырья, из которого изготавливались каменные орудия, выступал местный меловой кремень различных оттенков серого цвета. Кремневые желваки обильно встречаются в галечниках в руслах прилегающих рек и ручьев. В культурные слои кремень попадал при разрушении прилегающих известняковых хребтов и далее «разносился пролювиальными потоками по котловине вместе с другим обломочным материалом» (Амирханов, 2012. С. 17).

Несмотря на разведочный, по сути, характер вскрытия толщи Мухкая II, часть культурных слоев раскопана на значительной площади (слои 74, 82, 34). Коллекции с этих и ряда других слоев достаточно представительны и позволяют нам говорить об особенностях как всей каменной индустрии памятника, так и отдельных слоев в частности. Применение единых критериев анализа каменного инвентаря делает возможным определить основные и частные характеристики технологии расщепления и типологии орудийного комплекса.

По технико-типологическим показателям инвентарь стоянки подразделяется на две основные группы: группа первичного расщепления, отходы производства и орудийный набор. Группа первичного расщепления включает в себя нуклевидные обломки, желваки со сколами, обломки желваков как с выраженными сколами, так и без снятий, обломки со сколами, просто обломки, отщепы, пластины, обломки отщепов и пластин, чешуйки. Общее количество изделий этой группы составляет не менее двух третей всего инвентаря для каждого слоя. В качестве нуклеусов выступают такие категории находок как желваки со сколами, нуклевидные обломки, обломки желваков со сколами и обломки со сколами. Размеры этих изделий колеблются в пределах от 25 до 5 см. Желваки и их обломки со сколами являются уплощенными либо слегка уплощенными предметами с участками желвачной корки и несущими на себе единичные или множественные негативы снятий сколов. В качестве ударных площадок у них использовались любые поверхности (желвачные, гладкие на сколе), имеющие необходимый угол по отношению к плоскости скалывания. Причем сколы на каждом из таких желваков и их обломков могли сниматься, как с одной площадки, так и с нескольких. Часто на этих предметах мы можем наблюдать лишь апробирование сырья, когда скалывались до трех сколов, однако значительная часть этих изделий несет на себе множество снятий различных направлений оббивки (продольное, поперечное, продольно-поперечное, диагональное, бессистемное и т.д.). Особенностью данных категорий находок является крайне неустойчивый морфологический облик, что может объясняться в первую очередь наличием большого количества некачественного (трещиноватого) сырья и слабым развитием высокопродуктивных технологических приемов расщепления. Масса доступного кремневого сырья не способствовала его экономичному использованию и разработке технологических приемов максимального истощения ядрищ.

Основным продуктом расщепления являлся отщеп. Вместе с пластинами, обломками отщепов и пластин эти категории находок первичного расщепления часто составляют значительное количество коллекций слоев. Часть отщепов получалась при производстве аккомодационной и особенно лезвийной части чопперов. В данном случае отщеп являлся вторичным продуктом оформления крупных орудий. Морфологически отщепы с желваков, обломков желваков, обломков не отличаются от отщепов, полученных при оббивке чопперов. Как заготовки, и те и другие могли одинаково использоваться в орудийном производстве. В коллекции представлены как первичные, так и вторичные экземпляры (см. *рисунок, 3, 6*).

К отходам производства относятся обломки и обломки желваков. Эти изделия не содержат четко диагностируемых негативов сколов, могли образовываться в результате усечения желваков и фрагментов желваков (усеченные фрагменты, выступы, «шишки» желвачных конкреций и т.д.), а также выбраковываться



Каменные изделия стоянки Мухкай II. *1* – скребок; *2* – скребло; *3, 6* – отщепы; *4* – шиповидное орудие; *5* – обломок отщепа с ретушью; *7, 8* – чопперы односторонние; *9* – чоппер двулезвийный; *10* – пик.

при расщеплении трещиноватых конкреций кремня, либо могли приноситься на стоянку в качестве потенциальных заготовок для расщепления.

Группа орудийного набора подразделяется на две подгруппы: это крупные орудия с рубяще-режущими функциями (heavy duty tools) и небольшие орудия с вторичной обработкой, изготовленные на сколах и обломках (light-duty tools) и предназначенные для резания, скобления, прокалывания. Группа крупных орудий включает в себя чопперы, пики и пикообразные орудия. Эти орудия являются основными диагностичными изделиями, характеризующими «технокомплекс чоппера и пика» олдованских стоянок Акушинской котловины.

Чопперы стоянки Мухкай II включают односторонние, двусторонние (см. *рисунок, 7, 8*) и двулезвийные формы (см. *рисунок, 9*). В качестве заготовок для чопперов использовались как целые желваки, так и их фрагменты, усеченные обломки плоских (вплоть до плиток) или уплощенных очертаний. Готовые изделия имеют разнообразную форму – округлую, подчетырехугольную, подтреугольную и некоторые другие. Оббивка лезвий чопперов имеет различную направленность: поперечную, продольную, диагональную и смешанные между собой разновидности. Оформление лезвий проводилось вдоль края уплощенных сторон заготовки. В большинстве случаев одним из необходимых признаков чоппера является наличие аккомодационного участка. Подчас аккомодационные участки несут следы интенсивной оббивки, выделяясь тщательностью выверенной работы.

Значительное место в каменной индустрии стоянки Мухкай II занимает категория пиков и близких им пикообразных орудий. Пики представлены двумя разновидностями: массивными и удлиненными. Последние встречаются достаточно редко. Чаще обнаруживаются типы пиков с трехгранным поперечным сечением (см. *рисунок, 10*), реже четырехгранные и с полусферическим (куполообразным) сечением. Морфологически близка пикам категория пикообразных (пиковидных) орудий. Они не всегда содержат в себе все характерные для пиков признаки: трех-, четырехгранное сечение, наличие срединной грани, пятки, более или менее уплощенный контрфронт, заостренный рабочий конец. Пикообразные изделия чрезвычайно вариабельны, не образуют четкой серийности, некоторые из них предстают вполне готовыми орудиями, другие выглядят как выбракованные пики, заготовки пиков или атипичные пики.

Другая подгруппа орудийного набора включает мелкоразмерные орудия (light duty tools). Они изготавливались на кремневых обломках, отщепах, слабодиагностируемых сколах, обломках отщепов. В количественном отношении эти изделия представлены в примерно равных пропорциях с массивными орудиями. Среди этих орудий идентифицируются скребла (см. *рисунок, 2*), ножи, долотовидные орудия, скребки (см. *рисунок, 1*), острия, шиповидные изделия (см. *рисунок, 4*), орудия с выемкой, отщепы и обломки с ретушью (см. *рисунок, 5*), обломки с ретушью. Отмечается, что ретушь является распространенным способом оформления рабочих краев орудий. Ретушь самая разнообразная по расположению, размеру, рядности, наклону, регулярности и т.д.

Датировка олдованских индустрий Внутреннего Дагестана помимо собственно археологических методов (технико-типологические аспекты) проводится с широким применением данных естественно-научных дисциплин, включающих геолого-геоморфологические критерии, палеомагнетизм, относительную датировку палеонтологических останков крупной териофауны (Саблин, Амирханов, Ожерельев, 2012. С. 7–19) и мелких позвоночных, изучение споро-пыльцевых данных. Комплексное использование всех этих методов позволяет значительно сузить хронологические рамки формирования тех или иных культурных слоев и пачек слоев. Единая же толща памятника Мухкай II образовывалась в течение длительного времени от 2 до 1 млн л. н.

Каменная индустрия стоянки Мухкай II находит близкие аналоги среди памятников Восточной (DK, FLK NN, FLK North Олдувайского ущелья, Gombore I в Эфиопии) и Северной Африки (Ain-Hanech, El-Kherba), а также стоянок Айникаб I , Мухкай I, Гегалашур I–III Северо-Восточного Кавказа.

Типологические признаки каменного инвентаря соответствуют показателям классического (типичного) олдована.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Амирханов Х.А. Исследования памятников олдована на Северо-Восточном Кавказе (Предварительные результаты). М.: Таус, 2007. 52 с.

Амирханов Х.А. Памятники раннего плейстоцена Центрального Дагестана // Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Анойкин А.А., Рыбалко А.Г. Проблемы палеолита Дагестана. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. С. 6–67.

Амирханов Х.А., Грибченко Ю.Н., Ожерельев Д.В., Саблин М.В., Семенов В.М., Трубихин В.М. Комплексные исследования раннеплейстоценовой стоянки Мухкай II на Северо-Восточном Кавказе (по результатам раскопок 2008–2011 гг.) // 1150 лет российской государственности и культуры. М.: Наука, 2012. С. 217–241.

Амирханов Х.А., Ожерельев Д.В. Мухкай II, слой 80 – новая стоянка эпохи олдована в Центральном Дагестане // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. Т. 1. СПб.; Великий Новгород; Старая Русса, 2011. С. 16–17.

Ожерельев Д.В. Предварительные итоги исследования раннеплейстоценового памятника Мухкай II (Дагестан, Россия) // Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 50-летию открытия палеолитической пещерной стоянки Азых в Азербайджане «Карабах в каменном веке». Баку, 2010. С. 217–222.

Ожерельев Д.В. Изучение многослойного памятника раннего палеолита Мухкай II в 2008–2011 гг. // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения: Мат-лы Междунар. науч. конф. Махачкала, 2012. С. 110–111.

Саблин М.В., Амирханов Х.А., Ожерельев Д.В. Стоянка эпохи олдована Мухкай II: палеонтологические данные к датировке и реконструкции природного окружения // РА. 2013. № 4. С. 7–19.

МИКРОПЛАСТИНЧАТОЕ РАСЩЕПЛЕНИЕ В ПРЕД- И РАННЕГОЛОЦЕНОВЫХ ИНДУСТРИЯХ ЗАПАДНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ СТОЯНКИ УСТЬ-КЯХТА-3)[1]

© 2014 г. Г.Д. Павленок

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
(lukianovagalina@yandex.ru)

Ключевые слова: Западное Забайкалье, Усть-Кяхта-3, микропластинчатое расщепление, селенгинская техника расщепления.

Резюме. Характер пред- и раннеголоценовых каменных индустрий Западного Забайкалья полностью определяет микропластинчатый компонент. Наличие нескольких вариантов изготовления микропластин стало основанием для выделения ряда локальных археологических культур. В статье рассматривается каменный инвентарь слоя 1 двуслойной стоянки Усть-Кяхта-3 (Западное Забайкалье), которая ранее была предварительно отнесена к селенгинской культуре. Проведенный анализ нуклеусов, технических снятий и сколов-заготовок позволил дополнить предложенную ранее реконструкцию селенгинской техники расщепления торцовых клиновидных ядрищ, которая лежит в основе данной культуры.

Пред- и раннеголоценовое время на территории Западного Забайкалья характеризуется доминированием в каменных индустриях микропластинчатой техники, основанной на изготовлении и утилизации торцовых клиновидных нуклеусов. Для этого периода разработано несколько культурно-периодизационных схем, в основе которых лежат

1 Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 12-06-33041.

технологические особенности изготовления данных ядрищ. М.В. Константиновым (1994) была предложена студеновская культура по материалам студеновских и усть-мензинских комплексов, В.И. Ташаком (2000) – чикойская культура по материалам подъемных сборов с местонахождения Аршан-Хундуй и селенгинская культура по материалам финальноплейстоценовых и раннеголоценовых памятников Усть-Кяхтинского археологического района.

Одним из опорных объектов означенного района является памятник Усть-Кяхта-3. Он располагается на правом берегу р. Селенга, на окраине с. Усть-Кяхта Кяхтинского р-на Республики Бурятии. Памятник был обнаружен Бурят-Монгольской археологической экспедицией, возглавляемой А.П. Окладниковым в 1947 г. Раскопы 1976 и 1978 гг. выявили залегание материала в двух культурных слоях, для которых были получены радиоуглеродные даты 11 505±100 л.н. для слоя 1 (СОАН-1552) и 12 595±150 л.н. (СОАН-1553) для слоя 2. А.П. Окладниковым (1977; 1979) памятник был определен как двухслойное поселение эпохи мезолита. Однако результаты работ так и не были опубликованы, и в обобщающих работах по каменному веку Западного Забайкалья представлена лишь краткая характеристика памятника (Асеев, 2003; Ташак, 2005). По предварительным оценкам В.И. Ташака, стоянка Усть-Кяхта-3 входит в круг памятников селенгинской культуры.

В данной работе предлагается характеристика материалов культурного слоя 1, которые демонстрируют более высокую степень технологического и типологического разнообразия. На настоящий момент его коллекция представлена 33 218 изделиями, 68% из которых составляют отходы производства. Количество артефактов без отходов производства составляет 10 595 экз., из которых нуклевидные изделия насчитывают 95 экз. (0,3%).

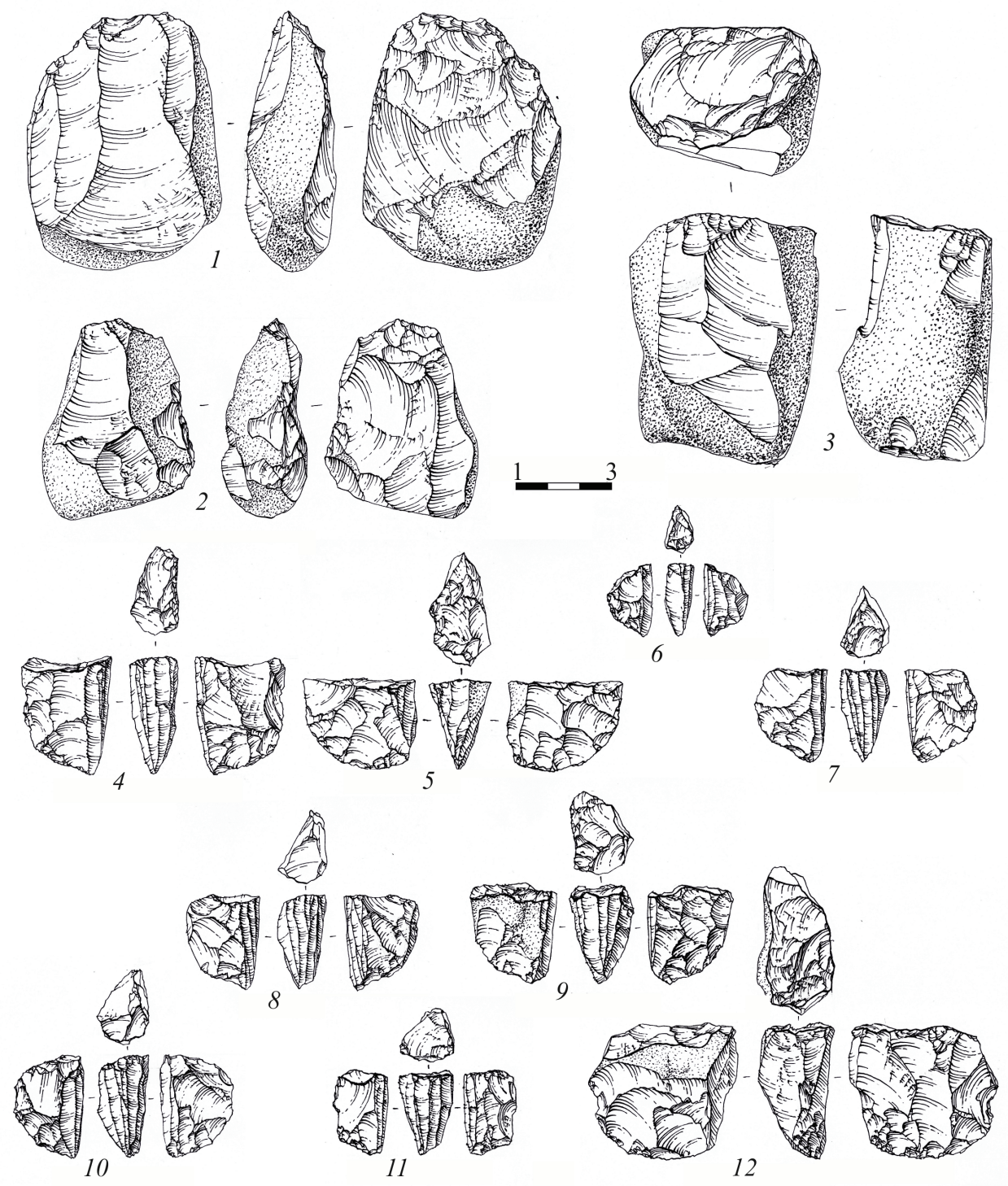
В процессе хранения значительная часть коллекции нуклеусов была утеряна. В категории ядрищ для пластин и отщепов было утеряно около 80% артефактов, в категории нуклеусов для микропластин – 50%.

Среди нуклеусов для отщепов и пластин выделяются две основные группы – плоскостные и объемные одноплощадочные монофронтальные изделия. Плоскостные по количеству значительно превосходят объемные. Для них характерны изначально уплощенные галечные заготовки и сильно скошенные ударные площадки, которые, по сути, представляют собой ребро между фронтом и тыльной поверхностью, часто уплощенной поперечными отщеповыми снятиями. Боковые стороны и основания нуклеусов, как правило, сохраняли галечную корку. С них снимались как пластины, так и отщепы (см. *рисунок, 1, 2*). Для объемных ядрищ характерны округлые в поперечном сечении галечные заготовки и тщательно оформленные прямые ударные площадки. Они чаще использовались для изготовления пластин (см. *рисунок, 3*).

Другие типы нуклеусов для отщепов и пластин, которые не сохранились в коллекции, были представлены единичными формами. Это плоскостные двуплощадочные монофронтальные формы, поперечный и двуплощадочный двухфронтальный нуклеусы, ядрища с расщеплением «от ребра» и бессистемного раскалывания. Отдельно выделяются одно- и двуплощадочные однофронтальные нуклеусы с приостренными краями и основанием (Ташак, 1996).

Ядрища для получения мелких заготовок насчитывали 54 экз., из которых сохранился 31 торцовый клиновидный нуклеус. Единообразие форм нуклеусов достигалось оформлением киля мелкими двусторонними сколами и формированием ребра-гребня на тыльной поверхности. Сколы оформления латералей, нередко с пропорциями пластинок, чаще проводились с основания в сторону ударной площадки.

Распределение нуклеусов по длине дает основания разделить их на три группы (от 20 до 25 мм, с 26 до 37 мм и с 38 до 47 мм), которые, как предполагается, отражают начальную, среднюю и крайнюю стадии редукции (см. *рисунок, 4–6*). Показательны изменения объема рабочей поверхности нуклеусов в зависимости от стадии редукции. Для изделий ранней стадии редукции характерно распространение фронта на одну из латералей (см. *рисунок, 7*), для средней стадии расщепления – на обе латерали (см. *рисунок, 8*), тогда как на завершающем этапе раскалывания в половине случаев фиксируется уплощение фронта (см. *рисунок, 9*).



Нуклеусы слоя 1 стоянки Усть-Кяхта-3.

Площадки нуклеусов практически всегда оформлялись серией мелких поперечных сколов, либо несли следы удаления скола-таблетки. Они имеют наклон не только к контрфронту, но и к одной из латералей. Именно этот признак был использован В.И. Ташаком (2005) в качестве основного при реконструкции селенгинской техники расщепления торцовых клиновидных нуклеусов. В основании этой схемы лежит переориентация истощенных плоскостных нуклеусов с приостренными краями и основанием. После истощения широкого фронта происходило снятие бокового реберчатого скола и перенос расщепления на торец с использованием прежней ударной площадки (Там же).

Автором настоящей работы предлагается иная технологическая схема, согласно которой диагональный наклон площадки формировался уже в процессе утилизации торцового нуклеуса. Это достигалось путем снятия мелких массивных сколов с угла между фронтом и латералью (см. *рисунок, 10, 11*). Учитывая специфическую морфологию ударных площадок плоскостных одноплощадочных монофронтальных ядрищ, которые фактически представляет собой ребро между фронтом и контрфронтом, можно предположить, что часто для продолжения утилизации с узкого фронта они переориентировались основной площадкой вниз. В этом случае прежняя дуга скалывания становилась килем торцового ядрища, а в зоне массивного необработанного основания появлялась возможность сформировать новую ударную площадку. Признаки подобной переориентации возможно проследить по плоскостным ядрищам, а также по заготовкам торцовых клиновидных нуклеусов. Килевая часть этих изделий асимметрична – киль смещен к одной из латералей. Кроме того, на части торцовых клиновидных нуклеусов наблюдается тенденция, что одна латераль с киля подработана мелкими отщеповыми снятиями, тогда как на другую латераль изделия реализованы крупные пластинчатые сколы, проведенные с основания (см. *рисунок, 12*).

При этом присутствие в коллекции редких крупных ядрищ с приостренными краями и основанием, а также реберчатых снятий (их доля составляет 5%) косвенно указывает на то, что предложенная ранее схема селенгинской техники также использовалась обитателями стоянки.

В ходе исследования было установлено, что целевыми продуктами расщепления камня в индустрии являлись пластины и микропластины.

Пластины снимались с помощью простого параллельного скалывания с одноплощадочных нуклеусов. Ударные площадки сколов часто не несли следов специального оформления, что компенсировалось частой редукцией рабочей кромки. Основная часть изделий была получена с помощью некраевого ударного скалывания.

Микропластины, безусловно, являются наиболее стандартизированной категорией сколов, что объясняется их специализированным производством с торцовых клиновидных нуклеусов. Преобладание линейных и точечных ударных площадок, которые составляют порядка 90%, а также регулярная подработка рабочей кромки различными приемами, включая специфическую отжимную редукцию и абразивную обработку, указывают на использование техники отжима при их производстве.

Сколы с пропорциями отщепов и пластинок можно отнести к категории второстепенных, поскольку снимались они, как правило, в процессе оформления нуклеусов, а не в качестве целевых сколов.

Основным результатом проведенного исследования стало дополнение предложенной ранее (Ташак, 2005) реконструкции селенгинской техники изготовления торцовых клиновидных нуклеусов новым вариантом переориентации плоскостных ядрищ ударной площадкой вниз, что подтверждается морфологией значительной доли нуклеусов, а также показательными техническими сколами. Полученные характеристики слоя 1 стоянки Усть-Кяхта-3 могут быть использованы в качестве основных при проведении корреляций с синхронными комплексами Западного Забайкалья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Асеев И.В. Юго-Восточная Сибирь в эпоху камня и металла. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. 208 с.

Константинов М.В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. Улан-Удэ; Чита: Изд-во ИОН БНЦ СО РАН и ЧГПИ, 1994. 180 с.

Окладников А.П. Отчет об исследовании палеолитического поселения Усть-Кяхта в 1976 г. // Архив ИАЭТ СО РАН. 1977. Ф. 1. Оп. 1. Д. 224.

Окладников А.П. Научный отчет о раскопках стоянки Усть-Кяхта-1 (Кяхтинский район БурАССР) в 1978 г. // Архив ИАЭТ СО РАН. 1979. Ф. 1. Оп. 1. Д. 224.

Ташак В.И. Палеолит и мезолит юга Бурятии: автореф. дис. … канд. ист. наук. Улан-Удэ, 1996. 19 с.

Ташак В.И. Торцовые клиновидные нуклеусы Западного Забайкалья в позднем палеолите и мезолите // Каменный век Южной Сибири и Монголии: теоретические проблемы и новые открытия. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. С. 59–74.

Ташак В.И. Палеолитические и мезолитические памятники Усть-Кяхты. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. 129 с.

СПЕЦИФИКА ПЕРЕХОДА К ВЕРХНЕМУ ПАЛЕОЛИТУ В ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ИНДУСТРИЯ СТОЯНКИ ХУДЖИ[1]

© 2014 г. К.К. Павленок[1, 2], А.И. Кривошапкин[1, 2, 3]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
(pavlenok-k@yandex.ru; shapkin@archaeology.nsc.ru)
[2]Алтайский государственный университет, Барнаул
[3]Новосибирский государственный университет, Новосибирск

Ключевые слова: переход от среднего к верхнему палеолиту, технологический анализ, Центральная Азия.

Резюме. Результаты технико-типологического анализа коллекции каменных артефактов, полученной в ходе раскопок стоянки Худжи в 1978 г., позволяют говорить о принадлежности данной индустрии к позднему этапу оби-рахматской культурной традиции. Сопоставление данных, полученных при изучении худжийской и оби-рахматской индустрий, говорит о том, что основной вектор технологических изменений в рамках оби-рахматской модели перехода от среднего к верхнему палеолиту был направлен в сторону увеличения роли объемного расщепления и большей специализации изготовления крупных и средних удлиненных заготовок. Таким образом, можно заключить, что переходные комплексы западной части Центральной Азии в точности не повторяют ни алтайский, ни ближневосточный сценарий перехода к верхнему палеолиту, где развитие индустрий было неразрывно связано с леваллуазской технологической основой и проходило стадию доминирования встречного объемного раскалывания.

Новейшие разработки в области изучения верхнего палеолита Евразии имели результатом выделение отдельных моделей (или сценариев) его формирования в трех крупных географических зонах (Деревянко, 2011). Наряду с прочими выделяется евразийская модель, объединяющая ряд каменных индустрий Ближнего Востока, Европы и Азии. Их отличает использование нелеваллуазских методов изготовления разноразмерных пластин и пластинок. Внедрение этих методов в технологический репертуар обитателей раз-

1 Работа выполнена в рамках проектов РФФИ (№ 12-06-33041, 13-06-12039), РГНФ (№ 12-31-01322, 14-51-00022) и при финансовой поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление № 220), полученного Алтайским государственным университетом (проект № 2013-220-04-129).

личных регионов могло являться результатом как автохтонного развития, так и замещения аборигенного населения пришлым, либо результатом проникновения технологических знаний с соседних территорий (Мегнин, Бар-Йозеф, 2002; Вишняцкий, 2008; Деревянко, 2011; Кривошапкин 2012). Формирование индустрий на местной основе предполагает наличие преемственности между средне- и верхнепалеолитическими индустриями, а также плавный, постепенный характер перехода к верхнему палеолиту. Подобный сценарий складывания пластинчатых индустрий раннего верхнего палеолита был прослежен на территории Леванта (Мегнин, Бар-Йозеф, 2002; Меньен, 2012; Meignen, 2007).

Хронологически и содержательно к ближневосточному варианту евразийской модели близок алтайский вариант перехода от среднего к верхнему палеолиту. На этой территории наблюдается непрерывный процесс развития каменной индустрии от начала среднего палеолита (250 тыс. л.н.) до раннего верхнего палеолита (ок. 45 тыс. л.н.) (Деревянко, Шуньков, 2004; Деревянко, 2011).

Что касается территории Центральной Азии, то наиболее ценную информацию о развитии материальной культуры в период перехода от среднего к верхнему палеолиту дают памятники оби-рахматской культурной традиции (Кривошапкин, 2012).

Для каменной индустрии наиболее изученного в настоящий момент грота Оби-Рахмат (Узбекистан) характерно плавное развитие на протяжении 40 тыс. лет (от 80 до 40 тыс. л.н.) (Деревянко и др., 2001; Кривошапкин, 2012). Специфика индустрии заключается в сочетании средне- и верхнепалеолитических черт как в первичном расщеплении, так и в орудийном наборе. Среди имеющихся нуклеусов ведущее положение занимают объемные и торцовые формы для мелких пластинчатых заготовок. Однако для изготовления крупных сколов (пластин и остроконечников) использовались среднепалеолитические плоскостные стратегии расщепления. Леваллуазские формы ядрищ представлены единичными изделиями. Среди сколов значительную роль играют пластинчатые формы, которые являются и основным типом заготовок орудий. Индекс пластинчатости не имеет выраженной тенденции развития/угасания вверх по разрезу, везде демонстрируя весьма высокие показатели. Орудийный набор представлен, главным образом, остроконечными формами, ретушированными пластинами, резцами, скреблами на пластинах и скребками. Леваллуазские остроконечники немногочисленны и представлены в основном изделиями удлиненных пропорций.

Материалы стоянки Худжи (Таджикистан, 42–37 тыс. л.н.) традиционно оценивались исследователями как леваллуа-мустьерский технический вариант (или фация) регионального среднего палеолита (Ранов, Амосова, 1984; Ранов, Лаухин, Ван дер Плихт, 2002), однако с недавнего времени рассматриваются как позднее проявление оби-рахматской культурной традиции (Деревянко, 2011; Кривошапкин, 2012).

Результаты технологического анализа коллекции стоянки, полученной в ходе раскопок 1978 г., позволяют наметить общее направление в технологической эволюции комплексов в рамках оби-рахматской модели перехода к верхнему палеолиту. В отличие от индустрии Оби-Рахмата, в индустрии Худжи фиксируются две отдельные технологические схемы получения пластин и удлиненных остроконечников с изначально объемных широкофронтальных нуклеусов: схемы простого параллельного и продольно-конвергентного скалывания. Встречное скалывание заготовок, как и леваллуазское расщепление, не играло здесь существенной роли, что свойственно и каменной индустрии грота Оби-Рахмат.

На стоянке Худжи не обнаружены проявления технологии утилизации микронуклеусов для пластинок, широко представленных в индустрии Оби-Рахмата. Однако эти отличия, как представляется, связаны с существенной разницей в качестве используемого сырья, а не с изменениями эволюционного порядка.

В орудийном наборе Худжи также были зафиксированы определенные изменения. Среди типологически выраженных изделий в коллекции Худжи доминируют ретушированные пластины и продольные скребла. Далее идут различного типа удлиненные остроконечники и остроконечные пластины, как интенсивно ретушированные, так и имеющие лишь утилизационную ретушь. Концевые

скребки, хоть и выразительны, не составляют значимой доли в орудийном наборе; единичным экземпляром представлено острие-проколка. Таким образом, инструментарий содержит все характерные для оби-рахматской индустрии типы орудий, за исключением резцов, леваллуазских и мустьерских остроконечников. Учитывая немногочисленность орудийной коллекции стоянки, невозможно с уверенностью сказать, является ли это отображением эволюционных изменений.

Результаты технологического анализа материалов стоянки Худжи позволяют заключить, что основной вектор технологических изменений в рамках оби-рахматской модели перехода от среднего к верхнему палеолиту был направлен в сторону большей специализации изготовления крупных и средних удлиненных заготовок. Также происходило увеличение роли объемного расщепления, которое практически полностью заместило площадочное необъемное раскалывание, представленное только в виде тронкированно-фасетированных изделий.

Таким образом, можно заключить, что переходные комплексы западной части Центральной Азии в точности не повторяют ни алтайский, ни ближневосточный сценарий перехода к верхнему палеолиту, где развитие индустрий было неразрывно связано с леваллуазской технологической основой и проходило стадию доминирования встречного объемного раскалывания. Существование этого феномена, вероятно, следует связывать с транзитным характером рассматриваемой территории. Однако полученные результаты подтверждают идею о том, что схожее развитие культуры палеолитического человека на территории Ближнего Востока и Алтая определялось не внешними инфильтрациями, а причинами внутреннего эволюционного порядка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вишняцкий Л.Б. Культурная динамика в середине позднего плейстоцена и причины верхнепалеолитической революции. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. 252 с.

Деревянко А.П. Верхний палеолит в Африке и Евразии и формирование человека современного анатомического типа. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. 560 с.

Деревянко А.П., Кривошапкин А.И., Анойкин А.А., Исламов У.И., Петрин В.Т., Сайфуллаев Б.К., Сулейманов Р.Х. Ранний верхний палеолит Узбекистана: индустрия грота Оби-Рахмат (по материалам слоев 2–14) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. № 4. С. 42–63.

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Становление верхнепалеолитических традиций на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 3. С. 12–40.

Кривошапкин А.И. Оби-рахматский вариант перехода от среднего к верхнему палеолиту: автореф. дис. … д-ра ист. наук. Новосибирск, 2012. 38 с.

Мегнин Л., Бар-Йозеф О. Каменные индустрии среднего и верхнего палеолита Леванта: последовательная или прерванная линия развития? // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 3. С. 12–21.

Меньен Л. Перспективы Леванта в свете проблемы перехода от среднего к верхнему палеолиту // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 3. С. 12–21.

Ранов В.А., Амосова А.Г. Раскопки мустьерской стоянки Худжи в 1978 г. // Археологические работы в Таджикистане. Вып. XVIII. / Отв. ред. Б.А. Литвинский, Н.Н. Нигматов, В.А. Ранов. Душанбе: Дониш, 1984. С. 11–7.

Ранов В.А., Лаухин С.А., Ван дер Плихт Дж. Первое серийное радиоуглеродное датирование мустье Таджикистана // РА. 2002. № 2. С. 5–16.

Meignen L. Middle Paleolithic blady assemblages in the Near East: a reassessment // Кавказ и первоначальное заселение человеком Старого Света / Под ред. Х.А. Амирханова, С.А. Васильева, Е.В. Беляевой. СПб.: Петербург. востоковедение, 2007. С. 133–148.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОХОТНИЧЬЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА СТОЯНКАХ КАМЕННОБАЛКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2014 г. Б.Г. Плохенко

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва (plohenkobg@yandex.ru)

Ключевые слова: охотничья деятельность, фаунистические остатки, минимальное количество особей, индекс пищевой ценности.

Резюме. В докладе рассматривается динамика охотничьей деятельности на стоянках каменнобалковской культуры. Исследование проводилось с использованием современных методов анализа фаунистических остатков.

В последнее время поиску закономерностей в механизме взаимодействия природы и человека уделяется все большее внимание. Исследование охотничьего промысла очень важно для понимания этих взаимодействий.

Охотничья добыча для древнего населения была не только источником пищи с высоким содержанием белка, но и источником сырья (шкуры, кожа, кость) для изготовления одежды, обуви, покрытий для жилых конструкций, изготовления инструментов и их частей, украшений и топлива для костров.

Для изучения особенностей охотничьего промысла важнейшим источником являются фаунистические остатки, которые обнаруживаются при исследовании археологических памятников. Они свидетельствуют как о характере охотничьей деятельности и способах утилизации добычи, так и о природно-климатической обстановке. Именно поэтому этот вид источников является наиболее информативным.

К сожалению, отечественные исследователи часто не уделяют должного внимания источникам, ограничиваясь только общим рассмотрением видового состава фауны.

При этом в мировой практике давно разработана методика детальных исследований фаунистических остатков, существует не только большое количество научных трудов (Soffer, 1985), но и учебники с детальным описанием методики изучения этого материала для проведения историко-культурных реконструкций (Reitz, Wing, 2008). Эти же методы использовались и при изучении памятников позднего палеолита Северного Причерноморья (Леонова и др. 2006; Старкин, 2001; Кротова, 2013; Плохенко, 2013).

Главной целью предпринятого исследования было выявление определенных хронологических изменений в охотничьей деятельности, прослеживаемых на материалах разновременных, но однокультурных стоянок Каменная Балка II (КБ II) и Третий Мыс (ТМ).

Для этой работы было решено ограничиться анализом фаунистических остатков лошади и бизона, как наиболее представленных промысловых видов. Для анализа были взяты фаунистические материалы из определенных культурных слоев – базовых стоянок. Для стоянки КБ II это данные трех участков (восточный, западный и юго-западный), выделяемых в основном слое стоянки (даты в интервале 14 557–16 643 тыс. л.н.); для стоянки ТМ – это материалы второго культурного слоя (юго-западный участок), полученные при раскопках 1960, 1990–2012 гг., дата 13 350 тыс. л.н. (Хайкунова, 2011. С. 383–396).

В начале работы при систематизации фаунистического материала все определения видового состава, представленные палеонтологами как «первобытный бизон», «бизон» и «полорогие» были отнесены к общему таксону «полорогие». То же самое было проделано для костей лошади.

Для всего количества костных элементов было определено минимальное количество костей (МКК). При этом количество и соотношение нижних и верхних частей костей рассматривалось отдельно.

Также были проведены вычисления минимального количества особей (МКО) по частям скелета для каждого вида.

Полученное МКО каждой кости, выраженное в процентном соотношении к наибольшему МКО определенной кости, сравнивалось с индексом пищевой ценности (ИПЦ) (Binford, 1978. P. 72–75). При этом кости были разделены на две категории утилизации (малой и большей степени утилизации) (Marean, 2003). Разделение костей на группы по степени утилизации позволяет более детально рассмотреть избирательность транспортировки тех или иных частей туши на базовый лагерь и их степень утилизации.

Стоит отметить, что на формирование фаунистических остатков влияют такие факторы, как сезон проведения охоты, удаленность места забоя, неудачная охота, природно-климатические условия.

Каменная Балка II. Следует отметить, что практически все кости на стоянках этой культуры были преднамеренно расколоты. Степень раздробленности костей на КБ II не везде одинакова. Больше всего кости фрагментированы на юго-западном участке (Ю-З участок) памятника.

Всего на стоянке КБ II определено 25 особей лошади и 38 особей бизона.

Лошадь на всех участках представлена в большей мере б. берцовой костью, по которой и было определено МКО. Для бизона МКО определялось по б. берцовой кости только на восточном участке (В участок), на западном участке (З участок) МКО было определено по лучевым костя, на Ю-З – по плечевым.

На графиках видно, что части скелета с наиболее большим ИПЦ имеют меньшие показатели МКО, чем кости с меньшим ИПЦ (см. *рисунок*). Это говорит о сильной утилизации наиболее питательных частей туши. Небольшое количество костей слабой степени утилизации указывает на некоторую избирательность в транспортировке охотничьей добычи на стоянку.

Третий Мыс. Фаунистические остатки Ю-З участка стоянки ТМ имеют большую степень раздробленности, чем на участках КБ II.

Анализ фаунистических материалов Ю-З участка стоянки ТМ выявил ряд особенностей. Если для стоянки КБ II в целом характерно преобладание костей бизона, то на стоянке ТМ видна обратная тенденция. Фаунистические остатки лошади составили 80%, и только 20% составляют кости бизона. Всего на Ю-З участке было определено 6 особей лошадиных и 1,5 особей полорогих.

Сравнение данных анализа. На графиках соотношения МКО% с ИПЦ% (см. *рисунок*) также видны значительные отличия Ю-З участка стоянки ТМ от стоянки КБ II. Большинство костей на Ю-З участке стоянки ТМ имеют меньшие показатели МКО%, чем те же кости, на участках стоянки КБ II. Значительную долю костей лошадиных представляют нижняя челюсть и б. берцовая кость, а полорогих – плечевая кость и нижняя челюсть.

Количественный анализ нижних и верхних концов костей лошадиных и полорогих позволил выявить как сходства, так и различия в избирательности и утилизации разных видов на стоянках. Например, соотношения нижних и верхних концов костей животных на стоянках примерно одинаковое, исключением являются бедренная, лучевая и б. берцовая кости. Возможно, это указывает на некоторые изменения в традиции разделки и утилизации охотничьей добычи на ТМ по сравнению с традициями на КБ II (Леонова и др., 2006. С. 219–239).

Особенности состава фаунистических остатков Ю-З участка стоянки ТМ не обусловлены влиянием сезона проведения охоты, поскольку проведенный сравнительный анализ односезонных (зима – начало лета) участков Ю-З КБ II и Ю-З ТМ выявил значительные отличия. На ТМ кости высокой пищевой ценности представлены в меньшем количестве, чем на Ю-З участке стоянки КБ II.

Стоит отметить, что в период бытования стоянки ТМ обитатели поселения жили в более сухом и холодном климате (Маркова, Кольфсхотен, 2007. С. 462) по сравнению с климатом, соответствующим второму культурному слою КБ II (Леонова и др., 2006. С. 44). Насельники ТМ, вероятно, испыты-

вали некоторый дефицит пищевых ресурсов, вследствие чего происходит увеличение интенсивности утилизации охотничьей добычи.

Как отмечалось выше, большинство костей на стоянках КБ преднамеренно раздроблены. Кости дробились как при приготовлении пеммикана (сушенное мясо), в котором костный жир является необходимым консервирующим элементом (Леонова и др., 2006. С. 229–230), так и в случае нехватки пищевых ресурсов, когда извлекаемый костный мозг и жир непосредственно употреблялись в пищу (Binford, 1978. С. 73.). Пример ТМ, возможно, демонстрирует именно это обстоятельство, которое сказалось на составе фаунистических остатков.

В целом, хочется отметить важность изучения фаунистических остатков, а также необходимость сопоставления полученных данных предложенного анализа с климатической обстановкой в регионе. Этот способ анализа можно применять как для изучения разных культурных традиций и эпох каменного века, так и для более поздних периодов, т.к. он позволяет рассмотреть особенности охоты – важного пищевого ресурса многих периодов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кротова О.О. Пізньопалеолітичні мисливці азово-чорноморських степів. Київ: Видавець Олег Філкж, 2013. 420 с.

Леонова Н.Б., Несмеянов С.А, Виноградова Е.А., Воейкова О.А., Гвоздовер М.Д., Миньков Е.В., Спиридонова Е.А., Сычева С.А. Палеоэкология равнинного палеолита. М.: Науч. мир, 2006. 360 с.

Маркова А.К., Кольфсхотен Т. ван. Эволюция экосистем Европы при переходе от плейстоцена к голоцену (24–8 тыс. л.н.). М.: Тов-во науч. изд. КМК, 2007. 556 с.

Плохенко Б.Г. Методы учета и анализа фаунистических остатков в археологии верхнего палеолита // Проблемы археологии Восточной Европы: Мат-лы конф. Вып. 8. Ростов н/Д.: ЮФУ, 2013. С. 3–7.

Старкин А.В. Пізньоплейстоценові териофауни степової зони юга Украиньї: автореф. дис. … канд. биол. наук. Київ, 2001. 20 с.

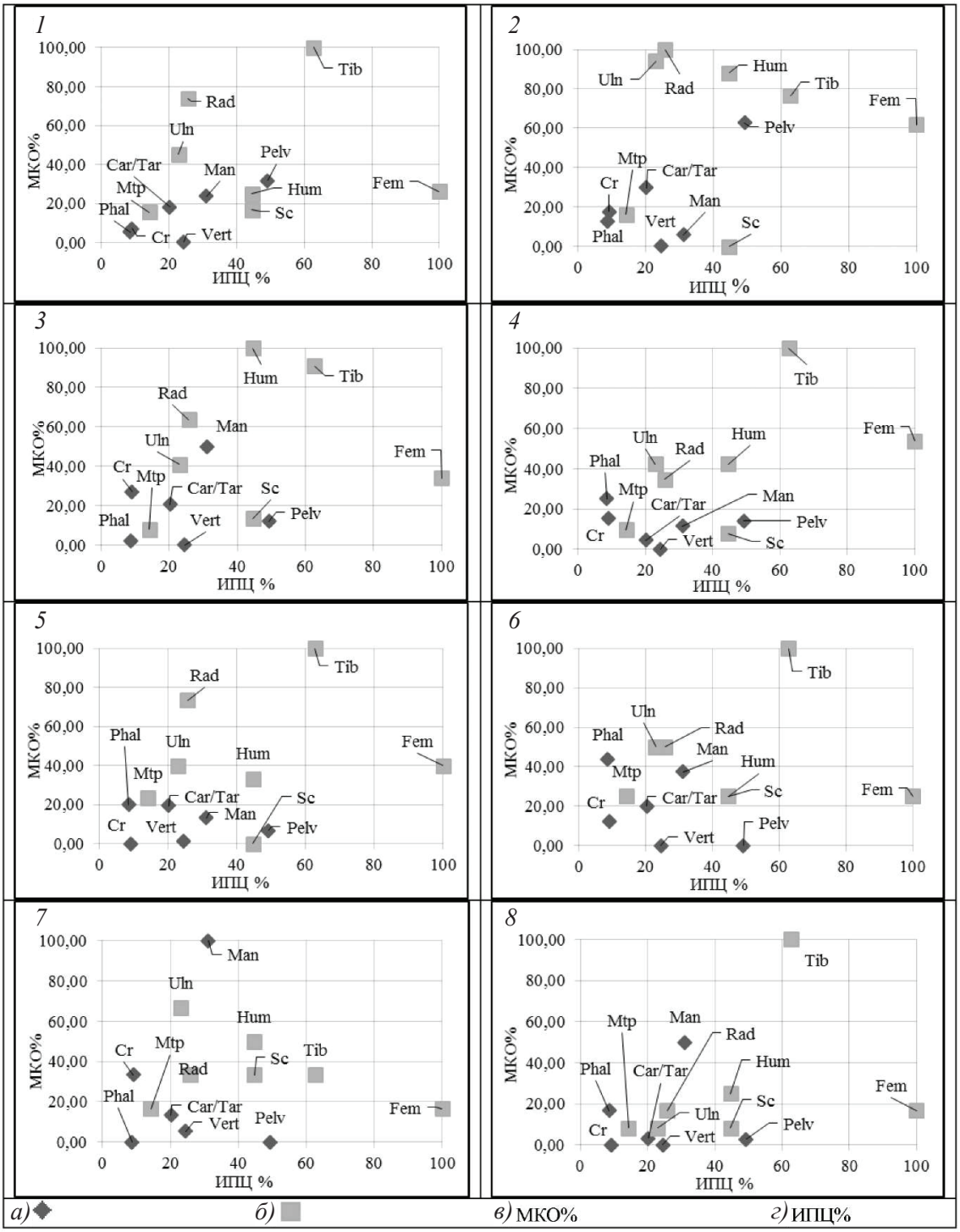
Хайкунова Н.А. Комплексы стоянки Третий Мыс: проблема объединения // Палеолит и мезолит Восточной Европы / Отв. ред. К.Н. Гаврилов. М.: ИА РАН, 2011. С. 383–396.

Binford L.R. Nunamiut ethnoarchaeology. N.Y.: Academic Press, 1978. 509 p.

Marean C.W. Large Mammal Skeletal Element Transport: Applying Foraging Theory in a Complex Taphonomic System // J. of Taphonomy. 2003. Vol. 1. P. 15–42.

Reitz E.J., Wing E.S. Zooarchaeology. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2008. 533 p.

Soffer O.A. The Upper Paleolithic of the Central Russian Plain. N.Y.: Academic Press, 1985. 539 p.



Процентное соотношение МКО бизонов и лошадей с ИПЦ на участках стоянок каменнобалковской культуры.

1 – бизон, восточный участок КБ II; 2 – бизон, западный участок КБ II;
3 – бизон, юго-западный участок КБ II; 4 – лошадь, восточный участок КБ II;
5 – лошадь, западный участок КБ II; 6 – лошадь, юго-западный участок КБ II;
7 – бизон, юго-западный участок ТМ; 8 – лошадь, юго-западный участок ТМ.

а – кости малой степени утилизации; б – кости большей степени утилизации; в – минимальное количество особей, выраженное в процентах; г – индекс пищевой ценности, выраженный в процентах.

Cr – черепные кости; Man – нижняя челюсть; Vert - позвонки; Sc – лопаточная кость; Hum – плечевая кость; Rad – лучевая кость; Uln – локтевая кость; Pelv – тазовая кость; Fem – бедренная кость; Tib – б. берцовая кость; Car/Tar – суставные кости; Mtp – метаподии; Phal – фаланги.

ИРБА-2: НОВЫЙ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК В ПРЕДГОРЬЯХ САЯН

© 2014 г. А.В. Поляков[1], П.Б. Амзараков[2], О.В. Ковалева[2], С.А. Васильев[1], Г.Ю. Ямских[3], Г.Ф. Барышников[4], Е.Ю. Гиря[1], Н.Д. Бурова[1], В.С. Зубков[5]

[1]Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург (poliakov@yandex.ru; sergevas@AV2791.spb.edu; kostienki@narod.ru; ikb@mail.ru)
[2]Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Абакан (petr_amzarakov@mail.ru; kovalevahmk@mail.ru)
[3]Сибирский федеральный университет, Красноярск (yamskikh@mail.ru)
[4]Зоологический институт РАН, Санкт-Петербург (G_Baryshnikov@mail.ru)
[5]Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, Абакан (zubkoffval2013@mail.ru)

Ключевые слова: Красноярский край, Саяны, поздний палеолит, афонтовская культура.

Резюме. Доклад посвящен предварительным результатам работ, проведенных в 2012 г. в Красноярском крае по трассе строящейся железной дороги Кызыл – Курагино. Во время исследования многослойного поселения Ирба-2 ниже культурных напластований бронзового века были обнаружены остатки, относящиеся к плейстоцену. Найдены кости бизона, северного, благородного и гигантского оленя, лошади, медведя, изделия из камня и предметы обработанного рога. Радиоуглеродное датирование указало на финальноплейстоценовый возраст находок (примерно от 12,5 до 11,3 тыс. лет). Комплекс принадлежит к афонтовской культуре, доминировавшей в бассейне Верхнего Енисея в конце палеолита. Среди находок примечательна мраморная галька со следами гравировки.

Открытый Саянской экспедицией ИИМК РАН под руководством А.В. Полякова в 2012 г. памятник расположен восточнее пос. Курагино Красноярского края в долине р. Ирба по ее правому берегу в 2,5 км от устья (координаты 53°54’10.3” с.ш., 92°46’35.2” в.д.). Работы на объекте были связаны с вскрытием участка поймы с поздними археологическими остатками (в диапазоне от скифского времени до неолита – бронзы) на отрезке проектируемого начала ответвления железной дороги Курагино – Кызыл от действующей дороги Абакан – Тайшет. В ходе раскопок, проводившихся вытянутой с юго-запада на северо-восток полосой, состоящей из секторов (пикетов), разделенных бровками, и в целом обозначенной как раскоп 1, ниже голоценовых слоев были обнаружены артефакты, связанные с плейстоценовыми седиментами.

Что касается наличия следов палеолитического человека, то ранее в районе исследования были известны только обнаруженные С.А. Васильевым в 2009 г. на второй (12–14 м) террасе многослойная стоянка Гора Веселовская (расположена примерно в 1 км к юго-востоку от описываемого пункта по другому борту долины) и полностью разрушенное местонахождение Качулька.

Памятник, получивший название Ирба-2, расположен необычно для палеолита и морфологически связан с уровнем современной высокой поймы р. Ирбы (высота 3,5 м над ур. реки). В целом горизонтальная площадка поймы (с небольшим подъемом в юго-западном направлении) имеет юго-восточную экспозицию. К северо-востоку и юго-западу от описываемого участка высокая пойма сменяется низкой (с превышением 1–2 м); низкая же

пойма формирует противоположный правый берег Ирбы. Данный участок доминирует над широкой волнисто-гривистой поймой долины р. Ирбы, над которой возвышаются останцы второй надпойменной террасы.

К участку расположения памятника с северо-запада примыкает уровень 38 м террасы (третьей, судя по гипсометрическим оценкам С.А. Коляго (1967)), сложенной мощной толщей лессов. К сожалению, участок стыка этих уровней нарушен при прокладке железной дороги, что затрудняет геоморфологическое описание. Отметим наличие ясно видимого крупного цирка отседания блока третьей террасы, расположенного к северо-востоку от памятника за железной дорогой. Участок данной террасы протягивается в северо-восточном направлении вплоть до р. Ирбы (район железнодорожного моста). В противоположную сторону уровень террасы постепенно снижается, переходя в участок первой (?) террасы, вскрытый песчаным карьером, расположенным к западу от памятника.

В целом подобная дислокация указывает на вероятное тектоническое опускание обширного участка второй надпойменной террасы до уровня современной высокой поймы, которая причленена к данному геологическому телу. Подобное расположение палеолитического памятника на аномально низких уровнях долины зафиксировано в позднем палеолите Восточной Европы (Авдеево). Что касается Сибири, то на Среднем Енисее Г.В. Григорьевой исследовалась аналогично расположенная стоянка Кокорево VI (Абрамова и др., 1991. С. 85–86).

Культурные остатки залегали на глубинах 0,80–1,00 м. Они были приурочены к слою плотной серо-желтой легкой облессованной супеси, обозначенной при фиксации как слой 3. В высохшем виде супесь трещиноватая, сильно заизвесткована (известь представлена в виде точек, разводок и трубок по следам корнеходов растений), ожелезнена, нарушена ходами землероев и пронизана корнеходами растений. Слой 3 перекрывался современной почвой с археологическими остатками скифского времени и подстилающим слоем плотной желто-коричневой супеси, содержащей остатки эпохи бронзы и неолитического времени. Ниже культуросодержащего слоя, до глубины порядка 3 м, в глубокой траншее, поставленной вдоль северо-западной стенки сектора 59 и в шурфе, поставленном в юго-восточном углу раскопа 2, была прослежена пачка горизонтально слоистых серых и желто-серых супесей. В этой части разреза на разных глубинах были открыты единичные плохо сохранившиеся фрагменты костей и угольки, не образовывавшие единого уровня залегания и, скорее всего, не связанные с деятельностью человека.

Супесь, включающая культурные остатки, может интерпретироваться как эоловое образование, а подстилающие слоистые супеси рассматриваться в качестве перигляциального аллювия террасы. В целом облик разреза соответствует известной по колонкам многочисленных стоянок Енисея второй надпойменной террасе. Вероятен финальноплейстоценовый возраст толщи с культурными остатками, в то время как нижележащие отложения представляют собой типичный позднесартанский аллювий. По костям животных получены радиоуглеродные датировки: 11 300±190 (ЛЕ-10006) и 12 550±120 (ЛЕ-9927).

Распространение предметов в плане было ограничено преимущественно северо-восточной частью раскопа 1 и участком, расположенным к югу от основного раскопа (район отдельно поставленного раскопа 2). Далее в юго-западном направлении находки исчезали, а стратиграфия приобретала иной характер: на нижнем контакте голоценовой части отложений появлялась четко видимая в разрезе пачка оглеенных суглинистых слойков. Можно интерпретировать данное явление как указатель наличия локального влажного заболоченного места. Далее в том же направлении стратиграфия приобретала прежний характер и в крайних юго-западных секторах раскопа 1 встречались единичные разрозненные находки палеолитического времени.

Находки были представлены немногочисленными костными остатками и предметами расщепленного камня. Предметы не образовывали единого уровня залегания, они были разбросаны в однородной толще на уровнях 0,2–0,3 м от кровли слоя с перепадом в 10–20 см по глубине. Отметим, что все изделия лежали горизонтально на широкой плоско-

сти, что может указывать на непереотложенность слоя.

Фаунистические остатки представлены костями бизона (преобладает), благородного и северного оленя, лошади и бурого медведя. Сочетание типично степных и лесных видов свидетельствует о мозаичном характере ландшафта в период обитания на стоянке человека. Интересно отметить наличие остатков рога крупного оленя *Megaloceros giganteus*.

Основную массу находок составляют предметы расщепленного камня. Все изделия покрыты слоем карбонатной корки. В качестве главного источника сырья обитатели стоянки использовали близлежащие галечники. Среди находок преобладают предметы из серо-зеленых окремненных пород типа кремнистых сланцев, серо-зеленых, черных и серых (до прозрачных) кварцитов, серых и серо-фиолетовых эффузивных пород. Встречены предметы из разнообразных зелено-серых пород, иногда полосчатых. Изредка использовались серо-желтые полосчатые, зеленые, серые, черные, полупрозрачные желтые кремни хорошего качества, желтые и коричневато-красные яшмы, молочно-белый кварц и серо-черный микрокварцит.

Нуклеусы представлены серией крупных предметов на гальках и расколотых гальках, чаще всего одноплощадочных (есть и двуплощадочные формы), брошенных на начальной стадии оформления после создания площадки и пробных снятий. Выразительно одноплощадочное ядрище поперечного варианта с обработанной радиальными сколами выпуклой тыльной стороной (типично леваллуазский прием). Первичные сколы и сколы оживления ядрищ единичны. Кроме того, имеется выразительная серия атипичных и типичных клиновидных ядрищ; один клиновидный нуклеус удлиненный.

Среди сколов доминируют отщепы с гладкими площадками (изредка встречаются двугранные и фасетированные площадки). Пластинчатые отщепы, пластинки и микропластинки немногочисленны и по большей части атипичны. Интересно наличие нескольких леваллуазских острий. На ряде предметов четко читаются следы сработанности; часть отщепов использовалась в качестве ножей. Кроме того, есть серия осколков галек, угловатых обломков и чешуек.

В орудийном наборе выразительной серией представлены скребла. Они изготовлялись на обломках галек, массивных сколах и отщепах. Среди разнообразных форм отметим наличие одинарных выпуклых, прямых и вогнутых скребел, конвергентных, двойных, бифасиальных форм. Имеется скол оживления лезвия скребла. Есть скребки на отщепах – короткие и укороченные, миниатюрные с выемкой в основании, округлые с обработкой по периметру. Интересно наличие резцов (угловых и срединных). Отметим чопперы, клювовидные и долотовидные изделия, единственный образец пластинки с притупленным краем. Привлекает внимание крупная подтреугольная в плане заготовка листовидного бифаса.

Судя по характеру инвентаря, включающему небольшое число отходов производства при значительной доле сильно сработанных орудий и сколов со следами утилизации, а также брошенных на начальной и конечной стадиях эксплуатации ядрищ, на раскопанной площади процессов расщепления, выделки и переоформления орудий не велось. Такой состав инвентаря типичен для периферийных зон жилых стоянок, куда отбрасывались ненужные предметы.

Общий облик каменного инвентаря памятника однороден. Единичные признаки (наличие выветрелого скола, различия в состоянии поверхностей негативов на другом изделии) указывают на то, что обитатели стоянки подбирали и вторично использовали более древние предметы (распространенная в позднем палеолите Сибири практика). Характер инвентаря с преобладанием скалывания отщепов, наличием развитой микропластинчатой техники, доминированием среди орудий скребел, скребков и долотовидных форм указывает на принадлежность памятника к афонтовской культуре, доминировавшей в Минусинской котловине и ее горном окружении в позднесартанское время (15–10 тыс. л.н.). Ближайшие аналогии изделия с Ирбы имеют в материалах верхних культурных слоев Майнинской стоянки (Васильев, 1996), с которыми они близки и хронологически.

Привлекает внимание обломок ветви рога благородного оленя со следами надрезов и

два фрагмента рога оленя, которые, по данным трасологического исследования и сопоставления с экспериментальными данными (Хлопачев, Гиря, 2010), могут интерпретироваться как ядрище и скол.

Особое значение памятнику придает редкая находка – овальная плоская галька белого мрамора с 37 насечками по краю, крестообразными гравировками на обеих плоскостях и следами незавершенных сверлин (см. *рисунок*). Ближайшие аналоги находка из Ирбы находит в гравированных дисках из агальматолита, происходящих из старых раскопок Афонтовой Горы II и III (Абрамова, 1962. Табл. LIX; LX, *3*). Источников мрамора в районе расположения стоянки не отмечено, вероятнее всего, галька принесена с берегов Енисея, где вблизи той же Майнинской стоянки имеется известное Кибик-Кордонское месторождение мрамора.

Представляется перспективным продолжение исследования этого необычного объекта. Прежде всего, необходимо получение полного разреза рыхлых отложений террасы до галечника или скального цоколя. В дальнейшем с целью поиска вероятного центра древнего поселения стоит обратить внимание на изучение участка террасы, расположенного к югу и юго-западу от раскопа 2, в районе, примыкающему к мосту через р. Ирба.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

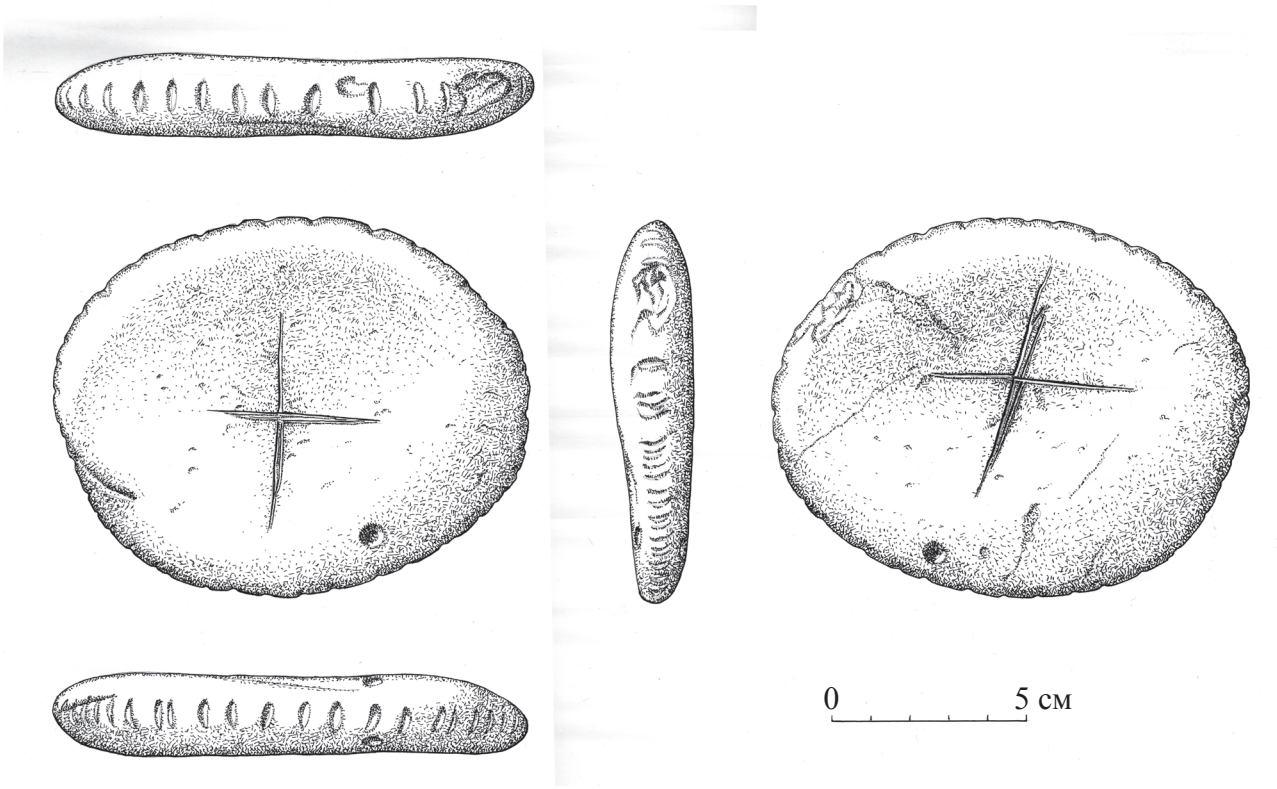
Абрамова З.А. Палеолитическое искусство на территории СССР. М.; Л.: Наука, 1962. 85 с. (САИ; Вып. А4-3).

Абрамова З.А., Астахов С.Н., Васильев С.А., Ермолова Н.М., Лисицын Н.Ф. Палеолит Енисея. Л.: Наука, 1991. 158 с.

Васильев С.А. Поздний палеолит Верхнего Енисея. СПб.: Петербург. востоковедение, 1996. 224 с.

Коляго С.А. Правобережье Минусинской впадины. Л.: Наука, 1967. 121 с.

Хлопачев Г.А., Гиря Е.Ю. Секреты древних косторезов Восточной Европы и Сибири: приемы обработки бивня мамонта и рога северного оленя в каменном веке (по археологическим и экспериментальным данным). СПб.: Наука, 2010. 144 с.



Мраморная галька с гравировкой со стоянки Ирба-2 (рисунок В.Г. Ефимова).

ПЕРВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ ОТКРЫТОГО ТИПА ШУЛЬГАНОВО-4 В ГОРНО-ЛЕСНОЙ ЗОНЕ ЮЖНОГО УРАЛА

© 2014 г. М.М. Румянцев

Научно-исследовательский центр «Наследие», Уфа
(rumiantsevmike@rambler.ru)

Ключевые слова: верхний палеолит, пещера Шульган-Таш (Капова), стратиграфия, культовая практика, Южный Урал.

Резюме. В 2013 г. при обследовании окрестностей пещеры Шульган-Таш (Капова) автором была обнаружена многослойная стоянка Шульганово-4. В разрезе четко видны четыре углисто-сажистые прослойки и пятый слой выделен на основе угольков и археологических находок, залегающих в темно-сером среднем суглинке между известняковой щебенкой. Проведенный спорово-пыльцевой анализ показал кудашевское (осташковское) время функционирования очагов и табулдинское (ленинградское) время нижнего слоя посещения. Выявленные археологические находки находят аналоги в расположенной рядом пещере Шульган-Таш.

С момента открытия в 1959 г. палеолитической живописи в пещере Шульган-Таш (Капова) основные усилия разведочных работ на окружающей территории сводились к поиску палеолитических остатков в других пещерах. Необходимость поиска палеолитических стоянок открытого типа, как в окрестностях пещеры Шульган-Таш, так и на Южном Урале в целом, назрела уже давно.

В 2013 г. в ходе сплошной археологической разведки в долине р. Белая возле пещеры Шульган-Таш было заложено 60 шурфов. Выявлены памятники эпохи палеолита – один пещерный и два открытого типа. Так, на известной стоянке эпохи раннего железа Акбулатово-3, расположенной на 3-й надпойменной террасе (14–18 м над урезом воды), в плейстоценовых отложениях выявлены грубые изделия из кварцита эпохи нижнего палеолита (поздний ашель или раннее мустье).

Рассматриваемая стоянка Шульганово-4 расположена в Бурзянском р-не Республики Башкортостан, в 0,2 км к юго-западу от входа в пещеру Шульган-Таш, на правом берегу р. Белая, в устье р. Шульган, вытекающей из пещеры.

Предварительно площадь памятника определена по естественной границе, которая вытянута вдоль русла р. Белая и имеет размеры 20×80 м. Площадка представляет собой ровную вершину пойменного останца, ограниченного с юга и запада действующими руслами рек, с севера и востока – древним руслом р. Шульган. Расстояние до р. Белая составляет 10–12 м, высота над урезом воды около 3 м (276,0 мБС). Площадка и прилегающая пойма полностью поросли лесом и кустарником.

Заложенный шурф (1×2 м) доведен до глубины 1,60 м. На уровне 1 м от дневной поверхности был выявлен культурный слой, перекрытый аллювиальными отложениями. Стратиграфия (по восточной стенке) следующая.

1. Дерн, мощность 0,1 м.

2. Светло-коричневая гумусированная супесь, мощность 0,9 м.

3. Коричневый средний суглинок с включением линз мелкозернистого песка и темно-сажистого плотного суглинка. Мощность пачки 0,5 м. Пачка содержит четыре прослойки сажистого темно-коричневого суглинка мощностью от 1 до 12 см с включением кусочков угля. Слои имеют горизонтальное строение с небольшим уклоном в сторону древнего русла р. Шульган. Расстояние между углистыми прослойками от 5 до 15 см, заполнено корич-

невым средним суглинком и линзами из мелкого речного песка. Границы перехода между прослойками четкие. Нижняя прослойка (4-я линза) насыщена фрагментированными кусками трубочек окиси железа, образованных на корнях растений. Горизонтальное строение залегания сажистого темно-коричневого суглинка, их периодичность и насыщенность углем (также встречены археологические материалы) дает основание предполагать, что это замытые очаги.

4. Темно-серый средний суглинок с заполнением мелкой (до 3 см) и средней (до 8 см) угловатой (слабоокатанной) известняковой щебенкой. Мощность от 10 до 15 см, глубина залегания 150 см от дневной поверхности. Слой также насыщен фрагментированными кусками трубочек окиси железа.

Научным сотрудником Института геологии УНЦ РАН канд. биол. наук Р.Г. Курмановым были изучены пять образцов, взятых на спорово-пыльцевой анализ.

Первый образец взят из светло-коричневой гумусированной супеси с глубины 0,55 м. Согласно палиноспектру, растительность восстанавливается в виде опушки хвойно-широколиственного и пойменного леса. Под пологом леса и на опушках разрастались папоротники. Уровень залегания слоя и растительность указывают, что формирование происходило в голоценовый период с современными климатическими условиями.

Три образца, взятые из пачки переслаивающихся суглинков и очагов восстанавливают растительность в виде березово-сосновых лесов и открытых пространств с полынно-разнотравными лугами, что характерно для ландшафтов данной территории в кудашевское (осташковское) время (Данукалова, 2010. С. 119), т.е. около 23–10 тыс. л.н. Стоит отметить, что в результате раскопок в 1980-х гг. зала Знаков в пещере Шульган-Таш под руководством В.Е. Щелинского был обнаружен культурный слой, в котором спорово-пыльцевой спектр состоит из пыльцы древесных пород – 30 %, травянисто-кустарниковых растений – 66%, спор – 4% (Щелинский, 1997. С. 30.) и соотносится с полученными данными Шульганово-4 (2-го и 3-го образцов). В этот период происходит похолодание климата, что на территории памятника Шульганово-4 проявилось в слабых по мощности осадконакоплениях.

Пятый образец, взятый из темно-серого среднего суглинка с глубины 1,55 м, характеризует данную территорию как широколиственный лес с примесью хвойных и мелколиственных пород, что характерно для ландшафтов табулдинского (ленинградского) времени (Данукалова, 2010. С. 119), т.е. около 34–23 тыс. л.н. На территории Южно-Уральского региона табулдинское время принято считать межледниковьем, в котором состав флоры был близок к современному, но было суше и прохладнее, в горах была выражена высотная зональность (Там же). Невысокое расположение над уровнем реки этого слоя (всего около 1,5 м) указывает на то, что в эпоху верхнего палеолита эта поверхность являлась пляжем. При всем этом стоит отметить, что сам вход в пещеру Шульган-Таш расположен на 8 м выше уровня реки, что для памятников верхнего палеолита в других регионах не характерно. Кроме того, ниже по течению реки, на высоте 3 м над урезом воды В.Г. Котовым (2009. С. 36) был исследован грот Максютовский с культурным слоем верхнего палеолита. Таким образом, результаты палинологического изучения отложений стоянки и материалы других памятников эпохи верхнего палеолита подтверждают выводы В.Л. Яхимович о том, что 1-я надпойменная терраса (высота 3–4 м) в горных долинах крупных рек Южного Урала относится ко второй половине вюрмского яруса (Бадер, 1965. С. 241).

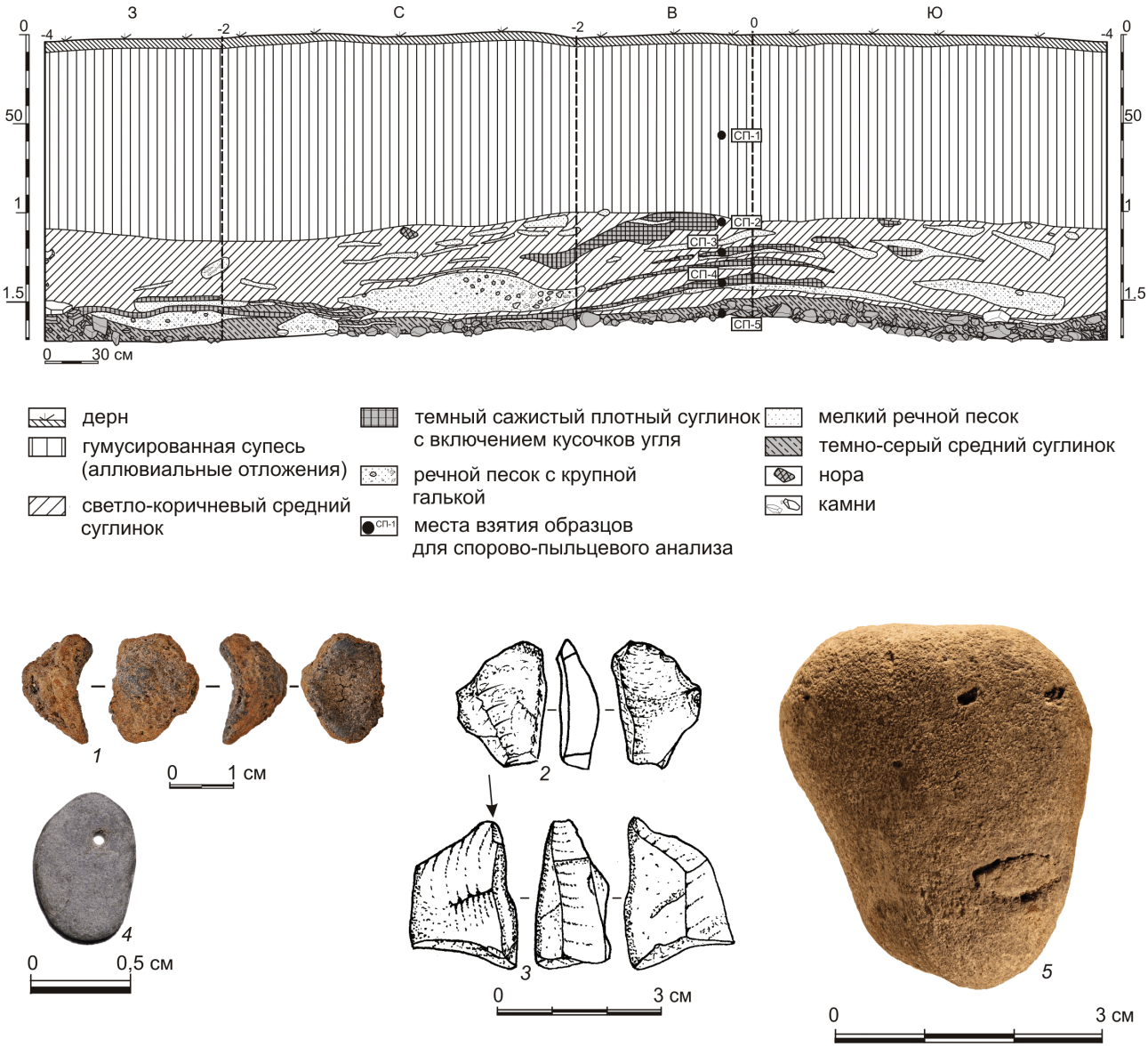
Изучение стратиграфии и спорово-пыльцевой анализ выявляют систему образования пластов в условиях постоянного контакта с водой, что отразилось и на спорово-пыльцевой переотложенности. Однако пачка переслаивающихся сажистых темно-коричневых суглинков (очаги), имеющая горизонтальное строение, дает основание предполагать, что слои формировались путем постепенного намыва без значительного разрушения подстилающих слоев.

Культурные отложения залегают в пачке коричневого среднего суглинка с линзами очагов и в подстилающем ее слое темно-серого среднего суглинка, предварительная мощность их составляет от 50 до 55 см.

Находки обнаружены в 4-й очажной линзе, они представлены куском обожженной глины (обмазка?) (см. *рисунок, 1*). Кусок имеет конусовидную форму, с широкой стороны поверхность вогнута (вдавлена?), размер 1,7×1,4×0,9 см. Цвет вытянутой стороны буро-коричневый, вогнутой поверхности (в месте вдавления) – темный, что указывает на неравномерный обжиг, структура теста рыхлая, пористая. Примесь теста состоит из песка. На поверхности видны неправильной формы борозды, возможно от сгоревших веточек. Края слегка окатаны. Каменные изделия представлены скребком со скошенным лезвием на вторичном отщепе из кварцито-песчаника серовато-коричневого цвета (см. *рисунок, 2*). Другое орудие на угловатом сколе с гальки кварцито-песчаника, имеет выделенное ретушью острие (см. *рисунок, 3*).

Археологический материал из отложений темно-серого суглинка представлен подвеской (или нашивкой?) (см. *рисунок, 4*). Она изготовлена из плоской сланцевой галечки темно-зеленого цвета размером 0,8×0,5×0,1 см. Отверстие проверчено с одной из сторон, расположено у края суженой части, и имеет округлую форму диаметром 0,5 мм. В раскопе В.Е. Щелинского (1997. С. 33) в зале Знаков пещеры Шульган-Таш была обнаружена подвеска, также изготовленная из плоской галечки (около 3 см) сланцеватой породы камня, со сверленным с двух сторон отверстием.

Уникальной находкой является галечная скульптура в форме головы человека из глад-



Стратиграфия шурфа и археологический материал стоянки Шульганово-4. *1* – обожженная глина; *2* – скребок; *3* – орудие; *4* – подвеска (нашивка?); *5* – галечная скульптура.

кой известняковой овальной гальки размером 4,0×3,4×1,7 см (см. *рисунок, 5*). На одной стороне на расстоянии 1 см друг от друга со сдвигом вправо пикетажем выбито два углубления неправильной формы 2,0×1,5 мм, глубиной около 0,5 мм. В нижней части пикетажем выбит желобок линзовидной формы, обозначающий рот человека. Обратная поверхность гальки гладкая, слегка растворена выщелачиванием. Аналог этому изделию имеется в пещере Шульган-Таш, где в ходе исследований первого уступа (Балкона) Каскадной галереи была обнаружена В.Г. Котовым (2012. С. 182) в плейстоценовых отложениях фигурка мамонта из кварцитовой гальки.

Еще одно изделие представляет собой массивный вторичный скол с гальки из кварцито-песчаника. Ударная площадка сохраняет естественную корку. Края скола оббиты вертикальной ретушью. Ретушь аморфна из-за крупнозернистости материала. Следующий предмет – массивный скол с известняковой гальки, боковые грани сформированы широкими снятиями, произведенными от поверхности скола. Грани заглажены из-за выщелачивания. Еще у одного изделия на массивном сколе известняка край скошенной грани подправлен крутой ступенчатой ретушью среднего размера (до 0,5 см) и двумя сколами оформлено острие выступа. Вдоль правой грани расположена несистематическая ретушь. Поверхность скола и грани заглажены выщелачиванием. Большое количество изделий, в т.ч. орудий из известняка и кальцита, было обнаружено в пещере Шульган-Таш (Щелинский, 1997; Котов, 2010. С. 76).Остеологический материал среди находок отсутствует. Горизонт с темно-серым средним суглинком и известняковой щебенкой полностью выбран не был, на памятнике предполагаются дальнейшие исследования.

Итогом проведенных работ стало выявление пяти горизонтов, насыщенных углями. Согласно результатам спорово-пыльцевого анализа, четыре из них относятся к кудашевскому (осташковскому) времени, пятый – к табулдинскому (ленинградскому). Археологические находки обнаружены в 4-м и 5-м слоях, в 5-м слое выявлены предметы изобразительной деятельности и украшения, что указывает на связь деятельности людей этого горизонта с культовой практикой. Находка галечной скульптуры, украшения из гальки и изделия из известняка находят аналоги в пещере Шульган-Таш, что указывает на принадлежность этих памятников к единой культурной традиции. Тот факт, что стоянка Шульганово-4 находится на расстоянии всего 200 м от входа в пещерное святилище Шульган-Таш (Капову пещеру), позволяет предполагать существование прямой связи этих памятников между собой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бадер О.Н. Памятники палеолита на Южном Урале и их стратиграфическое значение // Антропоген Южного Урала М.: Наука, 1965. С. 239–245.

Данукалова Г.А. Уточненная региональная стратиграфическая схема квартера Предуралья и основные события на территории Южно-Уральского региона // Стратиграфия. Геологическая корреляция. 2010. Т. 18; Вып. 3. С. 107–124.

Котов В.Г. Верхний палеолит // История башкирского народа. Т. 1 / Отв. ред. М.М. Кульшарипов. М.: Наука, 2009. 400 с.

Котов В.Г. Новые результаты археологического изучения пещеры Шульган-Таш (Каповой) // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология. Уфа, 2010. С. 74–78.

Котов В.Г. Скульптуры на основе естественных форм в палеолите Урала // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб.: ИИМК РАН; Периферия, 2012. С. 179–184.

Щелинский В.Е. Палеогеографическая среда и археологический комплекс верхнепалеолитического святилища пещеры Шульган-Таш (Каповой) // Пещерный палеолит Урала: Мат-лы междунар. конф. Уфа, 1997. С. 29–38.

РАННИЙ ПАЛЕОЛИТ ЗАПАДНОГО ПРИКАСПИЯ: НОВЫЕ ДАННЫЕ

© 2014 г. А.Г. Рыбалко

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
(rybalko@archaeology.nsc.ru)

Ключевые слова: палеолит, каменная индустрия, первичное расщепление, Дагестан.

Резюме. В ходе многолетних археологических исследований памятника Дарвагчай-залив-1 было выявлено нескольких разновозрастных культурно-хронологических комплексов палеолитических артефактов. На основе комплексного анализа геологической ситуации и технико-типологического облика исследуемых каменных артефактов проведено культурно-хронологическое разделение обнаруженных коллекций и намечены культурные связи археологических комплексов данного местонахождения с памятниками сопредельных территорий.

Стоянка Дарвагчай-залив-1 расположена в Дербентском р-не Республики Дагестан, на крутом юго-западном склоне останца древнекаспийской террасы. Высота склона в районе памятника от уреза водохранилища составляет 40 м. Место расположения стоянки соответствует переходу от предгорий к равнинной части Западного Прикаспия и представляет собой узкую (до 30 км шириной) полосу третичных и раннечетвертичных отложений, протянувшуюся с юго-востока на северо-запад. С востока район огражден Каспийским морем, с запада – известковыми хребтами мелового возраста, а в геоморфологическом плане подразделяется на две обособленные части: прибрежную равнину и область предгорий, естественная граница между которыми проходит по третьей древнекаспийской террасе, имеющей бакинский возраст. В районе местонахождения Дарвагчай-залив-1, на берегах водохранилища к настоящему времени обнаружено несколько пунктов с палеолитическими артефактами. Все они связаны с крутыми береговыми склонами и обнажениями, в которых снизу вверх прослеживаются прибрежно-морские и континентальные осадки (Деревянко и др., 2012).

В 2009 г. на памятнике были проведены полномасштабные рекогносцировочные исследования, в ходе которых на склоне террасы была заложена серия шурфов. В процессе этих исследований артефакты в разной степени концентрации были обнаружены во всех шурфах на протяжении всей мощности вскрытых отложений. Результатом данных исследований явилось обнаружение нескольких разновозрастных культурно-хронологических комплексов палеолитических артефактов.

Предварительный анализ полученных разрезов позволил выделить три большие разновозрастные пачки отложений.

Нижняя часть террасы образована в результате трансгрессий Каспийского моря. Здесь отчетливо фиксируются прибрежно-морские отложения в виде слоистых глин и алевритов акчагыльского возраста ($N_2^3{}_{ak}$), на которых залегают бакинские слои (Q_1b), представленные детритовыми песками, конгломератами и монолитными пластами ракушняка-известняка.

Среднюю часть террасы занимают галечно-гравийные отложения. Слабая отсортированность и разная степень окатанности обломочного материала, наличие разнообразного рыхлого заполнителя предполагают пролювиально-делювиальный генезис этих отложений. Приблизительная мощность данной толщи в районе памятника составляет 16,5 м.

Последний, самый верхний пласт представлен покровными отложениями в виде разнообразных супесей и суглинков. Мощность данной толщи составляет 7–10 м.

В полевом сезоне 2013 г. были начаты археологические раскопки на части памятника, где были обнаружены каменные артефакты,

составляющие культурно-хронологический комплекс, датируемый ранним палеолитом (Деревянко и др., 2013).

В ходе работ была вскрыта толща плейстоценовых отложений мощностью до 3 м. В разрезе отчетливо фиксируются три слоя. Археологические материалы залегали в слое 2. Образование данного литологического горизонта рассматривается как довольно длительный многоэтапный процесс, который происходил параллельно с накоплением археологических материалов.

Индустрия памятника Дарвагчай-залив-1 сформировалась на местной полисырьевой базе. В качестве исходного сырья использовались гальки и отдельности породы в виде разнообразных обломков и плиток из песчаника, известняка и кремня, которые являются непосредственной составляющей данного слоя. Все эти породы весьма разнообразны по своим поделочным свойствам.

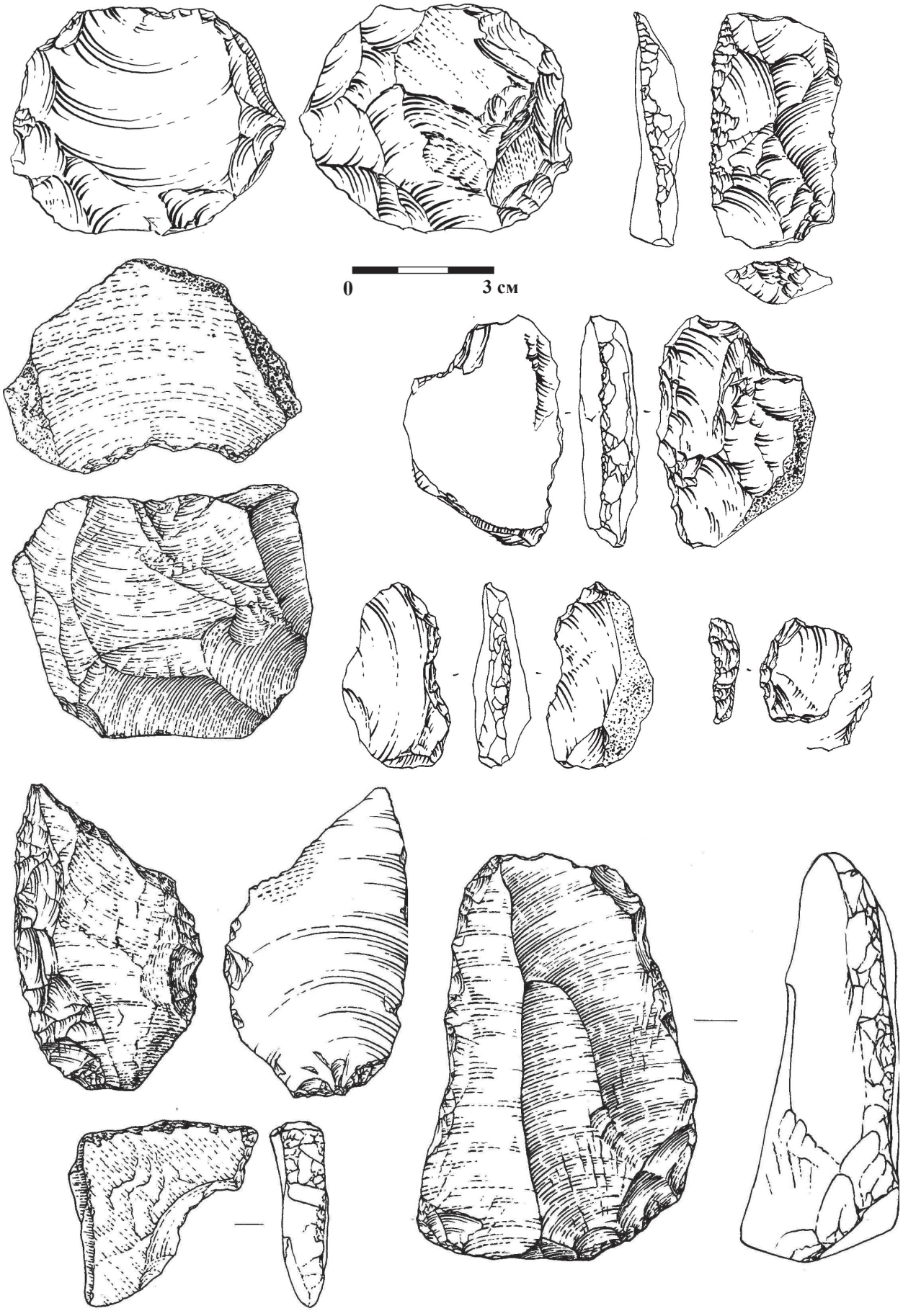
Технологические особенности каждого вида сырья в значительной мере определяли типы производимых орудий. Так, несмотря на то что наибольшее количество артефактов выполнено из кремня, все макроизделия изготовлены из песчаника и известняка. Кремень темно-серого, почти черного цвета плохого качества, трещиноватый, не дает правильного раковистого излома при скалывании. Поверхность артефактов в основном средне- и слабоокатанная. Также следует отметить наличие в коллекции небольшого количества неокатанных артефактов, у которых полностью отсутствуют следы соударений, образующиеся на каменных предметах при переносе их водным потоком.

Наиболее яркими типами изделий, характерными для ашельских комплексов, являются т.н. макроорудия. Наиболее полный набор включает: чопперы и чоппинги; нуклевидные скребки; ручные рубила; пики и кливеры. Подобные изделия в коллекции каменных артефактов Дарвагчай-залив-1 присутствуют. Есть галечные орудия в виде чопперов и чоппингов и нуклевидных скребков. Также в коллекции памятника есть одно рубило, изделие представляет собой частичный бифас подтреугольной формы с определенной комбинацией рабочих элементов (два продольных лезвия, оформленные двусторонними сколами, и приостренный дистальный край). В качестве заготовки использовалась плоская галька из кремнистого известняка. Стоит отметить, что в коллекции стоянки Дарвагчай-залив-1, как и в других ашельских памятниках исследуемого района, классических кливеров нет. Есть одно орудие, выполненное на крупном отщепе, с элементами подправки или утилизации на поперечном лезвии. Именно такие изделия (их еще называют кливеровидными) присутствуют в ашельских коллекциях пещерных стоянок Азых (Азербайджан) и Кударо-1 (Южная Осетия).

Что касается прочих орудий, количество функциональных типов среди них невелико (см. *рисунок*). Это в основном скребловидные изделия, представленные преимущественно одинарными формами. В качестве заготовок помимо сколов широко использовались различные обломки и плитки. Вторая крупная серия представлена острийными и шиповидными формами. Объединяет их наличие четко выраженного острого выступа, оформленного ретушью или клектонскими выемками. Последняя сводная группа состоит из скребков, выемчатых, зубчатых и различных комбинированных форм.

В целом раннепалеолитический культурно-хронологический комплекс памятника Дарвагчай-залив-1 характеризуется, в первую очередь, слабой типологической выраженностью и неустойчивостью нуклевидных и орудийных форм. Морфологически выраженных нуклеусов единицы. Для получения заготовок также использовался прием дробления. Последнее может быть связано как с примитивной техникой расщепления камня, так и с использованием каменного сырья (в основном кремня), имеющего многочисленные внутренние дефекты. Сколы имеют массивные укороченные пропорции, преимущественно естественную ударную площадку и ярко выраженный ударный бугорок. Индустрия памятника характеризуется высоким удельным весом орудий, которые составляют до 30 % от общего количества артефактов коллекции.

Высокая концентрация артефактов (для раннего палеолита), полный набор продуктов первичного расщепления (включая мелкие отщепы и чешуйки) и разнообразный набор орудий (в котором выделяются достаточно



Памятник Дарвагчай-залив-1. Каменный инвентарь. *1*, *4* – нуклеусы; *2* – скребло-нож; *3*, *7*, *9* – скребла; *5*, *8* – выемчатые орудия; *6* – скребок.

наглядные серии) свидетельствуют о наличии полного набора каменных артефактов, характерного для полноценных раннепалеолитических каменных индустрий.

Для раскрытия специфических особенностей каменной индустрии стоянки Дарвагчай-залив-1 необходимо сопоставление ее с наиболее значимыми, хорошо изученными и более-менее синхронными по возрасту кавказскими археологическими объектами.

Все ашельские памятники Кавказа можно условно разделить на две большие группы. Первую составляют основанные на вулканическом сырье ашельские индустрии Южной Грузии и Армении (армянское или закавказское нагорье, памятники Сатани-дар, Арзни, Джрабер и др.), их еще называют главным очагом ашельских индустрий с бифасами, где собрано большое количество ашельских рубил: по разным данным более тысячи. Характерные черты этих индустрий: развитая техника первичного расщепления (леваллуа, удлиненные, пластинчатые сколы в поздних комплексах), большое количество ашельских бифасов (до 50 % орудийного набора). Бифасы имеют уплощенный профиль, среди них много изготовленных на крупных отщепах – LF технология, широко распространенная в позднеашельских комплексах Африки и Ближнего Востока.

Вторую группу составляют памятники, базирующиеся на осадочных породах: пещеры Кударо-1 (Южная Осетия), Азых (Нагорный Карабах) и стоянка отрытого типа Яштух (Абхазия). Характерные черты: менее развитая техника первичного расщепления, в основном отщеповая, большой процент ретушированных орудий, среди которых преобладают скребловидные и шиповидные формы, малое количество (менее 1%) бифасиальных орудий, много частичных бифасов, для которых отмечается наличие галечной пятки или обушка. Бифасы в целом более массивные, выполненных на отщепах мало.

Раннепалеолитическая коллекция памятника Дарвагчай-залив-1, как и коллекция всего комплекса местонахождений Дарвагчайского геоархеологического района, наиболее близка второй группе ашельских стоянок Кавказа, среди которых особенно выделяется пещерная стоянка Кударо-1, как лучше всего изученная и освещенная в археологический литературе.

Если проанализировать основные составляющие каменной индустрии памятника Дарвагчай-залив-1, то становится очевидно, что они имеют много общего, а в некоторых случаях полностью аналогичны ашельскому ассамбляжу Кударо-1. Обе индустрии сформировались на местной полисырьевой базе, представленной известняками, песчаниками и низкокачественным кремнем. Характерными чертами индустрий являются высокий процент орудийных форм и невыразительное первичное расщепление, представленное в основном архаичными одноплощадочными нуклеусами, низкий процент макроорудий (10% – Кударо и 12% – Дарвагчай-залив-1) и практически аналогичный их набор, включающий чопперы, чоппинги, нуклевидные скребки, рубила и кливеровидные орудия. Также следует отметить высокий процент и богатый ассортимент орудий на отщепах, среди которых выделяются большие серии скребловидных, шиповидных, выемчатых, зубчатых и комбинированных изделий. Большое количество и вариабельность шиповидных и комбинированных изделий является особенностью памятников Кударо-1, Азых, Яштух и Дарвагчай-залив-1 и не находит аналогий в других ашельских индустриях Кавказа.

Подытоживая вышесказанное, стоит отметить, что территория Западного Прикаспия, несомненно, является зоной распространения ашельских индустрий с бифасиально обработанными орудиями. В то же время бифасы классических типов, имеющие сплошную обработку поверхности, здесь немногочисленны, преобладают т.н. частичные бифасы. Технологические особенности сырья, а также чрезвычайно разнообразные формы исходных заготовок обусловили большое разнообразие морфологических форм и, соответственно, низкую стандартизацию указанных орудий. Предполагаемый на основании геологических данных возраст отложений, специфический характер индустрии и облик основных категорий типологически выраженных артефактов позволяют отнести данные археологические материалы к числу среднеашельских комплексов Кавказа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Анойкин А.А., Рыбалко А.Г. Проблемы палеолита Дагестана. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. 292 с.

Деревянко А.П., Рыбалко А.Г., Кандыба А.В. Исследование раннего палеолита стоянки Дарвагчай-залив-1 в 2013 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: (мат-лы итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. 2013 год.). Т. XIX / Ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. С. 74–78.

К ВЫДЕЛЕНИЮ СПЕЦИФИЧЕСКИХ ФОРМ АРТЕФАКТОВ В НАЧАЛЕ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ЮЖНОЙ СИБИРИ И МОНГОЛИИ[1]

© 2014 г. Е.П. Рыбин

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск (rybep@yandex.ru)

Ключевые слова: Сибирь, палеолит, культурно значимые артефакты.

Резюме. В докладе анализируются модели распространения, производится определение вариабельности и хронологии распространения начального верхнего палеолита Южной Сибири и Монголии. Выделяются специфические для этого этапа и территории типы орудий, технология раскалывания и два типа украшений.

Исходя из особенностей технологии расщепления и их хронологии, наиболее древние верхнепалеолитические пластинчатые комплексы Южной Сибири и восточной Центральной Азии являются частью трансъевразийского феномена начального верхнего палеолита, возникновение, пути распространения и хронология которого до сих пор остаются предметом дискуссий. Обладает ли начальный верхний палеолит (далее НВП) Северной и Центральной Азии одним центром формирования? Или же возможно проследить существование нескольких географически удаленных друг от друга центров, где могут быть найдены пластинчатые индустрии, имеющие независимое друг от друга происхождение? Среди подходов к реконструкции вариабельности и путей распространения НВП на территории Южной Сибири и восточной части Центральной Азии важную роль может сыграть определение хронологии и географического распределения специфических культурных маркеров (орудий, технологий расщепления и личных украшений).

Острия с утончением поперечного края (Т-1 в *таблице*). Заготовкой служат пластины, у которых прослеживается конвергенция продольных сторон, заданная или вторичной обработкой или естественной формой пластины. Поперечный край орудия обработан мелкими сколами и/или плоской ретушью, формирующими насад.

Изделия с вентральной подтеской дистального окончания (Т-2). У этих изделий на

1 Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 13-06-12002.

поперечном дистальном крае с вентральной плоскости нанесены плоские мелкие сколы и ретушь, формирующие рабочий край.

Скошенные острия (Т-3). Дистальный участок продольного края изделия обработан крутой ретушью, сильно модифицирующей края изделия. Она формирует диагональные к оси симметрии орудия контуры рабочего края.

Острия/пластинки с притупленным краем (Т-4). Один из продольных краев орудий обработан отвесной ретушью, формирующей спинку изделия и задающей заостренные контуры изделия.

Листовидные/овальные бифасы (Т-5).

Пластины с основанием-черешком (Т-6). У них вертикальной, сильно модифицирующей ступенчатой ретушью или мелкими сколами в проксимальной части заготовки формировалось основание, утонченное с латералей.

Технология нуклеусов-резцов (Тех-1). Нуклеусы изготавливались из краевых пластин, из снятий ретушированного ребра подпризматических нуклеусов и из крупных первичных отщепов. На узкой стороне заготовок прослеживаются негативы встречных снятий узких пластинок. На терминалах заготовок оформлялись сильно скошенные площадки.

Украшения (У1/У2). Это подвески из трубчатых костей, обработанных по окружности прорезанными бороздками (У1), и бусины из скорлупы яиц страусов (У2).

Следует подчеркнуть, что эти предметы оцениваются нами как региональные маркеры. На других территориях они могут не иметь такого значения.

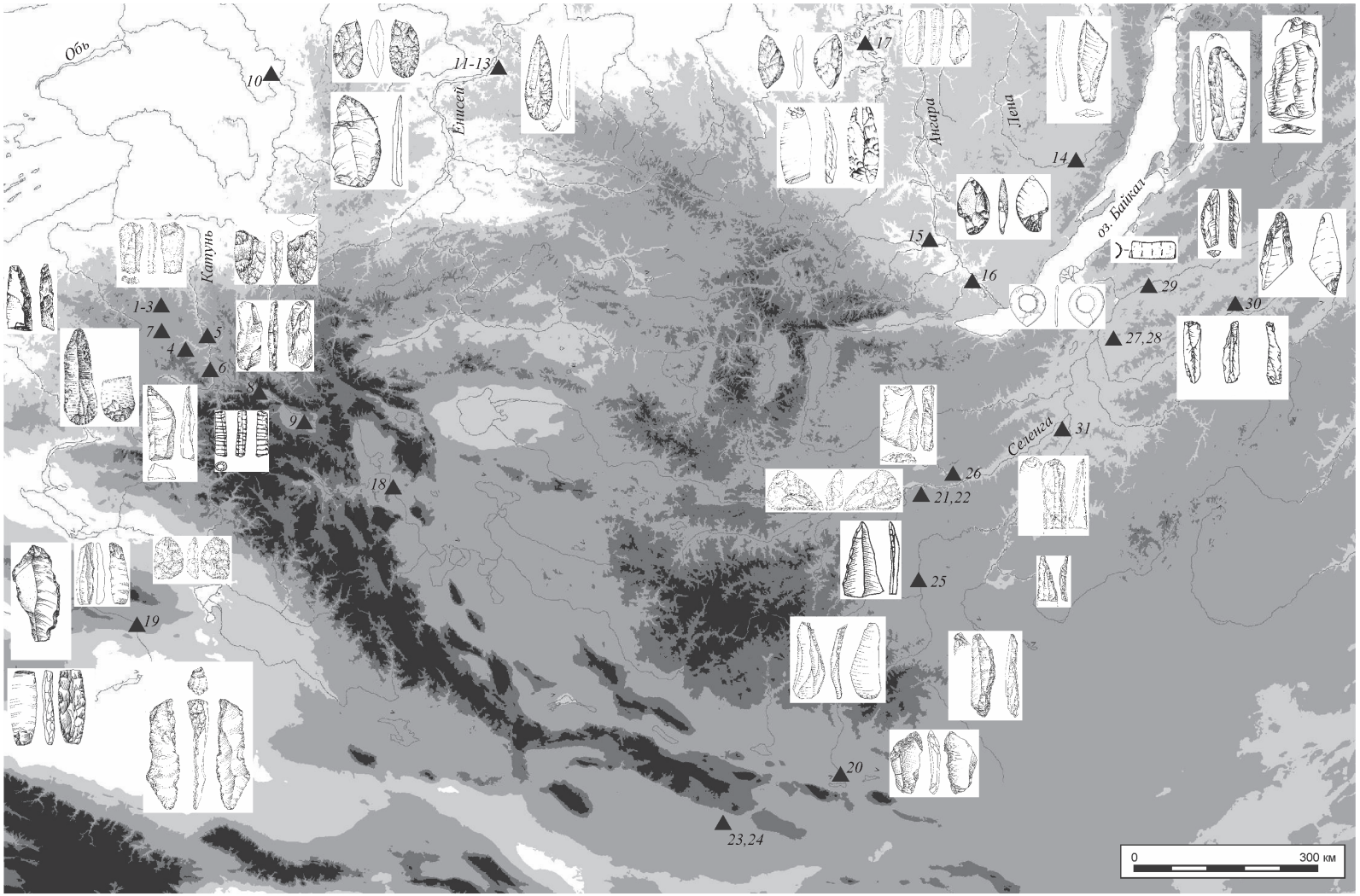
Нами рассмотрено 40 ассамбляжей, происходящих из следующих регионов: Горный

Распределение типов артефактов-маркеров по регионам

Регион	Тип							
	Т-1	Т-2	Т3	Т-4	Т-5	Т-6	Тех-1	У-1+У-2
Алтай (16 комплексов)	7	9	9	6	7	7	5	3
Верхний Енисей (4 комплекса)	1	1	2	0	4	0	0	0
Центральная Монголия (7 комплексов)	4	4	5	7	4	3	3	2
Монгольский Алтай (3 комплекса)	2	3	3	1	2	1	2	0
Восточная Сибирь (4 комплекса)	3	1	1	0	2	0	1	0
Забайкалье (6 комплексов)	1	6	6	3	0	3	1	4
Всего	18	24	26	17	19	14	12	9

Алтай, Верхний Енисей, Восточная Сибирь, Монгольский Алтай и Джунгария, Центральная Монголия, Забайкалье (см. *рисунок*). Мы исходим из предпосылки, что в регионе, где зародился технокомплекс НВП, или в регионах, сохранивших в максимальной интегральности комплекс специфических культурных признаков НВП, будет прослеживаться наибольшее количество культурных маркеров.

Наиболее распространенным в Южной Сибири и Центральной Азии маркирующим типом являются скошенные острия, присутствующие в 26 ассамбляжах. Почти равные показатели имеют орудия с дистальной подправкой (24 комплекса). Остальные типы орудий встречаются реже, они выявлены в 18–12 ассамбляжах; наиболее редко встречающийся маркер – это технология нуклеусов-резцов, ассоциированная почти исключительно с наиболее ранними индустриями. Персональные украшения выявлены в девяти ассамбляжах. Бусы с нарезками по периметру представлены в трех ассамбляжах, причем в одном комплексе (11-й слой центрального



Расположение стоянок с артефактами-маркерами ранней стадии верхнего палеолита. Избранные артефакты-маркеры согласно регионам их распространения (масштаб произвольный).

1 – Денисова пещера; *2* – Ануй-3; *3* – Усть-Каракол-1; *4* – Кара-Бом; *5* –Кара-Тенеш; *6* – Малояломанская пещера; *7* – Усть-Канская пещера; *8* – Торгун; *9* – Богуты; *10* – Мохово-2; *11* – Усть-Малтат-2; *12* – Дербина IV; *13* – Дербина V; *14* – Макарово-4; *15* – Мальта; *16* – стоянка Аремботовского; *17* –стоянки в зоне Братского водохранилища; *18* – Баян-нур-сомон-13; *19* – Лотоши; *20* – Орок-нур-1, -2; *21* – Толбор-4; *22* – Толбор-15; *23* – Чихэн-2; *24* – Чихэн-агуй; *25* – Мойльтынам; *26* – Дурулж-1; *27* – Каменка; *28* – Варварина гора; *29* – Хотык; *30* – Толбага; *31* – Подзвонкая.

зала Денисовой пещеры) они встречены вместе с бусами из скорлупы яйца страуса (Деревянко и др., 2003; Анойкин, 2000).

При анализе территориального распространения маркеров выявляются следующие особенности: в полном составе (8 признаков) культурные маркеры выявлены только на территории Центральной Монголии и Горного Алтая. В Западной Монголии и в Забайкалье представлены 7 маркеров; в Центральной Сибири имеется только 4 маркера, в Восточной Сибири – 5. Специфические формы персональных украшений встречены только на Алтае, в Центральной Монголии и Забайкалье.

Наиболее ранние свидетельства появления наборов культурных маркеров, описываемых нами, прослеживаются в группе среднепалеолитических ассамбляжей долины р. Ануй в Северо-Западном Алтае (слои 18–13 стояки Ануй-3, слой 12 восточной галереи и слой 8 предвходовой площадки Денисовой пещеры) (Деревянко и др., 2003; Деревянко, Шуньков, 2002). Эти артефакты не образуют устойчивых сочетаний, их присутствие фиксируется спорадически, но их морфология выражена и типична. Здесь появляются такие характерные для НВП артефакты, как листовидные и овальные бифасы, орудия с дистальной подтеской, острия с подтеской основания.

В двух хронологически наиболее древних верхнепалеолитических индустриях Горного Алтая – слое 11 восточной галереи Денисовой пещеры (ок. 50 тыс. л.н.) и слое СП-1 стоянки Кара-Бом (>44 тыс. л.н.) – список этих признаков продолжает расширяться, здесь появляется технология получения пластинок на основе нуклеусов-резцов и фиксируются первые персональные украшения (Деревянко и др., 2010).

Цельной и консолидированной группой культурные маркеры появляются на верхнепалеолитических объектах начального верхнего палеолита регионов, расположенных на противоположных концах изучаемой нами территории, – в Горном Алтае на западе и Центральной Монголии и Забайкалье на востоке. Наиболее древние даты для этих объектов составляют 43 тыс., наиболее поздние – 35 тыс. л.н. Здесь набор маркеров составляет интегральную часть с бипродольной пластинчатой кара-бомовской технологией раскалывания. Исходя из определений возраста слоев НВП Денисовой пещеры и Кара-Бома следует предположить, что на Алтае представлены более древние индустрии, обладающие, однако, значительной схожестью с ассамбляжами из Монголии и Забайкалья. Для двух хронологически ранних ассамбляжей из восточного региона – Каменки А и Толбора-4 (горизонты 6, 5) мы отмечаем наибольшее число совпадающих с Алтаем культурных маркеров, включая специфические формы персональных украшений (7 и 8 соответственно). В более поздних индустриях в пределах 30–27 тыс. л.н. как на Алтае, так и в Забайкалье количество культурных маркеров сокращается. Затруднительно определить период появления индустрий с культурными маркерами в Восточной Сибири. Мы предполагаем возраст «макаровского пласта» в пределах первой половины каргинского интерстадиала, скорее всего, в промежутке между 45 и 38 тыс. л.н. Исходя из суммы данных, комплексы РВП Дербинского р-на на Верхнем Енисее должны иметь возраст в пределах 35–27 тыс. л.н. (Харевич, 2008).

На настоящий момент можно говорить о формировании группы культурных признаков южносибирско-монгольского НВП на территории Горного Алтая. Все признаки НВП фиксируются уже в индустрии ВП2 Кара-Бома ок. 43 тыс. л.н. Несколько более поздние датировки (ок. 40 тыс. л.н.) отмечаются для ассамбляжей Забайкалья и Монголии. Здесь, в верхнепалеолитических индустриях Толбора-4 и Каменки А фиксируется тот же самый набор признаков, что и в алтайских ассамбляжах (Лбова, 2000). Местные среднепалеолитические индустрии характеризуются принципиально иным (ситуационно-отщеповым) характером расщепления и орудийного набора. В «переходном» ассамбляже Орхона-1 в Монголии с доминирующим леваллуазским расщеплением отсутствуют культурные маркеры НВП. Невелика вероятность того, чтобы полный набор этих специфических культурных маркеров, сопровождаемый характерной технологией расщепления и схожей структурой орудийного набора, мог независимо возникнуть в этих удаленных друг от друга регионах. Вероятно, произошел перенос комплекса культурных традиций, осуществившийся в

результате относительно быстрой миграции групп верхнепалеолитического населения. Так как, несмотря на малый хронологический зазор между НВП Алтая и Монголии, более древними являются алтайские датировки, мы склоняемся в сторону переноса культурного комплекса НВП в направлении запад – восток. Наиболее предпочтительным ранее представлялся миграционный маршрут вдоль северного края горного пояса Южной Сибири, через Енисей и Прибайкалье. Однако проведенный нами анализ свидетельствует о том, что на территории Центральной Сибири, учитывая ограниченные возможности абсолютного датирования, ранний верхний палеолит появляется уже в несколько более позднее, чем на остальной части Сибири, время. В Восточной Сибири набор признаков выглядит значительно редуцированным и типологически адаптированным к региональным традициям.

Таким образом, наиболее вероятный путь, который мог связывать западную и восточную периферию распространения сибирско-центральноазиатского НВП, пролегал через Монгольский Алтай и территорию Джунгарии. Все известные в Монгольском Алтае ассамбляжи представлены только в условиях поверхностного залегания. Вместе с тем здесь может быть выстроена редкая и спорадическая цепочка комплексов, содержащих в себе устойчивый комплекс культурных маркеров НВП. Эти индустрии распространяются на расстояние около 1500 км через полупустынные среднегорные степи южной части Горного Алтая, систему перевалов в южной части Монгольского Алтая и Северо-Западного Китая, вдоль северной кромки Гобийского Алтая и озерных котловин Монголии до бассейна р. Селенги.

Исходя из характера дисперсии культурных маркеров, можно предположить радиальное распространение культурного набора монгольско-алтайского НВП из двух его основных центров в направлении Центральной и Восточной Сибири. По мере развития локальных традиций происходит размывание первоначального культурного набора, изменение в технологии раскалывания, сокращение частоты встречаемости культурных маркеров. Последние свидетельства этих традиций сохраняются на периферии основных территорий вплоть до 25–27 тыс. л.н.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анойкин А.А. Поздний палеолит Северо-Западного Алтая (по материалам пещерных стоянок): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2000. 20 с.

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Индустрии с листовидными бифасами в среднем палеолите Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 1. С. 16–42.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Агаджанян А.К., Барышников Г.Ф., Малаева Е.М., Ульянов В.А., Кулик Н.А., Постнов А.В., Анойкин А.А. Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. 448 с.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Цыбанков А.А., Ульянов В.А., Чеха А.М. Исследование отложений верхнего палеолита в восточной галерее Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: (мат-лы Итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2010 года). Т. 16 / Ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. С. 93–98.

Лбова Л.В. Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. 240 с.

Харевич В.М. Начальная стадия верхнего палеолита Среднего Енисея: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2008. 18 с.

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ КУЛЬТУР ФИНАЛЬНОГО ПАЛЕОЛИТА НА ВАЛДАЙСКОЙ ВОЗВЫШЕННОСТИ[1]

© 2014 г. Г.В. Синицына

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
(gv-sinitsyna@yandex.ru)

Ключевые слова: Валдайская возвышенность, культуры финального палеолита, характеристика кремневого сырья, хронология, типология.

Резюме. В статье рассматриваются вопросы, связанные с методологией выделения археологических культур финального палеолита Валдайской возвышенности. Первичное заселение территории после освобождения от ледникового покрова представлено материалами стоянок эпиграветтской традиции. В верховьях Днепра на этой основе формируется гренская культура в хронологических рамках аллеред – дриас III. В верховьях Волги плавное развитие эпиграветта было прервано появлением населения акуловской культуры в дриасе II и, несколько позднее, в аллеред – дриас III, – подольской культуры. Дискуссионными остаются вопросы хронологии свидерской, золоторученской, рессетинской культур, существовавших на Валдае в позднеледниковье параллельно с верхнеднепровской и верхневолжской моделями культурной эволюции.

Хронологические рамки финального палеолита охватывают период около трех тысячелетий от бёллинга до пребореала. В археологической периодизации нижняя граница финального палеолита прослеживается как смена верхнепалеолитических традиций новыми технологиями, что соответствует дриасовому времени. Началом мезолита принято считать чисто условную границу, начало пребореала, когда плейстоценовый перигляциальный фаунистический комплекс резко сменяется голоценовой лесной фауной и, как следствие этого, возникает экономика, связанная с охотой на лесных животных.

Принцип построения региональных хронологических схем основан на корреляции с природно-климатическими периодами по шкале Блитта-Сернандера. Такой принцип применяется как в отечественной, так и зарубежной археологии. Специфика экониши переходного периода от плейстоцена к голоцену заключается в сочетании различных видов популяций тундро-степных и лесных ландшафтов (Маркова, Пузаченко, 2008. С. 167, 189), поэтому локальные данные природно-климатических условий являются основополагающими для характеристики культур финального палеолита. Плохая сохранность культурных слоев финальнопалеолитических стоянок вызвана эрозией почв этого периода, характером осадконакопления, из-за чего затруднено применение данных естественнонаучных дисциплин для определения возраста памятников.

В регионе Волговерховья, где имеются датированные отложения переходного периода от плейстоцена к голоцену, полная стратиграфическая колонка представлена на стоянке Баранова гора (Синицына и др., 2009). Здесь установлено наличие древних отложений: бёллинга и дриаса среднего, аллереда, дриаса III и пребореала. Важно отметить, что на памятнике Баранова гора не прослеживается преемственности в развитии материальной культуры. По ее материалам можно предполагать, что граветтийская традиция была прервана похолоданием дриаса II. Резкие климатические изменения, скорее всего, привели к

1 Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», проект «Прерывистость и преемственность…», и проекта РГНФ № 13-21-01006/а(м).

оттоку населения из данной области. Появление населения типа Акулово имело здесь эпизодический и кратковременный характер в пределах дриаса II. Начиная с аллерёда на Барановой горе зафиксированы материалы подольской культуры технокомплекса бромме-лингби. Наиболее полно они представлены на стоянках Подол III/1 и на стоянке Подол III/2. Генезис этого культурного единства связывается с подвижкой населения в приледниковой зоне, миграциями.

В литературе уже рассматривался вопрос о подольской культуре (технокомплекса бромме), о специфике инвентаря и хронологической позиции трех этапов ее развития, а также о положении в системе периодизации каменного века Европы (Синицына, 2000; 2013; Синицына, Синицын, 2002). Однако такой подход к анализу материальной культуры, вызвал дискуссию из-за специфики «экологической и экономической составляющих» (Сорокин, Ошибкина, Трусов, 2009. С. 145–146).

«Археологическая культура» как гносеологическая категория является инструментом для упорядочения, систематизации материалов. Выделение подольской культуры (технокомплекса бромме), прошедшей в своем развитии несколько этапов, было основано на общепринятых принципах практической археологии. Памятники с устойчивым сочетанием типов инвентаря, объединенные территорией и хронологией принято называть культурами и давать им название. Как пример можно привести выделение на северо-востоке Польши культуры перстуниан (технокомплекса бромме), которая на следующем этапе в дриасе III трансформируется в волкушанскую культуру, территория которой становится шире, чем в предшествующий период и уже охватывает юго-восток Балтики, включая Литву, Белоруссию (Szymczak, 1999). То же самое можно сказать о других культурах типа хенбаска, фосна, комса, распространенных в странах Скандинавии, в основе которых лежит распространение аренсбургских традиций.

Хронологические рамки подольской культуры (как нижняя, так и верхняя границы) также являются дискуссионными (Жилин, Кольцов, 2008). Определение нижней границы подольской культуры концом аллерёда по данным сравнительно-типологического анализа получило подтверждение результатом палеомагнитного анализа фрагмента культурного слоя (Гуськова и др., 2006; Синицына и др., 2013). Завершающий этап в развитии подольской культуры охарактеризован материалами стоянки Усть-Тудовка I (материалы раскопа 2). Хронология последней определена концом дриаса III на основании данных спорово-пыльцевого анализа отложений, к которым приурочен археологический материал, что согласуется с данными сравнительно-типологического анализа инвентаря. Вопросы о верхней границе подольской культуры находятся в плоскости определения культурной принадлежности стоянки Усть-Тудовка I. Для этапа I подольской культуры характерен инвентарь, типичный для технокомплекса бромме, но, начиная с ее второго этапа, единично появляются косолезвийные наконечники стрел на отщепах, которые являются культуроопределяющими для гренской, иеневской культур. На этом основании стоянку Усть-Тудовка I исследователи (Кравцов, 2009; Сорокин, 2006; и др.) относят к иеневской культуре. М.Г. Жилин (Жилин, Кольцов, 2008. .С 107) предлагает такие памятники считать переходными. В настоящее время принято считать началом мезолита чисто условную границу, начало пребореала. То есть, практической основой разделения культур остается палеогеографический критерий. На основании хронологической позиции (дриас III) и сравнительно-типологического анализа инвентаря стоянку Усть-Тудовка I следует отнести к подольской культуре, заключительному ее этапу.

Сложность определения хронологических рамок культур рубежа эпох усугубляется еще и тем, что некоторые позднепалеолитические культуры продолжали свое развитие в голоцене, давая непосредственное начало ряду мезолитических культур. В данном случае может быть применен подход известный в литературе, когда хронологические этапы одной культуры имеют названия. Например, для культуры федермессер Й. Хан (Hahn, 1994) описывает два хронологических этапа: Велен и Риссен.

На Валдайской возвышенности, кроме культур, миграционного характера (подольской, свидерской), присутствуют индустрии с эпиграветскими традициями. В бассейне верх-

него Днепра по материалам многослойной стоянки Вышегора I, расположенной в Смоленской обл. выявлена единая линии развития материальной культуры, начиная с бёллинга. По мнению Ю.А. Лаврушина (Синицына и др., 2012) в районе стоянки Вышегора I обнаружен полигональный микрорельеф, который, согласно классификации мерзлотоведов, следует рассматривать как реликтовый. В настоящее время это пока единственный памятник, имеющий определения возраста в этом микрорегионе, при этом анализ его материальной культуры показывает четкое отличие от технокомплекса бромме-лингби, в котором В.П. Ксензов (1994), Л.Л. Зализняк (2005) видели истоки гренской культуры. Отличие прослежено по технике расщепления, по составу инвентаря, по которому можно очертить территорию распространения одной традиции по всему верхнему течению Днепра и его притоков, включая территорию Белоруссии, Литвы и Польши (Kozlowski, 2006; Обуховский, 2007). На основании определения возраста материалов стоянки Вышегора-1, возраст гренской культуры должен быть пересмотрен, т.к. материалы гренской культуры (слой 4а) стратиграфически залегают ниже погребенной почвы (4-й слой) с экскурсом гетенбург.

Гренская, песочноровская, иеневская культуры имеют широтное распространение, общий состав и характер инвентаря. Поскольку хронология гренских материалов (как позднеплейстоценовых) уточнена, а иеневские стоянки в основном датированы раннеголоценовым возрастом, то целесообразно все позднеплейстоценовые памятники этого типа считать гренскими, а начиная с раннего голоцена – иеневскими.

Для периода дриаса III характерна поликультурность. В это время существует индустрии, определяемые как рессетинская, золоторученская, свидерская. Стоянки свидерской культуры в большом количестве представлены на территории Польши, Литвы, Белоруссии, Украины, но датированные естественнонаучными методами стоянки единичны. На территории России исследованных комплексно свидерских памятников пока не представлено.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гуськова Е.Г., Распопов О.М., Иосифиди А.Г., Синицына Г.В., Синицын А.А. Палеомагнитные исследования отложений многослойной стоянки Подол III/1 на озере Волго в Тверской области // Тверской археол. сб. Вып. 6; Т. 1 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 2006. С. 44–54.

Жилин М.Г., Кольцов Л.В. Финальный палеолит лесной зоны Европы (культурное своеобразие и адаптация). М.: ИА РАН, 2008. 313 с.

Залізняк Л.Л. Фінальний палеоліт і мезоліт континентальноі Украіни // Кам'яна доба Украіни. Вип. 8. Київ: Шлях: ИА НАНУ, 2005. 184 с.

Кравцов А.Е. Исследования на памятниках иеневской культуры (финальный палеолит – мезолит Волго-Окского бассейна) // Археологические открытия 1991–2004 гг. Европейская Россия / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2009. С. 60–72.

Ксензов В.П. Мезолитические культуры Белорусского Подвинья и Поднепровья: автореф. дис. … д-ра ист. наук. Минск, 1994. 33 с.

Маркова А.К., Пузаченко А.Ю. Комплексы млекопитающих межстадиальных потеплений бёллинг-аллерёд (Bølling-Allerød Interstadial Complex – BAIC) (<12,4 – >=10.9 тыс. л.н.) // Эволюция экосистем Европы при переходе от плейстоцена к голоцену (24–8 тыс. л.н.). М.: Тов-во науч. изд. КМК, 2008. 560 с.

Обуховский В.С. «Гренский след» в финальном палеолите междуречья Немана, Припяти и Вислы // Романовские чтения-3: сб. трудов Междунар. науч. конф. (Могилёв, 23–24 ноября 2006 г.). Могилев, 2007. С. 157–160.

Синицына Г.В. Финальный палеолит и ранний мезолит – этапы развития материальной культуры на верхней Волге // Тверской археол. сб. Вып. 4; Т. 1 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 2000. С. 61–71.

Синицына Г.В. О миграциях и автохтонном развитии культур финального палеолита на северо-западе Русской равнины // Проблемы заселения северо-запада Восточной Европы в верхнем и финальном палеолите (культурно-исторические процессы). СПб.: ИИМК РАН, 2013. С. 152–181.

Синицына Г.В., Гуськова Е.Г., Распопов О.М., Иосифиди А.Г., Кулькова М.А. Проблемы хронологии памятников рубежа плейстоцена – начала голоцена северо-запада Русской равнины // Проблемы заселения северо-запада Восточной Европы в верхнем и финальном палеолите (культурно-исторические процессы). СПб.: ИИМК РАН, 2013. С. 233–260.

Синицына Г.В., Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А., Гуськова Е.Г., Распопов О.М., Иосифиди А.Г. О хронологии археологических материалов и возрасте вмещающих отложений многослойной стоянки Баранова Гора в Тверской области // Тверской археол. сб. Вып. 7 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 2009. С. 52–70.

Синицына Г.В., Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А. Геоархеологические объекты финального палеолита: Баранова гора, Подол III/1, Вышегора I на великом водоразделе Волги и Днепра // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Вып. 1: Феномен геоархеологической многослойности Байкальской Сибири. 100 лет Байкальской научной археологии: Мат-лы Всерос. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня открытия Б.Э. Петри Улан-Хады / Отв. ред. Г.И. Медведев. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. С. 192–204.

Синицына Г.В., Синицын А.А. Локальные варианты технокомплекса бромме // Верхний палеолит – верхний плейстоцен: динамика природных событий и периодизация археологических культур. СПб.: ИИМК РАН, 2002. С. 153–158.

Сорокин А.Н. Проблемы мезолитоведения. М.: ИА РАН, 2006. 214 с.

Сорокин А.Н., Ошибкина С.В., Трусов А.В. На переломе эпох. М.: ИА РАН, 2009.

Hahn J. Federmesser // Leroi-Gourhan A. Dictionnaire de la Préhistoire. Paris, 1994. P. 396.

Kozlowski S.K. Mapping the Central/East European terminal Palaeolithic/Early Mesolithic // Archaeologia Baltica. T. 7. Klaipeda, 2006. P. 29–35.

Szymczak K. Late Palaeolithic Cultural Units with Tanged Points in North Eastern Poland // Tanged Points Cultures in Europe / Eds. S. Kozlowski et al. Lublin, 1999. P. 93–101.

КАМЕННАЯ ИНДУСТРИЯ СРЕДНЕЙ СТАДИИ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ЮЖНОЙ СИБИРИ (ПО МАТЕРИАЛАМ СТОЯНКИ САФРОНОВКА-3)

© 2014 г. В.С. Славинский

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
(slavinski@yandex.ru)

Ключевые слова: палеолит, культурный горизонт, каменная индустрия, орудийный набор, техника расщепления, Сафроновка-3.

Резюме. В докладе представлены материалы раскопок стоянки Сафроновка-3, работы на которой проводились осенью 2013 г. в связи со строительством магистрального нефтепровода Куюмба – Тайшет. Это разновременная стоянка верхнего палеолита и эпохи бронзы. В ходе работ на стоянке Сафроновка-3 был получен разнообразный каменный инвентарь. Анализ полученного материала дает возможность определить основные технологии обработки камня и виды деятельности проживавшего на территории стоянки населения в эпоху бронзы и верхнего палеолита.

Объект археологического наследия, получивший название Сафроновка-3, был исследован в полевой сезон 2013 г. (Открытый лист № 1117 от 14.08.2013 г., выданный на имя канд. ист. наук А.А. Цыбанкова). Стоянка расположена на правом берегу р. Тайшетка в 3,6 км к югу (вверх по течению) от ее устья. В геоморфологическом отношении археологический объект занимает выположенный участок правого древнего приустьевого мыса р. Тайшетка, образованного при впадении последней в р. Бирюсу. Относительные гипсометрические отметки участка – 20–22 м от уреза воды р. Тайшетка. Общая площадь памятника составляет 3 545 кв.м.

В результате охранно-спасательных работ было вскрыто 1 199 кв.м. Глубина раскопанной площади колеблется от 1,3 до 2,3 м. Получена коллекция артефактов двух культурно-хронологических горизонтов (более 8 340

единиц). В целом исследованная часть стоянки характеризуется средней насыщенностью культурного слоя и полным отсутствием жилищных конструкций, очагов и хозяйственных ям.

Согласно геолого-стратиграфическим и планиграфическим условиям залегания и «высотным» отметкам каждого артефакта и скопления, каменный археологический материал распределяется на два культурных горизонта. Учитывая многочисленные постседиментационные нарушения отложений памятника (морозобойные клинья, поноры землероев, древние выворотни деревьев и т.д.), максимально уменьшить смешение материала между первым и вторым культурными горизонтами позволяет метод ремонтажа. По предварительным данным, материал первого культурного горизонта относится к одному из периодов бронзового века и насчитывает 792 единицы. Второй культурный горизонт относится к позднему развитому палеолиту (ок. 25 тыс. л.н., финал каргинского – начало сартанского времени) и насчитывает 7 548 единиц.

Первый культурный горизонт представлен керамическим материалом (415 экз.), разнообразным каменным инвентарем (286 экз.) и фаунистическими остатками (91 экз.).

Нуклеусы для получения микропластин представлены подпризматическим и торцовым ядрищами. Для получения пластин среднего и мелкого размера использовались простые одноплощадочные однофронтальные, торцовый, двухплощадочный двухфронтальный нуклеусы, остальные нуклеусы использовались для получения отщепов.

Сколы представлены пластинами и микропластинами, отщепами, техническими сколами, чешуйками, обломками и осколками. Среди сколов первого культурного слоя значительно преобладают отщепы и чешуйки.

Орудийный набор представлен массивным скреблом, скребками, проколками, выемчатыми изделиями, листовидными наконечниками дротиков и заготовкой наконечника.

В связи с малочисленностью коллекции каменного инвентаря первого культурного горизонта можно констатировать разовые операции расщепления камня и такие же, видимо, разовые действия по подправке или изготовлению предметов обихода. Также на кратковременность стоянки указывает немногочисленный керамический материал первого культурного горизонта. Довольно высокая доля среди орудий листовидных наконечников отражает охотничью составляющую деятельности древнего человека.

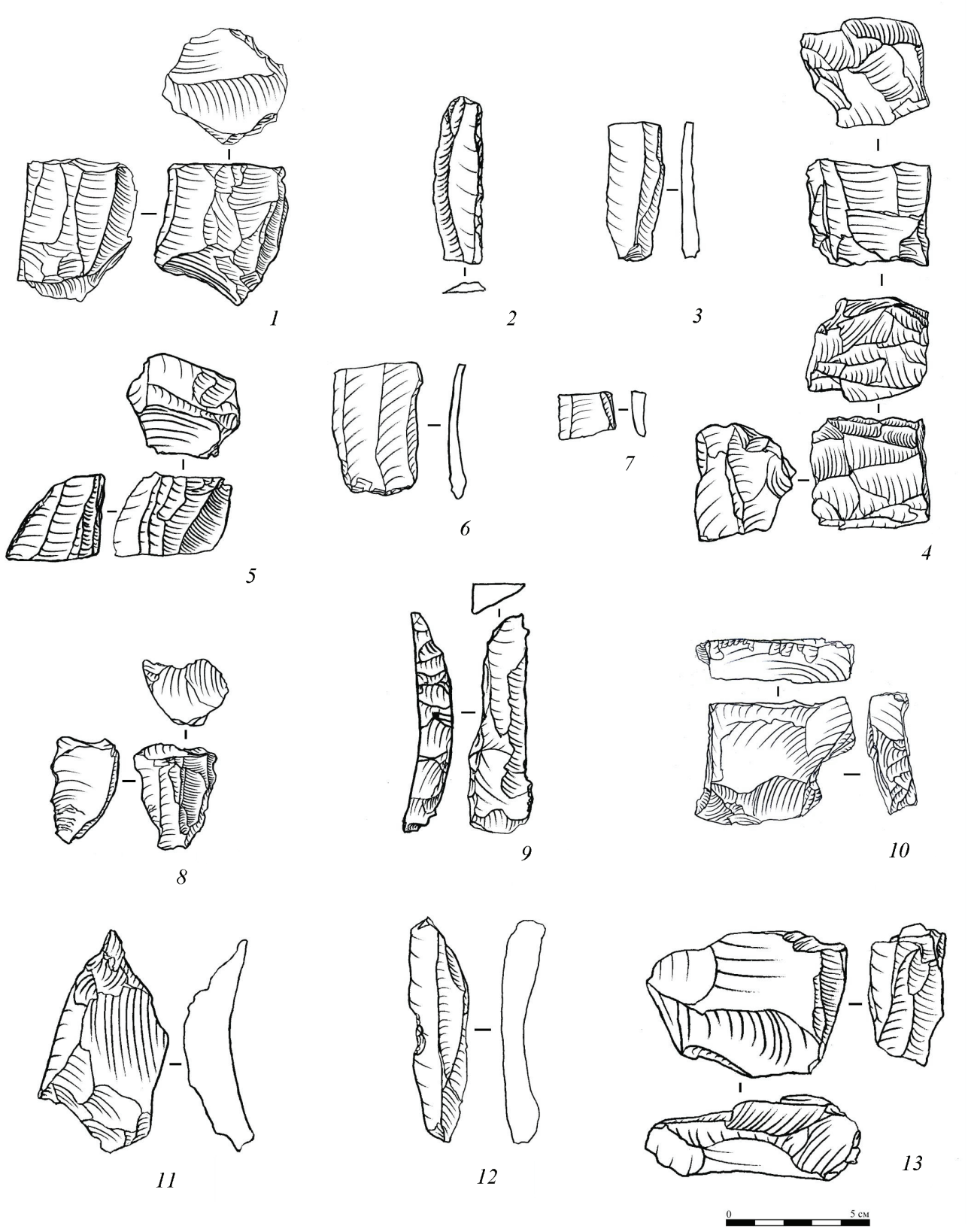
Второй культурный горизонт представлен разнообразным каменным инвентарем (3 962 экз.) и фаунистическими остатками (3 586 экз.).

Нуклеусы для получения пластин среднего и мелкого размера представлены призматическими и подризматическими, торцовыми с одной и двумя площадками, простыми одноплощадочными однофронтальными, двухплощадочными одно- и двухфронтальными, многоплощадочным и многофронтальными ядрищами. Для получения отщепов среднего и мелкого размера, включая пластинчатые, использовались простые одноплощадочные однофронтальные нуклеусы (см. *рисунок, 1, 4, 5, 8, 13*).

Сколы представлены пластинами и микропластинами, отщепами, техническими сколами (см. *рисунок, 9*), чешуйками, обломками и осколками. Среди сколов, при преобладании отщепов и чешуек, довольно существенна доля мелких пластин и пластинчатых отщепов, видимо, являющихся основной категорией целевых заготовок второго культурного слоя.

Орудийный набор второго культурного горизонта включает 95 экз., из них инструментов для первичного расщепления – 8 экз. Вторично преобразовывались или использовались без данной обработки в качестве орудий 85 сколов (не учитывалось двусторонне обработанное изделие, где морфология заготовки неизвестна, и орудия, выполненные на нуклеусах, гальке и колотых гальках). Данные изделия выполнены на пластинах – 24 экз., отщепах – 28 экз., пластинчатых отщепах – 5 экз., технических сколах – 11 экз., обломках – 15 экз., нуклевидных обломках – 2 экз.

Орудийный набор представлен следующими разновидностями: наковальнями, отбойниками, ретушером, наконечником, скреблами, скребками, ножами, резцами, резцом-скребком, проколками (см. *рисунок, 11*), проколкой – выемчатым изделием, шиповидными изделиями, выемчатыми изделиями (см. *рисунок,*



Каменный инвентарь второго культурного горизонта стоянки Сафроновка-3.
1, 4, 5, 8, 13 – нуклеусы; *2* – пластина с ретушью; *3* – пластина; *6*, *7* – пластины; *9* – технический скол; *10* – выемчатое на обломке; *11* – проколка на отщепе; *12* – выемчатое на пластине.

10, 12), зубчато-выемчатыми изделиями, долотовидными орудиями, пластинами (см. *рисунок, 7*), пластинами с притупленным краем (см. *рисунок*, *6*), пластинами с ретушированным торцом, пластинами с ретушью (см. *рисунок*, *2*), пластинчатым отщепом с ретушью, отщепами с ретушью, обломками с ретушью и обломком неопределимого орудия.

Техника расщепления камня второго культурного горизонта на стоянке Сафроновка-3 является типичной для круга памятников позднего развитого палеолита на территории Западной и Восточной Сибири рубежа каргинского – сартанского времени. Она характеризуется подпризматической и простой плоскостной (одно-, двух-, многоплощадочные/фронтальные нуклеусы) техниками получения пластинчатых заготовок, как правило, среднего и мелкого размера, с субпараллельными краями и гранями дорсальных поверхностей. Данный тип заготовки является основным в каменной индустрии палеолитического комплекса для производства набора изделий стоянки путем преобразования их контура ретушью и мелкой оббивкой. Преобладание в коллекции отщепов объясняется двумя причинами. Во-первых, большая их часть является техническими сколами – отходами вышеупомянутых техник расщепления. Во-вторых, немалая доля отщепов является пластинчатыми, т.е., по сути, пластинчатыми целевыми заготовками и отличается от пластин лишь пропорциями. Первичное расщепление камня велось непосредственно в границах территории стоянки из местного галечного сырья (как правило, кварцитовые породы), на что указывают многочисленные скопления и случаи аппликации каменного материала на всех стадиях процесса раскалывания камня – от декортикации до истощения ядрищ. Импортное сырье представлено готовыми орудиями или пластинчатыми заготовками, технические сколы и нуклеусы единичны.

Орудийный набор каменных изделий второго культурного горизонта указывает на несколько видов деятельности, основным из которых, видимо, является обработка шкур. Об этом свидетельствует большое количество скребущих (скребел и скребков) и прокалывающих (проколки, шиповидные изделия) инструментов. Наличие скобляющих (выемчатые изделия) и режущих (резец, некоторые ретушированные сколы) инструментов косвенно указывает на операции обработки дерева и кости. Другие виды операций, входившие в список деятельности древних обитателей стоянки (например, разделка туш, раскалывание и дробление костей и т.д.), возможно охарактеризовать только с помощью данных трасологии.

Таким образом, основная часть археологического материала относится к рубежу финала каргинского – начала сартанского времени (ок. 25 тыс. л.н.). Каменная индустрия второго культурного слоя представлена позднепалеолитическим «мелкопластинчатым» комплексом, характеристика данной культурной общности отражена в ряде обобщающих работ (Абрамова, 1979; Акимова, 2006, 2011; Лисицын, 2000; Новосельцева, 2011). Близлежащие памятники с «мелкопластинчатой» индустрией наиболее изучены на территории Среднего Енисея (Афанасьева гора, Тарачиха, Шленка и др.) и Приангарья (Мальта, Буреть, Игетейский Лог-1 и др.). Уникальность палеолитической коллекции Сафроновки-3 заключается, прежде всего, в ее географическом положении – в промежуточном расположении стоянки между хорошо изученными районами локализации позднепалеолитических стоянок Среднего Енисея и Среднего и Южного Приангарья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова З.А. Палеолит Енисея. Кокоревская культура. Новосибирск: Наука, 1979. 200 с.

Акимова Е.В. «Средний этап» позднего палеолита в Приенисейской Сибири // Современные проблемы археологии России: мат-лы всерос. археол. съезда. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. С. 94–96.

Акимова Е.В. Поздний палеолит Красноярского водохранилища // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2011. Т. 10; Вып. 7: Археология и этнография. С. 111–118.

Лисицын Н.Ф. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья. Тр. ИИМК РАН. Т. II. СПб., 2000. 230 с.

Новосельцева В.М. Верхний палеолит Осинско-Унгинского геоархеологического района: автореф. дис. … канд. ист. наук. Иркутск, 2011. 22 с.

ИЗУЧЕНИЕ КОСТЯНЫХ ИНДУСТРИЙ РАННЕЙ ПОРЫ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ЕВРОПЫ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ[1]

© 2014 г. Т.Е. Солдатова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва (staiss@yandex.ru)

Ключевые слова: ранняя пора верхнего палеолита, переходные индустрии, костяная индустрия, технико-типологический анализ, стрелецкая культура, ориньяк, шательперрон.

Резюме. Статья посвящена предварительным результатам изучения костяных, роговых и бивневых индустрий памятников ранней поры верхнего палеолита Европы (~40–25 тыс. л.н.). Возникновение обработки кости, рога и бивня в начале верхнего палеолита – довольно дискуссионная тема. Публикации костяного инвентаря отдельных памятников носят описательный характер, обобщение полученных данных или сравнение с другими индустриями не проводится. Однако такое сопоставление может помочь исследовать различие методов обработки разного костного сырья, а при нахождении схожих моментов – определить общее в характере костяных индустрий этой эпохи.

В качестве одного из важных критериев выделения верхнепалеолитической культуры называют определенные изменения в костяной индустрии. Однако при исследовании памятников ранней поры верхнего палеолита основное внимание обычно уделяют изучению каменного инвентаря (Вишняцкий, Нехорошев, 2001; и др.). Публикации костяных, роговых и бивневых находок отдельных стоянок чаще носят описательный характер; обобщение полученных данных или сравнение с другими индустриями, за редким исключением, не проводится (Вишняцкий, 2008; Павлов, 2008; d'Errico, Borgia, Ronchitelli, 2012). Сколько-нибудь полного рассмотрения и сравнения костяных индустрий памятников ранней поры верхнего палеолита Европы на настоящий момент не существует.

По радиоуглеродным датам все культуры и отдельные памятники ранней поры верхнего палеолита, в коллекциях которых присутствуют изделия из кости, рога или бивня, можно разделить на три временных этапа:

1) от 43/40 до 37/35 тыс. л.н.: бытование культур бачокирьен, шательперрон, ориньяк 0 и отдельных памятников – Костёнки-17/II, -14/IVб;

2) от 37/35 до 33/29 тыс. л.н.: бытование культур ольшевиан, улуццо, ориньяк 1 и отдельных памятников – Заозёрье, Буран Кая III/C;

3) от 33/29 до 25/24 тыс. л.н.: бытование культур городцовская и молодовская, а также отдельных стоянок – Бызовая и Сунгирь.

Подобное разделение практически полностью соответствует модели формирования верхнего палеолита Восточной Европы, предложенной А.А. Синицыным для памятников Костёнковско-Борщевского района – начальный верхний палеолит (~42–37 тыс. л.н.); ранний верхний палеолит (~36–30 тыс. л.н.) (Синицын, 2012).

Принципиальным отличием от модели А.А. Синицына, является выделение третьего хронологического этапа от 33/29 до 25/24 тыс. л.н. Это связано с тем, что в указанный временной промежуток в Костёнковско-Борщевском районе появляется граветт (~30–27 тыс. л.н.). С другой стороны, ряд культур и отдельных памятников Восточной Европы демонстрируют переходные черты материальной культуры, которых лишены граветтийские индустрии. В настоящем исследовании городцовская и молодовская культуры, а

1 Работа выполнена в рамках проекта РГНФ 13-31-01259.

также стоянки Бызовая и Сунгирь отнесены к финалу раннего верхнего палеолита.

При написании работы были использованы материалы коллекций 85 памятников, учтено порядка 3 тыс. предметов. На основе исследования костяных, бивневых и роговых изделий[1] из коллекций памятников начального, раннего и финала раннего верхнего палеолита, можно сделать следующие выводы.

На протяжении хронологического отрезка от 43/40 до 25/24 тыс. л.н. в качестве органического сырья для производства орудий использовались и кость, и рог, и бивень. Главную роль играла кость – подавляющее количество изделий на большинстве памятников выполнено из этого вида сырья. Даже если коллекция малочисленная, в ней представлены предметы из кости, в то время как роговые и бивневые находки могут отсутствовать. Ряд исследователей связывает преобладание костяного сырья на памятниках ранней поры верхнего палеолита с тем, что этот материал наиболее доступен для палеолитического человека – кость можно получить из пищевых отходов (Liolios, 2006; Tartar, 2012).

К сожалению, сделать заключение относительно соотношения фаунистических остатков, зафиксированных на стоянках рассматриваемого периода, и изделий, выполненных из кости, невозможно: данные по зооархеологическому исследованию коллекций памятников в полной мере не опубликованы.

На втором месте по использованию сырья на большинстве памятников хронологического отрезка от 43/40 до 25/24 тыс. л.н., стоит рог благородного и/или северного оленя. Подобное широкое использование рога отличает коллекции ранней поры верхнего палеолита от более поздних граветтийских памятников (например, стоянок костёнковско-авдеевской культуры и Хотылево-2), на которых обработанный рог встречается либо в минимальном количестве, либо не встречается вовсе.

Изделия из бивня представлены на памятниках рассматриваемого периода в меньшем количестве, чем предметы из других видов органического сырья.

Необходимо подчеркнуть существование закономерности в выборе кости, рога или бивня для производства тех или иных категорий орудий. Кость использовалась, главным образом, для изготовления основных категорий и типов хозяйственно-бытовых предметов: игл, шильев, лощил, лопаточек, ретушеров и т.п. Рог употреблялся, преимущественно, для выделки ударных орудий и орудий охоты: долот, мотыг, наконечников, «жезлов-выпрямителей» и т.п. Из бивня производили, прежде всего, украшения и предметы мелкой пластики; на ряде памятников зафиксированы немногочисленные бивневые наконечники, стержни, шилья, лощила (Гайсенклостерле II и III, Эль Кастильо D, Арбреда G).

Ряд исследователей отмечают, что в подобном использовании сырья просматривается адаптация к соответствующим механическим свойствам этих материалов (Герасимов, 1941; Семёнов, 1957; Хлопачев, Гиря, 2010; Liolios, 2006; Tartar, 2012).

Таким образом, существенных изменений в применении органического сырья на памятниках начального, раннего и финала раннего верхнего палеолита не наблюдается.

Методы обработки сырья на памятниках начального, раннего и финала раннего верхнего палеолита претерпели ряд изменений.

В течение начального верхнего палеолита для кости использовалось, в основном, разбивание или разламывание с незначительной подработкой полученных осколков скоблением; для рога – раскалывание с последующей незначительной подработкой скоблением; для бивня – раскалывание с полной вторичной обработкой скоблением (рис. 1). На двух памятниках (Ле Пиаж K, Лабеко Коба VII) исследователями отмечено использование вырезания и пиления. Было также высказано предположение, что отделение заготовки двусторонним разрезанием является характерной чертой «протоориньяка»; однако эта техника фиксируется только на двух вышеназванных памятниках (Bon, 2002).

В эпоху раннего верхнего палеолита продолжается повсеместное использование приемов, характерных для начального верхнего палеолита, но возникло разламывание кости

1 В работе не рассматриваются украшения и предметы искусства, поскольку символическая деятельность верхнепалеолитического человека, а также технико-типологические особенности изготовления данных категорий изделий являются совершенно отдельным направлением работы (см. напр.: Житенёв, 2007).

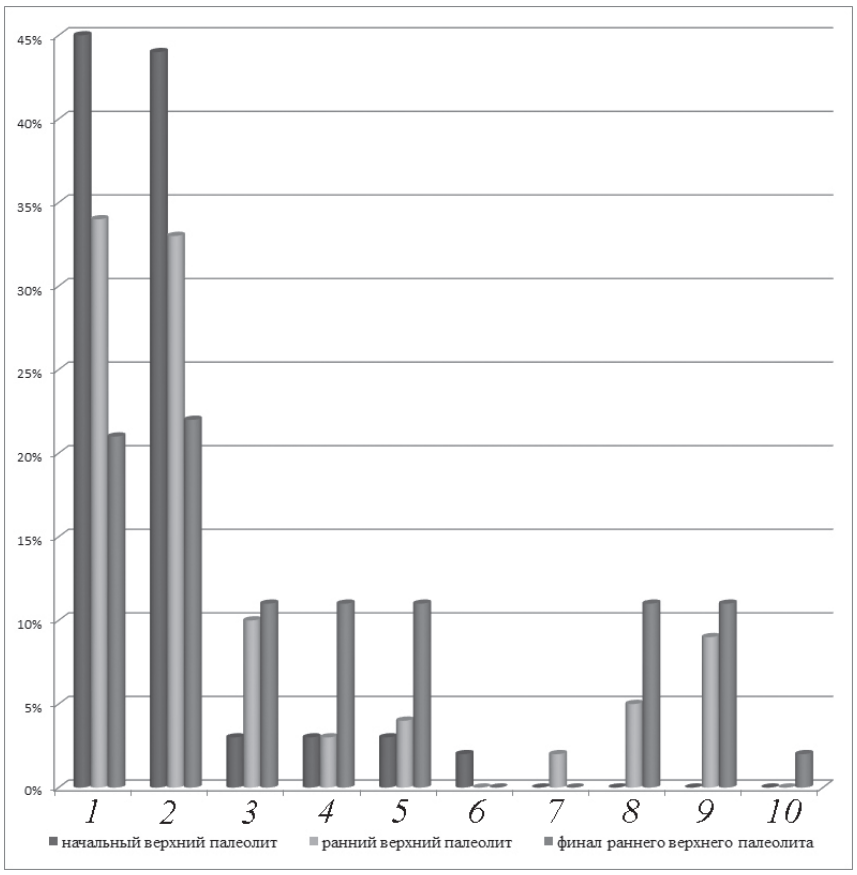


Рис. 1. Методы обработки сырья на памятниках ранней поры верхнего палеолита Европы. *1* – раскалывание; *2* – скобление частичное; *3* – скобление полное; *4* – резание; *5* – пиление; *6* – вырезание; *7* – прорезание; *8* – шлифование; *9* – разламывание с предварительным надрезом/надпилом; *10* – продольный скол.

и рога с предварительным надрезом, а также шлифование для вторичной обработки. На редких памятниках культуры ориньяк 1 зафиксировано применение пиления для изготовления наконечников. Ряд исследователей отмечает, что обитатели памятников ориньяка 1 старались использовать более стандартизированные заготовки, чем в шательперроне или в ориньяке 0 (d'Errico et al., 1998; Liolios, 2006).

Для памятников финала раннего верхнего палеолита помимо вышеперечисленных техник известно распространение пиления, резания для кости, нанесение продольного скола (?) для рога и бивня.

К сожалению, техники обработки органического сырья, как и операционные цепочки изготовления тех или иных категорий и типов орудий, описаны не для всех коллекций, с которым автору представленного исследования не удалось ознакомиться. Настоящие выводы сделаны по довольно большой выборке памятников, однако они требуют дальнейшего подтверждения.

Наиболее распространенными категориями изделий на памятниках начального и раннего верхнего палеолита являются шилья и наконечники – они представлены на 43 и 53 стоянках соответственно (рис. 2). Другие категории орудий зафиксированы в гораздо меньшем количестве. По сравнению с начальным верхним палеолитом, орудийный набор раннего верхнего палеолита несколько расширяется. Появляются «жезлы-выпрямители» с одним отверстием и коротким отростком рога или без отростка. Получают большее распространение острия, булавки, рукояти (?).

Стоит отметить, что типологический состав изделий из кости, бивня и рога говорит о довольно ограниченном орудийном наборе, характерном для европейских памятников начального, раннего и финала раннего верхнего палеолита по сравнению с более поздними периодами (Camps-Fabrer, 1966). С другой стороны, необходимо подчеркнуть, что в коллекциях представлены предметы из твердых органических материалов, отражающие различные аспекты хозяйственно-бытовой и производственной деятельности палеолитического человека.

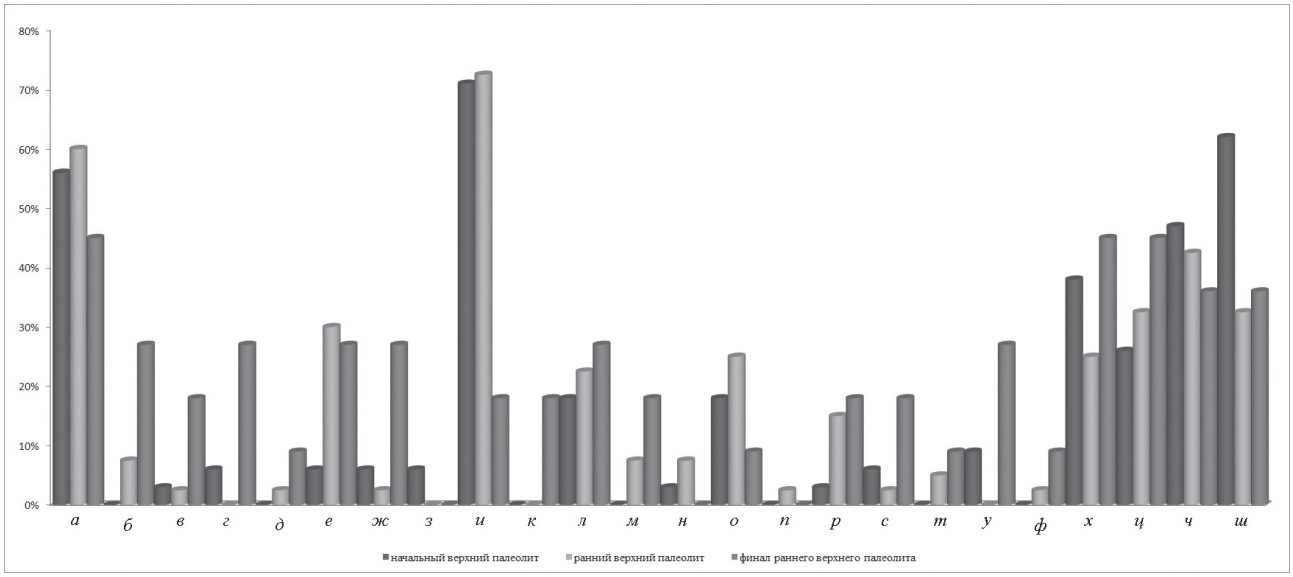


Рис. 2. Категории изделий из кости, рога и бивня, представленные на памятниках ранней поры верхнего палеолита Европы. *а* – шилья; *б* – острия; *в* – проколки; *г* – иглы; *д* – булавки; *е* – лощила; *ж* – лопаточки; *з* – «полировальники»; *и* – наконечники; *к* – дротики; *л* – стержни; *м* – «жезлы-выпрямители»; *н* – изделия с язычком; *о* – ретушеры; *п* – отжимники; *р* – долота; *с* – молотки/отбойники; *т* – рукояти; *у* – мотыги; *ф* – ножи; *х* – отходы; *ц* – другие; *ч* – украшения из кости, рога, бивня, зубов; *ш* – украшения из других материалов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вишняцкий Л.Б. Культурная динамика в середине позднего плейстоцена и причины верхнепалеолитической революции. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2008. 251 с.

Вишняцкий Л.Б., Нехорошев П.Е. Рубеж среднего и верхнего палеолита на Русской равнине (в свете результатов изучения стоянки Шлях в Волгоградской области) // Нижневолжский археол. вестн. 2001. Вып. 4. С. 8–24.

Герасимов М.М. Обработка кости на палеолитической стоянке Мальта. М.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 65–85. (МИА; № 2).

Житенёв В.С. Подвески из зубов животных ранней и средней эпох верхнего палеолита Русской Равнины // Проблемы археологии каменного века (к юбилею М.Д. Гвоздовер). М.: Дом еврейской книги, 2007. С. 40–61.

Павлов П.Ю. Палеолит северо-востока Европы: новые данные // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 1. С. 33–45.

Семёнов С.А. Первобытная техника. М.; Л.: Наука, 1957. 240 с.

Синицын А.А. Формирование верхнего палеолита Восточной Европы: костенковская модель // Мегаструктура Евразийского мира: основные этапы формирования: мат-лы Всерос. науч. конф., Москва, 4–6 декабря 2012 г. М.: Таус, 2012. С. 54–58.

Хлопачев Г.А., Гиря Е.Ю. Секреты древних косторезов Восточной Европы и Сибири: приемы обработки бивня мамонта и рога северного оленя в каменном веке (по археологическим и экспериментальным данным). СПб.: Наука, 2010. 144 с.

Bon F. L'Aurignacien entre Mer et Océan: Réflexion sur l'unité des phases anciennes de l'Aurignacien dans le sud de la France. Paris: Société préhistorique française, 2002. 253 p. (Mémoires de la Société Préhistorique Française; № XXIX).

Camps-Fabrer H. Matière et art mobilier dans la préhistoire Nord-Africaine et Sahariene. Paris: Arts et métiers graphiques, 1966. 573 p.

D'Errico F., Borgia V., Ronchitelli A. Uluzzian bone technology and its implications for the origin of behavioral modernity // Quaternary International. 2012. Vol. 259. P. 59–71.

D'Errico F., Zilhão J., Julien M., Baffier D., Pelegrin J. Neanderthal Acculturation in Western Europe? A Critical Review of the Evidence and Its Interpretation // Current Anthropology. 1998. Vol. 39: S1. P. 1–44.

Liolios D. Reflections on the role of bone tools in the definition of the Early Aurignacian // Towards a Definition of the Aurignacian / Eds. O. Bar-Yosef, J. Zilhão. Lisboa: Instituto Português de Arqueologia, 2006. P. 37–51. (Trabalhos de Arqueologia; Vol. 45).

Tartar É. The recognition of a new type of bone tools in Early Aurignacian assemblages: implications for understanding the appearance of osseous technology in Europe // J. of Archaeological Science. 2012. Vol. 39. P. 2348–2360.

КОСТЯНОЙ И РОГОВОЙ ИНВЕНТАРЬ СТОЯНКИ И МОГИЛЬНИКА МИНИНО-2 (МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ)

© 2014 г. А.Н. Сорокин

Институт археологии РАН, Москва
(ansorokin@rambler.ru; ansorokin52@gmail.com)

Ключевые слова: Московская обл., Заболотский торфяник, Минино-2, стоянка, могильник, костяные и роговые орудия, финальный палеолит, мезолит.

Резюме. В статье публикуются костяные и роговые изделия из нижнего культурного слоя стоянки и могильника Минино-2 в Подмосковье. Мелиорация Заболотского торфяника и удаленность памятника от реки привели к значительным повреждениям изделий из органических материалов, однако и в таком виде они представляют значительный источниковедческий интерес.

Минино-2 располагается в Сергиев-Посадском р-не Московской обл., в акватории Заболотского палеоозера. Памятник был открыт в 1997 г. и раскопан на площади 528 кв.м. В нижнем культурном слое, возраст которого определен в диапазоне 8,0–10,2/10,5 тыс. л.н. (Среда обитания…, 2002), изучены четыре погребения людей, захоронение собаки, два жилища и собрано свыше 25 тыс. каменных изделий (Сорокин, 2011), около 8,5 тыс. фаунистических остатков и 608 артефактов из кости и рога (Он же, 2013) (рис. 1, 2). Мелиорация и циклическая аэрация Заболотского торфяника пагубно сказываются на сохранности артефактов из органических материалов: более половины из них фрагментированы и не поддаются интерпретации до типа.

Наиболее массовая категория изделий Минино-2 – массивные симметричные острия (73 экз.), изготовленные из метаподий лося. Обычно они интерпретируются в качестве наконечников копий (Ошибкина, 1997; Жилин, 2001). Для них характерно точечное окончание, прямые или скругленные края заготовок. Насады имеют следы отески и сострогивания эпифизов.

Аналогичных массивных изделий с асимметричным боевым окончанием, использовавшихся как наконечники рогатин, в коллекции 12. Им близки асимметричные острия с углом заострения под 45°, которых насчитывается 32 экз. В отличие от наконечников копий и рогатин, у орудий с заточкой рабочего конца под углом 45° окончание линейное, прямое или слабовыпуклое (Жилин, 2001; Лозовский, 2006). В качестве заготовок для них использовались метаподии и плечевые кости лося, ребра и отростки рогов.

По результатам трасологических исследований острия с заострением в 45° интерпретируются в качестве наконечников землекопных орудий и пешней (Жилин, 2001) или резцов-штихелей и резцов-скобелей для обработки древесины (Лозовская, 1997). Визуальный осмотр изделий, происходящих из Минино-2, Замостья-4 и -5, показывает отсутствие на них следов замятости и забитости, что было бы логично при соприкосновении со льдом. Нет на них и выразительных линейных следов, как следствия рытья ям. «Зеркальная» обработка рабочих лезвий и стандартный дуговидный слом, идущий от верхнего прямого края к нижнему, скошенному, прямо указывающий на их кинематику, подсказывают их функцию в качестве наконечников рогатин.

К клевцам относятся 11 массивных остроконечных орудий ударного действия. Они бывают монолитными и составными. Первые изготавливались из лопаты и отростка рога, вторые – чаще всего из одного отростка. Оба типа могут быть простыми и пазовыми. Вставки клевцов изготавливались из изогну-



Рис. 1. Костяные и роговые орудия с участков 1–4 комплекса Минино-2.

тых массивных отростков, конец при этом заострялся на конус или огранивался, а обушок, закрепляемый в муфте, стесывался. Цельные изделия могут иметь сверлины для крепления к деревянной рукояти.

К наконечникам стрел отнесены острия, насад которых приспособлен для глухого крепления в тонком (до 1 см) древке. Всего их собрано 24. В качестве заготовок использовались расчлененные трубчатые кости копытных. Присутствуют 12 игловидных с коническим острием и уплощенным насадом; четыре весловидных, два – биконических и тупой из локтевой кости лося; еще шесть – пазовые, включая четыре игловидных однопазовых и один – двупазовый. Интересен целый миниатюрный биконический наконечник (№ 140) длиной 2,5 см с миниатюрным пазом, куда вставлялся единственный вкладыш.

Зубчатых остриев в Минино-2 семь, все однорядные редкозубчатые, форма зубцов клювовидная, конусовидная и прямая. Достоверный гарпун всего один (№ 216), представлен уплощенным насадом, завершенным обратным зубом. Единственный его сохранившийся боковой зубец – клювовидный. В качестве заготовок для зубчатых острий и гарпунов часто выбирался край трубчатой кости

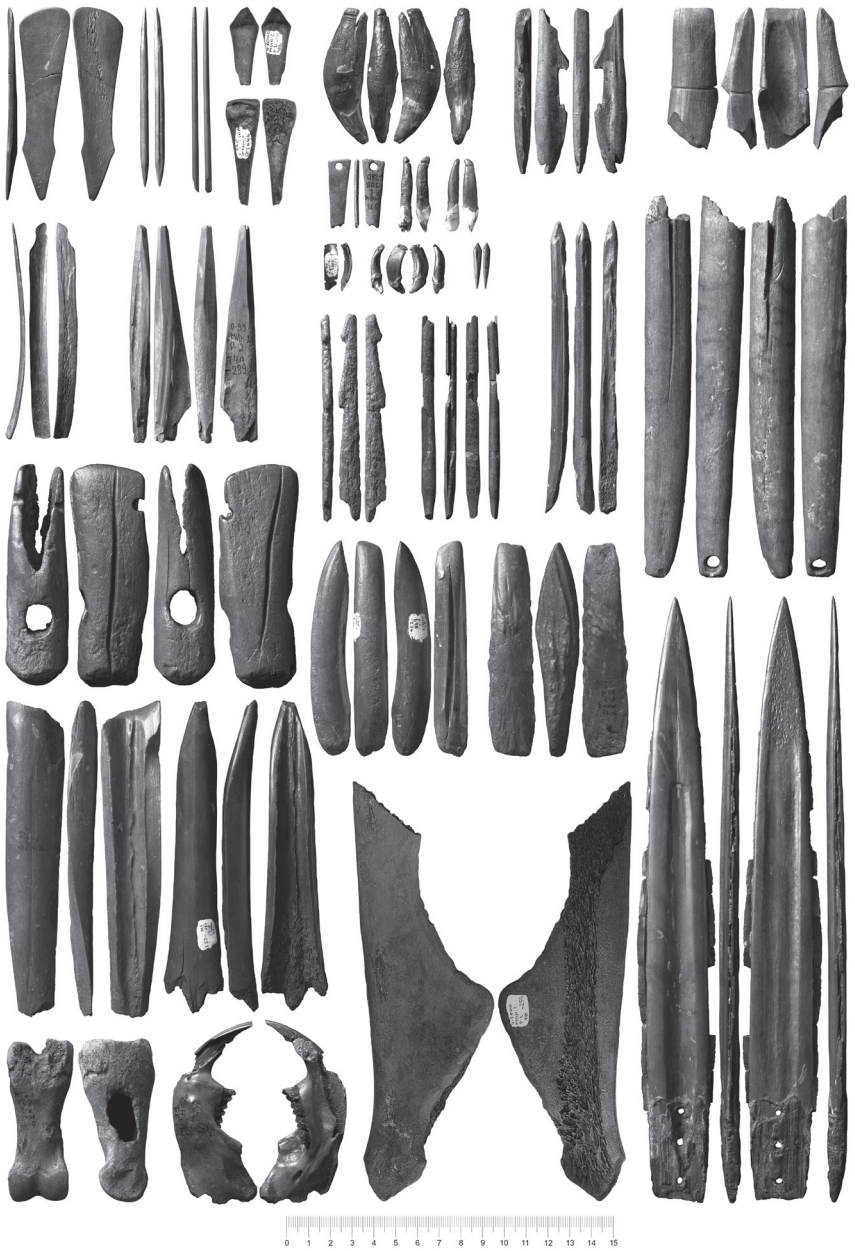


Рис. 2. Костяные и роговые орудия с участков 1–4 комплекса Минино-2.

с естественным ребром, из-за чего завершенные орудия имеют «грушевидное» сечение.

Ножи довольно многочисленны (25 экз.). Выделяются узкие ножи из ребер (5), широкие – из лопаток лося (14) и ножи из трубчатых костей (6). Обычно они использовались для чистки и потрошения рыбы, мездрения свежих шкур или разделки сырого мяса (Клементе Конте, Гиря, 2003). Наиболее выразительны плоские ножи из лопаток, которые часто орнаментированы.

Проколок 22 экз., они предназначались для шитья изделий из кожи, шкур и бересты (Семенов, 1968). В качестве заготовок стандартно использовались пластины, нарезанные из метаподий копытных и тонкие трубчатые, особенно птичьи, косточки. Обычно выбирались некрупные экземпляры, природная форма которых требовала минимума обработки по оформлению острия. Эпифизы сохранялись, так как были удобны для захвата рукой.

Рубящие орудия (31 экз.) включают изделия для обработки древесины. Выделяются желобчатые долота, тесла с прямым лезвием, топоры-клинья и проушные топоры, сломанные, как правило, по отверстиям. Для их производства использовались трубчатые кости и рог. Все отличаются минимальной степенью

обработки при оформлении лезвий и выравнивании боковых кромок при отделении заготовки от целой кости или рога.

Категория пазовых или вкладышевых орудий неоднородна, она включает наконечники стрел, копий, кинжалов и клевцов (20 экз.). От простых форм эти орудия отличаются тем, что они являются составными. В качестве заготовок использовались фрагменты ребер, пластины из трубчатых костей, включая метаподии, и роговые отдельности. Два самых выразительных изделия (№ 193 и 233) в Минино-2, изготовленные из плюсневых костей лося, интерпретированы в качестве наконечников копий. Длина обоих около 30 см. В пазах первого из них сохранились 14 из 20 кремневых вкладышей. Семь микролитов, высыпавшихся из оправы второго, представлены необработанной микропластиной, тремя микропластинами с затупленным ретушью краем, двумя микролитами с затупленным краем и основанием и прямоугольником. Их присутствие в наборе одного предмета лишний раз указывает на условность археологических классификаций.

Интерпретация этих орудий как наконечников копий основывается на наличии короткого (4,8 см), хорошо сохранившегося насада с отпечатками деревянного древка на первом из них, где имеются три сквозных цилиндрических отверстия для крепежа диаметром 3 мм. Рукояти кинжалов из Минино-2 имеют длину до 12 см, соответствующую ширине кисти взрослого человека, и единственное сквозное отверстие в основании рукояти.

Сравнительно разнообразны роговые муфты (7 экз.), служившие для скрепления вставок топоров, тесел и клевцов с деревянной рукоятью. Обычно они изготавливались из перехода ствола рога в лопату. Особенно интересна муфта для клиновидного топора (№ 125), имеющая гравировку из четырех пар пересекающихся линий, образующих косую сеточку.

Восемь изделий с приостренным лопаточковидным концом выполнены из пластин, отделенных от крупных трубчатых костей или лопаты рога. Наиболее неординарный предмет (№ 220) сделан из роговой пластины, тщательно зашлифованной с обеих сторон. Корпус расширяется к одному концу, а к другому – напоминает стрелку. С внешней стороны четко различим орнамент в виде пучка разнонаправленных линий, от которого отходят пересекающиеся линии, образующие ромбы.

Изделия из нижних челюстей бобра (32 экз.) включают предметы, режущей кромкой которых служила их зубная эмаль. Обычно они использовались как резцы, стамески и скребки (Семенов, 1968). Обработка, кроме диагонально срезанных резцов и костных сумок, практически отсутствует, что позволяет относить данную категорию к разряду естественных орудий, практически ничего не дающих для культурной характеристики рассматриваемой индустрии.

Ретушеров восемь, в качестве заготовок использованы отростки рога лося и клыки медведя, лишенные какой-либо вторичной обработки. Экземпляр (№ 142), изготовленный из отростка рога лося, украшен на внутренней стороне около вершины тремя зарубками и «пучком» коротких линий.

Подвески (38 экз.) чаще всего изготавливались из зубов млекопитающих, подъязычных костей лося и осколков костей. Крепежные сверлины в Минино-2 присутствуют эпизодически, нарезки охватывают не более 2/3 периметра корня. Подобные подвески предназначались для нашивки на одежду.

При совершенно очевидном стремлении обитателей Минино-2 к минимизации собственных усилий по обработке кости и рога необходимо указать на их явное пристрастие к украшению орудий. Помимо уже упомянутых предметов в коллекции имеется 22 фрагмента со следами знаково-символической деятельности (Кабо, 1969), назначение которых выходит за пределы бытовых функций.

В Минино-2 присутствуют четыре предмета, выполненных из фаланги лося с пробитыми в них неровными отверстиями, традиционно называемых коробочками. Помимо этого имеются два фрагмента стругов из ребер лося и фрагмент крючка в виде небольшого прямого округлого в сечении стерженька, жальце и насад которого оказались утрачены. Этим исчерпывается список костяных и роговых изделий Минино-2.

Можно заметить, что сам процесс изготовления орудий в значительной степени дикто-

вался характером исходного сырья. Следует отметить и определенное стремление к минимизации вторичной обработки. Специальное получение формы орудий характерно лишь для пяти категорий – наконечников стрел, зубчатых острий, гарпунов, ножей из лопаток лося и кинжалов. Вариабельность артефактов весьма невелика, над ней в значительной мере довлеют «конституция» исходного сырья и степень сохранности артефактов. Из-за мелиорации торфяника, аэрации отложений и болотного оруденения произошла естественная сортировка коллекции, приведшая к значительной утрате ее информативности.

На основании анализа коллекции каменных изделий совершенно очевидно, что в Минино-2 представлены материалы рессетинской и заднепилевской культур (Сорокин, 2011). Для объективной атрибуции костяного и рогового инвентаря требуется выполнение пространственного анализа артефактов, но эта работа еще ждет своего часа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Жилин М.Г. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 328 с.

Кабо В.Р. Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии. М.: Наука, 1969. 407 с.

Клементе Конте И., Гиря Е.Ю. Анализ орудий из рога лося со стоянки Замостье-2 (7 слой, раскопки 1996–1997 гг.) // Археологические вести. 2003. № 10. С. 47–59.

Лозовская О.В. О функциональном назначении орудий 45° из мезолитических слоев стоянки Замостье-2 // Древности Залесского края: мат-лы к междунар. конф. «Каменный век Европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры». Сергиев-Посад, 1–5 июля 1997 г. Сергиев-Посад: Изд. дом «Подкова», 1997. С. 74–85.

Лозовский В.М. Изделия из кости и рога мезолитических слоев стоянки Замостье-2 // Человек, адаптация, культура / Отв. ред. А.Н. Сорокин. М.: Гриф и К., 2006. С. 200–222.

Ошибкина С.В. Веретье-1. Поселение эпохи мезолита на Севере Восточной Европы. М.: Наука, 1997. 204 с.

Семенов С.А. Развитие техники в каменном веке. М.; Л.: Наука. 1968. 376 с.

Среда обитания человека в голоцене по данным изотопно-геохимических и почвенно-археологических исследований (Европейская часть России) / Под ред. В.И. Николаева. М.: ИГ РАН. 2002. 190 с.

Сорокин А.Н. Стоянка и могильник Минино-2 в Подмосковье. М.: Гриф и К., 2011. 263 с.

Сорокин А.Н. Стоянка и могильник Минино-2 в Подмосковье: костяной и роговой инвентарь. М.: ИА РАН, 2013. 448 с.

ТЕРОЧНЫЕ ПЛИТКИ И «КУРАНТЫ» ИЗ ЧУЛАТОВО-2[1]

© 2014 г. К.Н. Степанова

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
(ksstepan@gmail.com)

Ключевые слова: верхний палеолит, терочные плитки, куранты, следы использования.

Резюме. В первой половине XX в. на верхнепалеолитической стоянке Чулатово-2 (Рабочий ров) в среднем течении р. Десны были найдены орудия, описанные как нижние плитки и куранты для растирания зерен и корней диких растений. В данной работе приведены предварительные результаты анализа следов использования терочных камней.

Чулатово-2 (Рабочий ров) – это стоянка позднего этапа верхнего палеолита на правом берегу р. Десны, между селами Чулатово и Дробышево Новогород-Северского р-на Украины. Открыта она была в 1935 г. И.Г. Пидопличко и И.З. Галичем, проведшим раскопки в 1936 г. Затем полевые исследования проходили в 1937 и 1938 гг. под руководством М.В. Воеводского (1952). В настоящее время коллекция хранится в фондах НИИ и Музея антропологии при МГУ им. М.В. Ломоносова.

За три года раскопок было вскрыто более тысячи квадратных метров культурного слоя на трех мысах в овраге Рабочий ров, территория памятника считается исследованной полностью. Находки были сгруппированы в три скопления. В составе одного из них М.В. Воеводский выделил остатки двух сооружений, одно из которых интерпретировал как жилище. На стоянке зафиксировано семь кострищ, размерами от 1 до 5 м^2, некоторые связаны с приочажными пекарными ямками. Некоторые зольные пятна перекрыты участками культурного слоя. Кремневое сырье бралось из коренных меловых отложений в непосредственной близости от стоянки, и весь цикл производства проходил непосредственно на стоянке. Детальный планиграфический анализ материалов стоянки, проведенный Н.Б. Леоновой (1976. С. 11), позволил выявить «наличие производственной специфики на территории трех больших скоплений». Скопление с остатками предполагаемого жилища, множеством ямок и зольных линз в наибольшей степени связано с изготовлением каменных орудий. Два других скопления связаны с первичным раскалываем кремня и обработкой кости, в этих же скоплениях преобладают скребки, что идет вразрез с общей статистикой распределения категорий орудий по площади стоянки (Там же. С. 10–12). Вывод М.В. Воеводского (1952. С. 114) о том, что скребки Чулатово-2 использовались преимущественно для обстругивания кости, принимается и П.И. Борисковским (1953. С. 287–288).

Кремневую индустрию памятника характеризует большое число первичных продуктов расщепления, однообразность и обедненность орудийного набора: орудий 3,9% от общего числа находок и 35% от общего числа неиспользованных заготовок (пластин). Резцы преобладают (72% от всех орудий, 2,8% от всей коллекции), но не образуют устойчивых форм, повторяется только массивная режущая кромка, часто – однофасеточная. Доминируют боковые резцы на усеченных крутой дорсальной ретушью пластинах. Вторая по численности группа орудий – концевые скребки на пластинах, они составляют 29,1% от числа всех орудий (1,1% от всей коллекции). Нуклеусы в основном плитчатые (в соответствии с характером сырья) – 57 единиц (0,4% от всей коллекции), желвачных ядрищ – 19 единиц

1 Работа выполнена на средства гранта Президиума РАН 2012–2014 гг., руководитель проекта С.А. Васильев.

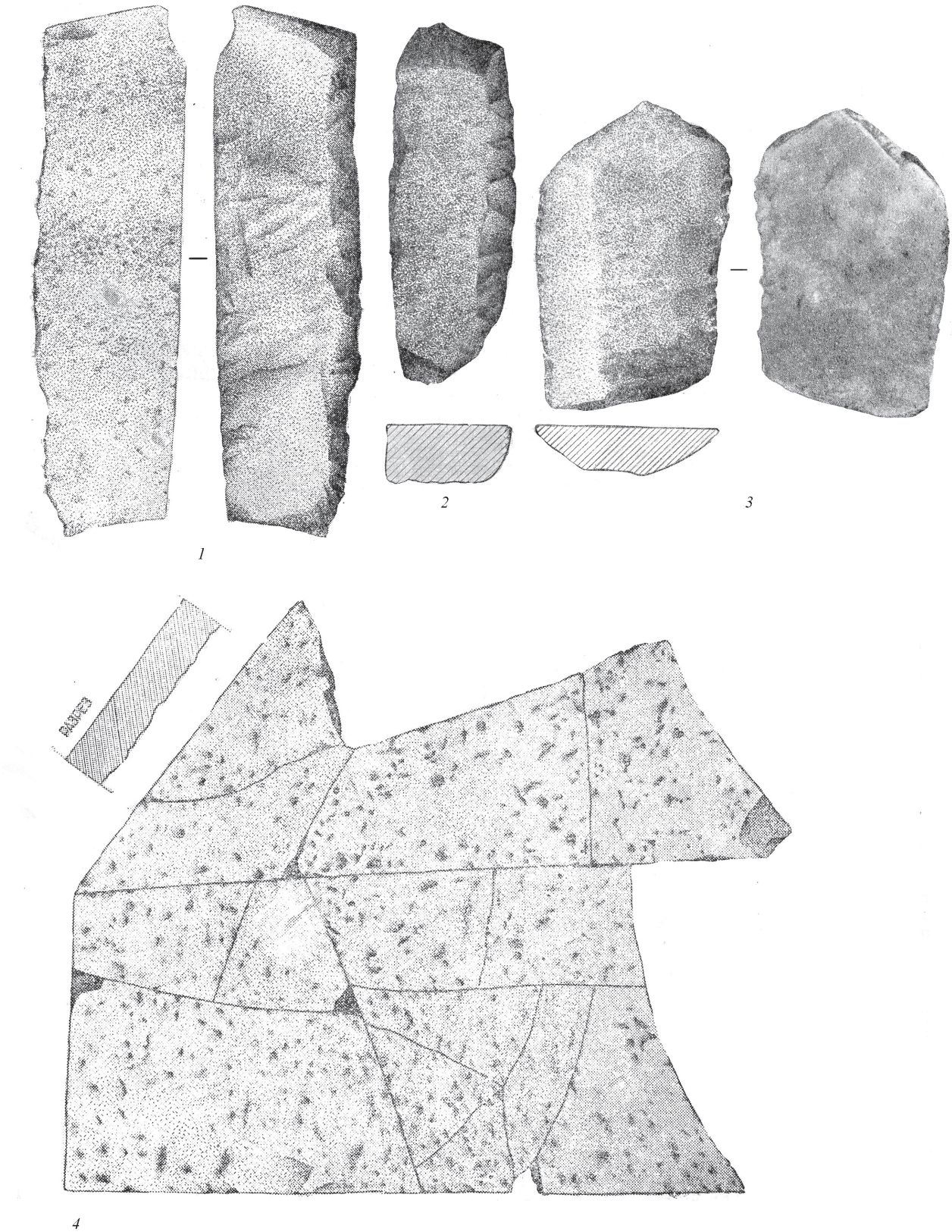


Рис. 1. Терочные плитки и «куранты» из Чулатово-2 (по: Воеводский, 1952).
Масштаб: *1*, *4* – 2/7 натуральной величины; *2*, *3* – 2/5 натуральной величины.

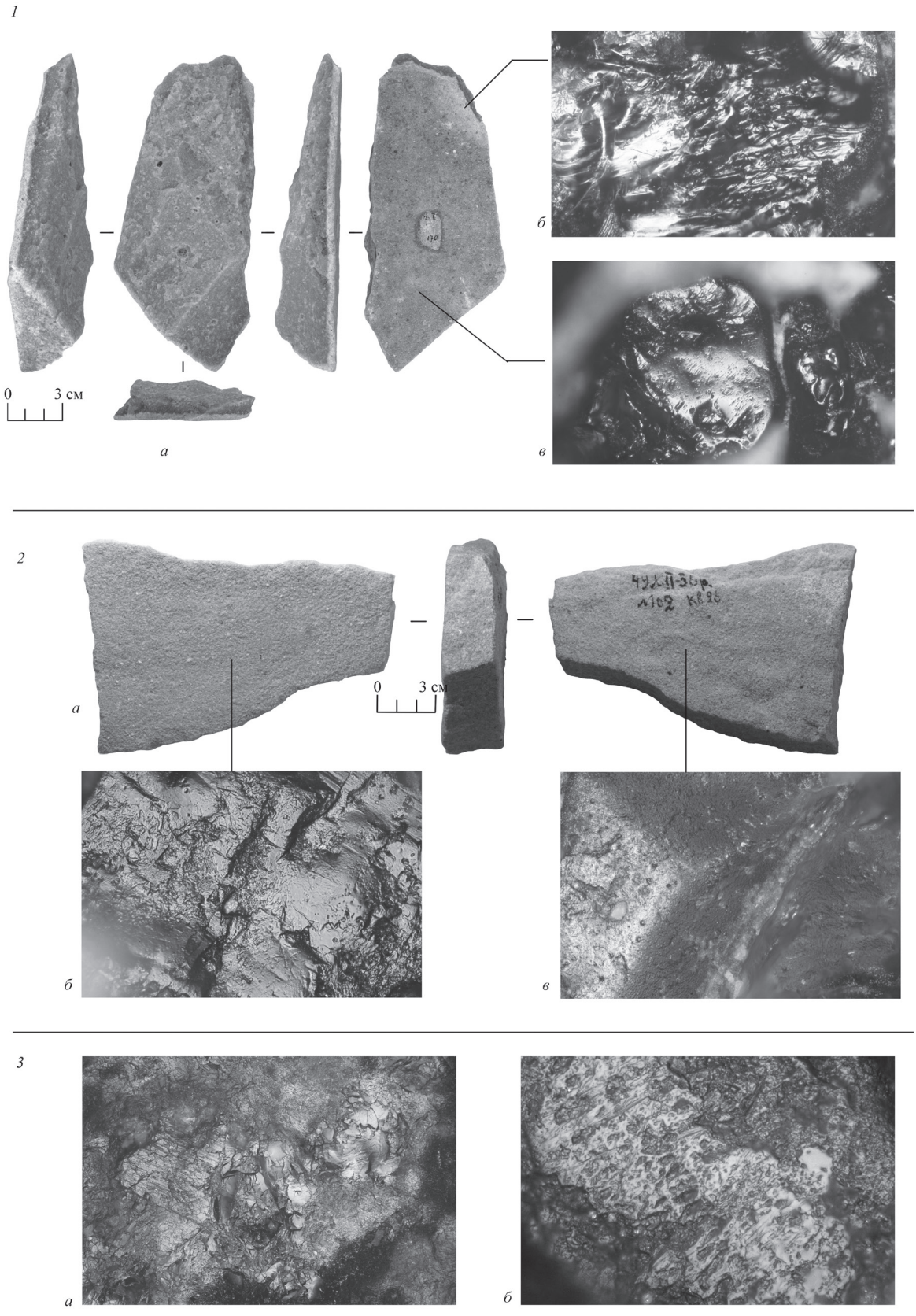


Рис. 2. Чулатово-2. *1* – кварцитовый «курант» № 170: *а* – проекции орудия, *б* – поверхность скола (100-кратное увеличение), *в* – истертая поверхность (100-кратное увеличение); *2* – песчаниковая плитка № 120: *а* – проекции орудия, *б* – естественная поверхность (200-кратное увеличение), *в* – истертая поверхность (200-кратное увеличение); *3* – эксперименты по обработке органики кварцитовым и гранитным орудиями: *а* – измельчение злаков (кварцитовая ступа, 3 ч., 100-кратное увеличение); *б* – обработка кожи (гранит, 12 ч., 500-кратное увеличение).

(0,1% от всей коллекции). М.В. Воеводский относил Чулатово-2 по характеру кремневой индустрии к группе стоянок конца верхнего палеолита Дона и Днепра: Борщево-2, Тимоновская, Бугорок, Гонцы, Кирилловская (Воеводский, 1952. С. 114).

На фоне других памятников верхнего палеолита Чулатово-2 выделяется наличием своеобразных песчаниковых и кварцитовых орудий: это плитки и камни-«куранты» со следами истирания одной из поверхностей (рис. 1). Терочные камни (22 ед.) делятся на верхние (10 ед.) – напоминающие куранты более поздних эпох, с признаками аккомодации для захвата руками, и нижние, бóльшие по размерам и найденные в осколках (12 ед.). Сырьем для этих орудий был плитчатый бучагский песчаник и кварцит, из месторождений в обнажениях оврага Рабочий ров. По замечанию М.В. Воеводского, сырье удобно для изготовления терочных камней, поскольку верхняя сторона плиток имеет ровную и в то же время шероховатую поверхность (Там же. С. 122). Благодаря происхождению плиток из коренных месторождений, на них отсутствуют следы окатанности. В других индустриях сырьем для орудий-приспособлений как правило становятся гальки – окатанные отдельности, что накладывает ограничения на их функциональное определение трасологическим методом. Материалы Чулатово-2 можно считать перспективными для трасологических наблюдений, поскольку возможно непосредственно сравнивать износ с исходной поверхностью и эталонами. Полученные определения должны уточнить предположение М.В. Воеводского о том, что плитки и «куранты» использовались для растирания пищевых продуктов: семян диких растений и съедобных корней. М.В. Воеводский указывает, что эти орудия не могли служить шлифовальниками, т.к. не заметно мелких царапин, которые получаются при шлифовке каменных орудий. Не найдено на стоянке и шлифованных предметов (Там же. С. 124). В расположении плиток на площади стоянки не наблюдалось выраженной закономерности: бóльшая часть найдена близ кострищ и скоплений костей, но некоторые лежали изолированно на пустых участках (Там же. С. 125).

В марте 2013 г. в рамках проекта «Разработка методического руководства по изучению каменной индустрии палеолита» была обработана коллекция кварцитовых и песчаниковых плиток и «курантов», хранящихся в фондах НИИ и Музея антропологии при МГУ им. М.В. Ломоносова. В общей сложности было обработано 22 орудия-приспособления из коллекции Чулатово-2 (14 фрагментов «нижних» плиток, 7 «курантов», 1 отбойник), для 12 из них сделаны слепки, полученные наложением на поверхность орудия ацетатной пленки, размягченной в химически чистом ацетоне. Слепки воспроизводят характер поверхности орудия настолько подробно, что позволяют получить с них микрофото характера рабочих и противолежащих им поверхностей для последующего микротрасологического анализа (Гиря, Дэвлет, 2010. С. 109).

Орудия, которые были определены М.В. Воеводским как нижние плитки для растирания семян и корней диких растений, представляют собой плитки с двумя корочными поверхностями, одна из которых сильно ноздреватая, явно сохранившаяся в исходном состоянии, а вторая более гладкая, со следами истирания. Обломков этих плиток, в том числе и мелких, в фондах Музея антропологии мной было осмотрено 56. М.В. Воеводский приводит иллюстрацию, на которой 14 таких фрагментов складываются в единую плиту (рис. 1). Косвенно на исходные размеры нижних плит могут указать размеры «курантов». Их средняя длина – 19,5 см, ширина – 7,9 см, толщина – 2,7 см. Внешний вид этих камней (с одной ровно истертой поверхностью и аккомодацией на противоположной стороне: уплощение спинки крупными поперпечными сколами, притупление ребра, облом концов), не может трактоваться иначе, чем свойственный орудиям импульсного рассеянного взаимодействия. Описания макроизноса плиток, данные М.В. Воеводским (Воеводский, 1952. С. 122–124), вполне согласуются с моими наблюдениями.

Зерна породы на рабочей поверхности мягко скруглены, а на повышенных участках – выположены, в то время как разбитых, смятых зерен не наблюдается, кратеры от вылетевших зерен сложно отличить от лунок, оставшихся от ноздреватых углублений корки

плитки, и те и другие имеют мягко скругленные края, никаких видимых невооруженным глазом линейных следов (бороздок) не наблюдается. Наибольшая истертость располагается на выпуклых участках, т.е. общий рельеф поверхности орудия не изменен, сохранились исходные неровности плитки. Это справедливо как для «нижних» плиток, так и для «курантов». Характер сработанности наводит на предположение о работе с мягким органическим материалом, но такой материал может быть как растительным, так и животным, таким образом, как альтернатива для растирания семян и корней может выступать предположение об обработке шкур и кож.

На уровне микроизноса поверхностей разница между истертыми и ноздреватыми поверхностями выражается в том, что зерна породы на рабочих поверхностях в значительной степени выположены. При 100- и 200-кратном увеличении рабочей поверхности видно, что имеющиеся на зернах породы крупные трещины и перепады рельефа сглажены, как будто покрыты застывшим вязким веществом. При том же увеличении часто наблюдается мельчайшая сетка трещин, покрывающая поверхность и ступенчатая выкрошенность зерен породы (рис. 2). Местами фиксируются мельчайшие короткие подпараллельные линейные следы, на которых различимы начало и конец приложения усилия; эти следы могли остаться от вылетевших зерен породы, либо от твердой фракции обрабатываемого материала, но в любом случае это были мельчайшие крупинки.

При отсутствии в распоряжении автора однозначного эталона следов микроизноса от обработки растительности[1], было бы преждевременно однозначно связывать орудия из плитчатого кварцита и песчаника Чулатово-2 с обработкой растительной пищи. На основе полученных микрофотографий на данном этапе исследования можно заключить, что в формировании следов сработанности как на плитках, так и на «курантах» присутствуют общие черты, что, по-видимому, является следствием одинакового образа и интенсивности их использования. Схожие черты в следах использования прослеживаются и на разных материалах: кварците и песчанике (ср. рис. 2, *1, 2*). Это, в свою очередь, имеет позитивное значение для методики формирования эталонной базы следов износа зернистых и кристаллических пород, поскольку позволяет переносить результаты, полученные на одном виде сырья, на другие породы камня.

1 Экспериментальное растирание зерен злаковых дало нам следы, по некоторым элементам сопоставимые с абразивной обработкой камня, в то время как специфические следы для растительности вычленить не удалось (Загородняя, Степанова, 2012).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Борисковский П.И. Палеолит Украины: Историко-археологические очерки. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 464 с. (МИА; № 40).

Воеводский М.В. Палеолитическая стоянка Рабочий ров (Чулатово II) // Ископаемый человек и его культура на территории СССР. Учен. зап. МГУ. Вып. 158 / Отв. ред. М.С. Плисецкий. М.: Изд-во МГУ, 1952. С. 101–132.

Гиря Е.Ю., Дэвлет Е.Г. Некоторые результаты разработки методики изучения техники выполнения петроглифов пикетажем // Урал. ист. вестн. 2010. № 1 (26). С. 107–118.

Загородняя О.Н., Степанова К.Н. Возможности микротрасологического анализа орудий из зернистых и кристаллических пород // РА. 2012. № 2. С. 67–71.

Леонова Н.Б. Производственные комплексы стоянки Чулатово II (Рабочий ров). Верхний палеолит // Проблемы истории СССР. Вып. 5 / Отв. ред. С.С. Дмитриев. М.: Изд-во МГУ, 1976. С. 3–20.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ СО СТОЯНКИ ОЛДОВАНА АЙНИКАБ-1: РАСКОПКИ 2012–2013 ГОДОВ[1]

© 2014 г. А.И. Таймазов

Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, Махачкала (taymazov_artur@mail.ru)

Ключевые слова: *олдован, индустрия, типология, чоппер, пик, скребло, нуклеус, скребок, нож, проколка.*

Резюме. В работе дана классификация и краткая характеристика новых археологических находок со стоянки олдована Айникаб-1. Технико-типологический облик каменного инвентаря дополнительно подтверждает вывод о культурном единстве индустрии разных слоев памятника и их соответствии типичному олдовану.

В 2005–2007 гг. в Центральном Дагестане, в междуречье Акуши и Усиши, обнаружены уникальные по своей древности и характеру культуры стоянки эпохи раннего палеолита Айникаб-1–5, Мухкай-1, -2, Гегалашур-1–3 (Амирханов, 2007). Памятник Айникаб-1 геоморфологически связан с участком высокого водораздела (220–230 м над современными руслами рек), сложенного рыхлыми отложениями и ограниченного с запада долиной р. Акуша и с востока – долиной р. Усиша. Водораздел является останцом платообразной поверхности выравнивания, сформировавшейся не позднее раннего плейстоцена (Варданянц, 1948. С. 53). Этот уровень с отметками 1200–1500 м над ур.м. хорошо представлен в Центральном Дагестане в виде обширных пространств Левашинского плато. Рыхлые отложения водораздела достигают в некоторых местах естественного обнажения до 80 м и имеют общую протяженность 4–5 км. Стоянка занимает центральную часть водораздельной гряды и связана с вершиной хребта останцового характера, изолированного эрозионными процессами. Высота ее над ур.м. 1 538,7 м.

Памятник исследовался в 2006–2009 гг. В 2012–2013 гг. раскопки были продолжены. В результате получены новые археологические материалы в количестве 455 предметов, существенно пополнившие коллекцию каменных изделий стоянки, насчитывавшую 850 находок. Стратиграфически они распределены по 19 слоям. Всего же в новом раскопе выделено 32 слоя. Вскрытые отложения характеризуются чередованием слоев с преимущественным содержанием гальки, гравия и валунов в литологическом составе сцементированных иногда до состояния конгломератов в нижней и верхней части разреза и суглинистой составляющей с галечно-гравийными прослойками в средней части. Особенностью раскопанного участка является исключительная мощность вмещающих отложений. Эти отложения изучены до глубины около 10 м от дневной поверхности, глубина же исследованной толщи от вершины памятника составила около 14 м. Материковый уровень, представленный третичными песчаниками, не достигнут. В раскопах 2007–2009 гг. материк проявлялся на глубине 11 м от вершины стоянки. В двух слоях нижней пачки отложений обнаружены по одному зубу млекопитающих. Стратиграфия полученных разрезов по основным показателям (характеру залегания слоев, доминированию крупнообломочной составляющей на нижних и верхних уровнях и мелкозема в средней части, наличию горизонтов цементации обломочного материала, глинистых линз и прослоев, содержанию в нижней пачке включений и скоплений Fe-Mn) близка к той, которая наблюдалась в разрезах 2006–2009 гг. Ряд слоев в них полностью идентифицируют-

1 Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 12-06-96510.

ся друг с другом. Учитывая, что ни во время накопления отложений, ни после их формирования не существовало долин рек Акуша и Усиша, можно согласиться с мнением о том, что в формировании крупнообломочных пачек решающую роль играли пролювиально-делювиальные процессы, а слоев мелкозема – эоловый фактор (Амирханов, 2007. С. 10–11).

Насыщенность слоев находками неравномерная. Более насыщены нижние слои памятника (до 11 предметов на 1 м²). Каменные изделия приурочены к слоям, состоящим из обломочного материала и суглинков, содержащих в себе гравийный материал.

В составе полученной коллекции встречаются две разновидности сырья: кремень (93%) и окремнелый известняк (7%). Среди предметов из окремнелого известняка также встречаются законченные орудия. Кремень не однороден по составу. Чаще всего он серый, преимущественно матовый, имеющий выраженные особенности текстуры и плотности (333, или 79% кремневого сырья). Кремень такого рода широко распространен в районе местонахождения памятника. Из общей массы кремневого инвентаря выделяются изделия из однородного плотного кремня красноватого или красновато-коричневого, табачного оттенка (91, или 21% кремневого сырья). Для этой разновидности кремня присущи вязкость, «жирность». Изделия из такого рода сырья не обнаружены в слоях верхней и средней пачки. В нижней пачке они чаще встречаются в слоях 17а (24, или 60% всего кремня), 21 (34, или 32% всего кремня) и 28 (11, или 28% всего кремня). Естественные выходы табачного кремня не обнаружены. В местах размыва отложений водораздела рек Акуша и Усиша подобное сырье также не встречалось. Но учитывая, что серый меловой кремень по своим качествам (плотности, твердости, свойствам раскалывания) вполне соответствовал требованиям, предъявляемым гоминидами к сырью, не было необходимости преодолевать длительные расстояния в поисках источников лучшего сырья. Поэтому, нельзя исключить и местное происхождение табачного кремня, хотя его выходы, возможно, были крайне ограничены. В пользу не инородного происхождения кремня табачного цвета может послужить еще такой факт, как наличие в коллекции Айникаб-1 единичных крупных желваков, которые частично обладают признаками описываемого рода сырья.

Сохранность находок хорошая, предметы не окатаны. В верхних слоях встречаются патинированные изделия. Патина белая, в основном, в виде изолированных участков и точек, не сплошная.

Типологический состав изделий весьма разнородный. Он не производит впечатления монотонности, как, например, инвентарь стоянки Дманиси. Среди находок, характеризующих первичное раскалывание, представлены несколько нуклеусов и нуклевидных обломков. Нуклеусы имеют мелкие размеры и по характеру исходной заготовки могут быть отнесены к двум типам: нуклеусы на плоских желваках с покрытой естественной коркой ударной площадкой (рис. 1, *6*) и нуклеусы на обломках с плоской, гладкой ударной площадкой, являющейся либо плоскостью естественного излома, либо плоскостью скола (рис. 1, *5*). Раскалывание в обоих случаях велось в нескольких рабочих плоскостях. С точки зрения технологии сами нуклеусы на обломках так же просты, как и ядрища на желваках. Требования к нуклеусу и в одном, и другом случаях ограничиваются наличием двух составляющих, но в различных выражениях: гладкой (естественной или на сколе) ударной площадки и совмещенной с ней плоскости раскалывания. Судя по негативам сколов на нуклеусах, с них были получены отщепы средних (до 7 см) и мелких (до 3 см) размеров.

Продукты раскалывания многочисленны (32% всех находок). При этом нужно помнить, что не все имеющиеся в инвентаре отщепы могут происходить от нуклеусов. Часть их, безусловно, представляет собой побочный продукт изготовления чопперов. С функциональной точки зрения они, по-видимому, существенных отличий не имели. Для орудия использовался отщеп, независимо от того, получен он с нуклеуса или случайным образом. Большинство отщепов имеют средние (от 3 до 7 см) и мелкие размеры (менее 3 см).

Изделий с вторичной обработкой насчитывается 110, что составляет 24% всех находок. Среди орудий господствует группа чопперов (29 экз.). Они неоднородны по размерам, массивности, интенсивности обработки рабочих

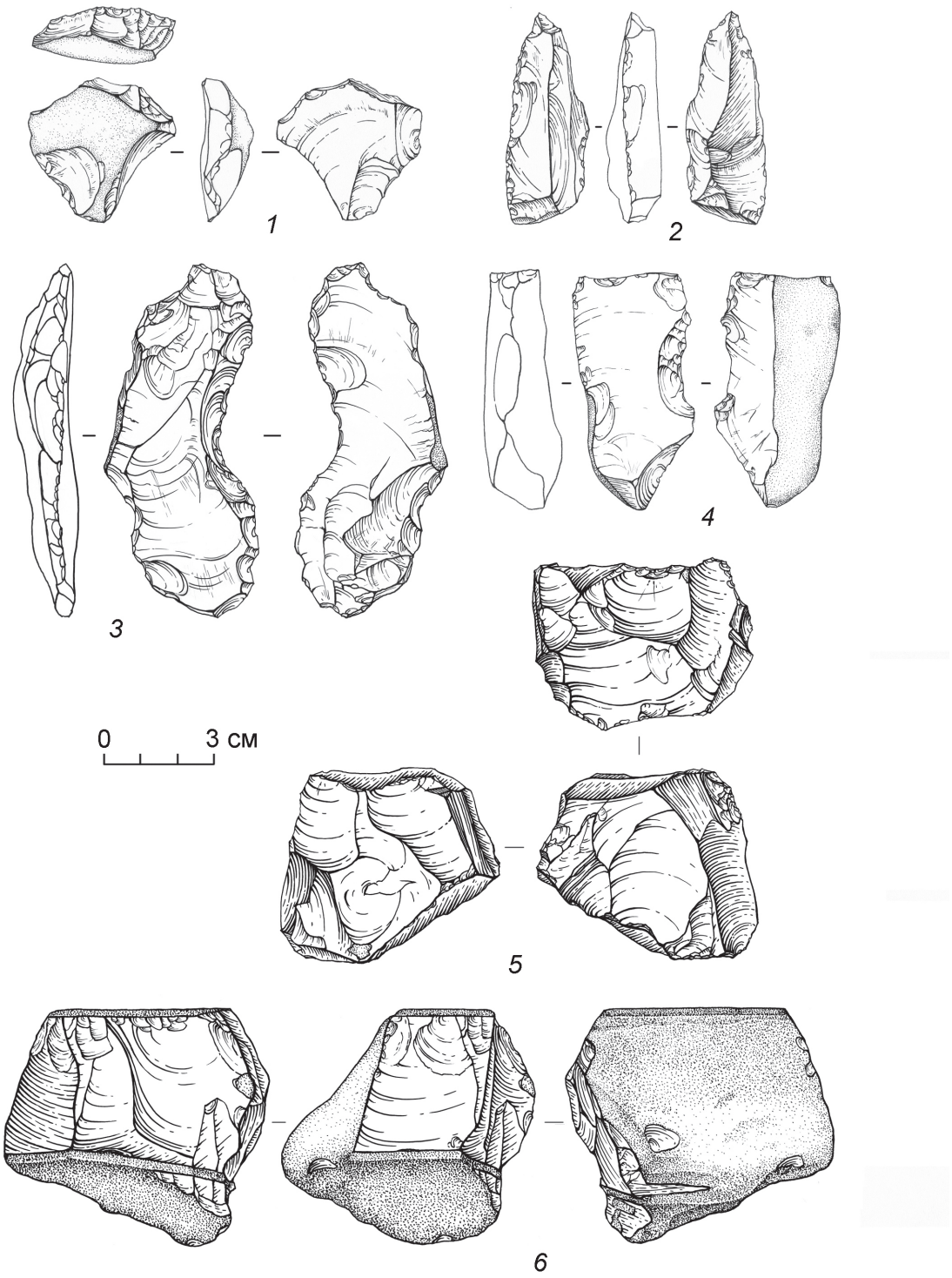


Рис. 1. Кремневые изделия со стоянки Айникаб-1. *1* – скребок; *2* – проколка; *3, 4* – выемчатые орудия; *5, 6* – нуклеусы.

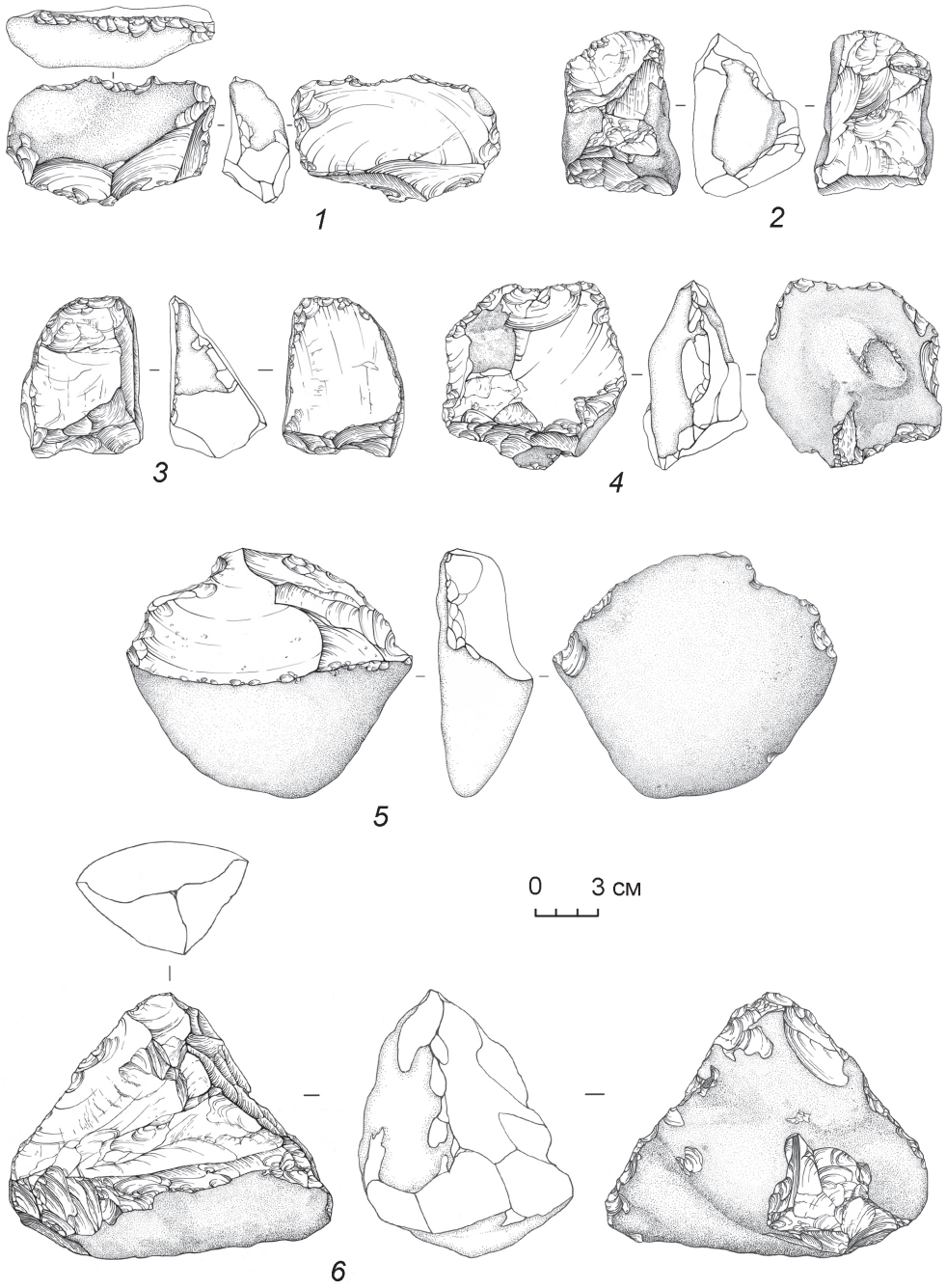


Рис. 2. Кремневые изделия со стоянки Айникаб-1. *1* – скребло; *2–5* – чопперы; *6* – пик.

краев и аккомодационных участков (рис. 2, *2–5*). Есть среди них изделия крупного (вес – 2,760 кг, размеры – 20×10,8×8,3 см) и сверхкрупного (вес – 4,195 кг, размеры – 19×16×9,5 см) размеров и массы. Абсолютное большинство чопперов имеют обычные для этой категории находок размеры и массу. В количественном отношении господствуют чопперы с двусторонней обработкой рабочего края.

Среди макроорудий представлены также пики и близкие к ним по морфологии, но отклоняющиеся по отдельным признакам пикообразные (8 экз.). Пики, в основном, имеют треугольное поперечное сечение и сформированную продольную грань на спинке (рис. 2, *6*). Некоторые из пиков могут быть отнесены к плоским разновидностям этих орудий.

Скребла многочисленны (13 экз.) и разнообразны. Большинство скребел имеют крупные размеры (более 7 см). Заготовками для описываемой категории находок в равной степени использованы как отщепы, так и обломки. Скребла продольные преобладают над поперечными. Одно скребло имеет двойное (поперечно-продольное) лезвие (рис. 2, *1*). В единственном экземпляре представлено скребло с брюшковой ретушью.

Заметно присутствие скребков (15 экз.; см. рис. 1, *1*). Одно изделие можно отнести к скребкам высокой формы. Выемчатые орудия представлены 10 экземплярами. Выемки, в основном, ретушированные (см. рис. 1, *3, 4*). В составе изделий с вторичной обработкой три предмета могут быть определены как ножи. Основным признаком этой категории находок является наличие лезвия и противопоставленного ему обушка. Два артефакта имеют естественный («натуральный») обушок, один – ретушированный. Среди мелких орудий с острыми концами выделены острия (8 экз.), проколки (3 экз.; см. рис. 1, *2*) и шиповидные орудия (6 экз.). Среди орудий встречаются изделия с двумя рабочими элементами, различающимися по своему функциональному назначению (2 экз.). Один из них сочетает в себе скребковое и выемчатое лезвие, другой, по-видимому, использовался и как скребло, и как выемчатое орудие.

Около половины (41%) всех находок составляют изделия, объединенные под общим названием отходы производства. В их состав входят обломки и желваки с единичными пробными сколами, собственно сами обломки, осколки и чешуйки оббивки.

Послойный анализ полученной коллекции позволяет говорить о гомогенности индустрии стоянки. По технико-типологическим характеристикам данная индустрия аналогична той, которая получена в 2006–2009 гг. Полностью отсутствует в коллекциях слоев ведущая форма ашельского технокомплекса – рубило. Нет также орудий, характеризующих развитый олдован в памятниках Олдувайского ущелья. Весь набор технических и типологических признаков полученной в 2012–2013 гг. коллекции дополнительно подтверждают соответствие индустрии стоянки Айникаб-1 типичному олдовану. Учитывая возраст отложений памятника, включающей почти все хронологические отрезки раннего плейстоцена от нижнего до верхнего, и единый культурно-типологический облик представленной в ней индустрии, можно говорить о длительном существовании олдованской культуры на Северном Кавказе. Появление первых ашельских индустрий в рассматриваемом регионе относятся ко времени не ранее 800 тыс. л.н.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Амирханов Х.А. Исследование памятников олдована на Северо-Восточном Кавказе (Предварительные результаты). М.: Таус, 2007. 52 с.

Варданянц Л.А. Постплиоценовая история Кавказско-Черноморско-Каспийской области. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1948. 184 с.

СТОЯНКА КОВРИЖКА III В АРХЕОЛОГИИ НИЖНЕГО ВИТИМА И БАЙКАЛО-ПАТОМСКОГО НАГОРЬЯ

© 2014 г. А.В. Тетенькин

Иркутский государственный университет, Иркутск
(altet@list.ru)

Ключевые слова: финальный палеолит, культурная вариабельность, микрорасщепление, каменные конструкции, культурная трансляция.

Резюме. Многослойное местонахождение Коврижка III на р. Витим содержит пять уровней залегания культурных остатков в интервалах 11,4–10,4 и 8,0–8,2 тыс. л.н. Материалы финальноплейстоценового возраста характеризуются как финальнопалеолитические, при этом содержат первые признаки раннеголоценовых, мезолитических технологий: призматические микронуклеусы, бифас-топор. Впервые для региона выявлен источник манупортов – вулканической пемзы, удаленный более чем на 500 км. В нескольких уровнях обнаружены линейные искусственные конструкции из гнейсовых плиток. Наиболее сложная из них построена около 10,4 тыс. л.н. и обновлена около 8,2 тыс. л.н. При ее сооружении был применен ряд сложных технических приемов. Впервые получены данные о целенаправленной обработке строительных элементов – гнейсовых плит. Трансляция специфической семантики линейных конструкций связывает ансамбли двух типологически различных индустрий, разделенные временем более 2 тыс. лет.

Начало археологических исследований на Нижнем Витиме связано с раскопками Ю.А. Мочанова и С.А. Федосеевой стоянок Авдеиха и Большая Северная (Мочанов, 1977). Следом за ними выдающуюся роль в формировании научных представлений о финальном палеолите района сыграла стоянка Большой Якорь I, открытая и раскопанная под руководством Е.М. Инешина (Инешин, 1985; Инешин, Тетенькин, 2010). Плейстоценовые культурные горизонты Авдеихи и Большого Якоря были сопоставлены с дюктайской культурой Якутии. В 1990–2000-е гг. фокус исследований переведен на новые местонахождения Коврижка I–III, Мамакан VI, Инвалидный III, пункты 1–3 (Инешин, Тетенькин, 2005). Главным результатом этих открытий стала новая перспектива изучения культуры населения Нижнего Витима на этапе конца палеолита – мезолита.

Существенный вклад в эту проблематику вносит местонахождение Коврижка III (рис. 1, *1, 2*). Оно содержит пять уровней залегания культурных остатков в алеврито-песчаных склоново-делювиальных отложениях, перекрывающих аллювий 3-й, 22-метровой надпойменной террасы. Нижние культурные горизонты 2 и 3 относятся к концу плейстоцена – раннему дриасу. Третий культурный горизонт (к.г.) имеет радиоуглеродную датировку около 11,4 тыс. л.н. Верхний и нижний уровни к.г. 2 датируются около 10,4–11,0 тыс. л.н. соответственно. Верхние, раннеголоценовые культурные горизонты 1 и 1А имеют радиоуглеродные даты около 8,0–8,2 тыс. л.н. (Тетенькин, 2010; 2011).

Коллекции к.г. 2 и 3 сходны между собой. Наиболее богатый к.г. 2 (n>15000 ед.) содержит такие основные компоненты индустрии, как: 1) производство отщепов и сколов как основных преформ для орудий; 2) изготовление бифасов как преформ для клиновидных нуклеусов и как орудий; 3) микропластинчатое расщепление торцово-клиновидных и призматических нуклеусов; 4) производство резцов и долотовидных орудий из обломков кристаллов горного хрусталя; 5) производство чопперов и чоппингов; 6) обработка гнейсовых плит – элементов строительных конструкций. Основной массив артефактов состоит из изверженных магматических эффузивных пород основного, среднего, кисло-

го состава, осадочных пород (аргиллит/алевролит). Для микропластин даны определения кремня (вулканического стекла), аргиллита, горного хрусталя. Экзотическими породами являются жильный кварц, графитит. Свыше 90% орудий изготовлено из отщепов и сколов нанесением краевой унифасиальной ретуши. Лишь в последний сезон 2012 г. были найдены две макропластины длиной 11,0 и 9,5 см, указывающие на присутствие, по крайней мере в эпизоде обитания одного из очагов верхнего уровня к.г. 2, технологии производства крупных пластин (рис. 2, *9*). Среди орудий есть скребки овальной параболической, каплевидной формы (рис. 2, *5, 6, 7*), остроконечник-провертка (рис. 2, *2*), резцы трансверсальные (рис. 2, *3*) и резцы многофасеточные из горного хрусталя (рис. 2, *4*), отщепы с выделенными краевой ретушью выступами, ножевидные орудия с ретушью по тонкому прямому краю, скребла (рис. 2, *10, 11*). Встречены такие приемы, как оформление суженного черенка скребка, плечиков головки скребка (рис. 2, *5, 10*).

Микронуклеусы (всего 11 в к.г. 2, 3 в к.г. 3) изготовлены из бифасов либо из отщепов. Два нуклеуса из к.г. 2 и один из к.г. 3 – призматические (см. рис. 1, *13*; рис. 2, *15, 17*). Они являются самым ранним на Витиме свидетельством существования техники призматического микронуклеуса в составе палеолитической индустрии. Во всех случаях ударная площадка оформлена многими мелкими латеральными и фронтальными сколами. Этот технический прием отличает к.г. 2 и 3 Коврижки III от Большого Якоря I, где большинство микронуклеусов сделано в технике юбецу (Инешин, Тетенькин, 2010).

В к.г. 3 наиболее выразительны бифасы. Они разнообразны по форме и функции: скребло (рис. 1, *9*), многофункциональное орудие (рис. 1, *11*), орудие + заготовка клиновидного нуклеуса (рис. 1, *10*). Один бифас имеет топоровидную форму с выраженными элементами крепления рукояти – утончением поперечными сколами и выработкой выступа-«ушка» в обушковой части (рис. 1, *14*). Этот элемент сближает найденный артефакт с сумнагинскими топорами «с ушками» раннего голоцена Якутии.

Отдельно следует отметить куски графитита со следами истирания, найденные и в 3-м, и во 2-м к.г. В к.г. 2 впервые были обнаружены рядом специализированные в толщине мазка-линии графититы: зашлифованный как кончик ножа артефакт (рис. 2, *1*) и массивные куски графитосодержащего сланца. Они свидетельствуют о развитой специализации этой знаковой деятельности.

Индустрии к.г. 3 и 2 характеризуются как финальнопалеолитические, дюктайского облика, однако с первыми признаками появления техники призматического нуклеуса и топора с рукоятью, характерными уже для раннеголоценовых ансамблей сумнагинской культуры Якутии. Несмотря на выраженные формальные признаки дюктайской культуры, ансамбли к.г. 3 и 2 Коврижки III отличаются от ансамблей стоянки Большой Якорь I на Витиме (~12,7–11,7 тыс. л.н.) отсутствием техники редуцирования бифаса до микронуклеуса снятием лыжевидных сколов (техника «юбецу»).

Верхние культурные горизонты 1 и 1А менее многочисленны. Они дали более скромный набор диагностичных изделий (n=8). Характерной чертой их индустрии является массовое производство микропластин на основе техники расщепления призматического микронуклеуса (рис. 1, *6*) (Тетенькин, 2010; 2012). Сырьем для микропластин служил яшмовидный кремень различных цветов (вулканическое стекло). Среди изделий имеются скребки (рис. 1, *3, 4, 5*), долотовидные орудия (рис. 1, *6*), проколка (рис. 1, *8*), ретушированные отщепы, многофасеточные резцы из горного хрусталя (рис. 1, *7*), аналогичные резцам из к.г. 2. Типологически индустрия к.г. 1 и 1А близка к сумнагинской культуре Якутии эпохи раннего голоцена (Мочанов, 1977). Контрастирующим признаком являются найденные в к.г. 1А продукты производства и расщепления клиновидного нуклеуса.

В зоне одного из очагов нижнего уровня к.г. 2 (11,0 тыс. л.н.) найдены три куска вулканической пемзы. Результаты анализа показали происхождение пемзы с Удоканского вулканического поля (Демонтерова и др., 2014). Расстояние по речной сети от Коврижки до западной части Удоканского вулканического поля составляет не менее 520 км. Речной пе-

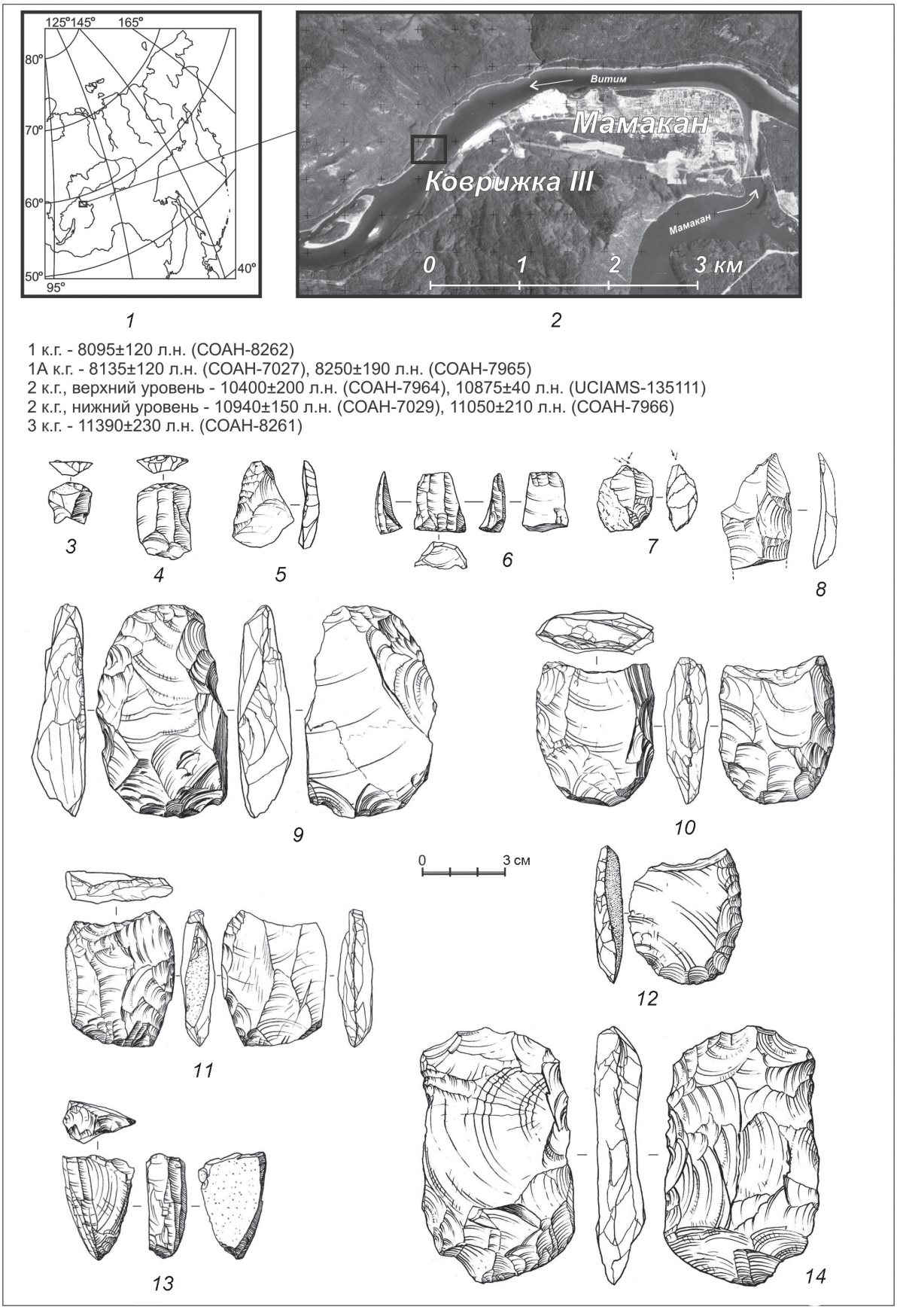


Рис. 1. Стоянка Коврижка III.

1, 2 – схема района стоянки; *3, 4* – концевые скребки; *5* – боковой скребок; *6* – фронтальный скол с призматического нуклеуса, переоформленный в долотовидное орудие; *7* – многофасеточный резец; *8* – остроконечник-проколка; *9–11* – бифасы; *12* – скребок; *13* – призматический нуклеус; *14* – бифас-топор.

3–8 – культурные горизонты 1 и 1А; *9–14* – культурный горизонт 3.

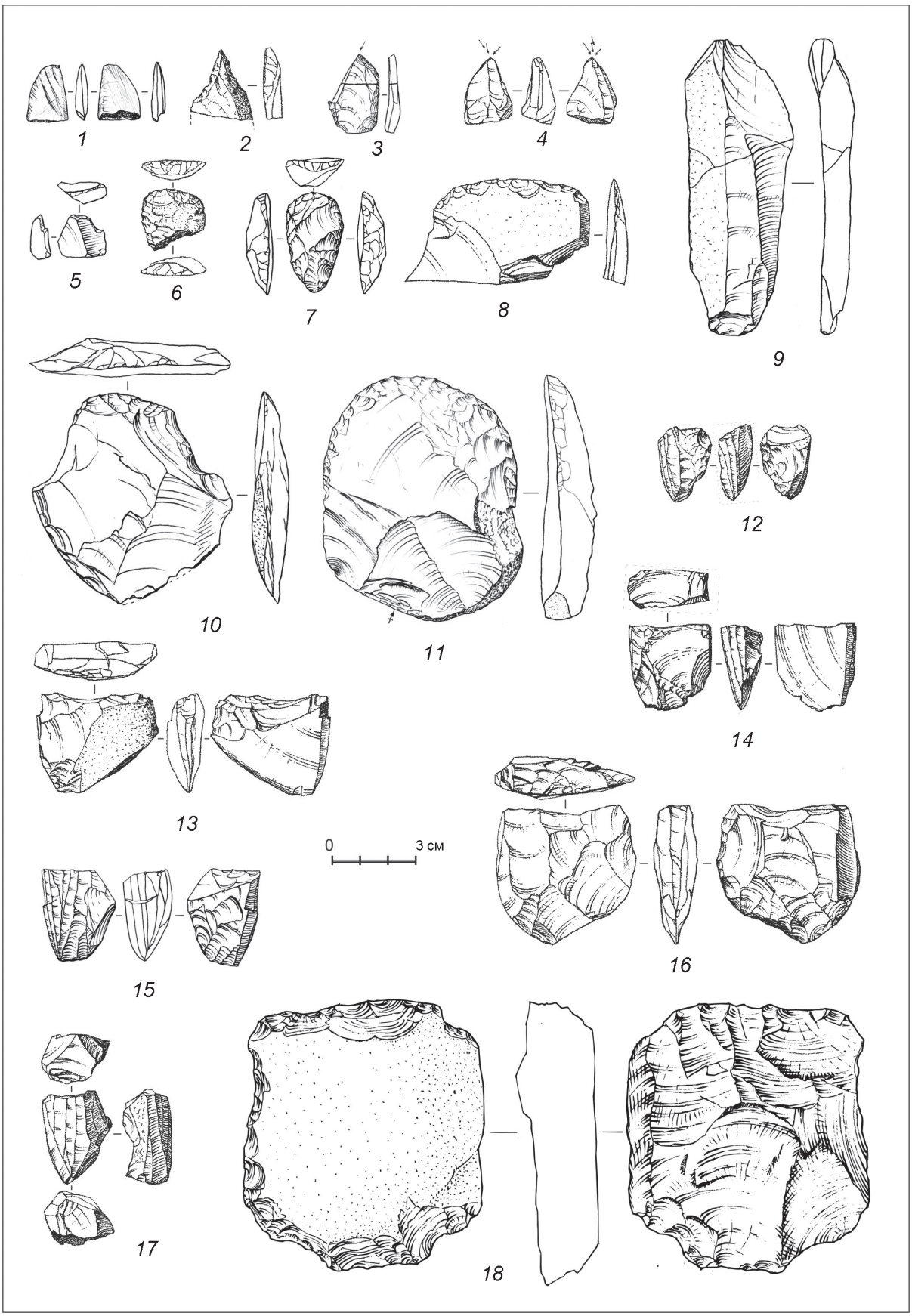


Рис. 2. Стоянка Коврижка III, культурный горизонт 2.
1 – шлифованный артефакт из граффитита; *2* – провертка; *3* – трансверсальный резец; *4* – срединный многофасеточный резец; *5–7* – скребки; *8, 11* – скребла; *9* – пластина со следами утилизации; *10* – скребок-нож; *12–14, 16* – клиновидные микронуклеусы; *15, 17* – призматические микронуклеусы; *18* – галечный нуклеус, переоформленный в скребло.

ренос такого мягкого, легко разрушимого материала как вулканическая пемза исключен. Факт доставки с такого расстояния 11 тыс. л.н. литоресуров для археологии севера Байкальской Сибири выявлен впервые. Вектор доставки пемзы свидетельствует о важной коммуникационной роли основного водотока региона – Витима.

Важной особенностью к.г. 2 Коврижки III являются линейные конструкции из гнейсовых плиток, в вариантах горизонтального положения или установления на продольное ребро. Последние имеют узкую вытянутую, пластинчатую форму толщиною до 4 см, шириной до 14 см и длиной от 25 до 180 см. Очаг 3 в нижнем уровне к.г. 2 обрамлен двумя параллельными такими плитками. Для всех случаев характерна единая ориентация с северо-запада на юго-восток, на выразительный уступ в противоположной линии горизонта, имеющий ныне антропоморфный лицевой профиль. Найден микронуклеус, стоящий вертикально на торце одной из плит-пластин. Наиболее сложная конструкция принадлежит верхнему уровню к.г. 2. Она имеет Y-образную форму и состоит из пяти-шести гнейсовых плиток, установленных на ребро и двух овальных плиток в стыковых соединениях, вставленных горизонтально. Стоящие на ребре плиты сохранились плохо, однако удалось установить, что для крепления в горизонтальном положении, по крайней мере, одного из дисков был сделан паз. На это указывает полный, единый профиль в сечении большой длинной плиты, завершающей сооружение в юго-восточной части. Выявлен прием вкапывания на 5 см стоящей на ребре плиты-пластины и подпорки ее обломком валуна. Сечения ее, судя по всему, указывают на прием надстраивания второй сходной в размерах гнейсовой плитой, сохранившейся также плохо. Общая длина конструкции – около 1,8 м, максимальная высота около 14–15 см. Длина отдельных плит-пластин, установленных на ребро, от 20 см до 1,0 м, ширина до 15 см, толщина около 1,5–3,0 см. Размеры плашмя лежащих плиток – 13,7×13,0×2,0 см и 18,5×13,6×2,5 см. Состояние горизонтально установленных плиток удовлетворительное, хорошо видна ретушь краевой обработки дисков. Она является доказательством целенаправленного производства этих плиток-дисков и аргументом для утверждения об искусственном оформлении сохранившихся плохо стоящих на ребре плит. Конструкция из сланцевых плит демонстрирует сложное сочетание таких технических приемов как вкапывание, поддержка камнями в вертикальном положении, пазовое стыковое соединение, надставление одной плиты над другой. В сумме это дает самый сложный образец строительной деятельности в регионе севера Байкальской Сибири.

В восточной части раскопа залегает паводковая аллювиальная линза светло-серого алеврита мощностью до 2 см, разделяющая культурные горизонты 1А и 2. На исследуемом участке она перекрывает конструкцию только частично, юго-восточная ее часть была экспонирована на дневной поверхности, по крайней мере, еще и во время обитания людей и отложения артефактов культурного горизонта 1А. Многократно зафиксировано прилегание артефактов этого более позднего эпизода обитания к верхней части экспонированной плиты. С другой стороны, в северо-западной зоне конструкции на уровне к.г. 1А зафиксированы остатки гнейсовых плиток, лежащих на ребре вдоль оси сооружения. Сечение их показало, что эти небольшие плитки подстилаются паводковой прослойкой, а значит – были положены в эпизоде к.г. 1А. Этот вышележащий уровень имеет две радиоуглеродные даты, приходящиеся на возраст около 8,2–8,1 тыс. л.н. Они получены по образцам угля, взятым из кострищ очагов, в т.ч. из линзы кострища, находящейся в непосредственной близости. По нашему мнению, эти данные свидетельствуют о сохранении и подновлении конструкции в эпизоде обитания людей на стоянке, состоявшемся более 2000 лет спустя. Эти выводы подтверждают тезис, высказанный ранее, основанный на материалах предыдущих раскопанных сооружений из гнейсовых плит на Коврижке III (Тетенькин, 2010. С. 106). Наиболее поздняя подобная конструкция относится к к.г. 1 (~8,1 тыс. л.н.). Она состоит из установленной на ребро в том же направлении СЗ – ЮВ и подпертой у одного конца гнейсовым обломком, длинной плиты (до 180 см). Анализ всех линейных конструкций, принадлежащих уровням 2 (верхний, нижний), 1А, 1 к.г., показывает дли-

тельную трансляцию традиции сооружения специфичных конструкций на протяжении ~11,0–8,1 тыс. л.н. Функциональное определение их остается проблематичным.

Формально к.г. 2 и 1А Коврижки III принадлежат к разным культурным традициям. Культурный горизонт 2 (нижний) мы рассматриваем как один из вариантов дюктайской культуры, однако есть ряд черт зарождения в нем технических традиций (расщепления призматических нуклеусов, производства топоров), характерных уже для следующих, более поздних раннеголоценовых ансамблей сумнагинского облика. Культурный горизонт 1А как раз и представляет собою ансамбль этого типа. Сюжет с Y-образной конструкцией, связывающей два типологически разных ансамбля, уникален в смысле возможности новой оценки вариабельности индустрий. Он является свидетельством непрерывности той части культуры, которая обычно ускользает от археологов и выходит за рамки типологии каменных производств и изделий.

Совокупность выявленных компонентов местонахождения Коврижка III делает его опорным памятником эпохи конца плейстоцена – раннего голоцена на Нижнем Витиме, ключевым в развитии проблематики культурной вариабельности, технических стратегий адаптации населения к окружающей среде, мобильности в передвижении и доставке ресурсов. Ряд знаний в этих направлениях археологии Байкало-Патомского нагорья и Привитимья получен впервые.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Демонтерова Е.И., Иванов А.И., Инешин Е.М., Тетенькин А.В. К вопросу о мобильности древнего населения севера Байкальской Сибири в конце плейстоцена // Stratum Plus. 2014. № 1. С. 165–178.

Инешин Е.М. Некоторые итоги и задачи изучения археологических памятников Нижнего Витима // Проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока: тез. докл. к XXV РАСК. Иркутск, 1985. С. 100–102.

Инешин Е.М., Тетенькин А.В. Проблемы изучения археологических памятников раннего голоцена на Нижнем Витиме // Социогенез в Северной Азии: сб. науч. тр. Ч. 1 / Под ред. А.В. Харинского. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. С. 96–104.

Инешин Е.М., Тетенькин А.В. Человек и природная среда севера Байкальской Сибири в позднем плейстоцене. Местонахождение Большой Якорь I. Новосибирск: Наука, 2010. 270 с.

Мочанов Ю.А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 1977. 264 с.

Тетенькин А.В. Материалы исследований ансамбля археологических местонахождений Коврижка на Нижнем Витиме (1995–2009 гг.) // Изв. Лаб. древних технологий. Вып. 8. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2010. С. 64–134.

Тетенькин А.В. Проблема определения археологической специфики Байкало-Патомского нагорья в конце плейстоцена – первой половине голоцена // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. Т. I. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. С. 94–95.

Тетенькин А.В. Исследования местонахождения Коврижка III на Нижнем Витиме в 2012 году // Феномен геоархеологической многослойности Байкальской Сибири. 100 лет Байкальской научной археологии: мат-лы Всерос. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня открытия Б.Э. Петри Улан-Хады. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. С. 219–225. (Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры; Вып. 1).

ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ КАМЕННЫХ УКРАШЕНИЙ В ПАЛЕОЛИТЕ УШКОВСКИХ СТОЯНОК (КАМЧАТКА)

© 2014 г. А.Ю. Федорченко

Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт ДВО РАН, Магадан (winteralex2008@gmail.com)

Ключевые слова: Ушки, Ушковские стоянки, Камчатка, палеолит, трасология, каменные украшения, технологический анализ.

Резюме. В докладе приведены результаты технологического анализа серии каменных бусин и подвесок из культурных слоев VII и VI стоянок Ушки I и V. Данные украшения являются одним из самых древних и массовых свидетельств символического поведения в регионе. На основании выявления и анализа следов обработки и экспериментальных данных определены основные этапы изготовления изучаемых изделий.

Комплекс Ушковских многослойных стоянок является одним из самых известных и информативных геоархеологических объектов Крайнего Северо-Востока Азии. Стоянки Ушки I–V расположены на южном берегу Большого Ушковского озера (центральная часть п-ова Камчатка), три из них (Ушки I, IV, V) имеют культурные горизонты с материалами финальнопалеолитического возраста. Следы наиболее раннего присутствия человека фиксируются в культурном горизонте VII стоянок Ушки I и V и датируются в пределах 11,3–11,0 тыс. л.н. (Goebel, Waters, Dikova, 2003; Понкратова, 2007; Слободин, 2010). Орудийный набор включает в себя серию бифасиальных наконечников стрел с черешком и/или выемками у основания, ножей листовидной формы с бифасиальной обработкой; концевые и округлые скребки, скребла с обработкой по периметру, единичные нуклеусы подпризматической формы, варианты изделий с резцовым сколом, сверл и резчиков; шлифовальные плитки-абразивы.

Культурный слой VI выявлен на стоянках Ушки I, IV и V и содержит широкую серию одно- и двухплощадочных клиновидных микронуклеусов; наконечники стрел и дротиков, ножи листовидных форм с бифасиальной обработкой; разнообразные скребки, скребла и чопперы из галек и массивных сколов; микропластины с ретушью и без; шлифовальные плитки с поперечным желобком и иные изделия. Возраст комплекса составляет 10,8–10,0 тыс. л.н. В качестве основного сырья при изготовлении орудий в обеих индустриях использовались кремни, кремнистые сланцы, халцедоны и обсидианы. В результате изучения материалов горизонтов VII и VI Н.Н. Диковым (1979. С. 31–75) были выделены ранняя и поздняя ушковские палеолитические культуры. По мнению исследователя, эти культуры имеют существенные различия между собой в морфологии основных элементов каменного инвентаря, наличии или отсутствии некоторых технологий, традициях домостроительства и устройства очагов.

Палеолитические комплексы Ушковских стоянок содержат в себе выразительную серию украшений в виде миниатюрных шлифованных бусин, подвесок и бляшек различных форм из мягких пород камня (пирофиллита, агальматолита, талька). Наиболее массово подобные изделия представлены в слое VII (свыше 1000 бусин и около 50 подвесок), где они в основном приурочены к нескольким структурно выраженным объектам: жилищным площадкам и очагам, мастерским и одному погребению. Важную информацию несут уникальные находки, обнаруженные на стоянке Ушки V в ходе исследований 2004–2007 гг.: компактное скопление из 25 округлых подвесок, а также «нитка» из 14 бусин и

одной подвески, обнаруженная *in situ* в полу жилища слоя VII (Понкратова, 2007; Понкратова, Федорченко, 2008).

Цель данной работы заключалась в реконструкции технологии изготовления каменных украшений палеолитических комплексов Ушковских стоянок. Комплексному исследованию была подвергнута выборка из 146 бусин и 14 подвесок из слоя VII стоянок Ушки I и V, шести подвесок и трех бляшек из слоя VI стоянки Ушки I. Данные материалы были получены в ходе раскопок Н.Н. Дикова (1964–1993 гг.) и М.А. Кирьяк (2000 г.) и представлены сегодня в археологической экспозиции Музея естественной истории Северо-Восточного комплексного НИИ ДВО РАН. При изучении следов износа и обработки нами использовался микроскоп МБС-2 (увеличение 7–100х) и Olympus BHM (увеличение 40–500х), для фиксации – зеркальная фотокамера Canon EOS 450D, совмещенная с макрообъективом Canon EF-S 60mm f/2.8 Macro USM, а также микроскопом Olympus BHM. Лабораторные исследования дополнялись серией экспериментов по моделированию процесса производства каменных украшений с использованием талькохлорита из Шабровского месторождения Свердловской обл., выступающего по своим физическим характеристикам аналогом материала палеолитических украшений с Ушковских стоянок.

Свыше 90% каменных бусин из слоя VII имеют размеры 3–6×1 мм, округлую в плане форму, плоский профиль и одно сверленое отверстие в геометрическом центре или у края изделия. Подвески из слоев VII и VI различаются по размеру, форме (плоские и объемные; дисковидные, овальные, подпрямоугольные, аморфные, фигурные), количеству отверстий (одно, два или четыре) и их расположению (в центре, у края или в двух противолежащих краях изделия). В слое VI отдельной серией украшений представлены бляшки вытянутой овальной формы с двумя отверстиями и значительно выступающим из центра носиком, который придает данным изделиям вид своеобразных лабреток.

Изучаемые украшения изготовлены из нескольких пород мягкого камня (определен пирофиллит, агальматолит и талька). Несмотря на некоторые различия в химическом составе, данные минералы обладают сходными физическими свойствами: невысокой твердостью, плотным и мелкозернистым сложением, благодаря которым они являлись исключительно ценным и удобным материалом для изготовления различных украшений. Вероятно, определенную роль в выборе сырья играл и его цвет, который в нашем случае колебался от белого и различных оттенков желтого до темно-зеленого, красного, темно-серого.

Практически полное отсутствие в палеолитических материалах Ушковских стоянок фрагментов сырья и первичных сколов создают некоторую трудность в более точной идентификации морфологии исходных заготовок. Исходя из размера готовых изделий, следует полагать, что в контексте индустрии слоя VII сходными заготовками бусин являлись плоские отщепы с размерами не менее 5,0×4,0×1,5 мм. Более крупные сколы с относительно прямым профилем шли на изготовление разнообразных, плоских в сечении подвесок, массивные сколы – для «объемных» подвесок и бляшек. Подобные сколы могли быть получены путем расщепления отдельностей мягкого камня прямым ударом твердого каменного отбойника. Экспериментально установлено, что в виду высокой спайности используемого материала, процесс отделения сколов часто мог происходить по кристаллографическим плоскостям. Вязкость сырья приводила к необходимости приложения ощутимых усилий при нанесении удара. Конечные продукты расщепления данных материалов обычно имели ярко выраженный зернистый излом и напоминали скорее осколки, чем отщепы-сколы в традиционном понимании данного термина.

Дальнейший этап изготовления украшений подразумевал черновую отделку сколов мягкого камня мелкозернистым абразивом. Прием шлифовки использовался для удаления неровностей рельефа и получения заданной формы. Признаки первичной абразивной обработки на изученных нами изделиях в большинстве случаев перекрыты более поздними следами сверления, полировки и износа. При увеличении 100х следы шлифовки имеют вид регулярных, параллельных, относительно узких борозд-линий, нередко перекрывающих друг друга. На использование данного прие-

ма указывает и своеобразная «ступенчатость» боковых граней большинства бусин слоя VII. В качестве шлифовальных инструментов в изучаемых индустриях использовались абразивные плитки различных форм из песчаника и туфа. Характер выявленных следов позволяет понять, каким образом происходил процесс шлифовки: удерживая заготовку пальцами руки, мастер совершал одно- или разнонаправленные движения по абразиву.

Изучение отверстий украшений под микроскопом позволило зафиксировать наличие концентрических борозд, возникших в результате выкрашивания материала заготовки при сверлении. Данные экспериментов, анализ размеров и формы отверстий дают нам определенное понимание процесса сверления. Большинство изученных бусин имело форму отверстий, близкую к цилиндрической или односторонне конической. Для их получения необходимо равномерное, круговое, однонаправленное действие каменного сверла с достаточно узким лезвием. Для создания отверстий в подвесках и бляшках применялось и биконическое сверление. Осуществление процесса сверления не требовало сложных приспособлений и могло происходить на весу с удержанием заготовки в одной руке, а сверла – в другой.

На завершающей стадии обработки использовались приемы полировки (вероятно, мягкой кожей) и резания (для нанесения боковых насечек). Полирование поверхностей изучаемых каменных изделий осуществлялось с целью окончательного равномерного разглаживания рельефа и придания блеска.

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о распространенности среди палеолитических популяций Ушковских стоянок единой специализированной технологии производства разнообразных типов каменных украшений. Физические свойства используемых материалов позволяли древнему мастеру не прикладывать особых усилий при их шлифовке, полировке, сверлении и резании, предоставляя ему широкую свободу творческого самовыражения. Несмотря на существенное сходство в технологии, ушковские индустрии содержит в себе несколько серий украшений, уникальных для каждой из них. Так, в материалах слоя VI полностью отсутствуют миниатюрные округлые бусины, широко представленные в нижележащем слое VII, однако в последнем совершенно не представлены «лабретковидные» бляшки, характерные для слоя VI. Наличие в изучаемых комплексах широких устойчивых серий каменных украшений наглядно указывает на существование отчетливо сформировавшихся канонов данных изделий и традиций их использования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Диков Н.Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии. М.: Наука, 1979. 256 с.

Понкратова И.Ю. Стоянка Ушки-5 (Камчатка): исследования последних лет, проблемы и перспективы // Колымский гуманитарный альманах. Вып. 2. 2007. С. 13–20.

Понкратова И.Ю., Федорченко А.Ю. Бусы и подвески стоянки Ушки-5 (п-ов Камчатка) // Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкций: мат-лы XLVIII РАЭСК. Барнаул: Азбука, 2008. С. 77–78.

Слободин С.Б. Новые данные о возрасте VII палеолитического слоя стоянки Ушки I // VI Диковские чтения. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2010. С. 66–71.

Goebel T., Waters M.R., Dikova M. The archaeology of Ushki Lake, Kamchatka, and Pleistocene Peopling of the Americas // Science. 2003. Vol. 301. P. 501–505.

ТРЕТИЙ МЫС (КАМЕННАЯ БАЛКА-3) – МНОГОСЛОЙНЫЙ ПАМЯТНИК КОНЦА ПОЗДНЕГО ПАЛЕОЛИТА

© 2014 г. Н.А. Хайкунова, А.А. Симоненко

Исторический музей, Москва
(ninonkh@gmail.com; antoshka-sm@yandex.ru)

Ключевые слова: поздний палеолит, стоянка, культурный слой, скопление, очаг, орудия, кремень.

Резюме. На стоянке Третий Мыс три культурных слоя относятся к каменнобалковской культуре. Структура слоев различна, но кремневый инвентарь показывает большое типологическое и технологическое сходство. Различия в составе орудий, предположительно, связаны с различием типа памятников (базовая стоянка или охотничий лагерь).

Стоянка Третий Мыс (Каменная Балка-3) открыта М.Д. Гвоздовер в 1962 г. Исследовалась начиная с 1967–1970 гг. С 1990 г. по настоящее время работы ведутся Нижнедонской археологической экспедицией ГИМ под руководством Н.А. Хайкуновой. Входит в группу каменнобалковских памятников, находящихся в низовьях р. Дон, в Ростовской обл. Три культурных слоя представляют разные эпизоды посещения территории представителями одной археологической культуры. Слои лежат в позднеплейстоценовых суглинках: верхнем, в середине и внизу второго соответственно.

Радиоуглеродные датировки, полученные для всех слоев, показывают, что человек посещал эти места в течение 1,5 тыс. лет. Культурные слои 1 и 3 представляют собой места кратковременного пребывания типа «охотничьего лагеря», слой лежит отдельными пятнами-скоплениями небольшой площади. Слой 2 – базовая стоянка-поселение с крупными сложными структурными объектами. Он выявлен на всей площади памятника (455 кв.м). Кремневые коллекции слоев, в первую очередь орудия, обнаруживают как черты сходства, так и некоторые различия. Морфология орудий – пока основной источник выделения особенностей памятников и определения культурой принадлежности. Основные черты индустрии были определены еще М.Д. Гвоздовер (1967).

Слой 1 лежит в верхнем суглинке. В рамках слоя выявлены четыре скопления, приуроченные к бортам древней погребенной ложбины. Ремонтаж расщепленного кремня, планиграфические и трасологические наблюдения позволяют сделать вывод о структурном единстве материала в пределах трех скоплений (№ 1–3). Скопление № 4 частично переотложено. Данных о синхронности комплексов пока нет. Для комплекса № 3 была получена дата 13 100±200 л.н. Комплексы различны по структуре: № 3 – недифференцированное скопление находок, для остальных (№ 2, 3) характерны определенные структурные элементы: очажное пятно/очаг, приочажное скопление, скопление микродебитажа, пятна охры. Есть специализированные зоны по обработке шкур, оформлению и подправке орудий.

В коллекции 1-го слоя 1 224 предмета из кремня. Их технико-морфологические характеристики и типологический состав позволяют говорить о единстве материалов слоя. Состав находок отражает полный технологический цикл раскалывания от подготовки ядрища до изготовления орудия. Основными заготовками являлись большие пластинчатые сколы, редко микропластинки. Приёмы вторичной обработки кремня включают в себя ретушь, резцовый скол и вентральную подтеску.

Орудия составляют 20% от общего количества находок (рис. 1). Основными категориями являются скребки (48%), пластинки и микропластинки с притупленным краем

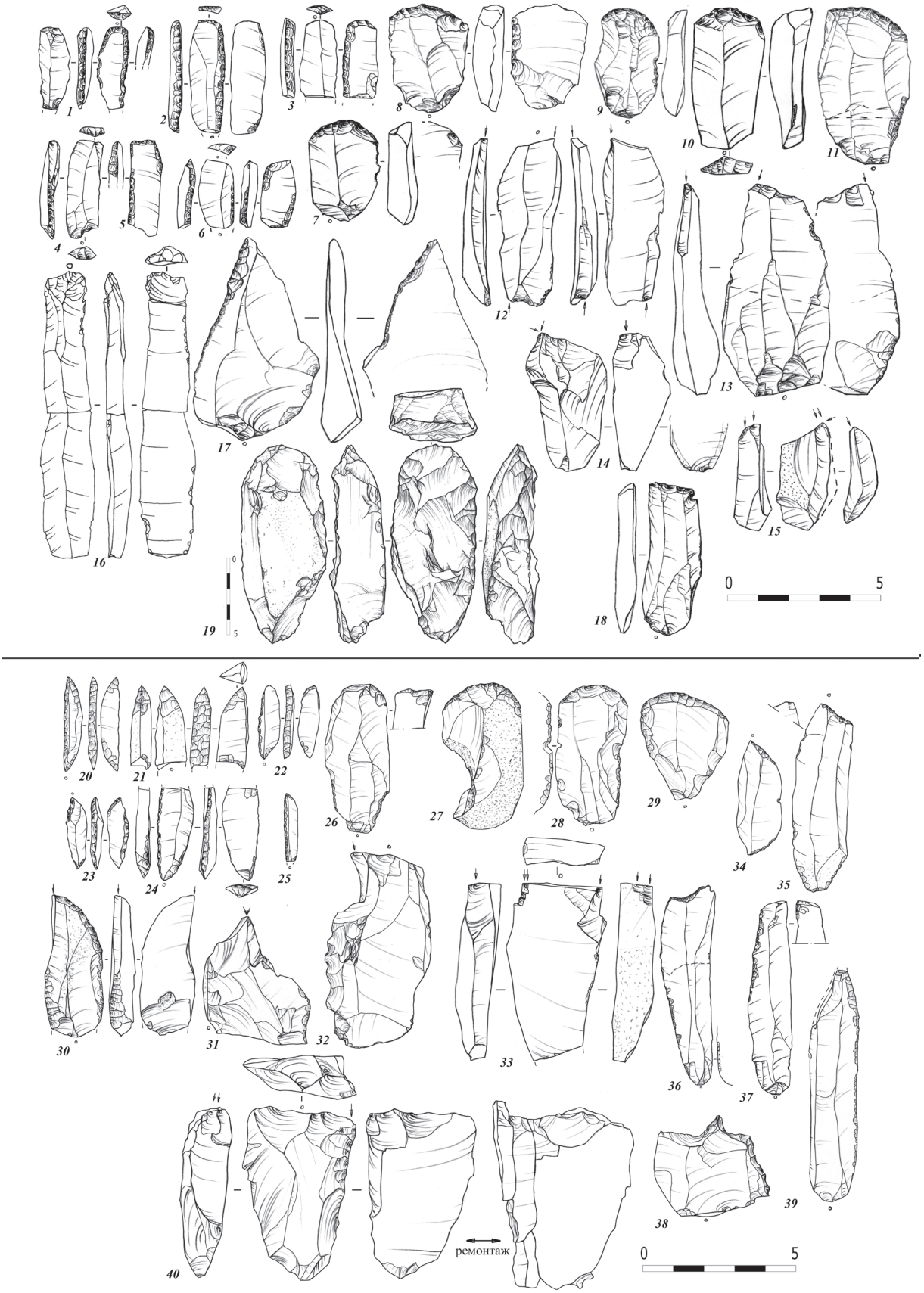


Рис. 1. Орудия из слоев 1 и 3 стоянки Третий Мыс.
1–6, 20–25 – пластинки и микропластинки с притупленным краем; *7–11, 26–29* – скребки; *12–15, 30–33* – резцы; *16* – «стамеска»; *17, 18, 34–36* – острия и тронке; *19* – «тесло»; *37* – «нож»; *38, 39* – проколки; *40* – резец с подтеской.
1–19 – слой 1; *20–40* – слой 3.



Рис. 2. Орудия из слоя 2 стоянки Третий Мыс.
1–20 – пластинки и микропластинки с притупленным краем; *21–27* – резцы; *28, 29* – резцы-скребки; *30–37* – скребки; *38–40* – острия и тронке; *41–43* – проколки; *44, 45* – выемчатые орудия; *46* – «стамеска»; *47, 48* – орудия с подтеской.

(ППК-МППК) (13%) и резцы (12%). Скребки в основном концевые, вытянутых пропорций, со сходящимися или субпараллельными краями. По количественным и качественным признакам корпуса скребки слоя 1 отнесены к устойчивым разновидностям формы, выделенным для каменнобалковской культуры (Гвоздовер, Деопик, 1984). В категории ППК-МППК преобладают ППК, края и конец часто оформлены крутой вентральной ретушью, что не характерно для слоя 2. Среди резцов преобладают ретушные, встречаются на сломе заготовки, и двугранные. Также в материалах первого слоя представлены различные острия, тронке и орудия с вентральной подтеской (1–3%).

В комплексе № 3 найдено массивное тесло (заготовка?). Это орудие миндалевидной формы, рабочий конец скруглен и приострен, спинка и брюшко оформлены частичной оббивкой. Аналогий среди материалов каменнобалковской культуры пока нет.

Для слоя 2 получена серия дат из разных лабораторий. Большинство дат укладываются в интервал 13 600–13 500 л.н.

Находки лежат крупными скоплениями, названными комплексами (Хайкунова, 2011). Они включают мелкие объекты с разнообразными видами деятельности. Центром комплекса был очаг, в приочажной зоне которого производились различные виды работ от первичного расщепления сырья до изготовления, использования и переоформления орудий, здесь часто сосредоточена и кухонная деятельность. В скоплении есть более мелкие объекты – индивидуальные места с отдельными видами работ – обработкой кости, получением заготовок, иногда второй очажок. В одном случае реконструирован комплекс, включавший три больших очага с разными видами деятельности и сложносоставным скоплением вокруг. В нескольких комплексах выявлена зона, предположительно бывшая спальным местом, хотя остатков конструкций на памятнике нет. Очаги привязаны к разным неровностям рельефа – возвышению на поверхности склона или тальвегу древней ложбинки.

Основные объекты охоты – бизон и лошадь, однако список фауны довольно широк: северный олень, плейстоценовый осел, сурок, заяц, волк и птица (?).

Основные категории орудий: микролиты (МППК и ППК), резцы и скребки (42, 25 и 12% соответственно). Остальные категории орудий не превышают 3% каждая, хотя список их довольно широк (рис. 2).

МППК – тре- и четырехугольники с промежуточными вариациями. ППК от них отличаются в основном размером, их мало. Орудия обычно имеют ретушированный край (реже оба) и конец (концы). Край прямой, а концы могут иметь разную форму, хотя преобладают прямые, чаще они скошены, с острым углом у ретушированного края.

Скребки обычно делали на пластинчатых заготовках. Преобладают удлиненные, со сходящимися книзу (иногда в нижней трети) краями. Параллельные края встречаются реже. Есть скребки укороченных пропорций, в основном со сходящимися краями. Единичны экземпляры двойных скребков с лезвиями на противоположных концах заготовки. Ретушь краев в целом не характерна, но есть предметы ретушированные даже по периметру. На некоторых орудиях в нижней части рукояти иногда бывают участки ретуши, отдельные фасетки, небольшие выемки. Это следы аккомодации – закрепления в рукояти. Иногда аккомодационная ретушь есть на нижнем конце орудия.

Резцы – преобладают различные варианты ретушных. В заготовке прослеживается стремление выбрать удлиненные, однако резцы нередко делаются на массивных сколах, в т.ч. ребристых. Есть крупные орудия, в костных скоплениях встречаются резцы нуклевидные и на нуклеусах. Вторые по численности – двугранные резцы. В основном на пластинах и отщепах, для них отбор заготовки был менее тщательный. Они в основном асимметричные. Иногда ударной площадкой служила плоскость старого резцового скола. Резцы на сломе заготовки встречаются редко, в основном на пластинах и средних и крупных отщепах. Есть орудия (ретушные и двугранные) на толстых резцовых отщепках. Резцы на естественных площадках редки.

Прочие орудия малочисленные. Можно выделить несколько категорий с различным оформлением конца – острия, проколки, трон-

ке, чешуйчатые (стамески и долотовидные), комбинированные орудия редки, в основном это скребки-резцы.

Для слоя 3 получены четыре ^{14}С-даты. Они дают довольно большой разброс от 13 900 до 14 800 л.н., но в целом можно говорить о том, что слой старше второго на 500–700 лет.

Культурные остатки залегали двумя крупными локальными скоплениями в 8–10 м друг от друга, на бортах древней ложбинки. Верхнее небольшое и простое по структуре – маленький очажок с небольшим, но мощным приочажным скоплением, где получали заготовки и изготавливали орудия. Нуклеусы принесли частично подготовленными, орудия переоформляли неоднократно. Нижнее скопление крупнее, там, кроме приочажной округи с разными видами деятельности, были локальные места получения заготовок и работы с орудиями. В целом, структура скоплений похожа на слой 2, но более проста.

Кремневая коллекция небольшая (см. рис. 1). Орудия имеют в целом сходство со слоем 2, как по структуре коллекции, так и по типам. Однако, при преобладании тех же категорий в целом, существенно разнятся пропорции. Больше всего резцов (29%), количество микролитов и скребков почти равное (19,0 и 17,4%). Есть несколько других отличий. МППК, характерных для слоя 2 (трех- и четырехугольников) мало. Преобладают ППК с приостренными концами, скорее похожие на вытянутые сегменты или трапеции с ретушью прямого края и концов, скошенных к нему. В обработке часто встречается вентральная подправка концов, реже края. На массивных заготовках применялась встречная отвесная ретушь, редкая для слоя 2. Эти орудия близки к «рыбкам», выделенным М.Д. Гвоздовер.

Резцы и скребки обычные, аналогичны орудиям 2-го слоя, отличие только в предпочтительной заготовке – крупном и часто массивном удлиненном сколе, в т.ч. ребристом или первичном. Резцы крупные, часто много раз подправленные. Крупный нуклевидный ретушный резец с подтеской края неоднократно переоформлялся на месте (ремонтаж (см. рис. 1)). Подправке подверглась не только его рабочая часть, но и вся заготовка.

Скребки в основном на больших пластинчатых сколах, целые формы удлиненные, укороченные единичны. Есть следы аккомодации на краях. Прочие категории представлены маленькими сериями: острия, тронке, стамески, проколки и зубчато-выемчатые. Особых отличий от слоя2 нет, однако они, в целом, сделаны более тщательно.

Можно предположить, что различия в наборе орудий слоев 1, 3 и 2 объясняются разной специализацией, т.е. типами стоянок и мало связаны с временным фактором. У слоев 1 и 3 заметно отличаются только преобладающие формы МППК. Техника расщепления сырья во всех слоях имеет явное сходство, но исследования в этом направлении не закончены. Коллекции слоев имеют аналогии с коллекциями стоянок Каменная Балка-2 и -3.

Третий Мыс – важный памятник для изучения развития каменнобалковкой культуры. Его три слоя позволяют анализировать развитие индустрии во времени, а разные типы стоянок могут показать, как в каменном инвентаре отражается различие видов деятельности на долговременном поселении и в месте кратковременного пребывания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гвоздовер М.Д. О культурной принадлежности позднепалеолитических памятников Нижнего Дона // ВА. 1967. № 27. С. 82–101.

Гвоздовер М.Д., Деопик Д.В. Опыт классификации каменных орудий (на материалах верхнепалеолитических скребков) // Типология основных элементов традиционной культуры. М.: Наука, 1984. С. 115–200.

Хайкунова Н.А. Комплексы стоянки Третий Мыс: проблема объединения // Палеолит и мезолит Восточной Европы: сб. ст. в честь 60-летия Х.А. Амирханова / Отв. ред. К.Н. Гаврилов. М.: Таус, 2011. С. 383–396.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПЛАНИГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МИКРОДЕБИТАЖА ОСНОВНОГО СЛОЯ СТОЯНКИ КАМЕННАЯ БАЛКА II

© 2014 г. М. Хамакава

Институт археологии РАН, Москва
(lekfnov@gmail.com)

Ключевые слова: верхний палеолит, Каменная Балка II, хозяйственная деятельность, микродебитаж, трасология, планиграфия.

Резюме. Данная работа посвящена трасологическому изучению и планиграфическому анализу микродебитажа и скребков основного слоя Каменной Балки II. В результате исследования доказана возможность выделения следов износа на предметах микродебитажа. Пространственное распределение микросколов и скребков с идентичным видом износа позволяет автору предположить присутствие специфического вида деятельности, связанного **с** обработкой шкуры**,** и наличие подправки сработанных лезвий орудий на рассматриваемом участке стоянки.

Комплексный анализ микродебитажа является важным аспектом изучения археологических памятников, играющим большую роль при выявлении специфических зон хозяйственной деятельности или «скрытых структур» культурного слоя памятника.

Основной целью работы является функционально-планиграфический анализ микродебитажа основного слоя верхнепалеолитической стоянки Каменная Балка II, включающий в себя трасологическое изучение и планиграфическое распределение. Кроме того, для сравнения были привлечены данные трасологического изучения скребков.

В работе использовались материалы, которые были получены в результате промывки вмещающей породы из основного слоя на участке, исследованном с 2005 по 2009 г. Этот участок, расположенный в северо-восточной части памятника, характеризуется высокой концентрацией кремневого и костного материала, плотностью вмещающей породы, наличием нескольких очагов и ямок с вкопанными костями.

Термин *микродебитаж* в представленной работе мы применяем к мелким кремневым сколам размером до 15 мм для того, чтобы получить максимальное количество микросколов со следами износа. Среди полученного микродебитажа около 25 тыс. предметов, на которых наблюдаются проксимальная часть с ударной площадкой и/или ударным бугорком и дистальная часть, были исследованы с целью выделения следов износа. Затем микросколы, имеющие какие-нибудь признаки следов износа, подвергались подробному трасологическому анализу. Выделение и анализ следов износа производились с помощью металлографического микроскопа и бинокуляра. Рабочее увеличение начиналось с 50 крат и доходило до максимального увеличения в 500 крат.

В результате чего на микросколах прослеживается комплекс следов износа, включающий в себя заполировку, линейные следы, также скругление и выкрошенность рабочей кромки. В подавляющем большинстве случаев следы износа остаются на проксимальном конце микросколов. При этом необходимо отметить, что в зависимости от ряда условий и степени сохранности проксимального конца, т.е. ударной площадки микросколов, следы износа могут быть утрачены полностью или частично.

Трасологическое изучение микродебитажа выявило значительное число микросколов с различными по виду и по сохранности следами износа. Несмотря на размеры микродебитажа фиксация следов износа вполне осуществима так же, как в случае изучения орудий.

Как правило, они более выразительны, чем на предметах большего размера. К сожалению, в данный момент с наибольшей долей достоверности можно говорить только о следах износа, характерных для работы с мягким материалом – шкурами. Именно эти следы износа стали предметом дальнейшего изучения. На этом участке выявлено 153 микроскола с рассматриваемыми следами износа и 12 скребков, на рабочих лезвиях которых наблюдается идентичный вид износа (рис. 1).

Причиной появления этих микросколов, на наш взгляд, является их намеренное снятие с лезвий орудий. Эта гипотеза основана на следующих предположениях.

1. Почти на всех изучаемых материалах четко фиксируются ударные бугорки, ударные площадки. Также на дорсальной части большинства изучаемых микросколов четко наблюдаются грани и негативы предыдущих снятий.

2. Согласно ряду исследований, работа по мягким органическим материалам не дает интенсивной выкрошенности, что подтверждается и экспериментально (Семёнов, 1957; Keeley, 1980; Коробкова, Щелинский, 1996).

3. Подновление лезвий орудий обуславливалось необходимостью эффективной работы.

Основываясь на этих предположениях, была проведена серия экспериментов по обработке шкур животных кремневыми скребками с дальнейшим подновлением сработанного лезвия. На разных стадиях эксперимента производилась фиксация износа на рабочих поверхностях орудий, а затем – на сколах подправки их лезвий**.** Проведенные эксперименты позволили увидеть зону распространения идентичного износа не только на орудиях, но и на микросколах.

Планиграфическое распределение микродебитажа и скребков, происходящих с изучаемого участка, показывает, что можно выделить зону повышенной концентрации микросколов, расположенную в центре скопления археологического материала (рис. 2). Далее был рассмотрен характер деятельности на тех участках, где были сосредоточены микросколы с описываемыми следами.

В первую очередь нужно отметить приуроченность этих микросколов к небольшому участку, ограниченному кв. с–у/16–20. Значительное количество таких микросколов располагалось на приочажном пространстве на кв. т/16–17 (ок. 40%). Основная масса скребков располагается на кв. с–х/16–21, которые соответствуют концентрации микродебитажа с идентичным видом износа.

Кроме того, интересным является то, что скопление микродебитажа с этим видом износа и подобных скребков располагается в непосредственной близости от большого пятна красной охры на кв. т–у/19–20. Как отмечают археологические и этнографические исследования, между обработкой шкур и красной охрой имеется очень тесная связь (Keekey, 1980; Vaughan, 1985; Dubreuil, Grosman, 2009; Solas, 1911). Красная охра может служить в качестве натурального консерванта для шкур животных (Audouin, Plisson, 1982).

Подправка лезвий орудий непосредственно на месте, где производилась обработка шкур, может служить причиной нахождения здесь микросколов со следами износа от работы по шкуре и предметов микродебитажа, покрытых красной охрой. Можно также предположить, что высокая концентрация микросколов с микроизносом, наблюдаемая на кв. т/16–17, объясняется тем, что здесь производилась подправка лезвий скребков; в то время как на кв. т-у/19–20 непосредственно обрабатывались шкуры.

На основании распределения изучаемых микросколов и скребков можно предположить присутствие особого вида деятельности на этом участке – обработки шкур. Микросколы с рассматриваемыми следами износа дают возможность говорить о наличии подправки лезвия сработанных орудий. Картина их пространственного распределения указывает на места, где она производилась, т.к. в отличие от орудий микродебитаж чаще всего остается там, где происходила соответствующая деятельность (Леонова, 2000).

В результате проведенного комплексного исследования можно сделать несколько выводов. Во-первых, была доказана возможность выделения следов износа на предметах микродебитажа.

Во-вторых, представленный в этой работе метод анализа кремневого материала позволяет выявить специфические места деятель-

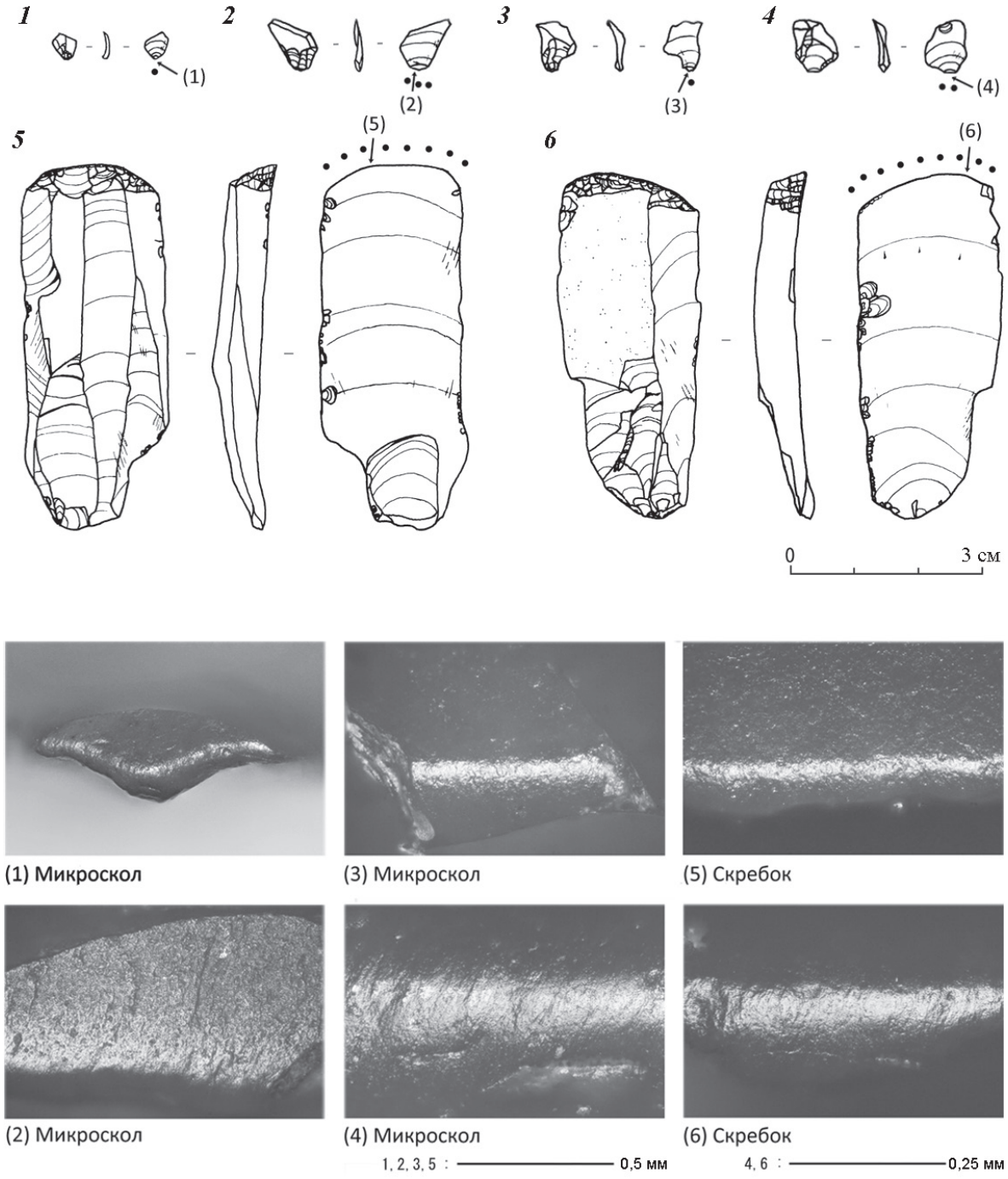


Рис. 1. Микросколы (*1–4*), скребки (*5, 6*) и микрофотографии следов износа от работы по шкуре.

ности и скрытые объекты культурного слоя, которые остаются неизвестными при исследовании находок, добытых при раскопках обычным путем. Идентичный вид износа на предметах микродебитажа и скребках, а также их пространственное распределение с большой долей вероятности позволяют предположить специфическую деятельность, связанную с обработкой шкур, и подправку лезвий орудий, вовлеченных в процесс обработки шкур, на рассматриваемом участке стоянки.

Кроме того, дальнейшей задачей подобных исследований является определение других следов износа на предметах микродебитажа и сопоставление их с разными категориями находок, что послужит более глубокому пониманию и воссозданию картины хозяйственной деятельности на памятнике.

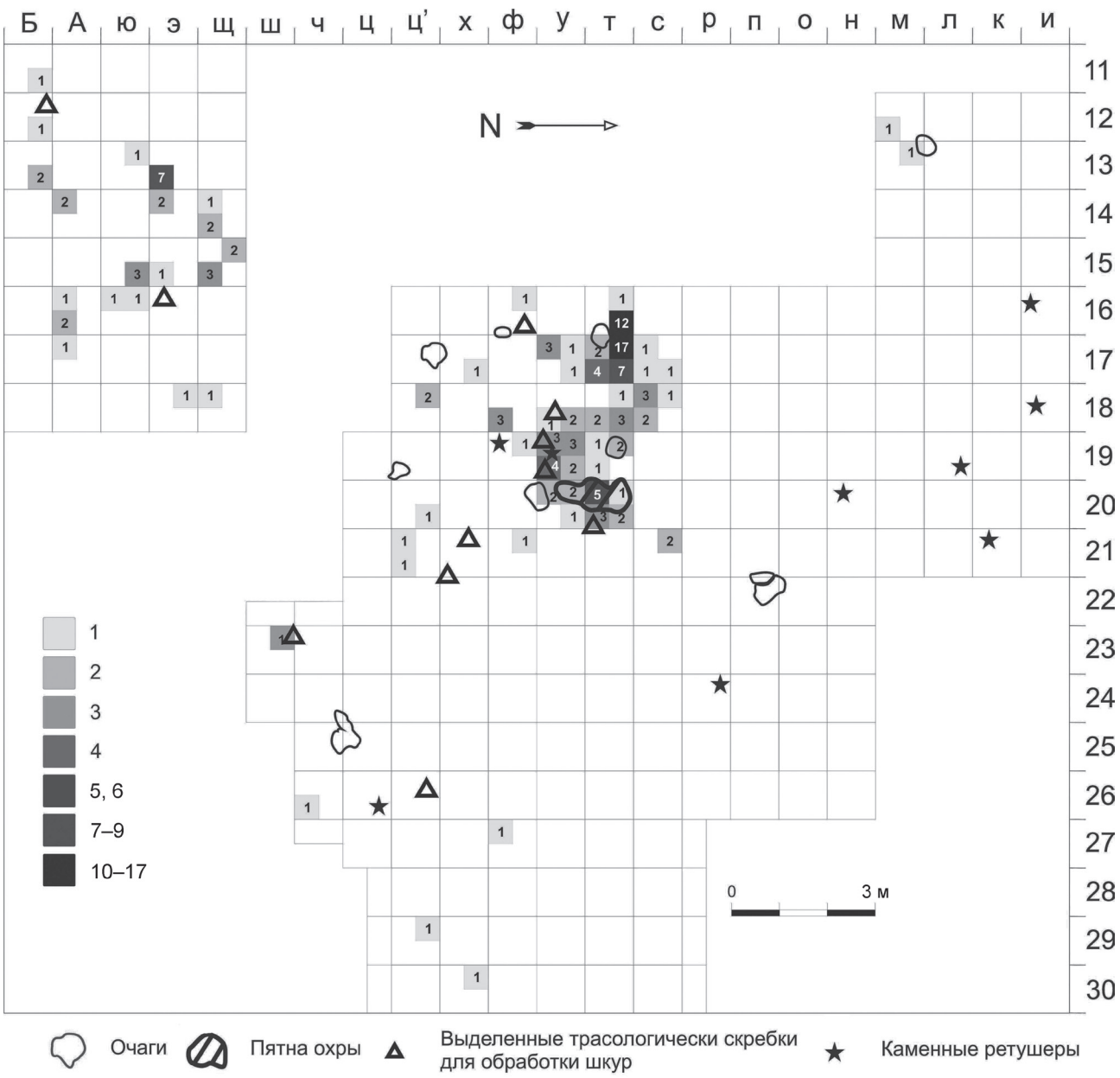


Рис. 2. Распределение микросколов и скребков со следами износа от работы по шкуре на северо-восточном участке стоянки Каменная Балка II.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Коробкова Г.Ф., Щелинский В.Е. Методика микро-макроанализа древних орудий труда. Ч. 1. СПб.: ИИМК РАН, 1996. 80 с.

Леонова Н.Б. Методы диагностики хозяйственной деятельности на памятниках каменного века // Археологический альманах. 2000. № 9. С. 137–144.

Семёнов С.А. Первобытная техника. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 240 с. (МИА; № 54).

Audouin F.Y., Plisson H. Les ocres et leurs témoins au Paleolithique en France: enquête et expériences sur leur validité archéologique // Cahiers de Centre de Recherches Préhistoriques (Université de Paris I). 1982. № 8. P. 33–80.

Dubreuil L., Grosman L. Ochre and hide-working at a Natufian burial place // American Antiquity. 2009. Vol. 83. P. 935–954.

Keeley L.H. Experimental determination of stone tool uses. Chicago: Univ. of Chicago, 1980. 212 p.

Sollas W.J. Ancient hunters and their modern representatives. L., 1911. 416 p.

Vaughan P.C. Use-wear analysis of flaked stone tools. Tuscon, 1985. 204 p.

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРИОДИЗАЦИИ КОМПЛЕКСОВ РАННЕГО ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА В СЕВЕРНОЙ МОНГОЛИИ[1]

© 2014 г. А.М. Хаценович

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
(ada1985@yandex.ru)

Ключевые слова: ранний верхний палеолит, Северная Монголия, периодизация, культурный горизонт.

Резюме. Многочисленные материалы, найденные на многослойных памятниках в долине р. Их-Тулбэрийн-Гол, а также полученная для них серия дат позволяют рассмотреть развитие раннего верхнего палеолита региона. Выделение этапов в этом развитии требует определения технико-типологических критериев. Ряд таких критериев позволяют разделить ранний верхний палеолит Северной Монголии на три периода.

Критерии периодизации раннего верхнего палеолита (далее – РВП), равно как и сама возможность таковой, являются одним из самых дискутируемых вопросов в археологии каменного века. Если обоснованность его выделения как крупной периодизационной единицы в самых различных районах Евразии давно не вызывает сомнения, то вопросы о его длительности, однородности и времени завершения остаются открытыми. Для верхнепалеолитических памятников Северной Монголии, расположенных в долине р. Их-Тулбэрийн-Гол (Толбор-4, -15, -16, -21), правого притока Селенги, существует периодизация, разработанная рядом исследователей, базисом которой являются технико-типологические характеристики каменных индустрий и датирование радиоуглеродным методом.

В 2010 г. была представлена периодизационная схема развития верхнего палеолита в Монголии, выстроенная на основе последовательностей радиоуглеродных дат для памятников Толбор-4, -15 (далее – Т-4, Т-15) (Гладышев и др., 2010). Наиболее ранним комплексом для Монголии авторы считают комплекс горизонтов 5, 6 (далее Г5–Г6) стоянки Толбор-4. Радиоуглеродная дата Г5 – более 41 050 л.н., Г6 – 37 400±2 600 л.н. (Там же. С. 37). Ранние датировки позволяют отнести этот комплекс к начальной поре ВП. Далее следует комплекс Г7–Г6 стоянки Т-15, с датой в 34 340±210 л.н., а материалы Г5 датируются временем 28 460±310 л.н. (Гладышев и др., 2010). Здесь же авторы приводят дату комплекса Г4 стоянки Т-4 – 26 700±300 л.н., и на основе одинакового, по их мнению, типологического состава нуклеусов и орудий объединяют этот комплекс и индустрии Г5–Г7 стоянки Т-15 в рамках одного культурно-хронологического этапа РВП. Данная схема стала результатом некоторой модификации периодизации предложенной ранее теми же авторами. Согласной ей, комплексы Г7–Г6 Т-15 рассматривались отдельно от Г5 той же стоянки и определялись временем «начального» ВП в соответствии с ожидаемым в пределах 32–30 тыс. л.н. возраста, тогда как комплекс Г5 Т-15 относился ими к среднему этапу ВП с ожидаемым возрастом в 25 тыс. л.н. (Gladyshev, Tabarev, 2009. P. 17).

Неким итогом и окончательным вариантом формирования взглядов на хронологию культурных подразделений можно считать точку зрения исследователей на периодизационную схему, в которой и комплекс Г6–Г5 и комплекс Г5 стоянки Т-15, так же как и комплексы Г6–Г5 и Г4 стоянки Т-4, отнесены к РВП, который, в свою очередь, разделен на две фазы – начальную и позднюю (Gladyshev et al., 2012).

1 Работа выполнена в рамках проектов РФФИ № 12-06-33041, 14-06-00163.

Нам представляется, что схема развития РВП в Северной Монголии должна быть более дробной. К таким выводам позволяет прийти привлечение материалов памятника Т-16, который исследуется в настоящее время. На основе сопоставления характеристик индустрии и полученных дат, исследователями стоянки был сделан вывод о том, что нижняя и средняя часть Г7 Т-16 соответствуют технологически и хронологически Г6–Г5 Т-4 и относится к начальной поре ВП, а верхняя часть Г7 Т-16 предварительно соотнесена с индустриями РВП Г7–Г6 стоянки Т-15 и Г4 стоянки Т-4 (Zwyns et al., in press). Этот комплекс характеризуются бипродольным параллельным расщеплением, направленным на производство удлиненных пластин, в т.ч. специфических для наиболее ранних этапов верхнего палеолита региона остроконечных пластин с бипродольной огранкой. В 2011 г. в долине р. Их-Тулбэрийн-гол была выявлена новая многослойная стоянка Т-21, для нижнего культурного горизонта которой была получена ^{14}С-дата 44 640 л.н. (Гладышев и др., 2013). Это значительно удревняет время начала формирования НВП на данной территории. Материал Т-21 немногочисленный, но, тем не менее, присутствуют типологически выраженные орудия, такие как острие, концевой скребок, выполненные на пластинах, бипродольные остроконечные удлиненные пластины, а также технический скол рабочего фронта торцового нуклеуса (Табарев и др., 2012). Характеристики и хронология вышеперечисленных индустрий соответствуют особенностям НВП Евразии, интегральной частью которого они являются.

К собственно РВП Северной Монголии следует относить индустрии нижних горизонтов Г6–Г7 стоянки Т-15 и Г4 стоянки Т-4. Датируемые в пределах 30–34 тыс. л.н., они характеризуются плоскостными, подпризматическими, торцовыми и ортогональными нуклеусами. Доминирующим типом сколов являются отщепы, вместе с тем имеются и относительно крупные пластины. Изделия, имеющие следы бипродольного двуплощадочного расщепления, по количеству значительно уступают артефактам с признаками однонаправленного и ортогонального раскалывания.

Неопределенной остается культурно-хронологическая позиция комплекса Г5 Т-15. Ранее расщепление в данном комплексе характеризовалось как направленное на получение пластин средних размеров и пластинок с одноплощадочных монофронтальных нуклеусов, а индустрия сколов в целом – как отщеповая (Гладышев и др., 2013). Проведенный нами с применением атрибутивного подхода технико-типологический анализ коллекции Г5 Т-15 показал, что этот комплекс, хотя и значительно отличается от комплекса Г7–Г6 того же памятника по ряду критериев, но, в то же время, представляется возможным говорить о принадлежности этих ассамбляжей к одной эволюционной линии. В комплексе Г5 по-прежнему целью расщепления остаются пластины, соотношение пластин и пластинок в индустрии сколов составляет, примерно, 3:1. Большинство нуклеусов для получения пластинчатых заготовок в индустрии Г5 сильно истощено, и негативы последних снятий с фронтов скалывания позволяют говорить о получении пластинок в ходе заключительной стадии расщепления ядрищ. Однако большинство технических сколов – реберчатых, полуреберчатых и краевых – выполнено на средних и крупных пластинах и крупных удлиненных отщепах, что свидетельствует о первоначальных размерах нуклеусов и их назначении для получения крупных удлиненных сколов. Среди типов огранки дорсальной поверхности заготовок, как в комплексе Г7–Г6, так в комплексе Г5, преобладают однонаправленные негативы и гладкие дорсальные поверхности. Важно отметить, что количество заготовок с бипродольной огранкой остается стабильным в обоих комплексах и составляет 9–13% от общего количества учтенных сколов.

В горизонте 5 стоянки Т-15 сохраняются приемы подправки приплощадочных частей нуклеусов, использовавшиеся в Г7–Г6. Стоит отметить, что в Г5 подправка площадки применялась реже. В обоих комплексах в плоскостном расщеплении галек доминирует техника, которая характеризуется следующими чертами. На начальной стадии раскалывания снимался первичный скол по центру будущего фронта. Вторым этапом была подготовка площадки, и затем расщепление велось, если

это было возможно, с использованием естественных ребер. Затем на определенном этапе двусторонними сколами и ретушью подготавливалось ребро нуклеуса, служившее в качестве направляющей для организации расщепления ядрища.

Тем не менее существует ряд критериев, которые не позволяют объединить комплексы Г5 и Г7–Г6 в рамках одного этапа. В первую очередь, следует отметить появление призматических микропластин, а также микронуклеусов, в т.ч. клиновидного микронуклеуса на бифасиально обработанной заготовке, утилизировавшегося с помощью отжима (Гладышев и др., 2013). Комплекс Г7–Г6 показывает полное отсутствие призматического микрорасщепления, а обнаруженные микропластины были получены с нуклеусов, которые также предназначались для скалывания пластинок, а не в результате целенаправленного оформления специфических типов ядрищ. В комплексе Г5 снижается доля призматического расщепления при приоритете подпризматического однонаправленного расщепления с организацией фронта на узкой плоскости гальки, а также плоскостного раскалывания. В комплексе Г5 увеличивается доля укороченных отщепов, что связано с возникновением нового приема подправки фронтов нуклеусов, когда с ребра нуклеуса снимался широкий скол. Такие отщепы имеют поперечную однонаправленную огранку с негативами пластинчатых снятий, а среди их ударных площадок преобладают естественные, что может свидетельствовать об использовании галечной поверхности в качестве естественного ребра.

Что касается орудийного набора комплекса Г5 стоянки Т-15, то заметным является снижение процента тех типов инструментария, которые являлись основными компонентами в Г7–Г6: шиповидных орудий и пластинок с притупленной спинкой. Ведущим орудийным компонентом Г5 являются скребла, концевые и боковые скребки. Общим с нижележащим комплексом типом является серия скребел с вентральной, реже дорсальной обработкой рабочего края, с обушком и уплощением вентральной поверхности. Также высокой остается доля выемчатых орудий. Но в целом количество типологически выраженных орудий является небольшим, орудийный набор является менее разнообразным, нежели в комплексе Г7–Г6. Все это позволяет заключить, что комплекс Г5 стоит обособленно от комплекса Г7–Г6, хотя, несомненно, является его логичным эволюционным продолжением.

Приведенные нами характеристики индустрии комплекса Г5 стоянки Т-15 позволяют говорить о необходимости выделения комплексов финального этапа РВП Северной Монголии. К нему относятся комплексы, располагающиеся в хронологическом промежутке от 25 до 30 тыс. л.н., характеризующиеся доминированием однонаправленной параллельной системы раскалывания, сочетающейся с развивающимся микрорасщеплением, нацеленным на преднамеренное получение пластинок и микропластинок, в т.ч. и с типичных клиновидных ядрищ, редуцировавшихся с помощью отжимной техники. Орудийный набор демонстрирует наличие несомненных генетических связей с предшествующими индустриями. Мы предлагаем именовать этот этап РВП-2. К нему следует отнести комплексы Т-15, Г5 и, предварительно, Т-16 Г5/6, а также индустрию исследуемой ныне стоянки Харганын-Гол-5. К этапу РВП-1 мы относим ассамбляжи Т-15 Г7–Г6, Т-4 Г4 и Т-16 Г7, верхняя часть. Комплексы НВП Северной Монголии включают в себя Т-4 Г6–Г5, Т-16 Г7, нижняя и средняя часть, и Т-21, нижний горизонт.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гладышев С.А., Гунчинсурэн Б., Джалл Э., Доганджич Т., Звинс Н., Олсен Д., Ричардс М., Табарев А.В., Таламо С. Радиоуглеродное датирование палеолитических стоянок в долине реки Их-Тулбэрийн-Гол в Северной Монголии // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2013. Т. 12; Вып. 5: Археология и этнография. С. 44–48.

Гладышев С.А., Олсен Дж., Табарев А.В., Кузьмин Я.В. Хронология и периодизация верхнепалеолитических памятников Монголии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 3. С. 35–42.

Табарев А.В., Гунчинсурэн Б., Гиллам Дж., Гладышев С.А., Доганджич Т., Звинс Н., Болорбат Ц., Одсурэн Д. Комплекс памятников каменного века в долине р. Их-Тулбэрийн-Гол, Северная Монго-

лия // Археологийн Судлал. Т. XXXII. Улан-Батор: ИА МАН, 2012. С. 26–64.

Gladyshev S.A., Olsen J., Tabarev A.V., Jull A. The Upper Paleolithic of Mongolia: Recent finds and new perspectives // Quaternary International. 2012. Vol. 281. P. 36–46.

Gladyshev S.A., Tabarev A.V. New data on the Early Upper Paleolithic of Northern Mongolia // Current Research in the Pleistocene. 2009. Vol. 26. P. 17–18.

Zwyns N., Gladyshev S.A., Gunchinsuren B., Bolorbat T., Flas D., Tabarev A., Dogandzic T., Gillam J.C., Khatsenovich A., Odsuren D., Paine C., Purevjal K.E., Stewart J. The open-air site of Tolbor 16 (Northern Mongolia): preliminary results and perspectives // Quaternary International. In press.

СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ МЕЗОЛИТА ПАМИРО-АЛАЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКОВ ТУТКАУЛ И ОБИ-КИИК)[1]

© 2014 г. С.В. Шнайдер

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
Алтайский государственный университет, Барнаул
(sveta.shnayder@gmail.com)

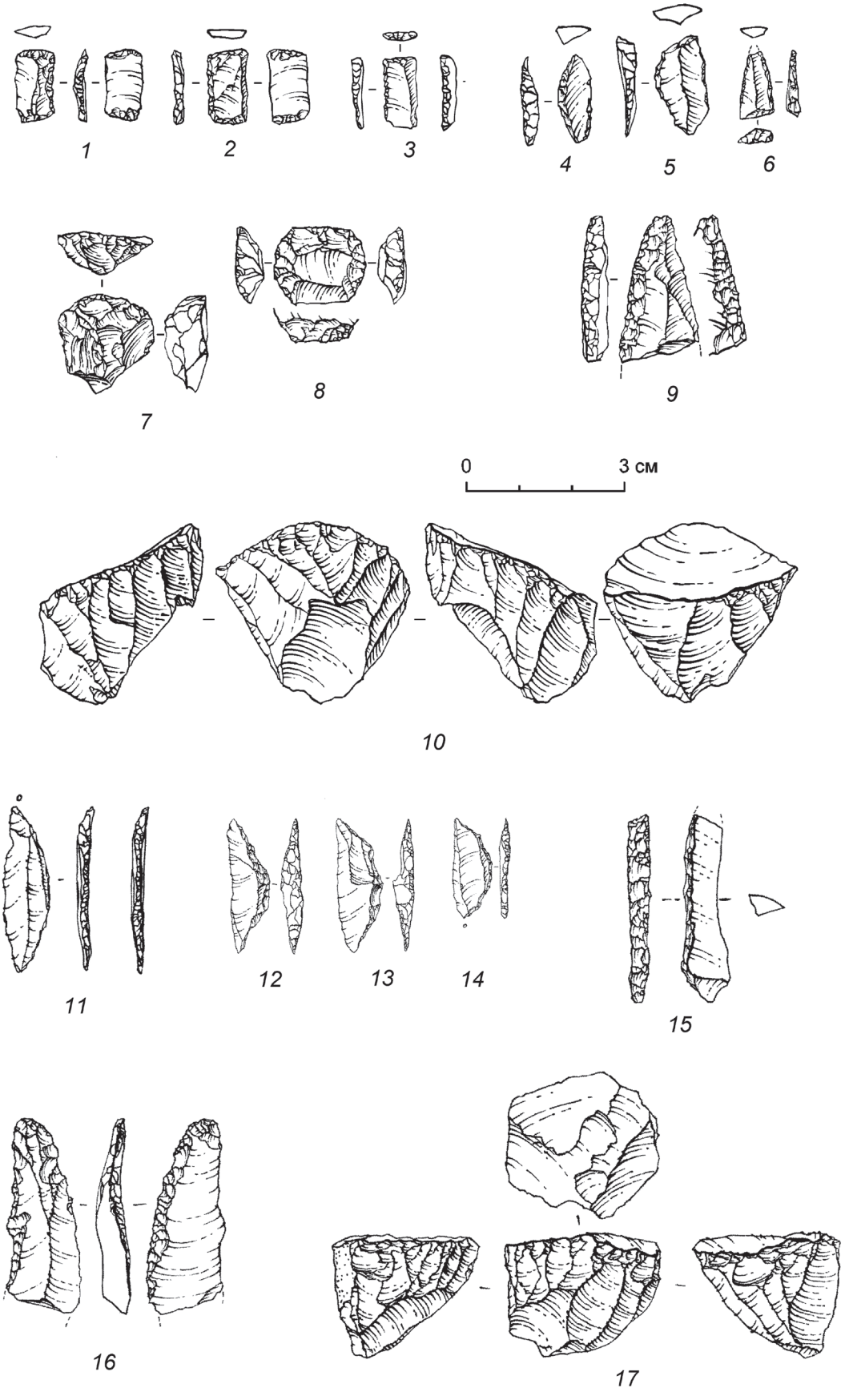
Ключевые слова: **мезолит, Памиро-Алай, кареноидное расщепление, геометрические микролиты.**

Резюме. Мезолит Памиро-Алая (Западный Таджикистан) известен в научной литературе с середины XX в. Традиционно его происхождение связывалось с миграционными процессами с территорий Ближнего и Среднего Востока (Ranov, Davis, 1979). В данной работе проанализированы материалы раннемезолитических памятников Туткаул (гор. 3) и Оби-Киик и предлагается гипотеза, согласно которой происхождение мезолита региона рассматривается в рамках формирования на местной верхнепалеолитической основе с наложением на нее в результате культурной инфильтрации традиций, характерных для территорий Ближнего и Среднего Востока.

Введение. Интерес к археологическим материалам позднего плейстоцена – раннего голоцена на территории Памиро-Алая в первую очередь связан с раскрытием проблемы происхождения мезолита региона. К настоящему времени в историографии закрепилась концепция миграционного происхождения мезолита региона, сформулированная в 1960-х гг. В.А. Рановым. Он предлагал выделять на территории Памиро-Алая два технических варианта развития каменных индустрий – эпипалеолит и мезолит. Первый вариант связывался с комплексами, для которых характерно преобладание призматических нуклеусов, в орудийном наборе – доминирование скребков, пластинок с ретушью, подчеркивалось отсутствие микролитов (Ош-Хона, Бешкентские стоянки (Таджикистан)). Истоком формирования эпипалеолита исследователи считали верхний палеолит региона. Мезолит связывался с памятниками, индустрии которых характеризуются пластинчатым расщеплением, в орудийном наборе отмечается преобладание изделий геометрических форм (Туткаул, Ак-Таньги, Оби-Киик (Таджикистан)). Генезис мезолитических комплексов связывался с процессами миграции или культурной диффузией с территории Ближнего и Среднего Востока, локальные верхнепалеолитические индустрии не рассматривались в качестве возможного источника формирования (Ranov, Davis, 1979).

В связи с изучением в последнее десятилетие памятников Кызыл-Алма-2, Кульбулак,

1 Работа выполнена в рамках проектов РФФИ № 12-06-3304, РГНФ № 14-51-00022, Министерства образования и науки № 2013-220-04-2245.



Каменные артефакты памятников Туткаул, горизонт 3 (*1–10*) и Оби-Киик (*11–17*).

Додекатым-2 (Узбекистан), Шугноу (Таджикистан) значительно изменилась интерпретация верхнего палеолита региона. Была выделена кульбулакская культура, маркирующими чертами которой являются мелкопластинчатое расщепление, широко представленный набор кареноидных ядрищ; орудийный набор определяется значительной долей микроинвентаря – высокие микроскребки, пластинки с притупленным краем, треугольные микролиты (Колобова, 2014). Учитывая новую интерпретацию верхнего палеолита региона, критический пересмотр раннемезолитических комплексов (Туткаул, гор. 3 и Оби-Киик) позволяет предложить новую гипотезу происхождения мезолита Памиро-Алая.

Туткаул. Памятник Туткаул располагается в Южном Таджикистане в 70 км на юго-восток от г. Душанбе. Стоянка изучалась в период с 1963 по 1969 г. под руководством В.А. Ранова. Им на памятнике было выделено четыре культуросодержащих горизонта. Верхние горизонты (1 и 2) были отнесены исследователем к неолиту, а нижние (3 и 2а) – к эпохе мезолита (Ранов, Коробкова, 1971). В контексте раскрытия проблемы происхождения мезолита региона наиболее релевантной является коллекция горизонта 3.

Коллекция каменных артефактов горизонта 3 насчитывает 894 экз. Судя по имеющимся в коллекции ядрищам и целевым сколам-заготовкам, первичное расщепление было ориентировано на получение прямопрофильных пластинок и микропластинок (70%) с одноплощадочных торцовых и (или?) объемных ядрищ и с закрученным профилем (30%) – с кареноидных ядрищ (см. *рисунок, 10*).

В орудийном наборе отмечается доминирование высоких микроскребков (см. *рисунок*, *7, 8*) и геометрических микролитов, представленных преимущественно прямоугольниками (см. *рисунок*, *1–3*), отмечаются единичные экземпляры сегментов (см. *рисунок*, *4, 5*) и треугольник (см. *рисунок*, *6*). Также в коллекции были выделены пластинки с ретушью притупления, пластины и пластинки с альтернативной ретушью (см. *рисунок*, *9*), проколки, долотовидные и шиповидные изделия.

Оби-Киик. Памятник Оби-Киик располагается в Южном Таджикистане, в 100 км южнее г. Душанбе. Раскопки на стоянке проводились в 1964 г. под руководством В.А. Ранова (1980).

Коллекция каменных артефактов памятника насчитывает 302 экз. Первичное расщепление преимущественно было ориентировано на производство пластинок и микропластинок с прямым профилем (65%) с одноплощадочных торцовых и объемных ядрищ; заготовки с изогнутым и закрученным профилем (35%) получали в рамках кареноидного расщепления (см. *рисунок*, *17*). В орудийном наборе комплекса доминируют сегменты (см. *рисунок*, *11–14*), выемчатые, шиповидные изделия, также отмечается присутствие пластинок с притупленным краем (см. *рисунок*, *15*), пластин и пластинок с альтернативной ретушью (см. *рисунок*, *16*), проколок и концевых скребков.

Обсуждение. При проведении сравнительного анализа между комплексами Оби-Киик и Туткаул (гор. 3) выделяется ряд схожих черт как в первичном расщеплении, так и в орудийном наборе. Первичное расщепление обеих индустрий было направлено на получение прямопрофильных пластинок и микропластинок в рамках однонаправленного скалывания и заготовок с изогнутым и закрученным профилем в рамках кареноидного расщепления. В обеих индустриях находятся типологически схожие орудия, в первую очередь, это пластины и пластинки с альтернативной ретушью, которые в других мезолитических комплексах региона не представлены. Аналогии прослеживаются и в наличии пластинок с притупленным краем и сегментов.

Для определения возможного локального образования мезолита региона проведен сопоставительный анализ индустрий Туткаула (гор. 3) и Оби-Киика с материалами памятника Додекатым-2 (слои 2–4), относящимися к заключительному этапу кульбулакской культуры (Колобова, 2014). Сходства между раннемезолитическим и позднепалеолитическими материалами прослеживаются как на технологическом, так и на типологическом уровне. Первичное расщепление индустрий было направлено на получение прямопрофильных пластинок и микропластинок в рамках однонаправленного скалывания и заготовок с изогнутым и закрученным профилем в рамках кареноидного расщепления. На

определенные параллели между индустриями может указывать и наличие в индустриях пластинок и микропластин с притупленным краем, высоких микроскребков, а также пластин и пластинок с альтернативной ретушью. Помимо этого, в орудийном наборе горизонта 3 стоянки Туткаул выявлен экземпляр треугольного микролита, эти орудия являются одним из маркеров кульбулакской культуры (Там же).

Учитывая закрепившуюся в историографии гипотезу миграционного происхождения мезолита региона с территорий Ближнего и Среднего Востока, был дополнительно проведен сопоставительный анализ с относительно синхронными комплексами – геометрического кебарана (Неве-Давид, Кебара, Охало-2) и зарзиана (Зарзи, Шанидар (слой B), Пелегавра). В данных индустриях в первичном расщеплении также представлена значительная доля кареноидных нуклеусов. В орудийном наборе отмечается доминирование геометрических микролитов в виде прямоугольников, на поздних этапах этих культур отмечается преобладание сегментов, помимо этого выделяется представительная серия высоких микроскребков и отмечается наличие пластин и пластинок с альтернативной ретушью (Solecki, Solecki, 1983; Yaroshevich et al., 2010).

Таким образом, сопоставление раннемезолитических индустрий Памиро-Алая с финальным палеолитом региона и с относительно синхронными комплексами Ближнего и Среднего Востока позволило предложить новую гипотезу генезиса мезолита региона, согласно которой на формирование мезолита региона оказали влияние как региональные верхнепалеолитические традиции в каменном производстве, так и комплексы Ближнего и Среднего Востока.

Заключение. Для более ранних эпох каменного века западной части Центральной Азии – переходной стадии от среднего к верхнему палеолиту и верхнего палеолита также прослеживались определенные параллели с синхронными индустриями Ближнего и Среднего Востока (Колобова, 2014; Кривошапкин, 2012). По мнению исследователей, это может объясняться в рамках концепции регулярного и разнонаправленного межкультурного взаимодействия различных популяций на границах заселенных регионов, выражавшегося, в числе прочего, в обмене технологическими решениями и инновациями и их дальнейшем применении в региональном культурном субстрате (Колобова, 2014).

Наблюдения по раннеголоценовым индустриям подтверждают данную концепцию, и в ее рамках предлагается гипотеза, согласно которой происхождение мезолита региона необходимо рассматривать в контексте сложного формирования культур на местной верхнепалеолитической основе с наложением на них в результате культурной инфильтрации традиций, характерных для территорий Ближнего и Среднего Востока, выраженных либо в прямых миграциях, либо в передаче идей по эстафетному принципу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Колобова К.А. Верхний палеолит Западного Памиро-Тянь-Шаня: автореф. дис. … д-ра ист. наук. Новосибирск, 2014. 38 с.

Кривошапкин А.И. Оби-рахматский вариант перехода от среднего к верхнему палеолиту: автореф. дис. … д-ра ист. наук. Новосибирск, 2012. 38 с.

Ранов В.А. Стоянка Оби-Киик и некоторые вопросы изучения мезолита юга Средней Азии // Первобытная археология. Поиски и находки. Киев: Наук. думка, 1980. С. 82–90.

Ранов В.А., Коробкова Г.Ф. Туткаул – многослойное поселение гиссарской культуры в Южном Таджикистане // СА. 1971. № 2. С. 133–147.

Ranov V.A., Davis R. Toward a new outline of Soviet Central Asian Paleolithic // Current Archeology. 1979. Vol. 20; № 2. P. 249–262.

Solecki R.L., Solecki R.S. Late Pleistocene – Early Holocene cultural traditions in the Zagros and the Levant // The hilly flanks and beyond: Essays on the prehistory of southwestern Asia / Eds. T.C. Young, P.E.L. Smith, P. Mortensen. Chicago: Oriental Institute of the University of Chicago, 1983. P. 123–137.

Yaroshevich A., Kaufman D., Nuzhnyy D., Bar-Yosef O., Weinstein-Evron M. Design and performance of microlith implemented projectiles during the Middle and the Late Epipaleolithic of the Levant: experimental and archaeological evidence // J. of Archeological Science. 2010. № 37. P. 368–388.

РАЗВИТИЕ РАННИХ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ В СЕВЕРНОЙ АЗИИ

© 2014 г. М.В. Шуньков

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
(shunkov@archaeology.nsc.ru)

Ключевые слова: палеолит, плейстоцен, хроностратиграфия, изотопно-кислородная шкала, галечная индустрия.

Резюме. Материалы древнейших палеолитических стоянок и местонахождений, известных в настоящее время на территории Северной Азии, свидетельствуют, что ее первоначальное заселение происходило с юго-запада, с низкогорных и предгорных районов Алтая. Первое появление здесь гомининов, находившихся на стадии *Homo erectus*, датировано около 800 тыс. л.н. Малочисленность, разрозненность и разновозрастность раннепалеолитических галечных индустрий Сибири затрудняют оценку их культурного взаимодействия или преемственности между ними, что заставляет рассматривать каждое местонахождение или их локальную группу как самобытный технико-типологический комплекс.

Культурно-хронологическая интерпретация сибирских комплексов раннего палеолита основана главным образом на морфологическом облике галечного инвентаря и геологическом контексте его залегания. В редких случаях вмещающие отложения имеют надежное литологическое и биостратиграфическое обоснование. При этом ни на одном объекте для культуросодержащих отложений не удалось получить прямых показателей геомагнитного или термолюминесцентного датирования. Эти обстоятельства сильно затрудняют построение геохронологической последовательности раннепалеолитических памятников Сибири, предполагая их относительную датировку в рамках крупных геологических подразделений четвертичного периода и только в единичных случаях привязку к конкретным палеогеографическим этапам плейстоцена и сопоставление с изотопно-кислородной шкалой. Вместе с тем современные данные позволяют сделать несколько обобщений по проблеме первоначального заселения человеком территории Северной Азии.

Самую раннюю хронологическую позицию в антропогеновой истории региона занимают материалы многослойной стоянки Карама на Алтае. Эти материалы залегают в четких стратиграфических условиях и представляют культурную последовательность из четырех горизонтов обитания раннепалеолитического человека с достаточно выразительной галечной индустрией. Период накопления двух нижних горизонтов с находками соответствует кислородно-изотопной стадии 19, возраст которой около 800 тыс. лет, а формирование отложений с двумя верхними культуросодержащими горизонтами отвечает изотопным стадиям 17 и 16 в хронологическом интервале 600–700 тыс. лет.

Близкий к верхней хронологической границе Карамы возраст может иметь галечная индустрия Улалинки, если справедливо предположение о ее стратиграфической связи с ранненеоплейстоценовыми отложениями краснодубровской свиты Верхнего Приобья (Адаменко, 1970). Более уверенно можно судить о геологическом возрасте местонахождения МК I в Кузнецкой котловине. Согласно результатам сопоставления палеонтологических данных из культуросодержащих и перекрывающих отложений (Деревянко, Маркин, 2007), его возрастной минимум связан с первой половиной среднего неоплейстоцена, скорее всего, с финалом тобольского времени (изотопная стадия 9).

На следующую хронологическую ступень, отвечающую самаровскому горизонту (изо-

топная стадия 8), следует, видимо, поместить материалы Диринг-Юряха в Якутии. Наиболее аргументированная версия формирования субаквальной толщи, в основании которой залегает галечный горизонт с находками, в условиях ледовых подпрудных водоемов (Ранов, Цейтлин, 1991) в целом согласуется с данными термолюминесцентного датирования разреза, установившими для этих событий возрастной интервал 267–366 тыс. лет (Waters, Forman, Pierson, 1997). Хотя декларируемая исследователем этого памятника плиоценовая древность (Мочанов, 1992) так и не получила надежного научного обоснования, тем не менее проникновение человека в высокие широты в эпоху самаровского похолодания является бесспорным феноменом в древнейшей истории Евразии.

Для наиболее древних палеолитических местонахождений юга Тувы (Торгалык) и Средней Сибири (Разлог, Разлив, Игетей, Тарахай и др.) пока установлен только минимальный геологический возраст. Согласно геолого-геоморфологическим показателям, их верхняя возрастная граница не моложе первого крупного похолодания верхнего неоплейстоцена. Часть из них может иметь средненеоплейстоценовый возраст, на что косвенно указывают остатки ископаемой фауны раннего мамонтового комплекса (*Mammuthus chosaricus*, *Equus caballus chosaricus*), обнаруженные вместе с архаичными галечными изделиями в зоне размыва побережья Красноярского водохранилища (Дроздов и др., 2000). Однако материалы местонахождения Балышово на Верхней Лене, свидетельствующие о формировании следов сильной эоловой корразии в условиях муруктинского гляциала верхнего неоплейстоцена (Задонин, 1992), заставляют крайне осторожно подходить к более ранней датировке коррадированных галечных изделий, пока они не будут обеспечены надежными литологическими или биостратиграфическими показателями.

Несмотря на фрагментарность данных относительной геохронологии, в настоящее время можно говорить, что первоначальное заселение территории Сибири происходило, скорее всего, с юго-запада, а точнее с низкогорных и предгорных районов Алтая, где известны наиболее древние палеолитические объекты (Карама, Улалинка, МК I). Древнейшие культуросодержащие слои Карамы свидетельствуют о появлении здесь ранних гоминин, находившихся, видимо, на стадии *Homo erectus*, около 800 тыс. л.н. Эректусы пришли на территорию Алтая с первой миграционной волной из Африки (Деревянко, 2009), продвигаясь в северо-восточном направлении через Ближний Восток, Переднеазиатские нагорья и западные районы Центральной Азии.

Хроностратиграфическая колонка Карамы свидетельствует, что представители первой миграционной волны обитали на Алтае на протяжении почти всей первой половины раннего неоплейстоцена, за исключением фазы относительного похолодания, отвечающей мансийскому горизонту (изотопная стадия 18). После холодного максимума следующего гляциала (изотопная стадия 16), в связи с общим ухудшением природной обстановки, ранние гоминины, скорее всего, ушли в районы с более умеренным климатом. Оставшаяся часть популяции, видимо, не смогла адаптироваться к изменившимся ландшафтно-климатическим условиям и прекратила свое существование. В любом случае, на этой территории наступает длительный перерыв в развитии палеолитической культуры, который закончился около 280 тыс. л.н. с появлением на Алтае носителей принципиально иных технико-типологических традиций, основанных на леваллуазском и параллельном принципах расщепления камня.

Если на Алтае с середины среднего неоплейстоцена начинается становление среднепалеолитических культурных традиций, то в других районах Сибири этот период вплоть до начала верхнего неоплейстоцена включительно ассоциируется с распространением галечных индустрий раннепалеолитического облика. Возможно, такая специфика в культурных проявлениях является региональным отражением общих закономерностей развития раннепалеолитической ойкумены в восточной части Евразии (Деревянко, 2009), и галечные индустрии в восточных районах Сибири испытывали определенное влияние традиций Китайско-Малазийской зоны.

Малочисленность, разрозненность и разновозрастность галечных индустрий Восточной Сибири затрудняют оценку их культурного

взаимодействия или преемственности между ними, что заставляет рассматривать каждое местонахождение или их локальную группировку как самобытный технико-типологический комплекс. Самым архаичным из них, по всей видимости, является индустрия Диринг-Юряха с примитивной техникой дробления камня и грубой оббивкой галечных макроорудий. Более развитой выглядит индустрия местонахождения Торгалык, среди материалов которой следует отметить удлиненные сколы, снятые с уплощенных нуклеусов, и простейшие формы бифасиально обработанных галечных орудий. Наибольшим техническим и типологическим разнообразием обладают ангарские и отчасти енисейские индустрии. Для них характерны хорошо отработанные приемы бифасиально-радиального, конвергентного и параллельного расщепления, производство заготовок преднамеренно заданной формы, изготовление разнообразных скребел и других специализированных орудий. Однако в общий контекст развития древнейших технологий региона не вписываются материалы местонахождения Георгиевское I (Роговской, 2008), демонстрирующие в хронологических рамках казанцевского межледниковья верхнеплейстоценовую преемственность или рецидив архаических способов обработки камня. При этом возможна и другая версия, согласно которой крайне архаичная некоррадированная индустрия Георгиевского I соответствует одному из начальных этапов становления галечной традиции в палеолите региона, а ее дальнейшее развитие, сопровождавшееся процессами эоловой корразии, было связано с последующими холодными этапами первой половины верхнего плейстоцена. К сожалению, локальный характер и малочисленность стратифицированной индустрии Георгиевского I не позволяют однозначно ответить на этот вопрос.

В целом для древнейших палеолитических материалов Северной Азии главной остается проблема оценки их возраста, связанная с возможностью комплексного использования геологических, палеонтологических и физических методов датирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Адаменко О.М. О геологических условиях залегания нижнепалеолитических орудий на р. Уралинке (г. Горно-Алтайск) // Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск: Наука, 1970. С. 57–59.

Деревянко А.П. Древнейшие миграции человека в Евразии в раннем палеолите. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. 232 с.

Деревянко А.П., Маркин С.В. Нижнепалеолитическая стоянка МК I на юго-востоке Западной Сибири // Кавказ и первоначальное заселение человеком Старого Света. СПб.: Петербург. востоковедение, 2007. С. 149–155.

Дроздов Н.И., Чеха В.П., Артемьев Е.В., Хазартс П., Орлова Л.А. Четвертичная история и археологические памятники Северо-Минусинской впадины. Красноярск: Изд-во Краснояр. пед. ун-та, 2000. 77 с.

Задонин О.В. Палеолитическое местонахождение Балышово I на Лене // Раннепалеолитические комплексы Евразии. Новосибирск: Наука, 1992. С. 124–133.

Мочанов Ю.А. Древнейший палеолит Диринга и проблема внетропической прародины человека. Новосибирск: Наука, 1992. 254 с.

Ранов В.А., Цейтлин С.М. Палеолитическая стоянка Диринг глазами геолога и археолога // Бюл. Комис. по изуч. четвертичного периода. 1991. № 60. С. 79–87.

Роговской Е.О. Результаты исследований местонахождения Георгиевское I в Южном Приангарье // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2008. Т. 7; Вып. 3: Археология и этнография. С. 63–71.

Waters M., Forman S., Pierson G. Diring-Yariakh: A lower Paleolithic site in Central Siberia // Science. 1997. Vol. 275. P. 1281–1284.

О КУЛЬТУРНО-СТАДИАЛЬНОЙ АТРИБУЦИИ КАМЕННОЙ ИНДУСТРИИ ЭОПЛЕЙСТОЦЕНОВОЙ РАННЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ РОДНИКИ-1 (ЗАПАДНОЕ ПРЕДКАВКАЗЬЕ)[1]

© 2014 г. В.Е. Щелинский

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург (shchelinsky@yandex.ru)

Ключевые слова: ранний палеолит, эоплейстоцен, Западное Предкавказье, стоянка Родники-1, культурно-хронологическая атрибуция.

Резюме. В докладе представлены результаты комплексных исследований раннепалеолитической стоянки Родники-1 в Западном Предкавказье. Стоянка синхронизируется с таманским фаунистическим комплексом эоплейстоцена и датируется хронологическим интервалом 1,6–1,2 млн л.н. Обосновывается вывод о своеобразии каменной индустрии стоянки и возможности отнесения ее к развитому олдовану.

Стоянка Родники-1 располагается в Западном Предкавказье на Азовском побережье Таманского п-ова, в 25 км к западу от г. Темрюка и в 500 м к северу от пос. За Родину Темрюкского р-на Краснодарского края. Она связана с толщей отложений наклоненного к морю участка берега высотой 32 м. В разрезе раскопа выделяются три генетически различных пачки отложений. Верхняя пачка (1,0–1,2 м) представлена делювиальными отложениями со слабо развитой современной почвой. Ниже следуют слоистые желтые и желто-серые («зеброидные») прибрежно-морские пески (3 м). Под ними залегает базальный слой субаквальных отложений (0,8 м) в виде слабоокатанных галечников, разделенных линзой гравия. Подстилается вся толща отложений темно-серой грязевулканической глиной.

Культуросодержащим слоем стоянки является базальный слой разреза, представляющий собой пляжевые отложения, сформировавшиеся на берегу опресненного мелководного бассейна. Культурные остатки и обломки костей млекопитающих залегали в рыхлом песчано-гравийном заполнителе галечника среди крупного и мелкого обломочного материала, а также в линзах и прослойках песка и гравия преимущественно в нижней части слоя. Каменные изделия в большинстве своем не имеют следов окатанности и прекрасно сохранились. Это однозначно свидетельствует о том, что перемещение их прибойными потоками было незначительным. Не вызывает сомнений, что стоянка раннепалеолитических людей располагалась непосредственно на пляже мелководного опресненного бассейна, каковым могла быть морская лагуна или эстуарий. На сильно опресненный характер бассейна указывают обломки раковин дрейссен, встречающиеся в слое вместе с культурными остатками.

Возраст стоянки определятся позицией ее в стратиграфической шкале эоплейстоцена и биостратиграфическими данными. Показательно, что культуросодержащий слой стоянки залегает под толщей прибрежно-морских песков, сопоставляемых А.Е. Додоновым и А.С. Тесаковым с апшеронской трансгрессией Понто-Каспийского бассейна (Shchelinsky, Dodonov et al., 2010; Shchelinsky, Tesakov, Titov, 2010). Уже этот факт определенно указывает на то, что возраст стоянки составляет не меньше 1 млн лет. Вместе с тем в культу-

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», проект № 1.5.

росодержащем слое стоянки обнаружена многочисленная и информативная фауна мелких млекопитающих, позволяющая уточнить и конкретизировать возраст стоянки. Эта фауна включает *Allophaiomys* cf. *pliocaenicus, Lagurodon arankae, Mimomys* cf. *savini, M.* cf. *pusillus, Mimomys* sp.*, Borsodia* sp.*, Ellobius* sp.и *Allocricetus* cf. *ehiki.* Данные таксоны характерны для таманского фаунистического комплекса эоплейстоцена. При этом, учитывая эволюционный уровень выявленного *Allophaiomys*, возраст стоянки может быть уверенно определен в интервале 1,6–1,2 млн. л.н. (Додонов, Тесаков, Симакова, 2008; Shchelinsky, Dodonov et al., 2010; Титов, Тесаков, Байгушева, 2012). По данным палинологических исследований, в спектрах из культуросодержащего слоя преобладает пыльца *Pinus, Ulmus, Juglans cinerea, Carya, Pterocarya и Chenopodiaceae.* Травянистая группа разнообразна и содержит пыльцу *Artemisia, Asteraceae, Salsola, Brassicaceae, Plumbaginaceae, Polygonaceae*, *Thalictrum* и *Fabaceae.* Эти спектры указывают на широкое распространение во время существования стоянки лесостепных ландшафтов, представляющих собой сочетание смешанных лесов и лугово-степной растительности (Simakova, 2009).

Стоянка раскапывалась в 2005, 2007–2009 гг. Ненарушенный культуросодержащий слой исследован на площади около 40 кв. м.

Комплекс каменных изделий стоянки состоит из 710 предметов и включат в себя нуклеусы (52 экз.), отщепы (268 экз.), отбойники (5 экз.), орудия с вторичной обработкой (385 экз.).

Состав изделий ясно показывает, что целью обработки камня на стоянке было изготовление многообразных по форме орудий – от простых отщепов до орудий, оформленных вторичной обработкой. Производство осуществлялось непосредственно на стоянке. Исходным сырьем индустрии служил местный твердый окварцованный доломит, имевший по большей части форму плитчатых отдельностей и их обломков разных размеров. Коренные выходы этих доломитов на Таманском полуострове отсутствуют. Это сырье собиралось людьми в окрестностях стоянки в обнажениях грязевулканических отложений, содержащих его в большом количестве, и, отчасти, на пляже на месте стоянки. 89,7% изделий изготовлено из однородной мелкозернистой разновидности доломита. Гораздо реже использовался менее качественный крупнозернистый и слоистый мелко-крупнозернистый доломит. Эти данные указывают на преднамеренный отбор наиболее качественного сырья. Недоломитовое сырье представлено одним единственным мелким отщепом из черного лидита, явно неместного происхождения. Этот отщеп был сколот с гальки.

Изделия в основном крупные (5 см и больше). Таких изделий больше половины (375 экз., 52,8%). Остальные изделия мелкие (335 экз., 47,2%). Длина их меньше 5 см.

Технология первичной обработки камня на стоянке сочетает в себе как архаичные, так и прогрессивные признаки. К архаичным признакам следует отнести, прежде всего, массовое изготовление и использование в качестве заготовок для орудий обыкновенных обломков сырья. Из них изготовлено 69,4% орудий с вторичной обработкой, причем 79% использованных обломков имеют искусственное происхождение. Обломки получали разбиванием плитчатых отдельностей сырья каменными отбойниками, в качестве которых обычно служили сами обломки доломита подходящего веса. Архаичны и нуклеусы. Они лишены какой-либо предварительной обработки. Ударная площадка (или площадки) на них обычно покрыта коркой (корковая) и иногда является гладкой поверхностью излома плитчатой отдельности сырья. Поверхность скалывания нуклеусов также не подвергалась обработке ни в начале, ни в процессе расщепления. Поэтому нуклеусы в основном слабо сработанны, что отразилось на качестве и типологических характеристиках отщепов. Тем не менее, прогрессивной чертой технологии первичного расщепления на стоянке является многообразие типов нуклеусов и превалирование среди них нуклеусов с одной поверхностью скалывания (одноплощадочных), среди которых заметную роль играют нуклеусы плоскостного параллельного и грубопризматического расщепления.

Отчетливое сочетание архаичных и прогрессивных признаки характерно и для отщепов. Эти изделия составляют весьма значительную часть инвентаря стоянки (37,7% всех изделий). Кроме того, многие отщепы были превращены в орудия с вторичной обработкой. Размеры отщепов довольно сильно варьируют. Однако если учитывать только целые и почти целые экземпляры (всего 255 экз., 66,1%), включая некоторые хорошо определимые отщепы, пре-

вращенные в орудия, то четко прослеживается, что в индустрии приблизительно в одинаковых пропорциях представлены как мелкие (длиной от 1 до 5 см), так и крупные (длиной больше 5 см) отщепы. Ударная площадка на подавляющем большинстве отщепов (она сохранилась на 246 экз.) лишена каких-либо признаков обработки и представляет собой остаток поверхности плитки, покрытой выветрелой коркой. Преобладают первичные и полупервичные отщепы. Вместе с тем большинство отщепов отнюдь не бесформенные. Выразительными сериями представлены отщепы подчетырехугольной, подтреугольной и овальной формы. При этом многие из них имеют параллельную и конвергентную, а также разнонаправленную огранку спинки. Обращает на себя внимание также наличие в индустрии стоянки отщепов особо крупных размеров длиной больше 10 см (12 экз.). Эти отщепы использовались в качестве заготовок для крупноразмерных орудий и как готовые орудия, очевидно, специального назначения. Таким образом, несмотря на использование в индустрии стоянки неподготовленных нуклеусов, расщепление их было осмысленным и нацелено на изготовление отщепов более или менее правильной формы и разных размеров.

Индустрия стоянки характеризуется большим количеством и разнообразием орудий с вторичной обработкой. Они составляют 54,2% всего инвентаря стоянки. При этом 30,6% орудий изготовлено из отщепов. Подавляющее большинство орудий крупные (5–10 см) и особо крупные (крупнее 10 см) (всего 76,3%). Мелких (меньше 5 см) и мельчайших (меньше 3 см) орудий 23,7%. Орудия имеют разную степень обработки и морфологической выраженности, что учитывается при их классификации. Наиболее многочисленными являются простые орудия, такие как обломки плитчатых отдельностей доломита с частичной обработкой и частично обработанные отщепы. Они составляют почти половину (48,3%) всех орудий. Вместе с тем индустрия содержит и другие орудия, включая сложные. Хорошо представлены чопперы (10,1% всех орудий) разных размеров и пропорций, преимущественно односторонние, и с различной конфигурацией рабочего лезвия. Выделяются чопперовидные скребла (3,6%). Лезвия этих орудий, в отличие от чопперов, оббиты более интенсивно мелкими сколами. Имеются характерные нуклевидные скребки (2%) и многочисленные весьма разнообразные скребла (9,9%). Обращают на себя внимание выразительные пики нескольких типов (3,1%), а также единичные кливеровидные орудия и частичные бифасы. Сериями представлены другие орудия, такие как остроконечные орудия, орудия с шипом, скребки, провертки, проколки, зубчатые и выемчатые орудия и некоторые другие.

Технология обработки камня и типология изделий индустрии стоянки Родники-1 в целом отвечают технологическим и типологическим критериям олдована в понимании этого культурно-хронологического подразделения М. Лики (Leakey, 1971; 1975), Х.А. Амирханова (2008; 2012) и А. де Люмлея с соавторами (Lumley de, Barsky, Cauche, 2009). Вместе с тем приведенные выше данные свидетельствуют об особенностях индустрии Родников-1 и отличиях ее от других олдованских индустрий сопредельных территорий.

Проследить аналоги индустрии стоянки Родники-1, помимо сходных с ней индустрий ряда других олдованских местонахождений Таманского полуострова, в настоящее время довольно трудно. Было бы интересно сопоставить ее в первую очередь с олдованскими индустриями, ставшими известными сейчас в восточной части Северного Кавказа в горном Дагестане. Однако, к сожалению, это пока невозможно по причине отрывочности опубликованных сведений об этих индустриях. Между тем сравнение индустрии Родников-1 с хорошо опубликованной и более древней индустрией стоянки Дманиси в Южном Закавказье на территории Грузии показывает как сходство, так и различия этих индустрий. Сходство проявляется главным образом в технологии первичной обработки камня. Индустрия Дманиси основывалась на другой сырьевой базе. Исходным сырьем в ней служили исключительно местные речные гальки различных вулканических и метаморфизованных пород. Несмотря на это, как и в Родниках-1, в этой индустрии широко использовалась разбивка исходных отдельностей сырья с целью получения обломков. Поскольку разбивались гальки, использовались каменные наковальни в виде таких же, но более крупных галек (Lumley de et al.,. 2005; Jöris, 2008). Мно-

гочисленны в индустрии Дманиси и нуклеусы. Как и в Родниках-1, они неподготовленные и слабо сработанные. Среди них много односторонних и двусторонних типов, в небольшом количестве представлены многосторонние нуклеусы (Lumley de et al., 2005). В Дманиси, в отличие от Родников-1, среди многочисленных отщепов преобладают бесформенные и преимущественно мелкие экземпляры. На многих отщепах имеются следы изнашивания в виде выкрашивания лезвий. При этом модифицированные отщепы (отщепы с вторичной обработкой) отсутствуют. Орудия представлены сравнительно немногочисленными чопперами, преимущественно односторонними. Все это дает основание исследователям считать, что главной целью обработки камня в индустрии Дманиси было изготовление мелких отщепов, которые и служили в качестве различных орудий. Столь выраженные архаичные признаки индустрии Дманиси позволили А. де Люмлею с соавторами атрибутировать ее как преолдован (Ibid.). В индустрии Родников-1 гораздо больше орудий с вторичной обработкой, и многие из них изготовлены из отщепов. При этом, наряду с простыми, представлены довольно сложные орудия, такие как пики разных модификаций и некоторые другие (Щелинский, 2010; 2013). Поэтому индустрия Родников-1, в отличие от индустрии Дманиси, выглядит существенно более развитой и может быть определена как развитой олдован.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Амирханов Х.А. Сравнительная типолого-статистическая характеристика инвентаря стоянки Мухкай I в Центральном Дагестане (по материалам раскопок 2007 года) // Ранний палеолит Евразии: новые открытия: Мат-лы Междунар. конф., Краснодар – Темрюк, 1–6 сентября 2008 г. Ростов-н/Д, 2008. С. 28–31.

Амирханов Х.А. Категория пика в технокомплексах олдована и раннего ашеля // РА. 2012. № 2. С. 5–14.

Додонов А.Е., Тесаков А.С., Симакова А.Н. Таманское местонахождение фауны млекопитающих Синяя Балка: новые данные по геологии и биостратиграфии // Ранний палеолит Евразии: новые открытия: Мат-лы Междунар. конф., Краснодар – Темрюк, 1–6 сентября 2008 г. Ростов-н/Д, 2008. С. 53–57.

Титов В.В., Тесаков А.С., Байгушева В.С. К вопросу об объеме псекупского и таманского фаунистических комплексов (ранний плейстоцен, юг Восточной Европы) // Палеонтология и стратиграфические границы: Мат-лы LVIII сессии Палеонтолог. об-ва при РАН (2–6 апреля 2012 г., Санкт-Петербург). СПб.: Изд-во ВСЕГЕИ, 2012. С. 142–144.

Щелинский В.Е. Памятники раннего палеолита Приазовья // Человек и древности. Памяти А.А. Формозова (1928–2009). М.: Гриф и К., 2010. С. 57–77.

Щелинский В.Е. Пики раннепалеолитической стоянки Родники-1 на Таманском полуострове // Зап. ИИМК РАН. 2013. № 8. С. 7–25.

Jöris O. Der altpaläolithische Fundplatz Dmanisi (Georgien, Kaukasus). Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2008.

Leakey M.D. Olduvai Gorge. Excavations in Beds I and II, 1960–1963. Vol. 3. Cambridge, 1971.

Leakey M.D. Cultural Patterns in the Olduvai Sequence // After the Australopithecines. Stratigraphy, ecology, and culture change in the Middle Pleistocene / Eds. K.W. Butzer, G.L. Issak. Paris, 1975.

Lumley de H., Barsky D., Cauche D. Les premières étapes de la colonisation de l'Europe et l'arrivée de l'Homme sur les rives de la Méditerranée // L'Anthropologie. 2009. № 113. P. 1–46.

Lumley de H., Nioradze M., Barsky D., Caushe D., Celiberti V., Nioradze G., Notter O., Zvania D., Lordkipanidze D. Les industries lithiques preoldowayennes du debut du Pleistocene inferieur du site de Dmanissi en Georgie // L'Anthropologie. 2005. № 109 (1). P. 1–182.

Shchelinsky V.E., Dodonov A.E., Baigusheva V.S., Kulakov S.A., Simakova A.N., Tesakov A.S., Titov V.V. Early Palaeolithic sites on the Taman Peninsula (Southern Azov Sea region, Russia): Bogatyri/Sinyaya Balka and Rodniki // Quaternary International. 2010. Vol. 223–224. P. 28–35.

Shchelinsky V., Tesakov V., Titov V. Early Paleolithic sites in the Azov Sea Region: stratigraphic position, stone associations, and new discoveries // Quaternary stratigraphy and paleontology of the Southern Russia: connections between Europe, Aftica and Asia: Abstracts of the International INQUA – SEQS Confeence (Rostov-on-Don, June 21–26, 2010). Rostov-on-Don, 2010.

Simakova A. Palynology study of the Early Pleistocene Bogatyri/Sinyaya Balka and Rodniki sites (Taman Peninsula, Russia) // The Quaternary of southern Spain: a bridge between Africa and the Alpine domain. Tarragona: Universitat Rovira i Virgili, 2009.

СЕКЦИЯ 2

КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В РАННЕМ ГОЛОЦЕНЕ - МЕЗОЛИТ, НЕОЛИТ, ЭНЕОЛИТ

КРЕМНЕВАЯ ИНДУСТРИЯ РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКОЙ ЕЛШАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЛЕСОСТЕПНОГО ПОВОЛЖЬЯ

© 2014 г. К.М. Андреев

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара
(*konstantin_andreev_88@mail.ru*)

Ключевые слова: ранний неолит, елшанская культура, кремневая индустрия, лесостепное Поволжье.

Резюме. В статье анализируется кремневая индустрия раннего неолита лесостепного Поволжья, определяется специфика ранних и поздних памятников. Обращается внимание на отсутствие генетической связи между мезолитом и ранним неолитом региона. Приводится аргументация в пользу среднеазиатского источника формирования раннего неолита. Определяется влияние обитателей Нижней Волги на поздний этап развития елшанской культуры и на развитой неолит лесостепного Поволжья.

Елшанская культура является одной из древнейших неолитических культур Восточной Европы. Согласно значительному массиву радиоуглеродных данных, время ее возникновения относится к началу VI тыс. до н.э. (Андреев, Выборнов, Кулькова, 2012). Визитной карточкой елшанской культуры является слабоорнаментировнная, профилированная, остродонная керамика, изготовленная из илистых глин, типология которой достаточно разработана. Это позволяет уверенно выделять елшанские керамические материалы из комплексов многослойных стоянок с нечеткой стратиграфией. В то же время ситуация с выделением типичных для елшанской культуры кремневых орудий и в целом с характеристикой ее кремневой индустрии является не столь благополучной и содержит большое количество проблемных моментов.

На большинстве стоянок раннего неолита лесостепного Поволжья елшанские материалы, главным образом керамика, выделяются типологически из смешанных комплексов. В то же время типологическое выделения ранненеолитического кремня затруднено в связи с ограниченным количеством чистых коллекций, а также генетической преемственностью в развитии неолитических культур региона. В связи с этим, при современном состоянии источниковой базы, удается наметить лишь наиболее общие черты в эволюционном развитии кремневой индустрии. В ходе типологического, стратиграфического и планиграфического анализа ранненеолитических комплексов, а также соотнесения полученных данных с результатами радиоуглеродного датирования удалось наметить основные этапы развития кремневой индустрии елшанской культуры. Для характеристики ранних этапов могут быть использованы комплексы стоянок Чекалино IV и Нижняя Орлянка II, а поздних кремневый комплекс стоянки Красный Горо-

док. Термин индустрия понимается в широком смысле слова как характерный набор инвентаря, повторяющийся в ряде комплексов (Деревянко, Маркин, Васильев, 1994. С. 94).

На первом этапе развития раннего неолита, на что справедливо обращал внимание ряд специалистов (Вискалин, 2007. С. 6), использовался низкосортный галечный кремень различных оттенков (красный, желтый, коричневый и др.). В то время как на втором этапе, в комплексе стоянки Красный Городок, преобладают орудия из серого валунного кремня хорошего качества, который также доминирует в материалах памятников со смешанным культурным слоем. Стоит отметить, что в развитом и позднем неолите региона появляются единичные орудия, изготовленные из кварцита не известные в раннем неолите.

На ранних памятниках елшанской культуры общая пластинчатость индустрии и количество орудий на пластинах колеблется около 10%. В то время как на стоянке Красный Городок процент орудий изготовленных на пластинах, по сравнению с орудиями на отщепах и сколах, превышает 30%. Примечательно, что наибольшее значение данный показатель имеет в комплексах стоянок со смешанным залеганием неолитических материалов, при доминировании посуды развитого и позднего неолита, достигая 50% и более. При этом на пластинах, не являющихся морфологически выраженными орудиями, на раннем этапе ретушь наносилась исключительно с дорсальной стороны, в то время как на поздних памятниках получает широкое распространение традиция ретуширования пластин с вентральной стороны.

Что касается орудий, то представленные на памятниках типы имеют сквозное бытование в раннем, а также развитом и позднем неолите региона. Среди нуклеусов наиболее распространенными являются аморфные и торцевые, также достаточно представительны фронтальные и пирамидальные. Скребки стоянок демонстрируют значительное типологическое разнообразие, показательным моментом является широкое распространение в комплексе стоянки Красный Городок концевых скребков на пластинах. Скобели являются довольно редкой категорией находок и представлены невыразительными экземплярами на отщепах с узкими и широкими выемками, реже, на пластинчатых заготовках с узкими выемками. Одной из наиболее массовых категорий являются рубящие орудия, преобладают топоры, изготовленные в технике двусторонней обивки, значительно уступают им в количественном плане долота и тесла. В то же время на ранних памятниках не выявлено орудий со следами шлифования, они единично встречаются в комплексе стоянки Красный Городок и начинают доминировать в развитом и позднем неолите региона. Перфораторы/проколки рассматриваемых памятников представлены в ограниченном количестве срединными формами на отщепах, пластинах и продольных сколах. Наконечники представлены изделиями листовидной формы с частичным ретушированием боковых граней, пера и насада, также к раннему неолиту могут относиться черешковые наконечники имеющие аналогичную обработку. Необходимо отметить, что наконечники изготовленные в технике двусторонней обивки выявлены лишь в комплексах памятников со смешанным культурным слоем и являются характерной чертой развитого – позднего неолита и энеолита региона. Среди ножей на ранненеолитических памятниках преобладают и представлены примерно в равном количестве прямолезвийные и саблевидные формы, менее распространены овальные ножи. Наконец, резцы на рассмотренных стоянках демонстрируют значительную типологическую вариативность, среди наиболее устойчивых форм можно отметить многофасеточные и угловые изделия.

Елшанская кремневая индустрия имеет ряд существенных отличий от мезолитических материалов региона, на что справедливо обращал внимание А.В. Вискалин (2008). Для мезолита характерна высокая пластинчатость индустрии и большое количество орудий на пластинах, а также использование высококачественного сырья. Общая пластинчатость мезолитических стоянок превышает 50%, при этом на пластинах изготовлено от 85 до 99% орудий (Ластовский, 2000). С обозначенным обстоятельством связана специфика типологического состава орудий, который находит мало точек соприкосновения с материалами ранних стоянок елшанской культуры.

Значительные различия в кремневых индустриях мезолитических и ранненеолитических комплексов подтверждают гипотезу о не местном происхождении елшанской культурной традиции в регионе. По мнению автора данной статьи, наиболее вероятным очагом неолитизации лесостепного Поволжья является Среднеазиатское междуречье – кельтеминарская культура. В то же время необходимо отметить, что кремневые комплексы обозначенных регионов имеют серьезные отличия, для Средней Азии характерна ярко выраженная пластинчатая индустрия (Холматов, 2004). Среди общих черт можно отметить, лишь доминирование на раннем этапе развития неолита в обоих регионах традиции ретуширования пластин с дорсальной стороны.

В этой связи необходимо отметить два обстоятельства. Во-первых, переселившееся в лесостепное Поволжье население не было знакомо с выходами качественного кремневого сырья позволяющего получать правильные пластинчатые заготовки. В этой связи примечательно присутствие в комплексах ранних стоянок елшанской культуры единичных орудий из не характерных для региона видов сырья (яшма, халцедон и др.), отличающихся тщательностью обработки, следов изготовления которых, в виде дебитажа, на стоянках не обнаружено, что свидетельствует об их привнесенном характере. Во-вторых, необходимо отметить, что кельтеминарская культура не однородна сама по себе, в ней представлено несколько локальных вариантов, керамика которых значительно различается типологически и лишь часть из них обнаруживает близость с посудой елшанской культуры (Холматова, 2012). В то же время ряд мезолитических комплексов Среднеазиатского междуречья обнаруживает значительную близость с материалами елшанской культуры, что проявляется, как в низком показателе пластинчатости индустрии и количества орудий на пластинах (ок. 15%), так и в типологической близости отдельных категорий артефактов обоих регионов (Холматов, 2000). Учитывая ограниченное количество исследованных ранних кельтеминарских памятников, есть определенная вероятность обнаружения кремневой индустрии близкой елшанской в ходе дальнейшего изучения неолита Средней Азии.

Увеличение пластинчатости кремневой индустрии елшанской культуры на поздних стоянках может быть связано с двумя обстоятельствами. Во-первых, с освоением ранненеолитическим населением качественных источников сырья в регионе, которое позволяло осуществлять правильное пластинчатое расщепление. Во-вторых, с влиянием носителей традиции накольчато-прочерченной орнаментации керамики Нижней Волги, в комплексах которых орудия из пластин составляют 60% и более (Юдин, 2004; Васильев, Выборнов, Козин, 1989). Примечательно, что с точки зрения типологии материалы южных регионов находят практически полные аналоги в керамических комплексах памятников развитого неолита лесостепного Поволжья, что подтверждает гипотезу о миграции нижневолжского населения в лесостепь на рубеже VI и V тыс. до н.э. В кремневой индустрии помимо увеличения количества орудий на пластинах с южным влиянием может быть связано распространение единичных геометрических микролитов (сегменты и трапеции), которые обнаружены в материалах памятников со смешанным культурным слоем и широко представлены в нижневолжском неолите.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андреев К.М., Выборнов А.А., Кулькова М.А. Некоторые итоги и перспективы радиоуглеродного датирования елшанской культуры лесостепного Поволжья // Изв. Самарского научного центра РАН. Т. 14; № 3. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2012. С. 193–199.

Васильев И.Б., Выборнов А.А., Козин Е.В. Исследование неолитической стоянки Каиршак III // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1989. С. 18–46.

Вискалин А.В. О хронологии и периодизации ранних этапов неолита Волго-Уральской лесостепи // Самарский край в истории России. Вып. 3. Самара, 2007. С. 4–13.

Вискалин А.В. Сравнительный анализ кремневого инвентаря позднемезолитических и ранненеолитических памятников Волго-Уральской лесостепи // Археология Восточноевропейской лесостепи. Вып. 2; Т. 1. Пенза: Изд-во ПГПУ, 2008. С. 74–88.

Деревянко А.П., Маркин С.В., Васильев С.А. Палеолитоведение: введение и основы. Новосибирск: Наука, 1994. 288 с.

Ластовский А.А. Мезолит // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. – Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000. С. 81–140.

Холматов Н.У. Мезолит низовьев Зарафшана // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 31. Самарканд: ИА АН РУз, 2000. С. 25–34.

Холматов Н.У. К хронологии кельтеминарских материалов староречий Зарафшана // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 34. Самарканд: ИА АН РУз, 2004. С. 17–24.

Холматова З.Н. Калтаминор сополлари (маҳаллий маданий вариантлар мисолида) // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 38. – Самарканд: ИА АН РУз, 2012. С. 106–110.

Юдин А.И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2004. 200 с.

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ГОРНОГО ТЕЧЕНИЯ РЕКИ БЕЛОЙ (ЮЖНЫЙ УРАЛ)

© 2014 г. Е.А. Ахметова

Научно-исследовательский центр «Наследие», Уфа (kryklya@mail.ru)

Ключевые слова: неолит, каменный инвентарь, горно-лесная зона Южного Урала, река Белая.

Резюме. В статье рассматриваются материалы неолита, полученные в ходе работ исследователей в горно-лесной зоне Южного Урала.

Горно-лесная зона Южного Урала протянулась с севера на юг на 600 км, ее ширина на севере составляет около 200 км, на юге сужается до 70–80 км. Высшие точки Южного Урала – горы Ямантау (1 638 м) и Иремель (1 582 м) (Физико-географическое районирование …, 1964; Кадильникова, 1983). Для Уральской горной страны характерен устойчивый тип ландшафта и практически не меняющийся на протяжении нескольких тысячелетий климат (Гареев, 2004. С. 54). С конца плейстоцена и до среднего голоцена большую часть территории горного течения р. Белая занимали лугово-степные растительные сообщества с небольшими колками березовых и липовых лесов. В позднем голоцене, как показали исследования в пещере Байсланташ, на данной территории преобладали березово-сосновые леса и лесные поляны с лугово-степной растительностью. Костные останки, найденные при раскопках пещеры, отражают один фаунистический комплекс, «связанный с большими площадями открытых биотопов» (Данукалова и др., 2002. С. 44; Котов, 2004. С. 36–55). Речная сеть горно-лесной зоны Южного Урала сформирована реками Белая, Инзер, Ай, Уфа, Юрюзань, Лемеза, Сим, Катав и их притоками.

В неолитическое время территория Южного Урала входила в две историко-культурные области: камскую и зауральскую. Камская культура распространяется в Прикамье, в низовьях Белой (стоянки Сауз, Кюнь), на реках Ик (стоянка Муллино) и Дема (стоянка Давлеканово). Зауральские памятники приурочены к озерам (Банное, Сабакты, Карабалыкты и др.), ручьям или небольшим рекам.

Одной из таких магистралей бала река Белая. Она берет начало между хребтами Аваляк и Урал-Тау в высокогорной части Южного Урала. Протяженность реки 1 434 км, все верхнее течение проходит внутри гор, на выходе из гор резко поворачивает на север и впадает в р. Каму. Межгорные долины узкие, высота террас, пригодных для обитания, – 5–7 м над ур. воды в реке. Река очень извили-

стая, местами образующая практически сходящиеся петли, изобилующая множеством мелких притоков (Марушин, 1997. С. 21–22).

Археологические исследования в верховьях реки проводились спорадически во второй половине XX в., разведывательные исследования – в 1961–1963 гг. под руководством А.П. Шокурова и Г.Н. Матюшина. Большой массив информации был получен экспедиционными исследованиями Ю.А. Морозова и В.Г. Котова в 1999–2003 гг. на затопляемых мысах в районе строительства Юмагузинского водохранилища.

Всего на территории горно-лесной зоны Южного Урала известны более 100 памятников с неолитическими и энеолитическими, а зачастую перемешанными материалами. Из них на берегах р. Белой располагаются 45 памятников мезолита–энеолита. Неолитические материалы найдены на 13 памятниках: Акназаровская, Бертрум-1, Азапкинская-1, Кутановская, Байназаровская, Старо-Мунасыповская, Кага-1, -2 (Безымянка), Нижне-Бельская-1, -2, Бельское-1, Максютовское-2, Каргисаар.

Как правило, памятники располагаются на наиболее удобные площадках, приподнятых над уровнем воды в реке на 4–6 м. Пещерные стоянки, гроты (за исключением Ташмуруновского) возвышаются над уровнем реки на 10–18, 40–50 м. Памятники в среднем имеют размеры до 1 500 кв.м. – от 200 х 10 до 30 х 30 м.

Ввиду специфики почвообразования, толщины почвенного покрова и малочисленности террас и долин, пригодных для проживания в горно-лесной зоне Южного Урала, многие памятники содержат материалы более поздних эпох. Чистых комплексов в пределах горно-лесной зоны Южного Урала на данный момент не обнаружено. Только на одном памятнике зафиксировано наличие наземных построек – на поселении Бельское-1. Условия относительной изоляции в горах Южного Урала могли способствовать сохранению специфических черт комплексов достаточно продолжительное время (Давыдова, 1992. С. 11; Савельев, 2004; Руденко, 2006. С. 322; Шитова, 1976. С. 93; Юсупов, 1992. С. 53).

Значительная часть материалов представлена малочисленными коллекциями, полученными путем сборов с поверхности с разрушенных памятников или из разведочных шурфов. С 13 известных памятников происходит всего 1 802 экз. каменных предметов неолитического времени. Относительно масштабные исследования проводились на Бельской-1 (Матюшин), Бертрум-1 (Морозов). Без учета материалов этих памятников известен лишь 371 предмет.

В пределах течения р. Белой в качестве сырья для изготовления каменных орудий использовались как принесенные, «импортные» породы (Зауралье, серая яшма и черный кремень), так и местные кремневые (породы плохого качества, трещиноватые, галечники) (Котов, 2004. С. 36–55). В качестве местного сырья использовались выходы кремня и окремненных пород, расположенных в непосредственной близости к местам стоянок и поселений (Мосин, 2006; Мосин, Никольский, 2005. С. 105).

На всех памятниках каменный инвентарь составляет подавляющую часть находок. Основные категории находок перечислены ниже.

Нуклеусы. Всего на памятниках верхнего течения р. Белой известно 15 нуклеусов и нуклевидных изделий. К неолитическому периоду относятся 7 нуклеусов (0,4% от общего числа предметов). При изготовлении нуклеусов использовалась яшма, халцедон. Размеры большинства: по длине небольшие – от 2,1 до 3,0 см. По типу преобладают призматические одноплощадочные, кроме того, в коллекции присутствует 2 плоских сработанных нуклеуса.

Отбойники. Шесть экземпляров (2,8%) из q-песчаника и кварцита найдены на нескольких стоянках: Азапкинской, Акаваз-1, Бертрум-1 и Бельское-1 (2 экз.)

Отходы каменной индустрии – 88% от общего количества каменных предметов. Среди них отщепы составляли 90%, куски и обломки породы – 6%, продольные и ребристые сколы – 1%. Кроме того, в коллекции присутствуют первичные сколы, обколотые гальки, ребристые пластины, пластинчатые отщепы. Размер отщепов и сколов варьируется между 0,5–1,0 и 1–3 см, присутствуют и более крупные отщепы, но их намного меньше.

Орудийный набор – 216 экз. (12% от общего числа предметов). Распределение по сырью:

преобладает яшма различных серых оттенков, кремень, галька кварц-песчаник, хрусталь. Заготовками для орудий были в 53% случаев отщепы, в 36% – пластины. Также использовали гальку, пластинчатые отщепы, плитки.

Пластины и сечения пластин – 32%. Из них: пластинки с ретушью (микролит) – 3 экз., пластины с ретушью – 4 экз., ребристая пластина с ретушью – 1 экз., одна пластина с выемкой. Ширина пластин – 0,4–0,7 и 1,0–1,3 см; длина – 0,7–2,5 см.

Скребки занимают 28% орудийного набора (61 экз.). 56 скребков изготовлено на отщепах. Скребло и скобель – по 1 экз.

Орудия, обработанные с двух сторон, составляют 20,8% от общего числа орудий (47 экз.). Из них 26 экз. – наконечники стрел, большей частью фрагментарные, листовидные. Фрагменты бифасов – 5 экз. Заготовки бифасов – 6 экз. Наконечники дротиков – 7 экз. Ножи – 2 экз. Наконечник копья – 1 экз. Шлифованные топоры – 2 экз. (Бельская-1)

Резцы – 5 экз. (двугранные, угловой и серединные), резчик – 2 экз. Одно острие и одна провертка.

Также в коллекции присутствует по одному экземпляру долотовидного орудия, грузила, ребристой пластины с ретушью, плиты-наковальни, штампа по керамике, комбинированного орудия.

Таким образом, можно отметить преобладание двухсторонней обработки орудий, фрагментарность бифасов и наконечников, сочетание отщеповой и пластинчатой техник, большой процент скребков, использование местного сырья и принесенного из Зауралья. Следует отметить, что часть исследователей относят кремневый инвентарь к камской культуре (Габяшев, 1976. С. 17; Гусенцова, 1981. С. 113–114), часть – к зауральской (Морозов, 1992. С. 5–23). В реальности комплексы, как правило, смешанные, поскольку пригодных для обитания площадок внутри гор мало, и они небольшие по площади.

Фрагменты керамики (466 фр.) найдены на стоянках Азапкинской-1, Бертрум-1, Нижне-Бельской-1 и -2, Кага-1. Выделяется несколько групп керамики.

1. Зауральская – Азапкинская (Шокуров, 1961. С. 52), Бертрум (Морозов, Котов, 2000. С. 14–15. Морозов, 2009. С. 90–107.), Кага 1. Основная примесь в керамическом тесте – тальк и песок. Среди зауральской выделяется ряд сосудов с прямым и слегка утолщенным по краю венчиком. Диаметр сосудов около 43 см, толщина стенок 0,6–0,7 см. С внутренней стороны стенок заметны заглаживания гребенчатым штампом. Орнаментация: штамп, средняя гребенка (7–10 зубцов) (толщина стенок 0,7 см), отпечатки «жучков» (толщина стенок – 0,9 см). С наружной стороны орнамент нанесен по всей поверхности вертикальными зигзагообразными отпечатками крупной гребенки. Ближайшие аналоги найдены на стоянке Березки (оз. Банное), датированной 7600±200 (ИГАН-218) (Матюшин, 1996. С. 63). Имеются сосуды с орнаментацией по шейке двумя рядами редко расположенных насечек. Ниже располагаются линии струйчатого орнамента. Толщина стенок 0,6 см Стенки прямые, дно заостренное, наружная поверхность заглажена гребенчатым штампом, характерным для памятников Зауралья – Карабалыкты-8А, Линевое.

2. Приуральская – ближайшие аналоги в камской керамической традиции. Памятники: Бельская-1, Кага-1.Оттиски зубчатого штампа (6–9 зубцов) и ямок (без жемчужин на внутренней части сосуда). Вертикальный зигзаг, срез венчика округлый, слегка отогнутый наружу, без утолщений (Шокуров, 1961. С. 15). Толщина стенок – 0,6 см. Венчик прямой, слегка утолщенный по краю, шейка почти не выражена. Большая часть фрагментов орнаментирована по всей поверхности вертикально расположенными зигзагами средней гребенки. Аналогичную керамику можно встретить в коллекциях с Юнусовского поселении (Матюшин, 1982. С. 221; Морозов, 1991). Наиболее близок он по технологии изготовления и орнаменту к посуде нижних слоев Давлеканово и Старой Мушты, Усть-Айского поселения, Муллино (6 300–6 100 л.н.) (Мосин, 2012. С. 73).

Подводя итоги, можно отметить, при отсутствии стратифицированных памятников и радиоуглеродных дат вопросы периодизации и хронологии памятников неолита–энеолита данного района являются наиболее проблематичными. Несмотря на то что на Урале для неолитических памятников известно около 300 радиоуглеродных дат (Там же. С. 71), для

р. Белой известна только одна дата – 7 140±170 (ГИН-10854), полученная из второго горизонта шурфа в пещере Байсланташ, содержащего материалы неолита (Данукалова и др., 2002. С. 41; Котов, 2004. С. 38). Несмотря на это, периодизация основывается на методе относительного датирования, в основе которого лежал сравнительный анализ данных стратиграфии, почвоведения, типологии кремневого инвентаря и керамического материала. Как показывает анализ керамического материала, долина р. Белой посещалась зауральским и приуральским населением. Памятники неолита, также как и энеолитические, характеризуются кратковременным периодом проживания (Мосин, 2008. С. 159–175). На это указывают не только небольшая площадь и неглубокий культурный слой, но и небогатый предметный ряд, отражающий, как правило, лишь одну-две стороны жизни древних обитателей горно-лесной зоны. На сегодняшний день известны стоянки с небольшим культурным слоем. Базовые поселения не выявлены. Главной проблемой региона по-прежнему остается недостаточная исследованность территории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Габяшев Р.С. Неолитические поселения Икско-Бельского междуречья // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья (неолит и бронзовый век). Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1976. С. 16–17.

Гареев Э.З. Геологические памятники природы Республики Башкортостан. Уфа: Тау, 2004. 296 с.

Гусенцова Т.Н. К вопросу о неолите Волжско-Уральского региона // КСИА. 1981. Вып. 165: Каменный век. С. 109–114.

Давыдова Г.М. Современное состояние проблемы уральской расы (по соматологическим материалам) // Материалы к антропологии уральской расы / Отв. ред. И.И. Гохман. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. С. 5–14.

Данукалова Г.А., Яковлев А.Г., Алимбекова Л.И., Косинцев П.А., Морозова Е.М., Еремеев А.А. Биостратиграфия четвертичных отложений пещер и речных террас широтного течения реки Белой // Экологические аспекты Юмагузинского водохранилища. Уфа: Гилем, 2002. С. 32–57.

Кадильникова Е.И. Ландшафтные исследования. Уфа: [б.и.], 1983. 85 с.

Котов В.Г. Исследование палеолитического слоя в пещере Байсланташ (Акбутинская). Предварительные итоги // Уфимский археол. вестн. Вып. 5. Уфа: Гилем, 2004. С. 36–56.

Марушин В. Где отдыхать уфимцам. Путешествия по рекам Белой и Юрюзани. Уфа: Принт, 1997. 250 с.

Матюшин Г.Н. Энеолит Южного Урала. М.: Наука, 1982. 328 с.

Матюшин Г.Н. Неолит Южного Урала. Предуралье. М.: Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1996. 201 с.

Морозов Ю.А. Научный отчет об археологических работах в Башкирском Зауралье в 1991 году. Уфа, 1991 // НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2а. Ед. хр. 51.

Морозов Ю.А. Материалы по каменному веку Уфимского плато // Материалы по археологии Южного Урала. Уфа, 1992. С. 5–23.

Морозов Ю.А. Каменные орудия с поселений в зоне Юмагузинского водохранилища // Уфимский археол. вестн. Вып. 9. Уфа: Гилем, 2009. С. 90–107.

Морозов Ю.А., Котов В.Г. Научный отчет об археологических работах в 1999 г. в зоне Юмагузинского водохранилища. Исследование археологических памятников в зоне затопления водохранилища. Уфа, 2000.

Мосин В.С. Мезолит – энеолит Южного Зауралья: Проблемы культурогенеза: дис. … д-ра ист. наук. М., 2006. 433 с.

Мосин В.С. Центральный Урал в IV–III тыс. до н.э. // Вопр. археологии Урала: Сб. науч. тр. Вып. 25 / Отв. ред. В.Т. Ковалева. Екатеринбург: Магеллан, 2008. С. 159–175.

Мосин В.С. Неолит Урала по радиоуглеродной хронологии // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб.: ИИМК РАН; Периферия, 2012. Кн. 2. С. 71–76.

Мосин В.С., Никольский В.Ю. Распространение кремнистых пород (силицитов) – сырья для изготовления орудий в каменном веке на Южном Урале // Изв. Челяб. науч. центра. Вып. 3 (29). Снежинск: Челяб. науч. центр УрО РАН, 2005. URL: http://csc.ac.ru/news/2005_3/

Руденко С.И. Башкиры: историко-этнографические очерки. Уфа: Китап, 2006. 376 с.

Савельев Н.С. Горы Южного Урала в эпоху раннего железа // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск: Рифей, 2004. 380 с.

Физико-географическое районирование Башкирской АССР. Уфа: Изд-во БГУ, 1964. 21 с.

Шитова С.Н. Сибирские таежные черты в материальной культуре и хозяйстве башкир // Этнография Башкирии. Уфа: Башкир. филиал АН СССР, 1976. С. 92–93.

Шокуров А.П. Научный отчет об археологической экспедиции в Белорезком, Бурзянском и Бакалинском районах БАССР. 1961 г. // НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 545.

Юсупов Р.М. Об уралоидном компоненте в антропологическом типе башкир // Материалы к антропологии уральской расы / Отв. ред. И.И. Гохман. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992.

НЕОЛИТ ЦЕНТРАЛЬНОГО И ВОСТОЧНОГО РЕГИОНОВ ЮЖНОГО КАВКАЗА

© 2014 г. Т.И. Ахундов

Институт археологии и этнографии НАН Азербайджана, Баку (t_akhundov@rambler.ru)

Ключевые слова: Южный Кавказ, неолит, шомутепинская традиция, гарабагский неолит, муганский неолит, металлургия, этнокультура, эпоха.

Резюме. Географическое и культурно-историческое понятия «Южный Кавказ» не однозначны. До недавнего времени проблема в изучении неолита на Южном Кавказе упиралась в практическое отсутствие памятников, относимых к этой эпохе. В настоящее время стало ясно, что причина такого положения в отнесении памятников неолита к эпохе энеолита. Южный Кавказ вообще не проходил стадии энеолита, и в этом регионе неолит непосредственно сменяется эпохой бронзы. В настоящее время на Южном Кавказе выделяются три неолитические традиции, каждая из которых имеет свой ареал.

Географическое понятие «Южный Кавказ» охватывает всю территорию, расположенную между Большим и Малым Кавказскими хребтами. Но оно не соответствует культурно-историческому понятию «Южный Кавказ», которое охватывает лишь центральный (т.е. Восточную Грузию и Западный Азербайджан) и восточный регионы географического понятия «Южный Кавказ», а также часть географического Северо-Восточного Кавказа.

Основой для такого разделения служит археологический материал, показывающий, что как минимум с эпохи неолита культурно-историческое развитие в Западной Грузии проходило вне контекста аналогичных процессов на остальной территории Южного Кавказа. Граница между ними пролегала приблизительно по Сачхерскому хребту. И наоборот, часть территории Северо-Восточного Кавказа, ограничиваемая на севере приблизительно районом города Дербент, в культурно-историческом развитии этого времени развивалась в южнокавказском контексте. В свете сказанного, далее, говоря о культурно-историческом понятии «Южный Кавказ», мы подразумеваем его центральный и восточный регионы и частично Северо-Восточный Кавказ.

До недавнего времени проблема изучения эпохи неолита в ареале культурно-исторического Южного Кавказа во многом практически упиралась в отсутствие памятников, относимых к этому периоду, что выглядело несколько странным на фоне наличия неолитических традиций в сопредельных регионах. В чем же была причина такой ситуации?

В середине XX столетия Б.А. Куфтин выделил оседло-земледельческую культуру ку-

ра-араксского энеолита, представлявшуюся в то время древнейшей производящей экономикой Кавказа. Через некоторое время Осман Абибуллаев на южных подступах к Южному Кавказу, исследуя поселение Кюльтепе I у города Нахчыван, под кура-араксскими отложениями выявил еще более древние слои носителей производящей экономики. В начале он разделил их на два слоя, отнеся нижний к неолиту, а верхний – к энеолиту. Позже, в определенной степени под влиянием так называемого общего мнения, оба слоя были объединены в энеолитический. И проблема неолита опять повисла в воздухе.

Почти одновременно с О. Абибуллаевым, уже непосредственно на Южном Кавказе, в Мильской степи А.А. Иессен, а несколько позже на Гараязской равнине Идеал Нариманов также открыли до-кура-араксские памятники, которые также были отнесены к энеолиту. С этого времени куро-араксские памятники «автоматически» перешли в эпоху бронзы.

Эти представления почти безраздельно бытовали до начала XXI столетия, хотя сомнения об эпохальной принадлежности кура-араксской культуры уже высказывались Г.Л. Кавтарадзе. Свои сомнения в эпохальной принадлежности как «энеолитических», так и кура-араксских памятников мы представили в ряде своих работ. В них мы пришли к выводу, что, во-первых, Южный Кавказ вообще не знал эпохи энеолита и все памятники данного региона, относимые к этой эпохе, фактически представляют археологические комплексы, соответствующие эпохе неолита. Во-вторых, поддерживая мнение Г.Л. Кавтарадзе, мы разделили эпохальную принадлежность кура-араксской культуры на два этапа. Но, в отличие от него, первый этап отнесли не к эпохе энеолита, наличие которой в этом регионе мы отрицаем, а к эпохе неолита, и лишь второй этап отнесли к эпохе бронзы.

В последнее время в определенной степени под влиянием работающих на Кавказе зарубежных специалистов, все более преобладает мнение о принадлежности так называемых энеолитических памятников к эпохе неолита. Но, в отличие от нас, это обосновывается не характером археологических комплексов, а путем их искусственного удревнения, забывая при этом, что возраст памятника еще не показатель его техно-культурного уровня, определяющего его эпохальную принадлежность.

Начального или раннего этапа неолита на Южном Кавказе пока не найдено, хотя теоретически их наличие не исключается. Все известные нам памятники принадлежат к развитому и позднему неолиту и отчасти к памятникам перехода от неолита в бронзе.

Ареал расселения традиций развитого неолита на Южном Кавказе охватывает равнины между р. Кура и северо-восточными склонами Малого Кавказа, начиная с Борчалинской равнины на северо-западе до Мильской равнины на юго-востоке и далее, пересекая реку Араз, включает узкую подгорную полосу Восточно-Муганской равнины к северо-востоку от Талышских гор. В указанном ареале выделяются три этнокультурных образования развитого неолита, ареалы которых плавно переходят один в другой.

Борчалинская и Гараязская равнины на северо-западе ареала представлены шомутепинской традицией. Гарабагскую, Мильскую и Геянскую равнины в центре расселения носителей развитого неолита на Южном Кавказе занимали носители традиции Гарабагского неолита. И наконец, Восточно-Муганскую равнину на юго-западе ареала занимали носители традиции Муганского неолита.

Наряду с определенными различиями, видимо, отражающими их этнокультурную составляющую, все три указанные традиции имеют немало общего, связанного с их эпохальной и геоклиматической близостью.

Все памятники представляют собой тепе – холмообразные возвышения, высотой от современного горизонта до 10 м, сложенные культурными отложениями. Приурочены к руслам небольших речек, многие из которых в настоящее время или пересохли, или же полностью перекрыты поздними отложениями. Площадь этих тепе колеблется приблизительно от 0,3 до 6,0 га.

Много общего и в строительной технике, и в архитектуре этих поселений. Все они возводили строения из сырцового кирпича. Строения в основном, круглого плана, но по мере продвижения на восток все больше появляют-

ся прямоугольные строения, что, возможно, связано с хронологическим местом традиции и отдельных ее памятников.

В то же время, указанные традиции распадаются на две части, в которой шомутепинская традиция по определенным показателям стоит особняком, тогда как традиции Гарабагского и Муганского неолита по многим показателям имеют много общего, хотя и не идентичны. В первую очередь, это различия в керамическом комплексе.

Для шомутепинской традиции, занимающей северо-западную часть ареала неолитических традиций на Южном Кавказе, ведущей является керамика, грубо формованная из глины с неорганическими примесями. Она буроватая, часто сильно закопчена. Вместе с тем имеется и небольшое количество керамики, формованной из глины с растительной примесью, которая и по другим показателям отличается от основной массы керамики шомутепинской традиции. При этом, по имеющимся на сегодняшний день данным, количество керамики с растительной примесью в ареале этой традиции с запада на восток увеличивается.

Керамика Гарабагского и Муганского неолита более высокого качества, в основном ангобирована и главное, в подавляющем большинстве формована из глины с растительной примесью. В то же время она различается между собой по ведущим формам, обработке их поверхности и наличием свойственных каждому из этих традиций элементов керамической продукции.

На исследованных поселениях шомутепинской традиции погребений не найдено. Исключение – одно погребение на поселении Бабадервиш, происхождение которого у самого исследователя вызывало сомнение. Такое положение привело к представлению, что носители этой традиции погребали своих покойников за пределами поселений. Эта версия в принципе допустима, но уверенно остановиться на ней можно будет после того, как будут найдены сами погребения. Пока такого не произошло, вопрос, что делали с покойниками, остается открытым и возможны другие интерпретации.

На одном из четырех исследованных поселений Гарабагского неолита на поселении Чалагантепе, были выявлены погребения его обитателей. Покойники погребены на разных участках и горизонтах культурных отложений, а в самом нижнем горизонте впущены в подстилающий материк. Они положены в различной степени скорченности и различной ориентации в неглубокие выемки, устроенные под полами помещений, между строениями, у оснований стен. В отдельных случаях поверх покойника вся могила посыпалась красной охрой, в нее клали скудный сопровождающий инвентарь. Встречаются могилы, в которых погребено два покойника – мужчина и женщина или женщина с ребенком, или даже три – мужчина, женщина и ребенок.

На обоих исследованных поселениях Муганского неолита – Аликёмектепе и Полутепе – выявлены погребения, идентичные по всем показателям погребениям Чалагантепе. Различие лишь в имеющемся в них погребальном инвентаре, что отражает близость генетических составляющих этих этнокультурных образований. В то же время налицо их принципиальное различие с носителями шомутепинской традиции. Это, на наш взгляд, показатель этнокультурного различия, связанного с генезисом их сложения. Указанную дифференциацию традиций развитого неолита на Южном Кавказе мы наблюдали при описании особенностей их керамических комплексов, которые сами по себе всегда являются этническим индикатором.

На основе сопоставительного анализа, сложившегося за многие годы в археологии, возраст традиций развитого неолита на Южном Кавказе мы определяем в рамках от рубежа VI–V по рубеж V–IV тыс. до н.э. Этот возраст подтверждают и некалиброванные радиокарбонные даты, полученные с их памятников.

С началом IV тыс. до н.э. на Южном Кавказе происходят перемены. Носители традиций развитого неолита сходят с исторической арены. Видимо, в значительной мере это было связано с климатическими изменениями, изменившими среду обитания, к которой была привязана их экономика, не сумевшая адаптироваться к новым условиям. В это время ареал неолитических традиций расширяет-

ся, осваиваются предгорья и горы Большого и Малого Кавказа. Южный Кавказ вступает в эпоху позднего неолита. Но это были другие этнокультурные образования, связь которых с предшествующим населением призрачна. К середине – началу второй половины IV тыс. до н.э. здесь появляются носители традиции, привнесшей на Кавказ металлургию, с приходом которых Южный Кавказ делает первый шаг в эпоху металла, причем с металлургией бронзы.

ВОЗНЕСЕНОВСКАЯ КУЛЬТУРА ПОЗДНЕГО НЕОЛИТА В ПРИМОРЬЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

© 2014 г. С.В. Батаршев

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток (batar1980@mail.ru)

Ключевые слова: Приморье, поздний неолит, вознесеновская культура, минералогенная керамика, органогенная керамика.

Резюме. Рассматривается проблема распространения в центральных и северных районах Приморья (юг Дальнего Востока) памятников вознесеновской культуры позднего неолита. Традиционно ареал этой культуры связывается с территорией Нижнего Приамурья, однако в настоящее время накопленные материалы позволяют включить вознесеновские комплексы в общую схему периодизации неолита Приморья.

Поздний неолит Приморья в настоящее время представлен многочисленными памятника зайсановской культуры (далее – ЗК). Активное накопление за последние два десятка лет новых источников позволило исследователям разделить эту культуру на ряд подразделений различного номенклатурного ранга (обзор имеющихся мнений см.: Крутых, 2011). Вместе с тем предложенные культурно-типологические схемы не охватывают всего многообразия известных комплексов позднего неолита Приморья. Так, в современной литературе высказываются предположения о сходстве материалов некоторых памятников Приморья с комплексами вознесеновской культуры (далее – ВК) Нижнего Приамурья (Клюев, Гарковик, 2002. С. 80; Клюев, Яншина, 2002. С. 77; Шевкомуд, 2004. С. 128, 139). Несмотря на это, вопрос о возможности вхождения территории Приморья в ареал распространения ВК предметом специального рассмотрения не становился. В то же время данная проблема вызывает особый интерес, т.к. верификация вознесеновских комплексов в Приморье ставит перед исследователями ряд новых аспектов в изучении неолита региона.

К настоящему времени в центральных и северных районах Приморья известно как минимум семь археологических памятников с материалом ВК. На четырех объектах проводились раскопочные работы (Анучино-14, Глазовка-городище, Дальний Кут-15 и Шивелаза), три поселения известны по результатам разведок (Афанасьевка-2, Зеленодольское-1 и Лаулинская скала-2). К сожалению, все памятники, на которых проводились раскопки, оказались многослойными, чистых комплексов ВК нигде не встречено. В вязи с этим выделение вознесеновского компонента из смешанных коллекций возможно только типологически по аналогии с материалами памятников Нижнего Приамурья. Наиболее яркими культурно-типологическими признаками обладает керамическая посуда, каменный инвентарь в данном отношении не так показателен.

Остатки сооружений изучены только на поселении Шивелаза, на нем как минимум два жилища мы можем отнести к ВК. Первая постройка представлена котлованом жилища

прямоугольной формы со столбовыми ямами и хозяйственной нишей в углу. Сверху это жилище прорезано котлованом более позднего сооружения, имеющего такую же прямоугольную форму. По центру последнего жилища расположено крупное очажное пятно, в стороне от него имеется еще два очага поменьше (Лынша, Тарасенко, Кузьмин, 2011. С. 203).

Предварительно керамику изученных поселений можно разделить на две группы.

Первая группа включает посуду, изготовленную из глиняного теста с минеральным отощителем (минералогенная традиция). Сосуды плоскодонные, простой ситулообразной формы, с выпуклым туловом и слегка отогнутым наружу венчиком. Стенки обрабатывались заглаживанием, в некоторых случаях покрывались ангобом красно-коричневого цвета. Венечные части оформлялись несколькими способами: первый – простая деформация края венечной ленты (утолщение, приострение, отгиб); второй – налеп к кромке венчика треугольного в сечении карниза; третий – прикрепление ниже кромки венчика валика треугольного или округлого профиля, в этом случае венчик приобретал характерную единицеобразную форму.

Орнамент наносился в двух зонах – венчик и тулово сосуда. Налепные детали венчиков могли украшаться оттисками наклонного гребенчатого штампа, горизонтальными линиями, выполненными прокаткой зубчатого колесика, кромки налепных валиков могли рассекаться округлыми вдавлениями. Ниже валика начиналось сплошное поле орнамента, покрывавшее большую часть тулова сосуда. Выделяются следующие композиции декора: поле из вертикального зигзага, нанесенного гребенчатым инструментом; поле из вертикальных или наклонных линий, выполненных оттисками гребенчатого штампа, наколами или прочерками острой палочки; поле из наклонных оттисков веревочного штампа, поверх которых нанесены широкие линии, образующие сложный криволинейный орнамент (в том числе спирали). Необходимо отметить, что криволинейные композиции наносились на сосуды, покрытые ангобом. Описанная керамика встречена на поселениях Дальний Кут-15 (Клюев, Гарковик, 2002. С. 73, 74. Табл. 4, *1–3, 5–9, 11–13*; Лынша, Тарасенко, Кузьмин, 2011. С. 204, 205, 217. Рис. 5; 6, *2, 6, 7*), Глазовка-городище (Коломиец, Афремов, Дорофеева, 2002. С. 153, 154. Табл. 7, *1–3*) и Шивелаза (Лынша, Тарасенко, Кузьмин, 2011. С. 215. Рис. 3, *9, 11, 12*). Сосуды с ангобом и криволинейным орнаментом известны пока только по материалам Дальнего Кута-15 (Клюев, Гарковик, 2002. С. 73, 74. Табл. 4, *12*).

Вторая группа посуды изготовлена из теста с органическим отощителем, в качестве которого использовались дробленые створки моллюсков (органогенная традиция). Формы сосудов в целом схожи с параметрами емкостей первой группы. Можно отметить, что сосудов второй группы наблюдается тенденция к большей структурированности тулова. Так, на памятнике Зеленодольское-1 обнаружен сосуд с высокими слабо профилированными плечиками, отделенными от придонной части четким перегибом. Венчики сосудов единицеобразные, оформлялись при помощи налепного валика, крепившегося чуть ниже обреза сосуда.

Орнамент, так же как и у керамики первой группы, наносился по венчику и тулову сосуда за исключением его придонной части. На венчиках грани налепных валиков рассекались округлыми или овальными вдавлениями, выше валиков прокаткой зубчатого колесика наносились две горизонтальных или несколько наклонных линий. На стенках сосудов фиксируется два варианта композиции декора. Первый вариант – под венчиком расположена узкая полоса из горизонтальных и наклонных линий, ниже – сплошное поле из узкого или широкого горизонтального зигзага. Керамика с таким орнаментом обнаружена на памятниках Анучино-14 (Клюев, Яншина, 2002. С. 72. Рис. 5. С. 74, 75), Глазовка-городище (Коломиец, Афремов, Дорофеева, 2002. С. 154. Рис. 7, *5, 8*) и Зеленодольское-1. Второй вариант – поле из плотного или широкого вертикального зигзага. Данный вариант композиции встречается на керамике поселений Афанасьевка-2, Глазовка-городище (Там же. Рис. 7, *7*), Дальний Кут-15 (Клюев, Гарковик, 2002. С. 75. Табл. 5, *1, 2*) и Шивелаза (Лынша, Тарасенко, Кузьмин, 2011. С. 205). В большинстве случаев орнамент наносился прока-

том зубчатого колесика или оттисками широкой гребенки, иногда – наколами.

Интерпретация описанных групп керамики невозможна без поиска аналогий с материалами поселений ВК, изученных в Нижнем Приамурье. Культурно-типологическая номенклатура вознесеновских комплексов наиболее полно разработана И.Я. Шевкомудом. В соответствии с ней, сосуды первой группы соответствуют гончарной традиции горинского варианта ВК, сосуды второй группы наиболее близки малогаванскому варианту ВК, ряд аналогий прослеживается и с посудой удыльского варианта (Шевкомуд, 2004). Близость проявляется в составах формовочных масс, морфологии и орнаментации сосудов. Можно найти и различия, однако на данный момент возможность проведения детального сравнительного анализа отсутствует из-за малочисленности приморских материалов.

Имеющийся корпус радиоуглеродных дат по памятникам Нижнего Приамурья достаточно четко описывает хронологические рамки вариантов ВК. Горинский вариант датируется в пределах 4,7–4,1 тыс. ^{14}C л.н., удыльский вариант – 4,4–3,7 тыс. ^{14}C л.н. и малогаванский вариант – 4,0–3,5 тыс. ^{14}C л.н. (Шевкомуд, Кузьмин, 2009. С. 13, 14). Приморские памятники ВК не имеют такой разработанной хронологии, количество выполненных дат в разы меньше. На Дальнем Куте-15 получено две даты – 3 695±49 л.н. (АА-79125), 3 600± 45 л.н. (СОАН-7190), которые по аналогии с хронологией памятников Нижнего Приамурья мы вправе отнести ко времени существования малогаванского варианта ВК. С поселения Шивелаза имеется четыре даты, самая древняя из них получена с пола нижнего жилища с минералогенной керамикой – 4 050± 40 л.н. (АА-79123). Вышележащее жилище с органогенной керамикой датируется 3 410± 80 л.н. (СОАН-7192). Кроме того, для неолитического горизонта этого памятника получено еще две даты, которые хорошо вписываются в хронологию ВК: 4 100±40 л.н. (АА-79124), 3 890±80 л.н. (СОАН-7187) (Лынша, Тарасенко, Кузьмин, 2011. С. 208, 209). Таким образом, имеющиеся данные позволяют в Приморье проследить схожую с нижнеамурской хронологию горинского и малогаванского вариантов ВК.

Для изучения хронологии комплексов ВК небезынтересен факт применения на вознесеновских сосудах в Приморье веревочного орнамента. Оттиски веревки, поверх которых нанесены криволинейные фигуры, встречены на сосудах с поселения Дальний Кут-15. Для ВК Нижнего Приамурья веревочный орнамент в целом нехарактерен, однако он является отличительной чертой раннего этапа гончарства приханкайского варианта ЗК. Памятники этого варианта распространены в юго-западном районе Приморья, их хронология укладывается в пределы 3,8–3,3 тыс. л.н. (Крутых, 2012. С. 151). Вознесеновские памятники появляются в Приморье примерно в это же время, причем носители ВК из долины р. Амур проникли вверх по р. Уссури как раз до северной и восточной границ распространения поселений приханкайского варианта ЗК. Логично предположить, что появление веревочного орнамента на сосудах ВК в Приморье происходит именно под влиянием зайсановской гончарной традиции.

Таким образом, в настоящее время у нас есть все основания включить в археологическую периодизацию неолита Приморья комплексы ВК. Данный вывод ставит перед исследователями целый ряд новых проблем, в числе которых изучение опорных памятников ВК в Приморье, определение степени сходства и различия комплексов ВК в Приморье и Нижнем Приамурье, уточнение культурно-типологических позиций археологических материалов и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Клюев Н.А., Гарковик А.В. Исследования многослойного памятника Дальний Кут-15 в Приморье в 2002 г. // Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии. Владивосток: ДВО РАН, 2002. С. 68–81.

Клюев Н.А., Яншина О.В. Финальный неолит Приморья: новый взгляд на старую проблему // Россия и АТР. 2002. № 3. С. 67–78.

Коломиец С.А., Афремов П.Я., Дорофеева Н.А. Итоги полевых исследований памятника Глазовка-городище // Археология и культурная антропология Дальнего Востока. Владивосток: ДВО РАН, 2002. С. 142–155.

Крутых Е.Б. Зайсановская культура: проблемы и концепции // Актуальные проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока. Уссурийск: Изд-во УГПИ, 2011. С. 223–229.

Крутых Е.Б. Зайсановская археологическая культура: проблема интерпретации // Россия и АТР. 2012. № 1. С. 139–154.

Лынша А.В., Тарасенко В.Н., Кузьмин Я.В. Новые данные по абсолютной хронологии археологических культур долины среднего Имана // Актуальные проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока. Уссурийск: Изд-во УГПИ, 2011. С. 199–222.

Шевкомуд И.Я. Поздний неолит Нижнего Амура. Владивосток: ДВО РАН, 2004. 156 с.

Шевкомуд И.Я., Кузьмин Я.В. Хронология каменного века Нижнего Приамуря (Дальний Восток России) // Культурная хронология и другие проблемы в исследованиях древностей востока Азии. Хабаровск: ХКМ им. Н.И. Гродекова; ХНЦ ДВО РАН, 2009. С. 7–46.

КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В НЕОЛИТЕ СРЕДНЕГО ПОСУРЬЯ[1]

© 2014 г. Н.С. Березина[1], А.А. Выборнов[2], А.И. Королев[2], В.В. Сидоров[3], В.В. Ставицкий[4]

[1]Чувашский государственный институт гуманитарных наук, Чебоксары (terra3@inbox.ru)
[2]Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара (vibornov_kin@mail.ru; arkorolev@gmail.com)
[3]Институт археологии РАН, Москва (gav-lupus@rambler.ru)
[4]Пензенский государственный университет, Пенза (stawiczky.v@yandex.ru)

***Ключевые слова**:* неолит, Среднее Посурье, археологические культуры, хронология.

Резюме. Материалы изысканий 2006–2012 гг. позволяют представить схему культурно-хронологического развития неолита в Среднем Посурье. Определяются направления и характер происхождения культур на данной территории. Выявляются специфические особенности процессов в неолите данного региона.

Вопросы культурных процессов в неолите Среднего Посурья возможно охарактеризовать на материалах комплекса памятников на р. Утюж, правого притока р. Сура. Их исследование в 2006–2012 гг. (Березина и др., 2007) позволило заложить основы культурно-хронологической характеристики региона.

На памятниках Молёбное Озеро II (однослойный) и Утюж I выделен пластинчатый кремневый комплекс, соотносимый с позднемезолитическими материалами русско-луговской культуры Среднего Поволжья. Дата (ГИН 8 240±220 л.н.) стоянки Мукшумская XVIII позволяет предположить время существования этих памятников второй половине VII тыс. до н.э.

Исследованы и наиболее древние неолитические памятники. В жилище стоянки Вьюново озеро I (Березина и др., 2013) и на поселении Утюж I выявлены материалы сходные с елшанской культурой. Общих черт (илистые глины в качестве пластического сырья, тонкостенность, заглаженность, остродонность, s-видная профилировка, сквозными отверсти-

1 Работа выполнена в рамках проектов РГНФ (№ 13-11-63005е(р)) и РФФИ (№ 14-06-0041).

ями по горловине, своеобразие кремневого инвентаря) больше, чем отличий (отсутствие «жемчужин», прочерченных линий и др.) от памятников лесостепного Поволжья. Получены на АМС даты по органике в керамике с Вьюново Озеро I (АА 7 222±58 л.н. и Poz 7 160±40 л.н.). На данном этапе исследования преемственность между позднемезолитическими и неолитическими комплексами не прослеживается. Вероятно, материалы стоянки Вьюново озеро I отражают процесс проникновения в последней трети VI тыс. до н.э. в Среднее Посурье лесостепного населения. На поселении Утюж I обнаружена сходная керамика, которая по нагару на АМС и по органике в керамике получила даты 6 500 ВР (Выборнов и др., 2013). Таким образом, елшанская керамическая традиция существует в Среднем Посурье до середины V тыс. до н.э. Вопрос дальнейшего развития елшанской традиции в регионе находится в стадии разработки (Ставицкий, Юдин, 2011). Возможно, ее продолжением являются комплексы, представленные залощенными прямостенными неорнаментированными сосудами с плоским дном и рядом ямок под венчиком. По ним получены даты со стоянок Утюж I (Ki 6 330± 90 л.н.) и Молёбное Озеро I (Ki 6 290±90 л.н.) (Выборнов и др., 2008). Интересны в этой связи округлодонные неорнаментированные сосуды со сверлинами на стенках со стоянки Черненькое Озеро. Нельзя не отметить находку венчика, сходного с сурской культурой.

На большинстве памятников выделены ранненеолитические комплексы с накольчатым орнаментом. На Черненьком Озере III найдена керамика не только аналогичная посуде II Щербетьской стоянки в приказанском Поволжье, но и развал крупного сосуда с коническим дном и рядами треугольными наколами в отступающей манере (Ki 6 190±80 л.н.), а также фрагменты с геометрическими узорами лесостепного типа (Березина и др., 2010). На полу одного из жилищ поселения Утюж I обнаружены плоскодонные сосуды с горизонтальными рядами треугольных наколов (Spb 6 015±150 л.н.) (Выборнов и др., 2014). Кроме того, на этом же памятнике представлена накольчатая керамика с конусовидным дном. На данном этапе исследований можно отметить, что памятники с накольчатой керамикой здесь датируются второй половиной V тыс. до н.э., и имеют близкие параллели в ранненеолитических комплексах как лесостепного Подонья и Поволжья, так и Марийского Поволжья и Примокшанья. Есть проявления контактов с льяловскими племенами, выраженное в синкретической накольчато – ямочной посуде.

Немногочисленные находки фрагментов с гребенчатой орнаментаций в традиции камской культуры отмечены при исследовании утюжского микрорайона (Утюж I, Молёбное, Вьюново и Чёрненькое Озеро). Это длинные тонкие оттиски гребенчатого штампа, образующие вертикальный зигзаг или горизонтальные ряды, разделенные короткими отпечатками. Днища округлые. Эти материалы находят аналогии в примокшанских древностях (Выборнов и др., 2006). Орнаментальный «шахматный» мотив , зафиксированный на керамике Черненького Озера III и Утюжа I имеет аналогии в материалах устья Камы и в верховьях Суры. Эти аналогии и дата по фрагменту с гребенчатым штампом с Молёбного Озера I (Ki 5 980±90 л.н.) позволяют говорить о бытовании гребенчатой традиции с рубежа V тыс. до н.э. до более позднего времени. Возможно, что эти признаки маркирует сложные процессы передвижения групп носителей гребенчатых традиций. Вероятно, сурско-мокшанские гребенчатые комплексы имеют более ранние датировки, чем комплексы Нижнего Прикамья, что свидетельствует об инфильтрации населения в восточном направлении. Найден один венчик с гребенчатым орнаментом и «воротничком», что отражает взаимодействие с населением лесостепных районов. Еще один сосуд имеет четкие признаки нижнедонской культуры.

На Утюже I исследовано самое северное поселение хвалынской культуры, которая распространена в степном и лесостепном Поволжье в первой четверти IV тыс. до н.э. (Моргунова и др., 2010). Здесь же изучено достаточно крупное и долговременное поселение с характерным набором каменных изделий (крупные пластины усиленного отжима, типичные скребки и острия на массивных сколах, мелкие пластины-вкладыши, а также несколько наконечников кельтеминарского типа и др.) и керамики. Жилища этого поселения были прорезаны постройками развитого

неолита льяловской культуры. Очевидно, что этот комплекс существовал до льяловского, в первой четверти IV тыс. до н.э. Возможным подтверждением этому может служить дата по нагару с ямочно-гребенчатой керамики (SPb 5 640±120 л.н.) Утюжа I, то есть вторая четверть IV тыс. до н.э. Нельзя исключать их определенное сосуществование, о чем свидетельствуют венчики с воротничковым утолщением на льяловской керамике.

На памятниках утюжского региона было исследовано несколько поселений с остатками жилищ и представительными комплексами ямочно-гребенчатой керамики (Утюж I, Вьюново I, II, Черненькое Озеро II и III и др.). Эта керамика, характеризуется простыми мотивами из одинарных и двойных рядов ямок, разделенных зонами оттисков наклонно и горизонтально поставленного гребенчатого штампа. Отсутствуют сложные узоры из оттисков гребенки и их сочетания (Кондратьев, 2008). Эта посуда датируется первой половины IV тыс. до н.э. (Выборнов, Кондратьев, 2009). Она находит аналогии в раннельяловской керамике Чувашско-Марийского Поволжья и, отчасти, в Примокшанье. Это указывает на исходный район ее появления в Среднем Посурье.

Таким образом, неолитизация в Среднем Посурье связана не с автохтонными процессами, а с проникновением из лесостепного Поволжья и продолжительным существованием елшанской традиции. В период бытования накольчатой традиции прослеживаются воздействия, как со Среднего Поволжья, так и с Верхнего Подонья. Южный вектор отражен и в появлении носителей хвалынской культуры с Верхней Суры. Северная составляющая представлена камской группой и льяловцами из Марийского Поволжья. Исследованные материалы не позволяют говорить о формировании и развитии на этой территории самобытной культуры. Очевидно, что Сура была своеобразным коридором, по которому шли передвижения носителей разных традиций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Березина Н.С., Вискалин А.В., Выборнов А.А., Королев А.И., Ставицкий В.В. Охранные раскопки многослойного поселения Утюж I на Суре // Самарский край в истории России. Вып. 3. Самара, 2007. С. 14–23.

Березина Н.С., Выборнов А.А., Кондратьев С.А., Шалапинин А.А. Черненькое озеро III – новый памятник каменного века в Среднем Посурье // Материалы по истории и археологии России. Т. 1. Рязань: Александрия, 2010. С. 61–75.

Березина Н.С., Выборнов А.А., Ставицкий В.В., Березин А.Ю. Ранненео-литическая стоянка Вьюново озеро I в Среднем Посурье // Тверской археол. сб. Вып. 9. Тверь: Триада, 2013. С. 195–201.

Выборнов А.А., Андреев К.М., Барацков А.В., Гречкина Т.Ю., Лычагина Е.Л., Наумов А.Г., Зайцева Г.И., Кулькова М.А., Гослар Т., Ойнонен М., Посснерт Г. Новые радиоуглеродные данные для материалов неолита – энеолита Волго-Камья // Изв. Самарского науч. центра РАН. Т. 16; № 3. Самара: СНЦ РАН, 2014. С. 234–242.

Выборнов А.А., Андреев К.М., Барацков А.В., Кулькова М.А., Кольцов П.М., Юдин А.И., Джалл Т., Гослар Т., Ойнонен М., Посснерт Г., Филиппсен Б. Новые данные по радиоуглеродной хронологии неолита лесостепного и степного Поволжья // Изв. Самарского науч. центра РАН Т. 15; № 5. Самара: СНЦ РАН, 2013. С. 254–260.

Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В., Березина Н.С., Вискалин А.В., Ставицкий В.В. Об абсолютном возрасте неолита Сурско-Мокшанского междуречья // Актуальные вопросы археологии Урала и Поволжья. Самара, 2008. С. 20–25.

Выборнов А.А., Кондратьев С.А. Новые радиоуглеродные даты по ямочно-гребенчатой керамике Среднего Поволжья // Изв. Самарского науч. центра РАН. Т. 11; № 6. Самара: СНЦ РАН, 2009. С. 282–284.

Выборнов А.А., Королев А.И., Ставицкий В.В. Неолитические материалы стоянки Озименки II в Примокшанье // Вопр. археологии Поволжья. Вып. 4. Самара, 2006. С. 113–120.

Кондратьев С.А. О своеобразии ямочно-гребенчатой керамики Верхнего Примокшанья и Среднего Посурья // Археология восточноевропейской лесостепи. Т. 1; Вып. 2. Пенза, 2008. С. 136–140.

Моргунова Н.Л., Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В. Хронологическое соотношение энеолитических культур Волго-Уральского региона в свете радиоуглеродного датирования // РА. 2010. № 4. С. 18–27.

Ставицкий В.В., Юдин С.О. Дискуссионные вопросы изучения каменного века Чувашского Посурья // Поволжские финны и их соседи в древности и средние века. Саранск , 2011. С. 27–30.

БОБОРЫКИНСКИЙ КОМПЛЕКС В НЕОЛИТЕ БАРАБИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ[1]

© 2014 г. В.В. Бобров, А.Ю. Юракова

Институт экологии человека СО РАН, Кемерово
(bobrov@kemsu.ru; yurakova_al@mail.ru)

Ключевые слова: неолит, боборыкинская культура, керамические традиции, культурное взаимодействие, Барабинская лесостепь.

Резюме. Неолит Барабинской лесостепи долгое время анализировался в рамках развития двух орнаментальных традиций – накольчато-прочерченно-ямочной и гребенчато-ямочной. В статье поставлен вопрос о характере взаимодействий с местным населением носителей боборыкинской культуры, первое поселение которой в регионе было открыто на памятнике Автодром-2, и последствиях появления здесь боборыкинцев для культурно-исторических процессов. Комплекс боборыкинской культуры рассмотрен авторами в качестве дополнительной линии развития барабинского неолита.

Знания о неолите Среднего Прииртышья и Барабинской лесостепи до настоящего времени базируются на периодизации 1970-х гг. (Генинг и др., 1970; Молодин, 1977). Но исследования последнего десятилетия внесли существенные дополнения в представления о неолите этих районов. В частности, была выделена артынская культура, а также комплекс боборыкинской культуры, ареал которой находится более чем в 450 км к западу отсюда, в Зауралье (Бобров, 2008; Ковалева, Зырянова, 2010; Зах, 2009. С. 150–180). Основанием для этих заключений явился анализ материалов памятника Автодром-2 в Барабинской лесостепи, открытого А.И. Соловьевым (Молодин, Новиков, 1998). Полевые работы экспедиции ИЭЧ СО РАН и КемГУ в 2003–2013 гг. позволили выявить в составе памятника боборыкинское поселение, получившее дополнительный индекс, – Автодром-2/2 (Бобров, Марочкин, Юракова, 2012). Оно занимает юго-западный участок (ок. 2 тыс. кв.м), на котором прослежено 19 западин от жилищ.

На боборыкинском поселении раскопано 1100 кв.м, включая остатки 12 жилищ. Формы и размеры жилищ различны: подпрямоугольные (6–10 х 5–8 м, глубина 0,4–1,0 м), округлые большие (d = 7–10 м, глубина 0,3–0,7 м) и округлые малые (d ≤ 4 м, глубина 0,4 м). Округлые котлованы преобладают. К сожалению, в условиях песчаного грунта не сохранились конструктивные элементы – следы входа, столбовых ям, кострищ. Все три вида жилищ известны на памятниках боборыкинской культуры, а разнообразие видов построек в пределах одного поселка отмечено для наиболее изученных боборыкинских памятников Зауралья – например, ЮАО IX (Алексашенко, Викторова, Панина, 1984).

*Каменный инвентарь (*ок. 3 тыс. экз.) свидетельствует о пластинчатом характере индустрии (рис. 1). Доля изделий, произведенных на пластинах, в 2,5 раза превышает кол-во орудий на отщепах. К первым относятся: пластины шириной 4–20 мм с ретушью (250) и без нее (554), перфораторы, острия (14), концевые скребки (65). Производство скребков преимущественно основано на отщеповых заготовках (354). Шлифованные орудия представлены сланцевыми топориками и теслами (14). Первичное расщепление характеризуют нуклеусы (26), желваки (11), отщепы пластинчатых и случайных форм (ок. 1,5 тыс.), в том числе первичные сколы. Специфику орудийного набора передают доминирующая роль вентрального ретуширования пластин по одному-двум маргиналам, наличие пластин со скошенным торцом, отсутствие

1 Исследование выполнено в рамках Госзадания № 2014/64.

бифасиальных орудий, наконечников стрел, стремление к экономии сырья, выраженное в переоформлении шлифованных сколов, сколов подживления, например, в скребки.

Показательно присутствие в коллекции двух керамических поперечно-желобчатых изделий («утюжков») ладьевидной и овальной форм (рис. 1, 29–30), один из которых украшен по боковому периметру продолговатыми наколами, аналогичными орнаментальным элементам некоторых сосудов (рис. 2, 12, 19).

Керамический комплекс (рис. 2) содержит свыше 4 тыс. фрагментов, в т.ч. из развалов сосудов, локализованных на полу жилищ. Все сосуды имеют плоское дно, сопровождающееся выступом-утолщением на ребре; придонная часть имеет вогнутый профиль; срез венчика почти всегда скошен вовнутрь и утолщен. В комплексе многочисленны примеры такого технологического приема, как обвязывание сосуда в зоне венчика шнуром из перевитых нитей, после обжига оставлявшего полые канальчики (рис. 2, 7, 8, 13). Орнамент, выполненный в накольчатой и прочерченной техниках, строится по принципу горизонтальной либо вертикальной зональности, иногда оба они совмещаются; композиция в ряде случаев включает нерегулярные узоры. Среди типичных узоров – треугольные и прямоугольные участки с разнонаправленной штриховкой или заполненные круглыми либо овальными наколами, зигзаги, углы, прямые линии, ниспадающие вершинами треугольники, участки прочерченной сетки. Часто «разделителями» служат вертикальные бордюрчики, заштрихованные либо вписывающие зигзаг. Характерны элементы обрамления – продолговатые наколы (т.н. «бахрома»). Декор разрежен и локализован в верхней и нижней трети поля, исключение составляет сосуд со сплошной орнаментацией внутренней и внешней поверхностей (рис. 2, 19). Большое разнообразие мотивов и их сочетаний придает коллекции сосудов ту самую стилистику «коллективной индивидуальности», которая признается характерной чертой боборыкинской традиции (Ковалева, Зырянова, 2010. С. 295).

Основанием для датировки комплекса служит стратиграфическая приуроченность находок на памятнике к слою белого песка с красным оттенком, тогда как залегание материалов позднеолитической артынской культуры (середина – конец V тыс. до н.э.) в большей степени связано с вышележащим слоем белого песка. Возраст поселка определяется в широких пределах – концом VI – первой половиной V тыс. до н.э., что согласуется с радиоуглеродной хронологией боборыкинских древностей Зауралья (Ковалева, Зырянова, 2011, табл. I).

Исследованное поселение на памятнике Автодром-2 ставит проблему о месте и роли комплекса данной культуры в культурно-исторических процессах развития неолита лесостепной Барабы.

Становление автохтонных традиций в Барабе на всем протяжении неолитического периода включено в общий ход длительного развития круга культур накольчато-прочерченной и гребенчатой керамики. Интенсивность социальных взаимодействий как нельзя лучше отражена в многокомпонентности и взаимной переплетенности технико-орнаментальных канонов (к примеру, в полуденских или кокуйских комплексах). Открытие боборыкинского комплекса в Барабе ставит вопрос о его возникновении и возможности гомогенного существования в инокультурной среде. Последнее исключается, т.к. одной из особенностей развития неолита Западной Сибири была повышенная роль межгруппового обмена, обусловленная необходимостью поставок каменного сырья (Бобров, 2012).

Импортный состав боборыкинского каменного сырья установлен. Его источники связаны с северными и центральными районам Казахстана (определение канд. геол.-мин. наук Н.А. Кулик); в этом же направлении выстроены и сырьевые связи населения артынской культуры. Характер боборыкинского культурного комплекса в Барабе, представленного сложившимися, типично зауральскими характеристиками организации жилого пространства, каменной и гончарных технологий, устанавливает факт его миграционного происхождения.

Наконец, к общей проблеме изучения неолита Западной Сибири относится проблема последствий и влияния боборыкинской традиции на тенденции историко-культурного

развития региона. Свидетельства взаимодействия боборыкинского населения с ближайшим культурным окружением устанавливаются исследователями в контексте обнаружения «гибридных» керамических форм на некоторых поселениях Зауралья (Ук VI, ЮАО IX). Плоскодонные профилированные формы посуды с гребенчатой орнаментацией известны в Северном Зауралье (амнинский тип), лесостепном Приуралье (поздненеолитический этап волго-уральской культуры), Северо-Восточном Казахстане (поселение Борлы).

Таким образом, открытие в Барабинской лесостепи поселенческого комплекса боборыкинской культуры диверсифицирует наши представления об историческом содержании неолитической эпохи на этом географическом пространстве. Развитие местных обществ накольчато-прочерченно-ямочной (артынской) и гребенчато-ямочной традиций требует специальных исследований в аспекте роли в этом процессе еще одной культурной линии, стадиально связанной с рубежом среднего – позднего неолита. Сказалось ли появление здесь боборыкинцев на паритете автохтонных разнокультурных групп населения? Этот вопрос пока остается открытым. Но то, что историко-культурные процессы в эпоху неолита на территории Барабы были более сложными и представлены двумя линиями развития, – факт несомненный.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексашенко Н.А., Викторова В.Д., Панина С.Н. Жилища Андреевского озера (IX участок) // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск: УрГУ, 1984. С. 15–32.

Бобров В.В. К проблеме культурной принадлежности поздненеолитического комплекса поселения Автодром-2 // Окно в неведомый мир. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. С. 110–113.

Бобров В.В. Некоторые аспекты исторических особенностей освоения Западной Сибири в эпоху раннего голоцена и палеометалла // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2012. Т. 11; Вып. 3: Археология и этнография. С. 113–118.

Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю. Поселение боборыкинской культуры Автодром-2/2 (северо-западные районы Барабинской лесостепи) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 3 (18). С. 4–13.

Генинг В.Ф., Гусенцова Т.М., Кондратьев О.М., Стефанов В.И., Трофимов В.С. Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири / Отв. ред. В.И. Матющенко. Томск: ТГУ, 1970. С. 12–51.

Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск: Наука, 2009. 320 с.

Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Неолит Среднего Зауралья: Боборыкинская культура. Екатеринбург: Учеб. книга, 2010. 308 с.

Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Радиокарбонные даты неолитических памятников Зауралья // Вопр. археологии Урала. Вып. 26. Екатеринбург; Сургут, 2011. С. 240– 242.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск: Наука, 1977. 173 с.

Молодин В.И., Новиков А.В. Археологические памятники Венгеровского района Новосибирской области. Новосибирск: НПЦ по сохранению ист.-культ. наследия, 1998. 140 с.

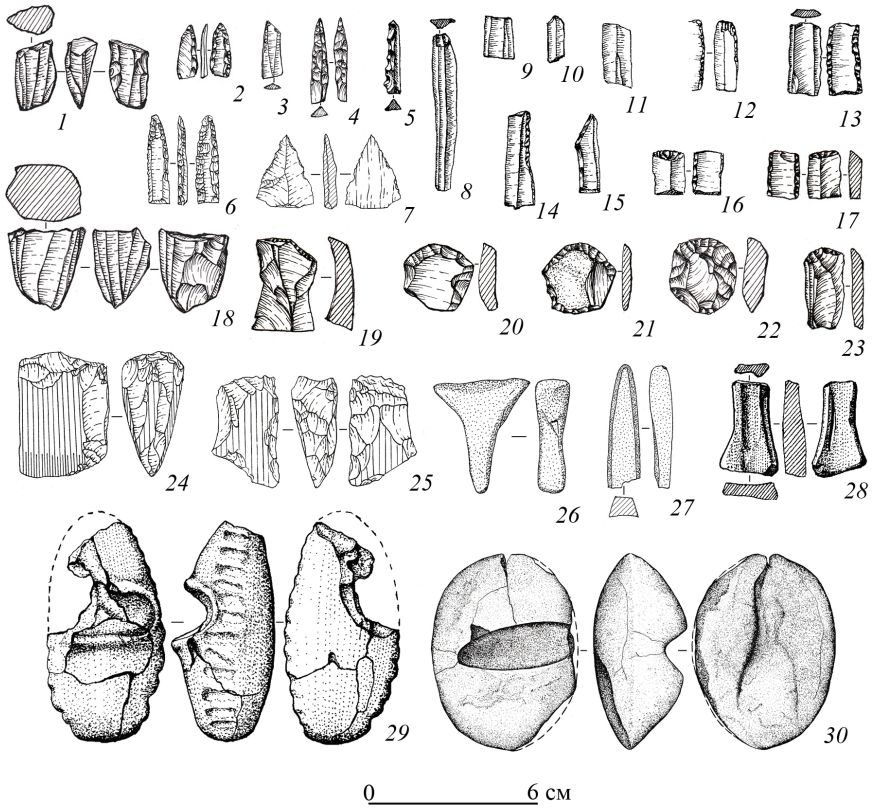


Рис. 1. Орудийный набор боборыкинского комплекса Автодром-2/2. *1–28* – камень; *29, 30* – керамика.

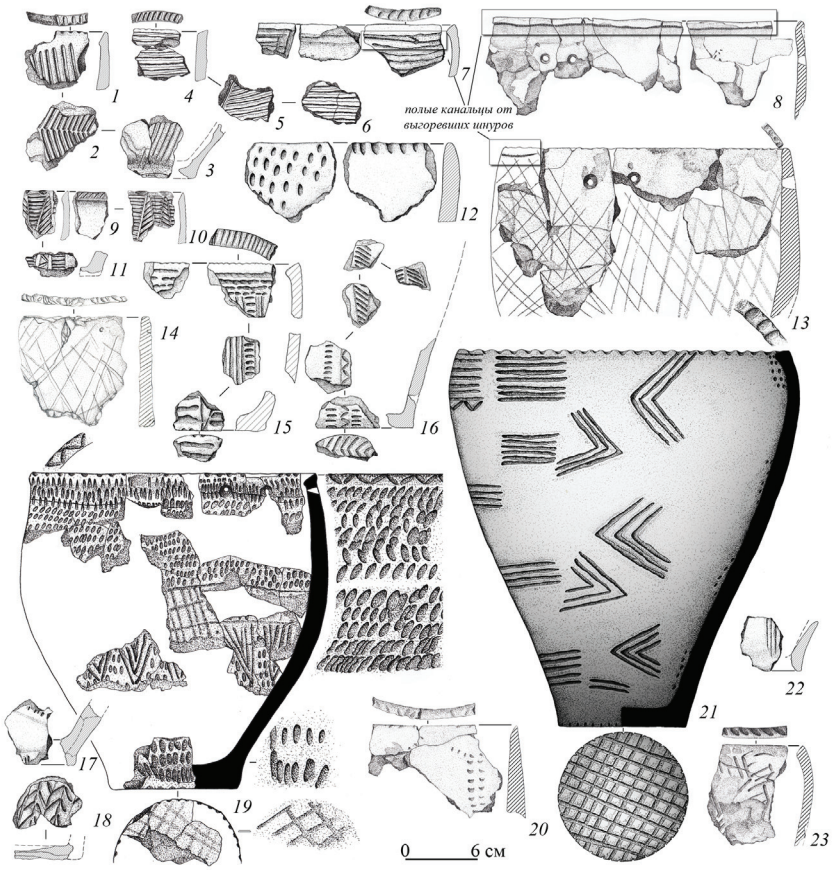


Рис. 2. Керамический комплекс боборыкинской культуры поселения Автодром-2/2.

ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ – САМЫЙ СЕВЕРНЫЙ АРЕАЛ УКРЕПЛЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ НЕОЛИТА И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ

© 2014 г. В.А. Борзунов

Уральский федеральный университет, Екатеринбург
(victor.borzunov@usu.ru)

Ключевые слова: Западная Сибирь, неолит, первая половина эпохи бронзы, укрепленные поселения.

Резюме. Выявлен ареал самых северных в Старом Свете укрепленных поселений, локализовавшихся в Западной Сибири между 55º10’ и 64º15’ с.ш. Обозначены два этапа их распространения, датированных VI–IV и первой половиной II тыс. до н.э. Представлена общая характеристика 10 таежных неолитических городищ и 35 укреплений тайги и лесостепи первой половины эпохи бронзы. Неолитические городища площадью от 260 до 1 900 кв.м расположены на мысах, краях террас и в глубине берега, защищены частоколами, бревенчатыми стенами и рвами. Они построены и, возможно, изобретены первобытными коллективами таежных рыболовов и охотников. Главная причина их появления – раздел и закрепление относительно свободных промысловых территорий в условиях притока нового населения с юга в период климатического оптимума и жесткой конкуренции между общинами. Энеолит в Западной Сибири был относительно мирным периодом. В начале эпохи бронзы, вследствие нового ксеротерма, активного освоения глубинных лесных территорий и передела промысловых угодий, в средней и северной тайге Приобья получают распространение большие (360–400 кв.м) одиночные, окруженные рвами бревенчато-земляные укрепленные жилища, прообразы которых появились в неолите. В лесостепи Тоболо-Иртышья в бронзовом веке возводятся первые береговые и мысовые городища площадью от 330 до 14 000 кв.м. Их строителями были пришедшие с юга и юго-востока степные скотоводческие коллективы и гетерогенные общины – потомки этих скотоводов и аборигенного населения края.

Усилиями нескольких поколений археологов в лесной полосе Западной Сибири выявлено не менее 45 укрепленных поселений и их прототипов, датирующихся концом каменного и первой половиной бронзового веков. На 30 памятниках проведены раскопки жилых площадок и отрезков оборонительных систем[1] (рис. 1). На соседних и более удаленных лесных территориях Севера Евразии неолитических городищ не обнаружено. Укрепления эпохи бронзы здесь единичны и встречаются только на южной кромке тайги и в лесостепи. Ближайший к Западной Сибири их ареал – степи Евразии.

По всей видимости, Западная Сибирь, по сравнению с сопредельными лесными территориями, обладала более богатыми пищевыми ресурсами (дичь, рыба, дикоросы) и потому была привлекательна для массового заселения с юга, особенно в периоды климатических оптимумов. Освоению глубинных районов тайги, несмотря на их большую заболоченность и труднопроходимость, способствовала разветвленная система рек и проточных озер, большей частью объединенных в Обской бассейн. Кроме того, в эпоху бронзы лесостепная периферия региона, благодаря миграциям на север степных скотоводческих коллективов, вступавших в контакты с аборигенами края – охотниками-рыболовами, превратилась в особую природно-экономическую «буферную»

1 Авторы раскопок и разведок: О.Н. Бадер, Ю.М. Баранов, А.Н. Бессмертных, В.А. Борзунов, Е.А. Васильев, В.П. Викторов, В.Ф. Генинг, И.Г. Глушков, Т.А. Горбунова, А.И. Готлиб, А.П. Зыков, Л.В. Ивасько, К.Г. Карачаров, О.В. Кардаш, В.Т. Ковалева, О.М. Кондратьев, С.Ф. Кокшаров, М.Ф. Косарев, Л.Л. Косинская, П.В. Миронов, В.М. Морозов, С.А. Мызников, А.И. Петров, А.А. Погодин, Т.М. Потемкина, Л.М. Терехова, И.В. Толпеко, А.Я. Труфанов, О.В. Рыжкова, А.С. Сергеев, А.Е. Старков, В.И. Стефанов, Н.К. Стефанова, В.Н. Чернецов, Н.В. Шатунов, В.Н. Широков, А.Ф. Шорин, А.Я. Щетенко, Я.А. Яковлев и др.

зону, оптимально приспособленную для ведения комплексного хозяйства.

В развитии древнейших (первобытных) укрепленных поселений лесной полосы Урало-Сибирского региона, в частности, Западной Сибири, можно выделить пять этапов: неолит (VI–IV тыс. до н.э.), ранняя – средняя бронза (XVIII/XVII–XIV вв. до н.э.), поздняя бронза (XII/XI–VIII вв. до н.э.), первая и вторая половины раннего железного века (VII–IV вв. до н.э.; IV/III вв. до н.э. – III в. н.э.)[2]. Они в основном совпадают с шестью «волнами» распространения укрепленных поселений в Старом Свете в VIII тыс. до н.э. – III в. н.э.

Ареал самых северных неолитических укреплений, а также их предшествующих форм охватывал западные области таежного Приобья между 56º40’ и 64º15’ с.ш. Таких памятников около десятка (рис. 1).

Укрепления небольшие (от 260 до 900 кв.м, реже – 1600–1900 кв.м), разнообразные и, вероятно, полифункциональные. Они располагались на мысах, краях террас и в глубине берега. С напольной стороны были защищены частоколами и бревенчатыми стенами, укрепленными в основании песчаной обваловкой («вал»), а также различной глубины внешними рвами, выкопанными в песчаных грунтах. В повседневной жизни эти рвы использовались как дренажные канавы. Мысы и террасы, на которых находились укрепления, невысокие (1,5–7,0 м). По этой причине поселки по склонам, со стороны водоема и поймы, по-видимому, также были защищены стенами, но более простой конструкции. Частокольные канавы вокруг древних таежных поселков прослеживаются крайне редко и характерны главным образом для неолита и средневековья.

Первые десять памятников представлены мысовыми одноплощадочными и, возможно, двухплощадочными городищами (Амня I, Имнъёган-2.1, Нёх-урий-3.3); одноплощадочными кольцевыми укреплениями с несколькими постройками на мысу (Большая Умытья-9, Полудёнка I) и гриве (Каюково-2); подпрямоугольного плана трехплощадочным укреплением в глубине мысовидного выступа (Большая Умытья-57); одноплощадочными укреплениями с одной небольшой жилой постройкой (укрепленные жилища первого типа) на стрелках мысов (Амня I – жилище № 1, Микишкино-5, Имнъёган-2.1 – постройка № 7); а также прототипами больших укрепленных жилищ второго типа на краю террасы (Быстрый Кульёган-66) и в глубине берега (Усть-Тара XXVIII). На городищенских площадках зафиксировано от одной до семи производственно-жилых построек: землянок и полуземлянок каркасно-столбовой конструкции с котлованами площадью от 13 до 72 кв.м. Рядом с укреплениями Амня I, Полудёнка I, Большая Умытья-9 и -57 обнаружены синхронные селища. При этом древнейшее городище севера Евразии Амня I демонстрирует постоянное совершенствование защитных систем и развитие поселка – от малого однодворного укрепленного жилища первого типа к «цитадели» с тремя постройками и «посадом», затем, возможно, к двухплощадочному городищу.

Самый большой в таежном Приобье неолитический поселок Чэс-Тый-Яг (1,314 га) – «островного» типа, не имел искусственных укреплений, но был защищен естественным образом. Его возвели на мысу коренного песчаного останца-островка, окруженного топкими болотами (бывший древний водоем). Из 20 выявленных здесь землянок все раскопанные (№ 3–5, 8, 10), площадью от 60 до 250 кв.м, функционировали, по-видимому, одновременно. С напольной стороны неолитического поселения Мергень-6 в лесостепном Приишимье выявлены отрезки рвов, которые авторы раскопок считают культовыми.

Судя по местонахождению городищ и обнаруженным на них материалам (керамика, орудия, отходы камнеобработки, остеологические остатки), это были центры общинных и, возможно, формирующихся племенных территорий, форпосты на новых освоенных землях, постоянные, а не временные убежища, стационарные круглогодичные поселения, места сосредоточения производственной, хозяйственной и культовой деятельности. Убедительных данных, что это были узкоспециализированные религиозные центры, пока нет. Разнообразие ранних лесных фортификаций при малом их количестве отражает попытки

2 Хронология этапов приведена в традиционной системе дат.

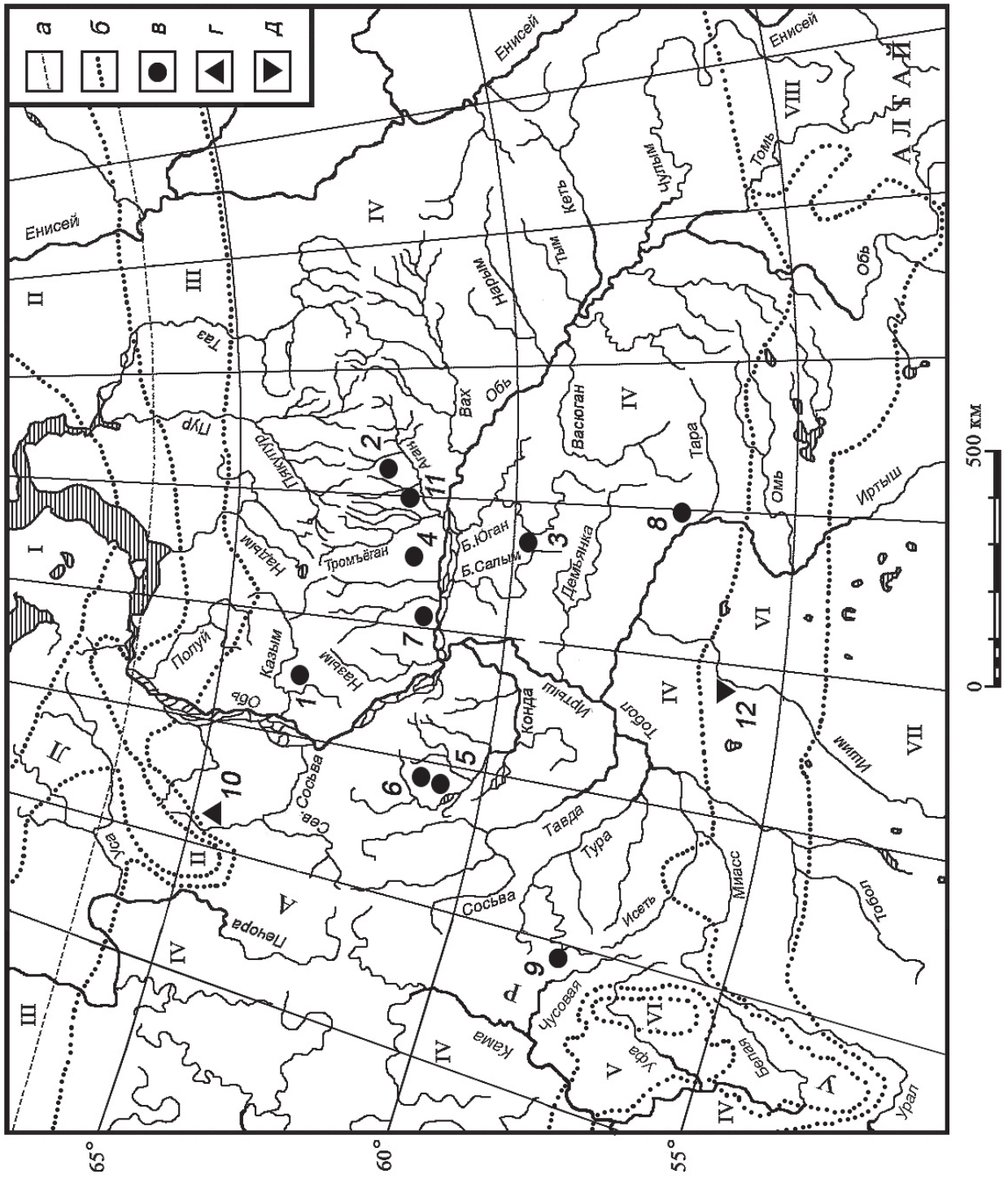


Рис. 1. Карта неолитических укрепленных поселений и их прототипов Западной Сибири и Зауралья. *1* – городище Амня I*; *2* – городище Имнъёган-2.1; *3* – городище Каюково 2*; *4* – поселение Быстрый Кульёган-66*; *5* – поселение Большая Умытья-9*; *6* – поселение Большая Умытья-57*; *7* – поселение Микишкино-5*; *8* – поселение Усть-Тара XXVIII*; *9* – поселение Полудёнка I*; *10* – поселение Чэс-Тый-Яг*; *11* – поселение Нёхурий-3.3; *12* – Мергень 6*. *а* – Северный полярный круг; *б* – границы современных природно-климатических зон (I – тундра; II – лесотундра; III – редколесье; IV – тайга; V – широколиственно-лесная; VI – лесостепь; VII – степь; VIII – горные районы); *в* – поселения с остатками фортификаций и дренажных систем; *г* – поселение на острове среди болот; *д* – поселение с культовыми (?) рвами. *Примечание.* Звездочками отмечены памятники, на которых закладывались раскопы или разведочные траншеи

создания – для каждой отдельно взятой территории – оптимального и нестандартного варианта обороны поселка. При этом поселка, защищенного не столько от диких животных, сколько от враждебного социального окружения.

Идея строительства укрепленных жилых и культовых центров, башенных построек и протогородов, зародилась в среде древних земледельцев Ближнего Востока и оттуда со временем распространилась в пределах почти всего Старого Света. Тем не менее, с большой долей вероятности можно утверждать, что западносибирские неолитические укрепления были основаны и даже, по-видимому, изобретены без внешнего влияния первобытными коллективами таежных рыболовов и охотников с керамикой амнинского, каюковского, сумпаньинского, быстринского, полуденковского и других типов. Главная причина появления таких поселений – раздел и закрепление относительно свободных промысловых территорий в условиях притока нового населения с юга в период климатического оптимума и жесткой конкуренции между общинами.

Энеолит в Западной Сибири (III тыс. до н.э.), отмеченный прохладным и влажным климатом (плювиал), скорее всего, был относительно мирным периодом. Его характерными чертами были расширение территорий, освоенных местными, пришлыми и гетерогенными коллективами, численный рост самих общин, совершенствование их орудийного комплекса и присваивающего хозяйства, увеличение количества стоянок и селищ на реках и озерах, постепенный переход к полуземлянкам как основному типу стационарных построек.

Укрепленные жилища в западносибирской тайге в это время были единичны (Волвонча I – ранний горизонт, возможно, Теплый Ручей). Редкие городища, по-видимому, доживали свой век только на востоке ареала (Имнъёган-2.1, Нёх-урий-3.3). Затем они исчезли и не появлялись в таежном Приобье до конца бронзового века. Причем никакой преемственности между городищами неолита и эпохи бронзы не наблюдалось.

Вторая волна строительства укреплений в Западной Сибири приходится – по местным меркам – на начало и середину эпохи бронзы[3]. Интересующие нас памятники выявлены между 55º10’ и 64º10’ с.ш. (рис. 2). При этом фиксируется существенное различие «оборонного зодчества» таежного Приобья и «градостроительства» населения лесостепных территорий Тоболо-Иртышья.

В средней и северной тайге Приобья в этот период местные общины охотников-рыболовов начали в массе возводить укрепленные жилища второго типа. Это большие (360–400 кв.м) одиночные бревенчато-земляные дома с неглубоким прямоугольным котлованом, окруженные валом и рвом, иногда с дополнительной защитной стеной. Синхронных селищ вокруг них не выявлено. Неукрепленные поселки – с обычными полуземлянками без рвов – находились на большом удалении от таких объектов. Открыто не менее 22 укрепленных жилищ, на девяти из которых (Волвонча I, Пашкин Бор I, Балинское 1, Быстрый Кульёган-38, Барсова Гора II/22, Моховая-8, Щетнмато-лор, Большая Умытья-28, Ендырское VIII – ранний горизонт) проведены раскопки (рис. 2). Прообразом этих «домов-крепостей» являлись окруженные рвами неолитические объекты типа Быстрого Кульёгана-66, Усть-Тары XXVIII и, возможно, Песиково-1.

Распространение этих специфических укреплений в первой половине бронзового века на севере и в центре западносибирской тайги не просто фиксировало очередной период военной напряженности и междоусобных войн, вызванных ростом населения. По всей вероятности, в это время закончилась эпоха первичного заселения Севера Западной Сибири (мезолит – энеолит) и произошел демографический взрыв, обусловленный явным прогрессом присваивающего хозяйства. В конечном счете, ситуация относительного перенаселения в лесном Приобье, усиленная притоком новых мигрантов с юга в условиях ксеротерма, привела к первому – после эпохи камня – масштабному разделу (местами переделу) промысловых угодий и началу широкого освоения глубинных территорий тайги, удаленных от крупных водных артерий. Центрами общин, закреплявших за со-

3 Согласно общей периодизации эпохи бронзы Евразии, предложенной Е.А. Черных, это начало позднего бронзового века (ПБВ I).

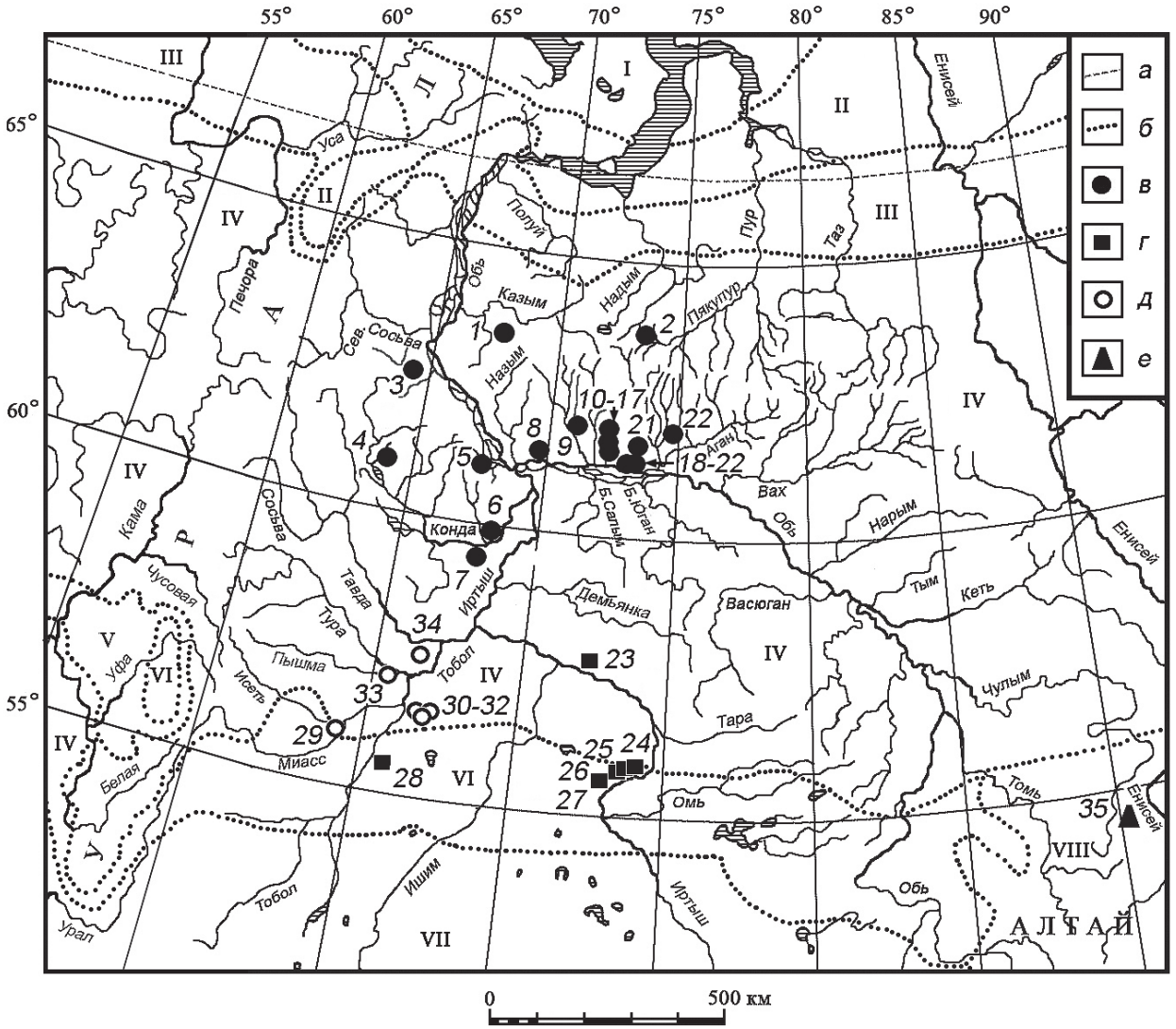


Рис. 2. Карта укрепленных поселений и их прототипов энеолита – первой половины бронзового века в Западной Сибири. *1* – Товгор-лор VI; *2* – Щетнмато-лор (объект 1)*; *3* – Теплый Ручей; *4* – Большая Умытья-28*; *5* – Ендырское VIII (ранний горизонт)*; *6* – Волвонча I (нижний и верхний горизонты)*; *7* – Пашкин Бор I (нижний и верхний горизонты)*; *8* – Балинское-1*; *9* – Песиково-1; *10* – Быстрый Кульёган-2; *11* – Быстрый Кульёган-38*; *12* – Быстрый Кульёган-40; *13* – Быстрый Кульёган-44; *14* – Быстрый Кульёган-73; *15* – Быстрый Кульёган-77; *16* – Быстрый Кульёган-100; *17* – Быстрый Кульёган-105; *18, 19* – Барсова Гора II/37 (объекты 1, 2); *20* – Барсова Гора II/22*; *21* – Моховая-8*; *22* – Нивагальское-20; *23* – Хутор-Бор I (ранний горизонт)*; *24* – Инберенское X*; *25* – Черноозерское I*; *26* – Черноозерское VI*; *27* – Сибирская Саргатка IV (ранний горизонт)*; *28* – Камышное II (ранний горизонт)*; *29* – Ташково II*; *30* – Заводоуковское VIII/1; *31* – Заводоуковское X (ранний горизонт)*; *32* – Заводоуковское XIII*; *33* – ЮАО XIII*; *34* – Иска III*; *35* – Чебаки (ранний горизонт)*. *а* – Северный полярный круг; *б* – границы современных природно-климатических зон (I – тундра; II – лесотундра; III – редколесье; IV – тайга; V – широколиственно-лесная; VI – лесостепь; VII – степь; VIII – горные районы); *в* – укрепленное жилище; *г* – городище; *д* – поселение с замкнутой («кольцевой») расстановкой жилищ вокруг относительно свободного центра; *е* – горное укрепление-*све*.
Примечание. Звездочками отмечены памятники, на которых закладывались раскопы или разведочные траншеи.

бой наиболее богатые рыбные и охотничьи угодья, по-видимому, были эти первобытные «крепости». Кроме того, такие сооружения олицетворяли собой явный прогресс в местном домостроительстве, одной из причин которого могло стать проникновение в лесную зону – от лесостепных племен – технологии и сырья для изготовления орудий из цветного металла. Впоследствии большие одиночные укрепленные жилища различных форм возводились в западносибирской тайге вплоть до позднего средневековья.

В западносибирской лесостепи первые укрепленные поселки появились, скорее всего, в результате «импульса» с юга. Причем как в результате прямого переселения отдельных скотоводческих коллективов на север, так и в процессе контактов лесостепных гетерогенных общин со скотоводами Урало-Казахстанских степей. Как известно, последний регион с конца III тыс. до н.э. вплоть до XV в. до н.э. являлся одним из центров строительства укреплений в Евразии. Прежде всего, круглоплановых и прямоугольных поселков с замкнутыми оборонительными системами, расположенными на берегах рек и коренных мысах. В пользу южного «импульса» в лесостепном «градостроительстве» говорят материалы, обнаруженные при раскопках древнейших городищ Тоболо-Иртышья. Это, прежде всего, керамическая посуда (петровская, алакульская, кротовская, черноозерская, андроновская федоровская, единично – импортная среднеазиатская), остеологические комплексы с большой долей костей домашних животных, планировка и элементы фортификаций Черноозерского I городища (глубокий ступенчатый ров, прямоугольная жилая площадка, выстроенные в линию четыре жилища с мелкими прямоугольными котлованами), а также колодец на селище рядом с городищем Инберень X.

Судя по керамике, большое (14 000 кв.м) мысовое городище Камышное II на р. Тобол являлось северным форпостом степных петровско-раннеалакульских племен. В то время как древнейшие в Прииртышье укрепления с керамикой кротовского типа (Черноозерское VI, Инберень X), по-видимому, маркировали северо-западную границу продвижения елунинских и близких им коллективов скотоводов и металлургов, пришедших из Верхнего Приобья. В состав населения более поздних городищ (Сибирская Саргатка IV, Черноозерское I) вошли потомки раннекротовского населения, а также мигранты из состава степных андроновских (федоровских) племен Северного и Восточного Казахстана. В целом же городища Среднего Прииртышья, расположенные у северной кромки лесостепи, являлись долговременными пограничными укрепленными центрами скотоводов, противостоявшими миру таежных охотников и рыболовов.

Все стационарно исследовавшиеся прииртышские городища относились к типу береговых и находились у края левой, более низкой (4–11 м), чем правая (около 25–30 м), коренной террасы Иртыша. Удаленность поселков от реки компенсировалась близостью к низкой обширной пойме Иртыша, более подходящей для разведения крупного рогатого скота, чем кручи правого берега.

Городища отличались размерами (от 330 до 800 кв.м), планировкой, жилищами, мощностью обороны, элементами защитных систем и прочими характеристиками. У всех их предполагается наличие синхронных или чуть более ранних селищ. По всей вероятности, данные объекты представляли собой укрепленные части более обширных поселков. Оригинальна миниатюрная «цитадель» городища Инберень X. Две трети территории ее прямоугольного, огороженного частоколом двора занимала большая двухкамерная жилая постройка. Это напоминает укрепленные дома второго типа западносибирской тайги. На трех других поселениях, прямоугольного и трапециевидного плана, судя по наличию многочисленных столбовых ям по периметру площадки и отсутствию частокольных канав, защитные стены были каркасно-столбовой конструкции.

Возможно, под воздействием лесостепных скотоводческих коллективов и в пику им на правобережье Иртыша одной из местных южно-таежных общин с керамикой степановского типа была возведена «пограничная» береговая крепость. От нее сохранился отрезок рва, обнаруженный при раскопках здесь поселений неолита – энеолита и жертвенного места поздней бронзы Хутор Бор-1.

В целом все рассмотренные выше городища и укрепленные жилища Западной Сибири характеризует деревоземляная оборонная и жилая архитектура.

Мы не имеем возможности рассмотреть феномен «круглоплановых» южно-таежных ташковских поселков Нижнего Притоболья начала эпохи бронзы, которые относим к одному из предшественников «кольцевых» укреплений. И только упомянем интересующие нас памятники энеолита – эпохи бронзы, открытые на соседних с Западной Сибирью территориях. В Среднем Прикамье и Среднем Поволжье это – поселения Астраханцевское и Галанкина Гора, характеризующиеся замкнутой расстановкой жилищ вокруг узкого незастроенного центра, а также мысовое Васильсурское II городище. В верховьях Иртыша (Восточный Казахстан) – городище рубежа средней и поздней бронзы Барашки-1 с элементами каменной оборонительной архитектуры. В истоках Чулыма и верховьях Енисея – оригинальные горные укрепления-*све* с каменными фортификациями (Устанах, Чебаки, Шишка, Чергатинская и др.) со слоями ранней и поздней бронзы, а также древнейшее равнинное укрепление бронзового века Тувы – Бажын-Алаакское (нижний горизонт).

КОМПЛЕКС АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ИЗ РАННЕГОЛОЦЕНОВОГО ГОРИЗОНТА МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ СОСНОВЫЙ МЫС (СЕВЕРНОЕ ПРИАНГАРЬЕ)[1]

© 2014 г. Е.Н. Бочарова[1], А.А. Тимощенко[2], Н.А. Савельев[2]

[1]Новосибирский государственный университет, Новосибирск (bocharova.e@gmail.com)
[2]Иркутский государственный университет, Иркутск (timoshenkoaleksey@bk.ru; archeolog@inbox.ru)

Ключевые слова: ранний голоцен, мезолит, Северная Ангара, Като-Ёдарминский р-н, стратиграфия, каменная индустрия.

Резюме. В статье приводятся сведения об исследовании ОАН Сосновый Мыс, где в ходе раскопок в 2011 г. был впервые зафиксирован реннеголоценовый горизонт, имеющий дату по ^{14}C 9 335±145 лет (СОАН-8648). Коллекция археологического материала представлена скоплениями кости и отходов каменного производства (преобладание отщепов), немногочисленной серией орудий. Комплекс горизонта IV ОАН Сосновый Мыс дополнил реестр раннеголоценовых объектов Северного Приангарья, которое до недавнего времени оставалось белым пятном на карте археологических объектов 11–8 тыс. лет.

В настоящий момент для территории Прибайкалья выделяется более 70 объектов позднепалеолитического – мезолитического возраста (Когай и др., 2008. С. 127). Для территории Северного Приангарья, на основе анализа археологического материала, стратиграфических наблюдений и данных геологического изучения, мезолитические комплексы были выделены на местонахождениях Усть-Кова, Чадобец, Игирма (Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988. С. 136). Эти объекты долгое время считались единственными опорными памятниками, содержащими раннеголоценовые комплексы. В последнее десятилетие, благодаря крупномасштабным раскопкам на территории, попадающей в зону затопления Богучанской ГЭС, реестр раннеголоценовых памятников был дополнен новыми объек-

1 Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 13-04-00070.

тами. В их число входит стояночный комплекс местонахождения Сосновый Мыс. Открытие и исследование новых объектов расширяют территорию обнаружения раннеголоценовых комплексов, а также смогут заполнить пробел в изучении путей взаимодействия древнего населения на рубеже плейстоцена и голоцена на территории юга Средней Сибири.

В географическом отношении местонахождение Сосновый Мыс находится в Северном Приангарье (Иркутская обл., Усть-Илимский р-н), на нижней оконечности о. Сосновый, в створе устьев рек Ката и Ёдарма (см. *рисунок, 1*).

Объект открыт и впервые исследован сотрудниками Северо-Ангарской экспедицией Красноярского краевого краеведческого музея под руководством Н.И. Дроздова в 1974–1975 гг. В результате исследований были вскрыты стояночный комплекс, в котором выделено три культуросодержащих горизонта, и могильник с погребениями неолитического периода и эпохи раннего железа (Дроздов, Привалихин, 1975; Дроздов, 1976). В 1982 г. на объекте проводил рекогносцировочные работы В.И. Привалихин (1998. С. 73–87) – на участке острова, определенного им как местонахождение Сосновый Мыс-2. В 1998 г. Нижнеангарским отрядом Иркутского государственного университета проводился визуальный осмотр объекта. В 1999 г. местонахождение Сосновый Мыс поставлено на учет в Иркутском областном органе охраны историко-культурного наследия. В 2007–2008 гг. рекогносцировочные работы на о. Сосновый были продолжены: уточнены границы ОАН и осуществлена GPS-привязка памятника (Роговской, 2009).

В 2011 г. силами 5-го Усть-Илимского отряда Богучанской археологической экспедиции была вскрыта площадь нижнего мыса ОАН Сосновый Мыс в объеме 1 000 кв.м. В результате работ в раскопе № 1 было выделено пять культуросодержащих горизонтов, среди них горизонт, который датирован ранним голоценом (см. *рисунок, 2*). По геологическим данным к.г. I датируется субатлантическим периодом (0,8–2,7 тыс. л.н.); к.г. II, II н. – суббореальным периодом (2,7–4,5 тыс. л.н.); к.г. III – атлантическим временем (4,5–8,0 тыс. л.н.); к.г. IV – предбореальный (9–11 тыс. л.н.) (периодизация приведена по схеме Г.А. Воробьевой (2010), разработанной для юга Средней Сибири).

Культуросодержащий горизонт IV залегает в слое бурого карбонатизированного суглинка мощностью 0,05–0,23 м, со следами криогенных нарушений в виде трещин и бугров пучения. Слой разбит многочисленными морозобойными трещинами, постепенно выклинивается в восточном направлении, наклонен в юго-западном направлении.

Количество находок не велико, кострищ не зафиксировано. Материал по слою располагается локальными скоплениями, которые зафиксированы в северной и западной частях раскопа. Среди них выделяется два массивных скопления – компактное скопление битой кости и отходов каменного производства. Стоит отметить, что подобная пространственная организация артефактов характерна для мезолитических горизонтов, где основной структурной организацией является скопление.

Коллекция к.г. IV насчитывает 559 единиц находок: каменные артефакты – 69 экз., из них орудия – 9 экз., отщепы – 54 экз., пластины – 4 экз.; кость – 526 экз.

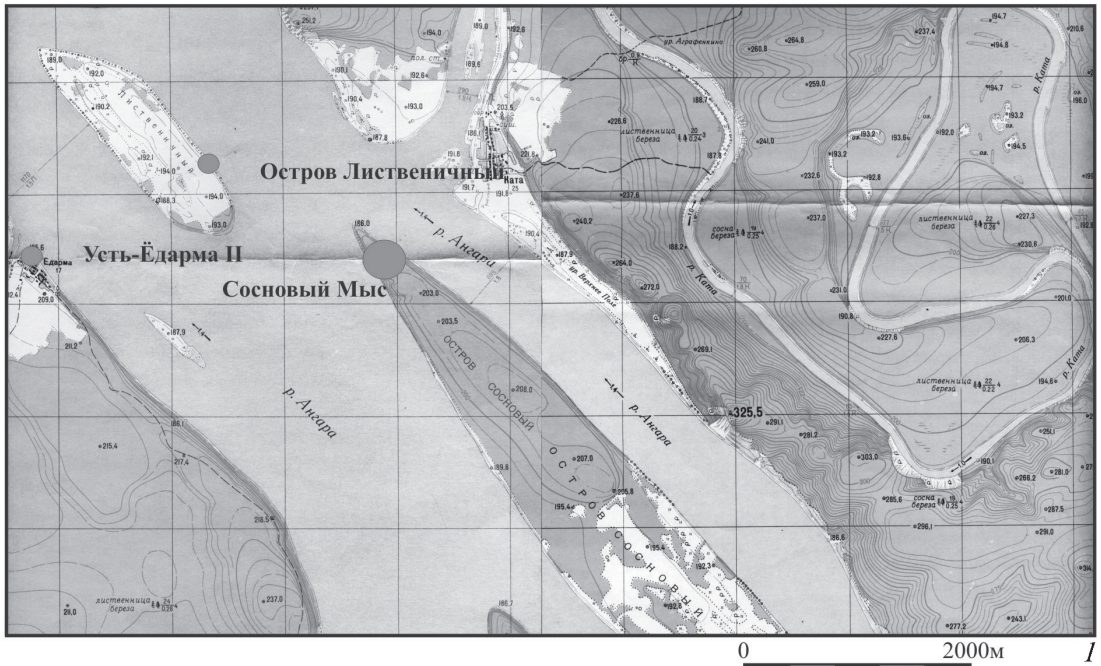
Орудийный набор представлен скребками (массивный двухлезвийный скребок на отщепе; концевой скребок на отщепе; двухлезвийный скребок на отщепе), комбинированными орудиями (концевой скребок/резчик на отщепе (см. *рисунок, 5*); нож/резчик на пластинчатом сколе), двумя обломками ножей на массивных отщепах, массивным бифасом из окремнелого дерева (см. *рисунок, 3*); нуклевидным оббитым желваком кремня; призматическим нуклеусом (см. *рисунок, 4*).

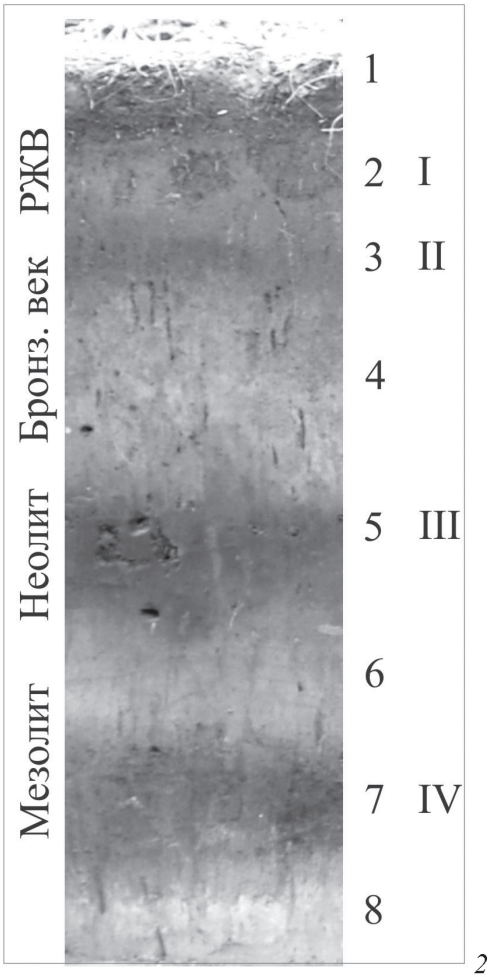
Фаунистические остатки представлены: 460 фрагментов неопределимых костей; 31 определимая кость (*Canis lupus* (волк); *Alces alces* (лось); *Cervus elaphus* (благородный олень); *Bos/Bison* sp. (крупный бык) (определения к.г.н. А.М. Клементьева)).

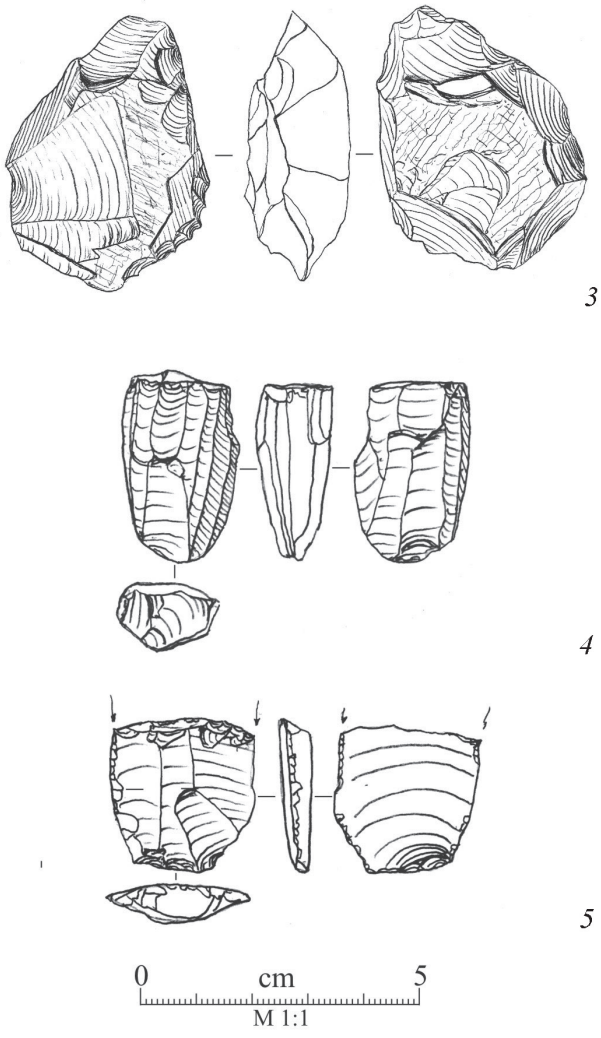
По фаунистическим остаткам для к.г. IV была получена дата 9 335±145 лет (СОАН-8648)[1].

Как упоминалось выше, в ходе спасательных работ Богучанской экспедицией ИАЭТ

1 Возраст рассчитан от 1950 г. Для расчета возраста использован период полураспада ^{14}C, равный 5 570 лет







Местонахождение Сосновый Мыс. *1* – схема расположения; *2* – стратиграфический разрез; *3–5* – археологический материал культурного горизонта IV.

СО РАН были выявлены раннеголоценовые горизонты на соседних объектах: остров Лиственичный (5-й к.г. – 8 575±120 лет (СОАН-8646), 8 480±135 лет (СОАН-8647) (Роговской, Кузнецов, 2013. С. 104), Усть-Ёдарма II (9-й к.г. – 8 200±110 лет (СОАН-8651) (Липнина, Лохов, Медведев, 2013. С. 85), Усть-Кеуль I (9-й к.г. – 10 005±190 лет (СОАН-8644); 11-й к.г. – 11 280±170 лет (СОАН-8643) (Новосельцева, Соколова, 2012. С. 141–144). Данные объекты, за исключением местонахождения Усть-Кеуль I, находятся в Като-Ёдарминском районе. Это зона Ангарского разлома, «в котором современное ложе р. Ангары и двух ее притоков (р. Ёдарма и р. Ката), образуют тектонический узел, выраженный речным расширением» (Липнина, Лохов, Медведев, 2013. С. 83). В связи с тем, что материалы этих местонахождений опубликованы не в полном объеме, проводить широкие аналогии в настоящее время пока не возможно.

В целом, изученные отложения ОАН Сосновый Мыс коррелируются с результатами работ, полученных при изучении раннеголоценовых комплексов на юге Средней Сибири: геологические наблюдения, ^{14}C-даты, аналоги в составе инвентаря (Горюнова, Савельев, 1990; Макаров, 2005). Полученные ^{14}C-даты позволяют говорить о синхронности заселения Като-Ёдарминского района с территорией Прибайкалья и Канско-Енисейской лесостепью (Казачка I, пещера Еленева, Улан-Хада, Усть-Белая и др.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильевский Р.С., Бурилов В.В., Дроздов Н.И. Археологические памятники Северного Приангарья. Новосибирск: Наука, 1988. 225 с.

Воробьева Г.А. Почва как летопись природных событий Прибайкалья: проблемы эволюции и классификации почв. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2010. 205 с.

Горюнова О.И., Савельев Н.А. Многослойная стоянка Улан-Хада // Стратиграфия, палеография и археология юга Средней Сибири. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1990. С. 127–133.

Дроздов Н.И. Северо-Ангарская экспедиция // АО 1975 года. М.: Наука, 1976. С. 237.

Дроздов Н.И., Привалихин В.И. Разведки на Средней Ангаре // АО 1974 года. М.: Наука, 1975. С. 203–204.

Когай С.А., Липнина Е.А., Медведев Г.И., Новосельцева В.М., Роговской Е.О. Проблемы позднего палеолита Байкальской Сибири // Тр. II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале. Т. I. М.: ИА РАН, 2008. С. 127–128.

Липнина Е.А., Лохов Д.Н., Медведев Г.И. О каменных топорах с «ушками» – цапфенных топорах Северной Азии // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Геоархеология, этнология, антропология. 2013. № 1 (2). С. 71–102.

Макаров Н.П. Хронология и периодизация эпохи неолита и бронзы Красноярской лесостепи // Изв. лаборатории древних технологий ИрГТУ. 2005. Вып. 3. С. 149–170.

Новосельцева В.М., Соколова Н.Б. Новые данные по геохронологии голоценовых комплексов многослойного геоархеологического местонахождения Усть-Кеуль I в Северном Приангарье // Евразия в Кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Вып. 1. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. С. 137–147.

Привалихин В.И. Сосновый Мыс-2 – новый разновременной могильник Северного Приангарья // Сибирский межмузейный сб. Красноярск: КККМ, 1998. С. 72–87.

Роговской Е.О. Отчет о рекогносцировочных научно-изыскательских археологических работах в Северном Приангарье. Зона затопления ложа Богучанской ГЭС // Архив ЦСН. 2009. Т. I. № 974/И.

Роговской Е.О., Кузнецов А.М. Наконечники гарпунов многослойного местонахождения Остров Лиственничный в Северном Приангарье // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Геоархеология, этнология, антропология. 2013. № 1 (2). С. 102–116.

О ДИНАМИКЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ В ВОЛГО-КАМЬЕ[1]

© 2014 г. И.Н. Васильева, А.А. Выборнов

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара
(in.vasil@mail.ru; vibornov_kin@mail.ru)

***Ключевые слова*:** неолит, гончарная технология, технико-технологический анализ керамики, радиоуглеродный анализ, елшанская, средневолжская и камская культуры.

Резюме. Доклад посвящен результатам комплексного изучения неолитической керамики Волго-Камья и реконструкции динамики распространения ранних керамических традиций в регионе.

Реконструкция динамики распространения ранненеолитических традиций в Волго-Камье базируется на результатах комплексного исследования. Оно включает морфологическую группировку сосудов на основе изучения техники нанесения орнамента и особенностей форм; анализ неолитической гончарной технологии; радиоуглеродное датирование культурно-хронологических групп керамики.

Изучение гончарной технологии проводится в рамках историко-культурного подхода по методике А.А. Бобринского. В разработке проблем зарождения и распространения ранненеолитических гончарных традиций основное внимание уделяется представлениям древнего населения о сырье. Особенности возникновения взглядов на конкретные природные пластические материалы как сырье для изготовления емкостей, выявленные в результате исследования ранненеолитической керамики, могут свидетельствовать о принадлежности древних гончарств Волго-Камья к разным центрам происхождения гончарства. Базу источников исследования составляют данные технико-технологического анализа более 3 тыс. образцов из 120 памятников неолита. Технико-технологический анализ керамики направлен на реконструкцию историко-культурного процесса. Однако, выявление его динамики возможно только при получении радиоуглеродных дат по керамике. К настоящему времени получено около 300 радиоуглероднных дат для различных типов неолитической керамики Волго-Камья. Они сделаны по известной методике (Выборнов, Ковалюх, Скрипкин, 2008) в лабораториях Киева и Санкт-Петербурга, а затем перепроверены по нагару на АМС за рубежом. Отмечено совпадение дат для серии памятников.

Радиоуглеродное датирование керамики позволило установить почти одновременное появление древнейшей керамики в двух ареалах Волго-Камья: в нижневолжском (Северный Прикаспий) и елшанском (Волго-Уралье). К настоящему времени имеются наиболее валидные даты по керамике и нагару: Каир-Шак III – 7 750±42 BP; Ивановка – 7 560±80 BP. Для первого ареала было характерно использование илов в качестве сырья для изготовления бытовой посуды, а для елшанского ареала – илистых глин. Архаичность характера илистого сырья в первом ареале может указывать на автохтонность зарождения гончарных традиций. Появление в Волго-Уралье елшанских традиций, находящихся на более высоком уровне эволюционного развития, чем одновременное гончарство неолитического населения Северного Прикаспия, позволяет предполагать их неместное происхождение.

Распространение североприкаспийских керамических традиций фиксируется материалами 3-го слоя Варфоломеевской стоянки и нижнего слоя Джангара. В период 7 600–7 200 BP территория ареала расширилась к западу, заняв правое побережье Волги, и к северу, охватив, по-видимому, все степное Поволжье.

1 Работа выполнена в рамках проектов РГНФ (№ 13-11-63005е(р)) и РФФИ (№ 14-06-0041).

Выявлена разнонаправленность тенденций эволюционного изменения представлений о сырье в среде населения разных районов. В Северном Прикаспии прослежена консервация навыков использования илов в гончарном производстве. Керамика поздненеолитической стоянки Тентексор (6 630±80 BP) изготовлена из такого же сырья, как и керамика более ранних стоянок этого региона (Васильева, 1999). В степном Поволжье происходил процесс постепенного изменения сырьевой базы и переход от илов к илистым глинам и глинам (причина – аридизация климата, высыхание традиционных источников сырья?). Переход к новому сырью сопровождался формированием традиции добавки в массы искусственной примеси дробленой раковины, обусловленным стремлением придать им привычные свойства и внешний вид илов. Данное заключение подтверждается изучением керамики стратифицированной Варфоломеевской стоянки, выявившим: 1) наличие наибольшего количества сосудов из ила в нижнем 3-м слое стоянки (21%); 2) полное изживание навыков использования илов к переходному периоду от позднего неолита к энеолиту (слой 1); 3) появление традиции дробления раковины и добавки ее в формовочные массы.

Для ранних гончарных производств елшанского ареала были характерны остродонные сосуды без орнамента или с ямочно-жемчужным пояском, изготовленные из илистых глин. Данная традиция бытовала в лесостепном Поволжье в 7 500–7 200 BP, а затем распространилась в Посурье (7 200 BP) и Примокшанье (6 900 BP), доживая здесь до 6 500 BP. В период 6 800 BP в среде елшанского населения появилась традиция изготовления плоскодонной посуды. Выделяются две группы населения, которые изготавливали керамику «елшанского» облика. Одна из них использовала илистые глины в качестве моносырья (к ней относится большая часть материалов Самарского Поволжья), а вторая добавляла к илистой глине минеральную дробленую примесь – шамот (Ивановка, Елшанка X, Вьюново озеро I). С точки зрения развития гончарства последняя традиция отражает существенное изменение в представлениях о пластичном сырье, следующий шаг в эволюции взглядов на илистое сырье по нисходящей линии – переход от моносырья к смеси сырья и искусственных добавок (Васильева, 2011). Керамика елшанского типа с шамотом датируется позднее ранней елшанской посуды, изготовленной без минеральных добавок на 200–300 лет (Ивановка: 7 780±90 – 7 680±90 л.н.). Эти факты указывают на эволюционные процессы в субстратных представлениях о сырье, аналогично тем, которые происходили в нижневолжском гончарстве, или на существование контактов елшанского населения с неолитическими коллективами исходных территорий и наличие нескольких волн миграции.

На рубеже VI–V тыс. до н.э. началась миграция нижневолжского населения в Среднее Поволжье. Она фиксируется по наличию в слоях Ивановской и Виловатовской стоянок тонкостенной плоскодонной керамики небольших размеров, изготовленной из ила и орнаментированной в геометрической стилистике, «отступающей палочкой» в технике накалывания с отступанием. Морфология и технология ее изготовления близки материалам орловской культуры степного Поволжья. Они не имеют признаков смешения с елшанскими традициями, что было характерно для основной части накольчатого керамического комплекса стоянок Самарского Поволжья более позднего времени. Влияние елшанских традиций на пришлое население со временем усиливалось: на раннем этапе бытования Виловатовской стоянки число сосудов с накольчатым орнаментом, изготовленных из илистых (запесоченных без раковины) глин, характерных для елшанского гончарства, составляло 19%, на среднем – 36%, а на позднем – 52% (Васильева, Выборнов, 2012а). При этом происходило смешение мигрантов с обеими группами елшанского населения (с традицией изготовления керамики с шамотом и без него). В целом в V тыс. до н.э. развитие неолитического гончарства в Среднем Поволжье обусловливалось смешением традиций елшанского и нижневолжского населения и формированием средневолжской неолитической культуры (Выборнов, 2009). По-видимому, состав населения данной культуры имел многокомпонентный характер. В его среде были распространены навыки использования илов, илистых глин и глин, получили распространение традиции составления

формовочных масс с шамотом, в значительно меньшей степени – с дробленой раковиной.

К последней трети V тыс. до н.э. (Лычагина и др., 2013) относится появление камского ареала неолитических гончарных традиций, для которых было характерно использование природных глин, раздробленных в сухом состоянии и смешанных почти в равной концентрации с шамотом (порошком из старых сосудов) и органическим раствором (Васильева, Выборнов, 2012б). Связь столь специфических гончарных традиций с известными более ранними волжскими ареалами древнего гончарства пока не прослеживается, и предполагается их неместный характер (Васильева, 2013). В течение всего времени бытования ареала происходило взаимодействие и смешение двух разных в культурном отношении групп неолитического населения Прикамья: камской (с гребенчатой керамикой) и волго-камской (со слабоорнаментированной и накольчатой керамикой). На левшинском этапе (третья четверть IV тыс. до н.э.) в Нижнем Прикамье произошло почти полное перерождение камских традиций и слияние камского населения со средневолжским (Васильева, Выборнов, 2013).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильева И.Н. Гончарство населения Северного Прикаспия в эпоху неолита // Вопр. археологии Поволжья. Самара: СамГПУ, 1999. С. 72–96.

Васильева И.Н. Ранненеолитическое гончарство Волго-Уралья (по материалам елшанской культуры) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 2. С. 70–81.

Васильева И.Н. О выделении камского ареала гончарных традиций эпохи неолита // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 4. С. 73–83.

Васильева И.Н., Выборнов А.А. Неолитический керамический комплекс Виловатовской стоянки: морфология и технология // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 10. Оренбург: ОГПУ, 2012а. С. 23–42.

Васильева И.Н., Выборнов А.А. К разработке проблем изучения неолитического гончарства Верхнего и Среднего Прикамья // Тр. Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. 8. Пермь: ПГПУ, 2012б. С. 33–50.

Васильева И.Н., Выборнов А.А. О неолитической гончарной технологии Нижнего Прикамья и времени распространения древнейших керамических традиций // Поволжская археология. 2013. № 1. С. 60–86.

Выборнов А.А. Неолит степного-лесостепного Поволжья и Прикамья: автореф. дис. … д-ра ист. наук. Ижевск, 2009. 44с.

Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В. К радиокарбоновой хронологии неолита Среднего Поволжья: западный регион // РА. 2008. № 4. С. 64–71.

Лычагина Е.Л., Выборнов А.А., Кулькова М.А., Ойнонен М., Посснерт Г. Новые данные по абсолютной хронологии Прикамья // Изв. Самарского научного центра РАН. 2013. Т. 15; Вып. 5. С. 247–253.

ПЕРВЫЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ НА ПОБЕРЕЖЬЕ ПРИМОРЬЯ: ПО ДАННЫМ ИССЛЕДОВАНИЯ КРАХМАЛА НА ОРУДИЯХ

© 2014 г. Ю.Е. Вострецов[1], И.Е. Пантюхина[2]

[1]Институт истории, археологии и этнографии народов дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток
(vost54@mail.ru)
[2]Дальневосточный геологический институт ДВО РАН
(pantukhina2000@mail.ru)

Ключевые слова: культурная адаптация, приморская адаптация, ранние земледельцы, неолит, Российское Приморье, Восточная Азия, древний крахмал.

Резюме. В статье рассматривается один из поворотных моментов в культурной эволюции населения Приморья, когда на рубеже атлантического и суббореального периодов голоцена под воздействием ухудшающихся агроклиматических условий, вызванных похолоданием климата, ранние земледельцы расселяются из континентальных районов на побережье залива Петра Великого. С помощью методики изучения древнего крахмала на орудиях выясняется вопрос о существовании земледельческой практики у населения, переселившегося на морском побережье.

Конец атлантического – переход к суббореальному периоду голоцена насыщен многочисленными событиями в культурной эволюции населения всего мира. Эти события были обусловлены катастрофическими для первобытного населения ландшафтно-климатическими изменениями, сопряженными со значительным и продолжительным похолоданием и падением уровня моря (Короткий, Вострецов, 1998; Вострецов, 2006). Суть природных изменений сводилась к действию следующих значимых для населения природных факторов. В континентальных районах Восточной Азии в результате похолодания климата устанавливались более суровые зимы, затяжные весны и короткие, но экстремально жаркие лета с частыми засухами в первой половине. Происходила разбалансировка погодных условий – экстремальные засухи чередовались с катастрофическими наводнениями. Наиболее негативным для земледельцев фактором становилось слабая предсказуемость периода сева на фоне сокращающегося вегетационного периода, и так короткого в Восточной Азии. Совокупное действие этих факторов разрушало ресурсную базу земледельцев и вынуждало переселяться в новые места с приемлемыми агроклиматическими ресурсами. Наиболее привлекательными в условиях похолодания климата были районы, близкие к морским побережьям. Кроме того, понижение уровня моря приводило к деградации экономик и значительной депопуляции морского побережья. Это создавало условия для миграции ранних земледельцев из континентальной зоны в приморскую.

Один из эпизодов подобных процессов проходил в районах водосборного бассейна залива Петра Великого. Похолодание климата и падение уровня моря в интервале 5 400–5 200 л.н. привели к частичной деградации бойсманской культурной традиции на побережье залива Петра Великого и расселению ранних земледельцев из долины р. Муданьцзян (памятник Ябули) в направлении побережья в долину р. Кроуновки (памятник Кроуновка-1, нижний слой).

В результате, в интервале от 5 300 до 4 800 л.н. в Южном Приморье сложилась такая ситуация, когда обе культурные группы населения сосуществовали каждая в своем экономическом районе (Вострецов, 2006).

С началом после 4 900 л.н. следующей, продолжительной фазы похолодания климата

и падения уровня происходило угасание бойсманской культурной традиции на побережье Приморья и подобных ей культурных адаптаций в бассейне Японского моря. В то же время в интервале 4 800–4 600 л.н. из долины р. Кроуновки (бассейн р. Раздольной-Суйфун) шло расселение ранних земледельцев – носителей традиции веревочной орнаментации керамики – на побережье оз. Ханка (памятник Лузанова Сопка-2) на морское побережье (памятники Рыбак-1, Клерк-5, Бойсмана-1, -2, Сибирякова-1, Гвоздево-3, Зайсановка-8, -10, Кировское, Валентин-перешеек, Устиновка-8).

Вероятно, несколько позже, из среднего течения р. Туманной-Туманган расселяются ранние земледельцы-грядочники, ассимилируя часть населения с традицией веревочной орнаментации керамики, они формируют приморско-земледельческую адаптацию, известную по памятнику Зайсановка-7 (эстуарий р. Гладкой) (Вострецов, 2009). В результате накопления археологических данных выяснилось, что это был не самый ранний эпизод расселения земледельцев на морское побережье. Исследование отложений связанных со слоем светло-коричневого суглинка и вышележащего слоя коричневой супеси на памятнике Клерк-5 показало расселение носителей традиции веревочной орнаментации керамики после рубежа 4 800 л.н. на морское побережье, на п-ов Клерка, где оно оставило долговременное, круглогодичное поселение. Население занималось прибрежным рыболовством, собирательством моллюсков, охотой на морских и наземных млекопитающих, птиц, собирательством растений (Klerk 5 Site …, 2007).

Однако остается не ясным, продолжало ли население, переселившееся на побережье, заниматься земледелием, и какова была его роль. До исследования ботанических остатков, полученных в результате флотации, эту проблему поможет решить исследование остатков древнего крахмала на орудиях

Для этого из слоя светло-коричневого суглинка мы отобрали семь артефактов, которые, согласно трасологическому анализу и типологии, могли использоваться для обработки растений: толчения, растирания и т.п. Это изделия и их фрагменты, оформленные на гальках. Имеются предметы, которые могли служить основой для работы, а также несколько удлиненных уплощено-выпуклых галек с функцией куранта. Всего было сделано 38 заборов проб с поверхности артефактов. 17 из них дали положительный результат. Весь обнаруженный крахмал мы разделили на две группы: идентифицируемый крахмал и неидентифицируемый. Крахмал в идентифицируемой группе по морфологическим признакам разделен на шесть типов (см. *таблицу*).

Распределение крахмала по типам

№ пробы	Идентифицируемый крахмал						Неидентифицируемый крахмал	Итого
	Тип 1	Тип 2	Тип 3А	Тип 3В	Тип 4	Тип 5		
44	–	–	–	–	–	–	1	1
45	8	–	–	–	263	–	3	274
46	40	–	–	–	–	2	5	47
50	–	–	1	–	–	1	–	2
51	3	1	18	5	–	3	3	33
57	1	–	–	–	–	–	–	1
58	1	3	7	2	–	20	4	37
Всего	53	4	26	7	263	26	16	395

Нам удалось выделить четыре типа (так как тип 3Аи 3В мы пока считаем условно одним типом) крахмала, соответствующего четырем видам растений. Два из них удалось идентифицировать: тип 1 – как наиболее близкий к роду *Sorghum* (гаолян) по сравнению с родами *Echinóchloa* (ежовник) и *Setāria* (щетинник), и *Quercus mongolica* (Дуб монгольский) – тип 2. Типы 3 (А, В) и 4 требуют дальнейшей доработки, т.к. эталонная коллекция находится в стадии становления и будет пополнена эталонами новых видов. В тип 5 мы включили единичные зерна, которые по своим характеристикам не укладываются ни в один из типов.

Употребление в пищу гаоляна и желудей имеет этнографическое подтверждение, но этнография не дает ответ на вопрос, когда люди стали использовать те или иные ресурсы. В настоящее время, методами флотации пока не удалось установить использование гаоляна неолитическим населением на территории Приморского края. Желуди, напротив, были повсеместно используемым пищевым ресурсом неолитического населения Восточной Азии. Поэтому наши результаты новы и интересны, но они требуют дальнейшего подтверждения другими данными из археологических комплексов того же периода. Таким образом, полученные данные позволяют предполагать, что население с традицией веревочной орнаментации керамики не отказалось от земледельческой практики после переселения на морское побережье, так же как это случилось позже с ранними земледельцами, переселившимися из районов среднего течения р. Туманной в устье р. Гладкой около 4500 л.н. (памятник Зайсановка-7) (Вострецов, 2009).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вострецов Ю.Е. «Поворотные моменты» в культурной эволюции древнего населения Приморья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 3. С. 25–32.

Вострецов Ю.Е. Первые земледельцы на побережье залива Петра Великого // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2009. Т. 8; Вып. 3: Археология и этнография. С. 113–120.

Короткий А.М., Вострецов Ю.Е. Географическая среда и культурная динамика в среднем голоцене в заливе Петра Великого // Первые рыболовы в заливе Петра Великого. Природа и древний человек в бухте Бойсмана / Отв. ред. Ю.Е. Вострецов. Владивосток: ДВО РАН, 1998. С. 9–29.

Klerk 5 Site in Primorye, Russia. Preliminary results of Excavation in 2005. Study of Environmental Change of Early Holocene and the Prehistoric Subsistence System in Far East Asia / Ed. H. Obata. Kumamoto: Shimoda Print, 2007.54 p.

ХРОНОЛОГИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ В НЕОЛИТЕ ВОЛГО-КАМЬЯ[1]

© 2014 г. А.А. Выборнов

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара (vibornov_kin@mail.ru)

Ключевые слова: неолит, хронология, периодизация, каиршакский тип, елшанская культура, камская культура, накольчатая традиция, средневолжская культура.

Резюме. За последние годы увеличена источниковая база неолита Волго-Камья. Проведены дополнительный типологический и технико-технологический анализы значительного числа памятников. Получена большая серия радиоуглеродных дат по различным культурным типам и группам. Совокупность новых данных позволяет конкретизировать хронологические рамки культурных процессов в неолите Волго-Камья.

Для реконструкции культурных процессов необходимо определение четких хронологических рамок культурных групп и культур в каждом регионе. За последние годы получены как новые археологические источники, так и радиоуглеродные данные, позволяющие конкретизировать предложенную ранее схему культурно-хронологического соотношения неолитических комплексов Волго-Камья (Выборнов, 2008а). Поскольку значительный массив дат был получен киевскими специалистами по органике, содержащейся в керамике (Выборнов, Ковалюх, Скрипкин, 2008), и это вызывало определенную дискуссию, то была предпринята работа по датированию как в других лабораториях и по другим материалам, так и по нагару на АМС за рубежом. В целом ряде случаев прежние датировки получили подтверждение.

На территории Северного Прикаспия представлены комплексы каиршакского и тентексорского типов, отражающие культурные процессы в период неолита. Первоначально хронологические рамки их развития определялись в пределах от начала V до середины IV тыс. до н.э. (Козин, 2002; Выборнов, 2003). Существовали два проблемных момента: 1) хроноло-гический разрыв между стоянками Каиршак III и Тентексор, что подвергало сомнению преемственность культур; 2) стоянка Тентексор синхронизи-ровалась с хвалынской энеолитической культурой, и на этом основании выделялся «пережиточный» неолит. Исследование новых памятников (Выборнов, Горащук, 2008; Выборнов, 2008б; Выборнов и др., 2014) позво-лило проследить типологическую последовательность, технологическое единство и хронологическую непрерывность как внутри, так и между каиршакскими и тентексорскими комплексами (Васильева, Выборнов, Зайцева, 2012; Барацков, Выборнов, Кулькова, 2012). Можно достаточно надежно определять время бытования каиршакских памятников с 7 700 до 7 000 BP (6 700–6 000 BC), а тентексорских – с 7 000 до 6 500 BP (6 000–5 500 BC). Таким образом, хронологические рамки неолита Северного Прикаспия в калиброванных значениях соответствуют второй четверти VII тыс. – середине VI тыс. до н.э.

На территории Северо-Западного Прикаспия и Нижнего Поволжья на основе стратифицированных памятников Джангар и Варфоломеевская прослежена динамика технологии изготовления керамики от илов через илистую глину к глинам и получены более достоверные данные о хронологии этих процессов (Vybornov, Vasilieva, 2013; Выборнов и др., 2013). Так слой 2Б Варфоломеевкой стоянки определяется рамками 7 100–6 900 BP,

1 Работа выполнена в рамках проектов РГНФ (№ 13-11-63005е(р)) и РФФИ (№ 14-06-00041).

а 2А – 6 700–6 400 ВР. В границы последнего входит верхний слой Джангара (6 564 ВР). Это позволяет синхронизировать данные комплексы с тентексорскими Северного Прикаспия и определять верхнюю границу неолита в этих регионах серединой V тыс. до н.э., а в калиброванных значениях середина VI тыс. до н.э. Таким образом, завершение неолита на интересуемых территориях происходит за 500 лет до появления здесь хвалынской культуры. Нижние слои уходят за пределы 7 000 ВР и синхронизируются с комплексами Байбека и Каиршака I. Уточнение хронологических рамок каждого этапа и культур в целом позволяет конкретизировать особенности развития отдельных регионов и время взаимодействия населения этих территорий.

Исследование материалов елшанской культуры лесостепного Поволжья и увеличение числа радиоуглеродных дат позволили снять ряд дискуссионных вопросов (Выборнов, 2005; Андреев, Выборнов, Кулькова, 2012; Выборнов и др., 2013). Стало очевидным, что даты древнее 8 тыс. и моложе 6 тыс. лет не являются приемлемыми для елшанской культуры. Нижняя хронологическая граница для восточной части (Ивановская) – 7 500 ВР, центральной (Чекалино IV) – 7 200 ВР, западной (Вьюново озеро I) – 7 200. Таким образом, прослеживается восточный тренд в распространении елшанской культуры в VII тыс. до н.э. (в калиброванных значениях). Если традиция остродонной керамики доживает на р. Сок до 6 700 ВР, то на Суре (Утюж I) – до 6 500, а в лесном Примокшанье (Имерка VII) – до 6 200 ВР. В это время (6 700) в восточной и центральной частях уже представлена плоскодонная традиция, которая дает импульс для развития аналогичной в лесном Среднем Поволжье (Дубовская III). Позднеелшанская традиция является субстратной основой для формирования средневолжской культуры.

Неравномерность развития ранненеолитического населения данного региона прослеживается и в рамках средневолжской культуры. Подтверждается ее сложение на востоке лесостепного Поволжья в начале V тыс. до н.э. на основе местного елшанского и пришлого с юга, типа Варфоломеевки-2Б, компонентов (Васильева, Выборнов, 2012). В период 6 600–6 500 ВР накольчатая традиция распространяется на всей территории Среднего Поволжья (Выборнов, 2009). Получены достоверные данные о появлении в данном регионе зубчатой традиции от 6 500 до 6 300 ВР (Выборнов и др., 2014), т.е. в середине VI тыс. до н.э. в калиброванных значениях. Завершение развития средневолжской культуры в разных регионах своеобразно.

На территории Нижнего Прикамья установлена синхронность с 6 300 ВР существования памятников с накольчатой керамикой и стоянок с посудой гребенчатого типа камской культуры (Лычагина и др., 2013). Более того, получена достоверная информация о своеобразном взаимодействии двух групп населения с разными технологиями изготовления сосудов (Васильева, Выборнов, 2013). Для Камско-Вятского междуречья наиболее ранние датировки сопряжены с комплексами слабоорнаментированной керамики с 6 800 ВР. Они соответствуют хронологии памятников неолита лесостепного Поволжья. Более древние даты (7 600) подвержены резервуарному эффекту. Что касается камской культуры, то для Среднего и Верхнего Прикамья получены подтверждения ее периодизации (Выборнов, 1984; Лычагина, 2011; 2013). Определились и хронологические рамки ее бытования с 6 300 ВР, развитого этапа – с 5 900 до 5 500 ВР (Выборнов и др., 2014), а позднего – до 5 200 ВР. Таким образом, камская культура существовала в калиброванных значениях от второй половины VI тыс. до н.э. до последней четверти V тыс. до н.э. Примечательно, что носители накольчатой традиции и представители камской культуры взаимодействовали, судя по технологии керамики уже с раннего этапа. Характер взаимодействия двух культурных групп отличается от процессов Нижнего Прикамья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андреев К.М., Выборнов А.А., Кулькова М.А. Некоторые итоги и перспективы радиоуглеродного датирования елшанской культуры лесостепного Поволжья // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2012. Т. 14; № 3. С. 193–199.

Барацков А.В., Выборнов А.А., Кулькова М.А. Проблемы абсолютной хронологии неолита Северного Прикаспия // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2012. Т. 14; № 3. С. 200–204.

Васильева И.Н., Выборнов А.А. Неолитический керамический комплекс Виловатовской стоянки: морфология и технология // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 10. Оренбург: ОГПУ, 2012. С. 23–42.

Васильева И.Н., Выборнов А.А. О неолитической гончарной технологии Нижнего Прикамья и времени распространения древнейших керамических традиций // Поволжская археология. 2013. № 1. С. 60–86.

Васильева И.Н., Выборнов А.А., Зайцева Г.И. Новые подходы к изучению неолитических культур степей Поволжья // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 1. СПб.: ИИМК РАН, 2012. С. 370–375.

Выборнов А.А. Неолит и эпоха раннего металла правобережья Нижней Белой: автореф. дис. … канд. ист. наук. Л., 1984. 16 с.

Выборнов А.А. Некоторые вопросы изучения нижневолжского неолита // Новые гуманитарные исследования: Спец. вып. «Изв. Самар. науч. центра РАН». 2003. С. 57–65.

Выборнов А.А. О раннем неолите Поволжья // Новые гуманитарные исследования: Спец. вып. «Изв. Самар. науч. центра РАН». 2005. С. 152–159.

Выборнов А.А. Неолит Волго-Камья. Самара: СамГПУ, 2008а. 490 с.

Выборнов А.А. Корректировка радиоуглеродной хронологии неолита Нижнего Поволжья // Изв. Самар. науч. центра РАН. Т. 10; № 4. 2008б. С. 1249–1255.

Выборнов А.А. Неолит степного-лесостепного Поволжья и Прикамья: автореф. дис. … д-ра ист. наук. Ижевск, 2009. 44 с.

Выборнов А.А, Андреев К.М., Барацков А.В., Гречкина Т.Ю., Лычагина Е.Л., Наумов А.Г., Зайцева Г.И., Кулькова М.А., Гослар Т., Ойнонен М., Посснерт Г. Новые радиоуглеродные данные для материалов неолита – энеолита Волго-Камья // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2014. Т. 16; № 3. С. 234–242.

Выборнов А.А., Андреев К.М., Барацков А.В., Кулькова М.А., Кольцов П.М., Юдин А.И., Джалл Т., Гослар Т., Ойнонен М., Посснерт Г., Филиппсен Б. Новые данные по радиоуглеродной хронологии неолита лесостепного и степного Поволжья // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2013. Т. 15; № 5. С. 254–260.

Выборнов А.А., Горащук И.В. Стоянка Качкарстау в Северном Прикаспии // Вестн. Прикаспия: археология, история, этнология. 2008. № 1. С. 76–87.

Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В. К радиокарбоновой хронологии неолита Среднего Поволжья: западный регион // РА. 2008. № 4. С. 64–71.

Козин Е.В. Неолит Северного Прикаспия: автореф. дис. … канд. ист. наук. Ижевск, 2002. 16 с.

Лычагина Е.Л. О хронологии и периодизации неолита Верхнего и Среднего Прикамья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 1. С. 28–33.

Лычагина Е.Л. Ранний неолит Прикамья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 4. С. 50–57.

Лычагина Е.Л., Выборнов А.А., Кулькова М.А., Ойнонен М., Посснерт Г. Новые данные по абсолютной хронологии раннего неолита Прикамья // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2013. Т. 15; № 5. С. 247–253.

Vybornov A., Vasilieva I. Interdisciplinary research of the Neolithic Volga-Kama pottery // Documenta Praehistorica. 2013. Vol. XL. P. 165–173.

ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАССЕЛЕНИЯ ДРЕВНЕГО ЧЕЛОВЕКА В КАМЕННОМ ВЕКЕ НА ТЕРРИТОРИИ ЮЖНОГО ЗАОНЕЖЬЯ (РЕСПУБЛИКА КАРЕЛИЯ)

© 2014 г. К.Э. Герман, И.В. Мельников

Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижи», Петрозаводск (germank@onego.ru; meln@onego.ru)

Ключевые слова: поселения мезолита – энеолита, палеогеография голоцена.

Резюме. Доклад посвящен обзору результатов археологических исследований, которые проводились авторами в 1995–2011 гг. на территории Южного Заонежья (Республика Карелия). В ходе работ были обнаружены и исследованы 62 объекта археологического наследия, относящиеся к эпохам мезолита, неолита и энеолита.

На территории Южного Заонежья авторами в 1995–2011 гг. проводились сплошные обследования территории на предмет выявления и исследования памятников каменного века. Результаты исследований опубликованы (Мельников, Герман, 2013). В настоящее время с ранее известными памятниками зафиксировано 62 объекта археологического наследия: 60 поселений и 2 могильника. Раскопки площадью от 34 до 256 кв.м были произведены на 20 памятниках (в т.ч. на 14 поселениях раскопанная площадь составила более 88 кв.м). Еще на 19 памятниках были заложены шурфы площадью от 10 до 20 кв.м. На 20 поселениях объем раскопочных работ был небольшой: вскрытая площадь составила от 1 до 8 кв.м, а на двух поселениях были произведены только сборы на пашне.

В результате проведенных работ, на основе статистического анализа исследованных древностей были сделаны выводы о степени освоенности района в разные хронологические периоды каменного века. Благоприятные условия, существовавшие в районе залива Вожмариха, способствовали тому, что древнее население селилось там на протяжении длительного периода времени, включающего эпохи мезолита, неолита и энеолита. Это привело к формированию здесь комплекса разновременных поселений, залегающих на песчаных береговых террасах, фиксирующих колебание уровня Онежского озера на протяжении эпохи голоцена. Памятники располагаются в непосредственной близости друг от друга и вычленяются на основе особенностей топографического расположения, удаленности от современного берега и высоты над урезом воды.

Древнейшее население проникает в Южное Заонежье в мезолите, вероятно, в конце бореального периода. Основным районом расселения является побережье Заонежского полуострова. Поселения на островах Кижских шхер были менее распространены, чем в последующие археологические периоды, хотя представляется, что в некоторых случаях мезолитические комплексы могут присутствовать в смешанном инвентаре островных поселений, но вычленить их, к сожалению, не представляется возможным. В неолите и энеолите система расселения древнего населения, в целом, не изменилась, хотя количество островных поселений существенно возросло.

На протяжении всех археологических периодов в расселении древних жителей Южного Заонежья прослеживаются определенные закономерности. Население селилось на берегу Заонежского полуострова, в районе залива Вожмариха и озера Копанец, где известно 37 поселений, а также на островах Кижских шхер, где выявлены 24 стоянки. При этом на материке располагаются долго-

временные круглогодичные или летние поселения большей площади с относительно мощным культурным слоем, а на островах – поселения кратковременного проживания. На ряде долговременных поселений исследованы остатки жилищ: мезолита – Вожмариха-2, -3, позднего неолита – Вожмариха-1, -4 (раскоп 2).

Стратиграфические условия залегания культурного слоя поселений Южного Заонежья разных археологических эпох схожи и довольно просты. Находки встречаются под слоем дерна и подзола в песке красновато-коричневого (иногда оранжевого или малинового) цвета мощностью около 30 см, в западаниях – до 40–50 см. На ряде памятников культурный слой перекрывают намывные отложения мощностью до 20 см. Материком, как правило, является светло-желтый песок. Особенностью островных поселений является меньшая мощность и меньшая глубина залегания культурного слоя, который в ряде случаев подстилается поверхностью скалы.

Высотные закономерности расположения поселений разных археологических эпох, которые достаточно явно прослеживаются в аналогичных комплексах поселений в северной части Онежского озера (например, в Пегреме), где более древние памятники залегают на более высоких отметках, а менее древние – на менее высоких, в Южном Заонежье выражены не так отчетливо. В заливе Вожмариха они, в основном, прослеживаются при сравнении бескерамических (мезолитических) поселений и поселений с керамикой (неолита и энеолита). Максимальная высота относительно современного уровня Онежского озера, на которой в заливе Вожмариха располагаются неолитические поселения, – 8,2 м. Соответственно на высотах 8,2–12,9 м отмечены только бескерамические поселения. Минимальная высота, на которой залегают бескерамические поселения, – 5 м. Ниже, на высотах 5–2,8 м, встречаются только поселения с керамикой. На высоте 5,0–8,2 м встречаются как бескерамические поселения, так и поселения с керамикой.

В расположении материковых поселений с разными типами керамики неолита и энеолита высотные закономерности практически не проявляются. Минимальные отметки, на которых встречается керамика сперрингс, ямочно-гребенчатая, гребенчато-ямочная и ромбо-ямочная примерно одинаковые: 3,5–4,3 м. Асбестовая керамика отмечена на высоте 2,8 м. Максимальные отметки различаются: для поселений с неолитической керамикой – 8,2 м, энеолитических – 5,5 м. Соответственно на высотах 5,5–8,2 м керамика энеолита не встречается.

В большей степени закономерности в расположении поселений вожмарихинского археологического комплекса проявляются в их удаленности от современного берега Онежского озера. В частности, в наиболее удаленной северной части комплекса, приуроченной к внутренней части древнего залива, из 17 поселений 14 относятся к мезолиту. В южной части, в районе перешейка, соединявшего внутреннюю часть залива с открытым озером, из 10 поселений только два являются мезолитическими. Можно полагать, что во второй половине атлантического и в суббореальный период (нео- и энеолитическое время) внутренняя часть залива была пригодна для проживания только в периоды трансгрессий Онежского озера, когда уровень воды существенно повышался. В периоды регрессий водоема, побережье внутренней части залива заболачивалось и население покидало его берега.

В отношении поселений на островах высотные закономерности проявляются еще в меньшей степени, чем на материке. Максимальная отметка, на которой отмечено присутствие всех типов керамики (Радколье-3) – 8 м, мезолитических поселений (Южный Олений остров-2) – 8,5 м. Минимальные отметки бескерамических комплексов – 7 м, с керамикой сперрингс – 5 м, с прочими типами керамики – 2,4–3,0 м. Такое совпадение высотного расположения поселений разных археологических периодов связано с особенностями их топографического расположения. Они находятся на скалистых островах, где не так много удобных для проживания площадок. Древние вынуждены были осваивать одни и те же участки, независимо от того на какой высоте и в каком удалении от берега они находились.

Исходя из анализа материала, полученного в ходе исследования островных поселений, а

также учитывая географические реалии, можно сделать вывод о том, что в районе Южного Заонежья проходил водный путь, который связывал восточную и западную части Онежского озера – заливы Большое Онего и Малое Онего. Совершавшее поездки древнее население делало кратковременные остановки на наиболее удобных находящихся на маршруте движения островах Кижских шхер – Большом Леликовском и Радколье. Это привело к формированию поселений, своеобразием которых является то, что их культурный слой, с одной стороны, отличается большой степенью насыщенности артефактами разных археологических периодов, с другой – имеет небольшую площадь, т.к. удобные для проживания участки были ограничены выходами скал.

Функциональный состав полученного в ходе раскопок инвентаря свидетельствует о промыслово-хозяйственной ориентации поселений Южного Заонежья. Среди находок представлены наконечников стрел, копий, найдены рыболовные грузы. На острове Радколье имеются находки фрагментов рыболовных крючков. Также получены представительные коллекции деревообрабатывающих, скребущих, режущих, абразивных и некоторых иных видов орудий.

Проведенные исследования позволяют сформулировать выводы, касающиеся локальных особенностей в развитии каменной индустрии на поселениях Южного Заонежья. В целом она базировалась на традиционных для Обонежья местных видах сырья; встречающийся в районе кремнистый сланец, а также привозной высококачественный кремень использовались ограничено. В технологии прослеживается некоторое своеобразие в сравнении с другими районами Обонежья. В частности, наблюдается достаточно высокий уровень развития сланцевой индустрии в финальномезолитическое время (на поселении Вожмариха-24 и некоторых других), где широко практикуется пиление, длинный скол, орудия тщательно, иногда по всей поверхности зашлифованы. В раннем неолите прослеживается обратная картина: сланцевая индустрия деградирует, население начинает использовать широко встречающийся в районе низкокачественный галечный сланец, не используется техника пиления, сверление встречается крайне редко, преобладает обработка галек оббивкой с последующей зашлифовкой поверхности. Очевидна резкая смена традиции в области технологии каменной индустрии.

Интересные материалы также удалось получить по погребальной обрядности древних жителей Южного Заонежья. Большое значение имеет открытие поздненеолитического могильника на острове Букольников, который является первым погребальным памятником на территории Карелии, связанным с культурой гребенчато-ямочной керамики. Учитывая малочисленность и редкость погребальных памятников в первобытной археологии Карелии, материалы его исследований важны для изучения погребального культа древнего населения.

В заключение отметим, что проведенные нами исследования свидетельствуют о значительном источниковедческом потенциале памятников археологии Южного Заонежья. Большинство открытых нами памятников только разведаны, раскопки их пока не проводились. Их дальнейшее изучение будет способствовать формированию научного знания о древнейшем прошлом этого района как части обширного Северно-Европейского региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Мельников И.В., Герман К.Э. Древние поселения Южного Заонежья (мезолит – энеолит). Петрозаводск: РИО КарНЦ РАН, 2013. 409 с.

РАДИОУГЛЕРОДНОЕ ДАТИРОВАНИЕ НЕОЛИТИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ ПРИОЛЬХОНЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ МНОГОСЛОЙНОГО ПОСЕЛЕНИЯ САГАН-ЗАБА II)

© 2014 г. О.И. Горюнова[1], Т.Ю. Номоконова[2], Р. Лозей[3], А.Г. Новиков[1], А.В. Вебер[3]

1Иркутская лаборатория археологии и палеоэкологии ИАЭТ СО РАН, Иркутск (as122@yandex.ru; as122@yandex.ru)
2Университет Британской Колумбии, Ванкувер, Канада (tatiana.nomokonova@gmail.com)
3Университет Альберта, Эдмонтон, Канада (rlosey@ualberta.ca; aweber@ualberta.ca)

Ключевые слова: радиоуглеродное датирование, неолит, многослойное поселение, Приольхонье.

Резюме. В статье рассматривается представительная серия 14С-дат (59 определений), полученная по неолитическим слоям многослойного поселения Саган-Заба II (западное побережье оз. Байкал). Калибровка дат и учет поправок на эффект резервуара, высчитанный для этого района, позволили внести коррективы в культурно-хронологическую концепцию региона.

Для создания периодизации и определения хронологии древних культур большое значение имеют стратифицированные многослойные объекты, материалы которых позволяют выявить относительную и абсолютную их датировку. При этом метод радиоуглеродного датирования занял ключевые позиции. Для надежной датировки поселений эффективны значительные по своему числу серии хронологических определений, а единичные анализы не всегда являются надежным ориентиром. В этом плане для территории Прибайкалья и, в частности, Приольхонья большое научное значение имеет многослойный объект Саган-Заба II, по разным слоям которого получено 116 дат. В предлагаемой статье рассматривается представительная серия ^{14}С-дат неолитических слоев, выделенных на поселении стратиграфически.

Многослойное поселение Саган-Заба II расположено в одноименной бухте западного побережья оз. Байкал, в 150 км к северо-востоку от г. Иркутска (Ольхонский р-н Иркутской обл.). Его комплексное междисциплинарное изучение проведено Российско-Канадской экспедицией в 2006–2008 гг. Выделено 11 культурных слоев, привязанных к темным гумусированным почвам, отделенным стерильными прослойками. Из них шесть слоев относятся к неолиту. По типологии материалов выделено четыре культурно-хронологических периода неолита – слои VI, V нижний, V верхний и IV (Горюнова и др., 2008).

По неолитическим слоям получено 59 ^{14}С-дат по костям наземных млекопитающих, нерпы и почве (см. *таблицу*). Для анализа радиоуглеродных дат использовались две калибровочные программы: Calib 6.0.1 INTCAL 09 и BCAL для определения вероятности временных интервалов каждого слоя (Stuiver, Reimer, 1993; Reimer et al., 2009). Калиброванные возрастные диапазоны даны с двумя сигмами в кал. л.н. Для дат. полученных по костям нерпы, проводилась коррекция, учитывающая поправку на эффект резервуара, высчитанная для этого региона (см. подробно: Nomokonova et al., 2013).

^{14}C-даты по неолитическим слоям стоянки Саган-Заба II

№ п\п	Слой, раскоп	^{14}C-дата	Лаб. №	Кал. дата, л.н.	Образец
Культурные слои VI					
1	VIB, P. 4b	7147±38	OxA-22374	8020–7880	Cervidae
2	VIB, P. 4c	5853±32	OxA-22386	6750–6560	Cervidae
3	VIB, P. 4c	7188±36	OxA-22390	8150–7940	T. mammal
4	VIH, P. 4c	7179±36	OxA-22356	8150–7940	Artiodactyla
5	VIH, P. 4c	7203±37	OxA-22357	8160–7950	Artiodactyla
6	VIB, P. 4b	7133±38	OxA-22410	8020–7880	Phoca sibirica
7	VIB, P. 4c	7865±40	OxA-22420	8750–8540	Phoca sibirica
8	VIH, P. 4c	7924±40	OxA-20578	8980–8610	cf. Phoca sibirica
9	VIB, P. 4c	7835±37	OxA-20579	8750–8540	Phoca sibirica
10	VIH, P. 4c	7881±37	OxA-20580	8970–8590	Phoca sibirica
11	VIB, P. 4a	6835±140	СОАН-6596	7940–7460	Золистая почва
12	VIB, P. 4c	6170±125	СОАН-7395	7410–6740	Почва
13	VIB, P. 4c	5935±90	СОАН-7151	7000–6510	Почва
14	VIH, P. 4a	7380±135	СОАН-6597	8420–7950	Золистая почва
15	VIH, P. 4c	6335±70	СОАН-7150	7430–7030	Почва
16	VIH, P. 4c	6680±145	СОАН-7396	7830–7300	Почва
Культурные слои V					
1	V, P. 4c	4661±31	OxA-20769	5470–5310	cf. T. mammal
2	V, P. 4c	4672±31	OxA-20722	5570–5320	cf. T. mammal
3	VB, P. 4c	5597±33	OxA-22355	6440–6310	Artiodactyla
4	VB, P. 4b	5852±34	OxA-22373	6750–6560	Cervidae
5	V, P. 4c	6921±34	OxA-20598	7830–7680	Phoca sibirica
6	V, P. 4b	6592±35	OxA-22404	7570–7430	Phoca sibirica
7	V, P. 4c	6871±37	OxA-20600	7790–7620	cf. Phoca sibirica
8	V, P. 4c	6748±35	OxA-20604	7670–7570	Phoca sibirica
9	VH, P. 4b	6655±35	OxA-22405	7590–7470	Phoca sibirica
10	VH, P. 4c	6712±36	OxA-22406	7660–7510	Phoca sibirica
11	VH, P. 4b	6649±36	OxA-22407	7580–7460	Phoca sibirica
12	VH, P. 4b	6659±37	OxA-22408	7590–7470	Phoca sibirica
13	VH, P. 4b	6746±35	OxA-22409	7670–7570	Phoca sibirica
14	VB, P. 4c	6784±37	OxA-22418	7680–7580	Phoca sibirica
15	VB, P. 4c	5370±110	СОАН-7389	6390–5920	Золистая почва
16	VB, P. 4c	5480±105	СОАН-7397	6480–6000	Почва
17	VB, P. 4a	4980±115	СОАН-6595	5990–5470	Почва
Культурные слои IV					
1	IVB, P. 4b	3504±29	OxA-22372	3850–3700	Cervidae
2	IVH, P. 4c	4786±30	OxA-22384	5590–5470	Cervidae
3	IVB, P. 4c	4482±30	OxA-22385	5290–4980	Cervidae
4	IVB, P. 4c	4460±28	OxA-22392	5280–4970	Sus scrofa
5	IVB, P. 4c	4422±30	OxA-20605	5270–4870	cf. T. mammal
6	IV, P. 4c	4414±32	OxA-20613	5260–4870	cf. T. mammal
7	IVH, P. 4c	4350±33	OxA-20643	5030–4850	cf. T. mammal
8	IVH, P. 4c	4390±30	OxA-20644	5040–4870	cf. T. mammal
9	IV, P. 4c	4549±30	OxA-20601	5320–5050	cf. T. mammal
10	IV, P. 4c	4522±30	OxA-20606	5300–5050	cf. T. mammal

11	IV, P. 4c	5961±35	OxA-20723	6890–6680	Artiodactyla
12	IV, P. 4c	6010±34	OxA-20770	6940–6750	Artiodactyla
13	IVH, P. 4c	5467±33	OxA-22416	6310–6210	Phoca sibirica
14	IVB, P. 4c	4965±32	OxA-22417	5840–5610	Phoca sibirica
15	IV, P. 4c	5468±32	OxA-20612	6310–6210	Phoca sibirica
16	IV, P. 4c	4785±32	OxA-20614	5590–5340	Phoca sibirica
17	IVB, P. 4c	5036±34	OxA-20638	5900–5660	Phoca sibirica
18	IVB, P. 4c	4899±35	OxA-20640	5710–5590	cf. Phoca sibirica
19	IVB, P. 4c	4912±34	OxA-20641	5710–5590	Phoca sibirica
20	IVB, P. 4c	5003±31	OxA-20642	5890–5650	Phoca sibirica
21	IV, P. 4c	4974±31	OxA-20602	5850–5610	Phoca sibirica
22	IV, P. 4c	4918±31	OxA-20608	5720–5600	Phoca sibirica
23	IV, P. 4c	4963±31	OxA-20603	5750–5610	Phoca sibirica
24	IV, P. 4c	5524±35	OxA-20599	6400–6280	Phoca sibirica
25	IVB, P. 4c	4260±50	СОАН-7147	4960–4630	Почва
26	IVB, P. 4a	4850±130	СОАН-6594	5890–5320	Почва

По культурным слоям VI (комплекс с керамикой хайтинского типа) имеется 16 ^{14}C-дат: 5 – по костям наземных млекопитающих, 5 – по костям нерпы и 6 – по почве. Две даты (OxA-22386 и OxA-22410), вероятно, получены по образцам, перемещенным из вышележащего слоя, поэтому они исключены из дальнейшего анализа. Остальные четыре даты по костям наземных млекопитающих имеют статистический уровень достоверности 95 %. При калибровке их диапазон от 8 160 до 7 880 кал. л.н. Даты по костям нерпы дают общий калиброванный возрастной диапазон 8 980–8 540 кал. л.н., а с учетом поправки на эффект резервуара – 8 280–7 840 кал. л.н., что практически соответствует показателям по костям наземных млекопитающих. Даты по почве значительно шире (от 8 420 до 6 510 кал. л.н.), что, вероятно, отражает процесс накопления почвенных отложений.

По культурным слоям V (нижний и верхний) имеется 17 ^{14}C-дат: 4 – по костям наземных млекопитающих, 10 – по нерпе и 3 – по почве. Две даты (OxA-20769 и OxA-20769) нами исключены из анализа, т.к. эти образцы, вероятно, перемещены из вышележащего слоя (см. *таблицу*).

К нижнему слою V (с керамикой с оттисками сетки-плетенки и шнура) относятся 10 дат по костям нерпы. Их диапазон от 7 790 до 7 430 кал. л.н., а с учетом коррекции смещения дат – в пределах 7 090–6 730 кал. л.н.

По верхнему слою V (комплекс с керамикой посольского типа) имеется две даты по костям наземных млекопитающих, которые статистически отличающиеся друг от друга. Они показывают промежуток от 6 750 до 6 310 кал. л.н. Даты по почве этого слоя – в диапазоне от 6 560 до 5 470 кал. л.н., что значительно шире результатов по наземным животным этого слоя.

По культурным слоям IV (комплекс с пунктирно-гребенчатой керамикой) имеется 26 ^{14}C-дат: 12 – по костям наземных млекопитающих, 12 – по костям нерпы и 2 – по почве. Из анализа исключены три даты (OxA-22372, OxA-20723 и OxA-20770 – образцы которых, вероятно, перемещены из выше- и нижележащих слоев). Остальные даты по костям наземных млекопитающих – в диапазоне 5 590–4 870 кал. л.н. Даты по костям нерпы в пределах 6 400–5 340 кал. л.н., а с учетом поправки на эффект резервуара – от 5 640 до 4 450 кал. л.н., что совпадает с датами по наземным млекопитающим. Даты по почве демонстрируют более широкий промежуток времени (от 5 890 до 4 130 кал. л.н.).

Результаты анализа ^{14}C-дат с многослойного поселения Саган-Заба II продемонстрировали, что возникла необходимость пересмотра старых хронологических схем неолита Прибайкалья, разработанных без учета смещения дат (эффект резервуара) и построенных на датах по почвенным образцам. Имеющиеся ^{14}C-даты по поселениям необходимо повторить по костям наземных млекопитающих или по углю из очагов через AMS-датирование. Следует продолжить работы по выявлению смещения дат по другим регионам Прибайкалья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Горюнова О.И., Новиков А.Г., Вебер А.В., Воробьева Г.А., Орлова Л.А. Завершение раскопок Российско-Канадской экспедиции в бухте Саган-Заба на Байкале // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2008 г. Т. XIV / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. С. 32–35.

Nomokonova T., Losey R. J., Goriunova O.I., Weber A.W. A freshwater old carbon offset in Lake Baikal, Siberia and problems with the radiocarbon dating of archaeological sediments: Evidence from the Sagan-Zaba II site // Quaternary International. 2013. № 290-291. P. 110–125.

Reimer P.J., Baillie M.G.L., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., Blackwell P.G., Bronk Ramsey C., Buck C.E., Burr G.S., Edwards R.L., Friedrich M., Grootes P.M., Guilderson T.P., Hajdas I., Heaton T.J., Hogg A.G., Hughen K.A., Kaiser K.F., Kromer B., McCormac F.G., Manning S.W., Reimer R.W., Richards D.A., Southon J.R., Talamo S., Turney C.S.M., van der Plicht J., Weyhenmeyer C.E. INTCAL 09 and MARINE09 radiocarbon age calibration curves, 50,000 years Cal BP // Radiocarbon. 2009. № 51 (4). P. 1111–1150.

Stuiver M., Reimer P.J. Extended ^{14}C database and revised CALIB radiocarbon calibratijn program // Radiocarbon. 1993. № 35. P. 215–230.

РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА БАЙБЕК В КОНТЕКСТЕ НЕОЛИТА СЕВЕРНОГО ПРИКАСПИЯ[1]

© 2014 г. Т.Ю. Гречкина[1], А.А. Выборнов[2], Д.В. Кутуков[1]

[1]Государственное научно-производственное учреждение «Наследие», Астрахань
(grechkina54@mail.ru; dkutukov.73@ mail.ru)
[2]Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара
(vibornov_kin@mail.ru)

Ключевые слова: неолит, керамика, кремневый инвентарь, сегменты, хронология, каиршакский тип.

Резюме. В 2013 г. в Северном Прикаспии исследован второй памятник раннего неолита с сохранившимся культурным слоем. Керамика и кремневый инвентарь аналогичны материалам каиршакского типа. Кроме костей кулана впервые обнаружены кости рыб. Дата по нагару определяет возраст стоянки второй половиной VII тыс. до н.э.

Культурные процессы в период неолитизации привлекают пристальное внимание исследователей. Однако для разработки ряда аспектов необходима качественная источниковедческая база, а стоянки раннего неолита с сохранившимся культурным слоем в интересующем нас регионе исследовались четверть века назад. Поэтому открытие и изучение подобных памятников имеют неоспоримое значение.

Стоянка эпохи неолита Байбек была обнаружена в 2008 г. на песчаных массивах в 11 км к северу от пос. Байбек Красноярского р-на Астраханской обл., расположенного на р. Кигач (Гречкина, Кутуков, 2009). В 2013 г. в раскоп около 400 кв.м вошла вся зона находок. Площадь раскопа вскрывалась по метровым квадратам горизонтом на глубину от 3 до 6 см, с просеиванием отложений с каждого квадрата. Дневная поверхность раскопа была перекрыта рыхлым желтым песком с ракушками, костями, кремневыми изделиями – разрушенным верхним уровнем культурного слоя мощностью 5–10 см. Под ним залегал плотный

1 Работа выполнена в рамках проектов РГНФ (№ 13-11-63005е(р), 14-11-63602е(р)) и РФФИ (№ 14-06-00041).

темно-серый песок – культурный слой – с находками, аналогичными артефактам из верхнего слоя. В культурном слое были выявлены кострища, зольники, зольные пятна и ямы.

Каменный инвентарь на стоянке изготовлен из кремня различных оттенков: полупрозрачного темно-серого и светло-серого цвета; непрозрачного светлого желто-серого и светло-серого. Техника первичного раскалывания характеризуется пластинами (979 экз.) и отщепами (1 139 экз.). Нуклеус один. От общего числа каменных изделий орудий около 20%. Основные категории представлены скребками (551 экз.), сегментами (65 экз.), перфораторами (31 экз.), скобелями (19 экз.), резцами (11 экз.), пластинами (317 экз.) и отщепами (43 экз.) с ретушью. Орудия изготовлены преимущественно на пластинах, в меньшей степени на отщепах. Самые многочисленные орудия (60%) – скребки различных типов, среди которых преобладают концевые. Геометрические микролиты (6%) представлены только сегментами. Ретушь наносилась как с одной стороны, так и с двух (так называемая гелуанская), причем преобладает последняя (44 экз.). Скобели имеют одиночные или двойные выемки. Острия несимметричные, а резцы изготовлены на углу пластины.

Керамический материал представлен 190 (134 в верхней части слоя) плоскодонными сосудами баночной формы. Посуда изготовлена из ила с естественной примесью раковин моллюсков. По мнению исследователей, технология изготовления североприкаспийских неолитических сосудов каиршакского типа является одной из древнейших в Восточной Европе (Васильева, Выборнов, Зайцева, 2012). У 10% сосудов срез венчика украшен наколами или насечками. Сосуды орнаментированы прочерченными прямыми линиями и овальными разреженными наколами. Узоры состоят из горизонтальных, вертикальных и наклонных пересекающихся линий. Они образуют треугольники, ромбы, косую решетку. Совокупность вышеописанных признаков присуща керамике стоянок типа Каиршак III (Васильев, Выборнов, Козин, 1989), расположенных севернее стоянки Байбек. В то же время имеется ряд различий в наборе орнаментальных композиций.

В культурном слое стоянки обнаружено 29 бусин, изготовленных из обломков раковин. Кроме того, в разрушенной части слоя и объектах обнаружено большое количество костей животных. По определению П.А. Косинцева подавляющее большинство относится к кулану, а в яме № 1 также обнаружены кости сайги, благородного оленя, кабана, волка, лисицы и собаки.

На площади культурного слоя в северной части раскопа были зафиксированы зольные пятна площадью от 5 до 14 кв.м и мощностью 5–6 см. Артефакты из зольных пятен не отличались от артефактов, обнаруженных на площади всего слоя.

Помимо пятен обнаружено кострище овальной формы размерами 56 х 21см, мощностью до 14 см, в заполнении которого находился 1 351 фрагмент костей животных, причем кальцинированных почти 77%. Рыбные позвонки принадлежат сому. В кострище собрано 40 фрагментов керамики. Кремневые изделия представлены двумя скребками и 17 мелкими отщепами и чешуйками.

Расчищенный зольник № 1 округлой формы размерами 70 х 70 см, мощностью 12 см содержал кости животных (1 300 экз.), леща, стенки сосудов и кремневые изделия, среди которых два скребка и сегмент с гелуанской ретушью.

Зольник № 2 размерами 190 х 150 см, мощностью до 25–30 см содержал 16 117 фрагментов костей животных и 222 – костей рыб. Рыба по своему видовому составу – это осетровые (севрюга, стерлядь), сазан, судак, сом, лещ, щука и окунь. Он свидетельствует об интересном факте: древним рыболовам были доступны как закрытые водоемы (озера), так и проточные воды. Кремневых изделий в зольнике № 2 – 655 экз. Орудий немного: 11 скребков; 3 сегмента и 4 пластинки с ретушью. Пластин без ретуши 75 экз., а отщепов и чешуек – 552 экз. Керамики – 68 фрагментов.

Помимо кострищ и двух зольников, на площади культурного слоя обнаружено три ямы. На поверхности ямы № 1 диаметром более 3 м и глубиной до 60 см были зафиксированы развал сосуда и 10 позвонков щуки, расположенных в анатомической связи. При расчистке ямы было собрано 1 534 фрагмента костей животных, щуки и судака, керамики (30 экз.) и кремневых изделий (179 экз.). На дне ямы обнаружен развал крупного сосуда без орнамента. Что касается орнаментированных

фрагментов в целом, то они дают довольно разнообразные типы узоров, отличающиеся не только вариативностью сочетаний линий и наколов, но и способом их нанесения. Орудий 50 экз., среди них 28 скребков и 3 сегмента. Пластин – 42 экз., а отщепов и чешуек – 86 экз.

В яме № 2 диаметром около 1 м и глубиной до 65 см было обнаружено 736 костей животных и 24 кости судака, сазана и щуки. Из фрагментов керамики удалось восстановить сосуд высотой 35 см, с диаметром венчика 31 см, диаметром донца 9 см, толщиной стенки 0,6–0,7 см. Верхняя часть сосуда орнаментирована «свисающими» треугольниками, образованными четырьмя прочерченными линиями, между которыми проходят два ряда наколов: один между первой и второй верхними линиями, другой – по нижней части треугольников под линиями. Кремневых изделий 131 экз. Среди орудий 35 скребков, 2 сегмента, 2 скобеля и острие. Пластин 20 экз., а отщепов и чешуек – 55.

Яма № 3 диаметром около 1 м и глубиной около 40 см содержала 68 костей животных, 2 фрагмента керамики и 8 кремневых изделий, в т.ч. сегмент с гелуанской ретушью.

Описанные выше объекты – зольники, кострище, ямы, как и значительная концентрация различных типов археологических артефактов в толще темно-серых песчаных отложений, свидетельствуют о сохранившемся *in situ* культурном слое. Важно отметить, что на большинстве сосудов, обнаруженных в культурном слое, сохранился нагар. Таким образом, ранненеолитическая стоянка Байбек является третьим неолитическим памятником с сохранившимся культурным слоем в Северном Прикаспии.

Анализ каменного инвентаря свидетельствует о типологической однородности артефактов из разных сортов кремня. Что касается типов кремневых орудий, то они находят ряд ближайших аналогов в коллекциях памятников каиршакской группы. Но, в отличие от последних, геометрические микролиты на стоянке Байбек представлены только сегментами, которые обнаружены во всех объектах вместе с керамикой каиршакского типа.

Важно отметить, что в байбекском комплексе представлены биконические сосуды, которые есть в коллекции стоянки Каиршак III, но отсутствуют в материалах Каиршака I. Что касается кремневого инвентаря, то следует обратить внимание на наличие в комплексе стоянки Каиршак I трапеции со струганой спинкой. Это свидетельствует в пользу более позднего возраста данного памятника по сравнению с Байбеком.

Можно констатировать, что по типологическим показателям как керамического, так и кремневого инвентаря материалы стоянки Байбек занимают промежуточное положение между комплексами стоянок Каиршак III и I.

Вопрос о хронологии неолита Северного Прикаспия является одним из наиболее актуальных (Выборнов, 2009). Материалы стоянки Байбек позволяют его конкретизировать. Т. Госларом на АМС по нагару с керамики получена дата 7 350±50 BP (Poz-57060), а М.А. Кульковой по костям – 6 955±80 (SPb-973). Учитывая, что материалы более ранней стоянки Каиршак III по керамике и нагару в разных лабораторих получили дату 7 700 BP, а более поздний комплекс Каиршак I – 7 100 BP (Барацков, Выборнов, Кулькова, 2012), приведенные значения вполне соответствуют выводам, сделанным на основе археологических данных. В калиброванном значении возраст стоянки Байбек будет составлять 6 364 BC, т.е. третья четверть VII тыс. до н.э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Барацков А.В., Выборнов А.А., Кулькова М.А. Проблемы абсолютной хронологии неолита Северного Прикаспия // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2012. Т. 14; № 3. С. 200–204.

Васильев И.Б., Выборнов А.А., Козин Е.В. Исследование неолитической стоянки Каиршак III // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев: КГПИ, 1989. С. 18–45.

Васильева И.Н., Выборнов А.А., Зайцева Г.И. Новые подходы к изучению неолитических культур степей Поволжья // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 1. СПб.: ИИМК РАН, 2012. С. 370–375.

Выборнов А.А. Неолит степного-лесостепного Поволжья и Прикамья: Автореф. дис. … д-ра ист. наук. Ижевск, 2009. 44 с.

Гречкина Т.Ю., Кутуков Д.В. Неолитическая стоянка Байбек // Народы Прикаспийского региона: диалог культур. Элиста: КалмГУ, 2009. С. 20–23.

РЫБОЛОВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ СРЕДНЕГО – ПОЗДНЕГО НЕОЛИТА (ПАМЯТНИК СЕРТЕЯ I, СМОЛЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ)[1]

© 2014 г. Е.В. Долбунова

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург
(katjer@mail.ru)

Ключевые слова: рыболовные конструкции, поздний неолит, лесная зона Восточной Европы.

Резюме. Памятник Сертея I расположен на берегу р. Сертейки (Смоленская обл.). Он был открыт в 1972 г., однако активные раскопки начали проводиться только 40 лет спустя. Здесь были обнаружены остатки двух деревянных конструкций, многочисленные колы, остатки рыболовной сети и грузила. Также здесь были найдены различные обработанные деревянные изделия, фрагменты костяных наконечников. Памятник посещался в древности неоднократно, о чем свидетельствуют радиоуглеродные датировки с первой половины IV до конца I тыс. кал. до н.э.

Памятник Сертея I расположен на левом берегу р. Сертейки, на первой террасе, частично в прилегающем к террасе торфянике и в самой речке, в месте сужения озерной котловины. Он был открыт наряду с другим торфяниковым памятником Сертея II в 1972 г. Если на последнем в 1973 г. были начаты раскопки, то на памятнике Сертея I был лишь заложен шурф (Микляев, 1982). Здесь в отвалах канала был найден многочисленный подъемный материал – фрагменты сосудов усвятской неолитической культуры и кости животных. На дне канала и его берегах были обнаружены колья и сваи. Характер материала позволил предположить существование здесь свайного поселения и рыболовных заколов (Там же). Подтвердить это предположение удалось значительно позже, когда в 2010 г. исследования данного памятника были возобновлены Северо-Западной археологической экспедицией Государственного Эрмитажа. Особенность культурного слоя заключается в том, что он уходит под воду, что заставило нас проводить здесь не только наземные, но и подводные раскопки (см. Отчет Е.В.Долбуновой о работе СЗАЭГЭ за 2010–2012 гг.). В ходе исследований площадь, вскрытая наземными и подводными раскопками, составила 60 кв.м. В русле реки культурный слой сохранился лишь в обрезе берега, на дне реки были найдены лишь остатки нескольких колов. По всей видимости, культурный слой ближе к середине современного русла р. Сертейки был разрушен при рытье мелиоративного канала.

Стратиграфия памятника представляет собой следующую картину – слой торфа со слаборазложившимися растительными остатками мощностью от 19 до 32 см, который является выбросом из мелиоративного канала, подстилает слой оглиненного торфа с древесными остатками мощностью от 15 до 38 см. Ниже простирается слой коричневого сапропеля с древесными остатками мощностью 20–30 см. Его подстилает слой оливкового сапропеля мощностью 14–27 и до 60 см на некоторых участках. На границе слоев оливкового сапропеля и зеленого алеврита зафиксирована прослойка, насыщенная мелкими палочками, листьями – в среднем 2–3 см, местами достигавшая 16 см. Ниже залегает слой зеленого алеврита, который замещает на части раскопа слой песка – материковый слой.

В ходе исследований памятника Сертея I были выявлены остатки деревянной конструкции, по всей видимости, расположенной *in situ* так, как ее оставили там в древности. Эта конструкция относится ко второй половине III

1 Исследование выполнено в рамках проектов РГНФ (№ 13-21-01003) и РФФИ (№ 13-06-12057).

тыс. кал. до н.э. (3820±70 (Ле-9762), 3700±60 (Ле-9692)). Она состоит из стоящих вертикально, связанных между собой веревками мелких сосновых лучин (определения древесины выполнены канд. биол. наук М.И. Колосовой) подпрямоугольного сечения. Нижние концы их были заточены, верхняя часть обломана в древности, а их сохранившаяся длина составила около 70 см. Эта конструкция была вкопана в алеврит (который отложился на рубеже плейстоцена-голоцена) на глубину до 50 см. Вероятно, в древности она перегораживала очень узкую протоку, соединявшую два озера. Рядом с ней был найден костяной наконечник с фрагментами обмотки (рис. 1, *4*) и фрагменты костяного и кремневого наконечников, которые могли использоваться для забивания рыбы. Ниже по течению, в метре от выявленной конструкции, были прослежены остатки подобного сооружения, но более плохой сохранности.

Рядом были обнаружены остатки другой конструкции, которую можно отнести, судя по датировкам, полученным по одной из ее составных частей, к концу III – началу II тыс. кал. до н.э. (3550±100 (Ле-9530)). Эта конструкция представляет собой ряд горизонтально лежащих обработанных крупных еловых лучин, заостренных на концах, длиной до 3 м. Параллельно и перпендикулярно под ней залегают еще несколько таких же обработанных лучин, а также фрагмент заостренного кола, длинная сохранившаяся жердь, фрагменты обработанных досок. Возможно, эта конструкция в древности находилась в вертикальном положении, о чем могут свидетельствовать наклонно расположенные, перпендикулярно основным обработанным лучинам, жерди и заостренные колы.

Интересно отметить, что на части площади раскопа материк представлен слоем песка, в части раскопа – алевритом, что может свидетельствовать о том, что здесь находилась зона, подвергавшаяся периодическому осушению, возможно, береговая зона. Об этом свидетельствуют также и результаты ботанического анализа, выполненного канд. биол. наук Л.И. Абрамовой. Именно здесь были найдены многочисленные фрагменты сети с прикрепленными к ним грузилами (рис. 1, *1–3*). Сеть залегала в несколько слоев, в ходе разбора ее были обнаружены различные системы узлов и типы плетения самих веревок. По фрагменту сети была получена датировка 4294±70 (SPb-746).

Грузила, хорошей сохранности, представляли собой мелкие галечки или глину размером около 5 х 7 см, аккуратно завернутые в бересту/луб. На концах некоторых сохранились фрагменты веревок. Всего на площади раскопа было найдено 83 грузила. Они приурочены в основном к нижнему отделу слоя оливкового сапропеля, часто на границе с алевритом, бывшим в древности дневной поверхностью. Возможно, эти вещи упали или были оставлены в воде или на берегу во время рыбной ловли. Также неподалеку были обнаружены крупные камни с обмоткой, которые, по всей видимости, являлись частью большой сети или нескольких сетей, как и многочисленные грузила, прослеженные по всей площади раскопа и за его пределами (в зачистке левого берега под водой и в шурфе 2010 г.).

Интересно отметить, что собственно находки костей рыбы крайне малочисленны и в основном представлены костями мелких особей (линя, ерша, окуня, щуки, карася, сома, судака – определения Э. Ляшкевич). С площади же раскопа, где были найдены остатки сети и фрагмент деревянной конструкции, происходят кости только одного вида – щуки, некоторые из них достигают в размере более 1 м. Это может указывать на искусственный отбор рыбы в данной части стоянки.

На памятнике была найдена целая категория различных обработанных деревянных и берестяных изделий, среди которых деревянная заостренная лопаточка, фрагменты небольших обработанных дощечек с желобком, скрученный моток бересты, обработанные колья. Для изготовления колов использовался разнообразный материал – ольха, ель, граб, тополь, ясень, ива, клен, бук, вяз, осина. Одной из самых интересных находок является находка крупного фрагмента деревянной фигурной доски, представляющей, по всей видимости, приспособление для установки сетей в зимний период.

Также здесь зафиксированы находки капролитов свиней, которые могут указывать на то, что, возможно, здесь была какая-то хозяйственная площадка, где осуществлялся вы-

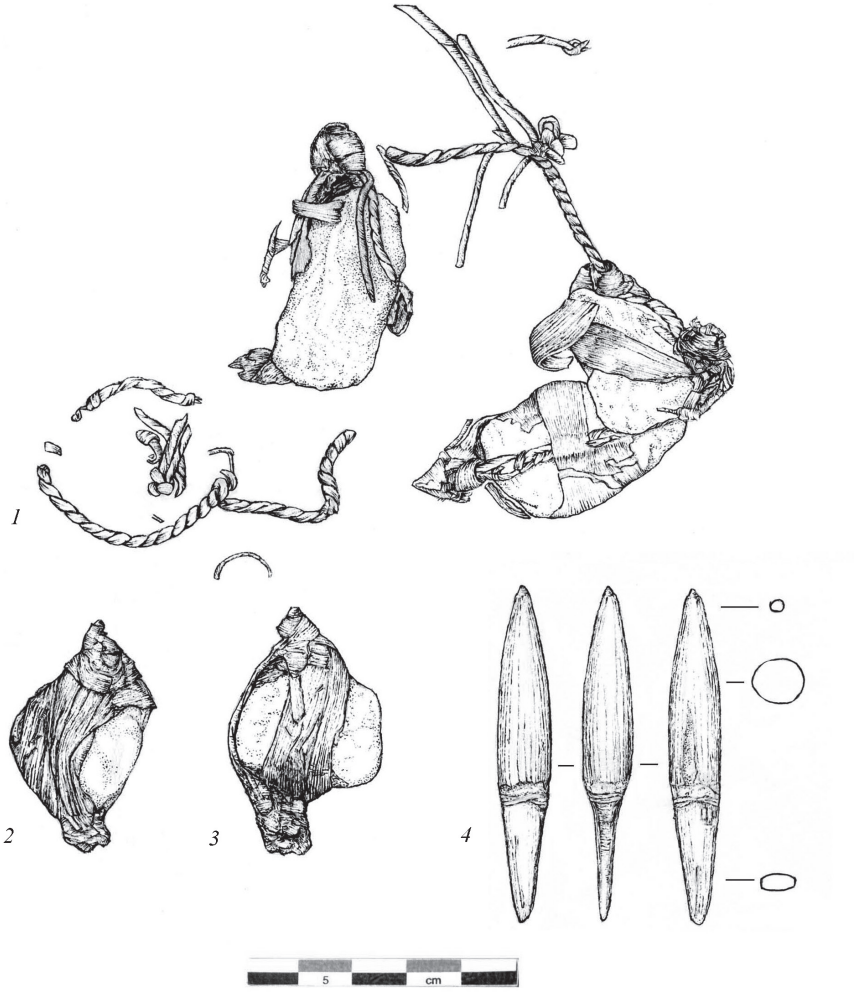


Рис. 1. Фрагменты сети (*1*), грузила (*2, 3*) и костяной наконечник с обвязкой (*4*) из памятника Сертея I.

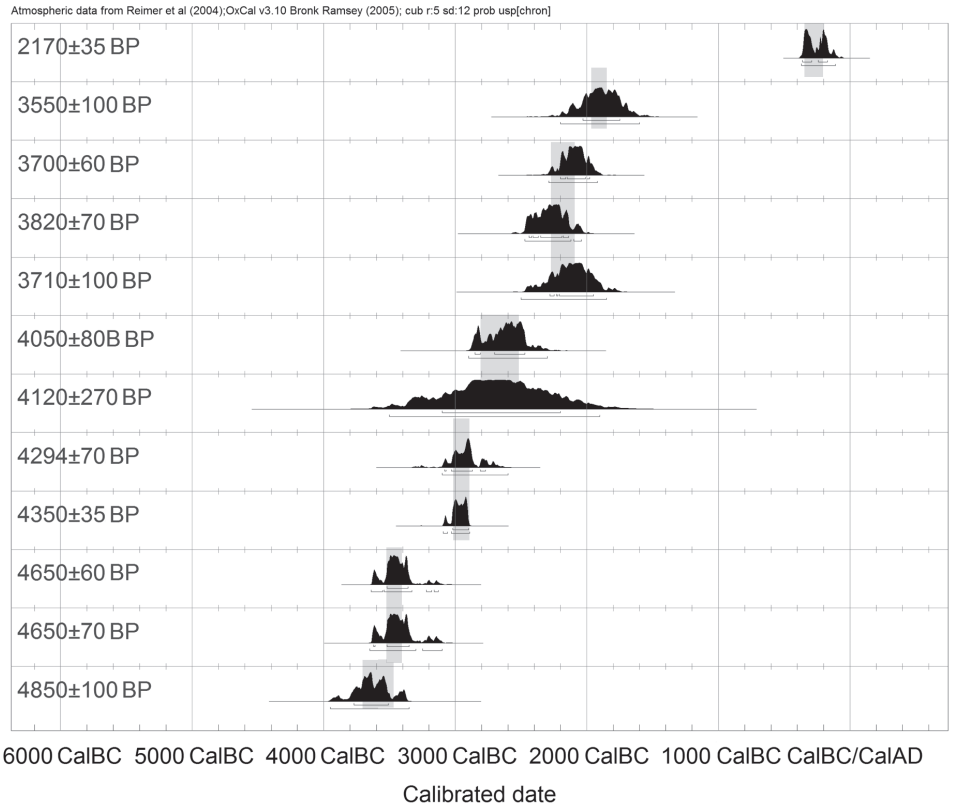


Рис. 2. Распределение радиоуглеродных дат, полученных по остаткам рыболовных конструкций, сети, деревянным колам из памятника Сертея I.

гон свиней. Кроме того, фрагменты керамики поздней усвятской культуры IV тыс. кал. до н.э., найденные в слое коричневого сапропеля, перекрывающем конструкцию, датирующуюся III тыс. калибр. до н.э., могут свидетельствовать о расположении неподалеку и поселения, которое постепенно размывается.

Судя по разным датировкам, полученным по образцам древесины колов (4 850±100 (Ле-9532), 4 650±60 (Ле-9791), 4 650±70 (Ле-9535), 4 050±80 (Ле-9533), 4 120±270 (Ле-9531), 3 710±100 (Ле-9534), 2 170±35 (Ле-9761)), обработанным фрагментам палок (4 350±35 (Ле-9760)) и рыболовных конструкций из лучин, это место использовалось в древности в качестве места рыбной ловли многократно. Мы можем предположить как минимум шесть периодов использования данной территории в древности с первой половины IV тыс. кал. до н.э. до конца I тыс. кал. до н.э. (рис. 2). Поблизости от этого памятника были найдены другие синхронные стоянки среднего – позднего неолита. Так, неподалеку, приблизительно в 1,5 км к югу, находится свайное поселение Сертея II (Mazurkevich et al., 2010), обитатели которого могли использовать это место для рыбной ловли. Реконструкция палеоландшафтной ситуации позволяет предположить существование здесь небольшой протоки, соединявшей два озеровидных расширения (Mazurkevich et al., 2009), что могло привлекать сюда древнее население для занятия рыбной ловлей в разные периоды.

Подобные находки рыболовных конструкций не единственные в данном регионе, однако единственные – отличной сохранности. На территории Днепро-Двинского междуречья известно еще несколько памятников с остатками рыболовных конструкций, датирующихся ранним-поздним неолитом (Сертея X, Рудня Сертейская, Сертея XIV, Усвяты IV). Рыболовные приспособления представлены конструкциями, состоящими из тонких обработанных лучин, местами – с сохранившейся обвязкой. На ранненеолитических памятниках Сертея X, Рудня Сертейская (Мазуркевич, Микляев, 1998), Сертея XIV оставленные, брошенные рыболовные приспособления были найдены в прибрежной зоне. Они располагаются у поселений (Сертея X, XIV) или вдали от обитаемых пространств (Рудня Сертейская). На памятнике Усвяты IV остатки рыболовной конструкции зафиксированы в культурном слое Б свайного поселения (Микляев, 1971. Рис. 5).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Мазуркевич А.Н., Микляев А.М. О раннем неолите междуречья Ловати и Западной Двины // Археол. сб. Гос. Эрмитажа. 1998. № 33. С. 7–31.

Микляев А.М. Неолитическое свайное поселение на Усвятском озере // Археол. сб. Гос. Эрмитажа. 1971. № 13. С. 7–29.

Микляев А.М. О разведках свайных поселений III–II тысячелетий до н.э. в Псковской и Смоленской областях // Древние памятники культуры на территории СССР. Ленинград, 1982. С. 6–29.

Mazurkevich A.N., Arslanov Kh.A., Savel'eva L.A., Kulkova M.A., Zaitseva G.I. Mesolithic and Neolithic in the Western Dvina – Lovat Area // The East European Plain on the Eve of Agriculture / Eds. P.M. Dolukhanov, G.R. Sarson, A.M. Shukurov. Oxford, 2009. P. 197–211. (BAR Internat. Series; № 1964).

Mazurkevich A., Dolbunova E., Maigrot Y., Hookk D. Results of underwater excavations of Serteya II and research of pile-dwellings in Northwest Russia // Archaeologia Baltica. 2010. № 14. P. 47–64.

ТРАДИЦИИ КЕРАМИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА НЕОЛИТИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БАССЕЙНА КОНДЫ

© 2014 г. Е.Н. Дубовцева[1], Т.Ю. Клементьева[2]

[1]Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург (ket@yandex.ru)
[2]Научно-аналитический центр проблем сохранения культурного и природного наследия «АВ КОМ – Наследие», Екатеринбург (KlementjevaT@yandex.ru)

Ключевые слова: неолит Западной Сибири, бассейн Конды, керамика, технико-технологический анализ, периодизация.

Резюме. В работе проводится анализ технико-морфологических характеристик керамики поселений верховьев р. Конды. В результате типологического анализа выявлено три декоративно-морфологических группы, характерных для различных этапов неолита. Технологический и сравнительный анализы керамики поселений позволили выделить две технологические традиции и проследить преемственность в гончарном производстве неолитического населения.

Бассейн Конды является ключевым для решения вопросов неолитизации и культурного взаимодействия древнего населения таежной зоны севера Западной Сибири. За период с 2007 по 2013 г. в верховьях реки исследовано восемь неолитических поселений с жилищными комплексами (Клементьева, Круземент, Погодин, 2012. С. 499–526). Всесторонний анализ источников, включая данные по организации поселков, домостроительству, керамическому производству, обработке камня, и привлечение ресурсов ^{14}С-датирования позволяют решать эти вопросы на новом уровне.

Типологический анализ керамики поселений Шоушма-10, Усть-Тетер-1, Большая Умытья-2, -8, -9, -57, -100 и -109 позволил выделить три декоративно-морфологические группы.

К первой группе отнесены емкости закрытой формы с округлыми и коническими днищами. Посуда отличается толстыми (до 1,2 см) стенками и массивными наплывами треугольной или трапециевидной формы с внутренней стороны венчика. Для орнаментации характерно комбинирование наколов, прочерчивания и отступания (табл. 1). В качестве орнаментиров использованы стержни и зубчатые инструменты. Композиции горизонтальные: зональные и линейные. Устойчив набор мотивов: поясом из наколов выделены зоны, в т.ч. бордюрная, распространен «древовидный» мотив. Такая посуда происходит из трех комплексов: Шоушма-10; соор. 2 пос. Большая Умытья-8 (далее – БУм); соор. 1 пос. Усть-Тетер-1. По данным ^{14}С-датирования они могли существовать с рубежа VII–VI тыс. до н.э. до третей четверти VI тыс. до н.э.

Для второй группы характерны закрытые или прямостенные емкости с округлыми, реже приостренными днищами и толщиной стенок до 0,6 см. Венчики без внутренних наплывов. По краю части сосудов оформлены «ушки» или зооморфные налепы. Бордюрная зона выделена поясом округлых отверстий, реже – глубоких ямок. В орнаментации преобладает прочерчивание, выполненное заостренным или расщепленным стержнем. Устойчивым признаком является сочетание прочерчивания с шаганием (табл. 1). В композициях преобладают линейные схемы из прямых и волнистых линий, поясов из наклонных отрезков. Вертикальными мотивами маркирована зона под «ушком». Керамика второй группы происходит из комплексов пос. БУм-57; пос. БУм-9; соор. 16 и наземного комплекса 1 (далее – НК) пос. БУм-100; соор. 1 и НК1 пос.

Таблица 1. Способы орнаментации на поселенческих комплексах

Способ орнаментации	Комплексы*					
	1	2	3	4	5	6
Наколы/оттиски	21/87,5	–	1/5,2	4/23,5	4/25,0	3/30,0
Отступание	11/45,8	–	–	3/17,6	8/50,0	–
Прочерчивание	11/45,8	18/90,0	16/84,2	14/82,4	10/62,5	–
Штампование	–	2/10,0	1/5,2	1/5,9	3/18,7	–
Шагание	–	2/10,0	3/15,7	1/5,9	4/25	4/40,0
Прокатывание	–	–	–	–	–	5/50,0
Комбинирование нескольких способов	17/70,8	2/10,0	4/20,9	1/5,9	10/62,5	2/20,0
Глубокие ямки	–	9/45,0	–	–	–	3/30,0
Отверстия	–	8/40,0	13/68,4	13/76,4	13/81,2	7/70,0
Налепные и вытяжные ушки	–	3/15,0	–	3/17,6	–	–

*Здесь и далее в таблицах комплексы обозначены цифрами: 1 – Шоушма-10; 2 – БУм-100, соор. 16; 3 – БУм-100, НК1; 4 – БУм-109, соор.1, НК1; 5 – БУм-109, соор. 2, НК2; 6 – БУм-100, соор. 14.

БУм-109. Результаты ^{14}С-датирования позволяют предположить их бытование с последней четверти VI тыс. до н.э. до середины V тыс. до н.э.

Морфологически сосуды третьей группы близки посуде второй группы. Отличительным признаком является увеличение доли гребенчатой орнаментации, использование разнообразных гребенчатых орудий в технике штамповки и проката, хотя сохраняются накольчатый, прочерченный и отступающий способы орнаментации (табл. 2). В композициях распространены горизонтальные линейные схемы. Орнаментирована вся внешняя поверхность сосудов, иногда срез венчика и бордюрная зона изнутри. Наряду с плотной монотонной орнаментацией появляются сосуды с разреженным узором. Под венчиком расположен ряд глубоких ямок или отверстий. Данная группа выделена по материалам соор. 2 и НК2 пос. БУм-109; соор. 14, 17, 25, 27, 28 и 33 пос. БУм-100; пос. БУм-8; соор. 2 пос. Усть-Тетер-1. Данные ^{14}С-датирования показывают их вероятное существование с середины V тыс. до н.э. до первой половины IV тыс. до н.э.

Следующей задачей стало изучение технологии изготовления керамики различных групп и сравнение их между собой. Для этого было отобрано 106 образцов: группа 1 – 24 обр. с пос. Шоушма-10; группа 2 – 19 обр. из НК1 и 20 обр. из соор. 16 пос. БУм-100; 17 обр. из соор. 1 и НК1 пос. БУм-109; группа 3 – 16 обр. из соор. 2 и НК2 пос. БУм-109; 10 обр. из соор. 14 пос. БУм-100. Технологический анализ проводился по методике А.А Бобринского (1978). Из-за фрагментированности материала анализ проводился по сокращенной программе.

Исходное пластическое сырье (табл. 3). В качестве исходного пластического сырья для керамики группы 1 и 2, как правило, использовали запесоченную глину, реже илистые и слабозапесоченные глины. Для керамики группы 3 характерно использование как запесоченных глин (соор. 2 и НК2 пос. БУм-109), так и слабозапесоченных илистых глин (соор. 14 пос. БУм-100). Для сравнения вблизи от поселений были собраны глины, суглинки и ил[1]. Глины и суглинки собирались по берегу и в пойме реки с глубины 0,5–1,5 м. По спектру их цвет варьирует от голубого до ярко-желтого с красноватым оттенком. Особенностью сырья является большая примесь окатанного кварцевого песка различной размерности. Отобранные образцы речного ила непригодны для керамического производства, так как являются органическими остатками с незначительным содержанием глинистой связки, даже при низкотемпературном костровом об-

1 Наличие такого сравнительного материала значительно облегчает характеристику естественных и искусственных примесей в формовочных массах, а также способствует выявлению древних глинищ.

Таблица 2. Применение орнаментиров на поселенческих комплексах

Комплексы	Тип орнаментира								
	Стержень			Зубчатый инструмент					Гладкий штамп
	1–2 мм	3–4 мм	5–6 мм	мелкий	средний	рамчатый	челюстной	двузубый	
1	5/20,8	16/66,6	–	–	4/16,6	–	–	–	–
2	2/10	14/70,0	2/10	2/10	–	–	1/10	3/15,0	1/10
3	4/21,1	8/42,1	–	2/10,5	–	–	3/15,8	3/15,8	–
4	3/17,6	14/82,3	–	–	1/14,2	–	–	–	1/14,2
5	8/50,0	7/43,7	–	8/50,0	–	–	1/6,3	3/18,7	–
6	1/10,0	6/60,0	1/10,0	1/10,0	6/60,0	2/20,0	–	2/20,0	–

Таблица 3. Исходное пластичное сырье на поселенческих комплексах

Исходное сырье	Комплексы					
	1	2	3	4	5	6
Запесоченная глина с примесью окатанного кварцевого песка	12/50	10/50	13/68,4	12/70,6	11/68,8	1/10
Слабо запесоченная глина с порами от выгоревшей органики	8/33	5/25	2/10,5	3/17,6	4/25	2/20
Илистая глина с примесью растительности, костей рыб, чешуи и кварцевого песка	2/8	2/10	3/15,7	2/11,8	–	2/20
Илистая глина с обильной примесью растительных остатков, чешуи и костей рыб	2/8	3/1,5	1/5,2	–	1/6,3	5/50

жиге органика выгорает и изделие распадается. При сравнении установлено, что для части посуды использовалась ожелезненная запесоченная глина, залежи которой приурочены к пойме р. Большая Умытья. Образцы сходны с древними формовочными массами по структуре и цвету в обожженном состоянии, а также по составу и размерности песка. Образцов, аналогичных слабозапесоченным глинам, а также илистым глинам, в нашем распоряжении не оказалось.

Рецепты формовочных масс. Анализ навыков составления формовочных масс выявил большое разнообразие рецептов, эта черта характерна для керамики всех памятников (табл. 4). Основной добавкой является шамот. Исключение составляет керамика НК1 пос. БУм-100, где предпочитали добавку песка. Использовали некалиброванный шамот от 2 до 8 мм, с преобладанием фракций 3–5 мм, в концентрации 1:5, 1:6. Кроме того, использовались добавки кварцевого песка, красной и малиновой охры. Органическими добавками являлись дробленная кальцинированная кость и органический раствор. Многообразие рецептур достигалось комбинированием указанных примесей в различных сочетаниях.

Способы конструирования. Различия между керамикой группы 1 и групп 2 и 3 зафиксированы на созидательной стадии (табл. 5). Посуда пос. Шоушма-10 конструировалась на плоскости. Строительными элементами являлись преимущественно жгуты, реже ленты. Посуда групп 2 и 3 изготавливалась по иной технологии. Ее конструирование производилось с помощью форм-моделей лоскутным или ленточным налепом. Отпечатки прокладки, как правило, фиксируются с внутренней стороны на дне. Выбивание поверхности характерно лишь для сосудов двух проанализированных комплексов – НК1 пос. БУм-100 и соор. 14 пос. БУм-100. На сосудах, изготовленных по этой технологии, имеются четкие следы от ударов на обеих поверхностях.

Обработка поверхности. Поверхности всех просмотренных образцов тщательно за-

Таблица 4. Рецепты формовочных масс

Формовочные массы*	Комплексы					
	1	2	3	4	5	6
ИПС+Ш	2/8,3	3/15,0	1/5,3	2/11,8	7/43,8	
ИПС+П			3/15,8	3/17,6	1/6,3	
ИПС+Ох				1/5,8		
ИПС+Ш+ОрР	3	2/10,0	2/10,5			
ИПС+Ш+Ох	2/8,3	5/25,0	1/5,3	4/23,5	3/18,7	4/40,0
ИПС+Ш+П	1/4,2	6/30,0	2/10,5		1/6,3	3/30,0
ИПС+Ш+К		1/5,0		1/5,8	1/6,3	
ИПС+П+К			1/5,3			
ИПС+П+ОрР			3/15,8			
ИПС+П+Ох				4/23,		
ИПС+Ох+ОрР			2/10,5			
ИПС+П+ОрР+Ох			1/5,3		1/6,3	
ИПС+Ш+ОрР+П	4/16,6		1/5,3			
ИПС+Ш+ОрР+Ох	6/25	1/5,0				
ИПС+Ш+Ох+К	2/8,3					1/10,0
ИПС+Ш+Ох+П	1/4,2			2/11,8	2/12,5	2/20,0
ИПС+Ш+ОрР+К	2/8,3					
ИПС+Ш+П+К			2/10,5			
ИПС+Ш+П+Ох+ОрР	1/4,2					
ИСП+Ш+Ох+ОрР+К		1/5,0				

*В таблице используются следующие сокращения: ИПС – исходное пластичное сырье; Ш – шамот; П – песок; Ох – охра; К – кальцинированная кость; ОрР – органический раствор; Ор – органика.

Таблица 5. Способы конструирования керамики на поселенческих комплексах

Способы	Комплексы					
	1	2	3	4	5	6
Способ						
на плоскости	24/100					
на форме-модели		20/100	19/100	17/100	16/100	10/100
Строительные элементы						
лоскуты	1/4,2	14/70	5/26,3	7/41,2	12/75	
ленты	3/12,5	5/25	6/31,6	5/29,4	4/25	7/70
жгуты	15/62,5		1/5,3			
неопределенные	5/20,8	1/5	7/36,8	5/29,4		3/30
Выбивание			6/31,6			8/80

Таблица 6. Обработка поверхности керамики на поселенческих комплексах

Способ обработки	Комплексы					
	1	2	3	4	5	6
Заглаживание	24/100	20/100	19/100	17/100	16	10
Обмазка глиной	8/33,3	1/5	8/42,1	10/60	8	
Лощение	1/4,2	10/50	1/5,2			3
Окрашивание охрой		6/30		2/11,8	10	

глажены. Помимо этого приема при обработке лицевой стороны использовалось обмазывание жидкой глиной и лощение. Некоторые сосуды группы 2 и 3 окрашивались охрой (табл. 6).

Обжиг. Все анализируемые образцы были обожжены в костре в неустойчивой окислительной среде. Некоторые сосуды из НК1 пос. БУм-100 были деформированы во время обжига. Их внешняя поверхность вспучилась от высокой температуры, достигавшей 800–1000 ºС.

Проведенный анализ показывает, что, несмотря на выделение трех декоративных групп керамики, технология изготовления сосудов групп 2 и 3 близка на всех ступенях производства. Существенное увеличение гребенчатой орнаментации на посуде группы 3 нивелируется схожими композициями и набором мотивов. Можно говорить о преемственности традиций в изготовлении посуды групп 2 и 3. Принципиально иную технологическую традицию представляет посуда группы 1, что проявляется в навыках конструирования сосудов и орнаментации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М: Наука, 1978. 275 с.

Клементьева Т.Ю., Круземент С.А., Погодин А.А. Поселение эпохи неолита на севере Западной Сибири (бассейн Конды): полевые исследования 2007–2011 гг. // Первобытные древности Евразии: к 60-летию А.Н. Сорокина. М.: ИА РАН, 2012. С. 499–526.

МАТЕРИАЛЫ ПОСЕЛЕНИЯ МЕРГЕНЬ-7 В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМАТИКИ КОЗЛОВСКО-ПОЛУДЕНКОВСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ ЗАУРАЛЬЯ[1]

© 2014 г. Д.Н. Еньшин

Институт проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень
(Dimetrius666_72@mail.ru)

Ключевые слова: неолит, Зауралье, поселение, Мергень-7, керамика, козловско-полуденковские древности.

Резюме. В докладе вновь поднята проблема культурно-хронологической интерпретации неолитических материалов Зауралья – козловской и полуденковской культур, козловского, евстюнихского, кокшаровско-юрьинского и полуденковского типов керамики. Сложившаяся ситуация демонстрирует аморфность подходов исследователей в их трактовке. Материалы поселения Мергень-7 содержат черты, присущие всем перечисленным комплексам, что ставит их в один ряд с материалами базовых памятников и позволяет предполагать, что дальнейшим шагом в исследовании данной проблематики может стать их объединение в рамках одной культурно-исторической общности.

Одной из наиболее актуальных проблем зауральского неолита является культурно-хронологическая интерпретация материалов, известных в литературе как козловская культура, полуденковская (полуденская) культура, козловский, евстюнихский, кокшаровско-юрьинский, полуденковский (полуденский) типы керамики (Ковалева, Ивасько, 1991. С. 130–131; Ковалева, Зырянова, 2001. С. 47–50; 2008. С. 38; Усачева, 2001. С. 122; Шорин,

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта «Механизмы и содержание трансформаций и преемственного развития древних обществ Тоболо-Ишимья» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре».

2001. С. 165; Зах, 2009. С. 184; Герасименко, 2008. С. 54; Бунькова, 2011. С. 127–138.). Зачастую одни исследователи, описывая данные керамические комплексы, относят их к определенную типу, указывая в скобках другой, подразумевая при этом их идентичность (Косинская, 2001. С. 61–62.), другие – рассматривают эти типы как хронологические этапы (Ковалева, Зырянова, 2008. С. 38-39; Зах, 2009, С. 185.). Подобная аморфность представлений об означенных выше материалах обусловлена, с одной стороны, медленным пополнением источниковой базы, с другой – разными интерпретационными подходами и слабой степенью публикации комплексов. В этих условиях появление новых материалов и их всесторонний анализ представляется актуальным и своевременным.

Поселение Мергень-7 расположено на северо-восточном берегу одноименного озера близ г. Ишима на юге Тюменской обл. В географическом отношении это территория Нижнего Приишимья.

Самую репрезентативную коллекцию памятника составила посуда, связанная с двухкамерным жилищем 1 (см. *рисунок*, *1*). В его заполнении и на дне были обнаружены фрагменты 56 сосудов козловско-полуденковского облика. Большая часть (80,3%) представлена приземистыми банками с закрытыми, прямыми или отогнутыми венчиками, слегка раздутым туловом и округлым или приостренным дном (см. *рисунок*, *2–7*). Срез венчика плоский, реже округлый. 75% сосудов имеют наплыв подтреугольной или округлой (заглажен) формы на внутренней стороне. По краям венчиков пяти сосудов отмечены выступы/«ушки». Реконструируемые изделия демонстрируют достаточно большие размеры – 26–40 см по диаметру устья. Толщина стенок 0,5–0,8 см.

Помимо баночных форм, отдельную немногочисленную группу составили слабопрофилированные сосуды (19,7%) (см. *рисунок*, *8–11*). Необходимо отметить, что форма явилась единственным критерием ее выделения. По всем остальным характеристикам, а также по стратиграфии залегания в заполнении жилища, сосуды групп «банки» и «горшки» представляют собой единый комплекс.

Орнамент полностью покрывает поверхность сосудов. Характерной чертой комплекса является горизонтальная зональность орнаментального поля с редко встречающимися вертикальными разделителями. Наиболее распространенной техникой нанесения орнамента является прочерчивание и накол (83,9 и 66,1% от общего числа сосудов). Среди орнаментиров доминирует палочка с округлым или приостренным концом – 89,3%. Вторым по частоте использования является гребенчатый штамп – 21,4%.

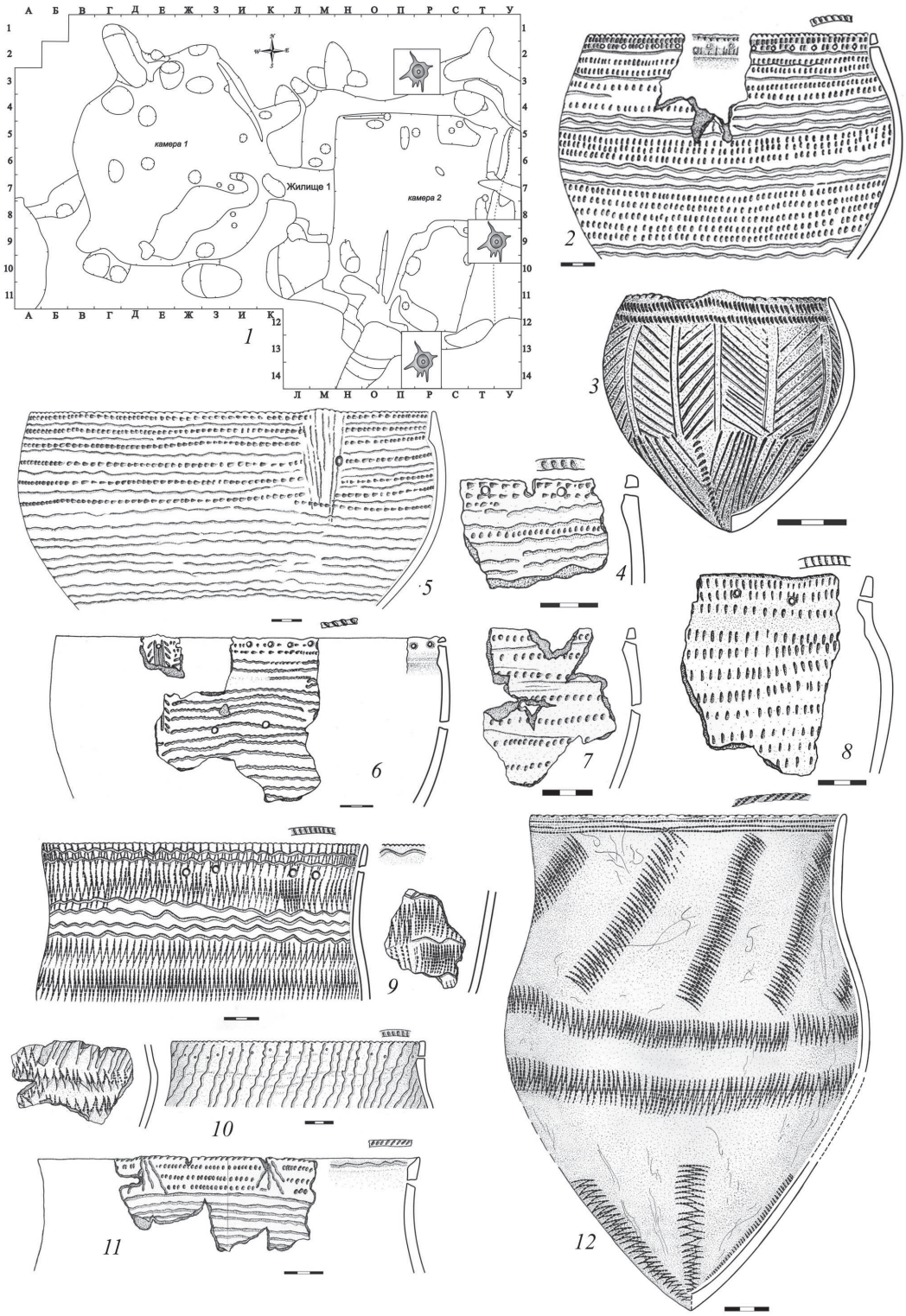
Основными элементами орнамента являются горизонтальная волнистая линия и горизонтальный ряд наколов (60,3 и 58,9 %). Меньшую долю составляют: горизонтальная линия (25%), горизонтальные ряды «шагающей» гребенки (17,8%) или «шагающего» гладкого штампа (8,9%). Еще одной отличительной чертой в орнаментации комплекса выступает значительный процент сквозных отверстий, расположенных обычно под краем венчика и нанесенных поверх основного орнамента (32,1%).

Отдельными элементами являются так называемые вертикальные разделители, зафиксированные на шести сосудах. Представлены сгруппированными, расходящимися от края венчика волнистыми линиями, треугольниками с опущенными вниз остриями, сдвоенными прямыми линиями, древовидными фигурами.

Необходимо отметить, что орнаментировались также наплывы с внутренней стороны и срез венчика.

Основные мотивы представлены повторяющимися волнистыми линиями и монотонными рядами наколов. В композиционных построениях преобладает сочетание этих мотивов в различных вариациях. Реже встречается группирование таких элементов как волнистые линии и ряды «шагающей» гребенки. Единично сочетание трех элементов – наколов, волнистых линий и «шагающей» гребенки.

Таким образом, набор основных признаков рассматриваемого комплекса, безусловно, позволяет включить поселение Мергень-7 в круг таких памятников, как Евстюниха I, Ташково I (ж. 4, 6), Уральские Зори II, Исетское Правобережное (ж. 1, 2, 3, 11), Кокшаровский



План (*1*) двухкамерного жилища 1 пос. Мергень-7 и инвентарь из него: *2–7* – сосуды баночной формы; *8–11* – сосуды горшечной формы; *12* – сосуд маханджарского облика.

Холм, Полуденка I (ж. 1), Шайдурихинское V, Козлов Мыс I, ЮАО-15, «VIII-й пункт» и т.д. (Герасименко, 2008; Ковалева, Ивасько, 1991; Сериков, 1991; Кернер, 1991; Шорин, 2001; Бунькова, 2011; Ковалева, Зырянова, 2008; Юровская, 1975; Усачева, 2001). Керамические комплексы этих памятников, имеющих локальные и, возможно, хронологические различия, в целом объединяет сходство декоративных композиций и орнаментальный и морфологический стандарт, который и отражен в основных характеристиках керамики поселения Мергень-7.

Своеобразие представленной посуды проявляется главным образом в высоком проценте сквозных отверстий в бордюрной зоне (32,1%) и появлении слабопрофилированных сосудов. И если первая особенность находит аналоги в очерченном круге памятников и сближает ишимские материалы с поселениями Андреевского озера в Нижнем Притоболье – ЮАО-15 и, возможно, «VIII-й пункт», то вторая в подобных комплексах не известна. Возможно, появление подобной посуды поможет объяснить своеобразный сосуд отличный от основного комплекса, обнаруженный на дне камеры 1 в виде развала. Он представляет собой слабопрофилированный вытянутый остродонный горшок (см. *рисунок*, *12*), находящий наиболее близкие аналогии по форме, орнаментации и составу формовочной массы (наличие кварцевой дресвы и волос или шерсти животных[1]) в атбасарских и маханджарских комплексах Северного и Западного Казахстана (Зайберт, 1992. С. 98–100; Шевнина, 2008. С. 267; 2012. С. 21). Таким образом, можно предположить, что появление слабопрофилированных форм в представленном комплексе может быть связано с контактами населения, основавшего поселение на северо-восточном берегу озера Мергень и населения степной и лесостепной зоны Казахстана.

Появление профилированных сосудов пока носит локальный характер и является отличительной чертой одного жилища на одном поселении. В целом же комплексов, близких посуде поселения Мергень-7, на территории Нижнего Приишимья пока не обнаружено.

Время существования жилища определяется серией радиоуглеродных дат по углю со дна и по керамике – середина – вторая половина V тыс. до н.э.

Таким образом, анализ материалов поселения Мергень-7 сквозь призму проблематики культурно-хронологической стратификации неолитических комплексов Зауралья, именуемых козловскими, евстюнихскими, кокшаровско-юрьинскими, полуденковскими, позволяет говорить о том, что, несмотря на значительную удаленность от основного ареала расположения памятников данного круга и на контакты с населением сопредельных территорий, четко прослеживаются основные, базовые черты постепенно очерчиваемой общности, хронологию которой, а также характер процессов внутри нее еще предстоит определить.

1 Определение выполнено ст. науч. сотр. лаборатории археологии и естественно-научных методов В.В. Илюшиной (ИПОС СО РАН, г. Тюмень), за что автор выражает искреннюю благодарность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бунькова А.А. Керамика из жилища I поселения Полуденка I // Вопр. археологии Урала: Сб. науч. тр. Вып. 26. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011. С. 125–144.

Герасименко А.А. Характеристика керамики поселения Евстюниха I // Вопр. археологии Урала: Сб. науч. тр. Вып. 25. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2008. С. 44–72.

Зайберт В.Ф. Атбасарская культура. Екатеринбург: УрО РАН, 1992. 220 с.

Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск: Наука, 2009. 320 с.

Кернер В.Ф. Поселение Исетское правобережное // Неолитические памятники Урала: Сб. науч. тр. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 46–67.

Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Неолитические культуры Среднего Зауралья: генезис, соотношение, взаимодействие // Проблемы изучения неолита Западной Сибири: Мат-лы совещ. (Тюмень, ноябрь 2000 г.). Тюмень: ИПОС СО РАН, 2001. С. 46–56.

Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Продолжение дискуссии о зауральском неолите // Вопр. археологии Урала: Сб. науч. тр. Вып. 25. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2008. С. 30–43.

Ковалева В.Т., Ивасько Л.В. Неолитические комплексы поселения Ташково I на Исети // Нео-

литические памятники Урала: Сб. науч. тр. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 112–131.

Косинская Л.Л. Керамические комплексы в неолите Западной Сибири (таежная зона) // Проблемы изучения неолита Западной Сибири: Мат-лы совещ. (Тюмень, ноябрь 2000 г.). Тюмень: ИПОС СО РАН, 2001. С. 61–71.

Сериков Ю.Б. Уральские Зори II – однослойный неолитический памятник нового типа // Неолитические памятники Урала: Сб. науч. тр. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 32–45.

Усачева И.В. Стратиграфические позиции неолитических типов керамики поселения «VIII пункт» на Андреевском озере и некоторые общие вопросы неолита Зауралья // Проблемы изучения неолита Западной Сибири: Мат-лы совещ. (Тюмень, ноябрь 2000 г.). Тюмень: ИПОС СО РАН, 2001. С. 116–133.

Шевнина И.В. Неолитическая керамика Тургайского прогиба (по материалам стоянки Соленое Озеро-2) // VII исторические чтения памяти М.П. Грязнова: Сб. науч. тр. Омск: ОмГУ, 2008. С. 262–269.

Шевнина И.В. Гончарство маханджарской культуры // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 2 (17). С. 21–28.

Шорин А.Ф. О двух новых вариантах неолитической керамики козловского и боборыкинского типов по материалам Кокшаровского холма // Проблемы изучения неолита Западной Сибири: Мат-лы совещ. (Тюмень, ноябрь 2000 г.). Тюмень: ИПОС СО РАН, 2001. С. 162–169.

Юровская В.Т. Неолитическое жилище на стоянке Козлов Мыс I // Вопр. археологии Урала: Сб. науч. тр. Вып. 13. Екатеринбург: УрГУ, 1975. С. 86–91.

МНОГОСЛОЙНЫЕ МЕЗОЛИТИЧЕСКИЕ СТОЯНКИ ГОРБУНОВСКОГО ТОРФЯНИКА[1]

© 2014 г. М.Г. Жилин[1], С.Н. Савченко[2]

[1]Институт археологии РАН, Москва
(mizhilin@yandex.ru)
[2]Свердловский областной краеведческий музей, Екатеринбург
(sv-sav@yandex.ru)

***Ключевые слова**:* мезолит, торфяниковые стоянки, Горбуновский торфяник.

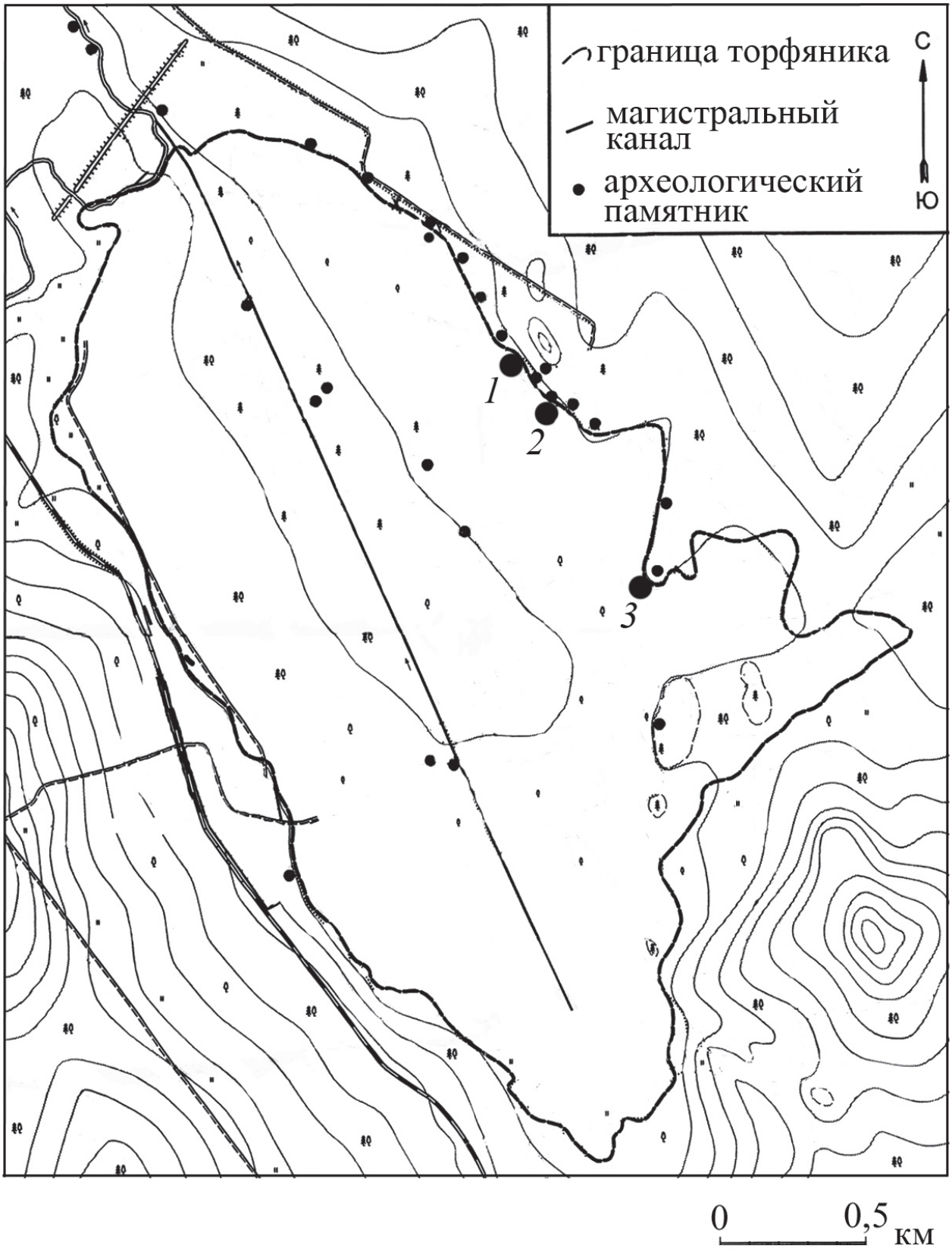
Резюме. В результате наших работ на Горбуновском торфянике открыто три многослойных памятника, где в четких стратиграфических условиях залегают слои раннего, среднего и позднего мезолита с хорошей сохранностью органических материалов. Начиная с раннего мезолита, отмечено сочетание отжимной техники снятия пластин и микропластин из кремнистых пород с производством крупных рубящих орудий с пришлифовкой из местных туффитов. Типичная для Зауралья каменная индустрия сочетается с высокоразвитой костяной индустрией.

Первые мезолитические торфяниковые стоянки в Зауралье были открыты Ю.Б. Сериковым (2000) на Кокшаровском торфянике; одна их них – Кокшаровско-Юрьинская I – была им раскопана в 1979–1981 гг.

С 2003 г. авторы проводят комплексное исследование торфяниковых стоянок мезолита и раннего неолита Зауралья (Жилин, Савченко, 2010а). В 2006 г. на стоянке Варга-2 на Шигирском торфянике ранненеолитический культурный слой был исследован на площади 52 кв.м. Результаты подробно опубликованы (Жилин и др., 2007). В 2007 г. авторами при участии Ю.Б. Серикова раскопана стоянка Кокшаровско-Юрьинская II. Мезолитические стоянки Кокшаровского торфяника подробно опубликованы (Жилин и др., 2012).

В 2008 г. авторами начаты поиски мезолитических памятников на Горбуновском торфянике (Жилин, Савченко, 2010б). Наиболее

1 Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 12-06-00100.



Многослойные мезолитические стоянки Горбуновского торфяника. Ситуационный план.
1 – Береговая I; *2* – Береговая II; *3* – Серый Камень.

интересные результаты получены на стоянке Береговая II (см. *рисунок*). Стоянка располагается на скалистом мысу северо-восточного коренного берега Горбуновского торфяника на правом берегу долины пересохшего ручья. В 1948–1949 гг. А.Я. Брюсовым было раскопано 39 кв.м. В 1991–1992 гг. О.В. Рыжкова вскрыла 112 кв.м. При раскопках выявлены материалы мезолита, неолита, энеолита и раннего железного века. В 2008–2012 гг. авторами на торфянике к югу от подножия скал вскрыто 127 кв.м.

Стратиграфия раскопа: 1) торф темно-коричневый, сильноразложившийся, средняя мощность 40 см; 2) торф от желтого до коричневого, слаборазложившийся, с большим количеством древесины, 70–120 см; 3) торф темно-коричневый, сильно разложившийся, 60–90 см; 4) сапропель буро-оливковый грубодетритовый, рыхлый, 10 см; 5) сапропель серо-коричневый мелкодетритовый, вязкий, в средней части красноватый, 5–25 см; 6) сапропель коричневый оторфованный, с большим количеством листьев тростника и рогоза, семенами водных растений, 2–3 см; 7) сизая глина с песком и камнями – озерное дно.

Прослежено пять культурных слоев, залегающих в озерно-болотных отложениях. Первый культурный слой аятской культуры энеолита лежит в нижней части слоя 1. Второй культурный слой связан с верхней частью темно-коричневого торфа (слой 3) и отделяется от предыдущего стерильным слоем торфа с древесиной. Он содержит керамику кошкинского типа, кости животных и различные изделия из камня, кости и рога. Следует отметить находку насада массивного узкого плоского наконечника стрелы с двумя пазами для вкладышей по краям. Вероятно, это прибрежный участок стоянки, основная часть которой располагалась на скалистом мысу, а на заболоченном, но достаточно сухом берегу велась хозяйственная деятельность. Средняя часть слоя 3 мощностью 10–40 см находок не содержала.

Третий культурный слой приурочен к нижней части темно-коричневого торфа (слой 3). Основная хозяйственная деятельность на раскопанном участке велась на узкой полосе шириной 3–4 м у подножия скал примерно в 5 м от кромки заболоченного берега озера. Прослежены мостки к озеру в виде параллельных друг другу массивных плах, положенных на поверхность болота. Керамики в этом слое не найдено. Каменная индустрия типична для мезолитических стоянок Зауралья. Встречены изделия из кости, рога и дерева. Особо следует отметить фигурку в виде головы зверя из рога лося и деревянный стержень для высверливания огня. В слое буро-оливкового грубодетритового сапропеля (слой 4) кроме одного мелкого обломка зуба лося находок не встречено.

Четвертый культурный слой залегает преимущественно в верхней части слоя 5 – в серо-коричневом сапропеле. Нижняя часть слоя 5 находок не содержит. В южной части раскопа в IV культурном слое прослежены остатки сооружений в виде затесанных колов, вбитых в озерное дно. Участок у подножия скал был в это время затоплен, и для хозяйственной деятельности, требовавшей воды, было сделано что-то типа плотов, закрепленных вбитыми колами. Помимо костей зверей, птиц и рыб найдены каменные орудия, нуклеусы, пластины, заготовки и отщепы. Значительной серией представлены обломки и заготовки шлифованных рубящих орудий. Разнообразны изделия из кости и рога. Особо следует упомянуть находку «клада» из 11 костяных наконечников стрел (Жилин, Савченко, 2010в). Из деревянных изделий интересны целые деревянные дротики с иволистным или коническим острием.

Пятый культурный слой залегает в тонкой прослойке коричневого оторфованного сапропеля с большим количеством листьев тростника и рогоза (слое 6) непосредственно на материке – озерном дне (слое 7). От культурного слоя IV он отделяется нижней частью слоя 5 мощностью 10–30 см, не содержавшей археологических находок. В культурном слое V найдены кости зверей, птиц и рыб, отщепы, нуклеусы и каменные орудия, в т.ч. топор с пришлифованным лезвием, различные изделия из кости и рога. Особый интерес представляет деревянный наконечник остроги или дротика с редкими длинными зубцами по обоим краям.

Для стоянки Береговая II получены 42 радиоуглеродные даты, в т.ч. 15 дат по образцам торфа и сапропеля и 27 дат по артефактам

(Зарецкая и др., 2014). Три даты получены для ранненеолитического культурного слоя II: 7 278±34, 7 325±40 и 7 320±38. Календарный возраст этого слоя – 6 230–6 100 до н.э. Девять дат для позднемезолитического культурного слоя III укладываются в интервал 8 360±40 – 7 960±30 л.н. Календарный возраст слоя III – 7 500–6 750 лет до н.э. Двенадцать дат было получено для культурного слоя IV: от 9 170±90 до 8 405±40 л.н. Календарный возраст слоя IV: 8 200–7 450 лет до н.э. Для раннемезолитического культурного слоя V было получено 12 дат, распавшихся на две хронологические подгруппы. Молодые даты 9 230±60 – 9 215±40 л.н. (кал. 8 600–8 300 лет до н.э.) получены по образцам, отобранным на значительном удалении от берега. Образцы, давшие более древние даты 10 060±80 – 9 800±40 (кал. 9 400–9 200 лет до н.э.), – отобраны ближе к берегу.

Палинологический анализ (Зарецкая и др., 2014) показал, что нижний (V) культурный слой откладывался в пребореальном периоде, слой IV – в первой половине бореального периода, слой III – в его конце, слой II – в первой половине атлантического периода, и слой I – в суббореальном периоде.

В ходе разведок 2012–2013 гг. были открыты культурные слои мезолита и раннего неолита у подножия стоянок Береговая I и Серый Камень. В 2013 г. на Береговой I авторами раскопано 44 кв.м. Стратиграфия раскопа такова: 1) торф темно-коричневый мощностью 75–110 см; 2) торф бурый с большим количеством древесины мощностью 97–120 см; 3) торф темно-коричневый сильно разложившийся, мощностью 39–53 см; 4) сапропель оливковый грубодетритовый с примесью торфа, лесного опада, песка, дресвы и мелких камней, мощность до 18 см; 5) сапропель серый вязкий, мелкодетритовый, мощность до 22 см; 6) сапропель серый оторфованный, с лесным опадом, песком, дресвой, мелкими камнями и угольками, мощность 2–5 см; 7) суглинок сизый с галькой – озерное дно.

В раскопе прослежено пять культурных слоев. Первый залегает в нижней части слоя 1 и относится к аятской культуры. Второй культурный слой залегает в основании слоя 3. Этот слой относится к позднему мезолиту. Третий культурный слой залегает в слое 4. Радиоуглеродная дата 8 780±40 л.н. соответствует среднему мезолиту. Четвертый культурный слой связан с нижней частью слоя 5. Его радиоуглеродная дата 8 940±30 л.н., что соответствует началу среднего мезолита. Нижний, пятый культурный слой залегает на озерном дне и частично в перекрывающем его слое 6. Радиоуглеродные даты: 9 590±70 и 9 320±60 л.н. относят его к раннему мезолиту. В этом слое найдены нуклеусы, пластинки, скребок, заготовка рубящего орудия, отщепы, костяной наконечник стрелы и обломок деревянного дротика.

Сходная стратиграфия прослежена в шурфах у подножия стоянки Серый Камень. Здесь выявлены культурные слои неолита, позднего, среднего и раннего мезолита. Из находок наиболее интересны обломок конца плоского лука из слоя позднего мезолита и лезвие шлифованного тесла из слоя раннего мезолита, лежавшее на материке под сапропелем.

В результате наших работ на Горбуновском торфянике открыто три многослойных памятника, где в четких стратиграфических условиях залегают слои раннего, среднего и позднего мезолита. И если ранее вопрос о раннем и среднем мезолите Зауралья только ставился (Сериков, 2000), то теперь можно утверждать, что Зауралье, как и материковая Европа, было заселено на протяжении всей мезолитической эпохи. С самого начала мезолита и на всем его протяжении наблюдается сочетание отжимной техники снятия пластин и микропластин из кремнистых пород с производством крупных рубящих орудий с пришлифовкой из местных туффитов. Типичная для Зауралья каменная индустрия сочетается с высокоразвитой костяной индустрией. Задача дальнейших исследований – планомерное комплексное изучение открытых памятников и динамики их природного окружения в первой половине голоцена.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Жилин М.Г., Антипина Т.Г., Зарецкая Н.Е., Косинская Л.Л., Косинцев П.А., Панова Н.К., Савченко С.Н., Успенская О.Н., Чаиркина Н.М. Варга-2. Ранненеолитическая стоянка в Среднем Зауралье (опыт комплексного исследования). Екатеринбург, 2007. 99 с.

Жилин М.Г., Савченко С.Н. Торфяниковые памятники мезолита и раннего неолита Зауралья: опыт и перспективы комплексного исследования // Тагильский вестник. Историко-культурное наследие родного края: изучение, сохранение и популяризация. Историко-краеведческий альманах. Вып. 6 / Отв. ред. О.В. Рыжкова. Нижний Тагил, 2010а. С. 28–39.

Жилин М.Г., Савченко С.Н. Результаты археологической разведки на Горбуновском торфянике в 2008 г. // Сто лет археологических исследований на Горбуновском торфянике / Отв. ред. Н.М. Чаиркина. Екатеринбург, 2010б. С. 169–181.

Жилин М.Г., Савченко С.Н. «Клад» костяных наконечников со стоянки Вторая Береговая в Среднем Зауралье // Проблемы археологии Евразии: Сб. статей к 60-летию Х.А. Амирханова / Отв. ред. О.М. Давудов. Махачкала, 2010в. С. 302–315.

Жилин М.Г., Савченко С.Н., Сериков Ю.Б., Косинская Л.Л., Косинцев П.А. Мезолитические памятники Кокшаровского торфяника. М.: Воскресенская типография, 2012. 214 с.

Зарецкая Н.Е., Панова Н.К., Жилин М.Г., Антипина Т.Г., Успенская О.Н., Савченко С.Н. Геохронология, стратиграфия и история развития торфяных болот Среднего Урала в голоцене (на примере Шигирского и Горбуновского торфяников) // Стратиграфия. Геологическая корреляция. 2014 (в печати).

Сериков Ю.Б. Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. Нижний Тагил: НТГПИ, 2000. 430 с.

К ВОПРОСУ О КЕРАМИКЕ «ПЕРЕХОДНОГО» ТИПА (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСЕЛЕНИЯ ФОФАНОВО XIII)

© 2014 г. А.М. Жульников[1], А.Ю.Тарасов[2]

[1]Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск (rockart@yandex.ru)
[2]Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, Петрозаводск (taleksej@drevlanka.ru)

Ключевые слова: энеолит, керамика «переходного» типа, Карелия.

Резюме. Данные изучения комплексов керамики со стоянки Фофаново XIII, имеющих черты позднеолитической гребенчато-ямочной (ромбо-ямочной) и энеолитической асбестовой (пористой) керамической посуды, свидетельствуют в пользу автохтонного происхождения ряда типов пористой керамики Северо-Запада России.

На рубеже неолита – энеолита на севере европейской части России повсеместно появляются новые типы керамики – с примесью раковины или органики, а в северо-западной части региона – асбеста, органики и раковины. Неясность причин столь широкого и относительно одновременного распространения пористой керамики привела к появлению ряда миграционных и иных гипотез, объясняющих это явление.

Как известно, особую роль в решении проблемы генезиса типов керамики имеют комплексы так называемого «переходного» облика, то есть устойчиво совмещающие признаки, характерные для раннего и позднего вида керамической посуды. Количество исследованных на севере Европы поселений с подобной керамикой пока невелико, что затрудняет статистические и иные сопоставления неоэнеолитических комплексов. В южной части Карелии и прилегающих к ней областях к керамике переходного типа относится группа Войнаволок (с примесью асбеста, птичьего пуха или раковины), характеризующаяся в орнаментации геометрическими композициями, выполненными преимущественно сочетани-

ем двух и более элементов, с частым использованием ямок (Жульников, 1999).

Исследования последних двух десятилетий в западной части бассейна Онежского озера привели к открытию ряда новых комплексов керамики «переходного» типа (Войнаволок), что позволяет уточнить целый ряд наших представлений о культурных процессах в энеолите северо-запада России.

Так, в низовьях р. Шуя на данный момент выявлено свыше 100 древних поселений. На большей части из них присутствуют энеолитические комплексы (ок. 3 300–2 000 кал. лет до н.э.), преимущественно состоящие из отходов производства каменных рубящих орудий (топоров, тесел, желобчатых тесел, долот) так называемого русско-карельского типа. Имеются основания утверждать, что в устье Шуи, находящемся вблизи месторождений каменного сырья (метатуфа), в эпоху энеолита существовал крупный производственный центр, специализирующийся на изготовлении данных инструментов. Изделия распространялись на очень обширной территории, включая всю Карелию, сопредельные регионы – Финляндию, Архангельскую и Вологодскую области, а также в Восточную Прибалтику и Центральную Россию. Очевидно, распространение этих предметов происходило с использованием механизмов обмена.

Наиболее крупной энеолитической стоянкой-мастерской по изготовлению каменных рубящих орудий из метатуфа в низовье р. Шуя является поселение Фофаново XIII. В 2010–2011 гг. на данном памятнике были проведены раскопки (30 кв.м), которые предоставили беспрецедентно богатые по численности материалы. Коллекция находок насчитывает 355 542 предметов, преимущественно сколов – отходов производства каменных рубящих орудий (92%). Наряду с ними на памятнике найдены также отходы от изготовления других категорий орудий, куски самородной меди, янтарные украшения, кости (необожженные) и весьма многочисленные фрагменты энеолитической асбестовой керамики, ряд из которых имеет черты «переходного» типа – 10 141 экз. Мелкие фрагменты, принадлежащие к поздненеолитической ямочно-гребенчатой керамике, на стоянке единичны. Их размеры не превышают 2 х 3 см.

Кроме того, в начале XX в. на распаханном участке стоянки, находящемся в 20–30 м западнее от раскопа, проводились сборы, материалы которых частично опубликованы (Жульников, 2011). Статистические данные по керамике, найденной в ходе сборов, показали довольно узкий хронологический диапазон бытования стоянки – на финальной стадии типа Войнаволок.

В раскопе на стоянке Фофаново XIII были найдены многочисленные образцы для радиоуглеродного датирования, включая куски древесного угля, кости, нагар на керамике. В настоящий момент сделано пять дат (табл. 1), которые свидетельствуют о длительном периоде существования памятника. Данные датировки не согласуются с радиоуглеродной хронологией разновидностей асбестовой керамики, найденных в раскопе, основанной на более чем 40 датах с территории Карелии и Финляндии (Zhulnikov, Tarasov, Kriiska, 2012). С этой хронологией, однако, вполне согласуется единственная AMS датировка, полученная по нагару на керамике. В данной противоречивой ситуации особое значение для датировки памятника и установления продолжительности его функционирования приобретает анализ коллекции керамики, в т.ч. получение новых дат по нагару.

Таблица 1. Радиоуглеродные даты со стоянки Фофаново XIII*

Лабораторный индекс	Дата (BP±1σ)	Калиброванная дата 2σ (BC)	δ13C	Материал
Hela-2812	4 454±42 BP	3 340–2 935 BC (95,4%)	–27.5‰	нагар на керамике
SPb-781	3 288±70 BP	1 740–1 420 BC (95,4%)	–25‰	уголь
SPb-782	3 158±80 BP	1 630–1 250 BC (94,1%) 1 240–1 210 BC (1,3%)	–25‰	уголь
SPb-783	5 150±80 BP	4 250–3 700 BC (95,4%)	–25‰	уголь
SPb-784	5 220±80 BP	4 260–3 910 BC (88,6%) 3 880–3 800 BC (7,8%)	–25‰	уголь

*Атмосферные данные по: (Reimer et al., 2004); OxCal v3.10 (Bronk Ramsey, 2005).

Коллекция асбестовой керамики, собранная на стоянке, состоит минимум из 191 сосуда. Керамика, полученная при раскопках (по венчикам – 161 сосуд), была обнаружена во всех трех горизонтах культурного слоя, при его общей мощности, нехарактерной для других стоянок Карелии, – около 1 м.

Проведенное исследование керамики направлено, в первую очередь, на определение специфики керамики «переходного» типа со стоянки Фофаново XIII, а также на выявление хронологических и пространственных особенностей функционирования данной стоянки-мастерской.

В ходе исследования четыре условные группы (коллекции) керамики, найденные в трех горизонтах и при сборах на стоянке, были сопоставлены друг с другом и с опорными комплексами основных, сменяющих друг друга, энеолитических типов керамики Карелии: Войнаволок, Оровнаволок, Палайгуба. Сравнение комплексов керамики было проведено путем вычисления коэффициентов парного сходства по нескольким группам количественных признаков: элементам орнамента и их сочетаниям, композициям, формам и орнаментации венчиков. Кроме того, для определения хронологического диапазона бытования асбестовой керамики со стоянки Фофаново XIII были использованы некоторые качественные признаки (форма донышка и т.п.).

В ходе исследования были получены следующие данные:

1. Смешанность комплексов керамики между горизонтами, определяемая по встречаемости одних и тех же сосудов в примыкающих пластах, на стоянке Фофаново XIII оказалась довольно низкой, что, видимо, обусловлено высокой интенсивностью отложения продуктов камнеобработки на данном участке.

2. Комплексы керамики из горизонтов 1 и 2 обладают довольно высокой степенью сходства друг с другом и с опорным комплексом со стоянки Оровнаволок XVI. Коллекция керамики из горизонта 3 оказалась в наибольшей степени сходна с комплексом посуды, полученным при сборах, и с керамикой, представленной на стоянке Войнаволок XXVII. Таким образом, выявилась принадлежность асбестовой керамики со стоянки Фофаново XIII к двум сменяющим друг друга типам – Войнаволок и Оровнаволок.

3. Сопоставление ряда хронологических показателей комплексов керамики, найденной в горизонтах 1–3 (табл. 2), демонстрирует уменьшение в верхних горизонтах числа сосудов, украшенных ямками, сочетанием элементов орнамента, геометрическими композициями. Напротив, в двух верхних горизонтах наблюдается резкое увеличение доли композиций в виде вертикального зигзага. Эти данные хорошо согласуются с данными по относительной хронологии типов Войнаволок и Оровнаволок (Жульников, 1999. С. 55).

Таблица 2. Основные хронологические показатели асбестовой керамики, найденной на стоянке Фофаново XIII

Место обнаружения	Элементы орнамента и их сочетания (%)			Орнаментальные композиции (%)		
	Ямки	Сочетание элементов	Кол-во сосудов	Композиции с геометрическими мотивами	Вертикальный зигзаг	Кол-во сосудов
Горизонт 1	13,0	22,4	58 (100%)	16,6	38,8	54 (100%)
Горизонт 2	24,5	33,9	100 (100%)	30,0	37,0	106 (100%)
Горизонт 3	38,0	57,1	63 (100%)	61,1	16,6	54 (100%)
Сборы на распаханных участках	26,5	63,2	49 (100%)	53,2	12,7	49 (100%)

4. В асбестовой керамике типа Войнаволок из горизонта 3 и из сборов высокую долю составляют геометрические композиции, составленные из сочетания оттисков длиной и короткой гребенки, что позволяет отнести ее к финальной стадии данного типа. В керамике типа Оровнаволок не представлены плоские донышки, которые получают распространение на втором хронологическом этапе развития этого типа (Жульников, 1999. С. 50–51). Таким образом, общий хронологический диапазон функционирования стоянки в эпоху энеолита, видимо, невелик. С учетом имеющихся радиоуглеродных дат по сходной асбестовой керамике Карелии и Финляндии он составляет 250–300 лет. Между комплексами керамики типа Войнаволок и Оровнаволок, представленными на стоянке Фофаново XIII, прослеживается достаточно высокая степень сходства, что указывает на их преемственность.

Судя по керамике типа Войнаволок со стоянки Фофаново XIII, формирование нового типа (Оровнаволок) происходило хотя и скачкообразно (немногочисленность подобных комплексов), однако без существенного влияния извне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Жульников А.М. Энеолит Карелии (памятники с пористой и асбестовой керамикой). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1999. 224 с.

Жульников А.М. Комплексы энеолитической керамики типа Войнаволок в коллекциях НМРК // Вестн. Карельского краеведческого музея. Вып. 6. Петрозаводск, 2011. С. 185–198.

Bronk Ramsey C. OxCal (computer programm). Version 3.10. The Manual. 2005. URL: http://www.rlaha.ox.ac.uk/oxcal/oxcal.htm.

Reimer P.J., Baillie M.G.L., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., Bertrand C.J.H., Blackwell P.G., Buck C.E., Burr G.S., Cutler K.B., Damon P.E., Edwards R.L., Fairbanks R.G., Friedrich M., Guilderson T.P., Hogg A.G., Hughen K.A., Kromer B., McCormac G., Manning S., Ramsey C.B., Reimer R.W., Remmele S., Southon J.R., Stuiver M., Talamo S., Taylor F.W., van der Plicht J., Weyhenmeyer C.E. IntCal04 terrestrial radiocarbon age calibration, 0–26 cal kyr BP // Radiocarbon. 2004. № 46 (3). P. 1029–1058.

Zhulnikov A., Tarasov A., Kriiska A. Discrepancies between conventional and AMS dates of complexes with Asbestos and Porous Ware – probable result of “reservoir effect”? // Fennoscandia Archaeologica. 2012. № XXIX. P. 76–83.

ПРОБЛЕМА НЕОЛИТИЗАЦИИ ЗАПАДНОГО КАВКАЗА И ИЗМЕНЕНИЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ[1]

© 2014 г. Г.И. Зайцева1, В.А. Трифонов1, В.А. Дергачев2

[1]Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург (zai-ganna@mail.ru; viktor_trifonov@mail.ru)
[2]Физико-технический институт им. А.Ф. Иоффе РАН, Санкт-Петербург (v.dergachev@mail.ioffe.ru)

Ключевые слова: неолит, Северо-Западный Кавказ, природная среда, уровень Черного моря.

Резюме. Рассмотрены вопросы, связанные с неолитом Западного Кавказа и процессами в природной среде. Показано, что отсутствие достоверно датированных памятников, относящихся к периоду, приблизительно, между 9000–6000 гг. до н.э. (кал.), может свидетельствовать о существенном падении интенсивности освоения людьми этой территории, что, скорее всего, стало следствием изменения климата и природной среды, в т.ч. повышения уровня Черного моря и усиления аридности. Возможно, что эти причины препятствовали процессу неолитизации Западного Кавказа.

В отличие от палеолита, энеолита и бронзового века, данные о памятниках неолита для региона Западного Кавказа крайне скудны (Бжания, 1996; Трифонов, 2009). Достоверно датированных памятников, относящихся к периоду, приблизительно, между 9000 и 6000 г. до н.э. (кал.), в регионе практически нет (рис. 1). Хронологический перерыв в интенсивности освоения людьми этой территории между эпохами мезолита и энеолита составляет около 3 тыс. лет и мог быть связан с особенностями экологической ситуации, в т.ч. с изменением уровня Черного моря.

Западный Кавказ – не единственная область Причерноморья, где в период, приблизительно, между 10000 и 6000 гг. до н.э. (кал.), между палеолитом и энеолитом, не известны неолитические памятники. Сюда относиться не только основная часть южного и юго-восточного побережья Черного моря, но и внутренние области северной Анатолии (к северу от линии Стамбул – Малатья). Рассматривается несколько возможных причин отсутствия в этих районах памятников неолитического времени (Matthews, 2007; Düring, 2008). Допускается, что экологическая обстановка была неблагоприятной для неолитического образа жизни; малочисленное население вело подвижный образ жизни охотников, строивших легкие деревянные постройки, следы которых сегодня трудно обнаружить; и наконец, неолитические памятники существовали, но были уничтожены в периоды климатических пертурбаций и интенсивной эрозии ландшафтов.

Учитывая низменный ландшафт значительной части приморской территории Западного Кавказа можно предположить, что на региональный климат и расположение береговой линии большое влияние оказывало колебание уровня Черного моря. Соответственно, уровень Черного моря, превышающий современный, делал маловероятным плотное заселение этих территорий. В свою очередь, поселения, которые могли возникнуть в низких долинах Западного Кавказа до трансгрессии, могли быть уничтожены или перекрыты мощными слоями аллювиальных отложений. Если подобные процессы имели место в период между IX и VI тыс. до н.э., тогда они могут быть причиной отсутствия памятников «неолитического» периода.

1 Работа выполнена в рамках проекта РФФИ «Радиоуглеродная хронология древностей раннего и среднего неолита регионов Центральной и Северо-Западной России».

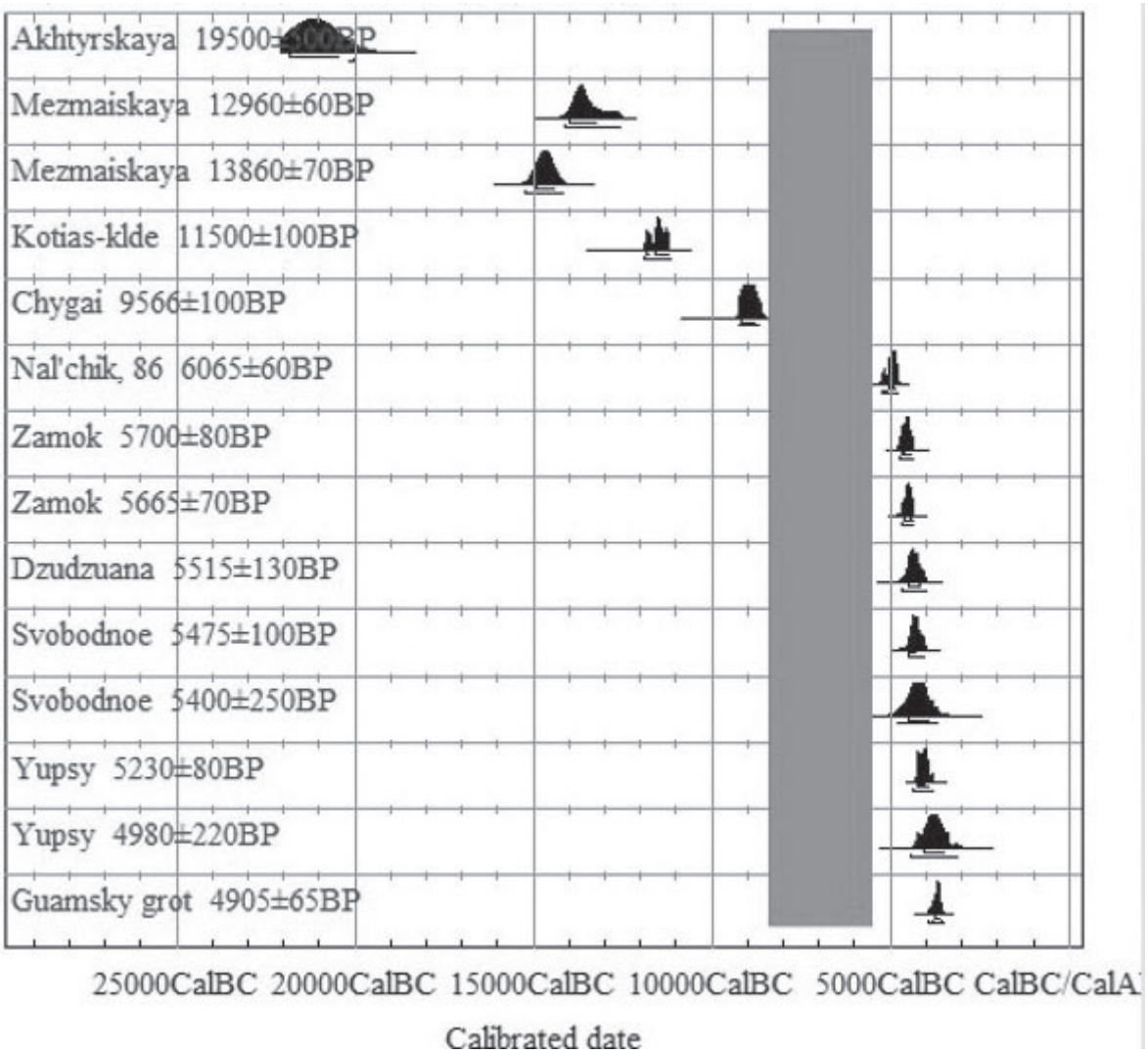


Рис. 1. Радиоуглеродная хронология памятников палеолита – бронзового века Северо-Западного Кавказа. (Черная линия – хронологический разрыв в интервале: палеолит – неолит.)

Как менялся уровень Черного моря, а также климат (влажность и температура) в период 9000–6000 л.т.н. можно рассмотреть на диаграмме (рис. 2), где видно, что уровень Черного моря в интервале 8000–5000 л.т.н. был намного выше современных отметок (Кореников, Лиходеева, 2010).

Средиземноморская трансгрессия имела возвратно-поступательный характер (Янко-Хомбах и др., 2011) и происходила в течение шести регрессионных стадий. В результате новоэксинской трансгрессии могли быть затоплены прибрежные поселения и наблюдалась резкая аридизация климата.

Установлено, что палеоэкологические изменения особенно очевидны вокруг Северной Атлантики, которые также значительно влияют на климаты удаленных областей, таких как Турция и Ближний Восток (Felis et al., 2004).

Lamy et al. (2006) выполнили сравнение палеоэкологических косвенных данных по вкладу эоловых осадков и континентальным выпадениям дождей, основанных на исследованиях с высокой разрешающей способностью кернов осадков из юго-западной части Черного моря. Реконструкция морской поверхностной температуры (SST) указывает на события похолоданий в интервале 9000–6000 л.т.н. (Cacho et al., 2001).

Картины гидрологического отклика на изменчивость климата раннего голоцена подразумевают сдвиги между усиленным западным потоком ветров по средней Европы и ослабленным и ветвящимся или блуждающим потоком, который позволял проникновение влажных масс воздуха в Средиземноморский бассейн. Сухие эпизоды от середины до позднего голоцена – в 5400–4500, 3700–2900

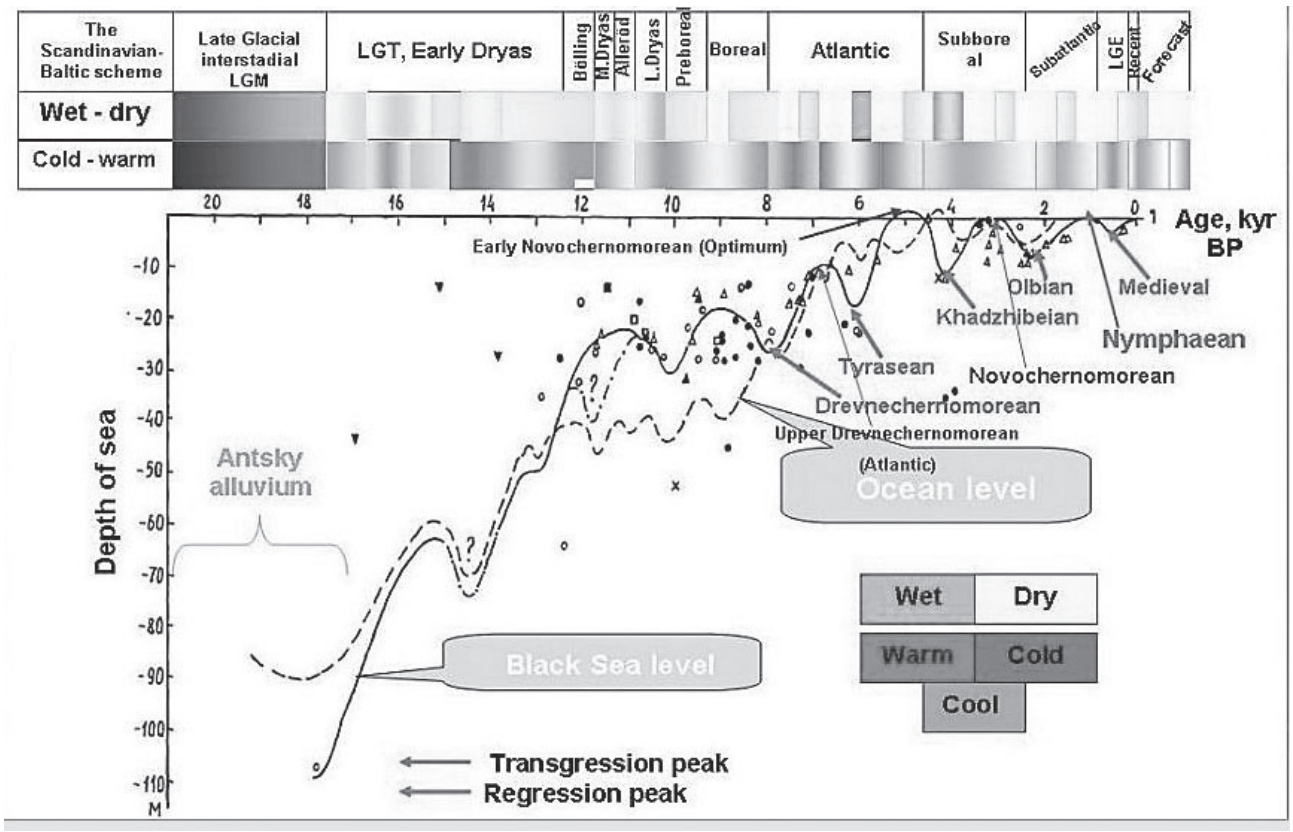


Рис. 2. Диаграмма колебаний уровня Черного моря и другие палеоэкологические данные в голоцене.

и 1900–1300 л.т.н. (cal BP) показывают периодичность ~1750 лет (Fletcher, Debret, Sanchez Goni, 2012), близкую к обнаруженной в работе Bond et al. (2001) в изменении Атлантического климата.

В работе Stuiver et al. (1998) представлены доказательства и изменчивости солнечной активности по данным об изменении скорости образования радиоуглерода долговременной шкале.

По результатам анализа изменения уровня радиоуглерода в образцах известного возраста и естественной климатической изменчивости в течение голоцена было показано (Dergachev et al., 2007), что крупные флуктуации индийских и африканских муссонов, уровни озер в Эфиопии, Сахаре и Европе, наступление и отступление ледников изменяются с периодичностью около 2000 лет, совпадающей с крупными осцилляциями концентрации радиоуглерода, по-видимому, обусловленными солнечной активностью.

Заключение. Отсутствие на Западном Кавказе достоверно датированных памятников, относящихся к периоду, приблизительно, между 9000–6000 гг. до н.э. (кал.), может свидетельствовать о существенном падении интенсивности освоения людьми этой территории, что, скорее всего, стало следствием изменения климата и природной среды, в т.ч. повышения уровня Черного моря и усиления аридности. Возможно, что эти причины препятствовали процессу неолитизации Западного Кавказа. Не исключено, что поселения, которые могли возникнуть в низких долинах Западного Кавказа до трансгрессии, были уничтожены или перекрыты отложениями в процессе эрозии ландшафта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бжания В.В. Кавказ // Неолит Северной Евразии / Отв. ред. С.В. Ошибкина. М.: Наука, 1996. С. 73–87.

Коников Е.Г., Лиходеева О.Г. Глобальные и региональные факторы колебания уровня Черного моря как основа геодинамической модели береговой зоны // Гидрология полезных ископаемых Мирового океана. 2010. № 1. С. 84–93.

Трифонов В.А. Существовал ли на Северо-Западном Кавказе неолит? // Адаптация культур

палеолита – энеолита к изменениям природной среды на Северо-Западном Кавказе / Отв. ред. В.А. Трифонов. СПб.: Теза, 2009. С. 84–93.

Янко-Хомбах В.В., Смытына Е.В., Кадурин С.В., Ларчина Е.П., Мотненко И., Какаранза С.В., Киосак Д.Д. Колебания уровня Черного моря и адаптационная стратегия человека за последние 30 тыс. лет // Геология полезных ископаемых Мирового океана. 2011. № 2. С. 61–93.

Bond G., Kromer B., Beer J., Muscheler R., Evans M.N., Showers W., Hoffmann S., Lotti-Bond R., Hajdas I., Bonani G. Persistent solar influence on north Atlantic climate during the Holocene // Science. 2001. № 294. P. 2130–2136.

Cacho I., Grimalt J.O., Canals M. et al. Variability of the Western Mediterranean sea surface temperature during the last 25,000 years and its connection with the Northern Hemisphere climatic changes // Paleoceanography. 2001. № 16. P. 40–52.

Dergachev V.A., Raspopov O.M., Damblon F., Jungne H., Zaitseva G.I. Natural cclimate variability during the Holocene // Radiocarbon. 2007. № 2. P. 837–854.

Düring B. The Early Holocene occupation of north-central Anatolia between 10,000 and 6,000 BC cal: investigating an archaeological terra incognita // Anatolian Studies. 2008. № 58. P. 15–46.

Felis T., Lohmann G., Kuhnert H., Lorenz S.J., Scholz D., Patzold J., Al-Rousan S.A., Al-Moghrabi S.M. Increased seasonality in Middle East temperatures during the last interglacial period // Nature. 2004. № 429. P. 164–168.

Fletcher W.J., Debret M., Sanchez Goni F.M. Mid-Holocene emergence of a low-frequency millennial oscillation in western Mediterranean climate: Implications for past dynamics of the North Atlantic atmospheric westerlies // The Holocene. 2012. № 23 (2). P. 153–166.

Lamy F., Arz H.W., Bond G.C., Bahr A., Patzold J. Multicentennial-scale hydrological changes in the Black Sea and northern Red Sea during the Holocene and the Arctic/North Atlantic Oscillation // Paleoceanography. 2006. № 21. PA1008. Doi:10.1029/2005PA001184.

Matthews R. An arena for cultural contact: Paphlagonia (north-central Turkey) through prehistory // Anatolian Studies. 2007. № 57. P. 25–34.

Stuiver M., Reimer P.J., Bard E., Beck J.W., Burr G.S., Hughen K.A., Kromer B., McCormac G., Van Der Plicht J., Spurk M. INTCAL98 radiocarbon age calibration, 24,000 – 0 cal BP // Radiocarbon. 1998. № 40. P. 1041–1083.

ТЕХНИКА ПЕРВИЧНОГО РАСЩЕПЛЕНИЯ ГОРИЗОНТА 3А ПОСЕЛЕНИЯ ТЫТКЕСКЕНЬ VI[1]

© 2014 г. К.Ю. Кирюшин[1], Ю.Ф. Кирюшин[2], В.П. Семибратов[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск (kirill-kirushin@mail.ru)
[2]Алтайский государственный университет, Барнаул (president@asu.ru; semibratovvladimir@mail.ru)

Ключевые слова: каменная индустрия, техника первичного расщепления, преформа, нуклеус, пластина, пластинчатый отщеп.

Резюме. Археологические коллекции горизонта 3А поселения Тыткескень VI относятся к развитому неолиту и датируются концом VI – первой половиной V тыс. до н.э. Анализ техники первичного расщепления позволяет выделить две традиции, ориентированные на получение призматической пластины и короткого пластинчатого отщепа.

Поселение Тыткескень VI находится в Чемальском р-не Республики Алтай. Памятник расположен в устьевой зоне одноименной реки, левого притока Катуни. Поселение открыто в ходе раскопок курганного могильника Тыткескень VI (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров, 1994. С. 111). В 2006 г. на поселении были продолжены археологические раскопки, в ходе которых исследовано 1500 кв.м. Получены материалы, относящиеся к бронзовому веку, раннему железному веку и средневековью (горизонт 1), к энеолиту (горизонт 2) и неолиту (горизонт 3) (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров, Семибратов и др., 2007. С. 22).

Неолитические материалы поселения представлены двумя комплексами, выделяющимися на территории памятника планиграфически. Нижний и верхний уровни разделены между собой 20-метровым участком наклонной поверхности, на котором находки представлены единичными предметами. Для обозначения археологических коллекций из неолитического слоя решено использовать термины горизонт 3А (нижний) и горизонт 3Б (верхний). Полученные радиоуглеродные даты 6 200±210 лет (СОАН-6763) для горизонта 3А и 5 930±150 лет (СОАН-6765) для горизонта 3Б позволяют говорить о хронологическом разрыве между этими комплексами.

Коллекция каменных артефактов, полученных в результате исследования горизонта 3А поселения Тыткескень VI насчитывает 9 212 экз., из которых продукты первичного расщепления – 646 экз., орудийный набор – 2 348 экз. и отходы производства – 6 218 экз. Представительные коллекции позволяют проанализировать технику первичного расщепления, орудийный набор и отходы производства.

Техника первичного расщепления представлена блоками кремня со сколами, преформами, пренуклеусами, нуклеусами, обломками и техническими сколами с нуклеусов.

Куски породы со сколами (28 экз.) представлены семью гальками со сколами, 13 плитками и восьмью желваками.

Преформы (20 экз.) представлены конусовидными кусками кремня с выделенной ударной площадкой или фронтом. Как правило, их высота варьирует от 3,5 до 6,0 см (рис. 1, *1, 3*). Одна из преформ выделяется своими размерами – высота 8,5 см (рис. 1, *2*). Площадки подпрямоугольной (рис. 1, *1, 2*) или подтреу-

1 Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление № 220), полученного Алтайским государственным университетом, проект № 2013-220-04-129.

Опубликовано при поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках базовой части государственного задания в сфере научной деятельности Алтайского государственного университета. Код проекта: 1006.

гольной формы (рис. 1, *3*), выполнены серией продольно-поперечных сколов (рис. 1, *1*), или одним сколом (рис. 1, *3*), или представлены поверхностью плитки (рис. 1, *2*). У восьми изделий одна или две латерали представлены поверхностью плитки (рис. 1, *1, 3*).

В материалах горизонта 3А поселения Тыткескень VI хорошо просматривается, что при отборе сырья древний мастер отдавал предпочтение блокам кремня. Для преформы выбирался блок с ровной поверхностью, которая становилась ударной площадкой (рис. 1, *2*). Для обеспечения необходимой выпуклости фронта скалывания подрабатывалась дистальная часть будущего нуклеуса сколами со стороны предполагаемого фронта или фронта и латералей (рис. 1, *1*) . На следующем этапе удалялась грань блока между будущим фронтом и латералью. На этом этапе выявлялись скрытые дефекты сырья (микротрещины) (рис. 1, *2*).

Пренуклеусы – 7 экз. Все средних размеров (высота от 3 до 6 см). Они полностью готовы к работе, но процесс серийного снятия пластин еще не начат (рис. 1, *4*). У изделий оформлены треугольные или прямоугольные площадки и поверхности скалывания треугольной формы.

Все нуклеусы призматические одноплощадочные – 29 экз., средних (от 3 до 6 см) (рис. 2, *1, 3, 5–8, 10–13*) и мелких (высотой до 3 см) (рис. 2, *2, 4, 9*) размеров.

Нуклеусы представлены следующими типами.

Монофронтальный – 6 экз. Поверхность скалывания у данного нуклеуса расположена на торцевой части заготовки и не заходит на латерали, фронт скалывания сужается книзу (рис. 2*, 7*).

С полуконцентрическим фронтом – 11 экз. Выпуклый фронт скалывания занимает у данного типа от 2/3 до ¾ периметра площадки. Выделяются две разновидности данного типа. К первой относятся нуклеусы с полуовальной по контуру площадкой и плоским контрфронтом (рис. 2, *1, 10*). Ко второй группе относятся нуклеусы, у которых контрфронт представлен ребром (рис. 2, *5, 8, 9*).

С концентрическим фронтом скалывания – 8 экз. Снятия производились по всему периметру овальной или округлой по контуру ударной площадки (рис. 2, *2, 4, 6, 11–13*).

Псевдоклиновидные нуклеусы – 3 экз. (рис. 2, *3*). Фронт скалывания треугольной формы. Ударные площадки треугольной по контуру формы.

Полифронтальный – 1 экз. (рис. 2, *14*). Округлая в плане ударная площадка представлена галечной коркой с незначительными следами подработки рабочей кромки, угол скалывания во всех случаях достаточно острый. Снятия производились по всему периметру площадки. Несколько фронтов скалывания сопряжены под разными углами относительно друг друга. Фронты скалывания несут на себе негативы снятий коротких, широких пластинчатых отщепов.

Обломки нуклеусов – 14 экз.

Технические сколы представлены 542 экз. Подработка нуклеусов представлена вертикальными сколами – 496 экз., горизонтальными – 40 экз. и диагональными сколами – 6 экз.

Вертикальные сколы представлены: боковыми сколами – 6 экз., пластинчатыми отщепами – 216 экз. (см. рис. 1, *5–7*), реберчатыми сколами – 60 экз. (см. рис. 1, *9, 10*) и полными пластинами без ретуши – 188 экз.

Горизонтальные сколы представлены снятиями ударных площадок.

Диагональные сколы – 6 экз. Часть из них являются результатом целенаправленного действия, когда в результате удара, нанесенного со стороны ударной площадки, удалялись контрфронт и основание нуклеуса. Несколько экземпляров, по-видимому, являются результатом нецеленаправленного действия (см. рис. 1, *8*), когда в результате удара нанесенного со стороны ударной площадки удалялись фронт и основание нуклеуса, либо – часть фронта и латераль вместе с основанием нуклеуса.

Можно сделать вывод, что техника первичного расщепления горизонта 3А поселения Тыткескень VI ориентирована на получение призматической пластины длиной от 3 до 6 см и шириной от 0,5 до 0,8 см. В единичном случае встречается редкий тип нуклеусов (рис. 2, *14*) демонстрирующий иную традицию целью, которой являлось получение короткого пластинчатого отщепа.

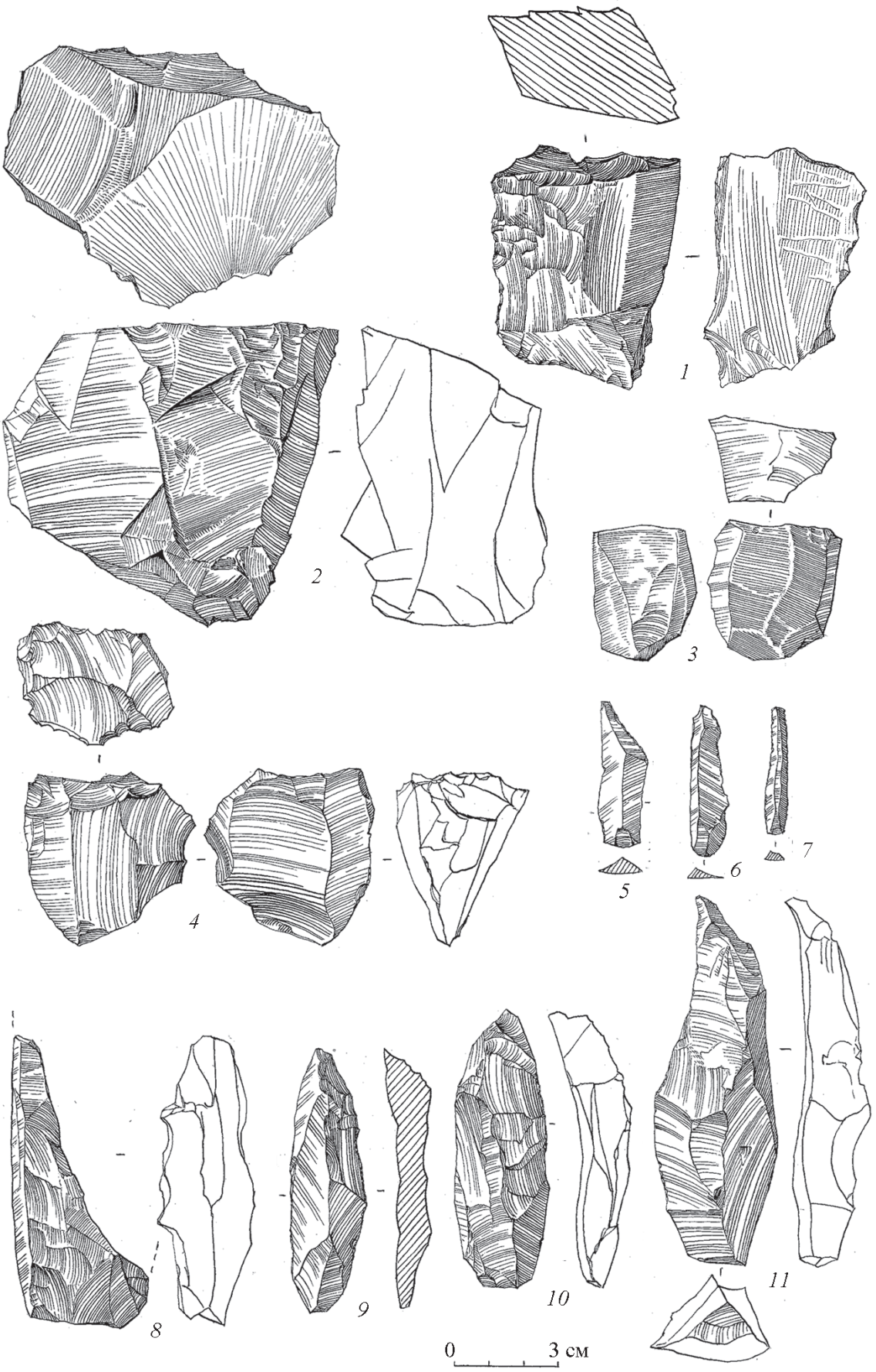


Рис. 1. Каменные артефакты из горизонта 3А поселения Тыткескень VI. *1–3* – преформы; *4* – прену-клеус; *5, 6* – пластинчатые отщепы; *7* – пластина; *8* – диагональный скол; *9–11* – реберчатые сколы.

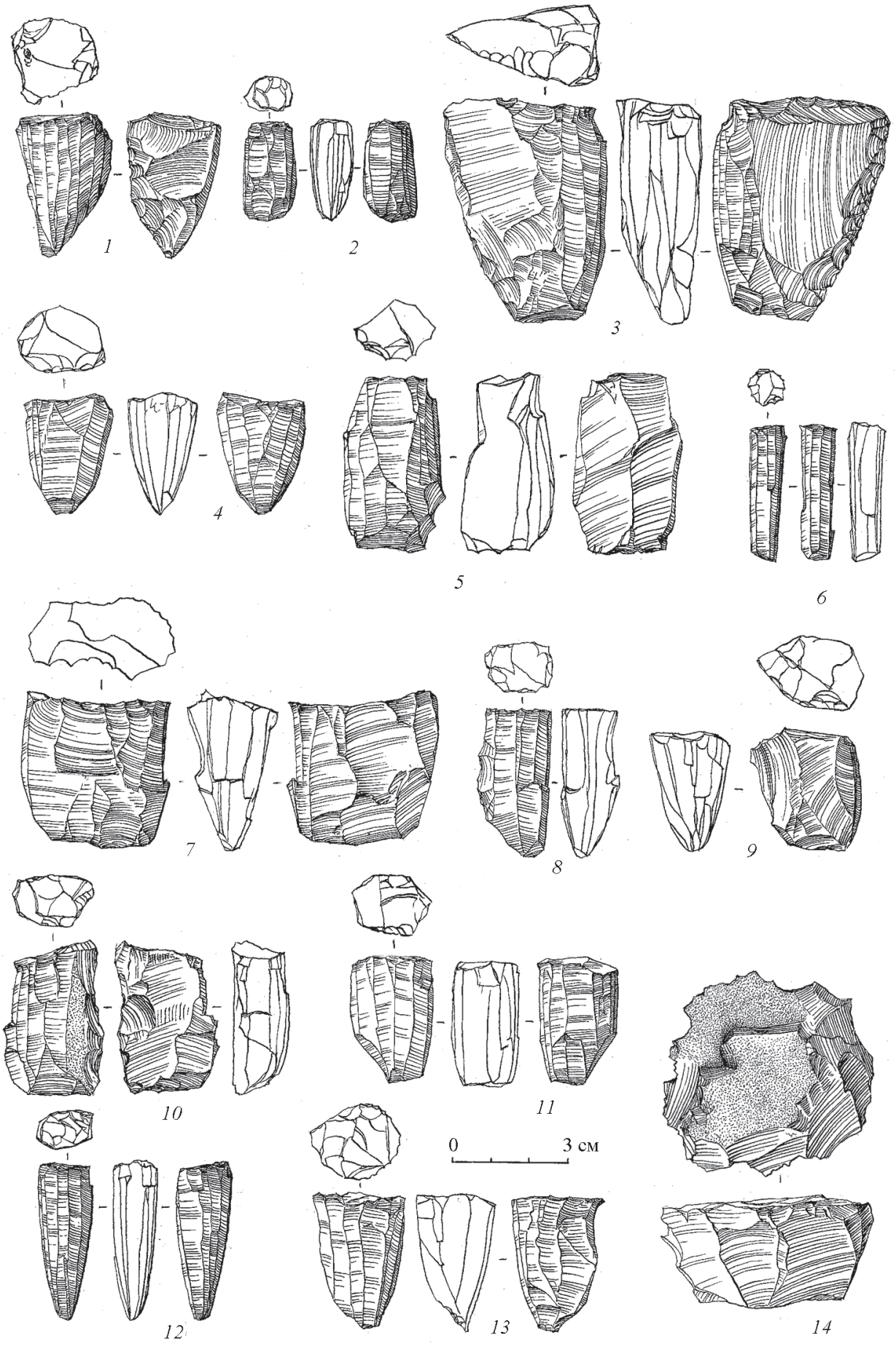


Рис. 2. Нуклеусы из горизонта 3А поселения Тыткескень VI.

Наиболее близкие аналоги керамическим коллекциям горизонта 3А прослеживаются в материалах пятого горизонта поселения Тыткескень-2. Сопоставление керамических коллекций позволяют сделать вывод, что материалы пятого культурного горизонта поселения Тыткескень-2 и горизонта 3А поселения Тыткескень VI синхронны и относятся к одной культурной традиции (Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., Семибратов, 2013. С. 69–72).

Анализ техники первичного расщепления горизонта 3А поселения Тыткескень VI позволяет сделать вывод, что типы преформ, пренуклеусов и призматических нуклеусов аналогичны материалам поселения Тыткескень-2 от финального мезолита (горизонт 8) до финального неолита (горизонт 4). Полифронтальные нуклеусы для получения пластин встречаются на поселении Тыткескень-2 только в материалах шестого горизонта (ранний неолит), который датируется концом VI – первой половиной V тыс. до н.э. (Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., 2008. С. 80). Пять таких изделий (Там же. Рис. 29, *3–6*) были отнесены нами к пренуклеусам, но было отмечено, что подобные изделия «могут являться специфическим типом нуклеусов, с которых снимали не пластину, а отщеп с сильно конвергентными краями» (Там же. С. 33).

В материалах горизонта 3А поселения Тыткескень VI и в материалах пятого горизонта поселения Тыткескень-2 найдены наконечники стрелы кельтеминарского типа (Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Семибратов, 2011. С. 63–64) и своеобразная керамика с прочерченным орнаментом (Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., Семибратов, 2013. С. 69–72). Эти находки, по нашему мнению, связаны с миграциями или инфильтрацией населения Средней Азии или Восточного Казахстана на территорию Горного Алтая.

Результаты исследования позволяют говорить о том, что культурная традиция развитого неолита формировалась на основе предшествующей ранненеолитической, но при наличии какого-то постороннего импульса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф. Культурно-хронологические комплексы поселения Тыткескень-2 (итоги работ 1988–1994 гг.). Барнаул: Алт. ун-т, 2008. 336 с.

Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., Семибратов В.П. Керамика развитого неолита с поселения Тыткескень VI // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 4. С. 65–72.

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П. Кельтеминарские наконечники стрел с поселений Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 1. С. 56–64.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Многослойное поселение Тыткескень-6 на Катуни // Археология Горного Алтая. Барнаул: Алт. гос. ун-т, 1994. С. 111–124.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Семибратов В.П., Кирюшин К.Ю., Шмидт А.В. Раскопки в 2006 г. неолитического комплекса поселения Тыткескень VI // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае 2006 г. Археология, этнография, устная история. Вып. 3. Барнаул: БГПУ, 2007. С. 21–26.

СРЕДНИЙ НЕОЛИТ КОНТИНЕНТАЛЬНОГО ПРИМОРЬЯ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЙ 2000-Х ГОДОВ)

© 2014 г. Н.А. Клюев

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток (kluyev2006@yandex.ru)

Ключевые слова: неолит, шекляевская культура, жилища, керамика, орудия труда, Приморье, Дальний Восток России.

Резюме. В докладе рассматриваются итоги исследований среднего неолита континентального Приморья в 2000-х гг. Основное внимание уделяется обоснованию выделения новой культуры – шекляевской. На материалах таких памятников, как Шекляево-7, Дворянка-1 и Новотроицкое-2, дается описание комплекса культуры. Основное внимание уделяется анализу керамики. Делается вывод, что шекляевская культура входила в круг культур среднего неолита региона, для которых была характерна штамповая орнаментация керамики.

В неолитоведении Приморья 2000-е гг. отмечены существенным пополнением фонда новых источников, особенно по среднему неолиту. Раскапывались такие памятники, как Дворянка-1, Шекляево-7, ЛЗП-3, Новотроицкое-2, Рисовое-4 (Н.А. Клюев), Ветка-2, Катериновка-1, Горный Хутор-13 (С.В. Батаршев), Бойсмана-2, Сергеевка-1, Лузанова Сопка-5 (А.Н. Попов), Осиновка, Устиновка-8 (А.А. Крупянко), Шивелаза, Орлиный Ключ (В.А. Лынша, В.Н. Тарасенко). Материалы исследований были опубликованы в целой серии статей, в которых предлагалась не только систематизация полученных данных, но и были затронуты проблемные вопросы, касающиеся характеристики содержания понятия «средний неолит» для Приморья. Это закономерно привело к значительной корректировке существовавших ранее взглядов исследователей на культурную динамику в данную эпоху. Во-первых, сам термин «средний неолит», ранее практически не используемый специалистами по отношению к Приморью, стал общеупотребительным. Во-вторых, существенно расширилась культурная систематика среднего неолита региона. В научный оборот были введены такие понятия, как «веткинская», «орлиноклювская», «шекляевская» археологические культуры (АК). Не все из них обеспечены достаточным количеством источников, что вызывает дискуссии по критериям их выделения, но, в любом случае, можно констатировать тот факт, что в эпоху среднего неолита Приморья существовал ряд археологических культур, имеющих, с одной стороны, свою специфику, а с другой – демонстрирующих наличие между ними культурно-исторических связей. Отнесение этих культур к среднему неолиту было обусловлено анализом их каменной индустрии и керамического производства, показавшим достаточно развитый уровень, не свойственный ранним стадиям неолита, а также полученными радиоуглеродными датами.

В 2000-е гг. было продолжено изучение выделенных ранее руднинской и бойсманской культур. В первой из них были выявлены хронологические этапы (ранний и поздний), ареал второй был существенно расширен за счет открытия памятников в континентальной части Приморья.

В целом, хронологические рамки среднего неолита в Приморье укладываются в промежуток времени от начала VII тыс. до н.э. и до начала IV тыс. до н.э.

Шекляевская АК была выделена Н.А. Клюевым и А.В. Гарковик в 2006 г. (Клюев, Гарковик, 2006). Основанием этого послу-

жили исследования на таких памятниках, как Шекляево-7, Дворянка-1 и Новотроицкое-2, дополненные анализом имеющихся данных с других памятников Приморья.

Первыми по времени были работы на поселении Шекляево-7 в 2003–2004 гг. Шекляево-7 – многослойный памятник.

К числу неолитических комплексов была отнесена группа керамики, имеющая специфические признаки. Она представлена сосудами, узор на которых располагался орнаментальным бордюром в приустьевой зоне. Он выполнялся сочетанием различных орнаментальных техник. Ряды широкой отступающей лопатки чередовались с рядами горизонтальных оттисков длинной гребенки, а также с фигурами треугольников, дуг, «птичек», выполненных оттисками инструментов специальной формы. В ходе раскопок памятника было обращено внимание на особенности стратиграфического залегания и планиграфического расположения этой группы керамики. Большая ее часть была обнаружена за пределами выявленного руднинского жилища. Характер залегания указывал на переотложенность археологического материала. Был впервые поднят вопрос о выделении новой керамической традиции в неолите Приморья. Последующие исследования на памятнике Дворянка-1 и поселении Новотроицкое-2 выявили жилища, в которых был обнаружен исключительно керамический материал этой традиции, что позволило уже говорить о новой археологической культуре. Наиболее полно ее комплекс характеризуют материалы памятника Дворянка-1.

Памятник исследовался в 2004–2006 гг. Было раскопано жилище шекляевской АК. Оно было четырехугольным в плане, но с округленными углами, имело углубленное основание. Непосредственно на полу жилища были обнаружены многочисленные развалы сосудов, изделия из камня и кости.

Полученный из жилища археологический материал представляет собой единый, типологически выдержанный комплекс. Особенно это хорошо проявляется при анализе керамической коллекции. При изготовлении керамики использовалось гончарное тесто из запесоченной глины с добавлением дробленого кварца. Форма сосудов единообразна. Это плоскодонные, слабо профилированные изделия, верхний край которых несколько отогнут наружу. При общем единообразии формы сосудов оформление верхнего края имеет две основных разновидности: он был округлым или уплощенным.

В декорировании сосудов также прослеживаются определенные закономерности и вариации. Общим является украшение верхней части керамических емкостей нешироким декоративным бордюром. Он располагался обычно в 0,60–0,65 см ниже верхнего обреза; ширина, как правило, равнялась 3,0–3,5 см. Орнаментальная композиция состоит из серии горизонтальных полос оттисков зубчатого штампа и фигурных оттисков и прочерков широкими глубокими бороздами в виде широких углов или коротких дуг. Наиболее популярны бордюры, состоящие из серии оттисков зубчатого штампа, окаймленных сверху и снизу фигурными оттисками. Они представлены несколькими композициями: сверху и снизу расположены глубокие оттиски штампа в виде широких углов, попеременно вершинами вверх и вниз. Центральная часть композиции состоит из трех или четырех рядов оттисков зубчатого штампа. Вариантом такой композиции является бордюр, состоящий из шести рядов зубчатых оттисков, окаймленных сверху и снизу прочерченными фигурами в виде широких углов.

Разновидность бордюра составляют композиции из серии зубчатых оттисков, окаймленных дугообразными фигурами. Они представлены несколькими вариантами. Один из них составляют шесть рядов зубчатых оттисков, сверху и снизу оконтуренных двойным рядом коротких дуг, расположенных выпуклой частью вверх. Другой вариант представлен композицией из трех рядов оттисков зубчатого штампа, сверху и снизу обрамленных двумя рядами дугообразных прочерков, выпуклой частью вниз.

Два других варианта составляют композиции, в которых ряды узора, окаймляющего серию зубчатых оттисков, состоят из двух рядов дуг, расположенных попеременно выпуклой частью вверх и вниз, а также из фигур в виде широких углов, образованных дугообразными прочерками, направленных вершинами вниз.

Следующие бордюры демонстрируют несколько иное построение орнаментальной композиции. Это выражается в том, что центральная часть композиции, состоящая обычно из серии оттисков зубчатого штампа, разбивается на две части и в центр помещается полоса из нескольких рядов слабо выгнутых коротких дуг. Один из вариантов такого бордюра состоял из двух рядов зубчатых оттисков, двух рядов коротких дуг (выпуклой частью вниз), ниже которых располагались еще три ряда оттисков зубчатого штампа. Эти ряды оттисков оконтурены (сверху и снизу) одинарным рядом коротких дуг, выпуклой частью вниз. Развитием этой тенденции представляются две другие сходные композиции. Одна из них состоит из четырех рядов зубчатых оттисков, между которыми располагаются пять рядов коротких, слабо выгнутых дуг. Композиция окаймлена двойным рядом подобных дуг (выпуклой частью вниз) лишь снизу. Другая композиция составлена из последовательно (сверху вниз) расположенных четырех-пяти рядов зубчатых оттисков, четырех-пяти фигурных оттисков в виде «птичек», трех-четырех рядов зубчатых оттисков. Оконтуривающие дугообразные элементы отсутствуют. К этой же разновидности композиций можно отнести еще одну. Верхнюю и нижнюю части ее составляют оттиски зубчатого штампа, а центральная часть представляет собой широкую полосу узора из широких углов, нанесенную широкими бороздами, более похожую на ломаную линию.

Особняком стоит орнамент из нескольких рядов коротких дуг, расположенных в верхней части сосуда.

Исключительная монолитность описанного материала, которая проявляется как в технологии изготовления, формовке и отделке изделий, а также в единообразии форм и орнаментации позволяет видеть в нем единый культурный комплекс, четко выделяющийся на фоне других материалов памятника Дворянка-1.

Кроме керамики в жилище были обнаружены удлиненно-треугольные и иволистные шлифованные наконечники стрел с прямым основанием, ассиметрично-листовидный ретушированный нож-бифас, наконечник стрелы на пластине с краевой ретушью, «лощитель древков стрел» на овальной гальке.

Керамика «шекляевского типа» была известна и ранее на археологических памятниках Западного и Центрального Приморья. Она была встречена на многослойных памятниках Сергеевка-1 (Лынша, 1989; Попов и др., 2004), Сиротинка, Петровичи (Бродянский, 1987), Лузанова Сопка-5 (Батаршев, 2003; Попов, Батаршев, Крутых, 2003). В последние годы к ним добавились поселения Катериновка-1 (Батаршев и др., 2012), Рисовое-4, Горный Хутор-13. По этому поводу, однако, следует заметить, что у исследователей нет единства в ее культурной атрибуции.

Ряд признаков в керамическом материале описанного комплекса шекляевской археологической культуры находит аналогии в руднинской АК. Это прослеживается в морфологии керамических сосудов: слабая профилировка тулова, незначительный отгиб верхнего края и такие варианты его оформления, как скругленный край, совпадающий с толщиной стенки, уплощение его сверху, уплощение края со скосом наружу с образованием небольшого карнизика. Сходна технология формовки емкостей и качество отделки стенок. В орнаментации сосудов также имеются аналогии общего порядка. Прежде всего, это украшение узкой полосой орнаментального бордюра, основные элементы которого выполнены техникой тиснения различными штампами, среди которых присутствуют сходные элементы: оттиски зубчатых штампов, углы и треугольники. Отмечены параллели и в каменном инвентаре. Так, в заполнении жилища на поселении Дворянка-1 были обнаружены удлиненно-треугольные и иволистные шлифованные наконечники стрел с прямым основанием, ассиметрично-листовидный ретушированный нож-бифас, наконечник стрелы на пластине с краевой ретушью, «лощитель древков стрел» на овальной гальке, также находящие аналогии в памятниках руднинской АК.

По углю, отобранному с пола жилища памятника Дворянка-1, была получена дата 7 615±180 BP (СОАН-5902); образец, взятый с аналогичного объекта поселения Новотроицкое-2, дал возраст 6 920±50 BP (SNU07-259). Таким образом, хронология шекляевской

культуры сопоставима с имеющимися датировками памятников руднинской культуры.

Появление руднинской и шекляевской культур в Приморье приходится на начало климатического оптимума. Это был благоприятный период для жизнедеятельности человека и освоения новых территорий: среднегодовые температуры воздуха были выше современных на 3–5°, климат стал более влажным, были широко распространены широколиственные леса, трансгрессия уровня моря привела к образованию расчлененного контура побережья (Короткий, 2005), более комфортного для занятия хозяйственной деятельностью.

Вопрос о происхождении шекляевской культуры нуждается в специальной разработке и дополнительных данных. На данном этапе можно говорить пока лишь о том, что она входила в круг культур среднего неолита Приморья (руднинская, бойсманская и веткинская), для которых была характерна традиция штамповой орнаментации керамики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Батаршев С.В. Культурно-хронологические комплексы памятника Лузанова Сопка-5 (Юго-Западное Приморье) // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем: Мат-лы XLIII РАЭСК. Томск: Изд-во ТГУ, 2003. С. 97–98.

Батаршев С.В., Клюев Н.А., Крутых Е.Б., Морева О.Л. Средний неолит Приморья: предварительные результаты исследований памятника Катериновка-1 // Сахалин и Курильские острова в истории России: к 65-летию образования Сахалинской области: Мат-лы науч.-практ. конф. (24 янв. 2012 г.). Южно-Сахалинск: Сахалин. обл. тип., 2012. С. 167–173.

Бродянский Д.Л. Введение в дальневосточную археологию. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1987. 276 с.

Клюев Н.А., Гарковик А.В. К вопросу о культурной принадлежности неолитического комплекса памятника Дворянка-1 в Приморье // Россия и АТР. 2006. № 1. С. 82–88.

Короткий А.М. Особенности развития природной среды Дальнего Востока в позднем плейстоцене – голоцене (Q_{III} – Q_{IV}) // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток: Дальнаука, 2005. С. 15–58.

Лынша В.А. Сергеевка-1 – новая неолитическая стоянка на юге Приморья // Проблемы краеведения (Арсеньевские чтения). Уссурийск: УГПИ, 1989. С. 41–43.

Попов А.Н., Батаршев С.В., Крутых Е.Б. Результаты археологических исследований на памятнике Лузанова Сопка-5 в 2003 году (Юго-Западное Приморье) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2003 г. Т. IX; Ч. 1. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. С. 202–207.

Попов А.Н., Батаршев С.В., Крутых Е.Б., Малков С.С. Памятник Сергеевка-1 в Юго-Западном Приморье: стратиграфия и общая характеристика культурно-хронологических комплексов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2004 г. Т. X; Ч. 1. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. С. 161–167.

СООТНОШЕНИЕ ЧЕКАЛИНСКОЙ И ТОКСКОЙ КЕРАМИКИ ЛЕСОСТЕПНОГО ЗАВОЛЖЬЯ

© 2014 г. А.И. Королев, А.А. Шалапинин

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара (arkorolev@gmail.com; anton-shalapinin@ro.ru)

Ключевые слова: *лесостепное Поволжье, поздний энеолит, керамика, токский тип, чекалинский тип, ивановский тип.*

Резюме. В работе рассматриваются вопросы культурно-хронологического соотношения чекалинского и токского типов керамики позднего энеолита лесостепного Поволжья. На основании типологического анализа делается вывод о специфике чекалинских материалов, локализующихся в бассейне р. Сок.

В 70-е гг. XX в. благодаря работам И.Б. Васильева, А.А. Выборнова Г.Г. Пенина по выявлению и изучению памятников неолита – энеолита лесостепного Заволжья на ряде стоянок (Старо-Елшанская II, Елшанская, Максимовская, Виловатовская) была выделена керамика, имеющая аналоги в материалах лесного энеолита Поволжья и Прикамья. Малочисленность данной посуды, а также наличие ряда специфических черт не позволяли определенно говорить об ее культурной атрибуции, и авторы обычно именовали указанную керамику «волосовско-турбинской» (Васильев, 1981. С. 55).

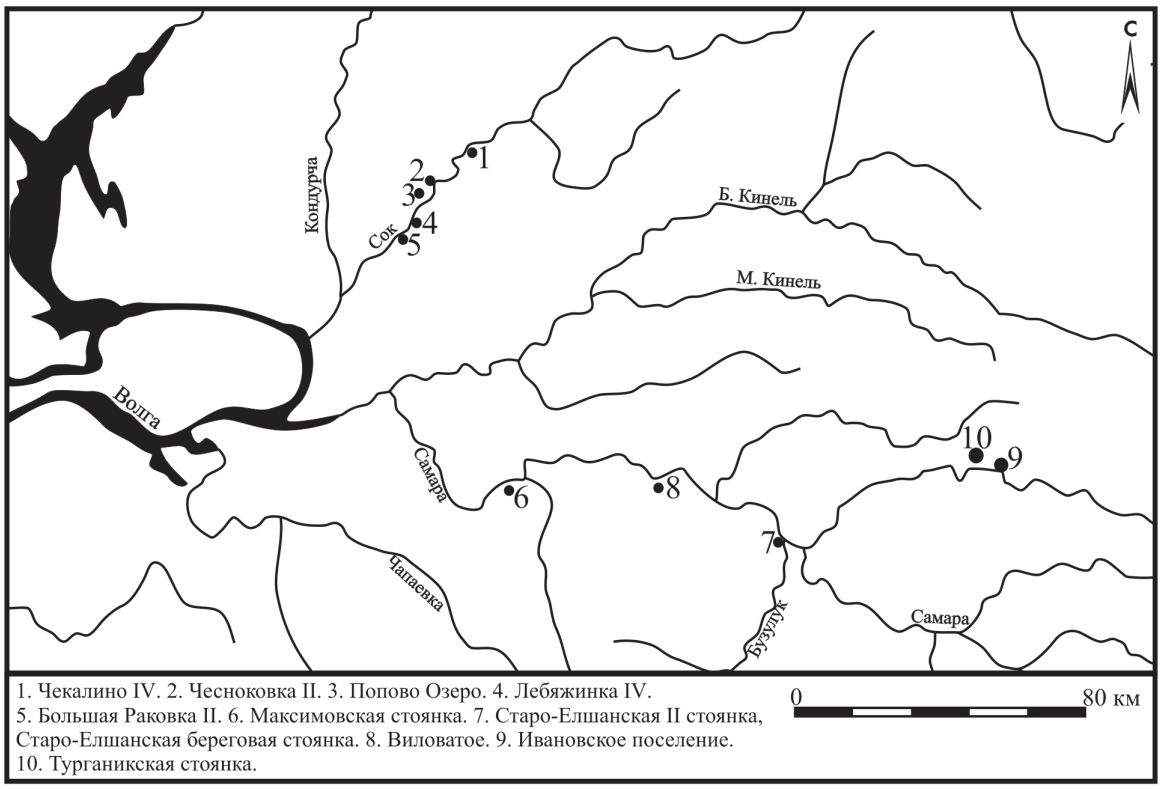
Н.Л. Моргуновой после исследований Ивановской и Турганикской стоянок начале 80-х гг. XX в. данная керамика была выделена в особый токский тип, синхронный с самарскими материалами (ивановского этапа), происходящий от безворотничкой посуды Съезжинского могильника (Моргунова, 1984. С. 66).

И.Б. Васильев, согласившись с выделением токского типа, не счел возможным связывать часть безворотничковой посуды Турганикской стоянки с керамикой волосовско-гаринского облика. Токский тип рассматривался автором как лесостепной аналог волосовской и гаринской культурам, чьи материалы также присутствовали в лесостепном Заволжье (Большая Раковка II, Гундоровка) (Васильев, 1990. С. 58–59). Близка к данной точке зрения позиция Н.В. Овчинниковой (2006. С. 298–299).

Следует отметить, некоторую «размытость» существующих типологических характеристик токских, гаринских и волосовских материалов лесостепного Поволжья, на что было указано авторами настоящей работы при поиске аналогий одной из групп позднеэнеолитической керамики стоянки Чекалино IV (Королев, Шалапинин, 2009). Позднеэнеолитические материалы стоянки Чекалино IV были объединены с керамикой других памятников бассейна р. Сок (Чесноковка II, Большая Раковка II, Попово Озеро, Лебяжинка IV), относимой ранее разными авторами к токскому типу, новильинской, гаринской, волосовской культурам в чекалинскую группу (Шалапинин, 2011. С. 14).

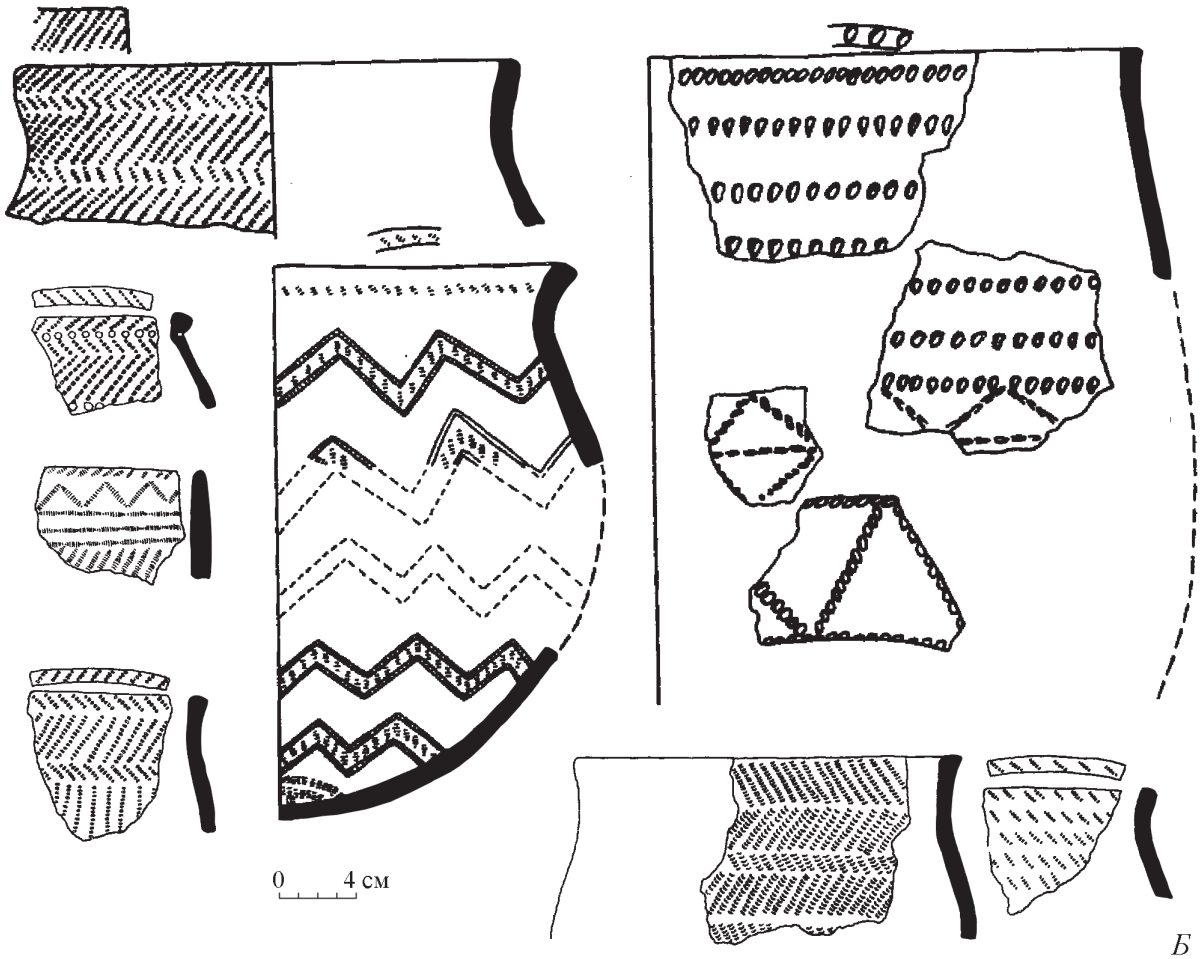
Выделение особого чекалинского типа в лесостепном Заволжье закономерно требует своего объяснения, выявления специфических черт, установления различий между ним и другими энеолитическими материалами Волго-Камья. Особого внимания заслуживает рассмотрение вопроса о соотношении чекалинских и токских материалов.

Керамика токского типа по работам Н.Л. Моргуновой обладает следующими признаками. Посуда имеет примесь раковины в тесте. Сосуды прямостенные и профилированные. Днища округлые и плоские. Преобладают отогнутые наружу венчики. Встречают-



1. Чекалино IV. 2. Чесноковка II. 3. Попово Озеро. 4. Лебяжинка IV. 5. Большая Раковка II. 6. Максимовская стоянка. 7. Старо-Елшанская II стоянка, Старо-Елшанская береговая стоянка. 8. Виловатое. 9. Ивановское поселение. 10. Турганикская стоянка.

А



Б

Рис. 1. *А* – карта распространения чекалинских и токских памятников. *Б* – керамика токского типа Ивановской стоянки (по: Моргунова, 1995).

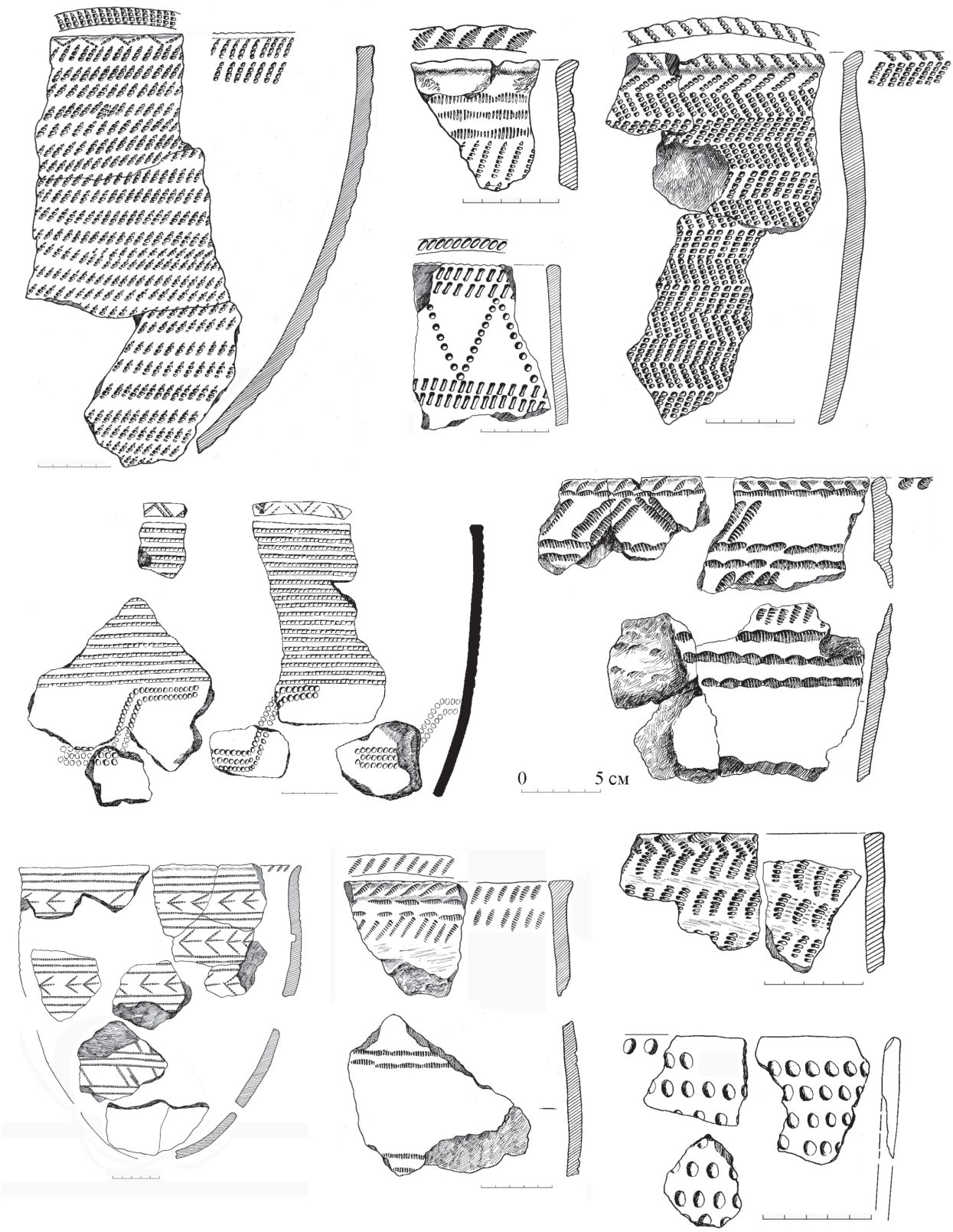


Рис. 2. Керамика стоянки Чекалино IV.

ся в небольшом количестве загнутые внутрь, прямые и Т-образные. Доминирующей является гребенчатая орнаментация, выполненная коротким, средним, длинным, ячеистым штампами. Также встречаются сосуды с оттисками веревочки, овальной и округлой ямками. На токской посуде присутствуют пояски ямок под венчиком. Наиболее распространенными орнаментальными мотивами зигзаги, линии, ряды наклонных оттисков и др. Встречаются токские сосуды, орнаментированные шагающей гребенкой (рис. 1).

В качестве примеси в тесто чекалинской посуды добавлялась дробленая раковина. Сосуды прикрытых, прямостенных и котловидных форм. Венчики с утолщением внутрь, прямые, слабо- и среднеотогнутые наружу. Единичны Т-образные венчики. Днища округлые и уплощенные. Орнаментация состоит из оттисков гребенчатого, ячеистого, серповидного, гладкого штампа, ямок различных форм. Орнаментальные мотивы представлены следующими видами: горизонтальный зигзаг и ряды наклонно поставленного штампа, ряды ямок, горизонтальные полосы и др. (рис. 2). Уникальным является мотив в виде «птичьих лап» (Чекалино IV, Лебяжинка VI), а также композиция в виде водоплавающих птиц (Чекалино IV).

Общими признаками чекалинской и токской посуды являются примесь раковины в тесте, прямостенная форма сосудов, загнутые внутрь, прямые, отогнутые наружу венчики, округлые днища, орнамент, выполненный гребенчатым различной длины и ячеистом штампами, отпечатками веревочки, овальная и округлая ямка и мотивы, образованные данными элементами орнамента (горизонтальные зигзаги и линии, ряды наклонных оттисков и др.) Различия проступают в профилировке сосудов. Большая часть токской посуды Ивановской и Турганиской стоянок имеют округлобокие формы с намеченной шейкой сосудов, в то время как чекалинская керамика имеет яйцевидную форму. Нет в коллекции чекалинской посуды плоских днищ. На чекалинской керамике более разнообразна орнаментация. Здесь встречаются оттиски гладкого и серповидного штампов, подпрямогольная, треугольной, аморфная, спаренная ямки, насечки. На чекалинской посуде отсутствует орнамент в виде шагающей гребенки. Необходимо отметить, что токские сосуды Ивановской и Турганикской стоянок горшковидной формы в подавляющем большинстве орнаментированы плотно поставленными оттисками гребенчатого штампа, образующими горизонтальные ряды, в то время как на прямостенных сосудах присутствует как указанная орнаментация, так и отпечатки ячеистого штампа, различного вида ямки и др. Таким образом, между токской и чекалинской керамикой сходство наблюдается только в тех признаках, которые отмечены на прямостенных сосудах токской керамики.

На неоднородность токской керамики указывал И.Б. Васильев (1990. С. 59), который выделял в безворотничковой посуде Турганикской стоянки две хронологические группы. Разделение токской посуды Турганикской стоянки на две группы вызвало возражение Н.Л. Моргуновой (1995. С. 76), которая отстаивала ее гомогенность. Однако в последней своей работе по энеолиту Волго-Уралья автор выделяет ранние и поздние токские материалы, правда, не давая для них типологические характеристики и не указывая какие памятники или сосуды относятся к тому или иному периоду (Моргунова, 2011). В свете последних исследований по радиоуглеродному датированию синхронность токских и ивановских материалов на Турганикской стоянки на первый взгляд подтверждается. Токский тип имеет дату 5 830±70 BP (Ki-14517), ивановский – 5 660±70 (Ki-15067), 5 790±70 (Ki-14516) BP. Однако дата по токской керамике Турганикской стоянки вступает в противоречие с датировками данного типа с Ивановской стоянки – 4 930±80 (Ki-15068), 5 070±80 (Ki-15070), 4 940±80 (Ki-15089) BP. (Моргунова и др., 2010. С. 23–24). Вполне возможно, что энеолитический слой Турганикской стоянки формировался в достаточно продолжительный отрезок времени. Так согласной публикации данного памятника энеолитические находки и материалы эпохи бронзы разделяясь планиграфически, находились в перекрытом балластом слое (Моргунова, 1984. С. 59). Керамика эпохи бронзы Турганикской стоянки имеет даты 4 710±70 (Ki-15597), 5 230±90 (Ki-15598), 5 150±90 (Ki-15599) BP. В коллекции энеолитической посуды Турганикской стоянки присутствует сосуд, сопоставляемый автором раскопок с суртандинскими древно-

стями, для которых Н.Л. Моргунова приводит даты с поселения Кочегарово I 5 170±95 (СОАН-7067), 5 220±80 (Ki-15544), 5 410±90 (Ki-19962), 5 270±70 (Ki-15542) ВР (Моргунова, 2011. С. 157, 192). Таким образом, нельзя исключать возможности посещения площадки Турганикской стоянки в постивановское время, что согласуется с другими датировками токского типа. Если рассматривать радиоуглеродные даты, полученные по чекалинской керамике, то четыре даты из шести (5 470±140 (Ki-15774), 5 240±80 (Ki-14574), 5 050±80 (Ki-16440), 5 065±70 (Ki-16439)) близки к датировкам токского типа Ивановской стоянки.

Количество сосудов токского и ивановского типа на Турганикской и Ивановской стоянках примерно пропорционально. На Ивановской стоянке воротничковых сосудов обнаружено 88, токских – 70, на Турганикской стоянке 40 и 35 соответственно. Диспропорция в соотношении токских и воротничковых сосудах начинает наблюдаться, если следовать вниз по течению р. Самары (см. рис. 1). Так, на Виловатовской стоянке токских сосудов 20–25, воротничковых – 60, причем большая их часть относится к раннему съезжинскому этапу самарской культуры. На Старо-Елшанских стоянках присутствует только токская керамика без ивановской посуды. В бассейне р. Сок пропорционального соотношения между чекалинской и воротничковой керамикой не наблюдается. На стоянке Чекалино IV воротничковых сосудов обнаружено около 10, позднеэнеолитической посуды – 45, Чесноковка II – 23 и 10, Большая Раковка II – 6 и 73. Энеолитическая коллекция поселения Попово Озеро содержит только чекалинскую керамику. Общих признаков между воротничковой и чекалинской посудой не много: примесь раковины, некоторые мотивы, выполненные гребенчатым штампом, ямочная орнаментация. Таким образом, чекалинскую керамику нельзя рассматривать в качестве безворотничковой линии развития самарских древностей. Это подтверждает и хронология данных материалов: наиболее поздние даты для воротничковой керамики в бассейне р. Сок с поселения Гундоровка – 5 840±80 (Ki-14523), 5 890±80 (Ki-16283).

Чекалинская керамика легко вычленяется из энеолитических коллекций памятников р. Сок и не имеет сходства не только с воротничковыми материалами, но, в отличие от токской, с посудой турганикского типов. В то же время чекалинская керамика сопоставляется с целым рядом коллекций лесного энеолита, в т.ч. и волосовскими материалами типа Баркужерского III и Удельно-Шумецкого VI поселений Марийского Поволжья. Керамика чекалинского типа не может быть всесторонне охарактеризована исходя из параметров токской посуды. Имеющиеся в настоящее время даты по ^{14}C показывают, что чекалинские материалы могут иметь несколько более раннюю хронологию по отношении к токскому типу. Видимо, линии развития этих материалов в бассейнах рек Сок и Самара протекали с определенными различиями, которые и привели к появлению специфики сокских памятников чекалинского типа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильев И.Б. Энеолит Поволжья (степь и лесостепь). Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1981. 129 с.

Васильев И.Б. Поздний энеолит юга лесостепного Поволжья // Энеолит лесного Урала и Поволжья. Ижевск: УИИЯЛ, 1990. С. 52–69.

Королев А.И., Шалапинин А.А. Керамика третьей группы стоянки Чекалино IV и проблемы взаимодействия населения лесостепи и леса в позднем энеолите // Изв. СНЦ РАН. 2009. Т. 11; № 6. С. 285–291.

Моргунова Н.Л. Турганикская стоянка и некоторые проблемы самарской культуры // Эпоха меди юга Восточной Европы. Куйбышев: КГПИ, 1984. С. 58–78.

Моргунова Н.Л. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 1995. 222 с.

Моргунова Н.Л. Энеолит Волжско-Уральского междуречья. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2011. 220 с.

Моргунова Н.Л., Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В. Хронологическое соотношение энеолитических культур Волго-Уральского региона в свете радиоуглеродного датирования // РА. 2010. № 4. С. 18–27.

Овчинникова Н.В. Итоги изучения энеолитических поселений лесостепного Поволжья // Актуальные проблемы истории, археологии, этнографии: Спец. вып. «Изв. СНЦ РАН». 2006. С. 294–301.

Шалапинин А.А. Культурно-хронологическое соотношение позднеэнеолитических комплексов Среднего Поволжья: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Ижевск, 2011. 25 с.

КАМЕННЫЙ ИНВЕНТАРЬ МЕЗОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ ПОГОСТИЩЕ-15 В БАССЕЙНЕ ОЗЕРА ВОЖЕ

© 2014 г. Н.В. Косорукова

Череповецкий государственный университет, Череповец (natalikcher@mail.ru)

Ключевые слова: мезолит, торфяниковая стоянка, каменный инвентарь, нуклеусы, скребки, пластинки, резцы, тесло.

Резюме. В статье рассматривается каменный инвентарь торфяниковой стоянки Погостище-15, расположенной в бассейне оз. Воже. В каменном инвентаре преобладают предметы нуклевидной группы. Костяной и каменный инвентарь стоянки Погостище-15 находит аналоги в материалах торфяниковой стоянки Веретье-1, но в каменном инвентаре можно увидеть и некоторые существенные отличия, связанные либо с особенностями кремневого сырья, либо с культурной принадлежностью и особенностями древних технологий.

Памятник Погостище-15 находится на севере Вологодской обл. в бассейне оз. Воже, которое соединяется р. Свидь с оз. Лаче в единую водную систему. В бассейне оз. Лаче расположены такие известные мезолитические памятники, как торфяниковая стоянка Веретье-1, могильники Попово и Песчаница, исследованные С.В. Ошибкиной (2006). Памятник Погостище-15 был открыт объединенной археологической экспедицией Череповецкого музейного объединения и Череповецкого государственного университета под руководством Н.В. Косоруковой в 2010 г. Памятник находится в северном конце бывшей деревни Погостище, располагавшейся на левом берегу р. Модлоны напротив впадения в нее р. Ухтомки. Деревня занимала в основном невысокую надпойменную террасу, край которой удален от современного берега реки на расстояние 130–200 м. Высота надпойменной террасы не превышает 2 м над ур. воды в реке в наиболее сухие сезоны, склон террасы полого спускается к прилегающей болотистой низине.

Стоянка Погостище-15 находится у подошвы склона надпойменной террасы, в начале обширной низины, простирающейся до берега реки. Памятник Погостище-15 – это торфяниковая стоянка, расположенная рядом с суходольным памятником Погостище V, который занимает край надпойменной террасы и представляет собой мезолитическую стоянку и средневековый могильник. Памятник Погостище V был открыт и исследовался А.Я. Брюсовым, С.В. Ошибкиной, Н.А. Макаровым (Макаров, Захаров, Бужилова, 2001. С. 325–326). Следует упомянуть еще о двух торфяниковых памятниках на территории деревни Погостище. В южном конце деревни, посредине другой болотистой низины, находится стоянка Погостище-14 со слабо насыщенным культурным слоем, которая была открыта и исследовалась автором статьи в 2005, 2008–2010 гг. (Косорукова, 2012). Где-то между стоянками Погостище-14 и -15, вероятно примерно посередине, расположен памятник Погостище-1, исследованный А.Я. Брюсовым в конце 1930-х гг. (1951. С. 46–47).

В 2011–2013 гг. на стоянке Погостище-15 было заложено три раскопа общей площадью 140 кв.м (Гринин, Косорукова, 2011; Меньшиков, Обухов, Косорукова, 2012; Свиридов, Косорукова, 2013). В отличие от обычных торфяниковых стоянок, сразу под дерном здесь залегает не лишенный артефактов слой торфа, а насыщенный находками поздний деревенский слой, представляющий собой черную оторфованную гумусированную супесь, переходящую ниже в черный или коричневый

торф с большим количеством камней, остатков деревянных построек, керамики, костей домашних животных, железных предметов. Мощность деревенского слоя составляет 0,8–1,2 м. В деревенском слое найдены лапти, бронзовые нательные крестики, рыболовные грузила и другие подобные предметы; в данном слое встречаются единичные находки эпохи позднего средневековья (фрагменты гончарной керамики и железные орудия), а также изделия из кремня эпохи каменного века, вероятно, мезолита, в т.ч. нуклеусы и нуклевидные обломки, обломки кремня со следами снятий, пластинки, скребки и др. Изделия из кремня, обнаруженные в деревенском слое памятника Погостище-15 можно связать со стоянкой Погостище V (с зоной обитания населения, оставившего данную стоянку), которая, по мнению С.В. Ошибкиной (1983. С. 205), относится к позднему мезолиту.

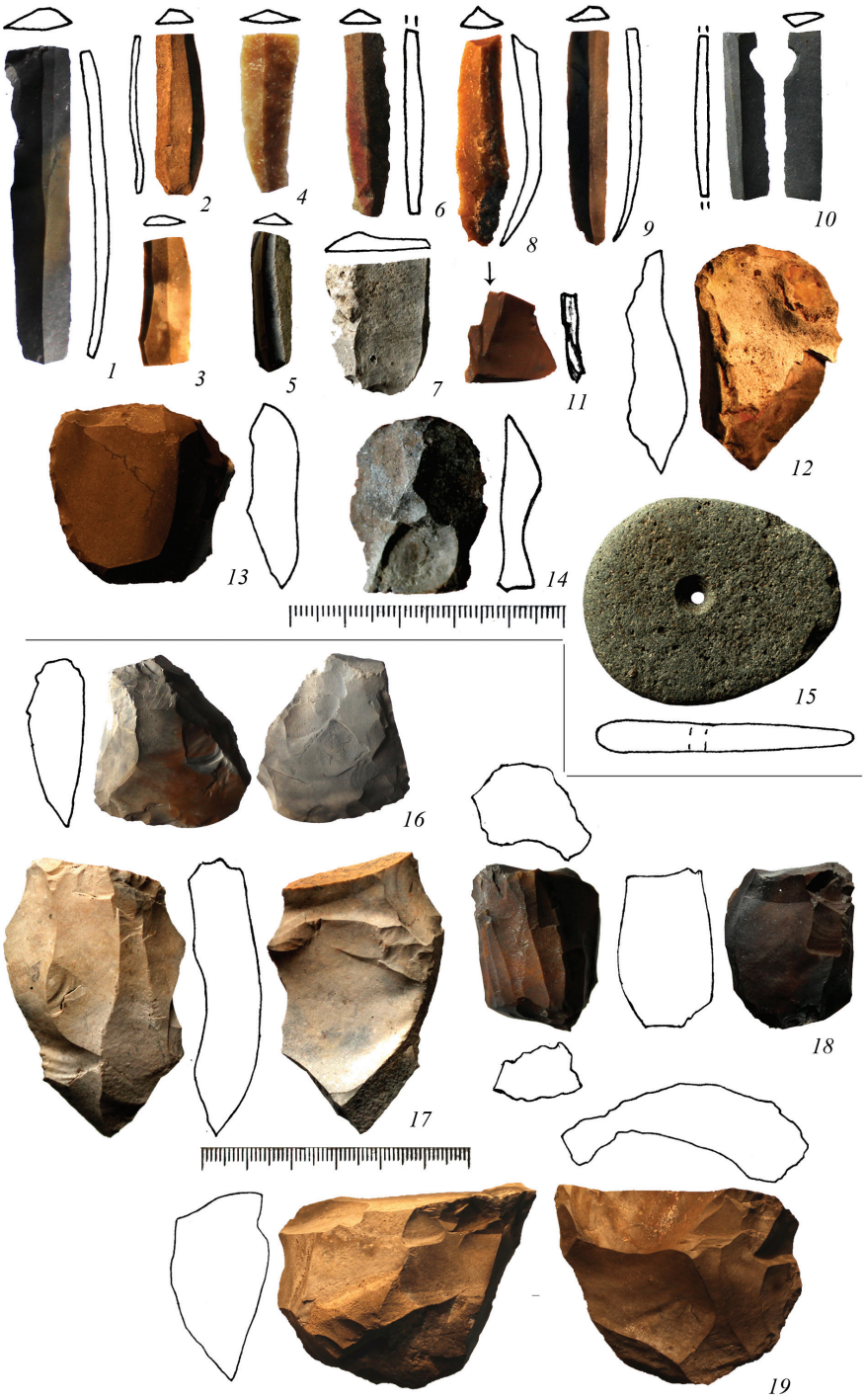
Под деревенским слоем залегают темно-коричневый торф и прослойка черного оторфованного суглинка общей мощностью 0,1–0,3 м, которые отделяют деревенский слой от ниже лежащего сапропеля, но в этих слоях также встречаются деревенские находки, что является следствием многочисленных поздних перекопов. Под черным оторфованным суглинком на глубине 1,1–1,5 м залегает темно-зеленый оторфованный сапропель, который подстилается материковым светло-серым песком с камнями. Мощность сапропеля относительно небольшая – 10–15 см. Глубина залегания сапропеля и материкового песка на исследованном участке уменьшается в сторону болотистой низины, а мощность перекрывающих слоев увеличивается, соответственно, в сторону надпойменной террасы от 1,10 до 1,35 м. Слой сапропеля содержит находки эпохи мезолита, они представлены изделиями из камня и кости, костями животных, отдельными деревянными предметами. Мезолитические находки на отдельных участках встречены также и в черном оторфованном суглинке. Для мезолитических находок из слоя сапропеля имеются три радиоуглеродные даты, полученные по деревянным обработанным предметам: 8 660±50 (ЛЕ-9718), 8 400±160 (ЛЕ-9719), 8 360±80 (ЛЕ-10541) (даты некалиброванные).

На стоянке Погостище-15 слой сапропеля оказался в значительно большей степени насыщен находками, чем на стоянке Погостище-14. Большой интерес представляют костяные изделия, среди которых преобладают наконечники стрел. Изделия из камня по количеству значительно превышают костяные изделия. Каменный инвентарь включает изделия из кремня, сланца и кварца; изделия из кремня более многочисленны. Для изготовления орудий использовался кремень, в основном, серого и черного цвета, но встречен также и цветной кремень. Преобладает обломочный кремень низкого качества, изделия из хорошего кремня немногочисленны.

Общее количество предметов из камня составляет около 1 500 экз., большинство из них приходится на отщепы, чешуйки и обломки. Орудия, нуклеусы и определимые сколы составляют 279 экз., в т.ч. 260 предметов из кремня, 15 из сланца, 2 из кварца и 2 из камня (отбойник и ретушер). Кремневый инвентарь включает следующие категории находок:

– нуклеусы и их обломки – 45 экз.;
– нуклевидные обломки – 34 экз.;
– пренуклеусы – 7 экз.;
– обломки кремня со следами снятий – 19 экз.;
– сколы подправки площадки нуклеусов – 7 экз.;
– ребристые сколы – 2 экз.;
– пластины – 41 экз.;
– пластины с ретушью – 6 экз.;
– вкладыши из микропластин – 3 экз.;
– пластины со следами использования – 5 экз.;
– отщепы, обломки кремня с ретушью и обломки орудий – 30 экз.;
– скобели – 9 экз.;
– скребки – 43 экз.;
– скобель-скребок – 1 экз.;
– резец – 1 экз.;
– сверло – 1 экз.;
– долотовидные орудия – 2 экз.;
– заготовка орудия – 1 экз.;
– тесла – 3 экз.

Большое количество предметов нуклевидной группы (нуклеусы и их обломки, нуклевидные обломки, обломки кремня со следами снятий, пренуклеусы, технологические сколы) говорит о том, что здесь, на берегу



Каменный инвентарь стоянки Погостище-15. *1–9* – пластинки; *10* – скобель; *11* – резец; *12–14* – скребки; *15* – шлифованная плитка с просверленным отверстием; *16* – тесло; *17–19* – нуклеусы. *1–14, 16–19* – кремень; *15* – сланец.

древнего озера, осуществлялось раскалывание кремня. Нуклеусы, в основном, не имеют правильной формы (см. *рисунок, 17–19*), преобладают одноплощадочные, с негативами коротких пластин и отщепов по одной, двум или трем сторонам. Встречены также двуплощадочные и торцовые нуклеусы. Можно отметить относительную немногочисленность пластин, среди них преобладают пластины средней ширины с нерегулярной огранкой спинки (см. *рисунок, 1–9*); представлены единичные микропластины.

Абсолютное большинство орудий сделано из отщепов. К числу орудий, сделанных из пластин, относятся только немногочисленные пластины с частичной краевой ретушью (6), выделенные визуально пластины со следами использования (5), вкладыши из микропластин (3), один скобель на микропластине (см. *рисунок, 10*) и единственный в коллекции угловой по типу резец на обломке пластины

(см. *рисунок, 11*). Вкладыши из микропластин немногочисленны, но об использовании вкладышевой техники древними обитателями стоянки свидетельствует и костяное орудие (нож) с пазом; вероятно, для данной стоянки не характерно широкое использование микропластин, можно говорить, что такая техника была известна и использовалась, но не так широко, как это характерно для ряда мезолитических памятников и культур. Большинство орудий составляют скребки, а также отщепы и обломки с ретушью. Скребки сделаны из отщепов случайной формы (см. *рисунок, 12–14*), среди них преобладают однолезвийные, также есть угловые и концевые на более правильных заготовках. На отщепах или обломках сделаны 8 из 9 скобелей, комбинированное орудие (скобель-скребок), два долотовидных орудия и сверло. Три изделия отнесены к категории тесел, два из них сделаны из крупных плоских отщепов, ретушированы по краям; третье орудие сделано из отщепа или обломка меньших размеров и ретушировано почти по всей поверхности (см. *рисунок, 16*). Можно отметить, что изделия, отнесенные к категории тесел, также напоминают пренуклеусы.

В числе сланцевых изделий представлены, в основном, рубящие орудия или их заготовки (7 экз.) небольших размеров, в т.ч. топоры, тесла и их обломки. Рубящие орудия имеют подпрямоугольную или подтрапециевидую форму, обработаны сколами и шлифовкой. Два предмета из сланца представляют собой, по-видимому, грузила, 1 экз. – отщеп со шлифованного орудия, еще 4 экз. – неясные обломки. Наиболее интересна плоская шлифованная сланцевая плитка овальной формы размерами 4,6 х 3,6 см с просверленным в центре отверстием (см. *рисунок, 15*).

Инвентарь мезолитического слоя стоянки Погостище-15 в основном находит аналоги в материалах стоянки Веретье-1, особенно это относится к изделиям из кости. В каменном инвентаре также можно отметить ряд сходных черт: преобладание орудий из отщепов среди изделий из кремня, большое количество скребков, аналоги в сланцевом инвентаре. В то же время наблюдаются и отличия: так, на стоянке Веретье-1 достаточно представительны пластины с правильной огранкой и орудия из таких пластин, многочисленны резцы, в т.ч. представлены срединные; среди нуклеусов встречены подконусовидные и близкие к ним и карандашевидным формам. Возможно, причины этих отличий следует искать в особенностях использовавшегося древними обитателями кремневого сырья, хотя нельзя исключать и более глубокие причины, связанные с культурной принадлежностью и особенностями древних технологий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Брюсов А.Я. Свайное поселение на реке Модлоне и другие стоянки в Чарозерском районе Вологодской области // МИА. 1951. № 20. С. 7–76.

Гринин А.А., Косорукова Н.В. Исследование торфяниковой мезолитической стоянки Погостище-15 в бассейне озера Воже в 2011 г. // Геолого-археологические исследования в Тимано-Североуральском регионе. Вып. XIV. Сыктывкар: Геопринт, 2011. С. 138–144.

Косорукова Н.В. Торфяниковая мезолитическая стоянка Погостище-14 в бассейне озера Воже (по материалам исследований 2005, 2008, 2009 гг.) // История и археология Русского Севера. Вологда: Древности Севера, 2012. С. 58–63.

Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П. Средневековое расселение на Белом озере. М.: Языки русской культуры, 2001. 495 с.

Меньшиков Н.С., Обухов В.Ю., Косорукова Н.В. Исследование торфяниковой мезолитической стоянки Погостище-15 в бассейне озера Воже в 2012 г. // Геолого-археологические исследования в Тимано-Североуральском регионе. Вып. XV. Сыктывкар: Геопринт, 2012. С. 133–140.

Ошибкина С.В. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М.: Наука, 1983. 295 с.

Ошибкина С.В. Мезолит Восточного Прионежья. Культура Веретье. М.: ИА РАН, 2006. 322 с.

Свиридов Д.В., Косорукова Н.В. Исследование торфяниковой стоянки Погостище-15 в бассейне озера Воже в 2013 г. // Геолого-археологические исследования в Тимано-Североуральском регионе. Вып. XVI. Сыктывкар: Геопринт, 2013 С. 111–119.

ДЕРЕВЯННЫЕ РЫБОЛОВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В МЕЗОЛИТЕ И НЕОЛИТЕ ЛЕСНОЙ ЗОНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ[1]

© 2014 г. В.М. Лозовский[1, 2], О.В. Лозовская[1, 2], А.Н. Мазуркевич[3]

[1]Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург (zamostje68@gmail.com; olozamostje@gmail.com)
[2]Сергиево-Посадский историко-художественный музей-заповедник, Сергиев-Посад
[3]Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург (a-mazurkevich@mail.ru)

Ключевые слова: рыболовные сооружения, мезолит, неолит, ранняя бронза, Восточная Европа.

Резюме. В работе анализируются находки деревянных рыболовных конструкций каменного и раннего бронзового веков на территории Восточной Европы. Выделяются два типа сооружений – верши и переносные изгороди, использование которых зависело от характера близлежащего водоема (река, озера, море).

Первое упоминание в российской археологической литературе о рыболовных сооружениях эпохи каменного века относится к 1878 г., когда И.С. Поляков (1882) на стоянке Плеханов Бор на глубине 4,5 м обнаружил остатки рыболовного сооружения в виде корзины из расщепленных лучин сосны. Почти 60 лет спустя эта находка была детально описана и проанализирована В.В. Федоровым (1937). Автор на основании многочисленных этнографических аналогий показал, что открытый И.С. Поляковым снаряд является частью легкого рыболовного сооружения в виде передвижной ловушки, которая вертикально втыкалась в дно водоема. В этнографической литературе подобные объекты известны под именем «котцы». После этих работ наступил определенный перерыв в изучении рыболовных структур эпохи каменного века до середины 60-х – начала 70-х гг. XX в., когда этой проблематикой стал заниматься Г.М. Буров (1969, 1974, 1988, 2011) в связи с работами на торфяниках Вис и Мармугино. Найденные на Мармугинском торфянике обширные залегания лучин автор интерпретировал в качестве упавших рыболовных заграждений (1988. С. 153–155). К сожалению, приводимый в работах немногочисленный иллюстративный материал не позволяет подробно проанализировать и оценить эти находки. Интересны замечания автора, что все бесспорные находки рыболовных сооружений изготовлены из расщепленных лучин дерева (стоянки Сарнате, Абора, Шедемоссе), что свидетельствует в пользу их относительной древности (Там же. С. 157). Техника расщепления лучин автором реконструируется по этнографическим источникам (Там же. С. 158).

Увеличение во второй половине XX в. количества найденных объектов древнего рыболовного промысла было связано с интенсивными исследованиями торфяниковых стоянок каменного и раннего бронзового веков на территории бывшего СССР: в Латвии – стоянки Звидзе, Сарнате и Абора, в Литве – стоянки Швянтойи, на Севере и Северо-Западе Европейской части России – стоянки Усвяты IV, Рудня Сертейская, Вис, Мармугино, в центральных регионах России – стоянки Сахтыш-1 и Подзорово. Исследованиями последних десятилетий также были выявлены новые памятники эпохи мезолита – неолита с находками аналогичных конструкций: поселения Охта-1 в Санкт-Петербурге, стоянки Сертея I,

1 Исследование выполнено в рамках проектов РФФИ (№ 11-06-00090а, 11-06-100030к, 12-06-00013к) и Министерства науки и инноваций Испании (I+D) HAR2008-04461/HIST.

X, XIV в междуречье Днепра и Двины, стоянки Сахтыш-2а, Становое 4 (слой IIIа) и Замостье-2 – в центральном регионе России. В Финляндии была открыта стоянка Пуркаясу.

Анализ доступной информации о находках рыболовных сооружений на стоянках каменного и раннего бронзового веков позволяет выявить определенные закономерности в их конструкции и типе самих объектов. Большинство рыболовных снарядов изготавливалось из расщепленных лучин деревьев (сосна, ель, ива) – стоянки Сарнате, Звидзе, Абора-1, Швянтой-1А, -2Б, -4Б, Плеханов Бор, Охта-1, Замостье-2, Сахтыш-1, -2а, Пуркаясу, Сертея I. Размеры сечения лучин варьируют от 1,2 х 0,2 см до 4,5 х 1,8 см (Ванкина, 1970. С. 93–94; Berzins, 2008. P. 241–246; Лозе, 1979. С. 21; 1988. С. 20–23; Rimantene, 1979; 1980. P. 74; Римантене, 1991. С. 79; Федоров, 1937; Базарова и др., 2010. С. 166–173; Гусенцова, Сорокин, Кулькова, 2012. С. 263; Крайнов, 1991; Lozovski, 1996; Лозовский, 1997; Лозовский и др., 2013; Жилин, 2004. С. 54; Koivisto, 2012. P. 32). Длина самих лучин колеблется от 0,5 до 4,0 м и более и зависит от характера конструкции. Изготовление рыболовных конструкций исключительно из прутьев деревьев (ивы) было менее распространено – стоянка Становое-4 (слой IIIа) (Жилин, 2004. С. 54). Для крепления лучин между собой использовались узкие ленты из лыка, березовой коры, стеблей тростника или камыша. Расстояние между лентами переплетения также различно – от 13–18 до 30–40 см.

Исследованные рыболовные сооружения можно разделить на два типа. Первый тип – это собственно верши конической формы (мобильные ловушки для ловли рыбы) (Звидзе, Абора-1, Швянтойи-1А, Швянтой-2Б, Замостье-2, Сахтыш-1, -2а) из лучин длиной до 2,5 м (стоянка Замостье-2). К этому же типу относятся находки вершей из прутьев деревьев на стоянке Становое-4 (слой IIIа). Их использование предполагает горизонтальное залегание на дне водоема, и, как правило, они ставятся в свободные промежутки в рыболовном заколе, которым перегораживалась протока, участок реки или озера.

Второй метод устройства закола в воде представлен находками переносных загородок в русле р. Дубны на стоянке Замостье-2. Особенностью этого типа сооружений является их вертикальное расположение в водоеме. Судя по этнографическим данным, эти конструкции представляли собой длинные маты из расщепленных лучин дерева, переплетенных между собой. При транспортировке они сворачивались в достаточно компактный пучок. Длина использовавшихся для этого лучин зависела от глубины водоема, по археологическим данным известная длина лучин достигает 4,0–4,5 м и более (стоянки Замостье-2, Охта-1). Схема устройства самой ловушки из подобного рода матов была различной: В.В. Федоровым (1937. С. 63) приводятся многочисленные этнографические примеры. В археологическом контексте вертикальное расположение подобного рода изгороди известно только в одном случае – на стоянке Сертея I. Именно такой объект реконструирует В.В. Федоров (1937. С. 61–70), анализируя находку на Плехановской стоянке на р. Оке. Аналогичные конструкции были также найдены на стоянке Сарнате (Berzins, 2008. P. 241–246), на стоянке Пуркаясу (Финляндия) (Koivisto, 2012. P. 32–33), на Охтинском мысу (Гусенцова, Сорокин, Кулькова, 2012. С. 191–192).

Возможно, различия в типе конструкций рыболовных сооружений эпохи каменного века связаны с характером водоема, где велась рыбная ловля. Например, верши использовались скорее в условиях реки или протоки, где была возможность перегородить течение искусственным рыболовным заколом, который не позволял рыбе плыть куда-либо еще, кроме как в горловину самой ловушки. Второй тип сооружений связан с участками обширного открытого пространства зеркала воды – озеро, море, где рыбная ловушка устраивалась на каком-то ограниченном участке водоема. Аналогичные различия в типах рыболовных сооружений и их зависимость от характера водоема (река, озеро, море) была прослежена и зарубежными коллегами по материалам исследований стоянок каменного века Дании (Fisher, 1993).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Базарова В.И., Бобкова А.А., Васильев С.А., Воротинская Л.С., Городилов А.Ю., Екимова А.А., Ильюхина О.М., Ластовский А.А., Мурашкин А.И., Никитин М.Ю., Соловьева Н.Ф., Суворов А.В., Хребтикова К.С., Шаровская Т.А. Новые исследования рыболовных заграждений на памятнике Охта-1: предварительные результаты // Бюл. ИИМК. 2010. № 1. С. 165–174.

Буров Г.М. О поисках древних деревянных вещей и рыболовных сооружений в старичных торфяниках равнинных рек // КСИА. 1969. Вып. 117. С. 130–134.

Буров Г.М. Прочная оседлость и закольное рыболовство у неолитических племен Северо-Восточной Европы // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М.: Наука, 1974. С. 283–287.

Буров Г.М. Запорный лов рыбы в эпоху неолита в Восточной Европе // СА. 1988. № 3. С. 145–160.

Буров Г.М. Рыбная ловля в эпоху мезолита на Европейском Севере России // РА. 2011. № 2. С. 5–15.

Ванкина Л.В. Торфяниковая стоянка Сарнате. Рига: Зинатне, 1970. 268 с.

Гусенцова Т.М., Сорокин П.Е., Кулькова М.А. К результатам комплексных исследований памятника Охта-1 в центре Санкт-Петербурга (2008–2009 гг.). Неолит – ранний металл // КСИА. 2012. Вып. 227. С. 259–269.

Жилин М.Г. Природная среда и хозяйство мезолитического населения центра и северо-запада лесной зоны Восточной Европы. М.: Академия, 2004. 141 с.

Крайнов Д.А. Рыболовство у неолитических племен Верхнего Поволжья // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита – раннего металла. Л.: Наука, 1991. С. 129–153.

Лозе И.А. Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской низины. Рига: Зинатне, 1979. 204 с.

Лозе И.А. Поселения каменного века Лубанской низины. Рига: Зинатне, 1988. 209 с.

Лозовский В.М. Рыболовные сооружения на стоянке Замостье-2 в контексте археологических и этнографических данных // Древности Залесского края: Мат-лы к междунар. конф. «Каменный век европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры», 1–5 июля 1997 г. Сергиев Посад, 1997. С. 52–65.

Лозовский В.М., Лозовская О.В., Клементе-Конте И., Мазуркевич А.Н., Гассьот-Бальбе Э. Деревянные рыболовные конструкции на стоянке каменного века Замостье-2 // Замостье-2. Озерное поселение древних рыболовов эпохи мезолита – неолита в бассейне Верхней Волги / Отв. ред. В. Лозовский, О. Лозовская, И. Клементе Конте. СПб.: ИИМК РАН, 2013. С. 46–75.

Поляков И.С. Исследование по каменному веку в Олонецкой губ., в долине Оки и на верховьях Волги // Зап. РГО по Отд. этногр. 1882. Т. IX. С. 19.

Римантене Р.К. Озерное рыболовство и морская охота в каменном веке Литвы // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита – раннего металла. Л.: Наука, 1991. С. 65–86.

Федоров В.В. Рыболовные снаряды неолитической эпохи из долины р. Оки // СА. 1937. Т. II. С. 61–70.

Berzins V. Sarnate: living by coastal lake during the East Baltic Neolithic. Oulu, 2008. 473 p.

Fisher A. Stenalderbopladser I Smålandsfarvandet. Miljoministeriet (Stone age settlements in the Småland Bight). Skov-og Naturstyrelsen. Kobenhavn, 1993. 139 p.

Koivisto S. Subneolithic Fishery in the Iijoki River Estuary, Northern Ostrobothnia, Finland // J. of Wetland Archaeology. 2012. № 12. P. 22–47.

Lozovski V. Zamostje 2: the Last Prehistoric Hunter-Fishers of the Russian Plain. Treignes: CEDARC, 1996. 96 p.

Rimantene R. Sventoji. Narvos kulturos gyvenvietes. Vilnius, 1979. 188 p.

Rimantene R. Sventoji. Pamariu kulturos gyvenvietes. Vilnius, 1980. 86 p.

КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ КАМЕННОГО ИНВЕНТАРЯ НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ВЕРХНЕГО И СРЕДНЕГО ПРИКАМЬЯ[1]

© 2014 г. Е.Л. Лычагина

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,Пермь (LychaginaE@mail.ru)

Ключевые слова: неолит, Прикамье, каменный инвентарь, комплексный анализ, камская культура, волго-камская культура.

Резюме. В статье подводятся итоги комплексного анализа каменного инвентаря шести неолитических памятников с территории Верхнего и Среднего Прикамья. Делается вывод о существовании определенных различий в выборе сырья, технологии изготовления орудий в камской и волго-камской культурах. В то же время номенклатура орудий труда и основные хозяйственные занятия населения в целом совпали. По всей видимости, необходимость адаптации к сходным природным условиям привела к нивелированию культурных различий.

Верхнее и Среднее Прикамье расположено в Среднем Предуралье в пределах Пермского края. На данной территории известны памятники двух неолитических культур – камской и волго-камской. Выделение культур базировалось в основном на различиях в керамических комплексах. Так, для камской культуры характерна керамика, орнаментированная с помощью гребенчатого штампа, а для волго-камской – с помощью накола.

В силу объективных причин (невозможности расчленить комплексы на многослойных памятниках) каменной индустрии придавалось второстепенное значение. Целью данной работы является как можно более полная характеристика каменных индустрий на тех памятниках, где возможна точная культурная атрибуция.

Методика комплексного анализа каменных индустрий была предложена и опробована на памятниках различных регионов Г.Н. Поплевко (2007; 2008). Данная методика включает в себя типологический, технологический, трасологический и планиграфический анализы каменных индустрий.

Для проведения анализа нами использовался каменный инвентарь отдельных памятников целиком (Чашкинское Озеро IV, VIII) или, чаще, только материалы конкретных раскопов, на которых не фиксировалось значительной примеси других культур. При этом мы не исключаем определенного смешения материала. Поэтому при характеристике индустрии того или иного памятника упор делался на основную тенденцию, а не на единичные факты.

В рамках работы по комплексному анализу каменных индустрий опорных неолитических памятников Верхнего и Среднего Прикамья нами было проведено исследование материалов стоянок Хуторская (раскоп VI), Чернушка (раскоп II), Чашкинское Озеро IIIа, относящихся к камской культуре, и Чашкинское Озеро IV, VI (раскоп I, 2005 г.), VIII, относящихся к волго-камской культуре (Лычагина, 2008; Лычагина, Поплевко, 2011; 2012).

Технологический анализ показал наличие на неолитических памятниках Верхнего и Среднего Прикамья разнообразных приемов первичного расщепления. Первичные отщепы скалывали каменным и роговым отбойником, далее для оформления пренуклеуса применяли отжим и удар через посредник. Заготовки для орудий также получали отжимом и ударом через посредник. В то же время на памятниках волго-камской культуры для изготовле-

1 Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 13-11-59003а/У.

ния орудий широко использовались отщепы, снятые твердым (каменным) отбойником.

На технологических отходах зону расщепления чаще всего подправляли при помощи редуцирования карниза и уплощения площадки, хотя основную массу скалывали сразу, без подправки зоны расщепления. На ударных площадках орудий в основном фиксируются следы редуцирования карниза, а также сочетание редуцирования карниза и абразивной подправки. Таким образом, все это позволяет предположить широкое распространение в неолите Верхнего и Среднего Прикамья намеренного, контролируемого расщепления с целью получения пластин и пластинчатых отщепов для изготовления орудий. С другой стороны, нами было зафиксировано использование для изготовления орудий случайных сколов и первичных отщепов, не имевших никакой предварительной подработки. Это одинаково характерно как для памятников камской культуры, так и для памятников волго-камской культуры.

Типологический анализ показал, что для изготовления орудий, как правило, использовались отщепы средних размеров, пластины, шириной 0,8–1,5 см, первичные сколы и гальки. На памятниках камской культуры широко использовались фрагменты плиток плитчатого кремня. Для большинства памятников характерно преобладание орудий на отщепах над орудиями на пластинах. Исключение составляет только стоянка Чернушка, на которой превалировали орудия, изготовленные на пластинах. При оформлении орудий на памятниках камской культуры использовалась как краевая ретушь, так и бифасиальная обработка. В то время как для памятников волго-камской культуры характерно использование краевой ретуши. Основными категориями орудий на памятниках обеих культур были: скребки, ножи, острия, пластины и отщепы с ретушью.

Трасологический анализ показал, что ведущую роль в хозяйственной деятельности населения Верхнего и Среднего Прикамья в эпоху неолита играли комплексы, связанные с разделкой добычи и обработкой дерева (Лычагина, Митрошин, Шмырина, 2013). На некоторых памятниках волго-камской культуры (Чашкинское Озеро IV, VI) более 20% составляют орудия по обработке кости. Комплекс, связанный с обработкой камня, на большинстве памятников минимален либо отсутствует. Возможно, это связано со спецификой изученной части поселений (вне жилищные пространства). Исключением является стоянка Чашкинское Озеро IIIа, на которой обнаружена значительная коллекция отбойников, абразивов и наковален.

Планиграфический анализ позволил выделить на некоторых памятниках (Хуторская, Чашкинское Озеро IV, Чернушка) зоны, связанные с резкой мяса, рыбы, изготовлением и ремонтом вкладышевых орудий из кости и рога, обработкой дерева. В то же время планиграфический анализ показал, что хозяйственные зоны, связанные с различной деятельностью, часто перекрывали друг друга или резко не отделялись одна от другой.

Таким образом, комплексный анализ каменного инвентаря неолитических памятников Верхнего и Среднего Прикамья позволил выявить определенные различия в выборе сырья, технологии изготовления орудий в камской и волго-камской культурах. В то же время номенклатура орудий труда и основные хозяйственные занятия населения в целом совпали. По всей видимости, необходимость адаптации к сходным природным условиям привела к нивелированию культурных различий.

Для дальнейшей реконструкции хозяйственных занятий населения Прикамья в позднем каменном веке необходимо проведение комплексного анализа каменных индустрий других неолитических памятников региона, а также проведение палеоэкологических исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Лычагина Е.Л. Трасологический анализ каменного инвентаря поселения Чашкинское Озеро VIII (по материалам раскопок 2002 г.) // Вестн. Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. Вып. 2. Пермь: Изд-во ПГПУ, 2008. С. 49–52.

Лычагина Е.Л., Митрошин Е.Н., Шмырина Н.С. Хозяйственные занятия населения Прикамья в эпоху неолита (на основе комплексного анализа каменной индустрии) // Переходные эпохи в археологии: Мат-лы Всерос. археол. конф. с между-

нар. участием «XIX Уральское археологическое совещание». Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2013. С. 26–27.

Лычагина Е.Л., Поплевко Г.Н. Возможности комплексного анализа каменного инвентаря (на примере раскопа VI стоянки Хуторская) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 1. С. 4–10.

Лычагина Е.Л., Поплевко Г.Н. Комплексный анализ каменного инвентаря неолитической стоянки Чашкинское Озеро IV // Зап. ИИМК РАН. 2012. Вып. 7. С. 16–30.

Поплевко Г.Н. Методика комплексного исследования каменных индустрий. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. 388 с.

Поплевко Г.Н. Комплексное исследование материалов поселения майкопской культуры Пхагугапе // Археология Кавказа и Ближнего Востока (сборник к 80-летию чл.-корр. РАН, проф. Р.М. Мунчаева). М.: ИА РАН, 2008. С. 222–255.

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО РАДИОУГЛЕРОДНОЙ ХРОНОЛОГИИ НЕОЛИТА ЛЕСНОЙ ЗОНЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ[1]

© 2014 г. А.Н. Мазуркевич[1], В.М. Лозовский[2], О.В. Лозовская[2], Г.И. Зайцева[2], М.А. Кулькова[3], Е.Л. Костылева[4], С.Д. Решко[2], Н.Д. Бурова[2]

[1]Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург (a-mazurkevich@mail.ru)
[2]Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург (zamostje68@gmail.com; olozamostje@gmail.com; zai-ganna@mail.ru)
[3]Российский государственный педагогический университет им. Герцена, Санкт-Петербург (kulkova@mail.ru)
[4]Ивановский государственный университет, Иваново (elkos-ty-le-va@mail.ru)

Ключевые слова: радиоуглеродное датирование, неолит, мезолит, хронология.

Резюме. В докладе приводятся и систематизируются данные по радиоуглеродной хронологии памятников эпохи каменного века в лесной зоне Восточной Европы. Приводятся результаты датирования опорных памятников, на основе которых строятся локальные хронологические шкалы.

Одним из перспективных направлений является создание макро- и микрорегиональных хронологических шкал древностей каменного века, основанных, в том числе, и на данных радиоуглеродного датирования. С этой целью была собрана большая серия образцов для радиоуглеродного датирования для стоянок эпохи раннего неолита на обширной территории центральной, северо-западной и южной части России и восточных районов Белоруссии: стоянка Сахтыш-2а (Тейковский р-н Ивановской обл.), стоянка Замостье-2 (Сергиево-Посадский р-н Московской обл.), стоянки Сертея I, II, X, XXXIV (Велижский р-н Смоленской обл.), Дубокрай I (Невельский р-н Псковской обл.), Усвяты IV (Усвятский р-н Псковской обл.), Асавец-2, -3а, Кривина, Нижняя Олба, Кузмичи 1, Скорбичи (Белоруссия). Суммарно было отобрано более 110 образцов. Для радиоуглеродного анализа отбирались образцы нагара на стенках керамики, фрагменты археологической древесины, остатки костей, уголь, образцы почв, вмещавших культурные слои неолитических памятников.

В ходе многолетних исследований стоянки Замостье-2 выявлена достаточно от-

1 Исследования выполнены в рамках проектов РФФИ (№ 13-06-12057), РГНФ (№ 13-21-01003).

четливая стратиграфическая последовательность накопления культурных отложений. Вкратце стратиграфия выглядит следующим образом: 7 900–7 800 л.н. – нижний мезолитический слой, 7 400–7 200 л.н. – верхний мезолитический слой, 7 100–7 000 л.н. – слой финального мезолита, 6 900–6 200 л.н. – ранненеолитическийверхневолжскийгоризонт,5800–5 200 л.н. – слой среднего неолита. Эти данные подкреплены многочисленными естественно-научными исследованиями и обширной серией радиоуглеродных дат по всем хронологическим периодам. Собственно массив радиоуглеродных датировок можно разделить по виду датируемого материала – торф, дерево, кость, нагар на керамике, то, что собственно подлежало датированию – культурный слой, отдельные фрагменты керамики, объекты из дерева или части деревянных конструкций.

Датирование нагара на верхневолжской керамике. Для датирования остатков нагара на верхневолжской керамике были отобраны образцы, относимые к раннему этапу бытования культуры – фрагменты без орнамента и фрагменты с накольчатой орнаментацией. Всего было 16 радиоуглеродных дат. Полученные датировки распределились следующим образом: для керамики без орнамента – 7 537±150 (SPb-720), 7 105±150 (SPb-722), 7 030±100 (SPb-723), 6 975±100 (SPb-721), 6 720±150 (SPb-725), 6 700±120 (SPb-724), 6 697±150 (SPb-718), 6 500±150 (SPb-727), 6 485±150 (SPb-728), 6 433±150 (SPb-717), 6 385±150 (SPb-719) BP, для накольчатой керамики – 6 730±120 (Ki-15031), 6 650±45 (Ua-37097), 6 444±120 (Ki-15030), 6 407±150 (SPb-726), 6 300±130 (Ki-15032) BP. Нетрудно заметить, что большинство полученных датировок практически полностью соответствуют текущим представлениям о времени бытования ранненеолитической верхневолжской культуры на памятнике. В то же время некоторые даты серьезно выпадают из предложенной хронологии и имеют резкое удревнение, как, например, 7 537±150 BP (SPb-720). Причины такого удревнения пока не очень понятны, хотя аналогичное явление мы наблюдаем и на стоянке Сахтыш-2а (Hartz et al., 2012). С другой стороны, хотя некоторое количество дат и концентрируется в отрезке 6 900–6 700 л.н., т.е. условно в рамках раннего этапа верхневолжской культуры, остальные даты равномерно распределены практически по всему хронологическому отрезку ее существования. Соответственно возникают вопросы о неоднородности самого комплекса условно ранней верхневолжской керамики – неорнаментированной керамики и керамики с накольчатым орнаментом, что хорошо видно по результатам датирования нагара на керамике ст. Сахтыш-2а.

Датирование объектов из дерева. Исследования стоянки Замостье-2 в 1989–2014 гг. выявили особую рыболовную зону поселения с высокой концентрацией разновременных рыболовных сооружений. Комплекс рыболовных сооружений включает три верши конической формы из расщепленных лучин сосны и ели, два переносных мата из длинных расщепленных лучин сосны и ивы, найденных в русле реки Дубны, и 230 вертикальных кольев, 150 из которых найдено также в русле р. Дубны. Проведенное радиоуглеродное датирование показало их различие в хронологической последовательности. Так, находки передвижных загородок в русле р. Дубны датируются временем позднего мезолита – 7 198+30 (CNA-1341), 7 248+30 (CNA-1347), 7 267+31 (CNA-1348) л.н., остатки трех вершей, исследованные во время раскопок, датируются временем ранненеолитической верхневолжской культуры – 6 452+43 (CNA-1081), 6 550+40 (Beta-283033) л.н. Выборочная датировка кольев как в русле р. Дубны, так и в раскопе показала четкую разбивку всей массы колов на четыре хронологических группы: первая группа колов датируется периодом позднего мезолита – 7 200 л.н., вторая группа кольев датируется концом ранненеолитической верхневолжской культуры – 6 300–6 200 л.н., третья группа кольев отчетливо группируется в районе 6 тыс. л.н. – переходным периодом от раннего неолита к среднему неолиту. Последняя группа датируется периодом среднего неолита (льяловская культура) – 5 800–5 200 л.н. Помимо этого непосредственно в русле р. Дубны под ее правым берегом было зафиксирована угловая конструкция из кольев, которые преимущественно изготовлены

из граба, и датируется также периодом среднего неолита 5 850 л.н. Интересно, что подобное хронологическое распределение объектов из дерева частично противоречит классической стратиграфической последовательности. Фиксируются объекты, которые сооружались в период бытования верхнего мезолитического слоя, слоя раннего и среднего неолита. Для периодов существования на памятнике нижнего мезолитического слоя и финального мезолитического слоя никаких конструкций прослежено не было. И наоборот, достаточно многочисленная группа колов, для которой имеются датировки около 6 тыс. л.н., т.е. переходным периодом от раннего к среднему неолиту, не имеет своего выражения в виде отдельного культурного слоя в стратиграфии стоянки Замостье-2.

Для Ловатско-Двинского междуречья были получены следующие данные для неолитического времени. Для лесной зоны основой для построения хронологии являются торфяниковые памятники, которые позволяют делать стратиграфические наблюдения над залеганием различных сосудов. Но основная часть находок происходит из памятников, расположенных на минеральных берегах. В силу специфики образования здесь культурных слоев на них вместе могут залегать артефакты, относящиеся к различным хронологическим периодам. Мы попытались установить относительную хронологию в рамках «керамических фаз» на основе стратиграфических наблюдений на нескольких торфяниковых памятниках с ранненеолитическими слоями, руководствуясь логикой типологического развития и имеющимися радиоуглеродными датами. Также микростратиграфический и планиграфический анализы залегания находок с реконструкцией трехмерных моделей их археологизации позволяют вычленять микрогоризонты расположения различных типов сосудов, залегающих на памятниках, культурные слои которых представляют собой песчаные отложения, в которых литологические слои оказываются неразличимы.

Керамика фазы *a-1* является, по-видимому, самой древней для данного региона. Так, по нагару со стенки сосуда фазы *a-1* была получена дата 8 380±55 BP (Ua-37099). В связи с содержанием в нагаре $^{13}C‰$ – 33,8%, можно предположить, что данная дата несколько удревнена. Этот фрагмент происходит из предматерикового слоя песка памятника Сертея XIV и соотносится со временем At-1, который имеет датировки по отложениям 7 800±120 (ЛУ-4255) – 7 580±150 (ЛУ-4254).

Датировка по нагару с сосудов фазы *a* сертейской культуры, найденных в торфяниковой части памятников Рудня Сертейская и Сертея X, позволяет датировать их в интервале 7 870± 100 (Ua-37100) – 7 150± 50 (Ua-37098) ($^{13}C‰$ – 31,2).

Глиняная посуда, относящаяся к фазам *b* и *b-1* сертейской культуры, получила первые датировки по кальцинированным костям, происходящим из скоплений, которые по микростратиграфическому анализу могут быть соотнесены с сосудами данных фаз, – 7 300±120 BP (SPb-749) фаза *b*, 6 640±110 (SPb-750) и 6 792±120 (SPb-748) BP фаза *b-1*.

Для керамики типологически стоящей особняком и имеющей сходство с поздними фазами линейно-ленточной керамики по нагару была получена датировка 5 885±150 (SPb-754) и 5 765±150 (SPb-753) BP.

Для среднего неолита получены датировки по памятнику Сертея I. Это специализированное место рыбной ловли, которое по радиоуглеродным датам многократно использовалось и существовало: 4 850±100 (Ле-9532) (кол), 4 650±70 (Ле-9535) (кол), 4 294±70 (SPb-746) (фрагмент сети), 3 710±100 (Ле-9534) (кол).

Для свайного поселения Усвяты IV были получены новые датировки для первого этапа 4 420±40 (ЛЕ-9247) по деревянному колу и по нагару – 4 560±100 (SPb-1200) и второго этапа строительства – 4 070±30 (ЛЕ-9246), которые уточняют предложенную хронологию строительных горизонтов данного памятника.

Радиоуглеродное датирование конструкций на поселении Сертея II позволило установить их относительную хронологию, которая нашла подтверждение в данных стратиграфии и результатах дендрохронологического анализа. Кроме этого, предполагается провести датирование различных материалов (нагар, животная кость, кости рыб) из выделенных строительных комплексов. Полученные

данные радиоуглеродного датирования позволяют установить хронологическую границу между средним и поздним неолитом, которая будет сопоставлена с результатами датирования аналогичных памятников Кривинского торфяника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Hartz S., Kostyleva E., Piezonka H., Terberger T., Tsydenova N., Zhilin M. Hunter-gatherer pottery and charred residue dating: new results on early ceramics in the North Eurasian forest zone // Radiocarbon. 2012. Vol. 54–3. P. 1033–1048.

ОБЪЕМНАЯ СКУЛЬПТУРА В НЕОЛИТЕ ПРИАМУРЬЯ

© 2014 г. В.Е. Медведев

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
(medvedev@archaeology.nsc.ru)

Ключевые слова: Приамурье, неолитическое искусство, объемные скульптурные изображения, полиэйконичность, гинандроморфность.

Резюме. В докладе анализируется круглая скульптура, существовавшая 13,0–3,3 тыс. л.н. в культурах неолита Приамурья. Показано, что искусству региона свойственны полиэйконичность, гинандроморфность.

В XX в. основное место в изучении первобытного, прежде всего неолитического, искусства Приамурья отводилось петроглифам (Окладников, 1971). Хотя и тогда при раскопках было получено немалое количество образцов мелкой пластики или мобильных форм искусства.

В последние два-три десятилетия в ходе исследований стоянок, жилищ и святилищ различных культур, начиная с начальнонеолитической осиповской возрастом 13–10 тыс. л.н. и заканчивая вознесеновской позднего неолита (4,5–3,3 тыс. л.н.), выявлен многочисленный вещественный материал, в т.ч. произведения искусства в виде объемных или круглых скульптурных изображений. Особое место среди раскопанных автором комплексов, содержащих предметы искусства, занимает вскрытое в 1994 г. на о-ве Сучу, относящееся к позднему неолиту жилище-полуземлянка 4, часть которого составляло домашнее святилище. Зафиксированные в нем образцы художественного творчества позволили не только увидеть неизвестные до этого сюжеты, созданные первобытными ваятелями Амура, но и с учетом их, как побудительного мотива, предложить новую трактовку ранее открытых памятников, созданных художниками древности (Медведев, 2000).

Цель доклада – рассмотрение в ретроспективе существовавших в регионе во всех культурах неолита различных, порой сюжетно-стилистически неповторимых амурских художественных произведений.

В искусстве нижнеамурского неолита отчетливо просматриваются две манеры исполнения круглой скульптуры – реалистическая и условно-символическая с демонстрацией сложных синкретических или полиэйконических, полиобразных (гибридных) художественных персонажей. В упомянутом святилище жилища 3 на Сучу наряду с реалистическими предметами зарегистрированы образцы объемной скульптуры в виде головы женщины монголоидного типа с овальным лицом, верхняя длинная часть головы показана в профиле в форме фаллоса (см. *рисунок, 2*); двух женских скульптурок с обломанной головой и с фаллическим туловищем (см. *рисунок, 1*); двух фаллических предметов

с признаками гинандроморфности (у одного каменный фаллос – мужской символ – моделирован с головкой в виде женской головы, у второго – с чертами зооморфности (см. *рисунок, 3, 5*)).

К другой художественно-мировоззренческой традиции относится залегавшая в домашнем святилище фаллическая фигурка с реалистично моделированной мордой тюленёнка с одного конца и полости в форме воронки-вульвы – с другого. Три художественных сюжета (фаллос, тюленёнок, вульва) свидетельствуют о полиобразности данного предмета (см. *рисунок, 4*). Из числа редчайших объемных скульптурных изображений вознесеновской культуры следует упомянуть глиняную голову тюленя со следами краской краски, найденную в святилище на поселении Гася (см. *рисунок, 6*).

Кондонская культура раннего – среднего неолита представлена глиняной мужской фигурой – головой с верхней частью торса (см. *рисунок, 9*), каменными изображениями сидящего с рыбой в лапах медведя (этот зооморфный персонаж есть также в вознесеновской культуре в плоском изображении), фаллоса (см. *рисунок, 7, 8*), а также птицы, выполненной из длинной гальки в виде двуконечного фаллоса.

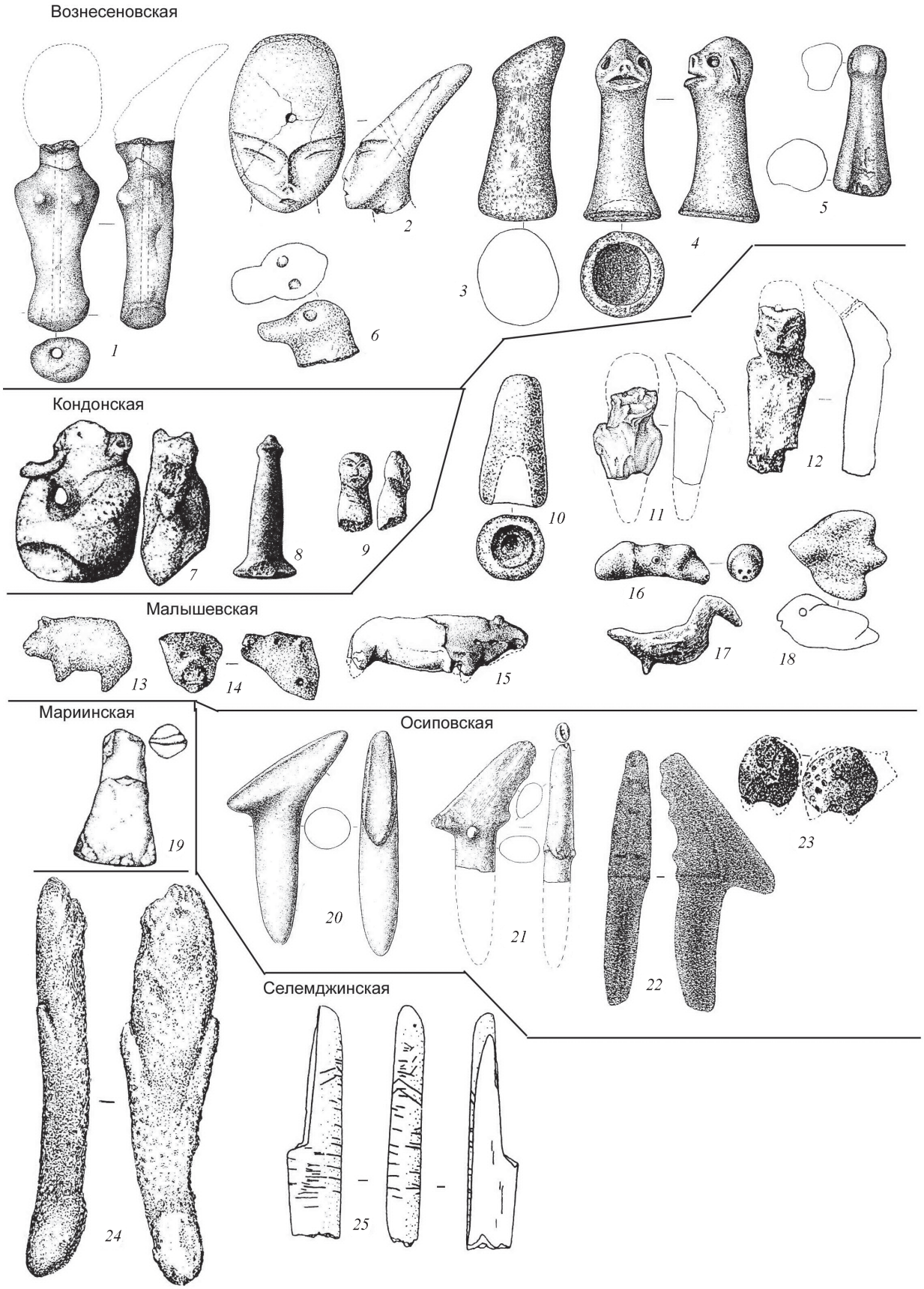
В малышевской культуре, развивавшейся определенное время синхронно с кондонской, сформировался весь основной «репертуар» произведений искусства и культа нижнеамурского ареала: антропо-, зоо-, орнитоморфные, гинандроморфные и другие персонажи. Как правило, реалистично продемонстрирована большая группа фигурок медведя (или его головы), лося – все они в статичном состоянии (см. *рисунок, 13–15*). Изображения птиц показаны и статично, и в полете (см. *рисунок, 17, 18*). К зооморфным, точнее полиэйконическим, изображениям относится серия двуконечных фаллосов с головой тюленя с одного конца (см. *рисунок, 16*). К гинандроморфным принадлежат различных размеров конические предметы в форме фаллоса-вульвы (мужчины-женщины). В эту же группу мобильного искусства входят многочисленные женские скульптурные изображения с фаллической верхней частью головы (прической?) (см. *рисунок, 10–12*). На поселениях неолита нижнего Амура часто встречаются более простые по форме глиняные фаллические предметы различных размеров (Медведев, 2001. С. 83–84. Рис. 10, 11).

Памятники мариинской культуры раннего неолита (VIII–VII тыс. до н.э.) в последнее время известны на значительной территории Нижнеамурского региона, однако целенаправленными раскопками они охвачены были менее других рассматриваемых культур. Тем не менее культура обеспечена образцами объемной каменной скульптуры, в т.ч. антропоморфными и фаллическим (см. *рисунок, 19*) предметами.

В осиповской культуре начального неолита неожиданно были выявлены основные формы мобильного искусства, включая объемную скульптуру. Среди реалистических образцов особо следует выделить древнейшую орнаментированную фигурку медведя из терракоты (см. *рисунок, 23*).

В этот период широкое распространение получила объемная полиэйконическая, полисемантическая скульптура, прежде всего гибридная, гинандроморфная. В основе ее – фигура двухконечного фаллоса. Наиболее простой вариант представлен изогнутым двухконечным скульптурным изображением (поселение Сакачи-Алян, нижний пункт), верхняя половина которого в профиле демонстрирует наклоненную назад голову с высокой прической-фаллосом. Лицевая поверхность головы имеет мягкую выпуклость и выполнена в манере, характерной для описанных выше более поздних женских неолитических скульптурок (см. *рисунок, 20*). Длинная ось головы-фаллоса по отношению к аналогичной оси туловища-фаллоса отогнута под углом 60^0. Такие же или близкие параметры наблюдаются у других гибридных скульптурок-фаллосов, включая все более поздние неолитические на Амуре.

Есть другие варианты подобных скульптурных изображений. На стоянке Гончарка-1 найдено изделие, показывающее собой женщину-фаллос-личину. Барельефно выраженная личина изображена на тыльной стороне или на «затылке» схематичной фаллической женской головы (Шевкомуд, Яншина, 2012. Рис. 52). На предмет следует смотреть с разных ракурсов, соблюдая условия полиэйконично-



Объемные скульптурные изображения неолитических культур Приамурья. *1–5, 11, 12, 14–20* – Сучу; *6, 10, 13, 23* – Гася; *7, 8, 21* – Кондон-Почта; *9* – Харпичан; *22* – Гончарка-1 (по: Шевкомуд, Яншина, 2010); *24* – Баркасная Сопка II; *25* – Баркасная Сопка III (по: Деревянко, Волков, Ли Хонджон, 1998). Масштаб разный.

сти (см. *рисунок, 22*). На поселении Кондон-Почта из осиповского слоя было извлечено другое сложное полиэйконическое частично обломанное скульптурное изображение женщины-фаллоса-лося. С лицевой стороны и в профиль, по вертикали, эта скульптура, как и другие подобные, выглядит в виде отогнутой назад женской головы с высокой прической (?) в форме фаллоса. Детали головы не моделированы, за исключением ушей (серег?), которые обозначены на уровне подбородка с обеих сторон в виде округлых выпуклостей (см. *рисунок, 21*). В горизонтальном положении в скульптуре ясно просматриваются голова лося с вытянутой мордой и укороченной нижней губой. На уровне ушей (у женщины это подбородок) показана характерная лосиная подшейная шишка («серьга»). Нижняя половина скульптуры выполнена в форме фаллоса и обозначает одновременно туловище женщины и шею лося.

Таким образом, круглая скульптура уже в развитой форме существовала в Нижнем Приамурье в постпалеолитическое время, на заре эпохи неолита. Источники свидетельствуют о всестороннем проявлении культа плодородия в широком его понимании у носителей рассматриваемых культур региона. Искусству нижнеамурского неолита свойственна полиэйконичность и полисемантичность, в группу антропоморфных изображений входят двуполые, а также антропозооморфные скульптуры.

Прототипы и даже одновременные их аналоги в древнем искусстве Дальнего Востока в настоящее время отсутствуют. Заметный интерес представляет найденное на памятнике селемджинской позднепалеолитической культуры (с которой, как считают исследователи, имеет связь осиповская культура) Баркасная Сопка II в Среднем Приамурье каменное объемное скульптурное изображение рыбы (амурский сом). Фигурка выполнена из продолговатой фигурной гальки. Более широкая часть изделия представляет собой, как уже сказано, рыбу с головой и плавниками (см. *рисунок, 24*). Другая, зауженная, половина изделия трактуется как длинная шея и голова птицы (Derevianko, Lee, 1995. P. 428). При осмотре скульптурного изображения автор этих строк пришел к выводу, что зауженный «хвост» рыбы или «шея птицы» расширяется и превращается в овально-округлую в сечении голову змеи. Скульптурка относится к числу полисемантических изображений: рыба-змея (и, возможно, - птица).

На памятнике Баркасная Сопка III также в позднем (осиповском) культурном слое обнаружен каменный обломанный «жезл» с насечками (см. *рисунок, 25*) (Деревянко, Волков, Ли Хонджон, 1998. С. 32–33. Рис. XCIX). Предмет представляет собой скульптурное, округлое в сечении фаллическое изображение, аналогичное глиняным неолитическим изделиям нижнего Амура. На «жезле» видны знаки-насечки в виде углов – женские символы.

Любопытно, что наиболее близкие аналоги женским фаллическим скульптуркам Приамурья просматриваются далеко на западе, в материалах Мезинской позднепалеолитической стоянки (Шовкопляс, 1965. Рис. 55–59).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Деревянко А.П., Волков П.В., Ли Хонджон. Селемджинская позднепалеолитическая культура. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. 336 с.

Медведев В.Е. Новые сюжеты в искусстве нижнеамурского неолита и связанные с ним представления древних // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 3. С. 56–68.

Медведев В.Е. Проблема истоков некоторых скульптурных и наскальных образов в первобытном искусстве юга Дальнего Востока и находки, относящиеся к осиповской культуре на Амуре // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. № 4. С. 77–94.

Окладников А.П. Петроглифы нижнего Амура. Л.: Наука, 1971. 336 с.

Шевкомуд И.Я., Яншина О.В. Начало неолита в Приамурье: поселение Гончарка I. СПб.: МАЭ РАН, 2012. 270 с.

Шовкопляс И.Г. Мезинская стоянка: К истории среднеднепровского бассейна в позднепалеолитическую эпоху. Киев: Наук. думка, 1965. 328 с.

Derevianko A.P., Lee Heon-jong. Fish Figurine from the Barkasnaya Sopka-2 Site and Its Significance // Asea Komunkhua. Seoul, 1995. P. 425–434.

БОБОРЫКИНСКИЙ КОМПЛЕКС ПОСЕЛЕНИЯ БОРЛЫ (СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ КАЗАХСТАН)

© 2014 г. В.К. Мерц

Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова, Павлодар, Казахстан
(v_merz@mail.ru)

Ключевые слова: поселение Борлы, неолит, боборыкинская культура, миграции, производящее хозяйство.

Резюме. В статье рассматриваются новые материалы боборыкинского типа, найденные на многослойном поселении Борлы в Северо-Восточном Казахстане. В связи с расширением территории распространения памятников боборыкинского типа ставится вопрос о существовании различных вариантов этого культурного образования или общности. Сложными являются проблемы происхождения и относительной хронологии данного комплекса, его связь с производящими формами хозяйства, нетипичными для боборыкинских комплексов Среднего Зауралья и Западно-Сибирской лесостепи.

Территория распространения памятников боборыкинской культуры за последние годы продвинулась из Зауралья и Притоболья, где первоначально их локализовали (Ковалева, 1989. С. 53; Зах, 1987), далеко на юг и восток, в северную часть Тургайского прогиба (Логвин, 2003. С. 99), в лесостепное Тоболо-Ишимье (Зах, 2009. С. 145) и Барабинскую Лесостепь (Бобров, 2004). В 2008 г. боборыкинский комплекс был обнаружен на многослойном поселении Борлы, в 100 км к юго-востоку от г. Павлодара, на берегу одноименного озера (Мерц, 2011. С. 180). Таким образом, оказалось, что памятники боборыкинского типа распространены на довольно большой территории и, видимо, представляют различные варианты данной культуры или общности. В связи с этим необходимо отметить, что проблема изучения боборыкинской культуры вышла за локальные рамки зауральской и в целом российской археологии и перешла в разряд международной, в частности казахстанской. Вероятно, новые памятники этого культурного образования теперь будут открываться и на территории Казахстана.

Боборыкинский комплекс поселения Борлы представлен несколькими типами керамики, каменных и костяных орудий и массой фаунистических остатков, дополняющих информацию о культурно-хозяйственной специфике оставившего его населения. В керамическом комплексе выделяются два основных типа и несколько подтипов.

Первый тип керамики представлен тонкостенными сосудами с большим содержанием в формовочной массе мелкого песка и слюды. Он делится на два подтипа:

1. С налепным и формованным валиком; представлен небольшим круглодонным сосудом без орнамента с ровной шейкой и отогнутым венчиком, по которому с внутренней стороны сделаны косые насечки, в качестве внешнего декора на шейке сосуда имеется небольшой налепной валик, рассеченный вертикальными полосками (рис. 1, *5*); крупным тонкостенным сосудом шаровидной формы без орнамента с короткой шейкой и прямым венчиком с формованным валиком на его верхней части, рассеченным редкими косыми штрихами и аналогичными элементами по верхнему срезу венчика (рис. 1, *1*); сосудом средних размеров с прямыми стенками и небольшим формованным валиком, рассеченным вертикальными нарезками и косыми оттисками на поверхности венчика. Под валиком по тулову проходят тонкие горизонтальные ряды мелкой гладкой качалки (рис. 1, *6*).

2. Представлен крупным тонкостенным сосудом с ровной, слегка отогнутой шейкой и мелкими перпендикулярными насечками по ровному срезу венчика, верхняя часть сосуда покрыта горизонтально-линейным орнаментом, занимающим одну треть его поверхности, средняя часть не орнаментирована, нижняя – отсутствует; аналогичным по форме сосудом меньшего размера и более массивными стенками с закругленным, слегка отогнутым венчиком, покрытым косыми насечками с наружной стороны и похожим линейным орнаментом в верхней части (рис. 1, *7*); к этому типу керамики относится еще несколько фрагментов от других сосудов.

Второй тип керамики представлен фрагментами сосудов средних размеров с более толстыми стенками и плотным, но слоящимся черепком, округлым туловом и сильно отогнутым венчиком с косыми насечками по его верхней части. Один сосуд декорирован по шейке округлыми вдавлениями и геометрическим орнаментом в виде горизонтального зигзага, нанесенного жирной линией и рядами более крупных зигзагов, нанесенных тонкими линиями по верхней части тулова. По средней части сосуда проходит горизонтальный поясок, заштрихованный наклонными линиями, параллельно ему проходит зигзаг, вдоль которого нанесен ряд мелких вдавлений (рис. 1, *4*). К этому типу керамики, видимо, относятся и некоторые фрагменты с сильно отогнутым венчиком, округлыми вдавлениями и рядами гладкой вертикальной качалки (рис. 1, *2*); с орнаментом, нанесенным округлыми оттисками в виде горизонтальных рядов зигзагов или елочек, разделенных вертикальным рядом, глубокими округлыми вдавлениями по шейке и косыми штрихами по срезу венчика (рис. 1, *3*), а также без орнамента, с глубокими редкими вдавлениями по шейке и неглубокими вдавлениями по венчику. Здесь пока не найдено плоских донцев, но памятник только начал изучаться, поэтому их обнаружение в дальнейшем не исключено.

Еще один тип керамики представлен немногочисленными толстостенными фрагментами с отступающе-прочерченным орнаментом в виде вертикальных зигзагообразных линий.

Каменная индустрия данного комплекса представлена крупными призматическими и плоскостными, двухплощадочными нуклеусами бочонковидной формы для получения широких пластин и орудиями из них: вкладышами с двусторонней обработкой по краю, ножами, скреблами, концевыми скребками, скреблами и скребками из отщепов, небольшими овальными бифасами, мелкими наконечниками стрел на пластинах и отщепах с выемкой в основании, плиточными ножами и скреблами. В качестве основного сырья для индустрии использовался светло-зеленый патинированный микрокварцит. С ней, вероятно, связаны также шлифованные тесла, утюжок (рис. 2, *9*), орнаментир и каменная подвеска из сланца со стилизованным изображением змеи (рис. 2, *10*), абразивы из песчаника, отбойники и наковальни.

В комплексе также найдены костяные предметы, представленные рядом проникающих орудий: проколок, шильев (рис. 2, *2–6*), обломками костяного стержня с насечками в нижней и средней части (рис. 2, *1*), небольшой лопаточки для обработки керамики и трех вкладышевых ножей (рис. 2, *7, 8*).

Фаунистические остатки, залегавшие с этим комплексом, представлены множеством костей домашней лошади и крупного рогатого скота, относящихся к «карамурзинскому» виду, отличающемуся крупными размерами и широко распространенному в неолите степной зоны Казахстана и Западной Сибири (Гайдученко, 2013. С. 262). Они отражают хозяйственный уклад оставившего его населения и позволяют говорить о производящей экономике у неолитических племен Прииртышья уже на рубеже V–IV тыс. до н.э. и пересмотреть некоторые взгляды относительно начала процесса доместикации в казахстанских степях.

Вызывает интерес происхождение данного комплекса, находящегося так далеко от основного ареала боборыкинской культуры и даже самого восточного памятника Автодром-2 в Барабинской лесостепи (более 400 км). Есть ли между ними связь или они формировались обособленно друг от друга? Принимая в целом идею о миграционном происхождении боборыкинской культуры (Зах, 2009. С. 19, 25; Ковалева, Зырянова, 2010. С. 274–286), можно предположить, что отдельные группы боборыкинского населения, оставившего эти памятники, самостоятельно продвигались на данную территорию из одного ареала. Но по

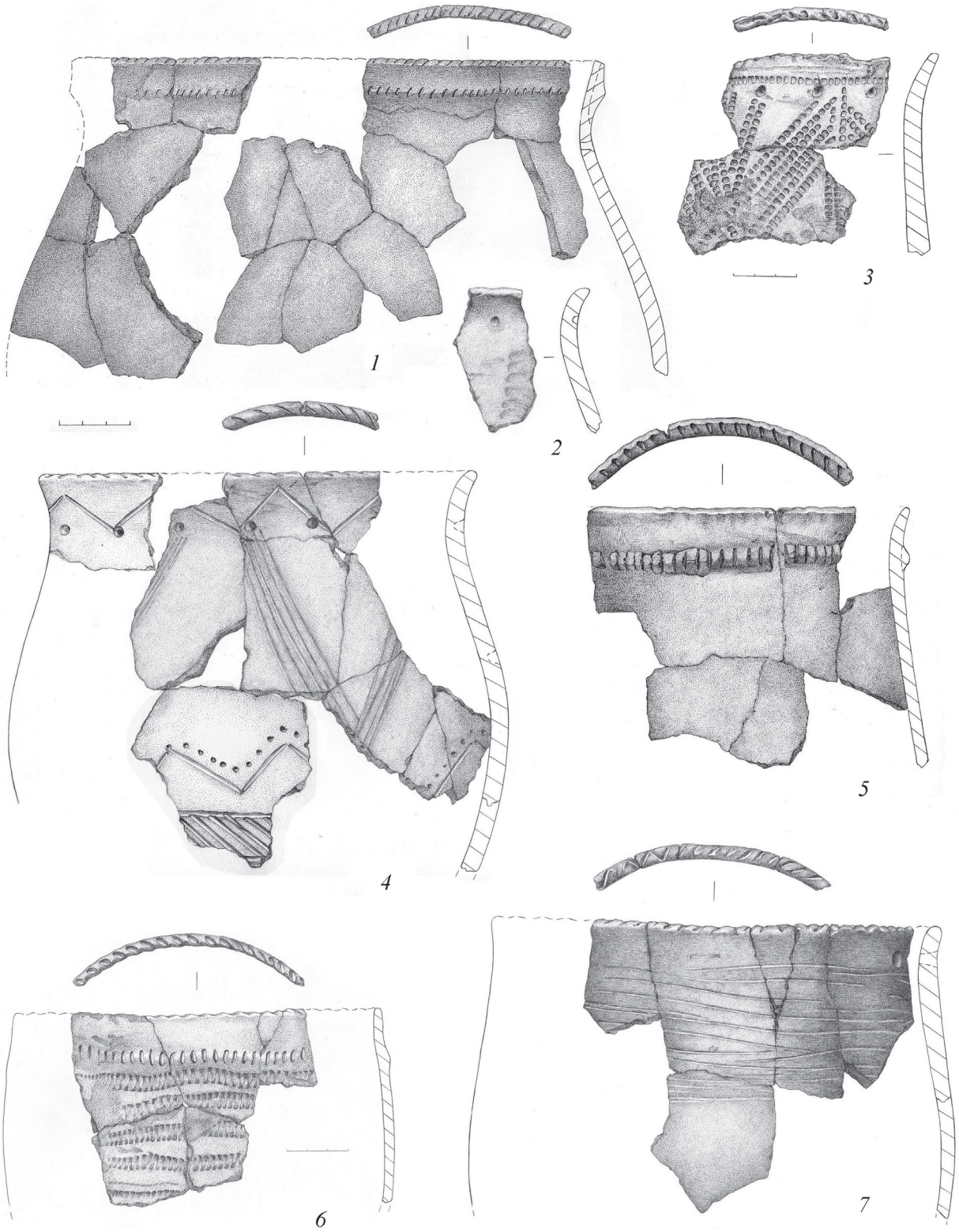


Рис. 1. Керамика боборыкинского типа с поселения Борлы.

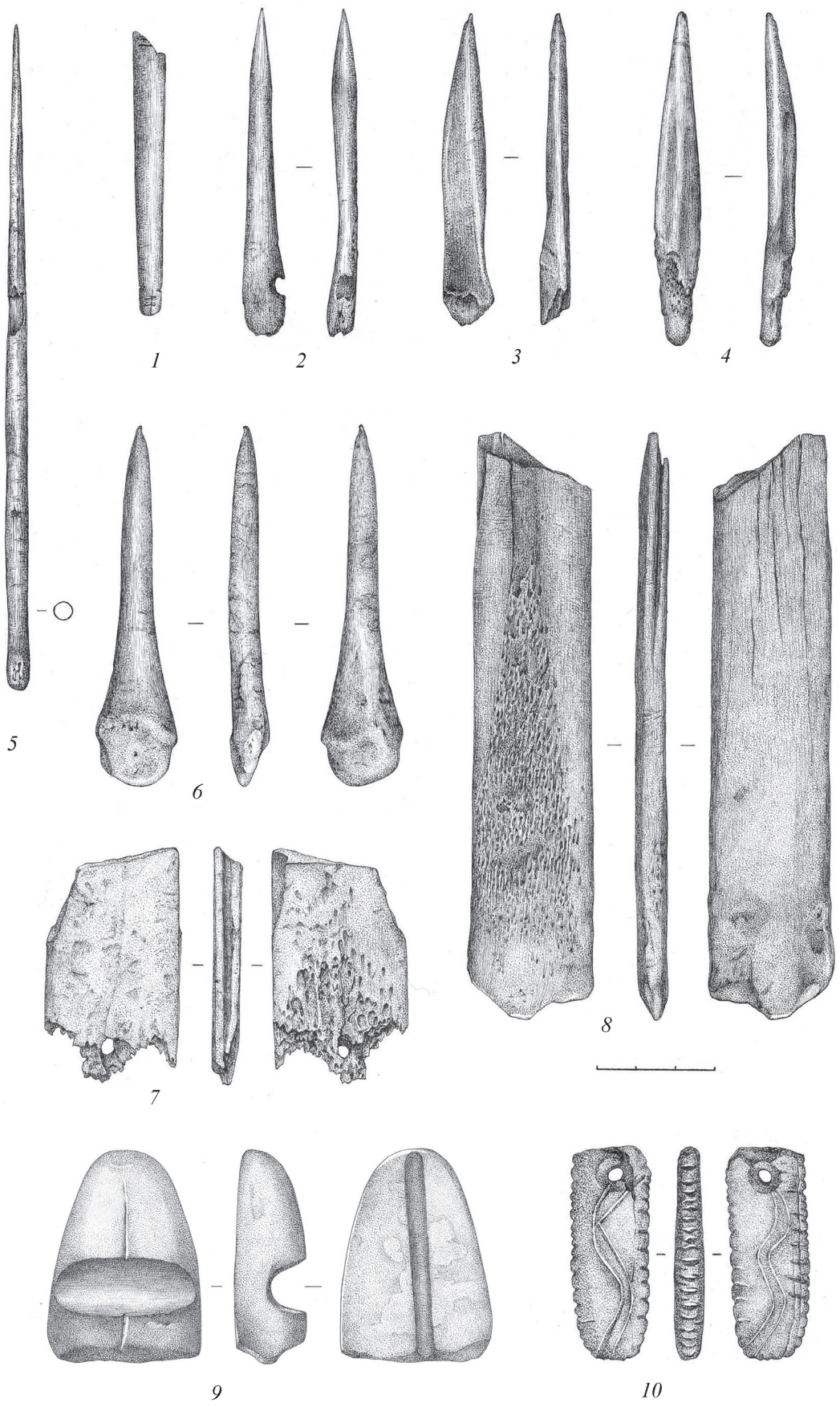


Рис. 2. Каменные и костяные изделия из боборыкинского комплекса поселения Борлы. *1–8* – костяные орудия; *9* – утюжок; *10* – каменная подвеска.

пути следования вступали в контакты с другими этническими группами, близкими им в культурно-хозяйственном, языковом и идеологическом отношении, часть которых увлекали своим движением. Об этом могут свидетельствовать различные технологические приемы изготовления боборыкинской посуды, ее формы и орнаментальные мотивы (Ковалева, Зырянова, 2010. С. 282). Однако пока не понятно, где находилась исходная точка этого движения.

Важно также, что казахстанские памятники с боборыкинской керамикой демонстрируют наличие производящей экономики (Гайдученко, Мерц, 2012. С. 28), что отличает их от зауральских и западносибирских (Зах, 2009. С. 176). Значит ли это, что казахстанские комплексы более поздние, чем зауральско-западносибирские, датируемые концом V – IV тыс. до н.э. (исключая их более древний – ранненеолитический возраст (Там же. С. 146, 252)) В.Н. Логвин (2003. С. 103) считает северо-тургайские памятники с кошкинско-боборыкинскими комплексами синхронными зауральским, но называет их раннеэнеолитическими, а В.Т. Ковалева полагает, что зауральские памятники – поздненеолитические, и поэтому они не могут быть синхронными с тургайскими (Ковалева, 1989. С. 57; Ковалева, Зырянова, 2010. С. 18). Однако хронология зауральского неолита и энеолита в целом кардинально отличается от хронологии соседних регионов Среднего Поволжья и Предуралья, где эпоха палеометалла начинается с рубежа VI–V тыс. до н.э. (Моргунова, 2011. С. 56), а в Зауралье – лишь со средины IV тыс. до н.э. (Ковалева, Зырянова, 2010. С. 277). Это расхождение на полтора тысячелетия свидетельствует о каких-то существенных недоработках в периодизации и хронологии неолита и энеолита Зауралья, которые, как правило, так или иначе связаны своим происхождением с южными и юго-западными культурами и не могли иметь столь длительный хронологический разрыв. Над этим, видимо, необходимо серьезно задуматься.

Таким образом, открытие новых боборыкинских памятников в Барабинской лесостепи и Северо-Восточном Казахстане свидетельствует о гораздо более широкой территории их распространения, что приводит к массе новых вопросов относительно их происхождения, периодизации, хронологии и роли в культурно-исторических процессах степной и лесостепной зоны Казахстана и Западной Сибири. Результаты дальнейших исследований этих памятников, видимо, будут иметь ключевое значение для их реконструкции, позволят установить особенности перехода от неолита к энеолиту на данной территории и изменить некоторые устоявшиеся положения в науке о времени сложения производящего хозяйства к востоку от Тургая.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бобров В.В. Материалы раскопок на поселении Автодром-2: (Предварительные результаты) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004 г. Т. X; Ч. 1. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. С. 185–188.

Гайдученко Л.Л. Древнейшие формы крупного рогатого скота Урало-Казахстанских степей // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск, 2013. С. 261–268.

Гайдученко Л.Л., Мерц В.К. Остеологический комплекс поселения Борлы // Маргулановские чтения – 2012. Астана, 2012. С. 27–29.

Зах В.А. К вопросу о боборыкинской культуре // Роль Тобольска в освоении Севера. Тобольск, 1987. С. 11–13.

Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск: Наука, 2009. 320 с.

Ковалева В.Т. Неолит Среднего Зауралья: Учеб. пособие по спецкурсу. Свердловск, 1989. 80 с.

Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Неолит Среднего Зауралья. Боборыкинская культура. Екатеринбург, 2010. 308 с.

Логвин В.Н. Ранний энеолит Тургая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 1. С. 98–105.

Мерц В.К. Новые материалы по неолиту Северо-Восточного Казахстана // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы: Мат-лы науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана. Алматы, 2011. С. 178–186.

Моргунова Н.Л. Энеолит Волжско-Уральского междуречья. Оренбург, 2011. 220 с.

НЕОЛИТИЧЕСКИЙ ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС ВЕНГЕРОВО-2А В ЗАПАДНОЙ БАРАБЕ: РЕЗУЛЬТАТЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

© 2014 г. В.И. Молодин[1], Л.Н. Мыльникова[1], М.С. Нестерова[1], А.С. Пилипенко[2], Р.О. Трапезов[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск (molodin@archaeology.nsc.ru; L.Mylnikova@yandex.ru; msnesterova@gmail.com)
[2]Институт цитологии и генетики СО РАН, Новосибирск (alexpil@bionet.nsc.ru; rtrapezov@yandex.ru)

Ключевые слова: неолит, погребально-ритуальный комплекс, антропология, палеогенетика.

Резюме. В работе представлены основные результаты междисциплинарного исследования неолитического могильника Венгерово-2А. Охарактеризованы основные черты погребального обряда, категории сопроводительного инвентаря. Подведены некоторые итоги его историко-культурной интерпретации, антропологического и палеогенетического анализа.

В конце 1990-х гг. была сформулирована модель культурного развития Западной Сибири в эпоху неолита (Молодин, 2000). Вместе с тем количество изучаемых комплексов этого периода не превышает и десятка (Бобров, Марочкин, 2012. С. 64. Табл. 1). Открытие и исследование новых высокоинформативных памятников эпохи неолита является фундаментальной задачей западносибирской археологии.

Могильник Венгерово-2А расположен на краю второй надпойменной террасы левого берега р. Тартас. Изучено два погребально-ритуальных комплекса (ПРК) и одно грунтовое захоронение (Молодин, Мыльникова и др., 2011; 2012; 2013) (работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 13-06-12022).

Изученные на памятнике погребально-ритуальные комплексы представляют собой сложные архитектурные сооружения, состоящие из центральной могильной ямы и окружающего ее рва, разделенного на сегменты. В ПРК № 2 захоронения были сооружены и во рву. Аналогичная конструкция со сходными проявлениями погребальной практики была впервые выявлена Н.В. Полосьмак на могильнике Протока в предтаежной зоне Северо-Западной Барабы (Полосьмак, Чикишева, Балуева, 1989).

Минимальное количество погребенных составляет 8 и 19 индивидов соответственно. Зафиксированы разные способы погребения и различное положение погребенных. Отмечена ярусность захоронений, северный вектор их ориентации. Погребения разновозрастные.

В верхней части заполнения могильных ям обнаружены развалы сосудов (рис. 1, *18*) и фрагменты керамики, имеющие сходство с посудой барабинских неолитических могильников (Молодин, 2000, 2001), быстринского типа таежной зоны Среднего Приобья (Косинская, 2006) и комплексами могильника Татарский Увал в низовьях р. Тара (Матющенко, Полеводов, 1994).

Изделия из камня представлены следующими категориями: отщепы (рис. 2, *7, 9*), пластины (рис. 2, *1, 5, 8*), миниатюрные топорики-тесла (см. рис. 1, *9, 11*), наконечники стрел (см. рис. 1, *8, 15, 16*), скребки (см. рис. 1, *14*; 2, *2–4*), нуклеусы (рис. 2, *6*). Под черепом одного из детских скелетов в ПРК № 2 обнаружена сланцевая пластина, орнаментированная с одной стороны насечками (см. рис. 1, *17*).

Петрографическое исследование коллекции каменных артефактов свидетельствует о привозном характере сырья (сливной песчаник, кварцит). Исходным источником его является территория Казахстанского мелкосопочника и аллювиальный галечник Иртыша[1].

Изделия из кости представлены проколками, наконечниками стрел (см. рис. 1, *2, 3*), острием вкладышевого кинжала. Интересен обломок наконечника с биконической головкой, имеющий аналоги в комплексах Зауралья (см. напр.: Савченко, 2007).

Представителен набор украшений и предметов пластического искусства: костяные и каменные подвески (см. рис. 1, *4, 5, 12, 13*), пронизи из трубчатых костей (см. рис. 1, *6, 7*), резцы бобра, раковина с отверстием (см. рис. 1, *10*), бусины из раковин, костяная скульптурка уточки на плоском основании, с отверстием, костяная пластинка, орнаментированная гравировкой. Особое место занимает обломок костяного ножа (?) с навершием в виде птицы (см. рис. 1, *1*). Аналогичные предметы известны в неолите Восточной Прибалтики. Традиция украшения костяных ножевидных предметов головкой птицы уходит корнями в палеолит (Auriere et al., 2013. Fig. 4, *1*).

В 4 м к югу от ПРК № 2, ближе к краю террасы, выявлено грунтовое захоронение. Положение погребенного, состав сопроводительного инвентаря, расположение в непосредственной близости от неолитических комплексов позволяют отнести его к общему по времени и культуре некрополю.

По двум погребениям из ПРК № 1 были получены радиоуглеродные даты, согласно которым функционирование памятника относится к концу VI тыс. до н.э. (Молодин, Мыльникова и др., 2012. С. 121).

Антропологическое изучение погребенных ПРК № 1 позволило прийти к выводу об общем сходстве серии памятника Венгерово-2А с другими представителями неолитического населения Барабы. Анализ одонтологических особенностей свидетельствует об их промежуточном положении между западным и восточным одонтологическим стволом. Вместе с тем промежуточность эта вызвана не процессами метисации контрастных в расовом отношении групп, а сохранением особенностей древних недифференцированных комплексов (Зубова, Поздняков, Чикишева, 2013. С. 552–554).

К настоящему моменту получены предварительные данные о структуре мтДНК для нескольких индивидов. В генофонде выявлены западно-евразийские (кластеры гаплогруппы U) и восточно-евразийские (C, A10) гаплогруппы. Выявлено сходство состава гаплогрупп мтДНК погребенных из Венгерово-2А с представителями населения Барабы эпохи неолита (Сопка-2/1) и раннего металла (усть-тартасская культура, Сопка-2/3, -3а) (Молодин, Пилипенко и др., 2013). Особенно важным является присутствие среди исследованных индивидов носителя варианта гаплогруппы A10, идентичного по структуре с линиями A10, обнаруженными у двух индивидов в погр. 655 памятника Сопка-2/3. Гаплогруппа A10, по нашим данным, автохтонно сформировалась на территории Западной Сибири, является генетическим маркером древней недифференцированной в расовом отношении группы населения региона, независимая эволюция которой стала основой формирования антропологической и генетической специфичности обитателей территории (Там же). Для эпохи неолита эта группа ассоциируется с представителями «северной евразийской антропологической формации», юго-восточной периферией ареала которой является Барабинская лесостепь.

Итак, мы пришли к следующим выводам.

1. Могильники Венгерово-2А и Протока следует отнести к периоду позднего неолита Барабинской лесостепи, к единому культурному образованию.

2. Организация сакрального пространства напоминает планировку поселения Быстрый Кульёган-66 (Косинская, 2006). Имеющееся сходство неолитической посуды из Венгерово-2А с керамикой быстринского типа демонстрирует северный вектор связей барабинского населения.

3. Автохтонная усть-тартасская культура эпохи раннего металла связана с рассматриваемыми комплексами, что проявляется в особенностях погребальной практики, каменного и костяного инвентаря (Молодин, 2001),

1 Определение каменного сырья выполнено канд. геол.-мин. наук Н.А. Кулик.

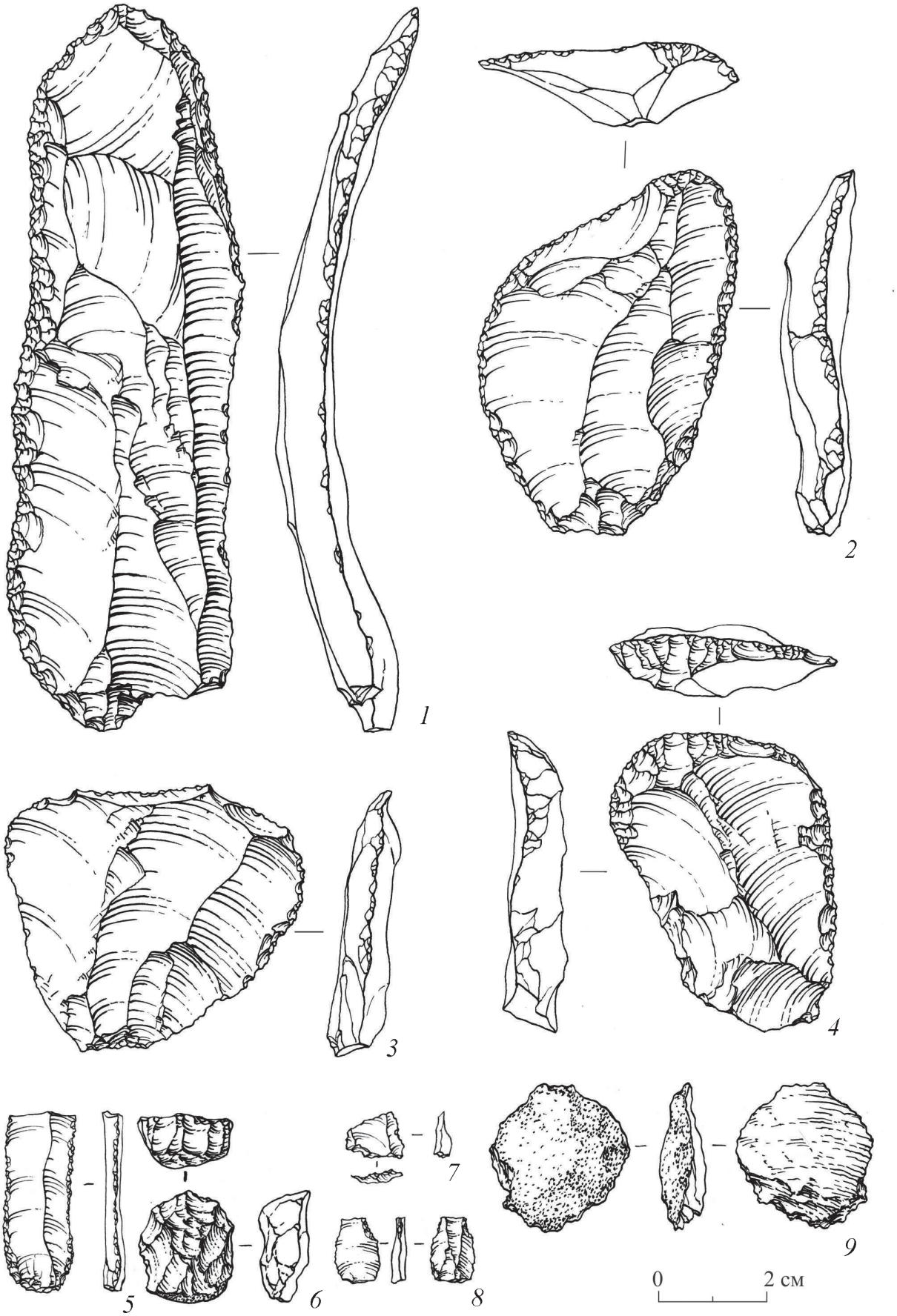


Рис. 1. Венгерово-2А. Находки из погребально-ритуального комплекса № 2 эпохи неолита.
1 – навершие ножа (?); *2, 3, 8, 15, 16* – наконечники стрел; *4, 5, 10, 12, 13* – подвески; *6, 7* – кольца; *9, 11* – шлифованные орудия; *14* – скребок; *17* – пластина; *18* – сосуд.
1–7 – кость; *8, 9, 11–17* – камень; *10* – раковина; *11* – керамика.

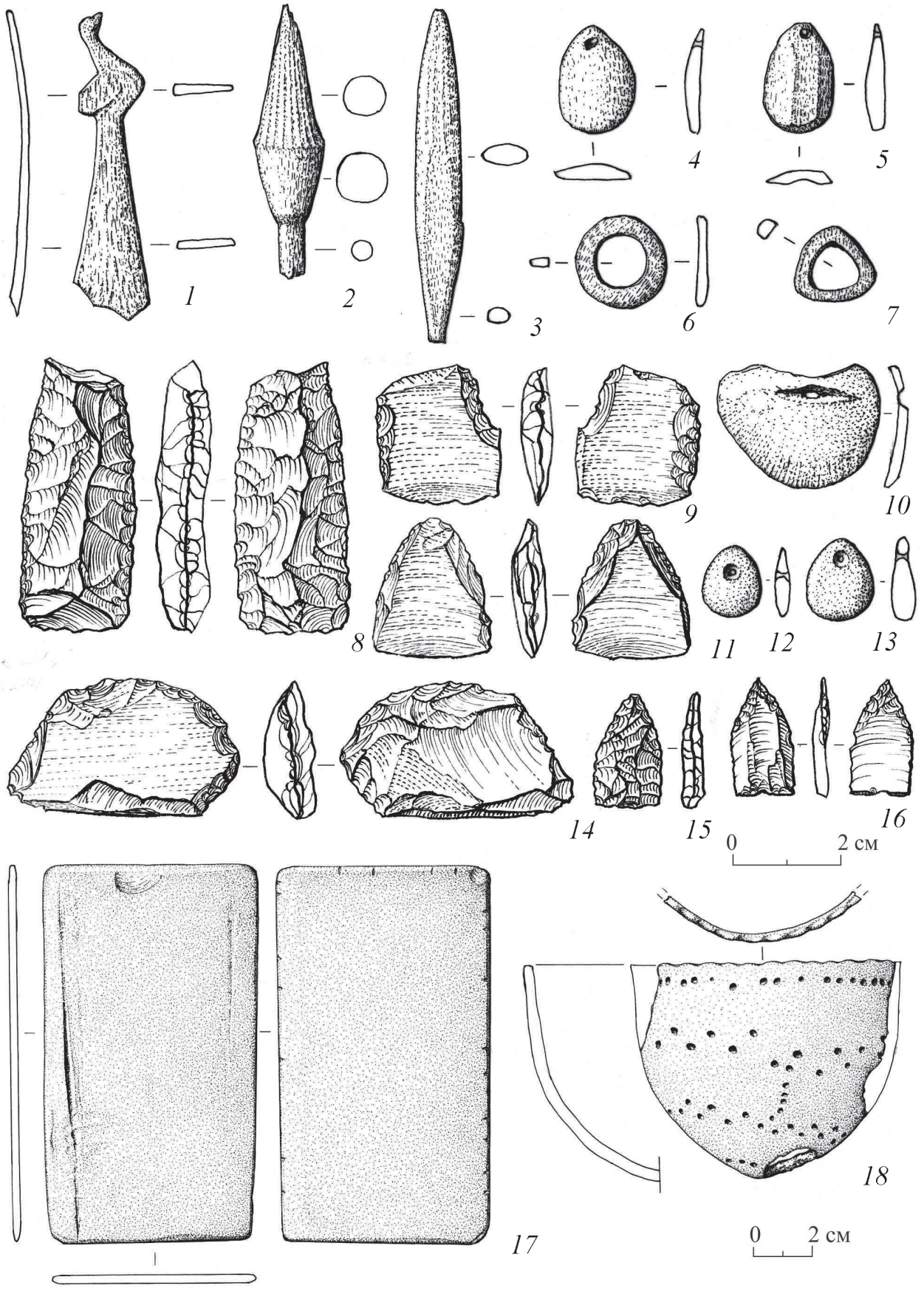


Рис. 2. Венгерово-2А. Находки из погребально-ритуального комплекса № 1 эпохи неолита.
1, *5, 8* – пластины; *2–4* – скребки; *6* – скол с нуклеуса; *7, 9* – отщепы.
1–9 – камень.

в антропологических и генетических характеристиках.

4. Исследованные комплексы в культурном, антропологическом и генетическом отношении представляют наиболее восточный – юго-восточный вариант северной неолитической провинции, охватывающей территорию таежной зоны Евразии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бобров В.В., Марочкин А.Г. Неолит Барабы // Материалы научной сессии ИЭЧ СО РАН 2012 г. Вып. 4. Кемерово: Изд-во ИЭЧ СО РАН, 2012. С. 63–73.

Зубова А.В., Поздняков Д.В., Чикишева Т.А. Новые палеоантропологические материалы эпохи неолита из памятника Венгерово-2 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. 2013 г. / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Т. XIX. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. С. 551–554.

Косинская Л.Л. Неолит таежной зоны Западной Сибири // Археологическое наследие Югры / Отв. ред. В.И. Стефанов и др. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Чароид, 2006. С. 16–40.

Матющенко В.И., Полеводов А.В. Комплекс археологических памятников на Татарском увале у деревни Окунево. Новосибирск: Наука, 1994. 223 с.

Молодин В.И. Неолитические могильники Барабы: Проблемы хронологии и культурной принадлежности // Исторический ежегодник, 1999. Омск: Изд-во ОмГУ, 2000. С. 134–139.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 1: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. 127 с.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Борзых К.А., Марочкин А.Г. Исследование поселения кротовской культуры Венгерово-2 и открытие неолитического могильника Венгерово-2А // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2011 г. / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Т. XVII. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. С. 199–205.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Орлова Л.А. Уникальный погребально-ритуальный комплекс эпохи неолита в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2012 г. / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Т. XVIII. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. С. 117–122.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Ефремова Н.С., Ковыршина Ю.Н., Борзых К.А. Особенности погребально-ритуальных комплексов неолитического могильника Венгерово-2а // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. 2013 г. / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Т. XIX. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. С. 124–129.

Молодин В.И., Пилипенко А.С., Чикишева Т.А., Ромащенко А.Г., Журавлев А.А., Поздняков Д.В., Трапезов Р.О. Мультидисциплинарные исследования населения Барабинской лесостепи IV–I тыс. до н.э.: археологический, палеогенетический и антропологический аспекты. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2013. 220 с. (Интеграционные проекты СО РАН; Вып. 46).

Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А., Балуева Т.С. Неолитические могильники Северной Барабы. Новосибирск: Наука, 1989. 104 с.

Савченко С.Н. Костяные наконечники стрел «шигирского типа» с уплощенной головкой и длинным стержнем в собрании Свердловского областного краеведческого музея // Своеобразие и особенности адаптации культур лесной зоны Северной Евразии в финальном плейстоцене – раннем голоцене. М.: Изд-во ИА РАН, 2007. С. 253–273.

Auriere L., Chauviere F.-X., Plassard F., Fritz C., Dachary M. Art mobilier inedit du gisement de Bourruoille à Arancou (Pyrenées-Atlantiques, France): données techno-stylistiques et chrono-culturelles // PALEO. Revue d'archeologie prehistotique. 2013. № 27. P. 195–217.

ПОЗДНЕНЕОЛИТИЧЕСКАЯ КЕРАМИКА ЮЖНОГО ПРИМОРЬЯ: К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ХАСАНСКОГО ВАРИАНТА ЗАЙСАНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ[1]

© 2014 г. О.Л. Морева

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Владивосток (morevaol@gmail.com)

Ключевые слова: Приморье, поздний неолит, зайсановская культура, керамика, Гвоздево-4.

Резюме. На основе анализа керамики поселения Гвоздево-4 рассматривается формирование хасанского локального варианта зайсановской культуры. Показано, что вариант культуры возник в результате интеграции местных и инокультурных традиций.

Поздний неолит Приморья традиционно связан с зайсановской культурой, которая долгое время рассматривалась как единая для всего региона. Между тем за годы исследований стало очевидно, что если на ранних этапах развития культуры отличий между керамическими комплексами памятников, расположенных на побережье залива Петра Великого в южной части Приморья, и памятников на Приханкайской низменности в континентальной части практически нет, то на поздних этапах проявились отчетливые различия между ними. К настоящему времени сформировались три подхода к решению проблемы культурной целостности позднего неолита в Приморском крае: 1) зайсановская культура едина на всей территории Приморья и прошла в своем развитии пять хронологических этапов, локальный фактор не оказал существенного влияния (Бродянский, 1987); 2) культура состоит из нескольких локально-хронологических вариантов (Вострецов, 2005; Морева и др., 2009; Крутых, Колмиец, 2010); 3) существует зайсановская неолитическая общность, состоящая из нескольких самостоятельных культур. За дефиницией зайсановская культура предлагается в этой связи закрепить раннезайсановские памятники как на южном побережье, так и в континентальной части и более поздние памятники Южного Приморья. Приханкайские памятники позднего (финального) неолита предлагается объединить в самостоятельную приханкайскую культуру (Яншина, Клюев, 2005). Исследования последних лет показали, что два последних предположения выглядят наиболее предпочтительными, а разный подход к культурному соотношению локальных групп памятников обусловлен тем, что сравниваются в основном памятники с окончательно сложившимися поздними признаками. Памятники, содержащие материалы в которых бы фиксировался процесс генезиса и развития локальных групп, не попадали в зону пристального внимания археологов.

В течение нескольких полевых сезонов (2007, 2009, 2012 гг.) в Хасанском районе на юге Приморья раскапывалось поселение Гвоздево-4. Полученная в результате раскопок многочисленная керамическая коллекция позволила проследить формирование южного локального варианта зайсановской культуры, который предложено называть хасанским (Морева и др., 2009).

Вся керамика Гвоздево-4 найдена в заполнении жилищ, дата по углю – 4 060±60 л.н. Керамический комплекс Гвоздево-4 делится на две группы. Первая группа абсолютно преобладает, включает в себя кухонную, тарную и столовую посуду. Она изготовлена из глины с примесью среднезернистого песка или дресвы. Техника лепки – кольцевой ленточ-

1 Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 13-06-12027.

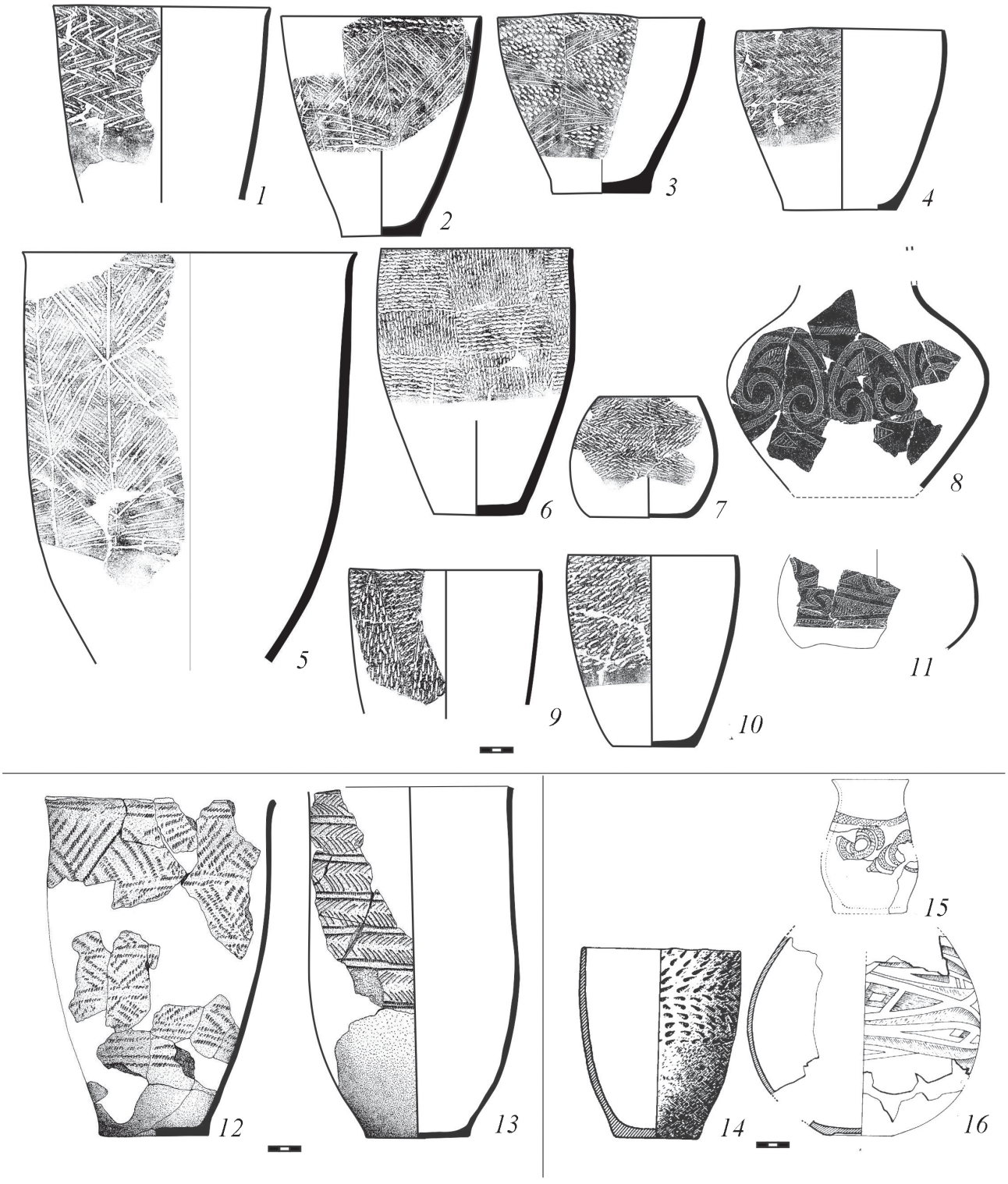
ный налеп. Обработка стенок включает в себя тщательное выравнивание и затирку. Часть сосудов изнутри покрывалась слоем тонкодисперсной глины и лощились. Формы сосудов простейшие без структурно выделенной горловины. Венчики, как правило, прямые с округлой или плоско срезанной кромкой.

По контуру стенок посуда делится на три типа: 1) открытые усечено-конические – стенки плавно расширяются от дна к венчику (см. *рисунок, 1–4*); 2) открытые цилиндрические – стенки цилиндрические в верхней части и суженные ко дну, небольшое число этих сосудов имеют незначительно отогнутый венчик и слегка намеченную шейку (см. *рисунок, 5, 6, 9, 10*); 3) закрытые – стенки выпуклые, суженные к устью (см. *рисунок, 7*). Закрытые формы емкостей редки. Все типы открытых сосудов по отношению высоты сосуда к максимальному диаметру тулова делятся на приземистые (чаши), средней высотности и высокие. Преобладают емкости высокие и средние. Орнаментирована почти вся посуда. По технике нанесения выделяются узоры, выполненные только в одной технике наколами или прочерчиванием и узоры комбинированные нанесенные и прочерчиванием и наколами. Накольчатые оттиски имеют овальную, каплевидную, подтреугольную или узкую форму в виде пунктира. В единичных случаях использовались техника налепа и штампование зубчатым инструментом. Среди орнаментов, выполненных только в накольчатой технике, наибольшее распространение получили композиции из горизонтальных рядов оттисков с наклоном в одну сторону (см. *рисунок, 10*), горизонтальных рядов оттисков, расположенных по мотиву елочки (см. *рисунок, 4*), а также из заполненных оттисками треугольников и прямоугольников (см. *рисунок, 6, 7, 9*). Полностью прочерченные композиции представлены вертикальным зигзагом и заштрихованными треугольниками, ромбами и квадратами (см. *рисунок, 1, 2, 5*). Орнамент из заштрихованных геометрических фигур строился по принципу вертикальной зональности. Орнаментальное поле делилось на полосы вертикальными линиями, каждая полоса разбивалась на треугольники или квадраты, которые затем заполнялись разнонаправленной штриховкой. Этот же принцип лежит в основе нанесения комбинированных композиций с той лишь разницей, что геометрические фигуры то штриховались, то забивались наколами (см. *рисунок, 3*). Зоной орнаментации являлась верхняя часть тулова – от края венчика до придонной части. Очень часто верхняя граница орнамента выделялась особым накольчатым бордюром, реже прочерченной линией или налепным рассеченным валиком.

По сочетаемости типов орнамента и форм сосудов удалось проследить, что на средние по высоте сосуды наносились все выявленные на памятнике узоры, но предпочтение отдавалось накольчатому орнаменту. Высокие сосуды украшены преимущественно орнаментом из заштрихованных и наколотых геометрических фигур.

Вторая группа керамики состоит из сравнительно небольшого числа сосудов и определяется как парадная с криволинейным декором (Морева, 2013). Она изготовлена из формовочных масс с мелкой примесью. В отличие от массовой керамики с особой тщательность обрабатывались ее внешние стенки, они покрывались обмазкой и лощились, часто с зеркальным эффектом, иногда окрашивались в малиновый цвет. Формы парадной посуды полностью не восстанавливаются, но очевидно, что это были хорошо профилированные с выделенной горловиной изделия. Орнамент выполнен приемами прочерчивания спиралевидного контурного рисунка с последующим заполнением тонкой штриховкой или точечными наколами изображений или их фона (см. *рисунок, 8, 11*).

При анализе орнамента обращает на себя внимание тот факт, что на массовой керамике одни и те же по содержанию мотивы нанесены двумя одинаково часто используемыми способами: наколами (46%) и прочерчиванием (55%). При этом следует иметь в виду, что прочерченный орнамент – это своеобразный индикатор эпохи позднего неолита для всей территории Приморья. Накольчатая же техника в качестве равноценного стилистического приема встречается только на побережье залива Петра Великого, причем в короткий хронологический отрезок времени на памятниках типа Гвоздево-4. Это позволяет предположить, что каждый способ нанесения



Керамика Гвоздево-4 и ее прототипы. *1–11* – Гвоздево-4; *12, 13* – Бойсмана-2; *14–16* – Синчен.

орнамента связан с самостоятельными источниками. Прочерченный орнамент, по всей видимости, имеет местные корни. Установлено, что около 5 тыс. л.н. на территории Приморья появились памятники с зайсановскими признаками, к которым относятся прочерченный вертикальный зигзаг, заштрихованные или оттиснутые веревкой треугольники и ромбы (см. *рисунок, 12, 13*) (Морева, Попов, Фукуда, 2002; Вострецов и др., 2003). Заштрихованные мотивы и вертикальный зигзаг из этих раннезайсановских памятников с большой долей вероятности и являются основой для появления аналогичных мотивов в Гвоздево-4. К этой же традиции можно отнести и вытянутые по вертикали формы гвоздевских сосудов. В этом случае вполне логичным является то, именно высокие емкости орнаментированы преимущественно заштрихованными и наколотыми треугольниками.

Источником накольчатого орнамента могут быть только памятники, расположенные к югу от Приморья на побережье Японского моря и в долине р. Туманной, на территории Северной Кореи и в Северо-Восточном Китае. Большинство из них известно по разведочным работам, поэтому проводить сравнение сложно. Широкой площадью раскопано пока только многослойное поселение Синчен в долине р. Туманной на территории Китая. Его нижний культурный горизонт с датами 4 800±140 л.н. и 4 615±150 л.н. представляет для нас особый интерес. С одной стороны он по возрасту близок раннезайсановским памятникам Приморья, с другой – в нем содержались сосуды средней высотности без горловины, с плавно расходящимися от дна стенками, орнаментированные горизонтальными рядами наколов овальной и каплевидной формы (см. *рисунок, 14*). Кроме того, там же встречены шаровидные сосуды и горшки с высоким горлом и со сложным криволинейным орнаментом, выполненным тонкой штриховкой и мелкими наколами (см. *рисунок, 15, 16*) (Xingcheng Site…, 2002). Гвоздевская массовая керамика, орнаментированная горизонтальными рядами наколов и парадная со спиралевидным орнаментом, безусловно, принадлежат той же традиции, что и материалы поселения Синчен.

Таким образом, в керамическом комплексе Гвоздево-4 присутствуют два компонента: местный раннезайсановский и инокультурный, появившийся, скорее всего, в результате миграции населения с юга. Оба компонента существуют как по отдельности, так и образуют общий комбинированный орнаментальный стиль. На территории Приморья пока не найдены памятники, представляющие культуру мигрантов в «чистом» виде. Все выявленные керамические комплексы отражают процесс интеграции двух культурных традиций, в результате которого сформировался особый облик зайсановской культуры на юге Приморья. Роль каждого из компонентов на памятниках может варьировать. Например, на поселении Клерк-5 (4 125±40 л.н.) преобладает накольчатый орнамент мигрантов (Раков, Вострецов, 2010). На более поздних памятниках Зайсановка-1 (4 010±44, 3 972± 31 л.н.) (Гельман, Вострецов, 2008), Бойсмана-2 (3 710±40 л.н.) (Кузьмин и др., 1998) инокультурный компонент постепенно вытесняется, уступая все больше места собственно зайсановскому: возрастает процентное содержание прочерченного вертикального зигзага за счет уменьшения доли накольчатого орнамента, исчезают комбинированные узоры, криволинейные мотивы на парадной посуде заменяются прямолинейным меандром. Дольше всего традиции мигрантов сохраняются в морфологии в виде простейших, без выделенной горловины форм посуды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бродянский Д.Л. Введение в дальневосточную археологию. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1987. 276 с.

Вострецов Ю.Е. Взаимодействие морских и земледельческих адаптаций в бассейне Японского моря // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток: Дальнаука, 2005. С. 159–186.

Вострецов Ю.Е., Гельман Е.И., Комото М., Миямото К., Обата Х. Новый керамический комплекс неолитическоо поселения Кроуновка-1 в Приморье // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. С. 86–93.

Гельман Е.И., Вострецов Ю.Е. Орнамент керамики поселения Зайсановка-1 // Неолит и неолитизация Бассейна Японского моря: человек и исторический ландшафт. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. С. 49–56.

Крутых Е.Б., Коломиец С.А. Финальный неолит Приморья: состояние изученности, концепции, перспективы исследований // Россия и АТР. 2010. № 3. С. 79–93.

Кузьмин Я.В., Алкин С.В., Оно А., Сато Х., Сакаки Т., Матсумото Ш., Оримо К., Ито Ш. Радиоуглеродная хронология древних культур каменного века Северо-Восточной Азии. Владивосток: ТИГ ДВО РАН, 1998. 127 с.

Морева О.Л. Парадная посуда из поздненеолитических памятников Южного Приморья // Вестн. ДВО РАН. 2013. № 4. С. 96–104.

Морева О.Л., Батаршев С.В., Дорофеева Н.А., Крутых Е.Б., Малков С.С. Предварительные результаты изучения неолитического памятника Гвоздево-4 в Южном Приморье // От Монголии до Приморья и Сахалина. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2009. С. 52–104.

Морева О.Л., Попов А.Н., Фукуда М. Керамика с веревочным орнаментом в неолите Приморья // Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии. Владивосток: ДВО РАН, 2002. С. 57–68.

Раков В.А., Вострецов Ю.У. Стратиграфия и малакофауна многослойного поселения Клерк-5 в Хасанском районе Приморского края // Приоткрывая завесу тысячелетий: к 80-летию Ж.В. Андреевой. Владивосток: Рея, 2010. С. 315–342.

Яншина О.В., Клюев Н.А. Поздний неолит и ранний палеометалл Приморья: выделение и характеристика археологических комплексов // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток: Дальнаука, 2005. С. 187–233.

Xingcheng Site of Xelong Country: Excavation Report on the Neolithic and Bronze Site. Beijing, 2002. 177 p. (на кит. яз.).

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ НАКОЛЬЧАТЫХ И ГРЕБЕНЧАТЫХ ТИПОВ КЕРАМИКИ В НЕОЛИТЕ ИКСКО-БЕЛЬСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ СТОЯНКИ ГУЛЮКОВСКАЯ I)

© 2014 г. В.В. Морозов

Институт археологии АН РТ, Казань
(vikromolot@mail.ru)

Ключевые слова: неолит, ранний энеолит, гребенчатая керамика, накольчатая керамика, камская культура.

Резюме. В статье рассмотрены проблемы неолита Икско-Бельского междуречья на примере нового памятника – стоянки Гулюковская I. Публикуется новый керамический материал камской культуры.

Началом интенсивного изучения позднего каменного века на территории Икско-Бельского междуречья принято считать вторую половину XX в., это связано с утверждением плана строительства Нижнекамской ГЭС в 1963 г. Организованные Институтом археологии АН СССР археологические отряды выявили на месте будущего затопления ложа водохранилища многочисленные памятники археологии, в т.ч. и относящиеся к позднему каменному веку. Наиболее известные поселения, материалы которых до сих пор фигурируют в археологической литературе, это:

– Игимская стоянка, открытая и исследованная А.Х. Халиковым в 1958 г. (Халиков, 1969);

– поселение Татарско-Азибейское II, открытое В.Ф. Генингом в 1958 г. и исследованное стационарными раскопками в 1970, 1972 гг. (Габяшев, 1978а);

– Русско-Азибейская стоянка, открытая П.Н. Старостиным в 1964 г. В 1969 г. памятник был обследован М.Г. Косменко и в 1970, 1972 гг. – исследован стационарно сотрудниками Татарского отряда Нижнекамской археологической экспедиции (Габяшев, 1978б);

– стоянка Дубовогривская II, обнаруженная в 1964 г. археологической разведкой Казанского филиала АН СССР под руководством П.Н. Старостина и исследованная археологическими раскопками в 1969 г. (Габяшев, Старостин, 1978).

Полученные в ходе работ конца 60-х – 70-х гг. XX в. данные способствовали возникновению дискуссии о соотношении накольчатых и гребенчатых комплексов керамики в системе неолита лесной зоны Прикамья, которая не утихает и поныне.

К сожалению, в силу разных причин, археологические исследования по неолиту Икско-Бельского междуречья в 90 гг. XX в – начале XXI в. прекращаются, либо проводятся не систематически. Из-за отсутствия финансирования, ведется только наблюдение за памятниками, разрушающимися под воздействием Нижнекамского водохранилища, а также осуществляется сбор «подъемного» материала. Другой причиной отсутствия новых полевых исследований является уход из жизни выдающиеся исследователи по неолиту региона – А.Х. Халикова и Р.С. Габяшева.

Стоит подчеркнуть, что данная негативная динамика начинает меняться в лучшую сторону. В 2008 г. в свет вышла монография А.А. Выборнова, в которой автор, на основании данных радиоуглеродного датирования, построил периодизацию неолита Волго-Камья и Икско-Бельского междуречья в частности.

С 2009 г. в регионе производится систематический мониторинг и исследование ряда памятников неолита и раннего энеолита.

В ходе археологической разведки Института истории АН РТ, на острове Дубовая Грива в 2009 г., было произведено разведочное обследование стоянки Дубовогривская II, которое установило наличие здесь интенсивных абразионных процессов, ведущих к разрушению памятника. С 2010 г. на памятнике ведутся работы под руководством А.А. Чижевского (Чижевский, Лыганов, Морозов, 2012), а в 2013 г. был выявлен горизонт, содержащий накольчатую керамику. Стоит отметить, что это место находиться в 500–550 м на запад от раскопов П.Н. Старостина 1969 г.

В 2011 г. было выявлено разрушение культурного слоя, содержащего керамику эпохи неолита на стоянке Гулюковская I и в том же году на этом месте был заложен небольшой раскоп. Год спустя работы здесь продолжились и дали интересный и специфичный материал.

Именно материалы со стоянки Гулюковская I вводятся в научный оборот в данной работе.

Стоянка Гулюковская I расположена на берегу Нижнекамского водохранилища, бывший левый берег р. Ик. В одном километре к северо-востоку от с. Гулюково Мензелинского р-на Республики Татарстан. Она занимает мыс надлуговой террасы. В 1979 г. в ходе разведки здесь была собрана неолитическая керамика и керамика эпохи бронзы (Археологические памятники…, 1989. С. 37). С восточной стороны стоянку прорезает могильник позднесарматского и раннемусульманского времени.

Из двух раскопов учтено 412 фрагментов керамики[1], из которых достоверно неолитическими оказались 312 черепков.

Керамический материал памятника, можно разделить на три типа:

– гребенчатая керамика;

– накольчатая тонкостенная керамика;

– керамика без орнамента.

Гребенчатая керамика, в подавляющем большинстве отнесенная к камской неолитической культуре, является самым массовым типом керамики на стоянке Гулюковская I (208 фрагментов керамики). Характеристика данной посуды такова: керамика представлена сосудами полуяйцевидной формы, края загнуты вовнутрь (имеют закрытую форму), срезы венчиков округлые, плоские и кососре-

1 В данную статистику не включены несколько сотен сильно фрагментированных кусков керамики, которые затрудняли бы сравнительно-сопоставительную работу.



Рис. 1. Гребенчатая керамика со стоянки Гулюковская I (по: Лыганов, 2013. Рис. 99–101).

занные вовнутрь, некоторые имеют наплыв с внутренней стороны. Иногда встречаются пояски из ямочно-жемчужных вдавлений под срезом венчика и иногда, ямки на тулове сосуда. Орнамент покрывает всю внешнюю поверхность сосуда и, как правило, состоит из несложных мотивов чередования длинных наклонных оттисков, с короткими зубчатыми отпечатками. Другими мотивами украшения посуды, являются косая решетка и горизонтальный зигзаг из короткого гребенчатого штампа (до пяти зубцов). Поверхность сосудов хорошо заглажена с обеих сторон, в глиняном тесте присутствует шамот и песок. Данная керамика находит аналоги на стоянке Лебединская II на Нижней Каме и Хуторской стоянке на Верхней Каме (Халиков, 1969. С. 63. Рис. 16; Габяшев, 2003. С. 112–113).

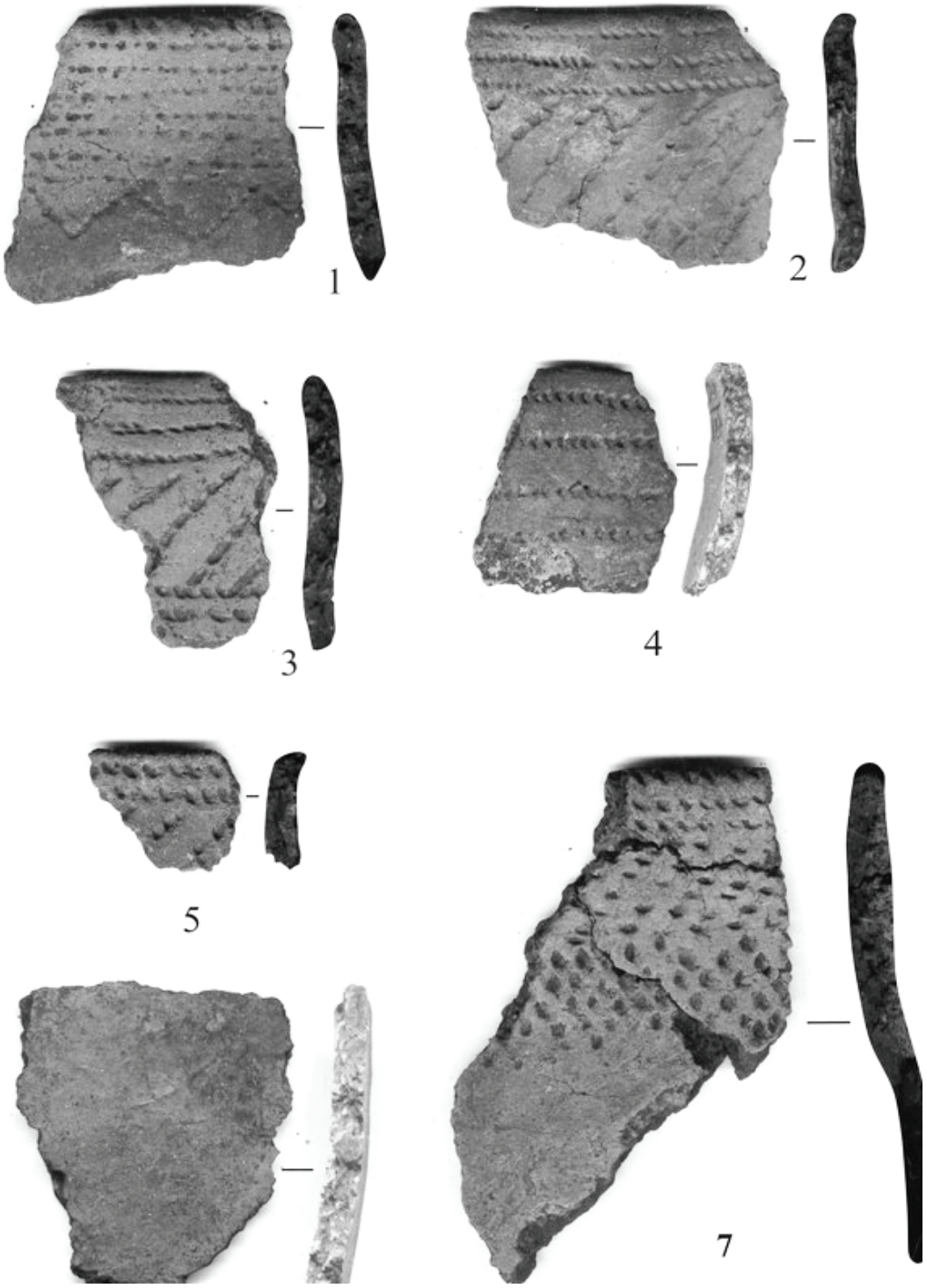


Рис. 2. Накольчатая керамика со стоянки Гулюковская I (по: Лыганов, 2013. Рис. 99–101).

Представляет интерес фрагмент, где на всей поверхности сосуда, имеются горизонтальные ряды ногтевых вдавлений. По ряду характерных признаков, таких как округлый венчик, наплыв на внутренней стороне и т.д. удалось установить, что данный фрагмент относится к камской культуре.

Еще одна группа гребенчатой керамики на памятнике, для которой характерны прямостенные сосуды, отсутствие наплывов на внутренней стороне венчиков, преобладание крупнозубчатого штампа, наличие вертикальной зональности, а также пояса из ямочных вдавлений, относится к заключительной стадии камской культуры – левшинскому этапу (Выборнов, 2008. С. 174).

Третья группа гребенчатой керамики на стоянке Гулюковская I по составу, толщине

стенок и другим признакам на первый взгляд не отличается от неолитической камской, но нанесение орнамента на ней выполнено в несколько иной манере. Прежде всего, обращает внимание сильная разреженность зон орнамента. Узор выполнен мелкозубчатым, коротким гребенчатым, либо гладким штампом. В примеси теста – шамот.

Прямые аналоги данной посуде происходят со стоянки Русско-Азибейская III и поселения Татарско-Азибеское II (Габяшев, 1978а. С. 57. Рис. 10; 1981. С. 15. Рис. 3. С. 16. Рис. 4). Данная посуда сопоставлялась Р.С. Габяшевым (1981. С. 17) с флажковыми комплексами Средней Камы и датировалась наиболее ранними этапами эпохи энеолита. В настоящее время подобную керамику относят к новоильинской раннеэнеолитической культуре, допуская, что она бытовала и в позднем неолите (Лычагина, 2011. С. 18).

Накольчатая тонкостенная керамика представлена 104 фрагментами. Вся накольчатая керамика имеет растительную примесь в тесте, следует обратить внимания на очень тонкие стенки, толщина которых варьирует от 0,4–0,6 см. Сосуды имеют либо баночную форму, либо с прямыми и раздутыми к тулову стенками. Венчики округлые, скошенные вовнутрь или отогнутые наружу. Днища плоские. Орнамент, как правило, наносился на верхнюю часть сосуда, под срезом венчика и на придонную часть, вместе с днищем. В то же время, имеется одно плоское днище без орнамента. Наколы наносились овальной и треугольной палочкой, часто на фрагментах присутствуют оба типа накола. Характерны горизонтальные ряды отступающей треугольной палочки, образующие «ложный шнур», которые переходят в наклонные ряды овальной палочки, наносящийся в отступающей манере. Другой способ нанесения наколов, представлен одиночными, овальными наколами, расположенными в шахматном порядке на тулове сосуда. Характерной чертой накольчатой керамики стоянки Гулюковская I являются насечки на срезе венчика.

Если распределить всю керамику из раскопа по штыкам, то окажется что накольчатая керамика залегает совместно с гребенчатой, примерно в равных пропорциях. В слое, подстилающем материковый, она преобладает над гребенчатой. Необходимо отметить, что в предматериковом слое накольчатая керамика фиксировалась в виде скоплений и развалов.

Накольчатая керамика Гулюковской стоянки идентична посуде с поселения Татарско-Азибейское II (Габяшев, 1978а), а также имеет очень близкие аналоги с накольчатой керамикой стоянки Дубовогривская II (Он же, 2003. С. 178. Рис. 36), однако она несколько отличается от накольчатой керамики стоянки Русско-Азибейская III (Он же, 1981. С. 16. Рис. 4).

Следует отметить что, накольчатая керамика так называемого татарско-азибейского типа, многими исследователями относится уже к эпохе энеолита. Р.С. Габяшев (1978а. С. 66) пришел к такому выводу, после того как обнаружил на поселении Татарско-Азибейское II остатки кострища с тиглем и шлаком, рядом с которыми были выявлены фрагменты накольчатой керамики. Его выводы подтвердились данными радиоуглеродного анализа – 4 790±80 до н.э. (некалиброванная дата) и 3 660–3 510, 3 710–3 360 до н.э. по калиброванным значениям (Выборнов, 2008. С. 243).

Неорнаментированная керамика стоянки Гулюковская I по цвету, фактуре, примеси в тесте и т.д. идентична накольчатой керамике на памятнике. Поэтому следует сделать вывод, что неорнаментированные фрагменты, которые на 100% происходят от стенок сосудов, являются теми фрагментами накольчатой посуды, на которых были зоны, свободные от орнамента.

Анализ керамики стоянки Гулюковская I позволяет сделать ряд предварительных выводов.

1. Накольчатая тонкостенная керамика не может быть моложе керамики камской культуры (развитой и финальной поры), которая стратиграфически залегала выше.

2. Судя по данным сопредельных территорий (Русская равнина, Среднее Поволжье), накольчатая и гребенчатая керамика, составляют там в культурном плане единое целое. Так, средневолжская культура характеризуется как накольчатыми, так и гребенчатыми типами керамики, в то время как верхневолжская на раннем этапе была тычково-накольчатой, а в последующем у ее носителей преобладала

гребенчатая посуда (Энговатова, Жилин, Спиридонова, 1998).

3. Необходимо отметить, что ранее в Прикамье оба типа керамики А.Х. Халиков (1969) также объединял в одну культуру.

4. Подтверждает это предположение отсутствие в Нижнем Прикамье поселений с чистыми комплексами, содержащими лишь накольчатую керамику. Как правило, данный тип керамики залегает совместно с гребенчатой, а иногда образует гибридные комплексы (Дубовая грива II и др.).

5. На основании приведенных выше фактов возможно ли прийти к заключению о том, что накольчатая керамика является составной частью камской культуры, но не только на раннем этапе, как полагал А.Х. Халиков, а на протяжении всего времени ее существования вплоть до эры ранних металлов?

6. Не стоит исключать, что на Гулюковской стоянке имеет место так называемая обратная стратиграфия, когда в результате размещения в советское время на памятнике скотного двора произошло искусственное смешение слоев. Тогда не вполне необъяснимо наличие целых развалов и скоплений накольчатой керамики в предматериковом слое.

Ответы на эти вопросы дадут дальнейшие исследования данного археологического памятника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Археологические памятники Восточного Закамья. Казань: Казан. филиал АН СССР, 1989. 99 с.

Выборнов А.А. Неолит Волго-Камья. Самара: Изд-во СамГПУ, 2008. 490 с.

Габяшев Р.С. Второе Татарско-Азибейское поселение // Древности Икско-Бельского междуречья. Казань, 1978а. С. 40–67. (Отчеты нижнекамской археологической экспедиции ИА АН СССР; Вып. 2: Работы татарского отряда).

Габяшев Р.С. Русско-Азибейская стоянка // Древности Икско-Бельского междуречья. Казань, 1978б. С. 22–40. (Отчеты нижнекамской археологической экспедиции ИА АН СССР; Вып. 2: Работы татарского отряда).

Габяшев Р.С. Итоги раскопок III Русско-Азибейской стоянки // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. Казань: Казан. филиал АН СССР, 1981. С. 11–25.

Габяшев Р.С. Население Нижнего Прикамья в V–III тысячелетиях до н.э. Казань: Фэн, 2003. 222 с.

Габяшев Р.С., Старостин П.Н. Жилища эпохи бронзы второй Дубовогривской стоянки // Древности Икско-Бельского междуречья. Казань, 1978. С. 109–121. (Отчеты нижнекамской археологической экспедиции ИА АН СССР; Вып. 2: Работы татарского отряда).

Лыганов А.В. Отчет об археологических разведках в Алексеевском, Спасском, Мензелинском и Рыбно-Слободском районах Республики Татарстан в 2012 г. Казань, 2013. 123 с. // Архив ИА АН РТ.

Лычагина Е.Л. Проблемы хронологии неолита – раннего энеолита Прикамья // Вестн. Перм. ун-та. Сер.: История. 2011. Вып. 1. С. 17–21.

Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. 394 с.

Чижевский А.А., Лыганов А.В., Морозов В.В. Исследования памятников археологии на острове Дубовая Грива в 2009–2010 гг. // Поволжская археология. 2012. № 1. С. 94–116.

Энговатова А.В., Жилин М.Г., Спиридонова Е.А. Хронология верхневолжской ранненеолитической культуры (по материалам многослойных памятников Волго-Окского междуречья // РА. 1998. Вып. 2. С. 11–21.

НЕОЛИТ ЗАУРАЛЬЯ: ХРОНОЛОГИЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО[1]

© 2014 г. В.С. Мосин

Южно-Уральский филиал Института истории и археологии УрО РАН, Челябинск (mvs54@mail.ru)

Ключевые слова: неолит, Зауралье, хронология, керамические традиции, социум.

Резюме. Неолитический период в Зауралье по современным данным радиоуглеродной хронологии продолжался с конца VII по V тыс. до н.э. и представлен несколькими традициями. На раннем этапе это кошкинская, козловская традиции, на позднем – полуденско-гребенчатая и басьяновско-боборыкинская. Сочетание этих оригинальных традиций определяет идентичность зауральских неолитических социумов. Зауральские общины с единой системой жизнеобеспечения и тесными социальными связями на протяжении неолита осваивали предгорные и лесостепные ландшафты, создавая свое социокультурное пространство.

Изучение хронологии уральского неолита было начато А.В. Шмидтом (1940. С. 23–26), который провел цепочку аналогий медного ножа с Левшинской стоянки до ассирийского погребения в г. Ашур и получил «абсолютную» дату стоянки – 2000 г. до н.э. Последующие датировки неолитических памятников Урала, сначала серединой III тыс. до н.э., а затем концом IV – III тыс. до н.э., в той или иной степени опирались на эту дату и на исследования А.Я. Брюсовым Горбуновского торфяника, а также на представления В.Н. Чернецова и О.Н. Бадера о существовании неолитических стоянок на Урале в конце IV – III тыс. до н.э. В 1950-х гг. для опорных в то время неолитических памятников Зауралья – стоянки Стрелка и «6-го разреза» на Горбуновском торфянике были получены первые даты – 4 800± 200 и 4 360± 200 л.н., которые были использованы В.Н. Чернецовым и О.Н. Бадером при создании трехчленной периодизации неолита Зауралья, в дальнейшем, поддержанной В.Ф. Старковым (Виноградов и др., 1956. С. 3–9; Чернецов, 1968. С. 41–53; Бадер, 1970. С. 157–171; Старков, 1980). В 1980–1990-х гг. стали появляться новые радиоуглеродные даты для отдельных памятников Зауралья и Западной Сибири, на основании которых ранний неолит был отнесен к V тыс. до н.э., а поздний – к IV тыс. до н.э. и создана периодизация с двумя этапами и двумя линиями развития (Ковалева, 1989). И только с 2007 г. начинается массовое датирование по органическим включениям в неолитических фрагментах керамики (Н.Н. Ковалюх, М.А. Кулькова).

В настоящее время неолитический период в Зауралье может быть разделен на два этапа: ранний – конец VII–VI тыс. до н.э. и поздний – V тыс. до н.э. (рис. 1) (Выборнов, Мосин, Епимахов, 2014. С. 33–48). Ранний неолит Зауралья (6 000–4 700 гг. до н.э. (Cal BC)) представлен кошкинской и козловской традициями. Посуда обеих традиций имеют общую технологическую основу – использование илистых глин с органическим раствором. Некоторые различия в использовании талькосодержащего сырья в кошкинской и козловской (кокшаровско-юрьинской) посуде (Васильева, 2011. С. 103–124) объясняются тем, что обе традиции формировались как в предгорных районах Зауралья, где распространены тальковые глины, так и в лесостепной части Притоболья, где тальковые породы (хлориты) полностью отсутствуют. Оба типа посуды имеют много общих черт: орнамент нанесен одними техническими приемами – гладким прочерчиванием, отступающими наколами

1 Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 14-06-00041.

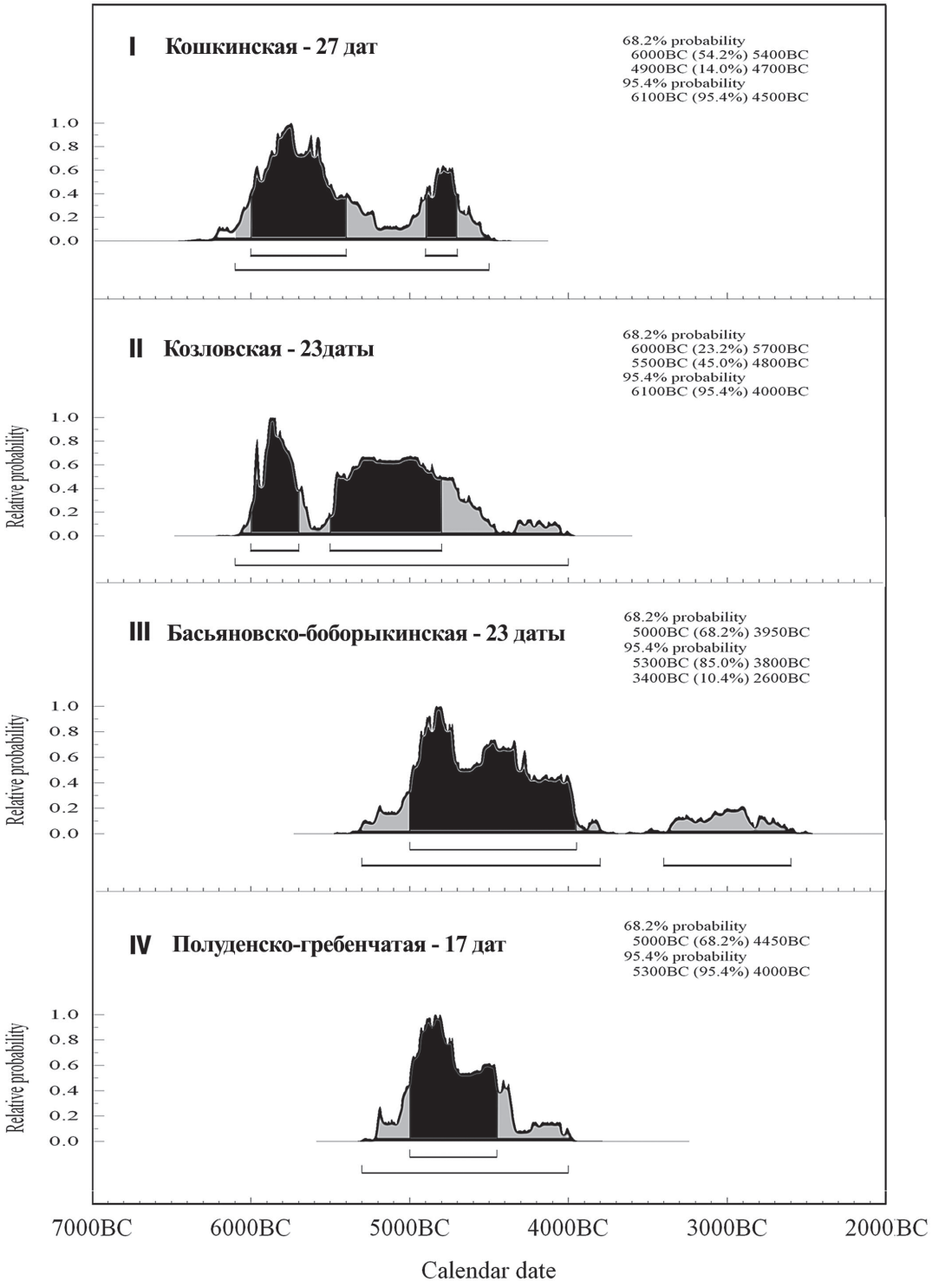


Рис. 1. Радиоуглеродная хронология неолита Зауралья.
Графики сумм вероятностей основных традиций.

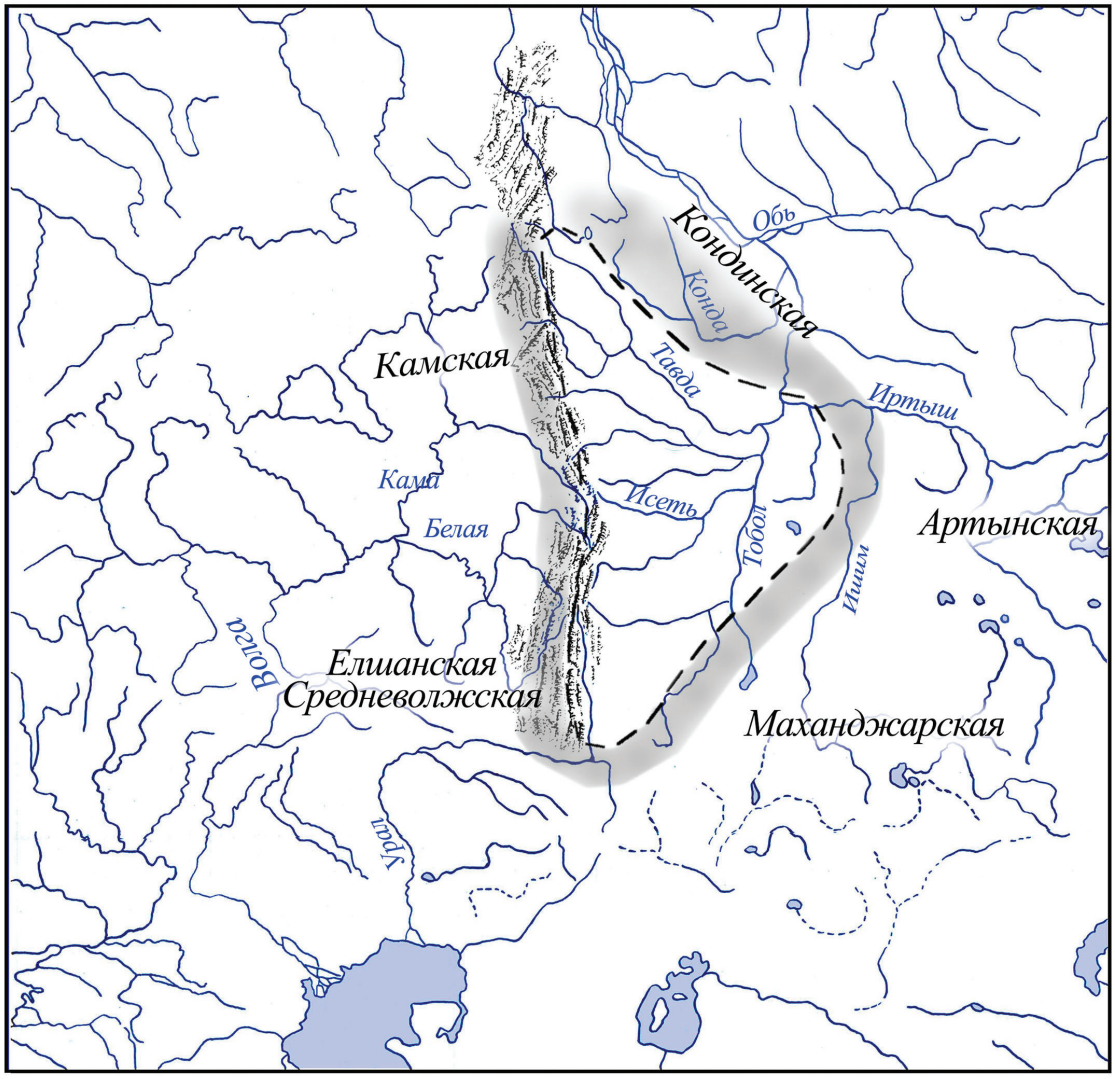


Рис. 2. Зауральское социокультурное пространство в неолите.

без отрыва орнаментира от поверхности, отдельными наколами. Среди орнаментальных мотивов общими являются самые простые: горизонтальные волнистые линии, вертикальные зоны, заполненные наклонными линиями, взаимопроникающие треугольники. Принципиально важно то, что оба типа посуды залегают совместно в культурных слоях памятников (Варга-2, Кокшаровский холм).

Каменный инвентарь стоянок раннего неолита очень близок предшествующим мезолитическим комплексам, что дает основания считать, что мезолитический и неолитический комплексы Зауралья генетически связаны. При использовании тех же типов нуклеусов немного сокращается микропластинчатость. Основной набор пластинчатых орудий: пластинки с ретушью, угловые резцы, концевые скребки, острия с крутой ретушью, отдельные геометрические микролиты и скошенные острия сохраняется с небольшими изменениями. Появляются отдельные пластинчатые и двусторонне обработанные наконечники стрел, шлифованные орудия, больше становится скребков на отщепах.

Таким образом, можно определенно констатировать, что население с кошкинской и козловской традициями применяет одну технологию изготовления керамической посуды и близкие системы орнаментации, имеет одну технологическую основу в изготовлений орудий из камня, в один временной промежуток занимает одну и ту же территорию для проживания и, более того, сосуществует в рамках одного поселения. Из приведенных фактов вытекает вполне закономерный вывод – население раннего неолита Зауралья принадлежит одному социуму, включающему в себя несколько традиций изготовления керамической посуды.

Поздний неолит Зауралья (5 000–3 950 гг. до н.э. (Cal BC)) представлен полуденско-гребенчатой и басьяновско-боборыкинской традициями, население которых отчасти наследует предшествующие декоративные традиции и сосуществует на этой же территории. Как и в раннем неолите, посуда различных гончарных традиций встречается в совместном залегании на одних и тех же поселениях (Краснокаменка, Ук VI и др.). Технологический анализ показал, что навыки составления формовочных масс полуденских гончаров, с одной стороны, наследуют козловским традициям, с другой – «аналогичны басьяновским, …сам факт появления новой традиции подготовки формовочных масс … может указывать на вероятность периода их сосуществования и взаимодействия» (Васильева, 2011. С. 122–123).

Каменный инвентарь позднего неолита показывает черты финального этапа использования пластинчатой технологии простого отжима. Это выражается в наличии большого количества орудий, изготовленных из целой пластины. Преимущественно вкладышевая техника используется лишь в охотничьем вооружении. В позднем неолите получают распространение двусторонне обработанные орудия, входят в употребление изделия из некачественных пород камня – орудия и грузила на плитках сланца, абразивы из песчаника, различные изделия из талька. Можно констатировать сосуществование басьяновско-боборыкинских и полуденско-гребенчатых комплексов в Зауралье до начала энеолита как двух традиций, принадлежавших разным десцентным группам в рамках одних социумов, что подтверждается технологическими и археологическими фактами.

Таким образом, неолитическое население Зауралья на каждом историческом этапе представляло собой определенное количество общин (резидентных групп), которые занимали общую территорию (рис. 2) и были объединены между собой отношениями родства, свойства, обмена, возможно общей мифологией и другими коммуникативными формами и создавали социальную систему (сеть). «Границы» зауральских социумов, т.е. их идентичность и социокультурное пространство определяются единой системой жизнеобеспечения в рамках вмещающего ландшафта, объединявшего лесные предгорные районы и зауральскую лесостепь, своеобразной техникой и технологией, отраженной в специфических комплексах орудий и сочетанием нескольких традиций, характерных для определенных десцентных линий, проявлявшихся в способах подготовки формовочных масс и системах орнаментации керамики. В условиях нередких природных колебаний и стихийных бедствий зауральские общины не смогли бы выжить, не опираясь на поддержку и помощь соседних общин. В отсутствие серьезных географических барьеров территориальные и социальные границы не были жесткими, поэтому мы наблюдаем территории, где традиции «пограничных» социумов носили синкретический (в нашем понимании) характер (рис. 2), но для членов этих социумов являвшиеся «своими». Поскольку каждая община была центром своих социальных связей, со своими приоритетами, то эти связи соседних общин неизбежно перекрывали друг друга во всех направлениях. Зауральское население в процессе годовых хозяйственных циклов осваивало вмещающий ландшафт своих общинных пространств – предгорий восточного склона Урала и зауральской лесостепи, и в случае необходимости заходило на соседние территории, и это движение было встречным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бадер О.Н. Уральский неолит // Каменный век на территории СССР / Отв. ред. А.А. Формозов. М.: Наука, 1970. С. 157–171. (МИА. № 166).

Васильева И.Н. О технологии изготовления керамики Кокшаровского холма // Вопр. археологии Урала. Вып. 26 / Отв. ред. Ю.П. Чемякин. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011. С. 103–124.

Виноградов А.В., Дервиц А.Л., Добкина Э.И., Маркова Н.Г., Мартищенко Л.Г. Определение абсолютного возраста по ^{14}C // Геохимия. 1956. № 8. С. 3–9.

Выборнов А.А., Мосин В.С., Епимахов А.В. Хронология уральского неолита // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 1. С. 33–48.

Ковалева В.Т. Неолит Среднего Зауралья. Свердловск: УрГУ, 1989. 80 с.

Старков В.Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М.: Наука, 1980. 220 с.

Чернецов В.Н. К вопросу о сложении уральского неолита // История, археология и этнография Средней Азии / Под ред. А.В. Виноградова и др. М.: Наука, 1968. С. 41–53.

Шмидт А.В. Стоянка у станции Левшино // СА. 1940. Вып. V. С. 1–31.

РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ВЕРХНЕЙ СУХОНЫ

© 2014 г. Н.Г. Недомолкина

Вологодский государственный музей-заповедник, Вологда
(nedomolkiny_ljv@mail.ru)

Ключевые слова: ранний неолит, тычково-накольчатая керамика, гребенчато-накольчатая керамика, Векса, Верхняя Сухона.

Резюме. В статье рассматриваются ранненеолитические комплексы стратифицированных поселений Векса и Векса III, исследованных автором на территории Верхней Сухоны. Дается характеристика керамики и каменного инвентаря, приводятся данные радиоуглеродного датирования. Неолитизация в данном регионе связывается с областью расселения верхневолжского населения.

На Верхней Сухоне ранненеолитические комплексы выявлены в результате раскопок поселений Векса (комплекс Векса-Н) и Векса III (9-й слой) (Недомолкина 2000; 2004; 2006). В свете последних данных планиграфию поселений предстоит уточнить. Культурные отложения раннего неолита представлены в виде отдельных пятен, с которыми связано наибольшее количество находок. Пятна фиксируются на разном уровне залегания, перепады в высотных отметках могут достигать 0,6 м. На значительной площади культурный слой морфологически не выражен и слабо насыщен находками. Поселения этого периода временные, носят преимущественно промысловый или обрядовый характер.

Каменная индустрия ранненеолитических комплексов базируется на отщепах и неправильных пластинах. Отсутствие мезолитических материалов на стоянках Верхней Сухоны позволяет сделать вывод, что для раннего неолита не характерны правильные мезолитические пластины.

Ранний этап характеризуется комплексом с накольчатой и неорнаментированной керамикой, орудиями из кости, кремневыми сечениями, остриями.

Первая группа керамики представлена аморфными кусками обожженной глины, малочисленными фрагментами гладкостенных сосудов, маленьких мисочек, изготовленных из природной глины, во втором – из глиноподобного сырья в виде ила. Глина содержала в себе включения мелкой слюды, бурого железняка, в остальных случаях основной естественной примесью в глине был песок разного размера. Использованное исходное сырье характеризуется средней и высокой степенью ожелезненности, высокой природной пластичностью (регулярным присутствием в нем частиц песка размером около 1 мм). Важно подчеркнуть, что во всех случаях местные гончары использовали влажное природное сырье, которое не подвергалось какой-либо специальной дополнительной обработке. Сделанные наблюдения позволяет прийти к выводу, что на исследуемом поселении, вероятно, частично в разное время, а частично одновременно работали несколько гончаров или групп гончаров, которые использовали разные залежи исходного глинистого и глиноподобного сырья. Что касается анализа формовочных масс, то на самом общем уровне среди изученных образцов выделяются две группы рецептов. Наиболее сложно оказалось сделать какие-либо строгие заключения о присутствии органики в формовочной массе. Это обусловлено тем, что во всех случаях она представлена очень незначительными и нечеткими следами. Предварительно можно отметить, что в ряде случаев органическая примесь добавлена в формовочную массу специально, скорее всего в виде раствора, содержавшего разрозненные микроскопические растительные остатки. Керамика без орнамента или с редкими наколами. По этим признакам она аналогична посуде раннего этапа верхневолжской культуры. Совпадают с верхневолжскими и радиоуглеродные даты – около 6 950–6 730 ВР. Верхневолжский импульс подтверждает и дальнейшее развитие неолитической культуры на данной территории. В комплексах представлена керамика с накольчатым (ок. 6 500 ВР) и гребенчатым (ок. 6 340 ВР) орнаментом. Группы керамики, где в качестве искусственной минеральной примеси была использована крупная дресва (Д3). Примесь дресвы использовалась гончарами в различной концентрации. Вторая группа, где к глине добавлена дресва, также содержит фрагменты гладкостенной керамики и фрагменты, орнаментированные горизонтальными поясами мелкой разреженной неконической ямки, наколами. Эта керамика сопоставима с керамикой каргопольского типа. Подобное тесто у наиболее массовой группы керамики, где преобладает гребенчато-накольчатый орнамент. Судя по фрагментам, сосуды были непрофилированные, прикрытой формы, остродонные, а также с приплощенным донцем средних размеров. Венчики прямыезагнутые внутрь. Края венчиков округлые, со скосом внутрь, с прямым или приостренным торцом. На некоторых по срезу нанесен орнамент. Под венчиком почти всегда идет ряд ямок, часто сквозных или глубоких, так что наколы оставляют «жемчужины» с обратной стороны. Толщина стенок 4−5 мм, реже 8−9 мм. Есть черепки, где элементы орнамента подкрашены охрой. В группе гребенчатой керамики орнамент разнообразен. Преобладает гребенчатый штамп, где оттиск гребенки нешироки, четкий, расположенный наклонно и вертикально, в виде «машинной строчки», есть оттиск «шагающей гребенки». Доля керамики, орнаментированной только гребенчатыми отпечатками, составляет 30,6%. Зубцы в оттисках мелкие, средние, в ряде случаев крупные (до 3мм). Характерна сплошная гребенчато-накольчатая или гребенчатая орнаментация с горизонтальным и вертикальным членением орнаментального поля. Горизонтальные зоны гребенки разделены рядами ямчатых, треугольных вдавлений, иногда нанесенных в отступающей манере. Некоторые фрагменты украшены сложными орнаментальными композициями.

Поздний этап характеризуется гребенчатой, гребенчато-накольчатой керамикой с горизонтальным и вертикальным членением орнаментального поля, отсутствием строгой зональности, косо-лезвийными наконечниками- трапециями, орудиями на крупных пластинчатых отщепах, нуклевидными, сланцевыми шлифованными орудиями.

Ранненеолитические материалы Верхней Сухоны находят параллели в материалах различных памятников раннего неолита лесной

зоны Европейского Севера и больше всего в разных вариантах верхневолжской керамики.

Таким образом, начальный этап неолитизации территории Верхней Сухоны связан с областью расселения верхневолжского населения. Дальнейший процесс связан с формированием местной традиции. Очевидно, это дает основание говорить о существовании северо-восточного варианта ранненеолитических культур, где памятники с накольчато-тычковой керамикой являются ранними и относятся к начальному этапу формирования, следующий этап − это памятники с гребенчато-накольчатой керамикой. В развитии неолитического населения региона более приемлемой является концепция единого культурного пространства, что уже высказывалось в отношении неолита лесной зоны (Косинская, 1997. С. 185). Участие ранненеолитического населения в сложении дальнейших культурных групп развитого неолита было бы проблематичным, если не учитывать эти положения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Косинская Л.Л. Неолит // Археология республики Коми. М., 1997. С. 146–212.

Недомолкина Н.Г. Многослойное поселение Векса // Тверской археол. сб. 4. 2000. С. 277–283.

Недомолкина Н.Г. Неолитические комплексы поселений Векса и Векса III бассейна верхней Сухоны и их хронология // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии / Ред. В.И. Тимофеев, Г.И. Зайцева. Санкт-Петербург, 2004. С. 265–279.

Недомолкина Н.Г. Место неолитических памятников Верхней Сухоны в неолите лесной зоны Европейской части России. (По материалам комплекса многослойных поселений Векса) // II Северный археологический конгресс: Тез. докл. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2006. С. 59–60.

ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРЫ ГРЕБЕНЧАТО-ЯМОЧНОЙ КЕРАМИКИ МАРИЙСКО-КАЗАНСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

© 2014 г. В.В. Никитин

Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева, Йошкар-Ола (tshikaeva@yandex.ru)

Ключевые слова: неолит, гребенчато-ямочная керамика, балахнинская культура, льяловская культура, Марийское Поволжье.

Резюме. В статье рассматриваются комплексы носителей культуры гребенчато-ямочной керамики Марийско-Казанского Поволжья, полученные в результате работ А.Х. Халикова и В.В. Никитина. Анализируются материалы почти 20 раскопанных широкими площадями памятников, на которых изучены остатки восьми жилых построек с набором артефактов, характерных для синхронных неолитических культур Волго-Окского междуречья. На основе полученных материалов ставятся и решаются вопросы культурогенеза, развития и дальнейшей судьбы носителей данной культуры. Время существования культуры устанавливается в пределах начала – середины IV тыс. до н.э. В дальнейшем племена балахнинской культуры принимают активное участие в сложении средневолжского варианта волосовской культурно-исторической общности.

Неолитические памятники в Марийско-Казанском Поволжье целенаправленно изучались А.Х. Халиковым с начала 1950 гг. прошлого века (Обсерваторские, Займищенские, Сумские). Несколько позже (1956 г.) раскопом исследовалась стоянка Русско-Луговская I, а во второй половине 1950-х гг. он же проводит работы на стоянке Старомазиковская II, на Удельношумецких, Полянских и Сутырских стоянках. В это же время В.Г. Стоянов исследует Выжумские стоянки I и II. После длительного перерыва (в 1961 г.) А.Х. Халиков (1969. С. 92–114) раскопом изучил остатки постройки на поселении Удельно-Шумецкое V. В 1969, 1971 и 1973 гг. при работах на Уржумкинском могильнике Г.А. Архипов и В.В. Никитин исследовали остатки слоя с балахнинской посудой. С середины 1970 гг. разведками В.В. Никитина были выявлены десятки неолитических памятников на обширной территории левобережных притоков р. Волги. В 1970-х гг. раскопки велись на стоянках и поселениях (Майданская, Сутырская IIа, Мариер), в начале 1980-х гг. исследуются поселения у пос. Дубовский (Дубовские III, VIII, IX, XII, XXII, Отарские V и VI, Сутырское V, Удельношумецкое VI, Галанкина Гора II). В 1990-е гг. С.В. Большов изучает стоянку Большая Гора, В.В. Никитин продолжает раскопки на Майданском IV, Кривое озеро, Пир гора, А.И. Королев на Сутырском V поселении (Никитин, 1996. С. 48–75).

В результате разведочных работ было выявлено более 90 пунктов со слоями, содержавшими посуду балахнинского типа. На 32 из них зафиксировано 178 впадин от построек. Основную массу составляют поселения с двумя-тремя постройками (42%), поселения с четырьмя-шестью постройками составляют 26%, с 8–11 постройками – 29%, одно поселение состоит из 20 жилищных впадин. Площадь поселений (судя по наличию впадин) колеблется от 1 000 до 2 500 кв.м. В результате раскопок изучены остатки восьми построек. Большинство (пять построек) из них четырехугольные в плане с углубленным полом и столбовой конструкцией перекрытия, характерные для лесного мезоэнеолита. На поселении Дубовское VIII изучены три постройки овальной в плане формы, также с

углубленным полом. В двух постройках очаги отсутствовали. Изученные постройки имели площадь: Удельношумецкое V – 63 кв.м, Галанкина гора II – 57 кв.м., Дубовское VIII – 70, 24 и 18 кв.м., Дубовское IX – 85 кв.м, Дубовское XII – 65 кв.м., Обсерваторское III – 32 кв.м. В некоторых постройках прослежены детали крепления стенок, выходов и перекрытия. Очаги устроены в котловидных ямах, устойчивого места в постройках не имеют. Хозяйственные ямы концентрируются по периметру, около очагов и выходов.

Посуда, вылепленная от руки ленточным способом, внахлест или стык. Ширина лент в пределах 3–5 см. Основная примесь в формовочной массе – дресва и шамот. Выделяются две группы посуды: 1) прикрытых (камских) форм полуяйцевидные; 2) профилированные, удлиненных пропорций, яйцевидные с отогнутой шейкой. Орнамент выдержан в строгой горизонтальной зональности и выполнен оттисками гребенчатых (зубчатых) штампов, в сочетании с поясами белемнитной ямки, разделяющей гребенчатые зоны. Кроме гребенчатых штампов, используются оттиски шнура, аммонитов, прочерки и насечки. Мотивы орнамента составляют наклонные ряды, елочки, зигзаги, сетку, ромбы и их сочетания (ромб или сетка с ямкой в центре или перекрестии, зигзаг с ямкой в вершине). Характерно густое заполнение орнаментального поля, сосуды с таким орнаментом составляют на большинстве памятников 90–100%.

Все исследованные памятники данной культуры в Марийско-Казанском Поволжье достаточно близки по основным типологическим признакам и выявляют высокие индексы сходства по форме сосудов и венчиков, технике и характеру орнаментации, функциональному значению ямочной техники и т.п. Степень сходства по оформлению горловины колеблется в пределах 87–93% на Русско-Луговской I, Майданской, Сутырском II, Удельношумецком V, Дубовском XII, Отарском V. В то же время этот показатель на Дубовском IX – 65%, Дубовском III – 43%, а на Дубовском VIII – всего 19%. Этот разброс обусловлен, вероятно, преобладанием на памятнике определенной формы сосудов. Степень сходства по совокупности семи пучков признаков посуды 10 хорошо исследованных памятников, составляет от 70 до 80%, что подтверждает культурное единство сопоставляемых комплексов.

Каменные изделия. Характеристика каменной индустрии носителей посуды с гребенчато-ямочным рисунком дана в работах А.Х. Халикова и В.П. Третьякова, в основу которой положены материалы в большей степени заволжских памятников с малочисленными кремневыми комплексами, не дающими представления о реальном наборе каменного инструментария, технике и технологии его производства. В средневолжских комплексах, практически всех, хорошо исследованных памятников этой культуры, кроме набора готового инструментария, найдены многочисленные отходы, нуклеусы, куски породы, заготовки орудий, бракованные и незавершенные изделия, предметы обработки камня, свидетельствующие об изготовлении каменного инвентаря непосредственно на поселении.

Отличительной особенностью кремневого производства средневолжских балахнинских племен является преимущественное изготовление орудий на отщепе, особенно в категории скребков и скребел, где доля пластинчатой техники невелика. Исследования А.Х. Халикова показали, что пластины и орудия на них составляют 9–12% от всего орудийного комплекса. Примерно такое же соотношение на нижнеокских памятниках. Новые материалы, полученные в результате работ В.В. Никитина (1970–2000 гг.) подтверждают высказанное ранее наблюдение А.Х. Халикова. Так, на поселении Дубовское IX пластинчатый комплекс составляет 12%, около 10% он представлен в материалах поселения Дубовское VIII (постройки 9–11). В классе скребков на стоянке Дубовская XXII изделия на пластинах составляют 37%, среди ножей – 55%, среди скобелей – 9%. Такой высокий процент пластинчатого инвентаря объясняется более высоким качеством кремневого сырья. Достаточно велика доля резцов. На стоянке Дубовская XXII скребки составляют 57% от всего орудийного набора, а резцы – 8%. На каждом поселении в коллекции каменных орудий имеются деревообрабатывающие орудия – крупные клиновидные топоры (четырехгранные, трапециевидные и многогранные). Многочисленные долота и тесла. Доло-

та крупных размеров с выраженным рабочим краем и заточкой лезвия примерно под углом 45°. Тесла трапециевидные с расширенным лезвием и заостренным обухом, линзовидные в сечении или с выраженными боковыми гранями. Небольшие узколезвийные стамески удлиненных пропорций. Большинство стамесок симметричные, реже с зауженным лезвием или обухом. Часть тесел и стамесок с желобком в рабочей части. Практически все деревообрабатывающие инструменты (включая и кремневые) хорошо отшлифованы по всей поверхности.

Ножи в основном на удлиненных узких отщепах с двухсторонней обработкой лезвийных частей струйчатой ретушью. Характерны и крупные ножи – кинжалы, получившие дальнейшее развитие в комплексах волосовских древностей.

Наконечники стрел и дротиков разнообразные, но наиболее встречаемые листовидные формы (иволистные, лавролистные и более широколистные), черешковые и бесчерешковые. Менее распространены треугольно-черешковые и ромбические. Среди инструментария можно отметить различного рода перфораторы с центральным или боковым жалом и выраженными плечиками. Часто перфоратор скомбинирован со скребком, скобелем, ножом. На многих памятниках найдены грузила для сетей, на некоторых фигурные кремни и сланцевые подвески.

Определяя культурные истоки кремневой индустрии и ее своеобразия, А.Х. Халиков высказал мнение о том, что она оформилась на базе местного докерамического неолита, представленного нижним горизонтом стоянки Русско-Луговская II, где кремневый инвентарь подобных стоянок по функциональному значению, характеру изготовления и форме орудий восходит к материалу предшествующего времени и представляет собой продолжение местных традиций памятников докерамического неолита и обнаруживает генетическую связь с позднемезолитическими памятниками.

Этапы развития и датировка. Рассматривая материальные комплексы средневолжских памятников В.П. Третьяков (1972. С. 71–74) отказался от их хронологического разделения, но мне представляется достаточно аргументированной позиция А.Х. Халикова, который в развитии средневолжских балахнинских комплексов выделил три этапа.

К первому этапу развития А.Х. Халиков отнес материалы собственно раннельяловские, расположенные за пределами Средней Волги, хотя позже (по материалам В.В. Никитина) выделяются элементы и признаки посуды раннего (и даже архаичного) этапа льяловской культуры. По схеме В.В. Никитина на раннем этапе посуда полуяйцевидных и яйцевидных форм с несколько удлиненным туловом. Стенки слабовыпуклые плавно переходят в приостренное днище. Орнамент густой, в строгой горизонтальной зональности, выполненный исключительно гребенчатыми штампами и белемнитом. Редко можно встретить мелкую косую сетку. Эта посуда близка комплексу собственно балахнинской культуры (ее раннего периода), но такие признаки, как многорядность ямочной композиции, преобладание мешковидных и прямостенных форм посуды, в марийско-казанских комплексах выражена слабо.

Для посуды развитого этапа при сохранении полуяйцевидной формы, исчезают приостренные днища, венчики преобладают с плоским срезом, валики и воротнички составляют от 25% на стоянке Удельно-Шумецкая V, до 50% – на Удельно-Шумецкой VI. По девяти пучкам признаков (форма горла, край венчика, заполнение орнаментального поля, форма ямок, орнаментальные приемы, характер орнамента, мотив орнамента, функциональная роль ямки, употребление ямки) степень сходства с комплексами раннего этапа составляет 55%.

Поздний этап характерен возрастанием роли прямошейных сосудов с отвернутым краем и посуды с разреженной орнаментацией. Появляется неорнаментированная посуда. Наряду с глубокой (белемнитной) ямкой в орнаменте применяются овальные, квадратные, каплевидные и прочие формы ямок. Падает процент посуды, украшенной мелкозубыми штампами. Основными орнаментирами становятся крупнозубые, среднезубые и овальнозубые штампы, аммониты и оттиски шнура. Орнаментальные композиции становятся более разнообразными (елочка со стеблем, горизонтальный зигзаг, заштрихованные гео-

метрические зоны). Широко применяется сочетание различных штампов на одном сосуде. Все эти элементы сближают данную посуду с керамикой протоволосовского типа.

Полученные абсолютные даты по керамике указывают на начало IV тыс. до н.э.: Дубовское XII – 5 970±90; Дубовское III – 5 930±80; Дубовское VIII – 5 880±90 и 5 720±80 л.н.; Отарское VI – 5 810±90, 5 930±80. Близкие аналоги имеются в материалах правобережья р. Суры в Чувашии: Черненькое озеро III – 5 840±80; Утюж I – 6 080±90 и 5 940±90; Вьюново озеро II – 6 085±90 л.н. (Выборнов, Кондратьев. 2009). По времени функционирования поселения этого периода ближе к архаичной стадии развития льяловской культуры – рубеж V–IV – первая четверть IV тыс. до н.э. (Войменной I – 5 990±50, 6 000±40, 6 100±50; Озерки V – 5 930±200; Ивановская VII – 5 920±60).

Для развитого этапа имеются даты по керамике поселения Галанкина гора II – 5 610±80 и 5 430±90 л.н. Завершение развития носителей культуры гребенчато-ямочной посуды можно отнести ко времени формирования протоволосовских комплексов, датированных по керамике поселения Дубовское VIII – 5 270±80; Дубовское III – 5 295±80; Красный Мост – 5 260±90 л.н. Таким образом, время существования балахнинской культуры в Марийского-Казанском Поволжье укладывается в рамки конца V – третьей четверти IV тыс. до н.э.

Дальнейшая судьба населения балахнинской культуры связана с формированием средневолжского варианта волосовской культурно-исторической общности в качестве основного этнического ядра.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Выборнов А.А., Кондратьев С.А. Новые радиоуглеродные даты по ямочно-гребенчатой керамике Среднего Поволжья // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2009. Т. 11; Вып. 6. С. 282–284.

Никитин В.В. Каменный век Марийского края. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1996. 179 с. (Тр. Мар. археол. экспедиции; Т. IV).

Третьяков В.П. Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе Европейской части СССР. Л.: Наука, 1972. 136 с.

Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. 396 с.

ОСОБЕННОСТИ РАННЕКЕРАМИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ (НА ПРИМЕРЕ АМАЗОНИИ И ЭКВАДОРА)[1]

© 2014 г. Е.С. Острирова

Российский государственный гуманитарный университет, Москва (maraveriza@gmail.com)

***Ключевые слова**: ранняя керамика, неолитизация, Амазония, Гвиана, Эквадор, Южная Америка.*

Резюме. В докладе представлены основные гипотезы происхождения раннекерамических комплексов Южной Америки. Изучение особенностей ранней керамики, происходящей из Амазониии, Гвианы и с побережья Эквадора, а также уточнение раннее спорных датировок позволяют говорить о независимом происхождении керамики из нескольких очагов на территории Южно-Американского континента.

Изучение раннекерамических комплексов Южной Америки традиционно вызывает дискуссии, и до сих пор не существует единого мнения о регионе происхождения самой ранней керамической посуды, а также о возможных путях ее распространения.

Основные гипотезы рассматривают три сценария зарождения и распространения тра-

1 Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 14-31-1294/14.

диции керамического производства на континенте: раннее появление керамики в Амазонии (Каверна-да-Педра-Пинтада, Таперинья); в Эквадоре (Реаль-Альто, культура вальдивия); в Северной Колумбии (Сан-Хасинто, Монсу, Пуэрто-Ормига, Пуэрто-Чако, Барловенто). Главной причиной дискуссии о появлении ранней керамики является необъяснимо большой хронологический разрыв между древнейшей амазонской керамикой и более поздними комплексами, а также существенные технологические, морфологические и орнаментальные отличия.

Открытие необычайно ранней керамики в Амазонии Энн Рузвельт привело к началу дискуссии. Впервые раковинные кучи (*самбаки*) на бразильском побережье к востоку от устья Амазонки были исследованые еще в конце XIX в., но именно Рузвельт в 1980-х гг. заявила о ранних датировках керамики, найденной при раскопках раковинных куч в Таперинья (в пределах 7 090–6 300 л.н.), а также при обследовании пещеры Педра-Пинтада (в пределах 7 580–6 625 л.н.) (Roosevelt, 1995). Кроме того, Рузвельт в дискуссии с Д. Вильямсом настаивала на ранней датировке образцов керамики из раскопок раковинных куч на северо-западе Гвианы, относящихся к фазе Алака (IV тыс. до н.э). (Roosevelt, 1997; Williams, 1997). В то время как ранние датировки амазонской керамики приняты большинством исследователей, дискуссия по поводу ранней керамики северо-западного побережья Гвианы (по мнению Рузвельт, синхронной амазонской) до сих пор продолжается, и в современных обобщающих исследованиях отрицается сам факт наличия гончарной традиции в этом регионе вплоть до II тыс. до н.э. (Neves, 2008).

Среди особенностей ранней керамической традиции Амазонии следует выделить слабую обожженность, красно-коричневый цвет пасты, рыхлую текстуру без видимых признаков органического отощителя, который был характерен для ранней традиции керамической посуды северо-западной Колумбии (Сан-Хасинто, Пуэрто-Ормига и др.) (Oyuela-Caycedo, Bonzani, 2005).

В образцах керамики из региона Амазонки и близлежащих памятников побережья Гвианы (керамика фазы Алака, памятники Барабина, Хосороро-Крик) и Бразилии (керамика фазы Мина, памятники Порто-да-Мина, Понта-де-Пьедрас) прослеживаются различные традиции изготовления посуды: с раковинным отощителем, песчаным отощителем, а также с примесью золы (Hoopes, 1994).

Из района Таперинья происходит 385 глиняных черепков и только 3% из этой коллекции имеют следы декорирования: зубчатый край венчика, криволинейные насечки и перфорация. Рузвельт и ее коллеги в статье 1991 г. опубликовали четыре образца декорированной керамики Таперинья, выделив на основе этой небольшой выборки стили орнаментирования сосудов: с прочерченным «зубчатым» венчиком (1), с прочерченным орнаментом (2), с пунктирной орнаментацией и зубчатым венчиком (3) (Roosevelt et al., 1991).

Для образцов керамики Мина характерен раковинный дробленный отощитель, представленный в основном распространенными в данном регионе раковинами брюхоногих моллюсков. Еще одной особенностью образцов ранней керамики побережья западной Гвианы примесь золы дерева ликания (кремнесодержащая кора дерева ликания (*Licania heteromorpha*) из семейства Хризобалановые) (Williams, 1997).

Керамика фазы Мина представлена более репрезентативной базой и для нее характерны круглые плоскодонные чаши с отогнутым венчиком или ангобом (Hoopes,1994).

Наиболее древние образцы керамики побережья Эквадора известны по раскопкам поселений культуры вальдивия (Реаль-Альто, Лома-Альто, Пунта-Консепсьон) – самой ранней керамической культуры на всем тихоокеанском побережье Южной Америки (в пределах 5 600/5 500–4 650 л.н.) (Marcos, 2003).

Черты технологического примитивизма, характерные для амазонской и гвианской керамики, не прослеживаются в гончарной традиции Эквадора, хотя вполне возможно, что исследователи еще не открыли более раннюю традицию, предшествовавшую вальдивии, или же начальные этапы производства посуды были связаны с иными материалами, не сохранившимися (в отличие от глины) в условиях тропического климата.

Для ранней керамической традиции Эквадора характерно применение исключительно песчаного отощителя. Кроме того, керамика

культуры вальдивия отличается от амазонской и гвианской по морфологическим и орнаментальным признакам: разнообразием зооморфной и антропоморфной орнаментации, разнообразием форм сосудов. Для керамики ранней вальдивии характерны устойчивые формы сосудов: широкие полусферические чаши с прямым венчиком и широкогорлые сосуды с налепным или отогнутым венчиком (Табарев, 2011).

Исследователи отмечают возможную связь традиции Амазонии и Эквадора в форме самых ранних сосудов, но скорее это не показатель преемственности, а, вероятно, скеоморфная традиция (глиняные сосуды повторяли форму сосудов из тыквы-горлянки, кожаных контейнеров или корзин) (Marcos, 2003). Действительно, наиболее ранняя керамическая посуда типов вальдивия-1 и -2 воспроизводит открытые формы мисок и чаш в форме тыквы или корзины, но в любом случае самая ранняя эквадорская керамика – хорошо обожжена и по качественным характеристикам заметно отличается от амазонской.

Технологические и стилистические различия традиций Амазонии и Эквадора позволяют говорить о независимом происхождении керамики для каждой территории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Табарев А.В. Ранние керамические традиции в Пасифике (Южная Америка) // Древности по обе стороны Великого океана. Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2011. С. 16–54.

Hoopes J. Ford Revisited: A Critical Review of the Chronology and Relationships of the Earliest Ceramic Complexes in the New World, 6 000–1 500 B.C. // J. of World Prehistory. 1994. Vol. 8(1). P. 1–50.

Marcos J.G. A Reassessment of the Ecuadorian Formative // Archaeology of Formative Ecuador. Dumbarton Oaks, 2003. P. 7–32.

Neves E.G. Ecology, Ceramic Chronology and Distribution, Long-term History, and Political Change in the Amazonian Floodplain // The Handbook of South American Archaeology. 2008. P. 362–368.

Oyuela-Caycedo A., Bonzani R.M. San Jacinto 1: A Historical Ecological Approach to an Archaic Site in Colombia. Tuscaloosa: Univ. of Alabama Press, 2005. 244 p.

Roosevelt A.C. Early pottery in the Amazon: twenty years of scholarly obscurity // The Emergence of Pottery: Technology and Innovation in Ancient societies. Washington: Smithsonian Institution Press, 1995. P. 115–131.

Roosevelt A.C. The Demise of the Alaka Initial Ceramic Phase Has been Greatly Exaggerated: Response to D. Williams // American Antiquity. 1997. Vol. 62; N. 2. P. 353–364.

Roosevelt A.C., Housley R.A., Imazio da Silveira M., Maranca S., Johnson R. Eighth Millennium Pottery from a Prehistoric Shell Midden in the Brazilian Amazon // Science. 1991. № 254. P. 1621–1624.

Williams D. Early Pottery in the Amazon: A Correction // American Antiquity. 1997. Vol. 62; N. 2. P. 342–352.

ФРАГМЕНТ САКРАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА У ПОДОШВЫ УСТЬ-ВАГИЛЬСКОГО ХОЛМА В ЛЕСНОМ ЗАУРАЛЬЕ

© 2014 г. С.Н. Панина

Свердловский областной краеведческий музей, Екатеринбург
(snpanina@ yandex.ru)

Ключевые слова: культовое место, насыпной холм, иерархия сакрального пространства, погребение, семена воробейника.

Резюме. В статье впервые вводятся в научный оборот данные о раскопанном погребении и культовой площадке (настиле) эпохи энеолита у подошвы Усть-Вагильского холма – культовом памятнике эпохи неолита – железного века на северо-востоке Свердловской обл. Проводится сравнение и устанавливается иерархия между сакральными пространствами – жертвенным костищем эпохи раннего неолита в северо-восточном секторе холма (начальная иерофания) и погребальной площадкой эпохи энеолита у подошвы холма.

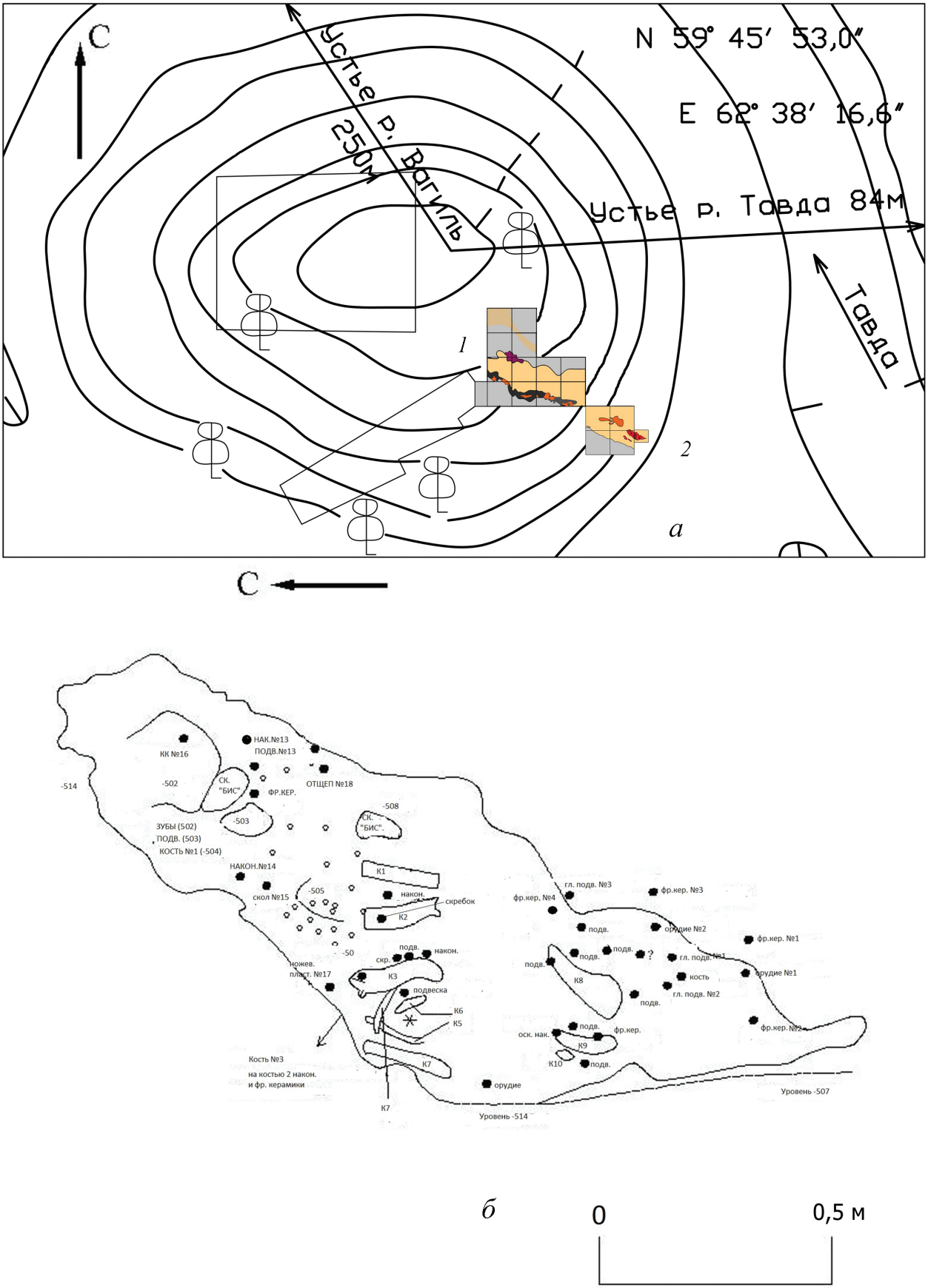
Усть-Вагильский холм, культовый памятник эпохи неолита – позднего железного века, расположен на левом берегу р. Тавды в месте впадения в нее р. Вагиль в Гаринском р-не Свердловской обл.

Холм с плоской вершиной в форме неправильного овала, вытянутого с запада на восток, диаметром 53 м (ВЗ), 48 м (СЮ) был насыпан в процессе совершения обрядов в течение длительного времени. Современная высота холма в западной его части – 6 м, в восточной – 5,5 м.

При проведении охранных раскопок в 2005–2010 гг. в северо-восточной части холма на глубине 4,45–4,67 м было вскрыто жертвенное место – два скопления костей и рогов животных (лось, северный олень, собака, соболь, рыбьи кости) и семь фрагментов человеческих черепов. Костище было отделено от основной части холма дугообразной канавкой, заполненной мощным прокалом, углями. Вдоль канавки с обеих сторон прослеживается ряд обугленных столбов, часть из которых была врыта наклонно. Получены радиоуглеродные даты столбов: № 3 СОАН-6940 – 6 335± 95 лет, № 4 СОАН-6941 – 6 295± 125 лет; деревянного бревна, находившегося внутри сакрального пространства, ограниченного канавкой, но на значительном удалении от скоплений костей и черепов: СОАН-6942 – 6 460± 100 лет. Также получена дата по обрубку лосиного рога в скоплении костей животных и черепов: Ле 8746 – 7 920±200. Коллеги из Германии продатировали по AMS-методу нагар на фрагментах сосудов сатыгинского типа, найденных рядом с кострищем и внутри него: № 14 638 – 7 660±37; № 14 639 – 7 583±38; № 14 640 – 7 735±40.

Жертвенное место расположено на периферии холма, и канавка, маркирующая границы сакрального/профанного пространства внешней дугой, отделяет его от центра холма. Стратиграфически прослеживается небольшая земляная насыпь над скоплением костей, конической формы, которая, по-видимому, сверху была обложена деревом и подожжена (лента прокала расположена по дуге над земляным холмиком), затем после остывания золы холмик был перекрыт берестой (Панина, 2011б. С. 184).

В полевой сезон 2011 и 2013 гг. у подножия холма, на глубине 505–514 было раскопано погребение (см. *рисунок*). По-видимому, умерший находился в неглубокой яме, в положении лежа на спине, с вытянутыми вдоль тела руками, головой на северо-восток, в слое охры, как в футляре. Охристый слой представлял собой конгломерат вещества, ярко-красного цвета, слегка жирного на ощупь. Кости и череп в этом веществе фиксировались в виде



Топографический план Усть-Вагильского холма (*а*) и план погребения эпохи энеолита (*б*).
1 – жертвенное место (костище) эпохи раннего неолита; *2* – погребение эпохи энеолита.

очертаний светло-серо-желтого цвета. В северной части пятна наблюдалось небольшое возвышение полукруглой формы (череп). В слое охры были встречены семена воробейника (*Lithospermum*), часть из которых использовалась в качестве «бисера»: в районе головы, груди, шеи крепились к подвескам (имели сквозное отверстие). Другая часть семян (без отверстий) фиксировалась россыпями в слое охры, равномерно по всему погребению. В погребении найдены шлифованные наконечники стрел с выемкой в обломках (свыше 10), овальные подвески из песчаника (более 30), скребки (2), ножевидная пластина (1), тесло, два фрагмента керамики с гребенчатым орнаментом. По фиксации залегания находок можно предполагать, что погребенный имел расшитый головной убор или украшения на волосах (слева и справа под черепом были обнаружены семена воробейника со сквозными дырочками и подвеска, к которой был прикреплен «хвостик» с нанизанными на нем «бисером» из воробейника и просверленных рыбьих позвонков. В верхнем слое охры, под черепом, было найдено четыре подвески. На уровне груди зафиксированы еще семь подвесок и две пронизки вместе со скоплением бисера из семян воробейника. На уровне пояса справа обнаружены остатки резцов бобра. Обломок тесла находился в нижней части, слева у предполагаемой ноги.

Шлифованные наконечники стрел с продольной выемкой встречаются в могильниках и на поселениях Северного Зауралья – Бурмантовский грот, Жилище Сокола; на севере Западной Сибири – Старые Покачи-5.1 (№ 6), Леуши III, VII, XIV, Ясунское погребение, Пашкин Бор I, Лева VIII (№ 3); в Среднем Зауралье – Аятский могильник (№ 6), Скворцовская гора V, Шайтанское озеро II, Палатки II, Липчинская, Береговая I.

По данным радиоуглеродных дат могильника Старые Покачи-5.1, время бытования шлифованных наконечников стрел с выемкой – вторая треть – середина III тыс. до н.э. (Чаиркина, 2011. С. 122).

Каменные шлифованные подвески овальной или каплевидной формы, с гладким, реже зубчатым краем известны в Среднем Зауралье – Аятский могильник (№ 6), Макуша III, Шувакиш I, Палатки II; в Южном Зауралье – Березки Vг, Барановская пещера, Старичный гребень; на севере Западной Сибири – Старые Покачи-5.1 (№ 3), Лева VIII (№ 3); в Нижнем Притоболье – Бузан (центральное погребение), Чепкуль-21 (№ 1); в Среднем Приртышье – Протока, Сопка-2; на Конде – Леуши III, IV, Большая Умытья-57 (Там же. С. 123).

Шлифованные овальные или каплевидные подвески бытуют в эпоху позднего неолита – энеолита. Некоторые исследователи (Сериков, 1998. С. 43) относят небольшие подвески (до 1,5 см) к энеолитическому времени.

К северо-востоку от погребения на глубине 520–550 выделилось углистое пятно правильных очертаний, которое на нижних горизонтах приобрело вид настила из сгоревших крупных деревянных плах, положенных на слой темно-серого пестроцвета. Столбовых ямок рядом с настилом не фиксируется. Часть настила уходила в восточную и южную стенку раскопа. В некоторых случаях зафиксирован прокал под обугленными плахами, под которым залегает новый слой сгоревших плашек, что дает основание предполагать неоднократное использование настила. На настиле найден развал небольшого сосудика яйцевидной формы с гребенчатым орнаментом, шлифованный однолезвийный нож из туффита, сломанный шлифованный наконечник с выемкой, каменная, овальная подвеска. Керамика с гребенчатым орнаментом с Усть-Вагильского холма имеет прямые аналогии с аятской керамикой эпохи энеолита Среднего Зауралья (Панина, 2011а).

Находки позволяют синхронизировать время существования настила с погребением и отнести этот комплекс к энеолитическому времени (гребенчатый тип керамики, шлифованные с выемкой наконечники стрел, овальные подвески из песчаника). Радиоуглеродные даты пока не получены.

У края северной части настила была найдена небольшая каменная наковаленка в форме куба с сильно сработанными плоскостями. В восточной части настила у стены квадрата обнаружен массивный фрагмент молота из кварцита, также со следами сработанности. Сырьевая база каменной индустрии в районе Усть-Вагильского холма чрезвычайно скудна. Часть сырья доставляли из более южных районов, поэтому сломанное орудие всегда

использовали вторично. Находка массивных каменных орудий на настиле рядом с синхронным погребением позволяет предположить ритуальный характер предметов и их взаиморасположения.

На Усть-Вагильском холме исследован тип сакрального пространства, связанный с погребальным комплексом – захоронение и культовая площадка (настил) эпохи энеолита. В пространственном отношении комплекс находится у подошвы холма и, вероятно, в подчиненном положении относительно жертвенного места эпохи раннего неолита. В качестве гипотезы представим, что к начальной иерофании сакрального пространства холма относится жертвенное место – костище, раскопанное в северо- восточном секторе холма на глубине 4,45–4,67 м. Канавка, отделяющая территорию костища от иного, профанного пространства принадлежит к числу самых древних элементов модели святилища. Сакральность территории предполагает идею повторения изначальной иерофании (Элиаде, 2000. С. 140). Возможно, со временем элементы обряда могут меняться, появляется иерархия сакрального пространства, но основа остается неизменной – поминальная обрядность и культ предков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Панина С.Н. Гребенчатый комплекс керамики эпохи энеолита Усть-Вагильского холма // Шестые Берсовские чтения. Екатеринбург: Квадрат, 2011а. С. 91–98.

Панина С.Н. Новые данные в исследовании Усть-Вагильского холма – культового места эпохи неолита – железного века в лесном Зауралье // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. Т. I. СПб.; М.; Великий Новгород.: ИИМК РАН, 2011б. С. 183–185.

Сериков Ю.Б. Шаманские погребения Зауралья // Вопр. археологии Урала. Вып. 23. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998. С. 29–47.

Чаиркина Н.М. Погребальные комплексы эпохи энеолита и раннего железного века Зауралья. Екатеринбург: УрО РАН, 2011. 205 с.

Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения. М.: Ладомир, 2000. 488 с.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД МЕЗОНЕОЛИТИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

© 2014 г. А.А. Погодин

Научно-аналитический центр проблем сохранения культурного и природного наследия «АВ КОМ – Наследие», Екатеринбург (pogodin1966@rambler.ru)

Ключевые слова: север Западной Сибири, река Конда, захоронения, могильник, погребальный обряд, инвентарь, антропология.

Резюме. В докладе обобщены данные по погребальному обряду населения севера Западной Сибири на рубеже мезолита – неолита. Приводятся сведения о единичных захоронениях и могильнике, кремации и ингумации умерших в безинвентарных или скудно наполненных вещами могилах. Отмечается обильное использование в погребальной практике охры, совершение неординарных захоронений. Делается вывод, что схожая погребальная практика используется еще достаточно продолжительное время – в позднем неолите – энеолите.

Обобщение материалов по погребальному обряду в эпоху камня на территории Зауралья, включая в эту обширную географическую область и север Западной Сибири, проводилось неоднократно (см. напр.: Петров, 1994; Шилов, Маслюженко, 2002. С. 169–175; Кокшаров, 2009. С. 148–172; Чаиркина, 2011). Новые открытия существенно дополняют источниковую базу и еще раз подтверждают тезис о севере Западной Сибири как особом ареале развития культурной общности эпохи мезолита (Беспрозванный, Погодин, 2006. С. 168), а в последующем и раннего неолита.

Рамки исследования охватывают интервал 7 600–7 250 – 6 500–6 300 л.н., хроностратиграфические наблюдения подкреплены радиокарбонными датами (Там же; Клементьева, Круземент, Погодин, 2012. С. 506–508).

Источники. Все известные отдельные захоронения и могильник расположены в таежной зоне севера Западной Сибири в бассейне р. Конды. На поселении Леуши IX исследована прямоугольная яма размерами 0,96 × 0,24–0,36 м, вытянутая по оси Ю–С. Яму выкопали на глубину не менее 0,2 м в слое заполнения котлована мезолитического жилища; ее перекрывал выкид из соседней, тоже мезолитической, постройки. В южной части ямы локализовались угли, а по центру был расчищен лежащий на теменной доле череп взрослого, но не старого мужчины (Беспрозванный, 1986. С. 6, 7).

На площадке кратковременной стоянки Сатыга XVIa исследованы три захоронения по обряду кремации. Они представляли собой скопления костей в виде круга диаметром 0,24 м, или овалов размерами 1,6 × 1,1–1,2 м толщиной 0,05 м, 0,18 м и 0,34 м. Овальные скопления были вытянуты Ю–С и ЮВ–СЗ. Среди костей залегал каменный инвентарь и сожженные кости животных (Беспрозванный, Погодин, 1998. С. 55–58).

На могильнике Большая Умытья-100 исследовано 106 ям (полевые материалы 2012–2013 гг.). Имеется дата по углю – 7 090±60 ВР (Ki-17973). Форма могил прямоугольная и овальная, реже округлая и сигаровидная. Глубина ям от древней поверхности – 0,15–1,90 м. Ямы ориентированы в направлении ЮВ–СЗ, В–З, ЮЗ–СВ и реже Ю–С. «Заполнение» могильного поля, приуроченного к гребню гривы, осуществлялось рядами (не менее девяти) с запада на восток, и отдельными могилами вне рядов. Ямы крайнего западного ряда неоднократно прорезались ямами последующего восточного. Основных рядов, занявших всю площадку гребня, было, скорее всего, пять; далее новые ряды накладывались

поверх предшествующих. Есть случаи практически полного попадания одной ямы в другую; при этом размеры поздней ямы всегда были меньше, и никогда более ранняя яма не прорезалась до дна.

Останки людей и погребальный инвентарь зафиксированы в 30 ямах.

При погребении обильно использовалась охра. Пятно охры фиксировалось в 10–20 см выше дна ям, имело четкие границы и уплощенно-овальные очертания в разрезе. Такое компактное расположение охры в пространстве могильной ямы было названо нами «коконом». В условиях активного промывного режима песчаного грунта охра не расплылась по яме, а сохранила четкие очертания, возможно, вследствие помещения тела усопшего в какую-то органическую емкость. В могилах с антропологией толщина и концентрация слоя охры увеличивалась от ног погребенного к голове. В случае, когда охра имела вид «кокона», он был смещен по длинной оси в сторону головы и нередко расширялся.

Идентифицированы останки 21 человека. Взрослых из них не менее 15, пол установлен для шести: трех мужчин и трех женщин. Возраст усопших варьируется от 16–18 до 30–40 лет (единожды – 35–60 лет). Еще одни останки принадлежали ребенку в возрасте 1–7 лет.

Захоронение усопших проводилось по обряду ингумации и кремации.

При ингумации умершего помещали в погребальную конструкцию головой на СЗ (10 чел.), на СВ (3) и З (2), в выпрямленной позе лицом вверх или вниз. Руки вытягивались вдоль корпуса, ноги выпрямлялись. Не исключено обматывание умершего мягкими пеленами. Инвентарь размешался в районе головы покойного (шлифованные тесла и струг, скребок на отщепе, пронизки из смолы, резец бобра), единично – у пояса (ретушированные острия, мелкие отщепы с краевой ретушью). Интересно захоронение фрагмента черепа в виде «чаши» с 24 костяными подвесками внутри. Также заслуживает внимания помещение в могилу усопшего фрагмента теменной кости другого человека с двумя, расположенными на расстоянии 4,0 см, биконическими отверстиями.

Кремация установлена по костным материалам, которые подверглись высокотемпературному воздействию (до 500°). Обожженные кости в ямах залегали скоплением по центру или со смещением к одному из их краев.

На дневной поверхности могильного поля и, единично, в заполнении ям, найдены фрагменты ранненеолитической посуды с отступающе-накольчатой орнаментацией. Напрямую связь этой керамики с могильником не установлена, хотя и не исключена.

Выводы. Погребения усопших на рубеже мезолита – неолита осуществлялось по обряду ингумации или кремации как отдельными захоронениями непосредственно на местах стоянок и поселений, так и на долговременных некрополях с хорошо выраженной планировкой могильного поля. При трупоположении использовалась охра, покойный заворачивался в мягкие пелены. Кремированные останки также помещались в ямы. Сопроводительный инвентарь либо отсутствует, либо скуден – единичные предметы, в т. ч. мелкие сколы с краевой ретушью. Тем не менее, особо выделяются «богатые» погребения или неординарные захоронения.

Схожая погребальная практика будет применяться еще достаточно продолжительное время – в позднем неолите – энеолите.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Беспрозванный Е.М. Отчет о раскопках поселения Леуши IX в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11756.

Беспрозванный Е.М., Погодин А.А. К вопросу о культовых представлениях мезолитического населения бассейна р. Конды // Вопр. археологии Урала. Вып. 23. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998. С. 48–62.

Беспрозванный Е.М., Погодин А.А. Мезолит севера Западной Сибири: итоги изучения // Современные проблемы археологии России: Сб. науч. тр. Т. I. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. С. 167–169.

Клементьева Т.Ю., Круземент С.А., Погодин А.А. Поселение эпохи неолита на севере Западной Сибири (бассейн Конды): полевые исследования 2007–2011 гг. // Первобытные древности Евразии: к 60-летию А.Н. Сорокина. М.: ИА РАН, 2012. С. 499–526.

Кокшаров С.Ф. Памятники энеолита севера Западной Сибири. Екатеринбург: Изд-во НПМП «Волот», 2009. 272с.

Петров А.И. Неолит и ранняя бронза // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2: Мир реальный и потусторонний. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. С. 46–53.

Чаиркина Н.М. Погребальные комплексы эпохи энеолита и раннего железного века Зауралья (по материалам погребально-культовой площадки Скворцовая гора V). Екатеринбург: УрО РАН, 2011. 224с.

Шилов С.Н., Маслюженко Д.Н. Энеолитическое погребение Гладулино-3 в системе доандроновского погребального обряда // Вопр. археологии Урала. Вып. 24. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. С. 165–191.

О ПЕРЕХОДНОМ ПЕРИОДЕ ОТ РАННЕГО К РАЗВИТОМУ НЕОЛИТУ НА КАМЧАТКЕ

© 2014 г. А.К. Пономаренко

«Археологические изыскания в строительстве», Москва
(ahomten90com.ru@yandex.ru)

Ключевые слова: ранний неолит, развитой неолит, андреевская культура, авачинская культура, тарьинская культура.

Резюме. В статье рассматриваются особенности переходного периода от раннего к развитому неолиту Камчатки. Приводятся сведения об андреевской культуре как одной из стадий этого переходного периода продолжительностью 1 200 лет.

В изучении неолита Камчатки проблема переходного периода от раннего к развитому неолиту представляется нам одной из ключевых. По имеющимся данным, этот период, условно названный нами переходным, охватывает около 1 200 лет. Он занимает лакуну между наиболее поздней датой раннего неолита Камчатки – авачинской культурой (^{14}C 6 180±50 л.н.) (Пономаренко и др., 2002) и наиболее ранним горизонтом тарьинской культуры, зафиксированном на стоянке Авача-7 (^{14}C 5 200± 100 л.н.) (Дикова, 1983. С. 166). Часть этого этапа неолита Камчатки существовала андреевская культура (Пономаренко, 2011), представленная стоянкой Мыс Андреевский-1 и стоянкой Палана-аэропорт, судя по найденному на ней В.И. Рубаном (1979. С. 125, 126) многофасеточному резцу. Аналогичный пережиточный тип многофасеточного резца был найден нами на стоянке середины II тыс. н.э. Ивашка-17, расположенной на Северо-Восточной Камчатке (Пономаренко, 1985. С. 153).

Стоянка Мыс Андреевский-1 является пока единственным памятником на Камчатке, представленным достаточно полным комплексом вещей, несущих отпечаток разных культурных влияний и разновременных традиций обработки камня, позволяющих составить представление, вероятно, о непродолжительном отрезке финальной части 1200-летнего периода, в течение которого существовала андреевская культура.

Стоянка Мыс Андреевский-1 была обнаружена в 1975 г. В.И. Рубаном. Им же тогда был заложен раскоп площадью около 40 м.кв. Часть коллекции, собранной на стоянке, была опубликована (Рубан, 1979). В 1981–1984 гг. на стоянках в долине р. Тигиль, в т.ч. на мысе Андреевский, подъемный материал собрал А.В. Забытов. Переданные им Камчатскому областному краеведческому музею коллекции были нами опубликованы (Пономаренко, 1991). Во время проведения разведок в долине р. Тигиль в 1985 г. нами была зафиксиро-

вана стратиграфия разреза стоянки на мысе Андреевский. В борту раскопа были отмечены сверху вниз: слой дерна мощностью около 10 см, подстилающий его слой бурой гумусированной супеси мощностью около 20 см, перекрывавший стерильный серовато-желтый суглинок.

Стоянка расположена на цокольной террасе высотой около 23 м слева от устья р. Тигиль на Западной Камчатке. Цоколь террасы сложен породами верхнего неогена (Дьяков, 1936).

В комплексе находок со стоянки Мыс Андреевский-1 можно выделить три группы вещей, имеющих значение для определения относительной позиции андреевской культуры во времени.

Одной из групп датирующих находок комплекса со стоянки Мыс Андреевский-1 являются многофасеточные резцы с ретушированными рукоятками. Их наличие в составе комплекса вещей, найденных на стоянке, носит экзогенный характер, уходя своим происхождением в разновременные, от раннего до позднего неолита, культуры Северо-Восточной Азии и Восточной Сибири (Мочанов, 1969; Васильевский, 1973; Диков, 1977; Слободин, 1996; Кирьяк, 2005). Кроме стоянки Мыс Андреевский-1 такие резцы известны на стоянках Палана-аэропорт и Ивашка-17 на Северной Камчатке (Пономаренко, 1985. С. 153; 2000. С. 264). К югу от устья р. Тигиль и п-ва Озерного такие резцы пока не найдены.

Другой категорией комплекса датирующих находок являются призматические нуклеусы и снятые с них правильные ножевидные пластины, которые восходят к ранненеолитическим традициям расщепления призматических нуклеусов, характерных для ранненеолитических культур Камчатки (Пономаренко, 2012) и континентальных культур (Мочанов, 1969; Диков, 1977; 1979).

Третья категория вещей комплекса Мыс Андреевский-1 носит черты, характерные как для камнеобработки раннего, так и развитого неолита Камчатки, а по морфологическим особенностям часть коллекции (ретушеры, наконечники, резцы, строгальные ножи – унифасы, тесла) находит аналоги в материалах стоянок тарьинской культуры развитого неолита Камчатки.

Важной особенностью рассматриваемых в статье комплексов находок является отсутствие керамики.

Андреевская культура была, по-видимому, результатом дивергенции континентальной культуры с многофасеточными резцами и сохраняющейся ранненеолитической техникой расщепления призматических нуклеусов, причем на ее наиболее развитом этапе, когда расщепление выполнялось методом отжима. «Андреевцы», вероятно, вели еще бродячий образ жизни. В культурном слое стоянки следы постоянных жилищ не обнаружены. Часть находок патинизирована в результате выветривания на дневной поверхности. В процессе адаптации к экосистемам Камчатки андреевская культура приобрела эндогенные черты. На финальном этапе раннего неолита начала развиваться техника расщепления аморфных нуклеусов, изготавливались разнообразные, в т.ч. прямоосные, бифасиальные каменные орудия. Освоение залесенной территории способствовало распространению и совершенствованию шлифованных рубящих орудий, позволивших обходиться без керамической посуды, распространенной на сопредельных территориях. Адаптация неолитических культур к экосистемам Камчатки происходила в условиях относительной изоляции от континентальных культур, обусловив тем самым формирование преимущественно эндогенных черт и, в конечном итоге, маргинального характера культуры. На такие особенности формирования древних культур на периферийных, изолированных территориях обратил внимание Л.В. Кольцов (2007), а на Камчатке – Н.Н. Диков (1979. С. 282).

Накопление производственного опыта у древнего населения Камчатки, возникновение и обмен идеями происходили в основном на относительно изолированной территории. Пути распространения керамики и металла пролегали за пределами полуострова. В основе неолитической техники длительный период лежала традиционная техника обработки традиционных материалов: камня, кости, рога, дерева, растительных волокон и т.д.

Вывод В.И. Рубана (1980. С. 55) о том, что стоянка Мыс Андреевский-1 занимает место между ушковской ранненеолитической культурой и развитым неолитом Камчатки

нам представляется в целом обоснованным. Вместе с тем полученные нами новые данные по раннему неолиту Камчатки и анализ морфологических особенностей комплекса орудий с мыса Андреевский позволяют отнести андреевскую культуру к финальному этапу выделенного нами 1200-летнего переходного периода. По совокупности морфологических признаков андреевская культура стоит ближе к тарьинской культуре развитого неолита Камчатки, хотя еще сохраняет ранненеолитические традиции расщепления призматических нуклеусов. Проникшая с континента традиция изготовления многофасеточных резцов, по-видимому, была утрачена в процессе адаптации к экосистеме Камчатки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильевский Р.С. Древние культуры тихоокеанского севера. Новосибирск: Наука, 1973. 267 с.

Диков Н.Н. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы. М.: Наука, 1977. 391 с.

Диков Н.Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии. М.: Наука, 1979. 352с.

Дикова Т.М. Археология Южной Камчатки в связи с проблемой расселения айнов. М.: Наука, 1983. 231с.

Дьяков Б.Ф. Геологические исследования на западном берегу полуострова Камчатка. Тигильский район. М.; Л., 1936. 219 с.

Кирьяк М.А. Каменный век Чукотки. Магадан: Кордис, 2005. 254 с.

Кольцов Л.В. Варианты адаптации в мезолите Ирландии // Своеобразие и особенности адаптации культур лесной зоны Северной Евразии в финальном плейстоцене – раннем голоцене. М.: ИА РАН, 2007. С. 149–162.

Мочанов Ю.А. Многослойная стоянка Белькачи-1 и периодизация каменного века Якутии. М.: Наука, 1969. 253 с.

Пономаренко А.К. Древняя культура ительменов Восточной Камчатки. М.: Наука, 1985. 216 с.

Пономаренко А.К. Археологические памятники долины р. Тигиль и ее притоков – рек Напана и Кульки // Краеведческие записки Камчатского областного краеведческого музея. Вып. 7. Петропавловск-Камчатский: Камчатское отд-ние Дальневост. книж. изд-ва, 1991. С. 16–44.

Пономаренко А.К. Древняя культура ительменов Камчатки. Петропавловск-Камчатский: Оперативная полиграфия, 2000. 312 с.

Пономаренко А.К. К вопросу о периодизации древних культур Северной Камчатки // Горизонты тихоокеанской археологии. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2011. С. 171–183. (Тихоокеанская археология; Вып. 20).

Пономаренко А.К. Раннеголоценовые культуры Камчатки // Юбилей лидера. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2012. С. 9–73. (Тихоокеанская археология; Вып. 23).

Пономаренко А.К., Базанова Л.И., Брайцева О.А., Мелекесцев И.В. Новая ранненеолитическая стоянка в долине р. Авача на Камчатке // Краеведческие записки Камчатского областного краеведческого музея. Вып. 12. Петропавловск-Камчатский: Оперативная полиграфия, 2002. С. 142–164.

Рубан В.И. Предварительные результаты археологической разведки на западном побережье Камчатки // Новые археологические памятники севера Дальнего Востока. Магадан: СВКНИИ ДВНЦ АН СССР, 1979. С. 107–129.

Рубан В.И. О корреляции древних стоянок западного побережья Камчатки // Новейшие данные по археологии севера Дальнего Востока. Магадан: СВКНИИ ДВНЦ АН СССР, 1980. С. 51–55.

Слободин С.Б. Стоянки каменного века Оханджийского археологического района (Верхняя Колыма) // Археологические исследования на севере Дальнего Востока. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1996. С. 77–115.

КЕРАМИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ЗАПАДНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ: ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ

© 2014 г. И.И. Разгильдеева[1], О.В. Яншина[2]

[1]Забайкальский государственный университет, Чита (labpaleo@yandex.ru)
[2]Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН, Санкт-Петербург (oyanshina@mail.ru)

Ключевые слова: археология, Забайкалье, многослойные поселения Студёное-1, Усть-Менза-1, древнейшая керамика, радиоуглеродный анализ, нагар, ^{14}С-даты.

Резюме. В статье публикуются новые радиоуглеродные даты, полученные по нагару с керамики из двух наиболее известных многослойных памятников Западного Забайкалья – Студёное-1 и Усть-Менза-1. Керамика на датирование отбиралась из коллекций культурных горизонтов 9Г и 8 поселения Студёное-1 и культурного горизонта 8 поселения Усть-Менза-1, хронология которых до сих пор оставалась под вопросом. Вновь полученные даты свидетельствуют о финально-плейстоценовом возрасте этих горизонтов, в т.ч. и содержащейся в них керамической посуды. Результаты сопоставления материалов поселений Усть-Менза-1, Студёное-1 и Усть-Каренга-12 – третьего из известных памятников с финальноплейстоценовой керамикой в Забайкалье – позволяют считать, что керамика всех трех памятников принадлежит к единой технологической традиции.

Вопросы хронологии зарождения древнейших керамических технологий являются в настоящий момент наиболее дискуссионными в археологии. Проблема возраста древних керамических комплексов Западного Забайкалья обозначилась еще в конце 1970-х – начале 1980-х гг., когда в ходе раскопок многослойных памятников Студёное-1 и Усть-Менза-1 в общем контексте с мезолитическими каменными индустриями были обнаружены фрагменты керамических сосудов. Находки последних и послужили основанием для определения принадлежности культурных комплексов и содержащих их горизонтов к эпохе раннего неолита. Данное положение вписывалось на тот момент в систему археологической периодизации и в принятую тогда в геологии схему формирования отложений речных надпойменных террас.

Оба поселения связаны с отложениями первых надпойменных террас рек Чикой (Студёное-1) и Менза (Усть-Менза-1) (Красночикойский р-н, Забайкальский край). Территории, где располагались поселения, были адаптивно привлекательны для древнего населения. Памятники отличаются многослойностью и содержат выразительные остатки жилищно-хозяйственных комплексов от палеолита до эпохи бронзы. Исследования проводились на широких площадях, что позволило вскрыть на каждом из них значительную часть удобных для обитания площадок (Константинов М.В., 1994; Константинов А.В., 2001). Стратиграфические разрезы показали эволюцию формирования отложений террас, в основной части представленных аллювием, внутри которого выделялись пачки тонких гумусированных прослоек мощностью 0,5–10,0 см. Их формирование относили к голоценовому времени. Связанные с прослойками археологические материалы датировали периодом раннего неолита (Геология и культура…,1982. С. 46, 66). При этом черные гумусированные прослойки стали рассматриваться как маркирующее явление – свидетельство активного процесса почвообразования в периоды потеплений внутри эпохи голоцена.

Полученные в 1980-х гг. радиоуглеродные даты неожиданно для исследователей показали сартанский возраст этих отложений и

соответственно удревнили возраст раннекерамических комплексов. Это привело к диссонансу внутри сформировавшейся научной парадигмы (Константинов М.В., 1994. С. 85, 105). Ввиду крайней бедности в археологических комплексах органических остатков, выполнить дополнительное датирование на основе ^{14}C на тот момент не представлялось возможным. Возник своего рода парадокс. Археологические коллекции Студёного-1 (гор. 8–9) и Усть-Мензы-1 (гор. 8) содержали остатки глиняных сосудов и данные по радиоуглероду превращали их в древнейшую на тот момент керамику не только в Забайкалье, но и в Сибири. В результате сложилось мнение о некорректности дат и системной ошибке, причину которой выявить не удавалось (Там же; Константинов М.В., 2009).

В 2005–2007 гг. были выполнены комплексные исследования по отложениям разрезов опорных памятников Студёновского и Усть-Мензинского геоархеологических районов. Реконструкция палеоклиматов на основе детального палинологического анализа показала наличие теплого (голоценового спектра) только в слоях современной почвы. Графическое объединение данных по стратиграфическим разрезам всей площади вскрытия Студёного-1 (1974–2004 гг.) позволило уточнить строение первой террасы р. Чикой. Данные исследования актуализировали вопросы: генезиса черных прослоек в финально-плейстоценовое время; возраста, связанных с ними древних керамических комплексов; корректности полученных радиоуглеродных дат по «голоценовым горизонтам» (Разгильдеева, Решетова, Попов, 2008).

Развитие методов AMS-датирования с минимальным требованием к размеру образца позволило вернуться к решению указанной проблемы. В 2010 г. были отобраны для датирования образцы нагара с фрагментов древнейших керамических сосудов, найденных в горизонтах 8 и 9Г поселений Студёное-1 и Усть-Менза-1. Датирование проводилось в лаборатории Токийского университета (см. *таблицу*).

Результаты ^{14}C-датирования керамики с поселений Студёное-1 и Усть-Менза-1 (2012 год)

Памятник	Образец	^{14}C age	Код	δ13C (‰)	δ15N (‰)	C/N	Cal, BC** (±2 δ)
Студёное-1, сл. 9Г	ВНП	11 960±80	TKa-15554	–25,1	7,5	6,4	12 056–11 714 BC (1)
Студёное-1, сл. 8	ВШП	11 570±60	MTC-16734	–30,4*	–	–	11 512–11 368 BC (1)
Студёное-1, сл. 8	В	11 600±60	MTC-16735	–22,6*	–	–	11 669–11 353 BC (1)
Студёное-1, сл. 8	ВНП	11 730±60	MTC-16736	–24,6*	–	–	11 784–11 477 BC (1)
Студёное-1, сл. 9Г	ВНП	11 600±60	MTC-16737	–27,9*	–	–	11 669–11 353 BC (1)
Усть-Менза-1, сл. 8	ВНП	11 550±50	MTC-16738	–21,3*	–	–	11 571–11 322 BC (1)

*No.2-6, δ13C; measured AMS.

**Калибровка производилась в программе Calib Rev 5.0.1 (Stuiver, Reimer, 1993).

Условные обозначения к таблице: ВНП – внутренняя поверхность; ВШП – внешняя поверхность; В – венчик.

Полученные даты хорошо соотносятся друг с другом. В то же время нельзя не отметить, что они выглядят несколько удревненными по сравнению с уже имеющимися датами горизонтов 8 и 9 поселений Студеное-1 и Усть-Мензa-1 (Константинов М.В., 1994. С. 85. Табл. 15) и коррелируются скорее с датами нижележащих горизонтов. Это обстоятельство может быть вполне закономерным, поскольку соотносится с представлениями о более древнем возрасте дат по нагару по сравнению с датами по углю (Fischer, Heinemeier, 2003; Cook et al., 2001; Вагнер, 2006). С учетом изложенного, сравнение новых данных с полученными ранее позволяет сделать вывод, что реальный возраст продатированных сосудов Усть-Мензы-1 и Студёного-1 находится в интервале 10–11 тыс. лет до н.э. (Разгильдеева, Куникита, Яншина, 2014).

Столь ранний возраст керамической посуды, считавшейся раннеголоценовой, закономерно поднимает вопрос о соответствии ему ее технико-технологических и морфологических показателей. Результаты комплексного анализа показали, что все продатированные сосуды Студёного-1, Усть-Мензы-1, как и сосуды, найденные в одних с ними культурных горизонтах, близки между собой и представляют одну керамическую традицию. Ближайшие аналоги ее могут быть найдены в материалах стоянки в устье р. Каренги, наиболее ранние керамические комплексы которой датируются концом плейстоцена – 12,2–10,2 тыс. лет до н.э. (Kuzmin, Vetrov, 2007). При этом керамическую посуду всех трех памятников объединяет целый ряд показателей как технологического, так и стилистического характера (Разгильдеева, Куникита, Яншина, 2014). Признаки, разделяющие керамику памятников чикойского бассейна и Усть-Каренги, в основном касаются степени развития керамической технологии: чикойская посуда выглядит гораздо менее развитой на фоне усть-каренгской.

Таким образом, полученные новые радиоуглеродные даты по керамике поселений Студёное-1 и Усть-Мензa-1 согласуются не только с современными стратиграфическими и палинологическими данными, свидетельствующими о финальноплейстоценовом возрасте указанных горизонтов, но и с результатами морфотипологического анализа самой керамики, указывающими на возможное существование в Западном Забайкалье в конце плейстоцена керамической традиции со сходным набором специфических признаков.

Благодарности. Авторы выражают глубокую признательность М.В. Константинову, Л.В. Екимовой (Семиной) за предоставленную возможность работы с коллекциями, Х. Като, Д. Куникита, И.Я. Шевкомуду за помощь в организации и выполнении радиоуглеродного датирования образцов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вагнер Г.А. Научные методы датирования в геологии, археологии и истории. М.: Техносфера, 2006. 534 с.

Геология и культура древних поселений Западного Забайкалья: к XI конгрессу INQUA (Москва, 1982). Новосибирск: Наука, 1982. 161 с.

Константинов А.В. Древние жилища Забайкалья: (Палеолит, мезолит). Новосибирск: Наука, 2001. 224 с.

Константинов М.В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии: К Всемирному археологическому интерконгрессу (Забайкалье, 1996). Улан-Удэ; Чита: Ин-т обществ. наук БНЦ СО РАН; Чит. пед. ин-т, 1994. 163 с.

Константинов М.В. «И опыт, сын ошибок трудных» (проблемы определения возраста древних поселений Забайкалья) // Древнее Забайкалье: культура и природа: Сб. ст. Чита: ЗабГГПУ, 2009. С. 35–42.

Разгильдеева И.И., Куникита Дай, Яншина О.В. Новые данные о возрасте древнейших керамических комплексов Западного Забайкалья // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Фундаментальные проблемы формирования разнообразия палеосреды и палеокультур Евразии. Смена парадигм: материалы 2-й Всерос. науч. конф. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. С. 168–179.

Разгильдеева И.И., Решетова С.А., Попов В.Б. Новые данные исследований поселения Студёное-1 (к вопросу о возрасте культурных горизонтов) // Проблемы биологической и культурной адаптации человеческих популяций. Т. 1: Археология. Адаптационные стратегии древнего населения Северной Евразии: сырье и приемы обработки. СПб.: Наука, 2008. С. 23–36.

Cook G.T., Bonsall C., Hedges R.E.M., McSweeney K., Boronean V., Pettitt P.B. A Freshwater diet-derived ^{14}C reservoir effect at the Stone Age sites in the Iron Gates Gorge // Radiocarbon. 2001. № 43 (2A). P. 453–460.

Fischer A., Heinemeier J. Freshwater reservoir effect in ^{14}C dates of food residue on pottery // Radiocarbon. 2003. №45 (3). P. 449–466.

Kuzmin Y., Vetrov V. The earliest Neolithic complex in Siberia: the Ust'-Karenga-12 site and its significance for the Neolithization process in Eurasia // Documenta Praehistorica. 2007. № 24. P. 9–20.

Stuiver M., Reimer J. Extended ^{14}C data base and revised CALIB 3.0 ^{14}C age calibration program // Radiocarbon. 1993. № 35. P. 215–230.

КОСТЯНАЯ ИНДУСТРИЯ МЕЗОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНОК ГОРБУНОВСКОГО ТОРФЯНИКА[1]

© 2014 г. С.Н. Савченко[1], М.Г. Жилин[2]

[1]*Свердловский областной краеведческий музей, Екатеринбург*
(sv-sav@yandex.ru)
[2]*Институт археологии РАН, Москва*
(mizhilin@yandex.ru)

Ключевые слова: мезолит, костяная индустрия, Горбуновский торфяник.

Резюме. Раскопки торфяниковых стоянок Береговая I и II дали изделия из кости и рога разных периодов мезолита, благодаря чему удалось наметить эволюцию костяной индустрии. Основные функциональные группы орудий и технологические приемы, появившись в раннем мезолите, бытуют в среднем и позднем мезолите. Многие морфологические типы изделий существуют на протяжении нескольких этапов мезолита; есть орудия, бытовавшие с раннего мезолита до раннего неолита.

Первые случайные находки костяных изделий мезолитического облика на Горбуновском торфянике относятся к 1970–1980-м гг. У северо-восточного берега торфяника, между стоянками Береговая I и III найден наконечник гарпуна с клювовидными зубцами и с обратным зубцом на насаде. Игловидный наконечник стрелы найден при чистке канавы в северо-западной части торфяника (Халяев, 1990).

В 2008–2013 гг. авторами открыты и исследованы многослойные стоянки Береговая I и II, являющиеся торфяниковыми частями одноименных памятников, расположенных на коренном берегу. Раскопки дали изделия из кости и рога разных периодов мезолита. Стало возможным сравнить комплексы раннего, среднего, позднего мезолита и раннего неолита, проследить черты костяной индустрии, характерные для данного микрорайона.

Подавляющее большинство предметов (108) происходит с торфяниковой стоянки Береговая II. Согласно спорово-пыльцевому анализу и радиоуглеродным датам, здесь имеются культурные слои раннего, среднего, позднего мезолита, раннего неолита и энеолита, разделенные стерильными прослойками. На торфяниковой стоянке Береговая I единичные костяные изделия найдены в раннемезолитическом (V) и среднемезолитическом (IV) культурных слоях, для которых получены радиоуглеродные даты 9 590±70 и 9 320±60 л.н. и, соответственно, 8 940±30 л.н.

К раннему мезолиту относятся 23 предмета. Охотничье вооружение представлено коротким игловидным наконечником стрелы с расширенным уплощенным острием (рис. 1, *1*), обломком плоского однолезвийного вкладышевого ножа (рис. 1, *4*) и заготовкой изогнутого кинжала из расщепленного отростка рога (рис. 2, *13*). Для добычи рыбы

1 Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 14-21-17003.

и охоты на водных животных использовали гарпуны с костяными однорядными наконечниками с зубцами клювовидной формы и выемкой на насаде (см. рис. 1, *2, 3, 8, 10*). Найден небольшой рыболовный крючок (см. рис. 1, *7*), сделанный из стенки трубчатой кости.

Производственно-бытовой инвентарь представлен рукояткой бокового скребка или скобеля (см. рис. 1, *12*), сделанной из ребра, и орудием из нижней челюсти бобра (рис. 2, *12*). Широкие ножи из лопаток (см. рис. 1, *11*) использовали в качестве стругов по дереву или для обработки шкур. Найдены клинки прямого ножа с тупыми краями и закругленным концом (см. рис. 1, *5*) и изогнутого однолезвийного ножа (рис. 2, *10*), служившие для обработки растительных волокнистых материалов.

Многочисленны (68 ед.) артефакты из кости и рога среднего мезолита. Наконечники стрел представлены обломком массивного игловидного наконечника (см. рис. 1, *9*), узким плоским асимметричным наконечником с длинным пазом и сохранившимися микропластинами (рис. 2, *9*). Последний переделан из обломка верхней половины такого же орудия. Уникальна находка так называемого «клада» – связки, содержавшей 10 двукрылых наконечников (рис. 2, *1, 2*) и заготовку узкого плоского асимметричного вкладышевого (рис. 2, *3*) (Жилин, Савченко, 2010).

Охотничьи кинжалы и ножи представлены лезвием узкого кинжала-стилета (рис. 2, *14*), обломком вкладышевого прямого однолезвийного ножа, фрагментами плоских изогнутых ножей с одним пазом (рис. 2, *15*).

Появляются наконечники гарпунов с обратным зубцом на насаде.

Набор бытовых орудий и инструментов весьма разнообразен. Сохраняются категории и типы орудий предыдущего периода и появляются новые. Серией представлены орудия из нижних челюстей бобра, струг по дереву из верхнего резца бобра (рис. 2, *11*). Найдены шилья из грифельных костей и обломка плоской кости. Встречены широкие ножи из лопаток. Для обработки шкур или растительных волокон служили ножи, изготовленные из края лопатки или трубчатых костей животных.

Артефакты позднего мезолита составляют 19 предметов. Вооружение представлено обломком массивного колющего кинжала с тупыми краями и тремя наконечниками стрел – двукрылым наконечником с узким пером ромбического сечения, коротким стержнем и клиновидным насадом (рис. 2, *4*); однокрылым с трехгранным пером, коротким стержнем и уплощенно-коническим асимметричным насадом с нарезками на краях и ребре дорсальной поверхности (рис. 2, *5*). Имеется наконечник с утолщенной биконической головкой и биконическим утолщением на стержне (рис. 2, *6*).

Два длинных однорядных наконечника гарпунов с редкими зубцами клювовидной формы и выемкой на насаде (рис. 2, *7*) найдены рядом с настилом, проложенным через заболоченную полосу берега к озеру. Вероятно, наконечники были помещены здесь преднамеренно.

Из бытовых орудий продолжают использоваться орудия из челюстей бобра, широкие ножи из лопаток, шилья из грифельных костей. Найден двуручный струг для обработки шкур из трубчатой кости.

Следует отметить стилизованное изображение головы зверя из отростка рога лося нестандартной формы (рис. 2, *8*).

Технология изготовления костяного инвентаря установлена по обломкам заготовок (см. рис. 1, *6*) и при анализе поверхности изделий с помощью микроскопа. Все основные приемы обработки кости и рога – оббивка, скобление, строгание, шлифовка, пиление, рубка и отеска каменным рубящим орудием, прорезание пазов резцом и резчиком, сверление, полировка фиксируются на рассматриваемой территории с раннего мезолита. Как сырье используются трубчатые кости, лопатки, ребра, рога лося, челюсти и резцы бобра, грифельные кости. Трубчатые кости продольно разрезали на пластины-заготовки. Рог надрубался до губчатой массы и обламывался. Основными приемами черновой обработки были оббивка, скобление, строгание, иногда шлифовка. После придания заготовке общей формы, строганием, пилением, резанием оформляли детали. Завершающими приемами обработки были чистовое строгание, тонкая шлифовка и, иногда, полировка.

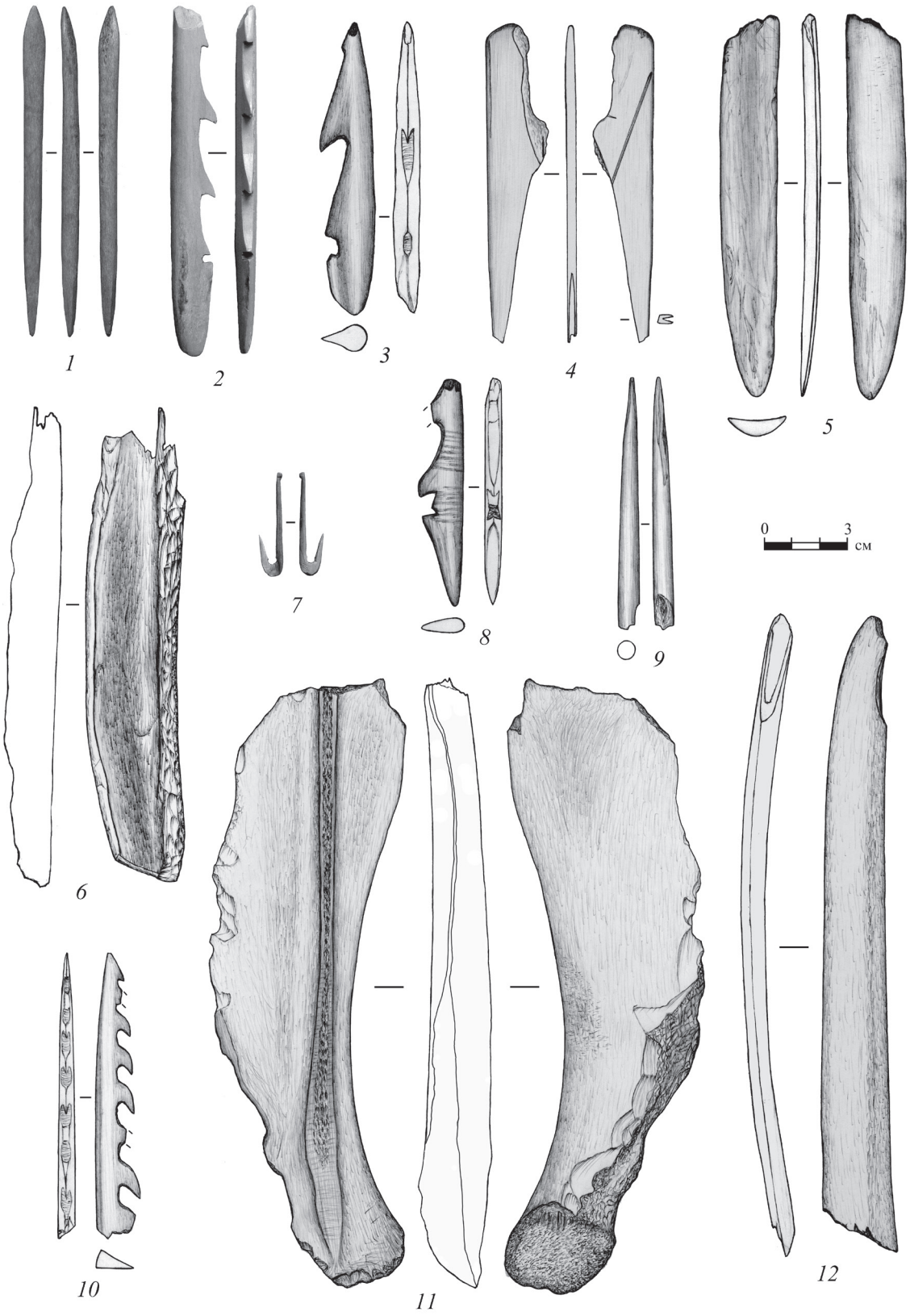


Рис. 1. Изделия из кости с торфяниковых стоянок Береговая I и II.
1, 9 – наконечники стрел; *2, 3, 8, 10* – наконечники гарпунов; *4, 5* – ножи; *6* – заготовка; *7* – рыболовный крючок; *11* – широкий нож из лопатки; *12* – рукоятка.
1–8, 10–12 – ранний мезолит; *9* – средний мезолит.
1 – торфяниковая стоянка Береговая I, культурный слой V; *2–8, 10–12* – торфяниковая стоянка Береговая II, культурный слой V; *9* – она же, культурный слой IV.

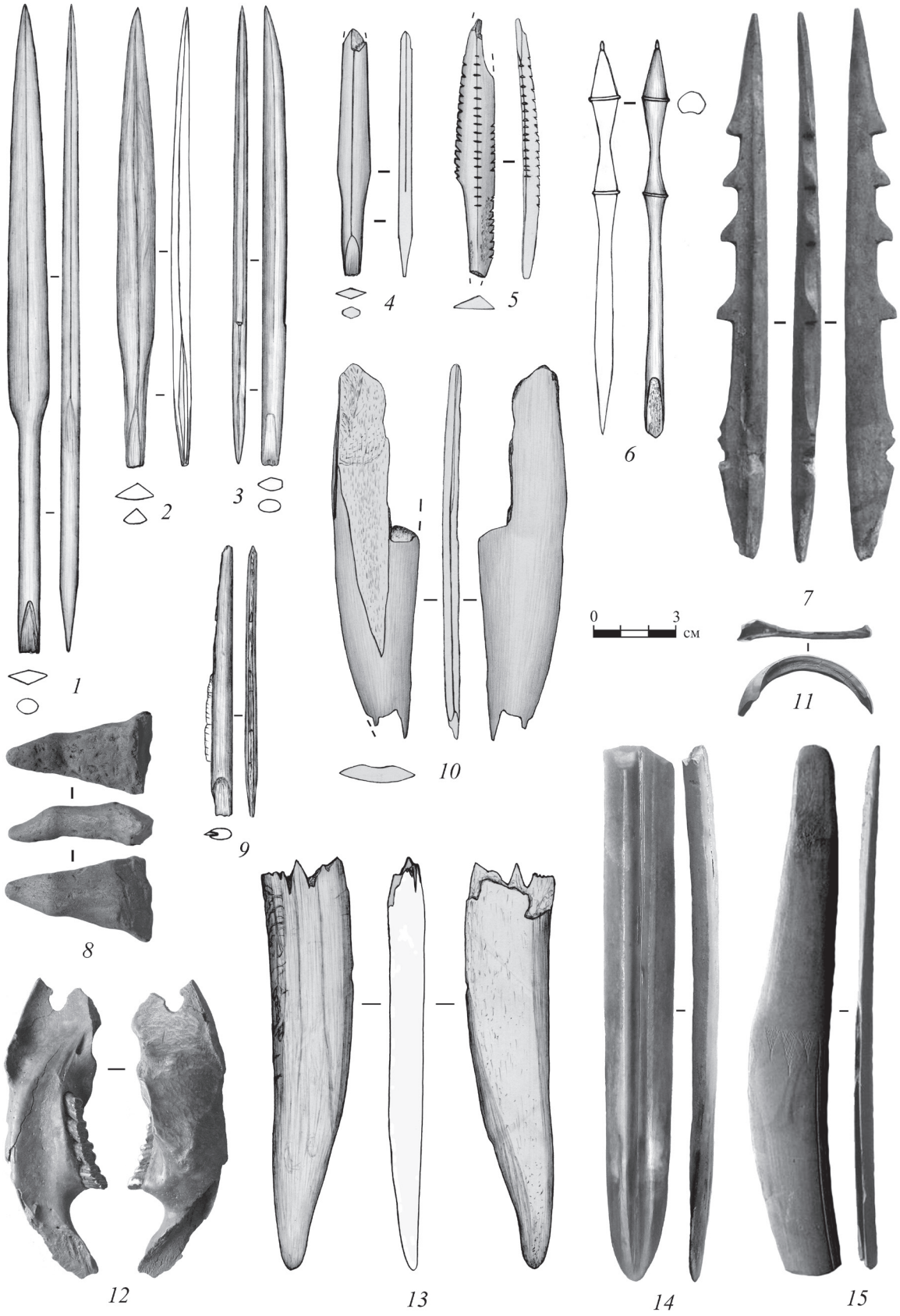


Рис. 2. Изделия из кости и рога с торфяниковой стоянки Береговая II.
1–6, 9 – наконечники стрел; *7* – наконечник гарпуна; *8* – скульптурное изображение; *10, 15* – ножи; *11* – струг; *12* – орудие из челюсти бобра; *13* – заготовка кинжала; *14* – кинжал.
10, 12, 13 – ранний мезолит, культурный слой V; *1–3, 9, 11, 14, 15* – средний мезолит, культурный слой IV; *4–8* – поздний мезолит, культурный слой III.

Необходимо отметить высокую степень преемственности костяной индустрии Горбуновских стоянок на всех хронологических этапах мезолита. Наблюдается большое сходство техники производства орудий во всех изученных мезолитических слоях памятников. Основные функциональные группы орудий, появившись в раннем мезолите, бытуют на протяжении всего мезолита. Многие морфологические типы изделий существуют на протяжении нескольких этапов мезолита, есть серия орудий, бытовавших с раннего мезолита до раннего неолита, например, орудия из нижних челюстей бобра и широкие ножи из лопаток. В среднемезолитическом (IV) и позднемезолитическом (III) культурных слоях торфяниковой стоянки Береговая II встречены шилья из грифельных костей и колющие кинжалы-стилеты с тупыми краями. В слоях V и IV однотипные прямые плоские цельные ножи с закругленным концом и тупыми краями, использовавшиеся для обработки растительных материалов, а также прямые плоские вкладышевые ножи с одним пазом.

В культурных слоях всех периодов мезолита встречены наконечники гарпунов. Раннемезолитические наконечники многозубчатые (в одном случае с двумя зубцами), короткие или средней длины, с выемкой на насаде. В среднем мезолите появляются наконечники с обратным зубцом на насаде, в том числе, вероятно с одним зубцом на пере. Наконечники позднемезолитического слоя многозубчатые длинные с выемкой на насаде.

Большинство изделий имеет аналогии в материалах Восточной Европы и Урала не только по морфологическим показателям, но и по технологии изготовления (Жилин, 2001; Жилин и др., 2012; Савченко, 2014). Встречены специфические уральские типы, не имеющие аналогий на других территориях. Это узкие плоские асимметричные наконечники стрел с длинным пазом (рис. 2, *3, 9*) и плоские изогнутые ножи с пазом на выпуклом крае (рис. 2, *15*), представленные в среднемезолитическом культурном слое торфяниковой стоянки Береговая II. Есть ярко выраженные индивидуальные вещи: однокрылый наконечник стрелы с нарезками по краям (рис. 2, *5*) и стилизованное изображение головы зверя из отростка рога (рис. 2, *8*) из позднемезолитического культурного слоя.

С раскопками этих стоянок впервые стало возможно показать развитие костяной индустрии мезолита и раннего неолита Среднего Зауралья. Дальнейшие исследования дополнят намеченную картину.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Жилин М.Г. Костяная индустрия лесной зоны Восточной Европы. М.: УРСС, 2001. 328 с.

Жилин М.Г., Савченко С.Н. «Клад» костяных наконечников стрел со стоянки Вторая Береговая в Среднем Зауралье // Исследования первобытной археологии Евразии / Отв. ред. О.М. Давудов. Махачкала, 2010. С. 302–315.

Жилин М.Г., Савченко С.Н., Сериков Ю.Б., Косинская Л.Л., Косинцев П.А. Мезолитические памятники Кокшаровского торфяника. М., 2012. 216 с.

Савченко С.Н. Преемственность и инновации в развитии костяной индустрии мезолита горнолесного Зауралья // Stratum plus. 2014. № 1. С. 181–208.

Халяев П.К. Отчет об археологических исследованиях памятников на Горбуновском торфянике близ города Нижнего Тагила в 1990 г. // Архив ИА РАН. 1990. Р-1. № 15299.

ЭВОЛЮЦИЯ ПРОСЯНОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ И НА ЕЕ ПЕРИФЕРИИ В НЕОЛИТЕ ПО ДАННЫМ АРХЕОБОТАНИКИ[1]

© 2014 г. Е.А. Сергушева

Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН, Владивосток (lenaserg@front.ru)

Ключевые слова: северокитайский центр происхождения земледелия, распространение просяного земледелия, периферия, эволюция, миграция.

Резюме. Возникновение просяного земледелия в Северном Китае ранее 9000 кал. л.н. явилось итогом многотысячелетнего использования и культивации растений. После своего появления земледелие в этом регионе еще длительное время оставалось одним из компонентов палеоэкономик смешанного типа. В таком качестве оно распространялось в периферийные области – Северо-Восточный Китай, Корею, Дальний Восток России, Японию. При этом в некоторых районах просяное земледелие эволюционировало на местной культурной основе, постепенно становясь ведущим компонентом экономики. Так произошло, например, в Северном Китае, на юге Внутренней Монголии. В других регионах (Корея, Япония) земледелие превращалось в основу экономики только после притока нового населения, практиковавшего земледелие в значительных объемах.

Территория Китая является ключевой для изучения происхождения и распространения земледелия в Восточной Азии (Underhill, 1997; Crawford, 1992; 2006; Cohen, 2011; Bar-Yosef, 2011; и др.). Земледелие возникло здесь также рано, как и в Передней Азии, в двух субцентрах. В первом – северокитайском (долина р. Хуанхэ) появилось суходольное земледелие на основе выращивания двух видов проса (обыкновенное и итальянское), во втором – южнокитайском (долина р. Янцзы) возникло заливное рисосеяние.

Просяное земледелие, появившись в Северном Китае ранее 9000 кал. л.н., долгое время оставалось одним из компонентов палеоэкономик смешанного типа, в которых в разных соотношениях присутствовали различные элементы присваивающего и производящего хозяйства. Навыки земледелия постепенно распространялись, и к 8000 кал. л.н. ареал земледелия заметно расширился. Остатки культурного проса (обыкновенного и итальянского) зафиксированы на юге Внутренней Монголии – памятник Синлунгоу (8 100–7 200 кал. л.н.), на западе Лессового плато (пров. Ганьсу) – памятник Дадивань (7 900–7 200 кал. л.н.) (Zhao, 2011; Barton et al., 2009), в нижнем течении р. Хуанхэ – памятник Юэчжуан (археологическая культура хоули) (8 000–7 700 кал. л.н.) (Крауфорд и др., 2013). Памятники культуры яншао (7 000–4 900 кал. л.н.), на которых проводились археоботанические изыскания, демонстрируют обилие растительных остатков с многократным преобладанием двух видов культурного проса при небольшом количестве риса. Уже на ранних этапах яншао археоботанические данные подтверждают ведущую роль просяного земледелия в получении пищи (Zhao, 2011. P. 302). В это время в Северном Китае вклад растительной пищи с изотопом С-4 (просо) в человеческие диеты увеличился, и просо превратилось в основу питания не только человека, но и его домашних животных (собак, свиней и, возможно, кур) (Pechenkina et al., 2005). К позднему яншао увеличилось число культурных растений Северного Китая (два вида проса, рис, соя) (см. сводку Lee et al., 2011). По самым приблизительным подсчетам превращение просяного земледелия в

1 Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 13-06-12027.

основу хозяйства Северного Китая заняло не менее 3 тыс. лет.

Распространение просяного земледелия на северо-восток Китая документировано слабо, т.к. археоботанические методы пока не получили распространения в археологии региона. Остатков культурных растений на неолитических памятниках найдено мало, и все они тяготеют к южным, археологически наиболее исследованным районам. Самые ранние остатки культурного проса (два вида) обнаружены на уже упомянутом памятнике Синлунгоу (верховья р. Ляохэ) в отложениях раннеолитической культуры синлунва. Они имеют дату в интервале 7 670–7 610 кал. л.н. По мнению исследователей, материалы памятника демонстрируют переход от присваивающей к производящей экономике, при сохранении значительной роли охоты и собирательства дикорастущих растений (Zhao, 2011. P. 301).

Просяное земледелие сохранялось в этом регионе в последующих культурах чжаобаогоу (7 800–7 400 кал. л.н.) и хуншань (7 000–5 000 кал. л.н.). Но культурные растения обнаружены лишь на единичных памятниках культуры хуншань: Чжичжушань (Алкин, 2007. С. 77) и Синлунгоу (6 200–5 900 кал. л.н.) (Жао, 2005. С. 150). Данные археологии свидетельствуют о росте земледельческого производства, увеличении численности и плотности населения позднего хуншань (Алкин, 2000. С. 11). Культовые сооружения, возводившиеся в этот период, демонстрируют относительно высокий уровень развития хуншанского общества, а его развитая материальная культура имеет признаки выделения некоторых видов ремесел и социальной стратификации (Чжао, 2003. С. 219–256). К этому времени земледелие, по-видимому, стало основой хозяйства хуншанского общества.

На Корейский полуостров земледелие попало со смежной территории Маньчжурии (провинция Ляонин). Оно было адаптировано населением полуострова как компонент смешанной экономики (Crawford, Lee, 2003; Ahn, 2010. P. 90; Norton, 2007. P. 139–141; Cho, 2012). Самые ранние даты (5 500–5 000 кал. л.н.) имеют семена культурного проса из средненеолитических отложений поселения Тонсамдон (южное побережье Южной Кореи) (Crawford, Lee, 2003). В северной части полуострова земледелие должно было появиться еще раньше: в конце раннего неолита или при переходе к среднему неолиту (ок. 6 000 кал. л.н. или ранее). Но археологические и археоботанические данные, которые могли бы подтвердить это (памятники Осанни, Читамни, Масанни), не имеют надежных датировок (Norton, 2007. P. 139–140). Как компонент экономик смешанного типа просяное земледелие в среднем и позднем неолите Кореи было важным для населения во всех районах пригодных для этой деятельности. Об этом свидетельствуют находки проса на континентальных памятниках востока, запада, юга полуострова и морского побережья (памятник Мунам-ри (Cho, 2012)). Но лишь с появлением нового населения в начале эпохи бронзы (ок. 3 500 л.н.) земледелие превращается в Корее в ведущий элемент хозяйства. В это время среди культурных растений кроме двух видов проса присутствуют рис, голозерный ячмень, мягкая пшеница, соя и фасоль адзуки (Lee et al., 2011).

Просяное земледелие на юге Дальнего Востока России (Приморье) появляется в позднем неолите. Самые ранние находки зерновок проса обыкновенного зафиксированы на раннем этапе зайсановской культурной традиции и имеют дату 5 600–5 450 кал. л.н. (Krounovka 1 site, 2004. P. 54). Его появление связывают с миграцией носителей этой культурной традиции с территорий Северо-Восточного Китая во время климатических изменений на рубеже атлантического и суббореального периодов голоцена (Вострецов и др., 2003. С. 377). Археоботанические исследования показывают, что просяное земледелие являлось обязательным, но не главным компонентом систем жизнеобеспечения зайсановцев (Сергушева, 2008; 2013). Главным культурным растением было, вероятно, просо обыкновенное. Во всяком случае, именно его семена обнаружены практически на всех памятниках, где проводился отбор археоботанического материала, в отличие от проса итальянского, находки которого становятся убедительными лишь на позднем этапе зайсановской культурной традиции. На этом же этапе могло происходить увеличение роли земледелия (Сергушева, 2013. С. 160).

Вероятность существования земледелия в неолите Японии (Дзёмон) обсуждается уже много лет. Хотя находки остатков культурных растений известны на ряде неолитических поселений, их характер не позволяет предполагать существование земледелия как сколько-нибудь значимого компонента системы жизнеобеспечения древнего населения архипелага. Среди остатков культурных растений идентифицированы бутылочная тыква, посевная конопля, перила (два вида), фасоль, происхождение которых связано с континентом (Crawford, 2011. P. 333). Ни одно из этих растений не может претендовать на роль основного пищевого. На северо-востоке Японии (преф. Тохоку, о. Хоккайдо) в среднем неолите обнаружены семена растения из рода куриное просо (*Echinochloa Beauv.*). Выявлена тенденция увеличения их размеров почти на 20% за 1500 лет от раннего к среднему Дзёмону. Предполагается, что последующая культивация этого растения из семейства куриное просо привела к происхождению проса японского (*Echinochloa utilis*) (Crawford, 1983; 2006. P. 86).

Население Японских островов в неолите употребляло большое количество растительной пищи (углеводов), что подтверждает частота встречаемости кариеса на зубах костяков дзёмонского времени, соответствующая показателям характерным для земледельческих сообществ (Kobayashi, 2004. P. 87). При этом культурные растения, остатки которых обнаружены на дзёмонских памятниках, являлись ресурсом для получения растительного масла, белка или же были техническим сырьем для производства веревок, тканей, емкостей и т.п., т.е. не были источниками углеводов. Большинство исследователей сходятся во мнении, что роль основного источника углеводной пищи для дзёмонского населения (начальный – средний Дзёмон) играли дикорастущие пищевые растения (желуди, орехи). Лишь на памятниках позднего и финального неолита появляются просо, рис и ячмень, как результат культурных контактов с населением Корейского полуострова. Последующая эволюция земледелия в Японии происходит на фоне распространения культуры Яёй по архипелагу, начавшегося в конце I тыс. до н.э.

Просяное земледелие, достаточно рано возникнув в долине р. Хуанхэ (ранее 9 000 кал. л.н.), длительное время оставалось в этом регионе одним из компонентов палеоэкономик смешанного типа. В таком качестве оно распространялось в периферийные области – Северо-Восточный Китай, Корея, Дальний Восток России, Япония. Последующая эволюция земледелия в этих регионах происходила медленно либо на местной культурной основе (как например, в Северном Китае, Внутренней Монголии), либо на основе притока нового населения (Корея, Япония).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алкин С.В. Две проблемы ранней эволюции неолитических культур Северо-Восточного Китая // 30-я науч. конф. «Общество и государство в Китае» / Сост. и отв. ред. Н.П. Свистунова. М.: Вост. лит., 2000. С. 6–14.

Алкин С.В. Древнейшие культуры Северо-Восточного Китая: Неолит Южной Маньчжурии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. 168 с.

Вострецов Ю.Е., Сергушева Е.А., Комото М., Миямото К., Обата Х. Новые данные о раннем земледелии в Приморье: неолитический комплекс поселения Кроуновка-1 // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии / Отв. ред. А.П. Деревянко. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. С. 373–378.

Жао Чжицзюнь. О новых подходах в вопросах изучения происхождения зерновых в Северном Китае // Археология Северо-Восточной Азии. Мировая археология / Отв. ред. Онуки Киёо. Досэйся, 2005. С. 150–158. (на яп. яз.).

Крауфорд Г.В., Чэнь Сюэсян, Луань Фэнши, Ван Цзяньхуа. Предварительный анализ растительных остатков с памятников Юэчжуан в уезде Чанцин города Цзиань провинции Шаньдун // Цзянхань каогу. 2013. № 2. С. 107–113. (на кит. яз.).

Сергушева Е.А. К вопросу о появлении земледелия на территории Приморья в позднем неолите: археоботанические исследования // OPUS: междисциплинарные исследования в археологии / Отв. ред. А.П. Бужилова. Вып. 6. М.: Параллели, 2008. С. 180–195.

Сергушева Е.А. Динамика земледелия в позднем неолите Приморья по данным археоботаники // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2013. Вып. 4 (23). С. 155–162.

Чжао Биньфу. Археология каменного века Северо-Восточного Китая. Чанчунь: Изд-во Цзилинского ун-та, 2003. 461 с. (на кит. яз.).

Ahn Sung-Mo. The emergence of rice agriculture in Korea: archaeobotanical perspectives // Archaeological and anthropological sciences. 2010. № 2. P. 89–98.

Bar-Yosef O. Climatic fluctuations and early farming in West and East Asia // Current Anthropology. 2011. Vol. 52; Suppl. 4. P. 175–193.

Barton L., Newsome S.D., Chen F.H., Hui W., Guilderson T.P., Bettinger R.L. Agricultural origins and the isotopic identity of domestication in Northern China // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2009. № 106. P. 5523–5528.

Cho Misson. The Munam-ri site in Goseong: Shedding new light on the Neolithic farming // J. of Korean archaeology. 2012. P. 34–42.

Cohen D.J. The beginnings of agriculture in China: a multiregional view // Current Anthropology. 2011. Vol. 52; Suppl. 4. P. 273–293.

Crawford G.W. Palaeoethnobotany of the Kameda peninsula Jomon // Antropological papers. Museum of anthropology, University of Michigan. 1983. № 73.

Crawford G.W. Prehistoric plant domestication in East Asia // The origins of agriculture an international perspective / Eds. C.W. Cowan, P.J. Watson. Washington; L.: Smithsonian Institution Press, 1992. P. 8–38.

Crawford G.W. East Asian Plant Domestication // *Archaeology of Asia* / Ed. Miriam Stark. Blackwell Publishing, 2006. P. 77–95.

Crawford G.W. Advances in Understanding Early Agriculture in Japan // Current Anthropology. 2011. Vol. 52; № S4: «The Origins of Agriculture: New Data, New Ideas». P. 331–345.

Crawford G.W., Lee Gyoung-Ah. Agricultural origins in the Korean Peninsula // Antiquity. 2003. № 77. P. 87–95.

Kobayashi T. Jomon reflections: forager life and culture in the prehistoric Japanese archipelago. Oxbow Books, 2004. 240 p.

Krounovka 1 Site in Primorye, Russia. Report of excavation in 2002 and 2003 // Study of Environmental Change of Early Holocene and the Prehistoric Subsistence System in Far East Asia / Eds. M. Komoto, H. Obata. Kumamoto: Shimoda Print Co. Ltd., 2004.

Lee Gyoung-Ah, Crawford G.W., Liu L., Sasaki Y., Chen X. Archaeological soybean (*Glycine max*) in East Asia: Does size matter? // PLoS ONE. 2011. Vol. 6; Iss. 11.

Norton C.T. Sedentism, territorial circumscription, and the increased use of plant domestication across Neolithic – Bronze Age Korea // Asian perspectives. 2007. Vol. 46; № 1. P. 133–164.

Pechenkina E.A., Ambrose S.H., Ma X., Benfer R.A. Reconstructing northern Chinese Neolithic subsistence practices by isotopic analysis // J. of Archaeological Science. 2005. Vol. 32; Iss. 8. P. 1176–1189.

Underhill A.P. Current issues in Chinese Neolithic archaeology // J. of World Prehistory. 1997. № 11. P. 103–160.

Zhao Z. New archaeobotanic data for the study of the origins of agriculture in China // Current Anthropology. 2011. Vol. 52; Suppl. 4. P. 295–306.

К ВОПРОСУ О СПЕЦИАЛИЗАЦИИ КРЕМНЕОБРАБОТКИ В ТРИПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСЕЛЕНИЯ БОДАКИ)[1]

© 2014 г. Н.Н. Скакун[1], В.В. Терехина[1], Е.В. Цвек[2]

[1]*Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург*
(skakunnatalia@yandex.ru; terehinavera@mail.ru)
[2]*Институт археологии НАН, Киев, Украина*
(tsvek@inbox.ru)

Ключевые слова: Триполье, производственный инвентарь, новые технологии, поселения-мастерские, специализированное кремнеобрабатывающее производство.

Резюме. Результаты исследований производственного инвентаря из трипольского поселения Бодаки свидетельствуют о возникновении в энеолите новых технологий обработки кремня, высоком уровне развития и организации кремнеобрабатывающего производства.

Всестороннее изучение массовых коллекций инструментов и сопутствующих им материалов памятников развитого периода трипольской культуры (времени BII по периодизации Т.С. Пассек) свидетельствует о том, что в этот период в кремнеобрабатывающем производстве произошли существенные изменения (Скакун, 2004; 2005; 2006; Skakun, 1996; Цвек, 2005; Tsvek, Movchan, Skakun, 2012). Они заключались в широком использовании валунного кремня для получения крупных пластин. Лучшие экземпляры этих заготовок имеют прямой или слабоизогнутый профиль, параллельные боковые края с острыми прямыми кромками, треугольное или трапециевидное поперечное сечение, одинаковую толщину по всей длине с незначительным утончением на дистальной части и утолщением на проксимальной. Эти данные указывают на то, что в кремнеобработке этого времени усовершенствовались традиционные и появились новые способы расщепления, позволявшие получать суперправильные пластины, существенно отличавшиеся от изделий более раннего времени с их менее выраженной стандартизацией и неправильностью форм.

Стремление найти качественное кремневое сырье, которое позволяло бы получать крупные заготовки с оптимальными техническими характеристиками, привело к возникновению специализированных поселений-мастерских у его выходов, часто находящихся вдали от центра археологической культуры. Примером является поселение Бодаки, расположенное на самом северо-западе Триполья (Скакун, 2004). По археологическим данным на Западной Украине известно более 20 поселений-мастерских, датированных исследователями эпохами энеолита и ранней бронзы (Конопля, 1982). К сожалению, информация об этих пунктах довольно скудная, большинство из них только отмечены на археологической карте.

Поселение Бодаки является единственным памятником трипольской культуры, где в результате 20 летнего изучения получен уникальный материал, связанный с кремнеобработкой и сырьевой базой кремнепроизводства (Скакун, 2004; 2005. С. 124). Вблизи памятника обнаружено несколько месторождений высококачественного волынского кремня (Скакун, 2004. С. 56). В центральной части поселения в полуземлянке раскопана кремнеобрабатывающая мастерская. Здесь найден

1 Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 13-06-90402.

полный набор изделий, характеризующих производство (свыше 1 500 предметов). Среди них: нуклеусы, отбойники, роговые отжимники-ретушеры, ретушеры на обломках пластин, крупные пластины, их фрагменты, оформленные орудия и большое число отщепов, в т.ч. с галечной коркой. Клиновидные односторонние нуклеусы имеют довольно крупные размеры (20–12 × 15–10 × 8–6 см). Их расщепление, судя по негативам сколов и немногочисленным находкам целых пластин, было направлено исключительно на получение максимально крупной заготовки, длиной не менее 15 см при ширине 1,5–3,0 см. Трасологический анализ показал, что большинство орудий, исключая инструменты, использовавшиеся при обработке кремня, не имели следов утилизации.

К мастерской прилегали две мусорные ямы, заполненные отходами кремнеобработки.

Другим объектом, связанным с кремнеобработкой, являлась открытая рабочая площадка, раскопанная в восточной части поселения. На этом специально выровненном участке обнаружено свыше 2 тыс. кремневых изделий.

В жилых постройках – полуземлянках и наземных жилищах – изделий, связанных с обработкой кремня, найдено гораздо меньше.

Вне памятника у его западной границы, зафиксированы места первичной обработки кремня.

Продукция и отходы кремнеобрабатывающего производства позволяют реконструировать некоторые детали процесса расщепления кремня. Как правило, при выборе желваков предпочтение отдавалось овальным, вытянутым формам. Для достижения желаемых результатов – получения пластин правильных геометрических пропорций применялась хорошо разработанная технология, включающая специальные способы оформления нуклеуса и ребер на нем, обработку плоскости скалывания, подработку ударной площадки, ее подживление после снятия заготовок. Для успешного раскалывания был немаловажен подбор орудий, с помощью которых оно производилось. Экспериментаторы считают, что крупные пластины могли быть получены разными способами, в т.ч. с применением рычага, возможно с медным отжимником (Pelegrin, 2002), не исключается также предварительная термическая обработка кремня. Соблюдение этих приемов обеспечивало возможность получения крупных правильных пластин, высокое качество которых позволяет говорить о том, что их изготовлением занимались квалифицированнее мастера.

В хозяйстве поселения, судя по данным археологического контекста и богатому ассортименту утилизированных орудий из жилых и хозяйственных построек, при очевидном доминировании кремнеобработки, функционировали все отрасли, присущие экономике энеолитического периода. Поселение являлось производственным центром, в то же время его население полностью обеспечивало себя всем необходимым для жизни, в том числе и высококачественными керамическими изделиями местного производства.

Приведенные данные показывают, что в Бодаках первичная обработка кремня производилась вне поселения, расщепление нуклеусов и изготовление орудий – в большой мастерской и на открытой рабочей площадке, в меньшей степени эти работы велись вблизи жилых построек и внутри них.

Находки большого числа орудий, многие из которых не имеют следов утилизации, указывают на то, что целью кремнеобрабатывающего центра в Бодаках являлось изготовление продукции не для внутреннего потребления, а для распространения ее в других регионах Триполья и на территории соседних культур. В современной археологической литературе имеются сведения о находках изделий из волынского кремня в разных областях Украины, в Польше, Венгрии, Румынии и Молдове. Необходимо отметить, что в энеолите и ранней бронзе крупные суперправильные пластины являются характерными изделиями для многих регионов Евразии, в т.ч. для энеолитической культуры Коджадермен – Гумельница – Караново VI в Болгарии, памятниках ранних скотоводов на левобережье Днепра и др. (Скакун, 1984; 1999; 2005; Skakun, 2008).

Раскопки в Бодаках принесли интересные данные, касающиеся производственных культов эпохи энеолита. Так, на полу мастерской было обнаружено пятно охры, обнесенное невысоким глиняным бортиком, в углах ко-

торого были забиты нуклеусы. На рабочей площадке расчищена небольшая обожженная глинобитная вымостка, вблизи которой найдены окрашенные охрой заготовки кремневых орудий. В одной из полуземлянок на полу найден камень, напоминающий своими контурами голову быка, изогнутые пластины из клыков кабана имитировали рога, между которыми были помещены два крупных концевых скребка. Весь «макет» был обильно посыпан охрой. Эти наблюдения свидетельствуют о существовании культов, связанных, вероятно, с кремнеобработкой, что является подтверждением мнения о мифологизации различных сторон жизни у трипольских племен.

Таким образом, уровень развития кремнеобработки, появление кремнеобрабатывающих центров со специализированными мастерскими, где работали профессиональные мастера, широкое распространение продукции позволяют считать, что это производство на развитом этапе трипольской культуры вырастает за рамки домашнего промысла и становится одним из наиболее ярких примеров возникновения ранних форм общинного ремесла.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Конопля В.М. Обробка кременю населенням Західної Волині за доби міді – ранньої бронзи // Археологія. 1982. № 37. С. 17–31.

Скакун Н.Н. Кремнеобрабатывающее производство в эпоху палеометалла в Болгарии // III[rd] Seminar on petroarchaeology. Plovdiv, 27–30 august, 1984, Bulgaria / Eds. K.S. Kunchev, I.K. Nachev, N.T. Tcholakov. Plovdiv, 1984. С. 83–92.

Скакун Н.Н. Прогресс техники в эпоху энеолита на юго-востоке Европы (по материалам земледельческих культур Болгарии) // Археологические вести. 1999. № 6. С. 287–307.

Скакун Н.Н. Предварительные результаты изучения материалов трипольского поселения Бодаки (кремнеобрабатывающие комплексы) // Орудия труда и системы жизнеобеспечения населения Евразии (по материалам эпох палеолита – бронзы) / Отв. ред. Г.Ф. Коробкова. СПб.: Европейский дом, 2004. С. 57–79.

Скакун Н.Н. Бодаки – один из центров кремнеобрабатывающего производства на Волыни // Археологические исследования трипольского поселения Бодаки в 2005 г. Киев; СПб., 2005. С. 64–79.

Скакун Н.Н. Орудия труда и хозяйство древнеземледельческих племен Юго-Восточной Европы в эпоху энеолита (по материалам культуры Варна). СПб.: Нестор-История, 2006. 224 с. (Тр. ИИМК РАН; Т. XXI).

Цвек Е.В. Центры кремневой индустрии племен трипольской общности в Побужье и Поднепровье // Археологические исследования трипольского поселения Бодаки в 2005 г. Киев; СПб., 2005. С. 80–96.

Pelegrin J. La *production* des *grandes lames* de *silex* du *Grand-Prissingy* // *Matériaux, productions* du *Néolithique* à l'*Age* du *Bronze*. *Paris,* 2002. P. 131–147.

Skakun N. Le rôle et l'importance du silex dans le Chalcolithique de sud-est de l'Europe (sur la base du matériel provenant des fouilles du campement de Bodaki) // La Préhistoire au Quotidien. Grenoble: Jérôme Millon, 1996. P. 223–235.

Skakun N. Les grandex lames de silex du mobilier funéraire des proto-éleveurs du sud de l'Europe orientale // Préhistoire, Anthropologie Méditerranéennes. 2008. T. 14. P. 103–118.

Tsvek E.V., Movchan I.I., Skakun N. Eneolithic centers of flint processing on the territory of central Ukraine // Actes de la table-ronde international «L'Europe, déjà, à la fin des temps préhistoriques. Des grandes lames en silex dans toute l'Europe». Tours (Indre-et-Loire, France), 7 September 2007 / Eds. J.-C. Marquet, C. Verjux. Tours, 2012. P. 109–119. (Revue Archéologique du Centre de la France; Suppl. 38).

КУЛЬТУРНЫЙ И ПАЛЕОЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ПОЯВЛЕНИЯ ДРЕВНЕЙШЕЙ КЕРАМИЧЕСКОЙ ПОСУДЫ НА ВОСТОКЕ ЕВРАЗИИ И В ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ (КОЛУМБИЯ, ЭКВАДОР)[1]

© 2014 г. А.В. Табарев

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
(olmec@yandex.ru)

Ключевые слова: Южная Америка, керамическая посуда, ритуал, церемонии, датировка.

Резюме. Появление керамической посуды в Эквадоре и Колумбии (Южная Америка) связано со временем около 6–5 тыс. л.н. Примечательно, что археологические комплексы (раковинные кучи, стоянки) Северных Анд демонстрируют различные свидетельства церемоний, что, в свою очередь, позволяет связывать происхождение и функцию ранней керамики с ритуальной, а не бытовой сферой.

Возникновение и ранние этапы гончарства – одна из интереснейших и одновременно одна из сложнейших проблем в мировой археологии. За последние четверть века общая оценка этого феномена существенно изменилась – целый ряд тезисов, высказывавшихся на уровне гипотез и предположений, сегодня воспринимается уже совершенно спокойно. Это относится и к пониманию того, что керамическая посуда есть лишь один из эффективных способов решения проблемы емкостей и контейнеров в древних культурах, и к тому, что она отнюдь не связана напрямую с производящим хозяйством (земледелием и скотоводством) и не является его археологическим признаком, и к тому, что ее наиболее ранние свидетельства проявляются в обществах охотников-собирателей уже в финальном палеолите, а не в неолите.

Согласны специалисты и с тем, что в большинстве случаев глиняная посуда раньше появляется в культурах, у которых четко обозначен акцент на эксплуатацию акватических ресурсов (нерестовые реки, морские лагуны, прибрежные низменности). Таким образом, палеоэкономический фон возникновения гончарства, в целом, понятен, но требует дальнейшей детализации. Дискуссия начинается там, где встает вопрос о культурном аспекте – о функциях ранней керамической посуды и ее социальной роли в древних обществах.

В этой связи особый интерес, по нашему мнению, представляют археологические данные по двум регионам мира. Речь идет о Дальнем Востоке (Приамурье, Японский архипелаг, Китай), где наиболее ранние находки керамики датируются возрастом 14–13 тыс. л.н., и о Северных Андах (Эквадор и Колумбия), где пока корректно рассуждать о возрасте порядка 6 тыс. л.н. Впрочем, такая хронологическая разница смущать не должна. Можно посмотреть на эти даты и с другой стороны: с момента первоначального заселения Японских островов до появления керамической посуды прошло, по меньшей мере, 20 тыс. лет, а в Южной Америке – не более 5–6 тыс. лет (Табарев, 2011).

По первому региону в отечественной литературе информации более чем достаточно: имеется хорошая серия радиоуглеродных дат по памятникам с керамикой в громатухинской и осиповской культурах на Среднем и Нижнем Амуре, а также по комплексам изначального дзёмона на о-вах Хонсю и Кюсю, опубликованы детальные стратиграфические и

1 Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 12-01-00001а и при поддержке Научного фонда Дальневосточного федерального университета.

планиграфические описания находок, частичные и полные реконструкции сосудов.

Южноамериканские материалы до последнего времени были известны российским археологам лишь в общих чертах. Развитие сотрудничества, возможность прямой работы с коллекциями, осмотр и совместные раскопки памятников в Эквадоре и Колумбии существенно меняют эту ситуацию и позволяют производить более детальные сравнения особенностей ранних этапов керамического производства в двух регионах.

В Эквадоре самая ранняя керамика связана с культурой вальдивия (раннеформативный период), памятники которой локализуются на побережье и в непосредственной близости от побережья. Наиболее древние даты (6 195±215, 5 495±200 и 5 260±256 л.н.) получены не по эпонимному памятнику (Вальдивия), а по памятнику Риаль-Альто (т.н. фаза 1а культуры вальдивия). При этом хронологический разрыв между докерамической культурой на данной территории (культура Лас-Вегас) (Табарев, Каномата, Стосерт, 2013) и культурой вальдивия составляет около 500 лет. Вопрос о происхождении технологии производства керамической посуды в Эквадоре предполагает рассмотрение трех версий: транстихоокеанской (носителями культуры дзёмон с Японских островов) (Табарев, 2012), внутриконтинентальной (из районов Амазонии) и местной (полуостров Санта-Элена, бассейн р. Гуаяс).

В настоящий момент мы склоняемся к третьей версии. Учитывая, что на памятнике Риаль-Альто раскопано не более 10–15% площади, а в имеющихся стратиграфических разрезах прослежены более ранние (недатированные) горизонты (пост-Лас-Вегас, превальдивия (?)), есть все основания надеяться, что именно на этом объекте можно найти истоки эквадорского гончарства.

Не менее интересна и ситуация в соседней Колумбии. Речь идет о северных районах страны, прилегающих к Карибскому побережью (канал Дуке) и комплексах с раковинными кучами. Открытие памятников с раннеформативной керамикой происходило здесь практически параллельно (и даже раньше) с Эквадором: например, памятник Вальдивия найден в 1956 г., а памятник Барловенто – в 1954 г., памятник Риаль-Альто – в 1971, а Пуэрто-Ормига – в 1961 (Reichel-Dolmatoff, 1965).

Долгое время именно радиоуглеродная дата по комплексу Пуэрто-Ормига была одной из наиболее ранних для керамической посуды Нового Света – 5 040±70 л.н. В 1974 г. в том же районе был обнаружен и протестирован небольшой траншеей комплекс Монсу – слой с раннеформативной керамикой (фаза Турбана) дал дату 5 300±80 л.н. (Idem, 1985). В 1987 г. появилась первая информация о раскопках еще одного памятника по соседству – Пуэрто-Чачо, а чуть позднее и достаточно древняя датировка слоя с керамикой – 5 220±90 л.н. Самые же ранние свидетельства использования глиняной посуды на сегодняшний день (5 940±60 и 5 700±430 л.н.) зафиксированы на комплексе Сан-Хасинто-1, который, в отличие от вышеупомянутых памятников, с раковиной кучей не связан (Oyuela-Caycedo, 2010; Rodríguez, 1988).

Практически вся раннеформативная керамика Колумбии содержит большое количество органического отощителя – она не пригодна ни для приготовления пищи, ни для ее хранения. Кратковременное или даже разовое использование при наличии богатой орнаментации (зооморфной, антропоморфной) указывает, по мнению ряда археологов, на особый контекст – ритуальный. В пользу этого свидетельствует и то, что на всех памятниках Эквадора (Риаль-Альто, Лома-Альта) и Колумбии (Пуэрто-Ормига, Монсу, Сан-Хасинто-1) с ранней керамикой зафиксированы следы особых конструкций, погребений, клады и т.д.

Как уже указывалось, многие раннекерамические комплексы в Карибской зоне Колумбии по большей части связаны с раковинными кучами. Эта же закономерность четко прослеживается и по археологическим памятникам с самой древней глиняной посудой на юго-востоке США, происхождение которой связывают с Южной Америкой. Более того, специалисты считают, что все эти раковинные кучи демонстрируют определенную геометрию, и их следует рассматривать в качестве своего рода ранней монументальной архитектуры (см. напр.: Thompson, Stoner, Rowe, 2008).

Как связаны и связаны ли вообще эквадорский и колумбийский центры раннего гончар-

ства? Есть определенные различия и в технологии, и в орнаментике, и в формах сосудов, но окончательный ответ требует проведения дополнительных археологических исследований.

Таким образом, на сегодняшний день и для дальневосточного, и для южноамериканского очагов раннего гончарства наработаны интересные подходы к решению вопроса о причинах (культурных аспектах) появления керамической посуды. На первый план выходят вопросы, связанные с активизацией церемониальной практики, развитием престижных технологий, поиском новых эстетических решений для групповой (племенной) символики. Безусловно, это не перечеркивает таких причин, как новые способы приготовления пищи, новые технологии хранения продуктов и т.д. Здесь важную роль должны сыграть более совершенные методы химического анализа керамики. И тем не менее нам на сегодняшний день импонирует позиция тех специалистов, которые считают, что ранняя керамика является маркером не столько экономических, сколько очень важных социальных процессов на внутри- и (что особенно важно) на межгрупповом уровне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Табарев А.В. Ранние керамические традиции в Пасифике (Южная Америка) // Древности по обе стороны Великого океана. Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2011. С. 16–54.

Табарев А.В. Как начиналась легенда (культура вальдивия и дискуссия о возможности трансокеанских контактов в Пасифике) // Юбилей лидера. Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2012. С. 94–133.

Табарев А.В., Каномата Й., Стосерт К. Каменный инвентарь раннеголоценовой культуры Лас-Вегас, Эквадор // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. 2013 г. Т. XIX. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. С. 154–158.

Oyuela-Caycedo A. San Jacinto Ia alfareria 1 y los inicios de en el nuevo mundo // Cartagena de Indias en el Siglo XVI. Cartagena: Banco de la Rebública, 2010. P. 15–39.

Reichel-Dolmatoff G. Excavaciones arqueológicas en Puerto Hormiga (Departamento de Bolivar) // Antropológica. 1965. N. 2.

Reichel-Dolmatoff G. Monsú. Un sitio arqueológico. Bogota: Talleres Graficos Banco Popular, 1985. 226 p.

Rodríguez C. Las tradiciones alfareras tempranas en las llanuras del Caribe Colombiano (Departamento de Bolivar y Atlántico): Periodización y comparación cerámica // Boletin de Arqueologia. 1988. Vol. 3; N. 2. P. 26–40.

Thompson V.D., Stoner W.D., Rowe H.D. Early Hunter-Gatherer Pottery along the Atlantic Coast of the Southeastern United States: A Ceramic Compositional Study // J. of Island and Coastal Archaeology. 2008. N. 3. P. 191–213.

ЭНЕОЛИТ НА СЕВЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

© 2014 г. Д.С. Тупахин

Научный центр изучения Арктики, Салехард
(dantupahin@gmail.com)

Ключевые слова: энеолит, север Западной Сибири, история археологических исследований.

Резюме. В работе рассматривается история изучения памятников археологии, относящихся к эпохе энеолита, локализованных в границах современного Ямало-Ненецкого автономного округа. Кратко изложена история исследований с первых раскопок в 40-х гг. XX в. до настоящего времени; сделаны выводы о современном состоянии проблемы, намечены дальнейшие перспективные направления исследований.

Археологические исследования на территории Ямало-Ненецкого автономного округа, начавшиеся в XX в., до середины столетия не отличались постоянством и систематичностью. Это было связано с суровостью климатических условий, отсутствием соответствующей научной инфраструктуры и труднодоступностью большей части территории округа. Среди исследователей, внесших в это время значительный вклад в изучение древней истории региона, прежде всего необходимо отметить В.Н. Чернецова и В.И. Мошинскую. В 1946 г. Мангазейской экспедицией Арктического НИИ Главсевморпути под руководством В.Н. Чернецова исследована стоянка Салехард I (Чернецов, Мошинская, Талицкая, 1953. С. 46–48; 184–188). Керамика и каменный инвентарь из нижних культурных слоев памятника были датированы авторами эпохой энеолита–бронзы.

В 60–70-х гг., с началом интенсивного промышленного освоения Севера Западной Сибири, возрастает число экспедиций, ежегодно работающих в Среднем и Северном Зауралье, в Среднем и Нижнем Приобье. В это время территория ЯНАО исследуется Ямало-Обской (1961 г.) и Обско-Тазовской (1963, 1964 гг.) историко-этнографическими экспедициями МГУ под руководством Л.П. Лашука, в 1966 и 1976 гг. здесь работает Заполярный отряд Ленинградского Отделения Института Археологии под руководством Л.П. Хлобыстина, в результате чего были открыты и исследованы памятники эпохи бронзы. В 1965 г. сотрудником геодезической партии Ю.Г. Королевым на полуострове Ямал открыта стоянка Йоркута-Яха (Королев, Хлобыстин, 1969. С. 79). Исследовавший эти материалы Л.П. Хлобыстин отмечает своеобразие керамики, орнамент которой находит параллели в материалах более южных районов Западной Сибири. Первоначально памятник датирован эпохой бронзы, однако в более поздних работах автор удревняет ее возраст до энеолитического времени (Лашук, Хлобыстин, 1986. С. 43).

В 1988 г. опубликована монография В.С. Стоколоса, рассматривающая обширный материал, относящийся к эпохе палеометалла Северного Приуралья. Рассматривая памятники с гребенчатой керамикой, относящиеся к эпохе энеолита, автор поднимает вопрос культурной атрибуции материалов Йоркутинской стоянки (Стоколос, 1988. С. 50). В 1989 г. в ИА АН СССР Е.А. Васильев под руководством М.Ф. Косарева защищает кандидатскую диссертацию, посвященную систематизации, определению хронологии, периодизации и культурной принадлежности памятников энеолита и раннего бронзового века Средне- и Северотаежного Приобья, в которой также затрагиваются вопросы генезиса культур Заполярья, намечаются возможные пути миграции населения (Васильев, 1989). Слабая изученность территорий, ле-

жащих в границах Ямало-Ненецкого округа, привела к тому, что исследователи смежных регионов включали территорию Заполярья в периферийную часть выделенных культур, проецируя материалы с более изученных территорий на слабо исследованный регион, а также привлекая материалы опорных памятников Нижнего Приобья лишь в качестве иллюстративного материала.

В начале 90-х гг. XX в. на территории Ямало-Ненецкого автономного округа проводится ряд археологических разведок, выявивших ранее неизвестные памятники археологии. По материалам археологической карты Ямало-Ненецкого автономного округа, опубликованной в 1994 г., к эпохе энеолита относятся порядка пяти памятников (Косинская, Федорова, 1994. С. 96–104). Однако все эти памятники, за исключением стоянки Салехард I, не исследовались стационарными раскопками, а имеющиеся датировки основывались на единичных находках керамики.

В 2005 г. коллективом НПО «Северная Археология» были проведены раскопки многослойного памятника – стоянки Салехард I, общая площадь раскопов составила порядка 800 кв.м. Результатом исследований стало уточнение энеолитического возраста нижнего слоя памятника, обнаружено, по сообщению автора раскопок, самое северное погребение этого времени, получена коллекция артефактов, которая насчитывает более 6 тыс. ед. К сожалению, результаты работ опубликованы лишь частично (Кардаш, 2005. С. 17).

С 2009 г. О.С. Тупахиной (Кудрич) (ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики») исследуется энеолитическое поселение Горный Самотнел I, дающий уникальный материал по древней истории Севера Западной Сибири. На данный момент этот комплекс является единственным и наиболее информативным из всех известных в регионе энеолитическим поселением, изучаемым стационарно на протяжении четырех полевых сезонов с привлечением новейших методов естественных наук. В результате раскопок получена представительная коллекция керамики (свыше 30 тыс. фрагментов) с оригинальной морфологией и орнаментикой. Многокомпонентность орнамента свидетельствует о смешанном характере различных традиций, присущих древнему населению. Вопросы о времени формирования этих традиций, их происхождении и этнокультурной принадлежности остается до настоящего времени открытым (Тупахина, Тупахин, 2013. С. 50). Интересно так же географическое расположение поселения. На данный момент это единственное в регионе мысовое энеолитическое поселение, расположенное непосредственно на берегу р. Оби, ширина которой в этом месте более 10 км. Ранее открытые памятники, сопоставимые хронологически, локализованы в средней части и низовьях небольших тундровых рек.

Поскольку территория Нижнего Приобья и п-ова Ямал находится в зоне суровых климатических условий, это вносит коррективы в методики полевых раскопок. Короткое северное лето сокращает сроки полевых сезонов до полутора месяцев в году. Отдельной проблемой являются исследования на памятниках, культурный слой которых образован мерзлотными почвами. С одной стороны, мерзлота консервирует и сохраняет изделия из органики, предоставляя уникальнейший археологический материал (деревянные конструкции, плетеные циновки, рыболовные сети, береста), аналогов которым в более южных регионах нет, за исключением находок из торфянно-сапропелевых памятников в Среднем Зауралье (Чаиркина, 2005. С. 212). С другой – медленное оттаивание замороженного культурного слоя зачастую делает невозможным его выборку на всю глубину залегания в течение одного полевого сезона, вынуждает прибегать к консервации раскопов.

Но главной на сегодня проблемой в изучении эпохи энеолита на севере Западной Сибири, особенно в Заполярной ее части, является мозаичность расположения известных памятников, их малое число и плохая сохранность, отсутствие точных датировок для большинства известных материалов. Очевидной становится необходимость проведения археологических разведок, направленных на выявление новых памятников, относящихся к эпохам камня и палеометалла. Основываясь на анализе уже известных материалов, в частности, поселения Горный Самотнел I, стоянки Салехард I и Йоркутинская, можно предположить, что к эпохе энеолита территория Ямала была освоена вплоть до средней

части полуострова, а северной границей освоенных территорий являлась р. Юрибей. Однако незначительное число археологических источников, отсутствие их точной хронологической и географической привязки на современном этапе не позволяют делать выводы о генезисе, путях миграции и этнокультурной принадлежности древнего населения, затрудняет оценку его численности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильев Е.А. Энеолит и ранний бронзовый век средне- и северотаежного Приобья: Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1989. 21 с.

Кардаш О.В. Раскопки стоянки Салехард I (Обской городок) в 1946 и 2000 годах // Материалы XIII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2005. С. 20.

Королев Ю.Г., Хлобыстин Л.П. Йоркутинская стоянка на полуострове Ямал. М.: Наука, 1969. 133 с. (КСИА; Вып. 115).

Косинская Л.Л., Федорова Н.В. Археологическая карта Ямало-Ненецкого автономного округа. Препринт. Екатеринбург: Урал. отд-ние РАН, 1994. 113 с.

Лашук Л.П., Хлобыстин Л.П. Север Западной Сибири в эпоху бронзы. М.: Наука, 1986. 113 с. (КСИА; Вып. 186).

Стоколос В.С. Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья. М.: Наука, 1988. 256 с.

Тупахина О.С., Тупахин Д.С. Орнаментальные традиции гончарства населения Северо-Западной Сибири в эпоху энеолита (по материалам поселения Горный Самотнел I) // Переходные этапы в археологии: Мат-лы Всерос. археол. конф. «XIX Уральское археологическое совещание». Сыктывкар, 2013. С. 50–52.

Чаиркина Н.М. Энеолит Среднего Зауралья // Екатеринбург: УрО РАН, 2005. 312 с.

Чернецов В.Н., Мошинская В.И., Талицкая И.А. Древняя история Нижнего Приобья. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 358 с. (МИА; № 35).

ИНФОРМАТИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЖИЛИЩ ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В НЕОЛИТЕ (НА МАТЕРИАЛАХ СОСНОВООСТРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ)

© 2014 г. И.В. Усачева

Институт проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень (i.usachova@gmail.com)

Ключевые слова: *неолит, жилища, домохозяйство, сосновоостровская культура.*

Резюме. В статье рассматриваются возможности использования данных о жилищах с учетом сопутствующего им археологического, природно-климатического и топографического контекста для реконструкции института домохозяйства и связанных с ним социально-экономических отношений у неолитического населения лесной зоны.

Размеры жилищ часто принимаются во внимание при исследовании численности семьи или, при совокупном рассмотрении, – общины, но не более. Между тем в информативном плане содержание жилища значительно шире демографических показателей, являющих через институт семьи его социальную суть, поскольку оно в той же мере оказывается овеществленным свидетельством института домохозяйства (household), раскрывающего его социально-экономическое содержание. Понятие домохозяйства широкого применения в археологии пока не получило, хотя в этнографии встречается, как минимум, с

1926 г. (Чернецов, 1971. С. 81). С 70–80-х гг. XX в. термин активно используется в культурной антропологии и этнографии, а с начала 90-х становится объектом изучением экономистов и социологов, которые определяют его как обособленную ячейку общества, в рамках которой происходит производство общественного продукта, его потребление, а также воспроизводство рабочей силы, т.е. самого человека (Можайкина, 2008). По составу домохозяйство чаще соответствует семье, но не обязательно. Характеризуется многообразием форм и размеров. Сегодня домохозяйство относят к фундаментальным микроэкономическим понятиям, однако оно продолжает оставаться одним из наименее исследованных экономических институтов. Тем более это касается его ранних форм.

По данным В.Р. Кабо (1986. С. 63), тенденция к хозяйственно-бытовому обособлению семьи начинает прослеживаться с верхнего палеолита и связана с появлением специализации как следующего (после половозрастного) этапа в развитии внутриобщинного разделения труда. Составить некоторое представление о ранних формах домохозяйства позволяет предметный анализ использования понятия в этнографии охотников, рыболовов, собирателей. Главной особенностью ранних типов домохозяйства оказывается существование в рамках общины, где они обладают определенной автономией в индивидуальных занятиях, но при этом всецело подчинены общественному производству, основанному на коллективном труде и общественной собственности на землю и угодья (Там же). С современными формами ранние сближаются комплектацией: коллектив чаще всего объединен отношениями родства или брака, но не обязательно. Существуя в составе общины, домохозяйство является ее первичной социально-экономической ячейкой. А поскольку «основной функцией общины всегда является ее деятельность в качестве ведущего производственного коллектива, стремящегося привести структуру, состав и относительную величину прежде всего в соответствие с требованиями производства» (Там же. С. 60), домохозяйства обретают многообразие размеров и форм. При этом их развитие не имеет ничего общего с линейной эволюцией, допуская наряду с прогрессивными регрессивные явления и формы (Там же. С. 62). Важно также учитывать, что развитие традиционных обществ характеризуется высокой динамичностью, причем в широком смысле, включая экономику, систему природопользования, демографию и социальное устройство (Крупник, 1989). Обращение к этнографии народов Сибири показывает многообразие форм и размеров домохозяйств: патронимии, разновидности большой и малая семьи (Общественный строй..., 1970; Соколова, 1983. Прил.). Их выбор, обусловленный адаптивной стратегией коллективов, определяется «не только особенностями среды, но и уровнем технологического развития, традициями, культурными ценностями группы, внешним воздействием и множеством других социальных факторов» (Крупник, 1989. С. 16). Важное значение придается фактору жестких связей между численностью человеческих коллективов и ресурсами среды обитания (Там же. С. 17). Применительно к археологии задача состоит в том, чтобы определить принципиальную возможность исследования домохозяйств и возникающих в ходе их функционирования моделей социально-экономических отношений у конкретных культурных образований. Проведение такого исследования тем актуальнее, что накопившаяся к настоящему моменту информация не находит объяснения в существующих схемах. Если определение хозяйства неолитического населения Западной Сибири как комплексного, присваивающего типа, в принципе не вызывает возражения, то утверждение, что «на всей территории сложился единый культурно-хозяйственный тип оседлых охотников и рыболовов без выраженной специализации в хозяйстве» (Очерки культурогенеза …, 1995. С. 19), представляется не соответствующим действительности. Этому противоречит то разнообразие в размерах жилищ (от 18,5 до 272 и даже 600 кв.м (Там же. С. 247), которое прослежено в археологических материалах лесной и лесостепной зоны. Идея объяснить этот факт эволюцией домостроения, предполагающей строительство больших домов не ранее позднего неолита (Там же. С. 247; Старков, 1980. С. 182; и др.) изжила себя. Жилища площадью 100 кв.м и более выявлены на памятниках первой половины – середины

атлантика как в Приишимье (Мергень-6), так и в Нижнем Притоболье (ЮАО-15, Исток-4, Пункт VIII, Юртобор-3 и др.).

В качестве методологической основы такого исследования предлагается комплексный междисциплинарный подход, ориентированный на выявление специфики домохозяйств у неолитических культур и ее зависимости от способов хозяйствования и образа жизни. Помимо характеристик орудийного набора и размеров жилищ, к исследованию предлагается привлечь информацию об особенностях их топографического и гипсометрического расположения, палеоклиматического и ландшафтного окружения, археологического контекста. Для апробации гипотезы использованы материалы сосновоостровской культуры, занимающей территорию в пограничье лесостепной-южно-таежной зоны бассейнов рек Тавды, Туры, Пышмы. Выбор объекта исследования обусловлен ярко-выраженной самобытностью посуды, идентификация которой не вызывает разногласий. Ей соответствует «специфический стереотип каменной индустрии», типолого-трасологический анализ которой показал, что население жило в основном охотничьим бытом. Все опорные памятники датированы; раскопанные жилища представляют выборку с семи поселений. Акцентируем внимание на фактах, несущих информацию о домохозяйстве культуры. Для памятников характерен высокий гипсометрический уровень расположения (2,0–3,5 м) и специфическая топография: на озерах это переймы и протоки, на реках – приустьевые мысы. В двух случаях отмечено островное положение. Поселения состоят из одного-трех жилищ, представленных полуземлянками подпрямоугольной формы с глубиной котлована 0,4–1,2 м. Внутри и за пределами сооружений зафиксированы хозяйственные ямы. Керамические коллекции отличаются массовостью, несопоставимой с объемами находок на памятниках других культур этой территории. Распределение керамики: широко представлена как в жилищах, так и за их пределами, указывает на длительность использования построек и круглогодичный характер их функционирования, т.е. на оседлость населения. Все 12 раскопанных жилищ имеют среднекрупные размеры (65–126 кв.м) и один очаг в центре. Примерная численность домохозяйств, исходя из расчета 3,5 кв.м на человека, составляет 17–36 человек, что характерно для большой семьи. Радиоуглеродные даты, значительный прирост которых произошел в последние годы, удревнили возраст культуры, отодвинув время ее возникновения до рубежа V–VI тыс. до н.э. при полном диапазоне: 5 930±80 – 5 095±78 л.н. По региональной шкале палеоклиматической динамики это время характеризуется умеренно теплыми и повышенно влажными климатическими условиями (6 300–5 300 л.н.), отличающими его от испытывающих дефицит увлажненности начальной и завершающей фаз атлантика (Рябогина, 2004. С. 8). И тем объясняет высокий гипсометрический уровень расположения сосновоостровских поселений.

Отсутствие исключений в приведенном ряде наблюдений ориентирует на их неслучайный характер. Совокупный анализ данных позволяет выйти на реконструкцию домохозяйства: это были относительно крупные коллективы (один из вариантов большой семьи), проживающие под одной крышей и ведущие оседлый образ жизни. Поселок включал до трех таких домохозяйств, объединенных в общину. Поскольку обеспечить длительную оседлость в условиях присваивающего хозяйства лесной зоны способны только «…весьма эффективные виды рыболовного промысла, позволяющие добывать много рыбы и запасать ее впрок» (Косарев, 1996. С. 263), есть все основания считать рыболовство ведущим промыслом. Этнография и археология каменного века сопредельных территорий показывают, что наиболее продуктивным способом добычи для данной экологической ниши в тот период было запорное рыболовство в летнем и зимнем вариантах на озерах и малых реках, дополненное охотой и собирательством. Предположение хорошо выверяется топографией памятников. Повышенный режим увлажненности способствовал сокращению заморных явлений, мешающих продуктивному рыболовству в этих водоемах сегодня (Мухачев, 2010. С. 115). Вывод: информативные возможности жилищ, рассмотренных с позиций института домохозяйства, весьма перспективны с точки зрения выполнения социально-экономических реконструкций для

неолитических культур лесной зоны Зауралья и севера Западной Сибири.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кабо В.Р. Первобытная доземледельческая община. М.: Наука, 1986. 303 с.

Косарев М.Ф. Неолит Восточного Зауралья и Западной Сибири // Археология. Неолит Северной Евразии. М.: Наука, 1996. С. 253–269.

Крупник И.И. Арктическая этноэкология. М.: Наука, 1989. 272 с.

Можайкина Н.В. Социально-экономическая сущность категории домохозяйства // Вестн. Междунар. славянского ун-та. 2008. Т. XI; № 1. С. 54–60.

Мухачев И.С. Направления эколого-рыбохозяйственной реабилитации озер Зауралья // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. 2010. С. 114–122.

Общественный строй у народов Северной Сибири: XVII – начало XX в. / Под ред. И.С. Гурвича, Б.О. Долгих. М.: Наука, 1970. 453 с.

Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1; Кн. 1: Поселения и жилища. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. 485 с.

Рябогина Н.Е. Стратиграфия голоцена Южного Зауралья, изменения ландшафтно-климатических условий обитания древнего человека: Автореф. дис. … канд. геол.-мин. наук. Тюмень, 2004. 16 с.

Соколова З.П. Социальная организация хантов и манси в XVIII–XIX вв. Проблемы фратрии и рода. М.: Наука, 1983. 328 с.

Старков В.Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М.: Наука, 1980. 220 с.

Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала. М.: Наука, 1971. 120 с. (Археология СССР. САИ; Вып. В4-12 (2)).

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ АТРИБУЦИИ КЕРАМИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ НА ПАМЯТНИКАХ ПОЗДНЕГО НЕОЛИТА – РАННЕГО ЭНЕОЛИТА ЮЖНОЙ КАРЕЛИИ

© 2014 г. Т.А. Хорошун

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (tattya@list.ru)

Ключевые слова: керамика, поздний неолит, ранний энеолит, технология, орнаментация, Южная Карелия.

Резюме. Исследование посвящено изучению керамических комплексов позднего неолита – раннего энеолита Южной Карелии. Хронологический период существования памятников с гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной керамикой охватывает IV – начало III тыс. до н.э. Памятников с этими древностями насчитывается более 230, наиболее полно обследованы 71 с количеством сосудов более 2 тыс. Общие морфотипологические и технологические признаки позволяют говорить о культурной и хронологической преемственности изучаемых комплексов, а орнаментация остается основным и наиболее ярким культурным индикатором, требующим всестороннего изучения.

Изучение керамики позднего неолита – раннего энеолита на памятниках Южной Карелии является важным этапом в разработке вопросов развития культур с гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной керамикой. Хронологически период их существования, согласно калиброванным данным, охватывает IV – начало III тыс. до н.э. Основной задачей исследования является определение морфотипологических и технологических характеристик изучаемой керамики.

Территория Карелии в археологическом плане остается одним из изученных регионов в лесной зоне. Благодаря представительной коллекции материалов, полученной в течение 1950–2000 гг., стало возможным критиче-

ски подойти к осмыслению ранее высказанных положений. Наиболее полно исследована южная часть, где выявлено около 300 памятников с материалом переходного периода от неолита к энеолиту (Витенкова, 2009. С. 72–74). Согласно обобщенным данным (Она же, 2002; Косменко, 2003; Лобанова, 2004), в это время сосуществовали два культурных типа керамики: к западу от Онежского озера – гребенчато-ямочная керамика, близкая «типичной гребенчатой керамике» Финляндии, к востоку – ромбо-ямочная, сходная с керамикой из Волго-Окского междуречья. Территория Карелии рассматривается как восточная часть ареала гребенчато-ямочной керамики и северная часть ареала ромбо-ямочной. Считается, что гребенчато-ямочная керамика по орнаментации типологически близка к керамике типа сперрингс, а ромбо-ямочная – к ямочно-гребенчатой.

Обращаясь к анализу известных данных по характерным чертам гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной керамики (Археология Карелии, 1996; Витенкова, 2002), мы вынуждены признать, что в свете новых изысканий требуется их критическое переосмысление. Поиск памятников с чистыми комплексами в будущем позволит снять многие спорные вопросы, такие как:

– соотнесение с комплексом гребенчато-ямочной керамики маловыразительных фрагментов, орнаментированных круглыми ямками от толстостенных сосудов;

– определение места в системе древностей Карелии памятников с керамикой, украшенной овальными ямками (по разработанным периодизациям она соотносится с этапами развития как гребенчато-ямочной, так и ромбо-ямочной керамике);

– использование термина «ромбо-ямочная керамика», к которому относятся сосуды, орнаментированные как ромбическими, так и ямками различной формы.

На данном исследовательском этапе ареалы культурных типов во многом определяются степенью изученности территории, и требуется их сравнительно-типологический анализ, который осложняется тем, что четкие критерии расчленения этих типов на многокомплексных поселениях Карелии детально не разработаны. Например, на памятниках западного побережья Онежского озера различия между ними выражены в количестве сосудов (преобладает ромбо-ямочная керамика) и в сочетании элементов орнамента. Собственно гребенчато-ямочной керамики в этом районе немного. По составу глиняного теста она практически идентична ромбо-ямочной: грубое, довольно рыхлое тесто с примесью песка, дресвы, иногда органической примеси; сосуды толстостенны. Имеются общие признаки в использовании защипов по краю сосудов, многообразии форм венчиков, заглаживании поверхностей, в наличие общих элементов и мотивов орнамента (Хорошун, 2013а, б).

Керамика обоих типов толстостенна (0,7–1,5 см) с традиционной орнаментацией (ямочный, горизонтально-зональный или геометрический узор), общими формами венчиков, и способами их оформления и декорирования (Она же, 2011). По доминирующему элементу орнамента (форме ямок) керамический материал подразделяется на три группы. Первая с круглоямочной керамикой включает фрагменты, орнаментированные круглыми ямками и оттисками чаще всего гребенчатого штампа, в меньшей степени с гладкими оттисками, а также с различными полулунными вдавлениями, рамчатыми, трубчатыми, зубчатыми и прочими штампами. В эту же группу отнесены фрагменты, которые по ряду признаков (преобладание гребенчатых штампов, ямки с плоским дном, геометрический узор) относятся к гребенчато-ямочной керамике. Вторая группа с овальноямочной керамикой, где в декорировании использованы ямки овальной и/или прямоугольной формы. Третья группа – ромбическая керамика в сочетании с гребенчатыми и гладкими штампами. В каждой группе присутствует гребенчатая керамика (рис. 1). Преобладание гребенчатых оттисков над ямками может объясняться развитием орнаментации внутри культурного типа керамики при сохранении устойчивых признаков в материальной культуре в течение длительного времени. Наибольшее количество сосудов гребенчато-ямочной керамики связано с чистыми комплексами, которых сравнительно немного. Это, в свою очередь, может свидетельствовать, что в определенный отрезок времени подобная орнаментация либо имела

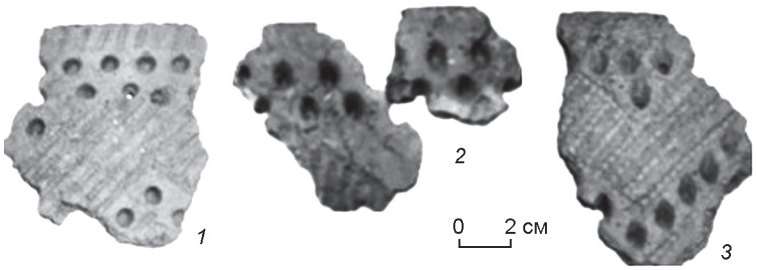
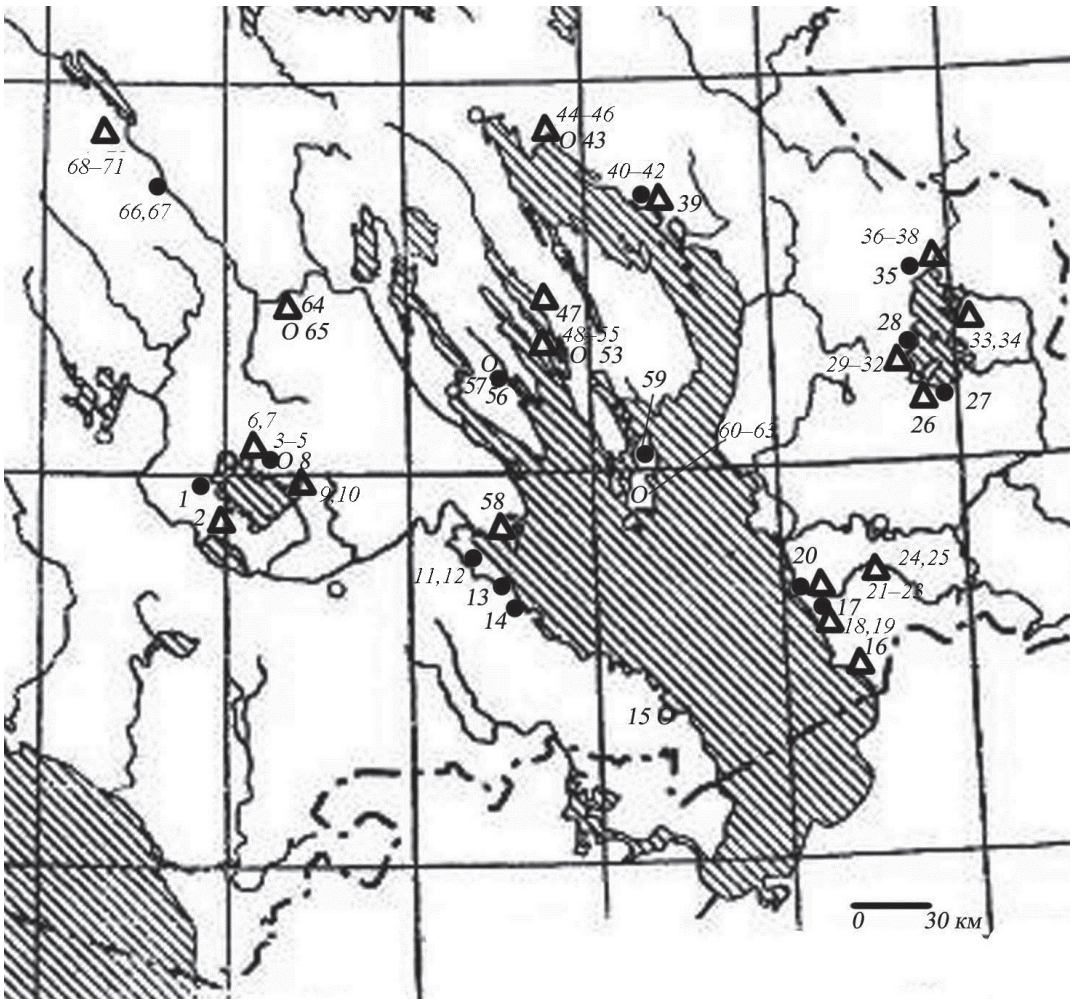


Рис. 1. Керамика с поселения Вигайнаволок I.
1 – гребенчато-ямочная (первой группы); *2, 3* – ромбо-ямочная (второй и третьей групп).



О памятники с гребенчато-ямочной керамикой

Δ памятники с ромбо-ямочной керамикой

● памятники с гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной керамикой

Рис. 2. Карта памятников позднего неолита – раннего энеолита Южной Карелии (бассейн Онежского озера).

1 – Курмойла I; *2* – Питкяламба I; *3* – Кудома VIII; *4* – Лахта III; *5* – Сулгу IIIб; *6* – Кудома X; *7* – Лахта I; *8* – Лакшезеро II; *9* – Чуйнаволок I; *10* – Малая Суна IX; *11* – Соломенное VII; *12* – Пески IV; *13* – Вигайнаволок I; *14* – Деревянное I; *15* – Шёлтозеро V; *16* – Муромское VII; *17* – Кладовец IV; *18* – Кладовец VI; *19* – Черная Речка III; *20* – Семеново II; *21, 22* – Усть-Водла III, V; *23* – Первомайская I; *24* – Подпорожье I; *25* – Подпорожье II; *26* – Сомбома I; *27* – Пога I; *28* – Охтома I; *29* – Охтома III; *30* – Охтома II; *31* – Келка I; *32* – Келка III; *33* – Тонда IV; *34* – Сухая Водла II; *35* – Илекса IV; *36* – Илекса I; *37* – Илекса III; *38* – Шеттима I; *39* – Оровнаволок XVI; *40–42* – Чёрная Губа III, IV, IX; *43* – Войнаволок XXIX; *44* – Войнаволок XXIV; *45, 46* – Сандермоха I, II; *47* – Колгостров; *48–52* – Пегрема I, III, VII, X, XXII; *53* – Пегрема II; *54, 55* – Палайгуба II, X; *56* – Суна I; *57* – Суна II; *58* – Ялгуба III; *59* – Вожмариха-21; *60, 61* – Вертилово-3, -7; *62, 63* – Вожмариха-4, -15; *64* – Черанга III; *65* – Черанга I; *66* – Чудозеро IV; *67* – Юдъярви III; *68–71* – Кудомгуба II, III, IV, VII.



Рис. 3. Количественное соотношение памятников с гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной керамикой.

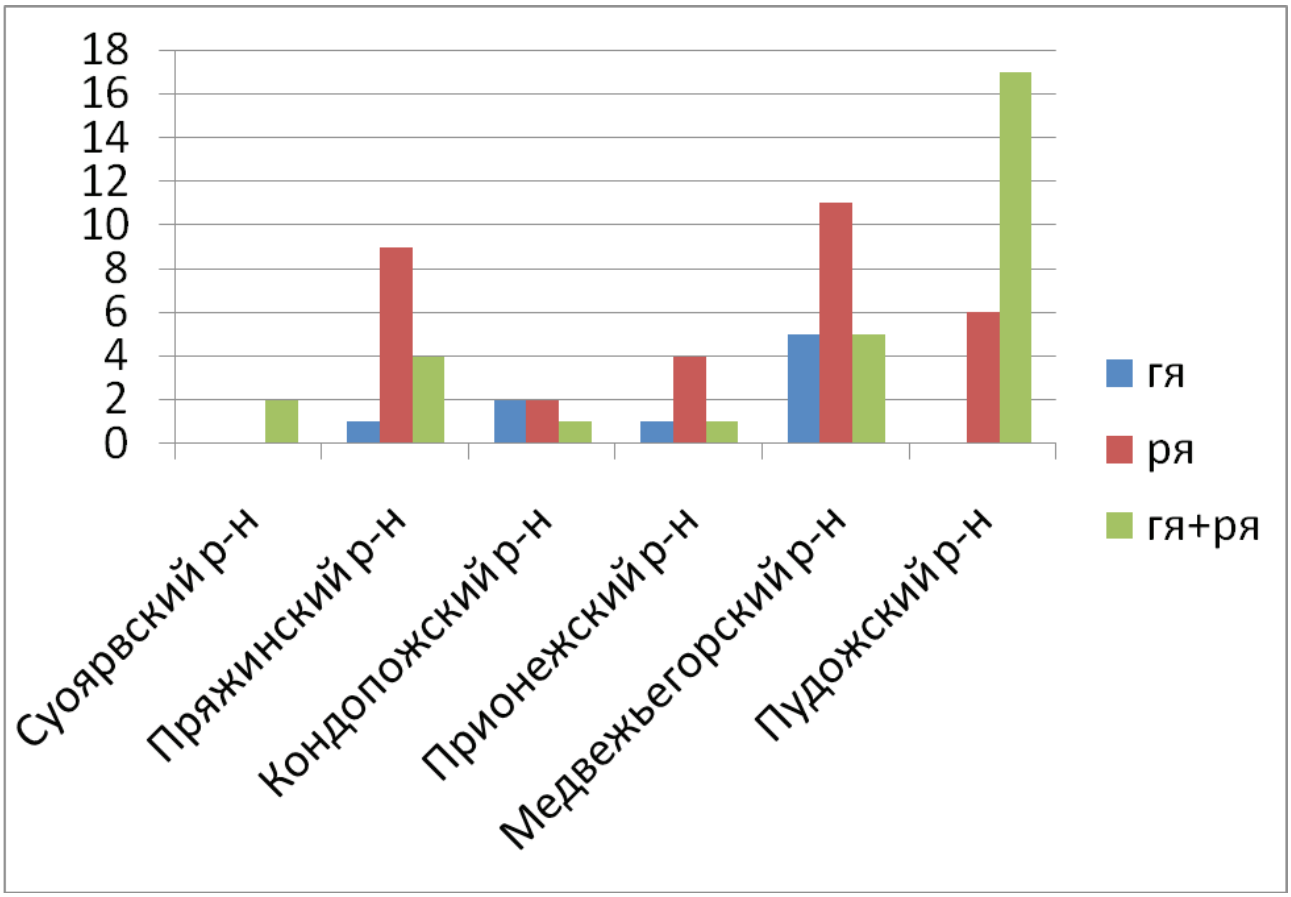


Рис. 4. Количественное соотношение памятников с гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной керамикой в бассейне Онежского озера (по административным районам).

широкое распространение по сравнению с ямочным орнаментом, либо была связана с определенной культурной традицией, которая использовалась для посуды с особым функциональным назначением.

Памятниками с изучаемыми древностями являются поселения и стоянки. Всего более 230 памятников (Археологические памятники…, 2007). Они изучены неравномерно, локализуются в бассейне Ладожского и Онежского озер. Выделяются районы внутренних водоемов: Сямозеро, Водлозеро. Для анализа произведена выборка памятников с исследованной площадью от 40 кв.м, наиболее изученным является Вигайнаволок I, где вскрыто 2748 кв.м. Общее их количество составило 71, и эти памятники концентрируются в бассейне Онежского озера (рис. 2). Относительно распространения керамики, стоит отметить значительное количество памятников, где преобладает ромбо-ямочная керамика (40), с гребенчато-ямочной керамикой – в че-

тыре раза меньше (9). Среднее значение (22) занимают памятники, где оба типа керамики встречены в смешанном залегании (рис. 3).

По количественному распределению памятников по административным районам в западной и северной части побережья Онежского озера в большей степени представлена ромбо-ямочная керамика, на восточном побережье – памятники с обоими типами керамики (рис. 4). Гребенчато-ямочная керамика тяготеет к северо-западной части исследованной территории. Таким образом, пласт древностей с ромбо-ямочной керамикой в южной Карелии довольно представительный по сравнению с гребенчато-ямочной керамикой. Наличие общих морфо-типологических и орнаментальных признаков позволяет предположить их общую культурную основу, развитие и этапы которой еще предстоит выяснить.

По составам формовочных масс получены данные 50 образцов из 20 памятников (Хорошун, Кулькова, 2014). Наблюдается любопытная ситуация: для гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной керамики выделяются рецепты с органической и без органической составляющей. При этом их количество примерно одинаково. Так, для гребенчато-ямочной керамики в бассейне Ладожского озера зафиксировано по три рецепта, в бассейне Онежского озера – по четыре. Имеются общие составы для обеих групп. Без органической примеси включают глину, дресву и шамот (размельченную керамику); с органической добавкой – пух-перо, возможно, органический раствор, добавленный в глину вместе с дресвой и песком. Для ромбо-ямочной керамики в количественном отношении наблюдаются изменения для района Ладожского озера, здесь только два рецепта с органической составляющей. Первый состоит из глины, шамота, определены волос или шерсть. Второй – из глины, шамота (измельченная керамика, не до конца высушенная и растертая глина), дресвы и пуха-пера. Для изготовления ромбо-ямочной керамики в основном использовалась глина, дресва, песок, пух-перо, в одном случае в сочетании с шамотом (измельченной керамикой). Отмечен общий для обоих районов рецепт без органики: глина+дресва. Фиксируется существенное отличие в использовании минерального отощителя: на территории Ладожского озера это чаще всего дресва и шамот, на Онежском озере – песок, что непосредственно связано с особенностями распространения этих компонентов на локальных участках.

Важно также отметить, что рецепты без органической добавки с двумя-тремя компонентами более «простые» по сравнению с «органическими», когда число компонентов может достигать пяти. Визуальные отличия в характере примесей зафиксированы на памятниках позднего неолита ранее (Витенкова, 2002. С. 91–92). Вероятно, эта ситуация отражает определенную особенность в технологии изготовления керамики изучаемого периода и требует дальнейшего углубленного исследования. Видимо, культурная традиция изготовления керамики, отбор сырья, приготовление формовочной массы обусловлены приспособлением к окружающей среде и функциональным назначением сосудов.

Орнаментация остается наиболее ярким культурным индикатором, требующим всестороннего изучения. Этапы развития культурной традиции керамики с ямочно-гребенчатой системой орнаментации сложны и отражают исторические процессы, происходящие в течение длительного хронологического диапазона. Общие морфо-типологические и технологические признаки позволяют говорить о культурной и хронологической преемственности изучаемых комплексов. Дальнейшие исследование позволит определить основные вехи в развитии единого культурного типа и обозначить его локальные и хронологические особенности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Археологические памятники Карелии. Каталог. Петрозаводск, 2007. 200 с.

Археология Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1996. 415 с.

Витенкова И.Ф. Памятники позднего неолита на территории Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2002. 183 с.

Витенкова И.Ф. Адаптация населения позднего неолита и энеолита к природным условиям Карелии // Адаптация культуры населения Карелии к особенностям местной природной среды периодов мезолита – Средневековья. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. С. 69–97.

Косменко М.Г. Проблемы датирования и хронология памятников Карелии (каменный, бронзовый, железный века) // РА. 2003. № 4. С. 25–35.

Лобанова Н.В. Хронология и периодизация памятников с ямочно-гребенчатой керамикой на территории Карелии // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии. СПб., 2004. С. 253–264.

Хорошун Т.А. К вопросу изучения керамики позднего неолита – раннего энеолита (по материалам памятников бассейна Онежского озера) // Новые материалы и методы археологического исследования: Мат-лы II Междунар. конф. молодых ученых. М.: ИА РАН, 2013а. С. 46–48.

Хорошун Т.А. Памятники с ямочно-гребенчатой и ромбо-ямочной керамикой на западном побережье Онежского озера (конец V – начало III тыс. до н.э.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2013б. 18 с.

Хорошун Т.А., Кулькова М.А. Технология изготовления и состав глиняной посуды неолита Карелии // Геология, геоэкология, эволюционная география. Т. XII / Под ред. Е.М. Нестерова, В.А. Снытко. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2014. С. 252–259.

КУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ ВЕРХНЕВОЛЖСКОГО РЕГИОНА В КОНТЕКСТЕ РАННЕГО НЕОЛИТА ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ[1]

© 2014 г. Н.А. Цветкова

Российский этнографический музей, Санкт-Петербург
(n-tsvetkova@yandex.ru)

Ключевые слова: ранний неолит, археологическая культура, технокомплекс, историко-культурная область.

Резюме. В докладе рассматриваются вопросы культурной истории раннего неолита Верхневолжского региона и сопредельных ему территорий. Исходя из результатов анализа каменного инвентаря и керамики верхневолжских стоянок и данных их сопоставления с древностями Среднего Поволжья, Волго-Уралья и Верхнего Дона, делается вывод о двух культурно-хронологических пластах, характеризующих ранний неолит Центральной России. Отмечается, что состояние и степень изученности источниковедческой базы позволяют только охарактеризовать материальную культуру населения Центрального региона России в раннем неолите и проследить динамику ее изменений. В связи с этим уделяется особое внимание толкованию термина археологическая культура и предлагается термин технокомплекс для характеристики каменных индустрий.

Ранний неолит (РН) бассейна Верхней Волги в культурном отношении неоднороден, вопреки сложившимся представлениям. Непрерывная культурно-генетическая преемственность древностей, объединяемых в верхневолжскую археологическую культуру (ВВК, АК), не подтверждается данными типологического анализа каменного инвентаря и результатами исследований керамики. Каменный инвентарь ВВК отчетливо разделяется на два последовательно существовавших культурно-хронологических комплекса, представляющих разные технологические традиции, которые сопровождаются разнородной по отношению друг к другу керамикой.

Первый комплекс соотносится с пластинчатой индустрией и финальномезолитическими приемами вторичной обработки камня в

1 Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 12-01-00345а и Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре».

сочетании с находками неорнаментированной/накольчатой керамики. Хронологический интервал ее существования – от 7 100/7 000 до 6 500 uncal BP, что соответствует I этапу ВВК (по Е.Л. Костылевой) или волго-окской АК (по Ю.Б. Цетлину).

Для второго комплекса характерно использование отщепа как основной заготовки и приема сплошного ретуширования наконечников стрел/копий/дротиков и ножей. Изделия с этими чертами встречены только на тех стоянках, где есть находки керамики с «пунктирным», «гребенчатым», «ямочным» и другими элементами орнамента, отличными от «тычково-накольчатого». Подобная посуда распространяется в регионе не ранее 6 500 uncal BP и соответствует II и III этапам ВВК (по Е.Л. Костылевой) или верхневолжской АК (по Ю.Б. Цетлину).

Древности первого комплекса связываются с автохтонным мезолитическим населением при участии влияний с юго-восточных территорий, в результате чего на Верхней Волге распространяется идея изготовления керамики. Вторая группа древностей сформировалась, вероятно, из волны переселенцев восточных территорий, которые в конечном итоге ассимилировали автохтонное население.

Порядок смены типов древностей на Верхней Волге не является уникальным. То же наблюдается и в РН Волго-Уралья, Среднего Поволжья и на Верхнем Дону. Для других микрорегионов лесной и лесостепной зон сведения о последовательности смены групп древностей в РН не достаточны.

В бассейне Вятки каменный инвентарь на памятниках с «накольчатой» керамикой характеризуется Т.М. Гусенцовой по результатам работ на Кошкинской стоянке как пластинчатый, сходный с индустрией позднего мезолита (ПМ), где пластины и их сечения составляют более 10% от общего количество изделий, а 68% орудий изготовлены из пластин.

Для каменной индустрии стоянок РН этого микрорегиона с «гребенчатой» керамикой отмечается заметное увеличение количества орудий с хорошо выраженными формами: сверла с плечиками, крупные ножи листовидной и треугольной формы с тщательной двусторонней обработкой, скребла, массивные скребки, рубящие орудия из камня. Появляются крупные наконечники стрел и копий листовидной формы с двусторонней ретушью.

Преемственность между каменными индустриями ПМ и РН фиксируется Е.Л. Лычагиной на территории пермского Предуралья. Носители традиций изготовления «гребенчатой» керамики расцениваются как автохтонное население, а коллективы людей, изготавливавших «накольчатую» посуду, как пришлое с Нижней Камы и со Средней Волги. Сравнение каменных индустрий, соотносимых с «накольчатой» и «гребенчатой» керамикой не проводилось. Отмечаются некоторые общие черты, являющиеся, видимо, результатом контактов этих групп населения.

Сходство каменных индустрий ПМ и РН в Среднем Поволжье В.В. Никитин объясняет влиянием позднемезолитического населения региона на чуждых для этой территории носителей традиций изготовления «накольчатой» керамики. По его мнению, большинство типов ранненеолитических орудий заимствованы у автохтонного мезолитического населения.

В Волго-Уральской лесостепи вопрос о соотношении каменных индустрий ПМ и РН – проблемный. А.А. Ластовский настаивает на заимствовании в РН региона некоторых традиций у культуры ПМ, чем, в том числе, можно объяснять высокий индекс пластинчатости обеих индустрий. А.В. Вискалин, напротив, считает их разнородными. Индустрия ПМ характеризуется отжимной техникой, высоким индексом пластинчатости, незначительным типологическим разнообразием орудий и способов вторичной обработки. Ранненеолитическая же каменная индустрия пластинчато-отщеповая с доминированием отщепа-заготовки, характеризующаяся широким типологическим разнообразием орудий.

Каменная индустрия Верхнего Дона в РН слабо изучена. Для региона большой проблемой является отсутствие четко стратифицированных/однослойных памятников. Поэтому исследователи вынуждены основное внимание уделять керамике, нежели каменному инвентарю. Так, среднедонская АК связывается с многообразной «накольчатой» посудой, сопровождаемой ярко выраженной пластинчатой индустрией. В целом она, по А.Т. Синюку, имеет общие черты с ВВК. Традиции изготов-

ления «гребенчатой» керамики рассматриваются им как пришлые из северных районов лесной зоны.

Попытка установления культурного статуса «гребенчато-накольчатой» керамики и характеристики сопровождающей ее каменной индустрии на материалах поселения Васильевский Кордон-7, как одного из наиболее представительных памятников в регионе, недостаточно обоснована. Каменный инвентарь этого памятника имеет пластинчато-отщеповый характер. При этом в коллекции есть остаточные нуклеусы для снятия/отжима (?) микропластин. По А.В. Суркову керамика на поселении очень разнообразна – неорнаментированная, с накольчатым, короткозубчатым орнаментом, с гребенчато-накольчатым орнаментом и другими элементами и композициями. Поэтому каменную индустрию этого памятника не стоит рассматривать как гомогенную и соотносить с накольчато-гребенчатым комплексом.

Противоречива и характеристика каменного инвентаря карамышевской АК. Наиболее чистый ее комплекс, по Р.В. Смольянинову, представлен на поселении Карамышево-5, где он имеет ярко выраженный отщеповый характер, однако сопровождается «накольчатой» керамикой.

Несмотря на разнообразие взглядов на культурную историю лесной и лесостепной зон Центральной части России в РН, большинство исследователей ассоциируют начальный его этап с неорнаментированной/тычково-накольчатой посудой в сочетании с пластинчатой/пластинчато-отщеповой индустрией. В качестве основной заготовки для орудий-маркеров выступает пластина, редко пластинчатый отщеп. Также распространены мезолитические приемы вторичной обработки, как например, минимальная модификации заготовки ретушью. Начиная же примерно с 6 500 uncal BP, повсеместно фиксируется увеличение производства орудий из отщепов и появление тонких бифасов. Процесс сопровождается распространение «гребенчатой» посуды.

Таким образом, периодизация материалов РН Верхневолжского региона находит соответствие с периодизациями древностей РН на сопредельных территориях.

Широкие аналоги в АК на огромных территориях отмечены исследователями достаточно давно. Так, Д.А. Крайнов объяснял это родственностью населения и принадлежностью его к единой историко-культурной общности.

Сегодня, состояние и степень изученности источниковедческой базы позволяет только охарактеризовать материальную культуру населения Верхнего Поволжья и Центрального региона в РН и проследить динамику ее изменений. Выявить специфические черты, присущие конкретной группе древностей и не встречающиеся в ей противопоставляемых, на имеющих источниках невозможно. Именно поэтому и не утихают споры относительно ареалов АК и их локальных вариантов. Конкретно можно говорить о двух культурно-хронологических пластах, характеризующих РН Центральной России. Для каменного инвентаря в этой ситуации корректнее было бы рассуждать о *технокомплексах* – совокупности археологических памятников/групп памятников, выделяемых на одной ступени археологической периодизации в определенных пространственно-временных и природных границах. Каждая такая совокупность по технико-типологическим особенностям массового инвентаря противопоставляется соседним совокупностям памятников.

В связи с этим, термин *археологическая культура* в археологии РН приобретает узкое значение. Невозможность выделения индивидуальных черт для конкретных АК и четкого разграничения их ареалов заставляет употреблять этот термин только для обозначения территории, на которой бытовала та или группа древностей. Например, верхневолжская АК по Д.А. Крайнову и ранненеолитическая валдайская АК по Н.Н. Гуриной с точки зрения географии представляют собой древности соседних территорий. Однако на деле их инвентарь и керамика тождественны друг другу, что доказывает их однокультурность. Отказаться от употребления эпитета *археологическая культура* применительно к древностям РН было бы целесообразно. Однако отказ от него внесет только большую путаницу и приведет к бесконечным спорам. Дело в том, что корреляция материалов по регионам до сих пор основывалась и продолжает на АК. По-

этому за термином *археологическая культура* пока стоит оставить сугубо служебное значение, отражающее не реальное сообщество населения, а выделяемую археологами локальную группу древностей как часть более крупного целого.

В дальнейшем корреляция памятников между собой с привлечением разных видов источников, исследования новых стоянок позволят сформировать аналитическую основу для выделения АК с четкими территориально-хронологическими границами и полноценным археологическим содержанием.

ФОРМИРОВАНИЕ ДРЕВНЕЙШЕГО ГОНЧАРСТВА: МЕХАНИЗМЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ

© 2014 г. Ю.Б. Цетлин

Институт археологии РАН, Москва
(yu.tsetlin@mail.ru)

Ключевые слова: гончарство, происхождение, формы сосудов, исходное сырье, формовочная масса, адаптация.

Резюме. Доклад посвящен изучению происхождения форм сосудов и технологии их изготовления, прежде всего, видов сырья и составов формовочных масс. Автор приходит к выводу о том, что происхождение гончарства представляет собой полицентричный процесс, базирующийся на адаптации к местным природно-климатическим и хозяйственным условиям.

Происхождение гончарства включает два взаимосвязанных процесса: происхождение форм сосудов и происхождение гончарной технологии. Каждый из них имеет двойственную природу: с одной стороны, он является продолжением предшествующего развития, а с другой – характеризуется формированием качественно нового культурного явления.

Происхождение форм сосудов

Этот процесс следует рассматривать в двух аспектах: 1) какие емкости послужили прототипами форм глиняных сосудов, 2) какие функции выполняли первые сосуды из глины.

О «прототипах» глиняных сосудов. Судя по данным этнографии и археологии, в догончарную эпоху использовались готовые природные и искусственно созданные емкости. Природные емкости – это плоды деревьев, яйца крупных птиц, раковины и проч. Искусственные емкости делались из камня, дерева, кожи и плетеных материалов.

Таким образом, происхождение форм сосудов было связано с подражанием старым формам, выполненным в принципиально новом материале.

О функциях первых глиняных сосудов. Самая общая функция любых сосудов – служить емкостями для сухих или влажных материалов. Более детальное представление о функции сосудов могут дать данные об их размерах и форме.

Я использовал информацию о древнейших сосудах из памятников двух не связанных между собой регионов: Ближнего Востока и Анатолии 9–8 тыс. л.н. (памятники Магзалия, Телль Сотто, Кюльтепе, Чайоню Тепеси, Хоса Чесме, Чатал Гуйюк, Телль Буграс, Халлан Чеми Тепеси и некоторые другие) и Японии (древнейший период культуры Дзёмон) и Дальнего Востока России (Осиповка, Гася и Госян, 13–11 тыс. л.н.).

Из памятников Ближнего Востока и Анатолии были получены данные по 33 каменным

сосудам, 16 стационарным емкостям, обмазанным глиной или гипсом, и 109 глиняным сосудам.

Каменные (донеолитические) сосуды представлены формами очень малых и малых объемов (т.е. не более 2,5 л), поскольку вытачивание вручную крупных сосудов из камня было весьма трудоемким. По общей пропорциональности они в основном относятся к низким и средним сосудам (76%).

Стационарные емкости, возникшие еще в донеолитическую эпоху, были разного размера. Около 30% их относится к группе «мобильных» сосудов объемом до 50 л. Вероятно, этот факт фиксирует самое начало использования таких емкостей в быту для тех же целей, которым потом служили сосуды из глины. Однако большинство стационарных емкостей (ок. 50%) имело значительные размеры (от 200 до 800 л). По общей пропорциональности 50% стационарных емкостей относятся к группе низких сосудов.

Глиняные сосуды почти целиком относятся к группе «мобильных» (97%). Наиболее широко (ок. 63%) представлены очень малые и малые по объему сосуды (от 170 мл до 2,5 л). Средние по объему сосуды составляют 24%. Закономерно, что глиняные сосуды по своему объему заметно больше каменных. Зато по своей общей пропорциональности и каменные и глиняные сосуды практически одинаковы.

Из приведенных фактов можно сделать ряд выводов:

1) размер сосудов зависел, в том числе, от материала, из которого они делались (каменные сосуды заметно меньше глиняных);

2) развитие производства глиняных емкостей шло в двух основных направлениях: создание небольших мобильных сосудов (до 2,5 л) и огромных стационарных емкостей (свыше 200 л); очевидно, что те и другие имели разное функциональное назначение;

3) сходство каменных и мобильных глиняных сосудов по общей пропорциональности указывает на их частичную функциональную преемственность, хотя сфера применения глиняной посуды была, конечно, значительно шире.

Из памятников Японии и Дальнего Востока использованы данные по 69 только глиняным сосудам.

Все сосуды относятся к группе «мобильных» (до 50 л), среди которых по объему выделяются очень малые (14%), малые (25%) и средние (52%). Важно отметить, что в целом они значительно крупнее, чем мобильные глиняные сосуды, употреблявшиеся на Ближнем Востоке. По общей пропорциональности 94% этих сосудов относятся к группе средних.

Очевидно, что по своему функциональному назначению эти сосуды были значительно более единообразны по сравнению с древнейшей посудой на Ближнем Востоке. Судя по изучавшейся мною древнейшей посуде Приамурья, она использовалась главным образом для приготовления горячей пищи.

Подводя итоги изучения форм глиняных сосудов, можно заключить, что здесь имели место как общие, так и локальные закономерности.

К общим относятся, во-первых, то, что сосуды из глины по своей форме, скорее всего, копировали более ранние естественные и искусственные неглиняные емкости, хотя отличались от них большим разнообразием, во-вторых, древнейшие глиняные сосуды по общей пропорциональности практически полностью совпадали как с более ранними сосудами из неглинистых материалов, так и между собой в разных регионах, а по своему объему занимали как бы промежуточное положение между каменными и стационарными емкостями.

К локальным закономерностям можно отнести различия древнейших глиняных сосудов, во-первых, по разнообразию ассортимента и, во-вторых, по их размерным особенностям в разных регионах.

Эти различия были обусловлены, с одной стороны, разными неглиняными прототипами первых глиняных сосудов, а с другой – не одинаковым их функциональным назначением и использованием в быту.

Происхождение гончарной технологии

Основные моменты этого процесса были исследованы А.А. Бобринским и И.Н. Васильевой. Чтобы понять, как шло формирование и первоначальное развитие гончарной технологии, нужно иметь в виду, что освоение че-

ловеком пластичных глинистых материалов началась задолго до возникновения гончарства и относится к верхнему палеолиту (глиняная пластика) и докерамическому неолиту (сырцовое строительство).

Поскольку действительно древнейшие образцы глиняной посуды крайне редки, нам приходится реконструировать процесс происхождения гончарной технологии ретроспективно, используя материалы раннего неолита разных регионов Земного шара. Здесь можно опираться на несколько строго достоверных фактов.

Установлено, что древнейшим глинистым материалом, из которого делали сосуды, были не глины, а природные илы.

В настоящее время по керамике раннего неолита зафиксировано использование так называемых равнинных илов с обильной естественной органической примесью и горных илов с естественной минеральной примесью. Именно такой сложный состав илов позволял подвергать сосуды целенаправленной термической обработке. Причем, если равнинные илы в основном допускают длительное низкотемпературное воздействие, то горные илы требуют высокотемпературной обработки.

Адаптационные процессы здесь проявляются как в выборе самого пластичного материала, так и в освоении свойств именно тех илов, которые были доступны в конкретном районе обитания.

Материалом для изготовления сосудов на основе природных глин в большинстве случаев служит специально приготовленная «формовочная масса».

По материалам раннего неолита сейчас известно два основных направления развития традиций составления формовочных масс.

Первое направление – это формовочная масса из глины и искусственной органической примеси (глина + помет водоплавающих птиц, глина + дробленая раковина).

Происхождение этих рецептов формовочной массы связано с искусственной имитацией разных видов равнинных илов, один из которых был насыщен волокнами тонкой водной растительной органики (водорослями), а другой мелкими раковинами пресноводных моллюсков, главным образом улиток.

Переход к использованию таких искусственных составов мог быть связан, во-первых, с временной недоступностью источников илистого сырья в результате переселения на новое место обитания, во-вторых, с заметным повышением прочности и влагонепроницаемости таких сосудов в результате длительного низкотемпературного или короткого высокотемпературного обжига. Следует подчеркнуть, что эти традиции характерны только для коллективов с присваивающим типом хозяйства.

Совершенно в других условиях шло формирование состава из глины и навоза жвачных животных. Судя по регионам его массового распространения, он возник в результате имитации случаев использования для изготовления посуды поверхностных залежей глины в местах водопоя и массового выпаса жвачных животных. Данный состав формовочной массы характерен для обитателей зон с жарким климатом с исключительно производящим типом хозяйства. Сосуды предполагают обжиг в окислительной среде при температурах начала каления глины (ок. 650–700 °С).

Второе направление – это формовочная масса из глины и искусственной минеральной примеси (глина + песок, глина + дресва, глина + шамот).

Распространение двух первых традиций связано в первую очередь с подражанием «горным» илам и глиняным суглинкам, содержащим большое количество остроугольного песка и породных обломков. При переселении в районы распространения более пластичных глин, которые не имели такой естественной примеси, гончары искусственно создавали формовочную массу, похожую на ту, которую они раньше использовали в готовом виде.

Происхождение традиции составления формовочной массы из смеси глины и шамота на основании этнографических данных объяснялось магическими целями – для придания новым сосудам той прочности и долговечности, которую имели старые сосуды. Однако в связи с изучением технологии древнейшей осиповской керамики из памятников Нижнего Амура мною было высказано предположение, что возникновение этой традиции отражает тот же самый процесс имитации гончарами некоторых видов готового природного сырья.

В частности, было установлено, что местные гончары использовали илистое сырье с естественной примесью сланцевой глины и бурого железняка. Иногда концентрация этих частиц в формовочной массе достигала 30 и даже 50% общего объема. Внешне они очень похожи на шамот, но имеют более округлую форму.

Зато позднее в этом регионе распространяется мариинская культура, посуда которой изготавливалась из глины с искусственной примесью шамота, что допустимо рассматривать как сознательную имитацию более древней традиции осиповской культуры.

Изложенные факты позволяют прийти к следующим выводам:

1) Использование для изготовления сосудов различных составов формовочных масс было связано с имитацией похожих природных составов, которые раньше использовались в готовом виде;

2) Возникновение искусственных составов формовочных масс было обусловлено местной природно-климатической обстановкой и конкретными формами хозяйства, которые были характерны для этого коллектива.

Таким образом, происхождение гончарства (как форм сосудов, так и технологии их изготовления) было тесно связано, во-первых, с адаптацией коллектива к природной и хозяйственной среде, во-вторых, с широко развитой подражательной (имитационной) деятельностью людей. В целом происхождение гончарного производства на Земном шаре представляло собой полицентричный процесс: оно многократно возникало в разных районах Земного шара до тех пор, пока его быстрое и сплошное распространение не скрыло от нас истоки этого явления.

НЕОЛИТ И ПАЛЕОМЕТАЛЛ В НИЖНЕМ ПРИАМУРЬЕ: СЦЕНАРИЙ ПАЛЕОЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

© 2014 г. И.Я. Шевкомуд

Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, Хабаровск
(neolitt@mail.ru)

Ключевые слова: эпохи неолита, бронзы и железа, палеоэтнокультурные процессы, Нижнее Приамурье, Дальний Восток.

Резюме. Нижнее Приамурье до рубежа эр пережило два периода высокого уровня культурного развития. Первый и наиболее яркий – в неолите – отличался длительностью и целой серией крупных самобытных и преемственных культур. Но неолитическая линия развития по неизвестным причинам прекратила свое существование, закончилась коллапсом. В эпоху бронзы – «темных веков» амурского древнего мира – высокоразвитых культур в Нижнем Приамурье не существовало, зато появилась мозаичность, дробность палеоэтнокультурной картины, сохранявшаяся во все последующие эпохи. Второй период высокого культурного развития – в железном веке, на основе преемственных урильской и польцевской культур, также представлявших мощное культурное явление.

Новых источников по темам неолита и палеометалла Нижнего Приамурья, накопленных уже после времен масштабных и фундаментальных работ исследователей Дальневосточной археологической экспедиции, к настоящему времени достаточно не на одну обстоятельную монографию. То, что в настоящее время имеется, введено в научный оборот в неравномерной степени. Основное внимание уделялось неолиту, по которому издано довольно много статей, а также, что очень важно, монографии и отчетные материалы (Окладников, 1983; Деревянко А.П., Медведев, 1993; Деревянко А.П. и др., 2000;

2002; 2003; Медведев, 2005а, б; Шевкомуд, 2004; Шевкомуд, Кузьмин, 2009; Шевкомуд, Яншина, 2012; и др.). Что касается палеометалла, то проблемы данной эпохи рассмотрены в основном на уровне статей, а монографических осмыслений проблематики заметно меньше (Деревянко А.П., 1973; 1976; Древности Буреи, 2000; Гребенщиков, Деревянко Е.И., 2001; Фукуда и др., 2005; и др.).

Разумеется, рассмотреть сколь-нибудь детально весь массив данных в настоящей работе невозможно. Но вполне уместно представить общее видение, концепцию, реконструированную на основе всех имеющихся источников, как давно известных, так и новых.

Всю информацию, которая в настоящее время получена из археологических источников по эпохам неолита и палеометалла Нижнего Приамурья (бассейна р. Амур от р. Уссури до амурского устья), а также сопредельных ему территорий Среднеамурской низменности и бассейна р. Уссури, по-нашему мнению, можно свести к трем основным тезисам.

1. Развитие неолитических культур территории началось очень рано, в финале плейстоцена и, вероятнее всего, имело вид весьма масштабной *колонной секвенции* (Клейн, 1991. С. 394): ареалы культур огромны (протяженностью до 900 км вдоль долин Амура и Уссури только на территории Хабаровского края), памятников довольно много, территориальные варианты в основном ареале – Нижнем Приамурье – практически не выявлены, наоборот, отмечено удивительное типологическое единство керамики на всей обозначенной территории; длительность эпохи неолита также масштабна – более 12 тыс. лет (Шевкомуд, Кузьмин, 2009). Развитие и смену крупных культур – осиповской, кондонской, малышевской и вознесеновской – можно представить в виде последовательной смены обширных «палеоэтнокультурных монолитов», связанных происхождением. Причем уже в плейстоценовой осиповской культуре были заложены все характерные признаки нижнеамурского неолита, которые транслировались в последующих культурах (Шевкомуд, Яншина, 2012). Предшествующие исследователи также считали нижнеамурский неолит единым явлением, что выражалось в выделении А.П. Окладниковым амурской неолитической культуры, разделенной на этапы (Окладников, 1941; 1967; Деревянко А.П., 1972), а А.П. Деревянко (1973. С. 260) говорил о культурной общности в неолите Нижнего Амура.

Уровень развития неолита Нижнего Амура был в некоторых аспектах сопоставим с синхронными культурами двух других великих рек востока Азии – Хуанхэ и Янцзы – и комплексами эпохи дзёмон Японии. А.П. Окладников и другие исследователи неоднократно отмечали уникальность феномена нижнеамурского неолита на фоне североазиатских неолитических культур, а также называли именно Нижний Амур мощным центром этно- и культурогенеза на востоке Азии (Окладников, 1941; Okladnikov, 1981; Деревянко А.П., 1973. С. 260). Можно предполагать, что движение неолита территории шло к возникновению отдельной «амурской цивилизации».

Но в конце неолита что-то произошло. Поступательное движение ярких и самобытных культур не перешло логично в эпоху бронзы, а просто прервалось. Ситуацию вполне уместно характеризовать как коллапс. Она была, скорее всего, катастрофической, хотя конкретизировать ее причины и содержание пока возможно лишь на уровне гипотез. Ясно одно – вознесеновская культура и в целом мощная линия развития неолита Нижнего Амура прекратила свое существование, оборвалась по неизвестным пока причинам примерно в XVIII–XVII вв. до н.э.[1] (Шевкомуд, Кузьмин, 2009), прямая преемственность была практически разрушена. Нижнее Приамурье как-то очень странно, в археологическое одночасье, превратилось в «первобытную ойкумену» (рис. 1).

2. Период после «вознесеновского коллапса» в Нижнем Приамурье отличается тем, что его представляют редкие и разнородные памятники, а территория заселена слабо и мозаично (рис. 2). Сохранившиеся очень лаконичные археологические источники можно разделить на две основных группы. Первая группа – «осколки» вознесеновской культуры, т.е. комплексы, которые в разной степени можно связать с финалом неолита. Это прежде

1 Временные рамки приводятся на основе калиброванных радиоуглеродных дат, если не указано иное.



Рис. 1. Парадокс культур нижнеамурского неолита: они не стали основой соответствующих по уровню развития культур эпохи бронзы (*Б*), как это произошло, например, в бассейне р. Хуанхэ (*А*).
1 – сосуды культуры яншао; *2* – бронзовый сосуд периода Шан; *3, 4* – сосуды вознесеновской и малышевской культур; *5* – сосуд эпохи бронзы Нижнего Амура.
1, 2 – по: (The Treasures of a Nation, 1999); *3, 4* – по: (Медведев, 2005а; Okladnikov, 1981).

всего коппинская культура, затем – комплексы «пост-малогаванского» облика, не имеющие пока четкого таксономического обозначения, и, что очень вероятно, еще какие-то другие (Шевкомуд, 2008а).

Вторая группа – комплексы, оставленные явными мигрантами, не имевшими никаких корней в традиционном нижнеамурском неолите; которые стекались с сопредельных территорий в освободившиеся эколого-хозяйственные и территориальные ниши Нижнего Приамурья. Из известных это: усть-мильские реминисценции из Якутии и, что очень важно (!), – носители урильской культуры из Западного Приамурья (Деревянко А.П., 1973; Древности Буреи, 2000; и др.). Есть и другие, пока ясно не определенные. Период с XVII по IX–VIII вв. до н.э., по нашему мнению, можно называть эпохой бронзы, но с исторической спецификой, связанной с прерыванием вектора развития, заданного в эпоху неолита.

3. Все вышеперечисленные участвовали в палеоэтнокультурных процессах начала – первой половины I тыс. до н.э., при явном доминировании пришлой урильской культуры, занявшей большой ареал на Среднем и Нижнем Амуре (Деревянко А.П., 1976. С. 158) и ставшей, по сути, новым палеоэтнокультурным монолитом, напоминавшим неолитические времена. С появлением последней в



Рис. 2. Керамика, соотносимая с эпохой бронзы в Нижнем Приамурье.
1 – фрагмент сосуда коппинской культуры (поселение Кольчём-3); *2* – сосуд «постмалогаванского» облика (поселение Богородское-24); *3, 4* – фрагменты усть-мильского облика (поселение Голый Мыс-5); *5, 6* – сосуды неясного облика, датированные радиоуглеродным методом эпохой бронзы (поселения Кольчём-2, Новотроицкое-12).

IX–VIII вв. до н.э. можно говорить о *периоде раннего железа* в Нижнем Приамурье, который продолжался до III–I вв. до н.э., до формирования польцевской культуры.

В данных процессах, вряд ли простых по характеру взаимоотношений между разными культуроносителями, выплавлялся новый палеоэтнокультурный монолит, характеризующий уже *период развитого железа* Нижнего Приамурья – польцевская культура (Деревянко А.П., 1976; Деревянко А.П., Медведев, 2008), начало которой реальнее всего относить к III–I вв. до н. э.

С последних веков I тысячелетия до н.э. развитие культур восточной части Приамурья продолжается по двум линиям. Первая линия – мощная и генеральная – связана с польцевской культурой. Она охватывала как минимум всю восточную часть амурского бассейна, влияла на сопредельные территории и порождала варианты (ольгинская культура Приморья).

Вторая линия развития – второстепенная, но уже хроническая и придающая явный колорит эпохе и всей амурской древней истории, особенно на северо-востоке Нижнего Приамурья. Она связана с теперь уже польцевскими соседями, которые продолжали прочно сформированную к тому времени традицию мозаичности общей палеоэтнокультурной картины. Их также можно разделить на две группы. Первая группа – явно связанные с урило-польцевским фактором. Это пока трудноопределяемые локальные вариации

урильской и/или польцевской культур: комплексы змейкинского, кольчёмского и других типов (Шевкомуд, 2003; Дерюгин, Лосан, 2009). Вторая группа – комплексы, не связанные с урило-польцевским фактором. Из ныне известных это, прежде всего, большебухтинская культура, корни которой уходили, вероятно, в бронзовый век Якутии (Шевкомуд, 2008б). Она каким-то образом сохранила в урило-польцевском культурном мире Нижнего Приамурья свою самобытность.

Явно забегая за хронологические пределы настоящей работы, отметим следующее. Здесь перечислены только те типы и культуры, что появились до распространения крупной по ареалу и количеству памятников культуры «амурских чжурчжэней» (покровской), т.е. примерно до V–VII вв. н.э. Последняя – также мощная амурская археологическая культура-монолит, просуществовавшая до XIII в. н.э., до монгольского разгрома – не повлияла на мозаичность, что иллюстрируется, например, тэбахской культурой и другими «охотскими» типами. В дальнейшем традиция мозаичности сохраняется вплоть до известной специалистам лоскутной этнокультурной карты коренных народов Приамурья.

По-видимому, из-за охарактеризованных выше особенностей древней амурской истории русские землепроходцы XVII в. встретились здесь не с сильным и единым дальневосточным государством, а с непонятными до сих пор археологически, разрозненными этносами, проживавшими на территории, контролируемой в разные века II тыс. н.э. то более сильными китайцами, то маньчжурами, вплоть до окончательного включения ее в состав Российской империи в середине XIX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гребенщиков А.В., Деревянко Е.И. Гончарство древних племен Приамурья (начало эпохи раннего железа). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. 120 с.

Деревянко А.П. Историография каменного века Приамурья // Материалы по археологии Сиби-ри и Дальнего Востока. Ч. 1. Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1972. С. 38–66.

Деревянко А.П. Ранний железный век Приамурья. Новосибирск: Наука, 1973. 356 с.

Деревянко А.П. Приамурье (I тысячелетие до н.э.). Новосибирск: Наука, 1976. 384 с.

Деревянко А.П., Медведев В.Е. Исследования поселения Гася (предварительные результаты, 1980 г.). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1993. 109 с.

Деревянко А.П., Медведев В.Е. К проблеме преобразования культур позднейшей фазы древности на юге Приморья (по материалам исследования поселения Булочка) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 3. С. 14–35.

Деревянко А.П., Чо Ю-Джон, Медведев В.Е., Ким Сон-Тэ, Юн Кын-Ил, Хон Хён-У, Чжун Сук-Бэ, Краминцев В.А., Кан Ин-Ук, Ласкин А.Р. Отчет о раскопках на острове Сучу в Ульчском районе Хабаровского края в 2000 г. Сеул: Гос. исслед. ин-т культурного наследия Республики Кореи; ИАЭТ СО РАН, 2000. 564 с. (на рус. и кор. яз.).

Деревянко А.П., Чо Ю-Джон, Медведев В.Е., Юн Кын-Ил, Хон Хён-У, Чжун Сук-Бэ, Краминцев В.А., Медведева О.С., Филатова И.В. Исследования на острове Сучу в Нижнем Приамурье в 2001 г. Т. I–III. Сеул: Гос. исслед. ин-т культурного наследия Республики Кореи; ИАЭТ СО РАН, 2002. Т. I – 420 с.; Т. II – 222 с.; Т. III – 440 с. (на рус. и кор. яз.).

Деревянко А.П., Чо Ю-Джон, Медведев В.Е., Шин Чан-Су, Хон Хён-У, Краминцев В.А., Медведева О.С., Филатова И.В. Неолитические поселения в низовьях Амура (Отчет о полевых исследованиях на острове Сучу в 1999 и 2002 гг.). Т. I–III. Сеул: Гос. исслед. ин-т культурного наследия Республики Кореи; ИАЭТ СО РАН, 2003. Т. I – 446 с.; Т. II – 208 с.; Т. III – 466 с. (на рус. и кор. яз.).

Дерюгин В.А., Лосан Е.М. Проблемы классификации, периодизации керамики эпохи палеометалла Северо-Восточного Приамурья // Культурная хронология и другие проблемы в исследованиях древностей востока Азии / Отв. ред. И.Я. Шевкомуд. Хабаровск: ХКМ им. Н.И. Гродекова, 2009. С. 47–73.

Древности Буреи. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. 352 с.

Клейн Л.С. Археологическая типология. Л.: Изд-во АН СССР, 1991. 448 с.

Медведев В.Е. Неолитические культовые центры в долине Амура // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005а. № 4. С. 40–69.

Медведев В.Е. Неолитические культуры Нижнего Приамурья // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы / Отв. ред. Ж.В. Андреева. Владивосток: Дальнаука, 2005б. С. 234–267.

Окладников А.П. Неолитические памятники как источники по этногонии Сибири и Дальнего Востока // КСИИМК. 1941. Вып. 9. С. 5–14.

Окладников А.П. Поселение у с. Вознесеновка в устье р. Хунгари // АО 1966 года. М.: Наука, 1967. С. 175–178.

Окладников А.П. Петроглифы Нижнего Амура. Л.: Наука, 1971. 336 с.

Окладников А.П. Древнее поселение Кондон (Приамурье). Новосибирск: Наука, 1983. 160 с.

Окладников А.П., Деревянко А.П. Неолит Дальнего Востока // История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. 1: Древняя Сибирь. Л.: Наука, 1968. С. 127–150.

Фукуда М., Шевкомуд И.Я., Такахаси К., Косицына С.Ф., Горшков М.В., Кияма К. Исследование древних культур позднего неолита – палеометалла в Нижнем Приамурье: отчет об археологических раскопках многослойного памятника Голый Мыс-1 / Под ред. М. Фукуды, И.Я. Шевкомуда. Токоро: Исслед. лаборатория Токоро Токийского ун-та, 2005. 114 с. (на рус. и яп. яз.).

Шевкомуд И.Я. Палеометалл северо-востока Нижнего Приамурья (поселение Голый Мыс-5) // Амуро-Охотоморский регион в эпоху палеометалла и средневековья / Под ред. В.А. Дерюгина. Вып. 1. Хабаровск: ХККМ им. Н.И. Гродекова, 2003. С. 7–22.

Шевкомуд И.Я. Поздний неолит Нижнего Амура. Владивосток: ДВО РАН, 2004. 156 с.

Шевкомуд И.Я. Коппинская культура и проблема перехода от неолита к палеометаллу в Нижнем Приамурье // Столетие великого АПЭ (К юбилею академика А.П. Окладникова) / Отв. ред. Д.Л. Бродянский. Владивосток: ДВГУ, 2008а. С. 157–181.

Шевкомуд И.Я. Большебухтинская культура в Нижнем Приамурье // Традиционная культура востока Азии / Отв. ред. Д.П. Болотин, А.П. Забияко. Вып. V. Благовещенск: АмГУ, 2008б. С. 158–170.

Шевкомуд И.Я., Кузьмин Я.В. Хронология каменного века Нижнего Приамурья (Дальний Восток России) // Культурная хронология и другие проблемы в исследованиях древностей востока Азии / Отв. ред. И.Я. Шевкомуд. Хабаровск: ХКМ им. Н.И. Гродекова, 2009. С. 7–46.

Шевкомуд И.Я., Яншина О.В. Начало неолита в Приамурье: поселение Гончарка-1. СПб.: МАЭ РАН, 2012. 270 с.

Okladnikov A.P. Ancient art of the Amur Region. Album. Leningrad: “Avrora” Publishers, 1981. 160 p.

The Treasures of a Nation. China’s cultural heritage, 1949–1999. Discovery, Preservation and Protection. Beijing: Morning Glory publishers, 1999. 328 p.

ХАРАКТЕРИСТИКА И ХРОНОЛОГИЯ КЕРАМИКИ НОВОИЛЬИНСКОГО ТИПА В ИКСКО-БЕЛЬСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ

© 2014 г. А.В. Шипилов

Институт археологии АН РТ, Казань
(Shipilov_anton@mail.ru)

Ключевые слова: Икско-Бельское междуречье, новоильинская культура, посуда, керамика, орнаментация.

Резюме. Статья посвящена анализу керамики новоильинской культуры в Икско-Бельском междуречье. Делается вывод о том, что сложение памятников новоильинской культуры на рассматриваемой территории происходило при ярко выраженном сохранении культурных традиций волго-камской неолитической культуры на хуторском этапе. При этом новоильинскую керамику Икско-Бельского междуречья, на основе полученной даты, автор склонен помещать в хронологические рамки конца IV – начала III тыс. до н.э.

История изучения новоильинской культуры насчитывает свыше 50 лет. Ее открытие и первоначальное изучение связано с именем О.Н. Бадера. Раскапывая древние поселения в зоне затопления Камских водохранилищ, он выделил новый тип керамики, во многом напоминавшей неолитическую. Первые находки были сделаны на поселениях Бор IV, Боровое озеро III и других. Наиболее выразительный и архаичный материал был получен на поселении Ново-Ильинское III, по которому и была названа новая культура (Бадер, 1961. С. 60–75).

Керамические комплексы новоильинской керамики в Икско-Бельском междуречье выявлены Р.С. Габяшевым на стоянках Дубовогривская II, Игимская, Русско-Азибейская III, Золотая Падь II и Татарско-Азибейская II.

Новоильинская посуда тщательно, иногда до блеска, заглажена с обеих сторон и изготовлена из глиняного теста с примесями песка, мелкого шамота и мелких органических остатков. Толщина стенок колеблется в пределах 0,6–0,9 см. Толщина днищ обычно превышает толщину стенок на 0,2–0,4 см. По крупным фрагментам и частично реставрированным образцам можно полагать, что основной формой керамики являлись круглодонные сосуды с прикрытым горлом, полуяйцевидным округлым туловом (рис. 1, 2).

Численно преобладают округлые, плоские и приостренные формы венчиков. Сравнительно много и венчиков с внутренним утолщением.

Орнаментальные мотивы рассматриваемой керамики весьма просты и незатейливы. Это пояса, состоящие из оттисков различных овальных, линзовидных, саблевидных, клиновидных многочастных гребенчатых и одночастных штампов (рис. 1). В массиве керамики новоильинского типа сравнительно реже встречается мотив «елочки» (рис. 2, *1, 8*), ромба (рис. 2, *2*), флажка (рис. 2, *3*), вертикального (рис. 2, *3*) и однорядного или двурядного горизонтального зигзага (рис. 2, *4–9*).

Поселения и отдельные местонахождения с новоильинской керамикой выявлены на левобережных участках долины р. Камы. Типологически близкие к икско-бельским новоильинские комплексы отмечены в бассейне р. Вятки (Гусенцова, 1980; Наговицын, 1987. С. 30), а также в среднем и верхнем течении Камы (Наговицын, 1987. С. 30). Сходные с икско-бельским новоильинские керамические комплексы выявлены в бассейне р. Самары на Виловатовской (Васильев и др., 1980. Рис. 7, 8) и Ивановской (Моргунова, 1980. Рис. 6) стоянках. Керамические комплексы новоильинского («флажкового») типа выявлены в

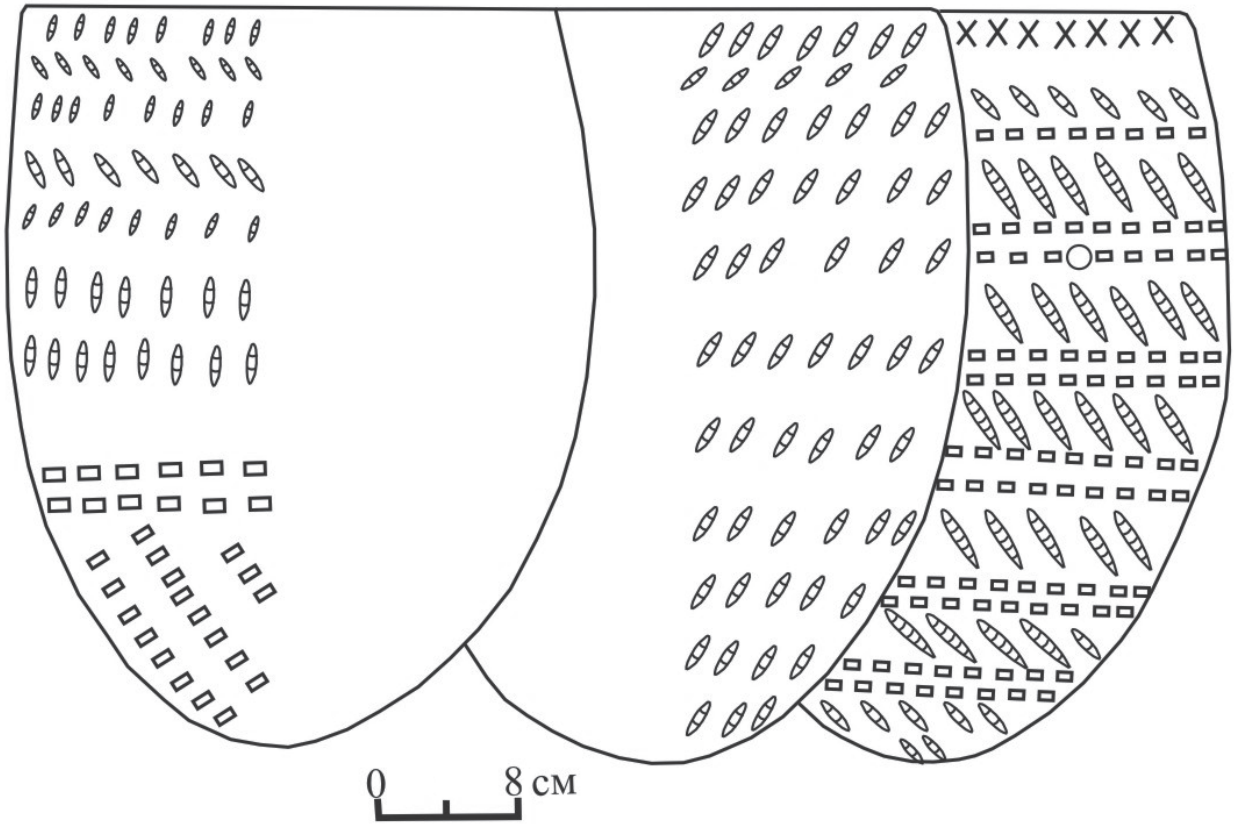


Рис. 1. Профилировка и орнаментация сосудов новоильинского типа Икско-Бельского междуречья.

бассейне р. Дёмы на Давлекановской и Кара-Якуповской (Морозов, 1984. Рис. 4) стоянках.

Характеризуя керамику новоильинского типа, следует отметить, что носители керамической традиции мариупольской культурно-исторической области не оказали значительного влияния на представителей этой части энеолитического населения Икско-Бельского междуречья. В изготовлении посуды прослеживается ярко выраженное сохранение традиций волго-камской неолитической культуры на хуторском этапе ее развития. Сравнительно-типологический анализ керамики новоильинского типа обнаруживает значительное сходство по профилировке сосудов и ряду орнаментальных мотивов с керамикой волго-камской культуры. К таковым мотивам относятся «ёлочка» (23,56%), горизонтальный зигзаг (3,60%), пояса из оттисков овальных (17,62%), линзовидных (14,23%) и клиновидных штампов (6,54%). В совокупности мотивы новоильинской культуры, имевшие распространение в среде носителей волго-камской культуры составляют 65,55%, что может свидетельствовать о значительном проявлении орнаментальных традиций эпохи неолита в массиве керамики новоильинского типа Икско-Бельского междуречья. В количественном отношении преобладают сосуды, имеющие закрытую полуяйцевидную форму (85%), которая также присуща для посуды волго-камской культуры. По всей поверхности имеется орнаментация, в которой отсутствуют сложные элементы орнамента. В глиняном тесте присутствует песок или шамот. Нередко венчики сосудов имеют наплыв с внутренней стороны (Васильев, Габяшев, 1982. С. 7; Габяшев, Старостин, 1978. С. 32). Сходство керамики новоильинского типа Икско-Бельского междуречья с керамикой волго-камской культуры дает основание полагать, что основой для сложения матери-

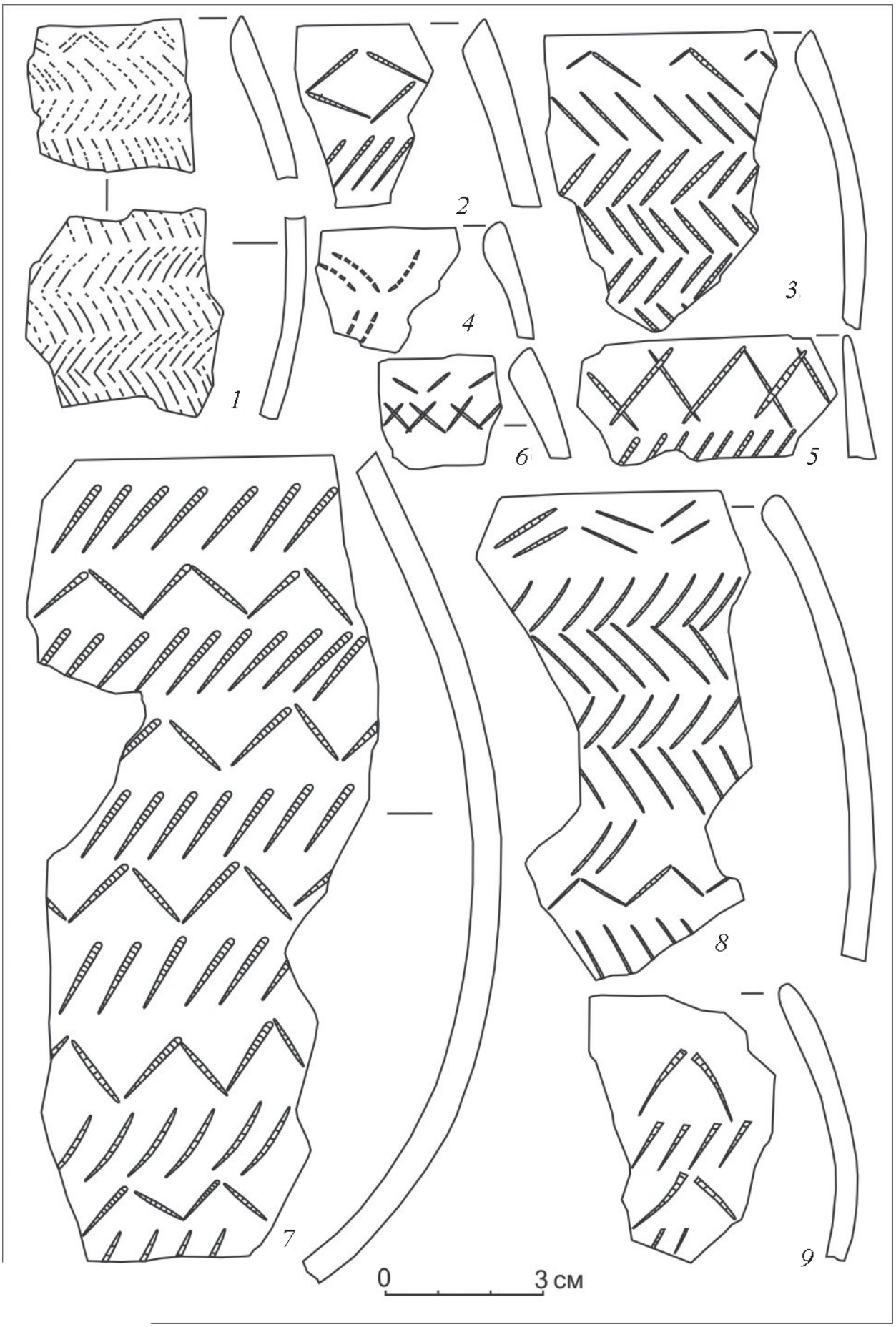


Рис. 2. Керамика новоильинского типа Икско-Бельского междуречья (поселение Татарско-Азибейское II).

альной культуры энеолитического населения памятников новоильинского типа послужила волго-камская культура.

Под воздействием различных факторов в начале III тыс. до н.э. влияние самарской и хвалынской культур иссякает. В изготовлении посуды отсутствует воротничок, один из определяющих признаков влияния вышеотмеченных культур. К новым элементам, позволяющим отличать керамику новоильинского типа от волго-камской хуторской, относятся разреженность орнаментации, использование коротких изогнутых штампов (1,83%), наличие небольших плоских днищ, а также присутствие количественно уступающих полуяйцевидных открытых форм сосудов. В массиве керамики новоильинского типа появляются новые, ранее не встречаемые орнаментальные мотивы в виде флажка (0,08%), ромба (0,08%), поясов из оттисков коротких изогнутых штампов (1,83%) а также пояса из оттисков коротких овальных двухчастных слитных штампов (0,95%). Их присутствие в массиве керамики новоильинского типа, вероятно, следует рассматривать как влияние на население Икско-Бельского междуречья энеолитического населения с сопредельных территорий (Удмуртии, Башкортостана, Среднего Поволжья и Среднего Прикамья). Применение короткого овального штампа также может служить свидетельством проявления контактов с сопредельными территориями, т.к. частота встречаемости в массиве керамики новоильинского типа Икско-Бельского междуречья его невелика (1,8%), в то время как на посуде правобережной Нижней Белой и Вятки их применение имеет большой удельный вес (Выборнов, 1984. С. 53).

Статистическая обработка массива керамики новоильинского типа, происходящей с поселенческих памятников Икско-Бельского междуречья, выявила значительный коэффициент сходства между ними. Данный факт может говорить о том, что на рассматриваемой территории в изготовлении посуды складывается локальная культурно-историческая традиция, принадлежащая к новоильинской культуре.

Возникновение симбиоза местных культурных орнаментальных традиций с орнаментальными традициями, позаимствованными в результате контактов с энеолитическим населением сопредельных территорий, также свидетельствует в пользу сложения локального Икско-Бельского варианта керамики новоильинской культуры.

На основе радиоуглеродной даты (5 280±100 л.н.) (Выборнов, 2008. С. 243), полученной со стоянки Русско-Азибейская III (определение лаборатории Института геохимии окружающей среды НАН, г. Киев), сложение памятников новоильинского типа правомерно относить к концу IV – началу III тыс. до н.э.

Дополнительным аргументом в пользу того, что рассматриваемая группа керамики относится к энеолиту, служит то, что в ходе исследования поселения Татарско-Азибейское II она была зафиксирована совместно с остатками металлопроизводства, представленными медными сплесками и фрагментами тиглей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бадер О.Н. Третье Ново-Ильинское поселение // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. Вып. 2. М., 1961. С. 60–75.

Васильев И.Б., Выборнов А.А., Габяшев Р.С., Моргунова Н.Л., Пенин Г.Г. Виловатовская стоянка в лесостепном Заволжье // Энеолит Восточной Европы: Межвуз. сб. науч. статей. Т. 235. Куйбышев: Куйбышев. гос. пед. ин-т. 1980. С. 151–188.

Васильев И.Б., Габяшев Р.С. Взаимоотношения энеолитических культур степного, лесостепного и лесного Поволжья и Прикамья // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев, 1982. С. 3–23.

Выборнов А.А. «Флажковый» комплекс керамики Нижней Белой // Новые памятники археологии Волго-Камья. Йошкар-Ола, 1984. С. 50–62.

Выборнов А.А. Неолит Волго-Камья. Самара: Самар. гос. пед. ун-т, 2008. 490 с.

Габяшев Р.С., Старостин П.Н. Жилища эпохи бронзы Второй Дубовогривской стоянки // Древности Икско-Бельского междуречья. Казань, 1978. С. 109–120.

Гусенцова Т.М. Поселение Кочуровское IV в бассейне р. Кильмезь // Памятники эпохи энеолита и бронзы в бассейне р. Вятки. Ижевск: НИИ при СМ УдмАССР, 1980. С. 70–95.

Моргунова Н.Л. Ивановская стоянка эпохи неолита – энеолита в Оренбургской области // Энео-

лит Восточной Европы: Межвуз. сб. науч. статей. Т. 235. Куйбышев: Куйбышев. гос. пед. ин-т, 1980. С. 104–125.

Морозов Ю.А. Кара-Якуповская энеолитическая стоянка // Эпоха меди юга Восточной Европы. Куйбышев, 1984. С. 43–58.

Наговицын Л.А. Новоильинская, гаринско-борская и юртиковская культуры // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987. С. 28–34.

КАМЕННЫЙ ИНВЕНТАРЬ КОКШАРОВСКОГО ХОЛМА: ТИПОЛОГИЯ, ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

© 2014 г. А.Ф. Шорин, Е.В. Вилисов

Институт истории и археологии УрО РАН
(shorin_af@mail.ru; vilisov@mail.ru)

Ключевые слова: неолит, Среднее Зауралье, святилище Кокшаровский холм, каменный инвентарь.

Резюме. В докладе проводится сравнение каменного инвентаря неолитического святилища Кокшаровский холм с материалами поселенческих комплексов Среднего Зауралья этой эпохи. Устанавливаются сходство и различие каменных артефактов святилища и поселенческих памятников. Делается вывод, что определенное отличие ассортимента каменных изделий Кокшаровского холма и поселенческих комплексов, особенно в процентном соотношении, может свидетельствовать об активном использовании ряда категорий каменного инвентаря в культовой практике. Намечены возможные ритуалы, проводившиеся на святилище Кокшаровский холм, в которых были задействованы те или иные категории каменного инвентаря.

Насыпное святилище Кокшаровский холм (Свердловская обл.) сооружено в центре Юрьинского поселения его жителями в эпоху неолита и датируется рубежом VI–V – третьей четвертью IV тыс. до н.э. в некалиброванных значениях дат (Шорин, Шорина, 2011). Культовый характер памятника и других объектов этого типа (Чертова гора, Усть-Вагильский, Махтыльский холм) обоснован и не вызывает особых возражений (Старков, 1969; Панина, 2008; Сладкова, 2008; Шорин, 2010). В настоящее время коллекция предметов из камня с Холма насчитывает более 23 тыс. экз. Однако типологически лишь малую часть из них можно отнести к культовым. Это навершие булавы в виде головы медведя или бобра, оформленная как орнитоморфное изображение обушковая часть сланцевого ножа, пряслице, тальковые стержни с насечками, из которых один с поперечным желобком[1] (Шорин, 2010. Рис. 3; 5, *6*; 6, *1*). Эти изделия имеют аналоги в других культовых комплексах, либо оцениваются специалистами, в том числе, и как культовые. Остальной материал типологически мало отличается от поселенческих комплексов неолита Среднего Зауралья и включает широкий спектр типов изделий: куски сырья, нуклеусы, технические снятия, заготовки, различные орудия, отходы их производства и т.д. Часть материала, вероятно, связана с функционированием культовых объектов, исследованных на Холме (Вилисов, 2006. С. 192–195; Шорин, Вилисов, 2008). Для выявления специфики комплекса и определения категорий артефактов, задействованных в культовой практике, проведен сравнительный типолого-статистический анализ каменных артефактов святилища Кокшаровский холм с материалами неолитических

1 Этот предмет мог быть также «утюжком» или его имитацией (Шорин, 2010. С. 36–37).

памятников Среднего Зауралья (Ковалева, Сериков, 1982; Сериков, 1981; Кернер, 1991; Волков, 2001; Шаманаев, 2001). Он позволил выявить следующие характерные черты каменного инвентаря святилища Кокшаровский холм.

1. Наиболее многочисленная категория находок – отщепы и чешуйки – более 9 000 экз., 38,8%. Их доля меньше, чем в поселенческих комплексах, где они могут составлять до 65% от всего материала. Это может указывать на ограниченную роль камнеобработки в производственных процессах на территории святилища. Часть отщепов могла быть получена при совершении обрядовых действий, что зафиксировано в объекте 15 Кокшаровского холма (Шорин, Вилисов, 2008). Среди орудий на отщепах преобладают скребки – 3,4% комплекса (их доля сопоставима или меньше по сравнению с поселениями). Многие из них в начальной стадии сработанности и предназначены для работы по дереву: выскабливание, вырезание рельефных линий (Алексашенко, 2004. С. 102). Ретушированные отщепы немногочисленны – 1,5%, что в 2–6 раз меньше, чем на поселениях. Причем, большая часть из них несет следы утилизации в виде нерегулярной ретуши, образовавшейся, вероятно, от непродолжительного использования.

2. Многочисленны нуклеусы и нуклевидные куски различной степени сработанности, часто выполненные из некачественного сырья – более 600 экз., или 2,5% от общего количества предметов из камня. Их доля в 2,0–2,5 раза больше, чем в крупных поселенческих комплексах. О важной роли расщепления нуклеусов и значимости данной категории артефактов может свидетельствовать наличие на памятнике массивных уплощенных форм, предназначенных для снятия широких пластин. Подобный тип нуклеусов практически неизвестен в поселенческих комплексах, однако встречается в мастерских (Матюшин, 1976. Рис. 5).

3. Пластины без обработки насчитывают около 4 000 экз., 18,5%. Данный показатель сопоставим с материалами поселенческих комплексов. Следует отметить, что значительное количество пластин (19%) – целые экземпляры. Они, вероятно, были выключены из производственного процесса сразу после изготовления. На отдельных участках холма в пределах расположения некоторых объектов доля этих снятий достигает 30%. Количество орудий на пластинах невелико – около 6% от всего материала. Трасологический анализ показал, что среди них преобладают мясные ножи (Алексашенко, 2004. С. 104).

4. Значительной серией представлены наконечники стрел – более 200 экз., 0,9%. В неолитических комплексах они малочисленны – не более 5–6 экз. или отсутствуют вообще. Значительная часть наконечников Холма фрагментирована.

5. Необычайно велика на Холме доля абразивов – более 1 500 экз., 6,6%. Этот показатель выше, чем на поселениях в 3–4 раза. Абразивы, в основном, фрагментированы. Апплицирование части абразивов позволило установить, что раскалывание было преднамеренным, а не в процессе утилизации. После раскалывания большинство из них не использовалось (Там же. С. 102).

6. Значительное количество абразивных инструментов можно было бы объяснить специализированным производством на памятнике, например: изготовлением шлифованных орудий. Однако доля последних относительно мала – 2,5%, что сопоставимо или меньше, чем на поселениях. Также малочисленны и заготовки для их производства. Но среди более чем 600 шлифованных предметов лишь 25 относительно целые (топоры, тесла, ножи). Остальные найдены в виде сколов и обломков. В ряде случаев фрагментация орудий не была следствием утилизации, а произведена намеренно.

7. Остальные категории изделий – острия, орудия на плитках, грузила, пилы, наковальни, ретушеры, лощила и ряд других орудий – относительно малочисленны. Их возможная связь с объектами и роль в функционировании памятника может быть установлена только после детального планиграфического анализа.

Соотношение категорий каменных изделий на святилище Кокшаровский холм по целому ряду показателей отличается от поселенческих комплексов. На основе проведенного анализа можно предположить некоторые стороны самих культовых действий. Среди них, вероятно, бытовали следующие.

1. Обряды, связанные с расщеплением камня на отщепы и пластины. После снятия как минимум пятая часть пластин исключалась из производственного процесса. Материалы одного из объектов позволяют предположить, что аналогичная картина характерна и для заготовок в виде отщепов.

2. Особую роль в совершении ритуальных действии играли обряды, в которых были задействованы наконечники стрел.

3. Обряды, сопровождающиеся фрагментацией готовых орудий труда, в первую очередь абразивов, а также, возможно, шлифованных орудий и наконечников.

4. Вероятно, важная роль придавалась деятельности, связанной с обработкой мяса и мелкой работой по дереву.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексашенко Н.А. Камень со святилища // Культовые памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. С. 94–108.

Вилисов Е.В. Микролитический комплекс святилища Кокшаровский холм // Урал. ист. вестн. 2006. № 14. С. 177–196.

Волков Е.Н. Боборыкинский комплекс поселения Двухозерное-1 // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. С. 12–25.

Кернер В.Ф. Поселение Исетское Правобережное // Неолитические памятники Урала. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 46–67.

Ковалева В.Т., Сериков Ю.Б. Поселение боборыкинского типа на Андреевском озере у г. Тюмени // Археологические исследования Севера Евразии. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1982. С. 39–52.

Матюшин Г.Н. Поселение с мастерской Карабалыкты V на Южном Урале // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.: Наука, 1976. С. 37–56.

Панина С.Н. Археологические исследования на Усть-Вагильском холме // Вопр. археологии Урала. Вып. 25. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2008. С. 137–146.

Сериков Ю.Б. Комплекс каменных изделий из жилища неолитической стоянки Полуденка-1 // СА. 1981. № 1. С. 261–266.

Сладкова Л.Н. Чертова Гора – неолитический памятник в бассейне Конды // Вопр. археологии Урала. Вып. 25. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2008. С. 147–158.

Старков В.Ф. О так называемых «Богатых буграх» в Лесном Зауралье // Вестн. Моск. ун-та. 1969. № 5. С. 65–70.

Шаманаев А.В. Каменная индустрия кошкинской культуры (по материалам памятников оз. Андреевского) // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. С. 146–153.

Шорин А.Ф. Святилище Кокшаровский холм в Среднем Зауралье: маркеры сакрального пространства // Урал. ист. вестн. 2010. № 1 (26). С. 32–42.

Шорин А.Ф., Вилисов Е.В. Объект 15 кошкинской культуры Кокшаровского холма: версии использования // Вопр. археологии Урала. Вып. 25. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2008. С. 128–136.

Шорин А.Ф., Шорина А.А. Хроностратиграфия неолитических комплексов святилища Кокшаровский холм // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 3. С. 70–77.

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ КЕРАМИКА С ФИГУРНЫМИ НАЛЕПАМИ С КОКШАРОВСКОГО ХОЛМА И ЮРЬИНСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

© 2014 г. А.А. Шорина, А.Ф. Шорин

Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург
(aashor@mail.ru)

Ключевые слова: Среднее Зауралье, неолит, кошкинская культура, кокшаровско-юрьинская культура, полуденская культура, керамическая посуда, фигурные налепы.

Резюме. В докладе анализируется керамика с фигурными налепами из комплекса памятников «Кокшаровский холм – Юрьинское поселение». Время существования традиции изготовления таких сосудов в Среднем Зауралье определяется эпохой неолита (кошкинской, кокшаровско-юрьинской и полуденской культурами). Обозначен вероятный ритуальный статус сосудов с фигурными налепами.

Комплекс памятников «Кокшаровский холм – Юрьинское поселение» расположен в лесной зоне Среднего Зауралья на берегу Юрьинского озера в Верхнесалдинском городском округе Свердловской обл. В культурных слоях памятников представлены все неолитические культуры региона: кошкинская, кокшаровско-юрьинская (козловская), полуденская, басьяновская (боборыкинская), а также немногочисленные материалы эпох энеолита, бронзы и средневековья.

Одной из особенностей керамического комплекса является присутствие в неолитических слоях памятника большого количества сосудов с фигурными налепами. Подобные сосуды встречаются в разных регионах Евразии, однако практически на всех памятниках, где зафиксированы такие находки, они единичны.

Коллекция комплекса памятников «Кокшаровский холм – Юрьинское поселение» представлена 96 фрагментами неолитической керамики с фигурными изображениями не более чем от 80 сосудов, только 8 из которых найдены в слоях Юрьинского поселения. Изображения на 79 сосудах выполнены налепом, т.е. присоединением к краю или с небольшим отступом от него (рис. 1, *1*) уже сформированного, но еще неорнаментированного сосуда небольшого кусочка глины (иногда пальцевого защипа глины), символизирующего морду/нос живого существа. Дополнительно наколами могли быть обозначены глаза и/или рот, причем, иногда они органично вписаны в орнаментальную схему сосуда. Нередки случаи оформления среза венчика над налепом волной или нанесения в этом месте глубокой насечки, что символизировало, возможно, уши изображаемого объекта (рис. 1, *5*). Ширина изображений от 10 до 23 мм, высота – от 11 до 22 мм. Лишь на одном сосуде Кокшаровского холма изображение передано исключительно наколами по краю венчика без фигурного оформления (рис. 1, *2*).

Фигурные налепы на 74 сосудах располагались с лицевой стороны, на 5 – с внутренней (рис. 2, *1*). На одном сосуде изображение было передано с двух сторон: с внутренней – методом налепа, с лицевой – наколами (см. рис. 1, *4*).

Из-за сильной фрагментации сосудов сложно говорить о том, сколько изображений могло быть помещено на один сосуд. Однако восемь изученных сосудов имели не менее двух изображений, один сосуд – не менее трех, три сосуда – не менее четырех фигурных налепов. Остальные сосуды (68 шт.) представлены одним фрагментом с фигурным изображением. При этом налепы могли располагаться как в отдалении друг от друга, так и связкой из двух рядом расположенных налепов (рис. 2, *4*). Такая ситуация отмечена на трех сосудах Кокшаровского холма.

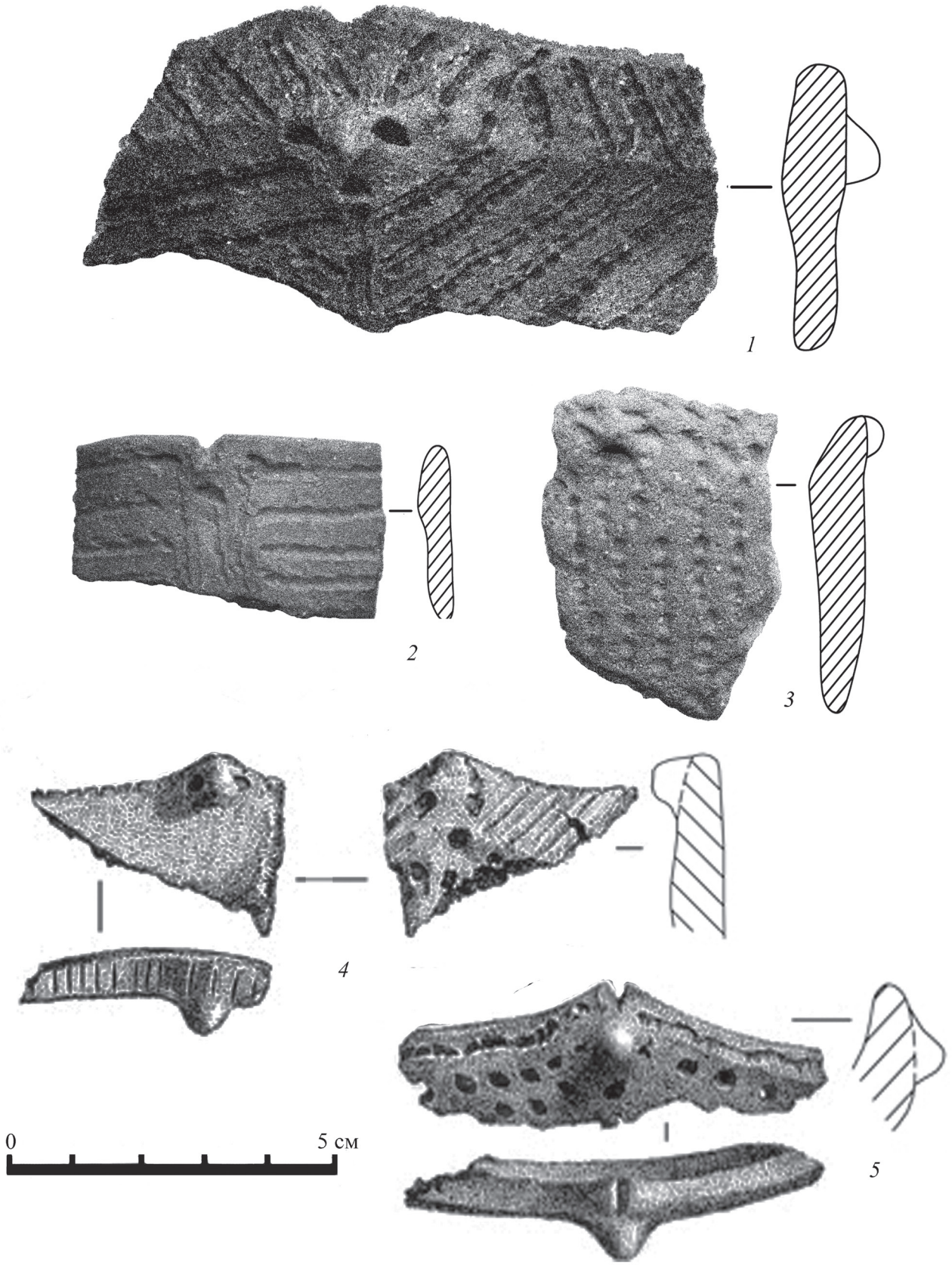


Рис. 1. Керамика с фигурными налепами с Кокшаровского холма.

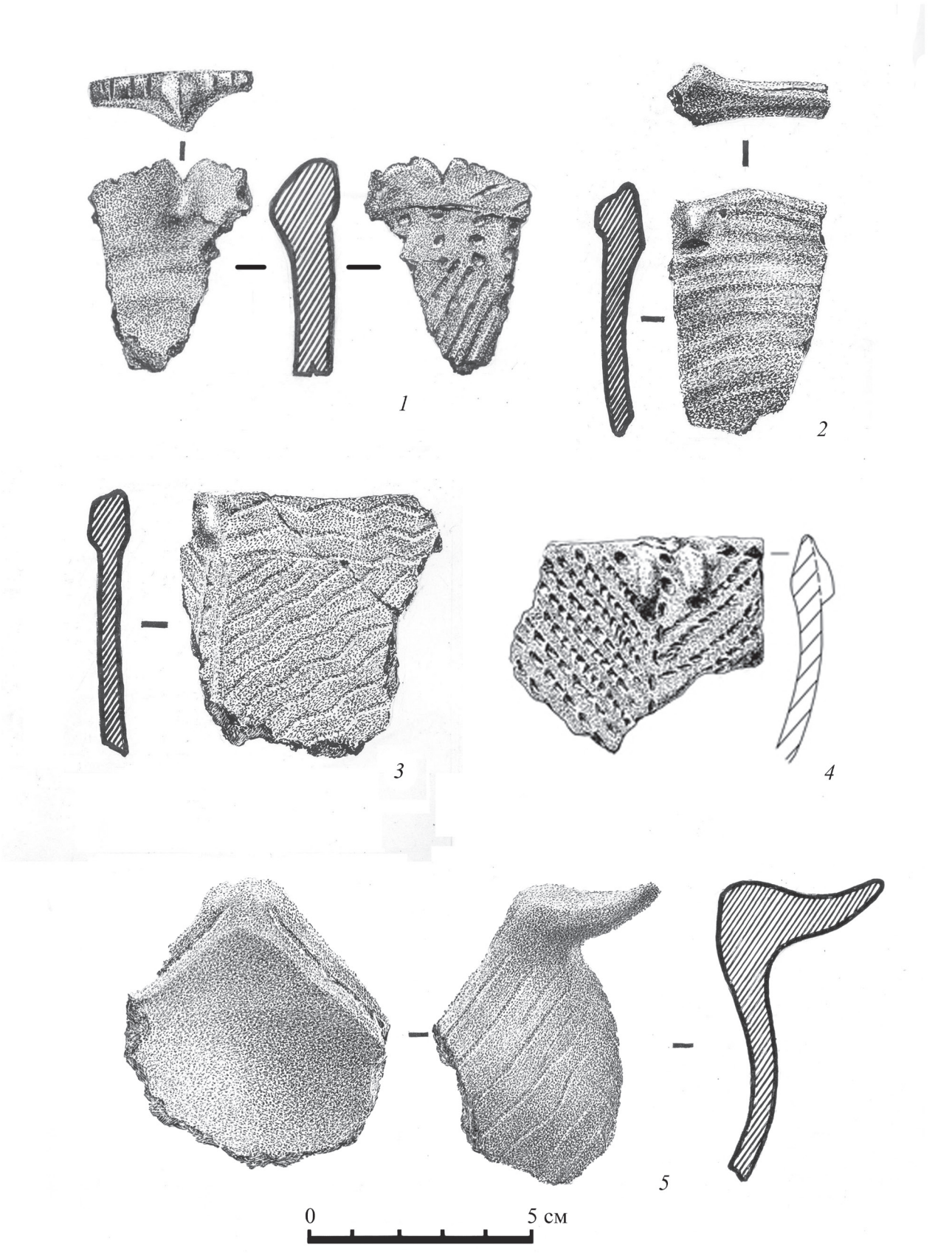


Рис. 2. Керамика с фигурными налепами с Кокшаровского холма.

Все изображения относятся к эпохе неолита, однако встречаются на сосудах разных культурных групп. Первоначально все фрагменты керамики с налепами Кокшаровского холма были отнесены к кокшаровско-юрьинской культурной традиции (Шорин, 1999). С накоплением материала в коллекции были выделены несколько налепов на керамике кошкинской культуры (Носкова, Шорин, 2007. С. 22). В настоящее время можно достоверно говорить о фиксации фигурных налепов на посуде кошкинской (17 сосудов; рис. 2, *2*), кокшаровско-юрьинской (24 сосуда; рис. 2, *4*) и полуденской (4 сосуда; см. рис. 1, *3*) культур. Остальные 35 сосудов представлены фрагментами с недостаточным для анализа количеством орнамента. Это не позволяет однозначно определить их культурную принадлежность. Однако техника орнаментации и орнаментальные схемы свидетельствует о принадлежности сосудов либо кошкинской, либо кокшаровско-юрьинской культурным традициям. Так, например, оформление зоны сосуда под налепом треугольником из прямых или волнистых линий, часто с вертикальными разделительными линиями посередине (рис. 2, *3*), что считается характерным признаком кокшаровско-юрьинской орнаментальной традиции (Там же. С. 23), встречено и на реконструируемых сосудах с фигурными налепами кошкинской культуры.

Открытым остается вопрос интерпретации фигурных изображений по краям сосудов. При малой детализации изображаемого образа (только морда/лицо) трактовать его как зооморфный, орнитоморфный или антропоморфный достаточно сложно. Вероятно, что разные сосуды несут в себе разные образы, тем более что традиция изготовления таких сосудов существовала продолжительное время. Они встречаются и в комплексах Северной Евразии эпохи энеолита и бронзового века, но в единичных экземплярах.

Однозначно толковать как орнитоморфное можно только изображение на одном сосуде с налепом Кокшаровского холма. Сосуд, скорее всего ладьевидной формы, имеет налеп в виде длинного утиного клюва (рис. 2, *5*). Орнаментация и местоположение сосуда позволяет предполагать, что вероятнее всего он относится к кошкинской культурной традиции. Ближайшими аналогиями этой находке можно считать деревянную посуду торфяниковых памятников лесной зоны Восточной и Северной Европы, и Зауралья, датируемую в большинстве своем эпохой энеолита (Кашина, Чаиркина, 2011). На керамическом же сосуде схожее рельефное изображение уточки встречено в андроновском (федоровском) захоронении могильника Тартас-1 в Венгеровском р-не Новосибирской обл. (Молодин и др., 2011. С. 209–210. Рис. 2).

Фигурные изображения на сосудах вероятнее всего связаны с проведением на территории памятников ритуальных действий. С одной стороны, это обуславливается интерпретацией Кокшаровского холма как культового памятника (святилища). О знаковом статусе изучаемого памятника для населения данного региона свидетельствуют многие признаки. Это фиксация в слоях памятника прямоугольных сооружений, интерпретируемых как домики для проведения ритуалов, огораживание площадки холма от поселения двумя рвами, присутствие в коллекции «утюжков», глиняных предметов сферической формы и в виде головы уточки, сверленной каменной булавы в виде стилизованного животного и др. (Шорин, 2010). С другой стороны, присутствие в комплексах Кокшаровского холма керамики с фигурными налепами, как одного из возможных сакральных маркеров (т.к. многими исследователями подчеркивается особая роль сосудов с изображениями тотемного характера), подтверждает саму версию о культовом статусе памятника.

При этом нахождение керамики с фигурными налепами не только в культурных слоях самого Кокшаровского холма, но и Юрьинского поселения, может быть объяснено рядом обстоятельств. Во-первых, расположением раскопов на поселении. При общей площади поселения в 16 тыс. кв.м поселенческие раскопы расположены компактно в непосредственной близости от холма на площади не более 600 кв.м. Во-вторых, категории артефактов, которым приписывают культовый характер, нередко встречаются в единичных экземплярах и на поселенческих комплексах. В-третьих, само Юрьинское поселение могло иметь особый статус, связанный с подготов-

кой к проведению ритуальных действий на святилище, сооруженным в центре поселка.

Традиция маркирования отдельных сосудов налепами на данном памятнике, как показывают описанные материалы, существовала практически на протяжении всего неолита. Исключением пока что является только период бытования на нем носителей басьяновской (локального варианта боборынской) орнаментальной традиции. Серия радиоуглеродных дат, полученных по керамике Кокшаровского холма, позволяет определять основное время функционирования комплексов с традицией изготовления сосудов с налепами рубежом VI–V – первой половиной IV тыс. до н.э. (Шорин, Шорина, 2011).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кашина Е.А., Чаиркина Н.М. Деревянная посуда с навершиями в виде голов водоплавающих птиц на территории Зауралья, лесной зоны Восточной и Северной Европы // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 7: Археология и этнография. С. 157–169.

Молодин В.И., Хансен С., Мыльникова Л.Н., Наглер А., Кобелева Л.С., Дураков И.А., Ефремова Н.С., Новикова О.И., Нестерова М.С., Ненахов Д.А., Ковыршина Ю.Н., Мосечкина Н.Н., Васильева Ю.А. Археологические исследования могильника Тартас-1 в 2011 году: основные результаты // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2011 г. Т. XVII. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. С. 206–211.

Носкова Л.В., Шорин А.Ф. Скульптурные зооморфные изображения на неолитических сосудах Кокшаровскго холма // Миф и символ в прошлом и настоящем: науч. сб. / Отв. ред. О.В. Рыжкова. Нижний Тагил: Нижнетагил. гос. соц.-пед. академия, 2007. С. 22–27.

Шорин А.Ф. О неолитических сосудах с зооморфными налепами Кокшаровского холма // Третьи Берсовские чтения. К 95-летию А.А. Берс и 90-летию Е.М. Берс: Мат-лы науч.-практ. конф., г. Екатеринбург, сентябрь 1997 г. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. С. 42–45.

Шорин А.Ф. Святилище Кокшаровский холм в Среднем Зауралье: маркеры сакрального пространства // Урал. ист. вестн. 2010. № 1 (26). С. 32– 42.

Шорин А.Ф., Шорина А.А. Хроностратиграфия неолитических комплексов святилища Кокшаровский холм // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 3. С. 70–77.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КАМЕННОМ ВЕКЕ СЕВЕРНОЙ ФЕННОСКАНДИИ

© 2014 г. В.Я. Шумкин

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт Петербург (shumkinv@yandex.ru)

Ключевые слова: первоначальное заселение, мезолит, неолит, ранний металл, наскальные изображения, стоянки, поселения.

Резюме. Развитие древнего населения Северной Фенноскандии, исходя из анализа археологических данных (предметы и объекты материальной и духовной культуры), проходило плавно, в основном за счет внутренних ресурсов. Инновации на определенных этапах (появление керамической технологии, металл) свидетельствуют о заимствованиях у населения южных территорий. Некоторые привнесения, датируемые эпохой раннего металла, в духовную культуру, вероятно, связаны с появлением отдельных представителей восточного населения. Они не должны были оставить глубокий след в налаженной и устойчивой традиционной «системе ценностей» аборигенов. Однако новые данные антропологической науки, полученные в результате применения современных методов и методик, свидетельствуют, что происходили более сложные и не находящие пока доказательных логических объяснений историко-культурные процессы, в которых взаимоотношения древних «лапландцев», «оленеостровцев» и «таинственных» саамов опять становятся загадочными.

В древней истории Северной Фенноскандии/Лапландии (территории норвежского Финнмарка, шведской Лаппланд, финской Лаппи и Мурманской обл. России), при всех значительных успехах в изучении, остается еще много нерешенных проблем. Более того, вопросы, которые уже были прояснены или частично согласованы, в результате новейших исследований пополняются новыми проблемами или получают иной ракурс рассмотрения. Из наиболее актуальных задач (не касаясь таких фундаментально-теоретических, как терминология и периодизация, но не забывая о них), можно выделить следующие: 1) время первоначального заселения региона и дальнейшее его освоение; 2) связи с обитателями соседних территорий, взаимовлияния в производственной и мировоззренческой сферах; 3) влияние использования определенного сырья на облик и развитие материальной культуры; 4) характер и изменения системы обеспечения в хронологическом и территориальном аспектах. Практически все они связаны с разработками более точного, по возможности разнообразного/перекрестного датирования комплексов, совершенствованием типологического, трасологического анализов, технологии изготовления орудий, созданием междисциплинарных исследований, которые при постановке и решении продуманных, целенаправленных задач позволят приблизиться к пониманию процессов культурно-исторического развития на этой северной территории.

В кратком, генерализированном и упрощенном виде, но, оставляя в стороне одиозные, фантастические и псевдонаучные «теории», основываясь на современных данных, линию развития событий можно изложить в следующей последовательности. Первые поселенцы проникают в Фенноскандию, на п-ов Сконе Южной Швеции в самом конце плейстоцена – начале голоцена с территории Северо-Германской низменности. Поступательному, сравнительно быстрому продвижению на север, вдоль узкой полоски норвежского побережья способствовали ускоренное освобождение этих участков от ледника под действием уже «греющего» Гольфстрима и использование водного транспорта, что косвенно подтверждается очень ранним заселе-

нием удаленных островов в незамерзающих водах Северного, Норвежского и Баренцева морей. Благодаря всем этим факторам северные первопроходцы уже в бореальный период (10 тыс. л.н.) достигли арктического побережья Фенноскандии. Небольшие мезолитические коллективы морских собирателей и рыболовов, попав в экстремальные условия, оказались в изолированном положении, сопровождавшимся стагнацией и даже деградацией материальной культуры, но, тем не менее, сохранили древние мировоззренческие традиции, о чем свидетельствуют крупномасштабные, выполненные методом «прошлифовки» линий, петроглифы этого времени и, несколько более поздние, писаницы.

Определенное развития начинается с благоприятными изменениями климатических условий (атлантический оптимум), позволившее к началу неолита (6,5 тыс. л.н.) заселить практически все регионы Северной Фенноскандии (последними Северную Ботнию, побережье Белого моря и центральную часть Кольского п-ова). Постепенно осваиваются новые виды и источники сырья (сланец, шифер), что способствует совершенствованию техники обработки и производству новых типов орудий, налаживаются контакты с более южным населением, от которого заимствуются навыки керамического производства. Все более существенными становятся признаки начала активной приморской адаптации (морской зверобойный промысел). Все эти изменения оказывали, наряду с природными и социальными факторами значительное стабилизирующее воздействие.

Наметившиеся тенденции аккумулируются в эпоху раннего металла (4–2 тыс. л.н.), чрезвычайно важный, интересный и во многом определивший последующее развитие период истории населения Северной Фенноскандии. Появляются, особенно в приморских районах, сотни долговременных поселений с многочисленными крупными углубленными жилищами. Выбор мест обитания (кромка морского побережья), фаунистические остатки (морские млекопитающие, в основном, тюлени), орудийные комплексы (гарпуны, в том числе поворотные, крупные рыболовные крючки, грузила, якоря) и объекты духовной культуры (сюжеты петроглифов) определенно свидетельствуют о сложившейся специализированной культуре охотников на морского зверя. Учитывая обилие природных ресурсов региона и довольно высокий уровень материальной культуры, можно считать выбранную адаптационную модель очень удачной, на тот момент позволяющей населению устойчиво «процветать» и развиваться в данном арктическом окружении. Необходимость объединения крупных устойчивых коллективов для результативной морской охоты приводит к появлению внушительных углубленных жилищ. Умение изготавливать деревянные лодки подтверждается присутствием лодок-кережек в качестве гробовищ в погребальной практике Кольского Оленеостровского могильника. Все это, а также наличие специализированных эффективных орудий морского промысла (поворотный гарпун) обеспечивало постоянный достаток, даже изобилие продуктов жизнеобеспечения прибрежным жителям – охотникам на морского зверя Северной Фенноскандии. Некоторые различия приморского и континентального населения, проявляющиеся в специализированной направленности адаптационных стратегий, незначительны на общекультурном уровне. Это позволяет считать обитателей разных экологических ниш носителями единой, Лапландской археологической культуры, представленной двумя хозяйственно - культурными типами.

Успешное эволюционное развитие и достигнутое благополучие высокоспециализированных морских охотников были внезапно, около 2 тыс. л.н., прерваны новым изменением климатических условий, выразившемся в похолодании и увеличении влажности. Для многих коллективов данные процессы обернулись трагедией. Уцелевшие остатки некогда крупных сплоченных приморских и континентальных сообществ, разбившись на мелкие группы, переходят к бродячей охоте в горных и лесных районах. Вскоре они оказываются втянутыми в сферу меновой торговли с южным населением, осваивающим производящую экономику. Основным эквивалентом «импорту» могли быть шкуры пушных животных. Подобная деятельность требовала постоянных перемещений и выбор нетрадиционных мест обитания. Данные процессы привели к модификации культуры, утрате

определенной части ее собственных черт. Явный упадок традиционной жизнедеятельности местного населения не был столь однозначен для общества в целом. Усвоение не позднее середины I тыс. навыков и развитие особого («экологического», малозатратного) типа оленеводства возымело далеко идущие последствия в будущем.

Раннее средневековье характеризуется наступлением даннических отношений. Одновременно формируется система цикличных перекочевок, начинается этническая и социальная консолидация на базе зимних погостов-сийтов. Видимо, лапландское население, практически осознав, что суперспециализация в данных природных условиях чревата губительными последствиями, встало на путь выработки новой стратегии, приведшей к комплексному типу хозяйства (сочетание рыболовства, оленеводства, морской и сухопутной охоты) и образа жизни, определяемого цикличными перекочевками, позволяющими рационально, планомерно и результативно, без особого давления эксплуатировать несколько экологических ниш (лесные, горные районы, тундровое пространство, побережье). Отказ от магистрального «производительного» пути развития сопровождался снижением жизненного уровня, сокращением до минимума потребностей и прибавочного продукта, вел к зависимому положению от элитарных обществ.

Но так ли все стабильно, последовательно, объяснимо в древней истории Северной Фенноскандии. Есть ряд серьезных неустранимых пока противоречий. Так, в каменной индустрии наблюдается беспрерывная преемственность, начиная с первоначального заселения этой территории. Если рассматривать проблему с точки зрения исторических реконструкций по археологическим данным, то не вызывает сомнений, что с мезолита на этой территории идет непрерывное развитие местной адаптации древних коллективов. Таким образом, возможность крупных миграций в Северную Фенноскандию после первоначального заселения выглядит маловероятной. Правда, некоторые эпохальные инновации (керамика, металл) приходят с южных территорий, но это можно объяснить заимствованиями.

Однако значительное увеличение (полевые работы Кольской археологической экспедиции ИИМК РАН, при участии МАЭ РАН) материалов уникального Кольского Оленеостровского могильника (3,5 тыс. л.н.) и изучение всей краниологической серии с применением новых методов анализа (в т.ч. сравнение палеоДНК) свидетельствуют о крайне специфическом антропологическом облике «оленеостровцев» эпохи раннего металла. Выяснилось, что антропологические и генетические особенности погребенных не находят прямых аналогов в современном населении Северной Фенноскандии, существенно отличаются от характеристик саамских групп и не могут быть их прямыми предками, проявляя при этом тенденцию к сближению с представителями так называемой уральской расы, проживающими сейчас за Уральским хребтом. Можно предположить, что «оленеостровцы» были сравнительно небольшой пришлой группой. Однако этому противоречит отсутствие типологических различий между погребальным инвентарем Кольского Оленеостровского могильника и комплексами артефактов со стоянок и поселений Арктического побережья эпохи раннего металла. Возможно, это остатки одной из древнейших в Евразии антропологических формаций (заключение В.И. Хартановича).

Во многих своих работах я неоднократно указывал на археологические свидетельства возможного проникновения около 3 тыс. л.н. крайне малочисленных групп пришельцев, скорее всего восточного происхождения, которые не могли серьезно повлиять на достаточно развитые сообщества «лапландцев», тем более изменить их быт и традиции. Они должны были быстро ассимилироваться, оставив единичные следы в культуре, возможно в генофонде. Предположения основывались на единовременности, неутилитарности появления таких модификаций, как: 1) присутствие на некоторых памятниках (важно, что и на Кольском Оленеостровском могильнике) фрагментов вафельной керамики, которая близка сосудам ымыяхтахской культуры, выглядит инородной и не имеет местного типологического развития; 2) новые сакральные представления, в частности единичные инновации в наскальном творчестве; 3) отдельные

элементы «шаманской» атрибутики. Все это следствие, скорее, не заимствований или конвергенции, а результаты непосредственного присутствия «носителей новшеств» на древней земле Северной Фенноскандии. Но оказывается, все могло быть более «серьезно».

Таким образом, культурно-исторические процессы в Северной Фенноскандии были значительно сложнее, чем представляется на данном этапе изучения, а реальная история древних «лапландцев», «оленеостровцев» и саамов, особенно их преемственность, по-прежнему во многом остается таинственной и загадочной.

КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ВАРФОЛОМЕЕВСКОЙ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ

© 2014 г. А.И. Юдин

Научно-исследовательский центр по сохранению культурного наследия, Саратов (aleyudin@yandex.ru)

Ключевые слова: Варфоломеевская стоянка, неолит, радиокарбонные даты, керамика, орловская культура, палеозоология, прикаспийская культура.

Резюме. В докладе рассматриваются четыре неолитических культурно-хронологических комплекса Варфоломеевской стоянки в степном Поволжье на основании новых естественно-научных определений: радиокарбонного датирования, технологического изучения керамики, палеозоологического определения костных остатков. Уточнено время функционирования Варфоломеевской стоянки и орловской неолитической культуры.

Варфоломеевская стоянка в центральной части Волго-Уральского междуречья содержит четыре культурно-хронологических горизонта (комплекса), отражающих эволюционное развитие орловской неолитической культуры: 1-й – верхний, 2-й (2А и 2Б) – время расцвета культуры, 3-й – нижний.

С начала исследования Варфоломеевской в 1985 г. кроме полевых работ произведена комплексная обработка ее материалов. Полученные результаты непосредственно связаны с основными проблемами неолита степного Поволжья – неолитизацией региона и распространением керамики, переходом к производящему хозяйству, сложением энеолитических культур – и включают определение временных интервалов функционирования культурно-хронологических комплексов, технологическое исследование керамики и анализ палеозоологической коллекции Варфоломеевской стоянки.

Характеристика культурно-хронологических комплексов стоянки выполнена ранее (Юдин, 2004. С. 12–129). На данном этапе изучения представляется, что можно говорить о Варфоломеевской стоянке как об одном из центров распространения керамической традиции на территории Восточной Европы, наряду со стоянкой Ракушечный Яр, каиршакскими и елшанскими памятниками (Мазуркевич, Долбунова, Кулькова, 2013. С. 91–99). Самая ранняя дата для Варфоломеевской стоянки (две даты по одному образцу – Ki-14108 и Ki-14142) укладывается в интервал 6 690–6 380 BC[1], остальные (четыре даты по двум образцам) компактно располагаются в интервале 6 220–5 870 BC. Примечательно, что эти даты почти совпали с датой по углю,

1 Здесь и далее – 1σ.

полученной двумя десятилетиями ранее 6 030–5 670 ВС (ГИН 6546), доверительный интервал которой (±200 лет) вызывал у исследователей сомнения в столь ранней дате нижнего слоя. Дата, полученная по нагару с керамики с глубины 170–180 см (основание слоя 2Б), также близка последней – 5 985–5 885 ВС (Ua-41360). Датировок для нижнего слоя пока явно недостаточно, т.к. они в верхнем значении перекрываются датами вышележащего слоя 2Б.

Слой 2б имеет четыре даты по керамике, полученные по трем образцам в Киевской радиоуглеродной лаборатории. Две даты по двум разным образцам (Ki-14368 и Ki-14374) дают интервал 6 230–5 990 ВС. Еще две даты (Ki-14369 и Ki-14370) также полученные по разным образцам, указывают на более позднее время – 6 020–5 770 ВС. Четыре новые даты, сделанные по нагару в трех других лабораториях, полностью совпали с хронологическим интервалом, полученным по керамике в Киевской лаборатории (Выборнов и др., 2013. С. 257–258). Эти даты (Spb-940 – 7 164±120, Spb-941 – 7 100±110, Poz-52697 – 6 850±40) и уже названная дата Ua-41360 – 7 034±41 в калиброванном значении перекрывают хроноинтервал, полученный по керамике, – 6 210–5 673 ВС, но значительно старше дат, известных ранее по кости (Лу-2620 и Лу-2642) – 5 650–4 830 ВС.

Для слоя 2А имеется 8 дат, полученных по трем образцам керамики. Хроноинтервал охватывает 6 030–4 550 ВС, причем разница в датах, полученных по одному фрагменту керамики достигает тысячи лет. Если отбросить крайние значения, то получается интервал 5 910–4 800 ВС. Это уже значительно ближе к интервалу, полученному по нагару, – 5 720–4 460 ВС (Spb-937 – 6 363±150 ВР, Spb-938 – 6 650±150 ВР, Spb-939 – 5 800±150 ВР, Ua-41361 – 6 544±38 ВР, Ua-41362 – 6 693±39 ВР). Если и здесь обросить крайние значения, то остается относительно узкая дата 5 595–5 200 ВС. Даты, полученные ранее по кости и углю, дают в целом намного более поздний возраст – 5 350–3 960 ВС. Если убрать одну из ранних дат в этой серии – Лу-2641 – 6 080±270 ВР (1σ 5 350–4 700 ВС), то интервал омолаживается еще больше – 4 350–3 960 ВС, что в свете современных представлений о неолите-энеолите Нижнего Поволжя не может быть принято.

Пока нет даты для верхнего слоя, но можно опираться на хронологию прикаспийской культуры, учитывая наличие прикаспийской керамики в этом слое. По прикаспийской керамике имеется четыре даты (Выборнов, Ковалюх, Скрипкин, 2008. С. 192). Для стоянки Буровая-41 даты представляются удревненными – 6 880±80 и 6 790±80 ВР (5 840–5 700 и 5 740–5 620 ВС), а для Курпеже-молла – 6 050±80 и 6 020±80 ВР (5 050–4 840 и 5 000–4 790 ВС) как раз согласуются с данными стратиграфических наблюдений, где прикаспийская керамика предшествует хвалынской, появление которой относится ко второй четверти V тыс. до н.э.

Однако датировки стоянки Буровая-41 близки к датам воротничковой керамики могильника Съезжее самарской культуры при том, что дата для гребенчатой керамики с того же могильника почти на 800 лет моложе. Н.Л. Моргунова справедливо отмечает, что такой хронологический разброс вряд ли возможен в пределах маленького (10 погребений) могильника Съезжее. Для датировки раннего энеолита она опирается на даты керамики съезженского типа поселения Лебяжинка III, по которым время ее бытования в интервале крайних значений от 5 600 до 4 600 ВС, а без крайних значений – в пределах 5 300–4 800 лет ВС. Привлекая даты сходных памятников мариупольского круга, Н.Л. Моргунова (2011. С. 56–61) датирует прикаспийскую и самарскую культуры интервалом 5 400–4 800 лет ВС.

Радиокарбонные определения для Буровая-41 не соответствуют времени появления воротничковой керамики в азово-днепровской культуре. Здесь она появляется на этапе 1б – Ki-6775 – 6 325±65 ВР (5 299±80 ВС) и Ki-6776 – 6 220±82 ВР (5 151±82 ВС) (Котова, 2002. С. 97). Более ранние даты, полученные по кости, как и в азово-днепровских памятниках, имеются для второго этапа нижнедонской культуры, когда здесь появляется воротничковая керамика – от 5 530±51 до 5 275±41 ВС (Там же. С. 95). В Подонечье есть пять дат по керамике для памятников типа Подгоровка и Новоселовка, которые отражают синтез нижнедонской и орельско-донецкой культур

и укладываются в интервал 5 219–4 900 ВС (Манько, Телиженко, 2002. С. 27–29). Все приведенные примеры ставят под сомнение столь ранние даты стоянки Буровая-41, если не считать их древнейшими среди памятников мариупольского круга.

Таким образом, для культурно-хронологических комплексов Варфоломеевской стоянки следует принять как наиболее достоверные хроноинтервалы, где совпадают датировки по керамике и нагару. Для слоя 3 это 6 200–5 900 ВС, для 2Б – 6 200–5 700 ВС, для 2А – 5 600–5 200 и 5 400–4 800 ВС для верхнего слоя. Следовательно, время бытования Варфоломеевской стоянки составляет как минимум 1 400 лет (с вероятными хронологическими хиатусами между горизонтами), а возможно и больше, т.к. пока нет серии надежных дат для нижнего слоя. Хронология Варфоломеевской стоянки показывает сосуществование на последнем этапе неолитической орловской и раннеэнеолитической прикаспийской культуры и возможность сложения основ последней в горизонте 2А.

И.Н. Васильевой проведено технологическое исследование керамики Орловской и Варфоломеевской стоянок. Прослежено эволюционное развитие гончарной технологии от к илов к илистым глинам и глинам с параллельным формированием традиции добавления дробленой раковины (Васильева, 2008. С. 43–45; 2012. С. 15–16). Это позволяет надеяться, что дальнейшее исследование уже энеолитической керамики добавит еще один аргумент в пользу гипотезы о формировании прикаспийской энеолитической культуры на базе орловской.

Первоначально, при обработке остеологической коллекции (Зоологический институт РАН) из культурного слоя Варфоломеевской стоянки, в верхнем культурно-хронологическом горизонте финального неолита – раннего энеолита было определено наличие костей овцы, что хорошо соотносилось с существующими представлениями о переходе к производящему хозяйству в степях Поволжья в энеолитическое время (Юдин, 2004. С. 162–169). Однако максимально полная повторная обработка остеологической коллекции, произведенная в Институте экологии растений и животных УрО РАН, показала, что вопреки предыдущим определениям домашней фауны (кроме собаки) на стоянке не было. Правда, авторы исследования отмечают, что по причине немногочисленности костных материалов в верхнем слое сейчас невозможно с полной уверенностью говорить об отсутствии овцы в это время. Не исключается, что на этом этапе население уже могло начать заимствование элементов животноводства у населения соседних регионов (Гасилин, Косинцев, Саблин, 2008. С. 92–93).

Изучение палеозоологической коллекции Варфоломеевской стоянки поставило еще одну проблему, непосредственно связанную с культурно-хронологическими этапами развития памятника. Полученные ранее радиоуглеродные даты по традиционным материалам – кости и углю – хорошо соотносились, с одной стороны, между слоями стоянки и фазами атлантического периода (горизонт 3 – АТ-1, горизонт 2Б – АТ-2, горизонт 2Б – АТ-3), а с другой – между состоянием популяций промысловых животных и периодами голоцена. Однако серия новых дат, полученных по керамике, показала несоответствие между изменениями природно-климатических условий на разных фазах атлантического периода и динамикой костных выборок из разных горизонтов Варфоломеевской стоянки. Новая же серия дат по керамике указывает на формирование слоев только в двух условиях состояния природной среды – АТ-1 (слои 1, 2Б и нижняя часть слоя 2А) и АТ-2-3 (верх слоя 2А), что не соотносится с динамикой размеров костных остатков и их соотношений. Авторам исследований представляется, что радиоуглеродные даты по керамике, полученные для Варфоломеевской стоянки, нуждаются в дальнейшем осмыслении и обсуждении (Гасилин, Косинцев, Саблин, 2008. С. 96–98). С другой стороны, радиокарбонные определения по нагару, полученные позднее в лабораториях Санкт-Петербурга, Познани и Уппсалы подтверждают даты по керамике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильева И.Н. О технологии изготовления керамики орловской стоянки // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья. Самара, 2008. С. 40–47.

Васильева И.Н. Технология керамики Варфоломеевской стоянки // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 9. Саратов: Изд-во СГУ, 2012. С. 5–22.

Выборнов А.А., Андреев К.М., Барацков А.В., Кулькова А.М., Кольцов П.М., Юдин А.И., Джалл Т., Гослар Т., Ойнонен М., Поссерт Г., Филиппсен Б. Новые данные по радиоуглеродной хронологии неолита лесостепного и степного Поволжья // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2013. Т. 15; № 5. С. 254–260.

Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В. О корректировке абсолютной хронологии неолита и энеолита Северного Прикаспия // Тр. II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале. Т. I. М.: ИА РАН, 2008. С. 191–194.

Гасилин В.В., Косинцев П.А., Саблин М.В. Фауна неолитической стоянки Варфоломеевская в степном Поволжье // Фауны и флоры в Северной Евразии в позднем кайнозое: Сб. науч. тр. Екатеринбург; Челябинск: Рифей, 2008. С. 25–100.

Котова Н.С. Неолитизация Украины. Луганск: Шлях, 2002. 268 с.

Мазуркевич А.Н., Долбунова Е.В., Кулькова М.А. Керамические традиции в раннем неолите Восточной Европы // Рос. археол. ежегодник. 2013. № 3. С. 27–109.

Манько В.А., Телиженко С.А. Мезолит, неолит и энеолит Подонечья: Каталог радиокарбонных дат. Луганск: Шлях, 2002. 40 с.

Моргунова Н.Л. Энеолит Волжско-Уральского междуречья. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2011. 220 с.

Юдин А.И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов: Изд-во СГУ, 2004. 200 с.

СЕКЦИЯ 3

ЭНЕОЛИТ – ЭПОХА СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ

О СВЯЗЯХ НАСЕЛЕНИЯ РАВНИННО-ПРЕДГОРНЫХ ОБЛАСТЕЙ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА СО СТЕПНЫМИ ПЛЕМЕНАМИ В ЭПОХУ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ[1]

© 2014 г. Г.Д. Атаев

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, Махачкала (ataevgd@mail.ru)

Ключевые слова: Северо-Восточный Кавказ, равнины, предгорья, степные племена, связи, эпоха средней бронзы, могильник, курганы.

Резюме. В статье рассматриваются малоизученные аспекты проблемы связей населения равнинно-предгорных областей Северо-Восточного Кавказа со степными племенами в эпоху средней бронзы. Исследование базируется на материалах археологических раскопок памятников эпохи средней бронзы Дагестана и Чечни. Изучение материалов данных памятников позволило раскрыть характер и динамику культурно-исторических взаимоотношений автохтонного и степного населения, определить роль степных племен в формировании культуры эпохи средней бронзы Северо-Восточного Кавказа.

Восточный Кавказ с эпохи неолита и до позднего средневековья был областью активных контактов оседло-земледельческого населения Кавказа и Передней Азии и подвижных скотоводческих племен каспийско-черноморских степей. В эпоху энеолита и в начале эпохи ранней бронзы эти связи носили в основном мирный характер, преобладали обычные культурные контакты. Это зафиксировано распространением кавказского металла и других вещей в степные области и, наоборот, проникновением на Северо-Восточный Кавказ отдельных изделий и погребальных комплексов древнеямной культурно-исторической общности (Крупнов, Мерперт, 1963. С. 40–42; Гаджиев, 1991. С. 239). Резко меняется картина в конце эпохи ранней бронзы, когда отмечены вторжения древнеямных племен в различные районы: Балканы, Северное Причерноморье, Северный Кавказ (Мерперт, 1978. С. 58).

В конце эпохи ранней бронзы на территории Северо-Восточного Кавказа происходят коренные изменения и сдвиги кардинального характера. Установлено, что в конце эпохи ранней и в начале эпохи средней бронзы здесь идет активное культурно-историческое взаимодействие местного населения с племенами степей Юго-Восточной Европы, причем не только в виде культурных контактов, но и в связи с прямым проникновением степных племен, после которого последовало значительное изменение облика местной культуры.

На Северо-Восточном Кавказе затухают раннебронзовые культуры, вместо них складываются новые культуры эпохи средней

1 Работа выполнена в рамках программы Президиума РАН, проект «Преемственность и трансформация культур эпохи средней бронзы Северо-Восточного Кавказа».

бронзы. Так, если на территории Ингушетии и Западной Чечни в эпоху ранней бронзы бытовали памятники майкопско-новосвободненской общности, а на востоке Чечни и в Дагестане была распространены памятники куро-аракской культурно-исторической общности, то в эпоху средней бронзы в Западной Чечне и Ингушетии распространились памятники северокавказской культурно-исторической общности (Марковин, 1960), а восточнее появились памятники, относившиеся к северокавказской культурно-исторической общности, гинчинско-гатынкалинской, присулакской, великентской археологическим культурам, гентальской, манасской и утамышской группам памятников, которые также имели тесные контакты со степными племенами (Мунчаев, Смирнов, 1956; Канивец, 1959. С. 50–51; Гаджиев, 1974. С. 15; 1991. С. 236–238; Котович В.Г., Котович В.М., Магомедов, 1980; Атаев, 1986. С. 22–23; 1987. С. 154–156; Магомедов, 1998).

Все это способствовало значительному увеличению этнической пестроты и подвижности населения, выразилось в распространении нового курганного обряда захоронений, применении охры, галечниковой подстилки, деревянных конструкций в виде сруба, использовании деревянных повозок с колесами в погребальной обрядности. Инокультурные влияния прослеживаются также в находках некоторых форм керамики и металлических изделий степного и северокавказского происхождения, в использовании шнуровых мотивов в орнаментации керамики и металлических изделий, в появлении каменных боевых топоров, выпрямителей древков стрел, костяных фигурных пряжек и т.д. Отмеченные инновации в культуре населения равнинно-предгорной части Северо-Восточного Кавказа во второй половине III – начале II тыс. до н.э. свидетельствуют о проникновении на эту территорию степных и северокавказских племен, которые принесли с собой нехарактерные и неизвестные здесь ранее чужеродные культурные традиции. В результате инфильтрации пришлых племен и иных процессов произошли кардинальные изменения в облике местной культуры: в архитектуре происходит смена круглых в плане жилищ и погребальных сооружений прямоугольными, некоторые оседлые поселения прекращают свое функционирование; исчезают центральные очаги в жилищах; в керамическом производстве и в металлообработке также исчезают изделия и формы характерные для культуры раннебронзовой эпохи, на смену им появляются новые формы керамики, распространяются прием обмазки сосудов жидкой глиной и шнуровая орнаментация. (Гаджиев, 1991. С. 236).

Археологические культуры эпохи средней бронзы Северо-Восточного Кавказа имеют некоторые черты преемственности по отношению к предшествующей культуре и характеризуются новыми традициями и направлениями культурно-исторических связей: ослабляются связи с югом и резко усиливаются связи с северными степными областями. Аналогичные процессы имели место в это же время и в равнинно-предгорных районах Центрального и Западного Предкавказья. С другой стороны, интерес представляют памятники равнинной части Чечни и Дагестана, где выявлены комплексы катакомбной общности. Они свидетельствуют об активных взаимосвязях местного населения со степными племенами.

На Северном Кавказе высокоразвитая майкопско-новосвободненская общность сменилась памятниками северокавказской культурно-исторической общности. Культурная трансформация, которая произошла на Северном Кавказе, на рубеже эпох ранней и средней бронзы отмечена упадком и регрессом в развитии северокавказского общества. О.М. Джапаридзе отмечал, что такие же процессы происходили и в Закавказье, где также закат куро-аракской культуры повлек за собой культурное переоформление региона (Джапаридзе, 1976. С. 23–28). По мнению исследователей, это связано с этнокультурным влиянием подвижного населения степей Юго-Восточной Европы, группы которого могли проникнуть через территорию Северного Кавказа в Закавказье.

В предгорных районах Северного Дагестана в эпоху средней бронзы была распространена присулакская культура. Здесь выявлены подкурганные погребения в каменных гробницах, грунтовых ямах и каменных ящиках. (Канивец, 1959. С. 50–51; Гаджиев,1974. С. 7–18; Атаев, 1987. С. 154–156). Указанная

культура обладает специфическими чертами, которые совершенно не характерны для памятников горного, центральной и южной части Приморского Дагестана. Специфика материальной культуры данной группы памятников проявляется в ее синкретическом характере. Серьезные изменения в культуре населения бассейна р. Сулак характеризуются прежде всего тем, что здесь получили развитие те черты степного и северокавказского происхождения, которые раньше были чуждыми и второстепенными элементами культуры. В погребальном обряде и инвентаре присулакских памятников сочетаются признаки, свойственные, с одной стороны, для культуры местного населения рассматриваемого времени, с другой стороны – явно привнесенные элементы: оставление в могиле краски (охры) и посыпка ею покойника. Данная культура представляет собой своеобразный симбиоз двух различных культур.

Это свидетельствует не только о тесных связях населения Северного Дагестана с племенами Юго-Восточной Европы, но и о проникновении последних на эту террарию. С этим связано оставление долговременных поселений – Сигитминского и Чиркейского, вследствие чего здесь произошло изменение облика местной культуры за счет внедрения пришлых иноэтнических элементов. На указанных поселениях были найдены боевые каменные топоры, песчаниковые выпрямители древков стрел, а на Сигитминском поселении обнаружены сосуды со шнуровым орнаментом. Эти находки фиксируют закат раннебронзовой культуры в Северном Дагестане, которую сменила новая культура эпохи средней бронзы. Поселения ранних этапов эпохи средней бронзы на этой территории не обнаружены. Зато поражает огромное количество курганов открытых в этом сравнительно небольшом регионе. Здесь их найдено около 1200.

Присулакская культура представляет собой образование, основанное на подвижном скотоводстве, в составе населения которых были как пришлые степные племена, так и местные, перешедшие к подвижно-скотоводческому типу хозяйства. Значительная часть населения пришлого и местного скорее всего ушла. Одна часть распространилась на юг в район Манаскента и дальше на территорию великентской культуры в приморскую часть южного Дагестана и в Северный Азербайджан, в результате чего последняя со временем затухает. Другая часть населения могла проникнуть в горы, в район Ирганайской котловины и дальше. С течением времени многие элементы культуры степного и северокавказского населения исчезают, что, по-видимому, свидетельствует об их ассимиляции автохтонным населением. Это проявилось в появлении смешанных, промежуточных погребальных сооружений, сочетающих элементы гробниц и каменных ящиков, с представленными в их погребальном инвентаре круглодонными, а также двуручными сосудами с выпуклым туловом и горлом в виде раструба, типичными для культуры ранних этапов эпохи средней бронзы.

Приблизительно во второй четверти II тыс. до н.э. начинает формироваться каякентско-хорочоевская культура. В ее сложении наряду с другими культурами большую роль сыграла присулакская культура, в которой присутствовал значительный степной компонент, что не могло не наложить большого отпечатка на ее культурный облик.

Изучение проблемы взаимодействия оседло-земледельческих общества и подвижных скотоводческих племен на примере Северо-Восточного Кавказа представляется исключительно важным звеном в исследовании проблем развития системных или комплексных обществ и цивилизаций Евразии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Атаев Г.Д. Бассейн реки Сулак в эпохи ранней и средней бронзы: Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1986. 26 с.

Атаев Г.Д. Чиркейские курганы бронзового века // СА. 1987. № 1. С. 145–157.

Гаджиев М.Г. Дагестан и Юго-Восточная Чечня в эпоху средней бронзы // Древности Дагестана. Махачкала, 1974. С. 11–28. (Материалы по археологии Дагестана; Т. V).

Гаджиев М.Г. Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа (эпохи энеолита и ранней бронзы). М.: Наука, 1991. 274 с.

Джапаридзе О.М. К этнической истории грузинских племен: по данным археологии. Тбилиси, 1976. 358 с. (На груз. яз.; резюме на рус. яз.).

Канивец В.И. Миатли – новый памятник бронзового века в Северном Дагестане // Материалы по археологии Дагестана Т. I. Махачкала, 1959. С. 31–59.

Котович В.Г, Котович В.М., Магомедов С.М. Утамышские курганы // Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980. С. 43–61.

Крупнов Е.И., Мерперт Н.Я. Курганы у станицы Мекенской // Древности Чечено-Ингушетии. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 9–48.

Магомедов Р.Г. Гинчинская культура: Горы Дагестана и Чечни в эпоху средней бронзы. Махачкала, 1998. 379 с.

Марковин В.И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н.э.) // МИА. № 93. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 49–135.

Мерперт Н.Я. О племенных союзах древнейших скотоводов степей Восточной Европы // Проблемы советской археологии. М., 1978. С. 55–63.

Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф. Памятники эпохи бронзы в Дагестане (курганная группа у станции Манас) // СА. 1956. Вып. XXVI. С. 167–203.

ЭНЕОЛИТИЧЕСКИЙ ПОСЕЛОК ТЕЛЛЯ ЮНАЦИТЕ: ПЛАНИГРАФИЯ, СТРАТИГРАФИЯ, КОНТЕКСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

© 2014 г. В.И. Балабина, Т.Н. Мишина

Институт археологии РАН, Москва
(*balabina@mail.ru*; *tnmishina@mail.ru*)

***Ключевые слова*:** энеолит, Фракия, многослойное поселение, горизонт планиграфия, постройка, стратиграфия, могильник, палеодемография, палеоэкология.

***Резюме*. Многолетние исследования** поселения Юнаците в Западной Фракии позволили получить всеобъемлющие данные о памятнике. К настоящему времени изучена и обобщена разноплановая информация о финальном энеолитическом горизонте. В статье рассмотрены основные аспекты исследования памятника, позволяющие получить целостную картину, напоминающую исторический экскурс, который отсылает нас к истории климата – засухе в среднем голоцене, начавшейся как раз в это время.

Поселение Юнаците в Западной Фракии исследовалось российско-болгарской экспедицией почти двадцать лет (1982–2001 гг.). К настоящему времени изучена и обобщена разноплановая информация о финальном энеолитическом горизонте. Его археологические характеристики – планиграфия, микростратиграфия, контекст – дополнены данными палеоэкологических исследований, позволяющими восстановить древний ландшафт и многие аспекты жизни обитателей поселка, хозяйственную деятельность (палинология, палеоботаника, исследование фитолитов, палеозоология) (Балабина и др., 1999. С. 18–22; Александровский, Балабина, Мишина, 2004; Киселева и др., 2005. С. 118–128), особенности популяции, анализ патологий (антропологические исследования).

План финального энеолитического поселка представляет собой комбинированную схему, сочетающую круговую и линейную планировки. На раскопанной площади (чуть более 1/3 площади телля) зафиксировано 11 построек. Часть из них располагалась вдоль края площадки, образуя дугу, другие в центре поселения – в две линии (С–Ю). Большинство их исследовано не полностью: одни уходили под центральный профиль, другие разрушены строительством разного времени и эрозией склонов телля (рис. 1).

Границы построек на уровне дневной поверхности горизонта были расплывчаты и не-

четки, поскольку соответствовали контурам руин. Лишь в отдельных случаях удалось проследить небольшие участки глиняных стен. Планы уточнились ниже, на уровне субструкций. Для трех домов линии столбовых ямок от стен выявлены болгаро-греческой экспедицией (Mazanova, 2011; Бояджиев и др., 2011. С. 42–44; Boyadzhiev et all.[1], 2011. S. 29–31. Abb. 12). Площади преимущественно прямоугольных домов варьируют от 10 до 20 м^2. В них прослежены полы, которые неоднократно ремонтировались (подмазывались глиной). Последний (верхний) их уровень маркирует большинство хозяйственных сооружений – *печей* и *зернохранилищ*, хотя те и другие бывают привязаны к нескольким последовательным полам. На верхнем же полу находились развалы сосудов, зернотерки, большое количество изделий из кости и камня, а также скелеты погибших людей (рис. 1). На более ранних полах артефактов мало.

Почти во всех постройках зафиксировано по одной *печи* или *очагу*. Они располагались у стен, в углу, реже оказывались ближе к центру. У печей сильно обгоревшие основания с прослойками из гальки или фрагментов керамики (а также их сочетания), обожженная обмазка пода, фрагменты стенок свода, отверстия от деревянных кольев, некогда его поддерживавших, скопления пепла и угля. Большинство их округлой формы и небольшого размера, диаметр близок одному метру. Некоторые печи к постройкам не привязываются, но по форме и размерам не выделяются. Лишь одна печь подковообразная и более крупная (1,5 х 2 м), возможно, имела специальное назначение. Некоторые печи функционировали очень долго, например, в одном случае прослежено девять последовательных ремонтов пода, поднявших его уровень на 0,6 м, что может указывать и на долговременность существования самого дома.

Во всех интерьерах встречены так называемые *зернохранилища* из необожженной глины – от одного до трех. Среди них можно выделить круглые и прямоугольные, размером от 0,7 до 1,2 м. У некоторых дно было на полу. В других случаях оно вкопано (на разную глубину). В нескольких вкопанных емкостях, плотно перекрытых крупными фрагментами сосудов, обнаружились небольшие части скелетов мелкого рогатого скота. Такие комплексы, использовавшиеся для хранения мяса (возможно, вяленого) называют древнейшими «холодильниками» (Aslanis, Boyadzhiev, 2004. S. 376–377). Целостность их содержимого – один из штрихов, указывающих на внезапность прекращения жизни поселка. На полу одной из построек зафиксировано «переносное зернохранилище» – специфический очень крупный толстостенный сосуд более метра высотой, также из необожженной глины. Зернохранилища могут находиться и вне домов.

Число *сосудов* в пределах постройки могло достигать нескольких десятков. Иногда удавалось расчистить ряд сосудов вдоль стены и даже стопки перевернутых мисок. Но чаще развалы прослеживались по всему полу. Морфология и орнаментика керамики демонстрируют смешение традиций двух культур среднего энеолита Гумельница-Караново VI и Селкуца (Todorova, Mazanova, 2000. С. 354–359; Тодорова, 2002. С. 114–129), что подтверждают и особенности пластики. Жизнь этого поселка прервалась в результате военного конфликта. По всей его площади отмечены следы пожара. Обгоревшие дома рухнули, перекрыв останки людей внутри. Антропологи фиксировали у некоторых из них специфические черепные травмы от клевцов. Однако артефактов, которые можно было бы отнести к предметам вооружения, поразительно мало (единичные кремневые стрелы и камни для пращи). Создается впечатление, что «сражения» не было. Обитатели телля убегали, прятались в домах, пытаясь укрыться (Балабина, Мишина, 2010. С. 337–338).

Скорее всего, нападение на поселок было внезапным и очень жестоким. Большая часть его жителей погибла. На исследованной части телля скелеты людей, преимущественно обгоревшие, встречены в 9 постройках из 11, где количество их неодинаково. В более низкой и пологой части поселка в двух домах скелетов не было, а под завалами соседних обнаружено от одного до шести. В постройках центральной и северной части поселения их еще больше – до 11 индивидов. Скелеты здесь

1 Авторы статьи относят эти конструктивные детали к нижнему уровню построек, обозначая, как дома 14 и 15.



Рис. 1. Телль Юнаците. I энеолитический горизонт, подгоризонт «а». Участок постройки 4.

располагались скученно, перекрывали друг друга, и очень сильно обгорели. В нескольких случаях скелет взрослого перекрывал ребенка.

Видимо строения, расположенные по южному и восточному краям телля, на более низкой и пологой его части, первыми подверглись нападению, возможно, с этой стороны был вход в поселок. До сих пор здесь наиболее удобный подъем на площадку телля. Всего под руинами зафиксировано 47 скелетов разной сохранности. Останки детей составляют четверть выборки, группы подростков и «молодых взрослых индивидов» малочислены, людей в возрасте 20–24 лет нет совсем. «Взрослые» же мужчины и женщины преимущественно «зрелого» и «пожилого» возраста.

Разрушенный поселок был засыпан толстым слоем рыхлого грунта, собранного, как показали палеоэкологические исследования, у подножия телля. Именно наличие этой подсыпки позволило сохраниться зафиксированным деталям военного инцидента. Вероятно вскоре после гибели поселка, его обитатели, оставшиеся в живых, вернулись к руинам, похоронили по традиционному обряду убитых, лежавших вне построек, и засыпали не только развалины домов, но и пространства между ними. По данным центрального профиля Юнаците над подсыпкой есть постройка – свидетельство непродолжительного обитания на пепелище.

В пределах разгромленного поселка выявлен могильник (14 погребений), разбросанный на широкой площади (Boyadzhiev et all., 2011. S 22–26). Функционирование этого некрополя было растянуто во времени. Часть погребений относится к эпизоду разгрома поселка (рис. 2), прочие же были совершены позднее и не синхронны (Балабина, Мишина, 2012. С. 48–57). Погребения, синхронные разгрому поселка, прикопаны в руинах и в неглубоких ямах на краю телля. Антропологом зафиксированы идентичные следы от клевца на черепах людей, и оставшихся под руинами, и погребенных согласно принятой обрядовой практики (Бужилова, 2005. С. 106–113).

Погребения, впущенные в рыхлую серую подсыпку, планиграфически с постройками не совпадают. Они залегают выше дневной поверхности поселка, на ней и чуть глубже. Создается впечатление, что помимо нескольких индивидов, подхороненных в руины и у края поселения, остальные могилы принадлежат обитателям Юнаците, умершим позже и в разное время уже после засыпки руин серым слоем. На это отчасти указывает тенденция к их группировке на нескольких участках между руинами, где было легче выкопать ямы.

Любопытна демография могильника – среди погребенных только взрослые люди: женщины 25–45 и мужчины 35–49 лет. Сопоставление этих данных с демографией разрушенного поселения указывает на единство популяции.

Исследованные энеолитические отложения: (а) поселок, который условно назвали «горизонтом со скелетами»; (б) рыхлая «серая» подсыпка, перекрывшая его; (в) могильник, растянутый во времени; (г) остатки постройки над подсыпкой – выстраивают стратиграфию рассматриваемого горизонта, укладывающуюся в интервал, который можно оценить всего в несколько лет. Перечисленные сюжеты о финальном энеолитическом поселке на телле Юнаците, складываются в целостную картину, напоминающую исторический экскурс, который отсылает нас к истории климата – засухе в среднем голоцене, начавшейся как раз в это время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Александровский А.Л., Балабина В.И., Мишина Т.Н. Материалы к истории палеоландшафта верхнего течения реки Марицы в среднем голоцене // Добруджа. Варна, 2004. № 21. С. 288–304.

Александровский А.Л., Балабина В.И., Мишина Т.Н., Седов С.Н. Телль Юнаците и поселение рядом с ним – сравнительный педологический анализ в контексте археологической стратиграфии // КСИА. 2011. Вып. 225. С. 189–205.

Балабина В.И., Мацанова В., Мерперт Н.Я., Мишина Т.Н., Спиридонова Е.А. Стратиграфия и палинология телля «Плоская могила» во Фракии // Естественнонаучные методы в полевой археологии. Вып. 3. М.: ИА РАН, 1999. С. 17–24.

Балабина В.И., Мишина Т.Н. Последний энеолитический поселок на телле Юнаците: история гибели // Человек и древности. Сб. памяти А.А. Формозова (1928–2009) / Отв. ред. И.С. Каменецкий, А.Н. Сорокин. М.: ИА РАН, 2010. С. 336–342.

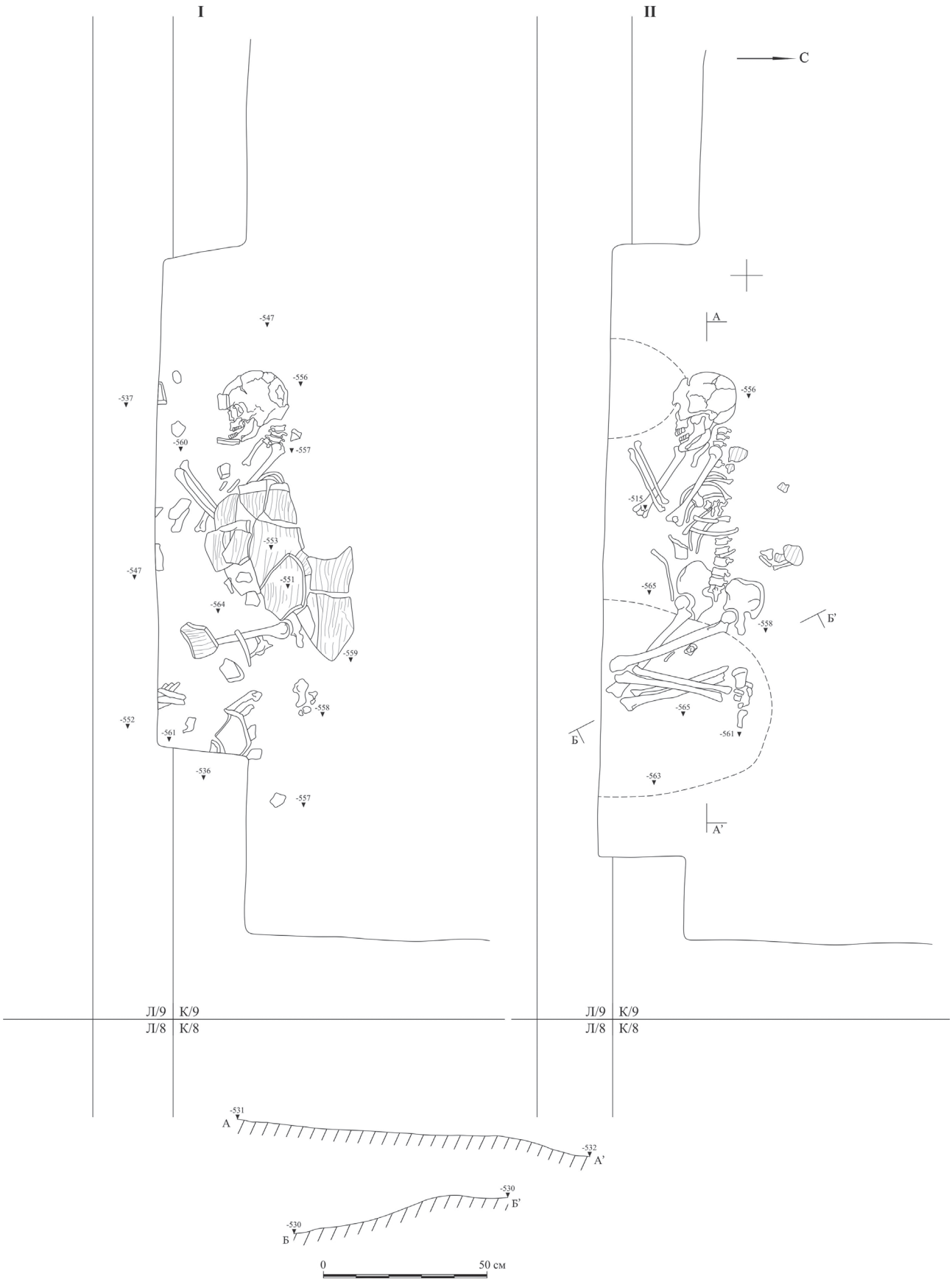


Рис. 2. Телль Юнаците. I энеолитический горизонт, подгоризонт «с». Погребение 96.

Балабина В.И., Мишина Т.Н. Энеолитический могильник на телле Юнаците – проблемы интерпретации // РА. 2012. № 4. С. 47–64.

Бояджиев Я., Асланис Й., Терзийска–Игнатова Ст., Мацанова В. Селищна могила Юнаците – проучвания през 2001–2011 година // Годишник на регионален исторически музей Пазарджик. Т. 2. Пловдив, 2011. С. 42–55.

Бужилова А.П. Homo sapiens история болезни. М.: Языки славянской культуры, 2005. 319 с.

Киселева Н.К., Балабина В.И., Мишина Т.Н., Переладов А.М. Особенности формирования фитолитного и диатомового спектров культурного слоя телля «Плоская могила» // Opus: Междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 4 / Отв. ред. М.В. Добровольская. М.: ИА РАН, 2005. С. 114–145.

Тодорова Н. Керамичните комплекси на Юнаците и Ситагри III и културните взаимодействия между Горно Тракия и Беломорската област през късния халколит // Годишник на Софийския университет «Св. Климент Охридски». Т. 3. София, 2002. С. 95–136.

Aslanis I., Boyadzhiev Ya. Fleischdeponirung in der chalkolithischen Siedlung von Yunatsite. Prehistiric Thrace. Sofia; Stara Zagora, 2004. P. 373–378.

Boyadzhiev Ya., Aslanis I., Terzijska-Ignatova St., Mazanova V. Yunatsite: Ein Bulgarisch-Griechisches Grabungsprojekt. Die Jahre 2002–2008 // Златното пето хилядолетие. Тракия и съседните райони през каменно-медната епоха. София, 2011. С. 21–38.

Mazanova V. Erforschungsgeschichte der Tellsiedlung Yunatzite, Pasarzikregion // Златното пето хилядолетие. Тракия и съседните райони през каменно-медната епоха. София, 2011. С. 9–21.

Todorova N., Mazanova V. Late Chalkolithic Ceramic Style at Yunatsite Tell (Approach to the Systematization of the Ceramics from the Newly Excavated Levels) // BAR Intern. Series 854. Oxford: Oxford University, 2000. P. 331–361.

ХИРУРГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ И ПРОЦЕСС ТРЕПАНАЦИИ ЧЕРЕПА В ЭПОХУ БРОНЗЫ[1*]

© 2014 г. П.В. Волков

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирский государственный университет, Новосибирск
(volkov100@yandex.ru)

Ключевые слова: эпоха бронзы, хирургия, трепанация, инструментарий, эксперимент, трасология, технология.

Резюме. Экспериментально-трасологические и технологические эксперименты позволяют определить характер хирургических операций по трепанации черепов и с определенной долей вероятности выделить набор специфических хирургических инструментов из археологических коллекций сарагашенского этапа тагарской культуры IV–III вв. до Р.Х.

На основе опыта экспериментальных исследований в археологии Северной и Центральной Азии (Волков, 2013), на базе лаборатории ИАЭТ СО РАН, было проведено трасологическое изучение следов на поверхности трепанированных черепов, что позволило определить характер действий хирургов в проведенных им операциях, сделать некоторые предположения об использованном ими инструментарии. По следам оставшихся на поверхности всех трех изученных черепов, можно выделить определенную последовательность проводившихся операций. Выделено два основных этапа.

Неизбежной начальной частью операции по вскрытию черепов является удаление, с места намеченной трепанации, кожного покрова. Следов такого рода действий хирургов на обследованных черепах не прослеживается. Учитывая относительно хорошую сохранность поверхности кости на всех трех образцах, можно предположить, что такого рода действия хирургов были проведены с высоким качеством – кость больного, при такого рода скальпировании, была нетронута.

На первом, основном этапе трепанации, с помощью острого режущего инструмента было проверено удаление поверхностного слоя кости без прободения черепа. Следы такого рода действий хорошо прослеживаются на поверхности черепа с коллекционным номером 2012. Участок со следами первоначальных действий хирурга свидетельствует о характерной кинематике режущего инструмента. Плоскость срезания кости расположена по касательной к сферической поверхности черепа. Проникновение режущего инструмента, на первом этапе, производиться под относительно более острым углом, чем при прободении черепа на втором этапе резания, при котором плоскость резания имеет заметно иной угол наклона внутрь объема черепа. Зафиксированы следы двух типов использования, вероятно, одного и того же режущего инструмента. Если

1 Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 13-06-00153.

на первом этапе движения орудия имеют относительно длинный «рабочий ход», то на втором, при прободении кости черепа, можно увидеть следы относительно более частых, коротких движений руки хирурга.

Следы резание кости на первом этапе операции образовались в виде «лепестковых», ячеистых углублений с относительно широким полем среза. Последовательность их образования свидетельствует об уверенном, однотипном движении инструмента. На втором же этапе рука хирурга производила более короткие режущие движения, при которых инструмент оставил на кости больного «ступенчатую» структуру.

При описании следов первого и второго этапа резания черепной кости следует отметить и специфику в дислокации оперативных действий. Плоскость первого, поверхностного среза кости черепа не всегда совпадает с, вероятно, точно и заранее запланированным местом ее финального прободения. Вполне возможно, что на первом этапе трепанации хирурги не придавали достаточно большого внимания опасности. Более точные действия операторов прослеживаются на втором этапе, при финальном прободении кости.

Второй этап трепанации, судя по выявленным на поверхности кости следам, производился двумя способами.

В первом случае, как это уже было частично описано выше, прорезание второго слоя кости черепа производилось тем же инструментом и, собственно, его аналогичными движениями. Такого рода действия прослежены на черепе с коллекционным номером 2012.

Второй тип следов прослеживается на черепах с номерами 2009 и 24 БикIII / 100 Бик – III к 1. Здесь можно увидеть, что инструменты хирургов проникали во внутричерепной объем с иной кинематикой. Движение хирургического инструмента внутрь черепа производилось не режущим, как в первом случае, а прямым, параллельно длинной оси орудия, «колющим» движениями. Следствием такого рода действий стали «ступенчатые» края образовавшихся в черепе №2009 отверстия. Вероятно, что при такого рода финальном прободении кости черепа, «колющее» действие производилось не по всему намеченному периметру отверстия. Можно предположить, что как только оперативные действия давали хирургу возможность подцепить удаляемый фрагмент кости, она отделялась от черепа обычным режущим движением.

К особенностям конкретных операций можно отнести результаты вскрытия черепа 24 БикIII / 100 Бик – III к 1. Здесь зафиксированы следы более частых, но не столь относительно глубоких как на черепе № 2009, проникающих внутрь колющих движений. Можно сказать, что хирург действовал здесь осторожнее, с большей точностью определяя место и конфигурацию отверстия прободения черепа.

Ряд наблюдений позволяет отметить и определенную уверенность в оперативных движениях хирургов прошлого. Следов вполне «естественных» при резании кости сколов в непреднамеренном для операторов направлениях не зафиксирован.

Экспериментально-трасологические и технологические эксперименты позволяют нам, с определенной долей вероятно-

сти предположить, что в качестве хирургических инструментов при трепанации изученных черепов могли использоваться ряд орудий сарагашенского этапа тагарской культуры IV–III вв. до Р.Х. (Киселев, 1951; Членова, 1967).

В качестве оперативного ножа для резания кости на первом и втором этапе трепанации могли использоваться достаточно распространенные в ту эпоху ножи. Орудия такого типа оставляют при резке кости следы аналогичные наблюдаемым на описанных выше трепанированных черепах. «Ближайшие аналогии минусинским предметам дают инструменты из медицинских наборов римских врачей. Конечно, удаленность друг от друга территории сравниваемых находок, а также различие во времени, вынуждают нас делать подобные сравнения весьма и весьма осторожно. Но, в данном случае необходимо, на мой взгляд, исходить из следующего соображения – само функциональное предназначение подобного инструментария диктует его форму и размеры, поэтому сопоставление функционально аналогичных инструментов из разных регионов вполне допустимо и этот метод успешно применяется историками медицины» (Наглер, 2013. С. 348).

В собрании Минусинского краеведческого музея выявлены 4 артефакта, функциональный анализ следов износа которых, позволяет определить их как «пилы по относительно твердому органическому материалу». Трасологический анализ рабочей поверхности инструментов выделил ряд признаков, по которым можно уверенно говорить об их использовании для пиления рога или кости. Не исключено, что перед нами еще один тип орудий, которые можно отнести к хирургическому инструментарию, не имеющих аналогов в европейских археологических коллекциях.

Совокупность описанных выше орудий можно считать вполне достаточным инструментарием хирурга, практиковавшего в конце последнего тысячелетия до Р.Х. Морфология и функция орудий близка европейским. Какими путями шел обмен медицинским опытом между людьми живущими так далеко, каково было время, затраченное на операции – повод для более детальных археологических исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Волков П.В. Опыт эксперимента в археологии. СПб.: «Нестор-История», 2013. 416 с.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири [2 изд.]. М.: «Наука», 1951. 635 с.

Наглер А. О наличии медицинских инструментов у населения Евразии в эпоху раннего железа (к постановке проблемы) // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии: к 70-летию академика А.П. Деревянко. Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2013. С. 337–351.

Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.–Л.: «Наука», 1967. 300 с.

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ТИПОВ СКОТОВОДЧЕСКИХ ПОСЕЛКОВ ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ В ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ[1]

© 2014 г. Е.И. Гак [1], А.В. Борисов [2]

[1] Государственный Исторический музей, Москва
(e.i.gak@mail.ru)
[2] Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, Пущино
(a.v.borisovv@gmail.com)

Ключевые слова: лесостепь, среднедонская катакомбная культура, скотоводство, сезонная стоянка, геоморфология, экология.

Резюме. В работе излагается новый, ландшафтно-экологический подход к определению сезонности скотоводческих поселков среднедонской катакомбной культуры эпохи средней бронзы на основе принципиального различия геоморфологических условий их расположения. Обсуждаются возможные причины использования в лесостепи пойменных и низкотеррасных участков под зимние стоянки, а площадок высоких боровых террас, мысов и останцов под летние стоянки.

Общепризнано, что основным занятием населения катакомбной общности эпохи средней бронзы было скотоводство. При этом все больше данных прямо или косвенно свидетельствует о подвижном образе жизни катакомбных племен и соответственно высокой степени мобильности их экономического уклада независимо от локальных экологических условий. В качестве наиболее вероятной формы скотоводства для катакомбных, как и ряда других восточноевропейских культур бронзового века, рассматривается пастушество с доминантной ролью в стаде крупного рогатого скота (Антипина, 2004; Антипина, Моралес, 2005).

В лесостепной зоне важнейшими источниками по изучению скотоводческого хозяйства и всей системы жизнеобеспечения носителей местной среднедонской катакомбной культуры служат поселения (известно около 300). Они распространяются по Дону и его притокам, группируясь в верхней части Донского бассейна (Пряхин, 1982; Ивашов, 2002; Ивашов, Смольянинов, 2012) с выходом к левобережью Северского Донца (Берестнев, 2001; Санжаров, 2010) и правобережью Волги (Малов, Сергеева, 2010). В геоморфологическом плане выделяются две, примерно равные по количеству группы поселений: одна характеризуется расположением на подчиненных, закрытых элементах рельефа (поймы, низкие террасы высотой 1–5, реже 6–8 м над уровнем реки), другая – в автоморфных условиях (останцы, мысы, боровые террасы высотой 30–90 м над уровнем реки).

Раньше это оценивали как показатель широкой экспансии катакомбного населения при продвижении его по лесостепным районам (Пряхин, 1982. С. 125) или объясняли поэтапным освоением сначала низких, затем высоких участков местности в связи с подъемом уровня рек и переходом к придомному скотоводству при усилении роли других форм хозяйства (Ивашов, 2002. С. 45–49). Сейчас причины такой крайности в размещении поселков, жители которых имели не только общие культурно-генетические корни, но и одну модель хозяйствования, видятся иными. Представляется, что в традиционных обществах с известным консерватизмом действовали универсальные принципы выбора экологических ниш, одинаково учитывавшие способ ведения базовой отрасли хозяйства и

1 Работа выполнена при поддержке РФФИ, проекты №12-06-00249-а, 12-06-00272-а.

требования, предъявляемые к месту коллективного проживания.

Бытовые нужды заставляли катакомбное население лесостепи размещать свои поселки вблизи водных источников на склонах, закрытых от ветров речных долин и балок, с уклоном и расчлененностью рельефа, способных обеспечивать отвод осадков. В эту схему хорошо вписывается первая группа поселений, расположенных в поймах и на невысоких речных террасах. Но чем могло быть мотивировано размещение поселков на высоких мысах и останцах, абсолютно незащищенных от ветров и значительно удаленных от воды? Возможно объяснение здесь кроется в особенностях хозяйственной модели населения. Несомненно, что скотоводство для него определяло сам факт выживания. Общество было неразрывно связано со стадом и постоянно сопровождало его. Интересы и предпочтения стада и общества во многом совпадали, а, значит, другие стороны организации человеческого быта были ориентированы таким образом, чтобы обеспечить максимально благоприятные условия для содержания скота.

В годовом цикле выделяются два контрастных периода – жаркий летний и холодный зимний. Наибольшие опасности для древних скотоводов таил в себе зимний период. Скорее всего, скот содержался на подножном корму в течение года без заготовки зимних запасов, что практиковалось в степи и лесостепи еще в XIX в. (Антипина, Моралес, 2005. С. 41). Если такие запасы и имелись, то в небольших объемах как крайнее средство при продолжительном невыпасном периоде, обусловленном сильными снегопадами, гололедом и иными неблагоприятными факторами. Все остальное время скот добывал себе корм самостоятельно. Климат в катакомбное время был близок к современному (Спиридонова, 1991), поэтому можно предполагать, что площади зимних пастбищ были невелики. На водораздельных участках растительный покров выгорал за лето и не представлял ценности, так как тебеневка требовала от скота больших затрат энергии, чем поступало с добытым из-под снега кормом. Овражно-балочная сеть с более густым травостоем исключалась в силу особенно мощного снегового покрова. Лесные массивы обеспечивали кормовую базу в основном благодаря подлеску и лишь в начале зимы, то есть до того, как сугробы достигали высоты, при которой проход скота становился невозможным.

Единственной благоприятной экологической нишей для зимнего содержания скота были речные долины, и в первую очередь поймы крупных рек. Здесь благодаря гидроморфным условиям и близкому залеганию воды травостой всегда значительно выше, чем на автоморфных участках, и не перекрывается снегом. В условиях крайне неоднородного мезорельефа в поймах с русловыми валам, старицами, заболоченностью создаются предпосылки для произрастания кустарников, осоковых и наиболее крупного разнотравья. При этом в силу открытости и отсутствия древесной растительности скорость ветра всегда высока, что обеспечивает снос снега и облегчает тебеневку. Да и перегон стада с одного пастбища на другое в зимнее время зачастую возможен только по замерзшим рекам, так как иные пути оказываются закрытыми ввиду мощного снегового покрова. Указанные выше факторы позволяют считать поймы рек местами наиболее вероятного зимнего выпаса скота. В этой связи представляется логичным рассматривать катакомбные поселения в поймах и на низких участках террас как *зимние стоянки (зимники)*.

Совершенно иные условия поймы имеют в летний период. Повсеместное распространение мелких закрытых прогреваемых водоемов, высокий травостой, защищающий от ветра приземный слой, создают благотворную среду для размножения кровососущих насекомых, что сильно усложняет, если не исключает возможность пастьбы в дневное время. Ночные туманы, обильные росы делают эти ландшафты малопригодными и для проживания людей. В данной ситуации вполне оправдана смена условий для стоянки – если в зимний период необходимо было укрыться от ветров, то летом более предпочтительными оказывались высокие открытые площадки, где ветер сдувал насекомых, сопровождавших стадо. Сами же летние пастбища могли находиться в любых ландшафтных нишах с наименьшим предпочтением пойм, эксплуатировавшихся лишь эпизодически. Таким образом, катакомбные поселения на высоких

боровых террасах, мысовых участках и останцах, вероятно, функционировали как *летние стоянки (летники)*.

Предлагаемый ландшафтно-экологический подход к определению сезонности скотоводческих поселков эпохи средней бронзы лесостепи, безусловно, требует дальнейшей, более глубокой проработки. Перспективное направление поиска – изучение особенностей пойменных и водораздельных участков в районе размещения катакомбных поселений, в том числе состава фитоценозов, высоты травостоя, наличия и плотности древесных и кустарниковых растений, продуктивности использования в качестве зимних пастбищ, скорости ветра в зимнее и летнее время, мощности снежного покрова и т.п. Другое направление исследований предполагает разносторонний комплексный анализ конкретных археологических источников, который пока еще очень редко практикуется.

В заключение отметим, что остаткам катакомбных поселений, как низких, так и высокорасположенных в рельефе, зачастую сопутствуют материалы самых разных культур эпохи бронзы, имевших сходную или аналогичную модель хозяйствования. Там же нередко фиксируются следы поселков раннего железного века, когда пастушество уступило место другим экономическим системам, в которых скотоводство, тем не менее, продолжало играть роль основы жизнеобеспечения. Следовательно многие из изложенных выше соображений могут быть распространены на весь период существования традиционных обществ скотоводческой ориентации в лесостепной зоне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антипина Е.Е. Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты // Новейшие археозоологические исследования в России. К 100-летию со дня рожд. В.И. Цалкина. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 7–33.

Антипина Е.Е., Моралес А. «Ковбои» восточноевропейской степи в позднем бронзовом веке // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 4 / Отв. ред. М.В. Добровольская. М.: ИА РАН, 2005. С. 29–49.

Берестнев С.И. Восточноукраинская лесостепь в эпоху средней и поздней бронзы (II тыс. до н.э.). Харьков: ПФ «Амет», 2001. 264 с.

Ивашов М.В. Особенности топогеографического размещения памятников катакомбного времени на Верхнем Дону // Н.И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. Т. 1. Археология / Отв. ред. А.Н. Наумов. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2002. С. 43–51.

Ивашов М.В., Смольянинов Р.В. Среднедонская катакомбная культура эпохи бронзы в верховьях р. Воронеж // Тамбовские древности. Археология Окско-Донской равнины. Вып. 3 / Отв. ред. С.И. Андреев. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. ун-та, 2012. С. 70–80.

Малов Н.М., Сергеева О.В. Поселения эпохи средней бронзы Нижнего Поволжья, Волго-Донского и Волго-Уральского междуречья // АВЕС. Вып. 8 / Отв. ред. В.А. Лопатин. Саратов: ИЦ «Наука», 2010. С. 30–61.

Пряхин А.Д. Поселения катакомбного времени лесостепного Подонья. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1982. 159 с.

Санжаров С.Н. Восточная Украина на рубеже эпох средней – поздней бронзы. Луганск: Изд-во ВНУ им. В. Даля, 2010. 488 с.

Спиридонова Е.А. Эволюция растительного покрова бассейна Дона в верхнем плейстоцене – голоцене. М.: Наука, 1991. 220 с.

КОЛЕСНЫЙ ТРАНСПОРТ СТЕПНЫХ СКОТОВОДОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ: КОНСТРУКЦИИ И РЕКОНСТРУКЦИИ

© 2014 г. А.Н. Гей

Институт археологии РАН, Москва
(donkuban@mail.ru)

Ключевые слова: бронзовый век, катакомбная общность, новотиторовская культура, колесный транспорт, повозки, фургоны, колесницы.

Резюме. В работе дается критический анализ имеющихся на данный момент реконструкций внешнего вида и устройства деревянных повозок, известных в культурах ранней и средней бронзы степей Восточной Европы и Предкавказья. Почти все они выполнены на основании единичных комплексов с привлечением далеко не бесспорных аналогий из других районов и эпох. Обработка всего массива из 360 погребальных и жертвенных комплексов показала, что достоверной формой, использовавшейся при погребениях, была тяжелая четырехколесная повозка-фургон без поворотного устройства. Существование других вариантов, в том числе двухколесных арб или колесниц на дисковых колесах, пока документально не подтверждено и остается гипотетическим.

Изучение конструкции древнейших повозок и связанное с этим определение их функционального назначения представляет собой отдельную тему, важную для выяснения вопросов происхождения, общей эволюции и распространения этих транспортных средств, что в свою очередь немаловажно для определения хозяйственных занятий и характера экономики, ряда аспектов социального устройства и идеологических представлений археологических культур эпохи бронзы. К настоящему моменту в памятниках ранней и средней бронзы степной и лесостепной зон Восточной Европы (ямной и катакомбной общностей, тесно связанных с ними «культурных группах захоронений с повозками», а также в «посткатакомбных» культурных образованиях) известно не менее 360 погребальных и жертвенных комплексов, содержавших остатки колесных повозок или их деталей. Наибольшая концентрация таких находок связана с новотиторовской и тесно примыкающей к ней степной северокавказской культурами Прикубанья (150 комплексов, по крайней мере 15 из которых содержали остатки более чем 1 повозки).

К настоящему времени предложено несколько вариантов реконструкции повозок раннего и среднего бронзового века. Первой стала четырехколесная повозка с массивными бортами из установленных на ребро досок и неестественно низким клиренсом из погребения западноманычской катакомбной культуры (*Кудинов 2/6*, раскопки А.Н. Мелентьева, реконструкция С.А. Румянцева). Близка к ней и реконструкция для такого же погребения из недавних раскопок могильника *Улан IV* (Шишлина и др., в печати). Крупная по общим габаритам, но неправдоподобная по крайне незначительной высоте крытого фургона четырехколка с поворотным устройством восстановлена по материалам ямного погребения кургана *Лукьяновка* на Украине (Мельник, Сердюкова, 1988). Другой тип поворотного устройства при «полужестком» кузове предложен для повозки из камеры катакомбного захоронения *Боровковка 1/17* (Ковалева, 1999). Небольшая повозка с сидением и вертикальным передним бортом из шахты катакомбной могилы *Каменка Днепровская 11/9* восстановлена с привлечением иконографии ближневосточных повозок (Черных, 1991). Вопрос о появлении и бытовании уже в катакомбное время колесниц на дисковых колесах и более широко – об однооосных конструкциях был поставлен на материалах *Тягу-*

новой могилы, погребение 27 (Чередниченко, Пустовалов, 1991; Пустовалов, 2000). Практически одновременно по материалам новотиторовских памятников Западного Предкавказья была разработана реконструкция тяжелой жилой четырехколесной повозки со сложным решетчатым кузовом, жестко встроенными в него осями и широкой (до 2,4 х 2,2 м) платформой, служившей основанием для фургона (Гей, 1991, 2000). В последнее время в связи с находками из *Ипатовского кургана* (Кореневский, Белинский, Калмыков, 2007) возобновилось обсуждение темы о катакомбных колесницах, впрочем, весьма сдержанное и даже скептическое (Избицер, 2009; Чечушков, 2013).

Оценивая все предложенные варианты, стоит отметить, что большинство реконструкций выполнено с опорой на единственный комплекс, в лучшем случае с привлечением еще 2-3 находок и далеких по культурно-территориальному контексту ближневосточных изобразительных материалов. Другой момент – часть использованных находок средней бронзы происходит из камер катакомб, где по габаритам трудно поместить целую повозку и логично ожидать заведомо неполные некомплектные наборы их деталей и даже имитации со всеми вытекающими последствиями. Исключение составляют новотиторовские повозки, устройство и внешний вид которых воссозданы по всему массиву и в первую очередь на основании 40 наилучшим образом сохранившихся экземпляров, 18 из которых представляли собой повозку в сборе, сохранившую так или иначе объем кузова, и с надетыми на оси колесами. Именно это обстоятельство, а также многочисленные совпадения по ряду принципиальных узлов с повозками других территорий позволили говорить о преимущественном использовании в погребальном обряде целой свиты степных культур ранней и средней бронзы именно больших четырехколесных повозок-фургонов, выполнявших функцию передвижного жилища скотовода. Интересно (даже парадоксально), что именно этот последний вариант вызвал и наибольшую критику (Пустовалов, 2000).

Коснемся подробнее нескольких аспектов затронутой темы. Наличие особого поворотного устройства уже у повозок раннего и среднего бронзового века аргументируется двояко. В одном случае его существование предполагается по наличию вертикального отверстия (отверстий) в одном из брусьев передней торцевой стороны кузова, определяемом как передняя ось (Мельник, Сердюкова, 1988), в другом – по особой прямоугольной конструкции небольших размеров (порядка 100 х 80 см), в которой видят поворотную подушку (Ковалева, 1999). Вертикальные отверстия в торцевых и продольных брусьях кузовов из ямных и новотиторовских захоронений зафиксированы многократно, причем практически во всех случаях предназначены для вертикальных штифтов, скреплявших разные уровни сложных решетчатых кузовов (не менее 17 случаев). Не исключено, что таким же образом крепился к кузову и задний, раздвоенный конец дышла. Связывать такие случаи с особым шкворнем, на котором крепилась поворачивающаяся передняя ось оснований недостаточно. И из-за малого диаметра (3–4 см) этой детали, предназначенной для больших нагрузок, и потому, что поворот передней оси практически во всех предполагаемых случаях на сколько-нибудь заметный угол приводит к цеплянию колеса за раму кузова.

Напомню, что в целой серии хорошо документированных повозок раннего бронзового века установлено жесткое встраивание прямоугольной в сечении оси с округло обточенными для насадки колес концами в конструкцию рамы кузова. Что касается специальной поворотной подушки в составе повозки из катакомбного погребения Боровковка 1/17, то здесь сомнения вызывает вся реконструкция в целом в связи с невозможностью заноса транспортного средства таких размеров через дромос, что, кстати, признает И.Ф. Ковалева.

Обнаруженную тут двухуровневую прямоугольную раму на вертикальных штифтах логичнее, на наш взгляд, рассматривать либо как попытку имитации особого участка кузова, условно определяемого нами как «место возничего», либо как аналог многократно зафиксированных в захоронениях ямного и катакомбного времени прямоугольных «рам», «лож», «носилок», находимых вместе с повозками или отдельно от них и залегающих как под костяками, так и вне связи с ними – тут же

на дне, прислоненными к стене погребальной камеры, иногда на уступе. По близости размерных параметров можно предполагать их связь с особым устройством спальных мест внутри жилой повозки-фургона, хотя не исключена связь некоторых образцов и с разобранными верхними уровнями (вертикальными бортами?).

Немаловажно и то обстоятельство, что бесспорные примеры поворотных подушек для европейских телег фиксируются не ранее железного века, а сопутствующие такому устройству различия в диаметрах передних и задних колес – только с IX в. н.э. (Вийрес, 1984). Что касается обычных для рассматриваемых степных комплексов раннего и среднего бронзового века заметных различий в диаметре колес, то они вполне объяснимы при использовании неподвижных осей, когда каждое колесо вращается независимо от прочих и несовпадение их размеров никак не сказывается на общем направлении движения.

Вопрос о количестве колес в комплексе как отдельном аргументе для реконструкции типа транспортного средства не имеет однозначного решения. Известны самые разные варианты в диапазоне от одного до восьми (ни разу не было зафиксировано только 5 колес), однако по условиям сохранности, а в ряде случаев и по причине плохого уровня самих раскопок оценить реальность этих цифр зачастую очень сложно. Тем не менее, наиболее распространены четные наборы (2–4–6–8). Популярно и число 3, известное как при наличии остатков кузова, так и без оного.

Делать по результатам таких подсчетов выводы об использовании в ходе ритуала особых многоколесных повозок, двуколки, сочетания в одном комплексе двух- и четырехколесной телег и пр. было бы неправильным. Тем более что при символическом замещении реальных колес жертвенниками из костей мелкого рогатого скота, раскладываемыми на те же места в погребальном сооружении, например по углам перекрытия (в чем можно видеть прямую отсылку к ведическим ритуалам жертвоприношения), или изображениями самих колес из других материалов (Дорофеев, 1981) также фиксируется «нелогичное» число 3, заставляющее вспомнить упоминаемые в Ригведе «колесницы трехчастные, трехколесные». Вероятный в таких ситуациях приоритет символических моментов и установлений над инженерными реалиями заставляет соблюдать осторожность при истолковании находок в могиле иных наборов, в том числе и состоящих из двух колес.

Высказанные соображения позволяют скептически оценивать имеющиеся реконструкции четырехколесных повозок с поворотными устройствами для памятников раннего бронзового века и гипотезы о появлении первых колесниц на дисковых колесах в катакомбное время. Разумеется, здесь многое будет зависеть от будущих находок и, что особенно важно, не только от числа наблюдений, но и от качества раскопок и фиксации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вийрес А.О. Принципы типологии европейских крестьянских телег (на основе материала Советской Прибалтики) // Типология основных элементов традиционной культуры. М.: Наука, 1984. С. 91–105.

Гей А.Н. Новотиторовская культура (предварительная характеристика) // СА. 1991. № 1. С. 54–71.

Гей А.Н. Новотиторовская культура. М.: Старый сад. 2000. 224 с.

Дорофеев В.В. Охранные раскопки в Приазовье // АО 1980 года. М.: Наука, 1981. С. 245.

Избицер Е.В. Повозка из погребения 32 Большого Ипатовского кургана и одноосные степные повозки эпохи средней бронзы // Мат-лы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. IX. Ставрополь, 2009. С. 125–130.

Ковалева И.Ф. О новом типе деревянных катакомбных повозок. // Проблеми археології Подніпров'я. Дніпропетровськ: ДДУ, 1999. С. 97–104.

Кореневский С.Н., Белинский А.Б., Калмыков А.А. Большой Ипатовский курган на Ставрополье. М.: Наука, 2007. 230 с.

Мельник А.А., Сердюкова И.Л. Реконструкция погребальной повозки ямной культуры // Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины. Киев: Наукова думка, 1988. С. 118–124.

Пустовалов С.Ж. Курган «Тягунова Могила» и проблемы колесного транспорта ямно-катакомбной эпохи в Восточной Европе // Stratum plus, 2000. № 2. С. 296–321.

Чередниченко Н.Н., Пустовалов С.Ж. Боевые колесницы и колесничие в обществе катакомбной культуры (по материалам раскопок в Нижнем Поднепровье) // СА. 1991. № 4. С. 206–216.

Черных Л.А. Деревянная повозка из катакомбного погребения у г. Каменка-Днепровская // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. Киев, 1991. С. 137–150.

Чечушков И.В. Колесничный комплекс эпохи поздней бронзы степной и лесостепной Евразии (от Днепра до Иртыша): Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2013. 26 с.

Шишлина Н.И., Ковалев Д.С., Ибрагимова Э.Р., Шведченко Н.Н. Повозка из катакомбного погребения кургана 4 могильника Улан IV: реконструкция и культурный контекст // Древние культуры Юго-Восточной Европы и Западной Азии. Сб., посвящ. 90-летию со дня рожд. и памяти Н.Я. Мерперта. М.: ИА РАН. (в печати).

УТКУЛЬСКАЯ ГРУППА ПАМЯТНИКОВ БРОНЗОВОГО ВЕКА В ВЕРХНЕМ ПРИОБЬЕ[1]

© 2014 г. С.П. Грушин

Алтайский государственный университет, Барнаул
(*gsp142@mail.ru*)

Ключевые слова: бронзовый век, Верхнее Приобье, уткульская группа памятников, гребенчато-ямочная область.

Резюме. В статье дается характеристика новой культурно-хронологической группы памятников раннего бронзового века на территории Верхнего Приобья, получившей название «уткульская», через рассмотрение особенностей керамического, орудийного комплексов, погребального обряда, хозяйства. На основе анализа ее происхождения, соотношения с сопредельными культурными образованиями делается вывод о том, что уткульское население входило в гребенчато-ямочную культурную общность.

Проблема соотношения культурно-локальных групп памятников между собой и их качественная характеристика остается важной научной задачей в археологии бронзового века Западной Сибири. Пути ее решения связаны с исследованием однослойных поселенческих и «закрытых» погребальных комплексов, материалы из которых можно рассматривать как эталонные для того или иного культурного типа. Изучение подобных памятников в Верхнем Приобье, прежде всего комплексов елунинской археологической культуры, позволило скорректировать некоторые устоявшихся в научной литературе положения.

Автор выделения елунинской культуры Ю.Ф. Кирюшин разделил керамику по технике орнаментации на группы. Сосуды первой украшены узорами из оттисков «отступающей» или «шагающей гребенки», «гладкой качалки». Для орнаментации второй и третьей групп керамики характерна комбинированная техника нанесения орнамента, где большую долю составляет «печатная гребенка» (Кирюшин, 2002. С. 48–51). Анализ материалов показал, что погребальная посуда была представлена исключительно посудой первого типа, а поселенческая – преимущественно керамикой второй и третей групп. Такая ситу-

1 Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки РФ (постановление № 220), проект № 2013-220-04-129

ация могла объясняться наличием в культуре «бытовой» (поселенческой) и «ритуальной» (погребальной) посуды, отличных по орнаментации. Отметим, что поселенческая посуда происходила преимущественно с памятников правобережья Оби, а погребальная – из могильников, расположенных на левом берегу Оби.

В последнее десятилетие были открыты и исследованы поселенческие комплексы елунинской культуры к западу от Оби (Колыванское I и Березовая Лука) с керамикой только первого типа. Отсутствие посуды второго и тертьего типов в могильниках и однослойных поселенях позволяет пересмотреть ее культурную пренадлежность. Данная работа посвящена характеристике правобережных коплексов, которые были обозначены нами, как «уткульская» группа памятников (см. *рисунок*). Она характеризуется материалами поселенческих комплексов, большая часть которых расположена на оз. Уткуль[1]: поселения Коровья Пристань I, II, Костенкова Избушка и Ляпустин Мыс. (Кирюшин, 2002. С. 50–51).

Керамика. Посуда уткульского типа характеризуется в отличие от елунинской ярко выраженными гребенчато-ямочными традициями. Сосуды имеют баночную форму и переходную к горшковидной. Им свойственна комбинированная техника орнаментации. «Шагающей гребенкой» нанесены прямые и волнистые линии, печатные ромбы, зигзаги, прямые и наклонные линии. Иногда на одном сосуде вместе с рядами отступающей гребенки встречаются 2-3 ряда из оттисков угла дощечки или палочки, овальные и треугольные лунки, отпечатки угла гребенчатого штампа. Часто вместо гребенчатого зигзага нанесен резной. Характерная черта орнамента – наличие горизонтальных рядов «жемчужин», ямок, в нескольких случаях данные элементы чередуются (Кирюшин, 2002. Рис. 101–103). Отличительная особенность этой керамики – отсутствие орнамента, выполненного в технике «отступающей палочки», которой характеризуются елунинские комплексы.

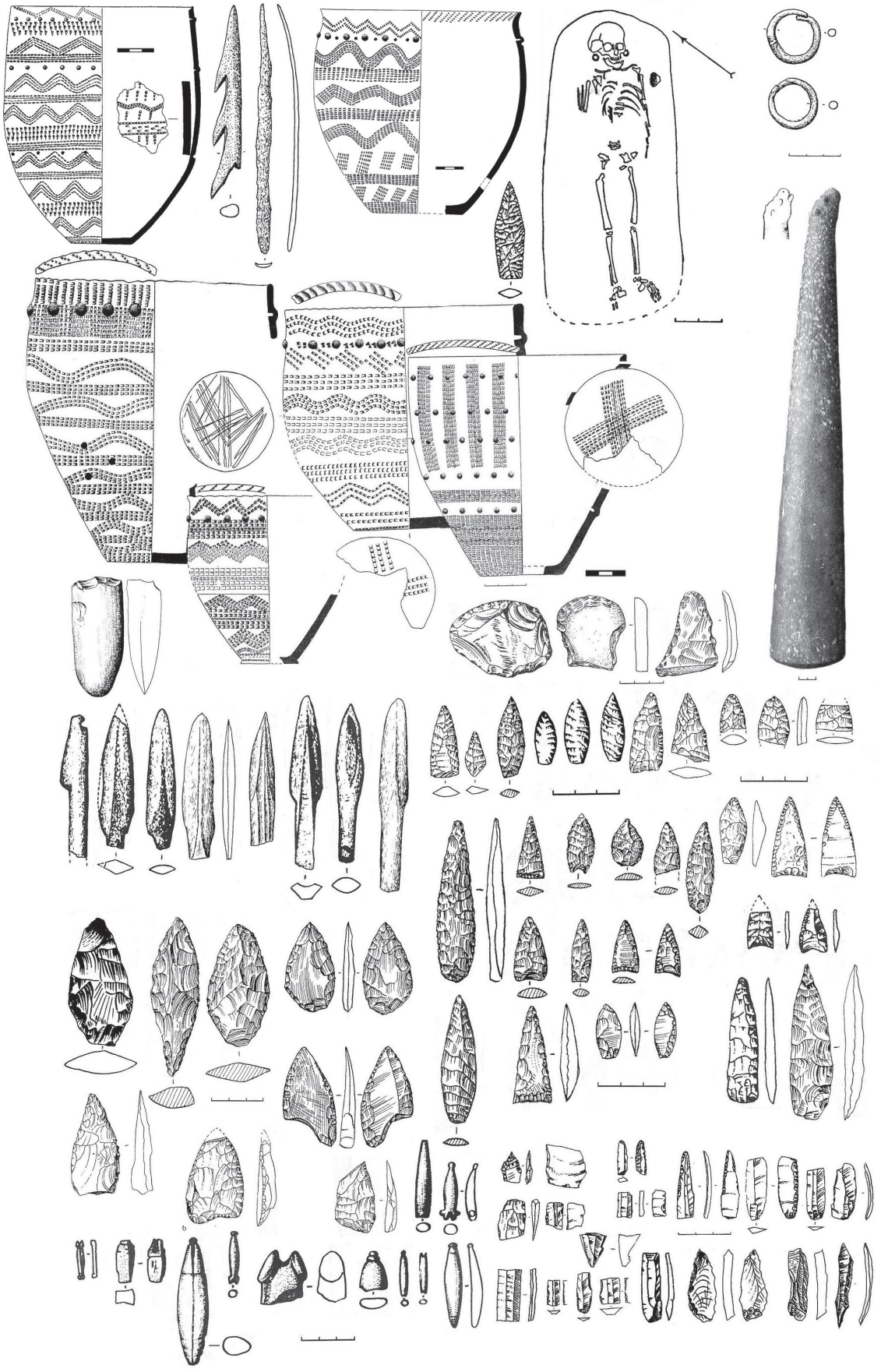
Орудийный комплекс. Существенным образом от левобережных елунинских комплексов отличается каменный и костяной уткульский инвентарь. Каменные наконечники стрел характеризуются изделиями с прямой или выгнутой базой, отсутствием наконечников с черенком, сохраняются по сути неолитические традиции в камнеобработке – пластинчатая техника расщепления. В инвентаре зафиксированы ножевидные пластины, наконечники стрел и скребки, выполненные на пластине, каменные стерженьки (Кирюшин, 2002. Рис. 107–118).

Хозяйство. Основу экономики уткульского населения составляла охота на крупных копытных животных. Основным объектом охоты был лось. Кости этого животного составляют 88,7%, от общего количества определимых костей. Большое значение имело рыболовство. На основе анализа всех имеющихся материалов уткульских комплексов был выделен лесной, охотничье-рыболовецко-скотоводческий (многоотраслевой) хозяйственно-культурный тип в отличие от лесостепного, скотоводческого придомно-отгонного типа елунинского населения (Грушин, 2012. С. 178–179).

Погребальный обряд. Погребальная практика уткульского населения правобережной Оби отличалось от елунинской левобережья. Здесь исследовано пока одно погребение на могильнике Тузовские Бугры I. Умерший человек был похоронен вытянуто на спине, головой на северо-восток. В заполнении могилы найдены каменный нож, наконечник стрелы. С погребенным обнаружены два свинцовых височных кольца; сосуд, украшенный под венчиком резными линиями, рядом ямок и ногтевыми насечками; костяные гарпун, накладка на лук (Абдулганеев, Кирюшин, 2002. С. 4–5).

Мировоззрение. Специфика данных культурных образований, вероятно, проявляется и в мировоззренческой сфере. Большую роль играли культы промысловых животных, о чем свидетельствует, в частности, каменный жезл с навершием в виде головы медведя, обнаруженный на оз. Уткуль. В отличие от елунинского населения, у которого ритуальная символика была связана с домашними животными, о чем свидетельствуют каменные пе-

1 В литературе встречается два варианта названия озера: Иткуль и Уткуль, что связано с особенностями русской транскрипции тюркского топонима. Опираясь на последние географические издания, в данной работе использовано название «Уткуль».



Сводная таблица материалов уткульской группы памятников.

сты с навершием в виде барана, лошади, быка (Кирюшин, Грушин, 2009. Рис. 1, *8*).

Хронология. Вопрос о хронологии уткульских комплексов пока остается открытым. Совместное залегание елунинской и уткульской керамики на одних и тех же поселениях можно считать свидетельством синхронности двух групп. Елунинская культура датируется в рамках XXII–XVIII вв. до н.э. (Грушин, 2013. С. 21). Вероятно, в данном хронологическом промежутке и следует датировать уткульские памятники. Этому не противоречит и одна радиоуглеродная дата (с учетом калибровки), сделанная по поселению Коровья Пристань III (Кирюшин, 2002. С. 76).

Ближайшие аналогии уткульской керамике находятся в комплексах большеларьякского типа таежной части Среднего Приобья (Посредников, 1973), Присалаирья (Зах, 1997), Нижнего Притомья (Бобров, Марочкин, 2010. С. 150); одинцовской культуры Западной Сибири (Молодин, 1981), более отдаленные аналогии можно найти в ташковской керамике (Ковалева, 1997). Однако набор элементов орнамента, их сочетание, техника правобережных обских комплексов, на наш взгляд, не сводятся ни к одной из них. В связи с этим такую посуду целесообразно обозначить, как керамика уткульского типа. Данные комплексы входили в большую гребенчато-ямочную культурную область, выделенную М.Ф. Косаревым (1991. С. 59). Она связана с таежными районами Западной Сибири, заходила далеко на юг по правобережной лесной зоне вплоть до северных предгорий Алтая, что и демонстрируют комплексы уткульского типа.

В формировании уткульской культурной традиции значительную роль сыграли местные нео-энеолитические традиции, которые демонстрируют нам не только преемственность материальной культуры (прежде всего каменной индустрии), традиционного природопользования, но и отсутствие какой-то значительной смены состава населения. Культурные уткульские традиции на правобережье Верхней Оби сохраняются на протяжении всего бронзового века. На их основе формировалась корчажкинская археологическая культура позднего бронзового века, а лесной, охотничье-рыболовецко-скотоводческий (многоотраслевой) хозяйственно-культурный тип в этом регионе стал основой для развития хозяйственно-культурного типа в последующие исторические периоды вплоть до этнографической современности.

В заключение отметим, что многие вопросы, связанные с выделением уткульской группы памятников, остаются открытыми, ее изучение только начинается, но уже на данный момент очерчена общая конфигурация данного культурного типа памятников. Наполнение конкретным содержанием таких параметров, как территория, хронология; особенности керамических комплексов и инвентаря, хозяйства и погребального обряда дают основание для выделения особой уткульской археологической культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф. Погребение раннего бронзового века из могильника Тузовские Бугры I // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 4–6.

Бобров В.В., Марочкин А.Г. Раскопки у Новоромановской писаницы (южные районы Нижнего Притомья) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XVI. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. С. 149–153.

Грушин С.П. Хозяйственно-культурная вариативность лесостепного Алтая в раннем бронзовом веке // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 3: Археология и этнография. С. 171–179.

Грушин С.П. Культура жизнеобеспечения и производства населения степного и лесостепного Обь-Иртышья во второй половине III – первой четверти II тыс. до н.э.: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Барнаул, 2013. 54 с.

Зах В.А. Эпоха бронзы Присалаирья. Новосибирск: Наука, 1997. 132 с.

Ковалева В.Т. Взаимодействие культур и этносов по материалам археологии: Поселение Ташково II. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1997. 131 с.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. 294 с.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П. Предметы мобильного искусства раннего и среднего бронзового века лесостепного Обь-Иртышья // Археоло-

гия, этнография и антропология Евразии. 2009. № 4 (20). С. 67–75.

Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: Человек и природная среда. М.: Наука, 1991. 302 с.

Молодин В.И. Памятники одинцовского типа в Барабинской лесостепи // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск: Наука, 1981. С. 63–75.

Посредников В.А. О культурно-этнической принадлежности поселения Большой Ларьяк-2 и некоторых других памятниках таежного Приобья // Из истории Сибири. Вып. 7. Томск: Изд-во ТГУ, 1973. С. 95–107.

ДАННЫЕ ИЗОТОПНОГО И ЭЛЕМЕНТНОГО АНАЛИЗА (К РЕКОНСТРУКЦИИ МОБИЛЬНОСТИ СТЕПНЫХ ОБЩЕСТВ ЭПОХИ БРОНЗЫ)[1]

© 2014 г. М.В. Добровольская

Институт археологии РАН, Москва
(mk_pa@mail.ru)

Ключевые слова: эпоха ранней бронзы, изотопно-геохимические исследования, степные скотоводы, климатические изменения, сезонное кочевание.

Резюме. Изучение образа жизни носителей древнейших традиций скотоводства является одним из направлений внутри обширного общего исследовательского поля. К настоящему времени накоплен значительный объем данных, позволяющих нам строить предположения относительно характера и масштабов миграций, совершавшихся этими древними пастушескими коллективами.

Динамика показателей внутригрупповой изменчивости изотопных показателей ($\delta^{13}C$, 87/86Sr) позволяет предполагать, что в периоды аридизации группы (племена, роды) могли занимать более масштабные территории. Очевидно, что биопродуктивность пастбищ более засушливых территорий была низка, и для поддержания поголовья скота требовались более масштабные сезонные миграции.

Изучение археологических культур эпохи раннего металла, представленных многочисленными курганными памятниками на территории евразийских степей, – традиционно приоритетное направление в отечественной археологии. Изучение образа жизни носителей древнейших традиций скотоводства является одним из направлений внутри обширного общего исследовательского поля. Подвижный образ жизни, подверженность локальным природно-климатическим влияниям во многом определили «эко-зависимый» характер экономического уклада этих обществ. Этим обстоятельством объясняется особая роль естественнонаучных методов изучения курганных памятников эпох раннего металла.

Важное место в богатом арсенале естественнонаучных подходов занимает инструментарий изотопных и элементных исследований, позволяющий обратиться к реконструкции конкретных ландшафтно-климатических условий жизни людей и окружающей фауны. Важно отметить, что эти варианты аналитических исследований позволяют получить индивидуальные характеристики, описывающие пространство жизни конкретных людей или животных прошлого, а в не-

1 Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ, № 13-06-00792.

которых случаях – даже определенные годы их жизни.

Использование этих инструментов связано с применением высокотехнологических методов, прежде всего различных вариантов масс-спектрометрии. Очевидно, что подобные исследования наиболее эффективно осуществляются в коллективах, объединяющих специалистов-археологов и представителей естественных наук. Одним из первых опытов систематизации данных об изотопном составе скелетных тканей людей и животных из курганных захоронений эпохи бронзы стала коллективная монография (Николаев и др., 2002. С. 188–189).

Активное использование изотопных методов анализа при изучении погребений ямной, катакомбной, майкопской и ряда других культур в регионе Северо-Западного Прикаспия (Шишлина, 2007. С. 300–340, Shishlina et al., 2012. P. 177, Shishlina, 2014. P. 9–10), майкопской, северокавказской, катакомбной культур на Кавказе и в Северном Предкавказье (Hollund, et al., 2010. С. 2972), ямной культуры в Трансильвании и Карпатском бассейне (Ciugudean, 2013. P. 181, Gerling et al., 2012. P. 1097) позволяет нам обращаться к проблемам реконструкции процессов миграции, оценке уровня мобильности этих древних пастушеских коллективов.

Как правило, результаты определения соотношения стабильных изотопов 13/12C (углерода) и 15/13N (азота) в коллагене костной ткани людей и животных используют для реконструкции основных компонентов обыденного рациона питания. Другая важнейшая задача – выявить возможный источник более «древнего» углерода, который может существенно исказить радиоуглеродную дату. Как правило, источником такого «опаздывающего» углерода становятся крупные водоемы с более медленными циклами вовлечения элемента в круговорот трофических систем. В ряде случаев, усугублять эту ситуацию могут различные карбонатные отложения, попадающие в водоем и растворенные в воде.

Также на основании данных о соотношениях изотопов этих элементов возможно реконструировать местные климатические особенности. Гораздо чаще для последней цели применяются данные о соотношении 18/16O (кислорода). Соотношение 87/86Sr (стронций) в биологических объектах полностью отражает специфику местных геологических пород, поэтому этот параметр используется для выявления местных и пришлых индивидов.

К настоящему времени накоплен значительный объем данных, позволяющих нам строить предположения относительно характера и масштабов миграций, совершавшихся этими древними пастушескими коллективами.

Для того чтобы оценить степень разнообразия природно-климатических условий, в которых находились индивиды из определённых курганных захоронений, были посчитаны величины стандартных отклонений для значений дельта углерода для двенадцати групп погребенных из памятников с территории Кавказа и Предкавказья. Все памятники хорошо датированы и культурно атрибутированы. В список вошли: погребения из Великента эпохи ранней бронзы, майкопские погребения из некрополя Горячеводский, катакомбные погребения из некрополя Золотаревка, погребения степного варианта майкопской культуры памятников Ипатово и Шарахалсун (Hollund et al., 2010. С. 2975), погребений ямной и катакомбной культурно-исторических общностей памятника Манджикины-1, 2, катакомбные погребения памятников Темрта I, III, V, Зунда-Толга-2, 5, Песчаный V (Shishlina et al., 2012. P. 193–197).

Показатели внутригрупповой изменчивости позволяют судить о ее нестабильности. Минимальные значения были определены для группы оседлого населения эпохи ранней бронзы из погребений Великента (0,23). Максимальные величины (более единицы: 1,3–1,4) для групп из раннекатакомбных погребений (Песчаный, Темрта). Среднеарифметические групповые значения изотопных показателей в этих выборках также значительно различаются. Минимальные определены для группы из Великента (–19,36), а максимальные для выборки из раннекатакомбных погребений памятника Манджикины (–16,81). Высокие значения дельта углерода соответствуют ситуации засушливых ландшафтов, в флоре которых существенное место могут занимать растения С4 типа фотосинтеза, в ко-

торых происходит менее жесткое фракционирование изотопов углерода. В целом, можно судить о том, что внутригрупповая изменчивость увеличивается по мере аридизации среды. Эта связь хорошо видна на графике (см. *рисунок*).

Каким образом мы можем интерпретировать эти данные? Как известно, показатели коллагена костной ткани отражают усредненную картину последних десяти лет жизни взрослого человека, поэтому эти показатели не могут быть использованы для изучения сезонных миграций (для таких целей подходит крайне редкий в археологической практике материал – волосы). Индивидуальные различия в коллагеновых изотопных подписях могут свидетельствовать либо о том, что индивиды использовали различные пищевые источники, либо, что их жизнь протекала в климатически различающихся районах. Проведенное ранее исследование выявило сопряженную динамику дельта углерода и азота (Iacumin et al., 2004), что дает нам основание склониться ко второй гипотезе. Ранее эффект климатических изменений был отмечен на материалах погребений новотиторовской и катакомбной культур в Прикубанья (памятники Пластуновский I, Олений I, Малаи I, Лебеди I). Он проявился в двукратном увеличении концентрации стронция в костной ткани индивидов из катакомбных погребений (Добровольская, 2005. С. 104).

Таким образом, проведенный статистический анализ позволяет предполагать, что в периоды аридизации группы (племена, роды) могли занимать более масштабные территории. Очевидно, что биопродуктивность пастбищ более засушливых территорий была низка, и для поддержания поголовья скота требовались более масштабные сезонные миграции.

Исследования погребений ямной культурно-исторической общности группы курганов Лайвзиль из Трансильвании (Венгрия) с использованием данных об изотопных соотношении 18/16O и 87/86Sr в зубной эмали выявило, что изотопные показатели имеют величину, характеризующую систематическое пребывание в двух регионах: на равнине и в предгорьях. Эта ситуация отражает сезонные миграции этой группы населения.

Аналогичные исследования погребений ямной культуры памятника Саретудвари-Ерхалом и ряд других курганов ямной культурно-исторической ощности (Великая венгерская равнина, Венгрия) показали, что наиболее ранний погребенный в кургане характеризуется не местными параметрами стронциевого изотопного показателя, и несколько индивидов, погребенных пятью веками позже, можно считать представителями пришлой группы. Полученные нами результаты соотношения 87/86Sr (0,709418±7 – 709571±10) в зубной эмали людей из погребенных ямной, катакомбной и новотиторовской культур из курганов Закубанья (Пластуновский, Олений I, Малаи I, Лебеди I) указывают на сходные территории кочевания.

Итак, изотопные показатели свидетельствуют о значительной стабильности областей сезонных кочеваний групп населения, ассоциируемого с культурами периодов ранней – начала средней бронзы, а также о значимой роли климатических изменений в расширении пастбищных территорий.

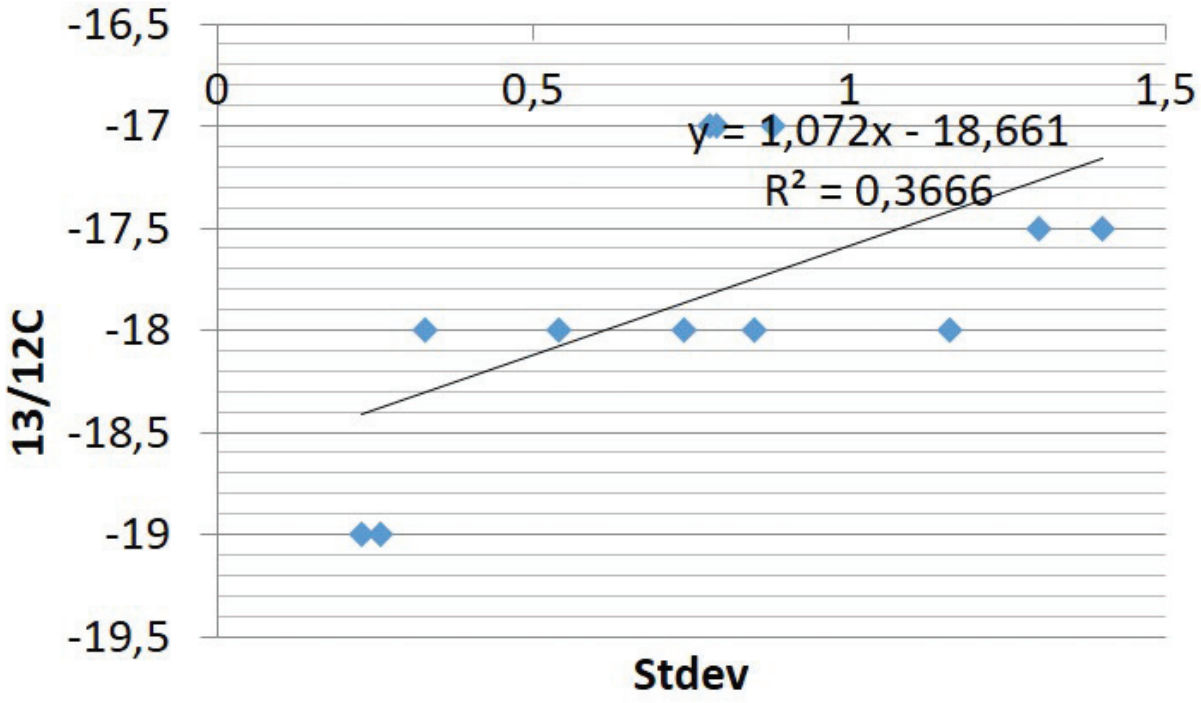
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Добровольская М.В. Население эпохи бронзы в Прикубанье: некоторые аспекты изучения антропологического источника // OPUS. Междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 4. М.: ИА РАН, 2005. С. 95–112.

Николаев В.И., Якумин П., Александровский А.Л., Белинский А.Б., Демкин В.А., Женони Л., Грачева Р.Г., Лонжинелли А., Малышев А.А., Раминьи М., Рысков Я.Г., Сорокин А.Н., Стрижов В.П., Яблонский Л.Т. Среда обитания человека в голоцене по данным изотопно-геохимических и почвенно-археологических исследований (Европейская часть России). М.: Ин-т географии РАН, 2002. 189 с.

Шишлина Н.И. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тыс. до н.э.). М.: ГИМ, 2007. 399 с.

Ciugudean H. Insights into the Transylvanian Early Bronze Age using Strontium and Oxygen Isotope Analyses – A Pilot Study // Tranzition to the Bronze Age. Interregional Interaction and Socio-Cultural Change in the Third Millenium BC Carpatian Basin and Neighboring Regions / Eds. V. Heyg, G. Kulcsar, V. Szeverenyi. Budapest: M.C. Escher's «Day and Night», 2013. P. 181–202.



Сопряженная изменчивость углеродных изотопных показателей и величины их внутригрупповой изменчивости.

Gerling G., B´anffy E., Dani J., Köhler K., Rulcsar G., Pike A.W., Szeveré nyi V., Heyd V. Immigration and transhumance in the Early Bronze Age Carpathian Basin: the occupants of a kurgan // Antiquity. 2012. V. 86. P. 1097–1111.

Hollund H.I., Higham T., Belinskij A., Korenevsky S. Investigation of paleodiet in the North Caucasus (South Russia) Bronze Age using stable isotope analysis and AMS dating of human and animal bones // J. of Archaeological Sciences. 2010. V. 37. P. 2971–2983.

Iacumin P., Nikolaev V., Genoni L., Ramigni M., Ryskov Y., Longinelli A. Stable isotope analyses of mammal skeletal remains of Holocene Age from European Russia: a way to trace dietary and environment changes // Geobis. 2004. V. 37. P. 37–47.

Shihlina N., Sevastyanov V., Hedges R. E. Isotope ratio study of Bronze Age samples from the Eurasian Caspian Steppes // Population dynamics Prehistory and Early history / Eds E. Kaiser, J. Burger, W. Schier. Berlin: Walter and Gruyter, 2012. P. 177–198.

Shihlina N., Sevastyanov V., Zazovskaya E., van der Plicht J. Reservoir effect of archaeological samples from steppe Bronze Age cultures in Southern Russia // Radiocarbon. 2014. V. 56. №. 2. P. 1–12.

ПОГРЕБЕНИЯ ЖИВОТНЫХ И СВЯЗАННЫЕ С НИМИ РИТУАЛЫ НА ПАМЯТНИКЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ ГОНУР ДЕПЕ В ТУРКМЕНИСТАНЕ[1]

© 2014 г. Н.А. Дубова

Институт этнологии и антропологии РАН, Москва
(*dubova_n@mail.ru*)

***Ключевые слова*:** Бактрийско-Маргианский археологический комплекс, погребальные сооружения, погребальные приношения, бараны, собаки, лошадь, быки.

Резюме. В работе систематизируются и анализируются находки костей животных, целых туш и их частей, в погребальных и ритуальных комплексах известного дворцово-храмового комплекса эпохи бронзы Туркменистана Гонур Депе и нескольких сателлитных сельских поселений (подхоронения животных к человеческим погребениям, особые захоронения только животных, жертвоприноошения). Особый интерес представляют культовые захоронения собак и неоднократные находки останков доместицированной лошади.

Широко известный дворцово-храмовый комплекс эпохи бронзы Туркменистана Гонур Депе ($38^{0}12'5''$N $62^{0}02'15''$E) был найден В.И. Сарианиди в 1972 г. и раскапывался им до 2013 г. Это один из самых ярких памятников Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (Сарианиди, 2001; Sarianidi,2008),датирующийсявпределах2300–1600 гг. до н.э. (Зайцева и др., 2008). Одно из специфических явлений как этого памятника, так и всего Бактрийско-Маргианского археологического комплекса – погребения животных и фрагментов их туш. Первая систематизация имеющихся данных уже проведена (Сарианиди, Дубова, 2008; Дубова, 2012). Нельзя не согласиться с Е.В. Антоновой, начавшей интерпретацию погребений животных на памятниках Бактрийско-Маргианского археологического комплекса и отметившей в связи с этим, что для реконструкции образа мира носителей этой культуры прежде всего необходим скрупулезный анализ сделанных находок (Антонова, 2005. С. 106).

Кости животных на Гонуре и на двух раскопанных сателлитных сельских поселениях в 2 и 4 км к югу от центрального комплекса (Гонур 20 и Гонур 21) найдены в большом количестве. Они происходят из ритуальных объектов, человеческих погребений и помещений, а также пространства между ними. Как отмечает Р. Сатаев, это остатки животных и их дериватов, использовавшихся в ритуальных целях; остатки животных, использованных в погребально-поминальном обряде; крайне редко и только на определенных территориях – кухонные отходы (Сатаев, 2008). Особого внимания заслуживают могилы, где захоронены только животные, или те, где целые туши были подхоронены к человеческим погребениям, а также самостоятельные местонахождения отдельных фрагментов. На Гонуре найдено 162 объекта такого рода. Из них в 34 животные подхоронены к людям. Такие захоронения совершены в разных по типу погребальных сооружениях (см. *таблицу*). В грунтовых ямах и в подбоях целые туши животных укладывались в ногах погребенных людей. В камерах (подземных моделях одно- или двухкомнатных домов) и в цистах – обычно в самостоятельной «камере»-комнате или

1 Работы проводятся при финансовой поддержке РФФИ (проект № 13-06-0023313) и в рамках Соглашения о сотрудничестве между Институтом этнологии и антропологии РАН и Министерством культуры Туркменистана

Типы могильных сооружений, в которых были погребены целые туши животных

Тип могильных сооружений	Грунтовые ямы	«Котлованы»	Обожженные ямы	Подбойные могилы	Цисты	Камерные могилы	Гробницы	В хуме
Самостоятельные захоронения (54)*	22	2	2	3	18	6	–	1
Из них:								
собаки (12)	10	–	1	–	1	–	–	–
бараны (31)	6	–	–	3	15	6	–	1
Животные, подхороненные к людям (33)	6	3	1	6	8	3	6	–

* В скобках указано число могил.

в грунтовой «прихожей» перед передним фасадом сооружения. Особо выделяются гробницы на царском некрополе (6 случаев), когда несколько животных (верблюды, собаки, бараны) были расположены вместе с останками слуг в так называемом дворе, тогда как основные захороненные были погребены в «доме». На царском некрополе имеется также три «котлована» (глубокие ямные могилы диаметром около 6 м), где похоронено большое число слуг (от 7 до 17 человек) и разные животные (верблюды, ослы, телята, бараны, собаки) (Дубова, 2004. С. 277–278; Сарианиди, Дубова, 2010).

Погребения исключительно животных – 54 могилы. По таблице видно, что подавляющее большинство в этой категории составляют захоронения баранов (31), на втором месте находятся собаки (12), а таким видам, как лошади (1), ослы (3), корова, бык (2) погребения устраивались в единичных, хотя и показательных случаях. Почти все собаки были похоронены в грунтовых ямах, правда, очень тщательно сделанных и обмазанных изнутри глиняной штукатуркой. Погребальные приношения в этих могилах, половина которых (6 из 12) устроена на восточной и южной окраинах царского некрополя, отсутствуют. Только одно погребение собаки (3600) совершено в цисте, причем животное по аналогии с человеком было уложено не на землю, а на грунтовое возвышение, обнесенное со всех сторон кладкой из сырцового кирпича. Здесь найдены достаточно богатые погребальные приношения, включавшие 12 керамических изделий, бронзовые зеркало, косметический флакон с аппликатором. Останки собаки (1939) были раскопаны на Большом некрополе Гонура в ямной могиле с обожженными стенками (Сарианиди, 2001. С. 18–21; Sarianidi, 2008. P. 36–41). Погребения и коровы, и быка были сооружены на царском некрополе Гонура в грунтовых ямах без погребальных приношений. Найдено три погребения ослов – одно (3597) в комплексе с тремя захоронениями баранов на юго-западе Гонур Депе (раскоп 16) (Дубова, 2008), второе (3340) – на северной окраине царского некрополя. Еще одна могила, где похоронен осел без головы и хвоста, была устроена на Большом некрополе Гонура. До изучения ее археозоологами (Parpola, Janhunen, 2010) погребение приписывалось лошади (Сарианиди, 2001. С. 37–43; Sarianidi, 2008. P. 126–132).

В настоящее время археозоологами подтверждено одно погребение молодой лошади в царской гробнице 3200 (Дубова, 2004. С. 279–280; Сатаев, 2008. С. 138–140). Кроме того, имеются находки отдельных фрагментов костяков лошадей (все определения останков принадлежат Р.М. Сатаеву). Наиболее крупный из них – плохо сохранившиеся череп и лопатка этого животного (3766 на раскопе 9 в помещении 149), которые сопровождались

черепами собаки и барана. На других территориях были дважды найдены передние конечности лошади (3479, 3473) и одиночный зуб (3405). Несколько отдельных зубов лошади раскопаны в заполнении двух погребений на раскопе 16. Зубы этого животного (в 3795 – один; в 3798 – два) находились на 10–15 см выше, чем погребальные приношения, стоявшие в подбое. Фрагментов других костей лошади ни в одном, ни в другом погребении не было. Ранее указывалось, что нижняя челюсть лошади присутствовала среди группы животных, подхороненных к цисте 2900 (Дубова, 2004. С. 257; Sarianidi, 2008. P. 153), но эти остатки не сохранились по причине их очень плохого состояния, поэтому не могли быть определены специалистом-зоологом. Теперь с полной уверенностью можно говорить о присутствии домашней лошади в Маргиане, и есть все основания не согласиться с утверждениями как К. Мур (Moor, 1993. P. 167–168), так и с более осторожными замечаниями Р. Мидоу (Meadow, 1993. P. 73; Parpola, Janhunen, 2010. P. 425–426) на эту тему.

Кроме эквид имеются и другие местонахождения специальным образом уложенных фрагментов костяков животных (в общей сложности 55). Среди них присутствуют и кости свиньи (три местонахождения костей конечностей и черепа). Эти находки весьма разнообразны и по контексту обнаружения, и по видовому составу, поэтому заслуживают отдельного описания.

Здесь имеет смысл немного внимания уделить трем сложным комплексам с остатками разных видов. Так, один из них раскопан на царском некрополе. Это неглубокая круглая грунтовая яма (4065), где семь собак лежали, как бы «продолжая» одна другую по спирали. Под ними находились позвоночник и таз осла, а также ветвь нижней челюсти овцы. В непосредственной близости выявлены могилы (4068, 4069) с одиночными захоронениями собак и челюстью свиньи.

Два других комплекса более значительные. Один из них (3900) уже получил свою публикацию (Сарианиди, Дубова, 2010; Sarianidi, Dubova, 2010): в «котловане» диаметром 6 м и глубиной до 2,5 м были похоронены семь человек, семь собак (еще одна была погребена в самостоятельной яме в верхнем слое котлована), два верблюда и два осла. Здесь упомяну о новой находке, которая была сделана на северо-западе центрального комплекса (раскоп 19). Раскопки на этой территории курировались Н. Бороффкой из Немецкого археологического института, который был приглашен в состав Маргианской археологической экспедиции. Весной 2013 г. там был найден «котлован» (диаметр 6,5 м, глубина до 3 м) (4300), отличающийся от ранее известных тем, что его стенки изнутри были выложены сырцовым кирпичом. В верхнем слое котлована выявлено три скопления остатков животных. Определениями Р. Сатаева установлено, что скопление 1 содержит 85,4% костей крупного рогатого скота, 10,5% мелкого рогатого скота, 2,9% свиньи и 1,2% осла. Скопление 2 включает в себя 229 костей млекопитающих (34,4% крупного рогатого скота; 57,5% мелкого рогатого скота, 3,2% свиньи, 1,1% осла и 3,8% джейрана), 2 фрагмента костей птицы и фрагмент VII шейного позвонка человека. В скоплении 3, как установлено, находилась особь крупного рогатого скота возраста 1,5–3,5 лет, а также кости мелкого рогатого скота. Кости из скоплений 1 и 2 происходят от одних и тех же туш животных (минимальное число особей крупного рогатого скота – 2, овцы – 4, козы – 2, свиньи – 1, осла – 1), поэтому их следует рассматривать вместе. В этих скоплениях высок процент мелких фрагментов со следами раскалывания и обожженности, что характерно для кухонно-бытовых отходов. По всей видимости, они были сброшены/помещены в место нахождения единовременно. Скопление 3 имеет сходство с ранее описанным местонахождением 4164 (на том же раскопе), где имело место селективное захоронение (вместе с частью позвоночника крупного рогатого скота имелись только кости левых конечностей). Выявление двух сходных объектов позволяет рассматривать их как одну из форм ритуального использования животных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антонова Е.В. Об останках животных в памятниках Бактрийско-Маргианского археологического комплекса // Центральная Азия. Источники, история, культура. М.: Восточная литература, 2005. С. 105–117.

Дубова Н.А. Могильник и царский некрополь на берегах большого бассейна Северного Гонура // У истоков цивилизации. М.: Старый сад, 2004. С. 254–281.

Дубова Н.А. Погребения животных в стране Маргуш // ТМарЭ. Т. 4. М.: Старый сад, 2012. С. 101–139.

Зайцева Г.И., Дубова Н.А., Семенцов А.А., Реймар П., Мэллори Дж., Юнгнер Х. Радиоуглеродная хронология памятника Гонур Депе // ТМАрЭ. Т. 2. М.: Старый сад, 2008. С. 166–179.

Сарианиди В.И. Некрополь Гонура и иранское язычество. М.: Мир-медия, 2001. С. 244.

Сарианиди, В.И., Дубова Н.А. Роль эквид и других животных в жизни земледельческого населения юга Туркменистана (на примере памятника конца III тыс. до н.э. Гонур Депе) // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии / Под ред. А.А. Тишкина. Барнаул: Азбука, 2008. С. 149–152.

Сарианиди В.И., Дубова Н.А. Новые гробницы на территории «царского некрополя» Гонура // На пути открытия цивилизации. СПб.: Алетейя, 2010. С. 144–172.

Сатаев Р.М. Животные из раскопок городища Гонур-Депе // ТМАрЭ. Т. 2. М.: Старый сад, 2008. С. 138–142.

Meadow R. Continuity and change in the agriculture of the Greater Indus Valley // Intern. Association for the Study of the Cultures of Central Asia. Information Bulletin. Issue 19. Moscow, 1993. P. 63–77.

Moore K.M. Animal use at Bronze Age Gonur Depe // Intern. Association for the Study of the Cultures of Central Asia. Information Bulletin. Issue 19. Moscow, 1993. P. 164–176.

Parpola A., Janhunen J. On the Asiatic Wild Asses (Equus hemionus and Equus kiang) and their Vernacular Names // На пути открытия цивилизации. СПб.: Алетейя, 2010. С. 423–466.

Sarianidi V. Necropolis of Gonur. Athens: Kapon ed., 2008. 340 p.

Sarianidi V., Dubova N. Nouvelles sepultures sur le territoire de la «necropole royale» de Gonur Depe // Arts Asiatique. 2010. T. 65. P. 5–26.

ПРОБЛЕМА ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ПРАРОДИНЫ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ МИФОЛОГИИ В III ТЫС. ДО Н. Э. (ПО МАТЕРИАЛАМ СВЯТИЛИЩА МЕЦ СЕПАСАР)

© 2014 г. Л.Г Еганян

Центр арменоведческих исследований Ширака, Гюмри, Армения
(smuseum@web.am)

Ключевые слова: бронзовый век, индоевропейцы, мифологические представления, куро-аракская культура, святилище, жертвоприношение волков.

Резюме. По материалам святилища, раскопанного на поселении куро-аракской культуры бронзового века Мец Сепасар в Армении (III тыс. до н.э.), обнаруженным здесь жертвоприношениям волков и культовым предметам делается попытка реконструкции ритуальных действий и связанных с ними мифологических представлений. Сравнение этих данных с материалами других археологических культур, связываемых с древним населением – вероятными носителями индоевропейских диалектов, а также с фольклорными материалами собственно Армении может свидетельствовать о проживании в эту эпоху на ее территории населения, бывшего носителем духовной культуры древних индоевропейцев.

Проблемы прародины индоевропейцев раскрыты далеко не полностью. В течение долгого времени предпринимались многочисленные попытки соотнесения реконструируемого лингвистами индоевропейского праязыка с конкретной культурной областью. Популярностью пользуются гипотезы о западноевропейской, северо-причерноморской прародине индоевропейцев. По мнению И.М. Дьяконова, прародина индоевропейцев со времен эпохи энеолита локализовалась в Европе, скорее всего, в зоне между Дунаем, Рейном и Волгой, и отсюда различные племена расселились на занимаемых ими территориях (Дьяконов, 1982).

Следуя гипотезе, выдвинутой З. Файстом, Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов считают прародиной индоевропейцев Переднюю Азию, в особенности Армянское нагорье и Северный Иран, откуда они распространились в места их дальнейшего обитания (Джаукян, 1987. С. 74).

Говоря о местах возможного проживания индоевропейцев, следует различать первоначальные или исходные территории и области, занимавшиеся ими на разных этапах разделения. К первоначальным может быть отнесена область, где жили только что вышедшие из ностратической общности племена или, если отрицается эта версия, где они общались с семитскими и другими народами. Наиболее популярна локализация этой области в Передней Азии. Что касается дальнейшего разделения и обособления ветвей, то здесь в большинстве случаев важное значение придается разным районам Европы. Возможно, что деление индоевропейской общности было достаточно длительным процессом. Долгое время бытовало мнение, что интенсивное разделение индоевропейских племен происходило в середине III тыс. до н.э. В современной науке принято, что период индоевропейской общности относится к V–IV тыс. до н.э. Исследования армянского языка показывают, что в III–II тыс. до н.э. некоторые языки, в том числе и армянский, уже выделились из общего массива. Представление, что прародина индоевропейцев была на севере Балканского полуострова, сейчас по новым данным лингвистических исследований поставлено под сомнение (Джаукян, 1987. С. 75–77).

По археологическим и лингвистическим источникам, ранняя область обитания носителей древней индоевропейской культуры в IV–III тыс. до н.э. локализуется в южнороссийских степях, на юго-востоке Европы и северо-востоке Передней Азии (Иванов, Топоров, 1991).

Изучение археологических памятников среднего и позднего бронзового века междуречья Куры и Аракса и сопоставление найденных материалов с некоторыми сюжетами индоевропейской мифологии позволяет утверждать, что на данной территории в это время уже проживало население, бывшее носителем духовной культуры индоевропейцев. Ранее было высказаны предположения о возможности соотнесения местных археологических культур с индоевропейцами. Основанием для такого заключения послужили предположение о связи подкурганных захоронений с повозками со степными культурами Восточной Европы, сопоставление обряда кремации хеттских царей с предполагавшейся кремацией в курганах триалетской культуры, а также анализ форм керамики и других артефактов среднего бронзового века из Малой Азии и Закавказья (Арешян, 1988. С. 102).

Среди памятников куро-аракской культуры раннебронзового века, обнаруженных на территории Армении, выделяется Мец Сепасар, где раскопано святилище прямоугольной в плане формы, ориентированное углами по линии СЗ–ЮВ (дина 5,5, ширина 4,7 м) и датируемое XXVIII–XXVI вв. до н.э. В святилище на полу были найдены останки семи жертвенных волков, один из которых находился около очага (Еганян, 2011).

Раскопки дают возможность восстановить характер проводившихся здесь обрядов. Сопоставление найденных *in situ* археологических материалов с письменными источниками, с обычаями и ритуалами индоевропейских народов показывает, что речь, скорее всего, может идти о празднике, в ходе которого совершались четкие действия, среди которых – жертвоприношение волков, возлияние, приношения даров, ритуал открывания сосудов, запечатанных еще осенью. Жертвоприношение волков свидетельствует, что племена, осуществлявшие данный ритуал, имели определенные религиозные взгляды и соответственными ритуалами выражали особое отношение к миру, а ритуал закрывания и открывание символизирует чередования «жизнь–смерть–возрождение» (Еганян, 2012. С. 272).

Праздник начинался во время появления самой яркой звезды созвездия Орион – Бетельгейзе. Появление звезды означало начало земледельческого календарного цикла, было знаком прорыва солнечных лучей сквозь зимнее небо, в индоевропейских мифологических представлениях воспринималось как знак победы Громовержца над Драконом. Праздник мог включать в себя изложение мифа или драматизированные действия, воспроизводящие его содержание. Наши предположения основаны не только на письменных источниках (хеттские « царские» ритуалы), но и на армянских верованиях и обычаях, особенно «молитвах завязывания волков», которые не читаются, а поются и часто сопровождаются ритуальными действиями (Абегян, 1975. С. 93).

«Молитвы завязывания волков» сопоставимы с хеттским ритуалом для войска, потерпевшего поражения в сражении. Такое войско проходило через ворота, сооруженные из боярышника, по сторонам которых клали разрезанных на две половины человека, козла, щенка и поросенка, затем по обе стороны разжигали костры. Через ворота между кострами, направляясь к реке, проходило хеттское войско. Войдя в воду, воины обрызгивали друг друга водой (Ардзинба, 1982. С. 67).

Сопоставление текстов молитв с хеттским ритуалом, верованиями индоевропейских народов, а также с археологическим материалом приводит к выводу, что в молитвах отражен весь процесс жертвоприношения волка и это главный смысловой пункт древнейшего ритуала (Еганян, 2012. С. 284).

Праздники и обряды, посвященные подготовке к новому хозяйственному году и обеспечению роста урожая, концу зимы и началу весны, так или иначе отражают общую идею пробуждения природы. Совершение ритуалов было приурочено к переходным периодам в жизни природы и рассматривалось как необходимый и действенный способ для достижения основной цели обряда – поддержания

естественного порядка в природе и окружающем мире.

Археологический материал открывает новые возможности для исследования рожденных из мифологических восприятий жизни и смерти верований, культовых представлений и обрядов индоевропейских племен. Изучение символов и знаков на ритуальных сосудах, найденных в святилище, также указывает, что стилизованные изображения на них отображают определенные моменты верований и связанных с ними ритуалов.

Зарождение верований индоевропейских племен формировалось в определенной географической среде, и сильнейшие представители характерной для нее фауны стали объетом почитания, а в ряде случаев покровителями-божествами. В их число вошел и волк.

Итак, археологические свидетельства об остатках жертвоприношений, предметах культа и проч. служат важным источником для реконструкции древнего мировоззрения, мифологии, самих культов. Общеиндоевропейская мифология, реконструируемая и изучаемая лингвистами, филологами и фольклористами, находит выразительные параллели в материалах памятника III тыс. до н.э. Мец Сепасар. Данный факт в свою очередь может служить подтверждением проживания в эту эпоху на территории Армении населения, которое было носителем духовной культуры индоевропейцев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абегян Р. Труды. T.VII. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1975 (на арм. яз.).

Арешян Г.Е. Индоевропейский сюжет в мифологии населения междуречья Куры и Аракса II тыс. до н.э. // ВДИ. 1988. № 4. С. 84–102.

Ардзинба В.Г. Ритуалы и мифы Древней Анатолии. М.: Наука, 1982. 252 с.

Джаукян Г. История армянского языка (предписьменный период). Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1987 (на арм. яз.).

Дьяконов И.М. О прародине носителей индоевропейских диалектов // ВДИ. 1982. № 3. С. 3–30; № 4. С. 11–25.

Еганян Л.Г. Жертвоприношение волков в раннебронзовом Мец Сепасаре // Археология, этнология, фольклористика Кавказа. Междунар. конф. Тбилиси: Меридиан, 2011. С. 119.

Еганян Л.Г. Памятник раннебронзового периода Мец Сепасар в контексте индоевропейских верований и ритуалов // Исследования Гонур Депе в 2008–2011 гг. М.: Старый сад, 2012. С. 272–290. (ТМарЭ; Т. 4).

Иванов В.В., Топоров В.Н. Индоевропейская мифология // Мифы народов мира: Энциклопедия в 2-х томах. Т. 1. М.: Сов. Энциклопедия, 1991. С. 527–533.

ОСОБЕННОСТИ РАССЕЛЕНИЯ ПЛЕМЕН КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ НА ВЕРХНЕМ ДОНУ

© 2014 г. М.В. Ивашов

Липецкий государственный педагогический университет, Липецк (m-ivashov@yandex.ru)

Ключевые слова: среднедонская катакомбная культура эпохи бронзы, терновской тип, верхнедонской тип, Верхний Дон.

Резюме. В статье рассматривается топография всех известных на сегодняшний день бытовых памятников катакомбной культуры в бассейне Верхнего Дона. Анализируется их расположение и распространение на разных этапах существования культуры.

К настоящему времени в бассейне Верхнего Дона выявлено 177 поселений катакомбной культуры, 136 из них находится на р. Воронеж и только 41 собственно на р. Дон и других его притоках (при дальнейшем изложении с известной долей условности две эти группы будут обозначаться, как памятники р. Воронеж и памятники бассейна Верхнего Дона).

По топографии мы разделили поселения катакомбной культуры Верхнего Дона на несколько групп: расположенные на дюнах в поймах рек; террасовые поселения, которые подразделяются на высокие (боровые) и низкие (на террасах высотой до 5 м); мысовые поселения, которые также делятся на низкие (до 5 м) и высокие.

При рассмотрении всех известных катакомбных поселений Верхнедонского региона в целом следует отметить, что большая их часть тяготеет к основному руслу крупных водных артерий – 122 памятника (68,9%). По их топографии можно сделать вывод, что население катакомбной культуры предпочитало низкие пойменные участки, на которых выявлено 121 поселение (68,3%).

Низкое расположение большинства памятников катакомбного времени связано с несколькими факторами: сложившейся политической ситуацией в регионе (относительно мирным сосуществованием пришлого катакомбного населения с местным нео- и энеолитическим в рамках благоприятных условий лесостепи); с особенностью хозяйства населения (значимую роль в котором играли присваивающие формы). Отметим, что топография памятников подтверждает данные палеогеографов об аридизации климата, которая дала возможность заселить низкие участки поймы.

Для подтверждения этих выводов рассмотрим топографические особенности катакомбных поселений Верхнего Дона по выделяемым нами хронологическим этапам (см. *рисунок*). На раннем этапе катакомбное население Верхнего Дона представлено двумя типами: верхнедонским и терновским (Ивашов, 2005).

Учтено 44 поселения верхнедонского типа, из которых 28 находятся непосредственно на берегах р. Воронеж, еще 8 – на его притоках, 7 – на берегах р. Дон, кроме этого Губаревское городище располагается на р. Ведуга. Поселения в бассейне р. Дон располагаются достаточно равномерно, хотя и выделяется их концентрация у сел Замятино, Ксизово. Южнее, на территории Среднего Дона, материалы верхнедонского типа также известны в единичных экземплярах на исследованных памятниках (Архангельское городище, Костенки-4 и 8). Фрагменты керамики верхнедонского типа выявлены и в слое Таганского грунтового могильника (Матвеев, Цыбин, 1999. С. 75. Рис. 2, 3). Характерно, что на всех донских поселениях культурный слой слабонасыщен, за исключением Замятино-10 и Семилукского городища. Карта распространения памятников верхнедонского типа пока-

зывает, что в бассейне р. Дон самое северное – местонахождение керамики (Пункт 51) недалеко от устья р. Красивая Меча.

В бассейне р. Воронеж ситуация несколько иная: поселения расположены на дюнах и невысоких надпойменных террасах – 30 памятников, на высоких участках их выявлено всего 6.

Поселения вытянулись цепочкой по р. Воронеж, и даже те из них, которые располагаются на притоках, тяготеют к основному руслу реки. Так же, как и для донских поселений, характерна слабая насыщенность слоя. На 33 памятниках проводились раскопочные работы, но полученные коллекции керамики верхнедонского типа малочисленны, исключение составляет поселение Студеновка-3, которое также одно из самых северных в этой группе.

Что касается поселений терновского типа, то их пока выявлено немного – всего 10: 6 на р. Дон и 4 на р. Воронеж. По топографии четыре донских поселения расположены на высоких мысах и два в пойме, воронежские, наоборот, – три в пойме реки и одно на высоком мысу. Самый северный выявленный пункт на р. Дон – поселение у с. Волотово, а на р. Воронеж – Липецкое Озеро и Рыбное Озеро-2.

Таким образом, большинство ранних поселений располагается в пойме и на низких террасах, а также непосредственно на берегах крупных рек. Скорее всего, это связано с тем, что освоение Верхнего Дона носителями катакомбных традиций происходило лишь по главным водным артериям региона, хотя в целом такой алгоритм расселения типичен и для последующих этапов катакомбной культуры, а мелкие притоки и ручьи полностью освоены лишь срубной культурой эпохи поздней бронзы (Бессуднов, Мельников, 2001).

Ко второму этапу катакомбной культуры на Верхнем Дону мы отнесли 116 поселений (на 44 из них проводились раскопочные работы). В бассейне р. Дон на сегодняшний момент известно 26 поселений, 16 из которых находятся на берегах основного русла реки и еще 10 – на ее притоках. На р. Дон самый северный пункт – городище в урочище «Курган» у с. Каменка. Западную окраину маркируют поселение 2-й Воловский-2 на р. Олым и местонахождение Замарайка на р. Кшень.

Поселения разбросаны по бассейну Дона преимущественно несколькими группами: в районе Задонской Луки и в нижнем течении р. Ведуга. По топографии донские поселения разделены на три группы: на дюне выявлено только 2 поселения (Ямное и Гнездилово); на террасах располагаются 5, причем высота 4 из них не превышает 5 м; на мысах выявлено 19 памятников, из которых 3 поселения – на низких, а остальные – на высоких.

На р. Воронеж поселений насчитывается 90: большинство из них (68) тяготеет к основному руслу реки, еще 22 находятся на притоках, практически все они также располагаются в устьевой части, реже – в среднем течении. Самый северный пункт для данного этапа катакомбной культуры на р. Воронеж – поселение у с. Старое Торбеево.

Поселения цепочкой тянутся по обоим берегам р. Воронеж, образуя несколько очагов концентрации: в нижнем течении р. Матыра, в среднем и нижнем течении р. Воронеж и т.д.

По топографии, как и донские памятники, поселения на р. Воронеж разделены на три группы. Количество поселений, выявленных на дюнах в поймах рек, оказалось преобладающим – 37 (41,2%); расположенных на террасах – 33, из них 13 (14,4%) – на высоких и 20 (22,2%) – на низких. Памятников, обнаруженных на мысах, – 20, из которых 11 (12,2%) относятся к категории высоких и 9 (10%) низких.

Анализируя поселения развитого этапа на Верхнем Дону по топографии, отметим, что они занимают ту же территорию, что и на раннем этапе, сохраняются и основные тенденции размещения: они тяготеют к основному руслу крупных рек – 84 (72,4%) – и предпочитают заселять низкие участки на дюнах, низких террасах и мысах 65 (56%).

Поселений третьего (валикового) этапа в бассейне р. Дон выявлено пока 15, из которых только 5 располагаются вблизи основного русла реки, а 10 – на притоках Дона, но в отличие от предыдущих этапов большинство поселений рассматриваемого этапа располагается на притоках второго и даже третьего порядков. Самые северные пункты на р. Дон – два местонахождения керамики в г. Лебедянь (Лебедянь-4 и Покрово-Инвалидная-4). Поселений так мало, что говорить о каких-либо

	основное русло	приток	дюна	выс.терраса	низк.терраса	выс.мыс	низк.мыс
ранний этап (48 пам-в)	79,20%	20,80%	50%	6,25%	18,75%	22,90%	2,10%
развитый этап (116 пам-в)	72,40%	27,60%	33,60%	12,10%	20,70%	23,30%	10,30%
поздний этап (71 пам-в)	59,20%	40,80%	21,10%	15,50%	43,70%	11,30%	8,40%

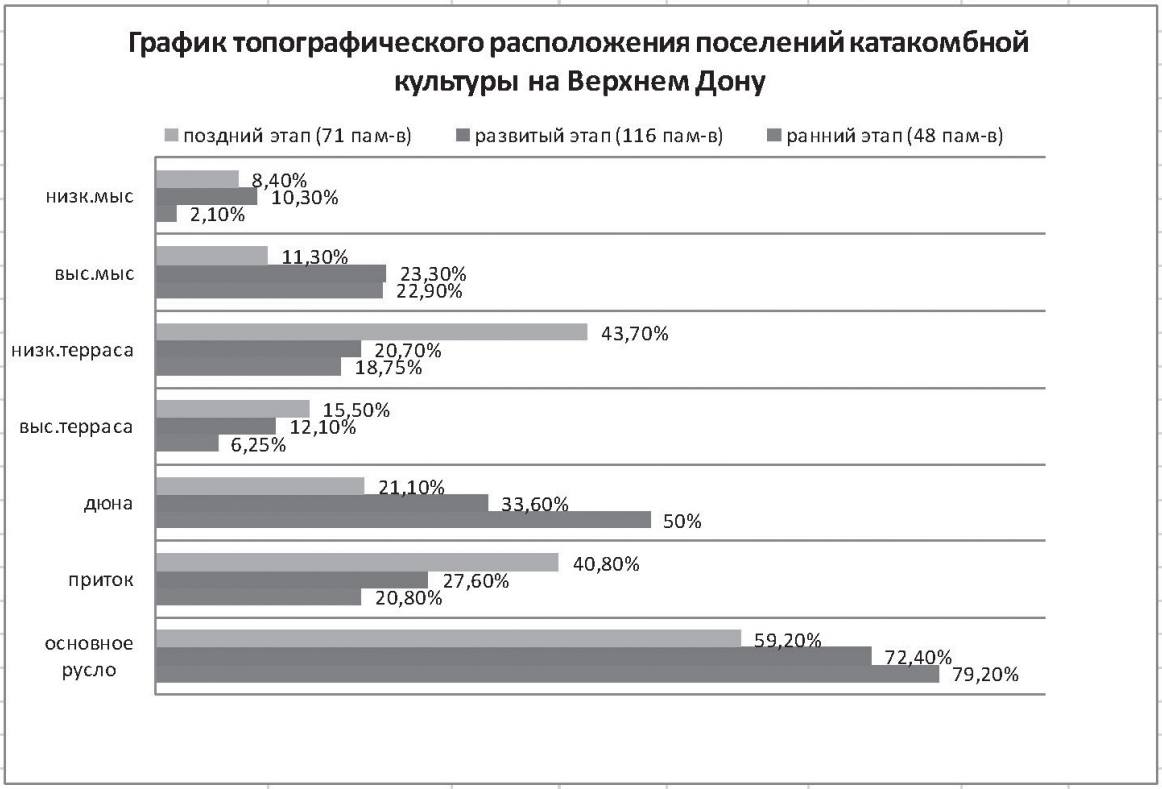


График расположения поселений катакомбной культуры на Верхнем Дону.

очагах концентрации невозможно. Если анализировать топографическое расположение памятников, то оно следующее: по одному поселению выявлено на дюне и на высоком мысу, остальные – на террасе (на высокой – четыре, на низкой – девять).

Поселения, располагающиеся на р. Воронеж, более многочисленны, чем на р. Дон, уступая по численности развитому этапу, – 56. Как и на более ранних этапах, они тяготеют к основному руслу реки, где их выявлено 37. Еще 19 известно на притоках р. Воронеж, как и на Дону, в отличие от более ранних этапов здесь появляются памятники, удаленные от основного русла реки, на притоках второго и третьего порядков.

По области распространения они занимают практически одинаковую территорию с более ранними поселениями: самые северные – группы поселений на правых притоках Воронежа, реках Становая Ряса и Ряса (Рощинский-31 и Пункт 390).

По топографическим характеристикам сохраняются те же закономерности: 14 поселений выявлено на дюнах в пойме реки, 29 – на террасах (7 – на высокой и 22 – на низкой), и 13 памятников находятся на мысах (7 – на высоких, 6 – на низких).

Проанализировав топографию поселений катакомбного времени на разных этапах, можно сделать несколько выводов:

– по результатам картографирования была установлена примерная северная граница проникновения носителей катакомбных традиций в бассейн Верхнего Дона на разных этапах. Примечательно, что в целом эта территория практически оставалась неизменной.

И только на последнем (валиковом) этапе граница продвигается несколько севернее;

– население катакомбной культуры предпочитало осваивать более удобный бассейн р. Воронеж. Показательно, что на разных хронологических этапах локализация большинства памятников и Дона, и Воронежа практически совпадает (район Острой Луки, низовья рек Воронеж и Ведуга), причиной чему могло служить удобство организации хозяйственной деятельности;

– важной чертой для характеристики особенностей расселения катакомбных племен является, на наш взгляд, смена предпочтений в расположении памятников от основного русла к притокам: поселения раннего этапа приурочены к основному руслу рек Дон и Воронеж (79,2%!), на более поздних этапах начинается освоение притоков, а доля памятников на берегах крупных рек на позднем этапе значительно уменьшается (59,2%);

– топографическое расположение памятников хорошо иллюстрирует представленный график (см. *рисунок*), на котором отмечены два интересных факта: население раннего этапа предпочитало заселяться на дюнах (50% памятников) и на высоких мысах (22,9%), а позднего этапа – на низких террасах (43,7%). В то же время для развитого этапа количество памятников на дюнах, низких террасах и высоких мысах примерно одинаковое. На наш взгляд, на ранних этапах такая тенденция была предопределена больше аридизацией, чем экономической направленностью, а на более поздних – именно хозяйством, основанном на скотоводстве, ориентированном на разведение крупного рогатого скота;

– характерной чертой культурного слоя поселений катакомбной культуры на Верхнем Дону для всех этапов является достаточно слабая насыщенность находками, что, на наш взгляд, было связано с хозяйственной деятельностью;

– количество памятников позднего этапа сокращается, это свидетельствует об оттоке катакомбного населения с территории Верхнего Дона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бессуднов А.Н., Мельников Е.Н. Динамика заселения племенами срубной культуры территории Верхнего Дона // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Мат-лы конф. Самара: Изд-во НТЦ, 2001. С. 207–213.

Ивашов М.В. Ранний этап катакомбных древностей на Верхнем Дону // II Городцовские чтения. Мат-лы конф., посв. 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ. Апрель 2003. М.: ГИМ, 2005. С. 108–117. (Тр. ГИМ; Вып. 145).

Матвеев Ю.П., Цыбин М.В. Таганский грунтовый могильник // Проблемы археологии бассейна Дона / Отв. ред. А.Д. Пряхин. Воронеж: Изд-во ВГПУ, 1999. С. 72–79.

СТРАТИРАФИЯ ПОСЕЛЕНИЙ-ТЕПЕ ЭПОХИ НЕОЛИТА – ПАЛЕОМЕТАЛЛА ЮГО-ЗАПАДА СРЕДНЕЙ АЗИИ И ПРОБЛЕМЫ АБСОЛЮТНОЙ ХРОНОЛОГИИ

© 2014 г. Л.Б. Кирчо

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
(L_kirtcho@mail.ru)

Ключевые слова: стратиграфия, многослойные поселения-тепе, Средняя Азия, неолит, эпоха палеометалла, абсолютная хронология.

Резюме. Стратиграфия многослойных поселений-тепе эпохи неолита–палеометалла на юго-западе Средней Азии, современные данные о палеоклимате и скорости накопления культурных слоев на Алтын-депе, а также суммарный анализ радиоуглеродных датировок показывают, что развитие оседлоземледельческой культуры в подгорной полосе Копетдага от начала джейтунского неолита до начала позднего этапа периода средней бронзы протекало в течение не менее 4200 лет, т.е. примерно в 6300/6200–2100 гг. до н.э.

Открытие джейтунской неолитической культуры и исследования оседлоземледельческих памятников эпохи неолита – палеометалла на юго-западе Средней Азии являются одним из наиболее значимых достижений советской археологии XX в.

Изучение многослойных поселений-тепе показало, что развитие древнеземледельческих культур в Южном Туркменистане шло без значительных перерывов от джейтунского неолита до позднего бронзового века включительно. Для джейтунской культуры было выделено три этапа развития (Бердыев, 1969. Рис. 4; Массон, 1971. С. 54–60)[1], а периодизация памятников эпохи палеометалла основана на стратиграфии Северного и Южного холмов Анау (культуры Анау I–IV) и Намазга-депе – самого крупного на территории Туркменистана поселения эпохи энеолита – поздней бронзы, и отражает в первую очередь последовательную смену наиболее ярких черт керамических комплексов, связанных с изменениями технологии гончарства и системы орнаментации керамики.

В результате стратиграфических исследований Намазга-депе Б.А. Куфтиным были выделены шесть основных этапов развития культурных комплексов: ранний энеолит – период Намазга I (Анау IB), средний энеолит – период Намазга II (Анау II), поздний энеолит – период Намазга III, и три периода эпохи бронзы (Анау III): ранняя бронза – период Намазга IV, средняя бронза – период Намазга V и поздняя бронза – период Намазга VI (Куфтин, 1956), первоначально датированные в целом концом V – второй половиной II тыс. до н.э. (Массон, 1956. С. 239, 243, 249; 1964. С. 126, 147)[2].

Дальнейшее изучение многослойных поселений Южного Туркменистана эпохи энеолита и бронзы позволило детализировать культурно-историческую характеристику и выделить локальные особенности групп памятников, дать более дробную периодизацию и значительно удревнить первоначально предложенные абсолютные датировки (Массон, 1982; 2006. С. 31–34, 42–70).

Современные исследования палеоклимата показали существование трех глобальных эпизодов похолодания (для северных регионов) и аридизации (для южных) на большей части Евразии в голоцене, определяемых, как «событие 8200 cal BP», «событие 5300 cal

1 Учитывая ограниченный объем данной работы, ссылки даны только на основную литературу.

2 Периодизация и хронология памятников периода поздней бронзы и раннего железного века – времени Намазга VI и Яз I–III (Анау IV) в данной работе не рассматривается.

BP» и «событие 4200 cal BP» (Иванова, Киосак, Виноградова, 2011. С. 108–109, 114, 125–126. Рис. 4). По археологическим данным, на Среднем Востоке особенно ярко проявляются исторические последствия «события 4200 cal BP» – гибель Аккадского царства, прекращение или перерыв в обитании на ряде крупных поселений древнего Ирана, конец периода расцвета хараппской цивилизации и т.д. Для юга Средней Азии даты этих «событий» определяют начало основных этапов расселения и культурно-хозяйственного развития: 1) возникновение древнеземледельческих культур эпохи неолита – среднего энеолита; 2) начало процесса концентрации населения на ограниченном числе крупных памятников и появление в конце периода среднего энеолита геоксюрского археологического комплекса, послужившего культурной и технико-технологической основой культуры периода ранней бронзы и раннегородской цивилизации Алтын-депе периода средней бронзы (Кирчо, 2009. С. 39–43); 3) затухание интенсивного обживания поселений подгорной полосы Копетдага и широкое освоение древней дельты р. Мургаб, где в конце III тыс. до н.э. формируется раннегосударственное образование древневосточного типа (Сарианиди, 2002).

Для IV и III тыс. до н.э. принципиально важны данные стратиграфии Алтын-депе – второго по размерам (после Намазга-депе) южнотуркменистанского поселения бронзового века (Массон, 1981). Последовательность и мощность культурных напластований были исследованы на разных участках поселения, а для изучения генезиса культуры и производственной базы древнейшего протогорода времени Намазга V на Алтын-депе были проведены широкомасштабные стратиграфические работы на раскопе 5, в результате которых получены массовые стратифицированные материалы, характеризующие археологические комплексы и разнообразные виды производства периодов позднего энеолита и ранней бронзы (Особенности…, 2001; Кирчо, Коробкова, Массон, 2008; Кирчо, 2009).

Изучение стратиграфии Алтын-депе показало, что поселение было основано как минимум на позднем этапе периода раннего энеолита, а общая толщина изученных культурных слоев составляет около 20 м (Кирчо, 2005. Рис. 2).

На основании анализа радиоуглеродных датировок Алтын-депе и других памятников Южного Туркменистана (Кирчо, Попов, 2005), в том числе полученных в последние два десятилетия дат комплексов периода среднего энеолита из Илгынлы-депе (Кирчо, Попов, 2005. Табл. 3) и периода средней бронзы из Гонур-депе (Зайцева и др., 2008. Табл. 1), можно полагать, что развитие культуры эпохи среднего энеолита – средней бронзы на юге Средней Азии происходило в интервале 3650–1850 гг. до н.э. При этом на Алтын-депе материалы позднего этапа периода средней бронзы представлены лишь в поверхностных слоях и в погребениях на ряде поздних участков. Суммарная мощность напластований периода среднего энеолита – начала позднего этапа периода средней бронзы на Алтын-депе составляет около 14,5 м и соответствует 19–21 строительным горизонтам. Таким образом, скорость накопления культурного слоя составляла около 0,85–0,9 м за 100 лет при средней толщине строительного горизонта 0,7–0,75 м, накапливавшейся примерно за 75–80 лет.

Рассматривая стратиграфию многослойных поселений-тепе Южного Туркменистана в целом (см. *таблицу*), можно полагать, что развитие оседлоземледельческой культуры в подгорной полосе Копетдага от начала джейтунского неолита до начала позднего этапа периода средней бронзы протекало в течение не менее 4200 лет (37 м : 0,85 м = 4350 лет или 57 горизонтов × 75 лет = 4275 лет), т.е. примерно в 6300/6200–2100 гг. до н.э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Березкин Ю.Е., Соловьева Н.Ф. Парадные помещения Илгынлы-депе (предварительная типология) // АВ. 1998. № 5. С. 86–123.

Бердыев О. Древнейшие земледельцы Южного Туркменистана. Ашхабад: Ылым, 1969. 120 с.

Бердыев О.К. Монджуклы-депе – многослойное поселение неолита и раннего энеолита в Южном Туркменистане // Каракумские древности. Вып. IV. Ашхабад: Ылым, 1972. С. 11–34.

Бердыев О. Материальная культура Туркменистана в период энеолита и раннего энеолита //

Основные этапы развития оседло-земледельческих культур юго-запада Средней Азии в эпоху неолита – средней бронзы (по данным стратиграфии многослойных поселений-тепе)

Культурно-хронологические этапы (периоды)	Памятник	Толщина культурного слоя (м)	Количество строительных горизонтов	Литература
Намазга V	Намазга-депе	>2,5	>3	Ганялин, 1956. С. 63–64.
	Алтын-депе	**3–3,5**	**4**	Кирчо, 2005. С. 319–323. Табл. VI–VIII. Рис. 2.
Намазга IV	Намазга-депе, шурф 1	4	5	Литвинский, 1952. Рис. 4.
	Алтын-депе, раскоп 5	**4**	**5–6**	Кирчо, 2005. С. 317–318. Табл. III. Рис. 2. Кирчо, Коробкова, Массон, 2008. Рис. 2, 3, 9–10.
	Хапуз-депе, шурф	5	?	Сарианиди, 1964. С. 62–63.
Намазга III	Намазга-депе, шурф 1	2,5	?	Массон, 1982. С. 35.
	Кара-депе, раскоп 2	2,5	3	Массон, 1982. С. 35.
	Алтын-депе, раскопы 1 и 5	**3,2**	**5**	Кирчо, 2005. С. 315–318, Табл. II–IV, VIII. Рис. 2. Кирчо, Коробкова, Массон, 2008. С. 13–17, 19, 28–48. Табл. I. Рис. 2, 3, 9–12, 17.
	Геоксюр 1, шурф 1	1	1	Сарианиди, 1960. С. 269–271. Рис. 15.
Намазга II (Анау II)	Северный холм Анау	5	?	Массон, 1982. С. 26.
	Северный холм Анау	>4	4	Курбансахатов, 1987. С. 27–29. Рис. 55.
	Елен-депе, шурф	5 (6?)	6 (7?)	Кирчо, 2000. С. 182–183.
	Намазга-депе, шурфы 1 и 5	2,5	?	Массон, 1982. С. 26.
	Кара-депе, раскоп 1	**5**	**6**	Массон, 1982. С. 26.
	Алтын-депе, шурф раскопа 11	4,8		Кирчо, Коробкова, Массон, 2008. С. 20–22. Рис. 6, 17.
	Илгынлы-депе, раскоп 3	~4,5	6	Березкин, Соловьева, 1998. Рис. 3–6, 8–11. Соловьева, 2011. Рис. на с. 106.
	Геоксюр 1, шурф 1	6	6	Сарианиди, 1960. С. 271–274. Рис. 15.
Намазга I (Анау IB)	Северный холм Анау	8	14	Курбансахатов, 1987. С. 30–42. Рис. 55.
	Северный холм Анау	10–11	?	Массон, 1982. С. 21.
	Дашлы-4, шурф 2	**> 8**	**15**	Пилипко, 2004. С. 351–354. Рис. 5.
	Намазга-депе, шурф 1	6	?	Пилипко, 2004. С. 364.
Культура Анау IA	Северный холм Анау, шурф	**3,5**	**5**	Ершов, 1956. С. 27. Рис. 1.
	Северный холм Анау	3	2	Курбансахатов, 1987. С. 42–43. Рис. 55.
	Каушутское поселение	3,5	?	Бердыев, 1976. С. 16.
	Монджуклы-депе	3	4	Бердыев, 1972. С. 11.

Джейтунская культура (средний и поздний этапы)	Чагаллы-депе	**6,5**	**12**	Бердыев, 1969. С. 30–32.
	Монджуклы-депе, шурф	3,5	5	Бердыев, 1972. С. 11.
Джейтунская культура (ранний этап)	Джейтун, шурф 1	**3,5**	**5**	Массон, 1971. С. 9–10. Рис. 1.
Всего:		~ 37	57–58	

Первобытный Туркменистан. Ашхабад: Ылым, 1976. С. 7–81.

Ганялин А.Ф. К стратиграфии Намазга-тепе // ТИИАЭ. Т. II. Ашхабад: АН Туркм. ССР, 1956. С. 37–66.

Ершов С.А. Северный холм Анау (Отчет о стратиграфической шурфовке холма в 1953 г.) // ТИИАЭ. Т. II. Ашхабад: АН Туркм. ССР, 1956. С. 24–36.

З*айцева Г.И., Дубова Н.А., Семенцов А.А., Реймар П., Мэллори Дж., Югнер Х.* Радиоуглеродная хронология памятника Гонур Депе // ТМарЭ. Т. 2. М.: Старый сад, 2008.С. 166–179.

Иванова С.В., Киосак Д.В., Виноградова Е.И. Модели жизнедеятельности Северо-Западного Причерноморья и климатические аномалии (6200–2000 лет до н. э.) // Stratum plus. 2011. № 2. С. 101–140.

Кирчо Л.Б. Микростратиграфия позднего энеолита Южного Туркменистана // Судьба ученого: К 100-летию со дня рождения Б.А. Латынина. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2000. С. 177–194.

Кирчо Л.Б. Стратиграфия Алтын-депе // Хронология эпохи позднего энеолита – средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе) СПб.: Нестор-История, 2005. С. 315–323.

Кирчо Л.Б. Формирование древнейшего протогородского центра бронзового века Средней Азии (процессы культурной и технико-технологической трансформации): Автореф. дис. … д-ра ист. наук. СПб.: ИИМК РАН, 2009. 50 с.

Кирчо Л.Б., Коробкова Г.Ф., Массон В.М. Технико-технологический потенциал энеолитического населения Алтын-депе как основа становления раннегородской цивилизации. СПб.: Европейский Дом, 2008. 370 с.

Кирчо Л.Б., Попов С.Г. К вопросу о радиоуглеродной хронологии археологических памятников Средней Азии V–II тыс. до н. э. // Хронология эпохи позднего энеолита – средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе). СПб.: Нестор-История, 2005. С. 528–539.

Курбансахатов К. Энеолит Анау. Ашхабад: Ылым, 1987. 168 с.

Куфтин Б.А. Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытно-общинных оседлоземледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г. // ТЮТАКЭ. Т. VII. Ашхабад: АН Туркм. ССР, 1956. С. 260–290.

Литвинский Б.А. Намазга-тепе. По данным раскопок 1949–1950 гг. // СЭ. 1952. № 4. С. 30–52.

Массон В.М. Первобытно-общинный строй на территории Туркмении (Энеолит, бронзовый век и эпоха раннего железа) // ТЮТАКЭ. Т. VII. Ашхабад: АН Туркм. ССР, 1956. С. 233–259.

Массон В.М. Средняя Азия и Древний Восток. М.; Л.: Наука, 1964. 468 с.

Массон В.М. Поселение Джейтун (проблема становления производящей экономики). Л.: Наука, 1971. 208 с. (МИА; № 180).

Массон В.М. Алтын-депе. Л.: Наука, 1981. 176 с.

Массон В.М. Энеолит Средней Азии // Энеолит СССР. М.: Наука, 1982. С. 9–92. (Археология СССР).

Массон В.М. Культурогенез Древней Центральной Азии. СПб.: Филологич. ф-т СПбГУ, 2006. 384 с.

Особенности производства поселения Алтын-депе в эпоху палеометалла / Ред. В.М. Массон. Сост. Л.Б. Кирчо. СПб.: ИИМК РАН, 2001. 212 с.

Пилипко В.Н. Стратиграфия поселения Дашлы-4 (Каахкинский р-н, Туркменистан) // У истоков цивилизации: Сб. статей к 75-летию В.И. Сарианиди. М.: Старый сад, 2004. С. 349–367.

Сарианиди В.И. Энеолитическое поселение Геоксюр // ТЮТАКЭ. Т. X. Ашхабад: АН Туркм. ССР, 1960. С. 225–318.

Сарианиди В.И. Хапуз-депе как памятник эпохи бронзы // КСИА. 1964. Вып. 98. С. 60–65.

Сарианиди В.И. Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. Aşgabat: Türkmendöwlethabarlary, 2002. 360 с.

Соловьева Н.Ф. Исследования поселения Илгынлы-депе // Памятники истории и культуры Туркменистана. Ашхабад: Туркм. гос. изд. служба, 2011. С. 101–117.

КЕРАМИКА С ОРНИТОМОРФНЫМ ОРНАМЕНТОМ ПОСЕЛЕНИЯ НОВОИЛЬИНКА III[1]

© 2014 г. К.Ю. Кирюшин, Ю.В. Кирюшина

Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Новосибирск
(kirill-kirushin@mail.ru)
Алтайский государственный университет, Барнаул
(ykirushina@mail.ru)

Ключевые слова: керамика, орнитоморфный орнамент, культурная принадлежность, орнаментальные традиции, «уточка», гагара.

Резюме. В материалах поселения эпохи энеолита Кулундинской степи Новоильинка III найдены фрагменты керамики с изображением водоплавающей птицы. Керамический комплекс памятника имеет черты сходства с материалами гребенчато-ямочной, ямочно-гребенчатой и отступающе-накольчато-ямочной общности, протянувшейся от лесной зоны Восточной Европы (Прибалтика) до Северного Казахстана. Орнитоморфные образы поселения Новоильинка III демонстрируют общие черты (образ водоплавающей птицы), характерные для центральных районов этой общности и специфичные (образ конкретной птицы – гагары), определяющие периферийное расположение памятника.

Памятник Новоильинка III открыт в 2004 г. С.М. Ситниковым, под руководством которого в 2005–2006 гг. вскрыто 40 м^2. В 2010–2013 гг. на поселении исследовано 560 м^2 (Кирюшин, Ситников, 2013. С. 210). По костям животных с поселения Новоильинка III получена серия радиоуглеродных дат: 4270±170 л.н. (Ле-7534), 4585±170 л.н. (СОАН-8318), 4310±110 л.н. (СОАН-8319), 4250±120 л.н. (СОАН-8320), что позволяет датировать материалы памятника серединой – второй половиной III тыс. до н.э. Калибровка этих дат почти на тысячу лет удревняет время формирования культурного слоя памятника. Максимальный разброс по сигме 1 (вероятность 68,2%) составил интервал от 3650–3600 ВС до 2650–2630 ВС. Максимальный разброс по сигме 2 (вероятность 95,4%) составил интервал от 3700–2850 ВС до 3500–2400 ВС.

Анализ каменной индустрии поселения Новоильинка III позволяет сделать вывод, что в материалах памятника отсутствуют следы пластинчатой техники и что все орудия изготовлены на отщепах. Причем, судя по полученным радиоуглеродным датам, материалы памятника относятся к рубежу энеолита и ранней бронзы (Кирюшин и др., 2013. С. 161).

Вся посуда поселения Новоильинка III остродонная. У 18 сосудов частично или полностью реконструируются формы. Судя по обнаруженным днищам, керамическая коллекция памятника представлена фрагментами не менее чем от 30 сосудов.

Керамика поселения Новоильинка III по технике орнаментации подразделяется на несколько групп:

1) отпечатки отступающей палочки с элементами накалывания и ряды ямок (отступающе-накольчато-ямочная);

2) отпечатки шагающей гребенки;

3) короткий гребенчатый штамп;

4) ряды ямок;

5) неорнаментированная.

Наиболее представительная группа в керамических коллекциях памятника (90%) – керамика, декорированная отпечатками отступающей палочки с элементами накалывания и рядами ямок. Отступающее-накольчатый прием был так искусно отработан, что внешне выглядел почти зубчатым орнаментом. Все

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект №12-01-00340а.

дело в том, что при создании декора данным приемом мастер при наколах не приподнимал инструмент выше поверхности сосуда и планомерно следовал предполагаемой линии рисунка. Таким образом сохранялась общая линия наносимого орнамента за счет постоянного придавливания инструмента в теле сосуда.

Керамика поселения Новоильинка III интересна своеобразием орнаментального решения. Для сосудов, орнаментированных отступающей накольчатой техникой, характерно сплошное заполнение поверхности сосуда от венчика до днища. Ямки образуют ряды, в нескольких случаях – пары рядов. Только в одном варианте они расположены хаотично. Днище некоторых сосудов оформлено самостоятельными лучевыми орнаментальными мотивами.

Орнаментированная поверхность всех представленных на памятнике сосудов имеет линейное композиционное решение:

1) орнамент в виде рядов прямых и волнистых линий;

2) геометрические фигуры, разделенные рядами прямых и волнистых линий;

3) ряды елочки;

4) орнитоморфные фигуры и ряды прямых и волнистых линий.

В единичном случае имеется композиционное решение в виде шахматного орнамента.

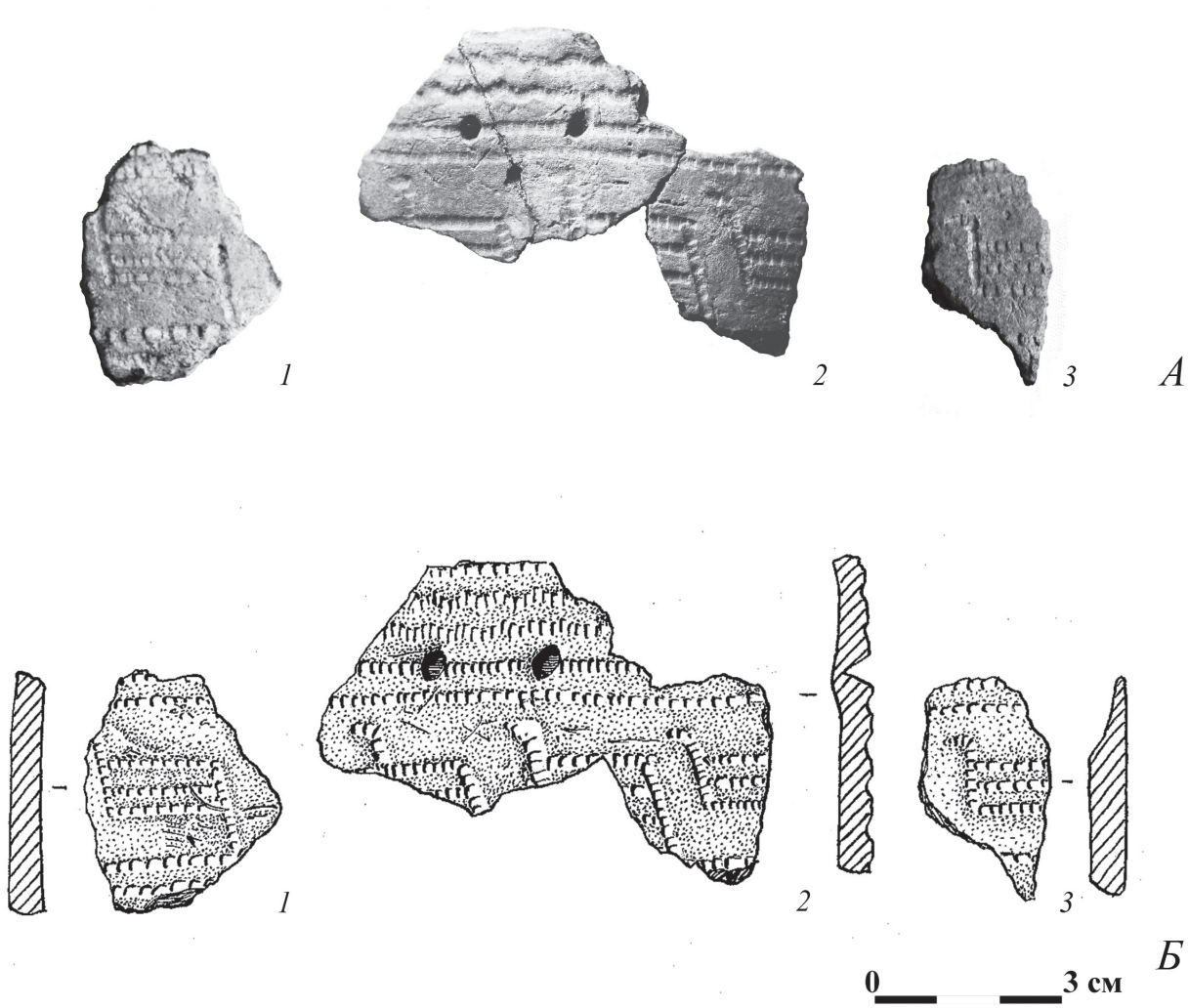
По изобразительным характеристикам орнаментальные мотивы керамики поселения Новоильинка III можно разделить на неизобразительные и смешанные. Неизобразительный орнамент представлен геометрическими мотивами: круги, лучи, прямые, зигзагообразные линии. В смешанном орнаменте одновременно присутствуют геометрические мотивы и орнитоморфные изображения («уточка»).

В данной работе подробно остановимся на орнитоморфных изображениях. Всего на поселении Новоильинка III обнаружено пять фрагментов керамики с орнитоморфным орнаментом, три из которых аппликируются. Все фрагменты – по-видимому, обломки от одного сосуда небольшого размера, по периметру которого нанесены изображения «уточек».

На самом крупном фрагменте хорошо просматривается изображение трех «уточек» (см. *рисунок, А, Б, 2*). Выше «уточек» расположены два ряда волнистых линий и два ряда прямых линий, разделенные рядами наколов. Ниже орнитоморфных изображений проходит прямая линия. У двух крайних «уточек» четко читаются голова, шея, туловище. У центральной – голова, шея, туловище и нога. На другом фрагменте хорошо угадываются голова, шея, туловище (см. *рисунок, А, Б, 3*). На последнем фрагменте керамики сохранились только шея, туловище и нога (см. *рисунок, А, Б, 1*). Образы водоплавающих птиц выглядят схематично. Несколькими нажимами отступающей палочки переданы голова и длинная шея. Туловище птицы имеет форму прямоугольника, заполненное тремя параллельными рядами отступающей палочки. К сожалению, из четырех изображений птиц нет ни одного целого. У каждого изображения отсутствуют какие-либо детали. Можно только отметить, что правое изображение в ряду из трех «уточек» (см. *рисунок, А, Б, 2*) немного отличается от остальных. Шея птицы расположена с наклоном вперед. У всех остальных шея расположена вертикально.

Изображения птиц на керамике – редкий сюжет в археологии Западной Сибири (Бобров, 2013. С. 5–12), Среднего Зауралья (Чаиркина, 2005. С. 240–243) и Урало-Иртышского междуречья (Мосин, 2003. С. 98–99). Если рассматривать только изображения «уточек» и только близкие по времени памятники неолита и энеолита, то количество аналогий становится еще меньше и сокращается их география. Наиболее близкие аналоги – изображения птиц на керамике энеолитических памятников Среднего Зауралья: Аятское Правобережное и Шигирское городища (Чаиркина, 2005. С. 240–243), могильник Ишкиновка I (Мосин, 2003. С. 98–99). Это изображения, которые по мнению В.В. Боброва, приобретают вид символического знака, напоминающего зеркальное отражение буквы Z (Бобров, 2013. С. 5–12). Голова и туловища этих изображений практически идентичны «уточкам» Новоильинки III, и они действительно напоминают букву Z (без зеркального отражения), но у изображений поселения Новоильинка III присутствует такой важный элемент, как нога.

На двух фрагментах (см. *рисунок, А, Б, 1, 2*) создается образ водоплавающей птицы, ноги



Поселение Новоильинка III. Керамика (1–3) с орнитоморфным орнаментом. А – фото; Б – прорисовка.

у которой расположены в задней части туловища. Согласно определениям, сделанным сотрудником лаборатории зоологии биологического факультета Алтайского университета Д.В. Рыжковым, среди известных для региона Алтая птиц под такой образ, согласно анатомо-морфологическим особенностям, подходят представители отрядов: гагарообразные, гусеобразные, поганкообразные. Причем у гусеобразных, находящихся на суше, ноги (визуально) располагаются ближе к середине тела, а у поганкообразных на голове имеются «воротничок» и «ушки», не отображенные на представленных фрагментах. Таким образом, ближе всего к имеющемуся изображению птицы отряда гагар, ноги у которых отнесены далеко назад.

По мнению В.С. Мосина (2003. С. 98), практически все изображения «уточек» относятся к комплексам середины – конца III тыс. до н.э., а территория их распространения совпадает с распространением гребенчатой, гребенчато-ямочной и ямочно-гребенчатой керамики лесной зоны Восточной Европы, Зауралья и Северного Казахстана. Несмотря на то что основная масса керамики поселения Новоильинка III орнаментирована отпечатками отступающей палочки с элементами накалывания и рядами ямок (отступающе-накольчато-ямочная), по композиционному построению орнаментов сосуда и орнаментальным мотивам она имеет черты несомненного сходства с гребенчато-ямочной и ямочно-гребенчатой керамикой лесной зоны Зауралья и Северного Казахстана. Очевидно, что поселение Новоильинка III – восточная периферия этой гребенчато-ямочной, ямочно-гребенчатой и отступающе-накольчато-ямочной общ-

ности, протянувшейся от лесной зоны Восточной Европы (Прибалтика) не только до Зауралья и Северного Казахстана, но вплоть до Кулундинской степи и Верхнего Приобья. Орнитоморфные образы поселения Новоильинка III демонстрируют общие черты (образ водоплавающей птицы), характерные для центральных районов этой общности и специфичные (образ конкретной птицы – гагары), определяющие, по-видимому, периферийное расположение памятника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бобров В.В. Орнитоморфный образ в орнаментальной графике древних народов Западной Сибири // Вестник КемГУ. 2013. № 35 (55). Т. 4. С. 5–12.

Кирюшин К.Ю., Силантьева М.М., Ситников С.М., Семибратов В.П., Соломонова Н.Ю., Сперанская Н.Ю. Комплексные археоботанические и фитолитные исследования на поселении Новоильинка-3 (Северная Кулунда) // Известия Алтайского гос. ун-та. 2013. № 4/1 (80). С. 156–164.

Кирюшин К.Ю., Ситников С.М. Исследование поселения Новоильинка III в 2012–2013 годах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Матлы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. 2013 г. Т. XIX. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. С. 207–211.

Мосин В.С. Энеолитическая керамика Урало-Иртышского междуречья Челябинск: ЮУрГУ, 2003. 220 с. (Этногенез уральских народов).

Чаиркина Н.М. Энеолит Среднего Зауралья. Екатеринбург: УрО РАН, 2005. 312 с.

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ РАННИХ ПОГРЕБЕНИЙ МОГИЛЬНИКА ТУЗОВСКИЕ БУГРЫ-1

© 2014 г. Ю.Ф. Кирюшин[1], К.Ю. Кирюшин[2]

[1] Алтайский государственный университет, Барнаул
(president@asu.ru)
[2] Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
(kirill-kirushin@mail.ru)

Ключевые слова: энеолит, грунтовый могильник, планиграфия, сопроводительный инвентарь, культурная принадлежность.

Резюме. Вопрос о хронологии, периодизации и культурной принадлежности ранних могильников Барнаульско-Бийского Приобья и северных предгорий Алтая вызывает дискуссии. Основные споры вызывает отнесение памятников в целом и отдельных погребений к неолиту либо к энеолиту, и к большемысской либо кузнецко-алтайской культурам. Анализ предметного комплекса, планиграфии и стратиграфии грунтового могильника Тузовские Бугры-1 позволяет сделать вывод, что на одном сакральном пространстве локализованы различные по культурной принадлежности погребения. Это связано с тем, что территория Верхнего Приобья входит в зону контактов различных культурных образований эпохи энеолита.

В 2000 г. археологами Алтайского госуниверситета проводились раскопки грунтового могильника Тузовские Бугры-1, расположенного в 30 км к югу от г. Барнаул. Памятник находится на правобережье р. Обь, на протоке Заломная. Могильник расположен на крупном останце, со всех сторон окруженном болотами и озерами руслового происхождения. При паводках уровень воды в р. Обь поднимается, превращая останец в остров. На могильнике вскрыто 174 м² и исследовано 37 погребений (рис. 1). Восемнадцать погребений относятся к эпохе раннего железа. В одной из могил, относящейся к эпохе ранней бронзы, обнаружены металлические височные кольца и два сосуда баночной формы (Абдулганеев, Кирюшин, 2002. С. 4–6).

Восемнадцать погребений относятся к эпохе энеолита (рис. 1). Энеолитические могилы располагались четырьмя рядами, ориентированными по линии СЗ–ЮВ. Погребенные лежали вытянуто на спине головой на северо-восток, в двух случаях – на восток-северо-восток (могилы 8, 9), в одном – на север (могила 35). В ряд входило 5-6 погребений. Часть могил нарушена в результате функционирования могильника раннего железного века. Основная часть захоронений одиночные, три парных и два коллективных – по три и пять погребенных. Большинство усопших лежали вытянуто на спине, руки вдоль туловища, головой на северо-восток. Сопроводительный инвентарь представлен преимущественно изделиями из камня (рыболовные стерженьки, наконечники стрел, «утюжки», отщепы, «когтевидное» долото, скребки и др.) и кости (гарпуны, накладки, биконические наконечники стрел и др.).

В четырех погребениях (№ 14, 18, 24, 27) найдены бусины из раковин беззубок (*Colletopterum*) (Кирюшин и др., 2011. С. 39). Украшения из раковин этих моллюсков широко известны в погребениях неолита – энеолита Западной и Восточной Сибири. В шести погребениях (№ 3, 9, 27, 32, 33, 35) найдены украшения из раковин двустворчатых моллюсков *Corbicula ferghanensis* Kurs. et Star. (рис. 2, *1*) и *Corbicula tibetensis* Prash. Современный ареал этих видов охватывает Центральную Азию – бассейны Амударьи и Сырдарьи, горные районы Центральной Азии и Восточного Казахстана (Кирюшин и др.,

2011. С. 43–44). Среди находок из двустворчатых моллюсков в погребении 35 найден экземпляр *Cardiidae* sp. – морской, ископаемый вид (рис. 2, *2*). Украшения из раковин лопатоногих моллюсков *Dentalium* (рис 2, *3–5*) известны в трех погребениях могильника (№ 9, 18, 33). С большой уверенностью можно утверждать, что данные раковины были принесены людьми из региона Приаралья (Кирюшин и др., 2011. С. 43–44).

В энеолитических погребениях могильника Тузовские Бугры-1 найдено большое количество украшений, выполненных из зубов кабана (погребение 35), марала (№ 3), лося (№ 8), бобра (№ 14, 31, 35), барсука (№ 33), лисицы (№ 35), сурка (№ 33), горного козла или барана (№ 10, 23, 32) и кабарги (погребение 33) (Кирюшин и др., 2012). Наиболее информативны изделия из зубов кабарги (рис. 2, *6–8*) и горного козла или барана (рис. 2, *9*). Эти животные не обитают в Барнаульско-Бийском Приобье, а по имеющейся информации не обитали и в историческом прошлом (Кирюшин и др., 2012 С. 64–66).

В погребальных комплексах Алтая украшения из раковин моллюсков *Corbicula* найдены в погребении 8 могильника Усть-Иша (Кирюшин, Кунгурова, Кадиков, 2000. С. 12–13. Рис. 15) и в погребении 1 могильника Солонцы-5. Пронизки усеченно-конической формы из раковин *Dentalium* в погребальных комплексах Алтая отсутствуют. Украшения из раковин выявлены в комплексе погребений эпохи раннего металла (гребенчато-ямочная общность) могильника Сопка-2 на р. Омь (Молодин, 2001. С. 37. Рис. 14, *35, 36*). Пронизки из раковин *Dentalium*, подвеска из створки раковины *Mactra vitaliana* Orb., бусины из створки *Didacna* sp. обнаружены в погребениях могильника Тумек-Кичиджик на территории Южного Приаралья (Виноградов, Итина, Яблонский, 1986. С. 18). Пронизки из раковин *Dentalium*, дисковидные бусины из створок *Didacna* характерны для стоянок Прикаспия, Узбоя, Устюрта и низовьев Амударьи, датируемых от конца V до конца III тыс. до н.э. (Виноградов, Итина, Яблонский, 1986. С. 69).

Имея несомненное сходство с другими могильниками Барнаульско-Бийского Приобья и северных предгорий Алтая, комплекс ранних погребений Тузовские Бугры-1 имеет и целый ряд отличий от них. В могильнике Тузовские Бугры-1 костяные вкладышевые кинжалы, шлифованные ножи, крупные тесла или топоры не найдены (Абдулганеев и др. 2000. С. 209).

В 2000 г. в заполнении могилы 7 грунтового могильника Тузовские Бугры-1 найден развал небольшого круглодонного сосуда с узкой горловиной и широким туловом, орнаментированного гладкой «качалкой». Техника орнаментации этого сосуда характерна для большемысской культуры, а форма не характерна. Кроме этого в межмогильном пространстве обнаружена керамика, орнаментированная рядами отпечатков «отступающей палочки» с элементами накалывания, разделенными рядами ямок, «шагающей гребенки», отпечатками гребенчатого штампа и рядами ямок. За последние годы на территории Северной Кулунды выявлены поселения эпохи энеолита Новоильинка III и Новоильинка VI (Кирюшин, 2013. С. 202–206). Получены радиоуглеродные даты, которые укладываются в рамки середины III тыс. до н.э. Керамические комплексы этих памятников практически идентичны найденной в межмогильном пространстве грунтового могильника Тузовские Бугры-1. Они также близки к материалам кипринского типа Верхнего Приобья и «гребенчато-ямочной общности эпохи раннего металла» Барабы (Молодин, 2001. С. 33).

Предварительные итоги исследования грунтового могильника Тузовские Бугры-1 уже опубликованы (Абдулганеев и др. 2000. С. 206–210). Ранние погребения, включая раннебронзовое, были датированы в рамках III – начала II тыс. до н.э. (Абдулганеев и др., 2000. С. 209). В предварительной публикации отмечалось, что при сооружении могилы 8 были нарушены погребения 4 и 9, а могила 34 нарушила 35-ю. В обоих случаях нарушения произошли, когда у ранее погребенных не сгнили мягкие ткани (Абдулганеев и др., 2000. С. 208). На данном этапе исследования 18 ранних погребений укладываются в рамки III тыс. до н.э. (без результатов калибровки).

На рассматриваемом памятнике в одном сакральном пространстве локализованы различные по культурной принадлежности погребения. Это связано с тем, что территория

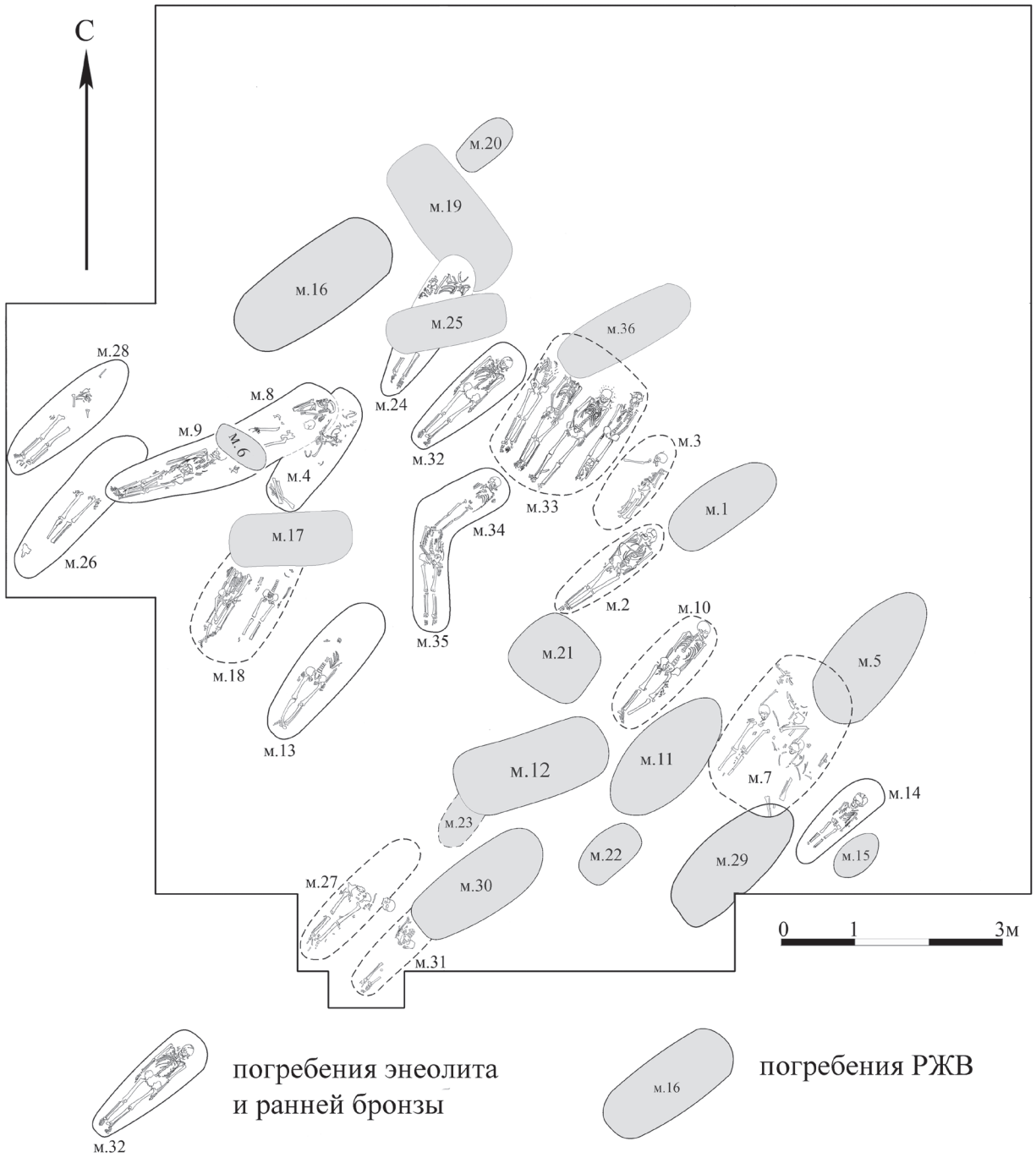


Рис. 1. План грунтового могильника Тузовские Бугры-1.

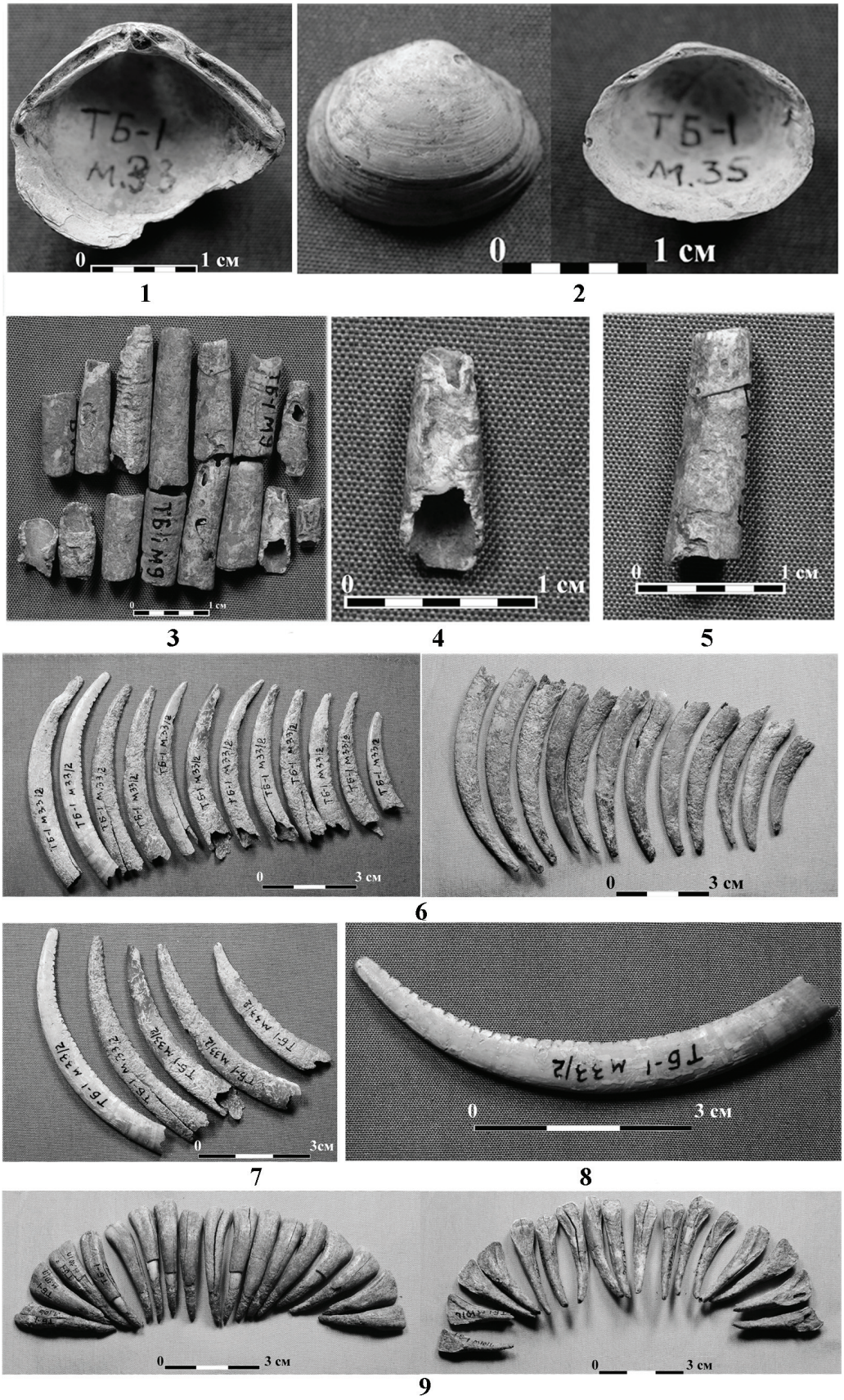


Рис. 2. Грунтовый могильник Тузовские Бугры-1. *1–3* – мог. 9. Раковины *Dentalium*: *2* – слева заметен верхний край сифональной щели; *3* – линии нарастания, расположенные под углом к оси раковины; *4* – мог. 35. Раковины *Cardiidae* sp. – морской ископаемый вид; *5* – мог. 33. Раковины *Corbicula fergha-nensis* Kurs. et Star.; *6–8* – мог. 33, погр. 2. Клыки кабарги: *7, 8* – клыки с нарезками; *9* – мог. 10. Резцы горного козла или барана.

Верхнего Приобья входит в зону контактов различных культурных образований эпохи энеолита.

Первый из культурных компонентов можно условно назвать «восточным», и он связан с большемысской культурой. Второе культурное образование можно условно назвать «западным». Этот компонент связан с комплексами, на которых представлена гребенчато-ямочная и накольчато-ямочная керамика. Это комплексы кипринского типа (Киприно-1, Новоильинка-3, Новоильинка-6) в Барнаульско-Бийском Приобье и в Северной Кулунде, байрыкского типа или «гребенчато-ямочная общность эпохи раннего металла» (поселение Венгерово-3) в Барабе, к этому же кругу относятся екатерининская культура, карасевская и т.д. Погребения грунтового могильника Тузовские Бугры-1, в которых обнаружены раковины *Dentalium* и *Corbicula*, представляют собой часть большой культурной общности, оставившей комплекс погребений эпохи раннего металла (гребенчато-ямочная общность) могильника Сопка-2 на р. Омь (Молодин, 2001. С. 39).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф. Погребение бронзового века из могильника Тузовские Бугры-1 // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2002. С. 4–7.

Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Пугачев Д.А., Шмидт А.В. Предварительные итоги исследований могильника Тузовские Бугры I // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы годовой юбилейной сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Т. VI. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2000. С. 206–210.

Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Т. Древнейшее население низовий Амударьи. Археолого-палеоантропологическое исследование. М.: Наука, 1986. 200 с. (Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции; Т. XV).

Кирюшин К.Ю. Поселение Новоильинка VI – новый памятник энеолита Кулунды // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Т. XIX. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2013. С. 202–206.

Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., Шмидт А.В., Абдулганеев М.Т. Зубы животных в погребениях могильника Тузовские Бугры-1 как индикатор этнокультурных процессов на территории Алтая в III тыс. до н.э. // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 3 (51). С. 59–66.

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Шмидт А.В., Кузменкин Д.В., Абдулганеев М.Т. Раковины моллюсков в погребениях могильника Тузовские Бугры-1 как индикатор этнокультурных процессов на территории Южной Сибири и Средней Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 2 (46). С. 37–45.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., Кадиков Б.Х. Древнейшие могильники северных предгорий Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. 116 с.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла). Т.1. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2001. 128 с.

СЕВЕРОКАВКАЗСКО-НОВОТИТОРОВСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ СИМБИОЗ В ПРЕДКАВКАЗЬЕ[1]

© 2014 г. А.А. Клещенко

Институт археологии РАН, Москва
(*sansanych@bk.ru*).

Ключевые слова: Предкавказье, эпоха средней бронзы, новотиторовская культура, северокавказская культура.

Резюме. Статья посвящена сравнительному анализу отдельных элементов погребальной обрядности новотиторовской и северокавказской археологических культур раннего этапа эпохи средней бронзы. В частности, рассматриваются параллели в организации подкурганного кладбища, оформлении погребальных конструкций и положении погребенных. В результате делается вывод о тесных контактах носителей двух рассматриваемых культур.

Изучение взаимосвязей различных археологических культур является одним из приоритетных направлений в исследованиях любых регионов и эпох. Анализ этих взаимодействий помогает не только наметить элементы и направления межкультурных связей, контактных зон и т.п., но и определить самобытность самих сравниваемых явлений. Особенно это актуально для культур эпохи палеометалла, в изучении которых последние десятилетия наблюдается ряд значительных научных достижений, позволяющих существенно пересмотреть их периодизацию и хронологию. К таковым относятся и культуры эпохи средней бронзы Предкавказья.

Начало эпохи средней бронзы в Предкавказье характеризуется распространением памятников трех археологических культур: ямной, новотиторовской и северокавказской. Отметим при этом, что если памятники ямной культуры зафиксированы и для предшествующей эпохи ранней бронзы – времени господства в регионе традиций майкопской и новосвободненской культур, то новотиторовский[2] и северокавказский феномены – новые культурные образования, отражающие глобальные социо-культурные перемены, затронувшие на рубеже IV–III тыс. до н.э. (здесь и далее указаны калиброванные значения дат) весь степной мир, частью которого в определенной степени можно считать и наклонные равнины Северного Кавказа. Существует довольно развернуто аргументированная точка зрения о том, что эти изменения связаны с климатическим фактором (Кореневский, 2004. С. 71–77).

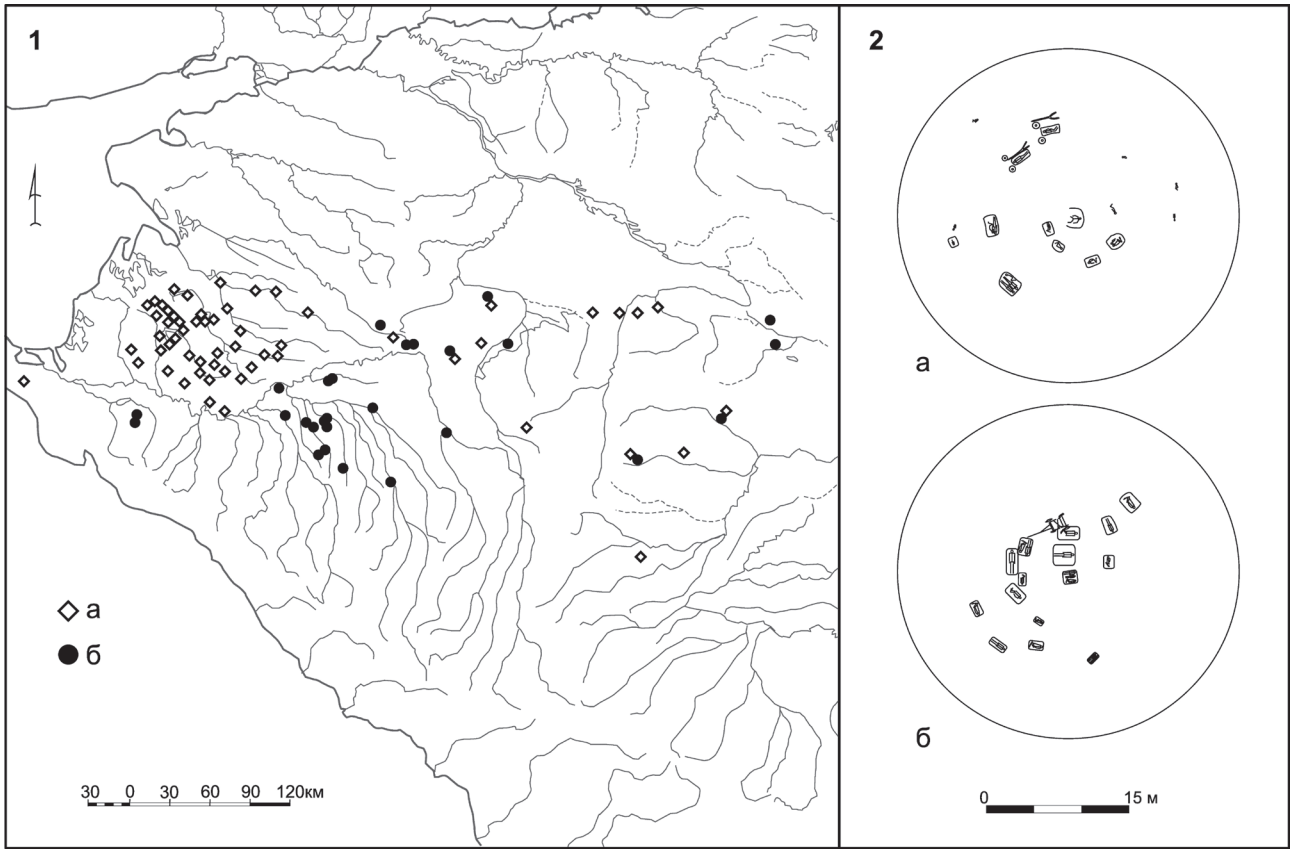
Главная особенность памятников эпохи средней бронзы Предкавказья – чрезвычайная малочисленность данных по бытовым памятникам, в связи с чем основой для культурной дифференциации и палеоисторических реконструкций является погребальный обряд, связанный исключительно с курганным строительством. Погребальные памятники начального этапа эпохи средней бронзы по главному признаку – позе погребенного – представлены четырьмя основными традициями ингумации в ямах: скорченно на спине (обряд ямной культуры, частично представленный среди новотиторовских и северокавказских древностей); скорченно на левом и правом боку с разворотом на спину (паритетно представлен в памятниках ранней новотиторовской культуры, а также частично ранней

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект №13-31-01273

2 Начальную фазу новотиторовской культуры А.Н. Гей (2000) склонен относить к финалу IV тыс. до н.э. (в калиброванных значениях). Однако такая позиция пока недостаточно аргументирована, в частности, данными радиоуглеродного датирования

стадии северокавказской культуры – порядка 30%); вытянуто на спине (доминирующий обряд северокавказской культуры, представленный, согласно концепции А.Н. Гея, на развитом и позднем этапах новотиторовской, где доля таких комплексов составляет порядка 11%). При этом в отличие от степного Прикубанья, где новотиторовские традиции во второй четверти III тыс. до н.э. сменяются раннекатакомбными, феномен северокавказской культуры существует в регионе в течение всей первой половины III тыс. до н.э., т.е. и в раннекатакомбное время. В связи с этим до последнего времени существовала проблема выделения наиболее раннего пласта погребений северокавказской культуры, непосредственно синхронных памятникам новотиторовской культуры. В настоящее время эта задача отчасти решена за счет выделения серии раннесеверокавказских комплексов на территории степного Закубанья, Восточного Прикубанья и северной части Ставропольской возвышенности (Клещенко, 2013) (см. рисунок, *1*).

Другим, пока далеко не исследованным вопросом является соотношение самых поздних новотиторовских и раннекатакомбных памятников. Ни В.А. Трифонов (1991), ни А.Н. Гей (2000) не предполагают их сосуществования. Однако незначительные пока данные обратной стратиграфии, например в кургане 1 могильника Карстовый (Гей, Сатеев, 1986), а также инвентарные наборы некоторых поздних комплексов новотиторовской культуры, например набор булавок из новотиторовского погребения Лебеди I 2/123 (Гей, 2000. С. 42. Рис. 11), все-таки указывают на их частичную одновременность раннекатака-



Карта памятников новотиторовской и ранней северокавказской культур и примеры разнокультурных кольцевых подкурганных кладбищ. *1* – ареал памятников новотиторовской (*а*) и северокавказской (*б*) культур; *2* – примеры схем кольцевых кладбищ новотиторовской культуры (*а* – Динской курган) и северокавказской (*б* – к. 5 могильника Чернышевский I) культур (по: Лесков, Габуев, Днепровский, 1985; Гей, 2000).

комбным традициям. В такой ситуации сложно определить, какую часть новотиторовских комплексов, на основе которых была охарактеризована данная культура, следует синхронизировать уже со следующим – развитым этапом северокавказской культуры.

Так или иначе, памятники новотиторовской и северокавказской культур (в том числе раннего этапа) имеют явное сходство уже на уровне курганного строительства и организации подкурганного кладбища. В первую очередь это кольцевая планировка впускных погребений, четко зафиксированная в новотиторовской культуре как минимум в 27 случаях (Гей, 2000. С. 114–115) и не менее чем в 20 северокавказских курганах Закубанья, в том числе в 8 наиболее ранних (Клещенко, 2011б. С. 67–69). При этом как в новотиторовской культуре, так и в северокавказской в одно кольцевое кладбище могли входить одновременно как скорченные на боку, так и вытянутые захоронения (см. *рисунок, 2а, б*). Кроме того, они имеют перекрестную стратиграфию (Гей, 2000. Рис. 36; Клещенко, 2011б. Рис. 11). Это служит весомым доказательством как минимум сосуществования на одной территории населения, практиковавшего разные каноны погребального обряда.

Данная традиция, безусловно, сближает новотиторовские и северокавказские памятники с кругом синхронных курганных древностей Северного Причерноморья, но в рамках Предкавказья именно в названных культурах эта особенность появляется впервые. Так, среди раннебронзовых памятников майкопской и новосвободненской культур в принципе известно немного курганов с большим количеством погребений (Большой Кишпекский курган, Клады, курган 11), но и в них какая-либо строгая планировка подкурганного кладбища не обнаружена (Мизиев, 1984. С. 88–96; Резепкин, 2012. Рис. 10). Та же тенденция характерна и для ямных памятников. Несмотря на слабую разработанность ямной проблематики предкавказского региона, в частности, касающуюся периодизации, можно с уверенностью сказать, что как для раннего, так и для позднего этапов развития ямных традиций была характерна практика захоронения в одну насыпь не более трех индивидов. Например, по данным Северо-Западного Прикаспия, согласно выборке Н.И. Шишлиной (2007. Прил. 2. Табл. 3), на одну курганную насыпь в среднем приходится 1,89 погребений. Примерно такие же показатели (по предварительным подсчетам) дают известные в настоящее время ямные серии Прикубанья и Ставрополья. В то время как средняя плотность погребений на один курган в новотиторовской культуре – 3,36 (Гей, 2000. С. 131), а в ближайшей к ней закубанской группе северокавказской культуры – 3,13.

Дальнейший круг параллелей новотиторовской и северокавказской культур связан с некоторыми деталями обряда, касающимися устройства погребального сооружения, особенностями положения погребенного и заупокойного инвентаря.

Один из культурных маркеров новотиторовской культуры – остатки столбовых конструкций на дне погребальной ямы (по углам и вдоль стен) и вокруг нее, а также канавки по периметру дна. По подсчетам А.Н. Гея, доля таких погребений в новотиторовской культуре составляет 22% (Гей, 2000. С. 116). В северокавказских погребениях Закубанья таких комплексов немного – всего 3% от общего числа прослеженных конструкций (Клещенко, 2011б. С. 85–86). Однако привлекает внимание тот факт, что в Прикубанье столбовые конструкции встречаются в 3 раза чаще именно в вытянутых новотиторовских погребениях «северокавказского облика».

Еще одно характерное явление в новотиторовских комплексах – первоначальная приподнятость верхней части тела погребенного – вплоть до «полусидячего» положения, зафиксированная в «большинстве» захоронений новотиторовской культуры (Гей, 2000. С. 125). В наиболее изученной в настоящее время закубанской серии северокавказской культуры эта деталь прослежена в 20% погребений, в том числе известны достоверные случаи «полусидячего» положения (Клещенко, 2011б. С. 87). Подобные факты зафиксированы и для ямных погребений Северо-Западного Прикаспия (Шишлина, 2007. С. 65, 71, 83), однако специальное исследование этой темы здесь пока не проводилось.

Другая деталью погребального обряда, на которую следует обратить внимание, – традиция так называемых стиснутых захоронений,

носящих следы связывания или пеленания покойного в процессе погребального ритуала. В новотиторовских комплексах пеленание отмечено в основном для вытянутых погребений «северокавказского облика»: 14 из 19 установленных случаев (Гей, 2000. С. 125). В соседнем Закубанье «стиснутые» погребения северокавказской культуры фиксируются гораздо чаще, примерно в 4 раза (Клещенко, 2011б. С. 86–87). Таким образом, здесь можно предположить обратное влияние северокавказской культуры на новотиторовскую традицию и в первую очередь на ее северокавказский компонент, на что, впрочем, уже указывал А.Н. Гей (2000. С. 126).

Наконец, общность чистых новотиторовских и северокавказских традиций прослежена в биритуальных коллективных погребениях. Случаи их единичны (в новотиторовской культуре известно не менее пяти, в ранней северокавказской – не менее трех), но весьма показательны для иллюстрации взаимосвязи этих двух культурных феноменов.

Помимо сходства в элементах обряда определенная близость новотиторовской и ранней северокавказской культур фиксируется и на уровне состава погребального инвентаря. В первую очередь это касается таких выразительных и хронологически маркерных его категорий, как ранние формы роговых молоточковидных булавок (Клещенко, 2012), а также бронзовые ножи и шилья (Клещенко, 2011а).

На основании представленных фактов можно с уверенностью говорить о своего рода культурной взаимоинтеграции носителей новотиторовского и северокавказского феноменов. Этот симбиоз интересен в первую очередь тем, что новотиторовская и северокавказская культуры имеют, по сути, разные генетические основы, темпы эволюции и судьбы. Если новотиторовская традиция носит явный автохтонный характер, будучи результатом смешения и развития обрядов степной новотиторовской и ранней ямной культур (Гей, 2000. С. 193–201), то северокавказская культура в Предкавказье выступает абсолютно инородным по сравнению с предшествующей майкопско-новосвободненской образованием с уже сформировавшейся и ярко выраженной погребальной обрядностью, что, как представляется, возможно только при миграционном характере формирования культуры. Далее развитие новотиторовской культуры происходит довольно динамично – за небольшой период своего существования (максимум в 300–400 лет, если предположить, что ранний ее этап приходится еще на конец IV тыс. до н.э.) она проходит три ярко выраженных этапа эволюции, перерастая в совершенно новую раннекатакомбную культуру. В то же время традиции погребального обряда северокавказской культуры при общей смене материальной культуры остаются практически неизменными в течение всей первой половины III тыс. до н.э. Лишь в третьей четверти III тыс. до н.э. совместное существование в Предкавказье консервативной северокавказской культуры и «модернистских» новотиторовской и катакомбной заканчивается восприятием катакомбного обряда на исконно северокавказских территориях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гей А.Н. Новотиторовская культура. М.: Старый сад, 2000. 223 с.

Гей А.Н., Сатеев О.И. Отчет о работе Понурского отряда Северо-Кавказской экспедиции ИА АН СССР в 1986 г. // Архив ИА РАН. 1986. Р-1. № 12005.

Клещенко А.А. Бронзовые ножи и шилья раннего этапа эпохи средней бронзы Закубанья // КСИА. 2011а. Вып. 225. С. 88–99.

Клещенко А.А. Северокавказская культура Закубанья: Дис. … канд. ист. наук. М.: ИА РАН, 2011б. 262 с.

Клещенко А.А. Булавки эпохи средней бронзы Предкавказья как культурно-хронологические маркеры // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 2. СПб.: ИИМК РАН, 2012. С. 132–137.

Клещенко А.А. К проблеме происхождения погребального обряда северокавказской культуры // Цивилизационные центры и первобытная периферия в эпоху раннего металла: модели взаимодействия. Тез. докл. круглого стола, посвящ. памяти Н.Я. Мерперта. М.: ИА РАН, 2013. С. 20–21.

Кореневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. М.: Наука, 2004. 243 с.

Лесков А.М., Габуев Т.А., Днепровский К.А. Отчет о раскопках Кавказской археологической экспедиции Гос. музея искусства народов Востока в 1985 г. // Архив ИА РАН. 1985. Р-1. № 10973.

Мизиев И.М. Два кургана у селений Кишпек и Кызбурун III // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т. 1. Нальчик: Эльбрус, 1984. С. 88–111.

Резепкин А.Д. Новосвободненская культура (на основе материалов могильника «Клады»). СПб.: Нестор-История, 2012. 344 с.

Трифонов В.А. Степное Прикубанье в эпоху энеолита – средней бронзы (периодизация) // Древние культуры Прикубанья. Л.: Наука, 1991. С. 92–166.

Шишлина Н.И. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тыс. до н.э.). М.: ГИМ, 2007. 398 с. (Тр. ГИМ; Вып. 165).

К РЕКОНСТРУКЦИИ ОБРЯДОВОЙ ПРАКТИКИ НАСЕЛЕНИЯ ТАШКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ НИЖНЕГО ПРИТОБОЛЬЯ

© 2014 г. В.Т. Ковалева

Уральский федеральный университет, Екатеринбург
(v.t.kovaleva@mail.ru)

Ключевые слова: поселения с круговой планировкой, обряд (ритуал), жертвоприношения, круговорот, идеология.

Резюме. В статье рассматривается проблема реконструкции ритуальных практик у населения ташковской археологической культуры бронзового века в Нижнем Притоболье, оставившего поселения с кольцевой планировкой. Процесс реализации ритуалов нашел отражение в материальных остатках: культовых предметах и следах определенных действий. Археологические артефакты рассмотрены в контексте исторической реальности, в которой они функционировали. Реконструированы обряды, связанные с закладкой нового поселения, «наведением порядка» и «оставлением поселения».

Ташковская культура занимает территорию Нижнего Притоболья. В географическом отношении это северная окраина лесостепи. Специфику культуры определяют поселения с кольцевой планировкой, в основу которой положены круг или овал, образованные прямоугольными срубными домами. Полностью раскопаны поселения Ташково II на р. Исеть в Курганской обл. (Ковалева, 1997), Андреевское озеро XIII у г. Тюмень (Ковалева, Рыжкова, Шаманаев, 2000), Иска III на р. Иска, левом притоке Тобола (Рыжкова, 1996. С. 31–32), Заводоуковское X на р. Ук у г. Заводоуковск Тюменской обл.

Культура сформировалась на рубеже III–II тыс. до н.э. в результате миграции нового населения из юго-западных районов Европы и инкорпорацией им зауральского энеолитического и постэнеолитического населения.

Проблема реконструкции древних ритуальных практик не безнадежна, поскольку процесс реализации ритуалов находит отражение в материальных остатках и следах определенных действий (культовые конструкции, ритуальные предметы, закапывание, сжигание и т.д.).

Обряды, связанные с началом строительства поселений. На поселениях ташковской культуры зафиксированы объекты и найдены предметы, которые вряд ли имели какое-либо практическое значение, но могли быть связаны с ритуальной практикой. На Ташково II под полом центрального жилища зафиксирован ров, часть которого уходила за пределы жилища (см. *рисунок*, *1*). Стратиграфическая и планиграфическая позиция выявленных объектов позволила установить последовательность их сооружения: вначале был выкопан ров, в который положили различные предме-

ты, а позднее на этом месте был построен дом, вероятно, маркирующий центральное место в концентрической структуре поселения.

Строительные жертвы, связанные с началом закладки нового поселения, известны как по археологическим (Формозов, 1984. С. 238–240), так и по письменным источникам (Плутарх, 1987. С. 63).

В глубокой древности сформировался взгляд на жертвоприношение как на сакральный акт, моделирующий космос. Жертвы приносились в мифический момент начала, будучи своего рода «программой поведения» (Байбурин, 1983. С. 5). Ритуал жертвоприношения при строительстве дома и поселения – это имитация первого жертвоприношения, давшего рождение миру (Элиаде, 1987. С. 36).

На поселении Андреевское озеро XIII напротив входа зафиксированы остатки необычного объекта, представляющего собой материковый останец окруженный канавой (рвом). На дне канавы – яма (см. *рисунок*, *2*), по всей вероятности, от столба. Возможно останец, окруженный канавой и занимающий наиболее высокую площадку на свободной площади, символизировал первоначальный холм, из которого возникла Вселенная. По-видимому, столб имел статус «центрального места» на поселении, от которого и вокруг которого разворачивалось пространство мира. «Центральное место» создавалось раньше, чем периферия и, по-видимому, соотносилось с началом нового цикла – освоением новой территории.

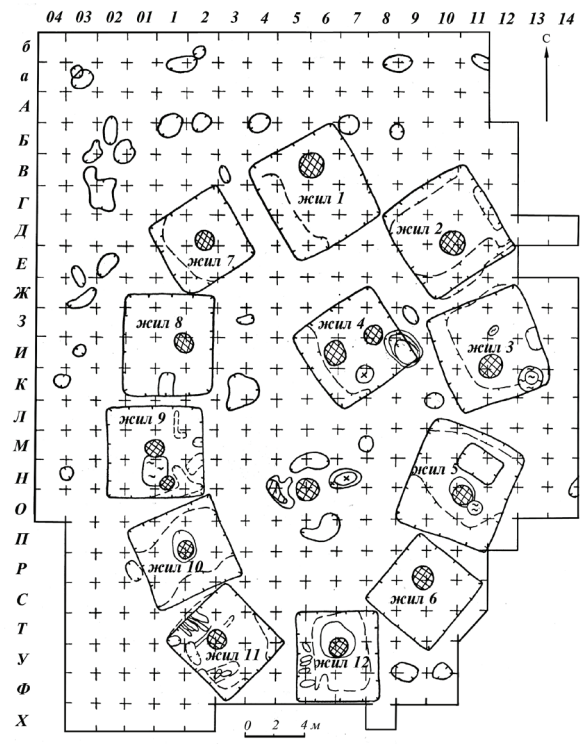
На поселении Иска III под полом жилища, расположенного справа от входа на поселение, зафиксирована яма, дно которой находилось ниже пола жилища на 0,5 м. В ней найден череп молодого (2-3 года) лося. По всей вероятности это «строительная жертва», связанная с началом строительства дома и поселения. Захоронения под полом жилищ детей, человеческих черепов или черепов животных известны у многих первобытных коллективов. Тело жертвы символизировало фундамент создаваемого мира.

В этом же жилище ниже пола найден округлый глиняный шарик диаметром 1,5 см, орнаментированный по всей поверхности ногтевыми вдавлениями. Возможно изделие символизировало «Мировое яйцо». Мифы о сотворении мира из яйца известны у населения различных регионов. Представление о яйце было связано с идеей о зарождении жизни. (Голан, 1993. С. 33).

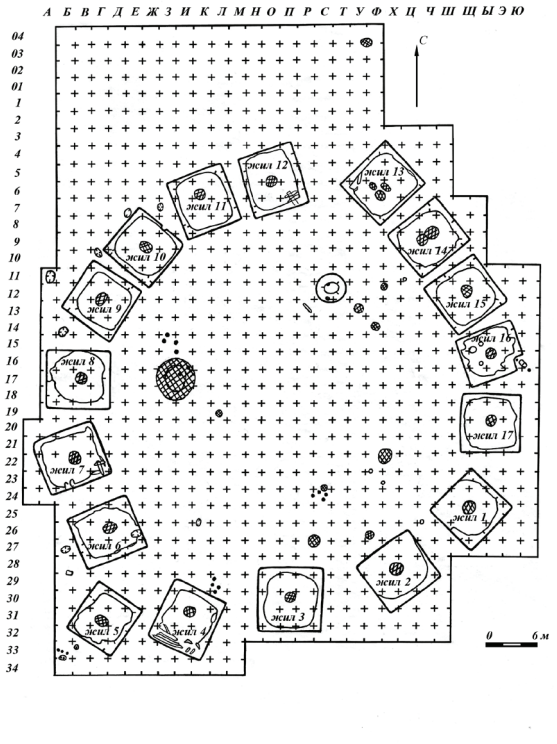
Обряды «наведения порядка» и «оставления поселения». На всех исследованных нами поселениях с круговой планировкой зафиксированы следы пожаров, при этом какие-либо разрушения или беспорядок не обнаружены.

Характер культурного слоя позволяет высказать предположение о ритуальном сожжении поселений. Топография находок указывает на возможную подготовку поселения к оставлению и ритуальному сожжению. На поселении Андреевское озеро XIII у входа в одно из жилищ зафиксировано захоронение двух собак. Согласно мифологической традиции собаки сопровождают умершего в мир мертвых. В этом же жилище на полу находился самый большой на поселении сосуд, перевернутый вверх дном (см. *рисунок*, *4*). Внешняя поверхность сосуда орнаментирована 12 горизонтальными поясами. Число 12 сопряжено с годовым циклом. Один из поясов (четвертый сверху) оказался преднамеренно разомкнут. Можно предположить, что разрыв орнаментальной зоны, как и разбивание сосуда, служило знаком гибели, уничтожения (Антонова, 1984. С. 121). Ниже этого пояса расположены три ямки, которыми обозначено число 3, в данном случае соотносимое с понятиями развития, изменения. Рядом находилось днище сосуда, орнаментированное крестом, разделяющим круг на четыре сектора (символ лунных фаз), в каждом из которых ямками обозначены числа 7–7–7–9 (см. *рисунок*, *3*). Это соответствует продолжительности лунного месяца, а луна – известный символ смерти. Кроме того, на полу жилища у южной стены в скоплении сохранились глиняные рыболовные грузила числом 21. В архаических традициях числа могли использоваться в ситуациях, которым придавалось сакральное, космогоническое значение. Числа становились образом мира, средством для его периодического возобновления в циклической схеме развития (Топоров, 1980. С. 5). Трудно представить, что все оставленные вещи и их расположение оказались случайными.

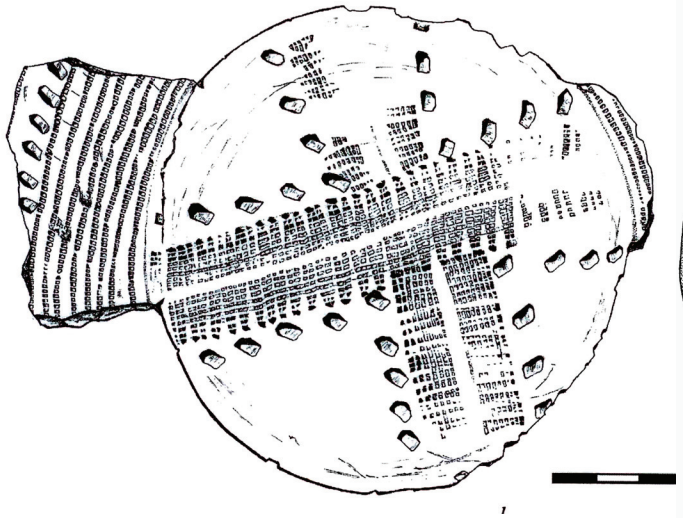
В других жилищах также сохранились целые сосуды, опрокинутые вверх дном. Опро-



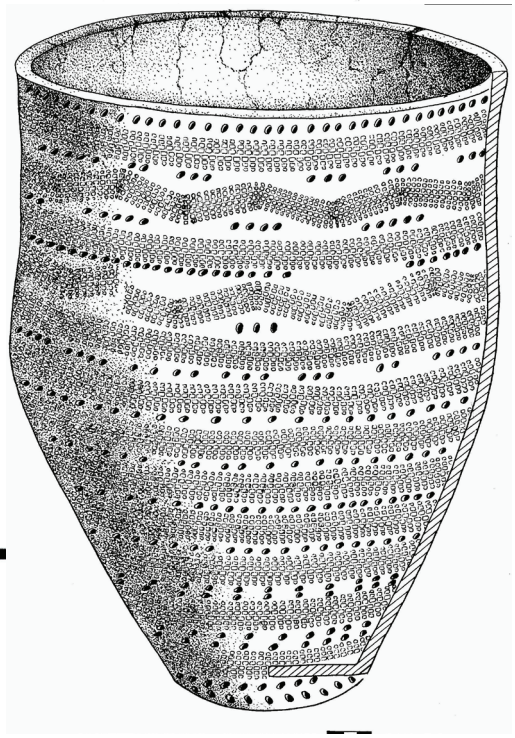
1



2



3



4

Ташковская культура. *1* – план поселения Ташково II; *2* – план поселения Андреевское озеро XIII; *3, 4* – сосуды с числовой символикой с поселения Андреевское озеро XIII.

кинутый сосуд – также известный символ смерти. На некоторых сосудах сохранились следы втирания охры. Охра – часть погребального обряда, а красный цвет символизировал очистительную силу огненной стихии.

Сожжение поселений, по-видимому, было связано с идеологическими воззрениями населения, оставившего в Зауралье круглые в плане поселения. Пожар мог быть связан с обрядом перехода и представлением о круговороте жизни. Завершающим этапом ритуала «оставления поселения» была засыпка всех объектов белым песком.

Обычай намеренного разрушения жилищ перед их ритуальным захоронением (пожаром) практиковался уже в раннем неолите у населения Ближнего Востока (поселение Чайеню Тепеси) (Корниенко, 2002. С. 95). С исходом населения из крепостей синташтинско-аркаимской культуры Г.Б. Зданович связывает не только сожжение поселений, но и предшествующую пожару подготовку: вынос нужных вещей, засыпку или подсыпку колодцев, хозяйственных ям и, возможно, частичную уборку бытового мусора (Зданович, 2011. С. 55).

Современные украинские исследователи трипольской культуры отмечают строго ритуализированный характер жизнедеятельности на поселениях с момента их возникновения по единому плану и вплоть до оставления,сопровождавшегосяграндиознымобрядом сожжения построек (Овчинников, 2005. С. 74–79).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антонова Е.В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. Опыт реконструкции мировоззрения. М.: Вост. лит., 1984. 260 с.

Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983. 189 с.

Голан А. Миф и символ. М.: Руссмет, 1993. 375 с.

Зданович Г.Б. «Укрепления», «крепость» в археологии синташтинско-аркаимской культуры и в поэтической традиции «Ригведы» // Вопросы археологии Урала. Вып. 26, Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011. С. 40–63.

Ковалева В.Т. Взаимодействие культур и этносов по материалам археологии: Поселение Ташково II. Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та, 1997. 131 с.

Ковалева В.Т., Рыжкова О.В., Шаманаев А.В. Ташковская культура: Поселение Андреевское озеро XIII. Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та, 2000. 160 с.

Корниенко Т.В. «Храмы» Северной Месопотамии в эпоху докерамического неолита // ВДИ. 2002. № 2. С. 92–113.

Овчинников Э.В. К вопросу о трипольском обряде «оставления поселений» // Проблеми археологіі Середнього Подніпров'я: до 15-річчя заснування Фастівського державного краєзнавчого музею. Київ; Фастів, 2005. С. 74–84.

Плутарх. Избранные жизнеописания: в 2 т. Т.1: Тесей и Ромул. Ромул. XI. М.: Правда, 1987. 592 с.

Рыжкова О.В. Иска III – новое поселение ташковской культуры // XIII Уральское археологическое совещание: тезисы докладов. Ч.1. Уфа: Вост. ун-т, 1996.

Топоров В.Н. О числовых моделях в архаических текстах // Структура текста / Отв. ред. Т.В. Цивьян. М.: Наука, 1980. С. 3–58.

Формозов А.А. Строительные жертвы на поселениях и в жилищах раннего металла // СА. 1984. № 4. С. 238–241.

Элиаде М. Космос и история. М.: Прогресс, 1987. 312 с.

ВОЕННО-ЭЛИТАРНЫЙ СИМВОЛИЗМ В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

© 2014 г. С.Н. Кореневский

Институт археологии РАН, Москва
(Skorenevskiy@yandex.ru)

Ключевые слова: ранний бронзовый век, майкопско-новосвободненская общность, оружие, золото, полудрагоценные камни, элита.

Резюме. В работе на примере погребальных комплексов майкопско-новосвободненской общности IV тыс. до н.э., содержащих золотом и артефакты, интерпретируемы как оружие, исследуется проблема военно-элитарного символизма в погребальной практике. В итоге установлены группы артефактов, отражающих, вероятно, некие стандарты использования этих вещей, связанные с выделением обрядов погребения военной, производственной и культовой элиты, подчеркивающей в заупокойных культах свое не рядовое, а возможно, и лидирующее положение в обществе.

Элитарные погребальные комплексы майкопско-носвободненской общности содержат золото и артефакты, которые интерпретируются как оружие. Эту категорию инвентаря в захоронениях представляют бронзовые топоры, кинжалы, наконечники копий. Известны редкие находки каменных топоров, молотов, наконечников стрел. Сведений о праще практически нет. Данные об использовании каменных булав в погребальном обряде – минимальны.

Понятие «элиты» или «элитарности» по материалам погребальной практики для разных культур определятся нередко как относительное. При решении данной темы мы предлагаем для них конкретные показатели, нашедшие выражение в находках изделий из благородных металлов, прежде всего золота, серебра и украшений из полудрагоценных камней.

Комплексы с находками одной золотой подвески или двух золотых колец мы рассматриваем как *элитарные*, с большим количеством золотых изделий – как *суперэлитарные*.

В изучении темы об отражении погребальной практикой социальной стратификации общества, культов и верований мы постоянно сталкиваемся с комплексами вещей, которые сами по себе могут стать объектом типологического анализа. Такие наборы мы называем *артефактными группами* (А-группами), а разницу между ними – *артефактной дифференциацией*. Сама по себе она ничего не значит и служит лишь основой для интерпретации.

При исследовании вопросов о социальной дифференциации майкопско-новосвободненской общности было предложено подразделение ее комплексов на основе взаимной встречаемости оружия, орудий, металлической посуды на шесть А-групп (Кореневский, 2004). Каждая из них состоит из разного сочетания предметов вооружения и инструментов (см. *таблицу*).

Очень интересно соотнесение этих А-групп с украшениями из благородных металлов и полудрагоценных камней. Так, всего нам удалось учесть 83 комплекса с оружием, в которых практически во всех присутствуют кинжалы. Из них золото содержится в 41 погребении. Соответственно это почти половина выборки, около 49% (Кореневский, 2011).

Связь находок оружия в комплексах с золотыми украшениями и полудрагоценными камнями обнаруживают уже ранние погребения с бесчеренковыми кинжалами галюгаевского-серегинского, псекупского вариантов майкопско-новосвободненской общности. Таковы прежде всего сам Майкопский курган и курган 1 могильника Кудахурт.

А-группы с оружием майкопско-новосвободненской общности

Артефактные группы комплексов с находками оружия и без него	Всего учтено комплексов	Центральное Предкавказье	Западное Предкавказье	Всего с золотом найдено
А-группа 1: наборы с металлическими посудой, кинжалом, топором, теслом или долотом	14 (9 неграбленых или относительно информативных, частично разрушенных)	5	4	9
А-группа 2: наборы с кинжалом, топором, теслом или долотом	16	4	6	9
А-группа 3: наборы с кинжалом, или топором без тесел и долот	53	16	3	19
А-группа 4: наборы с теслом или долотом	2	–	–	–
А-группа 5: наборы с мотыгой	1	–	–	–
А-группа 6: без оружия из бронзы, тесел и долот	Более 100	1	2	3
Итого		26	15	40

В комплексах долинского варианта новосвободненской группы случаи встречаемости оружия с золотом доходят до 50%, но среди них есть отдельные формы изделий, у которых такой процент выше или ниже.

Весьма показательны случаи встречаемости в комплексах крупных кинжалов кишпекского типа группы КЧ-1 – 82%. Далее высокий процент встречаемости с золотом отмечается у листовидных кинжалов группы КЧ-4 – 80%. Кинжалы с желобом отражают уже меньший процент – 48%. Кинжалы без желоба, вероятно, более простые и менее престижные, фиксируются в одних комплексах с золотыми украшениями в 34% случаев.

Из единичных случаев находок кинжалов обращают на себя внимание клинки с отверстием рукоятке. Они найдены в богатейшем погребении 5 кургана 31 в урочище Клады. Отсюда же происходит и уникальная находка бронзового меча.

Бронзовые топоры в комплексах майкопско-новосвободненской общности представлены несколькими типами. Топор раннего майкопского типа Т-1 известен только из комплекса Майкопского кургана, где он найден вместе с топором-мотыгой и мотыгой. Топоры самой массовой разновидности группы 2 показывают высокий процент встречаемости с золотыми украшениями равный 75%. При этом топоры новосвободненского типа, украшенные орнаментом (группа 2-1) , найдены в трех комплексах. Дважды – в высоко престижных погребениях (Новосвободная, курган 1, погребение 1; курган 31, погребение 5). Один раз – без золота (курган 15, погребение 1), но это погребение несет следы разрушения.

Особым престижем пользовались погребения с двумя бронзовыми топорами. В них всегда встречается золото.

Интересно также отметить еще один атрибут особого престижа воинской и культовой символики – вилки (более 60% встречаемости с золотом в комплексах). Судя изображению на печати из Месопотамии вавилонского времени, такая вилка была магическим инструментом богини войны ранга Инанны-Иштар, с помощью которого совершались жертвоприношения. Подобные вилки известны из захоронений долинского варианта майкопско-новосвободненской общности и новосвободненской группы, а также из дольмена в Эшери уже эпохи средней бронзы.

Металлические сосуды в погребальной практике рассматриваемой общности имеют самую высокую встречаемость с оружием и

золотом – около 90%. Это явно подчеркивает важную роль пира в символике престижных воинских захоронений лидеров общества.

Находки полудрагоценных камней учтены в 15 погребальных комплексах и в одном кладе. В пяти случаях в таких погребениях не было оружия. Одно из этих захоронений определенно женское (Кудахурт, курган 1, погребение 1). Десять погребений с полудрагоценными камнями содержат оружие. В число последних входят самые богатые комплексы: Майкопский курган, погребение 5 из кургана 31 могильника Клады; Новосвободненские гробницы из курганов 1 и 2; могильник Кудахурт, курган 1, погребение 3; Чегем II, курган 5, погребение 3.

Все эти комплексы относятся к суперэлитарным майкопским захоронениям взрослых людей и подростков.

Среди полудрагоценных камней есть редкие минералы явно не кавказского происхождения: лазурит, возможно, бирюза, связанные с трассами дальнего дарообмена, пролегавшими в направлении Ирана и Афганистана через Южный Кавказ (лейлатепинская культура).

Анализ под микроскопом лазуритовых бус из кургана Кудахурт показывает, что они были специально изготовлены под вставки золотых шайб, что предполагает единый производственный пакет по обработке лазурита и изготовления золотых украшений. В этом отношении на Кавказе явно начинает прослеживаться особая майкопско-лейлатепинская традиция ювелирного дела IV тыс. до н.э. Ее носители стали соединять магию камня с магией благородных металлов золота и серебра. Пока о таких вещах нет свидетельств из области энеолита Подунавья в более раннее время. Не все ясно с такой традицией и для урукского периода Переднего Востока, где она как конвергентное явление расцветает в основном с III тыс. до н.э.

В области обработки золота и серебра ювелиры майкопско-новосвободненской общности создали свой центр изготовления посуды из благородных металлов и украшений, ориентированный на производство высоко престижных ценностей выделяющейся элиты, для которой важное значение имела символика оружия в погребальных обрядах. В отдельных случаях такая символика дополнялась наборами инструментов деревообработки, металлической посудой и особыми изображениями на плитах гробниц или чеканке на металлическом сосуде, отражающими миф о Древе Жизни в его разных вариантах.

По случаям находок из благородных металлов район Центрального Предкавказья более насыщен золотом. Однако по их отдельному количеству в погребениях, конечно, выделяются памятники Кубанского бассейна, где расположены Майкопский курган, Новосвободненские гробницы и Старомышастовский клад. Оба района, Терский и Прикубанский, могли опираться на местные источники аллювиального золота, которые приурочены к верховьям Терского и Кубанского бассейнов.

Формы погребальных сооружений, где найдено оружие и золото, в отдельных случаях также отражали элитарный статус погребенных в них людей. Одни из них – это каменные гробницы или большие ямы с мощными перекрытиями. Плотная состыковка каменных плит в гробницах явно указывала на стремление к герметизации помещения, что бы дух покойного не вышел наружу. Такая особенность погребального обряда по С.И. Токареву (1990. С. 227–242) явно связывается со страхом перед духом влиятельных персон многих племен первобытного общества.

В целом погребения с оружием и золотом майкопско-новосвободненской общности характеризуют уровень развития оставившего их общества как преполитарную (Семенов, 1993), военно-элитарную модель или раннюю ступень протоцивилизации (Кореневский, 2013), имеющей определенные аналогии в символизме «золотоносного» дунайского энеолита, но явно обладающей своим «курганным» своеобразием.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кореневский С.Н. Древнейшие земледельцы Предкавказья. М.: Наука, 2004. 272 с.

Кореневский С.Н. Древнейший металл Предкавказья. Типология, историко-культурный аспект. М.: Таус, 2011. 386 с.

Кореневский С.Н. Понятия цивилизация, протоцивилизация в применении к археологии энео-

лита и начала бронзового века Переднего Востока, Кавказа и Юга Восточной Европы. V–III тыс. до н.э. // Цивилизационные центры и первобытная периферия в эпоху раннего металла: модели взаимодействия. М.: ИА РАН, 2013. С. 21–23.

Семенов Ю.И. Экономическая этнология / Отв. ред. Ю.Б. Симченко. М.: Ин-т антропологии и этнологии РАН, 1993. 720 с.

Токарев А.А. Ранние формы религии / Отв. ред. В.П. Алексеев. М.: Изд-во полит. лит., 1990. 622 с.

ПОГРЕБАЛЬНАЯ СКУЛЬПТУРА В КОНТЕКСТЕ ОКУНЕВСКОЙ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ

2014 г. И.П. Лазаретов

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
(lazaretov@yandex.ru)

Ключевые слова: Южная Сибирь, эпоха ранней бронзы, окуневская культура, изваяния, погребальная скульптура.

Резюме. В статье приводятся новые данные о находках каменных изваяний и мест их установки в курганах окуневской культуры Южной Сибири. Локализация такого рода изваяний и особенности их стилистики дают основания для выделения особого жанра окуневского искусства – погребальной скульптуры. По своему функциональному назначению она заметно отличается от остального массива окуневских изваяний и стел. Дальнейшее изучение погребальной скульптуры требует создания отдельной типологии и периодизации в рамках окуневской культуры (середина III – первая половина II тыс. до н.э.).

Окуневские каменные изваяния и стелы, гравировки и красочные росписи, скульптура и предметы мелкой пластики представляют собой уникальный феномен эпохи ранней бронзы Южной Сибири. Проблемам их культурной атрибуции, происхождения, хронологии, семантического и стилистического анализа посвящены несколько отдельных монографий, десятки научных статей. Исследователями выделены различные стили, иконографические группы и варианты изображений, активно разрабатываются вопросы их соотношения и развития. Главная сложность данной работы заключается в том, что абсолютное большинство окуневских изваяний и стел обнаружено в переиспользованном состоянии, вне своего первоначального исторического контекста. Даже единичные находки в закрытых комплексах способны в значительной степени скорректировать наши уже существующие умозрительные заключения. Так произошло с красочными личинами джойского стиля, традиционно считавшимися наиболее поздними в ряду окуневских изображений. Первая же личина, обнаруженная в могильнике Уйбат-Чарков, позволила полностью пересмотреть хронологическую позицию рисунков джойского стиля, поставить вопрос о существовании в рамках окуневской художественной традиции особого изобразительного жанра, приуроченного к древним караванным тропам и посвященного божеству-покровителю путешественников и торговцев (Лазаретов, 2011). Новые наблюдения, полученные в последние годы при исследовании погребальных комплексов, дают возможность уточнить места установки и функциональное назначение некоторых окуневских каменных изваяний.

Первое окуневское изваяние, сохранившееся на своем первоначальном месте, зафиксировано в кургане 1 могильника Уйбат III. Оно стояло внутри ограды, было встроено в каменное надмогильное сооружение центрального захоронения и располагалось в 2 м к юго-западу от края могильной ямы (Лазаретов, 1997. С. 19. Табл. III). Изваяние представляло собой вкопанный вертикально брусчатый камень высотой 1,2 м. В верхней части его лицевой грани, обращенной к могиле, было выбито простейшее антропоморфное изображение: два глаза и рот (см. *рисунок*, *1*). Установлена скульптура была таким образом, что после возведения курганной насыпи верхушка камня с личиной выступала над поверхностью земли. Тогда же было высказано предположение, что данное изваяние выполняло функцию связующего звена между миром живых и мертвых. Оно могло использоваться для совершения поминальных обрядов, для условного общения с умершими и их кормления (Лазаретов, 1997. С. 35).

Еще одно столбообразное изваяние обнаружено А.В. Поляковым при исследовании кургана 26 могильника Итколь II. Оно было встроено в западную стенку ограды и также развернуто лицевой гранью к центральному погребению (Поляков, 2010. С. 79. Рис. 1). В верхней части изваяния выбит овальный контур лица, два глаза и рот. Глаза и рот дополнительно очерчены полукруглыми скобками, а нос обозначен двумя изогнутыми вертикальными линиями (см. *рисунок, 2*). Возможно, эти линии имитируют раскраску лиц покойников, такую же, как на некоторых черепах из окуневских могил (Миклашевич, 2005. С. 23, 24. Рис. VI). Под личиной располагалось изображение быка, выполненного в «тучном» стиле. В двух других погребальных комплексах этого же могильника сами изваяния не сохранились, однако были выявлены места их установки. В курганах 13 и 14 две ямы с вертикальными плитками расклинки по бортам располагались внутри каменных оград на удалении 2–4 м к юго-западу от центральных захоронений.

Аналогичная яма для установки изваяния, с сохранившейся каменной закладкой по бортам, была найдена при исследовании кургана 2 могильника Уйбат V. В отличие от уже описанных случаев она находилась за пределами ограды, в 10 м к юго-западу от нее. При этом яма располагалась точно в створ оси центрального захоронения кургана. Подобные объекты, вынесенные за пределы ограды, вероятно, имелись и у других окуневских курганов. Оценить их количество невозможно, так как раскопки большинства погребальных комплексов проводились только внутри оград. В нашем распоряжении слишком мало наблюдений, но не исключено, что место установки изваяний с течением времени все больше смещалось к западу. На уйбатском этапе культуры они ставились внутри оград, на черновском выносились за ее пределы.

Перечисленные случаи обнаружения изваяний и мест их установки объединяет ряд общих моментов.

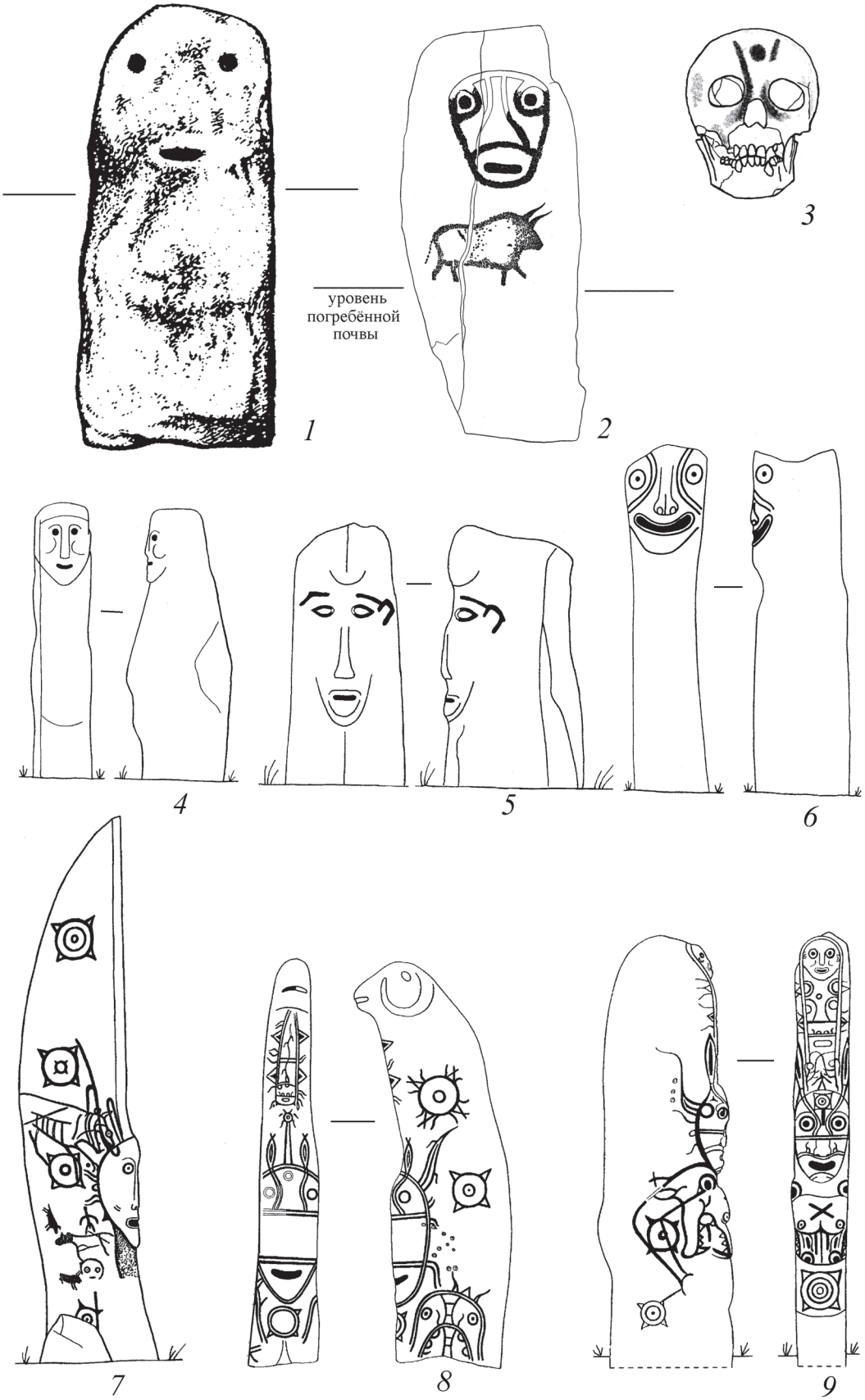
1. Они располагались к западу от основного захоронения.

2. Изваяния могли устанавливаться внутри кургана, в ограде или за ее пределами, но всегда точно в створе осевой линии центральной могилы.

3. Развернуты они лицевой гранью в сторону захоронений и поминальников, расположенных к востоку от окуневских оград.

4. Изваяния вкопаны таким образом, что после возведения курганной насыпи их антропоморфные личины выступали над поверхностью земли.

Связь такого рода объектов с погребально-поминальным культом в достаточной степени очевидна, и было бы логично рассматривать их как особую категорию окуневских изваяний – погребальную скульптуру. Ее характерным отличием можно считать размещение антропоморфного изображения в верхней части столбообразных камней, относительную простоту и лаконичность личин, их подчеркнутую «человечность» (см. *рисунок*, *4–6*). Основная же масса окуневских изваяний имеет выраженную «саблевидную» форму, а их личины приурочены к средней и нижней частям камня. Иконография антропоморфных изображений у них более сложная и включает множество дополнительных фантастических деталей: высокий головной убор или «корону», рога и звериноподобные уши, знак «третьего глаза» на лбу, поперечные полосы



1 – изваяние из к. 1, Уйбат III; *2* – изваяние из к. 26, Итколь II; *3* – Лебяжье, череп с раскраской; *4–6* – окуневская погребальная скульптура; *7–9* – окуневская монументальная скульптура.

на лице. Под личиной и рядом с ней нередко присутствуют изображения фантастического зверя или хтонического чудовища, разнообразные «солярные знаки» (см. *рисунок*, *7–9*). Эти изваяния представляют отдельную категорию окуневского искусства – монументальную скульптуру. Они, вероятно, имели иное функционально-идеологическое назначение и устанавливались в особых святилищах, за пределами могильников.

Судя по находкам в могильнике Итколь II, оба эти жанра окуневского искусства существовали одновременно. В одном из детских захоронений кургана 14 А.В. Поляковым были обнаружены четыре роговые подвески, представляющие собой миниатюрные копии каменных изваяний, обладающие всеми перечисленными выше иконографическими особенностями и атрибутами монументальной скульптуры. В этом же кургане, как уже отмечалось ранее, была выявлена и яма для установки погребальной скульптуры. Особо отметим, что данное захоронение и курган в целом датируются раннеокуневским временем и относятся к уйбатскому этапу культуры. Получается, что обе категории изваяний развивались параллельно на протяжении всего периода существования окуневской культуры. Между погребальной и монументальной скульптурой, несомненно, имеются некоторые стилистические соответствия, однако каждый из этих художественных жанров имел свое предназначение, изменялся по своим законам и имел свой вектор развития. Соответственно и рассматривать их следует в рамках двух отдельных типологий.

Вычленение погребальной скульптуры из общего массива изваяний позволяет значительно расширить и конкретизировать круг аналогий окуневского искусства. Истоки самой традиции изготовления и установки погребальной скульптуры, по-видимому, следует искать в культурах эпохи энеолита – ранней бронзы Северо-Западного Прикаспия и степной зоны Восточной Европы. Наиболее же перспективной линией для сопоставления в данный момент представляется синхронная окуневцам чемурчекская культура. Ее памятники с многочисленными образцами погребальной скульптуры локализованы на территории Восточного Казахстана, Западной Монголии и Джунгарии (Ковалев, 2012). Каменные изваяния двух этих культур обнаружены в сходном контексте, проявляют явное сюжетное и стилистическое родство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ковалев А.В. Древнейшие статуи Чемурчека и прилегающих территорий / Отв. ред. А.А. Тишкин. СПб.: ЛД-ПРИНТ, 2012. 160 с.

Лазаретов И.П. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник / Отв. ред. Д.Г. Савинов, М.Л. Подольский. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 19–64.

Лазаретов И.П. Окуневские личины джойского типа – маркеры древних путей // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской Писаницы. Матер. конф. Т. 2. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. С. 59–64. (Тр. САИПИ; Вып. VIII).

Миклашевич Е.А. Некоторые дополнительные материалы в связи с публикацией плит из могильника Лебяжье // Вестник САИПИ. Вып. 6–7 (2003–2004) / Отв. ред. Я.А. Шер. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. С. 17–27.

Поляков А.В. Поминальное сооружение окуневской культуры на озере Итколь // Древние культуры Евразии. Мат-лы конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А.Н. Бернштама. СПб.: Инфо-ол, 2010. С. 75–80.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ С ПРЕДМЕТАМИ СЕЙМИНСКО-ТУРБИНСКОГО И КЕНКОЛЬСКОГО ТИПОВ В БАРАБИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ (ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ) И ИХ РАДИОУГЛЕРОДНАЯ ХРОНОЛОГИЯ

© 2014 г. Ж.В. Марченко[1], В.И. Молодин[1], А.Е. Гришин[1], Л.А. Орлова[2]

[1] Институт археологи и этнографии СО РАН, Новосибирск
(afrika_77@mail.ru; molodin@archaeology.nsc.ru; grishin@archaeology.nsc.ru)
[2] Институт геологии и минералогии СО РАН, Новосибирск
(c14orlova@gmail.com)

Ключевые слова: эпоха бронзы, Барабинская лесостепь, радиоуглеродная хронология, предметы сейминско-турбинского и кенкольского типов.

Резюме. В статье охарактеризованы захоронения на могильниках Сопка-2 и Тартас-1 с предметами сейминско-турбинского и кенкольского типов. По этим погребениям получены и проанализированы первые радиоуглеродные даты и их калиброванные значения. Наиболее вероятная хронология захоронений с сейминским-турбинскими предметами в Барабинской лесостепи – последняя четверть III тыс. до н.э. Впервые были получены ^{14}C- данные по комплексам с кинжалами кенкольского типа – на барабинских памятниках и те и другие предметы найдены в захоронениях кротовской культуры. Проведен сравнительный анализ радиоуглеродной хронологии барабинских памятников с культурами Алтая, Зауралья и Среднего Поволжья, где сейминско-турбинские предметы имеют место в погребальных комплексах.

Сейминско-турбинский транскультурный феномен в Евразии связан с распространением специфических бронзовых изделий. В основном это наконечники копий, кельты, а также своеобразные ножи (Черных, Кузьминых, 1987). Предметы кенкольского типа представлены бронзовыми цельнолитыми кинжалами с выделенной нервюрой и фигурной рукоятью. Основные находки происходят из кладов и случайных находок на территории Средней Азии, Западной Сибири, Восточного Казахстана, Алтая, Синьцзяна (Винник, Кузьмина, 1981; Грушин, 2009. Табл. I, *28*). В трех случаях кинжалы обнаружены в захоронениях кротовской культуры могильника Сопка-2/4Б (Молодин, 1993). Радиоуглеродных дат из комплексов с сейминско-турбинскими предметами немного. Так, по данным Е.Н. Черных и Л.Б. Орловской, таких дат всего восемь, суммарная вероятность относит их к первой четверти II тыс. до н.э. (Черных, Орловская, 2013. С.12. Рис. 5). Столь небольшая серия ^{14}C-определений по погребальным комплексам с предметами сейминско-турбинского типа, конечно же, представляет несомненный интерес.

Хронология предметов кенкольского типа у разных исследователей неоднозначна. Одни (Молодин, 1993; Парцингер, 2000) включают их в круг сейминско-турбинских бронзовых изделий. Другие, вслед за Н.Л. Членовой (1976), соотносят их с карасукскими предметами эпохи поздней бронзы (Папин, Федорук, 2009) или с «постсейминскими» бронзами (Грушин, 2009; Ковтун, 2013). Как бы то ни было, ^{14}C-дат по данным предметам ранее вообще не было. Находки сейминско-турбинских и кенкольских бронзовых изделий в погребальных комплексах кротовской культуры Сопка-2/4Б, Сопка-2/4В позволяют рассмотреть данную проблему в рамках одной публикации.

В Барабинской лесостепи находки бронз сейминско-турбинского типа происходят из погребальных комплексов Сопка-2/4Б, Сопка-2/4В (кротовская культура), упомяну-

тых выше, и Тартас-1 (одиновская культура). Оба могильника находятся в 2,5 км друг от друга, на разных берегах р. Тартас. На некрополе Сопка-2/4В сейминско-турбинские материалы представлены в захоронении (№ 282) мужчины с комплексом бронзовых изделий и литейных предметов (см. *рисунок, 1, 3*), «литейщика» (Молодин, 1983). К этому же культурно-хронологическому горизонту относятся соседние с «литейщиком» ненарушенные захоронения (№ 594, 623). Они не образуют четкого ряда, но находятся в непосредственной близости, имеют схожую ориентацию и яркую специфическую погребальную практику. В заполнении погребения 594 обнаружен фрагмент каменной литейной формы для отливки кельта от одной из створок формы, найденной в могиле 282, что неопровержимо свидетельствует о синхронности сооружения могил. Другое погребение (№ 427) с литейной формой от сейминско-турбинского копья располагалось среди могил комплекса Сопка-2/4Б. На могильнике Тартас-1 бронзовый кельт сейминско-турбинского типа был найден в ненарушенном погребении 487 (Молодин и др., 2011; Молодин, 2013).

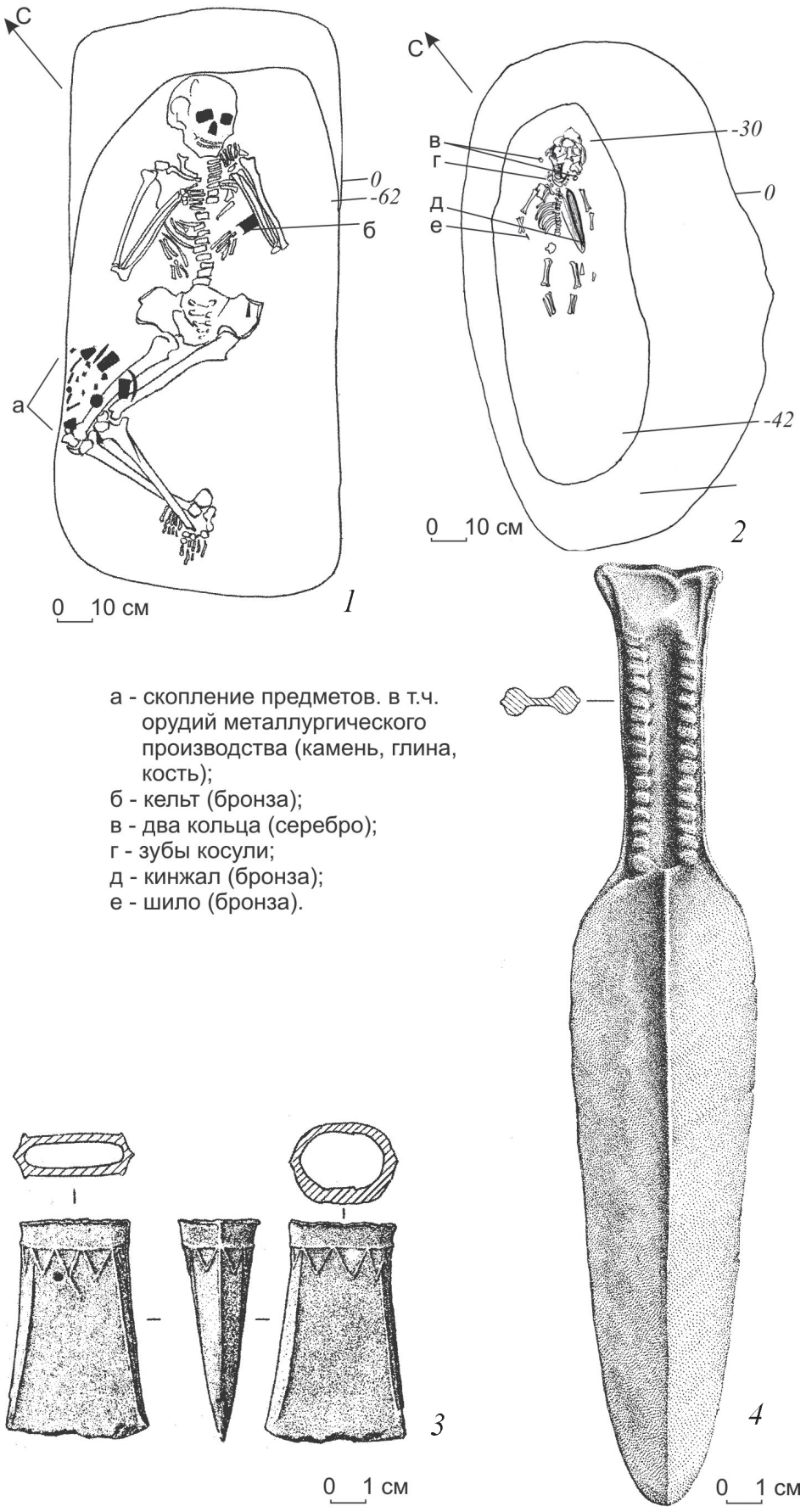
Кинжалы кенкольского типа зафиксированы в трех захоронениях кротовской культуры (см. *рисунок*, *2, 4*) в центральной части памятника Сопка-2/4Б (Молодин, 1993). Из них одно целое детское погребение (№ 425). Второе – захоронение мужчины (№ 420), нижняя часть скелета которого была полностью нарушена, а кости вынуты из ямы. В третьей могиле находился раздавленный череп и кости левой руки подростка в сочленении (№ 443).

Для определения хронологии сейминско-турбинских и кенкольских комплексов было получено шесть дат (см. *таблицу*). Из них пять дат по могильникам Сопка-2/4Б и Сопка-2/4В, одна – по некрополю Тартас-1. Для определения возраста погребения с кенкольским кинжалом получена пока одна дата. Все определения выполнены по палеоантропологическому материалу (коллагену). Из шести дат четыре получены на ускорительном масс-спекторметре (UBA-) в 14CHRONO Centre for Climate, the Environment, and Chronology (Queen'sUniversity, Belfast), две другие (СОАН-) сцинтилляционно-бензольным методом в Лаборатории геологии и палеоклиматологии кайнозоя (ИГиМ СО РАН, г. Новосибирск). Как видно из таблицы, соотношение углерода к азоту (C:N) в образцах находится в пределах нормы (2.9–3.6), что указывает на хорошую сохранность коллагена и достоверность полученных измерений (DeNiro, 1985).

Погребение «литейщика» (№ 282) на Сопке-2/4В в силу большой ошибки (±75) датируется широко (см. таблицу), в пределах XXV–XXI вв. до н.э. (по ±2 сигма[1]). Захоронение 427 с литейной формой от сейминско-турбинского копья относится к диапазону XXIV–XXI вв. до н.э. По погребению 594 на Сопке-2/4В в обеих лабораториях получено два непротиворечивых измерения. В силу того, что дата UBA-25028 имеет меньшую ошибку (±32), чем дата СОАН-7718 (±105), то вероятный хронологический диапазон погребения 594 можно сузить до XXIII–XXI вв. до н.э. Несколько моложе, но в рамках последней четверти III тыс. до н.э., выглядит возраст погребения 623 – XXII–XX вв. до н.э. Самый ранний возраст по сейминско-турбинским комплексам пока демонстрирует дата СОАН-8703 по захоронению 487 на могильнике Тартас-1 – XXVIII–XXII вв. до н.э. С одной стороны, несмотря на ее «удревненность» даже относительно других дат сейминско-турбинских комплексов некрополей Сопка-2/4Б и -2/4В, ее нельзя полностью признать «неудачной», так как она, как и остальные даты, находится в рамках XXII в. до н.э. С другой стороны, конечно же, мы видим необходимость в повторном датировании этого погребения с целью получения даты с меньшей погрешностью и последующего уточнения возраста. Таким образом, практически все даты захоронений Барабинской лесостепи с сейминско-турбинскими предметами находятся в диапазоне XXII–XXI вв. до н.э. (Молодин и др., 2010; Molodin et al., 2012)

Погребение 425 с кенкольским кинжалом на некрополе Сопка-2/4Б синхронно захоронениям с сейминско-турбинскими предметами – XXIV–XXI вв. до н.э. (см. *таблицу*) Важно отметить, что это пер-

1 Здесь и далее все даты прокалиброваны в программе OxCal 3.10 (Bronk Ramsey, 2001; Reimer et al., 2004), хронологические рубежи даны по ± 2 сигма.



Погребения с сейминско-турбинскими и кенкольскими предметами на могильниках Сопка-2/4В и Сопка-2/4Б. *1, 3* – погр. 282 (по: Молодин, 1983), *2, 4* –погр. 425 (по: Молодин, 1993).

вый случай ^{14}C- датирования комплексов с кенкольскими предметами.

Предложенная для сейминско-турбински[комплексов хронология в рамках кротовской культуры не противоречит радиоуглеродным определениям могильника елунинской культуры Телеутский Взвоз-1 на Алтае – XXIV–XVIII вв. до н.э., где был обнаружен бронзовый листовидный двухлопастной наконечник с орнаментом на пере (см. *таблицу*). По мнению барнаульских исследователей, технология его изготовления, форма и орнамент «характеризуют сейминско-турбинские традиции» (Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2003. С. 92). Чуть более поздней в этом ряду выглядит дата СОАН-1893 могильника Елунино-1 (см. *таблицу*), где был обнаружен выгнутообушковый нож с орнаментированной рукоятью и навершием в виде головы коня (Кирюшин, 1987. С. 104. Рис. 2, *4*). Она указывает на XXI–XVIII вв. до н.э., но при этом также входит в обозначенные для барабинских памятников рамки последней четверти III тыс. до н.э. Созвучна этому возрасту и дата СОАН-2192 по елунинскому поселению Коровья Пристань III – XXIV–XVIII вв. до н.э. Несколько особняком стоят радиоуглеродные данные по елунинскому поселению Березовая Лука: разброс дат составляет почти 2000 лет (см. *таблицу*). Сами исследователи полагают, что нижней вероятной границей можно считать дату СОАН-3755 из культурного слоя (XXVI–XXII вв. до н.э.) (Кирюшин, Малолетко, Тишкин, 2005. С. 140), что также хорошо согласуется с барабинскими данными. К этой же группе можно отнести и дату по образцу из хозяйственной ямы СОАН-3213 (см. *таблицу*). Три даты, выполненные по образцам угля из ям жилища 1, имеют более поздний возраст: две (СОАН-4151, -4152) – XX–XV вв. до н.э., а третья (СОАН-4150) – XVI–XIII вв. до н.э. (см. *таблицу*).

Радиоуглеродные и калиброванные даты по материалам памятников с предметами сейминско-турбинского и кенкольского типов

Памятник	Комплекс	Шифр	^{14}C-дата, л.н.	Калиброванный возраст по ± 1 сигма (гг. до н.э.)	Калиброванный возраст по ± 2 сигма (гг. до н.э.)	Материал	Δ13C	Δ15N	C:N
Сопка- 2/4В	погр. 282	СОАН-7725*	3805±75	2430 (1.3%)2420 2410 (4.5%)2380 2350 (62.4%)2130	2470 (95.4%)2030	кость человека	-22.5		
	погр. 594	СОАН-7718*	3850±105	2470 (65.1%)2190 2170 (3.1%)2140	2600 (95.4%) 1950	кость человека	-21.3		
		UBA-25028	3712±32	2190 (5.5%) 2180 2150 (17.6%)2110 2100 (45.2%)2030	2210 (95.4%)2020	кость человека	-21.4	14.1	3.19
	погр. 623	UBA-25029	3661±34	2130 (25.9%)2080 2050 (42.3%)1970	2140 (95.4%) 1940	кость человека	-22.3	14.2	3.29
Сопка- 2/4Б	погр. 425	UBA-25026	3784±40	2290 (47.4%)2190 2180 (20.8%)2140	2350 (88.7%) 2120 2100 (6.7%) 2040	кость человека	-22.4	15.4	3.20
	погр. 427	UBA-25027	3787±31	2290 (49.7%)2190 2180 (18.5%)2140	2340 (1.0%)2320 2310 (92.8%)2130 2080 (1.6%)2060	кость человека	-21.1	13.1	3.15
Тартас-1	погр. 487	СОАН-8703	3935±85	2570 (10.8%)2520 2500 (57.4%)2290	2700 (95.4%)2100	кость человека			
Телеутский Взвоз-1	погр. 1	СОАН-3756**	4570±75	3500 (7.8%) 3460 3380 (25.0%)3260 3240 (35.4%)3100	3550 (95.4%) 3000	уголь			
	погр. 10	СОАН-4153**	3690±40	2140 (68.2%)2020	2200 (95.4%) 1950	уголь			
	погр. 12	СОАН-4154**	3650±75	2140 (68.2%)1930	2300 (95.4%) 1750	уголь			
	погр. 32	СОАН-4369**	3610±35	2025 (68.2%)1920	2120 (3.7%) 2090 2040 (91.7%)1880	уголь			
	погр. 34	СОАН-4370**	3670±40	2140 (57.9%)2010 2000 (10.3%)1970	2200 (3.2%) 2170 2150 (92.2%) 1930	уголь			
	столбовая яма, кв. В-48	СОАН-4371**	3665±55	2140 (68.2%)1960	2200 (95.4%) 1900	уголь			

Березовая Лука	хозяйственная яма	СОАН-3213***	3615±35	2030 (68.2%)1930	2130 (5.2%) 2090 2050 (90.2%) 1880	уголь			
	погребенная почва над культурным слоем поселения	СОАН-3752***	2360±60	710 (2.4%) 690 540 (65.8%) 380	800 (91.1%) 350 300 (4.3%) 200	гумус			
	зольник №1	СОАН-3753***	4335±120	3350 (68.2%)2750	3400 (95.4%) 2600	уголь			
	жилище 2 (дно и столбовая яма)	СОАН-3754***	4205±65	2900 (20.0%)2830 2820 (48.2%)2670	2920 (95.4%) 2580	уголь			
	3 уровень культурного слоя поселения, кв. Л-2	СОАН-3755***	3875±70	2470 (64.2%)2280 2250 (4.0%) 2230	2570 (2.5%) 2530 2500 (92.9%) 2130	уголь			
	яма №336, жилище 1	СОАН-4150***	3125±45	1450 (56.0%)1370 1350 (12.2%)1310	1500 (95.4%)1290	уголь			
	яма №411, жилище 1	СОАН-4151***	3415±90	1880 (9.5%) 1840 1830 (58.7%)1610	1940 (95.4%) 1500	уголь			
	яма №173, жилище 1	СОАН-4152***	3405±90	1880 (8.6%) 1840 1830 (59.6%)1600	1940 (95.4%) 1490	уголь			
Елунино-1	погр. 2	СОАН-1893****	3560±30	1960 (67.5%)1870 1840 (0.7%)1830	2020 (3.3%)1990 1980 (75.4%) 1860 1850 (16.7%) 1770	уголь			
Коровья Пристань III	?	СОАН-2192****	3660±75	2140 (68.2%)1930	2300 (95.4%) 1750	уголь			
Сатыга XVI	погр. 39	ОхА-12529****	3655±29	2130 (19.8%)2090 2050 (48.4%)1960	2140 (95.4%)1940	кость человека			
Усть-Ветлужский могильник	погр. 8	Hela-929*****	3545±50	1950 (40.6%)1860 1850 (27.6%)1770	2030 (95.4%) 1740	дерево, ель (рукоять ножа)			
	погр. 10	Hela-966*****	3395±35	1740 (68.2%)1630	1870 (2.0%) 1840 1780 (93.4%)1600	дерево, ель (втулка копья)			
	погр. 12	Hela-928*****	3400±50	1760 (68.2%)1620	1880 (6.5%) 1840 1830 (83.9%) 1600 1590 (4.9%) 1530	дерево, дуб (втулка кельта)			

Примечание: * – Молодин и др., 2010; ** – Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2003; *** – Кирюшин, Малолетко, Тишкин, 2005; **** – Кирюшин, 1987; ***** – Епимахов, Хэнке, Ренфрю, 2005; ****** – Юнгер, Карпелан, 2005.

Не противоречит хронология барабинских комплексов и возрасту зауральского памятника с предметами сейминско-турбинского типа, некрополя Сатыга XVI – XXII–XX вв. до н.э. (см. *таблицу*). Самый молодой возраст среди комплексов с сейминско-турбинскими предметами на данный момент имеет Усть-Ветлужский могильник, расположенный в лесной зоне Среднего Повольжья (см. *таблицу*). Одна дата (Hela-929) указывает на XXI–XVIII вв. до н.э., две другие (Hela-928, -966) определяют возраст в рамках XIX–XVI вв. до н.э. Однако такая «поздняя» хронология памятника вполне согласуется с гипотезой о восточных, алтае-саянских, корнях сейминско-турбинского транскультурного феномена (Черных, Кузьминых, 1987. С. 95–96).

Итак, при анализе барабинских результатов датирования мы не исключаем вероятности влияния «резервуарного» эффекта и как следствие – удревнение возраста. Высокий уровень азота (см. *таблицу*) в образцах (+13/+15‰) указывает на вероятное потребление населением рыбы. Эта проблема требует дальнейшего решения. На данный момент комплексы с предметами сейминско-турбинского и кенкольского типов в Барабинской лесостепи можно считать синхронными и относить к последней четверти III тыс. до н.э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Винник Д.Ф., Кузьмина Е.Е. Второй Каракольский клад Киргизии // КСИА. 1981. Вып. 167. С. 48–53.

Грушин С.П. Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века // Алтай в системе металлургических провинций

энеолита и бронзового века. Барнаул: АГУ, 2009. С. 122–131.

Епимахов А.В., Хэнкс Б., Ренфрю К. Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. 2005. № 4. С. 92–102.

Кирюшин Ю.Ф. Новые могильники ранней бронзы на Верхней Оби // Археологические исследования на Алтае. Барнаул: АГУ, 1987. С. 100–125.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз I). Барнаул: АГУ, 2003. 333 с.

Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Т. 1. Барнаул: АГУ, 2005. 288 с.

Ковтун И.В. Предыстория индоарийской мифологии. Кемерово: Азия-Принт, 2013. 702 с.

Молодин В.И. Погребение литейщика из могильника Сопка-2 // Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул: АГУ, 1983. С. 96–109.

Молодин В.И. Новый вид бронзовых кинжалов в погребениях кротовской культуры // Военное дело населения юга Западной Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1993. С. 4–16.

Молодин В.И. Сейминско-турбинские бронзы в «закрытых» комплексах одиновской культуры (Барабинская лесостепь) // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии. К 70-летию П.А. Деревянко. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2013. С. 309–324.

Молодин В.И., Марченко Ж.В., Гришин А.Е., Орлова Л.А. Новые данные по радиоуглеродной хронологии погребальных комплексов могильника Сопка-2 эпохи ранней – развитой бронзы // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН, 2010 г. Т. XVI. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. С. 240–246.

Молодин В.И., Хансен С., Мыльникова Л.Н., Наглер А., Кобелева Л.С., Дураков И.А., Ефремова Н.С., Новикова О.И., Нестерова М.С., Ненахов Д.А., Ковыршина Ю.Н., Мосечкина Н.Н., Васильева Ю.А. Археологические исследования могильника Тартас-1 в 2011 году: основные результаты // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН, 2011 г. Т. XVII. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. С. 206–211.

Папин Д.В., Федорук А.С. Поздний период бронзового века и переходное время от бронзового к раннему железному веку // Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века. Барнаул: АГУ, 2009. С. 75–121.

Парцингер Г. Сейминско-турбинский феномен и формирование сибирского звериного стиля // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 1 (1). С. 66–75.

Ч*ерных Е.Н., Кузьминых С.В.* Памятники сейминско-турбинского типа в Евразии // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987. С. 84–105. (Археология СССР).

Черных Е.Н., Орловская Л.Б. О базе данных календарной радиоуглеродной хронологии «дописьменной» эпохи культур Западной Евразии // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 3. М.: ИА РАН, 2013. С. 8–14.

Членова Н.Л. Карасукские кинжалы. М.: Наука, 1976. С. 104.

Юнгер Х., Карпелан К. О радиоуглеродных датах Усть-Ветлужского могильника // РА. 2005. № 4. С. 112.

Bronk Ramsey C. Development of the radiocarbon calibration program OxCal // Radiocarbon, 2001. № 43 (2A). P. 355–363.

DeNiro M.J. Postmortem preservation and alteration of *in vivo* bone collagen isotope ratios in relation to palaeodietary reconstruction // Nature. 1985. № 317 (6040). P. 806–809.

Molodin V.I., Marchenko Z.V., Kuzmin Y.V., Grishin A.E., Van Strydonck M., Orlova L.A. Radiocarbon chronology of burial grounds of the Andronovo Period (Middle Bronze Age) in Baraba Forest Steppe, western Siberia // Radiocarbon, 2012. V. 54. № 3–4. P. 737–747.

Reimer P.J., Baillie M.G., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., Bertrand C.J., Blackwell P.G., Buck C.E., Burr G.S., Cutler K.B., Damon P.E., Edwards R.L., Fairbanks R.G., Friedrich M., Guilderson T.P., Hogg A.G., Hughen K.A., Kromer B., McCormac G., Manning S., Bronk Ramsey C., Reimer R.W., Remmele S., Southon J.R., Stuiver M., Talamo S., Taylor F.W., van der Plicht J., Weyhenmeyer C.E. IntCal04 terrestrial radiocarbon age calibration, 0–26 calkyr BP // Radiocarbon. 2004. V. 46. № 3. P. 1029–1058.

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ В ВОСТОЧНЫХ РАЙОНАХ СТЕПНОГО ПРАВОБЕРЕЖЬЯ КУБАНИ

© 2014 г. В.И. Мельник

Институт археологии РАН, Москва
(melvaler@yandex.ru)

Ключевые слова: погребальные комплексы, катакомбные памятники, ямно-катакомбная группа, манычская группа, северокавказская катакомбная группа.

Резюме. В настоящее время на правобережье Кубани возможно выделение нескольких групп погребальных комплексов эпохи средней бронзы, отражающих контакты местных прикубанских культур и культур их северо-восточных и юго-восточных соседей. Таковы ямно-катакомбная группа, манычская группа, северокавказская катакомбная группа, имеющие черты своеобразия по отношению к исходным культурам на их основной территории.

Массив погребальных комплексов степного правобережья Кубани, относящихся к эпохе средней бронзы, не однороден в культурном отношении. Он представлен целым рядом культурных образований, к тому же занимающих разную хронологическую позицию. В настоящее время в культурно-хронологической схеме памятники восточноприазовской катакомбной культуры и батуринской катакомбной культуры выступают как основные для данной территории. Катакомбные памятники с ямной традицией, а также памятники западноманычской, восточноманычской и северокавказской катакомбной культур, присутствующие здесь спорадически, располагаются преимущественно на восточной периферии региона. Они демонстрируют восприятие некоторых элементов основных культур, а иногда помимо этого имеют черты своеобразия в рамках своих культурных образований. Эти периферийные группы немногочисленны.

Ямно-катакомбная группа. Ямно-катакомбная группа по основным признакам примыкает к восточноприазовским памятникам раннего облика и отличается прежде всего позицией погребенных на спине скорченно. Она представлена двумя погребениями, которые располагались в курганной группе у пос. Степной в верховьях р. Челбас. Это погребение 4 кургана 3 и погребение 7 кургана 4. Первое из этих погребений располагалось в центральной части кургана в Т-образной катакомбе с трапециевидной шахтой. Размеры шахты по длинной оси составляли 2,8 м, а поперек в широкой части – 1,5 м, в узкой – 1 м. Шахта была ориентирована по линии С–Ю, дно с уклоном в южную сторону ко входу в камеру с четырьмя ступеньками. По бокам последней ступеньки проходили заплечики шириной 0,15 м и длиной около 0,5 м при высоте 0,4 м. На середине первой ступеньки лежала часть сосуда с венчиком (жаровня). В камеру вел лаз, имевший сводчатую форму (высота 0,45 м, ширина 0,8 м). Камера была четырехугольной и имела форму параллелограмма. Длина камеры по центральному сечению – 2,3 м, ширина – 1,3 м. Стенки камеры до высоты 0,5 м были вертикальные, свод не сохранился. На середине камеры лежал скелет взрослого человека на спине слегка скорченно и был ориентирован черепом на запад. Руки вытянуты вдоль туловища, ладонями обращены вниз. Костяк лежал на подстилке с белесыми волокнами, проходившими поперек остова. С южной стороны от черепа и правого плеча прослежен отпечаток красной краски. В северо-восточном, левом от входа углу камеры лежало днище сосуда с углями (жаровня). Рядом – череп и ножка барана.

Второе погребение также представляло Т-образную катакомбу, находившуюся в цен-

тре кургана. Здесь, видимо, была прослежена только нижняя часть шахты. Ее длина составляла 1 м, ширина – 0,9 м. Дно наклонно понижалось к лазу в южную сторону. Камера по форме представляла неправильную трапецию. Длина ее была 2,2 м, ширина в средней части – 1,5 м. Стенки камеры до высоты 0,5м были вертикальные, а затем круто поворачивали на свод, который не сохранился. В средней части камеры на спине скорченно лежал скелет взрослого человека, череп которого находился в 0,25 м от правого плеча. Верхней частью туловища скелет был ориентирован на восток. Ноги согнуты в коленях под тупым углом и повернуты в южную сторону. Руки вытянуты вдоль туловища и ладонями обращены вниз. Судя по всему, первоначальное положение погребенного было полусидячим. Дно камеры в центральной части покрыто тленом темно-коричневого цвета. Правая рука и пространство камеры вдоль нее покрыто толстым слоем красной краски. В юго-западном углу камеры лежала часть сосуда с венчиком (жаровня).

Манычская группа. На северо-восточной периферии батуринского культурного образования фиксируется присутствие манычских памятников. Разделение их на западные и восточные не всегда возможно. Только одно погребение можно определить как восточноманычское. Другие погребения либо близки западноманычским, либо неопределенные. Главным критерием идентификации этой инокультурной для Прикубанья группы была керамика, поэтому сюда включены только погребения с сосудами. Тип сосуда, весьма характерный для манычского культурного образования, так называемая репа, форма IID по классификации С.Н. Братченко (1976) указывает на происхождение этих памятников. Восточноманычское погребение (Хоперская 7/5а) было впущено через шахту и камеру другого катакомбного погребения с частичным его разрушением. Умерший положен на левый бок, руки его протянуты к ногам. В погребении располагался реповидный сосуд и курильница. В двух других погребениях Хоперской курганной группы также присутствовали реповидные сосуды, погребенные лежали на правом боку в скорченном виде. Сюда, видимо, должно быть включено и погребение 6 кургана 5 из курганной группы Степной с расчленением. Там, где катакомбы были прослежены, они имели Т-образную форму. Н-образные катакомбы с реповидными сосудами зафиксированы в Анапской курганной группе (два случая). Это были вторичные погребения. По другим характеристикам группа особо не выделяется. Подстилки, мел, уголь – практически в тех же вариациях. Украшения и кости животных не зафиксированы.

Северокавказская катакомбная группа. Северокавказские катакомбные памятники в рассматриваемом регионе связаны как с ранней, так и с поздней фазами среднего бронзового века. По некоторым признакам часть их может быть принята как ранние, другая как поздние комплексы, но группа при этом сохраняет единство. Занимают эти памятники северо-восточную часть региона. В основе выделения группы лежат сочетания двух признаков: позиции погребенных на спине вытянуто и наличие катакомбы. Северокавказские катакомбы имели Т-образную форму с прямоугольными шахтами и прямоугольными или овальными камерами. В большинстве случаев руки умерших были вытянуты вдоль туловища. Подстилки коричневого и черного цветов находились в большинстве погребений. В двух погребениях найдены украшения: бронзовые бусы и подвески. Мел зафиксирован в пяти погребениях, уголь в четырех, причем в двух случаях совместно. Красная краска присутствовала во всех погребениях и находилась в районе ног, рук и головы. Кости животных отмечены в семи погребениях, в трех случаях они находились в шахте, в остальных случаях в камере, в головах и ногах погребенных. Сосуд и курильница были поставлены в одном погребении (Степной 4/12). В одном погребении обнаружен терочный камень.

Представленные группы связаны с межкультурными взаимодействиями и инокультурными для данной территории комплексами. Ямно-катакомбная группа, представленная всего двумя погребениями, отражает раннюю фазу сложения катакомбной обрядности. Позиция на спине скорченно, присутствующая в этих погребениях, характерна для ямных погребений. Оба погребения располагаются в курганах на восточной периферии изучаемого района и восточноприазовской культу-

ры, а также на стыке предшествующих новотиторовской и ямной культур. Кроме того, катакомбы этих погребений были обширны и имели прямоугольные камеры, подобные восточноприазовским, что связывает их с ранними восточноприазовскими группами.

Восточная периферия, т.е. верховья р. Челбас, специфичны в культурном плане. Ряд имеющихся здесь комплексов обнаруживает близость как с восточноприазовскими, так и с батуринскими памятниками, но вместе с тем просматриваются и отличия в устройстве катакомбных сооружений и керамике. Кроме того, очевидно воздействие манычской культурной среды.

Манычские комплексы, также находящиеся на восточной периферии, имели черты своеобразия по сравнению с основными районами их распространения, проявляющиеся в том, что здесь катакомбы имела Т-образную форму, западнее – Н-образную.

Северокавказские катакомбные погребения, концентрировавшиеся тоже в восточной части распространения восточноприазовских и батуринских памятников, связаны с разными периодами существования на этой территории катакомбных традиций. Здесь можно зафиксировать элементы восточноприазовского влияния, следы батуринского времени и манычского влияния.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Братченко С.Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы (периодизация и хронология памятников). Киев: Наук. думка, 1976. 252 с.

К ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ ВОЛЖСКО-УРАЛЬСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ[1]

© 2014 г. Н.Л. Моргунова

Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург (nina-morgunova@yandex.ru)

Ключевые слова: ранний бронзовый век, ямная культура, Волжско-Уральское междуречье.

Резюме. В статье рассматривается вопрос об истоках формирования ямной культуры в Волжско-Уральском междуречье на базе хвалынской энеолитической культуры. Преемственность между ними устанавливается по всем признакам погребального обряда. Приводятся новые данные о хронологии хвалынской культуры.

Основные культурообразующие признаки ямной культуры – подкурганный обряд захоронения в больших индивидуальных ямах; скорченное на спине с наклоном вправо или на правом боку положение умерших; восточная ориентировка; оформление ям растительными циновками; посыпка охрой; круглодонная керамика с примесью толченой раковины в глине. Единственной в Поволжье культурой, располагающей всеми перечисленными признаками в предшествующее время, является хвалынская культура. В погребальном обряде Хвалынских грунтовых могильников находят истоки многие элементы ямной погребальной обрядности. С хвалынской культурой связано и зарождение курганной традиции.

Древнейшие подкурганные погребения типа курганного могильника Бережновка I 5/22 Н.Я. Мерперт относил к раннему этапу ямной культуры и синхронизировал их с Нальчикским могильником (Мерперт, 1974). Позднее в работе И.И. Дремова и А.И. Юдина

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект №14-01-00127

перечень древнейших подкурганных погребений был дополнен, а их эпохальный статус определен как энеолитический на основании прямых аналогий в материалах Хвалынских могильников (Дремов, Юдин, 1992).

В настоящее время древнейшие курганы сосредоточены на территории степной зоны Нижнего Поволжья (Юдин, 2006). Это более 20 комплексов. При сравнении материалов с Хвалынскими и Хлопковским могильниками обнаруживается их культурная близость по многим признакам. В курганах погребальный обряд так же, как и в грунтовых могильниках, не отличается стабильностью. Положение скелетов – скорченное на спине с наклоном ног вправо или влево, с вытянутыми вдоль тела или сложенными на животе кистями рук. Ориентировка скелетов преобладает в северо-восточном направлении, но встречаются и юго-западные ориентировки. Как правило, погребенные обильно посыпались охрой, но имеются и слабо окрашенные скелеты. В отличие от грунтовых могильников древнейшие подкурганные погребения совершались в ямах прямоугольной, иногда овальной формы различной глубины, зафиксированы случаи сооружения ям со ступеньками.

Убедительность сопоставлениям с грунтовыми могильниками придают находки керамики в древнейших подкурганных погребениях, которые по всем признакам сопоставляются с сосудами из Хвалынских могильников. Кроме того, из таких погребений происходят находки мелких круглых бус из раковин, костяные пронизки, длинные кремневые пластины-ножи, медные височные подвески. В то же время отмечается заметная обедненность вещевых комплексов в курганах в сравнении с грунтовыми Хвалынскими могильниками. Малочисленность погребального инвентаря, а чаще его полное отсутствие в дальнейшем станет одной из главных особенностей ямного погребального ритуала.

Учитывая аналогии в обряде и совпадение категорий инвентаря, особенно данные керамики, И.Б. Васильев, предполагая несомненное культурное единство ранних подкурганных и грунтовых энеолитических могильников, склонялся к мысли, что первые курганы занимают в основном промежуточное место между хвалынскими и раннеямными памятниками. Этот факт он рассматривал как свидетельство в пользу формирования ямной культуры в Поволжье на основе хвалынской (Васильев, 1981). Данную точку зрения поддержал Н.Я. Мерперт (1980). По данным антропологии основными компонентами в сложении ямной культуры были носители хвалынской и среднестоговской культур при участии представителей более древних культурных групп Подонья, Поволжья и Урала (Хохлов, 2013).

В последующие десятилетия проблема приобрела дискуссионный характер, появилось мнение о невозможности выведения ямной культуры на хвалынской основе (Кузнецов, 1996; Турецкий, 2009). Сторонники данного взгляда исходят из наличия существенного хронологического разрыва между радиоуглеродными датами Хвалынских могильников и собственно ямных захоронений. При этом не учитывается ни типологическая преемственность погребальных обрядов обеих культур, ни отсутствие радиоуглеродных датировок как для древнейших подкурганных погребений бережновского типа, так и ямных комплексов репинского времени.

Итак, в решении проблемы происхождения ямной культуры в последние годы особое значение приобретает радиоуглеродное датирование. Хронология хвалынской и среднестоговской культур считается достаточно обоснованной. При этом время первой по данным одноименных могильников определяется в пределах 5000–4500 лет ВС (Моргунова и др., 2010). В то же время памятники второй культуры по трем этапам датируются в пределах всего V тыс. до н.э. (калиброванная) (Телегин и др., 2001; Котова, 2006). Однако появились даты, позволяющие предполагать, что и хвалынская культура продолжала развиваться во второй половине V тыс. до н.э., что вполне соответствует археологическим сопоставлениям ее материалов со среднестоговскими (стоянки Кумыска и Чекалино IV) (Моргунова, 2011).

В связи с проблемой происхождения ямной культуры и определения ее начала весьма важным представляется вопрос о хронологии появления первых курганов. Однако вплоть до последнего времени радиоуглеродных дат по древнейшим подкурганным погребениям

практически не было. На основании даты по Кумыске и дат по курганам Перегрузное и Вертолетное поле было сделано предположение, что подкурганная традиция возникла во второй половине V тыс. до н.э. (Моргунова и др., 2010; Моргунова, 2011). К выводу о более позднем возрасте рассматриваемых погребений в сравнении с грунтовыми могильниками на материалах среднестоговской культуры пришла Н.С. Котова (2006).

Однако главным обоснованием данного тезиса служат археологические особенности древнейших подкурганных погребений, свидетельствующие о том, что эта традиция непосредственно предшествует формированию ямной культуры репинского этапа (Моргунова, 2011). Таким образом, проблема о времени появления первых подкурганных погребений в Заволжье нуждается в получении новых радиоуглеродных дат для этого вида памятников. Поэтому в установлении хронологии волжско-уральских памятников подобного типа пока возможно опираться только на радиоуглеродные данные других степных регионов.

Так, в Предкавказье получена серия ^{14}С-дат по древнейшим подкурганным погребениям (Кореневский, 2012). Наиболее ранние даты, соответствующие времени Хвалынских и Нальчикского могильников, находятся в диапазоне от 5000 до 4500 лет ВС. В пределах от 4500 до 4000 лет ВС находятся датировки памятников с жемчужной керамикой и ряда подкурганных погребений. Они свидетельствуют о появлении таких погребений в пределах V тыс. до н.э., но в большей степени начиная с его середины, т.е. в домайкопское время.

В аналогичном диапазоне находятся немногочисленные ^{14}С-даты для курганов новоданиловского типа, которые в культурном плане можно соотнести со среднестоговской культурой (Котова, 2006).

Западнее Днепра в сравнении с Заволжьем, Подоньем и Предкавказьем древнейшие подкурганные погребения малочисленны. Однако известен ряд грунтовых памятников с инвентарем, аналогичным происходящему из древнейших подкурганных погребений восточных областей степной зоны Восточной Европы. По ним имеются радиоуглеродные даты от середины V тыс. до н.э. (Котова, 2006).

Таким образом, хронология древнейших подкурганных погреений эпохи энеолита на настоящем уровне исследований еще не может быть установлена доподлинно. Имеющиеся радиоуглеродные данные и артефакты позволяют думать, что курганное строительство в виде отдельных эпизодов могло начаться в среде хвалынской и среднестоговской культур в первой половине V тыс. до н.э. Однако большинство ^{14}С-дат и археологические данные указывают на утверждение данной традиции во второй половине V тыс. до н.э. И данная хронология подводит базу для определения начала генезиса ямной культуры, заполняя временную лакуну, о которой говорилось выше. В свете сказанного представляется, что наметившееся по данным радиоуглеродного датирования удревнение репинских памятников до рубежа V–IV тыс. до н.э. вполне закономерно (Моргунова, 2013).

Намечающаяся хронология древнейших подкурганных погребений позволяет предположить, что аналогично периодизации среднестоговской культуры в развитии хвалынской культуры со временем на новых материалах будет обосновано выделение ее позднего этапа (бережновского).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильев И.Б. Энеолит Поволжья. Степь и лесостепь. Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1981. 127 с.

Дремов И.И., Юдин А.И. Древнейшие подкурганные захоронения степного Поволжья // РА. 1992. № 4. С. 18–30.

Кореневский С.Н. Рождение кургана. М.: Таус, 2012. 256 с.

Котова Н.С. Ранний энеолит степного Поднепровья и Приазовья. Луганск: Изд-во СНУ им. В. Даля, 2006. 328 с.

Кузнецов П.Ф. Новые радиоуглеродные даты для хронологии культур энеолита – бронзового века юга лесостепного Поволжья // Радиоуглерод и археология. Вып. 1. СПб.: ИИМК РАН, 1996. С. 50–60.

Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.: Наука, 1974. С. 166.

Мерперт Н.Я. Проблемы энеолита степи и лесостепи Восточной Европы // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1980. С. 326.

Моргунова Н.Л. Энеолит волжско-уральского междуречья. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2011. 220 с.

Моргунова Н.Л. Радиокарбонная хронология ямной культуры Волжско-Уральского междуречья // КСИА. 2013. Вып. 230. С. 5–23.

Моргунова Н.Л., Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В. Хронологическое соотношение энеолитических культур Волго-Уральского региона в свете радиоуглеродного датирования // РА. 2010. № 4. С. 19–28.

Телегин Д.Я., Нечитайло А.Л., Потехина И.Д., Панченко Ю.В. Среднестоговская и новоданиловская культуры энеолита Азово-Черноморского региона. Луганск: Шлях, 2001. 152 с.

Турецкий М.А. Культурная принадлежность памятников раннего бронзового века Самарского Поволжья // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2009. С. 59–65.

Хохлов А.А. Краниологические материалы из древнейших подкурганных захоронений бережновского типа // Известия Самарского научного центра РАН. 2013. Т.15. № 1. С. 197–200.

Юдин А.И. Поздний энеолит Нижнего Поволжья и проблемы формирования ямной культуры // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2006. С. 114–116.

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ В ВОЛГО-ДОНСКИХ СТЕПЯХ[1]

© 2014 г. Л.С. Песочина

Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, Пущино (LSPesch@rambler.ru)

Ключевые слова: палеопочвенные исследования, эпоха бронзы, степь, палеоэкология, курганы.

Резюме. На базе палеопочвенных исследований разновозрастных археологических памятников с привлечением палеогеографического материала осуществлена реконструкция палеоэкологических условий эпохи бронзы в Волго-Донских степях. Полученные материалы свидетельствуют о существенной динамике увлажненности климата и процессов почвообразования в регионе в данный временной срез. Наибольшая амплитуда изменчивости приходилась на III тыс. до н.э. Относительно влажный и прохладный климат в ямное время способствовал интенсивному гумусообразованию, увеличению продуктивности растительных ценозов. На протяжении II тыс. до н.э. масштабы варьирования увлажненности климата были меньшими. Фиксировалась аридизация климата на рубеже II–I тыс. до н.э.

В жизни древнего населения природная среда всегда играла важную роль, определяя особенности хозяйственной деятельности и миграционные процессы. Важнейшими палеоэкологическими компонентами были почвы и климат.

Для изучения климата в прошлом используются различные природные объекты. Наибольшее количество климатических реконструкций осуществлено на базе спорово-пыльцевого анализа органогенных отложений болот и стоянок древнего человека. К сожалению, нет универсальных методов и объектов, исключающих вероятность искажений реальных событий. Так, источником ошибок при использовании спорово-пыльцевого анализа может быть присутствие в спорово-пыльцевом спектре пыльцы растений, занесенной с больших расстояний ветром или водными потоками, различная пыльцевая продуктивность отдельных растений и различная сохранность разных типов пыльцы, что может искажать состав спорово-пыльцевых спектров, а также относительность датировок, получаемых ра-

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 14-04-00934.

диоуглеродным методом. Возможны искажения из-за многофакторности формирования стратиграфии донных отложений; сравнения палеопочв, сформированных в различных литолого-геоморфологических условиях, погребенных в разные сезоны, без учета масштабов диагенетических преобразований. С этим, вероятно, в большой степени и связаны разногласия в реконструкции климата отдельных периодов голоцена для некоторых регионов. Поэтому целесообразно комплексное применение различных методов, дополняющих и контролирующих друг друга.

В данной работе реконструкция изменчивости природных условий осуществлялась на базе палеопочвенных исследований с привлечением палеогеографического материала. Археологические раскопки проводились в Неклиновском, Мясниковском, Багаевском и Аксайском р-нах Ростовской обл. сотрудниками Таганрогского музея (П.А. Ларенок и Е.И. Беспалый), Института археологии РАН (В.Я. Зельдина) и «Южархеологии». Объектами изучения послужили палеопочвы разновозрастных археологических памятников, в том числе курганов эпохи бронзы (вторая половина III – II тыс. до н.э.).

Одним из важных результатов изучения почв археологических памятников было установление цикличности развития почвообразовательных процессов в голоцене и разработка концептуальной модели разнопериодной динамики природных условий на юге Русской равнины, базирующейся как на собственных данных, так и на литературном материале (Песочина, 2009).

Согласно полученным данным, во второй половине голоцена имели место два двухтысячелетних цикла и пять тысячелетних. Циклы разной длительности накладывались друг на друга. Отмечены периоды как усиления их совместного влияния, так и ослабления.

На основе регрессионного анализа связи годового количества осадков с некоторыми почвенными показателями проведена оценка вероятных масштабов колебаний увлажненности климата в отдельные периоды голоцена (Песочина, 2003). Амплитуда колебаний среднегодового количества атмосферных осадков в Низовьях Дона составляла 380–500 мм.

Бронзовый век, охватывавший период с III тыс. до н.э. до рубежа II–I тыс. до н.э. и включивший три последовательно сменявшиеся культурно-исторические общности (ямную, катакомбную и срубную), характеризовался значительными природными изменениями. Наибольшая амплитуда изменчивости приходилась на III тыс. до н.э. Тренд увеличения увлажненности территории первой половины III тыс. до н.э. с формированием максимума в середине III тыс. до н.э. (климатический «оптимум») сменился иссушением во второй половине тысячелетия и резкой аридизацией на рубеже III–II тыс. до н.э. («ксеротерм»). Среднегодовое количество осадков сократилось на 100–120 мм. Черноземы обыкновенные, переходные к черноземам типичным, сформированные в период климатического оптимума, имевшие комковато-зернистую структуру и признаки повышенной увлажненности, в конце III тыс. до н.э. подверглись засолению. Степень засоления была невысокой и благоприятной для внедрения натрия в почвенный поглощающий комплекс и ощелачивания почвенного профиля (pH 8.4–8.5), активного иллювиирования гумуса по порам, ходам корней и червей, вертикальным граням структурных отдельностей, развитию призмовидно-столбчатой структуры к концу этого периода. Карбонаты аккумулировались, в основном, в форме белоглазки, псевдомицелий был слабо выражен. Максимум карбонатов располагался на глубине около 1 м, и его содержание здесь достигало 13.5%. Верхняя часть профиля характеризовалась слабым хлоридно-содовым засолением, с глубины 140 см сменяющимся средним сульфатным. Запасы гумуса в метровой толще не превышали 22 кг/м^2. К концу хроноинтервала сформировались черноземы южные, что свидетельствует о резкой аридизации.

Проведенные климатические реконструкции на базе палеопочвенных исследований подтверждаются данными, полученными с использованием палеогеографических материалов, в частности, с динамикой уровней морских бассейнов, изменчивостью спорово-пыльцевых спектров органогенных отложений болот и культурных слоев стоянок древнего человека, изменчивостью ландшафтов (Варущенко С.В., Варущенко А.И., Кли-

ге, 1987; Герасименко, 1997; Кременецкий, 1997).

Согласно данным С.И Варущенко с соавторами (1987) в течение большей части бронзовой эпохи Каспийское море находилось в стадии регрессии (Махачкалинская, 5300–3600 л.н.), уровень моря опускался до отметок –39…–42,5 м. При этом отмечалось два пика, прерываемые в интервале времени 4250±150 кратковременной трансгрессивной фазой, уровень моря достигал –18…–22 м. Конец средней – начало поздней бронзы охарактеризовались подъемом уровня моря до –21 м. Трансгрессивная (туралинская) фаза просуществовала до XI в. до н.э.

Данные К.В. Кременецкого (1997) по спорово-пыльцевым спектрам органогенных слоев болот Липиги, Харабулук, Побочное, стоянок Раздорская, Самсоновская выявили следующую изменчивость растительности и климата: период времени 5–4,5 тыс. л.н. характеризовался увлажненностью территории, происходило расширение площади сосновых лесов на террасах и широколиственных долинных лесов; 4,5–3,5 тыс. л.н. – произошло снижение доли пыльцы деревьев, рост кривой пыльцы маревых и падение сложноцветных. При этом максимальное распространение маревых и минимальное содержание пыльцы древесных пород отмечается в слое катакомбной культуры (около 3,8–3,7 тыс. л.н.). В это время сократилась площадь пойменных лесов. Период характеризовался иссушением климата. В период 3,5–3,2 (2,8) тыс. л.н. в составе спектров травянистой растительности слоя срубной культуры сильно сокращается доля маревых и возрастает доля сложноцветных, повышается доля пыльцы древесных пород в общем составе спектра. Это свидетельствует о мезофитизации растительности и об улучшении условий увлажненности территории.

Согласно Н.П. Герасименко (1997), суббореальный период голоцена на территории Донбасса характеризовался наиболее контрастными изменениями природной среды, проявляющимися в чередовании стадий увлажнения и резкого иссушения климата. Начало суббореального периода было отрезком увлажнения и похолодания климата. Резкое ухудшение природных условий, прежде всего иссушение, континентальность установлены для периода около 3,8–3,7 тыс. л.н. Сократилась роль широколиственных пород, уменьшились массивы боровых лесов на террасах, возросла доля ксероморфных семейств. Резко изменилась среда в эпоху срубной культуры (3300–2900 л.н.). Наступивший период характеризовался увлажнением, смягчением континентальности. Наибольшее увлажнение выявляется в период 3,2–3,1 тыс. л.н. Облик растительности приближался к лесостепному, но с преобладанием открытых степных ландшафтов. На рубеже 3–2,9 тыс. л.н. вновь произошло снижение увлажненности климата, нарастание континентальности, максимально проявившееся 2800–2700 л.н.

Закономерности изменчивости климата, выявленные в степях Приазовья, хорошо согласуются с палеоклиматическими данными, полученными для Северного Причерноморья (Золотун, 1974; Герасименко, 1997).

Полученные материалы позволили выявить следующую картину изменчивости увлажненности климата в степной зоне юга Русской равнины в эпоху бронзы. Середина III тыс. до н.э. характеризовалась резонансным взаимовлиянием экстремумов увлажненности 2000- и 1000-летней цикличности. Относительно влажный и прохладный климат в эти хроноинтервалы способствовал интенсивному гумусообразованию, увеличению продуктивности растительных ценозов. Аридизация климата активизировала развитие в почвах региона процессов засоления, осолонцевания, карбонатизации, а также минерализации и пептизации гумуса. Признаки аридного педогенеза зафиксированы в почвах периода 4000–3700 л.н.

Изменения климата в эпоху бронзы должны были влиять на жизненный уклад степных племен. Племена ямной культурно-исторической общности оптимально приспособились к экологическим условиям степной зоны. Они практиковали пастушеское скотоводство, а в наиболее благоприятных природных районах (Поднепровье, Нижний Дон, Кубань) занимались примитивным пойменным земледелием. Катакомбные племена пастухов-кочевников были более подвижными. Об этом свидетельствуют редко встречающиеся поселения, преобладание в составе стада овец. В эпоху

поздней бронзы жизненный уклад степных племен изменился. Известны сотни поселений этой эпохи, тысячи погребений в курганах и грунтовых могильниках. Обнаружены находки, указывающие на наличие земледелия (Демкин и др., 2010).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Варущенко С.В., Варущенко А.И., Клиге Р.К. Изменение режима Каспийского моря и бессточных бассейнов в палеовремени. М.: Наука, 1987. 237 с.

Герасименко Н.П. Природная среда обитания человека на юго-востоке Украины в позднеледниковье и голоцене // Археологический альманах. Донецк, 1997. № 6. С. 3–64.

Демкин В.А., Борисов А.В., Демкина Т.С., Хомутова Т.Э., Золотарева Б.Н., Каширская Н.Н., Удальцов С.Н. Ельцов М.В. Волго-Донские степи в древности и средневековье (по материалам почвенно-археологических исследований). Пущино: SYNCHROBOOK, 2010. 120 с.

Золотун В.П. Развитие почв юга Украины за последние 50–45 веков: Автореф. дис. … д-ра с.-х. наук. Киев, 1974. 74 с.

Кременецкий К.В. Природная обстановка голоцена на Нижнем Дону и в Калмыкии // Степь и Кавказ (культурные традиции). Мат-лы конф. М.: ГИМ, 1997. С. 30–45. (Тр. ГИМ; Вып. 97).

Песочина Л.С. Закономерности изменчивости почв и природных условий Приазовья за историческое время // Проблемы эволюции почв. Мат-лы конф. Пущино: ОНТИ ПНЦ РАН, 2003. С. 145–151.

Песочина Л.С. Закономерности циклической изменчивости почв и природных условий степных ландшафтов Приазовья во второй половине голоцена // Степи Северной Евразии. Т. 1. Оренбург: Газпромпечать, 2009. С. 530–533.

ОБЪЕКТЫ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ОГРАД КУРГАНОВ ОКУНЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2014 г. А.В. Поляков

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
(*poliakov@yandex.ru)*

***Ключевые слова**:* окуневская культура, Средний Енисей, стелы, ритуальные площадки.

Резюме. В результате исследований последних лет установлено, что за пределами оград курганов окуневской культуры Среднего Енисея располагаются разнообразные устойчиво связанные с ними объекты, которые зачастую не попадают в границы раскопов. К технологическим объектам относятся ямы, из которых брался грунт для формирования насыпи. Кроме них выявлены ритуальные площадки, кольца вокруг курганов из менгиров и одиночные стелы, установленные на оси центрального погребения. Все это требует изменения подхода к раскопкам окуневских курганов и целенаправленных поисков описанных в статье элементов погребально-поминальных комплексов.

Продолжающиеся исследования погребальных памятников окуневской культуры Среднего Енисея выявили существование разнообразных объектов, располагающихся за пределами их оград. Часть из них носит технологический характер, а часть, по всей видимости, была необходима для проведения неких обрядов в процессе совершения захоронений и после этого. Выявление подобных объектов стало следствием раскопок широкими площадями, а затем и целенаправленных их поисков (Поляков, 2010; Лазаретов, 2012).

Первый тип объектов – ямы, из которых брался грунт для создания насыпи. Они были зафиксированы при раскопках трех памятников: Уйбат V, курган 1; Мохов VI; Итколь II, курган 13 (Киргинеков, 1997; Лазаретов, 1997). Исследования последнего кургана проводились в 2013 г. и позволили составить наиболее полное представление об особенностях этих объектов. За пределами ограды с трех сторон (кроме северо-восточной) были обнаружены огромные грунтовые ямы длиной 13–14 м и шириной 4,5–5,3 м: объекты А, В, С (см. *рисунок*). Они вытянуты параллельно стенкам ограды на всю ее длину и имеют плавное понижение от краев к центру. Максимальная глубина колеблется в пределах 0,6–0,8 м от уровня «материка». Именно из этих ям был взят грунт для создания насыпи кургана. В двух других случаях (Мохов VI и Уйбат V, курган 1) было зафиксировано только по одной яме с северо-западной стороны. Однако можно предполагать, что первоначально ям тоже было по три, но в силу разных обстоятельств они не были прослежены полностью. Так, курган Мохов VI сохранился только частично и, возможно, две другие ямы были уничтожены гравийным карьером (Киргинеков, 1997. Рис. 1). Нельзя исключать, что такие ямы довольно распространены, но редко выявляются исследователями, так как не всегда располагаются вплотную к ограде и не попадают в границы раскопов.

Во всех трех случаях есть свидетельства того, что эти ямы не были засыпаны после окончания функционирования кургана, а продолжали стоять открытыми. В случаях памятников Уйбат V, курган 1 и Мохов VI это подтверждается тем, что в ямах на значительной глубине были зафиксированы артефакты, кости и камни, выброшенные при ограблении могил. В случае с курганом 13 могильника Итколь II – материалами позднескифского времени, найденными в том числе и в придонной части ям. Вероятно, не засыпая ямы, строители кургана добивались того, чтобы насыпь казалась визуально выше. Можно осторожно предположить, что эти ямы отчасти были прообразом рвов, окружавших кур-

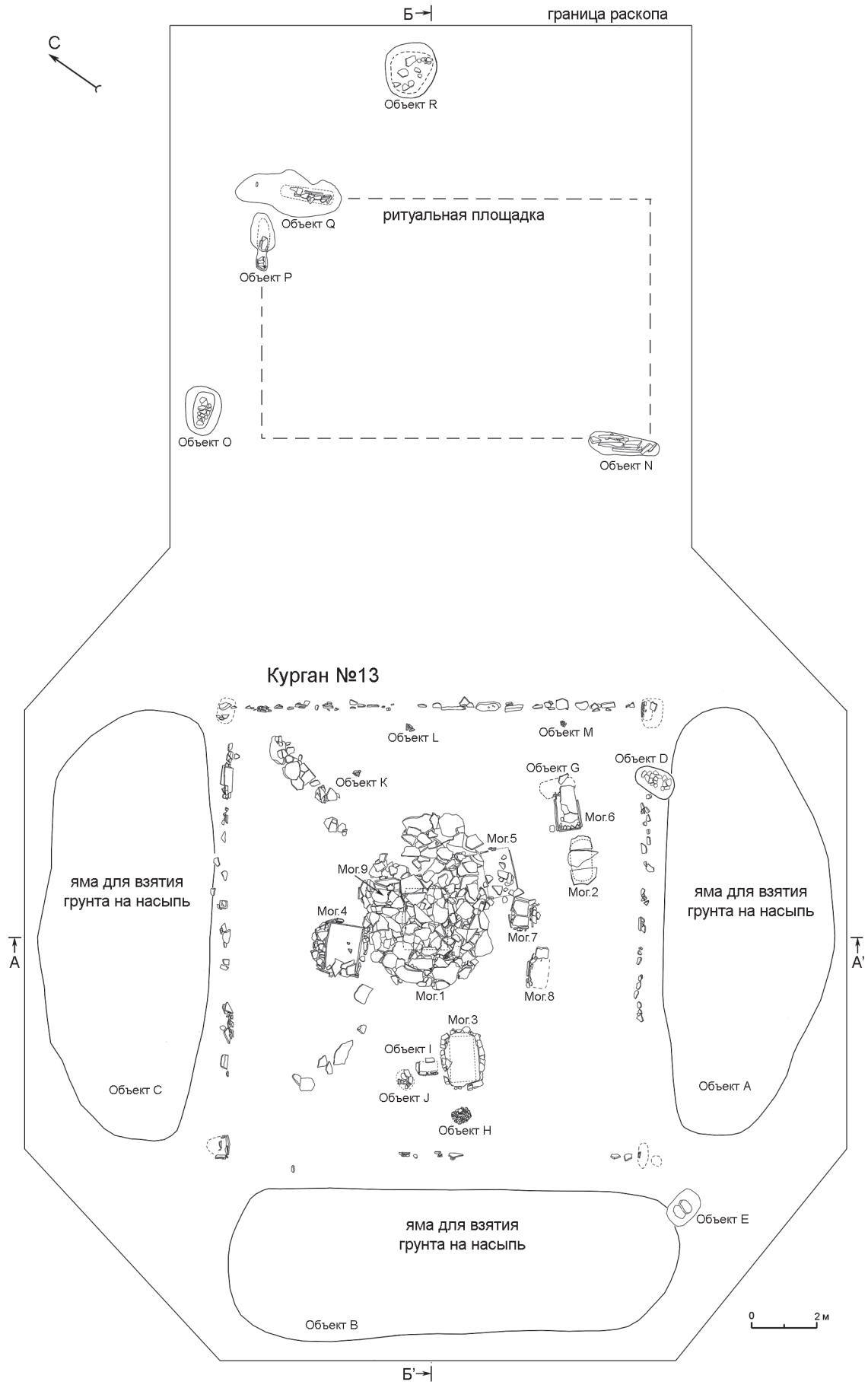


Схема расположения объектов окуневской культуры на площади раскопа к. 13 могильника Итколь II.

ганы скифского времени. Наиболее интересно отсутствие такой ямы за северо-восточной стенкой ограды (Итколь II, курган 13). Есть все основания полагать, что это связано с существованием объектов следующего типа.

Второй тип объектов – ритуальные площадки, расположенные к востоку или северо-востоку от ограды кургана на оси центрального погребения. Они были обнаружены четыре раза: База Минторга; Красный Камень, курган 1; Итколь II, курганы 13 и 26 (Наглер, Пацингер, 2006. С. 106–107; Лазаретов, 2012. С. 221–222; Поляков, 2010).Основные признаки, которые их объединяют: расположение к востоку или северо-востоку от ограды кургана, огороженное пространство прямоугольной формы, иногда следы обрядовых действий. Подобные площадки были обнаружены во всех случаях, когда такие поиски проводились. Это позволяет полагать, что они были весьма распространены, а, возможно, были обязательным элементом каждого кургана окуневской культуры.

Конструкция и размеры площадок могут несколько различаться, но планиграфически они всегда четко связаны с основной оградой, находясь на ее оси и повторяя разворот. В некоторых случаях площадка, как и курган, обнесена сплошной оградой из плит (База Минторга, Красный Камень). В одном случае плиты были вкопаны с разрывами (Итколь II, курган 26). Наконец, наименее четко она была обозначена возле кургана 13 могильника Итколь II, где зафиксированы только ямы забутовки южной и северных угловых стел: объекты N, P, Q (см. *рисунок*). Стоит отметить, что хронологически этот курган наиболее поздний из всех перечисленных, т.е. можно предположить, что наблюдается постепенное снижение уровня требований к оформлению площадок.

Дважды в центре площадок было обозначено особое место, вероятно, для проведения ритуалов. В кургане 1 могильника Красный Камень в центре площадки было некоторое понижение, обложенное по периметру наклонными плитками песчаника. В кургане 26 могильника Итколь II там же находился очаг, который определялся на основании слоя прокала и большого числа неопределимых сильно обожженных мелко колотых костей животных. Вокруг очага по направлению к углам площадки зафиксированы столбовые ямки каркасного сооружения, возможно, навеса, накрывающего очаг. В трех случаях из четырех в конструкциях площадок были обнаружены переиспользованные плитки с изображениями, датирующимися окуневской культурой. Кроме того, на их площади были найдены отдельные артефакты этого времени (фрагменты керамики, изделия из камня).

Пока объем информации явно недостаточен для реконструкции проводимых на этих площадках обрядов, но наиболее вероятно их использование с целью поминовения усопших, похороненных в кургане. Можно добавить, что существование схожей площадки не исключено и для могильника Туим-Кольцо, где к северо-востоку от ограды отмечено шесть стел, интерпретируемых обычно как «вход» (Кызласов, 1987). Возможно, они обрамляют аналогичную ритуальную площадку.

Третий тип объектов – кольцо из менгиров вокруг кургана. Пока известно только два подобных случая. Первый – могильник Туим-Кольцо, исследованный в 1984 г. Л.Р. Кызласовым, который продолжительное время считался уникальным (Кызласов, 1987). Второй – могильник Красный Камень, курган 1, где в процессе раскопок в 2010–2011 гг. И.П. Лазаретовым обнаружены основания трех стел, части аналогичного кольца (Лазаретов, 2012). В первом случае диаметр окружности составлял 82 м, а расстояние между стелами – 8-9 м, во втором – диаметр был около 60 м, расстояние между стелами – 7–7,5 м. Эти цифры явно пропорциональны, т.е. меньший диаметр кольца предполагает меньше расстояние между стелами. К сожалению, у обоих памятников сохранились далеко не все менгиры, поэтому их первоначальное число можно только предполагать. У кургана Туим-Кольцо их было, вероятно, 28–32, а у кургана 1 могильника Красный Камень – 25–27. Учитывая возможную погрешность в измерениях, нельзя исключать, что число стел было константой.

Обращает на себя внимание интересный момент. Центр кольца, исследованного Л.Р. Кызласовым, не совпадает с центром самого кургана. Ограда смещена относительно окружности к югу. Предполагаемый центр

окружности располагается в северной части ограды. Это сделано явно намеренно, но цель такой асимметрии не ясна. В случае кургана 1 могильника Красный Камень, где выявлено местоположение только трех камней, точную форму и расположение кольца установить невозможно.

Четвертый тип объектов – одиночные стелы или их основания, расположенные к западу или юго-западу от основного погребения на его центральной оси. Чаще всего они располагаются в пределах ограды (Итколь II, курганы 13, 14) или стоят прямо в центре стенки ограды (Итколь II, курган 26), но известен один зафиксированный случай, когда подобные стелы были вынесены на продолжении этой оси за пределы ограды – Уйбат V, курган 2 (Лазаретов, 1997. С. 25). Весьма вероятно, что подобные стелы достаточно распространены, но не выявляются исследователями, так как не попадают в пределы раскопов. Интересно отметить, что эти стелы находятся на единой оси с центральным погребением и с центром ритуальной площадки.

Подводя итог, можно резюмировать, что ограда кургана окуневской культуры является только частью погребально-поминального комплекса и, не предпринимая попыток выявить остальные его элементы, исследователь осознано отбрасывает часть памятника. Современный методический уровень полевых работ требует закладки не только раскопа, включающего в себя ограду кургана, но разноплановые мероприятия по выявлению описанных выше объектов. Весьма вероятно, что со временем будут обнаружены и другие типы связанных с курганом объектов, пока не попавшие в поле зрения ученых.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Киргинеков Э.Н. Окуневский курган около у. Мохов // Окуневский сборник. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 128–133.

Кызласов Л.Р. Письмо из энеолита // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: Тез. докл. конф. М.: Наука, 1987. С. 143–145.

Лазаретов И.П. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 19–64.

Лазаретов И.П. Окуневские курганы с диагональными кладками // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Мат-лы конф. Кн. 2. СПб.: ИИМК РАН, 2012. С. 220–224.

Наглер А., Парцингер Г. Новые памятники окуневской культуры в центральной части Минусинской котловины // Окуневский сборник–2. СПб.: ЭлексисПринт, 2006. С. 104–119.

Поляков А.В. Поминальное сооружение окуневской культуры на озере Итколь // Древние культуры Евразии. Мат-лы конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. А.Н. Бернштама. СПб.: Инфоол, 2010. С. 75–80.

ТЕХНИКА ВЫКОЛОТКИ И РУЧНАЯ ЛЕПКА СОСУДОВ БЕЗ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГОНЧАРНОГО КРУГА[1]

© 2014 г. Г.Н. Поплевко

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
(poplevko@yandex.ru)

Ключевые слова: керамика, комплексное исследование, этнографические исследования, трасологический и технологический анализы, ручная лепка, техника выколотки.

Резюме. Круглодонные сосуды майкопской культуры были сделаны несколькими способами. Часть методов удалось смоделировать экспериментально. Данные этнографии об изготовлении круглодонных сосудов показали, что методов моделирования значительно больше. В этой статье представлены этнографические данные о производстве круглодонных сосудов техникой выколотки. В ближайшие годы будут проведены эксперименты по моделированию разных методов изготовления круглодонной керамики с помощью техники выколотки и последующего трасологического исследования фрагментов экспериментальной керамики, с целью выявления характерных признаков.

В основу исследования положены материалы майкопской культуры на Северном Кавказе. Майкопская культура – одна из самых ярких и, говоря современным языком, технологически продвинутых как в изготовлении металлических изделий, так и в производстве керамики. Многие исследователи рассматривали эти технологические аспекты развития культуры, ее яркий всплеск и загадочное исчезновение. Ранее считалось, что для майкопской культуры характерны два этапа: ранний майкопский и более поздний новосвободненский (Иессен, 1950). Для майкопской культуры характерно изготовление круглодонных сосудов. Исследования А.Д. Резепкина показывают, что новосвободненский этап майкопской культуры (по А.А. Иессену) это не этап развития одной культуры, а самостоятельная новосвободненская культура, отличная как по керамике, так и по металлу. Она сосуществует с майкопской на среднем и позднем этапе ее существования (Резепкин, 2012). Кроме того, исследователь выделяет серию гибридных поселений, включающих материалы майкопской и новосвободненской культур одновременно – это период их сосуществования и взаимопроникновения в материальную культуру друг друга (Резепкин, 2011). Для новосвободненской культуры характерна керамика с плоским или уплощенным дном. Технология изготовления керамики с плоским дном описана А.А. Бобринским и Р.М. Мунчаевым (1972). Надо добавить, что они показали технологию изготовления новосвободненской керамики с плоским дном, а не круглодонной. На момент их исследования считалось, что это поздний (новосвободненский) этап майкопской культуры.

Исследование майкопской круглодонной керамики проводил С.Н. Кореневский совместно с А.А. Бобринским и самостоятельно (Кореневский, 1993, 2004). Исследуя майкопскую керамику, Кореневский С.Н. пришел к выводу, что выделяемая им керамика первого класса была круговая, изготовлена на гончарном круге методом донно-емкостного начина по А.А. Бобринскому (1978), а горло сосуда изготавливалось отдельно и прикреплялось к тулову (Кореневский, 1993. С. 19; 2004. С. 22). «Под понятием ‘круговая керамика майкопско-новосвободненской общности’ подразумевается посуда, изготавливаемая с помощью ранних форм гончарного круга. Но майкопские мастера не вытягивали ее на кру-

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проекты № 14-06-00106а и № 14-06-00113а



Изготовление (*1–8*) плоскодонного сосуда ручной лепкой и последующая выколотка всей поверхности сосуда до формирования круглого дна и округлого профиля (по: Электронный ресурс).

гу целиком» (Кореневский, 2003. С. 35). Он также отмечает, что один фрагмент керамики второго класса изготовлен с помощью выколотки (Кореневский, 1993. С. 22).

Автором данной работы проведено трасологическое исследование керамики из разных поселений майкопской культуры эпохи ранней бронзы на Северном Кавказе (Пхагугапе, Беляевское, Чекон, Натухаевское), содержавших материалы с круглодонной керамикой. Исследование показало, что керамика из этих поселений была сделана ручным способом лепки без использования гончарного круга или поворотного устройства. На фрагментах керамики зафиксированы следы ручной лепки и разглаживания пальцами внутренней поверхности сосудов и венчиков. Исходя из полученных наблюдений по изучению теста и поверхности керамики майкопской культуры, были проведены эксперименты как по моделированию сосудов, так и по подготовке глины к лепке и использованию разных примесей. Ранее было описано шесть приемов лепки ленточным способом, как с использованием формы-основы, так и без нее. На материалах майкопской круглодонной керамики были зафиксированы четыре из шесть экспериментально смоделированных приемов изготовления сосудов (Поплевко, 2012, 2013а–г). Оставалось неясной технология изготовления сосудов, которые раскалывались произвольно в разных направлениях, что хорошо прослеживается при реконструкции археологических развалов сосудов.

Экспериментально было показано, что раскалывание стенок сосудов при тщательно уплотненных лентах при лепке также идет произвольно, а не по лентам, как многие считали и приводили как аргумент в пользу того, что лепка велась не ручным способом. Последующее исследование стенок экспериментальных и археологических образцов показало, что часть фрагментов керамики без видимых примесей и тщательно подготовленной глиняной массой имеют однородно плотную структуру без пор и пустот с однородно уплотненной структурой. По моему мнению, такие сосуды были изготовлены с помощью техники выколотки. Эти наблюдения подтолкнули к дальнейшим поискам и экспериментальным исследованиям. Для майкопской керамики такие исследования проводятся впервые. В частности, были проведены поиски племен, изученных этнографами, с продолжающейся традицией ручной лепки круглодонных сосудов. Этнографические исследования показали, что приемов лепки круглодонных сосудов значительно больше, чем ранее было предложено для реконструкции техники лепки. В 2013 г. были проведены эксперименты по моделированию сосудов с помощью техники выколотки.

Была изготовлена целая серия круглодонных сосудов с помощью техники выколотки и сочетанием разных приемов ручной лепки и выколотки. Изучение большого разнообразия техники лепки круглодонных сосудов следует продолжить и провести экспериментальное моделирование разных приемов, с целью последующего сравнительного анализа структуры поверхности и стенок сосудов для выявления характерных признаков разных приемов лепки. Это основная задача экспериментальных и трасологических исследований на ближайшие годы.

По данным этнографии народов Африки, Азии и Южной Америки у племен, продолжающих традицию ручной лепки круглодонных сосудов, в качестве «поворотного устройства» часто служат миски с круглым дном, в которых проводят лепку сосудов. В качестве подставки также используют крупные круглодонные фрагменты сосудов или их части, иногда фрагменты стенок, поставленных на деревянную доску или друг на друга. Подставкой или «поворотным устройством» у них могли быть и верхние части сосудов с венчиком и плечиками в перевернутом положении. В отверстие шейки сосуда помещается круглодонная часть изготавливаемого сосуда. Лепка сосудов ведется вручную. После завершения лепки целой формы сосуда берут влажную кожу или ткань (иногда крупные листья растений) и покрывают ими венчик с обеих сторон. Затем сосуд прокручивают на используемой подставке, иногда даже ходят вокруг сосуда, разглаживая и отмучивая внешнюю и внутреннюю поверхности венчика и плечиков, создавая мнимое представление об использовании поворотного устройства или круга.

В Ятумпамбе провинции Канар в Эквадоре живут последние гончары, изготавливающие

глиняные горшки без гончарного круга. Выколотка ведется каменными пестами из первоначально плоскодонных сосудов, слепленных руками из одного куска глины. Верхняя часть сосуда оформляется сразу, подсушивается и затем остальная часть выколачивается каменным пестом в круглодонный сосуд (см. *рисунок*). Выколотка производится постепенно и занимает длительное время, причем одновременно выколачивается несколько сосудов. Выколачивается вся поверхность сосуда, затем его отставляют и берут другой, третий и т.д. Таким образом проковывается вся поверхность сосуда многократно, разными деревянными колотушками или каменными пестами.

Этнографические наблюдения помогли лучше представить и понять механизм изготовления археологической круглодонной керамики. Важно отметить, что многие племена Африки, Индии, Южной Америки сохранили до наших дней технологическую традицию лепки ручным способом круглодонных сосудов, хотя использование ручного, ножного и даже электрического гончарных кругов давно везде вошло в практику изготовления сосудов. Вероятно, важно изготавливать именно круглодонные сосуды, поскольку на гончарном круге получаются плоскодонные сосуды, так как их срезают с поверхности круга. Технология их изготовления не заимствуется, а сохраняется приверженность культурной традиции круглодонной керамики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы // Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. С. 2–75.

Бобринский А.А., Мунчаев, Р.М. Из древнейшей истории гончарного круга на Северном Кавказе // КСИА. 1972. Вып. 108. С. 14–23.

Иессен А.А. К хронологии больших кубанских курганов // СА. 1950. Вып. XII. С. 157–200.

Кореневский С.Н. Древнейшее оседлое население на Среднем Тереке. М.: Об-во «Знание», 1993. 167 с.

Кореневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. М.: Наука, 2004. 244 с.

Поплевко Г.Н. Экспериментальное моделирование профилированной керамики // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Махачкала: Мавраевъ, 2012. С. 117–119.

Поплевко Г.Н. Комплексное исследование и реконструкция древних технологий (методический аспект) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Т. 1. Иркутск; Омск: Омский филиал ИАЭТ СО РАН, 2013а. С. 145–150.

Поплевко Г.Н. Технология изготовления майкопской керамики // Цивилизационные центры и первобытная периферия в эпоху раннего металла: модели взаимодействия. Тез. докл. Круглого стола. М.: ИА РАН, 2013б. С. 29–31.

Поплевко Г.Н. Трасологическое исследование материалов поселения майкопской культуры Чекон // Мат-лы Шестой междунар. Кубанской археологической конф. Краснодар; Широкая Балка: Экоинвест, 2013в. С. 344–349.

Поплевко Г.Н. Эксперименты по лепке профилированной керамики // Гістарычнаархеалагічнызборнік. Вып. 28. Мінск: Беларуская навука, 2013г. С. 271–279.

Резепкин А.Д. Гибридные (майкопско-новосвободненские) поселения на Северо-Западном Кавказе // Раннеземледельческие культуры Кавказа. Мат-лы конф. Баку: AFPoliqrAF, 2011. С. 128–132.

Резепкин А.Д. Новосвободненская культура (на основе материалов могильника «Клады». СПб.: Нестор-История, 2012. 343 с. (Тр. ИИМК РАН; Т. XXXVII).

[Электронный ресурс]. CCECañar – Jatumpamba: Alfareríacañari (http://www.youtube.com/watch?v=dOya8D22h2s).

К ВЫДЕЛЕНИЮ КУЛЬТУР ЭПОХИ ПРЕДКЛАССОВЫХ ОБЩЕСТВ

© 2014 г. Г.Г. Пятых

Институт археологии РАН, Москва
(innovaziya@yandex.ru)

Ключевые слова: археологическая культура, культурогенез, этногенез, эпоха средней бронзы, эпоха поздней бронзы, предклассовые общества.

Резюме. Выведение крупных культур, а тем более культурных систем эпохи предклассовых обществ из одного «очага» («синташтинского», «Волго-Уральского» или иного) методически ошибочно и заведомо бесплодно. Факты археологии, физической антропологии, а также закономерности распространения культурных влияний в эпоху предклассовых обществ в сумме показывают, что культуры поздней бронзы возникали на месте на поликультурной основе.

В археологии, изучающей бесписьменные общества, существует проблема поиска истоков происхождения археологических культур. Казалось бы, если с одной стороны имеется некая достаточно изученная культура, а с другой существуют не менее отчетливые представления о культурах, предшествующих ей на ее и соседних территориях, то процессы культурогенеза должны хорошо отслеживаться в материалах. Но так не происходит: «Исследователи занимаются поисками центров происхождения культур… и… не находят их» (Третьяков, 1962. С. 13). Несмотря на накопление за прошедшие с 1962 г. полвека совершенно колоссальных материалов, эта констатация П.Н. Третьякова осталась незыблемой: прототипы всех элементов новой культуры в каком-то одном центре, некоем «культурном очаге», никогда не обнаруживаются.

Этот факт позволяет констатировать, что поиск истоков происхождения археологических культур в одном «центре» («очаге») ошибочен уже на уровне методического подхода. Тупиковость «очаговой» теории подтвердила дискуссия 2005 г. в Челябинске, когда в качестве культурных истоков даже такого весьма локального и давно изучаемого явления, как синташтинский феномен, предлагались самые различные регионы и культурные основы, но какого-то общего решения достичь не удалось (Происхождение и хронология…, 2010. С. 133–183).

То, что в рамках «очаговых» подходов невозможно решение проблем происхождения даже узколокальных культурных явлений, показывает, что механизм формирования культур эпохи предклассовых обществ не носил некоего линейного, эволюционного характера, а был принципиально иным. Из констатации этого факта вытекает вопрос о механизмах формирования археологических культур. Для его решения необходимо обратиться к социально-экономическим и политическим процессам древности, ибо оформление новых археологических культур является лишь отражением завершения очередного этапа таких процессов.

Переход к производящему хозяйству обеспечил среди прочих результатов быстрый количественный рост населения и возможность отчуждения прибавочного продукта. Эти результаты стали одними из наиболее фундаментальных причин развития миграций. Миграции эпохи разложения первобытнообщинных отношений проходили по уже давно заселенным территориям, поэтому происходили в форме военных вторжений и завоеваний. Войны становятся постоянным явлением, более того, военно-грабительские предприятия становятся одной из отраслей экономики. Непрерывно расширявшиеся масштабы грабительских военных предприятий эпохи предклассовых обществ прямо влияли на размеры социально-потестарных единиц

– выстоять в одиночку изолированная община просто не могла (Куббель, 1988. С. 228). Результатом военно-политических событий было «дробление старых общностей, а это сопровождалось в конечном счете разложением прежних социальных структур. К тому же войны, как общее правило, вызывали перегруппировку населения, нередко насильственную» (Куббель, 1988. С. 215). Столь большое повышение роли войн «потребовало принципиальных изменений в структуре основных этносоциальных общностей», в результате чего «важнейшей из них становиться племя» (Куббель, 1988. С. 213*)*.

Племена же являются уже потестарными образованиями с элементами принудительной власти и зачастую состоят уже из этнически и культурно не однородных коллективов.

В результате такой перегруппировки населения внутри вновь образовывавшихся обществ, состоявших из частей старых, разноэтничных и разнокультурных обществ, происходило сложение системы политических, экономических, социальных, брачных, культурных и иных связей, превращению этих связей в стабильно действующие системы, т.е. к превращению этих обществ в новые этнокультурные общности. При «переплавке» старых культурных традиций в новых этнокультурных объединениях какие-то элементы прежних культур сохранялись, какие-то исчезали, не оставив следа в культуре новых обществ, а сохранившиеся видоизменялись в процессе выработки относительного культурного единства новых этнополитических ассоциаций. Выработка такого относительного культурного единства во вновь сложившихся обществах археологически и выражается в появлении новых культур (Пятых, 2000. С. 19).

Соответственно, если вновь возникавшие общества: 1) состояли из частей других, предыдущих обществ; 2) если эти части вошли в новое общество не в одинаковой пропорции; 3) если культурное наследие каждого из них в культуру нового общества вошло также не пропорционально, то из всего этого с очевидностью вытекает, что даже любое из этих обстоятельств в отдельности не позволит отыскать прототипы всем элементам той или иной археологической культуры в каком-то одном «очаге» или «центре».

Ситуация еще более осложняется тем, что масштабные миграции, менявшие этнокультурную ситуацию на больших пространствах, не были одноактными событиями. Например, Великое переселение народов I тыс. происходило в виде многочисленных войн и передвижений самых различных племен с IV по VII в., т.е. на протяжении нескольких столетий. В течение столь длительных периодов непрерывных военно-миграционных событий этнические и культурные смешения происходили постоянно и всякий раз с неодинаковым составом участников. Поэтому естественно, что конечными результатами таких многократных смешений и влияний были «многослойные» по происхождению этнокультурные образования, каждый из компонентов которых в свою очередь был «многослойным» продуктом предыдущих многоактных смешений

Такие смешения продолжались и в промежутках между крупными миграциями, в ходе постоянных межэтнических контактов более низкой интенсивности. В результате «этническая структура общества эпохи разложения позднеродовой общины сложна, асимметрична в силу входящих в ее состав разных компонентов, по-разному организована в различных участках ойкумены» (Алексеев, 1988. С. 319–320) .

Наиболее сложной этническая и культурная структура обществ эпохи разложения позднеродовой общины могла быть на начальных стадиях этнокультурогенеза, когда включенные в новые потестарные общества различные этнокультурные ассоциации еще не успевали «переплавиться» в относительно однородную этническую и культурную массу. Поэтому на начальной стадии в материальной культуре таких новых этносов многие элементы вошедших в их состав прежних этносов могут прослеживаться в более чистом виде. Но эффект «многослойной» этнической и культурной асимметрии присутствует и в этих случаях, и точные истоки всех элементов культуры нового общества установить также сложно.

Эпоха ранней–поздней бронзы евразийских степей и лесостепей последовательно дала ряд примеров такой закономерности.

Во-первых, это распространение ямных и родственных им культур на территориях от Балкан и Закавказья до Центральной Азии. Во-вторых, оформление свиты катакомбных культур, занявших территории от Днестра и Кавказа до Заволжья и проникших на Южный Урал, а по некоторым данным, и далее. В-третьих, это возникновение на территории Восточной Европы зоны огромного распространения шнуровых культур. Наконец, это смена в ходе серии колоссальных миграций (Черных, 1989. С. 24 сл. Рис. 1) культурных систем среднего бронзового века громадной культурной системой металлоносных культур поздней бронзы, распространившихся вплоть до Древнего Китая.

Материалы культур рубежа средней–поздней бронзы дают показательные свидетельства разнокомпонетности всех крупных культур сейминского горизонта Такая разнокомпонетность могла быть только результатом масштабных миграций, повлиявших на процессы южноуральского культурогенеза. Наличие таких миграций в этот период и неоднородность возникавших в их результате обществ отчетливо показал анализ керамических материалов с территории от Волги до Зауралья, проделанный П.Ф. Кузнецовым и О.Д. Мочаловым (2001. С. 272–273). Их исследование показало культурную неоднородность керамических комплексов, происходящих даже из узколокальных памятников. Этот факт самым весомым образом показывает на то, что даже локальные коллективы этого периода были полиэтничны, что могло быть результатом только миграций.

О массовых миграциях свидетельствуют и результаты, полученные для Волго-Уралья на основе краниологических и одонтологических материалов, исследованных Е.П. Китовым. Так, все краниологические материалы из памятников Южного Урала показали гетерогенность местного населения и, что особо показательно, не только на уровне культуры в целом, но и на уровне каждого отдельно взятого могильника (Китов, 2011. С. 7).

Одонтологическое изучение этих же материалов дало такие же результаты: исследованные серии показали свою принадлежность к нескольким одонтологическим типам (Китов, 2011. С. 13).

Таким образом, результаты краниологического и одонтологического анализа полностью совпадают с результатами упомянутого выше анализа керамики, проделанного П.Ф. Кузнецовым и О.Д. Мочаловым.

Рассмотренные факты позволяют сделать следующие выводы.

1. Все поиски неких «центров» и «очагов» происхождения археологических культур эпохи предклассовых обществ ни разу успехом не увенчались. Не удалось твердо установить ни единую первооснову этих культурных систем, ни какой-то сколько-нибудь четко локализованный «очаг», из которого они могли выйти.

2. Эти факты подтверждают изложенный выше тезис, что основы крупных археологических культур, а тем более культурных систем эпохи предклассовых обществ, всегда разнокомпонентны по составу. Следовательно, и полицентричны по исходной территории происхождения.

3. Это позволяет сформулировать следующие методические положения по закономерностям культурогенеза периода разложения первобытных отношений:

– во-первых, формирование крупных культур, а тем более культурных систем эпохи предклассовых обществ всегда были результатом масштабных миграций;

– во-вторых, вновь формировавшиеся этнокультурные ассоциации всегда включали в свои основы большое количество элементов пришлого происхождения, обычно разнородных;

– в-третьих, при этом такие ассоциации всегда формировались на месте.

4. Иными словами, процесс формирования обществ той эпохи был двумя сторонами одной медали: в их основу в больших объемах включались пришлые элементы, но их окончательная «переплавка» в одно общество происходила на месте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев В.П. Демографическая и этническая ситуация // История первобытного общества. Эпоха классообразования / Отв. ред. Ю.В. Бромлей. М.: Наука, 1988. С. 294–344.

Китов Е.П. Палеоантропология населения Южного Урала эпохи бронзы: Автореф. дис. … канд. историч. наук. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2011. 26 с.

Куббель Л.Е. Возникновение частной собственности, классов и государства // История первобытного общества. Эпоха классообразования / Отв. ред. Ю.В. Бромлей. М.: Наука, 1988. С. 140–269.

Кузнецов П.Ф., Мочалов О.Д. Вопрос о культурном единстве потаповских и синташтинских керамических комплексов // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Мат-лы конф. Самара: СамГПУ, 2001. С. 266–273.

Происхождение и хронология синташтинской культуры: мат-лы заседания круглого стола, г. Челябинск, сентябрь 2005 // Аркаим-Синташта: древнее наследие Южного Урала. Сб. к 70-летию Г.Б. Здановича. Ч. 2. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2010. С. 133–184.

Пятых Г.Г. К проблеме основ, механизмов и факторов сложения срубной культуры // РА. 2000. № 4. С. 11–25.

Третьяков П.Н. Этногенетический процесс и археология // СА. 1962. № 4. С. 3–15.

Черных Е.Н. Металл и древние культуры: узловые проблемы исследования // Естественнонаучные методы в археологии / Отв. ред. Е.Н. Черных. М.: Наука, 1989. С. 14–30.

КЕРАМИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ НА ТЕРРИТОРИИ КУЛУНДИНСКОЙ РАВНИНЫ[1]

© 2014 г. А.А. Редников

Алтайский государственный университет, Барнаул
(ant-rednikov@mail.ru)

Ключевые слова: эпоха ранней бронзы, керамика, елунинская культура, вишневский тип керамики, крохалевский тип керамики.

Резюме. В данной работе рассмотрены и подвергнуты статистическому исследованию керамические комплексы, происходящие из различных памятников с территории Кулундинской равнины. В результате исследования артефактов выделено несколько групп отличающейся друг от друга керамики, тем самым определены четыре различных культурных традиции.

За более чем 40-летний период исследования территории Кулундинской равнины выявлено и в различной степени изучено более 50 памятников, материалы которых датируются эпохой ранней бронзы. На памятниках Кулундинской равнины обнаружено большое количество глиняных изделий. В условиях же лесостепной части Западной Сибири именно керамика служит основным показателем культурной принадлежности и хронологии памятника (Косарев, 1974. С. 16).

Мы абсолютно согласны с таким предположением, так как керамика с памятников Кулунды – массовый материал. Данная категория находок представлена как целыми или графически реконструируемыми сосудами, так фрагментами керамики.

Как категория археологического материала керамика представляет собой информативный многоплановый источник, содержащий сведения о различных аспектах человеческой деятельности: об уровне социально-экономического развития, семейно-брачных отношениях, этнокультурных контактах, идеологических представлениях. Керамика быстрее других компонентов материальной культуры

1 Работа выполнена при поддержке гранта Минобрнауки РФ (постановление № 220), проект № 2013-220-04-129.

фиксирует изменения, происходящие в процессе развития различных обществ. Особое значение имеют поселенческие коллекции, которые в отличие от консервативной керамики могильников – более чуткий индикатор, отражающий контакты и хронологические тенденции, проявляющиеся в изменениях орнаментальных схем, появлении новых элементов, мотивов орнамента и т.д.

Основу керамических коллекций всех анализируемых памятников составляют сосуды баночных форм, общая доля которых составляет 90% от всех реконструируемых сосудов. В свою очередь они делятся на два подтипа: банки закрытого типа – 80%; банки открытого типа – 20%. Все остальные керамические материалы не реконструируются в целые сосуды. Вся посуда плоскодонная. Стенки серого, коричневого, красного цветов. Толщина стенок – от 0,6 до 1,5 см.

Венчики имеют как округлую, так и уплощенную форму среза, имеются сосуды с плавно скошенным внутрь краем венчика. Орнамент распределяется в 100% случаев по всей поверхности сосуда, а в некоторых случаях и на их дно. В коллекции из четырех памятников присутствует орнаментация среза венчиков (Павловка I, Павловка VI, Павловка XI, Белое III). Декор среза венчиков представлен двузубым штампом, нарезками, наколами, мелкозубым штампом. На одном из сосудов (Белое III) орнамент нанесен не только на внешней поверхности сосуда, но и внутри («шагающая гребенка»).

Господствующая техника орнаментации на реконструируемых сосудах – «шагающая гребенка». Доля данной техники нанесения декора составляет 21,1% (Павловка XI, Павловка I). Показательно то, что на большинстве реконструируемых сосудов имеются вдавления (ямки). Их доля составляет 21,1% (четыре сосуда из памятников Павловка XI, Валовое II, Белое III). По 15,7% составляют «наколы» и «гребенчатая качалка». Небольшой процент встречаемости имеют следующие показатели: «гребенчатый штамп», «насечки», «протащенная палочка» – 5,26%. В некоторых случаях наблюдается «отступающая гребенка» – 10,62%.

Проведенный анализ керамической коллекции памятников позволил выявить посуду нескольких групп, соответствующих культурным традициям.

Первая группа. Сюда входит керамика, украшенная оттисками отступающей и шагающей гребенки. Подобными оттисками наносились горизонтальные, вертикальные, волнистые и другие ленты. Количество зубцов в штампе колеблется от двух до шести. Керамика, орнаментированная гребенчатой качалкой, зафиксирована на трех памятниках (Белое I–III, Павловка I, Курейка-3а).

Еще нами была выделена керамика, орнаментированная гребенчатым штампом (Белое). Данная керамика имеет аналогии на эталонном памятнике Березовая Лука и представляет собой посуду елунинского облика. Однако во всей коллекции не выявлен ни один валик, характерный как для елунинской керамики, так и для близкой ей по стилю орнаментации кротовской посуды. Таким образом, можно предположить, что на территории Кулунды комплексов похожих на кротовский нет либо они настолько похожи на елунинские материалы, что разделить их между собой в свете имеющихся данных невозможно. Такая керамика известна на Семипалатинских дюнах на территории Казахстана (Кирюшин, 2002. С. 50).

Вторая группа. Керамика орнаментирована насечками или ногтевыми отпечатками, наколами, изредка украшен срез венчика. Возможно, что эти признаки орнаментации могли совмещаться. Эта керамика наиболее близка к крохалевской. На территории Кулунды она зафиксирована на памятниках Кабанье I, Ляпуново I, Калиновка II, Горелый Кордон.

Третья группа. К ней отнесена керамика, орнаментированная линейно-накольчатой техникой, насечками и наколами, отпечатками угла лопатки, ямками. Число ее невелико. Такая посуда характерна для территории Казахстана, выделена в вишневский тип (Зайберт, 1973; Татаринцева, 1984). В Кулундинской равнине она известна на памятниках у ручья Курейка в Мамонтовском р-не (Курейка-3а и др.) и на памятнике Ляпуново I в Угловском р-не.

Четвертая группа. На памятниках присутствует и другая керамика, заслуживающая выделения в отдельную группу. По своей орнаментации она близка к посуде одинцовского,

вишневского типа. Это особый вид керамики, возможно, связанный с логиновским типом или с раннебронзовыми культурами Северного Казахстана, отличными от вишневской традиции. Характерные признаки этой керамики – отсутствие ямок по венчику и вертикальных прочерченных линий, меньшее использование гребенчатого штампа.

На основе керамического материала (четыре группы керамики) можно говорить о существовании как минимум четырех культурных традиций на территории Кулунды. На большинстве памятников группы керамики присутствуют вместе, например первая и вторая группа, первая, третья и четвертая и т.д., что говорит о тесных взаимосвязях между разными группами населения и интенсивных этнокультурных и миграционных процессах, проходивших на изучаемой территории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Зайберт В.Ф. Новые памятники ранней бронзы на р. Ишим // КСИА. 1973. Вып. 134. С. 106–113.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 294 с.

Косарев М.Ф. Миграция народов Сибири // Знание – Сила. 1974. № 12. С. 16–19.

Татаринцева Н.С. Керамика поселения Вишневка 1 в лесостепном Приишимье // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Межвузовский сб. Челябинск; Уфа, 1984. С. 104–113.

ИСТОКИ И АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ[1]

© 2014 г. А.Д. Резепкин

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург (rezepkin@mail.ru)

Ключевые слова: археология, Северный Кавказ, Передний Восток, генетика, ранняя бронза, этапы развития, генезис культур.

Резюме. В работе рассмотрены процессы становления эпохи ранней бронзы на Северном Кавказе. Предложена гипотеза, согласно которой майкопская культура сформировалась под воздействием (в виде двух импульсов) позднего восточноанатолийского халколита. Новосвободненская культура не является этапом развития майкопской. Она была сформирована под воздействием урукской цивилизации с одной стороны и при непосредственном участии раннего этапа культур воронковидных кубков – с другой. Предварительный генетический анализ подтверждает наличие в новосвободненской культуре европейского компонента.

Очевидно, что решающую роль в становлении эпохи ранней бронзы на Северном Кавказе сыграло то обстоятельство, что регион был вовлечен в орбиту передневосточных цивилизаций и процесс развития эпохи ранней бронзы на Северном Кавказе в основном проходил в прямой зависимости от тех обстоятельств, которые складывались в Месопотамии и Восточной Анатолии. Там в IV тыс. до н.э. существовали две самые большие культурные зоны: восточноанатолийский халколит и урук. Как известно, керамика из

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 14-06-00113а.

таких майкопских памятников, как Усть-Джегутинское и Большетегинское поселения, Усть-Джегутинский курганный могильник наибольшее сходство имеет в керамике позднего восточноанатолийского халколита. Сейчас уже нет сомнения, что появление памятников майкопской культуры связано именно с продвижением его влияния на Северный Кавказ. Характерные формы керамики – круглодонные миски, сосуды, как с округлым, так и уплощенным дном, орнамент практически отсутствует. Из металла типичны бесчерешковые ножи и мотыги. Это была экспансия позднего передневосточного халколита, еще не подверженного влиянию урука. Второй импульс, как представляется, пришелся на время, когда урук в средней фазе своего развития, распространившись далеко на север, вошел в контакт с поздним халколитом. Эта урукская инвазия, вероятно, и привела к очередным подвижкам как на Переднем Востоке, так и на Северном Кавказе, который в это время уже был в ареале данной системы. Это отразилось в виде появления памятников, которые несли в себе некоторые признаки уже урукского влияния. Наиболее ощутимое влияние этот импульс оказал на Северо-Западный Кавказ, что отражено на таких памятниках, как поселения Псекупс, Пхагугапе, Серегинское, Чекон. Появились новые формы сосудов: двух-трех ручные амфорки с ленточными ручками, сосуды с одной ручкой, пролощенный орнамент. В металле появляются черешковые кинжалы, топоры новосвободненского типа – «с горбинкой», копья, тесла с плоским обушком.

В предыдущих работах рассматривался вопрос о трех культурных импульсах из Переднего Востока (Резепкин, 2004, 2012а). Думается, что процесс его влияния все же не был таким однолинейным. Как поздний халколит, так и средний урук, занимая громадные территории, были достаточно неоднородны. Их импульсы на Северный Кавказ, надо полагать, происходили не из одного места и в разное время и соответственно были несколько отличны друг от друга, что и отражалось на конкретных памятниках как майкопской, так и новосвободненской культур. В ряде работ мне уже приходилось писать, основываясь на керамическом материале целого ряда поселений майкопской культуры, о том, что по такой важной категории материала, как керамика, они делятся минимум на две группы: верхнекубанскую и закубанскую. Для обоснования этого вывода, на базе восьми поселений, содержащих более 2,5 тыс. единиц привлеченной для анализа керамики, была предложена классификация венчиков и ручек майкопской керамики (Резепкин, 2009, 2012б; Резепкин, Поплевко, 2009).

Ранее закубанские памятники, в основном погребения, С.Н. Кореневским были выделены в «псекупский вариант» майкопской культуры (Кореневский, 2004. С. 53–54). Проведенная работа по керамике поселений показывает, что закубанские поселения, отделяясь от верхнекубанских, в целом представляют собой часть этого варианта. Для них, также как и для керамики из погребений, характерно отсутствие на сосудах «меток гончара», наличие пролощенного орнамента и кремневых наконечников стрел флажковидного типа.

В свое время памятники с этими признаками были отнесены ко второму, иноземцевско-костромскому этапу майкопской культуры; их появление связывалось со вторым импульсом, пришедшим на Северо-Западный Кавказ из ареала памятников позднего восточноанатолийского халколита, но уже подвергнувшегося сильному влиянию среднего урука (Резепкин, 1989, 2004). Этот импульс и сформировал второй, иноземцевско-костромской этап в развитии майкопской культуры. А поскольку этот импульс, как представляется, пришелся на Северо-Западный Кавказ, под его влиянием и сформировался псекупский вариант майкопской культуры.

Помимо перечисленных выше признаков – отсутствие меток гончара на керамике, флажковидные наконечники стрел, пролощенный орнамента, этот импульс принес с собой и иные типы изделий из бронзы. Это копья (Псекупский могильник, погребение у станицы Псебайской), топоры «с горбинкой» под втулкой и кинжалы с выделенной рукоятью (погребение у с. Иноземцево, Разменный курган у ст. Костромской, курган у ст. Псебайской, погребение 18 в кургане у ст. Марьинской). Появились двурогие бронзовые крюки без выделенной втулки, тесла с плоским обушком и противоположной пятке за-

точкой (курган у ст. Псебайской, погребение у с. Иноземцево). Все это появилось вместе с плоскодонными сосудами вытянуто-грушевидной либо шаровидно-уплощенной формы с пролощенным орнаментом.

Как видим, все эти признаки не характерны для классического (раннего) варианта майкопской культуры, который представлен памятниками типа Усть-Джегутинского курганного могильника, одноименным поселением и материалами поселения Большетегинское, где влияние урука не наблюдается.

Третий этап связан с собственно урукским импульсом на Северный Кавказ. Он характеризуется прежде всего появлением абсолютно доминирующей формы сосуда – реповидной, истоки которой лежат в аналогичных формах урукской керамики, что в свое время было убедительно показано Р.М. Мунчаевым (2001). Надо полагать, что этот третий импульс проистекал из собственно урукской среды. На Северном Кавказе последствия этого импульса выразились в появлении памятников, которые традиционно относят к «развитому, второму этапу» майкопской культуры. Представляется, это уже совершенно иная культура, генетические истоки которой отличны от собственно майкопской культуры. Это отличие разительно как по керамике, так и по металлу, о чем неоднократно доводилось писать (Резепкин, 1982, 1991, 2004, 2006, 2012б; Rezepkin, 2010).

Что касается погребального обряда, то в подавляющем большинстве областей от Центральной Европы до Переднего Востока умерших в могилы клали скорчено, на боку. При этом в новосвободненской культуре в отличие от майкопской размеры могил были заметно меньше, при формальной схожести позы погребенных в обоих случаях.

Само формирование новосвободненской культуры связано не только с такой мощной цивилизацией, как урук. Очень важную, а на раннем этапе формирования новосвободненской культуры доминирующую роль сыграла инвазия культуры воронковидных кубков из Центральной Европы. Она принесла с собой не только мегалитоидные черты, столь характерные для новосвободненской культуры, но и целый ряд типов керамики, по технологии изготовления и формам резко отличной от майкопской (Резепкин, 1991, 2012б; Rezepkin, 2000). Появились кубки («тюльпанчики» по терминологии С.Н. Кореневского), амфоры, горшковидные сосуды, плоскодонные миски с загнутым вовнутрь краем и часто орнаментированные по нему «елочкой». Вообще вся новосвободненская керамика плоскодонная и помимо своих достаточно разнообразных форм почти вся орнаментирована. Причем орнамент разнообразен как по технике исполнения, так и по композиции, что совершенно не характерно для майкопской керамики (Резепкин, 2012б). Более того, в последнее время, по данным генетики, которые были получены при исследовании материала из ранненовосвободненского погребения кургана 11 могильника Клады, однонуклеотидные полиморфизмы, обнаруженные в митогеноме, позволяют отнести изученный образец к митохондриальной гаплогруппе V7, широко распространенной у современного населения Европы, а также встречавшийся у ряда индоевропейских культур, населявших Центральную Европу в V–IV тыс. до н.э. (Недолужко и др., 2014). Таким образом, современные методы геномного секвенирования как будто подтверждают гипотезу о том, что на раннем этапе развития новосвободненской культуры в ней активное участие принимал и компонент, происходтвший из Средней Европы, из среды культур воронковидных кубков, находящихся на ранней стадии развития.

Подводя итоги алгоритма формирования эпохи ранней бронзы на Северном Кавказе, можно сделать следующее заключение.

1. Первый этап формирования эпохи ранней бронзы на Северном Кавказе связан с появлением майкопской культуры с характерными для нее памятниками типа Большетегинского поселения, Усть-Джегутинского поселения с одноименным курганным могильником, Майкопского кургана. Доминирующее влияние на формирование раннего этапа майкопской культуры оказал поздний восточноанатолийский халколит.

2. Второй этап связан с инвазией гибридного, поздневосточноанатолийско-среднеурукского населения на Северо-Западный Кавказ. В это же время на Северо-Западный Кавказ через Юго-Восточную Европу проникают представители культуры воронковидных

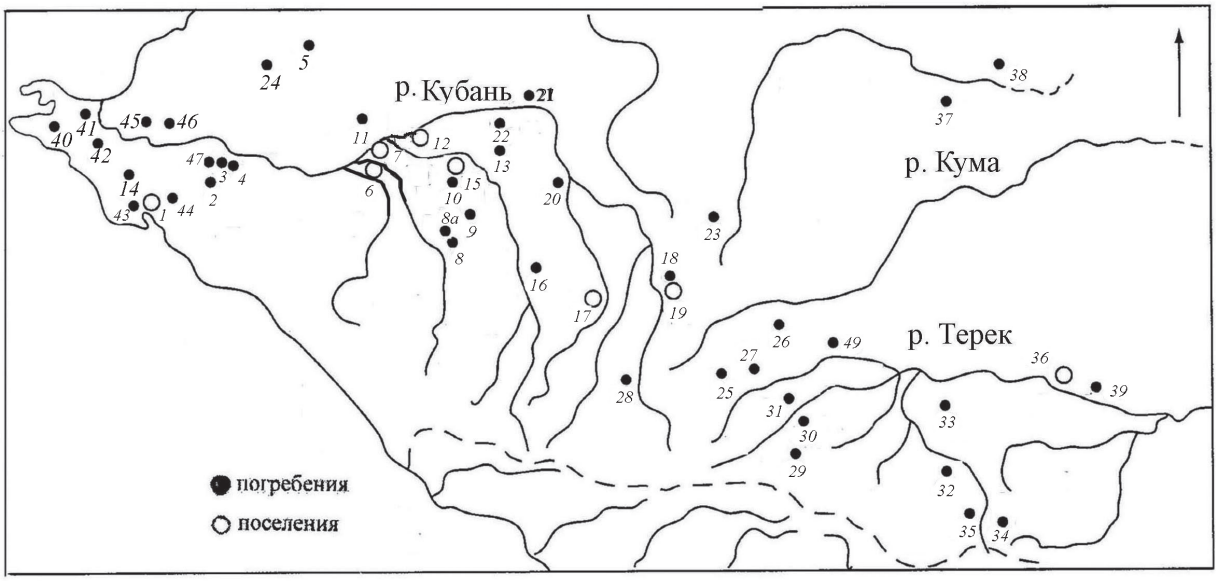


Рис. 1. Ареал памятников майкопской культуры. *1* – Дюрсо; *2* – Ястребовский; *3* – Общественный I; *4* – 743-й км; *5* – Олений I; *6* – Псекупское; *7* – Пхагугапе; *8* – Майкопский курган; *9* – Келермесский; *10* – Чернышев; *11* – Старомышастовская; *12* – Беляевское; *13* – Красногвардейский; *14* – Натухаевская; *15* – Серегинское; *16* – Владимировская; *17* – Большетегинское; *18* – Усть-Джегутинский; *19* – Усть-Джегутинская; *20* – Армавир; *21* – Казанская; *22* – Зиссерманов; *23* – Ворсковолесская; *24* – Тимашевская; *25* – Занозина Балка; *26* – Гранит; *27* – поселение Горячеводск; *28* – Кардоник; *29* – Кудахурт; *30* – курган «в Садках»; *31* – Лечинкай; *32* – Старый Урух; *33* – В. Акбаш; *34* – Сунжа; *35* – Заманкул; *36* – Галюгаевское I; *37* – Чограй I; *38* – Зунда-Толга; *39* – Комарово; *40* – Фонтан; *41* – Сенная; *42* – Кепы; *43* – Рассвет; *44* – Раевская; *45* – Темрюк; *46* – Коржевского; *47* – Общественный II; *48* – Чишхо; *49* – Иноземцево; *50* – Майкоп I.

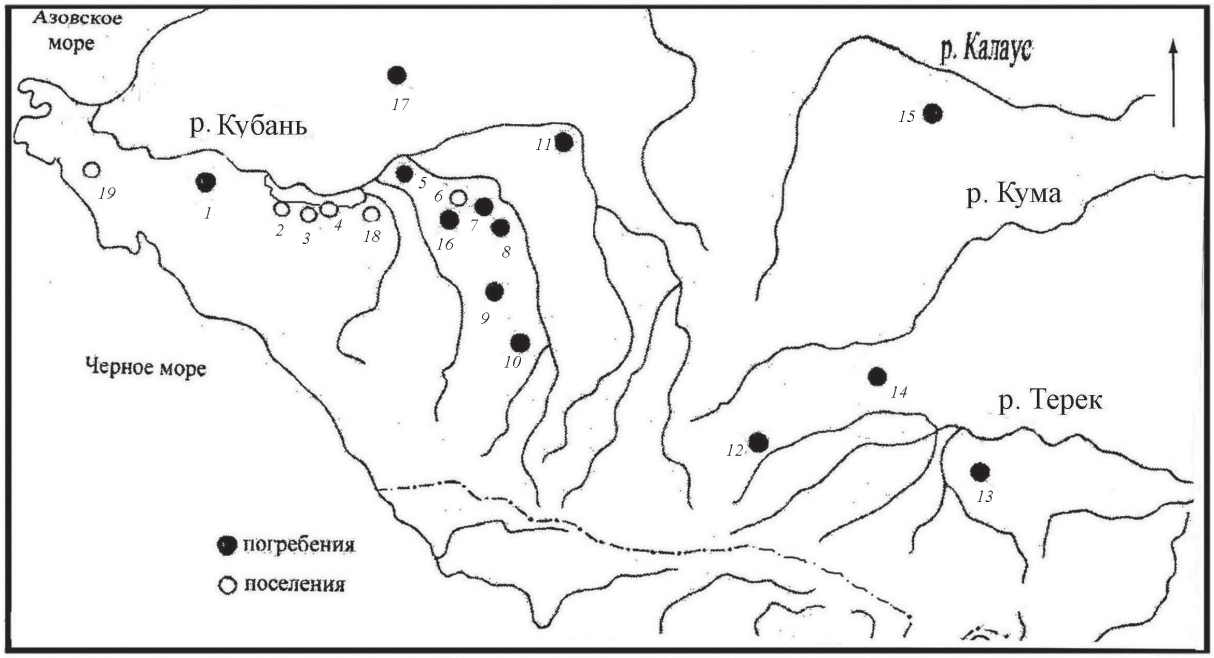


Рис. 2. Местонахождения керамики с пролощенным орнаментом на Северном Кавказе. *1* – Общественный II; *2* – пос. Псекупс; *3* – пос. Чишхо; *4* – пос. Пхагугапе; *5* – Красногвардейское; *6* – пос. Серегинское; *7* – пос. Уашхиту; *8* – Уляп; *9* – Костромская; *10* – могильник Клады; *11* – пос. Венцы; *12* – Кисловодск (автозаправка, окраина); *13* – В. Акбаш; *14* – пос. Иноземцево; *15* – могильник Шарахалсун-6; *16* – Чернышев; *17* – Днепровская; *18* – пос. Беляевское; *19* – пос. Чекон. (пос. – поселение).

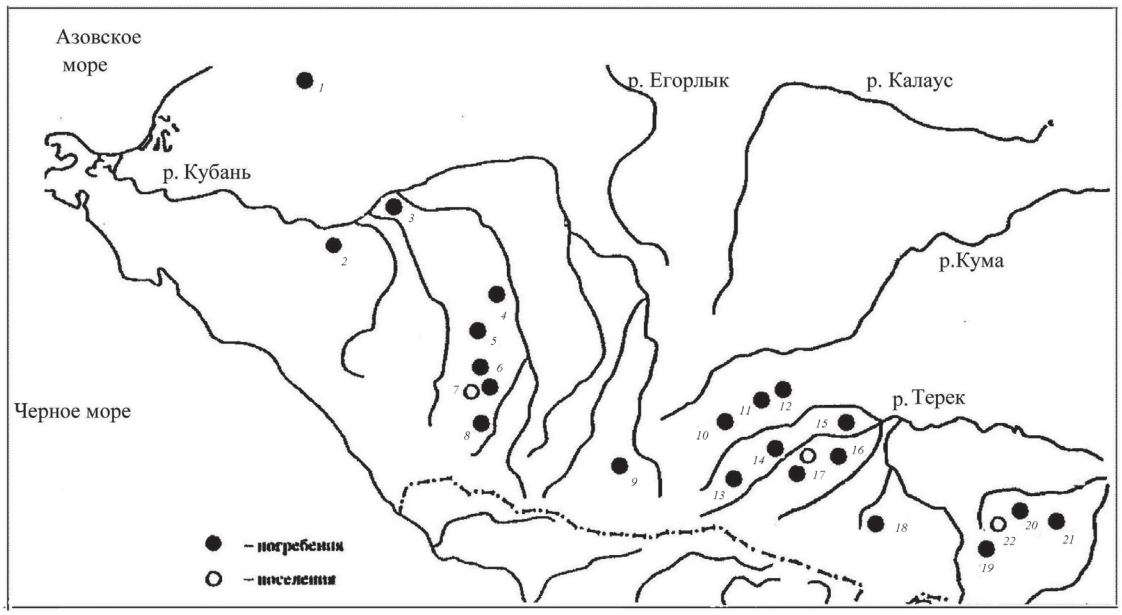


Рис. 3. Ареал новосвободненских памятников на Северном Кавказе. *1* – Тимашевск; *2* – Тауйхабль; *3* – Красногвардейское; *4* – Ярославская; *5* – Костромская (Погуляево); *6* – Махошевская; *7* – Новосвободная; *8* – Псебайская; *9* – Кубина. *10* – Кисловодск (автозаправка, окраина). *11* – могильник Горячеводский; *12* – Иноземцево; *13* – Лечинкай; *14* – курган у с. Кишпек; *15* – могильник Чегем I; *16* – могильник Чегем II; *17* – Нальчик (поселение Долинское, гробница «Садки»); *18* – Лескен; *19* – Дзаурикау; *20* – Ассиновская; *21* – Бамут; *22* – поселение Луговое.

кубков на раннем этапе их развития. На этом этапе формируются и существуют памятники такого смешанного облика, как курганный могильник Общественный II, курган Уашхиту. Появляются погребения с комплексами типа станицы Псебайской; погребения 18 в кургане у ст. Марьинской; Разменный курган у ст. Костромской; погребение у с. Иноземцево; закубанские поселения, поселение Чекон.

3. Третий этап связан с собственно урукским импульсом на Северный Кавказ. К нему принадлежат все памятники, которые традиционно относят к «новосвободненскому этапу майкопской культуры», включая и гробницы из могильника Клады.

Картографирование памятников всех трех этапов развития эпохи ранней бронзы на Северном Кавказе показывает, что ранний этап майкопской культуры связан с восточной частью Северо-Западного Кавказа и Центральным Предкавказьем, а ее поздний этап – с Северо-Западным Кавказом (рис. 1, 2).

Ареал новосвободненской культуры на раннем этапе ее развития приурочен к Северо-Западному Кавказу. Ее расцвет – развитый этап, связанный с продвижением на Северный Кавказ урука в финале среднего этапа его развития, – к Центральному Предкавказью (рис. 3).

Как представляется, со второй половины эпохи ранней бронзы (время расцвета новосвободненской культуры) на Северном Кавказе определились две культурные зоны: Северо-Западный Кавказ, где преобладали памятники синкретичные майкопско-новосвободненские, с примесью культуры воронковидных кубков; и Центральный и Северо-Восточный Кавказ, где абсолютно доминировали новосвободненские памятники поры их расцвета, с заметным, а порой и преобладающим влиянием куро-аракской культуры на Северо-Восточном Кавказе. И в последующие времена, хотя и будет происходить смена культур, эти зоны будут существовать, настолько сильными и, вероятно, культуроопределяющими были первые импульсы передневосточных цивилизаций.

Из всего изложенного понятно, что так называемый поздний, «новосвободненский этап» майкопской культуры имеет совершен-

но иную культурную подоснову, чем сама майкопская культура, которую в свою очередь нужно разделить на два этапа – майкопский и иноземцевско-костромской. Ни о какой культурной трансформации, вследствие которой и образовался новосвободненский этап, вызванный только и именно внутренней динамикой развития собственно майкопской культуры, говорить не приходится.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кореневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. М.: Наука, 2004. 243 с.

Мунчаев Р.М. Майкоп и Месопотамия: итоги и перспективы // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки / Ред. М.П. Абрамова, В.И. Марковин. М.: Памятники историч. мысли, 2001. С. 33–35. (Материалы и исследования по археологии России; Вып. 3).

Недолужко А.В., Булыгина Е.С., Соколов А.С., Цыганкова С.В., Шуберт М., Груздева Н.М.. Резепкин А.Д., Орландо Л., Прохорчук Е.Б. Секвенирование полного митохондриального генома древнего человека, представителя новосвободненской культуры, указывает на ее возможную связь с культурой воронковидных кубков // Acta Naturae. 2014. № 2. (в печати).

Резепкин А.Д. Проблема развития и преемственности культур эпохи ранней и средней бронзы на Северном Кавказе // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа. Тез. конф. Ереван, 1982. С. 132–135.

Резепкин А.Д. Северо-Западный Кавказ в эпоху ранней бронзы: Автореф. дис. … канд. историч. наук. Л., 1989. 23 с.

Резепкин А.Д. Курган 31 могильника Клады. Проблемы генезиса и хронологии майкопской культуры. // Древние культуры Прикубанья. Л., 1991. С. 167–197.

Резепкин А.Д. Некоторые аспекты формирования эпохи ранней бронзы на Северном Кавказе // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2004. С. 97–125.

Резепкин А.Д. Металл майкопской культуры // Первая Абхазская междунар. археологическая конф. Сухум, 2006. С. 314–318.

Резепкин А.Д. Новосвободненская культура (на основе материалов могильника «Клады»). СПб.: Нестор-История, 2012а. 343 с.

Резепкин А.Д. Сосуды из поселений майкопской культуры: классификация // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Махачкала, 2012б. С. 125–128.

Резепкин А.Д., Поплевко Г.Н. Классификация мисок майкопской культуры // Записки ИИМК РАН. Вып. 4. СПб., 2009. С. 81–89.

Rezepkin A.D. Das frühbronzezeitliche Gräberfeld von Klady und die Majkop-Kulturin Nordwestkaukasien. M.; Leidorf, 2000 (Archäologie in Eurasien; V. 10). 74 S.

Rezepkin A. Metallfunde der Majkop – und der Novosvobodnaja Kultur // Von Majkopbis Trialeti. Beitragedes Intern. Symposiums in Berlin vom 1–3. Juni. 2006. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2010. S. 95–102.

РАСТЕНИЯ В МАТЕРИАЛЬНОЙ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ БАКТРИЙСКО-МАРГИАНСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА[1]

© 2014 г. Л.В. Сатаева

Башкирский государственный аграрный университет, Уфа (lvsataeva@mail.ru)

Ключевые слова: археоботанические исследования, бронзовый век, Бактрийско-Маргианский археологический комплекс, Туркменистан.

Резюме. В работе приводятся результаты археоботанических исследований на крупном памятнике бронзового века Гонур-депе (Бактрийско-Маргианский археологический комплекс, Туркменистан). На поселении было развито земледелие, возделывались несколько видов пшениц, ячмень, просо, бобовые культуры, плодовые деревья, виноград. Разные виды деревьев использовались в качестве топлива, для изготовления изделий и построек. Изображения растений на культовых изделиях свидетельствуют об их важной роли в духовной жизни общества.

Остатки растений, обнаруживаемые в процессе археологических раскопок и целенаправленных археоботанических обследований культурных отложений, являются ценными источниками исторической и палеоэкологической информации. Особенно они актуальны при изучении памятников древних земледельческих культур, к которым относится Бактрийско-Маргианский археологический комплекс.

Бактрийско-Маргианский археологический комплекс объединяет материальные культуры Бактрии и Маргианы второй половины III тыс. до н.э., которые, по мнению автора этого термина В.И. Сарианиди (1978), тождественны. Типичный объект Бактрийско-Маргианский археологического комплекса – Гонур-депе, столичное поселение древней Маргианы. Гонур-депе – один из крупнейших и хорошо известных памятников эпохи бронзы Средней Азии, располагается в песках Юго-Восточных Каракумов (Туркменистан). Площадь поселения составляет более 50 га и содержит остатки монументальной архитектуры: кремль с центральным дворцово-храмовым комплексом, окруженный мощными оборонительными стенами с башнями, и прилегающий неукрепленный «пригород» (Сарианиди, 1983, 1990). Хронологически гонурское поселение функционировало во временном промежутке 2500–1500 лет до н.э., при наиболее интенсивном его использовании на рубеже III–II тыс. до н.э. (Зайцева и др., 2008).

В процессе археологических раскопок на Гонур-депе выявлены растительные остатки разных форм сохранности: древесные угли, углефицированные семена и плоды, древесина (чаще всего законсервированная солями меди), отпечатки растений (на керамике, кирпичах, обмазке, в полу различных сооружений), навоз животных (Сатаева, Сатаев, 2012).

Археоботаническое обследование культурного слоя на разных участках памятника дает хорошее представление о спектре растений, культивируемых древним населением Гонура. Наиболее широко в изученных образцах представлены зерна пленчатых пшениц (однозернянки *Triticum monococcum*, двузернянки *T. dicoccum)* и голозерных (мягкой *T. Aestivum,* карликовой *T. compactum*), двурядного и шестирядного ячменя *(Hordeum vulgare)*. Зерна пшеницы и ячменя имеют сравнительно крупные размеры и пропорции, характерные для злаков, выращиваемых в условиях достаточного влагообеспечения (орошаемое земле-

1 Исследования проводятся при финансовой поддержке РФФИ, проект № 13-06-00233.

делие). Из зерновых культур также найдено просо, из бобовых – чечевица, нут и горох (мелкосемянная форма), из садовых – яблоня, алыча, вишня, виноград, из бахчевых – дыня. Все выявленные на памятнике культуры выращиваются здесь и в настоящее время.

На характер пищевого использования злаков может указывать содержимое большого красноглиняного ангобированного сосуда из погребения 3901 с территории царского некрополя. Комплексный анализ содержимого показывает, что исследованная масса представляет собой блюдо, приготовленное из дробленного неотвеянного проса *(Panicum miliaceum)*. Вероятнее всего это была каша или густая похлебка, сваренная на молоке.

Показательно, что семена винограда, обнаруженные в очагах, представляют собой спекшуюся массу из разноориентированных зерен, что позволяет идентифицировать их как виноградный жмых, остающийся при отжиме сока. Это свидетельствует о наличии у древнего населения Гонур-депе виноделия.

Состав растений, поедавшихся скотом, частично демонстрирует материал из помещения у восточной стены кремля, где, видимо, держали скот перед убоем. Здесь обнаружены семена горчицы полевой (*Sinapis arvensis*), лапчатки (*Potentilla sp*.), манжетки обыкновенной (*Alchemilla vulgaris*), горошка (*Vicia sp*.), незабудки полевой и мелкоцветковой (*Myosotis arvensis*, *M. micrantha*), ясменника (*Asperula sp*.). Кроме того, здесь же выявлено большое количество остатков верблюжьей колючки. Возможно, она использовалась как зимний корм для скота (в этом качестве верблюжья колючка заготавливается в Каракумах и в настоящее время).

Изучение углей из очагов и зольно-углистых отложений показывает, что главным источником топлива являлась древесная растительность, в основном, в виде хвороста, другие виды топлива (солома, навоз животных) использовались в меньшем количестве. Так, углистые горизонты с разных участков памятника, образованные выбросами из печей, состоят преимущественно из углей саксаула (*Haloxylon sp*.), кустарниковой формы солянки (*Salsola sp.*), ивы (*Salix sp.*) и тамариска (*Tamarix sp*.). В ритуальных и гончарных печах использовалось только древесное топливо. Угли с территории дворцово-храмового комплекса принадлежат тамариску, саксаулу, джузгуну, спиреантусу Шренка. Последний вид – эндемик пустынь Казахстана (где этот кустарник используется как топливо), и в настоящее время на территории Каракумов он не встречается, но в прошлом его ареал, видимо, был значительно шире.

Анализ отпечатков веток, выявленных на внутренних слоях гипсовых обмазок, покрывающих массивные сосуды – хумы, а также стенок выполненных из сырцовой глины стационарных емкостей («ванн» и «чанов») показывает, что они принадлежат иве. Вероятнее всего, ивовые прутья служили для армирования вяжущего материала. На поверхности сырцовых кирпичей выявлены многочисленные отпечатки стеблей, листьев и семян злаков, которые замешивались в исходное тесто.

Отпечатки стеблей тростника и сами стебли (законсервированные гидроксидами железа) выявлены в заполнении «фильтра», устроенного в восточной части малого бассейна. Взаимное расположение слоев стеблей с перемежающими слоями песка может указывать, что заполнение сооружения могло играть роль своеобразного фильтрующего материала.

Широкий таксономический состав демонстрирует древесина, происходящая от изделий и конструкций. Так древесина от черенка бронзовой лопаты из погребения 3900 принадлежит скумпии кожевенной *(Cotinus coggygria)*. Скумпия устойчива к гниению, может использоваться для дубления кожи и шкур, крашения тканей, в качестве не гниющей подпорки на виноградниках, для инкрустации художественных изделий. В диком виде скумпия в Средней Азии не встречается. Ее древесина могла быть импортирована или с запада (Кавказ или Малая Азия) или с востока (из Гималаев).

Колеса повозок из погребений 3900 и 3915 были изготовлены из вязовых досок с бронзовыми обкладками, которые хорошо местами сохранили структуру древесины. Для вяза характерна прочная, вязкая, устойчивая к гниению древесина, которая и сейчас применяется для производства гнутых изделий, полозьев, дуг, колес.

Отдельного внимания заслуживают результаты изучения скоплений обугленных древесных остатков, выявленных под внутренними пилястрами, укрепляющими наружную стену кремля, которые представляют собой остатки кровли проходов между внутренней и наружной стеной кремля, обрушившейся при большом пожаре. Роль несущих балок в конструкции выполняли стволы тополя (диаметр балок составлял около 15 см, длина около 10 м). Поперек них укладывались жерди (вероятнее всего толстые ветки) из тополя диаметром 5 см. Поверх балок и жердей были уложены ивовые ветки (возможно, плетень), выше маты из стеблей тростника, сверху конструкция была покрыта саманной обмазкой, армированной ивовыми прутиками.

Кроме важной утилитарной роли, которую играли растения в жизни жителей Гонура, они занимали определенное место в духовной сфере. Обращает внимание широкое распространение растительной тематики на различных изделиях (керамике, печатях и амулетах и т.д.). Многочисленны изображения «мирового древа» разной формы, в том числе пирамидальной. Так, на серебряном кубке из погребения 3235 в составе сложной композиции изображение пирамидального древа повторяется три раза. Среди находок имеется уникальная фигурка «богини растительности», с четко выполненными колосьями пшеницы (Дубова, 2004). На печатях и амулетах имеются фитоморфные образы, которые могут интерпретироваться как «тюльпан», «мак», «конопля». Примечательно, что на теменосе Гонура найдены большие чаны и ванночки для предварительного отмачивания растений, каменные терки, пестики, ступки и цедилки (конические сосуды с отверстиями в центре дна), которые могли использоваться при изготовлении ритуального напитка – типа сомы-хаомы (Сарианиди, 2008).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Дубова Н.А. Могильник и царский некрополь на берегах большого бассейна Северного Гонура // У истоков цивилизации. М.: Старый сад, 2004. С. 254–281.

Зайцева Г.И., Дубова Н.А., Семенцов А.А., Реймар П., Мэллори Дж., Юнгнер Х. Радиоуглеродная хронология памятника Гонур-депе // ТМарЭ. Т. 2. М.: Старый сад, 2008. С. 166–179.

Сарианиди В.И. Работы в Тоголокском оазисе Мургаба // АО 1977 года. М.: Наука, 1978. С. 549–550.

Сарианиди В.И. Монументальная архитектура Гонур-депе // АО 1981 года. М.: Наука, 1983. С. 478–479.

Сарианиди В.И. Древности страны Маргуш. Ашхабад: Ылым, 1990. С. 316.

Сарианиди В.И. Маргуш. Тайна и правда великой культуры. Ashgabat: Turkmendowlethabarlary, 2008. 342 с.

Сатаева Л.В., Сатаев Р.М. Археоботанические исследования на Гонур-депе // ТМарЭ. Т. 4. М.: Старый сад, 2012. С. 159–162.

КЕРАМИКА ЗАПАДНОМАНЫЧСКОЙ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2014 г. В. Я. Стеганцева

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
(veronika_s@mail.ru)

Ключевые слова: западноманычская катакомбная культура, керамика, орнамент, сочетаемость сосудов в одном комплексе.

Резюме. В работе рассмотрена керамика погребений западноманычской катакомбной культуры. По формам сосудов описан орнамент, приемы нанесения, композиционные схемы и место расположения на сосуде. Подсчитан количественный состав керамического комплекса и встречаемость сосудов разных типов в одном комплексе.

Керамика – одна из самых информативных категорий погребального инвентаря. Этому способствует большое количество характерных только для нее черт. В их число входят признаки, описывающие форму и декор сосудов, а также их сочетаемость друг с другом.

Керамика западноманычской катакомбной культуры в составе предкавказской впервые была рассмотрена А.А. Иерусалимской (1958. С. 36–41). Она описала форму и орнаментацию, выделила типы керамики и отметила, что «другой инвентарь предкавказских погребений отличается несравненно меньшим своеобразием, чем керамика, и лишь в редких случаях может служить критерием для выделения памятников этой культуры» (Иерусалимская, 1958. С. 41).

Почти через 20 лет С.Н. Братченко рассмотрел керамику катакомбных погребений Нижнего Подонья, в том числе и памятников манычского типа. Опираясь на достаточно строгие критерии соотношения размеров, описывающих форму сосудов, он создал классификацию керамики, которая работала долгие годы и вполне актуальна до сих пор (Братченко, 1976). К сожалению, в 70-х гг. прошлого века в его распоряжении было всего 50 сосудов из памятников манычского типа. Благодаря работам большого числа новостроечных экспедиций за прошедшие годы выборка керамики из погребений западноманычской катакомбной культуры увеличилась более чем на порядок.

Сравнительно недавно Н.М. Власкин дополнил классификацию Братченко применительно к современному состоянию (Власкин, 2010). К сожалению, она пока не опубликована.

В данной работе учтены памятники, расположенные в нижнем течении рек Маныч и Сал.

Для статистических подсчетов автор пользовался классификацией С.Н. Братченко (1976). Всего три типа керамики не попали в нее. Чугунковидный сосуд с прогнутыми плечиками почти соответствует типу VIIБ3, но без ручек. Воронки не вошли в классификацию, скорее всего из-за их малочисленности. Небольшие сосуды с ручками, почти биконической формы еще не были известны в памятниках средней бронзы Нижнего Подонья в 70-х гг. прошлого века.

Типы керамики западноманычской катакомбной культуры представлены в погребениях неравномерно. Наиболее широко представлены реповидные сосуды (IIД2) – 27,9% от общего числа; далее следуют высокогорлые сосуды (IIIБ–Д) – 22,5%; курильницы (VIII) – 19,6%; короткошейные (IIБ) – 13,9%. Остальные типы представлены более скромными цифрами: миски (VII) – 3,6%; бесшейные сосуды (IА–Б) – 2,8%; кружки – 1,9%; чугунковидные – 0,8%; высокошейные (IIIД2) – 0,8%; кувшины (V) – 3,6%; амфоры (IV) – 2,1% (см. *рисунок*).

Большая часть (57,4%) керамики украшена различными орнаментами. И в этом случае цифры зависели от типа керамики. Курильницы (VIII) были орнаментированы в 77,2% случаев; короткошейные (IIБ) сосуды – 75,2%; бесшейные (IА–Б) – 80%; кружки – 65%; высокогорлые сосуды с цилиндрическим горлом и округлым туловом (IIIД2) – 57,2%; реповидные (IIД2) – 56%; амфоры (V) – 52,7%; чугунковидные (VIIБ3) – 43%; высокогорлые (IIIБ–Д) – 38,4%; миски (VIIА) – 25%; кувшины (VI) – 19,4%. Из четырех учтенных воронок была орнаментирована одна, что составило 25%.

Наиболее пышно орнаментирована поверхность курильниц. Тут использовались оттиски шнура, 2- и 3-рядной тесьмы, шнуровых штампов: личинок, подковок, свернутого шнура, и геометрических: круглого полого штампа, поставленного под разным углом, лопаточки, гребенчатого и мелкозубчатого штампа, а также прочерченных линий. Композиции состоят из полукруглых и прямоугольных шевронов, пространство между которыми обычно заполнено прямыми, изогнутыми линиями или петлями из оттисков шнура или тесьмы, треугольников ломаных линий.

Бесшейные, короткошейные и высокогорлые сосуды были украшены разными способами. Бесшейные сосуды орнаментировались в верхней части или по всему тулову оттисками шнура, 2- или 3-рядной тесьмы, оттисками шнурового, геометрического или гребенчатого штампа. Композиции состояли из горизонтальных, вертикальных или наклонных линий, заштрихованных треугольников и паркетных схем.

Чугунковидных сосудов с прогнутыми плечиками немного. Часть их орнаментирована оттисками шнура и 2-рядной тесьмы и оттисками круглого и треугольного штампа, причем последние вдавлены таким образом, что создается выпуклая зигзагообразная линия. Композиции состоят из заштрихованных треугольников и прямоугольных зон. Орнамент располагается в верхней и средней частях тулова.

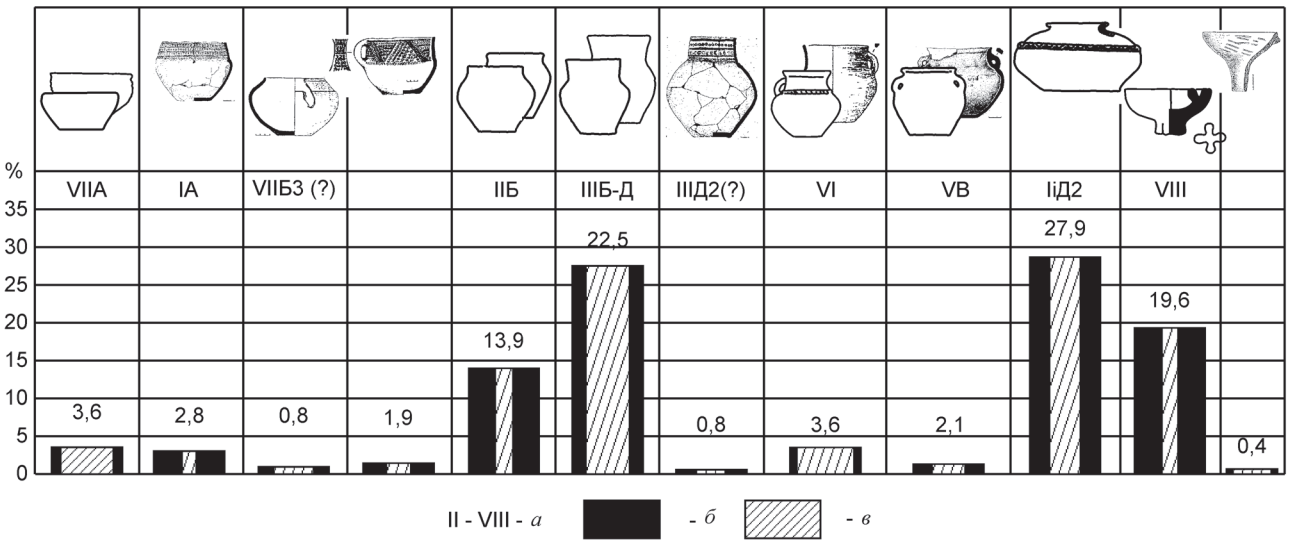
Короткошейные сосуды были второй категорией посуды после курильниц, поверхность которых усиленно украшалась. Всего 25% от их числа были не орнаментированы. Орнамент выполняли из оттисков шнура, 2-и 3-рядной тесьмы, оттисков шнурового, геометрического и зубчатого штампов и прочерченных линий. Композиции состояли из свисающих заштрихованных или заполненных оттисками трубочки треугольников, шевронов, «полотенец». Орнамент мог располагаться на горле, плечиках и придонной части, иногда была орнаментирована вся поверхность сосуда. Если орнамент был выполнен оттисками гребенчатого штампа в виде «елки», то шейка оставалась чистой, а все тулово было покрыто оттисками гребенки. Часто все пространство между оттисками шнура или прочерченными линиями было заполнено оттисками шнурового или геометрического штампа.

Более половины высокогорлых сосудов имели гладкую поверхность. Остальные были украшены налепными валиками, расчлененными пальцевыми защипами или насечками, прочерченными линиями, оттисками шнура и 2-рядной тесьмы, шнуровыми и геометрическими штампами и прочерченными линиями. Орнамент мог располагаться на горле, на плечиках, в придонной части по отдельности и одновременно. Композиции состояли из горизонтальных и наклонных линий, из треугольников и шевронов, из «полотенец» и «паркетных» схем. В целом орнамент подчеркивал архитектонику сосуда.

Орнамент на кружках располагался в верхней части сосуда, был выполнении из оттисков шнура и 2- и 3-рядной тесьмы, шнуровых и геометрических штампов, а также прочерченных линий. Композиция состояла из вертикальных и косых линий, образующих «паркет», скругленного зигзага, треугольников, заполненных косыми линиями или оттисками полой трубочки, в одном случае елочный орнамент из оттисков гребенки располагался по всему тулову.

Реповидные сосуды обычно украшает налепной валик в верхней части тулова, расчлененный пальцевыми вдавлениями или косыми насечками. Такие же вдавления или насечки могут украшать боковую сторону венчика. На днищах реповидных сосудов также иногда бывают налепные валики с пальцевыми вдавлениями, внутри или с наружной стороны.

В некоторых случаях на плечиках находится орнамент в виде заштрихованных



Количественное соотношение типов керамики западноманычской катакомбной культуры. Условные обозначения: *а* – типы керамики по Братченко (1976); *б* – общее число керамики данного типа; *в* – неорнаментированная керамика данного типа.

треугольников, выполненных прочерченными линиями и изредка тесьмой и оттисками круглого штампа (Рябова, 1983. С. 126. Рис. 24, 110; Федовова-Давыдова, Горбенко 1974. С. 84. Табл. XIX, *4*). Иногда налепной валик имеет вид зигзага или волны (Федорова-Давыдова, 1983. С. 37–38. Рис. 20*, 6, 6а*). Такие орнаменты А.В. Кияшко интерпретирует как «змеевидные» (2002. С. 141).

Интересны сочетания сосудов разных форм в одном комплексе. Это дает возможность определить наиболее характерные наборы керамического инвентаря для погребального обряда и одновременность существования упомянутых форм. Наиболее частые для западноманычской катакомбной культуры сочетания реповидный сосуд (далее Р) – курильница (далее К) – 9,4% (57 случаев), причем в 6 случаях присутствуют по два реповидных; Р– К – высокогорлый сосуд (далее ВС) – 2,6%, в 1 случае 2 Р; Р–ВС – 2,6% (15), в 1 случае 3 ВС; К–ВС – 3,1% (19); ВС–ВС – 1,3% (8), в 1 случае 3 ВС; ВС – короткошейный сосуд (далее КС) – 1,8% (11), КС–КС – 0,98% (6). В единичных случаях фиксируются наборы Р–К–Кв (кувшин), Р–К–А, Р–БС (бесшейный), Р–К–В (воронка), Р–К–ВС–Кв, Р–К–Кр, Р–К–ВС–Кр, Р–К–ВС –Кв, Р–БС, Р–БС–Кв, Р–Кр, Р–М (миска), Р–К–М, Р–ВС–М, Р–КС–М, К–Кв, К–ВС–КС, К–Кр (кружка), К–В –Кр, К–БС, К–К, ВС–Кв, ВС–БС, ВС–А, ВС–КС, ВС–БС, ВС–Кв, КШ–А, КС–Кр, КС–БС, Кв–А, КС–М, ВС–М, М–Кр.

При этом имеется довольно много комплексов с каким-либо одним сосудом. Больше всего погребений с одним реповидным сосудом (17,5% от общего числа всех сосудов), высокогорлым сосудом (14,5%), курильницей (6,1%), короткошейным (9,9%), находки подобных комплексов с амфорами (1,3%), кувшинами (2,1%), бесшейными (1,9%), кружками (0,66%) единичны.

Погребения, определяющие манычский культурный тип, с металлическими инструментами, повозками, бычьими черепами, практически всегда сопровождаются реповидной керамикой и курильницами (Рябова, 1983. С. 102–103. Рис. 25, *1*; 24, *7, 10*; 25. Потапов, 2007. С. 134–137, 139, 141–143. Стеганцева, 2004. С. 148–150).

Керамика западной части рассматриваемого региона имеет больше шнуровых орнаментов, вероятно, испытывая влияние Донского Правобережья. Керамика восточной имеет черты, которые показывают влияние памятников Калмыкии и Восточного Маныча – чугунковидные сосуды с прогнутыми плечиками, орнаментированные геометрическими штампами, петлевидные ручки на реповидных сосудах и высокие сросшиеся ножки у курильниц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Братченко С.Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев: Наукова думка, 1976. 251 с.

Власкин Н.М.. Сравнительная характеристика катакомбных культур манычского типа эпохи средней бронз: Автореф. дис. … канд. ист. наук. СПб., 2010. 23 с.

Иерусалимская А.А. О предкавказском варианте катакомбной культуры // СА. 1958. № 2. С. 34–48.

Кияшко А.В. Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград: Изд-во ВГУ, 2002. 266 с.

Потапов В.В. Курганы Западного Маныча // Археологические записки. Вып. 5 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Ростов-н/Д., 2007. С. 115–143.

Рябова В.Я. Работы Ажиновского отряда в 1976 г. // Древности Дона / Отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: Наука, 1983. С. 88–127.

Стеганцева В.Я. Погребения ранней и средней бронзы Сагванского I могильника // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Вып. 19 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов, 2004. С. 144–153.

Федорова-Давыдова Э.А. Раскопки курганной группы Шахаевская II на Маныче / Отв. ред. Ю.А. Краснов // Древности Дона. М.: Наука, С. 35–87.

Федорова-Давыдова Э.А., *Горбенко А.А.* Раскопки Шахаевской курганной группы в 1971 году // Археологические памятники Нижнего Подонья. Т. II / Отв. ред. М.Г. Мошкова, Д.Б. Шелов. М.: Наука, 1974. С. 81–136.

ПРОБЛЕМА ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ХРОНОЛОГИИ АФАНАСЬЕВСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЕНИСЕЯ И ГОРНОГО АЛТАЯ[1]

© 2014 г. Н.Ф. Степанова

Алтайский государственный университет, Барнаул
(nstepanova10@mail.ru)

Ключевые слова: афанасьевская культура, Горный Алтай, Енисей, погребальный обряд, керамика, орнамент, хронология.

Резюме. Статья посвящена проблемам датировки афанасьевской культуры, в том числе относительной хронологии памятников разных локальных вариантов. Анализируются признаки погребального обряда, особенности орнаментации керамики. Особое внимание уделено общим признакам, в частности, оформлению рабочего края орнаментиров, способам нанесения орнамента. На основании общих черт как в погребальном обряде, так и в орнаментации керамики, в том числе не характерных для культуры в целом, обосновывается вывод об одновременности функционирования памятников, о контактах афанасьевского населения с разных территорий и одновременном освоении им территорий Енисея и Горного Алтая. Отмечается отсутствие данных о длительном существовании культуры.

Проблема абсолютной и относительной датировки остается одной из наиболее актуальных для афанасьевской культуры. Определение хронологических границ основано на радиоуглеродных датах и относительных аналогиях и устанавливается в широких пределах – с конца IV до начала II тыс. до н.э. (Хлобыстина, 1975; Абдулганеев, Кирюшин, Кадиков, 1982; Цыб, 1984; Вадецкая, 1986; Орлова, 1995; Молодин, 2002). В результате анализа 75 радиоуглеродных дат, интервал между нижней и верхней границами сокращен и составляет около 1300 лет (38-25 вв. до н.э.) для горно-алтайских и 800 лет (33-25 вв. до н.э.) для енисейских памятников (Поляков, 2010). Однако в настоящее время такая

1 Работа выполнена при поддержке гранта Минобрнауки РФ (постановление № 220), договор № 14.Z50.31.0010.

датировка не выглядят бесспорной и обоснованной. Имеющиеся материалы не подтверждают длительное существование культуры, их изучение показывает, что большинство памятников функционировали в один промежуток времени (Степанова, 2006, 2009, 2012, 2013а, б).

Предположение, основанное на радиоуглеродных датах, что на Енисее афанасьевское население появилось на 500 лет позднее, чем в Горном Алтае, не находит подтверждения. Различия между могильниками с этих территорий были очевидны со времени первых раскопок в Горном Алтае и послужили поводом для выделения локальных вариантов. Дальнейшее изучение погребального обряда и инвентаря привело к выводу о том, что отличия между памятниками двух регионов по основным признакам не дают оснований считать, что на Енисей «афанасьевцы» пришли из Горного Алтая (Степанова, 2010). Ряд общих черт погребального обряда позволяет предполагать, что они сложились еще до того, как афанасьевское население достигло Енисея и Горного Алтая.

Это относится к традиции сооружать ограды округлой формы двух основных типов: из камней, уложенных плашмя друг на друга, и вертикально поставленных плит (рис. 1, *1–3, 12–14*). На Енисее преобладают оградки-стенки, в Горном Алтае ограды из вертикально поставленных плит. Различия между надмогильными конструкциями с разных территорий касаются оформления пространства внутри ограды. Например, на Енисее кольца из вертикально поставленных плит и из горизонтально уложенных часто совмещаются на одном объекте, использовались менее массивные плиты, могилы перекрывали мощным деревянным накатом из бревен, которые намного превышали длину могилы. В Горном Алтае подобные перекрытия не известны. Дерево использовали редко и, по-видимому, в основном плашки или жерди. На Енисее в одной ограде нередко сооружали несколько могил и совершали коллективные погребения, что не характерно для афанасьевской культуры Горного Алтая. По-видимому, две последние традиции сложились уже на Енисее. Особого внимания заслуживает наличие общих признаков, считающихся поздними, не характерных для культуры в целом, возможно, инокультурных, например положение погребенных на правом боку, плоское дно у сосудов, курильницы. На правом боку обычно хоронили женщин и детей, в Горном Алтае подобная поза часто совпадает с ориентацией головой на запад и наличием шаровидных сосудов.

Большое значение для решения вопросов относительной хронологии имеют результаты изучения керамики, в том числе оформления рабочего края инструментов, способов нанесения узора. Общие традиции в орнаментации посуды разделены на две группы: характерные и не характерные для культуры. Особый интерес представляет вторая группа. Отпечатки инструментов нескольких вариантов с необычными, но аналогично оформленными рабочими краями, выявлены на одном-трех, реже большем числе сосудов в каждом регионе, например на Нижнем Тюмечине-1 и Малиновом Логе (рис. 2, *3, 10*), на Сальдяре-1, Бойтыгеме-2, Подсуханихе и др. (рис. 2, *5, 11*). Аналогии имеют и другие редкие элементы декора, в частности, налепной валик на шейке (Енисей – Афанасьева Гора; Горный Алтай – Малый Дуган, Узнезя-1), жемчужник на шейке (поселения Малый Дуган и Узнезя-1, могильники Афанасьева Гора, Потрошилово (Моисееха)), ушки – Афанасьева Гора, Карасук III, Усть-Куюм и др. (Грязнов, 1999. Рис. 10, *10*; 11, *5, 6, 9*). Подобных аналогий много. Разнообразное, но аналогичное и редкое для культуры оформление рабочего края инструмента, способы нанесения орнамента, не могли случайно появиться на обеих территориях (рис. 2). Наиболее вероятно, что использование подобных инструментов связано с контактами афанасьевского населения этих регионов.

Показательны результаты исследования такого распространенного способа нанесения орнамента, как «качалка» (шагание с прокатыванием) (рис. 2, *1, 2,* 6, *8, 12, 13*). В Горном Алтае качалка – один из наиболее характерных способов орнаментации (на могильниках украшено от 27 до 45% сосудов), на Енисее сосуды с качалкой известны почти на всех памятниках, например на Афанасьевой Горе их 46%, Карасуке III – 19%, Барсучихе IV – 7%. Качалка наносилась при разном положе-

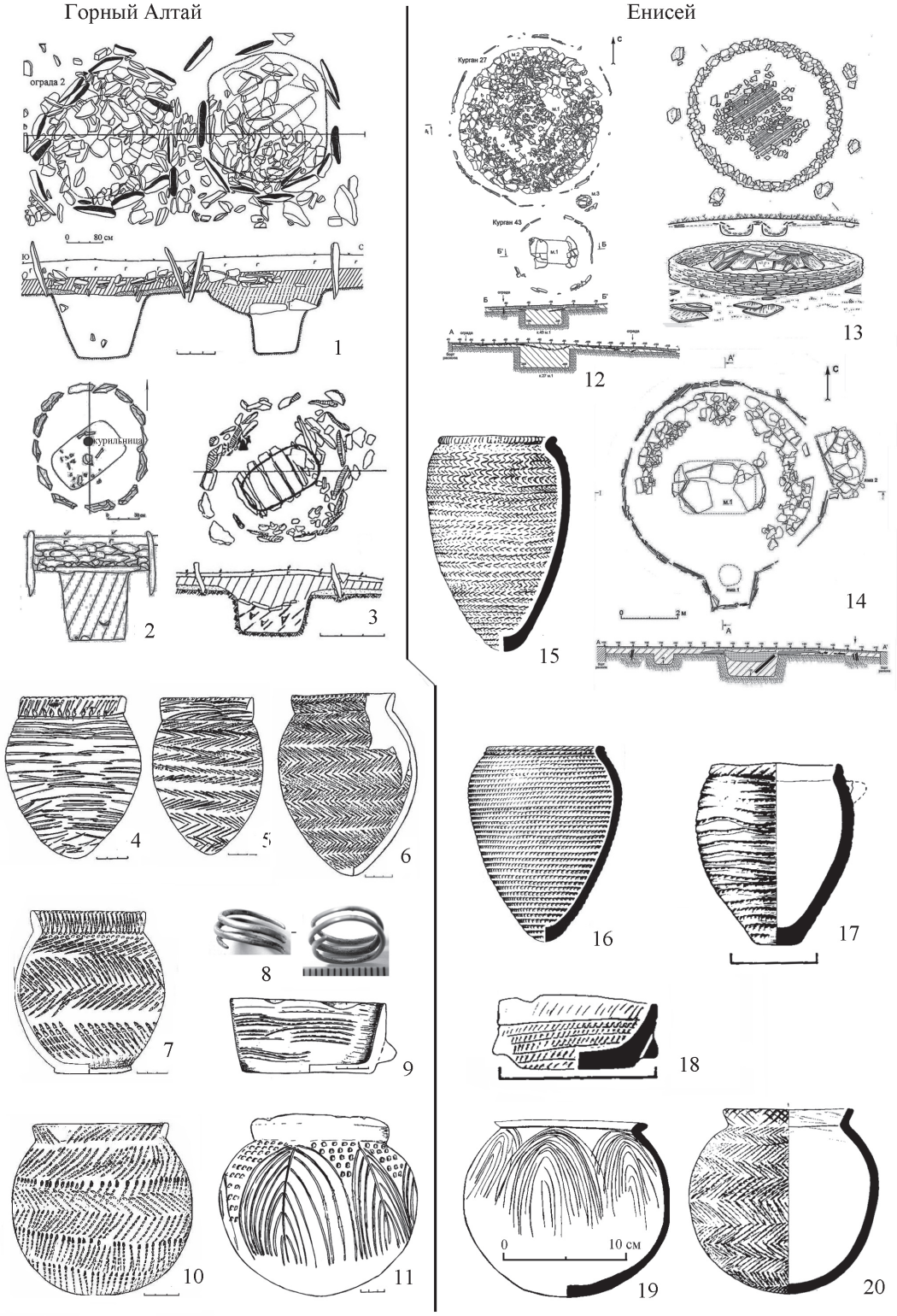


Рис. 1. Афанасьевская культура: надмогильные конструкции и керамика. *1–11* – Горный Алтай; *12–20* – Енисей. *2–8, 10* – по: Степанова, 2013; *9* – по: Степанова, 2012; *12, 14* – Поляков, 2010; *13* – по: Вадецкая, 1986; *15*–20 – по: Грязнов, 1999.

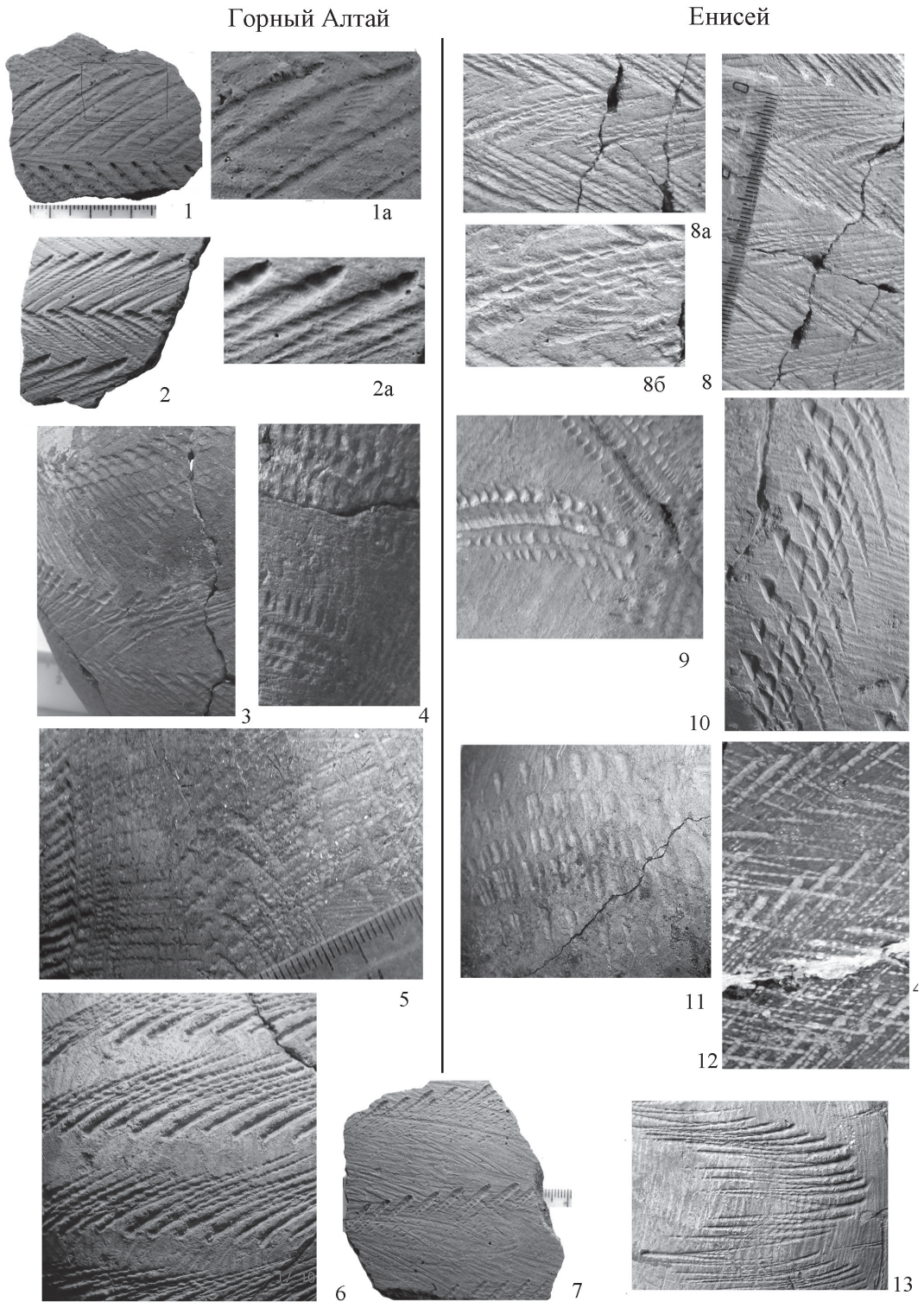


Рис. 2. Афанасьевская культура. Орнамент, нанесенный аналогичными способами и инструментами. *1–7* – Горный Алтай; *8–13* – Енисей

нии инструмента относительно поверхности сосуда, а также штампами с разной формой рабочего края. Одни варианты качалки встречаются часто, другие редко, но даже самые необычные оттиски, известные на одном-двух сосудах в Горном Алтае, имеют такое же количество аналогий на Енисее (рис. 2, *1а, 2а, 8а, б*).

На одновременность функционирования афанасьевских памятников разных регионов указывает и наиболее распространенное идентичное оформление рабочего края орнаментиров (тонкий рабочий край с мелкими близко расположенными зубцами, количество которых от 15 до 25 и выше) (рис. 2, *6, 7, 12, 13*). Для того чтобы изготавливать подобные инструменты, мастера должны были иметь общие навыки, сохранять которые без малейших изменений в течение тысячелетий на огромной территории, не имея контактов, вряд ли было возможно. Изучение орнаментов также показывает, что некоторые необычные инструменты и композиции в построении рисунка выявлены только в одном из регионов, что может быть связано с формированием новых традиций на этих территориях.

Заслуживают внимания и другие предметы материальной культуры, сходство которых не может быть случайным и разделенным десятком столетий, например спиралевидные серьги диаметром около 8–10 мм из золота, меди (рис. 1, *8*), единичные находки предположительно пуговиц на Афанасьевой Горе и Сальдяре-1 (Грязнов, 1999. Рис. 6–18; Ларин, 2005. Рис. 52, *2*). Сравнительно часто на Енисее и изредка на Алтае находят костяные гвоздики. Обращает внимание сходство форм ряда шаровидных сосудов, иногда украшенных необычным растительным орнаментом (рис. 2, *11, 19*). Два аналогичных низких плоскодонных сосуда баночного типа найдены на Карасуке III и Ело-Баши (рис. 1, *9, 18*).

Подводя итог, необходимо отметить, что в настоящее время нет данных о том, что афанасьевское население на Енисее появилось на несколько столетий позднее, чем в Горном Алтае, как это следует из радиоуглеродных дат. В то же время есть основания считать, что многие памятники функционировали в один промежуток времени, а между двумя районами сохранялись контакты, что нашло отражение в общих традициях в погребальном обряде и инвентаре, в том числе в орнаментации керамики. Нет и доказательств существования культуры в целом на протяжении 1000 и более лет, тем более что афанасьевское население не было единственным на этих территориях в эпоху бронзы. В Горном Алтае, например, памятники каракольской культуры находятся в одних долинах с афанасьевскими, на одних могильниках (Кубарев, 1988), что противоречит предположению о консервации афанасьевской культуры. Дальнейшие исследования керамики перспективны для решения вопросов относительной хронологии памятников и должны быть учтены при решении вопроса об абсолютной датировке культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х. Материалы эпохи бронзы из Горного Алтая // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 52–77.

Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. 180 с.

Грязнов М.П. Афанасьевская культура на Енисее. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 136 с.

Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола. Новосибирск: Наука, 1988. 172 с.

Ларин О.В. Афанасьевская культура Горного Алтая: могильник Сальдяр-1. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 208 с.

Молодин В.И. Горный Алтай в эпоху бронзы // История республики Алтай. Т. 1: Древность и средневековье. Горно-Алтайск: Ин-т алтаистики им. С.С. Суразакова, 2002. С. 97–142.

Орлова Л.А. Радиоуглеродное датирование археологических памятников Сибири и Дальнего Востока // Методы естественных наук в археологических реконструкциях. Ч. II. Новосибирск, 1995. С. 205–233.

Поляков А.В. Радиоуглеродные даты афанасьевской культуры // Афанасьевский сборник. Барнаул: Азбука, 2010. С. 158–171.

Степанова Н.Ф. Могильник афанасьевской культуры в устье Куюма (раскопки 1964, 1965, 1969 гг. и итоги исследований) // Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. Ч. 1. Барнаул: Азбука, 2006. С. 129–137.

Степанова Н.Ф. Проблемы абсолютной и относительной хронологии памятников афанасьевской археологической культуры Горного Алтая

// Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул: Азбука, 2009. С. 154–159.

Степанова Н.Ф. Афанасьевская культура Горного Алтая и Енисея: погребальный обряд и керамика (сходство и различие) // Афанасьевский сборник. Барнаул: Азбука, 2010. С. 177–187.

Степанова Н.Ф. Проблемы хронологии афанасьевской культуры // Афанасьевский сборник 2. Барнаул: Азбука, 2012. С. 183–195.

Степанова Н.Ф. К вопросу об относительной хронологии афанасьевских памятников Енисея (по материалам керамических комплексов) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIX. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2013а. С. 323–327.

Степанова Н.Ф. Особенности локальных вариантов афанасьевской культурно-исторической общности // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2013б. № 1 (5). С. 206–213.

Хлобыстина М.Д. Древнейшие могильники Горного Алтая // СА. 1975. № 1. С. 17–33.

Цыб С.В. Афанасьевская культура Алтая: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Кемерово: КемГУ, 1984. 19 с..

ЦВЕТ В АРХИТЕКТУРЕ ДОЛЬМЕНОВ ЗАПАДНОГО КАВКАЗА[1]

© 2014 г. В.А. Трифонов[1], Н.И. Шишлина[2], А.О. Алексеев[3], П.И. Калинин[3], С.Г. Конников[4], А.В. Нащекин[4]

[1] Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург (viktor_trifonov@mail.ru)
[2] Государственный Исторический музей, Москва (nshishlina@mail.ru)
[3] Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, Пущино (alekseev@issp.serpukhov.su; kalinin331@rambler.ru)
[4] Физико-технический институт им. А.Ф. Иоффе, Санкт-Петербург (konnikov@mail.ioffe.ru; nashchekin@mail.ioffe.ru)

Ключевые слова: дольмены, Кавказ, эпоха бронзы, красные пигменты, охра, киноварь, естественно-научные методы.

Резюме. В статье впервые рассматриваются случаи окрашивания красными пигментами фасадов, внутренних стен погребальных камер, аванкамер и порталов у дольменов Западного Кавказа. По результатам микрорентгеноспектрального анализа выделяются две группы пигментов: природные охры на основе гетита – FeO(OH) и гематита – Fe2O3; киноварь (HgS). Делаются выводы, что окраска фасадов и внутренних стен аванкамер «двухкамерных гробниц» и порталов дольменов указывает на их функциональную идентичность и доступность внешнему обзору. Окрашивание происходило в период строительства дольменов. Традиция использования киновари в сочетании с охрой рассматривается в контексте майкопской культуры. Отмечается, что источником киновари могут быть ртутные месторождения на западе Краснодарского края.

По сложившейся в российской археологии традиции дольменами на Западном Кавказе называют разнообразный по архитектуре класс наземных мегалитических сооружений, предназначенных для многократного использования в качестве постоянных хранилищ человеческих останков. Общим признак этих склепов – отверстие с каменной пробкой, расположенное, как правило, в фасадной стене погребальной камеры, и обеспечивающее возможность повторных захоронений. Дольмены, построенные из отдельных плит или блоков, почти всегда окружены каменным керном с проходом к погребальной камере. В зависимости от типа дольмена этот проход может быть оформлен в виде аванкамеры, портала, тамбура, дромоса или двора.

Разнообразие дольменов Западного Кавказа, вероятно, – результат продолжительной эволюции не одной, а нескольких конструктивных концепций, но при этом все они представляют единую кавказскую традицию строительства мегалитических погребальных сооружений. На Западном Кавказе эта практика получает распространение с конца IV тыс. до н.э. и выходит из разряда общепринятой только к концу II тыс. до н.э. (Трифонов и др., 2013; Trifonov, 2013).

Для кавказских дольменов характерно объединение в группы, расположение и планиграфия которых тесным образом связаны с рельефом и ландшафтом местности. Намеренная доступность для зрительного восприятия разнообразия дольменов превращала их в доминирующий элемент пространственной организации территории, где объединение природных, строительных и архитектурных компонентов должно формировать определенный образ с понятным для современников культурным кодом.

1 Работа выполнена при финансовой РФФИ и Президиума РАН.

В облике дольменов не только воплощена взаимосвязь технических, функциональных и эстетических начал («прочность, польза и красота» по Витрувию), но и зафиксирована социальная персонификация. Как у любого погребального памятника, внешний вид и положение дольмена в группе информировали относительно статуса, происхождения и родства его «хозяев». Нет сомнений в том, что при формировании желаемого образа дольмена его строители использовали основные средства архитектурной выразительности (Сокольникова, 2007. С. 6), в том числе тектонику, масштаб, пропорции, ритм, пластику объемов и фактуру поверхностей. Сегодня можно утверждать, что таким же средством в их распоряжении был цвет.

Краска на стенах дольменов. Летом 1898 г. Н.И. Веселовский раскопал в окрестностях ст. Царской (соврем. Новосвободная) две оригинальных по конструкции мегалитических гробницы, которые он отнес к разновидностям дольменов, справедливо отметив, что «второе отделение», расположенное перед погребальной камерой (он назвал его аванкамерой, от фр. *avant;* рус. – *перед, передняя часть*), «соответствует коридору в других дольменах» (Веселовский, 1899. С. 404).

В дольмене кургана 2 Н.И. Веселовский обнаружил, что внутренняя поверхность стен погребальной камеры была окрашена красной краской, которая хорошо сохранилась в пазах соединений стен дольмена (ОАК за 1898 г., 1901. С. 36).

В этой же группе курганов, где провел раскопки Н.И. Веселовский, в 1982 г. А.Д. Резепкин раскопал похожую гробницу (Клады, курган 28), у которой сюжетные росписи красной и черной красками были нанесены на фасад погребальной камеры и внутренние поверхности приставных боковых плит аванкамеры. Кроме того, в центральной части заклада входа в аванкамеру была установлена плита, у которой красной и черной красками была расписана не внутренняя, а наружная поверхность (Резепкин, 2012. С. 30–31).

Там же в Кладах, в кургане 11 (Серебряный), был раскопан дольмен с широкой («до 40 см») красной полосой, нарисованной вертикально от пола до потолка по середине задней стены погребальной камеры (Резепкин, 2012. С. 25).

Учитывая эти данные, в рамках полевого проекта по изучению археологического контекста гробниц, раскопанных Н.И. Веселовским, с целью поиска следов окрашивания, в 2013 г. было осмотрено большинство доступных памятников в урочище Клады.

В результате следы красной краски были найдены на внутренней поверхности стен и в пазах аванкамеры гробницы кургана 30, аналогичной по конструкции гробнице из кургана 1, раскопанной Н.И. Веселовским, а также на фасаде, внутренних поверхностях стен приставного портала и в пазах дольмена кургана Серебряный. Кроме этого был найден окрашенный красной краской фрагмент разрушенной боковой стены аванкамеры дольмена в кургане 2 (раскопки Н.И. Веселовского). Для определения состава краски в лабораторных условиях был выполнен анализ образцов красных пигментов, взятых с плит дольменов.

Методика и результаты анализов красных пигментов. Всего было проанализировано 13 образцов пигментов из могильника Клады. Состав еще семи образцов из погребений эпохи бронзы Северного Кавказа и предкавказской степи был изучен для сравнительного анализа. Анализы выполнены в ИФХиБПП РАН (18 образцов) (см. *таблицу*), Физико-техническом институте им. А.Ф. Иоффе (1 образец) (см. *рисунок*) и в Гос. Эрмитаже (1 образец).

Определение химического состава пигментов проводилось методом микрорентгеноспектрального анализа в два этапа. На первом, с использованием сканирующего электронного микроскопа и микроанализатора были выделены две группы пигментов: охра (природный пигмент, состоящий из глины, обогащенной окислами и гидроокислами железа) и киноварь (сульфид ртути).

На втором этапе с помощью дифрактометра, в охрах удалось определить состав и количественное соотношение близких минералов: гетита – $FeO(OH)$ и гематита – Fe_2O_3. Цвет охр идентифицирован по цветовой системе Манселла.

По химическому составу ($CaCO_3$) фрагмент плиты из дольмена под курганом 2 (ст. Царская, 1898 г.), на которую был нане-

Результаты анализов химического состава пигментов из дольменов могильника Клады и погребений эпохи бронзы Северного Кавказа и предкавказской степи

Образец, %	1	2	3	4	5	6	7	9	10	11	13	14	15	16	17	18
Fe	2,5	2,7	4,6	4,9	1,8	0,7	5,6	7,0	18,9	0,2	44,2	29,5	24,4	10,9	51,2	52,9
Hg	9,7	45,5	0,1		0,3	53,2	2,7			72,8			0,0		0,0	
S	1,4	6,6	0,2	0,1	0,1	7,3	0,4	0,1	0,1	11,7	2,6	0,3	5,0	0,2	2,0	0,8
Si	11,5	3,1	8,2	11,7	1,8	2,5	20,5	4,1	17,0	0,4	6,1	14,5	5,4	21,7	6,1	7,3
Al	4,8	1,3	1,9	2,9	0,8	1,0	7,2	1,9	6,5	0,4	2,5	6,4	3,2	7,8	2,5	3,0
Ca	7,0	6,7	25,6	19,2	35,6	1,3	1,3	27,4	0,9		3,5	1,2	7,0	1,5	1,4	1,1
O	46,2	20,4	48,9	45,4	43,1	13,2	46,4	45,0	44,2	3,1	33,8	38,0	41,4	43,5	27,4	26,9
P	2,5			0,1	0,0	0,5	0,1	0,1	0,2	0,0	1,0	0,9	1,0	0,3	0,4	1,0
K	1,1	0,5	0,5	1,0	0,3	0,2	2,1	0,5	1,7	0,1	0,6	1,7	0,8	2,6	0,9	0,9
Ti	0,2		0,0	0,2			0,3	0,0	0,2	0,1	0,3	0,3	0,3	0,5	0,1	0,4
Mg	0,6	0,1	0,2	0,4	0,1	0,1	0,6	0,3	0,6		0,2	0,4	0,4	1,6	0,5	0,4
Zr	0,0				0,1	1,7	0,03	0,1		2,5						

Примечания: 1, 6, 7 – ст. Царская, 1898 г. (совр. ст. Новосвободная, Клады), раскопки Н.И. Веселовского, к. 1, дольмен. Образцы пигмента с фрагмента кости человека (1), вокруг скоплений 1 и 2 костей человека (6, 7); 2–5 – ст. Новосвободная (бывш. ст. Царская), Клады. Курган Серебряный. Образцы пигмента: с окрашенной полосы на внутренней поверхности задней стены (2), с поверхности паза крыши над задней стеной (3), с поверхности паза крыши над южной боковой стеной (5) погребальной камеры дольмена (№ 54); с поверхности паза крыши над южной боковой стеной с наружной поверхности (4) фасадной плиты дольмена (№ 54); 8, 9 – ст. Новосвободная (бывш. ст. Царская), Клады, к. 30, п. 1 («двухкамерная гробница»). Образцы пигмента: с внутренней поверхности юго-западной стены аванкамеры (8), с поверхности отверстия в фасадной плите (9). Раскопки А.Д. Резепкина, 1985 г.; 10 – ст. Царская, 1898 г. (совр. ст. Новосвободная, Клады), раскопки Н.И. Веселовского, к. 2, дольмен. Образец пигмента с фрагмента восточной боковой стены аванкамеры; 11 – ст. Царская, 1898 г. (совр. ст. Новосвободная, Клады), раскопки Н.И. Веселовского, к. 1, дольмен. ГИМ, опись № 89/82. Образец пигмента, сборы Н.И. Веселовского; 12 – ст. Ладожская, Кубанская обл., раскопки Н.И. Веселовского, погребение эпохи бронзы. ГИМ, опись № 234/1. Образец пигмента; 13 – ст. Казанская, Кубанская обл., раскопки Н.И. Веселовского, 1901 г., погребение эпохи бронзы. Образец пигмента; 14 – ст. Костромская, Кубанская обл., раскопки Н.И. Веселовского, 1897 г., погребение эпохи бронзы. Образец пигмента; 15 – Терская обл., Пятигорский округ, г. Кисловодск, уроч. Три камня. Раскопки Д.Я. Самоквасова, 1881 г. Образец пигмента; 16 – Калмыкия, Зунда-Толга, к. 1, п. 15, майкопская культура. Раскопки Н.И. Шишлиной, 1994 г. Образец пигмента; 17 –Ростовская обл., Песчаный V, к. 16, п. 1, катакомбная культура. Раскопки Н.И. Шишлиной, 2013 г. Образец пигмента; 18 – Ростовская обл., Песчаный V, к. 16, п. 4, ямная культура. Раскопки Н.И. Шишлиной, 2013 г. Образец пигмента. 1–10 – Сбор образцов: В.А. Трифонов, Н.И. Шишлина, 2013.

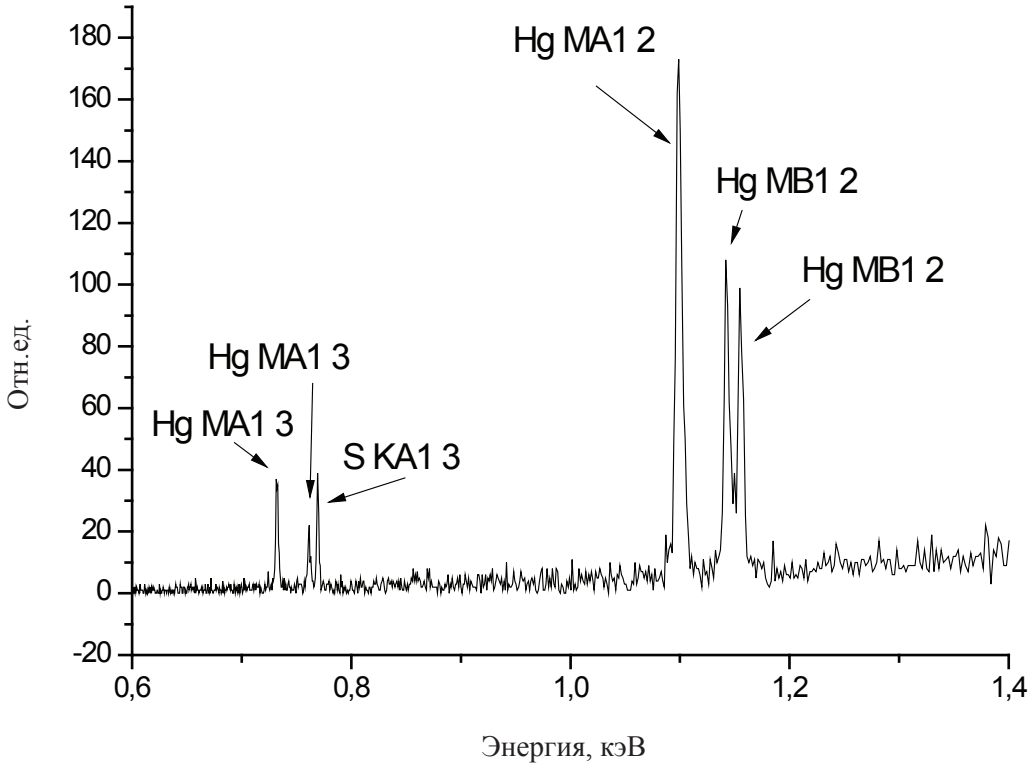
(Растровый электронный микроскоп VEGA 3,Tescan, Чехия; рентгеноспектральный микроанализатор SEMTESCANVEGA 3 LMU, OXFORDINSTRUMENT, Великобритания. Лаборатория ИФХиБПП РАН.)

сен пигмент (образец № 10), соответствует известняку. Под микроскопом на поверхности этого образца хорошо различимы красная краска и природная пленка ожелезнения.

В итоге было установлено, что красная полоса на задней стене погребальной камеры дольмена в кургане Серебряный выполнена киноварью, а фасад и стены портала были окрашены, возможно, разными по составу охрами – с гетитом и гематитом.

Внутренние стены аванкамеры гробницы в кургане 30 (раскопки А.Д. Резепкина) и гробницы в кургане 2 (раскопки Н.И. Веселовского) были также окрашены охрой красного цвета.

Пигменты ярко-красного цвета, которыми были окрашены кости погребенных в обеих гробницах, раскопанных Н.И. Веселовским, – это киноварь. Красный пигмент на основе ртути в значительном количестве присутствовал также в «двухкамерной» гробнице



Результаты анализа пигмента ярко-красного цвета (киноварь) из дольмена в к. 1 (ст. Царская, 1898 г., раскопки Н.И. Веселовского, ГИМ, опись № 9/82). (Растровый электронный микроскоп Jeol, JSM-7001F, Япония; рентгеноспектральный микроанализатор Cameca, Camebax-microbeam Франция. Лаборатория ФТИ им. А.Ф. Иоффе, 2013.)

могильника Клады: курган 31, погребение 5 (Shishlina, Orfinskaya, Golikov, 2003. P. 337–338).

Интерпретация результатов и основные выводы. Учитывая, что ни один из идентифицированных пигментов не входит в состав пород, из которых изготовлены стены дольменов, их окрашивание носило намеренный характер. Окраска фасадов и внутренних стен аванкамер «двухкамерных гробниц» и порталов дольменов указывает на их функциональную идентичность и доступность внешнему обзору. Присутствие краски в пазах соединений плит означает, что окрашивание происходило в момент строительства дольменов.

Красный цвет стен дольменов соответствует такой же цветовой символике погребального обряда, в котором различались и использовались оттенки охр и киновари. Традицию использования киновари в сочетании с охрой следует рассматривать в контексте майкопской археологической культуры. Именно киноварью в Майкопском кургане (1897 г.) было засыпано погребение, в котором кости минимум одного из трех погребенных были, вероятно, окрашены охрой (результаты анализов научно-технической лаборатории Морского ведомства, 20.03.1898 г. СПб. (Архив ИИМК РАН. Ф-1. Д. 60. 1898. Л. 49–50)).

Локализовать происхождение разного вида охры ввиду их широкого распространения пока невозможно, но источником киновари в ареале майкопской культуры могут быть ртутные месторождения на западе Краснодарского края.

Окрашивание стен дольменов наряду с гравированным орнаментальным декором можно рассматривать как выразительное средство дольменной архитектуры Кавказа.

Красный цвет в сочетании с мегалитами добавлял культурному ландшафту Западного Кавказа большей информативности и выразительности. Вероятно, что этот прием использовался значительно чаще, чем можно сегодня представить из-за плохой сохранности памятников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Веселовский Н.И. О курганах-дольменах в Кубанской области (резюме доклада, 12 декабря 1898 г.) // ЗРАО. Т. XI. Вып. 1/2. Новая сер. СПб., 1899. С. 403–404.

ОАК за 1898 г. СПб., 1901. 191 с.

Резепкин А.Д. Новосвободненская культура (на основе материалов могильника «Клады»). СПб.: Нестор-История, 2012. 244 с. (Тр. ИИМК РАН; Т. XXXIX).

Сокольникова Н.М. История изобразительного искусства. Т. 1. М.: Академия, 2007. 304 с.

Трифонов В.А., Крайнева А.А., Зайцева Г.И, Плихт Х., Богомолов Е.С., Бурова Н.Д., Семенцов А.А., Ришко С.А. Дольмен Шепси и ранние формы коллективных мегалитических гробниц на Северо-Западном Кавказе в эпоху бронзы // Тез. докл. круглого стола, посвящ. памяти Н.Я. Мерперта, конф. «Цивилизационные центры и первобытная периферия в эпоху раннего металла: модели взаимодействия». М.: ИА РАН, 2013. С. 37–38.

Shishlina N.I., Orfinskaya O.V., Golikov V.P. Bronze age textiles from the North Caucasus: new evidence of fourth millennium BC fibres and fabrics // Oxford J. of Archaeology. 2003. 22 (4). P. 331–344.

Trifonov V. What distinguishes Caucasian megaliths from European ones? // Counterpoint: Essays in Archaeology and Heritage Studies in Honour of Prof. Kristian Kristiansen / Ed. S. Bergerbrant, S. Sabatini. Oxford: Oxford Univ., 2013. P. 321–328. (BAR Intern. ser. 2508).

К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ РАМКАХ РАННЕГО ЭТАПА ЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА[1]

© 2014 г. М.А. Турецкий

Поволжский филиал Института российской истории РАН, Самара
(maturet@mail.ru)

Ключевые слова: позднеэнеолитические памятники, ямная культура, Волго-Уралье, радиоуглеродное датирование.

Резюме. Статья посвящена проблеме удревнения начальной стадии ямной культуры Волго-Уральского региона на основе новых радиоуглеродных данных. Рассматривается вопрос культурно-хронологического соотношения позднеэнеолитических и ямных комплексов. В статье также обсуждаются вопросы использования новых названий этапов ямной культуры.

В последние годы значительно выросло количество радиоуглеродных дат по материалам погребений раннего этапа ямной культуры Волго-Уралья (Кузнецов, 1996, 2008, 2010в, 2011, 2013; Моргунова, 2006, 2009, 2011; Турецкий, 2007; Моргунова и др., 2011; Юдин, 2012). Делаются попытки удревнить нижнюю границу ямной культуры до рубежа V–IV тыс. до н.э. Ямная культура в этом случае выходит за рамки раннего бронзового века, культурой какового она признается в исследованиях последних 30 лет. Возникает проблема культурно-хронологического порядка, которая уже стояла перед исследователями 60–80-х гг. XX в. (И.Б. Васильев, В.Н. Даниленко, Н.Я. Мерперт, Д.Я. Телегин) – считать ямную культуру энеолитической или раннебронзовой. Эта проблема выходит за рамки источни-

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-01-00127.

коведческого подхода к имеющимся материалам и носит культурологический характер, связанный с определением эпохальных черт жизни древнего общества волго-уральской степи и лесостепи.

Местная линия развития в переходное время от энеолита к раннебронзовому веку, базирующаяся на предполагаемой трансформации хвалынских комплексов в ямные, нуждается в подтверждении фактов смыкания дат и заполнения хронологического разрыва между двумя группами памятников, отмеченных в том числе и различиями в формах погребальных традиций – грунтовых и подкурганных погребений. Выделение пласта погребений хвалынско-бережновского типа не решает проблему в полном объеме из-за немногочисленности и разнородности таких комплексов и в силу отсутствия радиоуглеродных определений.

Отнесение начала ямно-репинского этапа к рубежу V–IV тыс. до н.э. ставит перед исследователями задачу дать обоснование существования в одной экологической нише позднe- и постэнеолитических образований турганикского и алтатинского типов и раннеямных групп населения.

Все эти проблемы делают актуальным обращение к вопросу о правомерности удревнения начального этапа ямной культуры Волго-Уральского региона.

Прежде всего надо определить, какой хронологический отрезок времени может соответствовать понятию «ямная культура». На наш взгляд, это время раннего бронзового века, т.е. период функционирования Циркумпонтийской металлургической провинции на первом хронологическом этапе т.е. XXXIII–XXV вв. до н.э. (Черных, Авилова, Орловская, 2000. С. 21) или середина IV – первая четверть III тыс. до н.э. (Авилова, 2008. С. 22). С учетом данных по датировке погребений так называемого репинского этапа ямной культуры можно утверждать, что на территории Волго-Уралья наиболее ранние ямные погребения относятся к середине IV – третьей четверти IV тыс. до н.э. Первая половина IV тыс. до н.э. относится к доямному энеолитическому периоду, к которому традиционно относят хвалынско-бережновские погребения, выделенные в отдельную группу (Дремов, Юдин, 1992). Количество этих погребений практически не изменилось с момента их выделения. В Волго-Донском междуречье в рамках этой группы можно рассматривать такие комплексы, как Хутор Шляховской, 3/3 и 3/4 (Клепиков, 1994), а также Перегрузное, 10/7 и 13/7 с датами 5780±150 BP и 5430±50 BP (Клепиков, 2005). Погребение Паницкое, 6Б/6, судя по сосуду, также может быть включено в хвалынско-бережновскую группу, несмотря на некорректные даты – 4500±120 BP и 4250±110 BP (Мимоход, 2009. С. 247) и 4390±120 BP (Кузнецов, 2010б. С. 153).

Трудно согласиться с Р.А. Мимоходом, который предложил назвать наиболее ранний этап ямной культуры в Волго-Уралье и Поволжье «паницким» (Мимоход, 2009. С. 55). Предлагая такое название, Р.А. Мимоход критикует (вполне справедливо, на наш взгляд – см. Турецкий, 2009. С. 61) предложение П.Ф. Кузнецова первый этап ямной культуры именовать вместо «ямно-репинского» «бережновским» (Кузнецов, 2008. С. 318). Кстати, эта одновременная критика с моей стороны и со стороны Р.А. Мимохода, и предложение назвать этот этап «быковским» (Турецкий, 2009. С. 60) привела, как мне кажется, к тому, что в последующих работах П.Ф. Кузнецов уже использует термин «быково-бережновский» (Кузнецов, 2010а. С. 97; 2010в. С. 51; 2011. С. 88), что, впрочем, выглядит как половинчатое решение при выборе термина. Ни паницким, ни бережновским называть ранний этап ямной культуры нельзя.

Расширение границ раннего ямного этапа до начала IV тыс. до н.э. (или даже до конца V тыс. до н.э.) связано прежде всего с попыткой заполнить существующий интервал между хвалынской и ямной культурами, ликвидация которого, по мнению некоторых исследователей, послужит основанием для подтверждения генетической и культурной преемственности этих двух культур. Однако по-прежнему не ставится задача «притянуть» нижнюю границу ямной культуры к верхней границе существования хвалынской культуры, а заполнить этот интервал материалами памятников доямного энеолитического времени (Турецкий, 2009. С. 60).

Выделение горизонта степных энеолитических погребений Восточной Европы и Предкавказья, разными авторами называемо-

го различными терминами, но в целом с общим пониманием как доямных или протоямных культур (Нечитайло, 2002; Котова, 2006; Шишлина, 2007; Кореневский, 2012) предполагает существование подобной группы погребений и в Волго-Уральском междуречье. Однако к настоящему моменту в Самарском Поволжье и в Приуралье такие погребения, кроме разрушенных погребений типа Криволучье–Ивановка, которое И.Б. Васильев относил к хвалынской культуре (Васильев, 2003. С. 66–67), и Новорского I могильника (Богданов, 2000. С. 14), пока не открыты.

Таким образом, место погребальных комплексов, в которых отражается энеолитическая эпохальная принадлежность (Моргунова, 2011. С. 138), остается для Самарского Поволжья и Приуралья вакантным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авилова Л.И. Металл Ближнего Востока: модели производства в энеолите, раннем и среднем бронзовом веке. М.: Памятники историч. мысли, 2008. 227 с.

Богданов С.В. Материалы типа Касимча–Суворово из окрестностей Новоорска в системе энеолитических древностей Восточной Европы // Культурное наследие степей Северной Евразии. Вып.1. Оренбург: Оренб. губ., 2000. С. 8–28.

Васильев И.Б. Хвалынская энеолитическая культура Волго-Уральской степи и лесостепи (некоторые итоги исследования) // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 3. Самара: СНЦ РАН, 2003. С. 61–99.

Дремов И.И., *Юдин А.И.* Древнейшие подкурганные захоронения степного Заволжья // РА. 1992. № 4. С. 18–31.

Клепиков В.М. Погребения позднеэнеолитического времени у хутора Шляховский в Нижнем Поволжье // РА. 1994. № 3. С. 97–102.

Клепиков В.М. Энеолитические коплексы могильника Перегрузное I // Археологические записки. Вып. 4. Ростов-н/Д., 2005. С. 21–23.

Котова Н.С. Ранний энеолит степного Поднепровья и Приазовья. Луганск: ВНУ им. В. Даля, 2006. 128 с.

Кореневский С.Н. Рождение кургана (погребальные памятники энеолитического времени Предкавказья и Волго-Донского междуречья). М.: Таус , 2012. 256 с.

Кузнецов П.Ф. Новые радиоуглеродные даты для хронологии культур энеолита – бронзового века юга лесостепного Поволжья // Радиоуглерод и археология. Вып. 1. СПб., 1996. С. 50–60.

Кузнецов П.Ф. Ямная культура Волго-Уралья: периодизация, хронология, межрегиональный контекст // Тр. II (XVIII) Всерос. археологического съезда в Суздале. Т. 1. М.: ИА РАН, 2008. С. 317–319.

Кузнецов П.Ф. Население степного пояса в эпоху ранней бронзы от Приуралья до Поднепровья // Индоевропейская история в свете новых исследований. М.: МГОУ, 2010а. С. 96–98.

Кузнецов П.Ф. Основные этапы раннего и среднего бронзового веков Волго-Уралья во взаимосвязи с процессами культурогенеза Восточной Европы // XVIII Уральское археологическое совещание. Уфа: БГПУ, 2010б. С. 153–154.

Кузнецов П.Ф. Проблемы изучения раннего и среднего периодов бронзового века Самарского Поволжья // 40 лет Средневолжской археологической экспедиции. Самара: Офорт, 2010в. С. 40–55. (Краеведческие записки; Вып. XV).

Кузнецов П.Ф. Ямные курганы могильника Грачевка II в Самарском Поволжье // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 9. Оренбург: ОГПУ, 2011. С. 75–92.

Кузнецов П.Ф. Датировка памятника у Репина Хутора и хронология культурно-родственных материалов эпохи ранней бронзы степной зоны Восточной Европы // РА. 2013. № 1. С. 13–21.

Мимоход Р.А. Курганы эпохи бронзы – раннего железного века в Саратовском Поволжье: характеристика и культурно-хронологическая атрибуция комплексов. М.: Таус, 2009. 292 с.

Моргунова Н.Л. Периодизация и хронология ямных памятников Приуралья по данным радиоуглеродного датирования // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. Оренбург: ОГПУ, 2006. С. 67–71.

Моргунова Н.Л. Хронология и периодизация энеолита Волжско-Уральского междуречья в свете радиоуглеродного датирования // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. Оренбург: ОГПУ, 2009. С. 6–27.

Моргунова Н.Л. Энеолит Волжско-Уральского междуречья. Оренбург: ОГПУ, 2011. 220 с.

Моргунова Н.Л., Зайцева Г.И., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В. Новые радиоуглеродные даты памятников энеолита, раннего и среднего этапов бронзового века Поволжья и Приуралья // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 9. Оренбург: ОГПУ, 2011. С. 53–75.

Нечитайло А.Л. Основы общности культур степного энеолита // Северное Причерноморье: от энеолита к античности. Тирасполь, 2002. С. 9–20.

Турецкий М.А. Проблемы культурогенеза в эпоху раннего – начала среднего бронзового века в степной зоне Волго-Уралья // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 8. Оренбург: ОГПУ. 2007. С. 116–129.

Турецкий М.А. Культурная принадлежность памятников раннего бронзового века Самарского Поволжья // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. Оренбург: ОГПУ, 2009. С. 59–65.

Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б. Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология. М.: ИА РАН, 2000. 95 с.

Шишлина Н.И. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тыс. до н.э.). М.: ГИМ, 2007. 400 с. (Тр. ГИМ; Вып. 165).

Юдин А.И. Поздний неолит степей Нижнего Поволжья // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 10. Саратов: Научная книга, 2012. С. 15–37.

К ВОПРОСУ О МИРЕ ДЕТСТВА В ОБЩЕСТВЕ ЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ ВОЛГО-УРАЛЬЯ[1]

© 2014 г. А.А. Файзуллин

Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург (faizullin.airat@yandex.ru)

Ключевые слова: ямная культура, детские погребения, социальная структура, половозрастная дифференциация.

Резюме. Статья посвящена роли детей в скотоводческом обществе раннего и среднего бронзового века на территории Волго-Уральского междуречья. Погребения детей проанализированы с использованием антропологических данных. Некоторые суждения о социальной значимости погребенных детей позволили сделать украшения из меди в выборке из 53 погребений. Парные погребения взрослых и детей показали два вида обращения с детьми в похоронной обрядности, каждый из которых по-разному интерпретирует захоронение в социальном плане: они могли наследовать социальный статус и социальные функции своих родителей или участвовать в ритуальной практике общины в качестве жертвы при захоронении взрослых индивидов.

В последние десятилетия наиболее остро проявился интерес исследователей к проблемам роли детей в скотоводческом обществе. Изучение детских захоронений – важное направление археологических исследований. Это объясняется увеличившейся источниковедческой базой, малочисленностью обобщающих работ по данной теме, недостаточным вниманием к изучению детской проблематики в первобытных и раннеклассовых обществах.

На территории Волго-Уралья из 461 ямного погребения в 87 вывялены костяки детей и подростков (Хохлов, 2010. С. 116). Погребения детей были обнаружены в 53 могилах: чаще в курганах небольшого размера в небольших и неглубоких ямах, а также, но значительно реже, и в больших курганах, диаметром до 35 м и высотой до 3,5 м – но в этом случае захоронения сопутствующие основному или впускные. Инвентарь был найден в 35 погребениях. Керамическая посуда в погре-

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-01-00127.

бениях детей была обнаружена в 15 случаях. Большинство сосудов находилось рядом с черепами младенцев. Наряду с керамикой в могилах найдены песчаниковая плитка, медные тонкий браслет, тонкий ножичек, ожерелье, пронизки из пластинок, овальные подвески, шило, нож; а также альчики овцы.

Двойные погребения детей и подростков также обнаружены в небольших курганах в ямах простой конструкции.

Наличие курганных насыпей, содержащих одиночные детские захоронения и социально престижный инвентарь (украшения из меди) можно связывать с тем, что уже с рождения или в самом раннем возрасте дети наследовали социальный статус. Это может подтверждать тот факт, что 14 детских захоронений были основными и центральными в курганах.

О наследовании детьми социального статуса с рождения можно говорить, основываясь на материале курганного могильника Терны (курган 9, погребение 10). Погребения детей в данном могильнике сопровождались металлическими украшениями: серебряные подвески, бронзовые накладки, клыки-подвески. И.Ф Ковалева пишет о том, что в отличие от других территорий ямной культурно-исторической общности в Днепровском предстепье наблюдаются частые случаи возведения насыпей над основными индивидуальными детскими погребениями. Причину этому автор находит в представлениях о незащищенности ребенка и естественном стремлении обеспечить ему загробное существование в соответствии с традиционными верованиями, о чем свидетельствует характер сопутствующего инвентаря – амулеты-фетиши, «флейты Пана», украшения, сосуды, при почти полном отсутствии орудий труда и оружия. Причины культовой неполноценности ребенка обусловлены тем, пишет автор, что до прохождения инициаций он не был допущен к эзотерическому знанию и в силу этого был особенно уязвим для враждебных человеку потусторонних сил: этим объясняется повышенное в сравнении с погребениями взрослых внимание к обрядовым действиям (Ковалева, 1998. С. 38).

С.В. Федяев в своей работе о мире детства скотоводческих обществ отмечает, что наличие в погребениях детей на территории Украины таких игрушек, как люльки-колыбели и кибитки-повозочки, могли служить доказательством того, что дети бронзового века часто наследовали профессии своих родителей. Игрушки, в том числе колыбели и кибитки, могли служить своеобразным миниатюрным наглядным пособием для обретения мальчиками и девочками тех или иных профессиональных навыков. Мальчики, возможно, осваивали профессию возничего, плотника и т.п. Девочки же учились быть матерями, что в скотоводческих обществах было немаловажно (Федяев, 2001. С. 40).

Таким образом, наличие погребений детей раннего возраста подтверждает мысль о том, что в ямном обществе существовала социальная дифференциация и дети наследовали с рождения социальный статус своих родителей, а затем в процессе социализации, возможно, наследовали и их профессию. Об этом свидетельствуют уже подростковые погребения.

На территории Волго-Уралья найдено девять погребений подростков. Насыпи над погребенными небольшие, как и в предыдущей возрастной группе. Особый интерес представляет инвентарь в двух погребениях подростков в могильнике Тамар-Уткуль VIII, 8/1 – медные шило и проволока, два сосуда (Моргунова, Кравцов, 1994. С. 32). В курганном могильнике Першин 1/4 было обнаружено погребение подростка с литейной формой и куском меди. В погребальной камере находился скелет подростка мужского пола (12-13,5 лет). Наиболее важной и интересной для археологии находкой при покойном была двустворчатая глинисто-песчаниковая литейная форма для втульчатого топора, положенная у левого виска молодого мастера (Черных и др., 2000. С. 65). Это изделие некоторое время использовалось в древности, что хорошо заметно по следам высокотемпературных воздействий на внутренних полостях створок. Между ног покойного находился крохотный кусочек меди. По мнению Е.Н. Черных, скорее всего, сразу по завершению надмогильной насыпи над захоронением литейщика в стороне от кургана был сложен ритуальный очаг. От него сохранились плоская, неправильной формы ямка. Глубина ее превышала 10 см, максимальная

длина – 63 см, а ширина – 40 (Черных, 2005. С. 32).

Сооружение ритуального огнища вполне очевидно связывалось с основным профессиональным занятием подростка. Погребенного подростка, судя по всему, инициировали в статус мастера незадолго перед кончиной: ведь чаще всего в архаичных обществах такое посвящение проводили лишь с достижением человеком половой зрелости, когда мальчик возвышался до ранга мужчины. Погребение подростков с производственным инвентарем нужно связывать с участием данной возрастной группы в производственной деятельности. Также можно предположить, что ремесленная специальность родителей могла передаваться по наследству, по мере достижения человеком опыта в том или ином деле. Вероятно, подросток становился мастером после обряда инициации.

Наряду с одиночными погребениями под курганами интерес вызывают и парные погребения детей, подростков и взрослых индивидов. Всего парных погребений 24. Парных погребений мужчин и детей – девять, женщин и детей – восемь, детей и взрослых (пол не определен) – пять, коллективных (мужчина, женщина, ребенок) – два. В связи с этим необходимо отметить, что в ямной культуре Волго-Уралья наблюдаются полярные подходы к месту ребенка в погребальной камере с взрослыми индивидами. Так, в обществе существовало два вида обращения с детьми. Первое – это положение ребенка в ногах или за спиной у взрослого индивида (Пятилетка 3/1; 5/2; Малокизильский 1/2; Утевский I 2/1; Шумаево II 6/6).

В данных случаях, судя по положению детей в могиле, можно сделать вывод, что они выступали в роли жертв. Можно предположить, что такой ритуал умерщвления детей совершался в качестве подношения умершему человеку, занимавшему высокое социальное положения в ямной общине.

Известно, что выбор жертвы и ритуала определялись обычаем, моментом и поводом совершения жертвоприношения, оговаривались культовыми правилами. В любом случае жертвы предназначались для временного услаждения божества, героя или предка, которые насыщались ее духом (Тайлор, 1989. С. 474). Детские жертвоприношения совершались в различные исторические эпохи.

Судя по археологическим материалам, в крито-микенскую эпоху происходили жертвоприношения детей, закономерным финалом которых было последующее расчленение младенцев и даже ритуальный каннибализм (Антология…, 2000. С. 52–53).

Захоронение расчлененного младенца было найдено в погребении VI – первой четверти V в. до н.э. в некрополе Кеп на Азиатском Боспоре. Тельце младенца перекрывал сосуд Диониса – канфар, стоявший вверх дном, остальные кости лежали рядом. Тут же находилась перевернутая миска. Положение сосудов придавало погребению ярко выраженный хтонический характер (Сорокина, Сударев, 2001. С. 136).

Второй вид обращения с детьми – это положение ребенка лицом к взрослому индивиду. Такие погребения были найдены в одиночном кургане Шумаево II (погребение 2), курганных группах Паницкое 6Б/6 и 6Б/7, Калиновский 8/28; 10/9, Николаевка III 2/1, Бережновка II 9/12, Полудни II 2/17. В указанных комплексах дети положены лицом к взрослому. В двух погребениях обнаружен инвентарь рядом с детскими костяками. Такое положение, по-видимому, свидетельствует о том, что дети участвовали в погребальном ритуале по праву рождения.

Рассматривая погребения взрослых и детей, можно сделать вывод, что в рассмтриваемое время существовал обряд, когда в могилу мужчинам помещали человеческую жертву (ребенка). Интересно, что детей хоронили как с мужчинами, так и женщинами. Погребения мужчин с детьми отличаются высокими трудовыми затратами на совершение захоронений, а также положением социально престижного инвентаря. Таким образом, можно сделать вывод, что дети могли наследовать социальный статус и социальные функции своих родителей, а также участвовать в ритуальной практике общины в качестве жертвы при захоронении взрослых индивидов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антология источников по истории, культуре и религии Древней Греции / Под ред. В. И. Кузищина. СПб.: Алетейя, 2000. 870 с.

Ковалева И.Ф. Мир детства ямных племен Предстепья // Проблемы археологии Поднепровья. Вып. 1. Днепропетровск: Изд-во Днепропетр. ун-та, 1998. С. 37–47.

Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю. Памятники древнеямной культуры на Илеке. Екатеринбург.: Наука, 1994. 153 с.

Сорокина Н.П., Сударев Н.И., Предметы, связанные с культами и магией, из погребений кепского некрополя VI–II вв. до н.э. // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образования государства. Мат-лы конф. Ч. 1. СПб., 2001. С. 35–40.

Тайлор Э. Б., Первобытная культура. М.: Политиздат, 1989. 573 с.

Федяев С.В. К вопросу о мире детства скотоводческих обществ бронзового века // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков, 2001. С. 38–40.

Черных Е.Н. Каргалы. Т. IV. Некрополи на каргалах, население каргалов: палеоантропологические исследования. М.: Наука, 2005. 239 с.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В., Лебедева Е.Ю., Луньков В.Ю. Исследование курганного могильника у села Першин // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 4. Оренбург.: Изд-во Оренбург. губ., 2000. С. 63–85.

Хохлов А.А. Демографические процессы в северной половине Волго-Уралья в эпохи энеолита и бронзы // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии, Екатеринбург; Самара; Донецк.: Изд-во Цикр, 2010. С. 133–152.

СЕКЦИЯ 4

ФИНАЛ ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ, ПОЗДНИЙ БРОНЗОВЫЙ ВЕК И ПЕРЕХОД К РАННЕМУ ЖЕЛЕЗНОМУ ВЕКУ

ЛИТЕЙНЫЕ ФОРМЫ АЛАКУЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЗАУРАЛЬЯ (ВОПРОСЫ ОТРАЖЕНИЯ УРОВНЯ РАЗВИТИЯ МЕТАЛЛОПРОИЗВОДСТВА)

© 2014 г. И.П. Алаева

Челябинский государственный педагогический университет, Челябинск (alaevaira@mail.ru)

Ключевые слова: алакульская культура, поздний бронзовый век, металлопроизводство, литейные формы.

Резюме. В материалах памятников алакульской культуры степного и лесостепного Зауралья представлены литейные формы, выполненные из камня или глины. Соотношение каменных и керамических литейных форм обнаруживает устойчивую тенденцию связи каменных форм с массовым производством серийных пластинчатых изделий, на обломках керамических литейных форм представлены негативы объемных, сложных изделий. Использование каменных литейных форм для отливки массовых изделий, вероятно, свидетельствует о достаточно высоком уровне развития металлопроизводства в позднем бронзовом веке Зауралья. Вместе с тем низкая металлоемкость памятников алакульской культуры, фактическое отсутствие «кладов» на ее территории указывают на складывание кризисной ситуации с добычей/поставкой сырья, что обусловило использование всех возможных источников металла.

Поздний бронзовый век второй фазы Южного и отчасти Среднего Зауралья представлен памятниками алакульской культуры (культур) с некоторым территориальным различием материалов степной и лесостепной зон. На территории Зауралья каменные и керамические литейные формы обнаружены в коллекции 16 памятников. Всего найдено около 30 литейных форм с 59 негативами отливаемых изделий (табл. 1; см. *рисунок*).

Большая часть изделий фрагментирована и происходит из культурного слоя поселений. В широком диапазоне все определимые негативы изделий могут быть отнесены к фазе стабилизации Евразийской металлургической провинции (Черных, 2007. С. 87–109). Отдельные негативы напрямую сопоставимы с категориями изделий алакульской культуры (Аванесова, 1991. Рис. 4).

Наиболее представительна подборка каменных литейных форм (18 экз.), обломки форм из обожженной глины зафиксированы реже. Соотношение каменных и керамических литейных форм обнаруживает устойчивую тенденцию связи каменных форм с массовым производством серийных пластинчатых изделий: ножей-кинжалов, серпов, заготовок-прутков, тесел, украшений. На обломках керамических литейных форм представлены негативы объемных сложных изделий: крестовидная булава, наконечник копья, вислообушный топор (табл. 2). Набор орудий, отливаемых в глиняных формах для

Таблица 1. Литейные формы позднего бронзового века степного, лесостепного Зауралья

Памятники	Каменные формы	Керамические формы	Количество негативов	Источник
Станица Кундравинская	1	–	7	Аванесова, 1991
Пос. Чернореченское I	2	–	4	Стоколос, 1972
Пос. Мирный IV	1	–	1	Чемякин, 1974
Пос. Кривое Озеро I	2	–	5	Левит, Батанина, 2004; Arkaim…, 2011
Мог. Акмулла I, курган 4	1	–	1	Гарилюк, Григорьев, Марков, 2006
Пос. Чебаркуль III	2	3	8	Алаева, 2013
Пос. Олаир	4	–	5	Сунгатов, Бахшиев, 2008
Пос. Старо-Кумлякское I	1	–	10 (?)	Епимахов, 2012
Пос. Киржакуль	1	–	6 (?)	Епимахов, 2012
Пос. Большая Березовая-2	–	2	2	Алаева, 2011
Пос. Малая Березовая-4	–	1	1	Алаева, 2005
Пос. Тавлыкаево	1	–	?	Морозов, 1983
Пос. Кипель	1	–	?	Сальников, 1957
Пос. Камышное I	2	–	6 (?)	Потемкина, 1985
Пос. Усть-Суерское III	–	1	1(?)	Потемкина, 1985
Пос. Ук III	–	2	2	Стефанов, Корочкова, 2000
Всего	19	9	59	

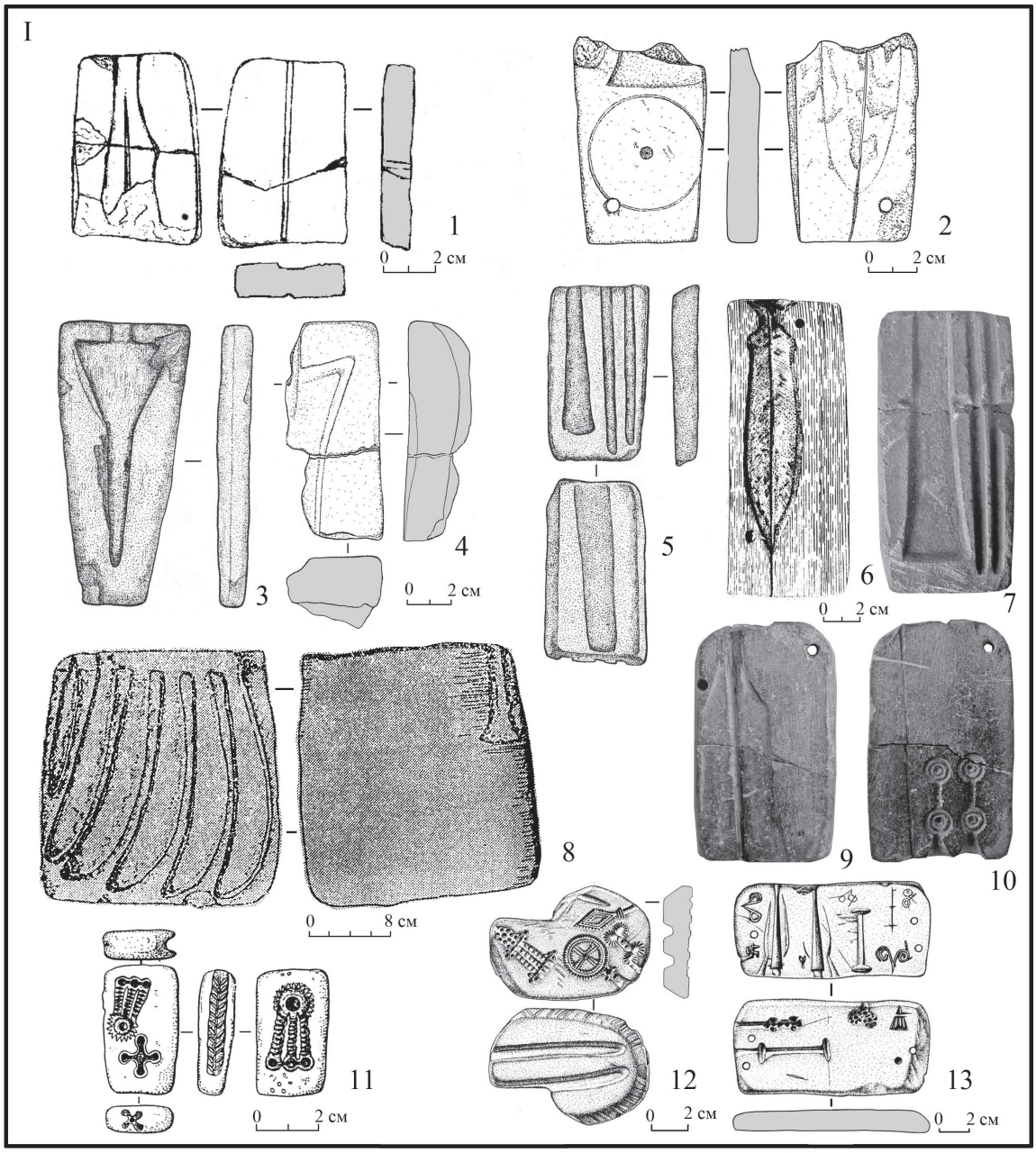
Примечание: тире – отсутствие признака; ? – неполные данные.

одного предмета, напрямую связан с военной сферой.

Подобная зависимость материала литейной формы от конкретной категории отливаемых изделий, по-видимому, была специфической чертой зауральских алакульских культур. Показательно, что более чем 700 целых и обломков литейных форм всех категорий изделий, обнаруженных на специализированном поселении срубной культуры Мосоловка, были выполнены из глины (Пряхин, Саврасов, 1989. С. 40). В материалах срубной культуры Нижнего Поволжья также были распространены керамические литейные формы, каменные формы единичны (Агапов, Иванов, 1989. С. 142).

Вероятно, массовое изготовление форм для всех типов орудий из глины на территории донского, поволжского лесостепного вариантов срубной культуры связано с недостатком или отсутствием качественного сырья из камня для изготовления литейных форм.

Вместе с тем общеисторические тенденции развития металлопроизводства свидетельствуют о появлении каменных литейных форм в связи с налаживанием массового производства наиболее востребованных изделий и сопутствующим повышением уровня


I
1
0 2 см
2
0 2 см
3
4
0 2 см
5
6
0 2 см
7
8
0 8 см
9
10
11
0 2 см
12
0 2 см
13
0 2 см

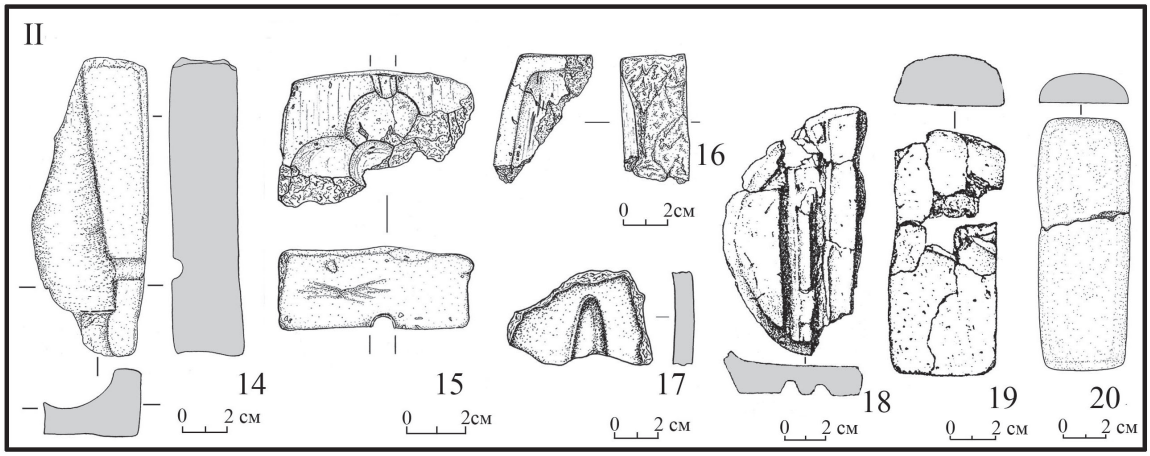

II
14
0 2 см
15
0 2см
16
0 2см
17
0 2 см
18
0 2 см
19
0 2 см
20
0 2 см

Таблица 2. Категории изделий, отливаемых в каменных и глиняных литейных формах

Категории отливаемых изделий	Каменные литейные формы (количество негативов)	Керамические формы (количество негативов)
Серпы	5	–
Ножи	6	–
Заготовки (прутки)	4	3 (?)
Тесла	3	–
Долота с несомкнутой, кованой втулкой	2	–
Украшения	21	1 (?)
Крестовидная булава	–	1
Топор	–	1
Наконечник копья	–	1
Всего	41	7

профессиональных навыков (Рыбаков, 1948. С. 145).

Тиражирование определенных категорий изделий, связанных с основными хозяйственными сферами, фиксируется и в материалах специализированных поселков. На поселении Горный I в соотношении отливаемых изделий ожидаемо превалируют категории горнопроходческих орудий (кайла-кирки, кирки-пешни). Тем не менее на втором месте представлены массовые категории: ножи, серпы-секачи, заготовки орудий (Кузьминых, 2004. Рис. 134. Табл. 5, *2*).

Достаточно высокая частота встречаемости литейных форм (на половине из всех раскопанных поселений) не сообразуется с очень низкой металлоемкостью памятников алакульских культур. Погребения алакульских культур Зауралья оказываются повсеместно ограбленными современниками, с очевидной целью изъятия всех металлических орудий.

Обращает на себя внимание и факт практического отсутствия так называемых кладов на территории алакульских культур Зауралья. На территории Южного Зауралья один «клад» позднего бронзового века выявлен на поселении Лебяжье VI, в коллекции которого представлены материалы и срубной культуры. Комплект предметов, обнаруженный на поселении Коркино I, не связывался исследователями с понятием «клад» ввиду специфического характера памятника.

Между тем в Приуралье можно отметить особую концентрацию кладов срубной культуры. На территории северо-восточной периферии срубной культуры известно около двух десятков кладов позднего бронзового века. В составе 13 из них преобладают серпы (81 экз.), реже вислообушные топоры (9 экз.) и другие орудия труда (Обыденнов, Обыденнова, 1991. С. 140–141. Табл. 13). Вне зависимости от причин депонирования вещей (Бочкарев, 2010. С. 159–164) сам факт наличия «кладов» на территории срубной культуры Приуралья демонстрирует более выраженную металлоемкость этой культуры.

Картографирование пунктов аккумуляции металлических изделий на территории Башкирии указывает на сосредоточение кладов в юго-восточных районах, примыкающих к Оренбуржью, в непосредственной близости к Каргалинским рудникам (Обыденнов, Обыденнова, 1991. Рис. 46). Поэтому и многочисленность представленных в кладах серпов может быть связана с торговым назначением складированных орудий.

Суммируя все изложенное, можно отметить некоторые тенденции развития металлопроизводства зауральских алакульских культур. Свидетельством достаточно высокого уровня развития в этой области может быть признано преимущественное использование каменных литейных форм для отливки серийных, массовых изделий. Поэтому и низкая металлоемкость памятников развитого этапа второй фазы позднего бронзового века, вероятно, не может быть связана с упадком уровня металлопроизводства. Возможно, кризисная ситуация сложилась с добычей/поставкой сырья, что предопределило использование всех возможных источников металла.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР. Ташкент: Фан, 1991. 200 с.

Агапов С.А., Иванов А.Ю. Металлообрабатывающий комплекс поселения Липовый Овраг // Поселения срубной общности. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. С. 133–143.

Алаева И.П. Отчет об археологических раскопках поселения Малая Березовая-4 в Нагайбакском р-не Челябинской обл. летом 2003 г. // Архив Лаборат. археологических исследований Челябин. гос. пед. ун-та (ЛАИ ЧГПУ). Ф. 1. 2005. № 87.

Алаева И.П. Отчет об археологических раскопках поселения Большая Березовая-2 в Нагайбакском р-не Челябинской обл. летом 2009 г. // Архив ЛАИ ЧГПУ. Ф.1. 2011. № 95.

Алаева И.П. Отчет об археологических раскопках поселения Чебаркуль III в Чебаркульском р-не Челябинской обл. летом 2011 г. // Архив ЛАИ ЧГПУ. Ф-1. 2013. № 97.

Бочкарев В.С. Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. СПб.: Инфо Ол, 2010. 231 с.

Гаврилюк А.Г., Григорьев С.А., Марков С.С. Погребальные комплексы. Могильники Ак-Мулла I, Городищенское IX, Наровчатский II // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Челябинск: Рифей, 2006. С. 89–152. (Этногенез Уральских народов).

Епимахов А.В. Материалы к истории ювелирного дела (бронзовый век Южного Зауралья) // Археология, этнография и антропология Евразия. 2012. № 1 (49). С. 82–87.

Кузьминых С.В. Литейные формы. Гл. 5 // Каргалы. Т. III: Селище Горный: Археологические материалы: Технология горно-металлургического производства: Археобиологические исследования / Сост. и науч. ред. Е.Н. Черных. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 134–155.

Левит Н.В., Батанина И.М. Новое на карте «страны городов» // Аркаим. По страницам древней истории Южного Урала / Науч. ред. Г.Б. Зданович; ред.-сост. Н.О. Иванова. Челябинск: Крокус, 2004. С. 87–98.

Морозов Ю.А. Тавлыкаевское поселение срубной культуры // Поселения и жилища древних племен Южного Урала. Уфа: БФАН СССР, 1983. С. 19–40.

Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т. Северо-восточная периферия срубной культурно-исторической общности. Самара: Изд-во Саратов. ун-та, Самарский филиал, 1991. 174 с.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М.: Наука, 1985. 376 с.

Пряхин А.Д., Саврасов А.С. Глиняные литейные формы с Мосоловского поселения металлургов – литейщиков // Поселения срубной общности. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. С. 39–80.

Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М.: Наука, 1948. 792 с.

Сальников К.В. Кипельское селище // СА. 1957. XXVII. С. 193–208.

Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Андроновские древности Тюменского Притоболья. Екатеринбург: Полиграфист, 2000. 108 с.

Стоколос В.С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М.: Наука, 1972. 168 с.

Сунгатов Ф.А., Бахшиев И.И. Поселение эпохи поздней бронзы Олаир. Уфа: Уфим. полиграфкомбинат, 2008. 200 с.

Чемякин Ю.П. Поселение эпохи бронзы Мирный IV // Из истории Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1974. С. 50–55.

Черных Е.Н. Каргалы. Т. V: Каргалы: феномен и парадоксы; Каргалы в системе металлургических провинций; Потаенная (сакральная) жизнь архаичных горняков и металлургов. М.: Языки славянской культуры, 2007. 200 с.

Arkaim. Поселение эпохи бронзы. Древнейшие индоевропейцы в степях Урала. Каталог выставки, 2010 г. / Сост. Г.Б. Зданович, Т.С. Малютина. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2011. 116 с.

ЭПОХА ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ВОСТОЧНЫХ ПРЕДГОРИЙ ЮЖНОГО УРАЛА: КУЛЬТУРНАЯ СТРАТИГРАФИЯ И ХРОНОЛОГИЯ

© 2014 г. И.И. Бахшиев

Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева
Уфимского научного центра РАН, Уфа
(ibahsh@gmail.com)

Ключевые слова: Южный Урал, поселения, культурная стратиграфия, относительная хронология, эпоха поздней бронзы.

Резюме. В работе излагается концепция формирования и развития археологических культур эпохи бронзы степной и лесостепной зон восточных предгорий Южного Урала (Башкирское Зауралье). Основываясь на анализе данных культурной стратиграфии поселенческих памятников, предложена локальная хроностратиграфическая модель культурных процессов. Показано сосуществование на рассматриваемой территории на рубеже средней – поздней бронзы носителей абашевских и синташтинских культурных стереотипов. При явной доминанте связей срубных, алакульских и срубно-алакульских керамических комплексов установлена синхронизация с ними раннеалакульских, раннесрубных, федоровско-черкаскульских и кожумбердинских культурных групп. Ставится вопрос о соотнесении времени появления саргаринско-алексеевских древностей в степной зоне Южного Урала с завершающим этапом существования культур срубно-андроновского культурно-хронологического горизонта.

Метод стратиграфического анализа археологического материала с поселенческих памятников эпохи бронзы Южноуральского региона традиционно популярен при решении проблем хронологического соотношения комплексов. Наблюдения за особенностями культурной стратиграфии позволяли исследователям предлагать различные хронологические схемы (периодизации) региона/регионов (см. Сальников, 1967; Стоколос, 1970, 1972; Зданович, 1984, 1988; Горбунов, 1992; Обыденнов, Обыденнова, 1992; Обыденнов, Шорин, 1995; Малютина, Зданович, Петрова, 2006).

Все поселения позднебронзового века Башкирского Зауралья – памятники с нерасчлененным культурным слоем, т.е. содержащие артефакты, характерные для различных археологических культур и не имеющие точно документированных в стратиграфии хронологических разрывов (этапов). Фиксация особенностей культурной стратиграфии поселенческих памятников региона производилась на основе синтеза методов анализа распределения керамики в культурном слое, разработанных Ю.Б. Цетлиным (1991) для памятников эпохи неолита Поволжья и математического анализа коэффициентов абсолютного сходства (КАС) между комплексами (Генинг, 1973; 1992. С. 98–101)[1].

Для характеристики степени связей различных культурных групп в слое введено понятие «характер связи». Определены уровни связи.

1. Определенная связь (*Х-связь*) – состояние, когда показатели взаимовстречаемости культурных групп керамики наиболее высокие. На практике это означает высокую концентрацию и совместное залегание двух (или более) культурных групп керамики в культурном слое конкретного памятника.

1 Отметим, что требование методики Ю.Б. Цетлина о неслучайном распределении керамики в слое соблюдено на стадии формирования генеральной выборки, а использование КАС оправдано результатами анализа керамических комплексов крупнейших поселений (Мосоловское и Горный).

2. Сильная связь (*Y-связь*) – значения, имеющие достаточно высокие и близкие показатели. Степень вероятности единовременного отложения фрагментов керамики высокая.

3. Альтернативная связь (*Z-связь*) – низкие показатели связи. Ситуация неопределенности позволяет оценивать связи между культурных групп как альтернативные (неопределенные).

Данные о связях культурных групп рассматриваются на нескольких уровнях. Сначала анализировались параметры по конкретному памятнику, затем вычислялись связи в пределах выделенных локальных групп поселений (сакмарская, бузавлыкская и таналыкская) (Бахшиев, 2009, 2012б). В итоге полученные данные сформировали общую схему связей культурных групп на территории всего региона. Для пространственного распределения значений узлов связи выделены категории значимости.

1. Представительные (основные) связи – комбинации связи культурных групп, характерные для всей исследуемой территории.

2. Локальные – широко распространенные сочетания различных культурных групп, характер связи которых меняется в различных территориальных группах памятников.

3. Частные – комбинации культурных групп, встречающиеся на отдельных памятниках.

Полученные обобщенные схемы сосуществования и последовательности смены археологических культур дают строгие основания для выделения основных этапов (культурно-хронологических горизонтов) эпох средней – поздней бронзы Башкирского Зауралья. Наиболее четко выражены следующие крупные этапы.

Культурно-хронологический горизонт 1 связан с присутствием в регионе на рубеже средней и поздней бронзы немногочисленного синташтинско-абашевского населения.

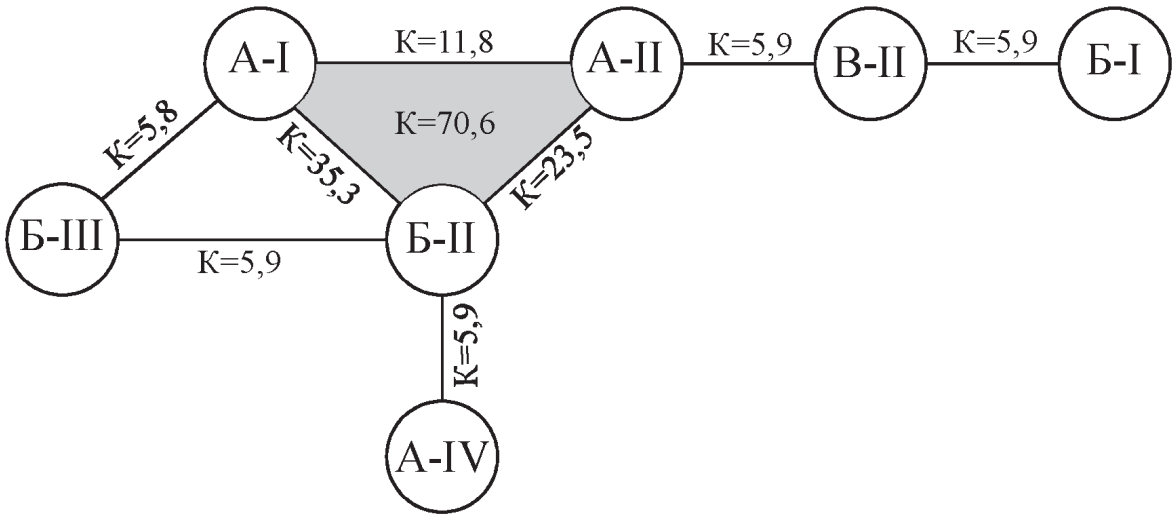
Культурно-хронологический горизонт 2 характеризуется бытованием в эпоху поздней бронзы раннесрубного, раннеалакульского, алакульского, срубного, срубно-алакульского, федоровско-черкаскульского, саргаринско-алексеевского населения.

На всех исследованных поселениях Башкирского Зауралья четко фиксируется связь между керамикой алакульского, срубного и срубно-алакульского типов. Показатель взаимовстречаемости в слое весьма высок и составляет К=70,6 (см. *рисунок*). Совокупный анализ локальных связей свидетельствует о единовременном отложении на большинстве памятников со срубно-алакульским, алакульским и срубным доминирующим культурным фоном целого блока культурных групп: федоровско-черкаскульской, кожумбердинской, саргаринско-алеексеевской, раннеалакульской и раннесрубной (см. *таблицу*). Полученные данные статистики подтверждаются материалами закрытого комплекса поселения Ташла-2.

Из общей схемы взаимосвязи археологических культур «выпадают» синташтинско-абашевские керамические комплексы, маркирующие наиболее архаичный этап освоения рассматриваемой территории на рубеже средней и поздней бронзы. Расположение в предгорной зоне хребта Урал-тау абашевских (могильники Баишево IV, Альмухаметово, Тавлыкаевский IV; поселения Сактар, Лаимберды, Мало-Кизильское) и синташтинских (могильники Ново-Петровский курган, Воскресенский; укрепленные круглые в плане поселения Улак-1, Селек) памятников, локализация первых в горно-лесной и лесостепной частях, а вторых в степной, указывает на культурную «пограничность» Башкирского Зауралья в это время.

Пространственная дифференциация ареала двух этих культур может свидетельствовать о некоторых различиях хозяйственного уклада. Присутствие синташтинских памятников на территории зауральской Башкирии обусловлено, видимо, продвижением на запад населения, вытеснившего обитавшие здесь абашевские племена из привычной экологической ниши (Епимахов, Епимахова, 2006. С. 58–59; Бахшиев, 2012а). Более определенно говорить о характере взаимодействия носителей абашевских и синташтинских культурных стереотипов в Южном Зауралье не представляется возможным в силу ограниченности источников.

Имеющаяся в научной литературе информация о ранних контактах срубных и алакульских общин (Сальников, 1967. С. 307; Виноградов, 1999. С. 65–66; 2005. С. 132; Ткачев,



Граф комбинаций связи культурных групп керамики в культурном слое поселений эпохи бронзы Башкирского Зауралья. Характер связи – «Х-связь».

Селекция комбинаций узлов связи культурных групп керамики (КГ), зафиксированных на поселениях эпохи бронзы Башкирского Зауралья

П-уз.св.	АI-БII	АII-БII				
Л-уз.св.	АI-БI	АI-ВI	АI-ГI	АI-АII	АI-БIII	
	БI-АII	БI-БII	БI-ВII			
	ВI-АII	ВI-БII				
	ГI-БII					
	АII-ВII	АII-БIII	АII-АIV			
	БII-ВII	БII-БIII	БII-АIV			
	БIII-АIV					
Ч-уз.св.	АI-ВII	АI-А1III				
	БI-ВI	БI-ГI	БI-АIII	БI-БIII	БI-А1III	БI-АIV
	ВI-ГI	ВI-БIII	ВI-АIV			
	ГI-АII	ГI-АIV				
	АII-АIII	АII-А^{1}III				
	БII-АIII	БII-А^{1}III		ВII-АIII	ВII-А1III	

Селекция узлов связи	
20; ∞	П-узел связи
5; 20	Л.-уз.св.
0;5	Ч-уз.св.

Общее кол-во комбинаций узлов связи КГ =45 (100%)
Кол-во совпадающих комбинаций узлов связи КГ=14 (38,9%)
Кол-во единичных комбинаций узлов связи КГ=22 (61,1%)

Индексы в наименовании культурных групп (КГ) керамики, выделенных на поселенческих памятниках Башкирского Зауралья

КГ-АI	Алакульская
КГ-БI	Раннеалакульская
КГ-ВI	Федоровско-черкаскульская
КГ-ГI	Кожумбердинская
КГ-АII	Срубная (сосуды развитого этапа срубной культуры)
КГ-БII	Срубно-алакульская
КГ-ВII	Раннесрубная (сосуды раннего этапа срубной культуры)
КГ-АIII	Абашевская
КГ-А[1]III	Синташтинско-абашевская
КГ-БIII	Саргаринско-алексеевская
КГ-АIV	«Желобчатая» керамика («олаировский тип»)

1998. С. 45; 2003. С. 116; 2007. С. 327, 331, 337), а также данные культурной стратиграфии поселений региона, позволяют достаточно определенно заявлять о синхронности (частичной или полной) раннесрубных и раннеалакульских комплексов[2]. Сосуществование здесь ранних и «классических» алакульских и срубных керамических традиций является отражением процесса становления устойчивых гончарных и культурных стереотипов алакульской и срубной археологических культур позднебронзового века. Кроме того, активные интеграционные процессы, происходящие в данной среде, и привели, по убеждению автора, к формированию синкретических срубно-алакульских памятников позднебронзового века Южного Урала.

Слабая представленность федоровско-черкаскульского компонента[3] и отсутствие четких стратифицированных данных о соотношении со срубно-алакульскими комплексами не позволяет однозначно решить проблему их сосуществования.

Зафиксированные случаи совместного залегания в культурном слое поселений сосудов межовской и саргаринско-алексеевской культурных групп указывают на их единовременное отложение, с одной стороны, и связь со срубно-андроновскими культурными группами, с другой (Оло Хаз, Сукраково I, Ташла-2). Полученные данные статистики, свидетельствующие о возможности *частичной* синхронизации срубно-андроновских культурных групп и культур, традиционно относимых к заключительной стадии позднебронзового века, находят подтверждение и в материалах поселений Старо-Яппарово I, Давлеканово[4] IV, Мочище I и др. (Обыденнов, Обыденнова, 1992. С. 149–151; Григорьев, Тидеман, Петрова, 2007; Петрова, Григорьев, 2008).

Сопоставление полученной схемы периодизации археологических культур эпохи бронзы Башкирского Зауралья с материалами погребальных и поселенческих памятников Южного Урала позволяет представить ее в более дробном, трансформированном виде.

Культурно-хронологический горизонт 1 (рубеж средней и поздней бронзы) характеризуется бытованием синташтинской и абашевской культур (XXI–XVIII вв. до н.э.);

2 Основная масса раннеалакульских сосудов, происходящих с территории зауральской Башкирии, соотносится с керамикой поздней фазы существования раннеалакульских древностей (по А.В. Матвееву – чистолебяжский этап, по В.В. Ткачеву – кулевчинская фаза).

3 В связи с высокой фрагментарностью керамики данной культурной группы четкое выделение черкаскульских и федоровских культурных признаков проблематично.

4 Указывая на возможность частичной синхронизации развитых срубных и межовских комплексов, все же отметим, что гораздо больше фактов перекрывания межовскими слоями срубных комплексов (Обыденнов, 1986.С. 49), подтверждающих неоспоримый хронологический приоритет последних.

Культурно-хронологический горизонт 2 (эпоха поздней бронзы) – XVIII–XV вв. до н.э.:

Культурно-хронологический горизонт 2/а – этап, связанный с сосуществованием раннеалакульской и раннесрубной культур (XX (XIX)–XVIII (XVII) вв. до н.э. – ?)[5]. Кроме того, материалы рассматриваемых памятников Башкирского Зауралья указывают также на возможность синхронизации с ними алакульской и срубной культур развитого этапа;

Культурно-хронологический горизонтов 2/б – этап, маркированный классическими алакульскими, развитыми срубными, синкретическими срубно-алакульскими, федоровско-черкаскульскими комплексами (XVII–XV вв. до н.э.);

Культурно-хронологический горизонт 2/в определяется временем существованием алакульского / позднеалакульского (?), срубного, срубно-алакульского, саргаринско-алексеевского и межовского (?) населения (XV–X вв. до н.э.).

Предложенная региональная схема относительной хронологии эпохи бронзы зауральской Башкирии, несколько отличающаяся от традиционной, позволяет уточнить и детализировать знания о содержании эпохи, представить общую модель развития археологических культур более динамичной. Важная особенность этого процесса выражается в смене периодов относительной культурной однородности периодами возрастания культурного многообразия, связанного с сосуществованием и взаимодействием различных культур в предгорной зоне Южного Урала. Особенности культурной стратиграфии поселений региона указывают на усиление культурного разнообразия на втором и третьем этапах эпохи поздней бронзы (культурно-хронологические горизонты 2/б, в). В это время по сравнению с предыдущим этапом прекращают бытовать укрепленные поселения, упрощается погребальный обряд и снижается милитаризация общества.

В.М. Массон (2000. С. 162) и А.В. Епимахов (2003. С. 88) представляют эти процессы регрессивными и стагнационными. Вероятно, это не совсем так. В эпоху поздней бронзы существенно расширяется ареал разрабатываемых месторождений руд и усложняется сама структура производства металла. Наблюдается выделение специализаций не только в рамках одного поселения (Олаир, Лаимберды), но и появление целых специализированных поселенческих комплексов (Горное, Мосоловское). Как отмечает С.А. Григорьев (2006. С. 207), усиление специализации в свою очередь было обусловлено усложнением технических приемов, связанным, вероятно, с появлением на Южном Урале оловянистых лигатур из андроновских горнометаллургических центров Алтая, Казахстана и северной части Средней Азии. Развитие металлургической отрасли в регионе способствовало росту обмена и коммуникации общин, что непосредственно связывается нами с увеличением культурного многообразия населения Южного Урала в позднебронзовом веке.

Таким образом, данные культурной стратиграфии поселенческих памятников Башкирского Зауралья позволяют несколько скорректировать схему относительной хронологии культур позднебронзового века Южного Урала. В первую очередь ставится вопрос о соотнесении времени появления саргаринско-алексеевских древностей в степной части Южного Урала с завершающим этапом существования культур срубно-андроновского культурно-хронологического горизонта.

5 Имеющиеся абсолютные даты определяют хронологический приоритет синташтинских древностей над раннеалакульскими без временного разрыва между ними и не позволяют точно вычленить время существование последних. Представленные даты указывают на понимание автором последовательности культурных трансформаций ранних андроновских культурных образований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бахшиев И.И. Проблема межкультурных контактов населения эпохи бронзы Башкирского Зауралья (по материалам поселенческих памятников) // Феномен Евразийства в материальной и духовной культуре, этнологии, антропологии башкирского народа. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2009. С. 30–33.

Бахшиев И.И. Абашевско-синташтинское межкультурное взаимодействие в лесостепной зоне восточных предгорий хребта Урал-тау (краткий очерк) // Урал и Сибирь в контексте развития российской государственности. Мат-лы конф. «VI

Емельяновские чтения» / Отв. ред. Д.Н. Маслюженко. Курган: Курган. ун-т, 2012а. С. 44–46.

Бахшиев И.И. Проблема межкультурного взаимодействия населения Башкирского Зауралья в эпоху бронзы: культурная стратиграфия и относительная хронология // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 2. СПб.: Переферия, 2012б. С. 158–163.

Виноградов Н.Б. Синташтинские и петровские древности бронзового века Южного Урала и Северного Казахстана в контексте культурных взаимодействий // XIV Уральское археологическое совещание. Тез. докл. Челябинск, 1999. С. 64–66.

Виноградов Н.Б. Памятники петровского типа в Южном Зауралье и Северном Казахстане: культурная атрибуция и внутренняя периодизация // Археология Урала и Западной Сибири (К 80-летию со дня рожд. В.Ф. Генинга). Екатеринбург: Урал. ун-т, 2005. С. 129–133.

Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. 1973. № 1. С. 114–136.

Генинг В.Ф. Древняя керамика: методы и программы исследования в археологии. Киев: Наукова думка, 1992. 188 с.

Горбунов В.С. Бронзовый век Волго-Уральской лесостепи. Уфа: Башк. пед. ун-т, 1992. 223 с.

Григорьев С.А. Основные этапы и проблемы культурогенеза // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Челябинск: Рифей, 2006. С. 188–222.

Григорьев С.А., Тидеман Е.В., Петрова Л.Ю. Стратиграфическая ситуация на поселении эпохи поздней бронзы Мочище I в Южном Зауралье // Известия Челябинского научного центра. 2007. Вып. 2. С. 86–90.

Епимахов А.В. Анализ тенденций социально-экономического развития населения Урала эпохи бронзы // РА. 2003. № 1. С. 83–90.

Епимахов А.В., Епимахова М.Г. Абашевские памятники Южного Зауралья // Урало-Поволжская лесостепь в эпоху бронзового века. Уфа: БГПУ, 2006. С. 53–65.

Зданович Г.Б. Относительная хронология памятников бронзового века урало-казахстанских степей // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1984. С. 3–23.

Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации). Свердловск: Урал. ун-т, 1988. 184 с.

Малютина Т.С., Зданович Г.Б., Петрова Л.Ю. Поселение Берсуат XVIII // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Челябинск: Рифей, 2006. С. 153–172.

Массон В.М. Ранние комплексные общества Восточной Европы // Древние общества юга Восточной Европы в эпоху палеометелла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации). Вып. 63. СПб., 2000. С. 135–167.

Обыденнов М.Ф. Поздний бронзовый век Южного Урала. Уфа: Башк. ун-т, 1986. 80 с.

Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г. Т. Северовосточная периферия срубной культурно-исторической общности. Самара: Саратов. ун-т, Самарский филиал, 1992. 176 с.

Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф. Археологические культуры позднего бронзового века древних уральцев (черкаскульская и межовская культуры). Екатеринбург: Урал. ун-т, 1995. 196 с.

Петрова Л. Ю., Григорьев С.А. Особенности стратиграфии поселений эпохи поздней бронзы Южного Зауралья // Тр. II (XVIII) Всерос. археологического съезда в Суздале. Т. I. М.: ИА РАН, 2008. С.438–440.

Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967. 408 с.

Стоколос В.С. О стратиграфии поселения Кипель // СА. 1970. № 3. С. 193–198.

Стоколос В.С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья (хронология и периодизация). М.: Наука, 1972. 168 с.

Ткачев В.В. К проблеме происхождения петровской культуры // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. II / Под ред. Н.Л. Моргуновой. Оренбург: Димур, 1998. С. 38–56.

Ткачев В.В. Начало алакульской эпохи в Урало-Казахстанском регионе // Степная цивилизация Восточной Азии. Т. 1: Древние эпохи. Астана: Kultegin, 2003. С. 109–124.

Ткачев В.В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе: Актюб. обл. центр истории, этнографии и археологии, 2007. 384 с.

Цетлин Ю.Б. Периодизация неолита Верхнего Поволжья. Методические проблемы. М.: ИА АН СССР, 1991. 195 с.

ФОРТИФИКАЦИЯ ПОСЕЛЕНИЯ КАМЕННЫЙ АМБАР (ЮЖНОЕ ЗАУРАЛЬЕ)[1]

© 2014 г. Н.А. Берсенева, А.В. Епимахов

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Южно-Уральский филиал, Челябинск
(*bersnatasha@mail.ru*; *eav74@rambler.ru*)

***Ключевые слова*:** бронзовый век, Южный Урал, синташтинская культура, поселение Каменный Амбар, фортификация.

Резюме. Исследование посвящено проблемам развития систем фортификации синташтинской культуры на примере укрепленного поселения Каменный Амбар. Многолетние работы на памятнике дали возможность предложить вариант соотношения между собой нескольких линий фортификации и отчасти реконструировать «историю жизни» этого многослойного памятника.

Возникновение и развитие систем фортификации – один из широко обсуждаемых археологических феноменов. Большинство авторов связывают эту традицию с историей военного дела, хотя данный тезис определенно нуждается в дополнительной аргументации в каждом конкретном случае. Трансформация во времени систем фортификации способна дать ответы на многие вопросы, и в первую очередь связанные с «историей жизни» изучаемого памятника. Одна из ярких иллюстраций проблем интерпретации – синташтинские древности бронзового века (конец III – начало II тыс. до н.э.). Многолетние комплексные исследования, проводимые в рамках российско-германского проекта на территории Южного Зауралья, позволяют предложить наиболее вероятный вариант реконструкции функционирования одного из населенных центров в длительной перспективе.

Данная работа представляет последние по времени результаты, полученные в ходе полевых работ 2011–2013 гг. на поселении Каменный Амбар (Карталинский р-н Челябинской обл.). Сведения о памятнике и итоги более ранних исследований представлены в печати (Корякова и др., 2011; Multidisciplinary investigations…, 2013), что избавляет от необходимости приводить подробности. Общая структура поселения была установлена благодаря применению комплекса неразрушающих методов и сохранившемуся рельефу. Выяснилось, что замкнутая система обороны разделена на две практически равные части дополнительной линией фортификации. Северо-восточная половина сохранила отчетливые следы блочной застройки внутреннего пространства, юго-западная (сильно пострадавшая от поздних перестроек и современной хозяйственной деятельности) внятных структур, синхронных фортификации, не демонстрировала. Таким образом, в решении вопросов функциональных, конструктивных и иных различий частей поселения на первый план вышли методы полевой археологии.

Отметим, что очень сложная многоэтапная история обживания площадки сформировала культурный слой с яркой стратиграфией и планиграфией. Работы 2011–2013 гг. проводились на двух участках, захватывающих конструкции промежуточной и внешней линии, а также прилегающие площади.

Внешняя линия обороны северо-восточной части оказалась аналогична ранее исследо-

1 Работа выполнена в рамках программы НИР «Среда обитания и социокультурное пространство Южного Урала и Зауралья в эпоху палеометалла».

ванным участкам. Главным элементом была грунтовая стена, от которой сохранилось основание из погребенной почвы шириной до 4 м, нижняя часть грунтового заполнения и каменная облицовка внешней поверхности. Последняя обнаружена практически полностью в заполнении рва, куда она сместилась в процессе руинирования. Облик внутренней поверхности этой стены в данном случае остался неустановленным, так как она пострадала при сооружении поздней постройки 12. Ров на данном участке характеризуется большим перепадом глубин: отметки уровня дна от –135 до –230, в отдельных случаях он едва прорезал подстилающее материковое основание. Заполнение имело очень сложную слоистую структуру с многочисленными следами воздействия огня. Прокаленный грунт, скорее всего, связан с этапами разрушения оборонительной стены.

В напольной части прослежены следы дополнительного сооружения вдоль внешней границы рва. Слагающие его материалы аналогичны основным компонентам оборонительной стены, хотя масштабы заметно скромнее. Следует отметить и в этом случае мощность и разнообразие прокаленных прослоек. Ширина основания данного элемента системы существенно меньше стены – около 2 м, как, вероятно, и первоначальная высота.

Внешняя линия обороны в юго-восточной части имела ряд отличий от описанной выше. В первую очередь это касается конструкции стены, полностью лишенной каменной облицовки. Нет и достоверных столбовых ям вдоль внутренней границы этого элемента. Грунты, его слагающие, в общих чертах сходны с материалами стены из северных участков. Строителями в обоих случаях был сохранен максимум погребенной почвы, на которой и располагалась основная масса заполняющего грунта. Ширина основания также сопоставима и близка к 4 м.

Ров на уровне материка имел несколько меньшие ширину и глубину, однако с учетом зафиксированной вариативности этих показателей для всех ранее изученных участков внешней линии фортификации и небольшой площади раскопок в юго-западной половине этому наблюдению вряд ли стоит уделять внимание. В глаза бросается значительное пространство между окончаниями рва анализируемых половин поселения. Если отсутствие стены в этом месте могло в принципе объясняться поздними перестройками (следы которых, впрочем, не обнаружены), то размыкание рва явно сделано целенаправленно.

Никакие надежно диагностируемые следы сооружений в напольной части не выявлены, и это – еще одно очевидное отличие.

Данные о параметрах *промежуточной линии обороны* получены для двух разных участков. Установлено, что параметры и заполнение рва существенно отличались от характеристик внешнего рва. Во-первых, его размеры в целом были меньше, на изученном участке отсутствовали следы подновлений. Во-вторых, характер заполнения со всей очевидностью свидетельствовал о постепенности процесса руинирования. Наконец, существенно отличалась от ранее изученных стена, которую ров опоясывал. В основании внешней стены обычно залегал мощный непотревоженный слой погребенной почвы, однако на внутренней линии обороны эта часть слоя сохранилась фрагментарно. Внешняя граница стены отстоит от края рва, образуя внушительную ступень. Главным же стало обнаружение в южной половине поселения следов регулярной застройки, сходных по планировке с северной.

Факты, полученные в результате раскопок, позволяют сформулировать вариант реконструкции истории жизни поселения, т.е. придать статичной картине археологического источника элементы динамики. С нашей точки зрения, единственное объяснение наблюдаемой сложной картины – длительность ее формирования.

На первом этапе были сооружены внешняя линия фортификации и связанные с ней блоки застройки. Подчеркнем, что северо-восточная и юго-западная части поселения, видимо, возводились одновременно. На исследованных в 2011–2013 гг. участках разрыв в линии обороны связан с входом во внутренне пространство городища. На это указывают следы мощных столбов, заполненных прокаленным грунтом, которые расположены непосредственно на линии внешней стены. Расстояние между ними составляет около 3 м, что совпадает с ранее исследованным входом в северо-

восточной стене (Корякова и др., 2011. С. 65). Такая интерпретация косвенно подтверждается единством планировочной схемы двух частей поселения, которое было установлено в ходе исследования раскопа 7.

Следующая фаза истории формирования памятника связана с сокращением площади поселения практически вдвое, о причинах которого можно только догадываться. На этом этапе продолжает функционировать северо-восточная половина. Особенности сплошной блочной застройки неизбежно требовали замкнуть контур с юго-запада, что и было сделано путем возведения новой стены и выкапывания рва. При этом часть котлованов более ранней застройки была засыпана, что объясняет «странную» конструкцию внутренней стены. Не исключено, что для ее облицовки были взяты плиты из заброшенных участков. Новый ров был соединен с существующим и частично уничтожил конструкцию входа.

Длительность второй фазы существования поселения не поддается надежной оценке, но следы ремонтов построек хорошо читаются, как и подновления внешнего рва. На какое-то время площадка оказалась заброшена и все сооружения руинированы. Новые группы пришли сюда уже по прошествии значительного времени, хотя при возведении постройки 12 они явно использовали существующие особенности рельефа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Корякова Л.Н., Краузе Р., Епимахов А.В., Шарапова С.В., Пантелеева С.Е., Берсенева Н.А., Форнасье Й., Кайзер Э., Молчанов И.В., Чечушков И.В. Археологическое исследование укрепленного поселения Каменный Амбар (Ольгино) // Археология, антропология и этнография Евразии. 2011. № 4 (48). С. 61–74.

Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals / Eds R. Krause, L. Korjakova. Bonn: Rudolf Habelt, 2013. 352 p. (Frankfurter Archäologische Schriften; 23).

К ВОПРОСУ РЕКОНСТРУКЦИИ МИФОЛОГИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ БРОНЗОВОГО ВЕКА СЕВЕРА СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ АБАШЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ)

© 2014 г. С.В. Большов

Информационно-туристский центр «Царевококшайский Кремль», Йошкар-Ола
(*bostg@mail.ru*)

***Ключевые слова**:* абашевская культура, семантика, знак-символ, орнамент, мифология, обряд, курган, погребение, культурогенез.

Резюме. В статье на основе анализа погребального обряда и семантики орнамента сосудов реконструируется мифологическая модель мировоззрения абашевских племен Среднего Поволжья. Предполагается, что у абашевских племен существовала особая каста посвященных – хранителей древних знаний, а жреческие функции в их обществе выполняли женщины.

Культурогенетические процессы охватывают не только экономическую сторону развития древних обществ, но и идеологическую, что находит выражение в семантике погребального обряда и культовых предметов.

Семантика погребального обряда. Курганы как погребальные сооружения впервые появляются на севере Среднего Поволжья в бронзовом веке в абашевской и атликасинской культурах. Курган как сооружение является «домом мертвых», но одновременно символизирует и трихотомическую модель мироздания: с верхним (небесным), средним (земным) и нижним (подземным) мирами. Семантическое выражение нижнего мира заключено в самом погребении с останками умершего и отделенного от «земного мира» перекрытием над могильной ямой. Семантика земного мира выражена в погребальных ритуалах, осуществлявшихся рядом с погребением во время захоронения и сразу же после него. Переход умершего в иной мир связан с культом огня, который часто и достоверно фиксируется в абашевском погребальном обряде (Халиков, 1961. С. 211). В кургане 31 Пеленгерского I могильника зафиксировано одно кострище на насыпи кургана и десять – на погребенной почве. На погребенной почве в курганах находились также сосуды, фрагменты керамики, кремневые отщепы, кальцинированные кости животных. Все это, вероятно, должно служить символом связи погребаемого с земным миром и способствовать его переходу в иной мир. Небесный мир символизирует сама полусфера кургана. Связь с верхним миром осуществлялась посредством идола, который устанавливался на кургане рядом с погребением и следы которого в виде больших ям (диаметром до 40 см) прослежены на ряде курганов.

Дистрибутивно-статистический анализ погребений с шильями показывает, что из 17 погребений в 12 шилья обнаружены вместе с бронзовыми составными украшениями на кожаных лентах. Рассматривая погребения с шильями, А.Т. Синюк отмечает их ритуальное назначение и считает, что они могли использоваться в обрядах инициаций (Синюк, 1996. С. 300–301). Шилья в средневолжских абашевских могильниках встречаются довольно редко. В изученном полностью Пеленгерском I могильнике из 50 курганов с 74 погребениями только в одном погребении было шило. Исключение составляет курган 17 Виловатовского II могильника, где в кургане 17 из 10 погребений в 4 были шилья. Можно предположить, что курган 17 был захоронением близких родственников, обладавших жрече-

скими функциями. Есть основания, учитывая особый состав погребального инвентаря (шилья, бронзовые многокомпонентные украшения на кожаных лентах) и специфические черты обряда определенной группы женских погребений, предположить, что культовая практика в абашевском обществе осуществлялась женщинами.

В культурах эпохи бронзы степной и лесостепной зон Восточной Европы существовали культовые ритуалы, связанные с прижизненными и посмертными манипуляциями с черепами погребенных. Следы трепанации и специфических манипуляций с телами погребенных в Пепкинском кургане свидетельствуют о сложном погребальном обряде у абашевских племен. М.Б. Медникова считает, что все эти погребально-ритуальные действия были направлены на преображение сущности человека (Медникова, 2001. С. 260–263).

Одно из загадочных – погребение кургана 14 Виловатовского II могильника. На черепе погребенной зафиксирован ровный срез по фронтальной плоскости и отсутствует лицевая часть и верхняя челюсть. Запястья рук плотно прижаты и, вероятно, были связаны. В погребении находились шило, три браслета, из которых один в серебряной обкладке, налобный венчик и многочисленные бронзовые украшения на длинных кожаных лентах. Для чего была взята лицевая часть черепа? Вероятно для создания посмертной маски. Изготовление масок из лицевой части черепа известно в гальштатских и кельтских древностях (Медникова, 2001. С. 239).

Семантика орнамента керамики. Среди абашевской посуды выделяется группа сосудов со сложным геометрическим орнаментом или знаками-символами. Членение орнаментальной композиции абашевских сосудов осуществляется в следующей системе ноуменов: элемент, фигура, мотив, зона, композиция. С появлением в орнаменте фигуры орнамент приобретает знаменательное содержание, в котором фигура приближается к такому понятию, как знак, символ. Рассмотрим семантику знаков-символов абашевского орнамента.

Знак-символ «змея» обозначается цепочкой штрихованных ромбов. Такое обозначение змеи встречается у многих народов с древности (Иванов, 1963. С. 11–13), и такой рисунок известен у песчаной гадюки.

Знак-символ «поле и земля» – штрихованные в шахматном порядке квадраты. Как отмечает Б.А. Рыбаков, так называемый шашечный ромб или перекрещенный квадрат – символ плодородия и знак поля (Рыбаков, 1994. С. 49–50).

Знак «мировое древо» изображается в виде двух пар линий, отходящих под углом вверх от центрального «ствола». Позднее символ «мировое древо» дополняется животными, стоящими по обе стороны от него и считается общеевропейским (Рыбаков, 1994. С. 78, 81).

Солярный знак-символ отмечен на небольшой группе абашевских сосудов (до 10 сосудов) и варьирует от простых ямочных или каплевидных вдавлений, образующих круг, до сложных композиций из ямок, резных линий и треугольников, образующих розетку.

Орнаментальная зона «годовой цикл» состоит из 12 символов, причем 4 различных символа повторяются по 3 раза. Зона состоит из следующих знаков-символов:

1 – круги (8 кругов в группе);

2 – углы, образующие двойной зигзаг, со штриховкой углов;

3 – группы вертикальных отрезков (по 3 в группе);

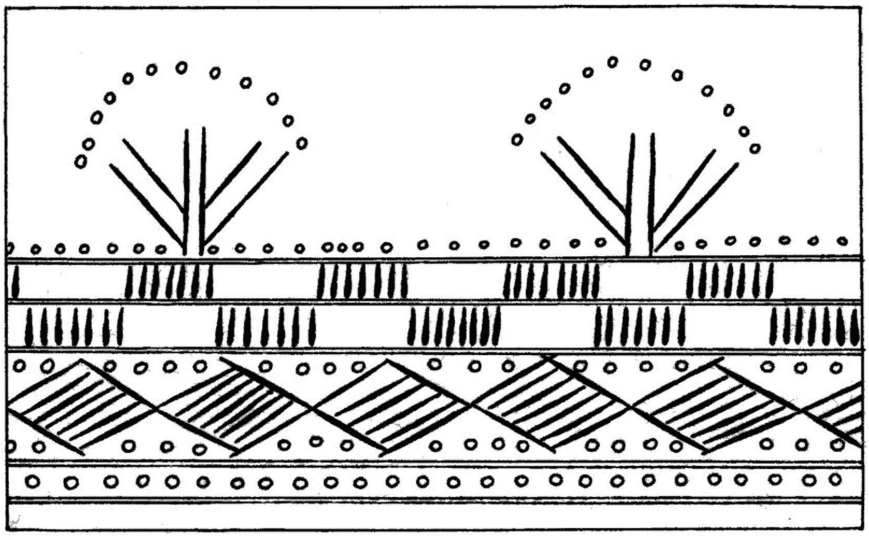
4 – «косой крест» (в двух случаях – двойной).

Эта орнаментальная зона, возможно, символизирует годовой цикл.

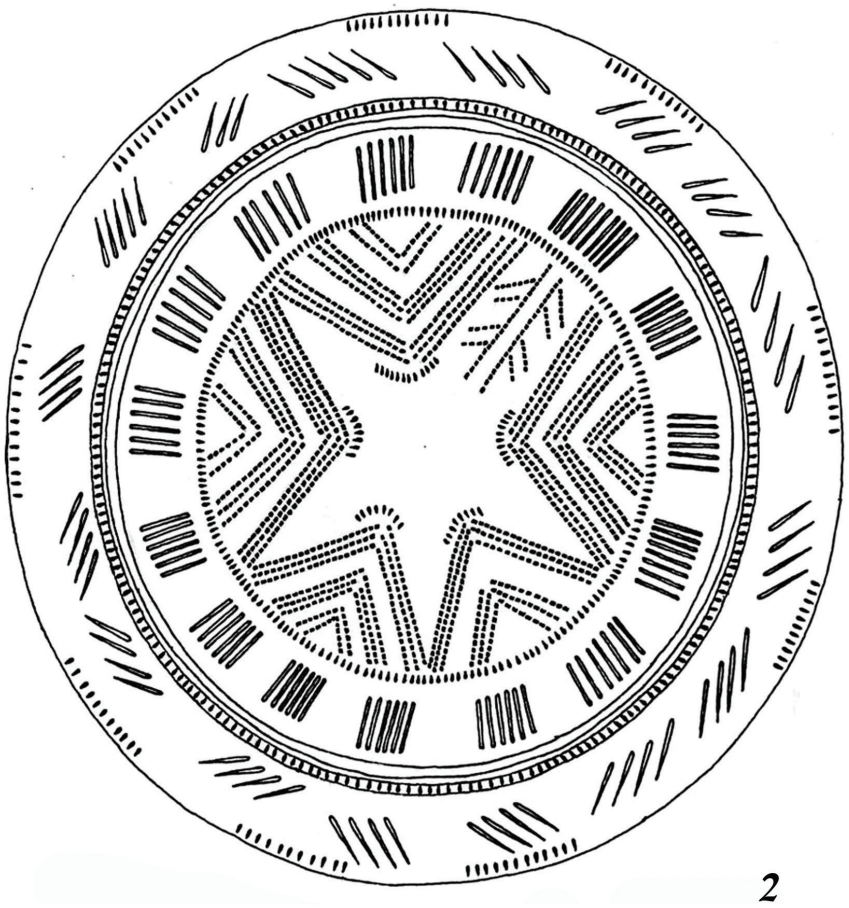
Орнаментальная зона «ход солнца» – полукруг, образованный круглыми вдавлениями над знаком «мировое древо».

Орнаментальная композиция «открытая звезда» (рис. 1, 2) – в третьей зоне орнаментальной композиции (верхний мир) изображена пятиконечная звезда, у которой один конец разомкнут и в нем помещено изображение «мирового древа».

Орнаментальная модель мироздания (рис. 1, 1; 2). Орнаментальные композиции двух сосудов из могильника Пеленгер I делятся на три зоны орнамента. Считается, что прочтение орнаментальных композиций осуществляется со дна сосуда и эта зона орнамента соответствует верхнему миру или небесному пространству. Средняя зона – это упорядоченный средний или земной мир.



1



2

Рис. 1. Могильник Пеленгер I. 1 – орнаментальная композиция сосуда (к. 44, п. 1); 2 – развертка орнаментальной композиции «открытая звезда» сосуда (к.1, п. 1).

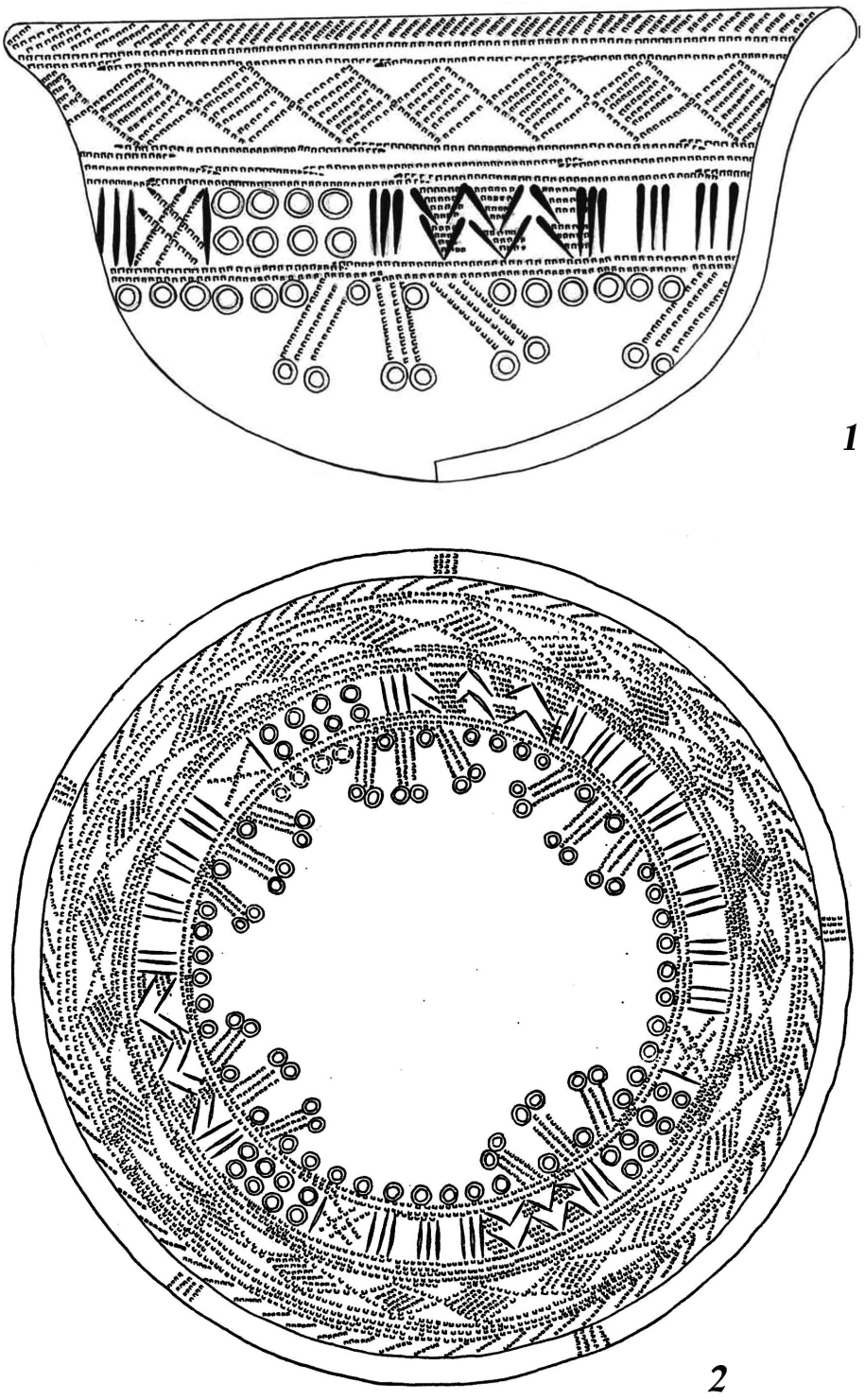


Рис. 2. Могильник Пеленгер I, к. 9, п. 2. 1 – сосуд; 2 – развертка орнаментальной композиции сосуда: трихотомическая модель мироздания.

И последняя зона – нижний мир (Ковалева, 1997. С. 67). Рассмотрим два сосуда из могильника Пеленгер I.

Нижний мир на обоих сосудах обозначен цепочкой штрихованных ромбов, которая, вероятно, символизирует змею. Связь змеи с нижним миром прослеживается у многих народов. У чувашей, проживающих в Среднем Поволжье, при помощи змеи, изготовленной из деревянных палочек в виде цепочки ромбов, отгоняли злых духов во время языческого праздника мертвых «вирӗм». Образ змеи связан у чувашей также с представлением о нижнем мире: вхождение в нижний мир ассоциируется со змеей, ожидающей под мостом (Салмин, 1989. С. 49).

Средний мир на одном из сосудов обозначен штрихованными прямоугольниками, расположенными в шахматном порядке. Орнаментальная зона другого сосуда (описанная выше орнаментальная зона «годовой цикл») находит аналогию на сосуде из Альмашфюзите культуры колоколовидных кубков, датированным XVIII в. до н.э., что соответствует дате сосуда из могильника Пеленгер I. На сосуде из Альмашфюзите Б.А. Рыбаков выделяет 12 символов, среди которых «зигзаг» и «косой крест», как и на сосуде из могильника Пеленгер I. Эти символы Б.А. Рыбаков связывает с 12 месяцами, выделяя «летнюю и зимнюю зоны», и четырьмя солнечными фазами (Рыбаков, 1994. С. 322–323).

Верхний мир на сосудах обозначается солярными символами в виде круглых вдавлений, образующих полукруг. Иногда они расположены над знаком «мировое древо». Эта орнаментальная зона отличается от двух приведенных выше орнаментальных зон тем, что это «открытая орнаментальная зона». Орнаментальные зоны «нижний и средний мир» ограничены сверху и снизу горизонтальными линиями, создающими замкнутое пространство.

В абашевском орнаменте отражается его абстрагирующая и идеографическая основа – осознание важных законов, управляющих природой и жизнью человеческих коллективов. В орнаментальном творчестве абашевских племен фиксируется переход к определению закономерностей, законов, управляющих природой и жизнью человека. Знаки символы не только выражают образы окружающего мира, но и отражают психическую деятельность человека, будучи продуктом его мифотворчества.

С приходом в Среднее Поволжье племен культур эпохи бронзы, абашевской, балановской и атликасинской, в мировоззрении населения утверждаются новые культы, которые сосуществуют с культами охотников и рыболовов племен волосовской культуры. Получает развитие мифологическая модель мироздания, состоящая из трех сфер: подземный, земной и небесный миры. Продолжают существовать и получают развитие культ огня и солярный культ. В этот период происходит создание одной из фундаментальных моделей мироздания – модели «того света» – потустороннего царства или искусственного мира – «Мира Мертвых» *(Смирнов, 1997. С. 80)*. Появление знака-символа как инструмента кодирования, сохранения и передачи информации подтверждает возникновение определенной группы населения или касты посвященных, хранителей древних знаний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 500 с.

Ковалева В.Т. Скрытые символы древнего знания // Урал в системе культурных и хозяйственных связей в древности и средневековье. Екатеринбург: УрО РАН, 1997. С. 65–75. (Уральский исторический вестник; № 4).

Медникова М.Б. Трепанации у древних народов Евразии. М.: Научный мир, 2001. 304 с.

Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1994. 606 с.

Салмин А.К. Сказка – обряд – действительность. Историко-типологическое изучение чувашского текста. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1989. 150 с.

Синюк А.Т. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж: Изд-во Воронеж. пед. ин-та, 1996. 350 с.

Смирнов Ю.А. Лабиринт. Мифология преднамеренного погребения. Исследование, тексты, словарь. М.: Вост. лит., 1997. 279 с.

Халиков А.Х. Памятники абашевской культуры в Марийской АССР // Абашевская культура в Среднем Поволжье. М.: Изд-во АН СССР. 1961. С. 157–241. (МИА; № 97).

НАРУШЕННЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ ЗАУРАЛЬЯ И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ФЕДОРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ)

© 2014 г. А.В. Бондаренко

Институт археологии РАН, Москва
(sturabondarenko@gmail.com)

***Ключевые слова*:** Западная Сибирь, эпоха бронзы, федоровская культура, погребальный обряд, нарушенные погребения.

Резюме. В публикации поднимается тематика нарушенных в древности погребений. На основе анализа ряда памятников приводится краткая характеристика основных черт постингумационного проникновения в могилы федоровской культуры эпохи бронзы Зауралья и Западной Сибири.

Будучи массовым и крайне интересным источником, погребения со следами древнего проникновения привлекают внимание все большего числа исследователей. Часто авторы занимаются интерпретацией конкретных случаев, характерных для тех или иных памятников. Яркий пример – нарушенные погребения могильника федоровской культуры Чекановский Лог X (Демин, Ситников, 2005). Однако уже сегодня имеется база для обобщений по конкретным могильникам и отдельным временным или культурным пластам нарушенных погребений, что определяет актуальность исследования (Бондаренко, Грушин, 2013).

Цель работы – сравнительная характеристика нарушенных погребений федоровской культуры эпохи бронзы Зауралья и Западной Сибири. Основные задачи – анализ материалов по ряду признаков, составление предельно схематичной (исходя из объема публикации) таблицы и краткое обобщение полученных данных.

Тематика нарушенных погребений слабо изучена, не имеет достаточно разработанной методики. Кроме того, ученый неизбежно сталкивается с рядом проблем. Во-первых, невозможность охвата всех известных памятников определенной культуры. Во-вторых, недоступность в силу самых разных обстоятельств многих отчетов и полевой документации. В-третьих, субъективность оценок и невозможность посмотреть на источники глазами археологов, впервые их нашедших. Все это делает неизбежным целый ряд допущений и неточностей. В целях ограничения числа могильников и получения возможности апелляции к мнению авторов раскопок в статье были использованы только материалы частично или полностью изученных и опубликованных некрополей.

Курганный могильник Урефты I (Челябинская обл., Сосновский р-н, оз. Урефты) исследовался в 1979 г. экспедицией под руководством Г.В. Бельтиковой, в 1980 – С.А. Днепрова, в 1981–1983, 1996–1999 гг. – О.Н. Корочковой. Выявлены погребения алакульской, федоровской культур и смешанные алакульско-федоровские. К федоровской культуре отнесены 8 курганов, 13 могил (Стефанов, Корочкова, 2006. С. 78).

В насыпях федоровских курганов следы проникновений не прослежены. Для алакульских сооружений авторы предполагают возведение насыпи в несколько этапов и оставление на время свободным входа в могилу (Стефанов, Корочкова, 2006. С. 74). Вероятно, эти реконструкции могут проецироваться на федоровскую часть некрополя (Стефанов, Корочкова, 2006. С. 116). Основная характеристика нарушенных погребений приведена в табл. 1, 2.

Курганный могильник Лисаковский I (Республика Казахстан, Костанайская обл., г. Лисаковск) на протяжении 10 лет исследовался экспедицией под руководством Э.Р. Усмановой. Раскопкам подверглись 75 погребальных построек, 174 погребения алакульской и федоровской культур (Усманова, 2005. С. 6).

Практика проникновения на Лисаковском I могильнике сложна. Основным обрядом федоровцев на этой территории было трупосожжение – 55 из 58 могил, включенных в выборку (табл. 1, 2). Кремированные останки могли помещаться в могилу компактным скоплением, раскидываться по дну или намеренно в заполнении (о чем свидетельствуют сажистые или золистые прослойки в стратиграфии некоторых ям). В данной ситуации положение костей не может точно указать на закрытость комплекса, поэтому многие рассуждения о кремациях относительны.

Погребения (32) Лисаковского I могильника отнесены к кенотафам (Усманова, 2005. С. 65). Возможно, часть из них принадлежит к федоровским и была нарушена, в связи с чем останки погребенного затерялись, как и в некоторых погребениях могильника Урефты I.

Грунтовый могильник Еловский II (Томская обл., Кожевниковский р-н, д. Еловка) исследовался под руководством В.И. Матющенко (2004) в 1961–1962, 1965–1969, 1974, 1979–1981 гг. На некрополе выделены погребения разных культур эпохи бронзы: андроновские, еловские и смешанные комплексы, ирменские захоронения. К андроновскому массиву относятся 238 грунтовых погребений, 56 из которых нарушены (табл. 1, 2).

Могильник Кытманово (Алтайский край, Кытмановский р-н) исследовался в 1961–1962 гг. экспедицией В.И. Каца, в 1962–1963 гг. – А.П. Уманского. Раскопками охвачены около 60 погребений, опубликованы материалы 35 могил (Уманский, Кирюшин, Грушин, 2007), 6 из них нарушены (табл. 1, *I*).

Сравнение набора погребального инвентаря закрытых и нарушенных могил демонстрирует расхождения в числе изделий из золота (табл. 2). В потревоженных комплексах – это одна серьга из погребения 29, в то время как в непотревоженных их набор разнообразен (серьги, подвески, обоймы, пронизи) и доходит до 18 предметов в комплексе (могиле 30). Возможно, это следствие изъятия золотых вещей в ходе проникновения.

По результатам анализа нарушенных федоровских погребений получены следующие выводы. Основные черты погребальной практики в потревоженных и закрытых комплексах идентичны.

Распространенный признак проникновения в могилу – разноуровневое положение костей погребенного и предметов инвентаря в заполнении могильной ямы. Стены и дно ямы разрушались редко. Это может свидетельствовать об осведомленности «нарушителей» о внутренней планиграфии комплексов. Проникновение происходило после полного скелетирования останков. Только в двух могилах из выборки (Еловка II) смещенные кости имели сочленения.

Положение нарушенных костей свидетельствует, что интерес проявлялся по отношению к верхней части тела погребенного: смещения черепа (от 50 до 70%), рук и грудной клетки (от 70 до 100%) встречаются чаще. Направленный интерес к нижней части тела фиксируется крайне редко (один случай из выборки, Еловка II). Кости ног во многих случаях оставались не потревоженными (от 50 до 70%). Достаточно редко смещались все кости погребенного (от 20 до 30%).

Смещенные кости могли изыматься (от 20 до 70%), а оставшиеся в яме залегали беспорядочно по всему дну ямы или рядом с местом своего первоначального расположения, либо образовывали скопления.

Изучение нарушенных захоронений кремированных останков сопряжено с рядом проблем и требует непосредственной работы с полевыми материалами.

В большинстве случаев набор инвентаря потревоженных и закрытых комплексов может указывать на отсутствие прагматических целей в ходе нарушения. Видимо, исключением являются золотые предметы могильника Кытманово. Отсутствие различий в размерах погребальных конструкций и других характеристик нарушенных и закрытых могил может быть следствием проникновения, связанного не с социальным статусом покойного, а с какими-то другими причинами.

Таблица 1. Сравнительная характеристика основных черт погребального обряда и практики нарушения могил в памятниках федоровской культуры

	Урефты I	Лисаковский I	Еловка II	Кытманово
I. Основные черты погребального обряда				
Датировка	XVII в. до н.э.	Середина II тыс. до н.э.	XIII–XII вв.	Третья четверть II тыс. до н.э.
Объем выборки (общее количество могил)	13	58	235	35
Кремация	6	52	10, 1 из них нарушена	1
Отсутствуют костные останки	7	?	11	–
Захоронение необожженного трупа	–	3, 1 из них нарушено	214	33
Нарушенные погребения	3 (23%) из 13	10 (17%) из 58 + 2 разрушены другими могилами	56 (24%) из 235	6 (17%) из 35 +1 разрушено другой могилой
Не определена закрытость/ открытость комплекса	3 (23%) из 13	5 (50%) из 58	37 (16%) из 235	8 (23%) из 35
Описана норная деятельность	1, условно закрыт	–	3, условно закрыты	16, 9 из них закрыты, 7 не определены
II. Основные черты практики проникновения в могилы (% показатели даются от числа нарушенных могил конкретного памятника)				
Разрушение стенок или дна ямы шурфом	–	Могила 17 группы Г	Могила 158	Могила 25-26
Инвентарь и кости в заполнении ямы	1 (33%)	7 (70%)	9 (16%)	3 (50%)
Изъятие черепа		1	10 (18%)	Могила 11
Череп *in situ*		–	31 (55%), в т.ч. фрагментированный	2 (33%)
Потревожена верхняя часть скелета		1	41 (73%)	6 (100%)
In situ нижняя часть скелета		1 (стопы)	38 (68%)	3 (50%)
Все кости потревожены		–	12 (21%)	2 (33%)
Изъятие большинства смещенных костей		1	12 (21%)	4 (67%)
Скопление костей		1	6 (11%)	2 (33%)
Кости разбросаны по дну	2 (67%)	–	4 (7%)	2 (33%)

Таблица 2. Встречаемость разных типов инвентаря в нарушенных и закрытых погребениях федоровской культуры

	Количество могил	Керамический сосуд	Кости животных	Украшения из бронзы	Украшения из золота	Бронзовый нож	Всего различный инвентарь
Урефты I							
Закрытые	7	7 (100%)	3 (43%)	–	–	1 (17%)	7 (100%)
Нарушенные	3	2 (67%)	1 (33%)	–	–	1 (33%)	3 (100%)
Лисаковский I							
Закрытые	41	32 (78%)	6 (14%)	3 (7%)			33(80%)
Нарушенные	10	8 (80%)	3 (30%)	1 (10%)	–	–	9 (90%)
Еловка II							
Закрытые	143	80 (56%)	12 (8%)	90 (63%)	–	20 (14%)	128 (89%)
Нарушенные	56	38 (68%)	7 (12%)	31(55%)	–	13 (23%)	49 (87%)
Кытманово							
Закрытые	19	13 (68%)	3 (16%)	8 (42%)	5 (26%)	–	14 (74%)
Нарушенные	6	4 (67%)	1 (17%)	3 (50%)	1 (17%)	–	4 (67%)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бондаренко А.В., Грушин С.П. Нарушенные погребения елунинской культуры эпохи бронзы (по материалам могильника Телеутский Взвоз I) // Вестник НГУ. Серия: История, филология, 2013. Т. 12. Вып. 5: Археология и этнография. С. 170–181.

Демин М.А., Ситников С.М. К вопросу о времени и причинах «ограбления» андроновских захоронений (по материалам грунтового могильника Чекановский Лог X) // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул: АлтГУ, 2005. С. 68–72.

Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Ч. 2: Еловский II могильник. Доирменские комплексы. Омск: ОмГУ, 2004. 468 с.

Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Урефты I: зауральский памятник в андроновском контексте. Екатеринбург: Урал. ун-т, 2006. 160 с.

Уманский А.П., Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П. Погребальный обряд населения андроновской культуры Причумышья (по материалам могильника Кытманово). Барнаул: АлтГУ, 2007. 132 с.

Усманова Э.Р. Могильник Лисаковский I: факты и параллели. Караганда; Лисаковск, 2005. 232 с.

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ УКРЕПЛЕННОГО ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ ФИНАЛЬНОГО БРОНЗОВОГО ВЕКА ДИКИЙ САД[1]

© 2014 г. К.В. Горбенко

Николаевский национальный университет, Николаев, Украина
(dikiysad@ukr.net)

Ключевые слова: городище Дикий Сад, р. Ингул, финальный бронзовый век, фортификационные сооружения, находки.

Резюме. В работе рассмотрен интереснейший памятник – городище Дикий Сад, в культурно-хронологическом аспекте относящийся к белозерской археологической культуре финального бронзового века – XIII/XII–XI/X вв. до н.э. Рассмотрены его оборонительные сооружения, артефакты. Сделан вывод, что наа протяжении всего времени существования городище Дикий Сад было своеобразным экономическим, социально-культурным, религиозно-культовым и военно-политическим центром региона нижнего течения рек Днестр, Южный Буг и Днепр.

Городище Дикий Сад располагается в исторической части современного города Николаева, на высокой террасе левого берега р. Ингул. В культурно-хронологическом аспекте памятник относится к белозерской археологической культуре финального бронзового века – XIII/XII–XI/X вв. до н.э. (Горбенко, 2007. С. 7–10).

Конструктивно городище состояло из трех частей: «цитадели», огражденной внутренним рвом, «предместья», огражденного внешним рвом, и «посада», располагавшегося за внешним рвом (рис. 1). На этой территории исследованы жилые, хозяйственные, ритуально-культовые и социальные объекты (Горбенко, 2001). Необходимо отметить, что исторический феномен Дикого Сада выходит за пределы традиционных представлений как о самой белозерской культуре, так и всей эпохе финальной бронзы на юге современной Украины. По многим показателям (материальная культура, хозяйство, ремесла, архитектура) Дикий Сад отличается от сформировавшихся в науке утверждений (Gorbenko, Grebennikov, 2009. P. 374–389). Особенно ярко феномен памятника проявился на примере оборонительных сооружений.

Укрепления Дикого Сада состояли из двух рвов: внутреннего, ограждавшего «цитадель», и внешнего, ограждавшего «предместье» городища. Оба рва, замыкая круг обороны, смыкались с коренными древними балками. Внешний оборонительный ров представлял собой менее сложную конструкцию, чем внутренний (рис. 1). Он проходил по оси ЮЗ–СВ. Длина исследованной части – 45 м, ширина – 2–3 м, глубина – 1,2–1,3 м от уровня материка. В заполнении зафиксированы незначительные фрагменты керамической посуды, фрагмент каменной литейной формы для отливки кельта (рис. 2, *1*), развал керамического горшка (рис. 2, *5*), кости животных (крупного и мелкого рогатого скота) и рыбы, рога благородных оленей.

Вдоль борта внутренней части рва, почти по всей исследованной длине, располагалась гряда больших и средних известняковых плит (камни сползли во внутреннюю часть рва). Каменные плиты были слегка подтесаны. Вероятно, эта гряда была одновременно облицовкой внутреннего борта рва и фундаментом оборонительной стены. Кладка фундамента стены состояла минимум из трех-четырех слоев. Камни были уложены плашмя на гли-

1 Работа выполнена в рамках государственной темы Минобрнауки Украины № 0112U000482.

нисто-грязевом растворе со слабыми элементами перевязки.

Ров, ограждавший «цитадель» Дикого Сада, представлял собою более сложную конструкцию (каменные фундаменты для перекидных деревянных мостов, сторожевые башни на мощном каменном фундаменте, дополнительные конструкции для укрепления стен). Ров «цитадели» в форме большой дуги в плане протянулся по оси ЮВ–СЗ (рис. 1). Длина исследованной части составляет 130 м (общая длина примерно 140–150 м), ширина – 5 м, глубина – 2,5–3,1 м. В заполнении рва в большом количестве зафиксированы развалы керамической посуды различной формы и орнаментации (рис. 2, *15–26*), орудия труда из горных пород, в частности двухсторонняя литейная форма для отливки наконечника копья и колец (рис. 2, *2*), предметы из рогов и костей благородных оленей и лошадей (рис. 2, *10–14*), предметы из бронзы (рис. 2, *3, 4, 6–9*), кости животных (крупный и мелкий рогатый скот, лошадь, свинья) и рыбы, а также черепа людей. В средней и нижней частях заполнения рва прослеживаются крупные глиняные заплывы, вперемешку с мелким и средним известняковым бутом (примерно 400–500 камней на 2-метровый сегмент внутренней оборонительной стены) и рыбными костями. Вероятно, это остатки рухнувших оборонительных стен (при сооружении в стену для связки добавляли мелкий камень, а в раствор, видимо, для вязкости вливали рыбный бульон).

Функцию дополнительной преграды, вероятно, выполняли стены помещений 10, 15, 16, 19, 20, расположенных вдоль рва на расстоянии 3 м от линии рва и примыкающих друг к другу. Во рву напротив этих помещений располагались мощные завалы камней (вероятно, остатки каменных фундаментов западных стен помещений). Вдобавок в борту рва и вдоль его внутренней дуги были обнаружены остатки дополнительных фортификационных конструкций в виде трех углублений и ряда ям (фундаментов под мощные подпорки внутреннего панциря оборонительной стены). Ямы были заполнены золистым и суглинистым грунтом, не содержали артефактов, а некоторые имели в заполнении мелкий известняковый бут. За этой частью оборонительной стены не было помещений (вероятно, это свободное пространство использовалось в хозяйственных целях), что оправдывает мощность сооружений стены в этом отрезке, и в связи с наличием рядом главного мостового перешейка.

В юго-восточной части рва расположен каменный фундамент для моста через ров (первый, основной мост). Фундамент в плане прямоугольный, вытянутый поперек рва по линии С–Ю с небольшим отклонением на северо-восток; размеры – 3,64 х 2 м, а в центральной части в результате сдвига камней ширина составляет 1,4 м. Мост представляет собой двухфасадную кладку. Ширина западного фасада кладки – 0,2–0,7 м, восточного – 0,3–0,7 м. Форма кладки западного фасада повторяет очертание рва. Высота в центральной части – около 1,25 м, по краям рва – до 0,4 м. Кладка рядовая (от 2 до 8-9 рядов), но сплошные ряды прослеживаются не по всей длине (Горбенко, Гребенніков, Панковський, 2005).

Каменный фундамент второго моста располагался в северной части рва и был вытянут поперек рва по линии З–В. Фундамент представляет собой однофасадную кладку. Второй мост, вероятно, был менее мощным сооружением и предназначался для внутренней поселенческой коммуникации, т.е. соединял торговую часть поселения («предместье») с укрепленной частью («цитаделью»).

К востоку от каменных фундаментов обоих мостов на расстоянии 3,5–4,5 м зафиксированы большие скопления крупных и мелких известняковых камней (особенно выделяющийся каменный завал зафиксирован за фундаментом второго моста). Камни, лежавшие не в системе, на разных высотных уровнях, первоначально, видимо, представляли собой некую каменную конструкцию, примыкающую ко рву цитадели. Их расположение и характер завала позволяют предположить, что это была некая прямоугольная или овальная в плане конструкция, которая могла служить фундаментом специального оборонительного сооружения или сторожевого пункта («башни»). По всей видимости, они маркировали мосты и фланкировали ров «цитадели».

Необходимо отметить, что ров в районе завала камней у второго моста резко поворачивает к северо-востоку, а его нижний уровень

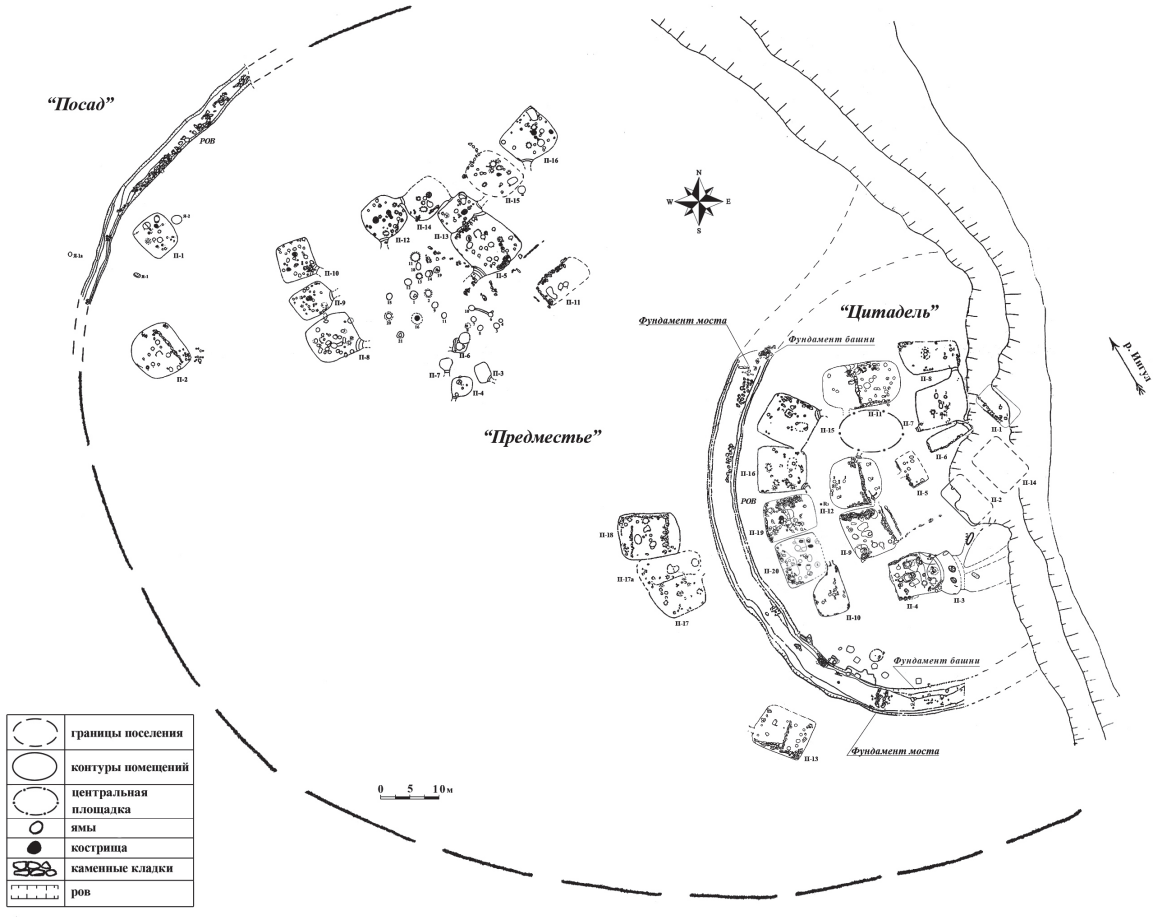


Рис. 1. Общий план городища Дикий Сад.

повышается. Этот факт может указывать на его конечную северную границу и плавный переход рва в древний овраг.

При этом ров «цитадели», кроме оборонительной мог выполнять социальную и ритуальную функции. Ров, вероятно, стратифицировал членов общины Дикого Сада по производственным, социальным и имущественным признакам (на «цитадели» зафиксированы храмы, которых нет на территории дальнего «предместья»), а также мог использоваться жителями для хтонических подношений богам (захоронения человеческих черепов, посуды с костями крупной рыбы). Косвенно это подтверждается анализом материальной культуры, хотя для более существенных выводов необходимы дальнейшие исследования.

Можно утверждать, что в период расцвета городища в пределах его территории складывается четкая система единой планировки и застройки: «цитадель», огражденная рвом, «предместье», огражденное внешним рвом, «посад» за внешним кольцом ограждения. Данная планировка соответствует «классическому» определению понятия «город» – *urbs* или *civitas*.

Акцентируя внимание на уникальных особенностях оборонительных сооружений Дикого Сада для эпохи финальной бронзы Днепро-Днестровского междуречья, необходимо отметить, что подобные укрепления на поселениях бронзового века хорошо известны на территории Южного Урала, Казахстана (Зданович, Генинг, 1985; Генинг В.Ф., Зданович, Генинг В.В., 1992. С. 23–43; Зданович, 1995. С. 22–31), Узбекистана (Спришевский, 1972), Приобье (Бородовский, 2003) и на о. Хортица (Пустовалов, 2005. С. 45).

Характер и структура фортификационных сооружений на городище Дикий Сад указывают на применение его жителями именно восточных образцов возведения оборонительных конструкций – два кольца рвов, сторожевые

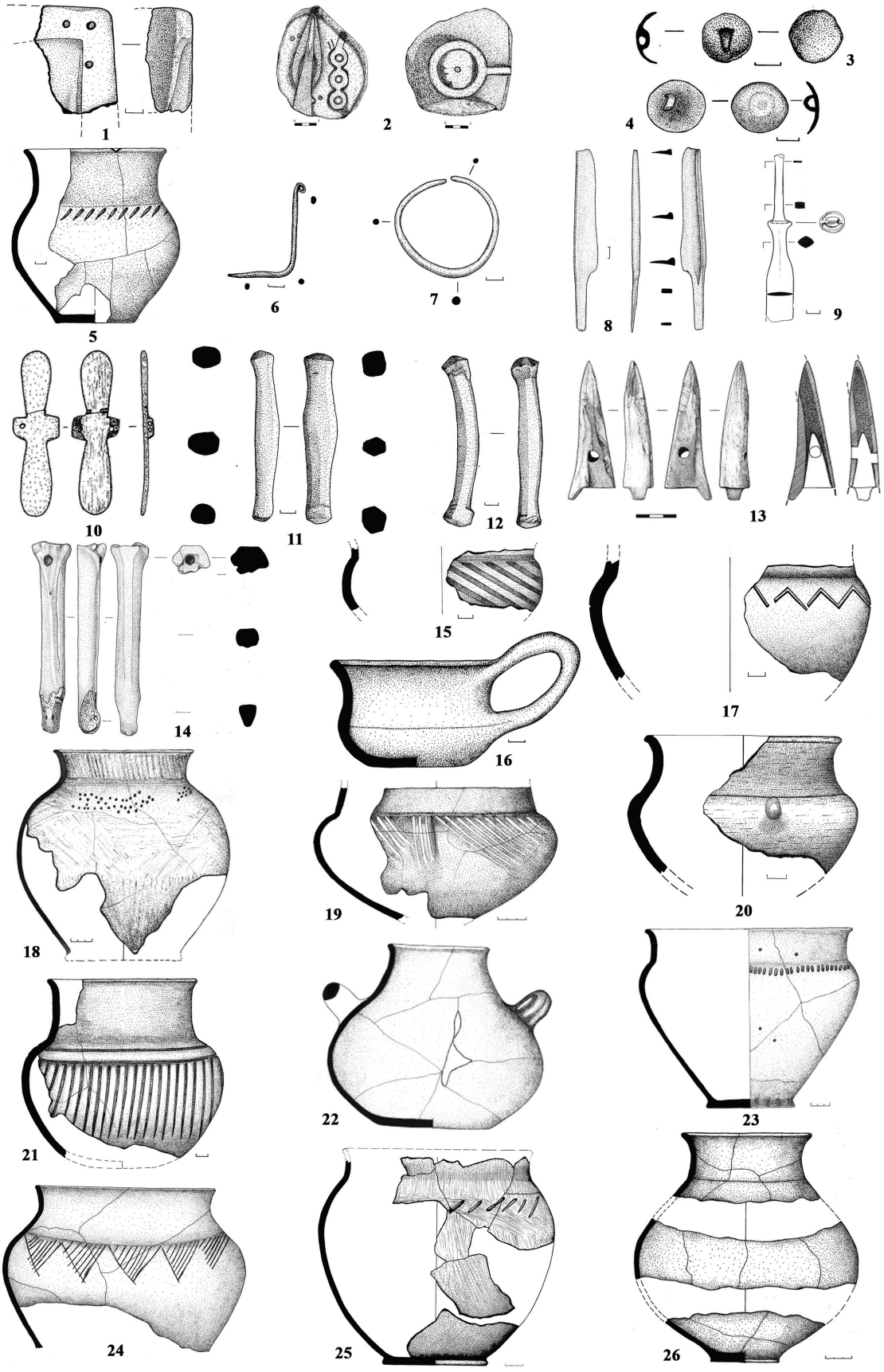


Рис. 2. Находки из заполнения оборонительных рвов городища. *1, 5* – внешний ров; *2–4, 6–26* – ров «цитадели». *1, 2* – литейные формы; *3, 4* – бронзовые бляшки; *5, 15–26* – посуда; *6* – булавка, *7* – браслет, *8* – нож, *9* – кинжал, *10* – пластина (лошадиный налобник), *11, 12* – заготовки для псалиев,*13* – наконечник гарпуна, *14* – «конек». (*1, 2* – камень; *5, 15–26* – керамика; *6–9* – бронза; *10–12* – рог;*13, 14* – кость).

башни, каменные фундаменты мостов, расположение помещений вдоль рва, применение дополнительных креплений стены.

Подводя итог приведенным выше фактам, можно утверждать, что на сегодняшний день Дикий Сад – единственный археологический памятник конца II тыс. до н.э. в Днепро-Днестровском междуречье, где зафиксирована система уникальных комплексных оборонительных сооружений (Горбенко, Козленко, 2010).

Также необходимо отметить, что на городище практически не фиксируются следы штурма и разрушений. Вероятно, данный факт указывает на военно-фортификационные новации жителей Дикого Сада и на достаточную защищенность городища.

Таким образом, на протяжении всего времени существования городище Дикий Сад было своеобразным экономическим, социально-культурным, религиозно-культовым и военно-политическим центром региона нижнего течения рек Днестр, Южный Буг и Днепр.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бородовский А.П. К вопросу о городищах переходного времени от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку в Новосибирском Приобье // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Четвертые научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. Кн. 1 / Отв. ред. В.А.Скубневский, Ю.М. Гончаров. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. С. 264–269.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахских степей. Челябинск: Южно-Урал. кн. изд-во, 1992. 408 с.

Горбенко К.В. Городище «Дикий Сад» у XIII–IX ст. до н.е. // Емінак. Миколаїв, 2007. № 1 (1). С. 7–14.

Горбенко К.В. Ритуально-культовые сооружения поселения «Дикий Сад» в контексте этнокультурных связей поселения Степного Побужья эпохи финальной бронзы // Научные труды МГПУ. Серия: Социально-исторические науки. М.: МГПУ, 2001. С. 338–343.

Горбенко К.В., Гребенніков Ю.С., Панковський В.Б. Розкопки укріпленого поселення «Дикий Сад» у 2004 р. // Археологічні дослідження в Україні 2003–2004 рр. Вип. 7 / Гол. ред. Н.О.Гаврилюк. Київ.: ІА НАН України; Запоріжжя: Дике Поле, 2005. С. 100–104.

Горбенко К.В., Козленко Р.А. Оборонительные сооружения цитадели укрепленного поселения Дикий Сад // VIII Миколаївська обласна краєзнавча конференція. Миколаїв: Можливості Кіммерії, 2010. С. 57–60.

Зданович Г.Б. Аркаим: Арии на Урале или несостоявшаяся цивилизация // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия: Тр. заповедника «Аркаим» / Сост. Н.О Иванова. Челябинск: Творч. объед. «Каменный пояс», 1995. С. 21–42.

Зданович Г.Б., Генинг В.В. Оборонительные сооружения поселения Синташта // АО 1983 г. / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. М.: Наука, 1985. С. 147–148.

Пустовалов С.Ж. Соціальний лад катакомбного суспільства Північного Причорномор'я. Київ: Шлях, 2005. 412 с.

Спришевский В.И. Оборонительное сооружение эпохи бронзы на территории Узбекистана // СА. 1972. № 3. С. 227–232.

Gorbenko K.V., Grebennikov Y.S. The «Dykyi Sad» fortified settlement as a uniting link in the context of economic, political and cultural relation of 1200 – 1000 BC (the Baltic shore, the Pontic region and the Mediterranean) // Routes between the seas: Baltik-Boh-Bug-Pont from the 3rd to the middle of the 1st millennium BC / Eds A. Kosko, V. Klochko. Poznan: Adam Mickiewicz University; Institute of Eastern Studies; Institute of Prehistory, 2009. P. 375–390. (Baltic-Pontic Studies; V. 14).

ПРЕДНАМЕРЕННО НАРУШЕННЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ МОГИЛЬНИКА КРОТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ СОПКА-2/4Б: К РЕКОНСТРУКЦИИ МОТИВОВ ПОСТИНГУМАЦИОННОГО ПРОНИКНОВЕНИЯ

© 2014 г. А.Е. Гришин

Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Новосибирск (grishin@archaeology.nsc.ru)

Ключевые слова: преднамеренное нарушение могилы, ограбление, погребальная практика, бронзовый век, Западная Сибирь.

Резюме. Проанализированы следы преднамеренного нарушения некрополя развитой бронзы Сопка-2/4Б (кротовская культура) – части одного из крупнейших разновременных западносибирских могильников. Могильник подвергся массовому (около 60% индивидов), эпохально близкому по времени и достаточно выборочному нарушению. Определено, что основным возможным мотивом проникновения являются предметы вооружения, орудия труда и украшения. Выделены исключения, указывающие на иную, ритуальную цель проникновения для манипуляции с головой (черепом) погребенных женщин или нарушения нижней части скелета в погребениях с бронзовыми кинжалами кенкольского типа.

Специальное изучение могил с нарушенной целостностью костяка проводят все чаще при анализе материалов древних некрополей (Флеров 2000, 2007; Зайцева, 2005; Бондаренко, Грушин, 2013). Актуальность темы заключается в стремлении реконструировать место, значение и роль вариантов постингумационных нарушений погребальных комплексов на основе массового источника. Отметим, что процент нарушенных могил в археологических культурах весьма значителен. Традиционно факты древнего нарушения трактовались как «ограбление», а при наличии специфических признаков как «вторичное захоронение». Этнографический материал показывает и другие возможные мотивы действий по нарушению погребальных комплексов – изъятие тех или иных частей тела (скелета) или сопровождавших предметов для проведения ритуалов последующего за ингумацией обрядового цикла (выставления, обезвреживания и т.п.). Информативность источников следует признать достаточно ограниченной, но в связи с развитием методов детальной полевой фиксации получаемые из подобного рода комплексов сведения работают на решение целого спектра проблем, связанных с реконструкцией погребальной практики и с методикой полевых работ. Итак, проанализируем факты постингумационного проникновения на материалах крупного кротовского некрополя Сопка-2/4Б (бронзовый век Барабинской лесостепи, юг Западной Сибири)[1].

Выборка состоит из 206 погребенных (57% всех индивидов)[2], на останках или в могилах которых отразились следы искусственных постингумационных нарушений. В выборку не вошли комплексы, разрушенные случайно, по естественным причинам, и погребенные, определенные как «вторичные». Очевидно, что в ряде случаев невозможно провести четкую границу между всеми этими категориями. Но размер выборки позволяет определить основные тенденции.

Выявлена явная диспропорция в частоте и степени нарушенности погребений женщин и мужчин. Для погребений мужчин доля пред-

1 Завершается издание монографии по некрополю Сопка-2/4Б. Значительная часть памятника, который исследовался с 1978 по 1991 г., уже издана (Молодин, 2001, 2012; Молодин, Соловьев, 2004). Выражаю признательность акад. В.И. Молодину за предоставленный для анализа материал.

2 Далее дается доля в процентах от выборки индивидуумов из преднамеренно нарушенных комплексов (всего 206) или даются специальные пояснения.

намеренно нарушенных индивидов выше (66%), чем для захоронений женщин (59%) и детей (45%). Тенденция выглядит еще более значимой, если учитывать, что захоронений мужчин в целом на могильнике зафиксировано меньше (30% против 48% от всех определимых индивидов). Учитывая, что инвентарь погребений мужчин в кротовской погребальной практике это, чаще всего, предметы вооружения (наконечники стрел, накладки на лук, кинжалы), предметы, связанные с металлургией, и некоторые разновидности костяных украшений, то можно предположить, что они были приоритетной целью при проникновении. Наконечники стрел как объект изъятия можно исключить, так как большинство из них в непотревоженных комплексах располагались у ног, т.е. в той части, которая нарушалась реже (см. *рисунок, 1*).

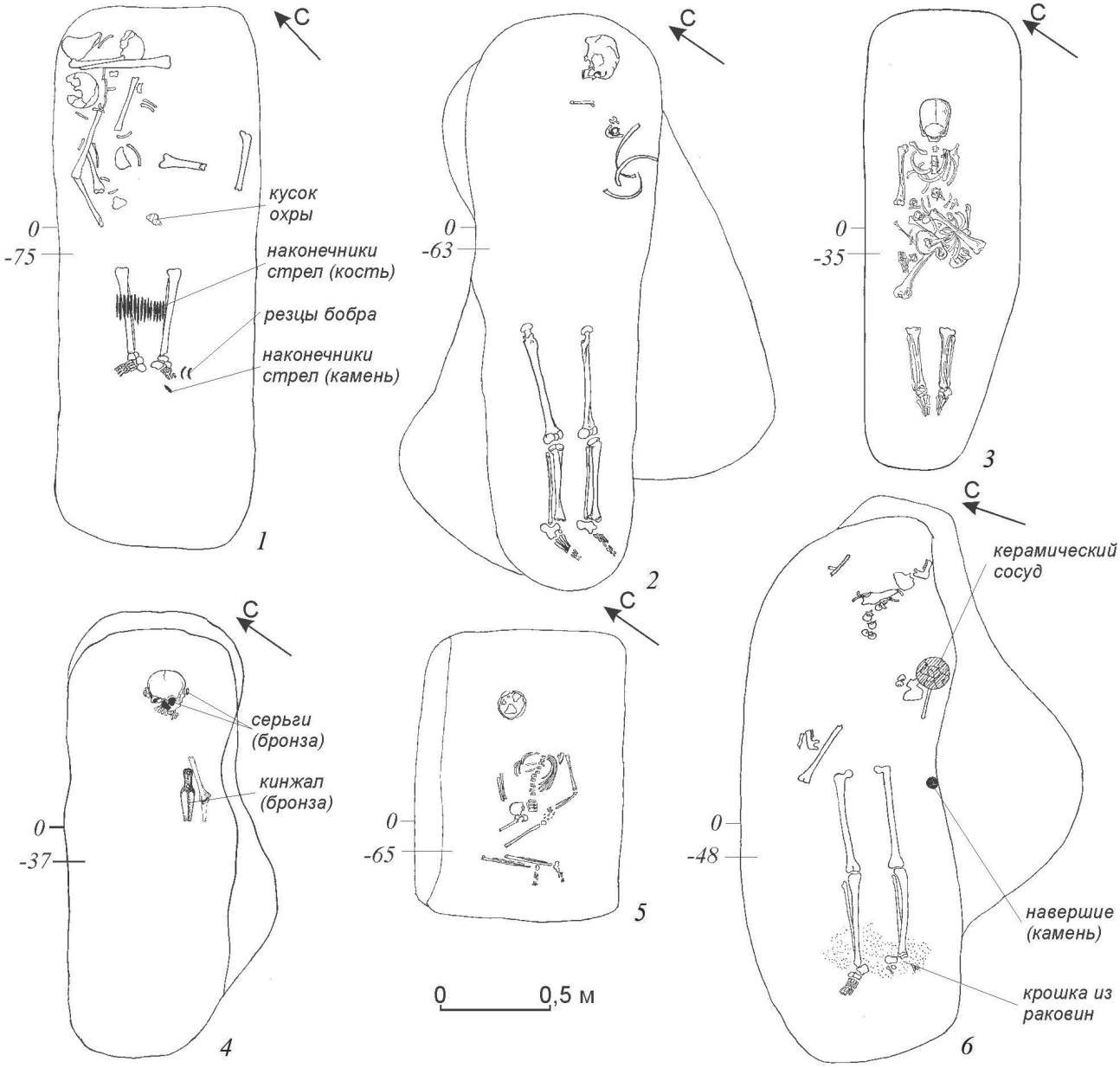
Большинство орудий труда, предметов пластики и украшений, в том числе и из металла, располагались, как правило, в районе туловища и головы погребенного вне зависимости от его половозрастных характеристик. Именно эта часть могилы чаще и подвергалась нарушению (53%) (см. *рисунок, 2, 6*). Зачастую *in situ* оставались кости ног в разном составе. Только для 36% комплексов характерно полное нарушение костяка. Значительно реже нарушалась только средняя часть скелета – кости груди, таза, бедренные кости (7%) (см. *рисунок*, *3*). Факты нарушения исключительно нижней части скелетов вообще единичны (3%). Два из трех (!) комплексов с редкими бронзовыми кинжалами кенкольского типа нарушены именно так (см. *рисунок*, *4*). Останки из нарушенной части не возвращены назад, кинжалы и наконечники стрел не тронуты, хотя, по всей видимости, были обнаружены. При этом сами ямы практически не разрушены, что свидетельствует об «аккуратности» и точности исполнителей. В эту выборку можно добавить еще два подобных комплекса. Эти редкие варианты нарушений, кроме того, концентрируются в рамках одного-двух соседних рядов. Еще меньше комплексов, где нарушения затрагивают в первую очередь голову (череп) умершего (1,5%) (см. *рисунок*, *5*). Причем это исключительно женщины. Вообще практика захоронения отдельных черепов в кротовских некрополях также связана чаще с женскими индивидами. Оба описанных варианта манипуляций нужно связывать с ритуальной, а не грабительской целью проникновения.

Упорядоченное возвращение костей в разном составе обратно в могилу фиксируется очень редко. Чаще положение потревоженных костей маркирует заполнение шурфа и его дно. Полное отсутствие костей в шурфе зафиксировано только в 7% случаев, часть из которых может быть результатом «вторичного» погребения. Череп в разном состоянии, как правило, возвращался вместе с остальными костями обратно в шурф. В вариантах его положения в шурфе явные закономерности не выявлены. Положение нарушенных костей в сочленении фиксируется лишь у 11% индивидов, а нарушения могилы шурфом носят в этом случае минимальный характер. Таим образом, комплекс «открывался» по прошествии небольшого промежутка времени (до полного скелетирования трупа), когда внешние признаки погребения были еще достаточны для выбора оптимального места шурфования. Этот вариант реализовывался намного реже других. Чаще происходила значительная корректировка в ходе земляных работ для выхода на нужную часть камеры (см. *рисунок, 2*, *6*).

В большинстве случаев инвентарь в шурфе не найден (68%), в то время как нарушенные кости возвращались в шурф в разной комплектности (см. *рисунок, 1, 2*). Из переотложенных в шурфе предметов следует назвать сосуды, костяные украшения, наконечники стрел. «Ценные» предметы (изделия пластики, вооружение, металлические украшения и т.п.) в нарушенном состоянии зафиксированы в единичных случаях.

Особую группу образуют нарушения в ярусных коллективных погребениях. Это 30% индивидов всей выборки. Чаще всего нарушены останки на всех ярусах (24%). Нижний скелет оказывался нарушенным реже верхних (3%), что может косвенно указывать на то, что люди, сооружавшие верхние яруса, имели большее представление о морфологии комплекса, чем те, кто потом в него проникал.

Обобщая наблюдения, можно сделать следующие выводы. В большинстве случаев наиболее вероятной целью проникновения были предметы сопроводительного инвента-



Примеры преднамеренно нарушенных комплексов могильника Сопка-2/4Б. *1* – № 311; *2* – № 7; *3* – № 30; *4* – № 443; *5* – № 35; *6* – № 230.

ря, в первую очередь оружие (не наконечники стрел), орудия труда, украшения и образцы пластики. Сравнительно чаще эти предметы были в захоронениях мужчин, поэтому частота их нарушений выше. Большинство нарушенных комплексов характеризуют и признаки, указывающие на сравнительно большой промежуток времени между ингумацией и проникновением: нарушенные кости, как правило, вне сочленений, шурф сооружен неточно и значительно разрушает камеру. Но, видимо, внешние признаки или сведения о наиболее «интересных» могилах еще сохранялись, что позволяло выборочно подходить к вскрытию захоронений. Следы особого отношения к разрушаемым останкам (упорядоченное возвращение и размещение костей и инвентаря в шурфе) достоверно не фиксируются.

Таким образом, кротовский некрополь Сопка-2/4Б подвергся массовому, близкому по времени, достаточно выборочному нарушению. Проникновение совершалось, как правило, после скелетирования останков и частичного разрушения внешних признаков погребения. Люди, которых интересовали в первую очередь вещи, по всей видимости, не преследовали ритуальных целей, особого от-

ношения к останкам не проявили, и их можно назвать «грабителями».

Зафиксированы и редкие исключения, определенно указывающие на наличие иной, ритуальной практики постингумационных преднамеренных нарушений. Это манипуляции с черепом женских индивидов с последующим возвращением его в могилу. Также показательны комплексы с нарушенной нижней частью скелета, два из которых были снабжены бронзовыми кинжалами кенкольского типа.

Специальное исследование преднамеренно нарушенных комплексов позволило предположить различные по цели и содержанию варианты этих специфических действий. Эти сведения позволяют более полно оценить степень и характер нарушений некрополя и дополнить представления о ритуальной практике кротовского населения. Перспективно сравнить полученные результаты с ситуацией по преднамеренно нарушенным комплексам смежных некрополей эпохи бронзы – одиновской культуры (Сопка-2/4А) (Молодин, 2012) и позднего этапа кротовской культуры (Сопка-2/5).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бондаренко А.В., Грушин С.П. Нарушенные погребения елунинской культуры эпохи бронзы (по материалам могильника Телеутский взвоз I) // Вестник НГУ. 2013. Т. 12. Вып. 5: Археология и этнография. С. 171–181.

Зайцева О.В. Погребения с нарушенной анатомической целостностью костяка: методика исследования и возможности интерпретации: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 2005. 28 с.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 1. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2001. 128 с.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 3. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. 220 с.

Молодин В.И., Соловьев А.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 2. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. 184 с.

Флеров В.С. Аланы Центрального Предкавказья V–VIII веков: обряд обезвреживания погребенных. М.: Полимедиа, 2000. 164 с.

Флеров В.С. Постпогребальные обряды Центрального Предкавказья в I в. до н.э. – IV в. н.э. и Восточной Европы в IV до н.э. – XIV в. н.э. М.: Таус, 2007. 372 с.

МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ ОЧАГ ПЕТРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ

© 2014 г. А.Д. Дегтярева

Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН, Тюмень (anna126@inbox.ru

Ключевые слова: Южное Зауралье, петровская культура, металлопроизводство, металлургический очаг.

Резюме. Выявлена специфика и динамика развития металлургического очага петровской культуры Южного Зауралья, наиболее крупного образования в системе металлургических центров петровской культуры Южного Урала и Казахстана. Морфолого-типологическая классификация медного и бронзового инвентаря петровского металлопроизводства, статистическая обработка аналитических данных позволили выявить генетические корни производства, восходящие к традициям позднего этапа ямно-полтавкинской металлообработки.

В процессе статистической и аналитической обработки инвентаря из цветных металлов выявлена специфика развития металлургического очага петровской культуры Южного Зауралья, деятельность которого базировалась на разработке крупных месторождений меди Южного Урала.

В непосредственной близости от петровских поселений находятся несколько групп месторождений и рудников со следами древних разработок, хотя датирующие материалы в них не обнаружены. На территории Южного Зауралья к числу вероятно использовавшихся в древности Е.Н. Черных относит месторождения Камышлы-Узяк, Бакр-Узяк, Вознесенское, Поляковка и Нарали (Черных, 1970). По заключению исследователя промышленными разработками XIX в. были не только исчерпаны запасы руды, но и уничтожены следы более древних разработок.

Общее количество учтенных предметов петровской культуры Южного Зауралья (Среднего Притоболья) составляет 391 экз., из них 225 изделий обнаружены на поселениях, 164 экз. – в составе погребальных комплексов, 2 – в виде случайных находок. В поселенческих комплексах преобладают орудия труда (39,6%) и слитки (29,7%). Довольно много прутковых заготовок и скоб (26,7%), в то время как украшения и предметы вооружения обнаружены в единичных случаях. В погребальном инвентаре петровской культуры в отличие от синташтинской преобладают украшения (78,7%) и орудия труда (19,8%). Доля слитков, заготовок, оружия низка. Именно эти различия в видовом составе инвентаря сказались на особенностях распределения металлургических групп поселенческого и погребального инвентаря.

Проведение морфолого-типологической классификации медного и бронзового инвентаря петровского металлопроизводства, статистическая обработка аналитических данных позволили выявить генетические корни производства, восходящего к традициям позднего этапа ямно-полтавкинской металлообработки. Эти особенности прослеживаются в наследовании ряда типов орудий и украшений: тесел, втульчатых кованых стрел и копий, ножей с перекрестьем, подвесок в полтора оборота, круглых бляшек с пуансонным орнаментом, прутковых браслетов, а также в достаточно широком использовании чистой окисленной меди и высокотемпературных предплавильных режимов термообработки для изготовления орудий.

Выявленные типы орудий и украшений культуры представлены общеевразийскими формами, присущими культурам начальной фазы Евразийской металлургической про-

винции: синташтинской, абашевской, петровской, покровско-раннесрубной. К их числу относятся втульчатые кованые и стержневидные долота, серпы без выделенного черенка, ножи со слабо намеченным черенком и без перехвата, черенковые ножи с перехватом без перекрестия, втульчатые крюки, тесла. Существование общей подосновы в генезисе металлопроизводства перечисленных культур I фазы Евразийской металлургической провинции наглядно иллюстрируется распространением черенковых ножей с перекрестьем и перехватом – наиболее массовой категории орудий в указанных культурах (128 экз.). Больше всего подобных ножей обнаружено в синташтинских погребальных комплексах (46 экз.). Они характерны для донских и уральских абашевских памятников (31 экз.). В меньшем количестве (примерно по 4–25 экз.) они найдены в покровских и раннесрубных (25 экз.), потаповских (4 экз.), петровских (12 экз.), сейминско-турбинских (8 экз.) памятниках. В процессе статистической обработки выявлены распределение ножей в широтном направлении и связь с ареалом, приуроченным к лесостепной и степной евразийской зоне от Среднего Подонья до Среднего Притоболья.

Из специфических петровских типов следует упомянуть однолезвийные и двулезвийные ножи с длинной выделенной рукоятью, кованые стрелы, копья, топоры с Г-образным абрисом. Из украшений – крестовидные подвески, накосники, браслеты и кольца со спиралевидными завитками, разнообразные круглые бляшки с пуансонным орнаментом. Есть изделия, которые можно считать явно импортными из сейминско-турбинских очагов: литые наконечники копий, бесчеренковые ножи, ножи с широким прямым черенком. Из синташтинского импорта следует упомянуть топоры с бойками, тесла с параллельными и трапециевидными гранями, черенковые ножи с перекрестьем и перехватом. Однако последние были изготовлены местными петровскими мастерами в подражание синташтинским, поскольку отливались из оловянной или оловянно-мышьяковой бронзы. Достаточно интенсивные контакты прослеживаются с племенами синташтинской культуры, прежде всего в наличии ряда общих типов орудий труда: ножей с перекрестьем и перехватом, серпов, тесел. Существенного влияния синташтинское металлопроизводство на петровское не оказало, поскольку технологические стереотипы производства металла у племен были различными, синташтинское производство было связано с предкавказскими инновациями плавки мышьяковой бронзы.

Металлические изделия представлены медью и сплавами на ее основе (296 экз.). Помимо меди и сплавов на ее основе в единичных экземплярах обнаружены украшения из биллона (1 экз.), золота (2 экз.), а также кольцо из сплава олово-свинец. Цветной металл петровской культуры зауральского очага распределяется на шесть металлургических групп: чистая медь (60,9%; поселенческий металл – 70,8%, погребальный инвентарь – 32,4%); оловянная бронза (30,6%; содержание олова 0,4–14%; в поселенческом – 21%, в погребальном инвентаре – 57,8%), комплексная оловянно-мышьяковая (6,4%; содержание Sn 0,4–10%, As – 0,4–14%), мышьяковая (1%; содержание мышьяка 0,68–2%), оловянно-свинцовая (0,7%; содержание Sn 9–10%; Pb – 1–3%), свинцовая (0,4%, содержание Pb 1,3%).

Малочисленные изделия с примесью мышьяка поступали от синташтинских мастеров. В петровский период выстраивается рецептура сплавов, употребляемых впоследствии в алакульской, алексеевско-саргаринской культурах с возрастанием все большего удельного веса оловянных бронз и уменьшением числа изделий из чистой меди. В более северных культурах, потребности которых явно обеспечивались из металлопроизводящих центров культур, в том числе и андроновского круга, – коптяковской, черкаскульской, прослеживается сходная картина. Ташковская металлообработка базировалась на металле, поступающем из синташтинских, турбинских и петровских центров.

Сырьем для изготовления орудийного комплекса служили «чистая» медь (около 60%), в том числе и окисленная, низколегированные оловянные, в меньшей степени комплексные оловянно-мышьяковые, мышьяковые бронзы. Основное сырье для изготовления украшений – оловянная бронза с концентрациями олова

до 18%, в значительно меньшей степени – чистая медь.

Рассматривая особенности изготовления инвентаря из цветных металлов – орудий труда, украшений, полуфабрикатов (158 экз., литые слитки не включены, всего исследовано 216 предметов), в первую очередь следует отметить многообразие используемых технологических схем с разными режимами термообработки. Преобладали кузнечные схемы получения изделий (62,4% от выборки). Литых предметов, доработанных далее ковкой со средними степенями деформирующего воздействия 50–60% в данной коллекции выявлено только около трети (35,7%), все они входят в группу орудий труда: серпы, ножи, тесла, топоры. Полностью литых изделий 3 экз. – два шила и крестовидная подвеска.

Орудия труда изготавливали в основном в процессе литья в разъемные формы, после чего следовала доработка ковкой рабочих поверхностей изделий. Способ кузнечной формообразующей ковки использовался только при получении мелких орудий. Отмечены дефекты, связанные с некачественным литьем: короблением металла, образованием горячих и холодных усадочных трещин. Подобные явления усадочного коробления корпуса орудий с искажением конфигурации отливок обычны для петровских поселенческих орудий труда. Использовались преимущественно глиняные и каменные односторонние литейные формы с плоскими крышками, реже двусторонние. При изготовлении изделий из чистой окисленной меди в процессе плавки и термообработки использовали предохраняющие от чрезмерного окисления засыпки, тем самым предотвращая хрупкость металла.

Полученные отливки дорабатывали ковкой, в процессе которой устраняли пороки литья, проводилась вытяжка рабочих поверхностей с заострением лезвийной кромки. На лезвиях нескольких серпов и ножей абразивом подпилены зубчики пилы. Данные микроструктурного исследования, форма и величина кристаллов, процентное соотношение включений, замеры микротвердости позволили уточнить и температурные режимы обработки меди и бронз. В процессе кузнечной формовки использовались в основном низкие температуры начальной стадии рекристаллизации металла 250–400° С (31%), либо ковка по холодному металлу или вхолодную с промежуточными отжигами (21,5%). В общей массе использование холодных или низкотемпературных режимов составляло 52,5%. Режимы горячей ковки 600–800° С (35,4%), а также предплавильные температуры при 900–1000° С (10,2%) использовались в обработке давлением немногим менее половины изделий, в основном украшений (45,6%). Часто получали орудия и заготовки способом пакетной сварки, как при низких, так и при предплавильных температурах (8,8%). Кузнечные пороки в основном были связаны с красноломкостью металла, образующейся при термообработке оловянных бронз с повышенными концентрациями свинца и висмута.

Особые варианты технологии выявлены на примере этнических маркеров носителей петровских традиций (крестообразных подвесок и браслетов со спиралевидными завитками) – использование литых технологий в разъемных формах из высоколегированной оловянной бронзы до 18%, предварительных отжигов гомогенизации для повышения пластичности металла, горячей ковки.

Прослежена производственная специализация ряда поселенческих комплексов, находящихся вблизи меднорудных месторождений и преимущественно в истоках рек тобольской речной системы (Устье, Кулевчи-3, Шибаево, Убаган-1–3), по переработке руды, выплавке металла в виде черновых слитков, плавке полосовых и тигельных рафинированных слитков как из окисленной, так и сульфидной руды. Доля слитков и полуфабрикатов в общем объеме поселенческого производства превышала 55%. Примерно третья часть слитков была представлена искусственными бинарными и трехкомпонентными бронзами с введенной лигатурой Sn, As, Pb с концентрациями Sn и As до 10–14%. Металлурги поселений Кулевчи-3, Устье-1 выплавляли черновую медь из окисленной и сульфидной руды, производили ее рафинирование. На поселениях Убаган один–три мастера занимались вторичной переработкой меди и бронз. Из оловорудных центров Рудного Алтая получали полосовые слитки с введенной лигатурой олова, а также оловянно-свинцовые сплавы.

Зауральский (притобольский) металлургический очаг петровской культуры, генезис которого восходил к ямно-полтавкинским металлургическим традициям, базировался на разработке ряда месторождений Южного Урала с богатыми выходами окисленных руд. На ранней фазе Евразийской металлургической провинции петровский среднетобольский очаг металлургии наряду с уральско-мугоджарским (Ткачев, 2011) и центральноказахстанским, нуртайским центрами производства (Ткачев, 2002) был наиболее мощным, обеспечивающим потребности и сопредельных племенных групп. Притобольский металлургический очаг петровской и алакульской культур, функционировавший на I–II фазах Евразийской металлургической провинции (рубеж III–II тыс. – XVII в. до н.э.; XVI–XV/XIV вв. до н.э.), оказал существенное влияние на развитие коптяковской (наряду с турбинским влиянием), черкаскульско-федоровской металлообработки в Притоболье. На III фазе Евразийской металлургической провинции (XV/XIV–XII/XI вв. до н.э.) центр металлургического производства алексеевско-саргаринской культуры перемещается на территорию Центрального Казахстана в зону меднорудных месторождений казахского мелкосопочника и Алтая.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Ч. 1. Тюмень: Тюмен. нефтегаз. ун-т, 2002. 289 с.

Ткачев В.В. Уральско-мугоджарский горно-металлургический центр эпохи поздней бронзы // РА. 2011. № 2. С. 43–55.

Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.: Наука, 1970 180 с. (МИА; № 172).

ТЕХНОЛОГИЯ ПРОИЗВОДСТВА КЕРАМИКИ СИНТАШТИНСКОГО ТИПА (ПО МАТЕРИАЛАМ УКРЕПЛЕННОГО ПОСЕЛЕНИЯ КАМЕННЫЙ АМБАР)[1]

© 2014 г. Е.Н. Дубовцева, С.Е. Пантелеева

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург (ket1980@yandex.ru; spanteleyeva@mail.ru)

Ключевые слова: Южный Урал, бронзовый век, синташтинская культура, керамика, технология производства.

Резюме. В работе представлены результаты технологического изучения коллекции синташтинской керамики укрепленного поселения Каменный Амбар. Основное внимание уделено характеру исходного сырья, составу формовочных масс, а также способам формовки и обработки поверхности. Полученные результаты позволяют выделить в структуре синташтинского гончарства три технологические традиции и отметить интенсивный процесс их смешения.

Изучение керамического производства населения евразийских степей – важнейшее направление в археологии бронзового века. На основании результатов анализа технологических, морфологических и орнаментальных особенностей посуды предпринимаются попытки реконструкции процессов формирования тех или иных культур, рассматриваются проблемы их взаимодействия и трансформации. Эти вопросы активно обсуждаются и исследователями синташтинской культуры, но, несмотря на длительный период изучения, остаются дискуссионным до сих пор. Представленная работа выполнена в русле данной

1 Работа выполнена в рамках междисциплинарного проекта, поддержанного Президиумом УрО РАН.

проблематики и предлагает к обсуждению результаты технологического изучения коллекции синташтинской керамики укрепленного поселения Каменный Амбар.

Предпринятый ранее типологический анализ позволил выделить восемь типов изделий и охарактеризовать их основные признаки (Пантелеева, 2013). Технологическому исследованию была подвергнута выборка из 29 экз., включающая сосуды разных типологических групп. В выборку в основном вошли верхние части сосудов (24 экз.), а также 2 фрагмента стенок и 3 днища. Изучение керамики проводилось по методике, разработанной А.А. Бобринским (1978, 1999). Для работы использовался бинокулярный микроскоп МБС-10. Фрагментарность материала не позволила охарактеризовать в полной мере все ступени гончарного производства, поэтому анализ проводился по сокращенной программе. Основное внимание было уделено характеру исходного сырья и формовочных масс, а также способам формовки и обработки поверхности.

Анализ показал, что использовалось два вида исходного сырья: ожелезненная глина различной степени запесоченности (25 экз.) и илистая глина (4 экз.). В качестве естественных примесей в них выделяются песок и единичные включения оолитового бурого железняка. Песок различного минерального состава, окатанный, пылевидный или мелкий (до 0,5 мм). В илистой глине помимо этого встречаются фрагменты раковин речных моллюсков, костей и чешуи рыб, отпечатки водной органики. Для сравнительного анализа в районе памятника и непосредственно в раскопе были собраны образцы глин и ила. Они отличались высокой пластичностью, отсутствием примеси песка. В некоторых образцах отмечены естественные примеси тальковой пыли и раковин мелких моллюсков. В результате был сделан вывод, что синташтинские мастера использовали иные залежи глины, поиск которых еще предстоит произвести.

Для составления формовочных масс использовалась примесь тальковой дресвы, раковины, шамота, единично песка и органики. Тальковое сырье в изобилии встречается в слое поселения в виде обломков сланца и кусков породы с включениями кварца и других минералов. Обломки таких включений отмечены и в составе тальковой дресвы. Раковина перед введением в состав глиняного теста специально готовилась – прогревалась, а затем дробилась[1]. Обломки раковины достигают 5 мм, имеют светло-серый, белый или розоватый оттенок, на некоторых частях сохранился перламутр. Шамот в виде мелкой крошки дробленой посуды (до 2 мм) встречен в очень небольшой концентрации 1:6 – 1:8. Важно отметить, что для изготовления шамота использовалась керамика как с примесью талька, так и с примесью раковины. В отдельных случаях (в разных рецептах) композиция формовочной массы еще включала органическую примесь без четких качественных особенностей.

Были выделены простые и сложные рецепты составления формовочных масс. К простым относятся два рецепта: Г+Дт (12 экз.) и ИГ+Дт (1 экз.)[2]. Остальные рецепты сложные: Г+Дт+Ш (4 экз.), ИГ+Дт+Ш (1 экз.), Г+Дт+Р (2 экз.), Г+Ш+Р (2 экз.), Г+Дт+Ш+Р (1 экз.), Г+Дт+Р+О (2 экз.), Г+Дт+Ш+О (2 экз.), ИГ+Дт+О+П (1 экз.). Отдельно стоит отметить сосуд, при изготовлении которого использовались два сорта глины из разных замесов. Нижняя часть данного горшка (до плеча) смоделирована из илистой глины с обильной примесью дробленой раковины, а плечо и шейка – из глины с примесью тальковой дресвы.

В целом полученные результаты позволяют выявить три традиции составления формовочной массы. Доминирует традиция добавления в качестве отощителя дробленого талька. Он является единственной примесью в простых, а также присутствует почти во всех сложных рецептах. Сосуды, изготовленные по рецепту Г+Дт, наиболее многочисленны. Традиции добавления в тесто шамота и раковины представлены в выборке достаточно хорошо, но они фиксируются только в составе комбинированных рецептур.

1 Проблемы определения искусственной и естественной примеси раковины в составе археологической керамики подробно рассмотрены Н.П. Салугиной (2006).

2 В тексте приняты следующие сокращения для обозначения состава формовочных масс: Г – глина, ИГ – илистая глина, Дт – дресва тальковая, Ш – шамот, Р – дробленая раковина, О – органика, П – песок.

О способе формовки можно судить по отпечаткам тканевой прокладки на дне сосудов с внутренней стороны. Вероятно, большинство емкостей изготовлялось на форме-основе, в качестве строительных элементов служили короткие жгуты, лоскуты или ленты. Можно предположить, что сосуды моделировались таким способом до максимального расширения тулова. Затем заготовка снималась с основы, устанавливалась на плоскость, и осуществлялось изготовление верхней части. Поверхность изделий первоначально заглаживалась гладким или зубчатым инструментом. Следы выбивания не зафиксированы. Вторичная обработка поверхности проводилась заглаживанием гладким шпателем и/или мягким материалом. В единичных случаях отмечено лощение. Нижняя часть крупных сосудов с внутренней стороны, как правило, не заглаживалась, благодаря чему и сохранила оттиски ткани.

Сопоставление технологических характеристик и типологических групп не выявило никаких закономерностей.

Сравнение полученных результатов с данными по другим синташтинским памятникам позволяет увидеть довольно схожую ситуацию. Во всех изученных керамических комплексах в качестве основных примесей отмечены тальковая дресва и шамот (Гутков, 1995а, б, 2013). Вместе с тем в технологических характеристиках керамики укрепленного поселения Каменный Амбар фиксируются и некоторые различия. Первое из них – присутствие шамота только в составе смешанных рецептов. Интересно то, что примесь шамота очень незначительна. Ее количество в формовочной массе носит скорее чисто символический характер. Вторая особенность – наличие специально подготовленной примеси раковины. Если на других памятниках фрагменты раковин зафиксированы только в составе естественных компонентов илистого сырья, то здесь раковина не только предварительно дробилась, но и подвергалась термической обработке.

Совмещение в одном рецепте добавок, функционально дублирующих свойства друг друга, принято считать свидетельством процессов культурного смешения (Глушков, 1996; Бобринский, 1999). По всей видимости, для обитателей поселения эти процессы зашли уже достаточно далеко, поскольку гибридизация разных гончарных традиций фиксируется на всех стадиях производства сосудов. Тем не менее представители разных культурных групп еще продолжали в какой-то степени поддерживать традиционные навыки, маркируя таким образом свою культурную идентичность.

Не вызывает сомнения происхождение традиций добавления талька и раковины в формовочную массу: первая безоговорочно рассматривается всеми исследователями как местная зауральская, вторая – как приуральская. Обе они известны еще с эпохи энеолита по разные стороны Уральского хребта (Мочалов, 2008). Менее очевидны истоки обычая использования в качестве отощителя шамота. Например, примесь шамота отмечена у значительного процента керамики потаповского типа, но также только в составе смешанных рецептов (Салугина, 1994). По наблюдениям А.И. Гуткова, значительное увеличение доли рецептов с шамотом происходит в постсинташтинский период и данная технологическая традиция становится характерным признаком гончарства носителей петровской культуры (Гутков, 1995б, 2013).

Таким образом, материалы укрепленного поселения Каменный Амбар демонстрируют сложную культурную ситуацию, оформившуюся в Южном Зауралье на рубеже III–II тыс. до н.э. Подтверждается не только многокомпонентность синташтинской культурной традиции, но и тесное взаимопроникновение ее составляющих, фиксируемое на разных ступенях керамического производства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. М.: Наука, 1978. 272 с.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства / Отв. ред. А.А. Бобринский. Самара: СамГПУ, 1999. С. 5–109.

Глушков И.Г. Керамика как археологический источник. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. 328 с.

Гутков А.И. Техника и технология изготовления керамики поселения Аркаим // Аркаим. Исследования, поиски, открытия / Отв. ред. Г.Б. Зданович. Челябинск: Творч. объед. «Каменный пояс», 1995а. С. 135–147.

Гутков А.И. Технология изготовления керамики памятников синташтинского типа // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Мат-лы конф. Ч. V. Кн. 2.Челябинск: Челяб. ГУ, 1995б. С. 132–135.

Гутков А.И. Технико-технологический анализ керамики поселения Устье I // Древнее Устье: укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье / Отв. ред. Н.Б. Виноградов. Челябинск: Абрис, 2013. С. 179–184.

Мочалов О.Д. Дискуссионные вопросы происхождения керамических традиций синташтинских памятников: современное состояние проблемы // Известия Самарского научного центра РАН. 2008. Т. 10. № 1. С. 244–250.

Пантелеева С.Е. Комплекс синташтинской керамики укрепленного поселения Каменный Амбар: типологический анализ // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 4 (23). С. 22–31.

Салугина Н.П. Технологическое исследование керамики Потаповского могильника // Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара: Самар. ун-т, 1994. С. 173–186.

Салугина Н.П. К методике определения раковины в составе древней керамики // Современные проблемы археологии России. Мат-лы Всерос. археологического съезда. Т. II. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006. С. 379–381.

ПРОЦЕССЫ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ ЦВЕТНОЙ МЕТАЛЛООБРАБОТКИ В ЭПОХУ БРОНЗЫ ЛЕСОСТЕПИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

© 2014 г. И.А. Дураков

Новосибирский государственный педагогический университет,Новосибирск (Idurakov@yandex.ru)

Ключевые слова: эпоха бронзы, Западная Сибирь, древняя цветная металлообработка.

Резюме. Работа содержит результаты исследования цветной металлообработки эпохи бронзы лесостепной зоны Западной Сибири. Дана характеристика формирования основных черт специализации бронзолитейного производства этой территории.

Проблема становления и развития специализации в древнем металлообрабатывающем производстве – одна из важнейших в исследовании палеоэкономики Западной Сибири. В результате планомерных полевых исследований последних двух десятилетий накоплен значительный фактический материал. Сегодня ведется его активное аналитическое осмысление.

Исходя из современного состояния источников, наиболее ранние признаки специализации прослеживаются на памятниках одинов-ской культуры. При этом следует отметить, что металлообработка здесь появляется уже в довольно развитой форме, что можно объяснить или привнесением ее уже в готовом виде с сопредельных территорий, или слабой изученностью более ранних материалов, не позволяющих проследить генезис этого явления. На ряде памятников (Марково-2, Старый Тартас-5, Тартас-1) выявлены бронзолитейные производственные участки. Как правило, они занимают приочажную зону жилищ. Плавка велась в заглубленных в землю очагах

с применением в качестве топлива костей. На Тартасе-1 связанные с металлообработкой хозяйственные строения были вынесены за пределы поселения, на территорию синхронного им одиновского могильника.

Значительным совершенством отличается бронзолитейный инвентарь. Выработан своеобразный характерный для данной культуры тип тигля, представляющей собой толстостенный плоскодонный прямоугольный сосуд с низкими бортиками. В некоторых случаях стенки и дно орнаментированы крупной гребенкой. Большая часть учтенных нами тиглей крупные и предназначены для плавки значительного объема металла (0,8–1 кг).

Существенные изменения в цветной металлообработке произошли в кротовское время. В первую очередь это обусловлено увеличением объема металла поступающего на территорию лесостепной зоны Западной Сибири. Видимо, это связано как с подъемом его добычи в сопредельных горно-металлургических районах, так и с развитием транспортных путей и средств доставки. Размеры увеличения потребления цветного металла можно представить по сравнительному статистическому анализу погребального инвентаря одиновской и кротовской культур. Из 193 учтенных нами одиновских погребений могильников Сопка-2/4а, Абрамово-10 и Тартас-1 только в 21 найден металл (Молодин, 2012. Табл. 2). Это составляет чуть меньше 11% от общего числа погребенных. В кротовское время 31% захоронений содержит металлические вещи. Учтено 187 погребений могильников Абрамово-11, Тартас-1, Ордынское-1 (Молодин, Дураков, 2013), в 58 из них найдены металлические изделия, т.е. потребление металла увеличилась в 3 раза. В действительности этот показатель был еще выше, так как в среднестатистической одиновской могиле присутствует 3–5 г металла (за исключением двух захоронений с массивными предметами – кельтом и кинжалом), в кротовской – 15–20 г.

Обособление по профессиональному признаку и особое социальное положение литейщиков в кротовском обществе документируются захоронениями с бронзолитейным инвентарем (тигли, формы, сопла, точила, каменные молотки и т.д.) на некрополях Сопка-2 и Тартас-1 (Молодин, 1983. С. 96–109; Молодин и др. 2012, С. 118–119). В могильнике Сопка-2 погребения с бронзолитейным инвентарем планиграфически локализуются в обособленную группу, вынесенную в сторону от основного массива захоронений.

По всей видимости, металлообработка в кротовской культуре было сосредоточена в руках отдельных семей, все члены которых так или иначе были связаны с этим производством. В пользу этого предположения говорят находки литейного инвентаря в женских захоронениях (Молодин, 1983. С. 109). Кроме того, в могильнике Тартас-1 литейная форма была найдена в коллективном захоронении (№ 323), так что ее нельзя было связать с определенным погребенным (Молодин и др., 2009. С. 338–339).

Признаком специализации литейного производства служит также неравномерное распределение его следов на кротовских поселениях: на некоторых памятниках они не обнаружены (Черноозерье IV), на других (Абрамово-10, Венгерово-2) присутствуют только в некоторых жилищах. На определенный профессионализм указывает стандартизация литейной продукции, а также сложность и явная унификация изготовления выявленного литейного оборудования.

Например, тигли представляют собой чашечки овальной или каплеобразной формы. В некоторых случаях они закреплялись во внешней оболочке из глиняного бортика, прикрепленного к крупному фрагменту стенки столовой керамики. Объем емкости тиглей равняется 85–100 см³, что соответствует плавке меди в 0,75–0,89 кг. Широкое использование подобных плавильных конструкций документируется находками их стенок на производственных участках поселений Абрамово-10, Венгерово-2, Преображенка-3 (Молодин, 1977, С. 149; Молодин и др. 2012).

Характер провидимых на кротовских поселениях бронзолитейных работ, объемы плавок, большое количество форм для производства стандартных слитков указывают на уровень специализации бронзолитейного производства.

В андроновское время объем поступления металла в лесостепную зону Западной Сибири увеличился незначительно: анализ

инвентаря 269 погребений этого времени выявил метал или следы его присутствия в 93 из них, что составляет 34,5%. В трех могилах найдены фрагменты литейных форм и тигля, что указывает на сохранение традиции посмертной профессиональной идентификации литейщиков. Следует также отметить, что как минимум в двух случаях (погребения 153, 314 могильника Тартас-1) литейный инвентарь найден в детских захоронениях. Видимо организация производства, как и в кротовской культуре, находилась в руках семейных или клановых групп, передававших его по наследству.

Конец эпохи бронзы характеризуется резким увеличением притока цветного металла в изучаемый регион. Например, из 256 учтенных захоронений ирменской культуры медно-бронзовые изделия присутствуют в 155, что составляет 60,5% от их общего количества. На памятниках ирменской и особенно позднеирменской культур фиксируются производственные участки ремесленного уровня, производящие значительный объем однотипной литой продукции. Например, только в одном жилище 10 городища Чича-1 найдены обломки от 1200 форм, из них 56 предназначались для отливки ножей (Молодин и др., 2009. С. 222).

Существующие материалы свидетельствуют, что на этом этапе реализация продукции осуществлялась явно не только на уровне своей общины, но и на отдаленных территориях. Протяженность путей достигает многих сотен километров, т.е. речь может идти не только о внутреннем, но и о внешнем обмене, а производство приобретает ремесленный характер. Очевидность таких выводов вытекает из находок медно-бронзовых изделий в безрудных зонах Обь-Иртышского междуречья, унификации их типов на значительных территориях Сибири в рамках металлообработки сразу нескольких культур развитой и поздней бронзы, появления в Центральной Барабе литейного оборудования и материалов явно импортного происхождения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышя. Новосибирск: Наука. 1977. 173 с.

Молодин В.И. Погребение литейщика из могильника Сопка-2 // Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул: АГУ, 1983. С. 96–109.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 3. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. 220 с.

Молодин В.И., Парцингер Г., Кривоногов С.К., Казанский А.Ю., Чемякина М.А., Матасова Г.Г., Васильевский А.Н., Овчаренко А.С., Гришин А.Е., Ермакова Н.В., Дергачева М.И., Феденева И.Н., Некрасова О.А., Мыльникова Л.Н., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Зубова А.В., Чикишева Т.А., Поздняков Д.В., Пилипенко А.С., Ромащенко А.Г., Куликов И.Г., Кобзев В.Ф., Новикова О.И., Васильев С.К., Шнеевайс Й., Приват К., Болдырев В.В., Дребущак В.А., Дребущак Т.Н., Деревянко Е.И., Бородовский А.П., Боургарит Д., Реихе И., Кузьминых С.В., Марченко Ж.В. Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Т. 3. Новосибирск; Берлин: ИАЭТ СО РАН, 2009. 248 с.

Молодин В.И., Дураков И.А., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С. Производственный комплекс кротовской культуры на поселении Венгерово-2 (Барабинская лесостепь) // Вестник НГУ. Серия: История, филология, 2012. Т. 11. Вып. 5. С. 104–119.

Молодин В.И., Дураков И.А. Погребения эпохи ранней – развитой бронзы могильника Ордынское-1 (новая версия историко-культурной интерпретации) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 4 (56). С. 84–101.

ПОТРЕВОЖЕННЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ БРОНЗОВОГО ВЕКА ЮЖНОГО УРАЛА: ФАКТЫ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ[1]

© 2014 г. А.В. Епимахов

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН,
Южно-Уральский филиал, Челябинск
(eav74@rambler.ru)

***Ключевые слова*:** бронзовый век, Южный Урал, погребальная обрядность, потревоженные погребения, методология археологии.

Резюме. Работа рассматривает вопросы процедуры интерпретации погребальных памятников на примере потревоженных погребений бронзового века. Приводятся новые факты и обобщения. Предложен вариант оценки фактов с точки зрения трех вариантов отношения к умершим: страх, безразличие и поклонение.

Сложность интерпретации потревоженных погребений прямо связна с дефицитом качественной информации. Впрочем, есть также проблемы, лежащие в плоскости методологии. Признавая сложный характер отображения действительности в вещественных материалах, авторы часто предпочитают прямой подбор этнографических аналогий. Таким образом, переход от результатов раскопок к реконструкции идей и мотивов происходит без анализа стадий акций (действий), их материализации, археологизации и пр., т.е. говорить о последовательной реконверсии информации (Клейн, 2004. С. 349–370) не приходится.

При выборе алгоритма исследования авторы сталкиваются с трудноразрешимыми вопросами на каждой из стадий, но кажется полезным само осознание необходимости многоэтапной критики и четкое понимание влияния искажающих факторов и возможностей разной трактовки одних и тех же фактов. Поскольку проверка точности полевых наблюдений в полном объеме невозможна, а публикации и отчеты обычно содержат обобщенный вариант информации, исследователи вынуждены ориентироваться на собственные материалы. Таким образом, единичные достоверные факты играют важнейшую роль, хотя не могут служить аргументом универсальной интерпретации.

Большое значение в документировании ситуаций имеют опыт исследователя и методика раскопок, а также наличие полевого антрополога. Это позволяет точнее оценить возможные причины деструкции погребения, которые обусловлены разновременными природными и антропогенными процессами. Даже в случае уверенности в «человеческом факторе» главной трудностью является установление временного промежутка от завершения погребальной церемонии до вторжения, так как варианты проникновения регистрируются гораздо чаще. Лишь после решения этих вопросов стоит обсуждать акции и их воплощения, а также мотивы действий.

Ингумация в курганах – основной вариант погребальной обрядности уральского бронзового века. Случаи нарушения могил нередки, особенно для родственных синташтинских, петровских и алакульских древностей. Их погребальные памятники объединяются многомогильностью курганов с поэтапной историей формирования. Комплексы включают все возрастные и гендерные группы. Сравнительно небольшое количество похороненных, погребальный инвентарь (включающий оружие и детали колесничного комплекса) и сложная

1 Работа выполнена в рамках интеграционной программы УрО РАН и СО РАН.

практика жертвоприношения животных заставляют думать, что синташтинские (и, возможно, петровские) курганы были местами захоронения элиты.

Алакульские некрополи внешне похожи на синташтинские и петровские за счет способа организации подкурганного пространства. Однако имеется и существенная разница. Алакульские могильники содержат значительно больше курганов, могил и покойных; фиксируются общая унификация, резкое сокращение статусной атрибутики, упрощение практики жертвоприношений и пр. В целом алакульские некрополи по основным параметрам ближе к родовым кладбищам.

Потревоженные погребения для перечисленных культур составляют значительные серии, нередко большинство всех захоронений взрослых. Наряду с единичными наблюдениями возможны и некоторые обобщения (доля потревоженных погребений, возрастной и гендерный состав этих захоронений, сохранившийся инвентарь) (Яценко, 2013). Все центральные и часть периферийных захоронений потревожены (в целом более 50%). Это не может быть результатом грабительских раскопок XVIII – начала XX в. или деятельности норных животных. Курганы имеют небольшую высоту, а периферийные захоронения не прослеживаются на современной поверхности. Потревожены, как правило, могилы, содержащие взрослых индивидов обоего пола. Выводы по возрастным группам на данном этапе невозможны, так как большая доля умерших выявлена в коллективных могилах. Это обстоятельство затрудняет и определение состава инвентаря конкретных индивидов. Примеры потревоженных погребений, сохранивших часть дорогостоящего инвентаря, не многочисленны, но есть.

Имеются яркие единичные свидетельства того, что вторжение осуществлялось через непродолжительный срок после завершения ритуала. Часть останков явно была перемещена до завершения эскарнации; нередко деревянное перекрытие могилы еще оставалось целым; проникновение в могилу осуществлялось с большой точностью. Так, в синташтинском могильнике Солнце II исследована крупная могильная яма, явно пострадавшая от проникновения извне. Человеческие останки находились в разрозненном состоянии, за исключением ноги одного индивида в сочленении от колена до стопы включительно. Однако эта часть скелета располагалась не на дне, а в заполнении грабительского вкопа, следовательно, останки были перемещены до завершения эскарнации.

Иной пример зафиксирован при исследовании петровского могильника Троицк-7. Крупная могила была разделена на три отсека. Каждый из них, вероятно, содержал индивидуальное захоронение. Углубление у восточной стенки могло быть дромосом либо грабительской ямой. Здесь обнаружены многочисленные переотложенные человеческие кости со следами бронзовых окислов. «Грабители» были отлично осведомлены о расположении могилы и ее устройстве, так как освобождение костей от бронзовых украшений состоялось именно в этой части сооружения и явно до обрушения перекрытия, хотя и после завершения скелетирования. Практически никакие массивные металлические изделия не обнаружены.

Обсуждая феномен потревоженных могил, следует помнить о возможной разнице в отношении к покойным. Судя по этнографическим данным, спектр представлений достаточно широк: от страха до поклонения. Делая выбор между этими крайними точками, мы не должны забывать и о возможности третьей позиции – отсутствии уважения к мертвым (Bartelheim, Heyd, 2001). Мотивы нарушения покоя умерших разнообразны, и сделать аргументированный выбор в пользу какой-либо из версий весьма непросто. Кажется разумным попытаться сузить поле решений, отбросив наименее вероятные варианты.

Для уральского бронзового века *обезвреживание* кажется маловероятным, поскольку эта практика обычно связана с меньшинством умерших, в рассматриваемом же случае таковых более половины. Для раннего – синташтинского – периода высокий процент можно связать с немногочисленностью элитных захоронений и особыми вариантами обращения с покойным. Однако в алакульское время курганная ингумация – массовое явление, несмотря на это непотревоженные погребения взрослых крайне редки, а общий процент потревоженных могил выше. В эту выборку по-

падают и захоронения детей (Шилов, Маслюженко, 2001). Не обнаружены следы увечий и других способов обезвреживания.

Нет причин усматривать в этой традиции и способ *осквернения* могил соперничающими группами. В роли таких групп может теоретически выступать только однокультурное население. Для синташтинского периода в отличие от алакульского высокий уровень развития военного дела хорошо документирован, но надежных свидетельств военной активности крайне мало для всего бронзового века.

Почти столь же часто упоминается более прозаической версии – *ограбление*, в том числе и с целью минимизировать для коллектива ущерб от дорогостоящих ритуалов. Эта гипотеза дает ответ на вопрос о знании грабителями деталей расположения и конструкции могил, но оставляет за рамками объяснений сохранение значительной части инвентаря в потревоженных захоронениях. Приходится исходить из версии об оставлении части инвентаря, особо важного для покойного или табуированного. Еще труднее установить и причины хорошей сохранности целого ряда погребений.

Изложенная сумма фактов вряд ли имеет единственное простое объяснение. Синташтинские и петровские некрополи были местом упокоения лиц повышенного статуса, снабженных дорогостоящим инвентарем. Судя по всему, курганы формировались поэтапно и служили местом совершения постпохоронных обрядов. Это может быть оценено как проявление культа предков. Следы *страха* перед умершими можно усмотреть только в традиции сооружения рва вокруг погребальной площадки. Наконец, *отсутствие уважения* к мертвым хорошо иллюстрировано многочисленностью «ограблений».

Вероятно, речь идет о сочетании всех трех вариантов взаимоотношений мертвых и живых. В разные периоды цикла похоронных и после похоронных церемоний на первый план выходил один из них. Не исключено, что дальнейшие исследования позволят проследить в диахронии динамику. Создается впечатление, что максимальное внимание к предкам уделялось на ранних этапах, в период освоения новых территорий и становления культурных традиций. В дальнейшем обычай проникновения в могилы обретает более утилитарный характер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Клейн Л.С. Введение в теоретическую археологию. Кн. 1: Метаархеология. СПб.: Бельведер, 2004. 470 с.

Шилов С.Н., Маслюженко Д.Н. О некоторых аспектах мотивации разрушения могил алакульской культуры на территории лесостепного Притоболья // XV Уральское археологическое совещание. Тез. докл. / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: Оренбург. губерния, 2001. С. 122–123.

Яценко С.А. О сарматских ограблениях синхронных курганов // Теория и практика археологических исследований. № 2 (8). Барнаул: Азбука, 2013. С. 25–41.

Bartelheim M., Heyd V. Cult after Burial: Patterns of Post-Funeral treatment in the Bronze and Iron Age of Central Europe // Archaeology of Cult and Religion / Eds P. Beihl, F. Bertemes, H. Meller. Budapest: Archaeoligua, 2001. P. 261–276.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРЕХОДНОГО ВРЕМЕНИ ОТ БРОНЗЫ К ЖЕЛЕЗУ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ[1]

© 2014 г. В.А. Зах

Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН, Тюмень (viczakh@mail.ru)

Ключевые слова: лесостепь, эпоха бронзы, переходное время, палеоклимат, кризис хозяйства, миграция, численность населения.

Резюме. В I тыс. до н.э. на фоне палеоклиматических изменений и нарастания кризиса скотоводческого хозяйства сильно сокращается численность населения в лесостепном Притоболье, Барабе и Приобье, где ведущей отраслью хозяйства было скотоводство. Отмечены миграции таежного населения в лесостепь. Судя по материалам поселений, в частности по распространению посуды с крестовой и фигурно-штамповой орнаментацией, продвижение на юг было фронтальным, с проникновением в среднем до 54º с.ш. Однако в разные регионы пришло разное количество мигрантов – пропорционально численности оставшихся аборигенов. В горно-лесное Зауралье, Приишимье и Прииртышье выходцев с таежных территорий проникло больше, поскольку общества, в хозяйстве которых сочетались производящие и присваивающие отрасли, в меньшей степени ощутили последствия климатических и ландшафтных изменений.

Начало I тыс. до н.э., конец эпохи бронзы и переход к раннему железному веку, в Западной Сибири приходится на финал суббореального периода голоцена и связано со значительными климатическими и ландшафтными перестройками. Начинающееся увлажнение, в частности периодическое обводнение пойм, приводит к глубоким изменениям производящей экономики у позднебронзовых обществ лесостепи. Начинается кардинальная перестройка скотоводческого хозяйства, в стаде увеличивается доля лошади, придомное, с заготовкой кормов в пойме, скотоводство заменяется отгонным, полукочевым. Аналогичные палеоклиматические процессы происходили и на таежных пространствах Нижней Оби в пределах ареала атлымской культуры. Ежегодные подтопления поймы провоцировали миграцию с этих территорий на юг популяции лося и рассредоточение рыбы в водоемах.

Остановимся на рассмотрении ситуации в лесостепи и характеристике миграционных потоков населения на юг и их количественной оценке.

С началом гумидизациии и кризиса придомного скотоводческого хозяйства в западносибирской лесостепи численность населения снижается. Количество поселков носителей позднебронзовых культур (бархатовской, сузгунской, ирменской) на территории от Притоболья до Приобья сокращается в несколько раз. В Притоболье из более 50 бархатовских памятников к позднему, красногорскому этапу относится всего несколько городищ (Матвеев, Аношко, 2009), а с переходным временем связано пока лишь городище Усть-Утяк-1 (Кайдалов, 2013). В пределах ареала сузгунской культуры известно около 80 памятников с пахомовскими и сузгунскими комплексами, причем их соотношение оценивается как 3:1, городища также появляются на позднем этапе (Полеводов, 2003). Поселений переходного времени (красноозерской культуры) в Приишимье насчитывается около 10, в Прииртышье около 30, в междуречье Ишима и Иртыша около 15 (Труфанов, 1994). В Барабинской лесостепи и Приобье известно почти 100 памятников ирменской культуры, из них порядка 15

1 Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре».

относятся к позднеирменской и 5-6 памятников – к переходному времени (Молодин, 1985; Матвеев, 1993; Троицкая и др., 1989; Папин, Шамшин, 2005). В горно-лесном Зауралье ситуация иная: вероятно, в силу более благоприятных природных условий для проживания и ведения присваивающего хозяйства на восточных склонах Урала в переходное от бронзы к железу время обитало большее количество населения, о чем свидетельствуют более 150 памятников рассматриваемого времени[1] (Борзунов, 1992).

Возможно, сокращение на финальном этапе бронзового века численности обитателей лесостепных территорий (Притоболье, Барабa и Приобье) с преимущественно скотоводческой направленностью хозяйства связано с оттоком части населения на юг, в степи. В горно-лесном Зауралье и Ишимо-Иртышском регионе, где в хозяйстве в равной степени сочетались производящие и присваивающие отрасли, население в меньшей степени зависело от происходящих палеоклиматических изменений. В то же время эти территории расположены ближе к ареалу таежной культуры с крестовой орнаментацией посуды, откуда ее носители частично продвинулись на юг, в лесостепь. Скорее всего, мигранты с севера двигались по долинам крупных водных систем, таких как Обь, Иртыш, Ишим и Тобол, причем наиболее прямым путем на юг и в горно-лесное Зауралье были долины Иртыша, Ишима и левобережные притоки Тобола. Вероятно, немаловажным фактором для выбора места проживания и последующего смешения мигрирующих экзогамных северных групп с аборигенным населением была и заселенность территории. Судя по присутствию в симбиозных керамических комплексах 15–35% посуды с орнаментом в виде фигурного штампа, можно предположить, что численность инокультурного таежного населения, проникшего в лесостепь, могла достигать трети и более населения региона.

Мнения исследователей относительно миграции таежного населения разделились. Одни считают, что переселение в некоторых регионах было фронтальным (Косарев, 1981), полномасштабным, продолжавшимся некоторое время (Труфанов 1994), способным в виде «клина» расчленить и раздвинуть ареал «ирменцев» с образованием трех изолированных территориальных групп (Матвеев, 1985). Другие говорят о кратковременности и малочисленности миграции (Троицкая 1985; Бородовский, 2003).

На наш взгляд, в количественном отношении носители культуры с крестовой орнаментацией посуды соответствовали оставшимся в лесостепи аборигенам. Наиболее заселенными в результате миграции оказались территории горно-лесного Зауралья и Ишимо-Иртышья, слабо освоенными были Притоболье и Приобье.

Несмотря на то что в определенные районы западносибирской лесостепи проникло разное количество мигрантов, тем не менее все они продвинулись на юг в среднем до 54º с.ш. В Зауралье это около 54º 57’, в Притоболье и Приишимье – 55º 16’ и 55º 35’ с.ш., в Барабе и Приобье – 54º 43’ и 52º 42’ соответственно, но отдельные находки керамики с крестовой орнаментацией отмечаются еще южнее. Практически все поселки на юге приурочены к остаткам прибрежных ленточных боров, расположенных на первых надпойменных террасах, что, возможно, свидетельствует о пути мигрантов из таежных территорий в лесостепь.

Таким образом, в I тыс. до н.э. на фоне палеоклиматических изменений и нарастания кризиса скотоводческого хозяйства сильно сокращается численность населения в лесостепном Притоболье, Барабе и Приобье, где ведущей отраслью хозяйства было скотоводство. Отличаются миграции таежного населения в лесостепь. Судя по материалам поселений, в частности по распространению посуды с крестовой и фигурно-штамповой орнаментацией, продвижение на юг было фронтальным, с проникновением в среднем до 54º с.ш. Однако в разные регионы пришло разное количество мигрантов – пропорционально численности оставшихся аборигенов. В горно-лесное Зауралье, Приишимье и Прииртышье выходцев с таежных территорий проникло больше, поскольку общества, в хозяйстве которых сочетались производящие и присваивающие отрасли, в меньшей степени ощутили

1 Правда, в это количество входят городища, поселения и местонахождения.

последствия климатических и ландшафтных изменений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Борзунов В.А. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков (гамаюнская культура). Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1992. 188 с.

Бородовский А.П. К вопросу о городищах переходного времени от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку в Новосибирском Приобье // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Кн. 1. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2003. С. 264−269.

Кайдалов А.И. Городище Усть-Утяк-1 как источник по изучению культурно-исторических процессов на территории Среднего Притоболья в переходное время от бронзы к железу и эпоху раннего средневековья: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Кемерово, 2013. 22 с.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 283 с.

Матвеев А.В. Ирменские поселения лесостепного Приобья: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 1985. 21 с.

Матвеев А.В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1993. 181 с.

Матвеев А.В., Аношко О.М. Зауралье после андроновцев: Бархатовская культура. Тюмень: Тюмен. дом печати, 2009. 416 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.

Папин Д.В, Шамшин А.Б. Барнаульское Приобье в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2005. 202 с.

Полеводов А.В. Сузгунская культура в лесостепи Западной Сибири: Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2003. 22 с.

Троицкая Т.Н. Завьяловская культура и ее место среди лесостепных культур Западной Сибири // Западная Сибирь в древности и средневековье. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1985. С. 54–69.

Троицкая Т.Н., Зах В.А., Сидоров Е.А. Новое о завьяловской культуре // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1989. С. 103–116.

Труфанов А.Я. О специфике миграционных процессов в пределах гамаюно-молчановской общности // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994. С. 84−87.

ГОНЧАРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО НАСЕЛЕНИЯ ФЕДОРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ НИЖНЕГО ПРИТОБОЛЬЯ[1]

© 2014 г. В.В. Илюшина

Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН, Тюмень
(vika_tika@mail.ru)

Ключевые слова: Нижнее Притоболье, эпоха бронзы, федоровская культура, керамика, технико-технологический анализ.

Резюме. В статье представлены результаты технико-технологического анализа керамики федоровской культуры поселений Черемуховый Куст, Курья-1, Щетково-2 и Бочанцево-1 в Нижнем Притоболье. Проведенное исследование позволило выявить традиции, существовавшие у населения федоровской культуры данных поселений, по отбору и подготовке исходного пластичного сырья, составлению формовочных масс, конструированию сосудов, обработки поверхностей изделий, а также придания им прочности и устранения влагопроницаемости. Результаты анализа особенностей отбора пластичного сырья и составления формовочных масс дают основания говорить о смешанности населения федоровской культуры. Проведенное исследование позволило наметить хронологическую позицию изученных поселений. Сравнение полученных нами данных с технологической информацией по комплексам сопредельных территорий показало, что по крайней мере часть населения федоровской культуры была пришлой на территорию Нижнего Притоболья.

Территория Нижнего Притоболья расположена на северо-западной окраине обширного ареала федоровской культуры. Здесь известно немного памятников, содержащих федоровские материалы. К настоящему времени археологические работы проведены на шести поселениях. С целью выявления особенностей гончарного производства федоровского населения Нижнего Притоболья изучены 460 сосудов из комплексов четырех поселений (см. *рисунок, 1*): Черемуховый Куст (207 сосудов), Щетково-2 (93), Бочанцево-1 (21), Курья 1 (139).

Проведенный технико-технологический анализ осуществлен в рамках историко-культурного подхода, разработанного А.А. Бобринским, и выделенной им структуры гончарного производства (Бобринский, 1978, 1999. С. 9–11).

Анализ показал, что для изготовления посуды гончарами федоровской культуры отбиралось два вида исходного пластичного сырья: природные ожелезненные глины и илистые глины. Следует подчеркнуть, что характерный качественный признак илистых глин – естественная примесь раковины речных моллюсков. В рамках отдельных поселений количественное соотношение сосудов, изготовленных из данных видов сырья, варьирует (табл. 1).

При составлении формовочных масс федоровскими гончарами использовались минеральные, органо-минеральные и органические добавки. Шамот зафиксирован в изломах подавляющего большинства сосудов. Кроме шамота в качестве минеральной примеси гончарами применялись песок, дресва, а по изломам одного сосуда с поселения Щетково-2 зафиксирован раздробленный лимонит. По данным петрографического анализа, проведенного по 65 экз. с поселений Черемуховый Куст и Курья-1, использовавшаяся в качестве дресвы раздробленная горная порода представлена тальком, серпентин-асбестом, хризотил-асбестом, нефелиновым сиенитом, гнейсом, альбитом, альбит-олигоклазом, пес-

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 12-06-31044/13.

Таблица 1. Соотношение разных видов исходного пластического сырья (ИПС) керамики федоровской культуры

ИПС	Щетково-2	Черемуховый Куст	Курья-1	Бочанцево-1	Всего сосудов
Природные ожелезненные глины	40 / 43,1*	97 / 46,9	73 / 52,5	2 / 9,5	212 / 46
Илистые глины	53 / 56,9	110 / 53,1	66 / 47,5	19 / 90,5	248 / 54

*Здесь и далее в числителе указано количество сосудов, в знаменателе – процент от общего количества сосудов.

чаником[1]. В качестве органо-минеральных примесей использовались кальцинированная кость и раковина речных моллюсков, которая дробилась как в сыром состоянии, так и после предварительной обжарки. Органические примеси представлены в основном выжимкой из навоза жвачных животных и органическими растворами, реже использовался сам навоз.

Таким образом, изучение сосудов показало разнообразие сочетаний различных искусственных компонентов при составлении формовочных масс (табл. 2), однако доминирующими рецептами у федоровских гончаров всех изученных поселений выступают «исходное сырье + шамот + выжимка» (39,9% всех изделий) и «исходное сырье + шамот + органический раствор» (36,1%).

Технико-технологическому анализу подвергался и шамот как компонент формовочных масс. Анализ показал, что раздробленные сосуды также изготавливались из различных видов сырья (природных глин и илистых глин). В подавляющем большинстве сосудов в состав шамота входит только шамот (62,4% всех изделий), в значительной части сосудов шамот содержит примесь дресвы (34,1%). Немногочисленны изделия, в которых шамот содержит примесь кальцинированной кости (3,7%).

Таким образом, технологический анализ шамота показывает, что в гончарстве населения федоровской культуры навыки отбора в качестве исходного пластичного сырья природных глин и илистых глин были устойчивыми. Полученная информация по составу формовочной массы шамота позволяет говорить, что при доминирующей традиции использования шамота, существовали навыки составления рецептов с применением кальцинированной кости и дресвы.

Изучение конструирования начинов сосудов, осуществленное по изломам лишь пяти изделий, показало применение одной программы – донно-емкостной (см. *рисунок, 7, 8*). И начины, и полое тело сосудов (данная ступень гончарного производства исследована по 35 изделиям) изготовлены лоскутным спиралевидным налепом (см. *рисунок, 7, 8*, *10*, *12*, *15–17*, *19*, *22*, *24*). Формообразование изделий происходило в процессе конструирования, когда применялись формы-модели, а также с помощью выбивания колотушкой и выдавливания пальцами.

Традиционными навыками обработки поверхностей выступают простое заглаживание пальцами, тканью, шпателями, гребенчатым штампом, а также лощение, которое проводилось по подсушенной основе гальками.

Анализ цветовой характеристики изломов и поверхностей сосудов позволяет говорить, что обжиг готовых изделий проводился в простых кострищах или очагах с непродолжительным действием температур каления, т.е. не ниже 650º С.

Сопоставление всех полученных аналитических данных позволяет наметить хронологическую позицию изученных поселений. Наиболее ранними, по всей вероятности, следует считать комплексы поселений Щетково-2 и Черемуховый Куст, в керамике которых

1 Анализ проведен канд. геол.-минерал. наук, доцентом кафедры геологии и геоэкологии РГПУ им. А.И. Герцена М.А. Кульковой, за что автор выражает искреннюю благодарность.

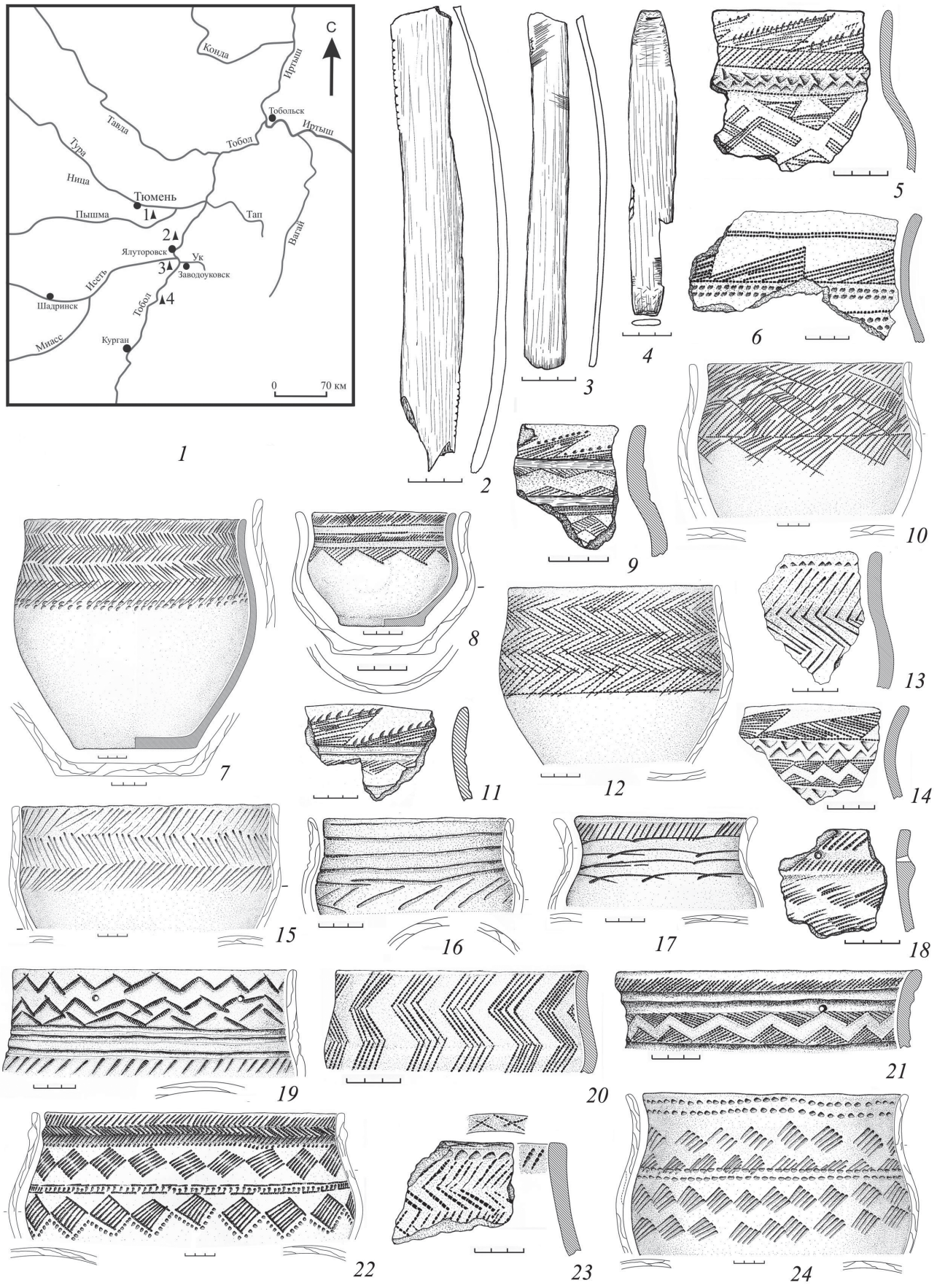
Таблица 2. Соотношение рецептур формовочных масс керамики федоровской культуры

Рецепты формовочных масс	Щетково- 2	Черемуховый Куст	Курья-1	Бочанцево-1	Всего сосудов
ИПС+Ш+В	27 / 29,0	58 / 28,0	80 / 57,5	18 / 85,7	183 / 39,9
ИПС+Ш+ОР	43 / 46,2	88 / 42,5	33 / 23,7	2 / 9,5	166 / 36,1
ИПС+Ш+Н	5 / 5,4	14 / 6,7	4 / 2,9	1 / 4,8	24 / 5,2
ИПС+В	–	1 / 0,5	–	–	1 / 0,2
ИПС+Н	1 / 1,1	–	–	–	1 / 0,2
ИПС+Ш+К+В	2 / 2,1	6 / 2,9	4 / 2,9	–	12 / 2,6
ИПС+Ш+К+ОР	2 / 2,1	10 / 4,8	2 / 1,5	–	14 / 3,1
ИПС+Ш+К+Н	–	1 / 0,5	1 / 0,7	–	2 / 0,4
ИПС+Ш+ДР+В	3 / 3,3	3 / 1,4	–	–	6 / 1,4
ИПС+Ш+ДР+ОР	2 / 2,1	–	–	–	2 / 0,4
ИПС+Д+В	–	1 / 0,5	–	–	1 / 0,2
ИПС+Д+Н	1 / 1,1	–	–	–	1 / 0,2
ИПС+Ш+Д+Н	–	4 / 2,0	–	–	4 / 0,8
ИПС+Ш+Д+В	5 / 5,4	17 / 8,2	2 / 1,4	–	24 / 5,2
ИПС+Ш+Д+ОР	–	2 / 1,0	–	–	2 / 0,4
ИПС+Ш+П+Д+ОР	1 / 1,1	–	–	–	1 / 0,2
ИПС+Лим.+Ш+ОР	1 / 1,1	–	–	–	1 / 0,2
ИПС+Ш+П+ОР	–	–	3 / 2,2	–	3 / 0,7
ИПС+Ш+П+В	–	1 / 0,5	8 / 5,8	–	9 / 2,0
ИПС+Ш+К+Д+В	–	1 / 0,5	1 / 0,7	–	2 / 0,4
ИПС+Ш	–	–	1 / 0,7	–	1 / 0,2

Примечание: Ш – шамот; Н – навоз; В – выжимка из навоза; ОР – органический раствор; К – кальцинированная кость; ДР – дробленая раковина речных моллюсков; Д – дресва; Лим. – лимонит; П – песок.

еще фиксируются двухкомпонентные рецепты: «дресва + органика», а также раковина как компонент формовочных масс. Значителен процент сосудов, в которых шамот содержит дресву (48,4% сосудов на поселении Щетково-2; 38,6% – на поселении Черемуховый Куст). В комплексе Курьи-1 обнаружены только смешанные рецепты составления формовочных масс – «шамот + дресва +органика», не зафиксированы рецепты составления формовочных масс с примесью раковины речных моллюсков. Меньше доля сосудов, в которых в составе шамота присутствует дресва (22,3%). В немногочисленных материалах Бочанцево-1 дресва как искусственная примесь не обнаружена, и лишь в одном сосуде в составе шамота отмечен тальк.

Данное положение также может быть подтверждено и имеющимися радиоуглеродными датами (Щетково-2 – 3470±145 (СОАН-4188); Черемуховый Куст – 3446±95 (УПИ-560), 3280±30 (УПИ-564), 3605±53 (УПИ-569); Курья-1 – 3390±40 л.н. (СОАН-5849) (Матвеев, Аношко, Измер, 2001. С. 215; Зах, Зимина, Рябогина, 2011. С. 225).



Карта-схема расположения поселений федоровской культуры в Нижнем Притоболье (*1*) и находки. *1*: 1 – Курья-1; 2 – Черемуховый Куст; 3 – Щетково-2; 4 – Бочанцево-1; *2–4* – Бочанцево-1, костяные шпатели; *5*, *7*, *8*, *10–12*, *14–24* – Курья-1, керамика; *6*, *9*, *13* – Черемуховый Куст, керамика.

Сравнение полученных технологических данных по федоровским комплексам Нижнего Притоболья с материалами сопредельных территорий Казахстана, Южного Зауралья, Среднего Прииртышья, Барабинской лесостепи (Кузьмина, 1986. С. 152–183; Софейков, 1990. С. 89–99; Кузнецова, Тепловодская, 1994. С. 111–163; Глушков, 1996. С. 95–97, 105–107; Бейсенов, Ломан, 2009. С. 36, 61; Григорьев, Петрова, Салугина, 2009. С. 41) показывает не только своеобразие притобольских керамических комплексов, но и позволяет говорить о том, что по крайней мере часть федоровского населения была пришлой на рассматриваемой территории. Наличие в формовочных массах и в составе шамота федоровских сосудов в основной тальковой, а не гранитной и гранитно-гнейсовой дресвы, характерной для комплексов Центрального Казахстана, может указывать на связь с населением Уральского региона, где добавление талька традиционно для местных гончарных производств. В целом полученные данные по технологии гончарного производства на фоне внешнего сходства комплексов показывают разнообразие навыков труда гончаров на разных территориях, что может свидетельствовать о неоднородности населения федоровской культуры в разных регионах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Древние поселения Центрального Казахстана. Алматы: «Інжу-Маржан» полиграфия, 2009. 264 с.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства / Отв. ред. А.А. Бобринский. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 5–109.

Глушков И.Г. Керамика как археологический источник. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1996. 328 с.

Григорьев С.А., Петрова Л.Ю., Салугина Н.П. Типология и технология изготовления керамики поселения эпохи поздней бронзы Мочище в Южном Зауралье // Известия Челяб. научного центра. 2009. Вып. 2 (44). С. 40–43.

Зах В.А., Зимина О.Ю., Рябогина Н.Е. Радиоуглеродные даты археологических и природных комплексов Тоболо-Ишимья (по материалам Тоболо-Ишимской экспедиции ИПОС СО РАН) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 1 (14). С. 219–233.

Кузнецова Э.Ф., Тепловодская Т.М. Древняя металлургия и гончарство Центрального Казахстана. Алматы: Гылым, 1994. 207 с.

Кузьмина Е.Е. Гончарное производство у племен андроновской культурно-исторической общности (об одном археологическом аспекте проблемы происхождения индоиранцев) // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока / Отв. ред. Б.А. Литвинский. М.: Наука, 1986. С. 152–182.

Матвеев А.В., Аношко О.М., Измер Т.С. Предварительные итоги работ 1999 и 2000 гг. на поселении Щетково-2 в Ингальской долине // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2001. № 3. С. 213–216.

Софейков О.В. Андроновская керамика поселения Каргат-6 и некоторые вопросы технологии // Древняя керамика Сибири: типология, технология, семантика / Отв. ред. В.И. Молодин, Е.В. Ламина. Новосибирск: Наука, 1990. С. 89–99.

О ПРОИЗВОДЯЩЕМ ЦЕНТРЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ В СРЕДНЕМ ЗАУРАЛЬЕ[1]

© 2014 г. О.Н. Корочкова

Уральский федеральный университет, Екатеринбург (Olga.Korochkova@usu.ru)

Ключевые слова: Зауралье, бронзовый век, Шайтанское Озеро II, сейминско-турбинский, самусь-кижирово, коптяковская культура, металлообработка.

Резюме. В начале II тыс. до н.э. в Среднем Зауралье под влиянием сейминско-турбинских и синташтинско-петровских импульсов складываются самобытные традиции металлопроизводства, подкрепленные местными сырьевыми ресурсами. Наиболее весомые аргументы в пользу этой версии представляют материалы культового памятника Шайтанское Озеро II – крупного сакрального центра, оставленного носителями коптяковской культуры.

С 2006 г. на Среднем Урале, в 70 км к северу от Екатеринбурга исследуется замечательный объект археологического наследия – святилище эпохи бронзы Шайтанское Озеро II (далее Шайтанка) (Сериков, Корочкова и др., 2009; Корочкова, Стефанов, 2010, 2013). Уникальность памятника и его выдающееся значение для понимания различных аспектов становления и развития металлоносных культур Евразийской (Западноазиатской) металлургической провинции уже признаны многими отечественными и зарубежными учеными. Сейчас, когда раскопки Шайтанки приближаются к завершающей стадии, перед исследователями развернулась чрезвычайно интересная картина святилища, на территории которого совершались различные ритуалы, в том числе связанные с широким внедрением в культуру местного населения бронзы. Это было далеко не первое знакомство с металлом, однако именно с II тыс. до н.э. начинается собственно металлоносная история горно-лесного Зауралья. Здесь под влиянием сейминско-турбинских и синташтинско-петровских импульсов складываются самобытные традиции металлопроизводства, подкрепленные местными сырьевыми ресурсами.

На территории святилища обнаружено более 200 предметов из меди и бронзы, почти столько же каменных наконечников стрел, меньше скребков и ножей, обломки более 70 сосудов коптяковского типа. Наибольшая концентрация бронзовых и каменных предметов отмечена на площадке размерами 25 х 10 м, удаленной от берега вглубь террасы. Целые вещи находились на дне небольших углублений в положении плашмя, наклонно, вертикально, некоторые в специальных футлярах из дерева или ткани. В коллекции много отходов металлопроизводства (капли, сплески) и металлического лома, залегавших вместе с наконечниками стрел и керамикой на уровне древней дневной поверхности. Каменные наконечники стрел в большинстве случаев тяготеют к металлическим предметам. Металлические «схроны» представляют собой компактные скопления из 2-3 предметов, иногда вставленных друг в друга. Обратим внимание на комплектность подобных «схронов»: кельт, нож; наконечник копья, чекан; кельт, чекан, крюк; два кельта; нож, крюк.

Помимо скоплений металлических предметов и сопряженных с ними каменных изделий на площадке святилища выделяются

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проекты № 13-06-00202а, 13-06-10014к.

автономные культовые объекты, к числу которых отнесены семь погребений и яма с инвентарем (Корочкова, Стефанов, 2013. С. 88–92). В центральной части святилища находилось захоронение кремированных останков младенца, шесть могил расчищено на юго-восточной окраине. В двух наземных погребениях обнаружены кремированные на месте останки двух мужчин в возрасте 35–55 лет, около черепа одного из них сохранился кинжал с орнаментированной рукоятью. Еще одно кремированное погребение было совершено в неглубокой могиле, здесь умершего сопровождал браслет со спиралевидным окончанием. В остальных ямах были обнаружены единичные кальцинированные косточки. Не исключено, что кремация уже свободных от мягких тканей костей происходила либо собственно в могилах, либо в кострищах рядом, от которых сохранились прокалы толщиной 10–30 см.

Важно подчеркнуть неоднозначную культурную атрибуцию погребений 4–7, инвентарь которых содержал и типичные артефакты энеолитического времени. Подобную ситуацию можно расценивать как результат сооружения могил в культурном слое поселения эпохи энеолита, либо это пример сохранения архаических текстов в погребальной практике почитателей святилища.

Четыре радиоуглеродные даты, сделанные по дереву из втулок орудий, показывают, что в XIX–XVIII вв. до н.э. (калиброванные значения 95,4%) на месте нынешнего археологического памятника существовал крупный сакральный центр. На его территории проводились обряды, связанные с культовой практикой населения, археологически представленного коптяковской культурой. На фоне остальных известных мемориалов сейминско-турбинского типа (Ростовка, Сейма, Турбино) Шайтанку отличает целый ряд специфических черт. На территории святилища много предметов, связанных собственно с процессом металлопроизводства (отходы и лом составляют около 50%), и керамики, свидетельствующей о широких межкультурных связях посетителей святилища. В отличие от перечисленных сейминско-турбинских памятников, отличающихся явными воинскими атрибутами (оружие княжеского ранга – массивные наконечники копий, кинжалы с фигурными навершиями, защитные доспехи), Шайтанка оставляет впечатление объекта «мирной» поры. В ее арсенале преобладают кельты, пластинчатые и двулезвийные ножи, втульчатые чеканы, мелкий инструмент (стамески, долота, шилья, проколки). Особо следует отметить очевидную связь Шайтанки с зауральской коптяковской культурой. Это очень важное обстоятельство, достаточно вспомнить острую проблему культурного контекста сейминско-турбинских памятников.

Металлокомплекс Шайтанки определенно свидетельствует о сложении здесь собственного центра, специфику которого составляет сочетание сейминско-турбинских и евразийских традиций, а также выработка оригинальных типов изделий. К последним можно отнести кельты с ложным ушком, покрытые пышным геометрическим орнаментом, ножи-кинжалы с орнаментированной рукоятью, втульчатые чеканы. Аналогии данным предметам, за исключением кельтов, в других регионах неизвестны. Некоторые особенности морфологии шайтанских кельтов, наконечников копий позволяют соотносить их с так называемыми самусьско-кижировскими бронзами. Но более предпочтительной кажется версия о выработке подобных стандартов в недрах самостоятельного производящего центра, сложившегося в Среднем Зауралье на базе местных источников меднорудного сырья. В пользу подобной гипотезы свидетельствуют следующие факторы: 1) локализация памятников коптяковского типа в зоне меднорудных месторождений; 2) следы металлообработки в виде фрагментов глиняных и тальковых литейных форм (Палкино-1 и 2), а также многочисленных отходов металлопроизводства на Шайтанке; 3) наличие изделий из чистой меди, что характерно для местной металлообработки; 4) оригинальные типы орудий. Формирование подобного центра пришлось на стадию относительно стабильного этапа развития Западноазиатской (Евразийской) металлургической провинции, о чем сообщают многочисленные свидетельства связей с носителями петровских/алакульских традиций на юге, населением таежных районов Западной Сибири, где в это время появляются характерные изделия уральского происхождения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Сериков Ю.Б., Корочкова О.Н., Кузьминых С.В., Стефанов В.И. Шайтанское Озеро II: новые сюжеты в изучении бронзового века Урала // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 2 (38). С. 67–78.

Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Культовый памятник эпохи бронзы Шайтанское Озеро II (по материалам раскопок 2008 г.) // РА. 2010. № 4. С. 120–129.

Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Культовый памятник эпохи бронзы Шайтанское Озеро II под Екатеринбургом (по материалам раскопок 2009–2010 гг.) // РА. 2013. № 1. С. 87–96.

РЕЗУЛЬТАТЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ УКРЕПЛЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ ЭПОХИ БРОНЗЫ В БАССЕЙНЕ Р. КАРАГАЙЛЫ-АЯТ (ЮЖНОЕ ЗАУРАЛЬЕ)

© 2014 г. Л.Н. Корякова[1], Р. Краузе[2]

[1] Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург (lunikkor@mail.ru)
[2] Университет им. Гете, Франкфурт-на-Майне, Германия (r.krause@em.uni-frankfurt.de)

Ключевые слова: Южное Зауралье, эпоха бронзы, укрепленные поселения, синташтинская культура, междисциплинарные исследования.

Резюме. В тексте представлены основные результаты междисциплинарного исследования укрепленных поселений XXI–XVIII вв. до н.э. в Южном Зауралье. Масштабные раскопки проведены на поселении Каменный Амбар, в «истории жизни» которого выделено две фазы: «синташтинско-петровская» и «срубно-алакульская».

Открытие памятников синташтинского типа привнесло в археологию эпохи бронзы интригу, которая сохраняется до сих пор, несмотря на довольно интенсивную исследовательскую активность в изучении памятников этого времени на Южном Урале. При внимательном рассмотрении памятники синташтинской культуры оказываются чрезвычайно сложными, в особенности это касается поселений, и на первый план выходят задачи получения качественного источника.

Именно эта цель была поставлена перед проектом, в рамках которого в течение нескольких лет международным коллективом велось исследование укрепленных поселений в бассейне р. Карагайлы-Аят в Карталинском р-не Челябинской обл. В проекте участвовали Институты Уральского отделения РАН и специалисты Университета Франкфурта-на-Майне и других учреждений Германии. Настоящая работа посвящена краткому изложению некоторых результатов первой фазы проекта. Три укрепленных поселения, расположенные на расстоянии 8–10 км друг от друга, были основными объектами нашего исследования, нацеленного на их изучение в контексте окружающей среды и ресурсной базы.

На настоящий момент получены микромагнитные карты семи укрепленных поселений и объектов на прилегающей территории. Эти работы позволили скорректировать их планы относительно аэрофотоснимков.

Стационарные раскопки проведены на поселениях Каменный Амбар и Коноплянка. Были задействованы все современные методики (раскопки широкой площадью с макси-

мальным вниманием к микростратиграфии, просеивание и флотация слоя, контекстуальное исследование объектов и структур, фотограмметрия, микроморфологический анализ антропогенных отложений, трехмерная индивидуальная фиксация находок, изучение их пространственно-хронологического распределения). В изучении колодцев была использована методика, применяемая для раскопок «мокрых» памятников. Важным компонентом работы был анализ ископаемой флоры и фауны, а также минеральных ресурсов.

Большие раскопки предприняты на поселении Каменный Амбар (Корякова и др., 2011; Multidisciplinary…, 2013). Судя по магнитометрии и проведенным раскопкам, северо-восточная часть памятника, где зафиксировано четыре ряда построек, разделенных двумя улицами, представляла собой обособленное огороженное пространство, к которому с юга была пристроена площадка примерно такого же размера. На ней следы обитания хаотичны. Однако исследования позволяют думать, что изначально здесь также существовала регулярная рядовая планировка и улицы были проложены в том же направлении, что и в первой половине. Однако позднее эта застройка была значительно повреждена. Поселение снабжено линией обороны прямоугольного плана.

В ходе исследования 8 раскопами изучено 4 участка обороны, остатки 13 построек и ряд структур, находившихся внутри и за их пределами. Основные элементы обороны: внутренняя дерево-земляная стена, размером по основанию около 4 м, облицованная снаружи каменными плитами на высоту не менее 2 м; ров нерегулярной конфигурации шириной в среднем около 2 м, внешняя невысокая стена (или вал) из глины, зафиксированная на северо-восточном участке, где также исследован вход в поселение. Последний, шириной 3 м, ориентирован в соответствии с направлением «улицы». Прямоугольные очертания прохода, большое количество прокаленной глины, углей и остатков дерева у его южной части указывают на то, что в его оформлении использовалось дерево. Грунтовая часть внутренней стены, вероятно, была снабжена дополнительными деревянными элементами, от которых сохранились многочисленные следы в виде угля, золы и спекшихся кусков глины с отпечатками и включениями растений и веток. Стена юго-западной части поселения имела некоторые отличия в оформлении.

Сопоставление стратиграфических данных, анализ инвентаря и пространственного распределения керамики позволили выделить две основных фазы в «истории жизни» поселения Каменный Амбар. Первая – условно названная по типам керамики «синташтинско-петровской», для которой интервал времени предварительно определяется датами 2030–1870 (2050–1760) гг. до н.э., для второй – «срубно-алакульской» – интервал лежит в пределах 1980–1780 (2040–1770) гг. до н.э. (Epimakhov, Krause, 2013).

С ранней фазой связана оборонительная линия и вписанные в ее пространство постройки нижнего стратиграфического горизонта. Из них четыре объекта раскопаны почти полностью, остальные – в значительной мере частично. Поздний горизонт представлен четырьмя постройками.

На первый взгляд, постройки поселения Каменный Амбар на его ранней фазе достаточно стандартны и соответствуют таковым других синташтинско-петровских поселений. Однако они продемонстрировали не только внешние, но и внутренние отличия. Жилища наземные, их котлованы углублены в основном в погребенную почву. Результаты раскопок позволяют допустить, что среди них могло быть как минимум два стандарта: прямоугольные жилища относительно небольших размеров (до 200 м^2); большие почти квадратные постройки, как бы составленные из двух прямоугольных помещений различного назначения (до 300 м^2). Другая заметная особенность архитектуры ранней фазы – большое количество колодцев в постройках, что указывает на их длительное непрерывное использование. Примером служит постройка 5. Установлено, что она состояла из двух помещений, которые выглядят как разнофункциональные. Северное помещение, меньшее по размеру, могло быть жилым. В его восточной части были обнаружены прямоугольная в плане печь и пять перекрывающих друг друга колодцев, из которых в какое-то определенное время мог функционировать только один. Южное помещение было больше и могло быть либо хозяйственной постройкой, либо производственным двором. Вдоль его продольных стен находились колодцы (семь

– вдоль северной стены, три – вдоль южной). Еще один колодец был выявлен в центральной части. Здесь же зафиксированы остатки металлургического комплекса: развалы печей-каменок и прокалы, насыщенные отходами производства. В постройке 5 найдены обломки двух костяных псалиев.

Палинологические и почвенные спектры показывают распространение в районе исследования таких растений, как полынь, маревые, клевер, вика, горец, подмаренник, осоковые и дикие злаки (Stobbe, 2013). Исследователи реконструируют ландшафт в основном как ковыльную степь. В составе сосново-березовых лесов фиксируется присутствие широколиственных деревьев, таких как ольха, дуб, липа и вяз. Обитатели поселения Каменный Амбар использовали в строительстве сосну, березу, иву. Признаки деградации степной растительности в результате выпаса скота не обнаружены. Палеоботаническое изучение степей в эпоху бронзы свидетельствует в пользу их высокой продуктивности, что могло поддерживать оседлый образ жизни. Условия окружающей среды, вероятно, играли ключевую роль в появлении долгосрочных укрепленных поселений. Несмотря на высокую вероятность благоприятных климатических условий в эпоху бронзы, доказательств земледелия нет. Судя по всему, растительная пища обеспечивалась собирательством. Наряду с молоком и мясом в рационе обитателей поселения важную роль играла рыба.

Жители поселения использовали все доступные ресурсы. Гипотетически можно предположить, что эксплуатируемая зона было около 5 км в радиусе и включала в себя пастбища, леса, месторождения полезных ископаемых, а также водные источники. Результаты изотопного анализа свидетельствуют о том, что жители поселения Каменный Амбар использовали различные источники руды для получения металла на домашнем уровне. Пока нет данных, которые бы указывали на существование профессиональных групп металлургов (Krause, 2013).

Материалы раскопок позволяют скорректировать или изменить существующие представления об архитектуре и назначении поселений, а также о хозяйственной деятельности их обитателей и последовательности культурных изменений в изучаемом микрорайоне в начале II тыс. до н.э. Полученные в результате раскопок поселения Каменный Амбар данные позволяют интерпретировать его как жилой и хозяйственный комплекс, приспособленный к определенным экологическим условиям. Его организация и архитектура были обусловлены практическими нуждами. Кроме скотоводства, основной отрасли экономики, на поселении выполнялись другие виды деятельности. По следам сработанности, сохранившимся на поверхности артефактов, выявлены рудо- и металлообрабатывающие инструменты, а также определены орудия камне-, косте- и деревообработки, гончарства, прядения, а также выделки кожи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Корякова Л.Н., Краузе Р., Епимахов А.В., Шарапова С.В., Пантелеева С.Е., Берсенева Н.А., Форнасье Й., Кайзер Э., Молчанов И.В., Чечушков И.В. Археологическое исследование укрепленного поселения Каменный Амбар (Ольгино) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 4. (48). С. 61–74.

Epimakhov A.V., Krause R. Relative and absolute chronology of the settlement Kamennyi Ambar // Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia) / Eds R. Krause, L.N. Koryakova. Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt, 2013. P. 129–146. (Frankfurter Archäologische Schriften; 23).

Krause R. The metallurgy of Kamennyi Ambar – settlement and cemetery // Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia) / Eds R. Krause, L.N. Koryakova. Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt, 2013. P. 203–232. (Frankfurter Archäologische Schriften; 23).

Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Ntans-Urals (Russia) / Eds R. Krause, L.N. Koryakova. Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt, 2013. 352 p. (Frankfurter Archäologische Schriften; 23).

Stobbe A. Long-term perspective on Holocene environmental changes in the steppe of the Trans-Urals (Russia): Implications for understanding the human activities in the Bronze Age indicated by paleoecological studies // Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia) / Eds R. Krause, L.N. Koryakova. Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt, 2013. P. 305–326. (Frankfurter Archäologische Schriften; 23).

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ УКРЕПЛЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ БРОНЗОВОГО ВЕКА ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ: ПОСЕЛЕНИЕ КОНОПЛЯНКА[1]

© 2014 г. Р. Краузе[1], С.В. Шарапова[2], А. Штоббе[1]

[1] *Университет им. Гете, Франкфурт-на-Майне, Германия*
(R.Krause@em.uni-frankfurt.de; stobbe@em.uni-frankfurt.de)
[2] *Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург*
(svetlanasharapova@rambler.ru)

***Ключевые слова*:** укрепленное поселение, бронзовый век, Южное Зауралье, междисциплинарные исследования.

Резюме. В работе представлены предварительные результаты исследования одного из поселений бронзового века в степной зоне Южного Зауралья. Это один из аспектов масштабного российско-германского проекта по изучению укрепленных поселений в долине р. Карагайлы-Аят. Раскопкам предшествовали геофизическая съемка и сканирование поверхности. Полученная магнитная карта стала основой для выбора участка раскопок, в который вошли ров, внутренняя стена поселения и угол жилища. Особое внимание в процессе работ уделялось сбору различных почвенных образцов, как из слоя поселения, так и прилегающих территорий для археоботанических и геоморфологических анализов.

Обращение к памятникам синташтинского круга вполне закономерно. В эпоху бронзы обширные степные пространства были своеобразным коридором коммуникаций. К рубежу III–II тыс. до н.э. относится становление особого культурного ландшафта на огромной территории, которая включала в себя лесостепную и степную зоны Восточной Европы, Урала и Западной Сибири. В Южном Зауралье к синташтинским древностям отнесены укрепленные поселения и курганные могильники, расположенные на притоках рек Тобол и Урал (Зданович, Батанина, 2007). При этом, несмотря на активное обсуждение общих и частных вопросов и интерпретаций, опубликованных материалов мало. К настоящему времени преобладают публикации погребальных комплексов. В отличие от них введенные в научный оборот результаты раскопок поселений единичны. В то же время интерес определяется и неослабевающим вниманием к междисциплинарным исследованиям. В археологии помимо изучения социальных отношений взаимодействие гуманитарных и естественных наук дает ощутимые результаты в реконструкции окружающей среды и условий жизни древних коллективов. Этот тезис стал ключевым в реализации междисциплинарного российско-германского проекта ИИиА УрО РАН и Франкфуртского университета им. Гете[2].

Полигоном для полевых работ выбрано урочище Каменный Амбар в долине р. Карагайлы-Аят (Карталинский р-н, Челябинская обл.) (Multidisciplinary…, 2013). Этот район характеризуется большей плотностью археологических памятников в целом, и концентрацией укрепленных поселений синташтинской культуры в частности. Здесь находятся три укрепленных поселения: Каменный Амбар, Журумбай и Коноплянка, располагающиеся на расстоянии 10 км друг от друга, тогда как в других районах памятники отстоят друг от друга на 30–40 км. Стратегия исследований определялась сохранностью археологических объектов[3]. Настоящая работа представляет

1 Работа выполнена при финансовой поддержке Президиума УрО РАН, проект № 12-М-456-2024.

2 См. публикацию Л.Н. Коряковой и Р. Краузе в настоящем сборнике.

3 Раскопки не проводились на поселении Журумбай. По магнитограмме с трудом устанавливаются контуры строений в юго-восточной части поселка. Топографическая съемка показала, что рельеф памятника почти полностью снивелирован.

предварительные результаты исследования поселения Коноплянка, рекогносцировочные раскопки которого проводились в 2012 г. Основные задачи заключались не только в сравнения поселений района, но и в возможности определить, какие данные и как могут быть использованы для реконструкций. С этой целью максимальное внимание было уделено отбору разнообразных образцов для палеоботанических, археозоологических, геоморфологических анализов.

Раскопкам предшествовали анализ космоснимков, геофизическая и георадарная съемка, LiDAR-сканирование. Дистанционное и пешее обследование территории выявили, что в результате многолетней распашки остатки сооружений в микрорельефе визуально не фиксируются; сканирование поверхности позволило уточнить некоторые детали топографии, а детальные геофизические исследования и полная съемка памятника позволили скорректировать планировку и выбрать участок для раскопок. Площадь поселка в пределах укреплений составляет около 11 тыс. м^2. Анализ магнитной карты выявил прямоугольную в плане форму, укрепления в виде стены и рва, два входа в виде разрыва ограждений в южной и северной частях, два ряда построек (по 10 и 11), примыкавших торцевыми стенами к внутренней стене поселения. Контуры прямоугольных строений сравнительно хорошо опознаются на магнитной карте, особенно в восточной части. Ширина построек, определенная по расположению интенсивных изометрических аномалий, не превышает 10 м. По середине поселения, между двумя рядами строений фиксируется незастроенный участок – улица. Зоны интенсивной магнитной аномалии маркируют колодцы, очаги, печи и хозяйственные ямы.

Археоботанические и геоморфологические исследования включали в себя полное обследование долины реки за пределами поселения Коноплянка. Для датирования взяты образцы отложений из пяти озерно-болотных впадин разной степени обводнения вблизи памятника. Все они демонстрируют большую индивидуальность отложений. Данные седиментологии позволяют предположить, что в эпоху бронзы старое русло реки могло быть проточным, изменение водного баланса приходится на I тыс. до н.э. Профили образцов из культурного слоя и материковых отложений демонстрируют довольно сложную последовательность напластований и особенности геоморфологии данного участка речной долины. Было выявлено, что суглинки залегают вглубь до 5 м, это обстоятельство затрудняет поступление грунтовых вод для нормального функционирования колодцев.

Раскоп площадью 96 м^2 был заложен в юго-восточной части поселения. В этой части на магнитной карте отчетливо заметны сохранившиеся контуры сооружения в виде остатков стен. В процессе раскопок выяснилось, что распашка разрушила культурный слой и некоторые объекты до материка – не выявлены слои, маркирующие развалы внутренней стены поселения, внешнего «вала» (его развалы отчетливо видны в отдельных местах на магнитной карте), а также горизонта древней дневной поверхности. Памятник не имеет выразительной стратиграфии, которая могла бы иллюстрировать особенности формирования культурного слоя, порядок сооружения, функционирования элементов поселения и т.п. По всей площади раскопа залегал пахотный чернозем, подстилающие слои представлены супесью разного цвета.

Сеткой раскопа охвачен участок фортификационной линии (вал–ров–внутренняя стена) и угол жилища. Котлован постройки был углублен в материк на 60 см, торцевая стена граничила с внутренней стеной поселения (или, возможно, была врезана в нее). Здесь также, как и на поселении Каменный Амбар, был сохранен принцип примыкания жилой постройки к стене поселения. Вероятно, она была размером не более 4 м в основании. Данных для реконструкции высоты и особенностях конструкции нет. Вдоль внешней границы рва расчищено скопление, состоящее из костей коровы, костных фрагментов мелкого рогатого скота, лошади и собаки.

На исследованном участке жилища раскопаны хозяйственная яма и колодец. Каппаметрия профиля ямы демонстрирует наибольшие электромагнитные показатели, относящиеся к современным слоям (пашня и антропогенный гумус), минимальные показатели имеют слои заполнения. Для определения функционального назначения на био-

морфологический анализ были взяты пробы грунта из колодца и за его пределами. Судя по профилю, это была структура многократного использования – и колодец, и яма для бытовых отходов неорганического и органического происхождения.

Коллекция керамики включает в себя синташтинские и петровские фрагменты, обломки посуды поздней бронзы. В то же время есть образцы синташтинско-петровского и петровско-срубного облика. Анализ стратиграфического положения разных групп керамики показал, что самая высокая позиция у обломков посуды поздней бронзы, которая связана с верхним заполнением постройки и рва, к тому же она представлена в основном мелкими фрагментами. Для керамики со смешанными признаками зафиксирована наибольшая компактность залегания. Вещевой комплекс поселения маловыразителен – это фрагменты орудий и отходы производства, есть в коллекции каменный наконечник стрелы. Предварительная дата поселения – 1920–1745 гг. до н.э. – не противоречит сформулированному ранее выводу о возрасте синташтинских и петровских древностей в целом (Епимахов, 2007). Дата подкрепляется и совместной встречаемостью синташтинской и петровской керамики, а также распространенностью каменных наконечников стрел, аналогичных экземпляру из коллекции поселения, среди синташтинско-петровских коллекций (Нелин, 1999. С. 13).

Несмотря на то что полученный в ходе раскопок материал находится в процессе обработки и анализа, уже сейчас можно сделать первые осторожные выводы. В условиях, когда археологам предстоят работы на памятниках, в разной степени разрушенных антропогенным воздействием, геофизическая съемка единственно надежная в выборе места раскопа, позволяет избежать риска раскопок вслепую.

В противоположность поселению Каменный Амбар Коноплянка представляется однослойным памятником. Эти предположения, сделанные при анализе магнитной карты, были наглядно подтверждены стратиграфией отложений рва. Жилища поселения Коноплянка были углублены в материковый слой, что отличает их от синташтинских сооружений поселения Каменный Амбар, пол которых не достигал материка. Постройки последнего отличаются и большим количеством колодцев. Согласно магнитограмме, в жилищах поселения Коноплянка зафиксировано меньшее количество колодцев. Сравнение данных раскопок двух поселений лежит не только в плоскости хронологии и соотношения керамических традиций, не менее интересным видится и хозяйственно-экономический аспект. В частности, анализ минерального сырья свидетельствует о том, что обитатели поселков активно использовали местный камень. Очевидно также, что каждое из поселений при наличии основных общих характеристик имеет и собственную специфику. Впрочем эти и другие аспекты дальнейших исследования позволят поставить новые вопросы для решения новых задач.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Епимахов А.В. Относительная и абсолютная хронология синташтинских древностей в свете радиокарбонных датировок // Проблемы истории, филологии, культуры. 2007. Вып. 17. С. 402–421.

Зданович Г.Б., Батанина И.М. Аркаим – страна городов. Челябинск: Крокус, 2007. 260 с.

Нелин Д.В. Вооружение и военной дело населения Южного Зауралья и Северного Казахстана эпохи бронзы: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Уфа, 1999. 23 с.

Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia) / Eds R. Krause, L.N. Koryakova. Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt, 2013. 352 p. (Frankfurter Archäologische Schriften; 23).

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕНИЯ ПОЗДНЕЙ СТОЛИЦЫ ДИНАСТИИ ШАН (XIV–XI ВВ. ДО Н.Э.) ПОД АНЬЯНОМ В КОНТЕКСТЕ БРОНЗОВОГО ВЕКА КИТАЯ[1]

© 2014 г. М.Е. Кузнецова-Фетисова

Институт Востоковедения РАН, Москва
(marinakuznfet@gmail.com)

Ключевые слова: Китай, бронзовый век, династия Шан, столица под Аньном, археология, городища, некрополь.

Резюме. В работе на основе археологических источников, опубликованных китайскими исследователями, в сочетании с известными письменными данными, эпиграфикой делается вывод о том, что в XIV–XI вв. до н.э. на месте археологического комплекса близ Аньяна на р. Хуанхэ находилась столица правителей дома Шан.

«Великий город Шан» – археологический комплекс близ Аньяна – уже более 85 лет является объектом пристального внимания ученых Китая и всего мира. Начиная с 1928 г. и по сей день на этой территории два раза в год проводятся организованные научными учреждениями археологические раскопки (за исключением периода японской оккупации и времени «культурной революции»); в 1987 г. был открыт музей, перестроенный в 2005 г. в связи с присвоением этой местности статуса культурного наследия ЮНЕСКО.

Местность, известная как Иньсюй (Развалины Инь[ской столицы]), располагается на берегах р. Хуаньхэ в северо-западном пригороде г. Аньян на севере современной провинции Хэнань. Этот крупный комплекс известен не только своими поселенческими и погребальными структурами; на его территории были сделаны многочисленные находки эпиграфики – надписей на гадательных костях. Письменные источники, эпиграфика и археологические данные в совокупности свидетельствуют о том, что в XIV–XI вв. до н.э. здесь находилась столица правителей дома Шан.

Два из раскопанных поселенческих памятников в данной местности имеют оборонительные сооружения: первый комплекс находится в излучине р. Хуаньхэ, близ д. Сяотунь; второй – городище с крепостными стенами к северу от р. Хуаньхэ.

Городище близ д. Сяотунь обладает рядом специфических черт:

– занимает небольшую территорию сравнительно с китайскими поселениями II–I тыс. до н.э.;

– отсутствует городская стена, замененная обводным рвом, который менее эффективен как оборонительное сооружение;

– все архивы гадательных костей были найдены на территории этого городища;

– был обнаружен район с крупными фундаментами зданий, наиболее вероятно, дворцов или храмов.

Значительные площади городища занимают основания громадных зданий и строений, кладбище, мусорный блок, т.е. нежилые помещения рядовых членов общества. Учитывая громадный размер общественных работ для сооружения стен города к северу от р. Хуанхэ, царских могил, а также крайнюю многочисленность погребений шанского времени, представляется маловероятным, что этот городской комплекс мог вмещать основную массу населения. Наличие на территории городища остатков крупных дворцов или храмов и архивов гадательных костей может сви-

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-31-01268а2.

детельствовать о том, что это был сакральный центр.

Территория городища к северу от р. Хуанхэ исследована крайне фрагментарно: раскопаны семь фрагментов стен шанского города по 15–20 м и несколько небольших участков внутри городища. Качество публикации раскопок стен города и «района дворцов» крайне низкое; проверить информацию невозможно. Представляется, что существующий в настоящее время объем информации не позволяет дать окончательную характеристику этому городищу.

По мнению современных китайских исследователей, сооружение и функционирование города относится к периоду правления от Пань-гэна до Сяо-и. Также имеются утверждения, что этот город относится к средне-шанскому периоду, т.е. время правления от Пань-гэна и до Сяо-и стали относить к Среднему Шан. Ранее период правления этих ванов исследователи логично относили к Позднему Шан, или периоду Инь (поскольку столица была в этой местности), который начинали с перенесения столицы Пань-гэном. Таким образом, в терминологии сосуществует ряд пересекающихся терминов, что запутывает и без того сложную хронологию данного периода.

На территории округи Великого города Шан имеется множество кладбищ, одно из крупнейших – так называемое царское кладбище.

«Царский» некрополь расположен к северу от р. Хуанхэ, близ д. Хоуцзячжуа[1]; в нескольких километрах от него находится шанское городище, окруженное стенами (так называемый город к северу от р. Хуаньхэ); Сяотуньское городище расположено через реку от него Организованные археологические работы некрополя происходили многократно[2]; примерная территория памятника представляет собой прямоугольник размерами 450 х 250 м, общей площадью свыше 110 тыс. м^2.

«Царский некрополь» разделен на две крупные секции (западная и восточная), между которыми пролегает современная дорога; на этой территории обнаружено восемь могил с четырьмя дромосами, три – с двумя, два – с одним, и более 2500 мелких погребений[3]. На западном участке находятся семь крупнейших погребений с четырьмя дромосами (М1001–М1004, М1500, М1550, М1217), ориентированными по странам света и ведущими вниз, к погребальной камере в центре, одно погребение с одним дромосом (78АНВ), одна крупная квадратная яма (М1567) и более 100 небольших могил; на восточном участке – одно погребение с четырьмя дромосами (М1400), три – с двумя, одно – с одним дромосом, и около 2000 мелких погребений. Все крупные могилы были многократно разграблены.

Местонахождение «царского некрополя» под Аньяном служит одним из главных аргументов в пользу того, что на данной территории находилась поздняя столица династии Шан, наряду с двумя городищами с крупномасштабными строениями и многочисленными находками эпиграфики. Размеры «царских могил», многочисленный сопроводительный инвентарь и человеческие захоронения свидетельствуют об исключительном социальном положении людей, для захоронения которых эти сооружения были созданы.

Исследователи предполагают, что правители династии Шан (начиная с У-дина) были захоронены в восьми погребениях с четырьмя дромосами и квадратной яме, которая представляет собой незавершенную могилу, предназначенную последнему иньскому царю Чжоу-синю, свергнутому чжоусцами. Однако это чисто гипотетическая попытка связать воедино материалы эпиграфики, археологии и письменных памятников, поскольку в настоящий момент нет никаких данных о том, кому конкретно принадлежали крупные погребения «царского некрополя», будь то с че-

1 В литературе это кладбище именуется по близлежащем деревням Хоуцзячжуан и Угуаньцунь, а также Сибэйган (Северо-западный холм), как называли эту местность жители д. Хоуцзячжуан, которые обрабатывали эту землю.

2 Крупнейшие по объемам раскопки проводились в 1934–1935, 1950, 1959, 1976–1978, 1984 гг. (см. Лян Сы-юн и др., 1962, 1965; Чжунго шэхуй…, 1985, 1987).

3 Общее количество мелких погребений сильно варьирует даже в обобщающих публикациях. Далеко не все могилы раскрывались и раскапывались одновременно, многие мелкие погребения не были полностью раскопаны, что еще больше затрудняет подсчет.

тырьмя или с меньшим количеством дромосов. В то же время исключительный размер, заполнение данных погребений и расположение в непосредственной близости от столичного центра позволяют напрямую связывать их с правящим домом (Кузнецова-Фетисова, 2012).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кузнецова-Фетисова М.Е. Реконструкция отдельных сторон функционирования столицы Инь (дин. Шан, XVI–XI вв. до н.э.) // Общество и государство в Китае. XLII научная конф. Ч. 1 / Отв. ред. и сост. И. Блюмхен. М.: Ин-т Востоковедения РАН, 2012. С. 89–107. (Ученые записки Отдела Китая ИВ РАН; Вып. 6).

Лян Сы-юн и др. Хоуцзячжуань ди эр бэнь. 1001 хао да му (Хоуцзячжуань, вторая серия. Большая могила 1001.) Тайбэй, 1962. (на кит. яз.).

Лян Сы-юн и др. Хоуцзячжуань ди сань бэнь. 1002 хао да му (Хоуцзячжуань, третья серия. Большая могила 1002.). Тайбэй, 1965. (на кит. яз.).

Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо (Ин-т археологии Академии общественных наук КНР). Иньсюй фацзюэ баогао 1958–1961 (Отчет о находках на Иньсюе в 1958–1961 гг.). Пекин, 1987. (на кит.яз.).

Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо (Институт археологии Академии общественных наук КНР). Иньсюй Фу-Хао му (Могила Фу-Хао в Иньсюе). Пекин, 1985. (на кит. яз.).

ВРЕМЯ КУЛЬТУР ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА ПОВОЛЖЬЯ (АНАЛИЗ РАДИОУГЛЕРОДНЫХ ДАТИРОВОК)

© 2014 г. П.Ф. Кузнецов

Музей археологии Поволжья Поволжской государственной социально-гуманитарной академии, Самара
(pavelf.kpf.kuznetsov@gmail.com)

Ключевые слова: радиоуглеродное датирование, поздний бронзовый век, Поволжье, потаповская культура, покровская культура, срубная культура.

Резюме. На данном этапе исследований культуры позднего бронзового века в Поволжье имеют 47 радиоуглеродных датировок. Все они получены из погребений под курганами. Калибровка радиоуглеродных дат и последовательное сравнение кривых позволяют определить время каждой археологической культуры. Потаповская культура датируется XX–XVIII вв. до н.э.; покровская – XIX–XVIII вв. до н.э.; срубная культура – второй половиной XVIII – первой половиной XVI в. до н.э.

В настоящее время накоплена статистически значимая база радиоуглеродных дат для культур позднего бронзового века Поволжья. Наиболее представительны выборки таких культур, как потаповская, покровская и срубная. Всего имеется 47 радиоуглеродных дат из подкурганных погребений. Следует отметить, что потаповская культура изначально именовалась как особый тип памятников, так как не вполне ясным было ее соотношение с синташтинской культурой. Теперь она представляется как вполне самостоятельное явление, состоящее из особых комплексов определенной территории Поволжья. Памятники не случайным образом сочетаются в пространстве, образуя археологические культуры (Бочкарев, 1995б. С. 114–115). При этом потаповские комплексы занимают единое хронологическое поле. Памятники покровской культуры изначально рассматривались как составная часть срубной, затем как ее ранний этап. Впрочем, достаточно длитель-

ное время данная точка зрения существовала параллельно с другой – о самостоятельности культуры (Кузьмина, 2001. С. 159; Малов, 2001. С. 200). В настоящее время достаточно четко определен статус покровской культуры как культуры, отображающей элитарный характер обряда погребений. В отличие от нее срубная культура, судя по погребальным комплексам, имеет выраженный эгалитарный характер (Бочкарев, 1995а. С. 29). При этом следует отметить, что покровские и срубные бытовые памятники резко контрастных признаков различия не имеют. Впрочем, по отдельным категориям изделий (псалии) и некоторым технологическим характеристикам (наличие/отсутствие примеси толченой раковины в керамике) покровская и срубная культуры отчетливо различаются между собой. В этой связи для определения времени культур позднего бронзового века были привлечены радиоуглеродные даты, полученные по погребальным памятникам.

В настоящее время из погребений Поволжья нами учтено 13 радиоуглеродных датировок для потаповской культуры; 16 – для покровской и 18 – для срубной. Это достаточно представительная выборка, позволяющая вполне надежно определять хронологический интервал каждой из названных культур.

Для определения абсолютного возраста радиоуглеродных значений использована программа OxCal v3.10. Она заключает в себе возможность совмещения вероятностных кривых при калибровке дат одной культуры. При определении абсолютного возраста группы памятников, которые относятся к одной культуре или к определенному хронологическому горизонту, на графике должно появиться выраженное «плато», образуемое наложением контуров калибровочной кривой. При этом визуально читаемый интервал должен включать вероятностные пики всех дат одной культуры, включая как наиболее ранние, так и наиболее поздние. Полученный общий интервал и будет наиболее точно отражать хронологический период, внутри которого находится время конкретной культуры. Если в результате калибровки на графике выраженное плато не читается, то потенциально может обсуждаться не менее двух гипотез: или статистическая выборка датировок недостаточна, или выборка радиоуглеродных дат неоднородна. Последнее означает, что комплексы вряд ли могут быть объединены в рамках одной культуры.

Калибровка всех датировок и последующее преобразование графиков для каждой культуры показывает, что погребения потаповской культуры датируются 1970–1730 гг. до н.э. Соответственно время данной культуры находится в интервале XX–XVIII вв. до н.э.

Погребения покровской культуры, согласно графическому наложению калибровочных кривых, определяются 1900–1700 гг. до н.э., т.е. время культуры приходится на XIX–XVIII вв. до н.э.

Погребальные комплексы срубной культуры находятся в интервале 1750–1550 гг. до н.э. Соответственно время данной культуры Поволжья – вторая половина XVIII – первая половина XVI в. до н.э.

Таким образом, поздний бронзовый век Поволжья (без учета его заключительной стадии) был весьма динамичным (в смысле смены культур) периодом в истории всего бронзового века Восточной Европы. В целом он охватывает первую половину II тыс. до н.э. Потаповская, покровская и срубная культуры, взаимосвязанные друг с другом по нескольким важнейшим показателям, демонстрируют взаимное наложение калибровочных кривых. При этом мы не имеем фактов обратной стратиграфии погребальных комплексов, которые указывали бы на их сосуществовании внутри одного хроноинтервала. Вероятно, здесь есть объективное ограничение возможностей метода радиоуглеродного датирования. В настоящее время видно, что для потаповской культуры имеется один эксклюзивный отрезок времени, который приходится на XX до н.э. Для срубной культуры этот отрезок приходится на XVII – первую половину XVI в. до н.э. Покровская культура оказывается между указанными интервалами. Очевидно, что для датирования культур бронзового века необходимы более точные измерения радиоуглеродного возраста, которые отображаются существенно меньшим, чем сейчас, доверительным интервалом.

Сравнение интервалов калибровок потаповской и покровской культур указывает на несколько более поздний возраст последней.

В этом весьма существенное отличие этих культур от восточной по территории, родственной им синташтинской культуры. Она, как минимум, синхронна потаповской. На данном этапе исследования возможны две гипотезы: либо, действительно, потаповская и синташтинская культуры возникли несколько ранее, чем покровская; либо мы имеем несколько искаженную картину датирования вследствие того, что значительная часть датировок происходит из комплексов Самарского Заволжья – территории, на которой преобладают не самые ранние покровские памятники.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бочкарев В.С. Карпато-Дунайский и Волго-Уральский очаги культурогенеза эпохи бронзы (опыт сравнительной характеристики) // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзового века Средней и Восточной Европы. Ч. I. Саратов, СПб.: ИИМК РАН, 1995а. С. 18–29.

Бочкарев В.С. Культурогенез и развитие металлопроизводства в эпоху поздней бронзы // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья. Самара: СГПУ, 1995б. С. 114–123.

Кузьмина О.В. Абашевская культура в системе культур бронзового века Восточной Европы // К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века Восточной Европы. Мат-лы конф. Самара: НТЦ, 2001. С. 153–160.

Малов Н.М. Культуры эпохи поздней бронзы в Нижнем Поволжье // К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века Восточной Европы. Мат-лы конф. Самара: НТЦ, 2001. С. 199–202.

КРАТКИЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЙ ЭЛИТНЫХ КУРГАНОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА

© 2014 г. И.А. Кукушкин, В.Г. Ломан

Сарыаркинский археологический институт при Карагандинском государственном университете им. акад. Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан (sai@ksu.kz; lvg7@mail.ru)

Ключевые слова: эпоха бронзы, Жиланды, Центральный Казахстан, колесничный комплекс, курган, псалий, конская упряжь, керамика.

Резюме. В результате исследований элитных курганов эпохи бронзы Центрального Казахстана удалось выделить три культурно-хронологических горизонта, имеющих свои характерные особенности. К первому отнесены курган 1 могильника Жиланды-1 и курган 1 могильника Жиланды-3, имеющие близкие аналогии с памятниками ямно-афанасьевского круга (последняя четверть III тыс. до н.э.). Второй культурно-хронологический горизонт (первая четверть II тыс. до н.э.) представлен курганом Нураталды-1. Выявлено парное захоронение лошадей, символизирующее колесничную запряжку. Впервые обнаружен жертвенный комплекс или клад бронзовых вещей, имеющих определенные аналогии в материалах сейминско-турбинских памятников Западной Сибири. В третий хронологический горизонт вошли курганы 1 и 2 могильника Жиланды-4, характеризующиеся смешением алакульско-федоровских керамических традиций. Предварительная датировка соответствует второй четверти II тыс. до н.э.

Масштабные исследования в 2013 г. крупных курганов эпохи бронзы Центрального Казахстана позволили выделить три культурно-хронологических горизонта. Памятники каждого периода имеют свои характерные особенности, отразившиеся в деталях погре-

бального обряда, конструктивных решениях, вещевом инвентаре и керамике.

К первому культурно-хронологическому горизонту отнесены курган 1 могильника Жиланды-1 и курган 1 могильника Жиланды-3, расположенные в 250 км восточнее г. Караганда. Погребальные конструкции характеризуются наличием двух концентрических оград, сооруженных из колотого камня. Захоронения одиночные, совершались в каменных ящиках, сильно заглубленных в материк и ориентированных по линии В–З. В одном случае было зафиксировано положение костяка на спине с подогнутыми в коленях ногами, упавшими влево; погребение сопровождалось бронзовыми кольцевидными серьгами и керамическим сосудом. В заполнении ящика отмечены угольки.

Определенные аналогии просматриваются в древностях культур ямно-афанасьевского круга, во многом определяющих культурно-историческое содержание периодов ранней и средней бронзы степного пояса Евразии.

До последнего времени единственным памятником этого периода в Центральном Казахстане оставался курган Карагаш, совмещающий ямный погребальный инвентарь и надмогильные конструкции афанасьевского типа (Евдокимов, Ломан, 1989. С. 34). Открытие Жиландинских курганов, имеющих более поздний облик и четко выраженное своеобразие, заполняет лакуну, образовавшуюся между древностями ямного круга и горизонтом колесничных культур. Любопытно, что по ряду признаков найденный керамический сосуд может быть близок к андроновской посуде нуринско-федоровского облика. Дальнейшие исследования не исключают выделения памятников особого жиландинского типа, который можно отнести к предандроновскому периоду и датировать последней четвертью III тыс. до н.э.

Важность открытия жиландинских памятников, близких по содержанию к ямным, определяется основополагающей ролью, которую последние сыграли в культурно-генетических процессах степной Евразии. С «ямниками» связано становление подвижных форм производящего хозяйства скотоводческого типа, металлургии и, самое главное, широкое распространение колесного транспорта, стимулировавшего мощные миграционные процессы, протекавшие в III тыс. до н.э. на огромных степных пространствах Старого Света.

Ко второму хронологическому горизонту относится курган, исследованный на могильнике Нураталды-1, находящемся в 80 км южнее Караганды. Он наиболее полно отражает содержательную сторону колесничных комплексов Сарыарки. Под курганной насыпью была зафиксирована четырехугольная ограда из плит, установленных на ребро, содержавшая одно взрослое и три детских погребения. Причем одно детское захоронение имело явно более высокий социальный статус и было помещено в центральную часть, рядом с погребением взрослого человека, захороненного в очень крупном каменном ящике. Показательно, что детское погребение принадлежало мальчику, у которого в качестве погребального инвентаря отмечены астрагалы.

Оба умерших, видимо, состояли в близкородственных отношениях и относились к одному военно-аристократическому роду воинов-колесничих. Их принадлежность к этому слою доказывается захоронением двух лошадей, уложенных головами на запад между взрослым и детским погребениями. Парность расположения животных свидетельствует о символической колеснице, где ее роль отводилась каменным ящикам.

Чрезвычайно важной представляется находка в нураталдинском кургане жертвенного комплекса или клада бронзовых изделий, надежно привязанного к материалам памятника. Бронзовые изделия в виде компактно сгруппированного набора втульчатых наконечников копья и дротика, трех двулезвийных ножей срубно-андроновского типа, воткнутых остриями в землю, наглядно демонстрируют «военное» содержание эпохи боевых колесниц.

Ближайшие аналогии отдельным категориям бронзового инвентаря отмечаются в нуртайских памятниках Центрального Казахстана (Кукушкин, 2011. С. 105), в материалах петровской культуры Северного Казахстана (Зданович, 1983. С. 56) и Южного Урала (Виноградов, 2003. С. 70). Особый интерес вызывают видимые совпадения в стандартах металлообработки и обрядовых традициях носителей нуртайской культуры и сейми-

ско-турбинского населения Западной Сибири (Матющенко, Синицина, 1988. С. 34, 43).

В двух случаях наборы бронзовых предметов, состоявшие из наконечников копий, дротиков, кельтов, зафиксированы на погребальном поле могильника Ростовка, но вне захоронений. Изделия были компактно сгруппированы друг с другом и обращены остриями к земле (Матющенко, Синицина, 1988. С. 34, 43), что, видимо, предполагает их предварительное обертывание тканью или хранение в специальном мешочке. Любопытно, что в одном наборе зафиксировано даже четырехгранное бронзовое долото, аналогическое нураталдинскому.

Возможно, определенные аналогии прослеживаются в близком по содержанию комплексе, обнаруженном на станции Развилка (Верхнее Приобье), состоящем из наконечников копья и дротика со слепой втулкой и двух ножей-кинжалов срубно-андроновского типа. Очевидно, компактное местонахождение данных изделий при видимом отсутствии погребения также предполагает ритуальный характер такого набора (Кирюшин, Грушин, Дашковский, 2004. С. 57–61).

Думается, данные совпадения не случайны. Возможно, просматриваются не только эпизодические культурно-хозяйственные связи между населением отдаленных регионов, но и истоки центральноказахстанской и сейминско-турбинской металлургии, векторы миграционных процессов, общая подоснова религиозно-мифологических представлений.

Исследования нураталдинского кургана с захоронением парных лошадей, характерной керамикой и уникальным набором оружия воина-колесничего существенно расширяют границы нуртайской колесничной культуры в южном направлении. Все материалы были зафиксированы в закрытом археологическом комплексе, что делает памятник одним из основных реперов при решении вопросов об относительной и абсолютной хронологии древностей бронзового века Центрального Казахстана. Полученные материалы позволяют отнести курган к нуртайской культуре и датировать его первой четвертью II тыс. до н.э.

Третий хронологический горизонт представлен курганами 1 и 2 могильника Жиланды-4. Выявлено пять каменных ящиков, четыре из которых принадлежали взрослым, а один, скорее всего, – подростку. Показательно, что в четырех случаях погребальные камеры были сооружены на древней поверхности, что не характерно для андроновских обрядовых норм и, возможно, отражает определенные сдвиги в мировоззренческой сфере у локальной группы населения. Примечательно, что на посуде отмечается смешение двух культурных традиций: федоровской и алакульской.

Большой интерес представляют зафиксированные в первом кургане изделия из кости и рога, интерпретируемые в качестве составной части конской упряжи. Находки представлены роговым дисковидным псалием, украшенным циркульным орнаментом, округло-ромбическим стержнем и распределительным кольцом.

На основании результатов предыдущих исследований, связанных с реконструкцией конской упряжи в эпоху бронзы (Епимахов, Чечушков, 2008; Усачук, 2010), проведена реконструкция узды «жиландинской» лошади.

Щитковый псалий имеет дисковидную в плане форму с округлым сквозным отверстием. На рабочей части зафиксировано два сработанных монолитных шипа, расположенных с одного края щитка. Большинство известных к настоящему времени щитковых псалиев имеет 3-4 шипа, но встречаются и двушипные. Например, на краю щитка псалия из могильника Кривое Озеро на Южном Урале (Виноградов, 2003. С. 55) зафиксировано три дополнительных отверстия, два из которых разрушены от длительной эксплуатации.

Псалий в конструкции узды дополнительными отверстиями крепился к нахрапному ремню, который был смещен выше и соединялся с нащечным, аналогично расположению на узде, изображенной на фрагменте фрески из Тиринфа, Греция (Усачук, 2010. С. 270. Рис. 1, *1*).Через центральное трензельное отверстие в щитке проходили кожаные удила, которые соединялись с поводьями. Место соединения могло сшиваться или связываться узлом. Предполагается, что стержень уплощенной гранью прилегал к псалию, а через среднюю утонченную часть внахлест

соединялись удила и поводья, стержень оставался между ними.

Кольцо, изготовленное из кости крупного животного, имеет сильную заполированность только с одной торцовой стороны и незначительную – с другой. Оно играло роль распределителя оголовья в конской сбруе и соединяло подгарок, нащечный и налобный ремни, четко распределяя их положение и функции.

Интересно, что конструктивные особенности псалия, такие как отсутствие выделенной планки, устройство дополнительных отверстий на самом щитке с монолитными шипами в значительной мере характерны для изделий абашевской культуры Волго-Уральского региона (Кузнецов, 2012. С. 151).

В целом материалы курганов могильника Жиланды-4 раскрывают процессы становления и динамики колесничных комплексов Сарыарки и позволяют отнести их ко второй четверти II тыс. до н.э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск: Южно-Урал. кн. изд-во, 2003. 362 с.

Евдокимов В.В., Ломан В.Г. Раскопки ямного кургана в Карагандинской области // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана / Отв. ред. В.В. Евдокимов. Караганда: Изд-во КарГУ, 1989. С. 34–46.

Епимахов А.В., Чечушков И.В. К вопросу о способах управления пароконной колесницей бронзового века // Происхождение и распространение колесничества. Луганськ: Вид-во СНУ ім. В. Даля, 2008. С. 204–210.

Зданович Г.Б. Основные характеристики петровских комплексов Урало-Казахстанских степей (к вопросу о выделении петровской культуры) // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья / Отв. ред. Г.Б. Зданович. Челябинск, 1983. С. 48–68.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Дашковский П.К. Бронзовые предметы со станции Развилка (Верхнее Приобье) // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. С. 57–61.

Кузнецов П.Ф. Ареалы распространения дисковидных псалиев начала позднего бронзового века Восточной Европы // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 2. СПб.: Периферия, 2012. С. 150–153.

Кукушкин И.А. Металлические изделия раннеандроновского могильника Ащису (Центральный Казахстан) // РА. 2011. № 2. С. 103–109.

Матющенко В.И., Синицина Г.В. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1988. 136 с.

Усачук А.Н. Реконструкция крепления древнейших псалиев в системе ремней оголовья лошади: противоречия и перспективы // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. Екатеринбург; Самара; Донецк: Рифей, 2010. С. 238–291.

МАНИПУЛЯЦИИ С ПРЕДМЕТАМИ В ПОГРЕБЕНИЯХ ЭПОХИ БРОНЗЫ: ОГРАБЛЕНИЕ ИЛИ РИТУАЛ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА СТЕПНОЕ-7)

© 2014 г. Е.В. Куприянова

Челябинский государственный университет, Челябинск (dzdan@mail.ru)

Ключевые слова: символические ограбления, петровская и алакульская культуры, Степное-7, Южное Приуралье.

Резюме. В работе на материалах могильника эпохи бронзы Степное-7 из Южного Приуралья рассмотрены варианты манипуляций с предметами и останками погребенных. Сделан вывод, что обряд ограбления, возможно, был промежуточным ритуалом между свершением нескольких погребальных обрядов, сопровождаемым действиями очистительного характера.

Могильник Степное-7 (Пластовский р-н Челябинской обл., близ современного пос. Степное) исследовался в 2000–2005 гг. отрядом археологической экспедицией Челябинского университета – Заповедника «Аркаим» под руководством Е.В. Куприяновой и Д.Г. Здановича. Могильник содержит материалы петровской и алакульской археологических культур эпохи бронзы. Раскопками исследовано шесть погребальных комплексов и остатки одного комплекса, разрушенного песчаным карьером. Комплексы содержали 90 археологических объектов – могильных и жертвенных ям.

Из 11 крупных коллективных погребений могильника полностью ограблено семь, и в двух (№ 11 и 17) зафиксированы следы вторжения при общей сохранности погребения. Изучение тафономизации комплексов позволило отметить различные действия, совершавшиеся грабителями в процессе нарушения могил.

Погребения 17 и 18 были центральными ямами комплекса 4. Погребение 18 ограблено полностью и, судя по заполнению, неоднократно. В верхних очертаниях фиксировались два разновременных грабительских вкопа. Все вещи и останки погребенных внутри камеры находились в смещенном состоянии.

Погребение 17 на начальных этапах вскрытия также демонстрировало признаки вторжения – очертания вкопа у западной стенки ямы, находки мелких украшений и фрагментов керамики в заполнении. Однако на дне камеры было расчищено нетронутое погребение трех индивидов – одно из самых богатых погребений эпохи бронзы в Южном Зауралье. Грабительским вкопом была разрушена верхняя часть накосного украшения одного из погребенных. В районе вкопа на дне располагались в комплексе (в скрещенном состоянии) вислообушный бронзовый топор и тесло. Специфическое положение предметов заставило предположить, что они были случайно брошены грабителями. Однако через несколько лет при раскопках погребения 78 – одного из центральных погребений комплекса 7, также ограбленного, был обнаружен точно такой же набор предметов в аналогичном положении (вислообушный бронзовый топор и тесло в скрещенном состоянии), что исключает случайность. Общей чертой обряда обоих погребений было наличие в них пары индивидов, лежавших лицом друг к другу в «позе объятия». На дне погребения 17 были обнаружены также фрагменты сосуда, основная часть которого находилась в заполнении погребения 18.

Указанные особенности заставляют предположить, что вторжение в погребения 17 и 18 происходило одновременно. Соответствие комплексов предметов в погребениях 17 и 78 предполагают, что действия грабителей носили некий целенаправленный характер и обладали чертами ритуала.

О символическом характере ограблений свидетельствуют и некоторые другие признаки, обнаруживаемые в погребениях.

1. Действия, совершаемые при ограблениях, носят избыточный характер: зачастую все вещи полностью смещены, скелеты погребенных разрушены, фрагменты разбитых сосудов, кости погребенных выброшены из ям на погребальную площадку вокруг них, что не имело бы особого смысла, если бы ограбления имели утилитарный характер и их целью было лишь изъятие ценных предметов погребального инвентаря.

2. Одинаковые черты ограблений заставляют предполагать, что люди, совершавшие их, руководствовались определенными правилами. Так, очень часто можно наблюдать, что полному разрушению целенаправленно подвергалась верхняя часть тела погребенных – до пояса, а тазовые кости и кости ног оставлялись *in situ*. В тех случаях, когда зафиксированы очертания грабительских вкопов, видно, что вторжения в погребения осуществлялись с северной стороны.

3. Иногда в погребениях фиксируются манипуляции с вещами, носившие символический характер и явно совершенные в процессе ограбления или вторжения. Кроме упомянутых действий с топором и теслом в нескольких ямах в неразрушенные сосуды были помещены разные предметы (клыки-амулеты в яме 5, миниатюрный сосуд-светильник в яме 17, наконечник стрелы в яме 88).

Описанные выше наблюдения за особенностями ограбления погребений в могильнике Степное-7 заставляют предположить, что действия грабителей носили не утилитарный, а ритуальный характер. Следы символических действий, зафиксированные в ограбленных погребениях, доказывают, что ограбления совершались с некими сопутствующими ритуалами. Зафиксированная одновременность вторжения в несколько погребений предполагает координацию и планомерность действий «грабителей». Изъятие ценных предметов из бронзы явно было лишь одной, не самой главной из мотиваций. Другой четко фиксирующейся целью было стремление к разрушению тел погребенных, преимущественно верхних частей, которое, возможно, предшествовало подготовке погребения для совершения следующего захоронения.

Признаки практиковавшегося многократного использования погребальных камер можно проследить по материалам этого же памятника. Так, погребение 31 содержало костяки двух индивидов (предположительно женщин) со схожими наборами украшений. При этом один из костяков лежал поверх другого и имел относительно хорошую сохранность, а второй лежал снизу и практически не сохранился, кроме фрагментов трубчатых костей в контакте с бронзовыми украшениями. Разная сохранность костей и положение погребенных относительно друг друга свидетельствуют о разновременности захоронений. При этом ритуал ограбления не применялся, очевидно, по той причине, что костяк погребенной первоначально женщины практически не сохранился (возможно, из-за нарушения герметичности камеры, проникновения воды или других естественных причин). Еще один пример: среди антропологического материала в яме 78 были выделены остатки шести индивидов. Между тем на дне в центре камеры зафиксированы *in situ* кости ног двух погребенных в «позе объятий» и третьего индивида, лежавшего чуть сбоку. Фрагменты скелетов остальных погребенных обнаружены в заполнении в разрозненном состоянии. Останки трех погребенных, зафиксированные на дне *in situ*, занимают практически все место на полу, которое могло использоваться для размещения умерших. В этом случае присутствие среди антропологического материала костей еще трех погребенных может объясняться тем, что они остались от первоначально совершенного захоронения, которое затем было нарушено для совершения второго обряда погребения.

Таким образом, обряд ограбления, возможно, был промежуточным ритуалом между свершением нескольких погребальных обрядов, сопровождаемым действиями очистительного характера.

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ КАМНЯ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКОВ ЗАПАДНОГО ОРЕНБУРЖЬЯ)

© 2014 г. Л.В. Купцова

Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург (orelin.84@mail.ru)

Ключевые слова: срубная культура, погребальный обряд, керамика каменные перекрытия.

Резюме. В статье идет речь о могильниках, отличительной чертой которых было использование каменных конструкций при сооружении могил. Рассматриваются основные признаки погребального обряда и инвентаря. Доказывается, что традиция использования камня не привнесена извне, а характеризует локальную особенность срубной культуры региона.

На территории Западного Оренбуржья выделяется ряд некрополей срубной культуры, в погребальном обряде которых зафиксировано использование конструкций из камня. К таким памятникам можно причислить курганные могильники Уранбаш (Моргунова, 1999); Першинский, Комиссаровский (Каргалы, 2005. С. 49–99); Боголюбовский (Моргунова и др., в печати), у с. Бурдыгино (Кузьмина, Зудина, 1977); у с. Новая Белогорка (Смирнов, 1957; Федорова-Давыдова, 1959); Плешановский II (Крюкова и др., 2012), Рязановский VI (Халяпин, Богданов, 1999. С. 75–78) (см. *рисунок*).

Сооружения из камня в срубных некрополях находятся под курганной насыпью и никогда не фиксировались на ее поверхности. Наличие в том или ином могильнике каменных сооружений связывалось учеными с влиянием алакульских или федоровских традиций на срубную погребальную обрядность. Это было особенно актуально в связи с тем, что территория Южного Приуралья в позднем бронзовом веке была зоной тесных контактов археологических культур. Основным аргументом в пользу инокультурного происхождения традиции применения камня служил тот факт, что она не характерна для срубных памятников Поволжской степи. Э.А. Федорова-Давыдова говорила о том, что алакульским признаком можно считать каменные кольца вокруг курганов и каменные ящики, сооруженные над погребением (Федорова-Давыдова, 1964. С. 84–85). Ряд ученых признаком непосредственного алакульского влияния считали перекрытие могил плитами из песчаника (Зудина, 1981. С. 103; Горбунов, Морозов, 1991. С. 91; Обыденнов, Обыденнова, 1991. С. 146). Н.Г. Рутто было подмечено, что наличие каменного перекрытия над погребением не всегда коррелируется с алакульской либо срубно-алакульской керамикой, напротив, в таких погребениях могли находиться сосуды «чистого» срубного облика (Рутто, 1987. С. 43, 45).

Вопрос о том, является ли использование камня в погребальном обряде срубных племен чертой, привнесенной извне, либо это собственная традиция важен для понимания исторических процессов, происходивших в регионе в позднем бронзовом веке. Погребальный обряд наиболее устойчив к инновациям. Появление последних, как правило, означает либо смену населения, либо существенные изменения в его составе.

Как известно, срубная и алакульская культуры имеют в погребальном обряде несколько идентичных признаков. Различие проявляется в ориентировке костяков: у срубных племен – это север, северо-восток и восток, у алакульских – запад или юго-запад (Васильев, Кузьмина, Семенова, 1985. С. 75; Качалова, 1985. С. 34–35; Зданович, 1988. С. 143; Кузьмина, 1994. С. 40). Некоторые особенности

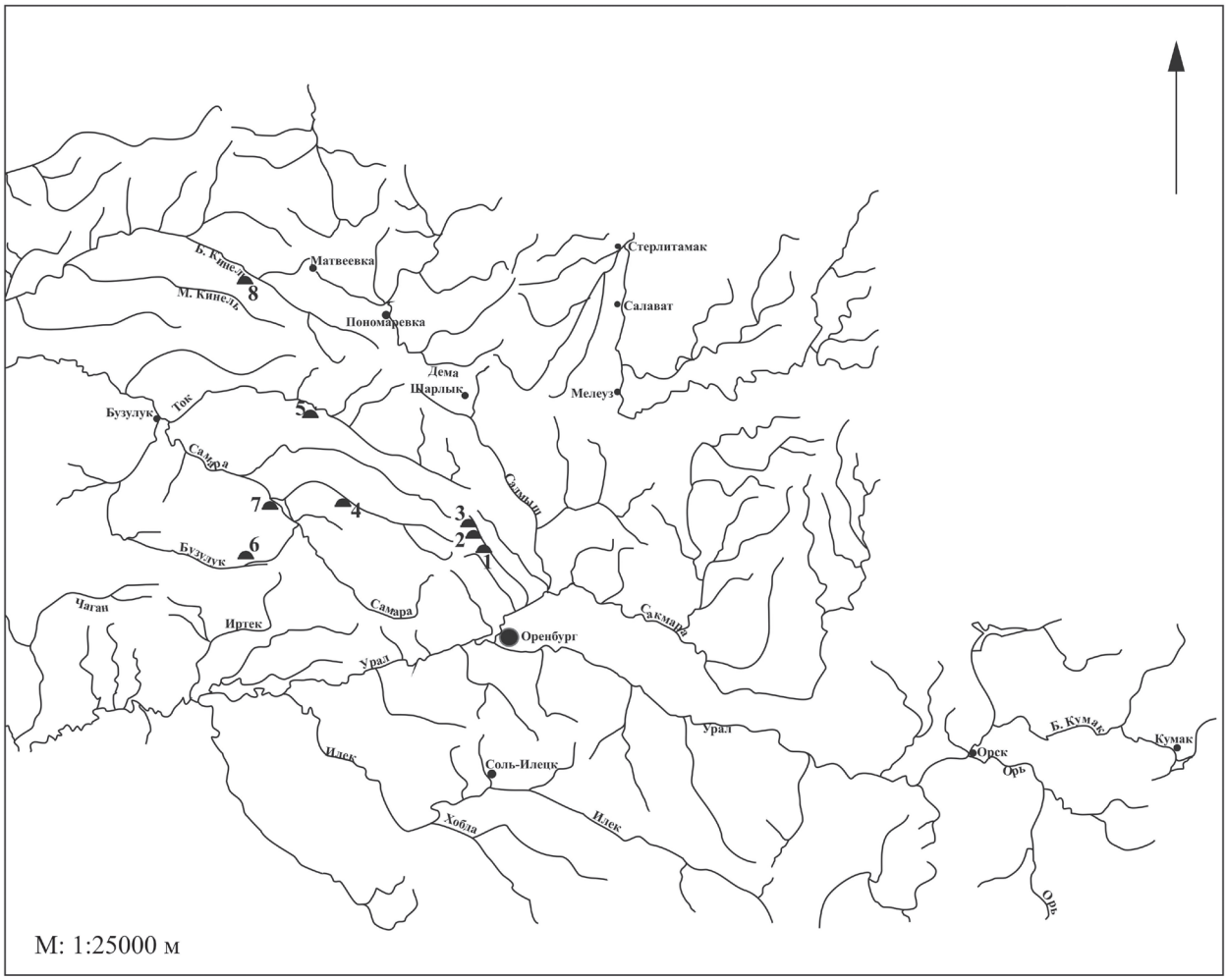


Схема распространения курганных могильников срубной культуры в Западном Оренбуржье. 1 – Уранбаш; 2 – Першинский; 3 – Комиссаровский; 4 – Боголюбовский; 5 – Плешановский II; 6 – у с. Новая Белогорка; 7 – у с. Бурдыгино; 8 – Рязановский VI.

наблюдаются при захоронении в одной могиле двух костяков: для срубной культуры более характерно положение скелетов на одном боку, а для алакульской – лицом к лицу (так называемые парные погребения) (Рафикова, 2008. С. 18). Зафиксирован в анализируемых некрополях и обряд кремации, который был главным способом захоронения для федоровской культуры Уральского региона (Кузьмина, 1994. С. 43).

Основные типы украшений, найденные в рассматриваемых захоронениях, фиксируются и в срубных, и в алакульских памятниках (Васильев, Кузьмина, Семенова, 1985. С. 72–73), по этой причине данные изделия не могут служить репером для культурной идентификации погребального комплекса. Наиболее надежным маркером для определения культурной принадлежности служит керамика. В некрополях Западного Оренбуржья можно выделить срубную, алакульскую, срубно-алакульскую и алакульско-федоровскую посуду. Характеристики керамики, относящейся к той или иной культуре, достаточно полно представлены в литературе (Кузьмина 1994. С. 122; Семенова, 2000. С. 163; Рутто, 2003. С. 32–33).

Таким образом, при определении культурной принадлежности погребального комплекса должны в первую очередь учитываться сочетание таких признаков, как ориентировка костяка, способ захоронения умершего (ингумация или кремация) и характеристики керамики.

Анализ соотношения каменных сооружений, фиксируемых над погребением, ориен-

тировки захороненных и керамики с различными культурными признаками в курганных могильниках Западного Оренбуржья выявил следующее.

Курганный могильник Боголюбовка. Совокупное применение археологических методов, палеопочвоведения и радиоуглеродного анализа позволило восстановить последовательность сооружения курганов в некрополе. В самой ранней насыпи, относящейся к концу среднего бронзового века, каменные перекрытия фиксировались над всеми погребальными камерами, между тем признаки инокультурного влияния здесь не выявлены вовсе. Алакульская керамика появляется в более поздних курганах и зачастую встречается в захоронениях, не имеющих перекрытия. Вообще же доля перекрытых каменными плитами могил составляла 62,5%, а керамика с инокультурными признаками – 21,6% от общего числа сосудов некрополя. Ориентировка костяков головой соответствовала срубным погребальным стандартам: север – 36%, северо-восток – 28%, восток – 8%. Положение костяков головой в северо-западный и западный секторы, что можно связать с алакульской традицией, выявлено в 2 и 1,3% захоронений соответственно. В самых поздних курганах некрополя найдены могилы под каменной оградкой и каменными ящиками. Эти комплексы сопровождались обрядом кремации, также здесь найдена алакульско-федоровская керамика.

Схожая ситуация характерна *для курганного могильника Уранбаш.* Традиция использования камня в оформлении могил зафиксирована в 69% случаев. Здесь выделяется наиболее ранняя насыпь, где выявлены срубные погребения, перекрытые плитами, без признаков инокультурного влияния. Также наличествуют комплексы, содержащие алакульскую керамику, но вовсе без плит. В целом же в некрополе абсолютно преобладали каноны погребального обряда срубных племен, что выражается в ориентировке погребенных: север (13,2%), сверо-восток (45,4%), восток (9,4%). Северо-западная ориентировка зафиксирована только в одном захоронении (1,9%). В двойном погребении некрополя оба костяка были уложены на левый бок, что соотносится со срубным обрядом. Доля керамики с инокультурными чертами составляла 51%.

В *курганном могильнике Комиссаровский* камень в погребальном обряде использовался при сооружении 37,5% погребений, в *Першинском* – в 79% случаев. Ориентировка костяков всегда соответствует срубным канонам. Доля керамики с алакульскими или алакульско-федоровскими признаками составляет 66,6% для Комиссаровского и 47% для Першинского некрополей. Причем стоит отметить, что сосуды с инокультурными признаками не всегда соотносились с такой чертой обряда, как каменные перекрытия.

В *курганном могильнике Плешановский II* каменными плитами были перекрыты всего 7,2% могил, размещение в них костяков абсолютно аналогично остальным изученным здесь захоронениям, и соответствует традициям срубных племен. Керамика, выявленная в данных комплексах, также характеризуется срубной культурной принадлежностью. Между тем алакульские традиции в материалах некрополя проявляются, это выражено в наличии парного захоронения, сосуда с уступом и сосуда с примесью тальковой дресвы (Мухаметдинов, 2012). Примечательно, что все эти признаки наличествуют в захоронениях, при сооружении которых камень не использовался.

В *курганном могильнике Бурдыгино* каменные надмогильные перекрытия имели только 13% погребальных камер. Ориентировка костяков – север (25%) или северо-восток (62,5%). В одной из могил под каменным перекрытием захоронены мужчина и женщина, обращенные лицом друг к другу, что можно связать с алакульской традицией погребения. Керамика с инокультурными признаками выделяется в 6,6% случаев. В одном из курганов данного некрополя был расчищен каменный ящик, этот комплекс оказался полностью разграбленным. Отличительная черта некрополя – наличие большого количества захоронений, совершенных по обряду кремации (22,2%), ни один из этих комплексов не обнаружен под камнем.

В *курганном могильнике у с. Новая Белогорка* плиты перекрывали 81,6% могил, в одном случае расчищен каменный ящик (данный комплекс разграблен). Установлены следую-

щие варианты размещения костяков головой: север – 12,2%, северо-восток – 24,4%, восток – 44,8%, юго-восток – 4%. Доля срубной керамики с инокультурными чертами составляет 53%.

Курганный могильник Рязановский располагается в самой западной точке рассматриваемого региона. В одном из изученных курганов некрополя обнаружено два захоронения, одно из которых совершено под каменным перекрытием. В обеих могилах костяки лежали в позе скорченно на левом боку, головой на север. Сосуды в некрополе найдены исключительно срубные.

Соотношение основных черт погребального обряда и инвентаря рассмотренных некрополей показало следующее: 1) перекрытие могил каменными плитами фиксируется в наиболее ранних насыпях, где инокультурные признаки еще не проявляются; 2) ориентировки костяков в могилах под каменными плитами исключительно срубные, алакульские ориентировки – редкое исключение; 3) фиксируемая в некрополях керамика с алакульскими или алакульско-федоровскими признаками, а также парные захоронения и кремации редко напрямую коррелируются с каменными плитами над погребением.

Исходя из всего изложенного выше, можно говорить о том, что такая черта погребального обряда, как перекрытие могилы каменными плитами в срубных некрополях Западного Оренбуржья не привнесена извне, а характеризует собственную локальную особенность культуры. С андроновским влиянием можно связать появление под насыпями курганов таких конструкций, как каменные ящики и оградки, так как погребальный обряд и керамика, фиксируемые в подобных комплексах, зачастую резко отличаются от срубных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семенова А.П. Периодизация памятников срубной культуры лесостепного Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев: Куйбышев. ГПИ, 1985. С. 60–94.

Горбунов В.С., Морозов Ю.А. Некрополь эпохи бронзы Южного Приуралья. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1991. 160 с.

Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанский степей (основы периодизации). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. 184 с.

Зудина В.Н. Андроновские элементы в срубной культуре Куйбышевского Заволжья // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев: Куйбышев. госуниверситет, 1981. С. 88–107.

Каргалы. Т. IV: Некрополи на Каргалах; население Каргалов: палеоантропологические исследования / Сост. и науч. ред. Е.Н. Черных. М.: Языки славянской культуры, 2005. 240 с.

Качалова Н.К. Периодизация срубных памятников Нижнего Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев: Куйбышев. ГПИ, 1985. С. 28–59.

Крюкова Е.А., Евгеньев А.А., Купцова Л.В., Матюшко И.В. Комплексы позднего бронзового века Плешановского II курганного могильника // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 10. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2012. С. 112–134.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии. Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: Вост. лит., 1994. 461 с.

Кузьмина О.В., Зудина В.Н. Отчет о работах в зоне строительства Сорочинского водохранилища в Оренбургской обл. в 1977 г. // Архив ИА РАН. 1977. Р-1. № 6537.

Моргунова Н.Л. Могильник у с. Уранбаш на Каргалинских рудниках // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 3. Оренбург: Димур, 1999. С. 40–64.

Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Евгеньев А.А., Крюкова Е.А., Купцова Л.В., Рослякова Н.В., Салугина Н.П., Турецкий М.А., Хохлов А.А., Хохлова О.С. Боголюбовский курганный могильник срубной культуры в Оренбургской области (в печати).

Мухаметдинов В.И. Технико-технологический анализ керамики Плешановского II курганного могильника // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 10. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2012. С. 134–139.

Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т. Северо-восточная периферия срубной культурно-исторической общности. Самара: Изд-во Саратов. ун-та, Самарский филиал, 1991. 176 с.

Рафикова Я.В. Совместные погребения эпохи поздней бронзы на Южном Урале: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Ижевск, 2008. 24 с.

Рутто Н.Г. К вопросу о срубно-алакульских контактах (на материале башкирских памятников) // Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала. Уфа: Изд-во Башк. обкома КПСС, 1987. С. 43–52.

Рутто Н.Г. Срубно-алакульские связи на Южном Урале. Уфа: Гилем, 2003. 212 с.

Семенова А.П. Погребальные памятники срубной культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара: Изд-во Самар. научного центра РАН, 2000. С. 152–208.

Смирнов К.Ф. Отчет о работе Чкаловской археологической экспедиции ИИМК АН СССР, ГИМ и Оренбургского обл. краеведческого музея 1957 г. // Архив ИА РАН. 1957. Р-1. № 1686.

Федорова-Давыдова Э.А. Отчет о работе Оренбургской археологической экспедиции ГИМ 1959 г. // Архив ИА РАН. 1959. Р-1. № 1929.

Федорова-Давыдова Э.А. К вопросу о периодизации памятников эпохи бронзы в Южном Приуралье // Археология и этнография Башкирии. Т. II. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1964. С. 84–92.

Халяпин М.В., Богданов С.В. Погребальный памятники эпохи бронзы с территории Оренбургского Приуралья // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 3. Оренбург: Димур, 1999. С. 75–104.

БРОНЗОВЫЕ ИЗДЕЛИЯ СЕВЕРНОГО КИТАЯ И «ОЛЕННЫЕ КАМНИ»

© 2014 г. Ли Ган

Национальный музей Китая, Пекин, КНР

Ключевые слова: Северный Китай, бронзовые изделия, евразийские степи, «оленные камни».

Резюме. Часть бронзовых изделий Северного Китая (оружие, орудия труда и т.д.) имеет близкие параллели в бронзовых артефактах степной полосы Евразии, в особенности же интересны в этом отношении изображения на «оленных камнях» в Монголии, а также сопоставление их с образами людей на бронзовых изделиях из Северного Китая. Данная работа ставит целью такое сравнительное исследование бронзовых изделий (ножей, кинжалов, проушных топоров, «моделей ярма», лошадиной сбруи и т.д.) и изображений на «оленных камнях» с целью выявления связей между культурами Шан и Чжоу, а также расширения информации о контактах в евразийских степях в эпоху бронзы.

Оленные камни и ножи. Бронзовые ножи – широко распространенный тип артефактов евразийских степей эпохи бронзы; они также изображаются на «оленных камнях», зачастую на перевязи, расположенной в районе талии. Среди изображений на «оленных камнях» можно выделить ножи с разными вариантами круглых наверший (полукруглыми, в виде двойного кольца, с тремя выступами по сторонам и т.д.), с головами животных в качестве навершия и т.п.

Ножи с тремя выступами по сторонам круглого навершия известны в Северном Китае, Южной Сибири, Забайкалье. В Китае находки подобных ножей связаны с иньской культурой и относятся к периоду XIII–XI вв. до н.э.

Находки подобных ножей в Минусинской котловине связаны с карасукской культурой, верхние хронологические границы которой не позже, чем время существования культуры Иньсюя.

Ножи, украшенные головой лошади с прижатыми ушами в качестве навершия, также известны на территории Иньсюя. В Минусинской котловине зафиксированы находки подобных ножей, однако уши лошади на данных изделиях стоят торчком, что очень близко к изображениям на «оленных камнях». Время бытования ножей с навершием в виде головы лошади в целом совпадает с существованием культуры Иньсюя.

Ножи с треугольным отверстием в навершии распространены на территории Внутренней Монголии Северного Китая и под Пекином (Tian Guangjin, 1986); они относятся к позднему периоду Вёсен и осеней. На од-

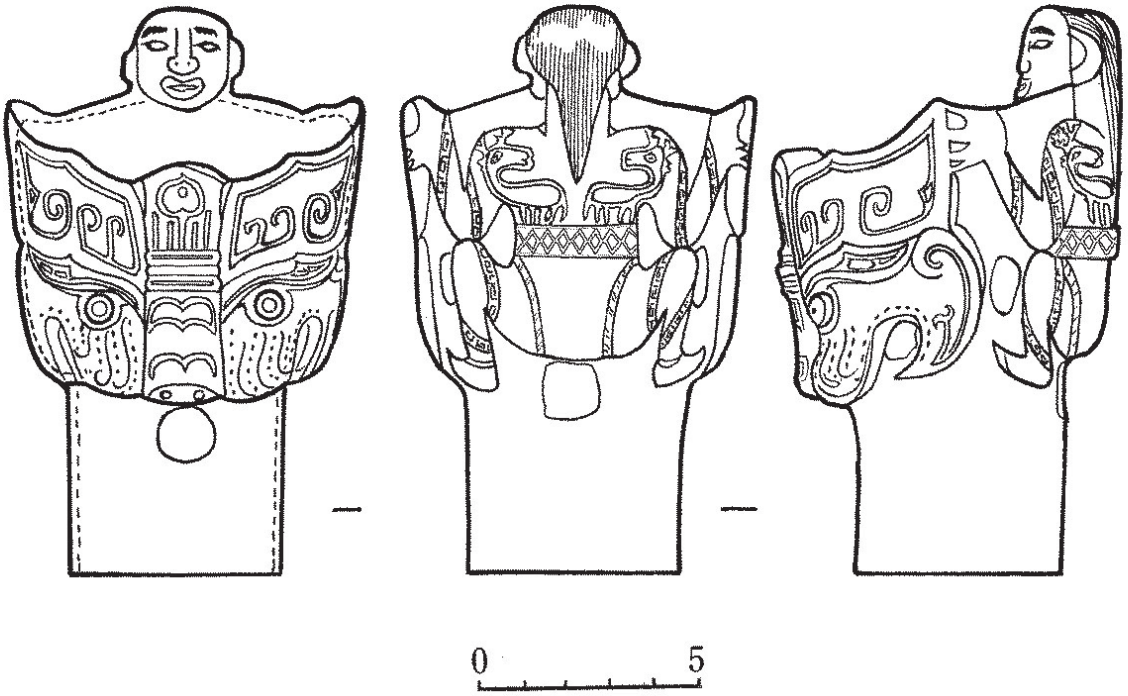


Рис. 1. Деталь снаряжения коня из памятника Жуцзячжуан (у г. Баоцзи). Бронза.

ном из «оленных камней», обнаруженном на территории собственно Монголии, изображен такой же нож с треугольным отверстием в навершии, однако на нем же изображены «модель ярма» 1-го типа и кинжал с навершием в виде звериной морды, которые были распространены в эпоху Шан-Инь и до среднего периода Западного Чжоу.

Ножи с круглым навершием широко известны от бассейна р. Хуанхэ до северных степей, особенно много их на территории Ордоса и Минусинской котловины; на территории Иньсюя найдено несколько десятков подобных ножей. На «оленных камнях» также зафиксированы изображения ножей с круглым навершием (*Волков,* 1981. С. 208).

Ножи с полукруглым навершием известны в Северном Китае в поздний период правления династии Шан. И на «оленных камнях» можно видеть изображения подобных ножей (*Волков,* 1981. С. 208*)*; датировка «оленных камней» близка времени распространения ножей сходной формы в Северном Китае.

Бронзовые кинжалы и «оленные камни». Среди бронзовых кинжалов, найденных при раскопках памятников эпохи бронзы на территории Северного Китая, отметим изделия с навершием в виде бубенчика, головы животного, головы птицы, грибовидной формы, круглой, Т-образной формы и т.д. На «оленных камнях» также имеются изображения кинжалов, хотя в ряде случаев они нечеткие; четкие изображения дают возможность определить вид навершия: в виде голов животных, птиц и круглой формы.

Кинжалы с навершиями в форме головы животного распространены в эпоху бронза в Северном Китае, на Иньсюе, в Минусинской котловине и Монголии. В западной части Монгольского плато на «оленных камнях» можно видеть изображения подобных кинжалов; их датировки относятся ко времени, близкому к культуре Инь.

Кинжалов с навершиями в виде голов птиц известно мало, например, артефакт с рукоятью в виде головы орла происходит из могилы М3 в местечке Байфу округа Чанпин близ Пекина (The cultural…, 1976); это была передаваемая по наследству вещь (Loehr, 1949, 1951). Подобный вид кинжалов имел распространение в XX–IX вв. до н.э.; в Монголии также мож-

но видеть «оленные камни» с изображением кинжалов с рукоятью в виде голов птиц.

Кинжалы с круглым навершием встречаются в Северном Китае, однако их немного; они датируются не ранее 1000 г. до н.э. Сравнительно ранние кинжалы с круглым навершием найдены в Минусинской котловине и относятся к карасукской и тагарской культурам (Степная полоса…, 1992. Табл. 84). На «оленных камнях» довольно часто фиксируются изображения кинжалов данного вида; отметим и кинжал с рукоятью в форме двойного кольца, однако изображение упрощенное и датировка неясна.

Проушные топоры и «оленные камни». Проушные топоры также называют «боевыми топорами», они относятся к категории оружия ближнего боя. В поздний период правления династии Шан-Инь такие топоры хорошо известны на западных и северных территориях. По форме топора выделяют типы А (лезвие шире тулова) и В (тулово и лезвие одинаковой ширины).

У топоров типа А втулка довольно длинная, по форме похожа на голову лошади, где обух выглядит, как шея; предметы этого типа найдены вдоль течения р. Хуанхэ в провинциях Шаньси и Шэньси. Подобные артефакты часто встречаются вместе с предметами, относящимися к позднему этапу правления династии Шан-Инь. Среди топоров типа А имеются экземпляры с довольно короткими втулкой и обухом, подобного вида топоры зафиксированы на памятниках Байфу уезда Чанпин, Тяньма близ Цюцунь, Сича в уезде Циншуйхэ и т.д. совместно с инвентарем эпохи раннего и среднего периода правления династии Западная Чжоу, поэтому датируются несколько позднее начала I тыс. до н.э.

На «оленных камнях» можно видеть изображения проушных топоров, в особенности похожих на топоры, найденные на памятниках Байфу уезда Чанпин и Тяньма близ Цюцунь.

Проушные топоры типа В имеют в центральной части изгиб к проуху. Они известны на территории Иньсюя – на памятнике Лаонюпо под Сианью и других памятниках эпохи Шан, а также на западе Ляонина – памятнике Сяцзядянь в верхних культурных слоях. Их распространение охватывает длительный период, примерно с конца II тыс. до середины I тыс. до н.э. На «оленных камнях» также встречаются изображения этого вида проушных топоров.

На топорах типа В, найденных в провинции Цинхай и Синьцзян-Уйгурском автономном районе, в центральной части топора бывает ушко. Подобные артефакты с ушком датируются второй половиной II тыс. до н.э. Изображение таких топоров довольно часты на «оленных камнях». Топоры типа В без хвостовой части обнаружены в провинциях Шэньси и Цинхай, они датируются поздним периодом правления династии Шан; изображений подобных топоров также довольно много на «оленных камнях».

«Модели ярма» и «оленные камни». На оленных камнях в Монголии часто встречаются изображения «моделей ярма» П- и Ω-образной форм. П-образные изображения близки по форме к находкам бронзовых «моделей ярма» из могил эпох Шан и Чжоу бассейна р. Хуанхэ, а также из Минусинской котловины. Исследования часто рассматривают использование «моделей ярма» в качестве фиксатора для поводьев; таким образом, эти артефакты – часть комплекса лошадиной сбруи и колесничного убранства. Эволюцию формы «моделей ярма», найденных на территории Северного Китая, можно разделить на несколько этапов.

На первом этапе центральная часть артефактов была плоской, а два конца изгибались дугообразно; такие предметы напоминают форму лука. Находки предметов подобной формы сделаны в бассейне р. Хуанхэ и в Минусинской котловине. На «оленных камнях» Монголии имеются изображения предметов подобной формы, датируемые концом эпохи Шан – эпохой Западного Чжоу.

На втором этапе плечики «моделей ярма» изгибаются подобно крюкам, форма крюков схожа с рукоятками ножниц, в верхней части имеются два отверстия. Такие артефакты представлены на территории Забайкалья и западной части бассейна р. Ляохэ в провинции Ляонин; на «оленных камнях» в Монголии изображения подобных предметов встречаются довольно часто; они относятся к периоду Вёсен и осеней.

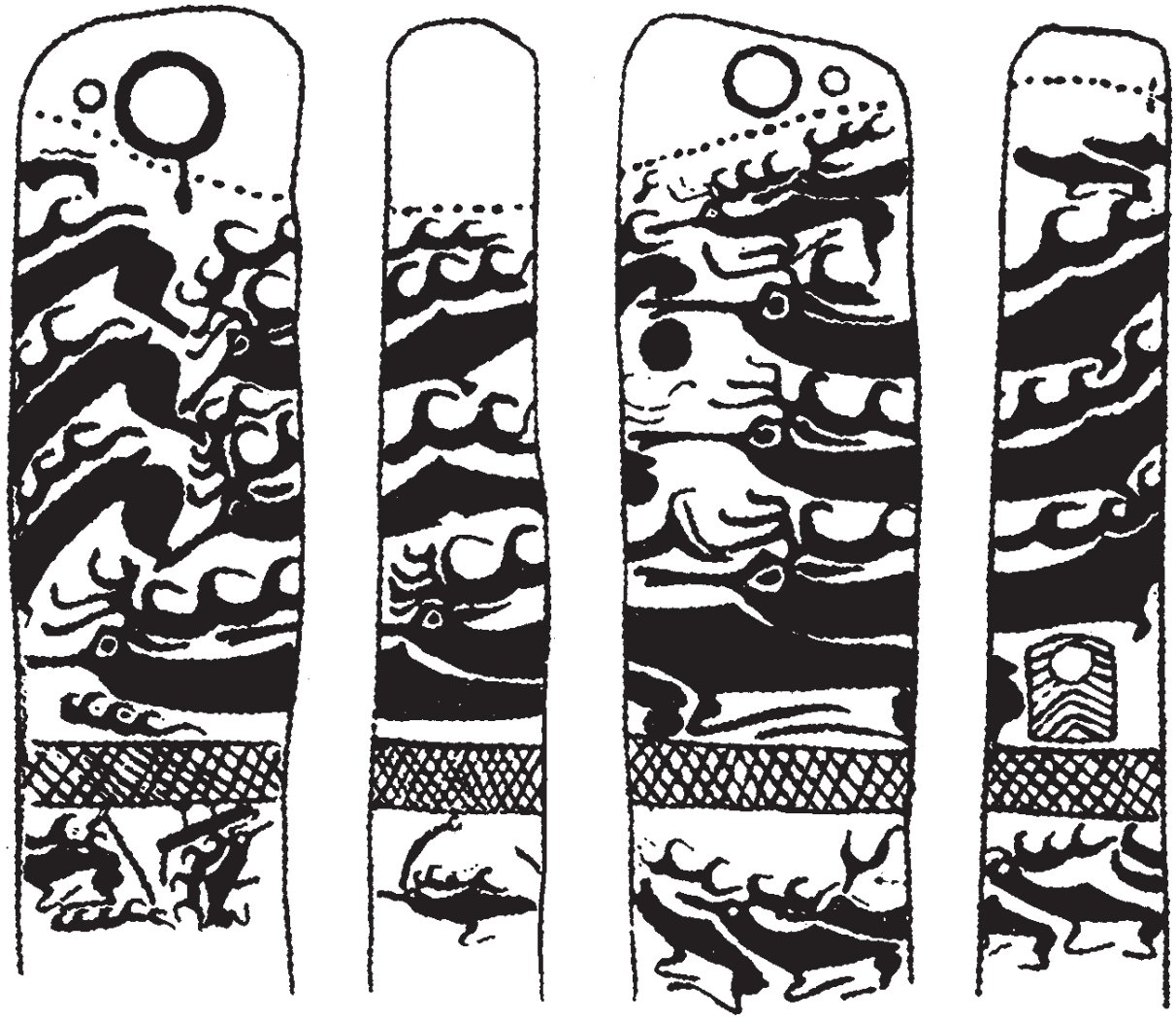


Рис. 2. Оленные камни (по: Волков, 1981).

На третьем этапе развития оба крюка «моделей ярма» сдвигаются вместе, образуя подобие буквы «омега» (ω); имеется отверстие для подвешивания. Такие предметы зафиксированы в западной части бассейна р. Ляохэ в провинции Ляонин, они относятся к периоду Воюющих царств. На «оленных камнях» в Монголии изображения подобных предметов также иногда фиксируются.

Описанная выше трехэтапная эволюция формы «моделей ярма» вполне соответствует изменениям изображений данных артефактов на «оленных камнях». В пределах Китая предметы, относящиеся к первому этапу, найдены в бассейне р. Хуанхэ; относящиеся ко второму и третьему – в западной части бассейна р. Ляохэ в провинции Ляонин.

Колесничное снаряжение и «оленные камни». Близ памятника Жуцзячжуан (у г. Баоцзи) был найден предмет колесничного снаряжения – конский хомут с фигурой человека и звериной головой с впечатляющей мордой, переданными пластическими и изобразительными средствами (рис. 1). Человек с распущенными волосами обеими руками держит голову животного сзади; на лопатках человека изображены два оленя, его талия перевязана поясом с ромбами. Это изображение человека и декоративные детали, которые представляются либо орнаментацией одежды, либо татуировкой, очень близки к образам людей, на спинах которых также имеются лаконичные, но выразительные изображения оленей, на «оленных камнях». Пояса с ромбовидным

узором также часто встречаются на «оленных камнях» (рис. 2).

Кладбище памятника Жуцзячжуань относится к периоду не позднее некрополя царства Гун-юй, датируемого ранним этапом Западного Чжоу. Перенос столицы царства Гун-юй относится к позднему периоду правления династии Шан (Lu Liancheng, Huzhisheng, 1983). Это же время характеризуется распространением «оленных камней» и «моделей ярма». Фигура человека с распущенными волосами и татуировкой в виде оленя на данном хомуте, по всей видимости, передает образ иноплеменника, появиться он мог не без влияния со стороны северных степей.

Хорошо известна уникальность и своеобразие культурного феномена «оленных камней». Изображения бронзовых предметов на «оленных камнях» часто имеют аналогии среди реальных предметов, найденных на территории Северного Китая, Сибири и Забайкалья. Развитие традиции «оленных камней» шло фактически по соседству с ареалом культур династий Шан и Чжоу в бассейне р. Хуанхэ и многочисленными другими культурами Северного Китая, сохраняя собственные культурные особенности. В связи с этим крайне важно при изучении культур бассейна р. Хуанхэ и культур эпохи бронзы и начального этапа раннего железного века евразийских степей обращать пристальное внимание на их взаимовлияния.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Волков В.В. Оленные *камни Монголии*. Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1981. 253 с.

Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М. Г. Мошкова. М.: Наука, 1992. 493 с. (Археология СССР).

The cultural relics bureaucracy of Beijing. Another significant archaeological discovery – The new inspiration from wooden coffin grave in Baifu of Changping // Каогу. 1976. № 4. (на кит. яз.).

Loehr M. Ordos daggers and knives: New material, classification and chronology. First part: Daggers // Artibus Asiae. 1949. V. XII. № 1–2. P. 23–83.

Loehr M. Ordos daggers and knives: New material, classification and chronology. Second Part: Knives // Artibus Asiae. 1951. V. XIV. № 1–2. P. 77–162.

Lu Liancheng, Huzhisheng. The discussion of revelent questions on Rujiazhuang cemetery and Zhuyuangou cemetery of Baoji // Вэньу. 1983. № 2. (на кит. яз.)

Tian Guangjin. Taohongbala cemetery, Eerduosi shi qingtongqi (Ordos style bronze artifacts). Beijing: Cultural relics press, 1986. (на кит. яз.).

К ПРОБЛЕМЕ ВЫДЕЛЕНИЯ КУЛЬТУР ПЕРВОЙ ФАЗЫ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА ВОЛГО-КАМЬЯ

© 2014 г. А.В. Лыганов

Институт истории АН РТ, Казань
(ncai@mail.ru)

Ключевые слова: приказанская культура, сейминско-турбинский транскультурный феномен, займищенский тип памятников, заосиновский тип памятников, Волго-Камье, поздний бронзовый век.

Резюме. В статье предлагается характеристика двух культурных типов начальной поры позднего бронзового века Волго-Камья: займищенского и заосиновского, ранее рассматривавшихся как отдельные этапы приказанской культуры. Высказываются соображения о близости займищенского типа позднеабашевским и покровским древностям Восточной Европы, тогда как формирование заосиновского происходило под сильным влиянием сейминско-турбинского феномена, а сам он по ряду показателей демонстрирует сходство с коптяковской культурой Зауралья.

Среди культур первой фазы позднего бронзового века Волго-Камья достаточно хорошо изучены материалы погребальных памятников абашевской культуры и сейминско-турбинского транскультурного феномена. При этом слабо исследованы культурные образования начального этапа позднего бронзового века региона, имеющие явные корни в местной позднеэнеолитической среде. Это памятники займищенского и заосиновского типов. На сегодняшний день появились новые материалы со стоянок Волго-Камья, что позволяет сделать новые выводы, уточнить территорию и хронологию данных культурных образований.

Займищенский тип памятников (см. *рисунок*). Займищенский этап приказанской культуры был выделен А.Х. Халиковым (1980. С. 34, 52). Выделение данного этапа было обусловлено прежде всего своеобразием керамического материала. Наряду с керамикой, по А.Х. Халикову, отличительной чертой займищенского этапа выступал своеобразный комплекс металлических и кремневых изделий, имеющих аналогии в Сейминском, Турбинском и Покровском могильниках (Халиков, 1980. С. 40, 42).

Памятники займищенского типа распространены преимущественно в Казанском Поволжье и в приустьевой части Камы. К займищенскому типу памятников относится 22 поселения и местонахождения (см. *рисунок*) и 6 могильников (Халиков, 1980. С. 10. Табл. А; Соловьев, 2000. С. 137; Лыганов и др., 2012).

По ряду форм, элементам орнамента и примесям в тесте займищенская керамика с территории поселений и могильников схожа с керамикой покровского культурного типа и абашевской культуры (Пряхин, 1977; Пряхин, Халиков, 1987. С. 126–127. Карта 23; Халиков, 1987. С. 142; Малов, 2007. Рис. 2–5).

Очень редки находки на поселениях металлических изделий и следов металлургического производства (Халиков, 1980. С. 43; Лыганов и др., 2012. С. 140).

К займищенскому этапу приказанской культуры А.Х. Халиковым было отнесено шесть могильников, расположенных в Западном Закамье (Халиков, 1980. С. 24). Однако культурная принадлежность Базяковского III могильника в дальнейшем была пересмотрена (Черных, Кузьминых, 1989. С. 29–30). Неоднозначна также интерпретация Малиновского II могильника.

К погребальным памятникам, непосредственно относящимся к займищенскому культурному типу, относятся Ново-Мордовские II–IV, VI могильники (Халиков, 1980. С. 24. Табл. Д); Ново-Мордовские II и III могильники – курганные, а Ново-Мордовские IV и

VI – грунтовые. В трех могильниках (Ново-Мордовском III, IV и VI) погребенные располагаются вытянуто на спине и в одном (Ново-Мордовском II) преимущественно скорченно на левом боку, а также на спине с согнутыми ногами (Халиков, 1980. С. 24. Табл. Д).

Грунтовые могильники этого времени отмечены не только в волосовской культуре, влияние которой на формирование займищенской усматривал А.Х. Халиков (1980. С. 52). Для абашевских памятников Самарского Поволжья также характерны грунтовые могильники, отсутствующие на других территориях абашевской культуры (Кузьмина, 2000. С. 96).

Такие изменения в погребальном обряде происходят в среде степных-лесостепных культур начального этапа позднего бронзового века Волго-Уралья. Так, в среде абашевского населения погребальный обряд развивался от вытянутого положения костяка на спине к скорченному положению на левом боку, обряду, более характерному для последующих культур (Пряхин, Халиков, 1987. С. 128; Кузьмина, 2000. С. 96). В этой связи представляется, что особенности погребального обряда займищенского населения вместе с керамическими комплексами свидетельствуют о его близости к позднеабашевским и покровским захоронениям Восточной Европы. Покровские памятники на сегодняшний день с учетом калиброванных радиоуглеродных датировок относят к XX–XVII вв. до н.э. (Малов, 2007. С. 46–47).

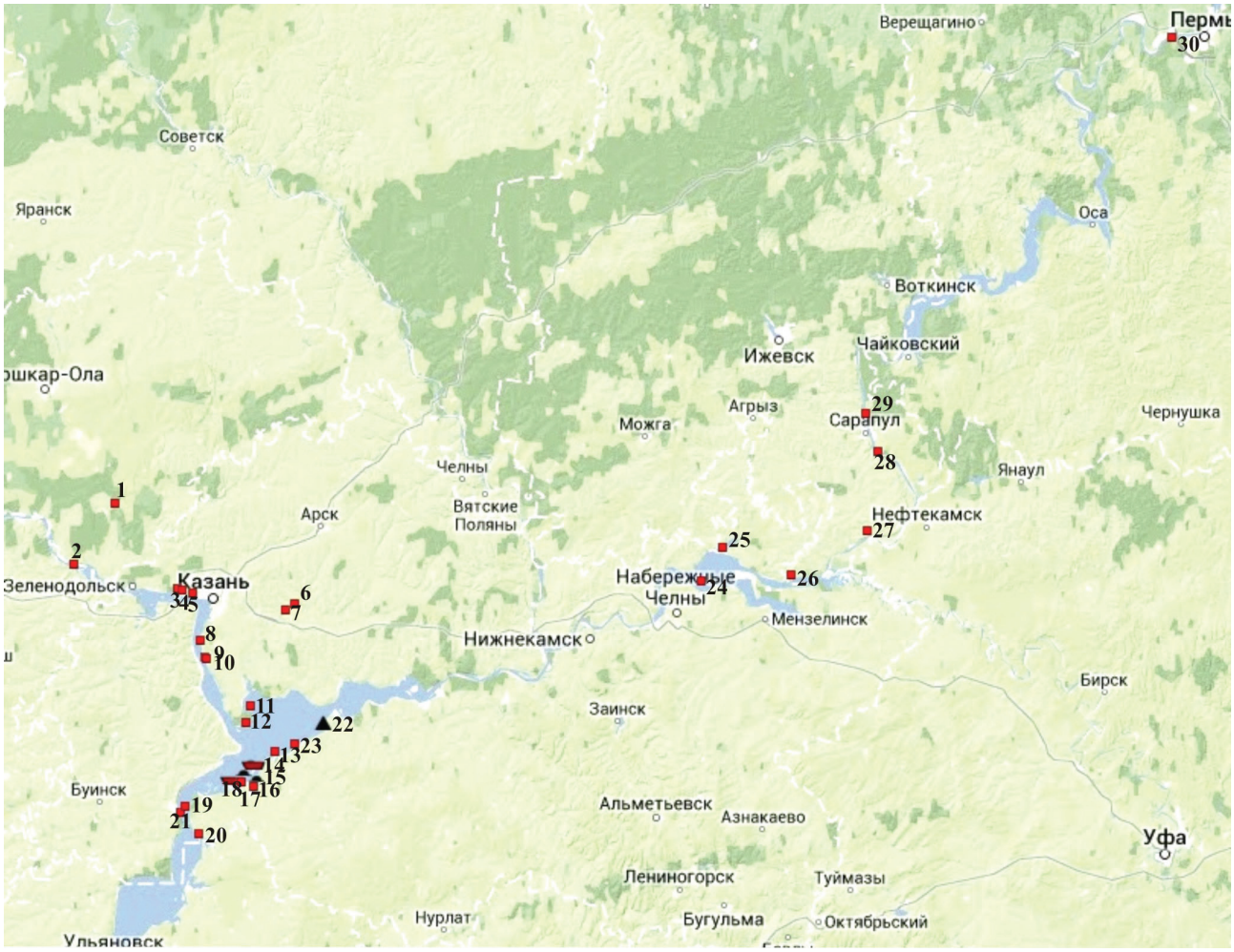
Что касается культур рубежа среднего–позднего бронзового века, таких как памятники вольско-лбищенского типа (Ставицкий, 2003), то вряд ли они оказали какое-то влияние на становление займищенского типа памятников. Заметны явные различия в материальной культуре этих типов памятников (Васильев, Кузнецов, 2000). Мнение о значительном влиянии памятников типа Сейма–Турбино на займищенские, основанное на случайных находках сейминских-турбинских бронз (Халиков, 1980. С. 40, 42), также достаточно условно и пока не находит подтверждения.

Многие вопросы по хронологии и истокам займищенского типа памятников еще требуют дальнейшего рассмотрения. Так, непонятна степень участия в формировании займищенской энеолитических культур лесной зоны.

Заосиновский тип памятников (см. *рисунок*). Памятники заосиновского типа выделены в Среднем Прикамье на основе керамических комплексов, имеющих явные аналогии с Зауральскими культурами первой фазы позднего бронзового века (Денисов, Мельничук, 1991. С. 106–107; Денисов, Мельничук, Митряков, 2011. С. 109). На Нижней Каме керамика подобного типа была выявлена на Рысовском III селище вместе с абашевской керамикой и сейминско-турбинскими бронзами, а также на Дубовогривской II стоянке (Чижевский, Лыганов, Морозов, 2012. С. 100, 102, Рис. 6, *4, 5;* 7, *2, 4, 6, 12, 14, 17, 20, 22;* Чижевский, Шипилов, Писарев, 2004, Рис. 6, *1–6;* 7, *1, 4, 8, 12;* 8, *5;* 9, *1, 8, 12*).

Керамика заосиновского типа имеет аналогии в керамике коптяковской культуры лесного и лесостепного Зауралья (Денисов, Мельничук, 1991. С. 106–107). Согласно одной из точек зрения, коптяковская культура складывается в сейминско-турбинское время в результате взаимодействия местного энеолитического населения при участии раннего петровского-алакульского степного населения (Исаев, 2009. С. 44–45; Зах, 2012. С. 38–39). Очевидно эти же процессы можно предполагать и в развитии керамики заосиновского типа. На первом этапе происходило проникновение раннеандроноидных орнаментальных традиций керамики в Приуралье и переработка их местным позднегаринским населением, на втором – трансформация заосиновского типа памятников в луговскую и черкаскульскую культуры. Этот процесс, вероятно, происходил параллельно с развитием коптяковской культуры в Зауралье. Датировать заосиновские комплексы, судя по их синхронности с сейминско-турбинскими древностями, следует временем не позднее первой трети II тыс. до н.э. В этот же промежуток времени укладывается большая часть радиоуглеродных дат первого этапа коптяковской культуры (Зах, 2012. С. 39).

Заосиновский тип памятников Прикамья на сегодняшний день еще слабо изучен, погребальные памятники не выявлены. Как и в ситуации с займищенским типом памятников, неясна степень участия в формировании данного культурного типа энеолитических культур Прикамья. Огромна роль в формировании



Карта распространения памятников займищенского и заосиновского типов начала позднего бронзового века в Волго-Камье. *Памятники займищенского типа*: 1 – Ошутьяльское III поселение; 2 – Криушинская стоянка; 3 – поселение Займище II; 4 – поселение Займище III; 5 – Обсерваторская III стоянка; 6 – Пестречинская IV стоянка; 7 – Пестречинская II стоянка; 8 – Матюшинская островная стоянка; 9 – Берзовогривская I стоянка; 10 – Березовогривская IV стоянка; 11 – Ташкимрменская II стоянка; 12 – Атабаевская VII стоянка; 13 – Коминтерновская II стоянка; 14 – Малиновский могильник; 15 – Ново-Мордовские II и III курганные могильники; 16 – Кимовское поселение; 17 – Ново-Мордовская IV стоянка; 18 – Ново-Мордовские IV и VI грунтовые могильники; 19 – Тетюшская IV стоянка; 20 – Маклашеевская (Змеиный остров) стоянка; 21 – Мантовское поселение; 22 – Чувашско-культурское местонахождение; 23 – Нижне-Марьянская IV стоянка. *Памятники заосиновского типа*: 24 – Дубовогривская II стоянка; 25 – Рысовский комплекс памятников; 26 – Зуево-Ключевское II поселение; 27 – Партизаны IV поселение; 28 – Непряха VII поселение; 29 – Симониха I поселение; 30 – Заосиновское VII поселение.

данного типа памятников сейминско-турбинского транскультурного феномена. Но в чем она заключалась? В миграции зауральского населения в Прикамье вместе с сейминско-турбинскими популяциями или же в простом заимствовании позднегаринским населением культурных традиций у крупных металлургических очагов первой фазы позднего бронзового века Евразийской металлургической провинции? На эти вопросы еще предстоит ответить в будущих исследованиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф. Памятники вольско-лбищенского типа // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара, 2000. С. 65–84.

Денисов В.П., Мельничук А.Ф. Заосиновское VII поселение и проблема формирования культуры эпохи бронзы в Среднем Прикамье // Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы европейской части СССР Йошкар-Ола, 1991. С. 102–113. (Археология и этнография Марийского края; Вып. 19).

Денисов В.П., Мельничук А.Ф., Митряков А.Е. Малоизученный хронологический горизонт Заосиново VII – Непряха VII – Партизаны IV эпохи бронзы среднего Прикамья // Шестые Берсовские чтения. Мат-лы конф. Екатеринбург, 2011. С. 107–116.

Зах В.А. Коптяковская культура в Нижнем Притоболье. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 2 (17). С. 29−40.

Исаев Д.Н. История изучения коптяковской культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 11. С. 42–45.

Кузьмина О.В. Абашевская культура в Самарском Поволжье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара, 2000. С. 85–121.

Лыганов А.В., Галимова М.Ш., Бугров Д.Г., Аськеев И.В., Мельников Л.В., Хисяметдинова А.А. Предварительные результаты комплексного изучения нового памятника эпохи раннего металла Казанского Поволжья // Археологические памятники Поволжья и Урала: современные исследования проблемы сохранения и музеефикации / Под ред. А.М. Белавина. Пермь: Перм. гос. гуманит.-пед. ун-т, 2012. С. 134–142. (Тр. Камской археолого-этнографической экспедиции; Вып. VIII).

Малов Н.М. Покровская культура начала эпохи поздней бронзы в северных районах Нижнего Поволжья: по материалам поселений срубной культурно-исторической области // Археология Восточно-европейской степи. Вып. 5. Саратов, 2007. С. 34–92.

Пряхин А.Д. Погребальные абашевские памятники. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1977. 168 с.

Пряхин А.Д., Халиков А.Х. Абашевская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987. С. 124–131. (Археология СССР).

Соловьев Б.С. Бронзовый век Марийского Поволжья. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2000. 264 с. (Тр. Марийской археологической экспедиции; Т. 6).

Ставицкий В.В. К вопросу о наличии абашевского компонента в материалах приказанской культуры // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Мат-лы конф. Чебоксары, 2003. С. 161–162.

Халиков А.Х. Приказанская культура. М.: Наука, 1980. 128 с. (САИ; Вып. В1-24).

Халиков А.Х. Приказанская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987. С. 139–146. (Археология СССР).

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. 320 с.

Чижевский А.А., Лыганов А.В., Морозов В.В. Исследования памятников археологии на острове Дубовая Грива в 2009–2010 гг. // Поволжская археология. 2012. № 1. С. 94–115.

Чижевский А.А., Шипилов А.В., Писарев Т.Н. Исследования Рысовского археологического комплекса // Археологические открытия в Татарстане: 2002 год. Казань, 2004. С. 105–44.

О ПОГРЕБЕНИЯХ ТИПА «КЕНОТАФ» В СРУБНОЙ КУЛЬТУРЕ

© 2014 г. В.И. Мамонтов

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград (legenda@vspu.ru)

Ключевые слова: срубная культура, погребение-кенотаф, топор из диорита, бронзовый нож, керамика.

Резюме. На территории волго-донских степей обнаружены памятники срубной культуры, где отмечены погребения без тела умершего. Их археологи называют «погребения-кенотафы». Оформление таких могил, сопровождающие их предметы и фиксируемые признаки погребального обряда имеют ряд особенностей: крупные ямы или ритуальные места на уровне древнего горизонта; использование деревянных перекрытий и травяных подстилок; набросок на насыпь. Сопровождающий инвентарь показывает высокое положение погребенного, тело которого отсутствует.

С середины II тыс. по XII в. до н.э. южные районы Волго-Донского междуречья и Нижней Волги энергично осваивали племена срубной культуры эпохи поздней бронзы. Они пришли сюда из северных районов с уже сложившимися элементами погребального обряда: тело покоится на левом боку в скорченном положении, руки направлены к лицу, основная ориентировка головой – на восток, север, северо-восток. Среди массы захоронений срубного времени выделяются по объему затраченного труда при подготовке погребальной камеры, по широкому использованию деревянных конструкций и количеству предметов сопровождающего инвентаря социально-престижные погребения.

В результате многолетних раскопок на указанной территории учтено большое количество погребений, накоплены значительные сведения по материальной культуре и религии местных племен срубной культуры. Среди них отмечены так называемые погребения-кенотафы, где в могильной яме нет останков умершего, хотя часто присутствует обширный могильный инвентарь.

Считается, что такие погребения-кенотафы связаны с тем, что из-за трагических жизненных обстоятельств, например гибели в степном пожаре, утоплении человека в реке, болоте, пропаже соплеменника в лесу, смерти в далеком походе и т.д., тело погребенного отсутствует. Это значительно усложняло проведение погребального обряда, как при прощальных действиях соплеменников, так и при совершении ритуалов во время оформления могильной ямы и насыпи кургана.

В таких случаях, полагают исследователи, членами срубной общины проводились все те же стандартные погребальные действия, что и для погребения обычного умершего общинника. Но всегда добавлялись элементы, соответствующие статусному положению «пропавшего, отсутствующего» человека их рода или племени.

При похоронах социально значимых представителей в земле выкапывались большие погребальные ямы, на дно которых укладывались слои водных растений или подстилки из ткани, кожи, войлока; устраивались подпорные брусья для крепления навеса; возможно, имитировалось само тело умершего, его положение («фигура» из кожи или ткани); устанавливалась посуда с пищей и раскладывался другой могильный инвентарь (оружие, украшения, деревянная посуда, одежда, мясо животных); во время молитвенных ритуалов рассыпались угли, пепел из прощального костра. Таким образом всячески подчеркивалось значимость умершего, пропавшего человека. Погребений-кенотафов же рядовых общинников ничтожно мало.

В последнее время в Нижнем Поволжье и Волго-Донском междуречье выявлено еще несколько погребений-кенотафов срубной культуры, что позволяет говорить уже не о случайном эпизоде в погребальной обрядности срубного населения, а о четком выработанном регламенте похорон человека при отсутствии его тела.

Курганная группа Горьковский I (р. Волга), курган 1, погребение 3. Большая прямоугольная в плане яма перекрыта деревянными плахами. На дне – слой белой органики (трава). Скелета погребенного нет. Все находки сосредоточены у северо-западной стенки. Среди них – лепные глиняные сосуды, фрагмент деревянной миски, крупный отщеп-подвеска из диорита, полированный ладьевидный топорик из темно-зеленого диорита, костяные полированные кольца (возможно, украшали рукоять топорика), бронзовые ножи (два двулезвийные и один, после ремонта, однолезвийный), небольшая трубка из кости животного с заполированной поверхностью, на которой прочерчен ромб, кремневый черешковый наконечник стрелы, костяные упоры («яблочки») для древков стрел (см. *рисунок, 1*, *2, 5–9, 17, 19*).

Курганный могильник Верхний Балыклей (р. Волга), курган 6, погребение 6. Яма трапециевидных очертаний впущена в насыпь кургана ямной культуры. Скелет погребенного отсутствует. Около восточной стенки обнаружены фрагменты пяти глиняных сосудов с примесью толченой раковины в тесте, а также листовидный бронзовый нож с перекрестьем, черенок которого имеет расширенное основание, а его лезвие хорошо проковано. На дне ямы найдено полированные навершие булавы эллипсовидного очертания из порфирита, топор из диорита, у которого обух имеет грибовидную форму, а боковые поверхности украшают 12 рельефных линий.

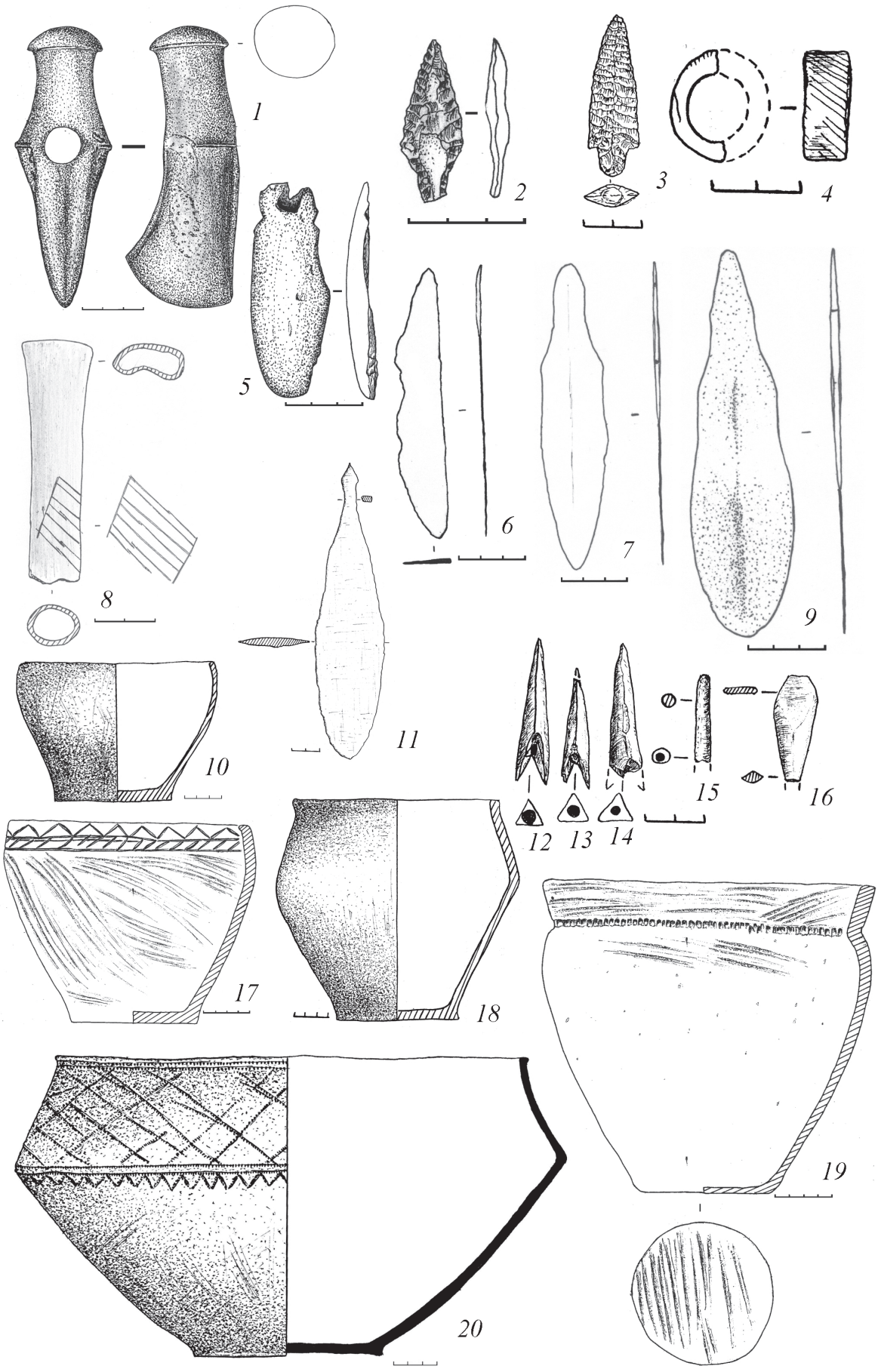
Курганный могильник у с. Кочетного (р. Волга), курган 6, погребение 1. Большая яма перекрыта тремя крупными бревнами, на которые наброшены поперечные слеги. На дне со следами белого органического тлена в юго-западной части обнаружены следы циновки со слабыми следами охры. Под циновкой имеется небольшое возвышение. Скелет погребенного отсутствовал. Среди находок – бронзовые нож с перекрестьем (он лежал на деревянном блюде), шило, обойма с остатками древесины; костяная пронизка, расщепленные кости барана.

Курганный могильник у с. Кочетного (р. Волга), курган 7. Под перекрытием из бревен находилась яма, на дне которой сохранились циновки из камыша. На них находились вещи: деревянный ладьевидный предмет неясного назначения, два бронзовых ножа с перекрестьем, на одном из них – остатки деревянной рукояти на раскованном черенке, бронзовый изогнутый серп.

Курганная группа Первомайский XIII (р. Дон), курган 2, погребение 7. Прямоугольная в плане яма вырыта в более древней насыпи кургана. Ее стенки уступами, проходящими по периметру ямы, опускались вниз. Дно покрыто кугой, в засыпи много угольков. Скелет человека отсутствует. Предметы могильного инвентаря найдены у северной стенки: крупный толстостенный сосуд со сглаженным ребром; бронзовый нож, конец короткого черешка которого раскован в треугольник; кремневый черешковый наконечник стрелы и костяные наконечники стрел; кольцо из кости животного (надевались на рукоять жезла) с короткими пропилами по поверхности (см. *рисунок, 3, 4, 11–16, 18*).

Курганный могильник Чир II (р. Дон). Насыпь кургана была насыпана над особым ритуальным местом (оно находилось на уровне древнего горизонта), которое отделялось от окружающего «мирского» пространства круговым валом высотой до 1,5 м и диаметром 8 м. Это место было покрыто слоем куги и камыша. В центре находился своеобразный «дом мертвых» или жертвенное место, построенное из коротких плах. Пол в нем хорошо промазан тонким слоем зеленоватой глины, на который уложили тушку теленка (кости в анатомическом порядке). Тут же стояли три лепных глиняных сосуда.

Одиночный курган Новониколаевский (р. Хопёр). Яма прямоугольная в плане, перекрытая слоем деревянных плах. Скелет погребенного отсутствовал. В яме находился большой остроребрный глиняный сосуд-котел, орнаментированный геометрическим орнаментом, баночный сосуд, отдельные кости жертвенного барана (см. *рисунок*, *10, 20*).



Находки из погребений-кенотафов. *1, 2, 5–9, 17, 19* – Горьковский I, к. 1, п. 3; *3, 4, 11–16, 18* – Первомайский XIII, к. 2, п. 7; *10, 20* – Новониколаевский, к. 1, п. 1.

Над ямой погребения сооружена первичная насыпь. У края полы этой насыпи вырыта еще одна прямоугольная в плане яма (погребенного нет), где засыпь была насыщена пеплом и углями. Сверху яма также перекрыта толстыми плахами. Кроме того, обозначено пространство на плоской вершине первой насыпи кургана для совершения поминального ритуала – насыпь сверху покрыта прямоугольной плотной наброской (6,2 х 5 м) из зеленой куги, камыша и других водных растений, принесенных из ближайшего водоема. И только после поминок вся эта конструкция была засыпана второй большой насыпью.

Все эти погребальные действия древних хорошо перекликаются с некоторыми строчками из Ригведы: …«расстелите в правильном порядке жертвенную солому»…(Ригведа, 1999. I, 13. С. 17), …«они разостлали обращенную к востоку жертвенную солому»… (Ригведа, 1999. I, 188. С. 230), …«сев на жертвенную солому»…(Ригведа, 1999. II, 36. С. 279).

Приведенный материал показывает, что выявленные в волго-донских курганах захоронения-кенотафы (покровский период) относятся к прослойке населения, занимавшей довольно высокое положение на ступеньках иерархической лестницы срубного общества – к родоплеменной верхушке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ригведа. Мандалы I–IV / Отв. ред. П.А. Гринцер. М.: Наука, 1999. 767 с.

ИССЛЕДОВАНИЕ КУРГАНОВ В НИЗОВЬЯХ Р. ЕЛАНЬ В ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2014 г. А.П. Медведев

Воронежский государственный университет, Воронеж (APM1950@yandex.ru)

Ключевые слова: лесостепное Подонье, курганный могильник, среднедонская катакомбная культура, доно-волжская абашевская культура, срубная культура.

Резюме. В работе излагаются результаты сплошного археологического обследования междуречья рек Елань и Савала в пределах Новохоперского р-на Воронежской обл., проведенного в 2012–2013 гг., а также раскопок семи насыпей курганного могильника Елка-1, содержавших захоронения среднедонской катакомбной, доно-волжской абашевской и срубной культур среднего и позднего периодов бронзового века. Высказываются соображения о плотности и количестве курганных памятников в лесостепных областях и возможностях определения их истинного, первоначального количества на этих территориях.

Наиболее многочисленная группа объектов археологического наследия в лесостепном Подонье – курганные могильники. К настоящему времени в Воронежской обл. на государственном учете стоят 984 курганные группы и 465 одиночных курганов (не менее 60% учтенных памятников). Принято считать, что их было во много крат больше – многие из них уничтожены в результате хозяйственной деятельности людей в XIX и особенно в XX в. Это, на первый взгляд, справедливое, но в общем-то умозрительное допущение можно встретить в работах многих исследователей, изучавших курганы в среднедонской

лесостепи. На деле же сейчас никто не может сказать, какая часть курганных могильников попала в систему госучета и сколько их до сих пор остается неучтенными. Естественно, до полного изучения археологами всех курганных групп на территории Воронежской обл. окончательного заключения об их количестве сделать нельзя. Однако можно решить эту задачу хотя бы в первом приближении на примере того или иного локального района, вне зон урбанизации. В качестве «опытной площадки» мы избрали удаленную от Воронежа на 200 км к востоку западную часть Новохоперского р-на, где в конце прошлого – начале нынешнего века неоднократно проводились разведки. Исследуемая территория находится в юго-восточной части Окско-Донской равнины, на пограничье степи и лесостепи.

В 2012–2013 гг. западная часть Новохоперского р-на между реками Елань и Савала обследована археологической экспедицией Воронежского университета. Основная цель полевых работ – проведение сплошной археологической разведки для составления максимально полной археологической карты территории, на которой планируется строительство горнодобывающего предприятия по освоению Еланского и Елкинского месторождений медно-никелевых руд. На конец 2013 г. здесь выявлен 91 памятник археологии, в том числе 61 курганная группа и 15 одиночных курганов (всего учтено 384 курганные насыпи). В процессе разведки впервые определены точные географические координаты всех обследованных археологических объектов в системе GPS (система координат WGS 84). Последние позволят в будущем найти основные курганные погребения даже в том случае, если насыпи будут полностью распаханы или снесены в процессе хозяйственной деятельности.

Большая часть курганных групп открыта в низовьях Елани, на ее правом берегу от устья р. Паника на западе до устья р. Татарка на востоке. По концентрации погребальных памятников этот микрорайон не имеет себе равных в Воронежской обл. В долине реки, а также на надпойменных террасах нанесено на карту 28 курганных групп и 2 одиночных кургана – всего 228 насыпей. Наибольший интерес представляют 12 курганных групп к югу и к востоку от пос. Елка, половина из них сохранилась в естественном луговом ландшафте. По существу они образуют одно большое курганное поле. Здесь на 1 км² обследованной территории в среднем приходится примерно четыре кургана. Из курганных могильников правобережья Елани выделим курганную группу 7 у с. Ивановка (28 курганов). Ее насыпи расположены весьма компактно на вершине довольно высокого водораздельного мыса берега р. Елань и левого берега р. Татарка. Они никогда не подвергались распашке и покрыты степной растительностью.

Причина такого скопления курганов в низовьях Елани понятна. Прежде всего это обильные пастбища в широкой долине реки перед ее впадением в р. Савала, которые и притягивали древних скотоводов. Этой же причиной можно объяснить появление на правобережье крупных поселений срубной культуры, таких как Елка-3. Здесь культурный слой прослежен вдоль старого русла реки на протяжении более чем 700 м.

Анализ местоположения памятников на правобережье Елани показал, что все без исключения группы курганов, отмеченные на старых картах, сохранились. Во многом это объясняется тем, что в долине реки антропогенное воздействие в основном сводилось к выпасу скота. Благодаря этому в пойме уцелели курганные могильники, состоящие из десятков небольших задернованных насыпей. Здесь удалось выявить новый тип памятников – большие курганы, окруженные искусственными рвами.

В левобережье Елани от с. Елань-Колено на западе до р. Савала на востоке обследовано 33 курганные группы и 13 одиночных курганов (всего 156 курганов). Судя по всему, здесь плотность памятников несколько иная, чем на правобережье – чуть более 1 кургана на 1 км². Наибольший научный интерес представляет курганная группа 1 «Высокая могила» (20 насыпей). Памятник получил название по самому большому кургану высотой до 7–8 м. От обычных курганов его насыпь отличается почти правильной квадратной формой со сторонами по основанию 64 х 64 м, из-за чего она приобрела вид пирамиды. На высоте 4–4,5 м по периметру насыпи со всех сторон хорошо заметен уступ шириной до 5 м, придающий насыпи форму ступенчатой пирамиды. Ее по-

верхность задернована, поросла ковылем и другими травами. На левобережье не удалось найти лишь две ранее известные курганные группы. Остальные курганы были идентифицированы с памятниками, уже попавшими в поле зрения археологов или картографов.

Таким образом, разведки на востоке Воронежской обл. показали весьма высокую степень сохранности курганных ансамблей в западной части Новохоперского р-на, хотя некоторые насыпи оказались сильно распаханы (особенно на водоразделах левобережья) или имели иные следы антропогенного воздействия (грабительские шурфы).

Полученные результаты позволяют подойти к решению вопроса о количестве курганных могильников в среднедонской лесостепи. Для этого в первую очередь необходимо использовать старые картографические материалы, на которые наносились курганы высотой от 1 м. Последние позволят весьма точно определить количество курганных групп и лишь минимальное число курганов в каждой из них, так как даже на крупномасштабные топографические карты наносились далеко не все курганные насыпи. Но даже с такими ограничениями предлагаемое исследование позволит в самом первом приближении решить проблему количественной оценки наиболее многочисленной категории объектов историко-культурного наследия Воронежской обл., определить ее «курганный ресурс». Откладывать эту работ на будущее нельзя, так как древние курганы – «уходящая натура». К тому времени, когда появятся необходимые средства для археологического обследования всей области, будет уже поздно – могут исчезнуть последние объекты нашего археологического наследия.

Летом 2013 г. параллельно с разведками проводились археологические раскопки курганной группы Елка-1 на правобережье р. Елань. Курганы располагались в низкой пойме, на лугу в 0,25 км к югу от заброшенного пос. Елка. В процессе раскопок семи небольших курганов высотой до 1 м установлено, что их насыпи сильно пострадали в результате хозяйственной деятельности местного колхоза, но большинство захоронений уцелело. Все они относились к эпохе бронзы: 6 погребений среднедонской катакомбной культуры, 3 погребения доно-волжской абашевской культуры и 23 погребения срубной культуры.

Необычно погребение 2 кургана 3 среднедонской катакомбной культуры начала II тыс. до н.э., совершенное в большой квадратной в плане яме. На ее дне лежали скелеты четырех погребенных: одного взрослого, двух подростков и ребенка. Их сопровождали пять лепных сосудов, изготовленных в разных культурных традициях: местной среднедонской и привнесенной с юга (манычская культура). Укажем, что черепа взрослого и одного из подростков имели следы прижизненной искусственной деформации. Основное погребение 1 кургана 2 в большой могильной яме принадлежало воину-колесничему XVIII–XVII вв. до н.э. (ограблено в древности). Судя по остаткам костяка, погребенный был положен на левый бок с подогнутыми ногами, головой строго на север. Перед его лицом находился развал лепного горшка доно-волжской абашевской культуры с характерной примесью ракушки в тесте. Из остального инвентаря уцелел фрагмент костяного дисковидного псалия от колесничной упряжи, костяное навершие и бронзовый нож.

Курган 4 содержал 9 погребений, а курган 7 – 10 захоронений срубной культуры XVI–XV вв. до н.э. Как правило, они сопровождались одним-двумя лепными сосудами, украшенными геометрическим орнаментом. В одном из погребений найдена бронзовая обкладка венчика деревянного сосуда. По существу исследованные срубные курганы представляли могильники небольших семейно-родовых групп. Обращает на себя внимание то, что от половины до двух третей погребений в курганах эпохи поздней бронзы принадлежали грудным детям. При этом даже захоронения грудных младенцев совершались по тому же погребальному обряду, что и погребения взрослых.

Параллельно с археологическими работами проводились палеопочвенные исследования насыпей курганов (И.В. Иванов) и палеоантропологический анализ погребенных (А.А. Казарницкий). Получены новые данные о климатической обстановке в донской лесостепи в эпоху средней и поздней бронзы. Установлена идентичность строения почв, погребенных под курганами катакомбной и

абашевской культур. Климат в ту эпоху был более континентальным, чем сейчас. Почвы срубного времени отличались от почв предшествующей эпохи признаками формирования в более благоприятных условиях увлажнения. Климатическую обстановку второй половины II тыс. до н.э. можно оценить как более благоприятную по сравнению с той, которая была в предшествующее время. Видимо, по этой причине низовья Елани, по данным археологии, были заселены в эпоху бронзы более плотно, нежели даже в XX в.

СРУБНАЯ КУЛЬТУРА СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИКАСПИЯ

© 2014 г. Р.А. Мимоход

Институт археологии РАН, Москва
(mimokhod@gmail.com)

Ключевые слова: покровская срубная культура, бережновско-маевская срубная культура, Северо-западный Прикаспий, погребальный обряд, хронология.

Резюме. Работа посвящена характеристике срубных памятников Северо-Западного Прикаспия. Рассматриваются погребальный обряд и инвентарный комплекс срубных погребений. Установлено, что в регионе существовали две срубные культуры: покровская и бережновско-маевская. Датируются они XVIII–XIII вв. cal BC. Основная масса захоронений находится на севере Калмыкии и Астраханской обл. В полупустынной зоне Средних и Южных Ергеней и Кумо-Манычской впадины фиксируются единичные проникновения отдельных срубных групп. Связано это с непригодностью глубинных пустынно-степных районов для пастушеского уклада срубных племен, основанного на преобладании в стаде крупного рогатого скота.

Под условным термином «Северо-Западный Прикаспий» в данной работе подразумевается территории Северных, Средних и Южных Ергеней, Ставропольской возвышенности, восточной части Кумо-Манычской впадины и северо-западной части Прикаспийской низменности, которые находятся в пределах Калмыкии, Ставропольского края и Астраханской обл. Они являются юго-восточной периферией ареала срубной культурно-исторической общности. В природном отношении этот регион практически полностью входит в пустынно-степную зону.

Срубные памятники Северо-Западного Прикаспия редко привлекали к себе внимание исследователей. В историографии сложились две диаметрально противоположные точки зрения на срубную культуру этой территории, в частности Калмыкии. Так, А.А. Иерусалимская и В.А. Сафронов объявляли данный регион зоной сплошной экспансии срубных племен (Иерусалимская, 1958. С. 45; Сафронов, 1974. С. 114). М.И. Артамонов и И.В. Синицын констатировали полное отсутствие здесь срубных древностей (Артамонов, 1958. С. 43; Синицын, 1978. С. 9). Оба эти подхода вызывали справедливые возражения (Арапов, 1991. С. 120–123; Шилов, 2009. С. 94–95).

Цель настоящей работы – кратко охарактеризовать срубные памятники Северо-Западного Прикаспия, установить их хронологию, степень и динамику освоения региона в эпоху поздней бронзы.

На рассматриваемой территории известны главным образом погребальные памятники срубной культуры. Учтено 150 захоронений (рис. 1). Скорее всего погребений было больше, однако выборку пришлось ограничить. Связано это с тем, что из нее были исключены безынвентарные комплексы, потому что при сходстве обрядовых характеристик такие по-

гребения могут относиться как к срубной, так и предшествующей лолинской культуре. Таким образом, в базу данных попали только те захоронения, которые имели четкую срубную атрибуцию по инвентарю, либо стратиграфической позиции.

Характерная черта срубных древностей Северо-Западного Прикаспия – крайне слабо развитое курганное строительство: 88,2% составляют впускные захоронения, 11,8% – основные и сопровождавшиеся досыпками. Обряд стандартен. В 87% это поза адорации, при которой руки согнуты в локтях, а кисти находятся перед грудью или лицом. Доминирует скорченное положение скелетов на левом боку, костяки, лежащие на правом боку, составляют 6,5%. Ямы обычно имеют овальную или подпрямоугольную в плане форму, изредка встречаются деревянные перекрытия и рамы (4,6%). По одному разу зафиксирован кенотаф (Джангар-1981 22/15) и трупосожжение (Кривая Лука XXXIV 2/8). Ориентировка умерших также традиционна для срубной культуры. Доминируют восточный (53 комплекса) и северо-восточный (46 комплексов) векторы. Остальные направления представлены незначительным количеством.

Чаще всего в погребения в качестве сопроводительного инвентаря помещали посуду. Она встречена в 85% всех комплексов. Обычно в могилу ставили 1 сосуд (119 комплексов), изредка в погребении находились 2 сосуда (8 комплексов), один раз в захоронении обнаружено 3 сосуда. В одном комплексе зафиксированы остатки деревянного блюда (Джангар-1981 22/15). В типологическом отношении выделяется посуда баночной (54,6%), остроребериой (25%) и горшечной (20%) форм (рис. 2, *1–10, 20–33*). Бронзовые орудия представлены ножами и шильями (рис. 2, *11, 12, 19*), костяные изделия – трубочками (7 комплексов) и пряжками (рис. 2, *13, 14*). В гарнитур украшений входят фаянсовые и сердоликовые бусы, бронзовые браслеты и височные подвески (рис. 2, *18*). В ассортименте каменных предметов обращают на себя внимание престижные категории – сверленый топор и булава (рис. 2, *16, 17*).

Анализ обрядово-инвентарного комплекса позволяет говорить о существовании в Северо-Западном Прикаспии двух культур срубной общности: покровской и бережновско-маевской. Их выделение и периодизация были убедительно обоснованы В.В. Отрощенко (2001, 2003). Подавляющее большинство комплексов относится к бережновско-маевской срубной культуре (рис. 2, *17–33*), к покровская срубной культуре уверенно можно отнести только 15 погребений (рис. 2, *1–16*).

Покровская срубная культура. Примечательно, что в ориентировках скелетов покровских захоронений не встречается восточный вектор, и даже северо-восточное направление зафиксировано всего два раза. Полностью здесь доминируют ориентировки на север и северо-запад, которые являются отличительным признаком культуры. Треть костяков имеют слабую скорченность, что также характерно для покровской традиции.

Ярко выраженные признаки покровской срубной культуры прослеживаются и в инвентаре этих захоронений (рис. 2, *1–15*). На поверхности керамики фиксируются грубые глубокие расчесы (рис. 2, *5–7, 10*). В половине случаев тесто посуды содержит толченую раковину. О покровской культурной атрибуции свидетельствует и форма сосудов. Морфология двух из них прямо отсылает к абашевским прототипам. Сосудик из комплекса Ики-Зегиста 4/6 (рис. 2, *1*) выполнен в переработанных традициях миниатюрных остроребериых горшочков, известных в абашевской культуре и культурных образованиях горизонта щитковых псалиев. К тому же в его тесте присутствует толченая раковина. Горшок из комплекса Кюин-Толга 8/1 (рис. 2, *2*) имеет ярко выраженную колоколовидную форму и находит прямые аналогии среди абашевских древностей. Подколоколовидную морфологию имеет еще ряд сосудов (рис. 2, *3, 4, 6, 8*). У горшка из комплекса Эвдык I 7/41 (рис. 2, *4*) присутствует внутренний желобок по горлу. В орнаментации посуды покровские признаки тоже хорошо прослеживаются. К ним относятся орнаментация зубчатым штампом и композиционное построение узора (рис. 2, *2–4, 7, 9, 10*).

Бронзовые ножи (рис. 2, *11, 12*) представлены типами, характерными для рассматриваемой культуры. Они имеют намечающиеся перекрестья, причем у одного экземпляра присутствует ромбовидная расковка пятки

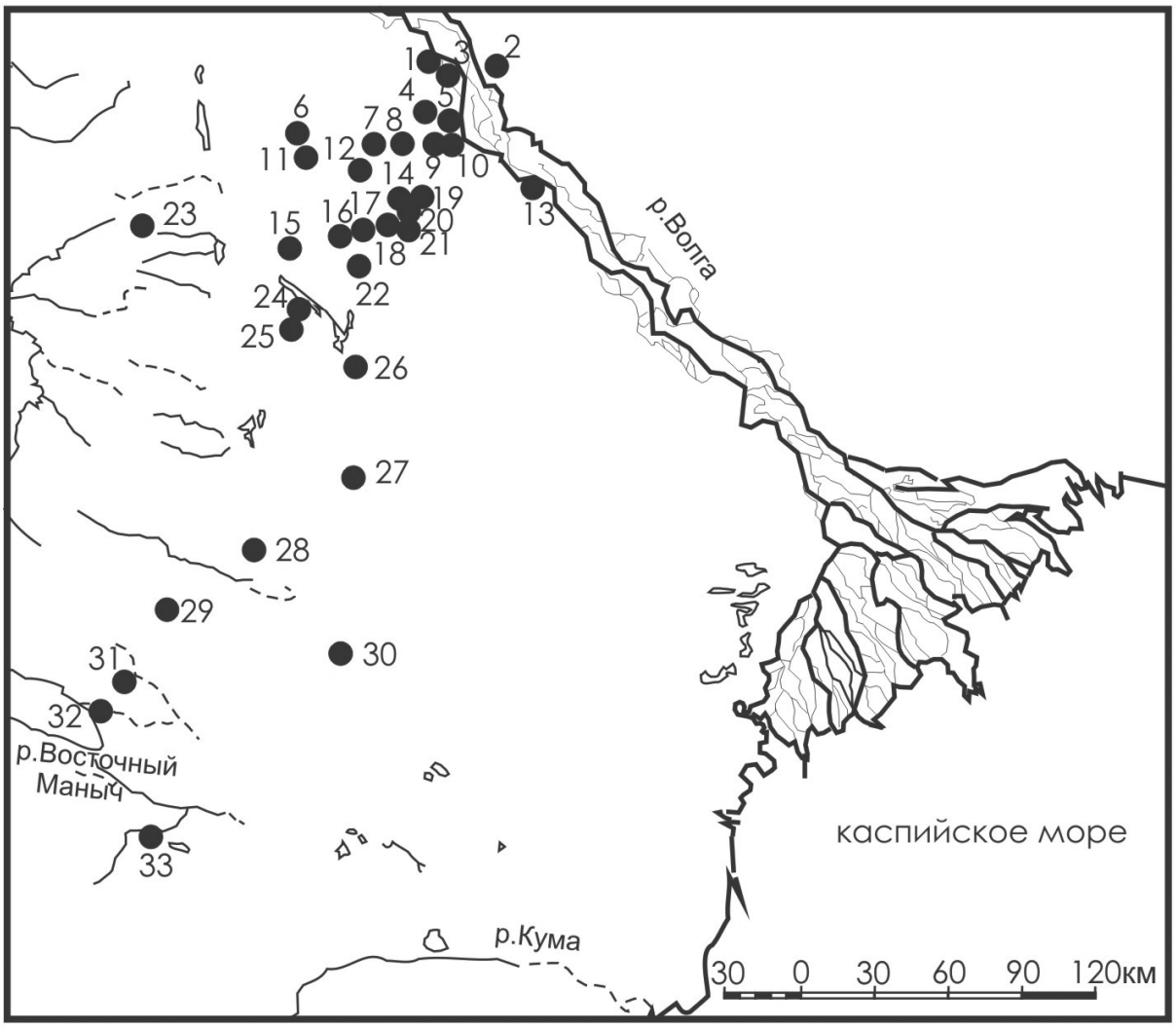


Рис. 1. Погребальные памятники срубной культуры в Северо-Западном Прикаспии. 1 – Кузин хутор; 2 – Степная IV; 3 – Барановка; 4 – Кривая Лука II, IV–VI, XI–XVI, XVIII, XIX, XXIII, XXVIII, XXX, XXXIII–XXXV; 5 – Капитанский хутор; 6 – Балкин II; 7 – Купцын Толга; 8 – Ики-Орва; 9 – Ордынские бугры; 10 – Соленое Займище; 11 – Большой Царын; 12 – Ут; 13 – Никольское I–VI; 14 – Джангр; 15 – Заханата; 16 – Зергента-1; 17 – Гува; 18 – Адрык; 19 – Кермен-Толга; 20 – Кюин-Толга; 21 – Ики-Зегиста; 22 – Иджил II; 23 – Кануково; 24 – Эвдык I; 25 – Улан-Толга; 26 – КВЧ-160; 27 – Улан-Хееч; 28 – Чилгир; 29 – Элистинский; 30 – Цаган-Усн III, V, VIII, X; 31 – Хар-Зуха I, II; 32 – Островной; 33 – Чограй IX.

черенка (рис. 2, *11*). На четкую покровскую культурную атрибуцию указывают костяные пряжки (рис. 2, *13, 14*) и орнаментированное костяное кольцо (рис. 2, *15*).

В развитии покровской срубной культуры В.В. Отрощенко выделяет два периода (Отрощенко, 2003). В нашей выборке содержатся материалы, которые относятся к обоим этапам. Ранним периодом датируется ряд сосудов, имеющих выраженные архаичные черты (рис. 2, *1–4, 6, 7, 9*), бронзовые ножи (рис. 2, *11, 12*), костяные пряжки и кольцо (рис. 2, *13–15*). К позднему периоду относится посуда, в которой покровские признаки фиксируются в ослабленном виде (рис. 2, *5, 8, 10*).

Бережновско-маевская срубная культура. Комплексы данной культуры составляют абсолютное большинство в Северо-Западном Прикаспии. Уверенно к ней можно отнести около 100 погребений. В ориентировках скелетов полностью доминируют восточный и северо-восточный векторы, остальные на-

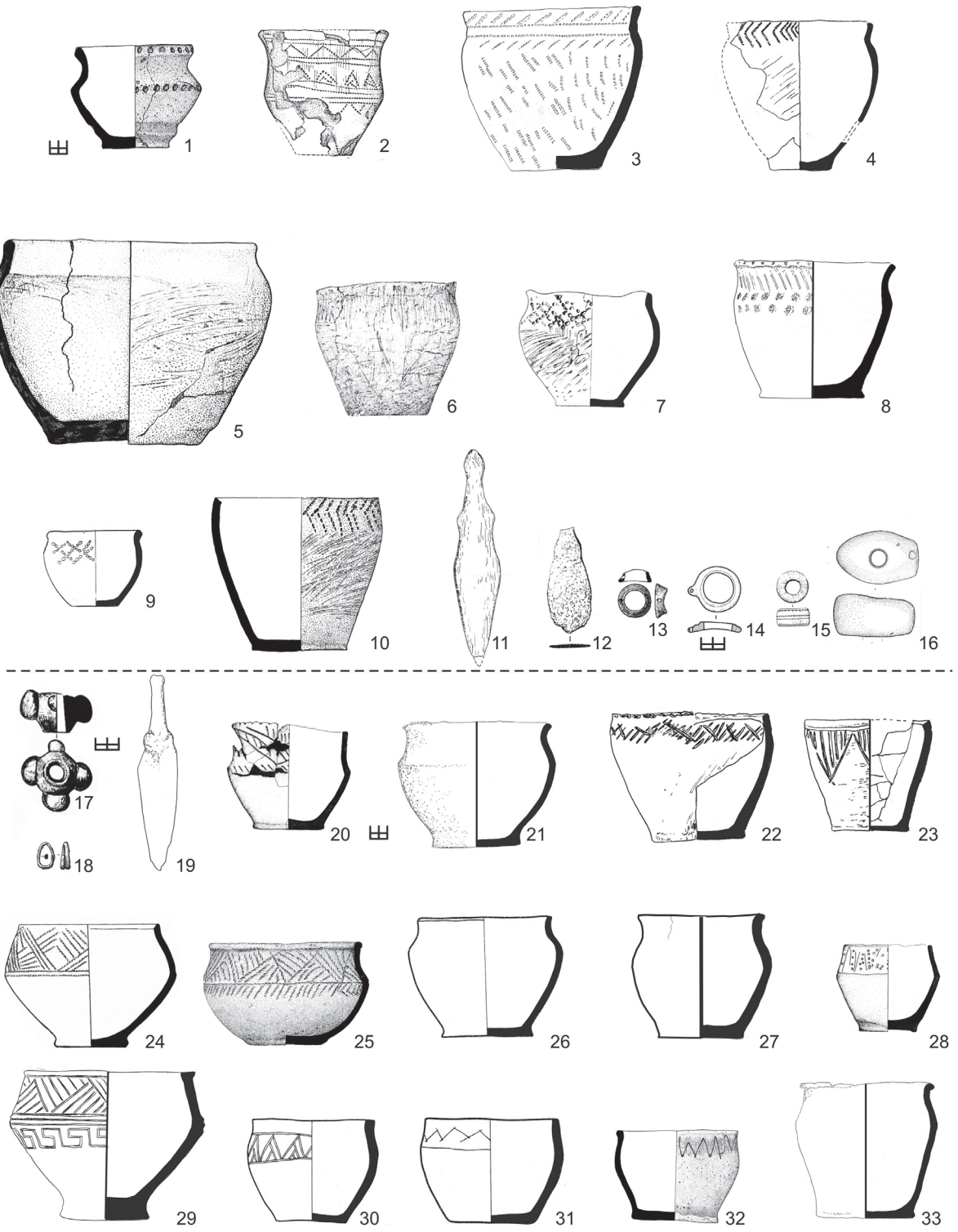


Рис. 2. Инвентарь срубных погребений в Северо-Западном Прикаспии. 1–16 – покровская срубная культура: 1 – Ики-Зегиста 4/6; 2, 16 – Кюин-Толга 8/1; 3 – Кривая Лука XVI 7/2; 4 – Эвдык I 7/41; 5 – Джангр-1981 25/15; 6, 13 – Чилгир 3/3; 7 – Никольское VI 1/3; 8 – Кривая Лука XIV 8/3; 9, 12, 15 – Никольское VI 1/5; 10 – Большой Царын II 1/5; 11 – Степная IV 2/3; 14 – Ут 6/1. 17–33 – бережновско-маевская срубная культура: 17, 24 – Никольское III 1/5; 18 – Кривая Лука II 2/3; 19 – Кривая Лука XXXIV 1/3; 20 – Хар-Зуха II 3/1; 21 – Цаган-Усн X 1/4; 22 – Чограй IX 1/насыпь; 23 – Чограй IX 2/1; 25 – Кануково 7/3; 26 – Кривая Лука VI 1/1; 27 – Хар-Зуха I 1/1; 28 – Хар-Зуха II 1/1; 29 – Кривая Лука XV 4/2; 30 – Кривая Лука IV 1/1; 31 – Кривая Лука V 5/12; 32 – Кермен-Толга 22/1; 33 – Цаган-Усн VIII 1/6. 1–10, 20–33 – керамика; 11, 12, 18, 19 – бронза; 13–15 – кость; 16, 17 – камень.

правления немногочисленны. Преобладают средняя и сильная скорченность скелетов.

Керамический комплекс бережновско-маевских срубных захоронений соответствует всем стандартам этой культуры. В нем серийно представлены классические остроребер-ные формы (рис. 2, *21, 24–27*), баночные сосуды (рис. 2, *22, 23, 31*), слабопрофилированные горшки (рис. 2, *30, 32, 33*). Довольно много неорнаментированной посуды (рис. 2, *21, 26, 27, 33*). В технике нанесения декора фактически полностью отсутствует зубчатый штамп, преобладают гладкий штамп, прочерчивание и шнуровой орнамент. Композиции представлены треугольниками, зигзагами, меандром (рис. 2, *20, 22–25, 29–32*). Форма бронзового ножа (рис. 2, *19*) отличается от покровских экземпляров (рис. 2, *11, 12*) выделенным перекрестьем. Это свидетельствует о более поздней хронологической позиции клинка и его бережновско-маевской атрибуции.

В существовании бережновско-маевской срубной культуры В.В. Отрощенко также выделяет два этапа. Представленный в регионе обрядово-инвентарный комплекс этой культуры свидетельствует о том, что здесь присутствуют комплексы обоих периодов. К первому этапу можно отнести бронзовый нож (рис. 2, *19*), остроребер-ную посуду, орнаментированную шнуром, прочерчиванием, оттисками полой трубочки (рис. 2, *24, 25, 28*). К заключительному этапу относится сосуд из комплекса Кривая Лука XV 4/2 (рис. 2, *19*). Он имеет выраженную кубковидную форму. Сосуды такой морфологии маркируют окончание существование срубной общности. Кроме того, в комплексе Кривая Лука XXXV 1/1 обнаружен горшок позднесрубного облика, орнаментированный налепным валиком.

Для всего массива срубных погребений Северо-Западного Прикаспия на данный момент имеется, к сожалению, только две радиоуглеродные даты, сделанные по костям людей двух захоронений, исследованных на территории Калмыкии. Комплекс первого этапа покровской срубной культуры Чилгир 3/3 (рис. 2, *6, 13*) (ИГАН-2706 – 3440±40 BP) дает калиброванный интервал с вероятностью в 1σ 1870–1680 BC; комплекс первого периода бережновско-маевской срубной культуры Кануково 1 7/3 (рис. 2, *25*) (ИГАН-2704 – 3460±40 BC) – 1880–1690 BC. Единичные даты нет смысла сейчас обсуждать, тем более что радиоуглеродные датировки для двух комплексов ранних периодов обеих рассматриваемых культур совпадают, в то время как это разные хронологические периоды развития срубной общности. Опираясь на представительные подборки данных ^{14}C покровских и бережновско-маевских срубных памятников других регионов, время существования срубных древностей в Северо-Западном Прикаспии можно определить в пределах XVIII–XIII cal BC (XVIII–XVI вв. до н.э. для покровской срубной культуры и XVI–XIII вв. до н.э. для бережновско-маевской срубной культуры).

Распространение срубных памятников в рассматриваемом регионе выявляет важные закономерности. Подавляющее большинство комплексов (123 из 150) располагается на Северных Ергенях и в северной части Прикаспийской низменности (север Калмыкии и север Астраханской обл.) (рис. 1). Здесь они являются юго-восточной окраиной территории сплошного освоения представителями срубной общности. На Средних, Южных Ергенях и в Кумо-Манычской впадине зафиксировано всего лишь 27 захоронений, а на Ставропольской возвышенности они отсутствуют вовсе. Таким образом, можно констатировать, что глубинные районы Калмыкии демонстрируют только спорадические проникновения отдельных срубных коллективов. Интересно, что попытки продвинуться вглубь пустынно-степной зоны предпринимали коллективы как покровской срубной культуры, так и бережновско-маевской, но особых результатов это не принесло. Дело в том, что хозяйственный уклад носителей срубных традиций, основанный на преобладании в стаде крупного рогатого скота, сформировался севернее в период гумидизации климата. Он не соответствовал климатическим условиям полупустынной зоны, хотя в предшествующий посткатакомбный период Северо-Западный Прикаспий в условиях сильной аридизации был хорошо освоен носителями лолинской культуры, специализировавшимися на разведении мелкого рогатого скота (Мимоход, 2013).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арапов С.В. Культура Северо-западного Прикаспия в эпоху средней бронзы: Дис. … канд. ист. наук. М.: ИА РАН, 1991.

Артамонов М.И. К вопросу о происхождении скифов // ВДИ. 1958. № 2. С. 37–47.

Иерусалимская А.А. О предкавказском варианте катакомбной культуры // СА. 1958. № 2. С. 34–48.

Мимоход Р.А. Лолинская культура. Северо-западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века // Материалы охранных археологических исследований. Т. 16. М.: ИА РАН, 2013. 568 с.

Отрощенко В.В. Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Европи (культурно-стратиграфічні зіставлення). Кїев, 2001. 288 с.

Отрощенко В.В. К истории племен срубной общности // Доно-Донецкий регион в эпоху бронзы / Отв. ред. А.Д. Пряхин. Воронеж, 2003. С. 68–96. (Археология восточноевропейской лесостепи; Вып. 17).

Сафронов В.А. Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа // Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников. М., 1974. С. 23–173. (Сообщ. научн-метод. Совета по охране памятников культуры Мин-ва культуры СССР; Вып. VII).

Синицын И.В. Древние памятники Восточного Маныча. Саратов, 1978. 132 с.

Шилов В.П. Древние скотоводы калмыцких степей. Элиста, 2009. 304 с.

К ВОПРОСУ ОБ УКРАШЕНИЯХ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ЮЖНОЙ СИБИРИ

© 2014 г. О.В. Минор

Новосибирский государственный университет, Новосибирск
(lesya-minor@yandex.ru)

Ключевые слова: украшения, эпоха поздней бронзы, Южная Сибирь, реконструкция способов использования украшений.

Резюме. Эпоха поздней бонзы Южной Сибири охватывает период с XIII по VIII в. до н.э. Из многочисленных бронзовых предметов, известных из числа случайных находок и обнаруженных в погребальных памятниках, выделяются яркие и многообразные украшения. Также имеются украшения из камня и кости. Все изделия использовались для украшения головного убора и прически, одежды, обуви, а также как нательные и нагрудные украшения, служили аксессуарами. Они найдены в погребениях мужчин, женщин и детей. Эти украшения имеют аналогии в эпоху развитой и поздней бронзы, раннего железа на сопредельных территориях Западной Сибири, Казахстана, Забайкалья и Монголии.

Хронологические рамки эпохи поздней бронзы на территории Южной Сибири охватывают период с XIII по VIII в. до н.э. Из многочисленных бронзовых предметов, обнаруженных в погребальных памятниках, выделяются яркие и многообразные украшения. Встречаются изделия из камня и кости. Аналогии этих украшений известны среди материалов памятников андроновской культуры Южной и Западной Сибири, Казахстана и погребального инвентаря комплексов эпохи поздней бронзы Западной Сибири, Забайкалья и Монголии (Минор, 2012. С. 3).

К украшениям эпохи поздней бронзы Южной Сибири относятся височные кольца, бляшки, желобчатые подвески, треуголь-

ные пластины, бусины, трубочки-пронизки, лапчатые привески, бляхи, изделия, имитирующие раковины каури, привески с оправой, обоймочки, кольца, гривны, перстни, подвески из кости животного и браслеты (см. *рисунок*).

На основе проведенной морфологической классификации украшений выделяются конструкции изделий, виды основы, на которой они созданы, сходства и различия в форме конструктивных элементов (Щапова и др., 2007. С. 15). Украшения эпохи поздней бронзы классифицируются таким образом:

1) на основе обруча (гривны, кольца, привески с оправой, перстни, височные кольца, желобчатые подвески, браслеты);

2) на основе щитка (обоймочки, бляхи, лапчатые привески, треугольные пластины, бляшки);

3) на основе тулова с отверстием (бусины, трубочки-пронизки, подвески из кости животного, изделия, имитирующие раковины каури).

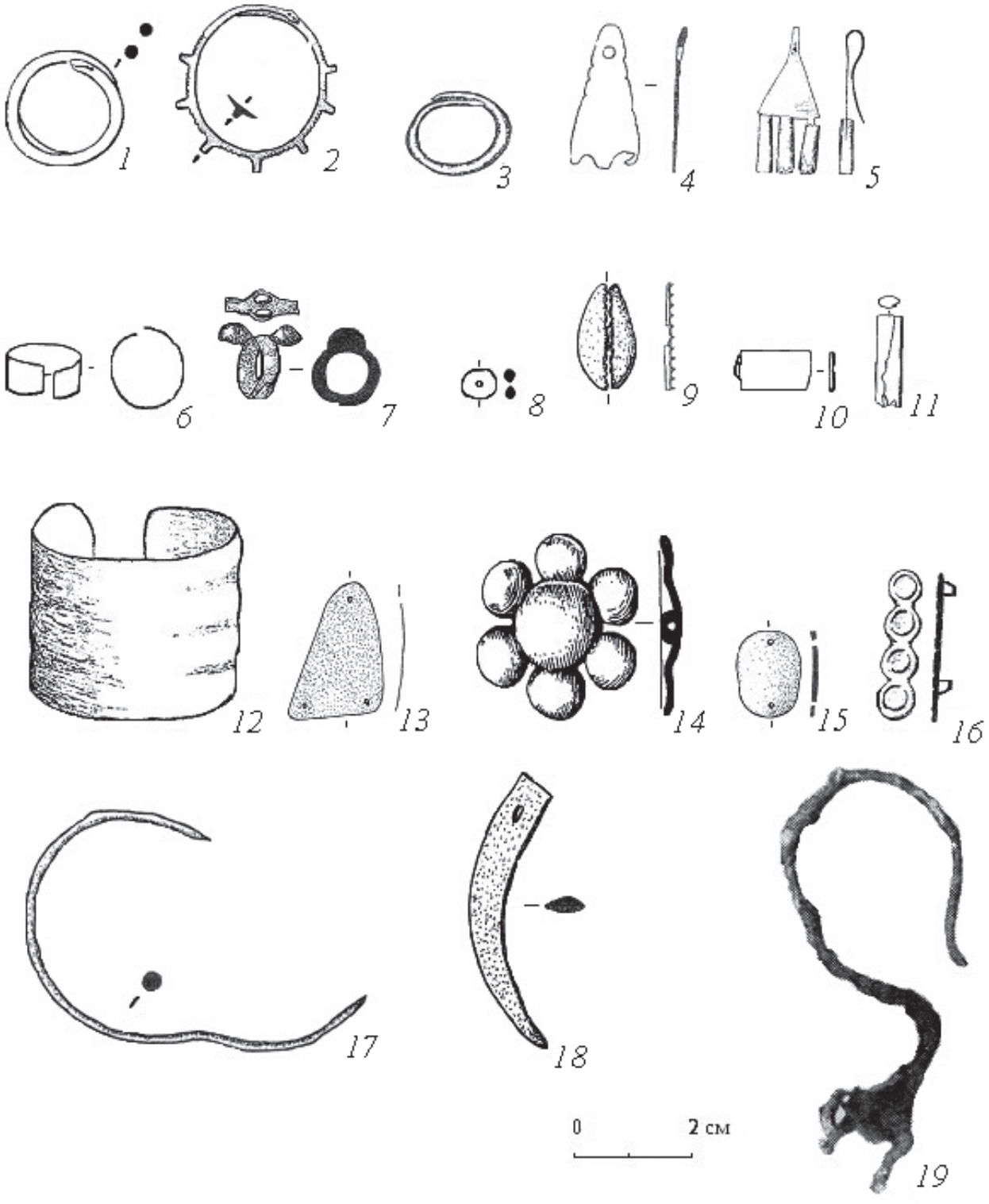
Основа этой классификации – схема описания изделий, предложенная Ю.Л. Щаповой и др. (2007). Для описания конструктивных элементов использованы словари-классификаторы, а также словари конструктивных элементов, разработанные данными исследователями (Щапова и др., 2007. С. 25).

В работе определены хронологические рамки появления, бытования и распространения изделий на территории Южной Сибири. Наше исследование основывается на периодизации А.В. Полякова и И.П. Лазаретова. В ней период поздней бронзы Южной Сибири представлен следующими этапами: карасукский, карасук-лугавский, лугавский и баиновский (Лазаретов, Поляков, 2008. С. 53).

На карасукском этапе (XIII–XII вв. до н.э.) в погребениях встречаются изделия, распространенные еще в андроновской культурно-исторической общности (Лазаретов, Поляков, 2008. С. 36). Среди них – височные кольца, трубочки-пронизки, обоймочки, одинарные бляшки с отверстиями по краям, аргиллитовые и бронзовые бусины в виде трубочки и диска, проволочные браслеты (см. *рисунок, 1, 8, 10, 11, 15*). Появляются новые изделия, среди которых височные кольца с бронзовой подвеской, широкие браслеты с пуансонным орнаментом и желобками.

Карасук-лугавский этап (XII–XI вв. до н.э.) ознаменовался появлением совершенно новых изделий. Ранее, в эпоху развитой бронзы, они не известны на территории бассейна Среднего Енисея (Лазаретов, Поляков, 2008. С. 39). К ним можно причислить лапчатые привески с тремя «лапками» и выступами по бокам или ровными боками, «комбинированные» лапчатые привески, желобчатые подвески с цилиндрическими и шаровидными головками или без них, многочастные бляшки, трубочки-пронизки рельефные и с кольцеобразными выступами, рельефные обоймы, каменные бусины, привески с оправой, кольца из пластины и перстни со щитком и шарообразной формой выступов, височные кольца с нанизанной бусиной и в виде рога горного барана, литые узкие браслеты с горизонтальными желобками, браслеты на основе кожаного ремешка и нанизанных на него трубочек-пронизок, подвески из кости животного, гривну, изделия, имитирующие раковины каури (см. *рисунок, 1–13, 15–19*). Практически все новые украшения фиксируются в женских погребениях. В конце этого этапа в погребениях не встречаются желобчатые подвески, широкие браслеты, привески с оправой, изделия, имитирующие раковины каури, гривны и каменные бусины (см. *рисунок, 2, 9, 12, 17, 19*). «Комбинированные» лапчатые привески сменяются треугольными пластинами с пуансонным орнаментом (Поляков, 2006. С. 97). Появляются цельнолитые шестилепестковые бляхи с ушком на оборотной стороне (см. *рисунок, 5, 13, 14*).

На лугавском этапе (X–IX вв. до н.э.) бляхи уменьшаются в размерах (Лазаретов, Поляков 2008. С. 44). Появляются узкие лапчатые привески с рельефными выступами по бокам, треугольные пластины и составные бляхи. В конце этапа широкие литые массивные браслеты используются в погребальной практике населения эпохи поздней бронзы. Зафиксированы новые изделия: лапчатые привески с четырьмя «лапками», литые узкие браслеты с гранями и проволочные кольца (см. *рисунок, 3*). Появляются перстни со щитком с эллипсовидной формой выступов, браслет на основе



Украшения эпохи поздней бронзы Южной Сибири. *1* – височное кольцо (по: Bokovenko, Legrand, 2000); *2* – желобчатая подвеска, *3, 6* – кольца (по: Савинов, Бобров, 1983; Bokovenko, Legrand, 2000); *4, 5* – лапчатые привески (по: Павлов, 1999; Паульс, 2000); *7* – перстень, *8* – бусина (по: Поляков, в печати); *9* – изделие, имитирующее раковину каури, *10* – обоймочка, *11* – трубочка-пронизка (по: Bokovenko, Legrand, 2000); *12* – браслет (по: Киселев, 1929); *13* – треугольная пластина, *14* – бляха (по: Савинов, Поляков, 2007); *15* – одинарная бляшка, *16* – многочастная бляшка (по: Паульс, 2000); *17* – гривна, *18* – подвеска из кости животного, *19* – привеска с оправой (по: Зяблин, 1977). *1–7, 9–17, 19* – бронза; *8* – аргиллит; *18* – кость.

кожаного ремешка и нанизанных на него пуговиц.

На баиновском этапе (конец IX – начало VIII в. до н.э.) распространены лапчатые привески с «псевдолапкой». В погребениях продолжают бытовать перстни со щитком с шаровидной и эллипсовидной формами выступов, трубочки-пронизки, височные кольца, аргиллитовые бусины в виде трубочки и цельнолитые бляхи в уменьшенном виде (см. *рисунок, 1, 11, 14*). Небольшая часть изделий (трубочки-пронизки, височные кольца с подвеской цилиндрической формы, изделия, имитирующие раковины каури, подвески из кости животного, одинарные бляшки) продолжает свое существование в памятниках эпохи раннего железа на Среднем Енисее (Вадецкая, 1986. С. 77–128).

Анализ мужских, женских и детских захоронений дает возможность предположить, что в эпоху поздней бронзы на территории Южной Сибири определенные наборы украшений принадлежали конкретной половозрастной группе. Мужские погребения «бедны» украшениями. По количеству изделий и их разнообразию женские погребения превосходят и мужские, и детские.

Итог настоящего исследования – реконструкция способов использования украшений в погребальной практике населения эпохи поздней бронзы Среднего Енисея. Украшениями головного убора и прически служили височные кольца, их вплетали в косички (косы) или прикрепляли к головному убору в области висков; желобчатые подвески, крепившиеся к основанию головного убора, ниже височных колец, с помощью кожаных ремешков (веревочек, ленточек, шнурков); одинарные, многочастные бляшки и бусины нашивали на головной убор; трубочки-пронизки крепились, видимо, к основанию убора; лапчатые привески, треугольные пластины, привески с оправой, обоймочки, очевидно, были украшением прически (см. *рисунок, 1, 2, 4, 5, 11, 15, 16*). Можно предположить, что население эпохи поздней бронзы хоронило своих умерших с прической или в головных уборах. Предположительно ими могла быть шапочка или налобная (головная) повязка из ткани или кожи.

Выделены украшения одежды. Это треугольные пластины, бусины, изделия, имитирующие раковины каури, одинарные и многочастные бляшки (см. *рисунок, 9, 13, 15, 16*). Они служили для декора, скорее всего, передней части одежды, подола.

К украшениям обуви относятся трубочки-пронизки, обоймочки, лапчатые привески и бляшки (см. *рисунок, 4, 10, 11, 15, 16*). Все эти изделия найдены в женских погребениях. Видимо, декорированная обувь принадлежала женщинам.

Украшения шеи и рук относятся к нательным. К первым принадлежат ожерелья, состоящие из трубочек-пронизок, лапчатой привески, бусин и обоймочек. Помимо ожерелий шею украшала гривна (см. *рисунок, 4, 8, 10, 11, 17*). Изделия, имитирующие раковины каури, зафиксированные на шее погребенных женщин, очевидно, были либо украшением этой части тела, либо нашивались на ворот одежды (см. *рисунок, 9*). Кольца, перстни и браслеты служили украшениями рук (см. *рисунок, 3, 7, 12*).

Выделен еще один вариант использования изделий в погребальной практике – нагрудники. На это указывают находки мелких и крупных украшений на груди погребенных женщин и детей. К ним относятся и шестилепестковые бляхи.

Накосники, украшенная разными изделиями обувь, нагрудники и головные уборы встречаются в женских захоронениях. Это еще раз указывает на то, что в эпоху поздней бронзы на Среднем Енисее женщин хоронили с большим количеством разнообразных украшений (Минор, 2012. С. 17–18).

На основе исследования украшений, их местоположения в захоронениях и реконструкции способов использования в погребальной практике отмечено следующее. Если в наборе присутствуют массивные нагрудные изделия, то в нем не найдены украшения одежды. Видимо, массивные изделия заменяли большое количество мелких, и в погребении встречается по одному экземпляру. Если в захоронении фиксируется наличие богато украшенного разными изделиями головного убора, то украшения одежды составляют мелкие изделия, а нагрудники отсутствуют вовсе. Все это говорит о том, что, возможно, в погребальной практике населения поздней бронзы бассейна Среднего Енисея существовала традиция

украшать только определенную часть костюма: одежду или головной убор, либо класть в погребение нагрудник (Минор, 2012. С. 19–21).

Как показали результаты настоящего исследования, украшения – важный источник для реконструкции состава наборов украшений и способов их использования (ожерелья, нагрудники; для одежды, головных уборов, обуви, прически; нательные) разных половозрастных групп населения этой эпохи. Они связаны с материальной культурой, несут социальную и эстетическую функции. Результаты их изучения позволяют выявить культурные связи Южной Сибири с сопредельными территориями, осветить отдельные аспекты этнокультурной истории населения данной эпохи (элементы мировоззрения, погребальной обрядности, традиций, декоративно-прикладного искусства).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. 179 с.

Зяблин Л.П. Карасукский могильник Малые Копены III. М.: Наука, 1977. 144 с.

Киселев С.В. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 году // Ежегодник Гос. музея им. Н.М. Мартьянова. Т. 6. Вып. 2. Минусинск, 1929. 120 с.

Лазаретов И.П., Поляков А.В. Хронология и периодизация комплексов эпохи поздней бронзы Южной Сибири // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. Барнаул: Концепт, 2008. С. 33–55.

Минор О.В. Украшения эпохи поздней бронзы Хакасско-Минусинской котловины: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 2012. 22 с.

Павлов П.Г. Карасукский могильник Терт-Аба. СПб.: ИИМК РАН, 1999. 70 с.

Паульс Е.Д. Могильники Чазы и Мара на севере Минусинской котловины (к вопросу изучения карасукской культуры) // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. СПб.: ИИМК РАН, 2000. С. 104–117.

Поляков А.В. Лапчатые привески карасукской культуры (по материалам погребений) // Археологические вести. № 13. СПб., 2006. С. 82–101.

Поляков А.В. Карасукский могильник Окунев улус I–II (раскопки Теплоухова С.А. 1926–1928 гг.) // Археологический сб. Гос. Эрмитажа (в печати).

Савинов Д.Г., Бобров В.В. Устинкинский могильник // Известия лаборатории археологических исследований Кемеровского гос. ун-та. Кемерово, 1983. С. 34–71.

Савинов Д.Г., Поляков А.В. Могильник Арбан I (к проблеме изучения памятников эпохи поздней бронзы на юге Минусинской котловины) // Археологические вести. № 14. М.: Наука, 2007. С. 62–92.

Щапова Ю.Л., Лихтер Ю.А., Сарачева Т.Г., Столярова Е.К. Морфология украшений. М.: Кн. дом «Университет», 2007. 102 с.

Bokovenko N., Legrand S. Das karasukzeitliche Gräberfeld Äncil Con in Chakassien // Eurasia Antiqua. Berlin, 2000. Bd. 6. S. 209–248.

ДЕРЕВЯННЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ РАСКОПОК УКРЕПЛЕННОГО ПОСЕЛЕНИЯ БРОНЗОВОГО ВЕКА КАМЕННЫЙ АМБАР (ОЛЬГИНО)

© 2014 г. И.В. Молчанов

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург (kolis@mail.ru)

Ключевые слова: бронзовый век, Южный Урал, укрепленные поселения, колодцы, деревянные изделия, деревообработка.

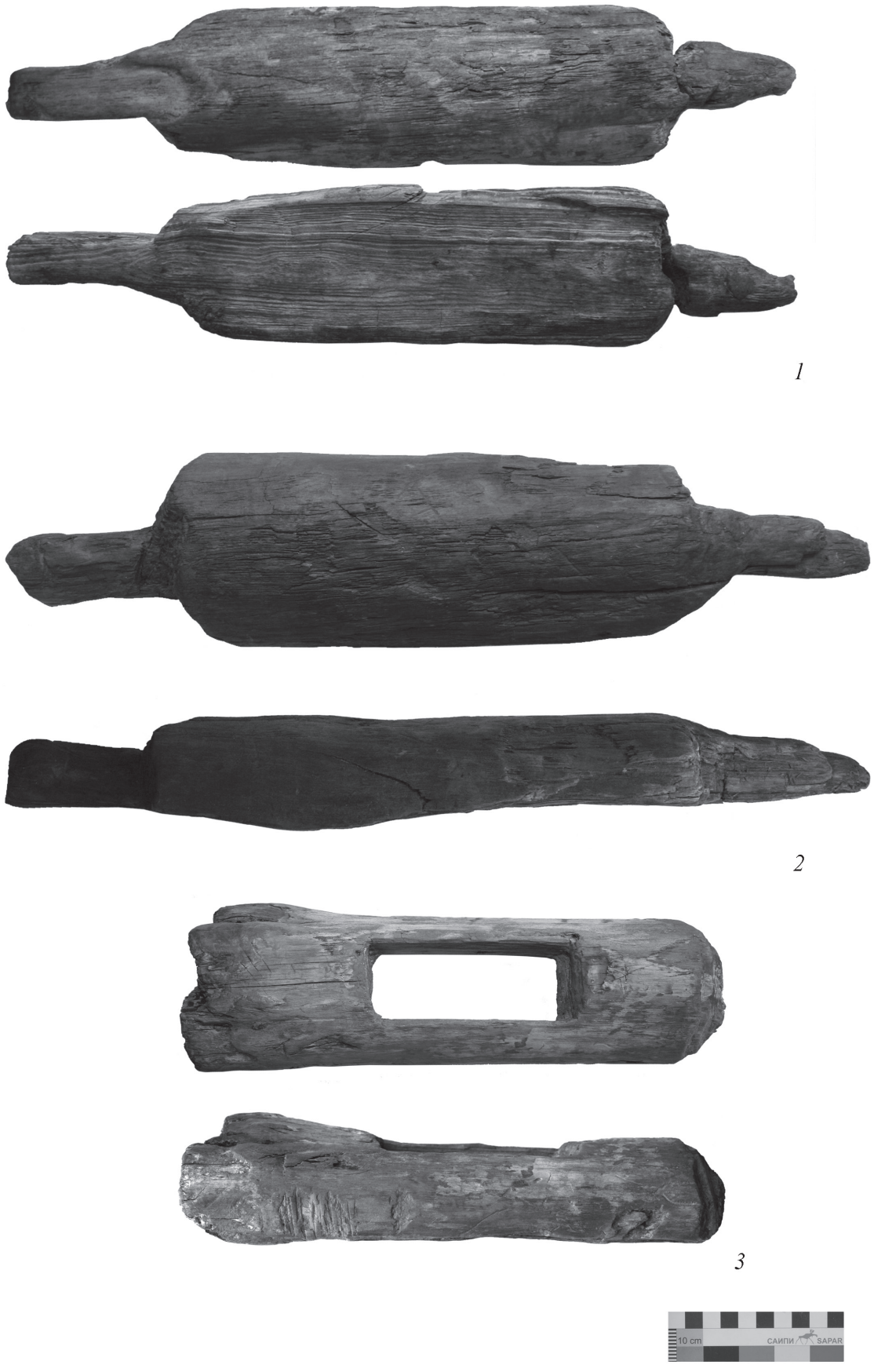
Резюме. В статье дается характеристика редких для Южного Урала деревянных изделий бронзового века. Предметы были обнаружены в разновременных колодцах (синташтинский и срубно-алакульский периоды). Определить их функциональное назначение оказалось крайне сложной задачей по ряду причин: отсутствие следов использования на поверхностях изделий, что не позволяет установить их предназначение; отсутствие каких-либо аналогий как на археологических памятниках, так и в этнографии народов Сибири. Лишь с большой долей вероятности можно рассуждать о назначении изученных деревянных изделий.

Деревянные предметы, несмотря на их редкость, служат таким же источником, как и каменные, костяные, керамические и металлические артефакты. Деревообработка возникла еще в каменном веке, о чем свидетельствуют находки деревянных изделий и орудий для их обработки (топоры, тесла, долота) (Мыльников, 2011, С. 9; Семенов, Коробкова, 1983. С. 68–69). Максимальное время сохранности деревянных предметов в земле обеспечивают особые условия, когда соблюдается относительный баланс температуры и влажности, исключен доступ воздуха и продуктов гниения. Подобные условия создаются в таких закрытых объектах, как торфяники, ледники, колодцы (Мыльников, 2011. С. 3). Для территории Южного Урала сохранность древесных материалов обеспечивают только колодцы.

Международные междисциплинарные исследования укрепленного поселения Каменный Амбар (Ольгино) показали неоднократность его заселения. В результате синташтинские объекты оказались сильно повреждены более поздними, срубно-алакульскими постройками (Корякова и др., 2011; Koryakova, Krause, 2013. P. 15–16). В ходе раскопок, проведенных в северо-восточной части памятника, были полностью раскопаны две синташтинские постройки (№ 1 и 2), срубно-алакульская постройка (№ 3) и часть еще одной синташинской постройки (№ 7). Интерьеры сооружений 2 и 7 оказались уничтожены более поздними объектами, которые не разрушили ранние колодцы. Только в наименее пострадавшей сравнительно небольшой по площади постройке 1 было выявлено два колодца. В постройке 2 обнаружено 11 таких объектов, в раскопанной части постройки 7 – 4 объекта. Один колодец относился к постройке 3 (Епимахов, Берсенева, 2012. С. 164–165).

В половине исследованных колодцев сохранились деревянные опалубки, в основном с плетневой конструкцией (колодцы 2/1, 2/1а, 2/5, 2/8, 2/9, 7/1 и, вероятно, 7/4) (Епимахов, Берсенева, 2012. С. 165). Находки в колодцах немногочисленны, но уникальны, поскольку впервые на поселении бронзового века Южного Урала найдены деревянные изделия. Все предметы были подвергнуты длительному процессу консервации.

В придонном заполнении двух колодцев, синташтинском 2/9 и срубно-алакульском 3/1, обнаружено три деревянных изделия. Два предмета – из позднего колодца, их форма в плане напоминает скалку (см. *рисунок*, *1, 2*).



Деревянные предметы. *1, 2* – изделия, форма которых в плане напоминает скалку; *3* – изделие со сквозным прямоугольным отверстием в центре.

Они были изготовлены из молодых, продольно расколотых стволов деревьев. Размеры артефактов: длина – 47,3 и 44,7 см; ширина – 9–10 и 3,4–3,6 см; толщина – 4,8–5,9 и 3,8 см. С торцов изделий вырезаны ручки, удобно помещающиеся в руки. Длина рукоятей – 8,5, 10 см и 8,8, 7,7 см.

Еще одно изделие, из синташтинского колодца, было изготовлено из ствола дерева, предположительно имевшего диаметр 10–12 см (см. *рисунок*, *3*). С одного торца ствола видны следы подрубания топором. Видимо, после этого ствол был расщеплен на две части. В центре было, скорее всего, вырезано сквозное прямоугольное отверстие длиной 11 см, шириной 4,8 см. Длинные стороны отверстия скруглены. На одной из коротких сторон видна наметка от разметки. Сбоку на выпуклой поверхности виден, предположительно, элемент орнаментации в виде линии. На внутреннем крае этой линии имеются небольшие, плохо заметные засечки. На той же стороне, ближе к противоположному торцу, видны достаточно глубокие засечки, предположительно от металлического орудия. На относительно ровной плоскости видны неглубокие засечки от металлического лезвия длиной от 0,4 до 1,5 см.

Определение функционального назначения описанных изделий затруднено из-за их плохой сохранности и практически полного отсутствия следов использования на их поверхности. Поиски каких-либо аналогий как на археологических памятниках, так и в этнографии народов Сибири не дали результатов. Можно лишь с долей условности предположить, что предметы в форме скалки были задействованы в кожевенном производстве для размягчения или растягивания шкур. Артефакт с прямоугольным отверстием в центре, возможно, был частью какой-то конструкции.

В заключение можно сказать, что изученные деревянные предметы были изготовлены человеком, обладавшим хорошим опытом деревообработки. Установлено, что орудия, которыми обрабатывали изделия, – это топор и нож. Видимо, лишь дальнейший поиск аналогий в этнографической литературе по разным регионам мира позволит понять их функциональное назначение. Кроме того, дальнейшее изучение плах и колов из колодцев позволит дополнить информацию об орудиях и приемах обработки дерева в бронзовом веке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Епимахов А.В., Берсенева Н.А. Традиция сооружения колодцев в аридной части Северной Евразии в эпоху бронзы // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 2. СПб.: Периферия, 2012. 584 с.

Корякова Л.Н., Краузе Р., Епимахов А.В., Шарапова С.В., Пантелеева С.Е., Берсенева Н.А., Форнасье Й., Кайзер Э., Молчанов И.В., Чечушков И.В. Археологическое исследование укрепленного поселения Каменный Амбар (Ольгино) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 4 (48). С. 61–74.

Мыльников В.П. Резьба по дереву в скифское время. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. 188 с.

Семенов С.А., Коробкова Г.Ф. Технология древнейших производств: Мезолит–Энеолит. Л.: Наука, 1983. 255 с.

Koryakova L.N., Krause R. General remarks of multidisciplinary research in the Kamennayi Ambar microregion on the first phase of the project // Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia) / Eds R. Krause, L.N. Koryakova. Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt, 2013. P. 1–21. (Frankfurter Archäologische Schriften; 23).

РАЗГРАБЛЕНИЕ МОГИЛ КАК КОММУНИКАТИВНЫЙ МЕСЕДЖ

© 2014 г. В.А. Новоженов

Сарыаркинский археологический институт при Карагандинском государственном университете им. акад. Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан (vnovozhenov@gmail.com)

***Ключевые слова*:** бронзовый век, каналы коммуникации, алакульский этап, андроновская культурно-историческая общность, петровская, синташтинская культуры.

Резюме. Процесс разграбления и намеренного разрушения могил представляется конфликтом разных коммуникативных систем, описывающих иную собственную идентичность отдельных групп населения. Его природа кроется скорее не в этнических либо культурных, а в социально-клановых отличиях и конфликтах (материальное неравенство кланов или кровная вражда между семьями и др.). Последние в свою очередь выражают черты собственной идентичности каждой отдельной такой социальной группы и являются индикатором их социального положения.

Бронзовый век представляется эпохой, в которую в Старом Свете произошла глобализация: самые передовые инновации, изобретенные в Месопотамии, быстро распространились на огромных территориях (Childe, 1954; Wallerstein, 1976; Kristiansen, 2007; Черных, 2009; Епимахов, 2012). В это время сложились каналы коммуникации, посредством которых изобретения распространялись в отдаленные регионы (Новоженов, 2012).

Установлено крайне слабое развитие земледелия в эпоху бронзы в евразийской степи (Бочкарев, 2012). Мобильный характер хозяйства определял многочисленные переселения и смешение носителей степных археологических культур. В результате возникала культурная непрерывность («степной синдром»): подчас соседние культуры столь слабо различаются друг от друга в типологическом отношении, что неясно, где кончается одна из них и начинается другая (Черных, 2009). Наряду с импортом вещей происходило распространение «транскультурных» инноваций – новых технологий, идей, выразившихся в определенных культурных, изобразительных, погребальных, мегалитических традициях и ритуалах, носителями которых выступали мобильные кланы животноводов.

Пожалуй, основной задачей коммуникации, которую решали эти социумы, стала проблема самоидентификации по принципу «свой – чужой». Примеры этому известны: знаковый код костюма, особенности погребального обряда, отличающие один социум от другого, и др. Совокупность таких признаков в комплексе с артефактами позволяет выделять археологическую культуру. Вещи, окружавшие первых номадов в древности, связаны между собой единой повествовательной структурой (Акишев, 1984; Jacobson, 1988. P. 223–229). Наиболее ярко она проявилась в погребальном обряде, например пазырыкской культуры, и подтверждается письменными источниками – в описаниях скифских обычаев у Геродота. Однако обычно существующие археологические методы не позволяют зафиксировать такие повествовательные структуры, так как многие предметы просто не сохраняются в земле, в том числе из-за разграбления в древности.

Когда человек кладет на могилу груду камней или возводит погребальный памятник, он идентифицирует принадлежность к своему социуму, выражает чувства и отношение к покойному, сохраняет память о нем и мотивирован на то, чтобы выполнить подобающие обряды. Так формируется коммуникативное послание для разных целевых групп: «я свой» – для загробного мира, «здесь моих близких

могила» – для живых, «чужие здесь не ходят» – для посторонних.

Регулярно археологи сталкиваются со случаями древнего грабежа более ранних могил. Видимо, это не только способ «поживиться» за чужой счет, а конфликт коммуникативных систем, одна из которых стремится уничтожить или оригинально использовать в своих целях все видимые следы «чужой» системы.

Так, существовала развитая система коммуникаций Бактрийско-Маргианского археологического комплекса, в основе которых лежали поставки лазурита в разные регионы Ближнего Востока (Бактри, 2012). Имеется ряд прямых аналогий гонурским материалам в находках Телль Эль-Даб'а / города Аварис – столицы гиксосов, правивших в 1638–1550 гг. до н.э. Кризис Среднего царства начался примерно в 1805 г. до н.э. (Ryholt, 1997), когда гиксосы осели в Нижнем Египте и основали собственную династию. К концу их владычества страна окончательно распалась. В это время в Фивах, на юге, на троне оставались египтяне. Экспедиция Пенсильванского университета обнаружила в Абидосе два саркофага фараонов местной династии, «независимой» от севера и юга (Wegner, 2006. P. 15–22). Последние «владельцы» этих гробниц разграбили могилы предшественников и позаимствовали их саркофаги. Видимо, «бедные» фараоны не только использовали инвентарь состоятельных ранних правителей, но и поменяли обряд погребения как знак собственного могущества, социального равенства и даже превосходства над их более успешными предшественниками (Wegner, 2006. P. 2–32).

Другой пример происходит из мира андроновских древностей (рис. 1; 2). В 2012 г. на могильнике Карагайлы-3, в 120 км от г. Астаны, автором раскопана «восьмеркообразная» ограда круга алакульских памятников (нуртайский этап) (Ткачев, 2002; Усманова, 2005, 2010; Кузьмина, 2008; Досымбаева, Нускабай, 2012). Находки фрагментов керамики раннего облика позволяют предполагать и более раннюю датировку самого памятника. Среди особенностей погребального обряда отметим следующие:

– к основной ограде пристроена более маленькая по размеру оградка. Обнаруженные в могилах материалы и их расхищение не позволяют достоверно подтвердить синхронность их возведения, но можно предполагать их синхронное строительство в пределах по крайней мере одного поколения;

– стандартно над северо-восточным углом могилы возводился жертвенник, в котором приносили в жертву пару животных (их частей, нижних конечностей и обязательно голов), два керамических сосуда (один из них установлен вверх дном, и под ним находилась голова или челюсти более молодого (?) животного);

– могилы ограблены в древности, о чем свидетельствуют зафиксированные грабительские ямы, разбитые фрагменты керамики и анатомически целые части человеческих костяков, зафиксированные в разных местах на дне могил.

Существует множество доказательств в пользу долговременного существования степных погребальных памятников эпохи бронзы в Евразии. Известны многочисленные пристройки к андроновским оградам и целые некрополи семейного типа из 20 и более могил взрослых и подростков, окруженных одной оградкой из вкопанных на ребро плит или состоящих из нескольких пристроек-оград, включая «восьмеркообразные»: Ташик, Сатан, Нуркен и др. в Сарыарке и Притоболье (Потемкина, 1985; Евдокимов, 2001; Евдокимов, Варфоломеев, 2002; Кузьмина, 2008). Детские погребения (с грудного возраста) помещались за пределы оградок, а жертвенники – внутри и снаружи (Ташик на р. Ащису, могильник Сатан в Центральном Казахстане).

Это позволяет рассматривать каждый такой степной погребальный комплекс как «храм» под открытым небом, в котором совершались долговременные, скорее всего семейные (клановые) погребальные обряды, о предназначении которых мы можем только догадываться по остаткам жертвенной пищи, ритуальным конструкциям и поминальным кострам. Скорее всего, степные некрополи (отдельные ограды) – это родовые погребальные сооружения на манер семейных склепов. Проводившиеся в них поминальные обряды отражают идентичность конкретной патриархальной семьи и могут иметь собственные этнокультурные и социальные особенности.

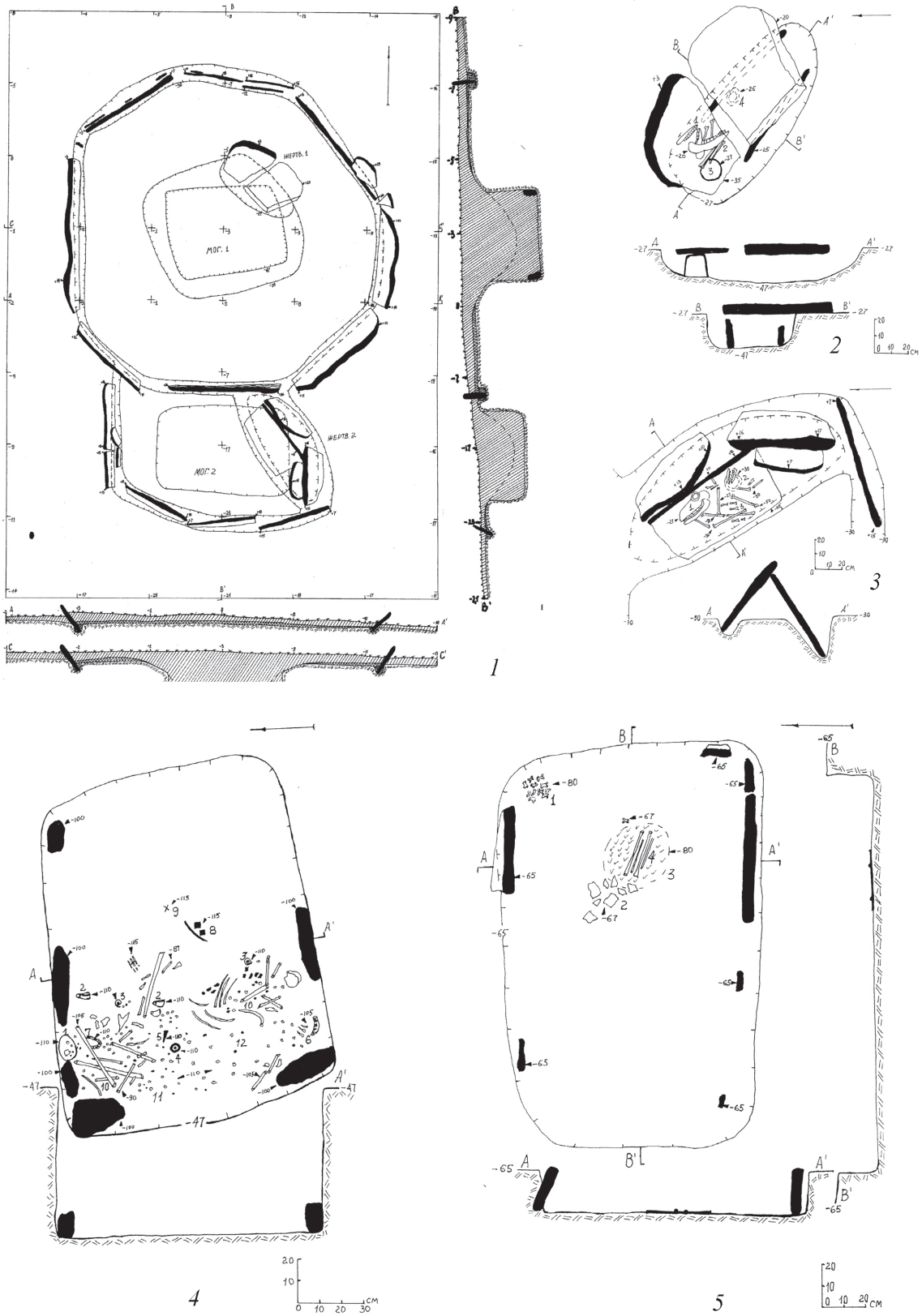


Рис. 1. Могильник Карагайлы-3. *1* – ограда 1; *2* – жертвенник 1; *3* – мог. 1; *4* – жертвенник 2; *5* – мог. 2.

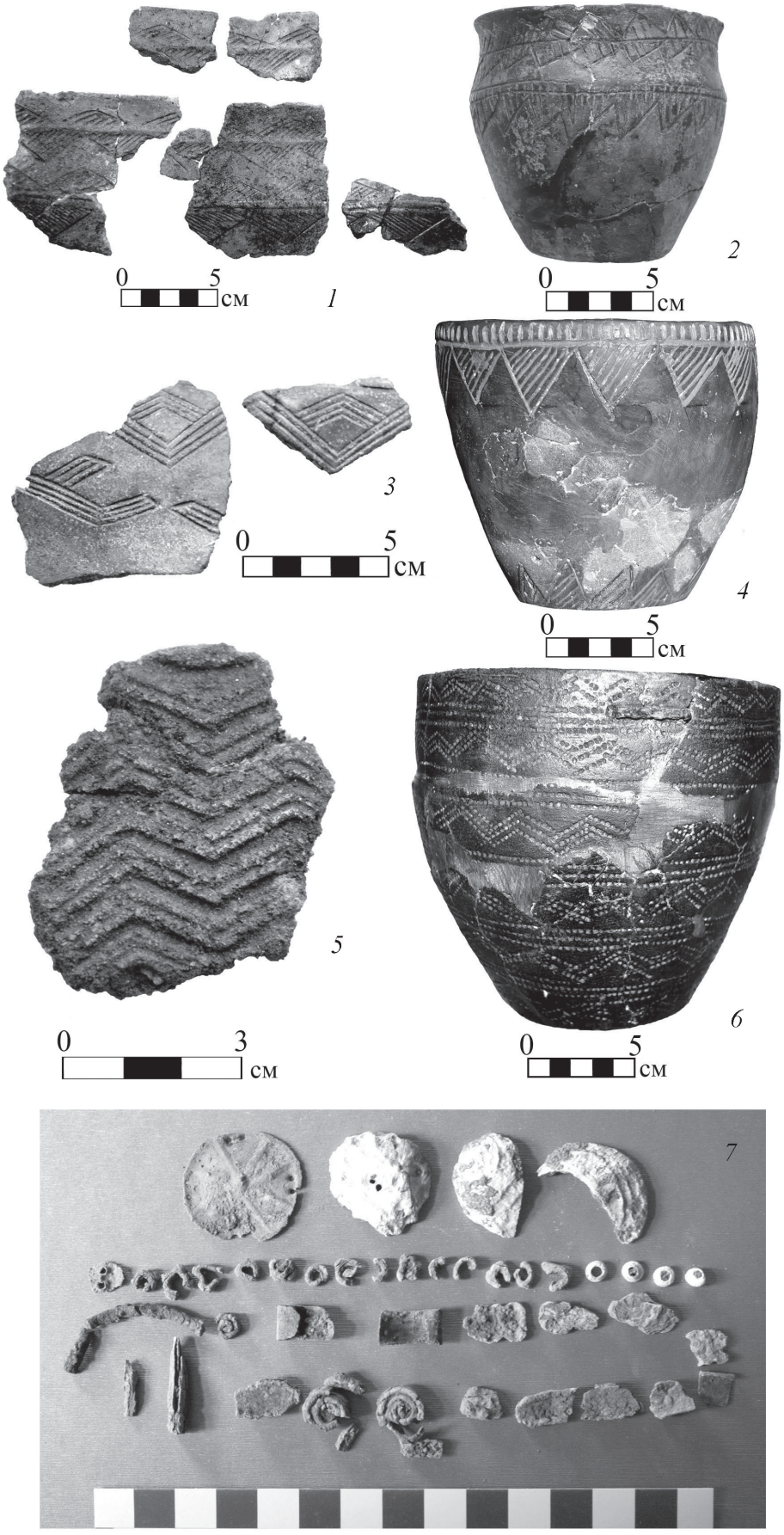


Рис 2. Могильник Карагайлы-3, ограда 1. Находки. *1, 6* – жертвенник 1; *2, 4* – жертвенник 2; *3* – мог. 2; *5, 7* – мог. 1 (керамика, бронза, раковины, паста).

Определенное сходство в конструкции карагайлинских жертвенников (Карагайлы-3) наблюдается с ритуальными комплексами, открытыми в Синташте (Генинг В.Ф., Зданович, Генинг В.В., 1992. С. 234–236. Рис. 129–130). Первые также расположены на краю могильной ямы и устроены в строго фиксированном месте, указывающем на астрономическую точку, вероятно, место восхода солнца в период весеннего равноденствия (Потемкина, 2012. С. 78–95). Возможно истоки весеннего древнеиранского праздника Наурыз, уходят своими корнями в ритуалы андроновских племен (Кузьмина, 1994, 2008). Четко фиксируется элемент погребального обряда – возведение определенной конструкции жертвенника и совершение особого ритуала с принесением в жертву двух животных либо их частей по принципу *pars pro toto* и обязательно – их голов. Важное ритуальное значение перевернутого сосуда подчеркнуто тем, что в первом жертвеннике использован горшок архаического облика и отремонтированный, вероятно, из-за его значимости, бронзовой скобой (рис. 2, *б*).

Судя по нашим полевым стратиграфическим наблюдениям, этот поминальный ритуал совершался на древней дневной поверхности; место действия обозначалось вертикально вкопанными на ребро плитами, но уже после совершения самого погребения. Возможно, что этот жертвенник продолжал функционировать как ритуальный объект еще какой-то весьма продолжительный период времени.

Сохранившиеся в ограде *in situ* оба жертвенника в отличие от разграбленных могил позволяют установить последовательность их разграбления. Расхищение их произошло только после возведения, использования и перекрытия жертвенника плитами и совершения всех необходимых на данный момент погребальных и поминальных обрядов. При этом на дне обеих могил зафиксированы в относительном анатомическом порядке отдельные фрагменты тел погребенных: голова, ноги, ладонь с фалангами пальцев. Последнее позволяет предположить, что момент расхищения могил наступил уже после значительного разложения трупа погребенных, когда можно было легко отделить эти части от остального тела человека.

Можно предполагать и намеренное содержание погребенных в открытой могильной яме или где-то еще, в специальных местах, на манер обряда зороастрийцев, когда тело умершего выставлялось на продолжительное время на съедение птицам, а затем погребалось все, что после этого осталось в разрозненном состоянии. Известны случаи намеренного расчленения тел и человеческих жертвоприношений в материалах синташтинской и петровской культур (Генинг В.Ф., Зданович, Генинг В.В., 1992. С. 378–380).

Однако наличие большого числа бусин в перемешанном состоянии и концентрация находок в определенных частях могил: в первой – исключительно в западной половине, а во второй – только в восточной, выявленные грабительские перекопы в свободных от находок противоположных половинах могил, разрушения конструкции свидетельствуют о разграблении именно полуистлевшего тела погребенных и сбрасывании не нужных грабителям предметов вместе с частями тел умерших, остатками их одежды в противоположную от грабительской ямы часть могилы. Примечательно, что некоторые ценные вещи из металла – бронзовые бусины, браслеты, бляшка, шило, пронизки, украшения при этом сохранились в могиле. Погребальная посуда из могил намеренно разбита, унесена или выброшена (сохранилось несколько фрагментов).

Разграбление и намеренное разрушение могил представляется конфликтом разных коммуникативных систем, описывающих иную собственную идентичность отдельных групп населения. Природа этого явления кроется скорее не в этнических и культурных, а в социально-клановых отличиях и конфликтах (материальное неравенство кланов, кровная вражда между семьями). Они в свою очередь выражают черты собственной идентичности каждой отдельной такой группы, являются индикатором их социального положения. Для животноводческих и смешанных обществ такая идентичность – способ выживания и саморазвития, своя собственная самодостаточная Вселенная со своими порядками, правами и законами.

Вероятно, имущественный фактор при разграблении степных могил имел меньшее зна-

чение, чем социальный и коммуникативный. Об этом свидетельствует тотальное расхищение андроновских могил в древности, в которых многие ценные предметы из металлов и даже оружие сохранялись, а керамическая посуда намеренно разбивалась. Расхитителям важнее было обозначить факт самого такого действия – разрушения коммуникативной системы, чем получить только ценные вещи из могил (хотя материальный фактор всегда имел существенное значение).

Важно отличать варианты погребального обряда, принимаемые за ограбление: 1) кенотаф (в том числе ложный); 2) расчленение по обряду «зорооастризма» и погребение части (*pars pro toto*); 3) трупосожжение в составе погребального обряда. Временной фактор также имеет место быть – имеется в виду очень длительное существование в степной зоне Евразии некрополей как долговременных храмов под открытым небом, в которых регулярно проводились ритуалы поминовения, подхоронения вновь умерших, на манер родовых (кланово-семейных) склепов. В какой мере выделенные степные археологические культуры способны отражать такие изменения на социальном уровне? Феномен кочевых культур частично отвечает на этот вопрос.

Ярче всего конфликт коммуникативных систем проявляется во время и как следствие батальных, спорных ситуаций, когда происходит замена одной коммуникативной системы идентификации на другую – свою собственную, происходит замена всех видимых и невидимых (мифологических) доминант-знаков погребального обряда и как следствие – то, что мы называем ограблением могилы. Анализ динамики изменений, фиксируемых археологами, таких знаков позволит реконструировать некие коды идентификации и социальной дифференциации определенных социальных групп. В какой степени это возможно зафиксировать современными археологическими методами – вопрос будущих специальных исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акишев А.К. Искусство и мифология саков. Алма-Ата: Гылым, 1984. 84 с.

Бактри абу А.-Х. Были ли гиксосы в Средней Азии? Телль Эль-Даб'а и Гонур-депе (торговые центры бронзового века в Древнем Египте и в Центральной Азии) // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Т. 2. СПб.: ИИМК РАН, 2012. С. 267–271.

Бочкарев В.С. О некоторых характерных чертах эпохи бронзы Восточной Европы // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Т. 2. СПб.: ИИМК РАН, 2012. С. 13–24.

Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В. Синташта. Археологический памятник арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск: Южно-Урал. кн. изд-во, 1992. 407 с.

Досымбаева А.М., Нускабай А. Тюркский археолого-этнографический комплекс Кумай. Астана: Тюрк мираси, 2012. 146 с.

Евдокимов В.В. Эпоха бронзы степей Центрального и Северного Казахстана: Автореф. дис. … д-ра ист. наук. Алматы: ИА МОН РК, 2001. 36 с.

Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В. Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана. Караганда: КарГУ, 2002. 138 с.

Епимахов А.В. К оценке свидетельств дальних связей в эпоху палеометалла // Вестник Челябинского гос. университета. 2012. № 34 (288). История. Вып. 53. С. 5–9.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: Рос. ин-т культурологии РАН и МК РФ, 1994. 364 с.

Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. Актобе: Принт А, 2008. 360 с.

Новоженов В.А. Чудо коммуникации и древнейший колесный транспорт Евразии / Под ред. Е.Е. Кузминой. М.: Таус, 2012. 500 с.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М.: Наука, 1985. 374 с.

Потемкина Т.М. Пространственная и временная организация ритуального комплекса Телеутский Взвоз I (археоастрономический аспект) // Методика исследования культовых комплексов / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Пять плюс, 2012. 144 с.

Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Ч. 1–2. Тюмень: Изд-во Ин-та нефти и газа, 2002. Ч. 1 – 288с.; Ч. 2 – 242 с.

Усманова Э.Р. Могильник Лисаковский. Караганда; Лисаковск: Taimas, 2005. 482 с.

Усманова Э.Р. Костюм женщины эпохи бронзы Казахстана. Опыт реконструкций. Караганда; Лисаковск: Tengri, 2010. 176 с.

Черных Е.Н. Степной пояс Евразии: Феномен кочевых культур. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 624 с.

Childe V.G. The Diffusion of Wheeled Vehicles // Ethnographisch-archaeologische Forschungen. 1954. T. 2. S. 1–17.

Jacobson E. Beyond the frontier. A reconsideration of Cultural Interchange Between China and Early Nomads // Early China. 1988. № 13. P. 201–240.

Kristiansen K. Eurasian Transformations: Mobility, Ecological Change, and Transmission of Social Institutions in the Third Millennium and Early Second Millennium B.C. // The World System and the Earth System / Eds A. Hornbord, C.L. Crumley. Walnut Creek (CA): Left Coast Books, 2007. P. 149–162.

Ryholt K. The Political Situation in Egypt during the Second Intermediate Period c. 1800–1550 B.C. Copenhagen: Museum Tusculanum Press, 1997. 463 p. (CNI Publications; 20).

Wallerstein I. A World-System. Perspective on the Social Sciences // British J. of Sociology. 1976. № 27 (3). P. 343–352.

Wegner J. Beneath the Mountains of Anubis. Ancient Egypt's first hidden Royal Tomb // Penn Museum [Electronic resource]. Mode of access: www.penn.museum.edu/expedition-magazine/.

«ОГРАБЛЕНИЕ» МОГИЛ В КУЛЬТУРАХ ЭПОХИ БРОНЗЫ СТЕПНОЙ И ЛЕСОСТЕПНОЙ ЕВРАЗИИ

© 2014 г. В.А. Подобед, А.Н. Усачук, В.В. Цимиданов

Донецкий областной краеведческий музей, Донецк, Украина
(doold@mail.ru)

Ключевые слова: погребения, «ограбление», срубная культурно-историческая общность, ритуал.

Резюме. На основании исследования больших серий разрушенных погребений различных территориальных групп памятников срубной культурно-исторической общности показано, что причины их преднамеренного разрушения могут быть достаточно разнообразными и не сводятся, как это чаще всего предполагается исследователями, к банальному ограблению. В частности, выделяется несколько типических ситуаций или способов обращения с человеческими останками и сопровождающим инвентарем в разрушенных погребениях. Высказываются соображения о практике ритуальных разрушений могил.

В ряде культур бронзового века (среднедонской катакомбной, синташтинской, петровской, срубной, алакульской, федоровской, белозерской и др.) встречаются погребения, «ограбленные» в древности. С конца прошлого века интерес к ним очень возрос. Многие исследователи усомнились в том, что «грабители» руководствовались исключительно соображениями наживы, и стали допускать ритуальный характер вскрытия могил (Корочкова, Стефанов, 1999; Нелин, 2001; Усманова, 2002. С. 134; Скарбовенко, 2006. С. 26; Усманова и др., 2006. С. 72–77; Папин, Попова, 2008. С. 125; Исмагил, Морозов, Чаплыгин, 2009. С. 109; Мимоход, 2009. С. 26; Агульников, 2010. С. 185). Действительно, некоторые захоронения иллюстрируют данную гипотезу довольно ярко. Так, погребение 12 кургана 25 Большекараганского могильника, Челябинская обл. (синташтинская культура) было «ограблено», когда погребальную камеру еще не заполнил грунт. При этом «грабители» хорошо знали, где находится захоронение. Они удалили из могилы верхнюю часть костяка А (женщина 18–21 года)[1]. Что из вещей эти люди унесли с собой, неизвестно, но во вся-

1 Если допустить, что «грабителей» интересовали лишь материальные ценности, данная операция окажется бессмысленной.

ком случае они не взяли массивное бронзовое долото (Зданович, 2002. С. 54, 56–57). Словом, в данном случае мы имеем дело не с банальным грабежом.

На наш взгляд, судить о мотивах, побуждавших людей эпохи бронзы проникать в могилы, следует не вообще, а применительно к конкретным культурам, ибо в разных обществах эти мотивы могли существенно разниться. Рассмотрим данную проблему на материалах срубной культуры. Они тем более интересны, что в срубных захоронениях весьма редко встречаются изделия, которые по тем временам могли иметь значительную материальную ценность (например, металлические предметы) и соответственно порождать соблазн добыть их. Всего нами было учтено 97 погребений, которые с той или иной долей вероятности можно считать «ограбленными» через небольшой временной интервал после похорон[2]. При выделении данных погребений мы руководствовались рядом критериев, основные из которых следующие: 1. Некоторые кости разрушенного скелета находятся в сочленении, т.е. проникновение в могилу происходило тогда, когда мягкие ткани еще не полностью истлели; 2. «Грабительский» лаз попал точно на погребение, и следовательно лица, решившие забраться в могилу, знали, где она находится; 3. «Ограблению» подверглось захоронение, по каким-то признакам существенно отличавшееся от синхронных ему погребений данного кургана (т.е. «грабители» действовали не наугад); 4. Комплекс демонстрирует следы манипуляций, которые едва ли стали бы совершать грабители более поздних эпох (останки покойника целиком или частично были удалены из могилы; кости умершего были преднамеренно изломаны или сложены в определенной системе).

Разрушенные погребения распространены по всей территории срубной культурно-исторической общности от Зауралья на востоке до Поднепровья на западе. Вместе с тем частота их встречаемости падает с востока на запад. Так, на Южном Урале такие погребения составляли 4,1% от 988 учтенных нами. При этом наивысший показатель демонстрируют курганы Челябинской обл. – 15,2%. В Среднем Поволжье были разрушены 2,3% захоронений от 1131 учтенного, в Нижнем Поволжье – 0,8% от 1049, в Верхнем и Среднем Подонье – 1,7% от 645, в Нижнем Подонье – 0,3% от 646. Наконец, на территории к западу от Подонья к разрушенным погребениям можно отнести лишь 0,2% от 3792 учтенных. Правда, в пределах данной территории довольно высокие показатели демонстрируют комплексы Днепровско-Молочанского междуречья и Крыма – по 0,9%.

Обычно в кургане находилось одно разрушенное погребение, даже если в нем присутствовали и другие захоронения. Такая ситуация имела место в 52 из 66 учтенных курганов с разрушенными погребениями. Лишь в 14 случаях в кургане выявлено 2 и более (до 5) разрушенных погребений. При этом данные случаи демонстрируют повышенную частоту встречаемости в Челябинской обл. Здесь 7 из 15 курганов (46,7%) содержали более одного разрушенного погребения[3]. Добавим, что только в этом регионе нам известны курганы, где находилось четыре или пять разрушенных погребений. Диаметрально противоположна картина на территории к западу от Подонья. Здесь лишь в одном из восьми рассматриваемых курганов присутствовало более одного разрушенного погребения.

Лица, могилы которых подверглись разрушению, в подавляющем большинстве были взрослыми. Лишь один из них был ребенком и трое – подростками. Среди взрослых зафиксированы как мужчины (10 случаев), в том числе 25, 25–35, 35–40, 35–45 (2 случая), 40–45, 40–50 (2), 50–55 (2) лет, так и женщины (5 случаев), в том числе 20–30, 25–35 и 35–45 лет. Еще один погребенный был «трансвеститом» (Степановка III, 2/5, Самарская обл.) (Подобед, Усачук, Цимиданов, 2013. С. 459).

Бросается в глаза то, что среди разрушенных погребений преобладают комплексы, демонстрирующие знаки высокого ранга погребенных: индивидуальные курганы и досыпки,

2 Данные погребения корректнее называть не «ограбленными» (данный термин вызывает вполне конкретные ассоциации), а «разрушенными», что звучит нейтрально.

3 Показатель по Нижнему Подонью еще выше (100%), но он статистически недостоверен, так как на данной территории нам известен только один курган из рассматриваемой серии, и он содержал два разрушенных погребения.

большие размеры могильных ям (2–16 м^2), сложные могильные сооружения и др. Лишь в курганах Челябинской обл. соотношение захоронений лиц высокого и низкого ранга составляет в массиве разрушенных погребений 50:50 (%). На остальной территории оно имеет вид соотношения 83,6:16,4 (%), причем к западу от Подонья все разрушенные погребения социально неординарны. Поскольку в погребениях взрослых и особенно взрослых высокого ранга значительно чаще, чем в захоронениях детей, подростков и взрослых низкого ранга, встречаются изделия из металла, собранные нами материалы, казалось бы, свидетельствуют о том, что могилы разрывались ради добывания материальных ценностей. Учтем, однако, следующее.

Во многих случаях, вскрыв могилу, люди нарушали целостность скелета. При этом создается впечатление, что некоторые манипуляции были «нормированы», поскольку они повторялись, причем это фиксируют комплексы, которые разделяют сотни километров. Так, в 40 случаях кости погребенного находились в заполнении ямы вперемешку с грунтом, т.е. сначала останки покойника были извлечены из могилы, а затем в процессе закапывания ямы их вновь захоронили. В 15 случаях в могиле вообще отсутствовали кости или их число минимально. Следовательно, останки умершего намеренно удалили из могилы[4]. В 15 случаях кости были разбросаны по дну. В 15 комплексах останки погребенного были смещены к стенкам или в углы. В 13 захоронениях отсутствовали черепа. В 12 случаях кости были фрагментированы, т.е. велика вероятность того, что их намеренно ломали. В пяти случаях была извлечена из могилы или целенаправленно разрушена верхняя часть скелета покойника, при том что кости таза и конечностей остались *in situ*. При нарушении пяти погребений участники данного акта сложили некоторые длинные кости пучками. Добавим, что в двух из этих случаев они прислонили данные пучки к стенкам могилы. На наш взгляд, большинство перечисленных действий вряд ли стали бы совершать люди, проникшие в могилу исключительно с целью наживы.

Итак, правомерно допустить, что многие разрушенные погребения были разрушены с ритуальной целью. Обращение к этнографическим и фольклорным материалам позволяет найти объяснение большинству описанных выше манипуляций. В частности, у многих народов имела место практика вскрытия могил покойников, считавшихся магически опасными, для того, чтобы нарушить целостность останков мертвецов и тем самым обезвредить их. В свете данной объяснительной модели понятно, почему в большинстве разрушенных погребениях кости размещались беспорядочно. Отсутствие в таких погребениях части костей, особенно черепов, может быть связано с распространенной практикой использования частей покойников в качестве обрядовых атрибутов. «Тотальное» разрушение могил (примером могут служить могильники Система-1, 2 и 4, Челябинская обл., где практически все захоронения взрослых оказались «ограбленными») (Костюков, Алаева, 2004. С. 5–40), возможно, происходило после изменения «линии фронта»: вытеснив местных жителей, пришельцы разрушали могилы их предков, чтобы обезопасить себя от мести последних.

4 Правда, если в могиле вообще отсутствовали кости, нельзя исключать того, что «грабители» проникли в кенотаф.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агульников С.М. Некоторые особенности погребального обряда белозерской культуры Северо-Западного Причерноморья // Индоевропейская история в свете новых исследований. М., 2010. С. 183–192.

Зданович Д.Г. Археология кургана 25 Большекараганского могильника // Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Кн. 1. Челябинск, 2002. С. 17–106.

Исмагил Р., Морозов Ю.А., Чаплыгин М.С. Николаевские курганы («Елена») на реке Стерля в Башкортостане. Уфа, 2009. 240 с.

Колотухин В.А., Тощев Г.Н. Курганные древности Крыма. Вып. III. Запорожье, 2000. 245 с.

Корочкова О.Н., Стефанов В.И. О некоторых особенностях погребальной практики населения алакульской культуры в Зауралье // XIV Уральское археологическое совещание. Челябинск, 1999. С. 81–82.

Костюков В.П., Алаева И.П. Курганы эпохи бронзы у станции Система // Вестник Челябинского гос. пед. ун-та. 2004. Серия 1: Исторические науки. № 2. С. 5–56.

Мимоход Р.А. Курганы эпохи бронзы – раннего железного века в Саратовском Поволжье: характеристика и культурно-хронологическая атрибуция комплексов. М.: Таус, 2009. 292 с.

Нелин Д.В. «Ограбление» погребений эпохи бронзы: проблемы интерпретации // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара, 2001. С. 317–321.

Папин Д.В., Попова О.А. К вопросу о соотношении половозрастного статуса умерших с элементами погребального обряда в андроновской культуре Алтая (по материалам могильника Рублево VIII) // VII исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 2008. С. 123–128.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Культ кабана в степной и лесостепной Евразии во II – начале I тыс. до н.э. // Дадалық Еуразияның беғазы-дәндібай мәдениеті. Ж. Құрманқұловтың 65 жылдық мерейтойына арналған ғылыми мақалалар жинағы. Алматы, 2013. С. 453–484.

Скарбовенко В.А. Исследование курганов 5 и 6 // Калиновский I курганный могильник. Самара, 2006. С. 24–41.

Усманова Э.Р. «Мировая гора» и сакральное пространство в андроновском погребальном обряде (по материалам могильника Лисаковский) // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул, 2002. С. 132–135.

Усманова Э.Р., Мерц В.К., Колбина А.В., Вентреска А. О некоторых сюжетах в «тексте» погребального обряда эпохи бронзы (по материалам могильников Лисаковский и Кара-Тумсук) // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Вып. 2. Павлодар, 2006. С. 70–80.

ВРЕМЯ И МЕСТО АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ: К ПРОБЛЕМЕ СООТНОШЕНИЯ АНДРОНОИДНЫХ ДРЕВНОСТЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ

© 2014 г. А.В. Полеводов, О.С. Шерстобитова

Национальный археологический и природный парк «Батаково», Омск
(pole12w@mail.ru; sher-olga1984@mail.ru)

Ключевые слова: эпоха поздней бронзы, Западная Сибирь, Среднее Прииртышье, пахомовская культура, сузгунская культура.

Резюме. Работа посвящена проблеме соотношения пахомовских и сузгунских древностей Среднего Прииртышья и сопредельных территорий. В историографии существуют две противоположные точки зрения на обозначенную проблему. В данной работе авторы попытались изложить свое видение проблемы применительно к памятникам эпохи поздней бронзы Среднего Прииртышья.

Определению специфики культур так называемого андроноидного круга посвящено огромное количество работ. Казалось, к настоящему времени принципиальные моменты в этом вопросе решены, основополагающие концепции приняты и неоднократно подтверждены археологическими материалами. Однако, как выясняется, это не всегда так.

В данной работе мы еще раз хотели бы обратиться к анализу пахомовских и сузгунских комплексов эпохи поздней бронзы Западной Сибири. В историографии сохраняется проблема разграничения сузгунских и пахомовских древностей, что обусловлено высоким сходством их керамических материалов, демонстрирующих влияние традиций андро-

новской культурно-исторической общности. Ярко выраженная близость этим традициям «андроноидных» керамических комплексов памятников типа Черноозерье II, Инберень IV, Пахомовская Пристань позволила исследователям ставить вопрос о хронологическом приоритете этих памятников перед сузгунскими и включать их в особый пахомовско-ордынский культурно-хронологический горизонт, следующий за андроновской эпохой (Корочкова, 1987).

В настоящее время взгляды исследователей на обозначенную проблему сводятся к основным точкам зрения:

1. Пахомовские комплексы рассматриваются в рамках отдельной археологической культуры андроноидного типа;

2. Памятники пахомовского типа представляют собой ранний этап развития андроноидной сузгунской культуры эпохи поздней бронзы.

Наиболее остро эта проблема ощущается при интерпретации материалов Среднего Прииртышья, где выявлен значительный массив андроноидных памятников, часть из которых подчас интерпретируется полярно. Особенно это касается комплексов в лесостепной зоне. Если не обращать внимание на орнаментальные детали, материалы таких памятников вполне могут быть восприняты в качестве синхронных, однородных и соответственно однокультурных.

В настоящее время концепция культурно-хронологической обособленности пахомовских комплексов воспринята большинством исследователей. В круг пахомовских древностей активно включаются андроноидные комплексы Барабы и Тюменского Притоболья, что существенно затрудняет понимание самого феномена памятников пахомовского типа в том виде, в каком они были изначально известны.

В связи с выходом в свет работы О.Н. Корочковой (2010), в которой автор попыталась решить проблему разграничения пахомовских и сузгунских древностей, вновь возникла необходимость обратиться к вопросу соотношения и культурной атрибуции ряда прииртышских памятников.

Как представляется, изначально проблема разграничения пахомовских и сузгунских древностей возникла по ряду причин.

1. Длительное восприятие сузгунской культуры в качестве сугубо «лесной» породило мнение, что лесостепь Среднего Прииртышья в финале эпохи бронзы была занята ирменским населением, а до ирменского – черноозерским и пахомовским (Генинг и др., 1970; Корочкова, 1987). Открытие в лесостепи комплексов, сопоставленных с сузгунскими, пришло в противоречие с принятой культурно-хронологической шкалой позднебронзовых древностей и сделало возможным появление гипотезы о том, что сузгунская культура формировалась одновременно как в лесу, так и в лесостепи (Труфанов, 1990; Полеводов, 2003).

2. Сходство большинства культурно-показательных признаков (в первую очередь в элементах орнамента), выделение внутри обеих культурных традиций «нарядной» и «монотонной» групп посуды привело часть исследователей к мысли о том, что пахомовские памятники представляют собой не отдельное культурное образование XIV–XII вв. до н.э., а ранний этап сузгунской культуры (Полеводов, 2003).

Основной аргумент О.Н. Корочковой в пользу того, что пахомовская культура – это не ранний этап сузгунской, а вполне самостоятельное образование, связан с тезисом, что «любая археологическая культура обладает своим временем» (Корочкова, 2010. С. 85). В качестве пахомовских автор рассматривает все известные позднебронзовые андроноидные комплексы лесостепи и предтайги Прииртышья, а все сузгунские памятники размещает севернее этой территории (Корочкова, 2010. С. 5. Рис. 1). При этом в круг пахомовской культуры оказались включены такие памятники Среднего Иртыша, как городище Калугино I, поселение Алексеевка XXI, могильники Калачевка II, Батаково XXI, в нижнем течении Тары – поселения Прорва и Новочекино-3. В лесостепной зоне известны пахомовские памятники, датировка и культурная принадлежность которых ни у кого не вызывает сомнений (Инберень IV, Черноозерье II и др.), однако даже беглое сравнение материала таких памятников с упомянутыми выше не позволяет рассматривать их в рамках

одного культурного и (тем более) хронологического образования. Среди перечисленных памятников только на Алексеевке XXI выделен небольшой пласт пахомовской посуды – 28,6% от всего комплекса (Татаурова, Полеводов, Труфанов, 1997. С. 170). Похожая ситуация наблюдается на расположенном рядом поселении Алексеевка XIX – 21,6% пахомовской и 78,4% сузгунской посуды при (что немаловажно) практически полном отсутствии ирменского компонента (Татауров, Шерстобитова, 2012).

В свое время, анализируя керамический комплекс поселения Прорва, авторы публикации обнаружили лишь некоторые черты сходства посуды второй группы (12–14%) с пахомовскими комплексами (Евдокимов, Стефанов, 1980. С. 47). «Андроноидный» керамический комплекс городища Калугино I синхронный с представленной там же красноозерской посудой, его исследователи уверено соотнесли с позднесузгунскими древностями (Глушков, Полеводов, Труфанов, 2001). Погребальные комплексы могильника Калачевка II также имеют однозначную хронологическую позицию, обусловленную обнаруженной в могилах серией бронзового инвентаря типично ирменского облика (Труфанов, 1991. Рис. 75). Несмотря на то что в слое поселения Новочекино-3 обнаружено небольшое количество посуды, напоминающей пахомовскую (Молодин, 1985), основной керамический комплекс данного памятника представлен сузгунским материалом, испытавшим значительное влияние ирменской традиции. Как видно из перечисленных фактов, даже на тех памятниках, где зафиксирован пахомовский материал, он нигде не является доминирующим. Более того, очевидное присутствие в ряде памятников материалов, принадлежащих культурам (ирменская, красноозерская), относящимся к иным культурно-хронологическим горизонтам, нежели пахомовско-ордынский, входит в противоречие с декларированным принципом «своего времени». Возникает впечатление, что важнее стал не тезис о своем времени для каждой культуры, а именно территориальный фактор.

Если следовать концепции О.Н. Корочковой, прииртышская лесостепь фактически «лишается» наличия сузгунских памятников, которые, по ее мнению, принадлежат сугубо южнотаежным территориям. Не отрицая факта формирования сузгунской культуры на базе пахомовских древностей, видение этого процесса у исследователя своеобразно: «пахомовская культура – следствие поэтапного и постепенного освоения группами андроновского населения лесостепных районов. Сузгунская культура – результат трансляции достижений андроновской системы жизнеобеспечения на север носителями пахомовской культуры» (Корочкова, 2010. С. 72). Мнение о том, что андроноидные традиции на лесной территории являются пришлыми, не вызывает сомнений. Здесь принципиален другой вопрос: когда именно произошло проникновение этих традиций на север? По мнению исследователя, трансляторами этих традиций были пахомовские группы населения. Если принять данную точку зрения, то резонно предположить, что в южной тайге на памятниках сузгунской культуры должны были обнаружиться, пусть немногочисленные, но явно пахомовские группы посуды. Однако применительно к Среднему Прииртышью, это предположение не подтверждается ни на одном из южнотаежных памятников. При анализе всего позднебронзового материала Среднего Прииртышья создается противоположное впечатление, что как раз пахомовские памятники в «чистом» виде существовали в лесостепи и предтайге относительно недолго, трансформируясь в сузгунские, которые именно на этом этапе развития начали освоение южнотаежных территорий, тогда как в лесостепи практически сразу подверглись ирменскому влиянию, а на территориях, его лишенных, продолжали развиваться самостоятельно, постепенно приобретая ряд черт, характеризующих позднесузгунский этап культуры (Калугино I, Конашовка III и др.).

В своей работе О.Н. Корочкова неоднократно подчеркивает сложность типологического и морфологического разделения пахомовских и сузгунских керамических материалов (Корочкова, 2010. С. 72), что закономерно и объяснимо наличием практически идеальной эволюционной цепочки керамических традиций от наиболее раннего до наиболее позднего времени в пределах существования сузгунской культуры, когда смена

орнаментального «кода» происходила плавно, без резких «скачков». Сложность разграничения обеих традиций проявляется не только по керамическим материалам. Несмотря на наличие обнаруженных захоронений, по сей день невозможно дать четкую характеристику погребальным практикам, присущим собственно пахомовским и сузгунским общинам. Комплексы Притоболья, сопоставляемые с пахомовскими, по мнению тюменских археологов, демонстрируют ориентацию на присваивающие отрасли хозяйства, что опять же не вписывается в концепцию пахомовского «культуртрегерства» и также затрудняет наше понимание критериев разделения обеих традиций.

В этой связи резонен вопрос – по каким критериям все-таки разделяются пахомовские и сузгунские материалы. Не «работает» ни один формальный признак, известный в археологической практике, в то время как лишь совокупность ряда формальных признаков может стать основой для выделения отдельной археологической культуры. Иными словами, до настоящего времени проблему соотношения пахомовских и сузгунских древностей по-прежнему нельзя считать решенной. Возможно, для ее решения потребуются новые данные либо неоднократный пересмотр уже известных материалов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Генинг В.Ф., Гусенцова Т.М., Кондратьев О.М., Стефанов В.И., Трофименко В.С. Периодизация поселений неолита и позднего бронзового века Среднего Прииртышья // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1970. С. 12–51.

Глушков И.Г., Полеводов А.В., Труфанов А.Я. Городище Калугино I на Крутинских Озерах // Материалы по археологии Обь-Иртышья. Сургут: СурГПИ, 2001. С. 71–82.

Евдокимов В.В., Стефанов В.И. Поселение Прорва // Археология Прииртышья. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1980. С. 41–52.

Корочкова О.Н. Предтаежное и южнотаежное Тоболо-Иртышье в эпоху поздней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1987. 26 с.

Корочкова О.Н. Взаимодействие культур в эпоху поздней бронзы (андроноидные древности Тоболо-Иртышья). Екатеринбург: УралЮрИздат, 2010. 104 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.

Полеводов А.В. Сузгунская культура в лесостепи Западной Сибири: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 22 с.

Татауров С.Ф., Шерстобитова О.С. Позднебронзовый комплекс городища Алексеевка XIX: некоторые проблемы изучения и динамики развития сузгунской культуры на территории Среднего Прииртышья // Археолого-этнографические исследования Северной Евразии: от артефактов к прочтению прошлого. К 80-летию С.В. Студзицкой и М.Ф. Косарева. Томск: Аграф-Пресс, 2012. С. 233–242.

Татаурова Л.В., Полеводов А.В., Труфанов А.Я. Алексеевка XXI – памятник эпохи поздней бронзы предтаежного Прииртышья // Археологические микрорайоны Западной Сибири. Омск: ОмГУ, 1997. С. 162–198.

Труфанов А.Я. Культуры эпохи поздней бронзы и переходного времени к железному веку лесостепного Прииртышья: Дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1990. 189 с.

Труфанов А.Я. Ирменский курган могильника Калачевка II // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск: ОмГУ, 1991. С. 72–78.

ХВАЛЫНСКАЯ КУЛЬТУРА: ПРОБЛЕМЫ ЗАПАДНЫХ РУБЕЖЕЙ

© 2014 г. В.В. Потапов

Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону
(potapov_vadim@mail.ru)

Ключевые слова: хвалынская культура, отрадненская культура, богуславско-белозерская культура, Поволжье, Доно-Донецкий регион, Приазовье, валиковая керамика.

Резюме. В работе рассматривается проблема определения западной границы хвалынской («ивановской») культуры и правомерность включения в нее памятников Доно-Донецкого региона и Северного Приазовья. Автор приходит к выводу, что, несмотря на наличие общих черт (валиковая и воротничковая орнаментация, приемы и мотивы орнамента, совпадение форм посуды), многие из них носят надкультурный характер, их география превышает предполагаемый ареал хвалынской культуры валиковой керамики, а их проявление в отдельных регионах отмечено морфологическим и статистическим своеобразием. Погребальный обряд хвалынских памятников Поволжья и Доно-Предкавказья, выделяемых в отрадненскую культуру, заметно отличается. Отрадненская культура наряду с выделенной В.А. Ромашко богуславско-белозерской занимает те регионы, которые предложено включить в западные пределы хвалынской культуры.

Изучение памятников финальной бронзы в степях Подонья, Поволжья и Предкавказья в свое время привело автора к необходимости выделения особой культуры (Потапов, 2005. С. 148). Это обусловило поиск признаков, характеризующих памятники выделяемой культуры, и определения ее границ на фоне соседних культур и групп. В результате была выделена отрадненская культура, соседствующая с инокультурными памятниками (Потапов, 2010. С. 16–17), в том числе хвалынскими. С точки зрения определения границ и культурной атрибуции валиковых памятников Доно-Донецкого региона важной представляется проблема определения западных границ хвалынской культуры валиковой керамики.

По Н.М. Малову, памятники хвалынской культуры представлены небольшими поселками, состоящими из 1–3 углубленных жилищ прямоугольной или квадратной в плане формы с каркасно-столбовой конструкцией. Преобладают горшки с рельефным орнаментом – валиками и воротничками. Выделено два этапа развития культуры. Ранний – срубно-хвалынский (XIII–XII вв. до н.э.), характеризуется преобладанием посуды срубного облика с включениями валиковой и федоровско-бишкульской керамики. На этом этапе происходит оформление хвалынской культуры с участием срубного и федоровского населения. На позднем, кайбельско-танавском этапе (XI–X вв. до н.э.), самым западным памятником названо поселение у хут. Веселый на р. Маныч (Малов, 1987а, б). Керамика раннего этапа близка кайбельско-танавской, но отличается от собственно срубной; в позднехвалынском керамическом комплексе преобладают округлобокие горшки, количество банок сильно уменьшается, исчезают остроребериые сосуды (Изотова, Малов, Слонов, 1993. С. 129–134; Изотова, 1996. С. 41–42). Западные границы хвалынской культуры М.А. Изотова и Н.М. Малов первоначально проводят в районе Северского Донца, относя к ней ряд поселений Подонцовья и лесостепного Подонья, что аргументируется наличием здесь позднехвалынских черт: доминированием горшковидных форм над баночными, высокой долей валиков и воротничков и т.д. (Изотова, Малов, 1992. С. 112)[1]. Однако эти черты (Изотова, Малов, 1992. С. 106–108) обычны для многих культур восточного блока общности культур валиковой керамики. Раз-

1 Позднее М.А. Изотова ограничила ареал хвалынской культуры Нижним Поволжьем (Изотова, 1996).

мытость культурных критериев хвалынской культуры валиковой керамики позволила В.В. Отрощенко усомниться в правомерности ее выделения (Отрощенко, 2002. С. 22).

Развернутая характеристика хвалынской культуры дана Ю.И. Колевым (2008), который предпочитает называть ее «ивановской»[2]. Западная граница культуры[3], по Ю.И. Колеву, проходит по рекам Днепр и Берда (Колев, 2008. С. 220). Но достаточно ли оснований для такого вывода?

Ю.И. Колев относит к хвалынской («ивановской») культуре приазовские и доно-донецкие степные и отчасти лесостепные валиковые поселения и указывает на их отличие от сабатиновских и белозерских (Колев, 2008. С. 210–211)[4]. Валиковая орнаментация появляется на II горизонте приазовских поселений, но только в IV и V горизонтах распространяются иные признаки, позволяющие сопоставлять хвалынскую керамику Поволжья и посуду западных регионов: орнаментация валиков и стенок «косыми крестами» и «косой сеткой», «елочкой», а венчиков – воротничками, и пр. (Горбов, 1992. С. 90–91, 93; 1995. С. 57–58; 1996. С. 17; Потапов, 2010. С. 14). Те же признаки характерны для керамических комплексов Нижнего Дона, синхронных позднейшим горизонтам приазовских поселений (Потапов, 2000б. С. 33–34). Близко и соотношение основных форм посуды (Изотова, Малов, 1992. С. 99, 101; Потапов, 2010. С. 14).

Но свидетельствует ли это об однокультурности поволжских и доно-донецких и приазовских поселений? Во-первых, доминирование горшков при отсутствии банок характерно и для белозерских, кобяковских, нижнедонских и других поселений, т.е. это признак надкультурный. Во-вторых, многие орнаментальные элементы (воротнички, расчлененные валики), использование штампов распространены достаточно широко, например на саргаринской керамике (Зданович, 1984. С. 93–95). Заметны различия в приемах орнаментации. Так, на поволжской позднехвалынской керамике доминирует рельефная орнаментация (Изотова, Малов, 1992. С. 106–107; Изотова, Слонов, 1994. С. 107), валики чаще всего украшались «косыми крестами», «косыми сетками», тогда как на наиболее полно раскопанном поздневаликовом нижнедонском поселении Малаховский Ерик II для углубленной орнаментации эти мотивы составляют менее 12%, а для валиковой – около 7%. На поселениях Нижнего Подонья и Приазовья на стенки и валики чаще всего наносились ряды наклонных зерновидных или штампованных оттисков, насечки и вдавления (Горбов, 1994. С. 71–72; 1995. С. 62–63; 1996. С. 17–19; Кабанова, 1996. С. 45–46). Венчики кайбельско-танавской группы гораздо чаще, чем нижнедонские сосуды, украшались воротничками (до 30%) с подтреугольным или трапециевидным сечением (Изотова, Малов, 1992. С. 107). В Подонье воротнички овальные в сечении, представлены единичными экземплярами (Прокофьев, Потапов, 2000. С. 50. Рис. 3, *4*; Потапов, 2000а. С. 65. Рис. 3, *4, 16*). Трапециевидные воротнички на сосудах зафиксированы среди находок на поселениях у хут. Веселый и Потайновском, орнаментированные отсутствуют вовсе. В Приазовье также получает развитие орнаментация валиков и плечиков «косыми крестами» и «сетками», воротнички овальные и неорнаментированные (Горбов, 1996. С. 17. Рис. 1, *1, 3;* 2, *8, 13, 15*).

Итак, в результате сравнения керамики западных и восточных памятников гипотетического ареала хвалынской культуры становится очевидной общность некоторых приемов орнаментации, а также существенные региональные отличия в степени и формах их применения. Ряд орнаментальных приемов и мотивов выходят за географические рамки хвалынской культуры валиковой керамики, даже при их расширенном понимании.

Против единства хвалынской культуры на широкой территории говорит и то, что валик на керамике Приазовья появляется на предсабатиновском этапе срубной культуры, до

2 Автор вслед за М.А. Изотовой считает более оправданным название «хвалынская культура валиковой керамики» (Изотова, 2001. С. 60).

3 И одновременно восточного блока общности культур валиковой керамики.

4 Укажу, что В.Н. Горбов упоминает, что на позднейших горизонтах поселений Северо-Восточного Приазовья «…встречаются *одиночные* (курсив мой. – *В.П.*) сосуды западных культур» (Горбов, 1994. С. 71), т.е. отличие для него представляется само собой разумеющимся.

начала образования общности культур валиковой керамики (Горбов, 1992. С. 91; 1994. С. 71). В Поволжье начало формирования хвалынской культуры относится к более позднему периоду. Ранний, срубно-хвалынский этап можно синхронизировать с IV (позднесабатиновским) горизонтом приазовских поселений[5].

В качестве показателя единства общности культур валиковой керамики рассматривались традиции бронзолитейного производства (Черных, 1983. С. 87–93. Рис. 9; 2008. С. 50; Малов, 1987а. С. 142; 1987б. С. 159; 2011. С. 415; Колев, 2008. С. 214–219; Агапов, Дегтярева, Кузьминых, 2012. С. 44–57). Анализ Ю.И. Колевым металлических изделий свидетельствует об общности металлообработки восточной зоны общности культур валиковой керамики, но не о бронзовых изделиях, характеризующих хвалынскую («ивановскую») культуру. Восточную зону общности культур валиковой керамики обслуживали дербеденевский (средневолжский) и лобойковский (днепро-донской) очаги металлообработки (Колев, 2008. С. 218–219). Может ли связь металлических предметов из доно-приазовских памятников общности культур валиковой керамики с лобойковским очагом свидетельствовать о принадлежности их к хвалынской культуре?

Е.Н. Черных отмечал, что распространение однотипных категорий бронзовых изделий не связано с определенными культурами и культурными группами, поскольку их производство стоит вне культурного контекста и осуществляется обособленными кланами мастеров со своими приемами и традициями (Черных, 1976. С. 146–149). Таким образом, металлические изделия не могут использоваться в качестве признаков археологической культуры.

Для обоснования единства хвалынской культуры используются данные по домостроительству. К особенностям хвалынских памятников отнесены использование камня или дерева для облицовки стен; расположение входа с длинной стороны постройки; переход от больших жилищ к небольшим постройкам (Колев, 2008. С. 211). В Приазовье и Подонцовье применение камня[6] зафиксировано уже на II горизонте[7]: Широкая Балка II (Горбов, 1997. С. 148. Рис. 2), Вареновка III (Потапов, 2002. С. 78–79. Рис. 3). На горизонте IV заметно уменьшаются размеры построек, в Северном Приазовье широко распространяется облицовка камнем. Развитие этих тенденций очевидно на заключительном V горизонте.

Облицовка стен камнем или деревом широко использовалась на поселениях общности культур валиковой керамики Урала и Казахстана, где домостроительство было тесно связано с доваликовыми андроновскими технологиями (Кузьмина, 1994. С. 74–78; Горбов, 1997. С. 152, 154, 156). Аналогичная «западная» технология связана со срубными традициями. Маловероятно, что эти конвергентно возникшие строительные приемы свидетельствуют о культурном единстве их носителей. Расположение входов перпендикулярно оси жилищ также не показательно: нередко котлованы построек имеют аморфные очертания, а входы сооружались с короткой стороны (Ромашко, 2013. Рис. 19; 23; 24).

Ю.И. Колев рассматривает немногочисленные «ивановские» погребения (Колев, 2008. С. 211–213). К позднему этапу хвалынской культуры валиковой керамики относится девять захоронений. Общие черты этой группы – все погребения, кроме одного, ориентированы в южном секторе, сильно скорчены, подкурганные захоронения являются основными. Преобладает положение погребенных на правом боку. В инвентаре доминируют кухонные горшки, часто украшенные валиком.

И в позднехвалынской, и в отрадненской культурах имеются как грунтовые, так и подкурганные захоронения, но соотношение их несопоставимо – 5:4 в хвалынской подборке и 4:61 в отрадненской. Все позднехвалынские подкурганные погребения основные, тогда как отрадненские – исключительно впускные. В отрадненской культуре, в отличие от позд-

5 Эта синхронизация подтверждается радиоуглеродными датами постройки из срубно-хвалынского селища Новая Покровка в Саратовской обл. (Малов, 2001. С. 201) и хозяйственной ямы из IV горизонта на поселении Вареновка III в Северо-Восточном Приазовье (Потапов, 2002. С. 74. Сноска 2).

6 Применение дерева также не было чем-то исключительным (Бровендер, 2000. С. 8–9).

7 На Приазовской возвышенности камень применяется для облицовки на I (раннесрубном) горизонте на поселении Раздольное (Горбов, 1997. С. 148–152; Горбов, Усачук, 2001. С. 157–162. Рис. 2–4).

нехвалынской группы, помимо скорченных на боку присутствует поза вытянуто на спине и на боку. Хвалынские погребения на правом боку преобладают над погребениями на левом боку (6:3), а в отрадненской они заметно уступают – 12:52. В обеих культурах присутствует южная ориентировка (8 из 9 позднехвалынских покойников), а среди отрадненских их всего 10 из 65.

Инвентарь хвалынских погребений чаще всего представлен кухонными горшками, нередко с валиковым орнаментом. В отрадненских найдено 13 столовых сосудов с тщательно заглаженной поверхностью и 7 кухонных. В отличие от хвалынских погребений в отрадненских отсутствуют горшки с расчлененными валиками. Отрадненские погребения отличаются богатым набором бронзовых и стеклянных украшений (43% могил), значительной долей погребений с бронзовыми ножами (около 25% могил).

Отличия отрадненского и хвалынского погребальных обрядов, несмотря на небольшую выборку погребений последней культуры, позволяют считать их разнокультурными.

Обращаясь к проблеме границ хвалынской культуры, стоит учесть, что на территории Доно-Приазовья, Подонцовья, и в Днепро-Донецком междуречье в последние годы выделены культуры, относящиеся к общности культур валиковой керамики. Это упомянутые отрадненская культура и богуславско-белозерская, занимающая, по мнению В.А. Ромашко, «контактный регион КВК», сочетающий в себе признаки восточной и западной групп общности культур валиковой керамики (Ромашко, 2013).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агапов С.А., Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В. Металлопроизводство восточной зоны общности культур валиковой керамики // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 3. С. 44–59.

Бровендер Ю.М. Поселення зрубної спільності в середній течії Сіверського Дінця: Автореф. дис. … канд. іст. наук. Київ, 2000. 20 с.

Горбов В.Н. Поселенческие комплексы Приазовья в системе синхронизации западного и восточного кругов культур валиковой керамики // Новые открытия и методологические основы археологической хронологии. Тез. докл. СПб., 1992. С. 90–93. (Археологические изыскания; Вып. 4).

Горбов В.Н. О верхней границе существования срубной культуры в Приазовье // Срубная культурно-историческая область. Мат-лы III Рыковских чтений. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1994. С. 70–74.

Горбов В.Н. К проблеме культурной атрибуции поселения на Белозерском Лимане // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы средней и восточной Европы. Ч. II. Мат-лы конф. 1995 г., Саратов. СПб., 1995. С. 52–72. (Археологические изыскания; вып. 25 (II)).

Горбов В.Н. Финал бронзового века Северо-Восточного Приазовья и некоторые проблемы региональных различий // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век). Мат-лы конф. Ч. 2. Донецк: ДонГУ, 1996. С. 13–21.

Горбов В.Н. Две традиции применения камня в домостроительстве позднего бронзового века // Археологический альманах. № 6. Донецк, 1997. С. 145–162.

Горбов В.Н., Усачук А.Н. Раннесрубно-многоваликовский горизонт поселения Раздольное в Приазовье // Археологический альманах. № 10. Донецк, 2001. С. 155–196.

Зданович С.Я. Керамика саргаринской культуры // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1984. С. 79–96.

Изотова М.А. Керамика эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья // СА. 1996. № 4. С. 31–43.

Изотова М.А. Керамика эпохи поздней бронзы поселения Ивановка // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 4. Волгоград: Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 2001. С. 58–69.

Изотова М.А., Малов Н.М. Хвалынская керамика эпохи поздней бронзы Танавского городища // Археология Восточно-европейской степи. Вып. 3. Саратов: Изд-во СГУ, 1992. С. 96–115.

Изотова М.А., Малов Н.М., Слонов В.Н. Классификация форм керамики и периодизация поселений хвалынской культуры эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья // Археологические вести. Вып. 1. Саратов: Изд-во СГУ, 1993. С. 110–136.

Изотова М.А., Слонов В.Н. Статистическое изучение системы орнаментации хвалынской поселенческой керамики эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья // Теория и прикладные методы в археологии. Саратов: Изд-во СГУ, 1994. С. 97–109.

Кабанова Е.В. Опыт применения статистических методов для анализа керамики поселений Северо-Восточного Приазовья // Северо-восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век). Мат-лы конф. Ч. 2. Донецк, 1996. С. 41–47.

Колев Ю.И. Ивановская культура позднего бронзового века: характеристика культуры и проблема исследования // Актуальные проблемы Археологии Урала и Поволжья. Самара, 2008. С. 208–240.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: Вост. лит., 1994. 458 с.

Малов Н.М. Памятники хвалынской культуры валиковой керамики Поволжья и некоторые проблемы их связи с восточными культурами эпохи поздней бронзы // М.П. Грязнов и его место в археологии, теория и методика археологии, каменный и бронзовый века, скифская проблема. Тез. докл. Омск, 1987а. С. 142–143.

Малов Н.М. Хвалынская культура валиковой керамики эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тез. докл. Суздаль, 1987б. С. 159–160.

Малов Н.М. Культуры эпохи поздней бронзы в Нижнем Поволжье // Бронзовый век Восточной Европы: Характеристика культур, хронология и периодизация. Мат-лы конф. «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». Самара: НТЦ, 2001. С. 199–202.

Малов Н.М. Поздний бронзовый век Нижнего Поволжья, Волго-Уральского и Волго-Донского междуречья: модель культурогенеза // Музей в региональном пространстве: презентация исторического наследия, культурная и общественная миссия. Мат-лы конф., посвящ. 125-летию Саратовского обл. музея краеведения. Саратов: Новый Ветер, 2011. С. 401–416. (Тр. Саратовкого обл. музея краеведения; Вып. 22 (13)).

Отрощенко В.В. Історія племен зрубної спільності: Автореф. дис. … д-ра іст. наук. Київ, 2002. 33 с.

Потапов В.В. Памятники конца эпохи поздней бронзы на р. Смела // Донская археология. 2000а. № 3–4. С. 62–69.

Потапов В.В. Поселения финала поздней бронзы на Нижнем Дону в системе общности культур валиковой керамики // Донская археология в XX веке: становление, развитие, достижения. Тез. докл. Ростов-н/Д., 2000б. С. 33–35.

Потапов В.В. Поселение эпохи поздней бронзы Вареновка III в Восточном Приазовье // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону (ИАИАНД) в 2001 году. Вып. 18. Азов: Изд-во Азовского музея, 2002. С. 70–94.

Потапов В.В. О культурной атрибуции памятников финала поздней бронзы Нижнего Подонья // II Городцовские чтения. Мат-лы конф., посвящ. 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ. Апрель 2003 г. М.: ГИМ, 2005. С. 138–150. (Тр. ГИМ; Вып. 145).

Потапов В.В. Памятники финальной бронзы Нижнего Подонья: Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2010. 25 с.

Прокофьев Р.В., Потапов В.В. Поселение Малаховский Ерик II в дельте Дона // Донская археология. 2000. № 1. С. 45–55.

Ромашко В.А. Заключительный этап позднего бронзового века Левобережной Украины (по материалам богуславско-белозерской культуры) Киев: КНТ, 2013. 592 с.

Черных Е.Н. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М.: Наука, 1976. 302 с.

Черных Е.Н. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983. С. 81–99.

Черных Е.Н. Формирование евразийского «степного пояса» скотоводческих культур: взгляд сквозь призму археометаллургии и радиоуглеродной хронологии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 3 (35). С. 36–53.

ВАРИАНТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЖИВОТНЫХ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ САМАРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

© 2014 г. Н.В. Рослякова

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара (roslyakova_n@mail.ru)

***Ключевые слова*:** погребальный обряд, погребальные комплексы, кости животных, срубная культура, Самарское Поволжье.

Резюме. В статье приводятся результаты изучения погребальных комплексов с костями животных из могильников срубной культуры Самарского Поволжья. Показано, что роль и значение разных видов животных в погребальном ритуале идентифицируется по принадлежности их остатков к конкретным категориям погребальных остеологических комплексов: погребальным жертвенным комплексам, «остаткам напутственной пищи», погребальному инвентарю, отдельным костям или их скоплениям. Реконструированные на основе выделенных категорий погребальных остеологических комплексов варианты использования животных соотносятся с социальным статусом погребенных, а также с хронологическими этапами развития срубной культуры.

За последние два десятилетия в Самарском Поволжье было исследовано несколько десятков могильников срубной культуры. В ряде из них были обнаружены погребальные комплексы с костями животных. Детальное описание и анализ биологических и археологических параметров остеологических комплексов позволили нам сделать некоторые выводы, касающиеся вариантов использования животных в погребальном обряде.

Установлено, что большая часть комплексов костей животных концентрируется на дне могильных ям или приурочена к погребениям. В подавляющем большинстве случаев при совершении погребального обряда племена срубной культуры использовали домашних животных.

По трем параметрам остеологических комплексов – биологическим характеристикам животных из погребальных комплексов, следам искусственного воздействия на костях и локализации комплексов костей животных в архитектурных структурах кургана – выделены категории погребальных комплексов, имеющие разное ритуальное значение. Таковы погребальные жертвенные комплексы, «остатки напутственной пищи», погребальный инвентарь и отдельные кости или их скопления.

Установлено, что выделенные категории погребальных комплексов имеют устойчивые видовые и анатомические характеристики. Категория жертвенных комплексов представлена черепами и костями дистальных частей конечностей крупного рогатого скота (КРС) и мелкого рогатого скота – овцы и козы (МРС), реже черепами и целыми костяками лошадей; в категории «остатки напутственной пищи» преобладают ребра лошади и МРС; в категории «погребальный инвентарь» чаще всего встречаются астрагалы МРС и свиньи, а доля разных видов животных и частей их туш в категории «отдельные кости или их скопления» различается в разных архитектурных структурах курганов. Выдвинуто предположение, что роль разных видов животных в погребальном обряде связана с ритуальным значением каждой категории погребальных комплексов.

Сделан важный вывод о том, что изучение основных археозоологических параметров остеологических комплексов должно проводиться в рамках отдельных категорий комплексов, а не всех комплексов в кургане, вместе взятых. Только такой подход дает пред-

ставление о ритуальном значении различных видов животных в погребальном обряде.

В рамках каждой из категорий рассмотрены особенности отбора животных по полу, возрасту и размерам (Рослякова, 2012, 2013; Рослякова, Косинцев, 2013). Выяснено, что в жертвенных комплексах могли находиться кости как одного, так и нескольких видов животных: КРС, МРС и лошади. В большинстве случаев в комплексах с костями КРС и МРС присутствовали остатки двух и более разновозрастных особей: взрослых, полувзрослых и молодых – в разных сочетаниях. Большинство жертвенных животных были взрослыми. Молодые особи практически всегда фиксируются вместе со взрослыми. Для КРС выявлено несколько случаев совместного нахождения в одном комплексе костей коровы и теленка. Кости быков в жертвенных комплексах не обнаружены. Размеры МРС косвенно указывают на то, что в жертву приносили также самок. В остальных категориях погребальных комплексов преобладают кости взрослых животных обоих полов, остатки полувзрослых и молодых особей единичны. Вычисленные абсолютные и относительные размеры животных показали отсутствие их отбора по этому признаку для всех категорий погребальных комплексов. В категории «погребальный инвентарь» зафиксирован отбор фаланг лошади по принадлежности их к правой или левой стороне тела – их предпочитали брать из правых конечностей.

Выявлена взаимосвязь некоторых категорий погребальных комплексов с возрастом и полом погребенных людей. Жертвенные комплексы, как правило, сопровождают погребения взрослых, тогда как кости, являющиеся погребальным инвентарем, концентрируются в погребениях детей и подростков. Остатки грудной клетки и других мясных частей туш лошади обычно находятся в мужских погребениях, а те же части МРС – в женских, подростковых и детских погребениях. Разрозненные кости в большинстве случаев сопровождают погребения взрослых.

Подтверждено традиционное представление о том, что комплексы с частями туш или костями животных сопровождают погребения людей повышенного социального статуса.

Установлено, что использование частей туш и костей животных в погребальном обряде было более распространено на раннем этапе развития срубной культуры, чем на развитом. В практике использования животных в погребальном обряде на протяжении существования срубной культуры произошли некоторые изменения. В частности, роль лошади как ритуального животного постепенно снижается от раннего к развитому этапу развития.

Отмечено сходство основных характеристик остеологических комплексов из могильников срубной культуры с аналогичными параметрами комплексов хвалынской и потаповской культур. Их объединяет преобладание в жертвенных комплексах костей КРС и МРС, одинаковые половозрастные характеристики жертвенных животных, одинаковый состав комплексов погребального инвентаря, включающий астрагалы МРС и свиньи, астрагалы и фаланги КРС и лошади, помещение в могилу «мясных» частей туш лошади и МРС.

Выяснено, что погребальные комплексы с костями животных из могильников ямной и полтавкинской культур имеют ряд отличий от погребальных комплексов из срубных памятников. Основным ритуальным животным в погребальном обряде ямной культуры был МРС (Рослякова, Турецкий, 2012). В эпоху средней бронзы в остеологических комплексах преобладают кости КРС и МРС. Роль лошади как ритуального животного в эпоху среднего бронзового века возрастает, становится максимальной на раннем этапе развития срубной культуры и снижается на ее развитом этапе.

Обсуждаемые категории погребальных комплексов с костями животных в могильниках Самарского Поволжья выделяются нами и в могильниках на других территориях распространения срубной культуры (Сатаев, 2009; Сатаев, Гимранов, 2009) и у синхронных культур Зауралья (Косинцев, 1998, 2006, 2010). Наиболее устойчивые характеристики имеют жертвенные комплексы и комплексы погребального инвентаря. Видовой и анатомический состав категории «остатки напутственной пищи» и «отдельные кости или их скопления» отличается на разных территориях. В Нижнем Поволжье и Приуралье в каче-

стве напутственной пищи использовали части туш МРС, лошади и КРС, в Зауралье – части туш МРС. В лесостепном и степном Поволжье среди отдельных костей преобладают кости КРС и МРС, а в лесостепном Приуралье и в Зауралье большинство костей принадлежит МРС. Отсутствие обобщающих археозоологических работ для локальных территорий срубной культуры не позволяет конкретизировать этот вывод.

Дальнейшие исследования археозоологического материала из могильников с территорий локальных вариантов распространения срубной культуры позволят продолжить детальное изучение разных вариантов использования животных в погребальном обряде, практиковавшихся племенами всей срубной культуры в целом, и выявить их особенности в рамках каждой из групп населения этой культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Косинцев П.А. Костные остатки животных из Чистолебяжского и Хрипуновского могильников // Матвеев А.В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск: Наука, 1998. С. 405–411.

Косинцев П.А. Жертвенные животные из могильника Урефты I // Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Урефты I: зауральский памятник в андроновском контексте. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. С. 150–156.

Косинцев П.А. Животные в жертвенных комплексах могильника «Большой Караганский» // Кадырбаевские чтения – 2010. Мат-лы конф. Актобе: Актюб. обл. центр истории, этнографии и археологии, 2010. С. 50–54.

Рослякова Н.В. Археозоологическое изучение жертвенных комплексов из могильников срубной культуры лесостепного Поволжья // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Мат-лы конф., посвящ. 110-летию со дня рожд. М.П. Грязнова. Кн. 1. СПб.: ИИМК РАН, 2012. С. 399–404.

Рослякова Н.В. Костные остатки мясных частей туш животных из погребений срубной культуры лесостепного Поволжья // Известия Самарского научного центра РАН. 2013. Т. 15. № 1. С. 205–210.

Рослякова Н.В., Косинцев П.А. Археозоологическое изучение комплексов погребального инвентаря из погребений срубной культуры лесостепного Поволжья // Известия Самарского научного центра РАН. 2013. Т. 15. № 1. С. 211–218.

Рослякова Н.В., Турецкий М.А. Археозоологические материалы из могильников ямной культуры Самарского Поволжья и Оренбуржья // Известия Самарского научного центра РАН. 2012. Т. 14. № 3. С. 219–225.

Сатаев Р.М. Остатки животных из раскопок 1 и 2 курганов Николаевского могильника // Исмагил Р., Морозов Ю.А., Чаплыгин М.С. Николаевские курганы («Елена») на реке Стерля в Башкортостане. Уфа: ДизаинПолиграфСервис, 2009. С. 211–221.

Сатаев Р.М., Гимранов Д.О. Характеристика археозоологического материала из 7 кургана Николаевского могильника // Исмагил Р., Морозов Ю.А., Чаплыгин М.С. Николаевские курганы («Елена») на реке Стерля в Башкортостане. Уфа: ДизаинПолиграфСервис, 2009. С. 222–228.

ГОНЧАРСТВО НАСЕЛЕНИЯ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА: К ПРОБЛЕМЕ КУЛЬТУРОГЕНЕЗА

© 2014 г. Н.П. Салугина

Самарская государственная академия культуры и искусств, Самара (nsalug@gmail.com)

Ключевые слова: культурогенез, технология изготовления керамики, субстратные и приспособительные навыки.

Резюме. Статья посвящена процессам культурогенеза населения позднего бронзового века Волго-Уралья. Исследование проведено на основе изучения технологии изготовления керамики. Представлены данные о результатах технологического анализа более 700 сосудов разных этапов бронзового века. Выделены конкретные группы населения, которые принимали участие в культурогенезе. Сделан вывод о преимущественно эволюционном характере процесса культурогенеза.

Проблемы культурогенеза постоянно привлекают внимание исследователей эпохи бронзы (Аркаим – Синташта, 2010; Бочкарев, 2010. С. 51–53; Лопатин, 2010. С. 41–45).

К настоящему времени получен значительный блок информации по технологии изготовления керамики практически всех этапов бронзового века. Основа для привлечения данной информации к рассмотрению проблем культурогенеза – признание гончарства как особым образом организованной системы, устойчивое состояние которой обеспечивалось эмпирическим характером знаний о навыках труда и механизмом их передачи от поколения к поколению преимущественно по родственным линиям (Бобринский, 1978, 1999).

Настоящая работа основана на микроскопическом анализе по методике А.А. Бобринского (1978, 1999) более 700 сосудов из могильников и поселений Волго-Уралья среднего и позднего бронзового века. Значительная часть данных по технологическому изучению посуды эпохи бронзы опубликована (Васильев, Кузнецов, Семенова, 1994. С. 173–185; Салугина, 2007. С. 98–106; Васильева, Салугина, 2010. С. 135–154; Васильева, Кулакова, Салугина, 2012. С. 118–138). Сведения о навыках составления формовочных масс как наиболее разнообразные представлены в *таблице*; описание систем конструирования посуды приводятся ниже, а далее в тексте (после описания) будет даваться только их нумерация. Зафиксированы следующие технологические схемы конструирования.

I. Начин изготовлен в соответствии с донно-емкостной программой, спирально-лоскутным способом, полое тело изготовлено спирально-лоскутным способом. Отмечено применение форм-моделей.

II. Начин изготовлен в соответствии с донно-емкостной программой, спирально-жгутовым способом, полое тело изготовлено спирально-лоскутным способом.

III. Начин изготовлен в соответствии с донно-емкостной программой, спирально-жгутовым способом, полое тело изготовлено также спирально-жгутовым способом.

IIIа. Начин двухслойный, изготовлен в соответствии с донно-емкостной программой, спирально-жгутовым способом, полое тело изготовлено также спирально-жгутовым способом.

IV. Начин емкостный; и начин, и дно сосуда изготовлены спирально-лоскутным способом.

Памятники полтавкинско-катакомбного типа. Для изготовления посуды отбирались три вида исходного сырья: илы, илистые глины и природные глины. При составлении формовочных масс к исходному сырью добавлялись дробленая раковина, шамот и ор-

ганика (см. *таблицу*). Преобладающие системы конструирования посуды: I, II, III. Менее представлены сосуды IV технологической системы.

Абашевская культура. Отбирались три вида исходного сырья: илы, илистые и природные глины. В формовочные массы добавлялись следующие искусственные примеси: дробленая раковина, шамот и органика (см. *таблицу*). Формовочная масса посуды из илов не содержала искусственных примесей. Зафиксирована только I технологическая система.

Синташтинский тип. Исходное сырье: отбирались природные глины (см. *таблицу*). Формовочные массы: ведущими были традиции подготовки составов с добавлением талька и в меньшей степени – шамота. В составе шамота также массово зафиксирован тальк. Конструирование посуды проводилось в соответствии с I, III и IV технологическими системами.

Потаповский тип. Исходное сырье: отбирались природные глины. Формовочные массы составлялись путем добавления к исходному сырью шамота, дробленой раковины, талька и органики (см. *таблицу*). В составе шамота фиксируются те же примеси. Конструирование посуды осуществлялось в соответствии с I, III и IV системами конструирования. Часть посуды изготавливалась с применением форм-моделей.

Раннесрубный этап. Исходное сырье: отбирались илы, илистые глины и природные глины. Формовочные массы составлялись с добавлением шамота, дробленой раковины и органики. Конструирование посуды осуществлялось в основном в соответствии с I и III технологическими схемами.

Развитый этап срубной культуры. Исходное сырье: абсолютно преобладала традиция отбора природных ожелезненных глин разной степени запесоченности. Составы формовочных масс разнообразны, но полностью доминировал состав шамот+органика (см. *таблицу*). Способы конструирования посуды также довольно разнообразны, но выделяются две массовые системы конструирования: I и III.

Традиции составления формовочных масс (%)

Рецепты формовочных масс	**Археологические культуры / культурные типы**					
	Полтавкинско/ Катакомбная	**Абашевская**	**Синташтинский**	**Потаповский**	**Раннесрубный**	**Развитая срубная**
Б/п	–	13,3	–	–	–	1,7
О	2,2	–	–	–	–	1,5
ДР+О	43,2	53,3	–	–	24,1	2,7
Ш+О	32,9	13,3	6,2	27	60,3	77,6
Ш+ДР+О	17,1	20	–	54	15,5	5
Ш+К+О	4,5	–	–	–	–	6
Ш+Дш+О	–	–	–	–	–	4
Ш+Дп+О	–	–	–	–	–	0,8
Ш+Дт+О	–	–	37,5	–	–	0,8
Дт+О	–	–	56,3	5,4	–	–
ДР+Дт+О	–	–	–	2,7	–	–
ДР+Ш+Дт+О	–	–	–	10,8	–	–

Примечания: Б/п – без примесей; О – органика; ДР – дробленая раковина; Ш – шамот; К – кость; Дт – дресва тальковая; Дп – дресва песчаниковая; Дш – дресва из шлака.

Менее представлена IV система конструирования. Наличие довольно большого количества сосудов с иными технологическими системами конструирования представляется своеобразной «вуалью», доставшейся от предыдущих периодов.

Полученная информация позволяет обратиться к обсуждению конкретных процессов культурогенеза. Обозначая срубную культуру как завершающую процесс культурогенеза эпохи поздней бронзы, когда наступает стабильное развитие населения, можно утверждать, что она сложилась на основе населения, оставившего археологические культуры эпохи средней бронзы. Рассмотрение субстратных навыков, которые могут сохраняться в течение неопределенно долгого времени и указывают на предысторию изучаемого населения (Бобринский, 1978. С. 242–245), позволяет выделить несколько конкретных групп, принимавших участие в процессе культурогенеза.

Эти группы обозначены через «цепочки» культур:

1) полтавкинская + абашевская = потаповский тип → раннесрубная → развитая срубная культура. Данная группа населения делала посуду в соответствии с донно-емкостной программой конструирования начина и спирально-лоскутным способом изготовления как начина, так и полого тела;

2) полтавкинская культура → потаповский тип → раннесрубная → развитая срубная культура. Данная линия представлена населением, делавшим посуду в соответствии с донно-емкостной программой конструирования начина и спирально-жгутовым способом изготовления как начина, так и полого тела;

3) полтавкинская культура → потаповский тип → развитая срубная культура. Для данной группы населения характерно изготовление посуды в соответствии с донной программой конструирования начина при использовании жгутов при изготовлении как начина, так и полого тела.

В процессе культурогенеза происходили контакты с иными группами населения, что отразилось в наличии незначительной группы посуды, изготовленной в соответствии с емкостной программой конструирования начинов: полтавкинская → потаповский и/или синташтинский тип → развитая срубная культура.

Данная схема подтверждается и анализом приспособительных навыков, в частности, особенностями составления формовочных масс. Так, для раннего этапа срубной культуры выявлены три рецепта формовочных масс: дробленая раковина+органика, шамот+органика и дробленая раковина+шамот+органика. Уже на этом этапе рецепт шамот+органика наиболее массовый, а на развитом этапе культуры – преобладающий. Все эти рецепты зафиксированы как массовые в материалах полтавкинской и абашевский культур. Рецепты же, связанные с введением в формовочную массу талька, преимущественны для синташтинского типа и незначительны – для посуды потаповского типа. Данный факт указывает на существование в переходный период от среднего к позднему бронзовому веку отдельной группы населения, контакты с которой были недолговременными и которая была рецессивной по отношению к указанным выше группам.

Таким образом, результаты технико-технологического анализа керамики указывают на преимущественно эволюционный характер процесса культурогенеза эпохи позднего бронзового века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аркаим – Синташта: древнее население Южного Урала: к 70-летию Г.Б. Здановича. Ч. 2 / Отв. ред. Д.Г. Зданович. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2010. 184 с.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства / Отв. ред. А.А. Бобринский. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. 233 с.

Бочкарев В.С. Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. СПб.: Инфо Ол, 2010. 231 с.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара: Изд-во «Самарский ун-т», 1994. 208 с.

Васильева И.Н., Кулакова Л.С., Салугина Н.П. Новые памятники срубной культуры на востоке Самарской области // Бронзовый век. Эпоха героев (по материалам погребальных памятников Самарской области) / Отв. ред. М.А. Турецкий. Самара: Мин-во культ. Самар. обл., 2012. С. 198–247.

Васильева И.Н., Салугина Н.П. Некоторые итоги изучения древнего и современного гончарства в Самарском Поволжье // 40 лет Средневолжской археологической экспедиции / Отв. ред. Л.В. Кузнецова. Самара: Офорт, 2010. С. 135–154. (Краеведческие записки / Самарский обл. истор.-краевед. музей им. П.В. Алабина, Самарское археол. общество; Вып. XV).

Лопатин В.А. Векторы культурогенеза (к проблеме становления срубной культуры на севере Нижнего Поволжья в середине II тыс. до н.э.) // Известия Саратовского ун-та. 2010. Т. 10. Серия: История. Международные отношения. Вып. 2. С. 41–45.

Салугина Н.П. К проблеме формирования гончарства населения среднего бронзового века Волго-Уралья // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. VIII. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2007. С. 98–106.

ПОЗДНЯКОВСКАЯ КУЛЬТУРА

© 2014 г. В.В. Сидоров

Институт археологии РАН, Москва
(gav-lupus@rambler.ru)

Ключевые слова: эпоха бронзы, поздняковская культура, репинская культура, примокшанская культура, керамика, миграции.

Резюме. Поздняковская культура со дня ее открытия рассматривалась как дериват срубной культуры и относилась к концу бронзового века. Но присутствие материалов раннего бронзового века в поздняковских комплексах указывает на частичную синхронность ее катакомбной и абашевской. Она имеет общие с ними генетические истоки в репинской культуре. Поздняковская культура сформировалась на Оке в результате миграции, включив и частично вытеснив аборигенные культуры с керамикой типа Сейма и примокшанской (р. Мокша) в третьей четверти III тыс. до н.э. И только на позднем этапе рассматриваемая культура находилась под влиянием срубной.

Археологические культуры эпохи бронзы обычно выделяются по исследованиям могильников, так как повторение обряда создает и повторяемость набора признаков, группируемых в культуру. Поздняковская культура была выделена в 1924 г. при исследовании поселений, так как многие из них содержали чистые представительные комплексы, достаточные для разносторонней характеристики культуры. По сходству со срубной культурой она была истолкована (Бадер, Попова, 1987; Васильев, 2010) как ее ответвление, адаптированное к жизни в лесной зоне. Только в начале 2000-х гг. В.В. Ставицкий обратил внимание на катакомбные элементы в поздняковской культуре (Сиавицкий, 2005).

Ее облик представляет собой набор плоскодонных сосудов без минеральной примеси в тесте, с плавным прогибом горла. Округлые бока их переходят в дно без закраин. Стык вогнутого горла и боков порой образует ребро – это наиболее пышно орнаментированные сосуды, основная часть которых происходит из погребений. Большинство сосудов имеет в орнаменте пояски ямок и «жемчужин», часто единственный вид орнамента. Орнаментация состоит из разного рода ямок, реже оттисков зубчатых штампов и шнура. Мотивы – однорядные и многорядные (редко) пояски оттисков, зигзаг, треугольные поля, изредка меандр, свастика. Прочерченные орнаменты не характерны.

На примере поселения Дмитриевская Слобода-2 установлено, что три больших жилища функционировали одновременно, имеют следы ремонта с заменой некоторых столбов, но не перестраивались. Материалом, из которого они строились, оказался дуб. Поселения всесезонные – материал относительно равномерно распределен как в жилищах, так и на площадке – это тоже признак длительно существующего поселения. Топография поселений связывает их как с плато и террасами с лёссовыми почвами, так и обширными поймами.

Регулярно встречаются песты и небольшие зернотерки, аналогичные таким находкам на городищах. Есть кремневые серпы, но мы вправе ожидать и находок костяных серпов, подобных серпам на городищах железного века. Выбор площадки поселения, состав инвентаря, а также особенности конструкции жилищ, говорят, что земледелие было определяющей образ жизни формой хозяйства, хотя немалую роль играло и скотоводство. Находки пряслиц становятся постоянными только с момента появления поздняковской культуры и могут свидетельствовать о наличии и обработке шерсти. Охота и рыболовство третьестепенны.

Погребальный обряд не стандартен – погребения курганные и грунтовые, скорченные и вытянутые, с внутримогильным сооружением и без их признаков, отмечены трупосожжения, погребения расположены рядом с поселениями и обособленно.

Находки бронзовых орудий редки, но деградация каменной техники и ограниченность набора кремневых орудий показывают, что бронза уже была основным материалом для изготовления рабочего инструмента. Металлические изделия не имеют культурной специфики.

Только поздняковская керамика в могилах и соседство с поселениями определяют их культурную принадлежность.

Территория поздняковской культуры протянулась по берегам Оки и Волги от Рязани до устья Суры. Есть поздняковские комплексы в Волго-Окском междуречье. Они не одновременны, но сходство их сохраняется на всех этапах.

Т.Б. Попова (1985) датировала рассматриваемую культуру по найденным на поселениях и в могилах бронзовым изделиям. Радиокарбонные датировки указывают на необходимость удревнения культуры: далеко не самый ранний памятник Дмитриевская Слобода-2 приходится на начало II тыс. до н.э. Применявшаяся ранее датировка строилась на гипотезе происхождения поздняковской культурые от срубной культуры. Но тождество артефактов может доказывать не столько генезис, сколько контакты, синхронность. Признаки, указывающие на генезис, проявляются как сумма элементов, которые можно зафиксировать на разных изделиях. В поисках истоков поздняковской культуры необходимо обратиться к аналогиям в энеолитических и раннебронзовых культурах. Находки катакомбных, абашевских и покровских сосудов в поздняковских комплексах указывают на их частичную синхронность. В рязанской группе поселений присутствует иванобугорская керамика. Наблюдается также смешение элементов этих культур с поздняковскими, их сочетание на одних и тех же сосудах.

Показательно присутствие сейминской (фатьяноидной) керамики в поселениях Логинов Хутор, Мыс Доброй Надежды, Лебяжий Бор-6, Ерхатур-1 в типичных и гибридных формах, что доказывает их синхронность с поздняковскими. Комплексы сейминской керамики встречаются на многослойных озерных стоянках волосовской культуры (определяется как фатьяноидная, чирковская, галичская). Ее однородность показывает, что это результат разовой миграции в лесную зону из одного истока. Присутствие таких сосудов в поздняковских комплексах (Т.Б. Попова включала их непосредственно в поздняковский комплекс) показывает, что не все носители культуры сейминской керамики ушли в леса, часть оказалась интегрирована в поздняковскую культуру. Сходство проявляется не только в керамике, но и в специфичных орудиях, не имеющих прототипов в волосовской технике. Присутствие сейминского (наряду с катакомбным, абашевским, иванобугорским) компонента – показатель раннего возраста поздняковских комплексов, близкого времени их появления на Оке. Именно поздняковская экспансия могла вытеснить

«сейминцев» на север, где они смешались с волосовской культурой. После появления их в лесах волосовская культура исчезает, и начинается развитие культуры сетчатой керамики. Древнейшие сосуды с сетчатой фактурой поверхности имеют тесто, формы, мотивы орнамента, характерные для сейминских.

Прообраз ряда компонентов, определяющих облик поздняковской культуры и керамики, можно найти в репинской культуре. Они же проявляются также в катакомбной и абашевской культурах. Две последние – не предшествующие, а по крайней мере частично синхронные поздняковской. Контакты с иванобугорской тоже указывают на хронологическое положение поздняковской культуры в ряду с ранне- и среднебронзовыми, а не в финале бронзового века. Контакты лесостепных культур с лесными проявлялись в появлении катакомбных и примокшанских признаков в поздневолосовской керамике (Маслово Болото-4). Типичная донская катакомбная керамика есть на Оке (хотя ни один могильник здесь не известен). Абашевская культура также проникает на север, оставив на Оке могильники и следы стоянок. Этнокультурные границы в лесной зоне проницаемы и для контактов, и для миграций.

Комплексность хозяйства позволила проникать в районы, где земледелие было недостаточно продуктивно. Поздняковские поселения в Мещере и Костромском Поволжье появляются на песках, но при обширных лугах. Характерно, что зернотерки среди находок на памятниках отсутствуют, а поселения функционируют недолго, что свидетельствует об ином образе жизни. В лесах определяющим становится скотоводство. Элементы поздняковской культуры впитывает культура сетчатой керамики, они распространяются по всей ее территории.

Поздний этап поздняковской культуры определяется по появлению признаков, которые становятся характерны как для срубной, бондарихинской, аким-сергеевской (здесь нет сетчатой керамики, зато хорошо представлен расчес поверхности сосудов), так и приказанской, и культуры сетчатой керамики: ямочные пояски украшают тулово, происходит обеднение орнамента; изгиб горла смещается к венчику; появляются венчики с нависающим карнизом. Смешение поздняковской культуры с культурой сетчатой керамики идет только в лесах. В лесостепи формируются типы керамики со штрихованной поверхностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бадер О.Н., Попова Т.Б. Поздняковская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987. С. 131–135. (Археология СССР).

Васильев И.Б. Срубная культура лесостепного Поволжья и Приуралья // 40 лет Средневолжской археологической экспедиции / Отв. ред. Л.В. Кузнецова. Самара: Офорт, 2010. С. 64–86. (Краеведческие записки / Самарский обл. истор.-краевед. музей им. П.В. Алабина, Самарское археол. общество; Вып. XV).

Попова Т.Б. Значение орнаментальных мотивов и керамических форм для датировки памятников поздняковской культуры на средней Оке // Тр. ГИМ. Вып. 60. М.: ГИМ, 1985. С. 133–187.

Ставицкий В.В. Бронзовый век Посурья и Примокшанья. Пенза: Пенз. гос. пед. ун-т им. В.Г. Белинского, 2005. 146 с.

ЗАМЕСТИТЕЛИ ЧЕРЕПОВ: К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ОДНОЙ ТРАДИЦИИ «ОГРАБЛЕНИЯ» КУРГАНОВ В ТУВЕ

© 2014 г. Н.Ю. Смирнов

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
(amsmirnov@mail.ru)

Ключевые слова: Тува, эпоха поздней бронзы, монгун-тайгинская культура, «ограбление» курганов, раннесредневековая керамика.

Резюме. Работа посвящена проблемам нарушения погребений в древности и реконструкции возможных обрядовых действий, связанных с этим процессом на примере конкретного памятника. Постулируется гипотеза намеренного включения в более ранний комплекс современных разрушению и принадлежащих культуре разрушителя предметов, являющихся материальным свидетельством новой идеологии и культуры.

В 2011 г. на территории разновременного могильника Ээрбек-10, располагавшегося в долине р. Ээрбек, при ее впадении в р. Енисей (Кызылский р-н Республики Тыва), мной был исследован курган 3, относящийся к эпохе поздней бронзы и предварительно определяемый как памятник монгун-тайгинской археологической культуры.

Курган представлял собой круглое в плане сооружение из крупного, среднего и мелкого плитняка, с оградой, обводным «коридором», заложенным при окончательном формировании наземной конструкции, и одиночным погребением взрослого мужчины в каменной цисте на уровне древней дневной поверхности. Циста была сложена из крупных и средних плит местной материковой породы по принципу ложного свода и перекрыта одной большой плитой, разбитой в центральной части при «ограблении» погребения. Юго-восточная стена цисты была проломлена при другой попытке «ограбления» могилы, видимо в более позднее время, после заполнения камеры грунтом, так как кости ног погребенного, располагавшиеся в этой части, сохранились *in situ*.

Погребение, предположительно относящееся к монгун-тайгинской культуре Тувы, содержало скелет взрослого мужчины, лежавшего на левом боку со слегка подогнутыми коленями, головой на северо-запад. Сопроводительный инвентарь отсутствовал, что является одной из основных черт погребального обряда вышеупомянутой археологической культуры. *In situ* сохранились только кости ног до колен, остальные части скелета сильно перемещены и в массе своей сдвинуты в северо-западный конец камеры. Часть костей была сломана при перемещении. *Череп погребенного оказался раздавлен и сохранился только фрагментарно* (нижняя челюсть, небольшие осколки черепной коробки).

В нижней части центрального, первого «грабительского» хода среди камней его засыпки на уровне перекрытия цисты и в заполнении камеры в пределах цисты были обнаружены четыре (собирающиеся в два) фрагмента венчика с частью горла гончарного раннесредневекового сосуда (типа «вазы»?). Керамика сосуда коричневато-серая, черепок звонкий, толстый, из хорошо отмученного плотного теста, с включением мелкой дресвы. На лицевой поверхности черепков хорошо заметны следы вертикального лощения. Все четыре фрагмента, по всей видимости, относятся к одному сосуду.

На то, что фрагменты венчиков раннесредневекового сосуда попали в засыпку «гра-

бительского» хода в кургане эпохи поздней бронзы *не случайно,* (в качестве простой забутовки) указывает их расположение – они найдены в нижней его части, на уровне перекрытия цисты (на внутреннем краю кладки юго-восточной стены) и в пределах самой камеры, а также отсутствие на площади могильника следов поселенческого культурного слоя соответствующего времени.

Можно предположить, что мы столкнулись с обрядовой практикой нарушения более древних погребений носителями новых культурных и религиозных традиций. Очевидной целью нарушения погребения в кургане 3 было не ограбление с целью изъятия материальных ценностей (их там не было изначально), а нарушение целостности скелета погребенного человека и, таким образом, вероятное осквернение его могилы и территории родового кладбища более древнего населения долины р. Ээрбек.

Следует отметить исключительное удобство и даже красоту места расположения могильника Ээрбек-10 – в седловине высокой террасы над реками Ээрбек и Енисей, с открывающимся видом на бóльшую часть долины широкой излучины Енисея, насыщенной пастбищами по берегам. Вероятно с этим и связано стремление разновременного населения долины р. Ээрбек совершать погребения сородичей на месте функционировавшего ранее кладбища иной культурной традиции: на площади могильника Ээрбек-10 зафиксированы курганы эпохи поздней бронзы, раннего средневековья и этнографического периода.

Неожиданная, но весьма важная параллель в соотнесенности наличия или отсутствия фрагментов венчиков сосудов с состоянием скелетов в погребениях обнаруживается в материалах такого раннесредневекового памятника Тувы, как могильник Чааты I. В свое время на это обратил внимание П.П. Азбелев в работе, посвященной анализу декора и контекста раннесредневековых ваз Центральной Азии. Он выявил соответствие между состоянием черепов погребенных и намеренными действиями по повреждению венчиков ваз: череп поврежден – венчик вазы оббит; череп отсечен, но присутствует в могиле – у вазы оббит венчик с частью горла; череп отсутствует – отсутствует ваза в погребении (Азбелев, 2007. С. 151. Ил. 6).

В нашем случае можно реконструировать обратную ситуацию – при осквернении погребения эпохи поздней бронзы и сокрушении черепа покойника средневековые обитатели ээрбекской долины по принципу *pars pro toto* положили в чужую могилу «заместитель» черепа покойного, демонстрируя тем самым превосходство своей культурной традиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Азбелев П.П. Раннесредневековые центральноазиатские вазы: декор и контекст // А.В. Сб. научных трудов в честь 60-летия А.В. Виноградова. СПб.: КультИнформПресс, 2007. С. 145–157.

ЮГ ЛЕСНОГО ПОВОЛЖЬЯ НА РУБЕЖЕ СРЕДНЕГО И ПОЗДНЕГО ПЕРИОДОВ БРОНЗОВОГО ВЕКА

© 2014 г. Б.С. Соловьев

Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Йошкар-Ола (srb@inbox.ru)

Ключевые слова: эпоха бронзы, этнокультурные процессы, волосовская культура, абашевская культура, атликасинская культура, балановская культура, чирковская культура, сейминско-турбинский феномен, займищенский культурный тип.

Резюме. В статье перечисляются культуры территории лесного Поволжья среднего и позднего бронзового века, приводятся их датировки и рассматривается вопрос о культурогенезе на данной территории.

Юг лесного Поволжья на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века представлен рядом культур. Очертим круг культурных сообществ рассматриваемого периода.

Волосовская культура. Поздний и завершающий этапы датированы второй четвертью II тыс. до н. э. (Халиков, 1969. С. 163); рубежом III–II тыс. до н.э. (Никитин, 1996. С. 151); первой третью II тыс. до н. э. (Соловьев, 2000. С. 24). Радиоуглеродная калиброванная дата поселения Удельный Шумец VII дает период XXIII–XXI вв. до н.э. (Черных, Кузьминых, Орловская, 2011. Табл. 5, *a, b*).

Атликасинская культура общности боевых топоров выделена П.М. Кожиным (1967. С. 17). Отмечается обособленность от «амфорных» и «шнуровых» культур (Кожин, 2004), лесостепное южное или юго-западное происхождение (Соловьев, 2000. С. 55–56), формирование в Среднем Поочье и районах, расположенных к западу и северо-западу от него (Ставицкий, 2005. С. 65–66). Немногочисленные радиоуглеродные датировки памятников с атликасинскими проявлениями охватывают XXVII–XVIII вв. до н.э. (Черных, Кузьминых, Орловская, 2011. Табл. 5, *а, б*; 11, *а, б*).

Балановская культура общности боевых топоров выделена О.Н. Бадером (1950). «Прародиной» считаются южнорусские степи, Западное Причерноморье, Предкарпатье, Верхнее и Среднее Поволжье (Брюсов, 1961; Бадер, 1963. С. 312; Третьяков, 1966. С. 91; Крайнов, 1972. С. 263–265). На наш взгляд, культура сформировалась на Средней Волге путем слияния собственно балановского и атликасинского компонентов (Соловьев, 2000. С. 97–98). Радиоуглеродные калиброванные датировки охватывают XXVII–XVIII вв. до н.э. (Черных, Кузьминых, Орловская, 2011. Табл. 5, *a, b*; 11, *a, b*).

Чирковская культура выделена как крупное этнокультурное образование лесного Поволжья XVI–IX вв. до н.э., сформировавшееся на балановско-волосовской основе при участии сейминско-турбинского и кротовского субстратов (Халиков, 1969. С. 182–208). Отмечено отсутствие прямой связи чирковских поселений с сейминско-турбинскими могильниками, предложена новая хронология (конец III – первая треть II тыс. до н.э.), ареал ограничен югом лесной полосы Среднего Поволжья (Соловьев, 2000. С. 25–59).

Средневолжская абашевская культура входит в обширную культурно-историческую общность, относится к рубежу среднего – позднего бронзового века. Единственную радиоуглеродную дату – XXVII–XXI до н.э. –

трудно использовать для абсолютных заключений.

Сейминско-турбинский феномен. Концепция сейминско-турбинского транскультурного феномена базируется на идее стремительной миграции смешанных популяций металлургов-коневодов Алтая и охотников-рыболовов Прибайкалья, Восточных Саян, Среднего Енисея (Черных, Кузьминых, 1989). Широкую традиционную хронологию – XVII–VIII вв. до н.э. (Черных, Кузьминых, 1989. С. 256–265) конкретизируют калиброванные радиоуглеродные даты – XXII–XVIII вв. до н.э., в целом соответствующие абсолютным датировкам – XXI–XVII вв. до н.э. южно-таежных, лесостепных, степных культур конца среднего – начала позднего бронзового века (Юнгнер, Карпелан, 2005; Епимахов, Хэнкс, Ренфрю, 2005). Синкретические сейминско-турбинские коллективы региона в основном включали в себя носителей покровских культурных традиций (Соловьев, 2013. С. 35).

Займищенский культурный тип. А.Х. Халиковым памятники займищенского типа включены в первый этап приказанской культуры – XVI–XV вв. до н.э. По-прежнему актуально его мнение об их покровско-абашевской подоснове и принадлежности к покровско-синташтинскому этапу бронзового века Поволжья и Приуралья (Халиков, 1989. С. 66–67, 71). Автор настоящей статьи сопоставил керамику займищенского типа с покровской посудой (Соловьев, 2000. С. 89). Диапазон радиоуглеродных датировок ранних срубных (покровских) комплексов Поволжья составляет XIX–XVII вв. до н.э.

На юге лесной зоны Среднего Поволжья в конце среднего – начале позднего бронзового века прослеживаются две линии культурогенеза. Первая отражает формирование балановской культуры на основе взаимодействия родственных племен индоевропейской общности боевых топоров, вторая – появление синкретической чирковской культуры, сложившейся при участии местного (прафинского в этническом плане) поздневолосовского, балановско-атликасинского и зауральского елунинско-кротовского субстрата, связанного с носителями сейминско-турбинских культурных традиций. Спорным выглядит участие в этнокультурных процессах индоиранских абашевских группировок, поскольку большинство исследователей склоняются к мысли о враждебном характере их отношений с представителями атликасинской, балановской, чирковской культур, сейминско-турбинского феномена, включавшего лесостепное, в основном покровское население. Требует специального изучения проблема формирования оригинального займищенского культурного типа, возможно, представляющего сбой поздний дериват лесостепных покровских древностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бадер О.Н. К вопросу о балановской культуре // СЭ. 1950. № 1. С. 59–81.

Бадер О.Н. Балановский могильник. Из истории лесного Поволжья в эпоху бронзы. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 371 с.

Брюсов А.Я. Об экспансии «культур с боевыми топорами» в конце III тыс. до н.э. // СА. 1961. № 3. С. 14−33.

Епимахов А.В., Хэнкс Б., Ренфрю К. Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. 2005. № 4. С. 92–102.

Кожин П.М. О происхождении фатьяновской культуры: Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1967. 35 с.

Кожин П.М. Атли-касинская культура в свете исследований балановской культуры О.Н. Бадером и А.Х. Халиковым // Древность и средневековье Волго-Камья. Мат-лы Третьих Халиковских чтений. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2004. С. 92–95.

Крайнов Д.А. Древнейшая история Волго-Окского междуречья. М.: Наука, 1972. 274 с.

Никитин В.В. Каменный век Марийского края. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1996. 187 с.

Соловьев Б.С. Бронзовый век Марийского Поволжья. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2000. 264 с. (Тр. Марийской археологической экспедиции; Т. VI).

Соловьев Б.С. Культурные компоненты Усть-Ветлужского могильника // Поволжская археология. 2013. № 2. С. 18–39.

Ставицкий В.В. Бронзовый век Посурья и Примокшанья. Пенза: Пенз. гос. пед. ун-т им. В.Г. Белинского, 2005. 146 с.

Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л.: Наука, 1966. 308 с.

Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. 396 с.

Халиков А.Х. Поволжье в покровское время // Археология Восточно-европейской степи. Вып. 1. Саратов, 1989. С. 65–71.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. 320 с.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В., Орловская Л.Б. Металлоносные культуры лесной зоны вне системы Циркумпонтийской провинции: проблемы радиоуглеродной хронологии IV–III тыс. до н.э. // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 2. М.: ИА РАН, 2011. С. 24−62.

Юнгнер Х., Карпелан К. О радиоуглеродных датах Усть-Ветлужского могильника // РА. 2005. № 4. С. 112.

ПОГРЕБЕНИЯ ВОИНОВ-КОЛЕСНИЧИХ И КУЛЬТ СВЯЩЕННОГО НАПИТКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКОВ СИНТАШИНСКОГО ТИПА)

© 2014 г. С.В. Сотникова

Тобольская государственная социально-педагогическая академия, Тобольск (svetlanasotnik@mail.ru)

Ключевые слова: памятники синташтинского типа, культ, священный напиток, воины-колесничие.

Резюме. В синташтинских погребениях воинов-колесничих встречаются предметы, которые исследователи интерпретируют как давильные камни для приготовления *Сомы*. На основании текстов «Ригведы», автор приходит к выводу, что в среде воинов-колесничих существовал культ священного напитка, который выступал как средство добывания победы в колесничных состязаниях и в реальных военных действиях.

В памятниках синташтинского типа и прежде всего в тех могильниках, которые входят в Синташтинский комплекс, прослеживается интересная закономерность – набор предметов, связанный, по мнению исследователей, с приготовлением культового напитка типа *Сомы* и представляющий собой камень – основание давильни, а также пест – толкушку. Находят их, как правило, в погребениях воинов с характерным «колесничным» инвентарем (псалии, углубления для колес от колесницы, копья, наконечники стрел, тесла, топоры) (Генинг В.Ф., Зданович, Генинг В.В., 1992. С. 208–214).

Безусловно, комплексы, связанные с культом священного напитка, более уместны в погребении жреца, а не воина, поэтому на их интерпретации следует остановиться особо. Некоторые исследователи считают, что памятники синташтинского типа связаны с индоиранской традицией (Кузьмина, 2008. С. 200–201), что позволяет обратиться к «Ригведе» и мифологической традиции ведийских ариев. В ведийской мифологии воинскую функцию воплощает бог Индра, причем он именно воин-колесничий, среди его постоянных эпитетов – «стоящий на колеснице», но в то же время «пьющий Сому», «растущий», «усиливающийся». По текстам «Ригведы» (1999а–в) реконструируется сюжет принесения орлом божественного напитка Сомы для Индры, благодаря чему он смог победить Вритру (РВ IV.18). Т.Я. Елизаренкова, со ссылкой на Т. Оберлиса, отмечает, что для Индры сила и мощь не являются врожденными, они возникают в нем, когда он напьется Сомы, именно от Сомы он возрастает и усиливается (Елизаренкова, 1999. С. 340). Индра, как правило, выступает в окружении толпы Марутов, также воинов-колесничих (РВ V. 57. 1): «Приезжайте, о Рудры, сопровождающие Индру, единодушные, / На золотых колесницах (нам) на

благо!» Они помогают Индре в расправе над демонами (РВ VIII. 7. 23–24): «Они переехали Вритру по суставам, / Пере(ехали) горы,…/ Они …/ (Поддержали) Индру в борьбе с Вритрой». Маруты, как и Индра, часто вступают в сражения в состоянии опьянения Сомой (РВ I. 87. 1): «Очень бодрые, страшно сильные, брызжущие (энергией), / Несгибаемые, непоколебимые, пьющие сому из выжимок…»

Ритуалам, связанным с приготовлением Сомы, посвящена практически вся мандала IX. Однако реальные обрядовые действия имеют в гимнах образное выражение. Чтобы понять эту образность, необходимо представить реальный процесс приготовления напитка. Т.Я. Елизаренкова так реконструирует этот процесс: стебли Сомы замачивали в воде, они набухали, из них выжимали сок давильными камнями, затем он очищался через цедилку из овечьей шерсти и смешивался с добавлениями (водой, коровьим молоком, кислым молоком, взбитым ячменным зерном). После смешения с добавлениями Сома становится вкусным напитком, и его пьют боги (прежде всего Индра) и люди (Елизаренкова, 1999. С. 326, 328).

Воздействие Сомы на того, кто его вкусил, передается глаголом *mad-* «приходить (приводить) в радостное возбуждение», «опьянять(ся)», «воодушевлять(ся)». Причем, как отмечал Гельднер, «если переводить это как “опьянять”, то этим слишком много сказано, а если “воодушевлять”, то слишком мало». Еще один глагол, выражающий воздействие Сомы, – это *vrdh-* «увеличивать(ся)», «возрастать», «усиливать(ся)». Таким образом, вкушающий Сому испытывал радостное возбуждение, прилив физических сил (Елизаренкова, 1999. С. 328–329).

Однако обожествлялся не только священный напиток Сома, особым почитанием были отмечены также давильные камни, с помощью которых выжимался сок. В «Ригведе» несколько гимнов мандалы X специально посвящено давильным камням для Сомы (РВ X. 76; X. 94; X. 175). В одном из стихов гимна давильные камни изображены как кони, везущие десять пальцев жреца, выжимающего сок Сомы (РВ X. 94. 6–8): «Когда они взревели, пыхтя (и) заглатывая, / Их фырканье было слышно, как у скаковых коней. Пропойте (славу камням) с …десятью подпругами, / Десятью постромками, десятью сбруями, / Десятью поводьями, нестареющим, / Везущим десять дышел, десять запряженных (пальцев). / Эти камни-кони с десятью ремнями, / Приятная их узда движется кругами, / Они вкусили сливки первого стебля /Выжатого сока сомы». Такое восприятие давильных камней через отождествление со скаковыми конями делает понятным помещение их в могилы воинов-колесничих.

Помимо давильных камней о культе священного напитка в погребениях воинов Синташтинского большого грунтового могильника могут свидетельствовать остатки деревянных сосудов с бронзовыми деталями. Так, в погребении 6 помимо давильных камней обнаружено «несколько сосудов, по-видимому, деревянных, от которых сохранились медные скобки и гвоздики». В погребении 39 при костяке Б найдено значительное количество оружия, давильные камни, а в ногах – деревянное блюдо с медными гвоздиками (Генинг В.Ф., Зданович, Генинг В.В., 1992. С. 140, 230–234). В мандале IX «Ригведы» неоднократно говорится о том, что Сому разливали по деревянным сосудам: «Павамана потек, словно дождь с неба. / Сома в тысячу потоков уселся у нас: / В лоне матери и в деревянном сосуде» (РВ IX. 89. 1); Выжатый камнями, о сома, / Через сито из овечьей шерсти, / Буланый входит в два чана, как отряд в крепость, / Ты устроил себе место в деревянных сосудах» (РВ IX. 107. 10).

Однако были воины-колесничие изготовителями ритуального напитка или только его потребителями – вопрос спорный. В связи с этим Я.В. Васильков, опираясь на данные «Ригведы» и «Махабхараты», подробно останавливается на сюжете о Трите и его братьях. Этот сюжет, по его мнению, восходит к индоевропейской древности. Трита был одним из первых, кто научился выжимать и применять в обряде сок растения Сомы/Хаомы. Я.В. Васильков, со ссылкой на Б. Линкольна, отмечает, что во всех индоиранских традициях Трита не бог, а смертный герой. Он также высказывает мнение, что у иранцев и ранних индийцев первые выжиматели Сомы/Хаомы – воины и цари. Кроме того, этот исследова-

тель обращает внимание на взаимоотношения Триты с Индрой: «…ведийский Трита обычно побеждает дракона, побуждаемый Индрой (РВ X. 8, 9) или пользуясь его помощью (РВ II. 11, 19; V, 86, 1; X. 48, 2); сам же он помогает Индре в его борьбе, поднося тому придающий силу напиток – сому (РВ IX. 34, 4; 86, 20; ср. VIII. 12, 16). Эти отношения Б. Линкольн вполне убедительно объяснил как отношения смертного воителя (героя) с воителем-богом, когда они взаимно укрепляют силы друг друга: Индра посылает герою Трите победу, а Трита приносит богу в жертву сому, чтобы придать ему силы для его космической битвы (Васильков, 2009. С. 54; 2010. С. 46–50). По-видимому, в ранний период сложения культа священного напитка, дающего прилив физических сил, сами воины были изготовителями и главными его потребителями. Именно этот этап развития культа отражают, по-видимому, синташтинские захоронения воинов-колесничих. Гимны мандалы IX «Ригведы», вероятно, относятся к более поздней стадии развития данного культа, когда изготовление священного напитка стало привилегией жрецов.

Одной из сфер применения священного напитка было добывание воинами победы в колесничных состязаниях, о чем свидетельствуют те образы, в которых описывается ритуал приготовления Сомы в «Ригведе». Например, потоки сока Сомы, бегущие при выжимании растения или прохождении его через цедилку из овечьей шерсти, образно описываются как состязания конных колесниц (РВ IX. 13. 6; IX. 43. 5; IX. 45. 4; IX. 92. 1 и др.). Более подробно этот вопрос уже рассматривался автором в другой работе (Сотникова, 2013). К этому следует добавить, что эти состязания были именно ритуалом, а не развлечением или спортивным соревнованием, и участники состязаний были своего рода исполнителями ритуала.

Другой сферой применения ритуального напитка следует считать реальные военные действия. В мандале IX сок Сомы дарует победу над врагами: «С отрядом героев, со всеми мужами, покоряющий / Победитель, захватчик богатств, очищайся, / (Бог) с острым оружием, с луком, быстрым в боях, / Не покоренный, (но) покоряющий врагов в битвах!» (РВ IX. 90. 3); «Кто, как Индра, свершитель великих дел, – / Ты, о сома, убийца врагов, проломитель крепостей, / Ведь словно (конь) Педу, ты убийца носящих имя змеи, / Всякого дасью, о сома» (РВ IX. 88. 4); «Вдохнови нас в битве, о Павамана – / Ведь ты сила действия богов, приятное опьянение! / Убивай врагов, (бросайся) на ликующих!» (РВ IX. 85. 2); «Кто побеждает, (но) непобедим, / (Кто) разбивает врага, напав (на него), – / Таким очищайся, о завоеватель тысяч!» (РВ IX. 55. 4); «Так пусть же сома, сок Индры, / Станет ваджрой, захватывающей тысячи /…Ты – тот, кто стремится захватить богатства / Для победителей в сражениях» (РВ IX. 47. 3, 5); «Рядясь в блеск, (соки сомы) вошли в бессмертие, / Сражения проходят успешно, когда он бежит размеренным шагом» (РВ IX. 94. 4).

Как отмечает Т. Оберлис, для мандалы IX характерно изображение Сомы в образе агрессивного царя, собирающегося в военный поход за добычей. Причем это изображение умещается в рамки последовательных этапов ритуала приготовления священного напитка: стекание выжатого сока из-под пресса – выезд царя в военный поход, очищение сока через цедилку – преодоление препятствий на пути к победе, стекание сока в сосуды – нападение на укрепления противника, смешение с молоком – захват и раздача добычи. Однако эта точка зрения признается далеко не всеми, так Т.Я. Елизаренкова считает, что предложенная система соответствий излишне жесткая и прямолинейная (Елизаренкова, 1999. С. 338).

Таким образом, можно высказать предположение, что у синташтинского населения в среде воинов-колесничих существовал культ ритуального напитка, употребление которого якобы приносило победу в колесничных состязаниях и в реальных военных действиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильков Я.В. Между собакой и волком: по следам института воинских братств в индийских традициях // Азиатский бестиарий: Образы животных в традициях Южной, Юго-Западной и Центральной Азии / Отв. ред. М.А. Родионов. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 47–62.

Васильков Я.В. Миф, ритуал и история в «Махабхарате». СПб.: Европейский Дом, 2010. 400 с.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: археологические памятники арийских

племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск: Южно-Урал. кн. изд-во, 1992. 408 с.

Елизаренкова Т.Я. О Соме в Ригведе // Ригведа. Мандалы IX–X. М.: Наука, 1999. С. 323–353.

Кузьмина Е.Е. Арии – путь на юг. М.: Летний сад, 2008. 558 с.

Ригведа. Мандалы I–IV. М.: Наука, 1999а. 768 с.

Ригведа. Мандалы V–VIII. М.: Наука, 1999б. 745 с.

Ригведа. Мандалы IX–X. М.: Наука, 1999в. 560 с.

Сотникова С.В. К вопросу о роли ритуального напитка в колесничных культурах эпохи бронзы евразийских степей (по материалам памятников синташтинского типа) // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2013. С. 158–161.

О МЕТАЛЛООБРАБОТКЕ САМУСЬСКО-КИЖИРОВСКОГО ТИПА: КЕЛЬТЫ[1]

© 2014 г. И.А. Спиридонов

Уральский федеральный университет, Екатеринбург
(Z-is5@mail.ru)

Ключевые слова: бронзовый век, сейминско-турбинский, самусь-кижирово, Шайтанское Озеро II, металлообработка, кельты.

Резюме. Работа посвящена топорам-кельтам постсейминского типа, распространенным от Урала до Минусинской котловины. Концентрация литейных форм для изготовления подобных изделий в районе Томского Приобья позволила выделить своеобразный тип металлообработки – «самусь-кижировский». Значительный вклад в его изучение вносят материалы памятника Шайтанское Озеро II.

С момента публикации первых материалов памятник Самусь IV вызвал огромный интерес в научной среде. В первую очередь это связано с большим количеством фрагментов литейных форм (более 400), что послужило основанием для выделения «самусьско-кижировского» типа металлообработки и среднеобского (самусьского) центра бронзолитейного производства (Косарев, 1963. С. 24; Матющенко. 1978. С. 22).

Среди материалов памятника Самусь IV преобладают литейные формы для изготовления кельтов. Исследователи отмечают неоднородность морфологических признаков и орнаментальных композиций. Присутствие в материалах памятника фрагментов литейных форм кельтов, украшенных сложным «ковровым» узором на фоне большого количества негативов с «поясковым» орнаментом, наталкивает на мысль об ином происхождении данных предметов (рис 1, *1–6*). Металлические изделия, относимые к самусьско-кижировскому типу металлообработки, распространены на значительной территории от Урала (рис. 1, *7, 8*) на западе до Среднего Васюганья, Алтая и Минусинской котловины на востоке. К западу от Уральских гор в настоящее время подобные находки не известны. Распространенные на большой территории, в каждом отдельно взятом регионе кельты данного типа имеют свои особенности. Для зауральских экземпляров, как правило, характерна короткая прямая втулка (рис. 1, *7–10*). Для кельтов с Алтая, Верхнего Приобья и Минусинской котловины типичны втулки, оформленные в виде раструба (рис. 2, *1, 2*), реже ряд жемчужин в орнаментальном пояске (рис. 2, *3*) и украшения ложных ушек (рис. 2, *4*). По мере удаления на восток особой отличительной чертой становится малый размер самого предмета (рис. 2, *5, 6*).

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проекты № 13-06-00202а, 13-06-10014к.



Рис. 1. Кельты. *1–6* – Самусь IV; *7* – оз. Березовое; *8* – р. Крутобереговая; *9* – Андреевское озеро: *10* – Сигаево.

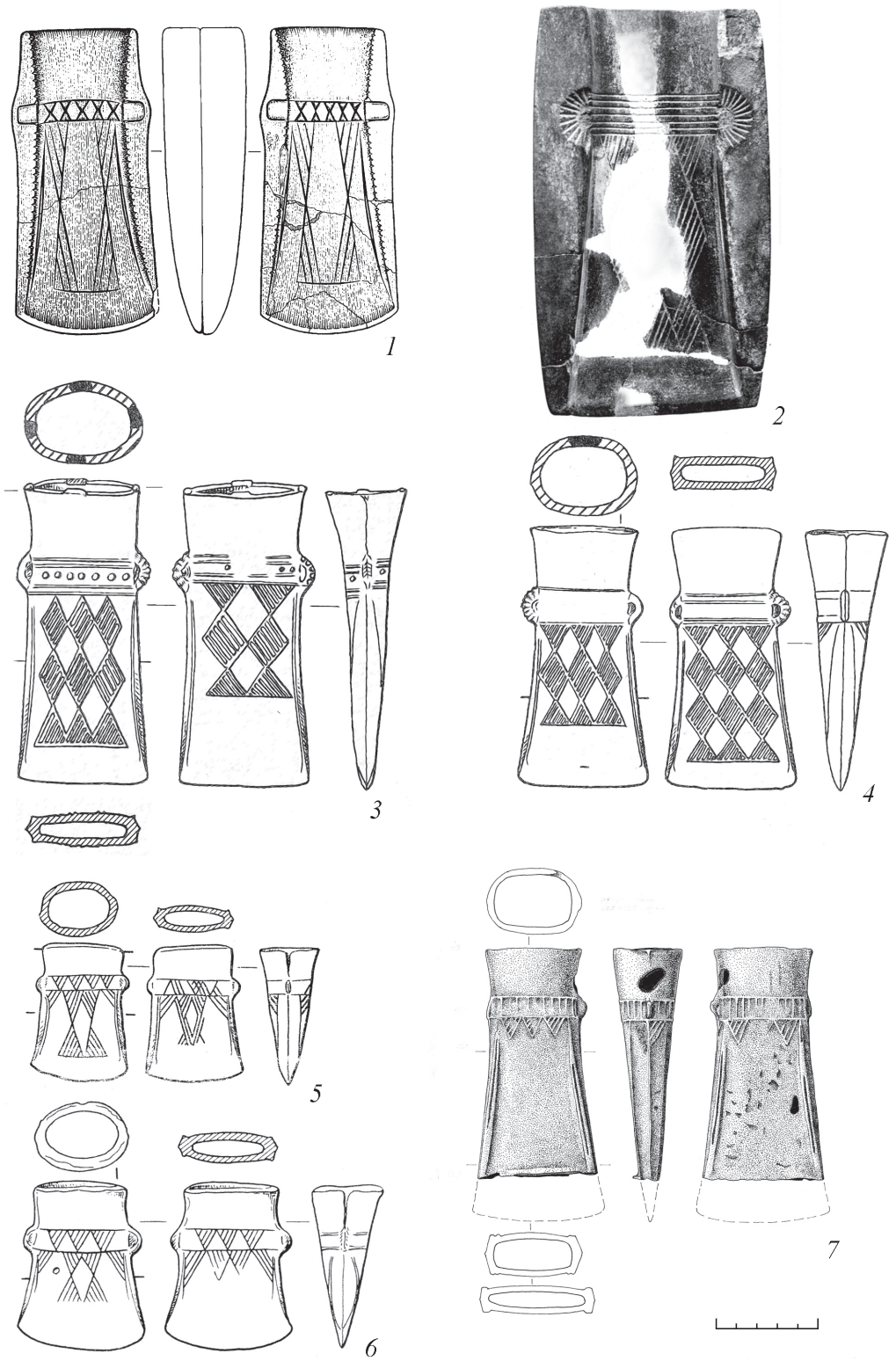


Рис. 2. Находки кельтов. *1* – Тунка; *2* – Танай-4; *3* – Кижирово; *4* – Косиха; *5* – р. Собакина; *6* – Кубеково; *7* – Шайтанское Озеро II.

По мнению ряда исследователей, кельты самусьско-кижировского типа эволюционно связаны с сейминско-турбинскими традициями (Черных, Кузьминых, 1989. С. 147; Есин, 2003. С. 37) и отличаются стремлением к прямоугольному абрису, отношением длины лезвия к втулке, как 1:1, плоской фаской, ложными ушками (Черных, Кузьминых, 1989. С. 146).

Производство кельтов самусьско-кижировского типа традиционно связывали с Томским Приобьем и Алтаем. Открытие на территории Среднего Урала уникального металлокомплекса – святилища Шайтанское озеро II внесло существенные коррективы в представления о географии самусьско-кижировских бронз. В первую очередь металл Шайтанского озера II позволил атрибутировать многочисленные случайные находки кельтов и других предметов с территории горно-лесного Зауралья и соотнести их с местной коптяковской культурой (Сериков и др., 2009. С. 75; Корочкова, Стефанов, 2013. С. 95). Помимо этого ряд кельтов Шайтанского Озера II, отвечая стандартам самусьско-кижировского типа металлургии, довольно близко соотносятся с материалами сейминско-турбинских памятников, прежде всего с материалами могильника Ростовка и коллекцией сейминско-турбинских бронз из Прииртышья (Матющенко, Синицина, 1988. С. 19. Рис. 18, *1*; Молодин, Нескоров, 2010. С. 62. Рис. 8), что позволяет говорить о более раннем возрасте святилища Шайтанское Озеро II по отношению к памятнику Самусь IV. Также хочется отметить наличие в материалах памятника Шайтанское Озеро II предметов, характерных для восточных территорий. К таким изделиям можно отнести кельт (рис 2, *7*) трапециевидной формы с покатыми боковыми гранями. Размеры: длина сохранившейся части – 116 мм, максимальная ширина – 59 мм, диаметр втулки – 48 х 34 мм. Материал: Cu+Sn (Zn), по результатам спектрального анализа. Втулка высокая, оформлена в виде раструба. Профиль орудия представляет собой симметричный клин. Лезвийная часть кельта отсутствует. Сечение в срединной части шестигранное, в районе втулки – овальное. На втулке и одной из фасок расположены отверстия с закругленными краями, образованные не слившимися потоками преждевременно застывшего металла. Орнаментальная композиция состоит из пояска-лесенки, от которого на каждую фаску опускается три заштрихованных треугольника, обращенных вершинами вниз. На боковых гранях оформлены слабовыраженные ложные ушки. Кельт с высокой втулкой в виде раструба сам по себе редкость для территории Среднего Урала, но уникальность изделия заключается скорее в том, что каждое ребро жесткости, отделяющее фаску от боковой грани, оформлено в виде двух валиков, в некоторых местах сливающихся в одно целое. Несимметричность, с которой выполнены слияния валиков в одно ребро, наталкивает на мысль о дефектах литейной формы, возможно, вызванных длительной эксплуатацией.

Таким образом, если наши умозаключения верны, в материалах святилища Шайтанское Озеро II представлены кельты, формы которых характерны не только для территории Среднего Урала, но и в несколько измененной форме для Западной Сибири. Подобные изменения, закрепившись на определенной территории, становятся морфологической особенностью, приобретая статус индикатора и подтверждая формирование собственных технологических предпочтений в среде литейщиков западного и восточного ареалов самусьско-кижировского типа металлообработки.

Совокупность металлических находок со Среднего Урала, а также особенности металлообработки данного региона позволяют с определенной долей вероятности предполагать функционирование на данной территории в XIX–XVIII вв. до н.э. самостоятельного производящего центра, базировавшегося на местной сырьевой базе и сочетании сейминско-турбинских и евразийских традиций металлообработки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Есин Ю.Н. К вопросу о бронзолитейном производстве на поселении Самусь IV // Вестник НГУ. 2003. Серия: История, филология. Т. 2. Вып. 3: Археология и этнография. 2003. С. 35–39.

Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Культовый памятник эпохи бронзы на Шайтанском озере под Екатеринбургом (по материалам раскопок 2009–2010 гг.) // РА. 2013. № 1. С. 87–96.

Косарев М.Ф. Среднеобский центр турбинско-сейминской металлургии // СА. 1963. № 4. С. 20–26.

Матющенко В.И. Среднеиртышский центр производства турбинско-сейминских бронз // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1978. С. 22–36.

Матющенко В.И., Синицина Г.В. Могильник у д. Ростовка вблизи Омска. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1988. 136 с.

Молодин В.И., Нескоров А.В. Коллекция сейминско-турбинских бронз из Прииртышья (трагедия уникального памятника – последствия бугровщичества XXI века) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 3 (43). С. 58–71.

Сериков Ю.Б., Корочкова О.Н., Кузьминых С.В., Стефанов В.И. Новые сюжеты в изучении бронзового века Урала // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 2 (38). С. 67–78.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. 320 с.

СООТНОШЕНИЕ ТИП – МЕТАЛЛ – ТЕХНОЛОГИЯ В АЛАКУЛЬСКИХ ИЗДЕЛИЯХ СРЕДНЕГО ПРИТОБОЛЬЯ

© 2014 г. Е.В. Тигеева

Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН, Тюмень (tigeelena@mail.ru)

Ключевые слова: алакульская культура, Среднее Притоболье, металлопроизводство, металлографический анализ.

Резюме. В работе излагаются результаты исследования металлопроизводства алакульских памятников Среднего Притоболья, проведенного с использованием морфолого-типологического, рентгено-флуоресцентного, атомно-эмиссионного спектрометрического и металлографического методов. Установлена корреляция между выделенными химико-металлургическими группами и применявшимися технологическими схемами с типологическими и функциональными группами и категориями изделий. Выявлена преемственность в развитии петровского и алакульского металлопроизводства.

При исследовании металлических предметов из цветного металла алакульской культуры Среднего Притоболья методами морфолого-типологического, рентгено-флуоресцентного, атомно-эмиссионного спектрометрического и металлографического анализов выявлена четкая корреляция типов, химико-металлургических групп и технологических схем инвентаря, свидетельствующая о высоком уровне алакульского металлопроизводства.

В обширную коллекцию металла Среднего Притоболья для изучения были отобраны морфологически определенные изделия алакульской культуры, происходящие из поселений Камышное-1, 2, Нижнеингальское-3, Волосниково, Алексеевское, Ук-3 и могильников Камышное-1, Верхняя Алабуга, Раскатиха, Субботинский, Кулевчи-6, Хрипуновский, Чистолебяжский, Алакульский, Алексеевский (всего 257 экз.). Выделено три категории изделий.

I – орудия труда (36 экз., 14%), такие как слабоизогнутые серпы, двулезвийные ножи-кинжалы листовидной формы, шилья четырехгранные в сечении и крюки с петлей для подвешивания и заточенным острием, а также игла.

II – украшения (182 экз., 70,8%), среди которых самый многочисленный вид – браслеты разных типов, а самая редкая находка – желобчатая гривна. Широко представлены подвески, входящие в состав как головных,

так и шейно-нагрудных уборов. Это кольцевидные трубчатые подвески или височные кольца, ножевидные или листовидные подвески, входящие в состав накосников, подвески крестовидные, очковидные и в полтора оборота. Также интересны медные орнаментированные бляшки с концентрическими окружностями и другими солярными символами. Многочисленны бусы и пронизи, как одиночные, так и входящие в состав браслетов для рук и ног.

III – различные прутки, заготовки, слитки, скобы (39 экз., 15,2%).

Распределение алакульских изделий по поселениям и могильникам неравномерно. Поскольку алакульских поселений известно немного и они бедны инвентарем, большинство изделий происходят из могильников. Поселенческий материал составил 14% (36 экз.), а доля погребального инвентаря – 86% (221 экз.). Редко на поселениях удавалось найти украшения (10 экз., 27,8%), чаще они содержали орудия труда (16 экз., 44,4%) и заготовки (10 экз., 27,8%). Таким образом, прослеживается значительное превалирование украшений, найденных в погребениях (172 экз., 77,8%), над орудиями труда и вооружением, которые чаще всего обнаруживали на поселениях.

Статистическая обработка данных рентгено-флуоресцентного и атомно-эмиссионного спектрометрического анализов (257), позволила выделить шесть химико-металлургических групп, три из них основные[1]. В качестве нижнего порога легирования сплава были приняты условные величины Sn > 0,5%, Pb > 1%, As > 0,3%. Концентрация олова в сплавах колеблется в пределах от 0,5 до 20%. К группе низколегированных сплавов (0,5–5%) отнесено 94 экз. (53,7%), среднелегированных (6–12%) – 68 экз. (38,9%), высоколегированных (13–20%) – 13 экз. (7,4%). Последняя группа представлена крестовидными подвесками, браслетами и слитком.

Самая многочисленная группа, куда входит более половины изделий, – группа оловянных бронз (140 экз., 54,5%; Sn 0,5–20%). Далее следует группа «чистой меди» (80 экз., 31,1%) и группа трехкомпонентных медно-оловянно-свинцовых сплавов (29 экз., 11,3%; Sn 1,03–20%; Pb 1–6 %). К нехарактерной для алакульской культуры группе оловянно-мышьяковых бронз относятся шесть предметов (2,3%; As 0,3–1%) и один слиток (0,4%) из мышьяковой бронзы (As 15%). Из биллона изготовлена бусина (Ag 15%), входящая в состав браслета. Малый процент изделий из мышьяковых бронз закономерен для серий металла андроновской общности, ориентированной на южноуральские, северо- и центральноказахстанские рудные источники (Дегтярева, Кузьминых, Орловская, 2001. С. 34). Изделия из мышьяковых сплавов преобладают в синташтинской культуре и в меньшей степени имеются в петровской, в алакульской же культуре этот тип сплава находит эпизодическое применение и может быть наследием культур I фазы Евразийской металлургической провинции (Дегтярева, 2010. С. 86).

По линии «химико-металлургические группы – типология изделий» прослежена корреляция. В поселенческом металле группы «чистой меди» и оловянной бронзы представлены в равном количестве (по 41,7%). Затем следует медно-оловянно-свинцовый сплав (8,3%), групп Cu + Sn + As (5,5%) и Cu + As (2,8%). Процент изделий из чистой меди в поселенческом материале выше в связи с наличием скоб, прутков, крюков, кусков проволоки, ножей, изготовленных из данного вида металла. В погребениях алакульской культуры значительно преобладает группа оловянных бронз (56,1%). Группа «чистой меди» на втором месте (29,9%), далее следуют сплавы Cu + Sn + Pb (11,8%), Cu + Sn + As (1,8%), Cu + Ag (0,4%). Подавляющее большинство предметов изготовлено из оловянной бронзы или медно-оловянно-свинцового сплава, это явление объясняется тем, что в погребальном инвентаре преобладают либо орудия труда, либо украшения – этнические маркеры, такие как браслеты, перстни, подвески (в особенности крестовидные), все они изготавливались из данных видов сплавов. Для бусин, скоб, бляшек, за редким исключением, использовали «чистую медь». Таким образом, отмечается зависимость между типом изделия и сырьем для его изготовления.

1 Анализы выполнены в лабораториях естественно-научных методов ИА РАН, археологической технологии ИИМК РАН, а также в Институте неорганической химии СО РАН.

Эта же взаимосвязь влияла и на выбор технологической схемы. На бляшки и накладки орнамент наносился методом чеканки, поэтому материал должен был быть мягким и податливым, таким как чистая медь (Мальцев, Барсукова, Борин, 1960. С. 9). Ножи отливали из низколегированной оловом бронзы, этот сплав достаточно прочен и мог выдерживать доработку холодной ковкой для вытяжки и заострения лезвийной части, предварительно отлитого в форме изделия. Крестовидные подвески из оловянной бронзы (с высоким содержанием олова до 25%) не подвергались последующей доработке, поскольку это могло привести к поломке изделия, выполненного из сплава, отличающегося красотой и гладкостью, но не прочностью (Сучков, 1967. С. 155). Для браслетов с содержанием олова 10–13% применялся особый вид термообработки бронз – отжиг гомогенизации. Столь высокие концентрации олова делают состав хрупким, а предварительный отжиг выравнивает металлическую структуру, благодаря чему изделие предохраняется от разрушения и трещин в результате ковки. Зная о таких свойствах оловянной бронзы, алакульские мастера осознанно подходили к выбору технологических схем.

Преобладающими видами обработки металла в алакульский период были кузнечные технологии в сочетании с обработкой металла давлением по горячему металлу при температуре 600–800º С (46,1%). Далее следует холодная ковка с промежуточными отжигами для повышения пластичности металла (32,7%). Особые варианты технологии – литье без доработки (8,3%), а также предварительный отжиг гомогенизации с последующей горячей или холодной ковкой (7,1%) – выявлены на примере этнических маркеров носителей культуры: крестовидных подвесок и браслетов со спиралевидными завитками, изготовленных из высокооловянной бронзы (15–20%). Неполная горячая ковка при температуре 250–400º С, а также литье с последующей холодной ковкой с отжигами отмечены в нескольких случаях (3,2 и 2,6% соответственно).

Доминирование украшений (182 экз.) в исследованной коллекции повлияло на распределение изделий по химико-металлургическим группам. Преимущественно использовалась оловянная бронза (54,5%), легированная оловом в пределах 0,5–20%. Группа чистой меди, из которой изготавливались скобы, бусины, пронизи, бляшки, прутки-заготовки, крюки, среди погребального и поселенческого инвентаря насчитывает 31,1%. Медно-оловянно-свинцовый сплав – 29экз. (11,3%).

Корни некоторых алакульских изделий следует искать в более ранних абашевской, синташтинской и петровской культурах, на формирование которых в свою очередь большое влияние оказала ямная культура, являющаяся общей подосновой в генезисе металлопроизводства культур I фазы Евразийской металлургической провинции. В ямной культуре отмечены подвески в полтора оборота, согнутые из круглой медной проволоки, обоймы, пронизки, бляшки с пуансонным орнаментом (Дегтярева, 2010. С. 41). Листовидные подвески (как части накосников) выявлены в памятниках петровской, алакульской, синташтинской культур. Очковидные подвески зафиксированы в петровской, алакульской и абашевской культурах. Перстни со спиралевидными окончаниями обнаружены в материалах петровской, алакульской, срубной, синташтинской культур. Браслеты со спиралевидными завершениями известны в петровских, алакульских и федоровских памятниках. Таким образом, ряд украшений характерен для широкого ареала памятников абашевской, потаповской, синташтинской, срубной культур, реже они встречаются в федоровских комплексах. Крестовидные подвески распространены лишь в древностях петровского и алакульского типа и указывают на взаимосвязь традиций этих культур.

На основе проведенного исследования выявлена преемственность в развитии петровского и алакульского металлопроизводства, проявляющаяся в морфологическом сходстве типов украшений, использовании для изготовления украшений и орудий труда низколегированных оловянных бронз, в меньшей степени чистой меди, в том числе полученной из окисленной и сульфидной руды. Оловянная лигатура поступала в виде небольших прямоугольных брусков с концентрацией олова 2–5%, возможно, из центральноказахстанского нуртайского металлургического очага.

Определена взаимосвязь между типом изделия, составом сырья для его изготовления. Осознанный и верный выбор технологических схем в зависимости от свойств металла и предназначения изделия говорит о развитом уровне алакульского металлопроизводства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В., Орловская Л.Б. Металлопроизводство петровских племен (по материалам поселения Кулевчи 3) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2001. Вып. 3. С. 23–54.

Дегтярева А.Д. История металлопроизводства Южного Зауралья в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 2010. 162 с.

Мальцев М.В., Барсукова Т.А., Борин Ф.А. Металлография цветных металлов и сплавов. М.: Изд-во лит. по черным и цветным металлам, 1960. 280 с.

Сучков Д.И. Медь и ее сплавы. М.: Металлургия, 1967. 248 с.

ЖИЛИЩА ЭПОХИ БРОНЗЫ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРО-ВОСТОКЕ

© 2014 г. И.М. Тимушева

Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, Сыктывкар (timirina1981@yandex.ru)

Ключевые слова: эпоха бронзы, атаманнюрская культура, лебяжская культура, Европейский Северо-Восток, жилище.

Резюме. В работе обобщены и систематизированы все имеющиеся данные о жилищных комплексах эпохи бронзы на Европейском Северо-Востоке; выделены основные типы построек и выявлены характерные особенности жилищ известных культур: атаманнюрской, лебяжской.

Тема жилищ и организации жилищного пространства, несмотря на свою актуальность и значимость, – один из слабо изученных вопросов в археологии Европейского Северо-Востока. Больше внимания уделено постройкам эпохи камня – энеолита, частично рассмотрен вопрос об атаманнюрских многоугольных жилищах.

В работе обобщены и систематизированы сведения обо всех имеющихся данных о жилищных комплексах населения Европейского Северо-Востока во II–I тыс. до н.э. Рассмотрено 26 жилищ из 12 поселений. К сожалению, не все известные поселения с жилищами раскопаны полностью, что затрудняет реконструкцию поселений и материальную жизнь древнего человека.

Расположение поселений с жилищами эпохи бронзы на карте Европейского Северо-Востока неравномерно, что связано в первую очередь с особенностями расселения древнего населения. Постройки эпохи бронзы исследованы в бассейне рек Печора – 19 жилищ (Атаман-Нюр I, Топыд-Нюр XIII, Шиховское I, II, III, Лебяжская II, Адзьва II, Ягъель), Вычегда – 7 жилищ (Чудгудоръяг, Косъю, Борганъель IV, Воркерос II).

Топография поселений характеризует общие предпочтения в выборе места обитания первобытного населения региона: прикрае-

вые участки надпойменных «боровых» террас, обращенных к реке или старичному озеру, на мысовидных участках в устьях малых рек – притоков 2-3-го порядков.

Каких-либо общие черты и особенности в расположении жилищ на поселениях и их ориентации по отношению к реке не отмечены, за исключением поселения Борганъель IV, на котором сооружения располагались параллельно водоему и были ориентированы по линии ССЗ–ЮЮВ.

Все рассматриваемые жилища однокамерные. По форме котлована, основному признаку, постройки можно разделить на две большие группы: прямоугольные и многоугольные.

Изучено 12 жилищ подпрямоугольной в плане формы, из них 4 имели подквадратную в плане форму с неглубокими котлованами в основании. Площадь котлованов колеблется от 30 до 55 м^2 (средние) и от 86 до 120 м^2. (крупные).

Практически для всех жилищ характерно наличие одного, центрального очага, реже двух (Лебяжская II, Шиховское III). Отдельно стоит выделить жилища на поселении Борганъель IV, в которых по продольной оси располагались три очага-кострища, а в жилище 3 – четыре очага. Линза кострища в жилище 7 Атаман-Нюр I отделена от пола тонкой прослойкой песка без следов огня, что, по мнению исследователя В.С. Стоколоса, подразумевает сооружение очага в специальной раме из деревянных плах (Стоколос, 1988. С. 111).

Только на пяти жилищах зафиксировано по одному наклонному выходу в виде коротких пандусов.

Многоугольные жилища зафиксированы на поселениях вместе с прямоугольными. Отмечены пяти- и шестиугольные постройки площадью от 70 до 170 м^2, котлован которых был углублен относительного древнего горизонта до 0,9 м.

Практически все постройки окружали насыпные завалинки, представлявшие собой сложные сооружения, включавшие и стены жилища. В центре помещения располагался один, реже два (Шиховское I, Чудгудоръяг) открытых наземных очага.

Характерны шестиугольные в плане жилища с одним-двумя наклонными входами-пандусами. Пол жилища, как правило, был ровным, но слегка покатым вдоль стенок к середине. В ряде случаев отмечено посыпание пола жилища и пандусов красной охрой, чаще всего маркированы пространства вдоль стен. Однако при изучении некоторых строений остатки входов-выходов и столбовые ямки не обнаружены, что затрудняет реконструкцию сооружения.

Рядом со многими жилищами отмечены небольшие постройки хозяйственного назначения без очагов с бедными культурными остатками (Атаман-Нюр I и Чудгудоръяг), хозяйственные ямы внутри и вне помещения.

Исследователи, изучавшие жилища, неоднократно пытались реконструировать их по имеющимся остаткам. Жилище Чудгудоръяг представлялось в виде изолированной полуземлянки шатровой конструкции со срубным каркасом, утепленным мощной завалинкой. Внутреннее пространство делилось перегородкой на две части: центральную шестиугольной в плане формы и вдоль стен по периметру постройки – с лежанками и кладовыми (Логинова, 1993. С. 44).

В.С. Стоколос также полагал, что атаманнюрские сооружения были, видимо, шатрового типа с бревенчатой конструкцией, опущенной на дно вырытого котлована, что предохраняло его от деформации (Стоколос, 1997. С. 247). Л.И. Ашихмина реконструирует лебяжское жилище (прямоугольное в плане) как наземное в виде двускатного шалаша, присыпанного по основанию землей (кольцевой завалинкой) (Ашихмина, 1993).

Характерные особенности атаманнюрской культуры – многоугольные постройки наряду с обычными. Жилища лебяжской культуры представляют собой преимущественно легкие наземные постройки типа шалаша, с валообразной присыпкой вокруг.

Жилища эпохи бронзы во многом отличаются от энеолитических большими размерами, наличием одного (центрального), реже двух очагов, наличием одного выхода и завалинки, появлением многоугольных строений. В эпоху бронзы практически исчезают характерные для энеолита углубленные в котлован полуземлянки и распространяются легкие наземные прямоугольные и многоугольные жилища.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ашихмина Л.И. К вопросу о формировании лебяжской культуры // Взаимодействие культур Северного Приуралья в древности и средневековье. Сыктывкар, 1993. С. 60–76. (Мат-лы по археологии Европейского Северо-Востока; Вып. 12).

Логинова Э.С. Поселение Чудгудоръяг // Взаимодействие культур Северного Приуралья в древности и средневековье. Сыктывкар, 1993. С. 41–59. (Мат-лы по археологии Европейского Северо-Востока; Вып. 12).

Стоколос В.С. Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья. М.: Наука, 1988. 256 с.

Стоколос В.С. Энеолит и бронзовый век // Археология Республики Коми. М.: ДиК, 1997. С. 213–313.

КЕРАМИКА В РИТУАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ НАСЕЛЕНИЯ ПАХОМОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2014 г. Ал.Ал. Ткачев

Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Новосибирск (al.al.tkachev@mail.ru)

Ключевые слова: эпоха бронзы, андроноидные культуры, мировоззрение, ритуал, керамика, орнамент, целые сосуды, ритуальная керамика.

Резюме. В статье кратко рассмотрены основные характеристики и группы поселенческой керамики. Дано обоснование выделения новой группы керамики – ритуальной. Кроме этого рассмотрены случаи применения бытовых сосудов или их фрагментов в разных ритуалах.

Восприятие отдельного изделия или целого вещевого комплекса зависит не только от внешней по отношению к ним ситуации, но и от собственного бытового и мифо-ритуального предназначения конкретного предмета. Обычно отдельные категории вещей воспринимаются исследователями с определенных устоявшихся позиций. Назначение предмета устанавливается через обращение к мифо-ритуальному контексту, который нам слабо понятен, поэтому достаточно трудно оценить с данной позиции конкретный археологический артефакт (Балакин, 1998. С. 197).

В силу исторических особенностей керамическое производство у каждого народа развивалось своеобразно. В результате отрабатывалась и закреплялась определенная технология изготовления керамических изделий, бывшая частью художественной и ритуальной традиции, которая в свою очередь характеризует принципиальные подходы к изготовлению керамической посуды в каждом из регионов Евразии.

Обращаясь к позднебронзовым пахомовским древностям, распространенным в лесостепной зоне Западной Сибири, можно говорить о крупных сериях поселенческой и небольших выборках погребальной посуды. В основном это плоскодонные сосуды горшечной или горшечно-баночной форм с невысокой шейкой, плавно переходящей в слегка раздутое тулово. Встречаются сосуды вытянутых пропорций с маленьким дном и широким устьем, единичны округлодонные сосуды и сосуды с поддонами, банки крайне редки (Корочкова, 2010. С. 56).

Для орнаментики керамического комплекса характерны следующие элементы декора: ямки и каплевидные вдавления, сетка, канелюры, насечки, слабовыраженные валики,

«елочка», оттиски скобы, угловой штамп, нисходящая лесенка, горизонтальный и вертикальный зигзаг, наклонные, вертикальные и горизонтальные линии, разнообразные треугольники, в большинстве случаев, украшенные «бахромой», ромбы, заштрихованные ленты, меандры. В подавляющем большинстве декорирована зона венчика, шейки и тулова. Орнаментация придонной части и дна сосуда – исключительное явление (Ткачев А.А., Ткачев Ал.Ал., 2009. С. 87–88. Рис. 4; Костомаров, 2010. С. 14).

В керамических комплексах выделяют две, реже три группы посуды, которые примерно в равных пропорциях отмечены практически на всех пахомовских памятниках. Например, О.Н. Корочкова подразделяет керамику пахомовской культуры на две основные группы: «нарядную» (парадную или ритуальную) и «ненарядную» (бытовую или кухонную) (Корочкова, 2010, С. 58. Рис. 29, 30). В.М. Костомаров рассматривал пахомовскую посуду в рамках трех морфологических групп: сосуды небольших приземистых форм с округлым или приостренным венчиком, с развитой геометрической орнаментикой, близкие андроновско-федоровским по форме и стилю нанесения узора; сосуды горшечно-баночных форм, имеющих вертикальную шейку, округлый или уплощенный венчик, с преобладанием в орнаментике гребенчато-ямочных мотивов; небольшие емкости с округлым дном, для которых характерны разные виды зонирования и орнаментики, бедность узора или его отсутствие (Костомаров, 2010. С. 13).

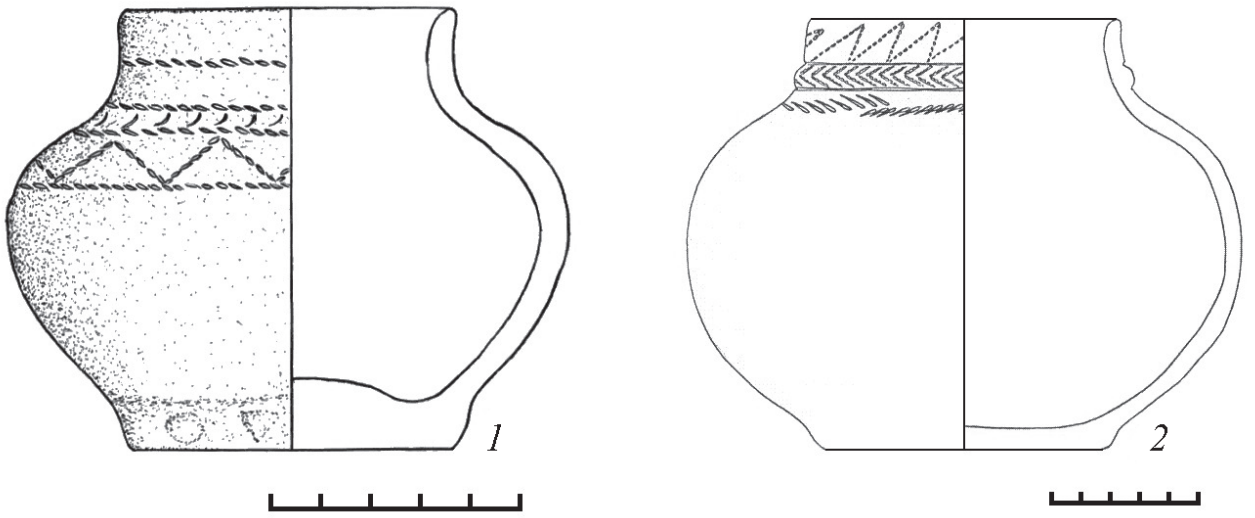
На наш взгляд, в посуде пахомовских комплексов можно выделить особую четвертую группу – *ритуальную керамику,* к которой, скорее всего, следует отнести небольшие хорошо профилированные кувшинообразные сосуды с узким невысоким горлом и раздутым туловом, орнаментированные в основном по венчику и в придонной части, что не характерно для обычной бытовой пахомовской посуды. Данная гипотеза подтверждается нахождением аналогичных сосудов непосредственно в ритуальных комплексах, исследованных в пределах жилых площадок, в частности на поселении Оськино Болото (Тюменское Притоболье).

Первый сосуд стоял на перекрытии ритуального комплекса под полом выхода из жилищ 6 и 7. Это небольшая толстостенная хорошо профилированная емкость горшечной формы диаметром 7 см и высотой 9 см. Узкая горловина придает ей сходство с кувшинообразными сосудами. Орнаментирован данный сосуд вдавлениями, которые образуют вертикальные линии и пояски: один заполнен отпечатками ногтя, второй – равнобедренными треугольниками, выполненными рядами таких же вдавлений. Придонная часть украшена поясом чередующихся отпечатков в виде круга и перевернутого вершиной вниз треугольника (см. *рисунок, 1*).

Второй сосуд выявлен в ритуальном комплексе перед северным выходом из жилища 22. По форме он близок предыдущему: узкогорлый с коротким венчиком (диаметр по венчику – 11,5 см) и сильно раздутым туловом. Его высота составляет 16 см. Венчик орнаментирован косыми треугольниками, выполненными гребенчатым штампом; имеет валик, украшенный «елочкой», сделанной отпечатком гребенчатого штампа; снизу идет поясок заходящих друг на друга в месте соединения каплевидных вдавлений (см. *рисунок, 2*).

Особое положение занимает каменный сосуд-светильник, обнаруженный стоящим на нескольких глиняных кирпичиках в северо-западном углу жилища 22 поселения Оськино Болото.

Кроме наличия специализированных ритуальных сосудов можно говорить о практике применения обычной бытовой посуды в ритуалах. На поселении Ново-Шадрино VII в жилище 2 обнаружено три развала сосудов. На поселении Ук III на дне котлована пахомовского жилища 5б выявлена неглубокая ямка диаметром 0,3 м, в которую помещен целый сосуд (Корочкова, 2010. С. 12, 22). Группа сосудов найдена на поселении Оськино Болото в жилище 44: круглодонный сосуд, перевернутый вверх дном, располагался в северной части конструкции под пристройкой-навесом; севернее, рядом с сосудом, лежал череп лошади; второй, круглодонный сосуд, установленный в слабовыраженной складке пола, располагался в центральной части основного помещения; третий, плоскодонный перевер-



Сосуды из ритуальных комплексов поселения Оськино Болото. *1* – выход из жилищ 6 и 7; *2* – выход из жилища 22.

нутый вверх дном сосуд обнаружен стоящим на полу в юго-западном секторе жилища. Внутри жилища 22 на полу, справа и слева от северного выхода, стояли два перевернутых сосуда, близких по форме и размеру, под правым сосудом находилась глиняная фигурка барашка. В околоочажном пространстве расчищены обломки, принадлежавшие четырем раздавленным сосудам, между которыми были разрозненные обломки еще от шести сосудов.

Подобное использование керамической посуды, на наш взгляд, объясняется ситуациями, когда жилище не оставлялось навсегда и возникала необходимость «законсервировать» его на неопределенное время. Для того чтобы в будущем сохранить территорию поселения или конкретного жилища за собой, необходимо было провести определенные ритуалы, маркирующие данную территорию как свою, человеческую, не отданную природе. В эпоху бронзы в качестве таких символов могли выступать целые сосуды, установленные на плоское дно или вверх дном. Возможно, переворачивание или разбивание сосудов можно рассматривать как определенный ритуал, связанный с покиданием людьми места своего обитания и временной передачей его под защиту миру предков (Ткачев, 2013).

Совершенно неисследованный аспект – использование отдельных фрагментов керамики в ритуальных действиях, отмеченных в погребениях людей и животных. Очевидно, что просто так отдельные фрагменты сосудов попасть в могилу не могли. Следовательно, они несли в себе определенную семантическую нагрузку, реконструировать которую на сегодняшнем этапе изучения не представляется возможным.

Таким образом, в ритуальной практике населения пахомовской культуры значительное место отводилось керамической посуде, имеющейся в составе всех известных к настоящему времени пахомовских сакральных объектов как в Тоболо-Иртышье, так и в Барабинской лесостепи. Дальнейшие исследования в этом направлении позволят выявить особенности керамики ритуальных и погребальных объектов эпохи поздней бронзы Западной Сибири.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Балакин Ю.В. Урало-сибирское культовое литье в мифе и ритуале. Новосибирск: Наука, 1998. 283 с.

Корочкова О.Н. Взаимодействие культур в эпоху поздней бронзы (андроноидные древности Тоболо-Иртышья). Екатеринбург: УралЮрИздат, 2010. 104 с.

Костомаров В.М. Пахомовские древности Западной Сибири: культурная атрибуция, хроноло-

гическая и территориальная локализация: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Тюмень, 2010. 22 с.

Ткачев А.А., Ткачев Ал.Ал. Пахомовский комплекс поселения Оськино Болото // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 11. С. 81–89.

Ткачев Ал.Ал. К вопросу о ритуалах оставления жилищ // Археология, этнология и антропология АТР. Междисциплинарный аспект / Отв. ред. Н.Н. Крадин, Ф.Е. Ажимов. Владивосток: Изд. дом Дальневост. федерал. ун-та, 2013. С. 159–161.

КУЛЬТУРНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ЗАПАДНОГО ФЛАНГА АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ В КОНТЕКСТЕ АРХЕОМЕТАЛЛУРГИИ И ГЕОАРХЕОЛОГИИ

© 2014 г. В.В. Ткачев

Институт степи Уральского отделения РАН, Оренбург
(vit-tkachev@yandex.ru)

Ключевые слова: поздний бронзовый век, андроновская культурно-историческая общность, геоархеология, археометаллургия.

Резюме. В работе дана оценка уровня развития горного дела и цветной металлургии на западном фланге андроновской культурно-исторической общности эпохи поздней бронзы. Изучение геоархеологических производственных объектов и металлургических комплексов на поселениях позволили выделить Уральско-Мугоджарский горно-металлургический центр, функционирование которого связано с металлопроизводственной деятельностью кожумбердынской культурной группы. В бассейне р. Илек следы древних горных работ были выявлены на участках выхода на поверхность медистых песчаников, являющихся в геологическом отношении естественным продолжением верхнепермских отложений Предуральского краевого прогиба. В погребениях западноалакульской культурной группы в этом районе найдены каменные орудия горного промысла. Это позволяет в перспективе прогнозировать возможность выделения самостоятельного горно-металлургического центра в Актюбинском Приуралье.

Комплексный подход к изучению культурогенеза эпохи поздней бронзы в степях Северной Евразии позволил реализовать потенциал археологических источников за счет интеграции методов естественных, точных и гуманитарных наук. Оценка эффективности систем жизнеобеспечения и производственных структур степных сообществ эры раннего металла в рамках адаптационных стратегий приобретает исключительное значение для реконструкции историко-культурных процессов. Принципиальный характер имеют современные представления о соответствии отдельных хозяйственно-культурных типов локальным вариантам археологических культур (Савинов, 2007. С. 48). Учитывая то обстоятельство, что металлопроизводственная деятельность в рассматриваемый период была одним из ключевых элементов производящей экономики, важным условием культурной обособленности становится наличие собственной минерально-сырьевой базы горно-металлургического производства.

Для разработки историко-металлургической проблематики, нередко лежащей в основе культурно-хронологических построений, большое значение имеет уточнение некоторых базовых дефиниций. В частности, при выделении горно-металлургических центров предлагается опираться не только на геологи-

ческие и географические критерии, но и учитывать историко-культурный фон, на котором разворачивалась металлопроизводственная деятельность. В результате в настоящее время горно-металлургические центры рассматриваются как районы, отличающиеся геолого-географическим своеобразием и наличием рудных запасов, освоенных единокультурным населением (Черных, 1970. С. 13; Куртомашев, 2002. С. 175).

На западной периферии андроновской культурно-исторической общности на границе со срубным миром в позднем бронзовом веке достаточно уверенно выделяются два самостоятельных культурных комплекса: западноалакульская культурная группа в степном Приуралье (бассейн р. Илек) и кожумбердынская – в Уральско-Мугоджарском регионе. Наличие дифференцирующих признаков объясняется не только разной направленностью векторов культурных взаимодействий, но и самодостаточностью производственных структур, ориентированных на собственные сырьевые ресурсы.

Памятники кожумбердынской культурной группы образуют обширный ареал, охватывающий две физико-географические области: Приюжноуралье и Мугоджары (Чибилев А.А., Чибилев Ант.А., 2012. С. 1663–1664. Табл. 2. Рис. 1). Здесь сосредоточены богатейшие запасы медных руд, имеющих разнообразный минеральный состав и различную приуроченность к геологическим структурам. Ранее большинство из них не рассматривалось в качестве объектов древней добычи, поскольку было отнесено к категории «слепых», т.е. не имеющих выхода на дневную поверхность, что, по мнению исследователей, делало невозможным их обнаружение и разработку (Черных, 1970. С. 40; Берденов, 2008. С. 43). Но благодаря новейшим исследованиям в регионе, носившим междисциплинарный характер, надежно установлено, что начало эксплуатации большинства из них относится к позднему бронзовому веку. Это позволило обосновать выделение Уральско-Мугоджарского горно-металлургического центра, функционирование которого связано с металлопроизводством носителей кожумбердынского культурного комплекса (Ткачев, Сегедин, Грешнер, 1996. С. 113–115; Ткачев, 2011; Зайков и др., 2012. С. 53–56. Рис. 1, 2; 2013. С. 177–180. Рис. 1; Юминов и др., 2013; Tkačev, Zajkov, Juminov, 2013).

Разрабатывались различные виды меднорудных источников, в основном зоны окисления медных руд в гипербазитах, пироксенитах, базальтах с прослоями яшм и контактовых зонах гранитоидов. На сегодняшний день детально обследовано около трех десятков древних рудников на площади месторождений и рудопроявлений меди. Горные выработки представлены линейными и изометрическими карьерами, конфигурация которых определялась характером рудного тела. Нередко в структуре геоархеологических производственных объектов присутствуют производственные обогатительные площадки, где осуществлялась предварительная переработка рудной массы. Помимо сухого обогащения отмечены случаи использования передовой технологии, предполагавшей промывку водой добытой и измельченной руды (Еленовский, Сарлыбай I). На поверхности отвалов и обогатительных площадок обнаружено более 80 орудий горного промысла, изготовленных из твердых пород камня. К их числу относятся разнообразные кайла, мотыги, клинообразные инструменты, молоты, песты, рудодробильные и терочные камни, плиты-ступы.

О замкнутом цикле горно-металлургического производства свидетельствуют материалы близлежащих поселений, оставленных носителями кожумбердынского культурного комплекса. На поселениях в окрестностях Еленовского, Ушкаттинского, Ишкининского рудников найдены металлургические шлаки, медные сплески, капли, глиняные сопла, тигли, каменные литейные формы. На поселении Кудуксай, приуроченном к Еленовскому руднику, исследована металлургическая печь шахтного типа в виде обложенного камнем колодца диаметром 1,5 м и глубиной порядка 2 м с горизонтальным дымоходом длиной около 4,5 м. Здесь же были зафиксированы очаг для тигельной плавки, металлургические шлаки, обломки тиглей с ошлакованной внутренней поверхностью, глиняное сопло и рудный склад. Ранее аналогичные теплотехнические агрегаты были выявлены на поселения Шандаша и Тасты-Бутак (Кузьмина,

1962. С. 6–10; 1965. С. 1–10; Сорокин, 1963. С. 10–12; Андроновская культура…, 1966. С. 60–61. Рис. 9). Примечательно, что указанные объекты по своим конструктивным особенностям очень близки медеплавильным комплексам Центрального Казахстана (Кадырбаев, Курманкулов, 1992. С. 33–44; Кузнецова, Тепловодская, 1994. С. 51–55).

Использование местных руд подтверждают и результаты сравнительного анализа состава металлургических шлаков и руд. Так, повышенные содержания молибдена (0,01–0,03%) и цинка (0,01–0,1%) в шлаках поселения Кудуксай недвусмысленно указывают на связь руд с гранитоидным комплексом Еленовского рудника, а высокие концентрации хрома (0,2–0,8%), кобальта (0,1–0,5%) и мышьяка (0,1–0,3%) в шлаках Ишкининского поселения свидетельствуют об использовании сырья из одноименного рудника, приуроченного к гипербазитам.

Сведения, которыми мы располагаем, позволяют рассматривать Уральско-Мугоджарский горно-металлургический центр как совокупность дискретно расположенных компактных археологических микрорайонов, приуроченных к древним выработкам меди (рудникам), которые можно расценивать в качестве локальных центров металлопроизводства. Собственно металлургическое производство, по всей видимости, было ориентировано преимущественно на внутреннее потребление, о чем говорят весьма скромные свидетельства металлургического передела, зафиксированные на поселениях. Их явная несопоставимость с объемами горных работ на рудниках заставляет предполагать, что объектом торгово-обменной деятельности могла выступать обогащенная руда (медный концентрат).

В отличие от кожумбердынского металлургического очага, в изучении которого достигнуты значительные успехи, горно-металлургическое производство западноалакульской культурной группы никогда не было предметом специального исследования. С точки зрения физико-географического районирования обсуждаемая группа памятников локализуется в пределах Сыртово-Предуральской холмисто-увалистой провинции и в западной части Западно-Примугоджарской увалисто-равнинной провинции (Чибилев А.А., Чибилев Ант.А., 2012. С. 1663–1664. Табл. 2. Рис. 1). В разное время эти памятники рассматривались в рамках ветлянского (Горбунов, 1992. С. 182) или сольилецкого (Кузьмина, 1994. С. 46) типов.

Следует отметить, что отдельные комплексы западноалакульского облика присутствуют на правобережье р. Урал, образуя сакмаро-самарскую группу. Они демонстрируют вовлеченность в орбиту Каргалинского горно-металлургического центра, функционирование которого в позднем бронзовом веке было связано с носителями срубной культуры (Черных, 2007. С. 87–95). Гораздо большую устойчивость и независимость от внешних сырьевых источников демонстрирует илекская группа памятников, эталонная для западноалакульских древностей. В Актюбинском Приуралье в ходе широкомасштабных геологоразведочных работ выявлено более 80 рудопроявлений медистых песчаников и месторождение Кушукбай. Они приурочены к древним русловым потокам (Киялыбуртинскому, Каргалинскому, Табантальскому, Тамдинскому) (Парфенов, Романюк, 1963), являясь в геологическом отношении продолжением верхнепермских отложений Предуральского краевого прогиба (Каргалы, 2002. С. 19–24). Доступность древним горнякам этих меднорудных объектов не вызывает сомнений, поскольку зачастую они имеют выходы на поверхность либо представлены в разрезах береговых обнажений рек Илек, Бутак, Жаман-Каргала, Жаксы-Каргала и др.

Отсутствие целенаправленных исследований на геоархеологических производственных объектах, приуроченных к медистым песчаникам в интересующем нас районе, заставляет воздержаться от категоричных суждений. Но нельзя обойти вниманием тот факт, что древние рудники еще в XIX в. были зафиксированы на площади месторождения Кушукбай (Богачев, 1889; Археологическая карта Казахстана, 1960. С. 68, 70). В зонах окисления медистых песчаников геологами отмечены следы древних горных работ на реках Жаксы-Каргала (рудник Кундуздь) и Киялы-Буртя (рудник Унгир) (Петров, Родионов, 1976. С. 48–49). И, наконец, следует отметить присутствие в погребениях западноалакуль-

ской культурной группы могильника Жаман-Каргала II выразительных наборов каменных орудий, связанных с добычей, обогащением и подготовкой медной руды к металлургическому переделу (Ткачев, 2012. С. 108–109. Рис. 2; 3). Приведенные данные позволяют со сдержанным оптимизмом оценивать перспективы выделения в Актюбинском Приуралье самостоятельного горно-металлургического центра, функционирование которого связано с металлопроизводством западноалакульской культурной группы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андроновская культура. Памятники Западных областей. М.; Л.: Наука, 1966. 63 с. (САИ; Вып. 3–2).

Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата: Изд-во АН Каз. ССР, 1960. 449 с.

Берденов С.А. Казахстанские месторождения меди и олова и их разработка в бронзовом веке // Известия НАН РК. Серия обществ. наук. 2008. № 1. С. 42–55.

Богачев В.Ф. Краткий очерк месторождений медных руд, бурого угля, селенита и др. в Тургайской области // Горный журнал. 1889. Т. 1. С. 453–458.

Горбунов В.С. Могильник бронзового века Ветлянка 4 // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург: ОГПИ, 1992. С. 166–194.

Зайков В.В., Бейсенов А.З., Таиров А.Д., Юминов А.М., Ткачев В.В., Коробков В.Ф., Анкушев М.Н. Российско-Казахстанское сотрудничество при изучении рудников и древних золотых изделий // Маргулановские чтения – 2012. Матлы конф. Астана: филиал Ин-та археологии им. А. Х. Маргулана в г. Астана, 2012. С. 53–59.

Зайков В.В., Юминов А.М., Анкушев М.Н., Ткачев В.В., Носкевич В.В., Епимахов А.В. Горно-металлургические центры бронзового века в Зауралье и Мугоджарах // Известия Иркутского гос. ун-та. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2013. № 1. С. 174–195.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки (по материалам Северной Бетпак-Далы). Алма-Ата: Гылым, 1992. 247 с.

Каргалы. Т. I. Геолого-географические характеристики: История открытий, эксплуатации и исследования: Археологические памятники / Сост. и науч. ред. Е.Н. Черных. М.: Языки славянской культуры, 2002. 112 с.

Кузнецова Э.Ф., Тепловодская Т.М. Древняя металлургия и гончарство Центрального Казахстана. Алматы: Гылым, 1994. 207 с.

Кузьмина Е.Е. Отчет Еленовского отряда Оренбургской археологической экспедиции за 1962 г. // Архив ИА РАН. 1962. Р-1 № 2500.

Кузьмина Е.Е. Отчет Еленовского отряда Оренбургской археологической экспедиции 1965 г. // Архив ИА РАН. 1965. Р-1 № 3081.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: Калина, 1994. 463 с.

Куртомашев М.В. К дискуссии о терминах и понятиях «горнометаллургическая область», «металлургический центр», «очаг металлургии» // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 174–176.

Парфенов В.Т., Романюк Я.И. О новых находках медистых песчаников в Актюбинском Приуралье // Вопросы геологии и меденосности Мугоджар (Западный Казахстан). Алма-Ата: Изд-во АН Каз. ССР, 1963. С. 173.

Петров Н.П., Родионов В.В. Отчет об археологической разведке в Актюбинской области летом 1976 г. // Фонды Актюб. обл. историко-краеведческого музея.

Савинов Д.Г. О теории хозяйственно-культурных типов применительно к археологическим источникам // XVII Уральское археологическое совещание. Екатеринбург; Сургут: Изд-во УрГУ, 2007. С. 46–48.

Сорокин В.С. Отчет о раскопках поселения Тасты-Бутак (Актюбинская обл.) в 1963 г. // Фонды Актюб. обл. историко-краеведческого музея. КП 9368–9369.

Ткачев В.В. Уральско-Мугоджарский горно-металлургический центр эпохи поздней бронзы // РА. 2011. № 2. С. 43–55.

Ткачев В.В. К вопросу о минерально-сырьевой базе металлопроизводства западноалакульской культурной группы // Кадырбаевские чтения – 2012. Мат-лы конф. Актобе, 2012. С. 105–114.

Ткачев В.В., Сегедин Р.А., Грешнер С.Г. Подъемный материал из поселений и рудников бронзового века в Мугоджарах // Вопросы археологии Западного Казахстана. Вып. 1. Самара: Актюб. обл. гос. инсп. ист.-культ. наследия, 1996. С. 109–132.

Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.: Наука, 1970. 180 с.

Черных Е.Н. Каргалы. Т. V. Каргалы: феномен и парадоксы развития; Каргалы в системе метал-

лургических провинций; Потаенная (сакральная) жизнь архаичных горняков и металлургов. М.: Языки славянской культуры, 2007. 200 с.

Чибилев А.А., Чибилев Ант.А. Природное районирование Урала с учетом широтной зональности, высотной поясности и вертикальной дифференциации ландшафтов // Известия Самарского научного центра РАН. 2012. Т. 14. № 1 (6). С. 1660–1665.

Юминов А.М., Зайков В.В., Коробков В.Ф., Ткачев В.В. Добыча медных руд в бронзовом веке в Мугоджарах // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 3 (55). С. 87–96.

Tkačev V., Zajkov V., Juminov A. Das spätbronzezeitliche bergbaumetallurgische Zentrum von Mugodžary im System der Eurasischen Metallurgischen Provinz (Geoarchäologische Untersuchungen in Mugodžary) // Unbekanntes Kasachstan – Archäologie im Herzen Asiens. Katalog. Bd. I. Bochum: Deutsches Bergbau-Museum, 2013. S. 471–482.

ПОГРЕБЕНИЯ ИВАНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПОВОЛЖЬЕ.

© 2014 г. П.Е. Тугушев

Научно-исследовательский центр по сохранению культурного наследия, Саратов (novi_75@mail.ru)

Ключевые слова: городище Петровский городок, Сабуровский грунтовой могильник, ивановская культура, погребения, валиковая керамика.

Резюме. В статье вводятся в научный оборот новые материалы ивановской археологической культуры на территории Поволжья.

В 2006 г. проводились археологические раскопки на городище Петровский городок, датируемом XVI–XVIII вв. – периодом русской колонизации Поволжья (Тугушев, 2006). Впервые памятник был выявлен в 1982 г. Городище расположено в 8 км к северо-западу от с. Усть-Курдюм Саратовского р-на Саратовской обл., на первой надпойменной террасе правого берега р. Курдюм в месте сплошного подтопления ее долины водами Волгоградского водохранилища.

В результате проведенных исследований в раскопе было выявлено пять разновременных погребений: три из них относятся к периоду финальной бронзы и два – к XVI–XVIII вв.

Погребение 1 полностью разрушено более поздним погребением и идентифицировать его практически невозможно. Погребения 4 и 5 без сомнения относятся к единичным погребениям ивановской культуры валиковой керамики по ряду признаков: трупоположение на правом боку, ориентировка черепом на юг и юго-запад соответственно.

Погребение 4 по обряду идентично погребению, обнаруженному в 1995 г. при исследовании VI Утевского могильника на территории Самарской обл. (Кузнецов, Плаксин, 2004. С. 114). Погребенный также был частично кремирован в ритуальных целях.

Сосуды из погребений 4 и 5 по всем своим признакам несомненно относятся к ивановской культуре, входящей в общность культур валиковой керамики. Погребение с аналогичным обрядом и валиковым сосудом впервые стало известно при раскопках курганного могильника Быково I в Волгоградском Заволжье (Смирнов, 1960. С. 211).

На левом берегу р. Курдюм, точно напротив городища Петровский городок располагается Сабуровский грунтовый могильник, выявленный в 1998 г. разведками А.Б. Малышева. В 2006–2007 гг. им же были проведены частичные спасательные раскопки на этом памятнике и исследовано шесть погребений (Малышев, 2008. С. 19).

Погребение 3 по своим признакам и керамическому материалу идентично погребениям 4 и 5, обнаруженным при раскопках городища Петровский городок (Тугушев, 2009. С. 91).

Погребения 4 и 5 из грунтового могильника на территории городища Петровский городок и погребение 3 из Сабуровского грунтового могильника подтвердили существование устойчивого погребального обряда ивановской культуры: грунтовые могильники, положение погребенных на правом боку, ориентировка в южный сектор.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кузнецов П.Ф., Плаксин А.В. Древности Нефтегорского района. Самара: Самар. Дом печати, 2004. 176 с.

Малышев А.Б. Исследования Сабуровского грунтового могильника в 2006–2007 гг. Саратов: Научная книга, 2008. 194 с. (Археологическое наследие Саратовского края; Вып. 8).

Смирнов К.Ф. Быковские курганы // Древности нижнего Поволжья: итоги работ Сталинградской археологической экспедиции. Т. II / Отв. ред. Е.И. Крупнов. М.: Изд-во АН СССР, 1960 г. С. 269–281. (МИА; № 78).

Тугушев П.Е. Городище «Петровский городок» у села Усть-Курдюм Саратовского района Саратовской области: два аспекта исследования // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 9 / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: Полиграфия Поволжья, 2009. С. 91–104.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ АЗИАТСКИХ МАРШРУТОВ ДВИЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ (МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД)

© 2014 г. А.А. Тюняев

Вычислительный центр им. Дородницына РАН, Москва
(HmulKara@yandex.ru)

Ключевые слова: бронзовый век, торговые пути, Азиатский регион, нефрит, серебро, лазурит.

Резюме. В исследовании применен мультидисциплинарный подход. Проведен анализ археологических и антропологических материалов бронзового века, приуроченных к Азиатскому региону. Показано существование торгово-меновых путей, по которым в бронзовом веке перемещались янтарь, нефрит, лазурит, серебро и другие объекты торговли или обмена. Показаны связи региона с контрагентами других территорий.

Настоящее исследование проведено с использованием мультидисциплинарного подхода. Предмет анализа – массив археологических и антропологических материалов, относящихся к бронзовому веку и территориально приуроченных к Азиатскому региону. Часть этих материалов относится к предметам торговли или обмена, антропологическая часть свидетельствует о перемещении древнего населения. Движение разных видов артефактов, выявляемое по археологическим исследованиям, в свое время изучали Е.Н. Черных (металл), М. Гимбутас (янтарь), С.А. Комиссаров (нефрит), Е.И. Лубо-Лесниченко (шелк), А.С. Скрипкин (шелк), Т.Н. Глушкова (шелк) и др. По результатам таких исследований восстановлены отдельные участки древнего торгового пути, называемые обычно по основному материалу, перемещаемому по ним.

Тема «янтарного» торгового пути бронзового века была поднята М. Гимбутас. Исследовательница связывает этот путь с развитием унетицкой культуры (около 1600 г. до н.э.) (Гимбутас, 2004). Наш анализ данных показал, что существует связь прибалтийского янтаря с аналогичными находками на Среднем Урале, в Италии, Греции (от ранних групп шахтных могил в Микенах) и в Северном Междуречье. В Азию янтарь попадал через Анатолию и Кавказ. Массивная группировка памятников эпохи бронзы с находками янтаря приурочена также к центральным областям Русской равнины (Тюняев, 2010а, б).

Тема «серебряного» торгового пути бронзового века разрабатывалась несколькими исследователями. Многочисленные находки достаточно полно маркируют торговые отношения. Например, серебряные несомкнутые серьги (две находки) обнаружены в погребениях кротовской культуры (XIV–XII вв. до н.э.) (Молодин, 1985) в лесостепных районах Новосибирского Приобья и центральной Барабы. Одни – в погребении 8 кургана 26 могильника Сопки-2 в Венгеровском р-не Новосибирской обл. (Молодин, Чикишева, 1990). Другие – в кургане 2 могильника Ордынское-1 близ Новосибирска (Троицкая, 1973. С. 91. Рис. 3, *ж*).

Собственных рудных источников на этой территории нет, поэтому мы имеем дело с импортом серебра из азиатских месторождений. Эти миграции металла обнаруживают связи лесостепной и лесной зон Западной Сибири с южными (Саяно-Алтай, Казахстан, Средняя Азия) и западными (Урал) горно-металлургическими областями (Кирюшин, Малолетко, 1979. С. 181). Поступление среднеазиатского серебра на территорию Сибири продолжилось и в последующую эпоху (Сердобольский, 1990. С. 33).

Во II тыс. до н.э. западный ареал степного пояса Евразии до Енисея, Рудного Алтая и Восточного Туркестана был освоен представителями андроновской культурной общности. На рубеже II–I тыс. до н.э. они продвинулись до Забайкалья, Восточной Монголии и Ордоса.

«Нефритовый» путь начал действовать с конца II тыс. до н.э. Идея «Великого нефритового пути» появилась после открытия белонефритовых колец в Прибайкалье (глазковская культура) и на Урале (сейминская общность). А.С. Уваров и В.А. Городцов (см. Комиссаров, 1999) предположили их происхождение из окрестностей Кашгара, но потом В.А. Городцов (1928) пересмотрел прежнюю концепцию и в качестве отправной точки распространения на запад изделий из нефрита назвал уже глазковскую культуру.

Эта идея получила развитие в работах С.В. Киселева (1965. С. 52), который полагал, что прибайкальский нефрит мог передаваться не только на запад, но и на юго-восток, в древнейшие центры шан-иньской культуры. При этом по проторенным путям распространялись и другие культурные достижения, например лучшие образцы сейминско-самусьской бронзы. «Впервые в истории нефритовый путь связал Дальний Восток с Европой» (Комиссаров, 1999. С. 10).

«Нефритовый» путь протянулся в широком направлении от Прибайкалья до Русской равнины, по лесостепному «коридору» вдоль современной Транссибирской железнодорожной магистрали, пересекал Обь близ устья Томи, Иртыш в устье Оби. Он соединял глазковскую культуру Прибайкалья с сейминско-турбинской культурой Волго-Камья, т.е. Южную Сибирь и Русскую равнину. Из Прибайкалья путь шел и в шань-иньский Китай.

Развивалась меновая торговля, положившая начало глазковскому этапу нефритового пути: завязались торговые отношения с племенами бассейна Енисея, Минусинской котловины и Оби, с народами Дальнего Востока, куда из Прибайкалья доставляли нефрит, а взамен с берегов Тихого океана везли морские раковины, из которых изготовляли кольца, диски и бусины. Глазковский нефрит следовал и на запад (Винокуров, 1998).

Сейминско-турбинские памятники отмечены многочисленными находками металлических орудий и оружия своеобразных типов на просторах Евразии от Монголии и Саянских гор, через Русскую равнину и до Финляндии и Молдавии. Некоторые исследователи связывают с ними появление на Русской равнине оловянных бронз из алтайских рудных источников (Черных, Кузьминых, 1987, 1989).

«Лазуритовый» путь был маршрутом, по которому перемещались изделия из лазурита.

По нему полудрагоценный камень перевозился на запад и на юг, до стран Ближнего Междуречья (Ур, Лагаш) и Индии (Хараппа, Мохенджо-Даро) из Афганистана (Бадахшан), России (Южное Прибайкалье), Таджикистана (Памир). Копи в Бадахшане являются древнейшими.

В Майкопском кургане (конец III тыс. до н.э.) обнаружены разнообразные золотые и сердоликовые бусы, привески из бирюзы и лазурита. Фигурки животных и некоторые изображения на сосудах свидетельствует о культурных связях со странами Древнего Востока. Некоторые исследователи из этого факта делают вывод о связях Кавказа с Месопотамией в Урукский период.

О торговых связях между Кавказом и Египтом свидетельствуют египетские амулеты, обнаруженные на Южном Кавказе. По археологическим данным, они появляются с конца III тыс. до н.э. Видимо, египетские поделки на Кавказ попадали при посредничестве сирийских и левантийских городов, таких как Эбла, Мари, Угарит и Библ (Нариманишвили, 2009).

В это время в погребениях афанасьевской культуры появляются первые украшения из цветных и драгоценных металлов – золотые и из сплавов серебра. Их ареал включает Алтай, Восточный Казахстан, Монголию и Синьцзян. Особенности культуры указывают на родство носителей афанасьевской культуры с южноуральским регионом андроновской культуры – носителями гаплогруппы R1a1 (Keyser et al., 2009. С. 16). Одними из наследников афанасьевской культуры были носители тагарской культуры раннего железного века.

В исследовании антропологии региона М.Б. Медникова сопоставила скелетные размеры в популяциях эпохи энеолита и бронзы (афанасьевская, окуневская, андроновская, карасукская культуры) и в популяциях раннего железного века (баиновский, подгорновский, сарагашенский, тесинский этапы тагарской культуры, таштыкская культура). В результате было обнаружено, что для обитателей Южной Сибири максимум продольных размеров длинных костей совпадает с бронзовым веком – конец III тыс. до н.э. – VIII в. до н.э. (афанасьевская и окуневская культуры) (Медникова, 2002).

Все эти материалы позволяют говорить о существовании торговых путей или путей меновых операций, которые существовали в эпоху бронзы и связывали Азиатский регион с регионами Русской равнины, Европы и Северной Африки. На этой основе сформировались полноценные торговые пути последующих эпох.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Винокуров М.А., Суходолов А.П. Экономика Иркутской области: в 4-х т. Т. 1. Иркутск: Изд-во: БГУПЭ, 1998. 203 с.

Гимбутас М. Балты. Люди янтарного моря. М.: Центрполиграф, 2004. 221 с.

Городцов В.А. К вопросу о киммерийской культуре // Тр. секции археологии РАНИОН. Вып. II. М., 1928. С. 46–60.

Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М. Бронзовый век Васюганья. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1979. 183 с.

Киселев С.В. Бронзовый век СССР // Новое в советской археологии: Памяти С.В. Киселева. К 60-летию со дня рождения. М.: Наука, 1965. С. 17–61. (МИА; № 130).

Комиссаров С.А. Древние нефриты Восточного Туркестана (Синьцзяна): их распространение и использование // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2. Горизонты Евразии / Ред. и сост. О.А. Митько. Новосибирск, 1999. С. 7–10.

Медникова М.Б. Эпохальная изменчивость размеров тела человека: мифы и реальность // Opus. Междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 1–2. М.: ИА РАН, 2002. С. 59–65.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.

Молодин В.И., Чикишева Т.А. Погребение воина IV–V вв. в Барабе // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990. С. 161–180.

Нариманишвили Д. Египетские амулеты III–II тысячелетия до н.э. на Южном Кавказе // Междунар. конф. «Археология, этнология, фольклористика Кавказа». Докл. Тбилиси, 2009. С. 221–224.

Сердобольский А.В. Научно-технический прогресс и минералы. Киев, 1990. 150 с.

Троицкая Т.Н. Курганный могильник Ордынское-1 недалеко от Новосибирска // Вопросы Археологии Сибири. Новосибирск, 1973. С. 84–101. (Научные тр. Новосиб. гос. пед. ин-та; Вып. 85).

Тюняев А.А. Динамика памятников Русской равнины: количественный подход // Человек: его биологическая и социальная история. Тр. Междунар. конф., посвящ. 80-летию акад. РАН В.П. Алексеева (Четвертые Алексеевские чтения). Т. 1 / Отв. ред. Н.А. Дубова. М.: ИА РАН, 2010а. С. 242.

Тюняев А.А. Древние торговые пути Урало-Поволжья по комплексным данным археологии, антропологии, генетики и мифологии // Этносы и культура Урало-Поволжья: история и современность. Уфа: ИЭИ УНЦ РАН, 2010б. С. 194–200.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Памятники сейминско-турбинского типа в Евразии // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987. С. 84–105. (Археология СССР).

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. 320 с.

Keyser C., Bouakaze C., Crubezy E., Nikolaev V.G., Montagnon D., Reis T. and Ludes B. Ancient DNA provides new insights into the history of south Siberian Kurgan people // Human Genetics. 2009. V. 126. № 3. P. 395–410.

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКОВ ЛИСАКОВСКОЙ ОКРУГИ)

© 2014 г. Э.Р. Усманова

Сарыаркинский археологический институт при Карагандинском государственном университете им. акад. Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан (emmadervish2004@mail.ru)

Ключевые слова: кенотаф, образ-заместитель, погребальная традиция, знаковый смысл, кефалотафия, кремация.

Резюме. В работе рассматриваются неординарные погребальные комплексы андроновских (федоровских и алакульских) могильников, изученных в районе г. Лисаковск Костанайской обл. Казахстана, в том числе кенотафы (могилы без человеческих останков) и частичные или парциальные захоронения. Значительное внимание при этом уделено символическим моментам и аспектам погребальной обрядности.

Андроновские памятники округи г. Лисаковск (Костанайская обл. Казахстана) первой половины II тыс. до н.э., которые расположены на правом и левом берегах р. Тобол, включают в себя одно поселение и семь могильников, «смонтированные» в единый пространственно-временной комплекс. На могильниках раскопано 233 погребения эпохи бронзы. Четыре могильника Лисаковский II–V (29 сооружений, 51 погребение) находятся на *левом* берегу, три других могильника Лисаковский I, VI, VII – на *правом* берегу (82 сооружения, 182 погребения). Погребения шести могильников (II–VII) совершены в традиции алакульского погребального обряда. На могильнике Лисаковский I сосуществовали две погребальные традиции: федоровская и алакульская. Радиокарбонная хронология лисаковских памятников подтвердила сосуществование алакульского и федоровского населения в период 1780–1660 гг. до н.э. Погребальные поля использовались в течение как минимум 120 лет (Панюшкина, 2013. С. 203–204). Могильники левого берега сформировались несколько раньше, чем могильники правого берега.

Наряду с погребениями с общепринятыми ритуалами – погребальная постройка, умерший (похороненный по способу трупоположения или трупосожжения), погребаль-

ный инвентарь, жертвенные комплексы –выявлены единичные оригинальные могилы. Все они входили в систему «андроновских» комплексов. В широком смысле под термином «андроновская культурно-историческая общность» понимается совокупность родственных культур, складывающихся в период стабильного развития азиатской зоны Евразийской металлургической провинции (Стефанов, Корочкова, 2006. С. 127–136).

Эти погребения отличались по ряду признаков, которые и позволили выделить их в особую категорию: «символическое погребение». В артефактах таких погребений заложен смысл символического, определенный ходом исполнения погребального обряда, его особенностями по отношению к умершему. В символическом погребении отсутствовали привычные для «андроновского» контекста элементы, составлявшие «текст» погребального обряда. Они или не присутствовали вовсе, или вместо них были предложены образы-заместители. Большинство таких погребений не было разрушено проникновениями, сохранив изначальную целостность (за двумя исключениями). В категорию символических погребений на основании археологических данных могильников эпохи бронзы Лисаковской округи включены две группы погребений:

1) погребения без костных останков: 1.1. с погребальным инвентарем; 1.1.2 археологически целые сосуды; 1.1.3 отдельные фрагменты керамики; 1.1.4 природный камень; 1.1.5 отдельный предмет; 1.2 культовые предметы;

2) погребения с костными останками и погребальным инвентарем: 2.1 череп/фрагмент; 2.2. челюсть/зубы.

Раскопано 127 алакульских погребений: 71 погребение – на погребальном поле могильника Лисаковский I, 56 – на остальных шести могильниках.

Могильник Лисаковский I (правый берег). Первая группа без костных остатков и с погребальным инвентарем: 1.1.2 один/два/несколько сосудов – четыре погребения; 1.1.3 скопление фрагментов керамики – три погребения; 1.1.4 один/несколько камней на дне – три погребения; 1.1.5 золотое височное кольцо – одно погребение. 1.2 – оригинальное погребение жертвенного столба, андрогинного облика. Вторая группа с костными остатками (череп или его фрагмент, другие части скелета отсутствуют или имеются в незначительном количестве): 2.1 женский череп с ювелирным набором головных, ручных и шейных украшений – три погребения (голова, по всей видимости, была отделена от тела); 2.2 челюсть и сосуд – одно погребение; 2.3 фрагмент черепа и сосуды – четыре детских погребения.

Могильник Лисаковский VI (правый берег). 1.2 – «погребение» природного камня белого цвета (известняк), в форме черепа. Итого: 21 алакульское символическое погребение (28%). Из них 12 погребений (16%) не имели костных останков.

Могильники Лисаковский III–V (левый берег). 1.2 – одно погребение, на дне которого способом углубления в материковый грунт была «вырезана» антропоморфная фигура. 2.1 отдельно череп – четыре погребения. Из них два погребения были разрушены проникновениями, но черепа были специально изъяты и выставлены. Одно погребение – женский череп с лучевыми костями рук и с набором украшений. 2.2 нижняя челюсть – одно погребение. Алакульские погребения левого берега демонстрируют различного рода манипуляции с черепом по принципу «часть вместо целого». Здесь известно шесть символических алакульских погребений (11%).

На массив алакульских погребений могильников Лисаковской округи (127 погребений) приходится 27 символических погребений (21%): 13 погребений без костных останков (10%), 14 погребений (11%) с черепом или с его частями.

Федоровские погребения по обряду кремации расположены на правом берегу (Лисаковский I – 78 погребений). Первая группа 24 погребения без костных останков: 1.1.2 – один/два/несколько сосудов, с камнями на дне или с фрагментами дерева; 1.1.3 – фрагменты керамики с камнями на дне; 1.1.4 – один/несколько камней на дне. 2.2 – одно погребение с необожженной челюстью человека. Итого: 25 символических федоровских погребений (32%).

Федоровская погребальная традиция «лидирует» в представлении погребений без

костных останков: 24 федоровских захоронения (30%) и 13 алакульских (10%). Алакульская же традиция демонстрирует приоритет относительно захоронений с черепом (или с его частями): 14 алакульских (11%) и одно федоровское (1%). У «федоровцев» отсутствуют захоронения с предметами культового назначения. Всего же «захоронения» без костных останков составляют 15% от общего количества погребений могильников Лисаковской округи, с черепом (или его частью) – 6%.

Кенотаф – это погребение, в котором погребальное сооружение морфологически соответствует стереотипу (конкретного) некрополя, но не содержит останков умершего или содержит его символического заместителя (Смирнов, 1997. С. 176). В погребениях эпохи бронзы Лисаковской округи: «чистые» кенотафы (без символических заместителей) – 6 алакульских погребений и 11 федоровских (Лисаковский I); с символическими заместителями – фрагмент дерева – 2 федоровских погребения; камень – 4 алакульских и 11 федоровских погребений; вещь или вотивный предмет – 4 алакульских погребения.

Погребальный обряд в семиотике культуры рассматривается как текст, в котором «цитаты» выстроены из предметов и овеществленных действий (Усманова, 2013. С. 117). Каждая «цитата» имеет свой знаковый смысл. Такие «цитаты» объединяются в единый символический текст ритуала, который и несет главную смысловую нагрузку действий во время исполнения обряда. Идея происхождения устройства «пустого» пространства в могильной яме без тела погребенного, видимо, имеет свою причину, за которой скрывается главное – невозможность доставки тела или останков умершего к его последнему земному пристанищу.

Кенотаф в основном засвидетельствован в погребальном пространстве позднего по времени появления могильника Лисаковский I (правый берег), где сосуществовали алакульская и федоровская погребальные традиции. При этом «федоровцы» значительно «преуспевают» в количественном исполнении устройства «пустой могилы»: 24 федоровских и 12 алакульских кенотафов. В ранних алакульских погребениях левого берега кенотаф как ритуальное явление «пустая могила» неизвестен. Исключение – погребение с антропоморфной фигурой, «выкопанной» на дне.

При общем стереотипе интерпретации «пустоты» могильного пространства (отсутствие тела по каким-либо причинам), в федоровском погребальном обряде «пустота» дополнительно может исходить из самого способа обращения с умершим – трупосожжения. Не исключено, что в таком трудоемком процессе, как кремация тела умершего человека в условиях степного, аридного климата, происходил какой-то сбой задуманной ритуалом программы уничтожения тела умершего: кости могли разрушиться полностью или, наоборот, остались не кремированными.

Возможно, что «федоровцы» использовали «цитату» кенотаф в тексте своего погребального обряда по двум причинам: основная – отсутствие тела умершего; другая – сложность способа обращения с умершим (кремация). Позже, в момент совместного проживания носителей двух традиций и проведения погребальных ритуалов, кенотаф был введен «алакульцами» в свой погребальный обряд как проекция-подражание «цитате» федоровского погребального «текста».

Алакульские погребения с объектами культового содержания – столб андрогинного вида, камень в форме черепа – условно могут быть отнесены к кенотафам на основании отсутствия в них костных останков. Но скорее всего, эти погребения представляют собой захоронение культовых предметов, которым поклонялись во время проведения других, жизненно важных ритуалов. И они удостоились «чести» быть похороненными как умершие люди из-за «животворящей» своей сущности.

Особый символизм в виде культа черепа проявляется в алакульских погребениях, но он отсутствует в федоровской погребальной практике. По материалам лисаковских могильников: кефалотафия – погребение черепа (или его частей) – «цитата», которая относится к алакульской погребальной практике. Захоронения отдельных черепов с ювелирными гарнитурами принадлежали исключительно женщинам, что, возможно, говорит об их высоком социальном статусе и особом отношение к голове как средоточию жизненной энергии. Намеренное выставление черепов и челюстей, скорее всего, – проявление диф-

ференцированного отношения к умершим, которое отражало и социальный статус, и причины, сезонность смерти. В символических погребениях могильников эпохи бронзы Лисаковской округи представлена вариативность погребального обряда, за которой стоит диалог соседних культур, основанный на вечном поведенческом архетипе – отношение живущего человека к умершему.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Панюшкина И.П. Возраст могильников эпохи бронзы Лисаковской округи // Памятники Лисаковской округи: археологические сюжеты / Отв. ред. Э.Р. Усманова. Караганда; Лисаковск: Tengri Ltd, 2013. С. 196–204.

Смирнов Ю.А. Лабиринт. Морфология преднамеренного погребения. М.: Вост. лит., 1997. 279 с.

Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Урефты I: зауральский памятник в андроновском контексте. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. 160 с.

Усманова Э.Р. Погребальный обряд: позиция и символика // Памятники Лисаковской округи: археологические сюжеты / Отв. ред. Э.Р. Усманова. Караганда; Лисаковск: Tengri Ltd, 2013. С. 88–130.

ПЕРЕХОД ОТ ЭПОХИ БРОНЗЫ К ЭПОХЕ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА НА ТЕРРИТОРИИ САЯНО-АЛТАЯ (ПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПЦИИ)

© 2014 г. К.В. Чугунов

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург
(chugunovk@mail.ru)

Ключевые слова: эпоха поздней бронзы Казахстана, бегазы-дандыбаевская культура, миграция, ранние кочевники Саяно-Алтая.

Резюме. В основе формирования кочевых культур Саяно-Алтая лежит инвазия носителей бегазы-дандыбаевской культуры в западные предгорья Алтая, связанная с освоением здесь богатейшей рудной базы и начавшимся экологическим кризисом. Концепция базируется на нескольких положениях: реконструируемым на основании анализа палеоклиматологических данных начала I тыс. до н.э. двум миграционным волнам из Внутренней Азии; предположении о мирном сосуществовании и взаимодействии на одной территории носителей нескольких культурных традиций; и на допущении, что традиция рецептуры оловянистых бронз в металлургическом производстве распространялась из Центрального и Восточного Казахстана. Наличие на территории Казахстана иных рецептур металла можно использовать как маркер притока и распространения населения, чьи традиции сформировались вне казахстанского очага металлургии оловянистой бронзы. На территории Тувы оловянистые бронзы распространяются повсеместно в результате второй волны миграции из Казахстана, вероятно, через Алтай, заселенный уже в это время носителями бийкенской культуры, тесно связанной своим происхождением с бегазы-дандыбаевской культурой.

Предлагаемая концепция культурно-исторических процессов на территории Саяно-Алтайского региона на рубеже эпохи бронзы и раннего железа в основном опирается на последние исследования казахстанских материалов, относящихся к этим периодам. В основе предлагаемой концепции лежат следующие положения.

1. Анализ керамического комплекса эпохи поздней бронзы позволяет рассматривать в рамках единой культурной общности широкий пласт памятников с валиковой керамикой, относимых ранее к саргаринско-алексе-

евским древностям. За ней можно сохранить название бегазы-дандыбаевской культуры (Варфоломеев, 2003, 2011).

2. Выделение позднейшего донгальского этапа эпохи поздней бронзы с характерной керамикой (Ломан, 1987; 2003б. С. 82–83). Он датируется в пределах IX–VIII вв. до н.э., хотя В.Г. Ломан настаивает на узкой датировке в пределах VIII в. до н.э. (Ломан, 2003а. С. 291–293).

3. Технико-технологическим анализом керамики установлен факт сосуществования и взаимодействия разнокультурных групп населения эпохи поздней бронзы. На некоторых стоянках, относящихся уже к раннему железному веку, предполагается преемственность в производстве и орнаментации посуды с донгальскими традициями (Бейсенов, Ломан, 2009. С. 235–245), хотя большинство поселений этого времени, исследованных в Казахстане, показывает в керамическом комплексе несовпадение основной суммы признаков с пластом древностей эпохи поздней бронзы (Бедельбаева, Варфоломеев, 2008. С. 243). Исследование керамического набора из погребений бегазы-дандыбаевской культуры в Верхнем Прииртышье также показало наличие различных традиций в изготовлении посуды в пределах единых комплексов (Ермолаева, 2012. С. 91–111).

4. Анализ погребального обряда бегазы-дандыбаевской культуры (Кореняко, 1990; Варфоломеев, 1992) показал выделение в конце эпохи поздней бронзы элитарной прослойки общества. Разнообразие типов погребальных сооружений демонстрирует мозаичность компонентов культуры, но все же позволяет определить обряд, характерный для большинства населения – первые два типа по В.В. Варфоломееву, объединенные общей концепцией ритуала. Элитарные мавзолеи соответствуют всем признакам рядовых памятников, но более усложненной конструкции.

5. Для соотнесения позиции памятников бегазы-дандыбаевской культуры с хронологической шкалой, разработанной для земледельческих культур Средней Азии, важно, что в ранних слоях поселений найдены станковая керамика позднего этапа Намазга VI, а с донгальской керамикой – обломки амирабадских сосудов (Варфоломеев, 2008; Бейсенов, Ломан, 2009. С. 237). Считается, что в VIII в. до н.э. бегазы-дандыбаевская культура прекращает существование на территории Центрального Казахстана и здесь появляются памятники тасмолинской культуры, а также небольшие стоянки, которые, вероятно, носят сезонный характер.

6. Наиболее обоснованной представляется точка зрения о происхождении тасмолинской культуры в результате проникновения населения из районов Китая. Выявлены две миграционных волны, первая из которых (датирована IX в. до н.э.) привела к формированию культур сакского типа в Туве и Минусинской котловине, а вторая в конце VIII в. до н.э. захватила более обширные территории, включающие Семиречье и Южный Казахстан, и достигла Приаралья (Таиров, 2007. С. 32–44). Причиной этих миграций послужил экологический кризис, который происходил на территории Азиатского материка неравномерно и зафиксирован многочисленными исследованиями (обзор см. Таиров, 2007. С. 52–56).

7. Металлографическими исследованиями установлено, что в ареале бегазы-дандыбаевской культуры абсолютно преобладает оловянистая бронза изделий, что не удивительно, учитывая рудную базу региона. При этом в памятниках Верхнего Прииртышья выявлено изменение рецептуры сплава ряда предметов, связанных с раннекочевническими комплексами (Ермолаева, 2012. С. 83–86). Исследование показало отсутствие оловянной лигатуры в металле некоторых вещей, что совершенно не характерно для казахстанской традиции сплавов эпохи бронзы. Состав металла из памятников эпохи бронзы и раннего железного века Центрального Казахстана показал сходную картину – из комплексов тасмолинской культуры происходит значительное количество изделий, содержащих в рецептуре сплава мышьяк при малых долях олова (Кузнецова, Тепловодская, 1994. С. 84–98).

8. Исследования состава металла изделий из памятников Тувы и Хакасии показали, что мышьяковистые бронзы характерны для лугавской культуры, кургана Аржан-1 (Пяткин, 1977) и раннетагарских (подгорновских) памятников, а изделия из оловянистых бронз распространены в алды-бельской культуре и в сарагашенских комплексах (Хаврин, 2003,

2005). Получается, что на начальном этапе эпохи ранних кочевников в традициях металлообработки абсолютно господствует производство изделий из мышьяковистой меди, которые сменяются оловянистыми бронзами при трансформации культуры. По этому показателю возможна синхронизация культур и их этапов на широкой территории (Чугунов, 2005, 2006).

Анализ этих данных позволяет по-новому рассмотреть культурно-историческую ситуацию в Казахстанско-Центральноазиатском регионе на рубеже эпох бронзы и железа. Скорей всего глобальные изменения климата в конце II тыс. до н.э. привели к перемещению носителей бегазы-дандыбаевской культуры из Центрального Казахстана в те экологические ниши, которые были способны обеспечить сохранение привычного отгонного скотоводства. Одна из таких ниш располагалась в западных предгорьях Алтая (Черников, 1960; Ермолаева, 1987, 2012). Сложность состава населения в Прииртышье в эпоху поздней и финальной бронзы демонстрируют могильники, исследованные в этом регионе, где, с одной стороны, фиксируется наследие андроновских традиций, с другой – прослеживаются раннекочевнические черты (Арсланова, 1974. С. 46–60; Ермолаева, 2012. С. 115–116).

Можно предположить, что традиция изготовления предметов из мышьяковистой бронзы или меди с естественными добавками является в Казахстане, богатом оловянным сырьем, привнесенной извне. По этому показателю комплексы эпохи финальной бронзы, содержащие такие изделия, можно синхронизировать с проникновением сюда пришлого населения уже в это время. Вероятно, они маркируют первую волну миграции по А.Д. Таирову (2007), которая захватила и Восточный Казахстан.

Весьма продуктивна идея сходства обряда могильников Ковалевка и Темирканка с курганами бийкенской культуры Горного Алтая (Ермолаева, 2012. С. 117). Бийкенский же обряд очень близок обрядовым традициям памятников шанчигского типа Тувы, которые синхронизируются с курганом Аржан-1 (Чугунов, 1992), что может указывать на их сходный генезис. Формирование культуры начального этапа эпохи ранних кочевников на территории Саяно-Алтая было обусловлено одними и теми же составляющими компонентами – западным (казахстанским) и южным (центральноазиатским). Разница заключается в степени участия этих компонентов, так как в Туве преобладали южные инновации, а на Алтае – западные. Не случайно металл в бийкенских памятниках легирован оловом (Хаврин, 2008), а изделия из кургана Аржан-1 преимущественно выполнены из мышьяковистой меди. Датировка его рубежом IX–VIII вв. до н.э. (Зайцева и др., 2007) является опорной для комплексов, относящихся к начальному этапу эпохи ранних кочевников. На Алтае это курганы куртусского этапа, в материалах которых преобладает центральноазиатский компонент (Тишкин, 2007. С. 147. Рис. 1).

Влияние поздних носителей бегазы-дандыбаевской культуры заметно ощущается здесь только на следующем семисартском этапе. Сильно скорченная погребальная поза в каменных ящиках, установленных на уровне горизонта, западная ориентировка, валиковая посуда в наземных сооружениях – все эти признаки прямо указывают на традиции бегазы-дандыбаевской культуры. В то же время погребения лошадей, оленные камни и встречающаяся северная ориентировка погребенных – имеют другие истоки. Восточный Казахстан и Семиречье, территориально наиболее близкие к традиционным проходам из внутренних областей материка, должны были испытать приток оттуда нового населения первыми. Комплексы, отражающие это явление, исследованы в могильнике Измайловка и в семиреченских некрополях (Кушаев, 1968. С. 142–145; Максимова, 1969. С. 136–145; Ермолаева, 2012. С. 119).

Итак, реконструкция процесса формирования культурных комплексов эпохи ранних кочевников в Казахстанско-Центальноазитском регионе может быть представлена следующим образом. В основе его лежит инвазия носителей бегазы-дандыбаевской культуры в западные предгорья Алтая, связанная с освоением здесь богатейшей рудной базы и начавшимся экологическим кризисом. Она не приводит к полной ассимиляции местного населения, продолжающего практиковать традиционную погребальную обрядность. В начале I тыс. до н.э. Казахстан и Саяно-Ал-

тай принимают первую волну переселенцев из внутренних районов Азии. В Туве это время возведения кургана Аржан-1 и памятников шанчигского типа, в Горном Алтае – куртусского этапа бийкенской культуры.

Вероятно, вторая половина VIII в. до н.э. – время второй миграционной волны. В это время появляются элитные некрополи Шиликты, погребальный обряд которых впоследствии продолжается в Центральном Казахстане (могильник Талды-2 и др.). Носители местных традиций эпохи поздней бронзы постепенно осваивают территорию Горного Алтая, смещаясь туда из западных предгорий. В результате смешения с мигрантами-номадами формируется культурный комплекс бийкенской культуры. Суперстратное кочевое население занимает предгорную зону вдоль Иртыша, оставив после себя майэмирский круг памятников. На Туву вторая миграционная волна оказала влияние опосредованно, через территорию Казахстана. Алды-бельская культура сформировалась с участием местного субстрата, включавшего аржанский компонент и, возможно, носителей монгун-тайгинской культуры. Пути проникновения новых мигрантов сюда могли быть разными, но основные пролегали через Горный Алтай с родственным бийкенским населением. Отличия алтайских памятников от синхронных тувинских сводятся к некоторым особенностям в погребальном обряде и могут объясняться разной долей формирующих исходных компонентов культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арсланова Ф.Х. Погребальный комплекс VIII–VII вв. до н.э. из Восточного Казахстана // В глубь веков. Алма-Ата, 1974. С. 46–60.

Бедельбаева М.В., Варфоломеев В.В. Центрально-казахстанское поселение Кыштан в системе памятников начальной фазы РЖВ // Номады казахских степей: этносоциокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи. Астана, 2008. С. 241–245.

Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Древние поселения Центрального Казахстана. Алматы: «Інжу-Маржан» полиграфия, 2009. 264 с.

Варфоломеев В.В. Погребения эпохи поздней бронзы Кентского микрорайона (типология конструкций) // Маргулановские чтения – 1990. Матлы конф. М., 1992. С. 72–77, 240, 241.

Варфоломеев В.В. Кент и его округа (некоторые итоги палеоэкономического и социокультурного анализа памятников восточной Сары-Арки) // Степная цивилизация Восточной Евразии. Т. 1: Древние эпохи. Астана, 2003. С. 88–99.

Варфоломеев В.В. Среднеазиатская керамика из памятников бегазы-дандыбаевской культуры // Номады казахских степей: этносоциокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи. Астана, 2008. С. 363–367.

Варфоломеев В.В. Бегазы-дандыбаевская культура степей Центральной Евразии // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы. Т. 1. Алматы, 2011. С. 210–240.

Ермолаева А.С. Памятники переходного периода от эпохи бронзы к раннему железу // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата: Наука, 1987. С. 64–94.

Ермолаева А.С. Памятники предгорной зоны Казахского Алтая (эпоха бронзы – раннее железо). Алматы, 2012. 236 с.

Зайцева Г.И., Чугунов К.В., Алексеев А.Ю., Дергачев В.А., Васильев С.С., Семенцов А.А., Кук Г.Т., Скотт Е.М., Ван дер Плихт Х., Боковенко Н.А., Кулькова М.А., Бурова Н.Д., Лебедева Л.М., Юнгер Х., Соннинен Э. История и результаты радиоуглеродного датирования кургана Аржан // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. СПб.: ИИМК РАН, 2007. С. 251–262.

Кореняко В.А. О социологической интерпретации памятников бронзового века (погребения бегазы-дандыбаевского типа) // СА. 1990. № 2. С. 28–40.

Кузнецова Э.Ф., Тепловодская Т.М. Древняя металлургия и гончарство Центрального Казахстана. Алматы: Гылым, 1994. 207 с.

Кушаев Г.А. Ранние погребения Алакульской впадины // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968. С. 142–145.

Ломан В.Г. Донгальский тип керамики // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 1987. С. 115–129.

Ломан В.Г. К датировке донгальского типа керамики // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Кн. 1. Барнаул, 2003а. С. 290–293.

Ломан В.Г. Общность культур переходного времени от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку // Международное XVI Ураль-

ское археологическое совещание. Пермь, 2003б. С. 82–84.

Максимова А.Г. Подбойные захоронения сакского времени // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969. С. 136–145.

Пяткин Б.Н. Некоторые вопросы металлургии эпохи бронзы Южной Сибири // Археология Южной Сибири. Вып. 9. Кемерово, 1977. С. 22–33.

Таиров А.Д. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н.э. Челябинск: Изд-во ЮурГУ, 2007. 274 с.

Тишкин А.А. Этапы развития бийкенской культуры Алтая // Теория и практика археологических исследований. Вып. 3. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2007. С. 146–158.

Хаврин С.В. Металл скифских памятников Тувы и кургана Аржан // Степи Евразии в древности и средневековье. Мат-лы конф. Кн. 2. СПб.: ИИМК РАН, 2003. С. 171–173.

Хаврин С.В. Спектральный анализ бронзовых изделий скифского времени Саяно-Алтая и проблемы хронологии тагарской культуры // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Мат-лы конф. Красноярск: КГПУ им В.П. Астафьева, 2005. С. 96–98.

Хаврин С.В. Анализ состава раннескифских бронз Алтая // Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. I: Раннескифское время. Барнаул: Азбука, 2008. С. 173–178.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 272 с. (МИА; № 88).

Чугунов К.В. Выделение погребальных памятников аржанского этапа в Туве // Вторые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Тез. конф. Ч. 2. Омск, 1992. С. 78–79.

Чугунов К.В. Абсолютная хронология тагарской культуры – взгляд извне // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Мат-лы конф. Красноярск: КГПУ им В.П. Астафьева, 2005. С. 102–104.

Чугунов К.В. Синхронизация культур начала раннескифского времени Центральной Азии, Южной Сибири и Казахстана // Современные проблемы археологии России. Мат-лы Всерос. археологического съезда. Т. II. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. С. 69–71.

ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ХРОНОЛОГИИ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА БАШКИРСКОГО ПРИУРАЛЬЯ В РАМКАХ КАЗБУРУНОВСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МИКРОРАЙОНА

© 2014 г. И.А. Шутелева[1], Н.Б. Щербаков[1], М. Радивоевич[2], Э. Перника[3]

1 Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Уфа (shutelevai@gmail.com; sherbakov@rambler.ru)
2 Институт археологии Университетского колледжа Лондона, Лондон, Великобритания (m.radivojevic@ucl.ac.uk)
3 Институт доистории и ранней истории и археологии средневековья Тюбингенского университета К. Эберхарда, Тюбинген, Германия (ernst.pernicka@uni-tuebingen.de)

Ключевые слова: археология позднего бронзового века, абашевская, срубная, алакульская и андроновская археологические культуры, междисциплинарные методы археологических исследований.

Резюме. Поздний бронзовый век на территории Южного Приуралья связан с большим количеством археологических культур и групп населения: абашевского, срубного, алакульского и андроновского. Взаимодействие этих групп населения создает особую, смешанную, материальную культуру, имевшую локальные особенности. Традиционная концепция позднего бронзового века объясняла такое культурное разнообразие преемственностью абашевской, срубной и андроновской культур, что привело к созданию хронологических шкал в 1970–1980-е гг. Однако после применения комплекса междисциплинарных методов было доказано, что эти выводы не полностью корректны и требуют пересмотра и создания «новой», основанной на радиоуглеродном и изотопных методах, хронологии памятников эпохи позднего бронзового века Башкирского Приуралья, как в пределах одного Казбуруновского археологического микрорайона, так и с последующей экстраполяцией этих данных на всю территорию Южного Приуралья.

С абашевской, срубной и андроновской культурами в регион проникает технология изготовления бронзы. Крупнейшими рудниками региона являются Каргалинские (Черных, 2002). Процессы взаимодействия культур, протекавшие в обширном по площади регионе (свыше 120 тыс. км^2), нашли отражение в археологическом микрорайоне бассейна р. Уршак. Традиционная концепция позднего бронзового века объясняла такое культурное разнообразие преемственностью абашевской, срубной и андроновской культур, что привело к созданию хронологических шкал в 1970–1980-е гг. (Горбунов, 1986, 1992; Обыденнов, Обыденнова, 1992).

Однако после применения комплекса междисциплинарных методов (радиоуглеродного датирования, палеопочвоведения, трасологии, остеологического анализа, металлографического анализа бронз, применения методов спектрального и технико-технологического анализа керамики и т.д.) было доказано, что эти выводы не полностью корректны (Шутелева, Щербаков, 2013; Shcherbakov, Shuteleva, Golyeva et al., 2013).

В мировой археологической науке применение междисциплинарных методов стало широко применяться со второй половины 1990-х гг. (Dvorakova, 2010; Mulder, Deweirdt, 2012; Oinonnen et al., 2012; Palo et al., 2012; Holstein et al., 2013; Parson et al., 2013; Roberts, Uckelmann, Brandherm, 2013).

Особенность археологических объектов Южного Приуралья – в синкретичности археологических источников: материалы абашевской, срубной, алакульской и федоровской археологических культур на памятниках находятся в одном слое, залегают совмест-

но. Эти признаки являются ведущими и для территории бассейна р. Уршак, выделяемого нами археологического микрорайона позднего бронзового века. В него входят Мурадымовское поселение, Усмановские I–III поселения, Казбуруновский I курганный могильник (Обыденнова, Шутелева, Щербаков, 2008; Шутелева, 2010; Шутелева, Щербаков, Горшков, 2010; Морозов, Шутелева, Щербаков, 2011; Шутелева, Щербаков, 2012).

Проведение стационарных работ на могильнике в 2012–2013 гг. позволило выявить еще одно поселение, расположенное прямо на площадке могильника, а также Казбуруновский IV курганный могильник. Таким образом, представляется возможным говорить о выделении Казбуруновского археологического микрорайона в междуречье рек Дема и Уршак площадью 2657 км^2, включающем 44 поселения и 16 курганных могильников. В пользу данного предположения говорят и результаты радиоуглеродного датирования ряда этих памятников (Beta Analytic: 1890–1750 BC) (Обыденнова и др., 2008; Shcherbakov, Leonova, Shuteleva, 2011; Шутелева, Щербаков, 2013; Shcherbakov, Shuteleva, Golyeva et al., 2013).

Результаты палеопочвенного анализа позволили синхронизировать Усмановское II и Мурадымоское поселения. Установлено, что Усмановское III поселение на ранних этапах совпадает с функционирование первых двух, а завершает свое существование иной культурной традицией. Проблемы формирования устойчивых культурных традиций были освещены на основании результатов технико-технологического анализа керамического комплекса (Sherbakov et al., 2010; Shcherbakov, Shuteleva, Leonova et al., 2013).

В поселении Усманово III начальные стадии обживания совпадают с Усмановоским II поселением, но в верхней части (заключительные стадии жизни на поселении) существенно различаются. Это свидетельствует о кардинальном изменении типа хозяйствования на поселении, а возможно, говорит и о смене культурной принадлежности его жителей.

Технико-технологический анализ керамики, проведенный Н.П. Салугиной и Л.А. Краевой, также показал наличие двух культур традиций в изготовлении керамики и позволил определить пять вероятных мест древних глинищ (Shcherbakov, Shuteleva, Leonova et al., 2013).

Полученные антропологические материалы позволили выявить как вероятные причины смерти погребенных, так и их палеоболезни.

Таким образом, представляется возможным констатировать, что требуется дальнейшее изучение Казбуруновского курганного комплекса и вновь выявленного Усмановского III поселения и проведение всего спектра междисциплинарных методов исследования (AMS-датирования, aDNA-анализов, геомагнитного зондирования, палеопочвоведения, палеоантропологии и технико-технологического анализа керамики).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Горбунов В.С. *Абашевская культура Южного Приуралья. Уфа: Изд-во Башк. ГПИ, 1986. 96 с.*

Горбунов В.С. Бронзовый век Волго-Уральской лесостепи. Уфа: *Изд-во Башк. ГПИ*, 1992. 223 с.

Морозов Ю.А., Шутелева И.А., Щербаков Н.Б. Новые материалы погребального комплекса срубно-алакульского населения Башкирского Приуралья из Казбуруновского I могильника // Тр. III Всерос. археологического съезда. Т. I. Великий Новгород; Старая Русса, 2011. С. 256–258.

Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т. Северо-восточная периферия срубной культурно-исторической общности. Самара: Изд-во «Самар. ун-т», 1992. 173 с.

Обыденнова Г.Т., Шутелева И.А., Щербаков Н.Б. Интеграция археологических и естественнонаучных методик для изучения контактных зон срубных и алакульских этнокультурных общностей эпохи поздней бронзы Южного Приуралья на примере Мурадымовского поселения // Поселение как исторический источник: (теоретические и методические подходы к изучению поселений в современной археологии). Мат-лы конф. М.: ИА РАН, 2008. С. 20–23.

Обыденнова Г.Т., Шутелева И.А., Щербаков Н.Б., Хохлова О.С., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В. Некоторые результаты применения комплексного подхода при изучении памятника позднего бронзового века Башкирского Приуралья – Мурадымовского поселения // Тр. II (XVIII) Всерос. археологического съезда в Суздале. Т. I. М.: ИА РАН, 2008. С. 435–438.

Черных Е.Н. Каргалы. М.: Языки славянской культуры, 2002. 112 с.

Шутелева И.А. Отчет об археологических раскопках курганного могильника Казбуруновские I курганы в Аургазинском р-не Республики Башкортостан в 2009 г. // Архив ИА РАН. 2009. Р-1.

Шутелева И.А., Щербаков Н.Б., Горшков К.А. Казбуруновский I курганный могильник: сакральный комплекс срубно-алакульского населения Башкирского Приуралья (первоначальные результаты исследования) // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология. Уфа, 2010. С. 178–182.

Шутелева И.А., Щербаков Н.Б. Опыт применения 3D-реконструкций в археологическом исследовании памятников эпохи позднего бронзового века на территории Башкирского Приуралья // Археология и геоинформатика. Мат-лы конф. М.: ИА РАН, 2012. С. 48.

Шутелева И.А., Щербаков Н.Б. Проблемы периодизации и датирования синкретичных археологических комплексов позднего бронзового века в рамках археологического микрорайона Центральной Башкирии // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы. Мат-лы конф. СПб.: ИИМК РАН, 2013. С. 95–101.

Dvorakova E. Dating the Romanesque mural paintings and the Ducal Rotunda of St. Catherine, in Znojmo: New Discoveries (2010) // Interdisciplinaria Archaeologica: Natural science of archaeology. 2010. № 1–2. P. 99–104.

Holstein I., Rogers P., Craig O., Penkman K., Newton J., Collins M. Isotopic provenancing strategies for historical artefacts of organic raw materials // XIX Annual Meeting of European Association of Archaeologists. Pilsen, 2013. P. 390.

Mulder G., Deweirdt E. L'organisation interne des champs d'urnes en Flandre. L'exemple de Destelbergen / Eenbeekeinde // Intern. Kolloquim zur Bronzezeit. Darmstadt, 2012. P. 125–147.

Oinonnen M., Mannermaa K., Onkamo P., Palo J., Putkonen M., Sundell T., Wessman A., Sajantila A. Levanluhta water burial in the light of bone collagen isotopic ratios // XVIII Annual Meeting of European Association of Archaeologists. Helsinki, 2012. P. 103–104.

Palo J., Onkamo P., Sundell T., Neuvonen A., Putkonen M., Sajantila A. Fennoscandian Population history in the light of genetic evidence // XVIII Annual Meeting of European Association of Archaeologists. Helsinki, 2012. P. 105.

Parson W., Bauer C.M., Bonder M., Niederstätter H., Niederwieser D., Huber G., Hatzer-Grubwieser, Holubar K. Molecular genetic investigations on Austria's patron saint Leopold III // XIX Annual Meeting of European Association of Archaeologists. Pilsen, 2013. P. 394.

Roberts B., Uckelmann M., Brandherm D. Old father time: the Bronze Age chronology // The European Bronze Age. Oxford, 2013. P. 17–46.

Sherbakov N., Shuteleva I., Obydennova G., Balonova M., Khohlova O., Golyeva A. Some Results of the Application of a Complex Approach to the Research of the Late Bronze Age Muradymovo Settlement in the Volgo-Ural Region // Interdisciplinaria Archaeologica – Natural Sciences in Archaeology. 2010. V. I. Issue 1–2. P. 29–36.

Sherbakov N., Leonova T., Shuteleva I. The Southern Urals barrow burial ground of the Late Bronze Age: the complex of Alakul and Srubnay crossculturel actions (initial results) // Emergence of Bronze Age Societies – A Global Perspective. Meeting Abstract (with) Baoji Museum of Bronzes, Shaanxi province, China, 2011. P. 149–153.

Shcherbakov N., Shuteleva I., Golyeva A., Lunkov V., Kraeva L. The archaeological artifacts complex as reflection of intercultural exchange of the Late Bronze Age tribes of the Southern Urals // Abstracts of 19th annual meeting of European Association of Archaeologists. Pilzen, 2013. P. 319.

Shcherbakov N., Shuteleva I., Leonova T., Golyeva A., Lunkova V., Kraeva L. The Ceramic Complex as Reflection of Intercultural Exchange of the Late Bronze Age of the Southern Transurals // Abstract Booklet. Creativity: An Exploration through the Bronze Age and Contemporary Responses to the Bronze Age. Intern. Conf. Cambridge: Magdalene College, University of Cambridge, UK, 2013. P. 32–33.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

СЕКЦИИ 1 И 2

АмГУ – Амурский государственный университет
АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
АН СССР – Академия наук СССР
АО – Археологические открытия
БГПУ – Барнаульский государственный педагогический университет
БНЦ СО РАН – Бурятский научный центр СО РАН
БНЦ УрО РАН – Башкирский научный центр УрО РАН
ВА – Вопросы антропологии
ВСЕГЕИ – Всероссийский научно-исследовательский геологический институт
ГИ КНЦ РАН – Геологический институт Кольского научного центра РАН
ГИМ – Государственный исторический музей
ДВО РАН – Дальневосточное отделение РАН
ДВФУ – Дальневосточный федеральный университет
ДНЦ РАН – Дагестанский научный центр
ЗабГГПУ – Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет
ИА АН РТ – Институт археологии АН РТ
ИА АН РУз – Институт археологии Академии наук Республики Узбекистан
ИА МАН – Институт археологии Монгольской академии наук
ИА НАНУ – Институт археологии Национальной академии наукУкраины
ИА РАН – Институт археологии РАН
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии СО РАН
ИГ РАН – Институт геологии РАН
ИГУ – Иркутский государственный университет
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
ИИФиФ СО АН СССР – Институт истории, филологии и философии СО АН СССР
ИИЯЛ УНЦ РАН – Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН
ИОН БНЦ СО РАН – Институт общественных наук БНЦ СО РАН
ИПОС СО РАН – Институт проблем освоения Севера СО РАН
ИрГТУ – Иркутский государственный технический университет
ИФ-ХиБПП РАН – Институт Физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН
ИЭЧ СО РАН – Институт экологии человека СО РАН
ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН – Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН
КалмГУ – Калмыцкий государственный университет
КарНЦ РАН – Карельский научный центр РАН
КГПИ – Куйбышевский государственный педагогический институт
КемГУ – Кемеровский государственный университет
КККМ – Красноярский краевой краеведческий музей
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
МарНИИЯЛИ – Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева
МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН

МГУ – Московский государственный университет
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
НА УНЦ РАН – Научный архив Уфимского научного центра РАН
НАН – Национальная академия наук
НИИ при СМУдмАССР – Научно-исследовательский институт при Совете Министров Удмуртской АССР
НПЦ – Научно-производственный центр
НТГПИ – Нижнетагильский государственный педагогический институт
ОАН – объект археологического наследия
ОГПУ – Оренбургский государственный педагогический университет
ОмГУ – Омский государственный университет
ПГПУ – Пензенский государственный педагогический университет
ПГПУ – Пермский государственный педагогический университет
РА – Российская археология
РАН – Российская академия наук
РГО – Русское географическое общество
РГПУ им. А.И. Герцена – Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СамГПУ – Самарский государственный педагогический университет
СВКНИИ ДВО РАН – Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт ДВО РАН
СГУ – Саратовский государственный университет
СНЦ РАН – Самарский научный центр РАН
СО АН СССР – Сибирское отделение АН СССР
СО РАН – Сибирское отделение РАН
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
СЭ – Советская этнография
ТГОМ – Тверской государственный объединенный музей
ТГУ – Томский государственный университет
ТИГ ДВО РАН – Тихоокеанский институт географии ДВО РАН
ТИЭ АН СССР – Труды Института этнографии АН СССР
УрГУ – Уральский государственный университет
УрО РАН – Уральское отделение РАН
УГПИ – Уссурийский государственный педагогический институт
УИИЯЛ – Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО АН СССР
ХКМ – Хабаровский краевой музей
ХНЦ ДВО РАН – Хабаровский научный центр ДВО РАН
ЦСН – Центр сохранения наследия
ЧГПИ – Читинский государственный педагогический институт

СЕКЦИЯ 3

АВЕС – Археология Восточно-Европейской степи. Саратов.
АВ – Археологические вести. СПб.
АГУ – Алтайский государственный университет
АО – Археологические открытия. М.
БГПУ – Башкирский государственный педагогический университет

ВГУ – Волгоградский государственный университет
ВДИ – Вестник древней истории. М.
ВНУ – Восточно-Украинский национальный университет им. В. Даля
ГИМ – Государственный Исторический музей
ДДУ – Днепропетровский государственный университет (Дніпропетровськиї державниї університет)
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук.
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
ИГиМ СО РАН – Институт геологии и минералогии Сибирского отделения РАН
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
КГПУ – Куйбышевский государственный педагогический институт
КСИА – Краткие сообщения Института археологии. М.
МГОУ – Московский государственный областной университет
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
НТЦ – Научно-технический центр
ОГПУ – Оренбургский государственный педагогический университет
РА – Российская археология. М.
СА – Советская археология. М.
САИПИ – Сибирская Ассоциация исследователей первобытного искусства
СНУ – Восточно-Украинский национальный университет, г. Луганск.
СНЦ – Самарский научный центр РАН
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
СЭ – Советская этнография. М.
ТГУ – Томский государственный университет
ТИИАЭ – Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркм. СССР. Ашхабад.
ТМАрЭ – Труды Маргианской археологической экспедиции. М.
ТЮТАКЭ – Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад.

СЕКЦИЯ 4

ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии СО РАН
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
МГПУ – Московский государственный педагогический университет
НАН РК – Национальная академия наук Республики Казахстан
НГУ – Новосибирский государственный университет
ОГПИ – Оренбургский государственный педагогический институт
РА – Российская археология. М.
РАНИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
СА – Советская археология. М.
САИ – Свод археологических источников. М.; Л.
СамГПУ – Самарский государственный педагогический университет
СЭ – Советская этнография. М.
ЧелГУ – Челябинский государственный университет
УрГУ – Уральский государственный университет

СОДЕРЖАНИЕ

Организаторы IV (XX) Всероссийского археологического съезда ... 3
Оргкомитет IV (XX) Всероссийского археологического съезда ... 3
Пленарные доклады ... 5
Деревянко А.П., Шуньков М.В. Новейшие открытия на Алтае и распространение рода HOMO в Евразии ... 5
Ситдиков А.Г., Хузин Ф.Ш. Казанская археология: итоги, перспективы ... 8

Секционные доклады ... 11

Секция 1 Развитие культурных процессов в палеолите Северной Евразии ... 11

Александрова О.И. Трасологический анализ геометрических микролитов из раннемезолитического слоя пещеры Двойная на Северо-Западном Кавказе ... 11
Анойкин А.А. Палеолит Приморского Дагестана ... 17
Ахметгалеева Н.Б. Верхний слой позднепалеолитической стоянки Быки-7: к проблеме функциональной изменчивости или развития культурных традиций ... 21
Белоусова Н.Е. Ранневерхнепалеолитические каменные индустрии стоянки Кара-Бом (Горный Алтай) ... 25
Бужилова А.П. К вопросу о погребальных традициях в палеолите: антропологический анализ человека из Маркиной Горы (Костёнки XIV) ... 28
Верещагин С.Б. Новые финальноплейстоценовые жилища поселения Усть-Менза-1 (Забайкалье) ... 31
Виноградова Е.А. Характерные особенности каменного инвентаря верхнепалеолитической стоянки Каменная Балка II (основной слой) ... 36
Вишняцкий Л.Б., Очередной А.К., Нехорошев П.Е., Воскресенская Е.В., Хоффекер Дж., Холлидэй В.Т., Бурлаку В.А. Новые данные по хронологии среднего палеолита Русской равнины ... 41
Гаврилов К.Н., Воскресенская Е.В. К проблеме возникновения восточного граветта на Русской равнине ... 44
Гиря Е.Ю. Экспериментально-трасологические исследования ножей костёнковского типа ... 47
Голованова Л.В. Формирование и развитие культурных традиций в верхнем палеолите Кавказа ... 53
Деревянко А.П., Павленок К.К., Кандыба А.В. Финальное мустье Восточной Адриатики: каменная индустрия стоянки Биоче ... 56
Деревянко А.П., Цыбанков А.А., Кандыба А.В. Культуры каменного века Юго-Восточной Азии (по материалам памятников Вьетнама) ... 59
Дороничев В.Б. Премустьерский индустриальный комплекс в Европе ... 62
Дороничева Е.В. Модели использования каменного сырья в среднем и позднем палеолите Северного Кавказа ... 65
Желтова М.Н. Сопоставление жилых комплексов Костёнок-4 на основе данных планиграфического анализа ... 68
Житенев В.С. Красочные пигменты Каповой пещеры: археологические и естественно-научные исследования ... 70
Козликин М.Б. Верхнепалеолитические комплексы из восточной галереи Денисовой пещеры ... 73
Колобова К.А. Кульбулакская культура в контексте развития ориньякских индустрий Азии ... 76

Константинов М.В. Новые данные о палеолите на территории Забайкальского края 79

Кулаков С.А., Зейналов А.А., Идрисов И.А., Эйбатов Т.М., Мустафаев И.М., Сулейманов Т.Я., Авшарова И.Н. Новые данные о раннем палеолите Азербайджана 82

Леонова Н.Б. Верхнепалеолитическая каменнобалковская культура Северного Причерноморья – основные проблемы и принципы выделения на современном уровне 88

Лисицын С.Н. Культурная стратиграфия граветта в Костёнковско-Борщевском палеолитическом районе на Дону 91

Медведев С.П. Каменный инвентарь верхнего слоя Каменной Балки II: типологическая характеристика 94

Медникова М.Б. Среднепалеолитическое население Алтая по данным эволюционной антропологии 98

Мещерин М.Н. О характеристике каменной индустрии Мальты «классической» (по материалам собрания ГИМ 1956–1958 годов) 101

Ожерельев Д.В. Каменная индустрия многослойной раннепалеолитической стоянки Мухкай II (Дагестан) 105

Павленок Г.Д. Микропластинчатое расщепление в пред- и раннеголоценовых индустриях Западного Забайкалья (по материалам стоянки Усть-Кяхта-3) 109

Павленок К.К., Кривошапкин А.И. Специфика перехода к верхнему палеолиту в западной части Центральной Азии: индустрия стоянки Худжи 113

Плохенко Б.Г. Сравнительный анализ охотничьей деятельности на стоянках каменнобалковской культуры 116

Поляков А.В., Амзараков П.Б., Ковалева О.В., Васильев С.А., Ямских Г.Ю., Барышников Г.Ф., Гиря Е.Ю., Бурова Н.Д., Зубков В.С. Ирба-2: новый палеолитический памятник в предгорьях Саян 120

Румянцев М.М. Первые исследования0 палеолетической стоянки открытого типа Шульганово-4 в горно-лесной зоне Южного Урала 124

Рыбалко А.Г. Ранний палеолит Западного Прикаспия: новые данные 128

Рыбин Е.П. К выделению специфических форм артефактов в начале верхнего палеолита Южной Сибири и Монголии 132

Синицына Г.В. Формирование и развитие культур финального палеолита на Валдайской возвышенности 137

Славинский В.С. Каменная индустрия средней стадии верхнего палеолита Южной Сибири (по материалам стоянки Сафроновка-3) 140

Солдатова Т.Е. Изучение костяных индустрий ранней поры верхнего палеолита Европы: предварительные результаты 144

Сорокин А.Н. Костяной и роговой инвентарь стоянки и могильника Минино-2 (Московская область) 148

Степанова К.Н. Терочные плитки и «куранты» из Чулатово-2 153

Таймазов А.И. Новые материалы со стоянки олдована Айникаб-1: раскопки 2012–2013 годов 158

Тетенькин А.В. Стоянка Коврижка III в археологии Нижнего Витима и Байкало-Патомского Нагорья 163

Федорченко А.Ю. Технология изготовления каменных украшений в палеолите Ушковских стоянок (Камчатка) 169

Хайкунова Н.А., Симоненко А.А. Третий мыс (Каменная Балка-3) – многослойный памятник конца позднего палеолита 172

Хамакава М. Функционально-планиграфический анализ микродебитажа основного слоя стоянки Каменная Балка II 177

Хаценович А.М. К проблеме периодизации комплексов раннего верхнего палеолита в Северной Монголии 181

Шнайдер С.В. Специфика формирования мезолита Памиро-Алая (по материалам памятников Туткаул и Оби-Киик) ... 184

Шуньков М.В. Развитие ранних палеолитических традиций в Северной Азии ... 188

Щелинский В.Е. О культурно-стадиальной атрибуции каменной индустрии эоплейстоценовой раннепалеолитической стоянки Родники-1 (Западное Предкавказье) ... 191

Секция 2 Культурные процессы в раннем голоцене - мезолит, неолит, энеолит ... 195

Андреев К.М. Кремневая индустрия ранненеолитической елшанской культуры лесостепного Поволжья ... 195

Ахметова Е.А. Неолитические памятники горного течения реки Белой (Южный Урал) ... 198

Ахундов Т.И. Неолит центрального и восточного регионов Южного Кавказа ... 202

Батаршев С.В. Вознесеновская культура позднего неолита в Приморье: проблемы и перспективы изучения ... 205

Березина Н.С., Выборнов А.А., Королев А.И., Сидоров В.В., Ставицкий В.В. Культурные процессы в неолите Среднего Посурья ... 208

Бобров В.В., Юракова А.Ю. Боборыкинский комплекс в неолите Барабинской лесостепи ... 211

Борзунов В.А. Западная Сибирь – самый северный ареал укрепленных поселений неолита и первой половины эпохи бронзы ... 215

Бочарова Е.Н., Тимощенко А.А., Савельев Н.А. Комплекс археологических материалов из раннеголоценового горизонта местонахождения Сосновый Мыс (Северное Приангарье) ... 221

Васильева И.Н., Выборнов А.А. О динамике распространения ранненеолитических традиций в Волго-Камье ... 225

Вострецов Ю.Е., Пантюхина И.Е. Первые земледельцы на побережье Приморья: по данным исследования крахмала на орудиях ... 228

Выборнов А.А. Хронология культурных процессов в неолите Волго-Камья ... 231

Герман К.Э., Мельников И.В. Закономерности расселения древнего человека в каменном веке на территории Южного Заонежья (Республика Карелия) ... 234

Горюнова О.И., Номоконова Т.Ю., Лозей Р., Новиков А.Г., Вебер А.В. Радиоуглеродное датирование неолитических комплексов Приольхонья (по материалам многослойного поселения Саган-Заба II) ... 237

Гречкина Т.Ю., Выборнов А.А., Кутуков Д.В. Ранненеолитическая стоянка Байбек в контексте неолита Северного Прикаспия ... 240

Долбунова Е.В. Рыболовные конструкции среднего – позднего неолита (памятник Сертея I, Смоленская область) ... 243

Дубовцева Е.Н., Клементьева Т.Ю. Традиции керамического производства неолитического населения бассейна Конды ... 247

Еньшин Д.Н. Материалы поселения Мергень-7 в контексте проблематики козловско-полуденковских древностей Зауралья ... 251

Жилин М.Г., Савченко С.Н. Многослойные мезолитические стоянки Горбуновского торфяника ... 255

Жульников А.М., Тарасов А.Ю. К вопросу о керамике «переходного» типа (по материалам поселения Фофаново XIII) ... 259

Зайцева Г.И., Трифонов В.А., Дергачев В.А. Проблема неолитизации Западного Кавказа и изменение окружающей среды ... 263

Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., Семибратов В.П. Техника первичного расщепления горизонта 3А поселения Тыткескень VI ... 267

Клюев Н.А. Средний неолит континентального Приморья (по результатам исследований 2000-х годов) ... 272

Королев А.И., Шалапинин А.А. Соотношение чекалинской и токской керамики лесостепного Заволжья ... 276

Косорукова Н.В. Каменный инвентарь мезолитической стоянки Погостище-15 в бассейне озера Воже ... 281

Лозовский В.М., Лозовская О.В., Мазуркевич А.Н. Деревянные рыболовные конструкции в мезолите и неолите лесной зоны Восточной Европы ... 285

Лычагина Е.Л. Комплексный анализ каменного инвентаря неолитических памятников Верхнего и Среднего Прикамья ... 288

Мазуркевич А.Н., Лозовский В.М., Лозовская О.В., Зайцева Г.И., Кулькова М.А., Костылева Е.Л., Решко С.Д., Бурова Н.Д. Новые данные по радиоуглеродной хронологии неолита лесной зоны европейской части России ... 290

Медведев В.Е. Объемная скульптура в неолите Приамурья ... 293

Мерц В.К. Боборыкинский комплекс поселения Борлы (Северо-Восточный Казахстан) ... 297

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Пилипенко А.С., Трапезов Р.О. Неолитический погребальный комплекс Венгерово-2А в Западной Барабе: результаты междисциплинарных исследований ... 302

Морева О.Л. Поздненеолитическая керамика Южного Приморья: к проблеме формирования хасанского варианта зайсановской культуры ... 307

Морозов В.В. Проблема соотношения накольчатых и гребенчатых типов керамики в неолите Икско-Бельского междуречья (по материалам стоянки Гулюковская I) ... 311

Мосин В.С. Неолит Зауралья: хронология и социокультурное пространство ... 317

Недомолкина Н.Г. Ранненеолитические комплексы Верхней Сухоны ... 321

Никитин В.В. Итоги изучения культуры гребенчато-ямочной керамики Марийско-Казанского Поволжья ... 324

Острирова Е.С. Особенности раннекерамических комплексов Южной Америки (на примере Амазонии и Эквадора) ... 327

Панина С.Н. Фрагмент сакрального пространства эпохи энеолита у подошвы Усть-Вагильского холма в лесном Зауралье ... 330

Погодин А.А. Погребальный обряд мезонеолитического населения севера Западной Сибири ... 334

Пономаренко А.К. О переходном периоде от раннего к развитому неолиту на Камчатке ... 336

Разгильдеева И.И., Яншина О.В. Керамические комплексы Западного Забайкалья: проблемы хронологии ... 339

Савченко С.Н., Жилин М.Г. Костяная индустрия мезолитических стоянок Горбуновского торфяника ... 342

Сергушева Е.А. Эволюция просяного земледелия в Восточной Азии и на ее периферии в неолите по данным археоботаники ... 347

Скакун Н.Н., Терехина В.В., Цвек Е.В. К вопросу о специализации кремнеобработки в трипольской культуре (по материалам поселения Бодаки) ... 351

Табарев А.В. Культурный и палеоэкономический аспекты появления древнейшей керамической посуды на востоке Евразии и в Южной Америке (Колумбия, Эквадор) ... 354

Тупахин Д.С. Энеолит на севере Западной Сибири: основные проблемы изучения ... 357

Усачева И.В. Информативные возможности жилищ для реконструкции социально-экономических отношений в неолите (на материалах сосновоостровской культуры) ... 359

Хорошун Т.А. К вопросу о культурно-хронологической атрибуции керамических комплексов на памятниках позднего неолита – раннего энеолита Южной Карелии ... 362

Цветкова Н.А. Культурная история Верхневолжского региона в контексте раннего неолита центральной части Европейской России 367

Цетлин Ю.Б. Формирование древнейшего гончарства: механизмы и результаты 370

Шевкомуд И.Я. Неолит и палеометалл в Нижнем Приамурье: сценарий палеоэтнокультурного развития 373

Шипилов А.В. Характеристика и хронология керамики новоильинского типа в Икско-Бельском междуречье 379

Шорин А.Ф., Вилисов Е.В. Каменный инвентарь Кокшаровского холма: типология, интерпретация 383

Шорина А.А., Шорин А.Ф. Неолитическая керамика с фигурными налепами с Кокшаровского холма и Юрьинского поселения 386

Шумкин В.Я. Культурно-исторические процессы в каменном веке Северной Фенноскандии 391

Юдин А.И. Культурно-хронологические комплексы Варфоломеевской неолитической стоянки 394

Секция 3 Энеолит – эпоха средней бронзы 398

Атаев Г.Д. О связях населения равнинно-предгорных областей северо-восточного Кавказа со степными племенами в эпоху средней бронзы 398

Балабина В.И., Мишина Т.Н. Энеолитический поселок Телля Юнаците: планиграфия, стратиграфия, контекстные характеристики 401

Волков П.В. Хирургический инструментарий и процесс трепанации черепа в эпоху бронзы 407

Гак Е.И., Борисов А.В. Новые подходы к определению типов скотоводческих поселков эпохи средней бронзы в восточноевропейской лесостепи 410

Гей А.Н. Колесный транспорт степных скотоводов эпохи бронзы: конструкции и реконструкции 413

Грушин С.П. Уткульская» группа памятников бронзового века в Верхнем Приобье 416

Добровольская М.В. Данные изотопного и элементного анализа (к реконструкции мобильности степных обществ эпохи бронзы) 420

Дубова Н.А. Погребения животных и связанные с ними ритуалы на памятнике эпохи бронзы Гонур Депе в Туркменистане 424

Еганян Л.Г. Проблема индоевропейской прародины и археологические основания общеиндоевропейской мифологии в III тыс. до н. э. (по материалам святилища Мец Сепасар) 428

Ивашов М.В. Особенности расселения племен катакомбной культуры эпохи бронзы на Верхнем Дону 431

Кирчо Л.Б. Стратиграфия поселений-тепе эпохи палеометалла юго-запада Средней Азии и проблемы абсолютной хронологии 435

Кирюшин К.Ю., Кирюшина Ю.В. Керамика с орнитоморфным орнаментом поселения Новоильинка III 439

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю. К вопросу о культурной принадлежности ранних погребений могильника Тузовские Бугры-1 443

Клещенко А.А. Северокавказско-новотиторский культурный симбиоз в Предкавказье 448

Ковалева В.Т. К реконструкции обрядовой практики населения ташковской культуры нижнего Притоболья 452

Кореневский С.Н. Военно-элитарный символизм в погребальной практике 456

Лазаретов И.П. Погребальная скульптура в контексте окуневской изобразительной традиции 459

Марченко Ж.В., Молодин В.И., Гришин А.Е., Орлова Л.А. Погребальные комплексы с предметами сейминско-турбинского и кенкольского типов в Барабинской лесостепи (Западная Сибирь) и их радиоуглеродная хронология 463

Мельник В.И. Межкультурные контакты эпохи средней бронзы в восточных районах степного правобережья Кубани ... 469

Моргунова Н.Л. К проблеме происхождения ямной культуры Волжско-Уральского междуречья ... 471

Песочина Л.С. Палеоэкология эпохи бронзы в Волго-Донских степях ... 474

Поляков А.В. Объекты за пределами оград курганов окуневской культуры ... 478

Поплевко Г.Н. Техника выколотки и ручная лепка сосудов без использования гончарного круга ... 482

Пятых Г.Г. К выделению культур эпохи предклассовых обществ ... 486

Редников А.А. Керамические комплексы эпохи ранней бронзы на территории Кулундской равнины ... 489

Резепкин А.Д. Истоки и аспекты формирования эпохи ранней бронзы на Северном Кавказе ... 491

Сатаева Л.В. Растения в материальной и духовной культуре Бактрийско-Маргианского археологического комплекса ... 497

Стеганцева В.Я. Керамика западноманычской катакомбной культуры ... 500

Степанова Н.Ф. Проблема относительной хронологии афанасьевских памятников Енисея и Горного Алтая ... 503

Трифонов В.А., Шишлина Н.И. , Алексеев А.О., Калинин П.И., Конников С.Г., Нащекин А.В. Цвет в архитектуре дольменов Западного Кавказа ... 509

Турецкий М.А. К вопросу о хронологических рамках раннего этапа ямной культуры Волго-Уральского региона ... 513

Файзуллин А.А. К вопросу о мире детства в обществе ямной культуры Волго-Уралья ... 516

Секция 4 Финал эпохи средней бронзы, поздний бронзовый век и переход к раннему железному веку ... 520

Алаева И.П. Литейные формы алакульской культуры Зауралья (вопросы отражения уровня развития металлопроизводства) ... 520

Бахшиев И.И. Эпоха поздней бронзы восточных предгорий Южного Урала: культурная стратиграфия и хронология ... 525

Берсенева Н.А., Епимахов А.В. Фортификация поселения Каменный Амбар (Южное Зауралье) ... 531

Большов С.В. К вопросу реконструкции мифологического мировоззрения населения бронзового века севера Среднего Поволжья (по материалам абашевской культуры) ... 534

Бондаренко А.В. Нарушенные погребения эпохи бронзы Зауралья и Западной Сибири (по материалам федоровской культуры) ... 539

Горбенко К.В. Оборонительные сооружения укрепленного поселения эпохи финального бронзового века Дикий Сад ... 543

Гришин А.Е. Преднамеренно нарушенные погребения могильника кротовской культуры Сопка-2/4Б: к реконструкции мотивов постингумационного проникновения ... 548

Дегтярева А.Д. Металлургический очаг петровской культуры Южного Зауралья ... 552

Дубовцева Е.Н., Пантелеева С.Е. Технология производства керамики синташтинского типа (по материалам укрепленного поселения Каменный Амбар) ... 555

Дураков И.А. Процессы специализации цветной металлообработки в эпоху бронзы лесостепи Западной Сибири ... 558

Епимахов А.В. Потревоженные погребения бронзового века Южного Урала: факты и интерпретации ... 561

Зах В.А. Некоторые проблемы изучения переходного времени от бронзы к железу в Западной Сибири ... 564

Илюшина В.В. Гончарное производство населения федоровской культуры Нижнего Притоболья 567

Корочкова О.Н. О производящем центре эпохи бронзы в Среднем Зауралье 572

Корякова Л.Н., Краузе Р. Результаты междисциплинарного исследования укрепленных поселений эпохи бронзы в бассейне р. Карагайлы Аят (Южное Зауралье) 574

Краузе Р., Шарапова С.В., Штоббе А. Междисциплинарные исследования укрепленных поселений бронзового века Южного Зауралья: поселение Коноплянка 577

Кузнецова-Фетисова М.Е. Современное состояние изучения поздней столицы династии Шан (XIV-XI вв. до н.э.) под Аньяном в контексте бронзового века Китая 580

Кузнецов П.Ф. Время культур позднего бронзового века Поволжья (анализ радиоуглеродных датировок) 582

Кукушкин И.А., Ломан В.Г. Краткие итоги исследований элитных курганов эпохи бронзы Центрального Казахстана 584

Куприянова Е.В. Манипуляции с предметами в погребениях эпохи бронзы: ограбление или ритуал (по материалам могильника Степное-7) 588

Купцова Л.В. К вопросу о применении камня в погребальном обряде срубной культуры Южного Приуралья (по материалам памятников Западного Оренбуржья) 590

Ли Ган Бронзовые изделия Северного Китая и «оленные камни» 594

Лыганов А.В. К проблеме выделения культур первой фазы позднего бронзового века Волго-Камья 599

Мамонтов В.И. О погребениях типа «кенотаф» в срубной культуре 603

Медведев А.П. Исследование курганов в низовьях р. Елань в Воронежской области 606

Мимоход Р.А. Срубная культура Северо-западного Прикаспия 609

Минор О.В. К вопросу об украшениях эпохи поздней бронзы Южной Сибири 614

Молчанов И.В. Деревянные изделия из раскопок укрепленного поселения бронзового века Каменный Амбар (Ольгино) 619

Новоженов В.А. Разграбление могил как коммуникативный меседж 622

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. «Ограбление» могил в культурах эпохи бронзы степной и лесостепной Евразии 628

Полеводов А.В., Шерстобитова О.С. Время и место археологической культуры: к проблеме соотношения андроноидных древностей на территории Среднего Прииртышья 631

Потапов В.В. Хвалынская культура: проблемы западных рубежей 635

Рослякова Н.В. Варианты использования животных в погребальном обряде срубной культуры Самарского Поволжья 640

Салугина Н.П. Гончарство населения позднего бронзового века: к проблеме культурогенеза 643

Сидоров В.В. Поздняковская культура 646

Смирнов Н.Ю. Заместители черепов: к вопросу о происхождении одной традиции «ограбления» курганов в Туве 649

Соловьев Б.С. Юг лесного Поволжья на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века 651

Сотникова С.В. Погребения воинов-колесничих и культ священного напитка (по материалам памятников синташинского типа) 653

Спиридонов И.А. О металлообработке самусьско-кижировского типа: кельты 656

Тигеева Е.В. Соотношение тип – металл – технология в алакульских изделиях Среднего Притоболья 660

Тимушева И.М. Жилища эпохи бронзы на европейском Северо-Востоке 663

Ткачев Ал.Ал. Керамика в ритуальной практике населения пахомовской культуры 665

Ткачев В.В. Культурные комплексы западного фланга андроновской культурно-исторической общности в контексте археометаллургии и геоархеологии 668

Тугушев П.Е. Погребения ивановской культуры в Поволжье 672

Тюняев А.А. Археологические и антропологические маркеры азиатских маршрутов движения населения эпохи бронзы (мультидисциплинарный подход) 673

Усманова Э.Р. Символические погребения эпохи бронзы (по материалам могильника Лисаковской округи) 676

Чугунов К.В. Переход от эпохи бронзы к эпохе раннего железа на территории Саяно-Алтая (презентация концепции) 679

Шутелева И.А., Щербаков Н.Б., М. Радивоевич, Э. Перника Проблемы трансформации археологической хронологии позднего бронзового века Башкирского Приуралья в рамках Казбуруновского археологического микрорайона 684

Список сокращений 687